ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

Н. ДУБРОВИНЪ.

Томъ I.

Съ картою театра дѣйствій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.
1884.

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

«Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ и правителей; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ». (Манифестъ 15 декаб. 1763 г. П. С. З. № 11989).

Н. ДУБРОВИНЪ.

Томъ I.

Съ картою театра дѣйствій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

ГЛАВА I. Несогласія въ Яицкомъ войскѣ.—Раздѣленіе казаковъ на двѣ партіи.—Назначеніе слѣдственной коммиссіи.—Генералы Брахвельдъ и Потапов[illegible].—Полковникъ Полозовъ. — Генералъ Череповъ.— Прибытіе депутатовъ Яицкаго войска въ Москву. — Взглядъ императрицы на несогласія среди яицкихъ казаковъ. — Командированіе на Яикъ капитана Чебышева. — Его дѣятельность. — Атаманъ Тамбовцевъ. — Формированіе легіоновъ.—Отказъ казаковъ назначить команду въ составъ [illegible]іона. — Прибытіе депутатовъ въ Петербургъ [illegible] просьбы и рѣшенія императрицы.—Отправлен[illegible]а Яикъ капитана Дурново и генерала Давыдова 1

ГЛАВА II. Прибытіе Дурново въ Яицкій-городокъ. — Дѣятельность слѣдственной коммиссіи.—Неудовольствіе казаковъ.—Отправленіе сотника Кирпичникова депутатомъ въ Петербургъ.—Прошеніе казаковъ, поданное императрицѣ. — Перемѣна въ составѣ слѣдственной коммиссіи.—Генералъ Траубенбергъ.—Возвращеніе Кирпичникова въ Яицкій-городокъ.—Междоусобіе, среди котораго убиты Траубенбергъ и Тамбовцевъ, а Дурново раненъ.—Избраніе новыхъ правителей и просьба казаковъ о прощеніи. 46

ГЛАВА III. Безпорядки въ Яицкомъ войскѣ при новыхъ правителяхъ.—Дѣйствія оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа.—Мнѣніе государственнаго совѣта о необходимости преобразованія внутренняго строя войска.—Формированіе отряда подъ начальствомъ генералъ-маіора Фрейманa для усмиренія яицкихъ казаковъ. — Воззваніе Рейнсдорпа. — Сопротивленіе казаковъ. — Дѣйствія отряда Фрейманa.—Столкновеніе на рѣкѣ Ембулатовкѣ.—Занятія Яицкаго-городка.—Уничтоженіе войсковой канцеляріи, казачьяго круга и другихъ привилегій казаковъ. — Состояніе Яицкаго-городка. . . . 77

стр.

ГЛАВА IV. Назначеніе въ составъ Московскаго легіона казачьей команды отъ Волгскаго войска.—Формированіе команды. — Слухъ, что въ числѣ записавшихся находится императоръ Петръ III. — Волненія въ войскѣ Донскомъ. — Арестованіе войскового атамана Степана Ефремова и ссылка его. — Самозванецъ Богомоловъ и его сообщники: донскіе казаки Семенниковъ и Серединцевъ и малороссіянинъ Пѣвчевъ.—Происшествія въ Царицынѣ и въ станицахъ войска Донского.—Наказаніе Богомолова и ссылка его въ Сибирь.—Записка императрицы графу Чернышеву. — Мѣры, принятыя на Дону къ поимкѣ Семенникова. 104

ГЛАВА V. Происхожденіе Пугачева и его прошлое. — Пугачевъ въ Черкаскѣ, Таганрогѣ и на Терекѣ.—Возвращеніе домой. — Арестъ. — Бѣгство въ Польшу. — Пугачевъ у Коровки и на Добрянскомъ форпостѣ.—Отправленіе на рѣку Иргизъ. — Пугачевъ въ Малыковкѣ и Мечетной.—Поѣздка въ Яицкій-городокъ 132

ГЛАВА VI Пугачевъ въ Яицкомъ-городкѣ. — Разговоръ его съ казакомъ Пьяновымъ.—Принятіе имени Петра III.—Возвращеніе въ Малыковку.—Арестъ.—Отправленіе въ Казань. — Казанскія черныя тюрьмы. — Переводъ на тюремный дворъ. — Арестантъ Дружининъ.—Бѣгство изъ Казани. — Мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ. . 155

ГЛАВА VII. Пугачевъ на Таловомъ уметѣ признается «Ереминой курицѣ», что онъ государь Петръ III. — Свиданіе Пугачева съ яицкимъ казакомъ Григоріемъ Закладновымъ.—Результаты свиданія 172

ГЛАВА VIII. Положеніе яицкихъ казаковъ.—Приведеніе въ исполненіе приговора надъ виновными въ убіеніи генералъ-маіора Траубенберга.—Вѣсть въ городкѣ о появленіи императора Петра III на Таловомъ уметѣ; совѣщаніе казаковъ. — Посылка двухъ человѣкъ на Таловый уметъ. — Аудіенція Пугачева съ казаками Караваевымъ и Кунишниковымъ.—Поѣздка Пугачева въ Мечетную слободу.—Погоня.—Возвращеніе на Таловый уметъ 181

ГЛАВА IX. Свиданіе Пугачева съ казаками: Караваевымъ, Шигаевымъ, Чикою и Мясниковымъ.—Осмотръ царскихъ знаковъ. — Переселеніе Пугачева съ Таловаго умета въ хутора Кожевниковыхъ 196

ГЛАВА X. Знали-ли яицкіе казаки, что Пугачевъ самозванецъ.—Разговоръ Чики съ Караваевымъ.—Поѣздка на рѣку Усиху. — Признаніе Пугачева.—Жизнь на Усихѣ.—Первый тостъ за государя Петра III.—На чье содѣйствіе разсчитывалъ Пугачевъ 217

ГЛАВА XI. Дѣятельность въ Яицкомъ-городкѣ. — Приготовленіе знаменъ.—Посылка депутатовъ на рѣку Усиху.—Не-

стр.

обходимость въ бумажномъ человѣкѣ. — Иванъ Почиталинъ, первый секретарь Пугачева.—Пребываніе самозванца на Усихѣ открыто 225

ГЛАВА XII. Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ поимкѣ Пугачева.—Арестованіе Михаила Кожевникова.— Бѣгство самозванца съ Усихи въ Толкачевы хутора.— Прибытіе на Усиху посланнаго отъ киргизскаго хана.— Пребываніе Пугачева въ Толкачевыхъ хуторахъ.— Первый манифестъ самозванца. 239

ГЛАВА XIII. Положеніе края.—Характеръ населенія.—Число жителей. — Оборонительныя средства края. — Неудовольствіе башкирцевъ и всѣхъ вообще магометанъ.—Прокламація Батырши. — Возстаніе въ Башкиріи въ 1755 году.—Усмиреніе возстанія.—Надежды башкирцевъ на улучшеніе ихъ положенія въ будущемъ . . 248

ГЛАВА XIV. Краткая характеристика общества того времени.— Воспитаніе: школы, пансіоны и учителя-иностранцы.— Паденіе семейнаго начала.—Распущенность нравовъ.— Роскошь въ жизни и одеждѣ 273

ГЛАВА XV. Своеволіе и самоуправство.—Помѣщичьи наѣзды.—Грабежи и насиліе.—Карточная игра.—Взяточничество.— Сенатъ.—Суды.—Тяжебныя дѣла.—Отсутствіе правосудія и скораго рѣшенія дѣлъ. 304

ГЛАВА XVI. Помѣщичьи и заводскіе крестьяне. — Краткій очеркъ ихъ состоянія. — Притѣсненіе ихъ помѣщиками.—Побѣги, разбои, волненія и убійства помѣщиковъ . . 329

ГЛАВА XVII. Духовенство.—Его характеристика и нравственное состояніе.—Причины неудовольствія какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства. — Общій выводъ о состояніи общества передъ пугачевскимъ бунтомъ. 358

Приложенія 373

Алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. I

Событія, происшедшія внутри Россіи въ 1773—1774 годахъ и извѣстныя подъ названіемъ „Пугачевщины“, имѣютъ весьма обширную литературу. Надъ изученіемъ этой эпохи трудились многія лица: одни писали самостоятельныя изслѣдованія, другія же сообщали матеріалы, извлеченные не только изъ столичныхъ, но изъ губернскихъ и областныхъ архивовъ. Хотя большинство этихъ матеріаловъ разбросана по періодическимъ изданіямъ и газетамъ, преимущественно губернскимъ, тѣмъ не менѣе изслѣдователь всегда найдетъ возможность пользоваться ими, въ особенности при указаніи гдѣ и какого рода матеріалы онъ можетъ найти. Съ этою цѣлью въ концѣ предлагаемаго изслѣдованія приложенъ „*Библіографическій указатель статей и книгъ, относящихся до Пугачевскаго бунта*“, съ краткою оцѣнкою достоинства или недостатка каждой изъ статей.

Помѣщеніе такого указателя признано необходимымъ въ виду того, что во многихъ статьяхъ встрѣчаются неточности и ошибки, оговаривать которыя въ примѣчаніяхъ къ тексту не считалось удобнымъ.

Не смотря на обиліе печатнаго матеріала, въ немъ недостаетъ однакоже весьма многаго для полной характеристики событій и хода возстанія. Эти пробѣлы пополняются документами еще неизданными и, конечно, всего болѣе слѣдственнымъ дѣломъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками, дѣломъ весьма обширнымъ и досихъ поръ недоступнымъ для большинства изслѣдователей. Получивши разрѣшеніе пользоваться этимъ дѣломъ, я старался, сверхъ того, собрать и другія свѣдѣнія, относящіяся до Пугачевскаго

бунта, хранящіяся почти во всѣхъ архивахъ Петербурга и Москвы. При этомъ не могу не принести моей глубочайшей благодарности лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ собираніи матеріаловъ: академикамъ Я. К. Гроту и А. Ѳ. Бычкову, сообщившимъ нѣсколько документовъ изъ частныхъ архивовъ; начальникамъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Московскаго — барону Ѳ. А. Бюллеру и Петербургскаго — барону Д. Ѳ. Стуарту, также Н. А. Гюббенету и И. Я. Морошкину; начальнику сенатскаго архива П. И. Баранову, синодальнаго — Н. И. Григоровичу; архива главнаго штаба — Л. Г. Иванову и военно-ученаго — И. И. Ореусу. Не могу умолчать о томъ радушіи и содѣйствіи, которыя я встрѣчалъ со стороны лицъ, служащихъ въ Императорской публичной и академической библіотекахъ: В. П. и Б. П. Ламбиныхъ, А. А. Невельскаго и С. О. Балтармайки, которыхъ я весьма часто безпокоилъ своими справками и требованіями. Съ чувствомъ глубочайшей благодарности я вспоминаю о покойномъ начальникѣ Московскаго архива главнаго штаба Г. Н. Александровѣ, всегда подававшемъ руку помощи при розысканіяхъ въ архивѣ ему близко и хорошо извѣстномъ. Онъ не только указывалъ на дѣла, въ которыхъ могли быть отыскиваемыя свѣдѣнія, но самъ рылся въ бумагахъ, снималъ съ нихъ копіи и справлялъ, не нужны-ли документы хотя и не относящіеся прямо, но могущіе имѣть значеніе въ изучаемомъ событіи. Все это онъ дѣлалъ безвозмездно, изъ одной любви къ наукѣ, при плохомъ зрѣніи и удрученный тяжкими болѣзнями.

Только при обязательномъ содѣйствіи вышеупомянутыхъ лицъ я могъ изложить событія въ томъ видѣ, въ которомъ они являются въ настоящемъ трудѣ, состоящемъ изъ трехъ томовъ и карты театра дѣйствій.

I.

Несогласія въ Яицкомъ войскѣ. — Раздѣленіе казаковъ на двѣ партіи. — Назначеніе слѣдственной коммиссіи. — Генералы Брахвельдъ и Потаповъ. — Полковникъ Полозовъ. — Генералъ Череповъ. — Прибытіе депутатовъ Яицкаго войска въ Москву. — Взглядъ императрицы на несогласія среди яицкихъ казаковъ. — Командированіе на Яикъ капитана Чебышева. — Его дѣятельность. — Атаманъ Тамбовцевъ. — Формированіе легіоновъ. — Отказъ казаковъ назначить команду въ составъ легіона. — Прибытіе депутатовъ въ Петербургъ. — Ихъ просьбы и рѣшенія императрицы. — Отправленіе на Яикъ капитана Дурново и генерала Давыдова.

Въ началѣ 1767 года прибыли въ Москву, гдѣ въ то время находилась императрица, депутаты отъ Яицкаго (нынѣ Уральскаго) войска: казаки Петръ Герасимовъ и Иванъ Бочкаревъ съ товарищами. Они уполномочены были ходатайствовать о принятіи правительствомъ мѣръ къ прекращенію несогласій, возникшихъ въ войскѣ отъ злоупотребленій ихъ атамана и старшинъ.

Несогласія эти существовали съ давнихъ поръ [1]), но особенно усилились съ того времени, когда, въ 1752 году, Яицкое войско взяло на откупъ рыбные промыслы по всему теченію рѣки Яика (Урала), не исключая прибрежья Каспійскаго моря, и когда оно приняло на себя сборъ съ таможень, съ вина и тотъ доходъ, который получало правительство отъ продажи соленой рыбы.

Обязавшись платить въ казну ежегодно 10,450 р. 63⅝ к. откупной суммы, войско, на первый разъ, поручило сборъ этихъ денегъ своему атаману Андрею Бородину, съ тѣмъ чтобъ онъ, по

[1]) Они изложены весьма подробно г. В. Н. Витевскимъ въ его обширномъ изслѣдованіи: *Яицкое войско до появленія Пугачева* (см. *Русскій Архивъ* 1879 года). Мы касаемся исторіи Яицкаго войска на столько, на сколько это необходимо для объясненія событій 1773—1774 годовъ.

Явившись въ военную коллегію, Логиновъ разсказалъ всѣ злоупотребленія атамана и на столько успѣлъ расположить къ себѣ лицъ присутствовавшихъ въ коллегіи, что былъ произведенъ въ старшины и назначенъ членомъ въ войсковую канцелярію. «Хотяде, говорилось въ грамотѣ Яицкому войску [1]), о производимыхъ отъ нихъ другъ на друга жалобахъ, надлежало произвести слѣдствіе, но какъ коллегія не иное что̀ усматриваетъ только одно несогласіе, того для велѣно его, Логинова, ко исправленію дѣлъ съ прочими старшинами допустить, а чтобъ онъ былъ у атамана въ надлежащемъ послушаніи—въ томъ обязать подпиской».

Съ этою грамотой Логиновъ отправился на Яикъ, но атаманъ Бородинъ и его сотрудники, старшины: Мостовщиковъ и Мусатовъ, все-таки не приняли въ товарищество, ссылаясь на то, что Логиновъ, будучи лѣтами моложе ихъ, какъ пожалованный указомъ коллегіи, взялъ бы у нихъ старшинство. Озлобленный новымъ отказомъ, Логиновъ рѣшился стать во главѣ народной партіи и объявить войску, что старшины и атаманъ ведутъ дѣло нечисто и потому не хотятъ принять его въ товарищество по сбору войсковыхъ денегъ. Привести въ исполненіе такое рѣшеніе ему было тѣмъ удобнѣе, что войско находилось на плавнѣ, и слѣдовательно какъ разъ наступало то время, когда казакамъ приходилось платить за нойманную рыбу. Логиновъ отправилъ на плавню двухъ казаковъ, Андрея Панова и Григорія Михалина, съ увѣдомленіемъ, что указомъ военной коллегіи онъ пожалованъ старшиной и въ присутствіе въ войсковую канцелярію товарищемъ къ атаману Бородину, но онъ его не принимаетъ. При этомъ Логиновъ поручилъ посланнымъ объявить войску, что когда оно будетъ возвращаться съ плавни въ городъ, то не платило бы обыкновенныхъ съ подводъ сборовъ, потому что деньги эти атаманомъ Бородинымъ собираются напрасно, и пусть войско потребуетъ отъ него отчета въ прежнихъ сборахъ, отъ которыхъ должно быть въ остаткѣ много денегъ.

— Я во всемъ этомъ дѣлѣ буду вамъ помощникъ, говорилъ Логиновъ,—надѣйтесь на меня и я избавлю васъ отъ несправедливаго сбора.

---

[1]) Отъ 2 мая 1763 г. Госуд. Архивъ XX, № 50.

Войско готово было перейти на сторону Логинова, но при возвращеніи съ плавни оно, какъ и всегда было, остановилось в Кичиговой-лукѣ, верстахъ въ семи или восьми отъ города. Здѣсь по обычаю, казаки собрались въ кругъ для того, чтобъ увѣдомить правителей-старшинъ о приближеніи своемъ къ городу и выждать оттуда приказа атамана, по скольку съ каждой подводы положено будетъ сбора. Сюда же пріѣхалъ Логиновъ и, войдя въ кругъ увѣрялъ казаковъ, что платить съ подводъ имъ не слѣдуетъ.

— Платежъ этотъ, говорилъ онъ, — положенъ отъ старшинъ напрасно; каждый годъ сборъ этотъ отъ нихъ бываетъ, а отчета въ томъ, куда дѣваютъ деньги, они не даютъ.

Случившійся тутъ сторонникъ Бородина, старшина Иванъ Окутинъ, увѣрялъ казаковъ, что они должны платить попрежнему, а Логиновъ уговаривалъ ихъ не платить ни копѣйки.

— Я указный войсковой старшина [1]), говорилъ Логиновъ Окутину, показывая бумагу, — меня военная коллегія пожаловала въ сей чинъ и потому я тебя старше.

Между спорившѝми произошла ссора и каждый увѣрялъ другаго, что онъ его лучше и честнѣе [2]). На другой день пріѣхалъ въ Кичигову-луку войсковой дьякъ Матвѣй Суетинъ, посланный атаманомъ Бородинымъ объявить размѣръ платы съ каждой подводы. Опять поднялся споръ между имъ и Логиновымъ, утверждавшимъ, что платить не слѣдуетъ.

— Дайте отчетъ въ старыхъ сборахъ, говорилъ Логиновъ дьяку Суетину, — и если изъ нихъ никакого остатка нѣтъ и вся сумма въ расходѣ, тогда можно взять у всякаго дома изъ окошка и безо всякаго спора. А если прежнихъ сборовъ еще много въ остаткѣ, и лежатъ они безо всякаго употребленія, тогда сборъ этотъ будетъ лишній; а какъ онъ тягостенъ войску, то платить его и не слѣдуетъ.

Суетинъ и Окутинъ настаивали, чтобы сборъ былъ произведенъ попрежнему.

— Не платите ни полушки, говорилъ Логиновъ, обращаясь

---

[1]) То-есть, пожалованный указомъ военной коллегіи.

[2]) Показаніе казака Петра Нечаева, Госуд. Арх., VI, д. № 505.

къ казакамъ,—Бородинъ одинъ заплатитъ. Онъ собралъ съ войска много лишнихъ поборовъ и положилъ ихъ себѣ въ карманъ, оттого и отчета войску не даетъ.

Казаки объявили Суетину, что платить пошлины не будутъ до тѣхъ поръ, пока атаманъ со старшинами не дастъ во всѣхъ сборахъ отчета. Суетинъ отправился въ городокъ, а вслѣдъ за нимъ поѣхалъ Логиновъ и двинулось войско къ Чаганскому мосту, у котораго обыкновенно бывалъ сборъ денегъ. У моста казаки встрѣчены были атаманомъ Бородинымъ со всѣми старшинами и повѣренными сборщиками. Будучи увѣдомленъ Суетинымъ, что войско отказывается платить пошлину, Бородинъ пригласилъ съ собой священниковъ въ качествѣ свидѣтелей и, собравъ кругъ, объявилъ казакамъ, что сборъ обыкновенный непремѣнно заплатить надобно. Казаки отказывались.

— Если не заплатите, сказалъ Бородинъ, — то черезъ мостъ не пущу.

— Напрасно, Андрей Никитичъ, замѣтилъ на это Логиновъ,— вы сборъ налагаете...

— Ты, Иванъ Ивановичъ, перебилъ его Бородинъ, — всему этому причиной и ты все это дѣлаешь.

— Не я одинъ объ этомъ говорю и не я одинъ спорю, а желаетъ того войско: вотъ они, спросите ихъ сами.

Казаки зашумѣли; въ толпѣ поднялся говоръ.

— Мы васъ, Андрей Никитичъ, всѣ объ этомъ просимъ, слышались голоса изъ толпы, — не отягощайте насъ поборомъ и пожалуйте отчетъ въ прежнихъ доходахъ. Мы всѣ у васъ въ командѣ: когда доведется недостатокъ, такъ въ тѣ поры разложите, и мы заплатимъ все.

— Вотъ изволите слышать, подхватилъ Логиновъ, — и я съ ними васъ о томъ же прошу.

Бородинъ настаивалъ на своемъ и, отъѣхавъ къ мосту, грозилъ не пустить черезъ него ни одной подводы, пока не будетъ уплачена пошлина.

— Мы платить не будемъ, кричали казаки, — пускай заплатятъ атаманъ и старшины, а потомъ дадутъ отчетъ съ тѣхъ поръ, какъ взяли на откупъ учугъ (рыбную ловлю) и соляной сборъ.

— Я платить за войско не долженъ, отвѣчалъ Бородинъ, — да и отчета ни въ чемъ не дамъ. Войску до этого дѣла нѣтъ; вѣдь мы, старшины, стараемся объ откупѣ.

Видя, что атаманъ не уступаетъ, Логиновъ сталъ отбирать подписку, что никто пошлины платить не будетъ. Подписной листъ быстро покрывался фамиліями: грамотные подписывались сами, а неграмотные просили товарищей; почти все войско оказалось на сторонѣ Логинова.

— Андрей Никитичъ, говорилъ старшина Мироновъ, подъѣхавъ къ атаману, — всѣ казаки согласились съ Логиновымъ и подписываются, чтобы поборовъ не платить и состоять съ нимъ въ единомыслiи.

— Ну, дѣлайте что хотите, отвѣчалъ Бородинъ, махнувъ рукой, и поѣхалъ черезъ мостъ въ городокъ.

За нимъ двинулись атаманскій и старшинскій обозы, не платя ничего въ сундуки.

— Если атаманскій и старшинскій обозы поѣхали безъ платы, такъ и мы поѣдемъ, кричали казаки.

Бросивъ подписку, войско отправилось въ городокъ; пошлины не были уплачены, и среди казаковъ начался раздоръ [1]). Войско раздѣлилось на двѣ части, получившія каждая свое названіе: меньшая партія казаковъ, державшая сторону старшинъ, называлась *старшинскою* или *послушною*, а всѣ остальные казаки, приверженцы Логинова, назывались *войсковыми* или *непослушными*.

Бородинъ жаловался на непослушныхъ казаковъ военной коллегіи и писалъ, что они бунтуютъ. Онъ говорилъ, что причиной тому Логиновъ, «который нимало себя не смиряетъ и со старшинами вездѣ ссорится», а на послѣднихъ выборахъ «необычайно съ рундука соскочилъ, бѣгалъ и отъ казаковъ руки отбиралъ, чтобъ ѣхать, но для чего и куда,—неизвѣстно».

Съ своей стороны, старшины Логиновъ и Митрясовъ въ прошеніи, подписанномъ многими казаками, доносили коллегіи, что

---

[1]) Показанія казаковъ: Сидора Кандалинцева и Петра Нечаева. Государственный Архивъ, VI, д. № 505. См. также *Памятники новой русской исторіи*, т. II.

Бородинъ не даетъ имъ старшинства, не исполняетъ указовъ военной коллегіи, посылаетъ въ зимовыя станицы однихъ и тѣхъ же казаковъ и обираетъ войсковую казну. «По приказу помянутаго атамана Бородина, писали Логиновъ съ товарищами [1]), Яицкому войску чинятся разные излишніе денежные сборы, а сверхъ того, и имѣющійся въ Яицкомъ войскѣ соляной сборъ, съ коего-де получается въ годъ прибыли до 20,000 рублей, онъ, Бородинъ, со своими согласниками четвертый уже годъ содержитъ въ своемъ вѣдѣніи и тѣ прибыльныя деньги употребляетъ въ свою пользу».

Получивъ въ одно и то же время двѣ совершенно разнорѣчивыя жалобы, военная коллегія 19-го марта 1762 года постановила: «для справедливѣйшаго изслѣдованія всего того и обидимымъ удовольствія учредить при томъ войскѣ особую коммиссію», предсѣдателемъ которой былъ назначенъ генералъ-маіоръ Брахвельдъ и въ помощь ему даны: подполковникъ Ушаковъ, капитанъ Киреевскій и за аудитора прапорщикъ Иглеинъ [2]). Брахвельду приказано было строжайше изслѣдовать по всѣмъ пунктамъ жалобъ и «производить каждую матерію особо, дабы одно съ другимъ смѣшано не было».

Слѣдственная коммиссія не доѣхала еще до Яицкаго-городка, когда въ Петербургѣ получено было извѣстіе, что междоусобная вражда между казаками разгорается все болѣе и болѣе, и что обѣ стороны смотрятъ другъ на друга, какъ на личныхъ враговъ. Ставшій во главѣ войсковой партіи, старшина Логиновъ зорко слѣдилъ за всѣми поступками Бородина и его товарищей. Называя атамана воромъ и всѣ приговоры войсковой канцеляріи воровскими, Логиновъ совѣтовалъ казакамъ быть очень осторожными и не давать своего согласія на тѣ распоряженія атамана, которыя онъ считалъ подозрительными. Когда войсковая канцелярія составила ордеръ о сборѣ откупной суммы за Гурьевскіе учуги, то

---

[1]) Государственный Архивъ, XX, № 50.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ военной коллегіи отъ 31 марта 1763 года, № 72. У г. Витевскаго на стр. 241 (*Русскій Архивъ*, 1879 г., кн. III) сдѣлано совершенно невѣрное примѣчаніе. Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что авторъ, безъ всякаго основанія, отвергаетъ точное указаніе С. М. Соловьева и основывается на лѣтописи Рычкова, во многихъ случаяхъ составленной по слухамъ.

Логиновъ запретилъ казакамъ слушать этотъ ордеръ въ войсковомъ кругу.

Бородинъ снова жаловался военной коллегіи на противодѣйствіе ему Логинова и обвинялъ его въ кражѣ у поручика Марычева лошадей, а казаки жаловались на злоупотребленія атамана и просили взять въ слѣдственную коммиссію всѣ приговоры войсковой канцеляріи и разсмотрѣть ихъ.

Военная коллегія оба эти прошенія, 12 ноября 1762 года, отправила къ генералъ-маіору Брахвельду съ приказаніемъ изслѣдовать въ скорѣйшемъ времени и «буде по слѣдствію кто окажется хотя мало подозрительнымъ, онаго тотчасъ, какъ отъ команды, такъ и отъ присутствія въ войсковой канцеляріи отрѣшить».

Между тѣмъ, атаманъ Бородинъ употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы склонить на свою сторону членовъ коммиссіи. Онъ построилъ для Брахвельда конюшни, собралъ съ казаковъ въ пользу генерала рыбу и икру, и приказалъ съ каждаго десятка доставить для Брахвельда и капитана Киреевскаго по три воза сѣна. Угощая и подкупая въ свою пользу членовъ коммиссіи, атаманъ не могъ справиться только съ подполковникомъ Ушаковымъ, который держалъ себя въ сторонѣ, не ходилъ къ Бородину въ гости и не соглашался ни на какую взятку. Поведеніе Ушакова было причиной, что Брахвельдъ не могъ скрыть всѣхъ злоупотребленій, но старался представить ихъ въ самомъ слабомъ видѣ. Онъ донесъ, что всѣ безпорядки на Яикѣ происходятъ главнѣйшимъ образомъ отъ «одного другъ противъ друга властолюбія», отъ необузданной вольности, ведущей къ тому, что каждый рядовой казакъ желаетъ, чтобы дѣлать такъ, какъ ему хочется и какъ выгоднѣе [1]). Брахвельдъ писалъ, что Бородинъ дѣйствительно взялъ изъ войсковой суммы 1,900 руб. и отдалъ ихъ своему сыну Ѳедору Бородину и старшинѣ Максиму Пономареву; что коммиссія «не безсумнѣнія состоитъ» въ излишнемъ сборѣ атаманомъ за Гурьевскіе учуги и въ употребленіи тѣхъ денегъ «якобы на вой-

*

[1]) Донесеніе Брахвельда военной коллегіи отъ 7 января 1763 года.

сковыя нужды». Но, спрашивалъ Брахвельдъ [1]), какъ изъ состоящихъ въ войскѣ Яицкомъ старшинъ за способнаго никого не обрѣтается, а которые и есть, тѣ могутъ, по производящемуся слѣдствію и по счетамъ, до отрѣшенія дойтить, почему въ случаѣ отрѣшенія того атамана, кому войско поручить?» Военная коллегія приказала [2]), въ случаѣ открытія злоупотребленій Бородина, непремѣнно его смѣнить, и если некого будетъ выбрать атаманомъ, то потребовать изъ Оренбурга исправнаго и надежнаго пітабъ-офицера и дать ему въ помощь отъ Яицкаго войска двухъ человѣкъ достойныхъ старшинъ. Такое распоряженіе должно было показаться обиднымъ казакамъ и вызвать новые безпорядки, а потому Сенатъ не одобрилъ распоряженія военной коллегіи и предписалъ въ выборѣ новаго атамана предоставить войску поступать по даннымъ ему грамотамъ и указамъ.

Распоряженія эти не были приведены въ исполненіе. Генералъ-маіоръ Брахвельдъ затягивалъ дѣло и явно склонялся на сторону атамана. Онъ не дозволилъ Логинову ходить въ казачьи круги и устранилъ его отъ присутствія въ войсковой канцеляріи, а Бородину запретилъ только штрафовать и наказывать казаковъ, но не отрѣшилъ его отъ должности. Производя слѣдствіе, Брахвельдъ часто въ присутствіи шептался съ атаманомъ, заставлялъ казаковъ подписывать свои показанія, не давая имъ прочесть ихъ, а потому подписавшіе были увѣрены, «что не всѣ въ тѣхъ допросахъ казачьи рѣчи вписывались». Прапорщикъ Иглеинъ часто совѣщался со старшинами и не скрывалъ отъ нихъ показаній казаковъ. Столь пристрастное веденіе дѣла заставило повѣренныхъ отъ войска, старшину Ульянова и казака Черноморскаго съ товарищи, отказаться отъ участвованія въ коммиссіи, и слѣдствіе по необходимости было пріостановлено. Бородинъ попрежнему злоупотреблялъ своею властію, и Логиновъ, видя бездѣйствіе коммиссіи, рѣшился самъ ограничить власть атамана. Поставивъ свой сундукъ въ соляной конторѣ, онъ сталъ собирать деньги за со-

[1]) Донесеніе Брахвельда военной коллегіи отъ 10 января 1763 года. Госуд. Арх., XX, № 50.

[2]) Тамъ же.

леную рыбу и икру. Казаки несли пошлины къ Логинову, а не къ атаману, и рѣшили отправить депутатовъ въ Петербургъ. Собравъ съ каждаго человѣка по 30 коп., они послали въ столицу казаковъ Ульянова и Копѣечкина съ прошеніемъ, въ которомъ изложены были главнѣйшіе пункты злоупотребленій атамана и подъ которымъ подписались 2,800 человѣкъ.

Войско обвиняло Бородина: 1) въ удержаніи за два года пороха и свинца; 2) въ невыдачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья; 3) въ опредѣленіи въ войско сверхъ положеннаго числа старшинъ своихъ родственниковъ; 4) въ дозволеніи участвовать въ рыболовствѣ такимъ лицамъ, которыя въ казачью службу не употребляются; 5) въ излишнихъ денежныхъ сборахъ [1]); 6) въ отдачѣ сызранскимъ купцамъ, безъ общаго согласія, на откупъ кабаковъ; 7) въ невзысканіи по указу камеръ-коллегіи съ астраханскаго купца Туркина за содержаніе въ войсковыхъ дачахъ рыбныхъ ватагъ 4,000 р., коимъ срокъ давно уже прошелъ; 8) въ собраніи «наглостью своею» съ казаковъ, бывшихъ въ командировкѣ, 4,000 руб. [2]), изъ коихъ въ 3,000 рубляхъ признался, но платежа не учинилъ, и не признался въ тѣхъ деньгахъ, которыя взялъ съ казаковъ, бывшихъ въ Гурьевскомъ-городкѣ; 9) въ непорядочной ловлѣ рыбы въ зимніе мѣсяцы, подъ видомъ отправленія къ высочайшему двору, въ разбиваніи лучшихъ ятовей и въ употребленіи той рыбы въ свою пользу; 10) въ томъ, что родственники атамана въ зимнее время берутъ для рыболовства неслужащихъ въ казачьей службѣ людей и Бородинъ раздаетъ имъ свои ярлыки съ печатями на право рыбной ловли.

Въ заключеніе своей челобитной казаки просили дозволить имъ отъ каждыхъ ста человѣкъ выбрать повѣренныхъ такихъ,

---

[1]) Какъ-то: съ севрюжьей ловли, съ каждой подводы (коихъ бываетъ тысячъ до десяти) по 1 р. 80 к. Въ осеннюю плавню съ рыбачьихъ связокъ (коихъ бываетъ сотъ до пяти) по 4 и по 3 р. Въ обыкновенное багренье, чрезъ 7 лѣтъ, въ каждый годъ, съ каждаго казака по 3 р., по 2 р. 50 к. и по 2 р.; да съ севрюгъ же съ каждой сотни, кромѣ обыкновеннаго сбора, излишнихъ по 10 к. и съ икры съ каждой бочки по 1 р.

[2]) Въ 1758 году съ тысячи человѣкъ, бывшихъ на Сибирской пограничной линіи, по 3 р. съ каждаго, и въ 1759 году по 1 р. съ каждаго казака, бывшаго на Нижне-Яицкихъ форпостахъ.

которые хорошо знаютъ «существо дѣла», допустить Логинова къ присутствованію въ войсковой канцеляріи и назначить его депутатомъ въ слѣдственную коммиссію; Бородина отрѣшить ото всѣхъ дѣлъ и на мѣсто его опредѣлить наказнымъ атаманомъ надежнаго человѣка по выбору самихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ войско ходатайствовало и о смѣнѣ генералъ-маіора Брахвельда и всѣхъ членовъ коммиссіи и о присылкѣ новыхъ лицъ, *обязуясь указать послѣднимъ въ чемъ именно подозрительными находятся* Брахвельдъ, капитанъ Киреевскій и прапорщикъ Иглеинъ.

Въ февралѣ 1763 года Ульяновъ и Копѣечкинъ прибыли въ Москву и 13-го числа были введены въ присутствіе военной коллегіи, гдѣ изложили всѣ злоупотребленія Бородина и членовъ слѣдственной коммиссіи. Они говорили, что коммиссія явно покровительствуетъ атаману и старшинамъ, что она не приступала къ повѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ и не брала ихъ у атамана; что когда казакъ Кузнецовъ подалъ доношеніе о растратѣ Бородинымъ пороха и свинца и просилъ освидѣтельствовать запасы, то Брахвельдъ возвратилъ ему бумагу безо всякаго отвѣта и не сдѣлалъ никакого распоряженія. Ульяновъ и Копѣечкинъ убѣдительно просили защитить казаковъ и удовлетворить ихъ просьбамъ, изложеннымъ въ прошеніи.

Одновременно съ этимъ получено было прошеніе киргизъ-кайсацкаго Нуръ-Али-Хана, жаловавшагося, что Бородинъ притѣсняетъ его подвластныхъ и причиняетъ имъ разоренія. Императрица написала на прошеніи хана: «если впрямь оный атаманъ безпокойный человѣкъ, то лучше бы было его смѣнить», и передала это дѣло на разсмотрѣніе военной коллегіи.

Послѣдняя не признала возможнымъ допустить Логинова къ присутствованію въ слѣдственной коммиссіи и не дозволила выбрать отъ каждой сотни двухъ человѣкъ депутатовъ, а предоставила каждому казаку, самому за себя, представлять о своихъ обидахъ. «Но дабы то слѣдствіе, по дальнему отсюда разстоянію, въ перепискахъ долговременно продолжиться не могло... а паче въ разсужденіи того, чтобы по легкомыслію то войско, яко люди недовольно право знающіе, не учинили бы между собою какихъ нечаянныхъ ссоръ», коллегія, въ засѣданіи 11 марта 1763 года,

опредѣлила отозвать генералъ-маіора Брахвельда и всѣхъ членовъ коммиссіи изъ Яицкаго-городка. На мѣсто Брахвельда командированъ былъ находившійся при монетной экспедиціи генералъ-маіоръ Иванъ Потаповъ, въ помощь которому назначены: войсковой атаманъ Оренбургскаго войска Могутовъ, того же войска одинъ надежный старшина, одинъ штабъ-офицеръ, два оберъ-офицера и аудиторъ изъ оренбургскаго гарнизона.

Потапову поручено было разобрать по пунктамъ всѣ претензіи казаковъ, освидѣтельствовать запасы пороха и свинца, запечатать денежную казну и повѣрить приходо-расходныя книги. Производя слѣдствіе, по сущей справедливости и безъ всякой «попоровки» на ту или другую сторону, Потаповъ долженъ былъ прежде всего отрѣшить Бородина отъ присутствованія въ войсковой канцеляріи, Логинова за самовольный сборъ съ соленой рыбы и икры арестовать, и «какъ ему, Логинову, такъ атаману Бородину и прочимъ старшинамъ, кои отрѣшены будутъ, ни въ какія войсковыя дѣла и совѣты, ни подъ какимъ видомъ отнюдь, впредь до рѣшенія слѣдственнаго дѣла не вмѣшиваться и въ круги не ходить». Для удержанія войска въ повиновеніи и на случай ареста и содержанія виновныхъ подъ карауломъ, генералъ-маіору Потапову секретнымъ ордеромъ разрѣшено было потребовать изъ Оренбурга воинскую команду, «но однакоже оное чинить съ крайнимъ осмотрѣніемъ и довольнымъ разсужденіемъ, дабы напрасно людей походомъ не изнурить, а взятіемъ команды тому Яицкому войску къ какому бы непристойному разсужденію причины не подать».

Запретивъ Потапову вмѣшиваться во внутреннія дѣла войска, коллегія возлагала это на наказнаго атамана. И хотя указомъ Правительствующаго Сената и велѣно въ выборѣ атамана «поступать по даннымъ имъ грамотамъ и указамъ непремѣнно», но вслѣдствіе несогласій, въ какихъ находились между собою многіе старшины, сотники и казаки, Потапову приказано было отъ военной коллегіи [1]) выбрать изъ Оренбургскаго войска исправнаго старшину и опредѣлить его наказнымъ атаманомъ.

Этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ коллегіи депутаты были обижены

[1]) Въ опредѣленіи 11 марта 1763 г. Государственный Архивъ, XX, д. № 50.

и отъ имени войска просили дозволить имъ самимъ выбрать атамана. «Изъ приложенной челобитной, писала императрица князю Трубецкому [1]), усмотрѣла я, что яицкіе казаки недовольны тѣмъ командиромъ, который имъ отъ военной коллегіи данъ и представляютъ, что то учинено противъ ихъ привилегій и въ противность сенатскаго опредѣленія, которымъ опредѣлено выбрать имъ наказнаго атамана изъ ихъ общества. Того ради изволь о томъ справиться, и если то подлинно учинено противъ ихъ привилегій и имъ принадлежитъ выборъ командира, то дайте имъ по волѣ выбрать кого захотятъ».

Желаніе императрицы не было исполнено вполнѣ и Потаповъ, прибывъ въ Яицкій-городокъ, призналъ необходимымъ временно удалить отъ дѣлъ атамана Бородина и его помощниковъ: старшинъ Ивана Митрясова и Андрея Мостовщикова. Для временнаго управленія войскомъ онъ избралъ есаула Оренбургскаго войска Углецкаго, которому поручилъ исправлять должность атамана и въ помощь ему назначилъ дьяка Суетина и старшину Алексѣя Митрясова. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-маіоръ Потаповъ, собравъ казачій кругъ, приказалъ выбрать отъ войска 40 человѣкъ повѣренныхъ, которые бы могли доказать виновность старшинъ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, путемъ разспросовъ обѣихъ сторонъ и повѣркой книгъ и денежныхъ расходовъ, Потаповъ призналъ, что казаки войсковой партіи правы и что нѣтъ никакой возможности оправдать атамана и старшинъ. Представивъ свое заключеніе на утвержденіе военной коллегіи и прося о смѣнѣ должностныхъ лицъ, Потаповъ спрашивалъ войско, кого пожелаетъ оно имѣть своимъ атаманомъ: Суетина или Митрясова? Тогда Логиновъ и Копѣечкинъ отъ имени войска заявили, что атаманъ имъ не надобенъ, а просятъ только опредѣлить въ присутствіе съ войсковой стороны казака Осипа Ѳедорова, племянника Логинова, надѣясь, что онъ не измѣнитъ войску и будетъ слѣдить за старшинами Суетинымъ и Митрясовымъ. Зная Ѳедорова какъ человѣка молодаго и опасаясь, чтобъ онъ не внесъ еще бо́льшихъ

[1]) Въ собственноручной запискѣ отъ 9 мая 1763 г. Архивъ Канц. военнаго министерства, Высочайшія повелѣнія, книга № $^{51}/_{55}$.

раздоровъ, Потаповъ долгое время не соглашался и уступилъ только неоднократнымъ и усиленнымъ просьбамъ казаковъ. Опредѣливъ Ѳедорова въ войсковое присутствіе и отъѣзжая въ Петербургъ, Потаповъ говорилъ казакамъ, что до рѣшенія военной коллегіи онъ оставляетъ имъ вмѣсто атамана премьеръ-маіора Казанскаго драгунскаго полка Романа Новокрещенова, присланнаго съ командой въ Яицкій-городокъ для производства переписи. Новокрещеновъ тотчасъ же сошелся съ прежними и новыми старшинами, въ томъ числѣ и съ Ѳедоровымъ, надѣявшимся при содѣйствіи маіора сдѣлаться атаманомъ. Отдѣлившись отъ выбравшей его войсковой стороны и не слушая совѣтовъ дяди своего Логинова, Ѳедоровъ соединился съ Суетинымъ и Митрясовымъ и вмѣстѣ съ ними, подъ покровительствомъ маіора Новокрещенова, сталъ дѣлать войску разныя мелочныя притѣсненія.

Между тѣмъ, получивъ донесеніе Потапова, военная коллегія постановила атамана Бородина и его помощниковъ, старшинъ, лишить занимаемыхъ ими должностей и чиновъ и впредь ни въ какія должности не выбирать; взыскать съ нихъ третью часть удержаннаго ими у казаковъ жалованья [1]). Вмѣсто отрѣшеннаго атамана Бородина приказано было выбрать «вольными и согласными» голосами трехъ кандидатовъ, имена которыхъ представить военной коллегіи, а завѣдываніе дѣлами, до утвержденія новаго атамана, поручить выбраннымъ изъ старшинъ и казаковъ. Вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ декабрѣ 1765 года, повелѣвалось выдать удержанное жалованье *домосѣдной командѣ* и впредь выдавать таковое [2]), запрещалась самовольная рубка лѣса, подарки «знатнымъ персонамъ» и наемка казаковъ на службу. «При всякихъ отъ войска командированіяхъ, сказано въ указѣ, наряды въ службу отнынѣ впредь старшинамъ и казакамъ чинить по очереди, не обходя никого, для того, чтобы всѣ казаки воинской службы практику дѣйствительно знать могли,

---

[1]) По постановленію военной коллегіи, старшину Мостовщикова велѣно было, не лишая чиновъ, отставить отъ службы, а войсковаго дьяка Суетина написать въ есаулы.

[2]) Домосѣдною командой назывались тѣ казаки, которые по своимъ обязанностямъ не могли ѣздить на рыбную ловлю.

годными къ службѣ были». На обязанность атамана и старшинъ возложено было два раза въ годъ осматривать служащихъ казаковъ, ихъ оружіе и лошадей, вести имъ точные списки, и, въ случаѣ экстренныхъ командировокъ, когда требовался вполнѣ надежный командиръ, «не взирая на очередь, командировать по распоряженію войсковаго атамана и старшинъ, а *не по выбору войсковому*, ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали такихъ, которые попустительны и дѣлаютъ то, что казакамъ угодно».

Указъ не допускалъ никакихъ излишнихъ поборовъ съ войска. Откупную сумму велѣно было прежде всего пополнять изъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и соляныхъ доходовъ, и только въ случаѣ недостатка этихъ денегъ дозволялось прибѣгать къ сборамъ, но и тѣ производить безъ излишества, съ согласія всего войска, наблюдая общую пользу. Собраннымъ деньгамъ должна быть ведена самая тщательная и подробная отчетность.

Такое распоряженіе правительства произвело на казаковъ двоякое впечатлѣніе и было впослѣдствіи причиной новыхъ волненій на Яикѣ. На сколько казаки были доволны отрѣшеніемъ должностныхъ лицъ и вообще результатами слѣдствія генералъ-маіора Потапова, на столько же они были недовольны тѣмъ, что атаману предоставлялось право назначать командировъ безъ выбора и согласія казаковъ. Съ другой стороны, войско было озадачено указомъ военной коллегіи, по которому, вмѣстѣ съ отрѣшеніемъ старшинъ, велѣно было: Логинова сослать въ Тобольскъ, Копѣечкина написать въ солдаты, а 40 человѣкъ повѣренныхъ, выбранныхъ по требованію Потапова, наказать палками и отправить въ Гурьевъ-городокъ на службу, безъ очереди и безъ обыкновенной помощи, за то, «что они явились въ нѣкоторыхъ недоказательствахъ противъ своихъ доносовъ» [1]).

Такое рѣшеніе дѣла, хотя и не было исключеніемъ въ то время, когда обвинительные акты составлялись обыкновенно низшими и малообразованными чиновниками, показалось весьма обиднымъ казакамъ, тѣмъ болѣе, что маіоръ Новокрещеновъ привелъ въ

[1]) Показаніе казака Сидора Кандалинцева. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 505.

исполненіе только ту часть указа, которая касалась наказанія казаковъ; все же что касалось старшинъ, оставлено было имъ безъ исполненія. Войско неоднократно обращалось къ Новокрещенову съ просьбой отрѣшить судей и прочесть имъ весь указъ, но подкупленный старшинами маіоръ долгое время уклонялся, сѣкъ просителей плетьми и, наконецъ, «соскучившись слушать такія просьбы», приказалъ войску собраться у своего дома для слушанія указа. Выйдя на крыльцо со всѣми старшинами, Новокрещеновъ прочелъ указъ «черезъ два въ третій», такъ что собравшіеся въ числѣ болѣе 500 человѣкъ казаки не могли понять ни слова. Они ясно видѣли, что маіоръ прикрывалъ старшинъ, потворствовалъ имъ и, вмѣсто того, чтобы подвергнуть виновныхъ взысканію, предложилъ собравшимся избрать въ атаманы дьяка Суетина [1]).

— Отчего вы не выбираете въ атаманы Суетина, спрашивалъ Новокрещеновъ по прочтеніи указа, — чѣмъ онъ вамъ нелюбъ?

— Суетинъ не можетъ войску сильно милымъ быть, отвѣчали казаки: — онъ еще и штрафа своего не заслужилъ, да мы думаемъ, нѣтъ ли на немъ по конфирмаціи еще денежнаго штрафа, о которомъ ты не объявляешь.

— Денежнаго штрафа на немъ нѣтъ, говорилъ Новокрещеновъ, — а наложенный военною коллегіею штрафъ онъ заслужилъ.

— Нѣтъ, не заслужилъ еще, отвѣчали казаки; — по означенной конфирмаціи велѣно Суетина за оказавшуюся по слѣдствію Потапова вину написать въ есаулы на годъ, а онъ въ этой должности былъ не болѣе четверти часа.

Новокрещеновъ настаивалъ на томъ, чтобы войско выбрало Суетина атаманомъ, но казаки отказывались, шумѣли и роптали на дѣйствія маіора.

— Чего ты усиливаешься, говорилъ казакъ Семенъ Скачковъ,

---

[1]) У Витевскаго (*Русскій Архивъ*, 1879 г., кн. III, 381), Анучина (*Современникъ*, 1862 г., т. 92, 577) и въ *Чтеніяхъ общества исторіи и древностей*, 1859 г., III, 110, Суетинъ ошибочно названъ Кретинымъ.

выйдя изъ толпы и обратясь къ Суетину, — вѣдь и такъ немало войско тебя кормило.

Новокрещеновъ приказалъ арестовать Скачкова и заступившихся за него казаковъ: Мирошихина, Выровщикова, Плишкова, Кандалинцева, Истомина и нѣкоторыхъ другихъ. Представивъ военной коллегіи, что казаки бунтуютъ и не слушаютъ указа, Новокрещеновъ, не ожидая ея распоряженія, самовольно отправилъ всѣхъ арестованныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми, въ ссылку въ Тобольскъ. Оскорбленное такимъ поступкомъ, войско послало отъ себя повѣренныхъ въ Петербургъ съ жалобой на дѣйствія Новокрещенова и на его явное потворство старшинамъ. Военная коллегія командировала на Яикъ полковника Полозова, который разбиралъ ихъ дѣло порядочнымъ образомъ, и войско было имъ довольно, но, напротивъ того, старшинамъ онъ былъ въ тягость. Онъ смѣненъ былъ генералъ-маіоромъ Череповымъ, командовавшимъ войсками въ Оренбургѣ.

Полагая, что Полозовъ замѣненъ Череповымъ по происканъ старшинъ и ихъ партіи, казаки отнеслись съ недовѣріемъ къ послѣднему, тѣмъ болѣе, что старшинская партія не скрывала своего удовольствія отъ такой перемѣны.

— Забудете вы при немъ много зѣвать, говорили про Черепова послушные казаки непослушнымъ, — онъ вамъ зажметъ ротъ-то.

Съ Череповымъ отправлены были на Яикъ военная команда и указъ военной коллегіи, служившій отвѣтомъ на донесеніе маіора Новокрещенова и повелѣвавшій казакамъ безпрекословное повиновеніе законамъ и начальству. Руководясь наставленіемъ военной коллегіи привести казаковъ къ повиновенію, генералъ-маіоръ Череповъ прежде всего потребовалъ, чтобы немедленно было приступлено къ избранію трехъ кандидатовъ въ атаманы, причемъ онъ, конечно, по рекомендаціи Новокрещенова, предлагалъ избрать Суетина, Митрясова и Ѳедора Бородина, сына бывшаго атамана. Войско не согласилось ни на одного изъ нихъ, а представило своихъ кандидатовъ: Петра Тамбовцева, Ивана Свѣшникова и Михаила Воеводкина. Разсердившійся Череповъ собралъ тогда казачій кругъ, для слушанія привезеннаго имъ указа, и приказалъ драгунамъ

окружить собравшихся. Казаки были въ недоумѣніи и, опасаясь подойти къ периламъ круга, остановились въ отдаленіи. Череповъ съ Новокрещеновымъ и почти со всѣми старшинами вошелъ въ кругъ и занялъ на рундукѣ мѣсто атамана.

— Слушайте указъ, сказалъ онъ сердито, — и подойдите ближе къ периламъ.

— Мы и тутъ можемъ слышать, отвѣчали впереди стоявшіе казаки.

— Я вамъ приказываю, кричалъ Череповъ, — подойдите ближе.

Собравшіеся подвинулись нѣсколько впередъ, но къ самымъ периламъ не подходили; генералъ повторилъ приказаніе, но казаки не подвигались впередъ. Сочтя это за явное ослушаніе, Череповъ сошелъ съ рундука и, ставъ позади драгунъ, приказалъ имъ стрѣлять. Не успѣли солдаты исполнить приказанія генерала, какъ почти все войско пало на землю.

— Помилуйте, ваше превосходительство, кричали казаки, — мы не знаемъ за собой никакой вины.

Череповъ не отмѣнилъ своего приказанія, и драгуны произвели залпъ по лежащимъ казакамъ, но пустили пули вверхъ и ни въ одного человѣка не попали. «Череповъ приказалъ повторить залпъ, а маіоръ Новокрещеновъ кричалъ драгунамъ, чтобъ они цѣлили не вверхъ, а въ колѣно». Нѣкоторые драгуны выстрѣлили такимъ образомъ и тѣмъ залпомъ трехъ человѣкъ убили и человѣкъ шесть ранили.

— Помилуй, батюшка, ваше превосходительство, кричали казаки.

— Кто не противенъ указу всемилостивѣйшей государыни, сказалъ Череповъ, — тѣ ступайте за мной.

Вся толпа двинулась за генераломъ, который, разставя казаковъ кучами по улицѣ, приказалъ читать имъ въ разныхъ мѣстахъ указъ.

— Будете-ли вы повиноваться государевымъ указамъ? спрашивалъ Череповъ по окончаніи чтенія.

— Войско всегда Богу, всемилостивѣйшей государынѣ и указамъ ея повинно, отвѣчали казаки.

Череповъ отправился въ свой домъ, а войско осталось на улицѣ, потому что по всѣмъ переулкамъ были разставлены драгуны и ни одного казака безъ приказанія пропускать было не велѣно. «Сіе происходило зимой въ самые лютые морозы, и держали ихъ на морозѣ отъ утра до ночи». Вечеромъ изъ дома генерала писарь вынесъ листъ и требовалъ, чтобы казаки дали подписку въ томъ, что слышали указъ и не будутъ упорствовать ни въ чемъ.

— Генералъ приказалъ, говорилъ писарь, — со всѣхъ казаковъ взять подписки въ такой силѣ, а ежели не дадите такихъ подписокъ, такъ ни одного человѣка домой пускать не велѣно, хоть помрите на морозѣ.

Подозрѣвая въ этомъ требованіи новую продѣлку старшинъ, казаки не рѣшались подписываться и отправили двухъ человѣкъ спросить Черепова, по его-ли приказанію отбирается подписка?

— Подписывайтесь, сказалъ генералъ, — я приказалъ.

Казаки подписались.

Пробывъ двѣ недѣли на Яикѣ, Череповъ уѣхалъ въ Оренбургъ, но еще до своего отъѣзда донесъ оренбургскому губернатору, что войско бунтуетъ и просилъ скорѣйшей присылки войскъ. По слуху, распространившемуся вслѣдъ затѣмъ между казаками, губернаторъ отправилъ два полка, но за сильными морозами и мятелью они будто не дошли до Яика и вернулись назадъ, потерявъ 334 человѣка замерзшими и обмороженными. Слухъ этотъ имѣлъ весьма большое значеніе въ будущемъ. Поступки Черепова еще болѣе озлобили населеніе, и войско отправило въ Москву казаковъ Петра Герасимова и Ивана Бочкарева съ жалобой о причиненныхъ ему Череповымъ притѣсненіяхъ и убійствѣ.

Тогдашній вице-президентъ военной коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, человѣкъ заносчивый, вспыльчивый и отчасти грубый [1]), не обращалъ должнаго вниманія на просьбы

---

[1]) Относительно характера Чернышева можно сослаться на слѣдующій указъ Сенату отъ 7 февраля 1764 года. «По всеподданнѣйшему прошенію генерала графа Захара Чернышева, писала императрица, отставленъ онъ вѣчно отъ нашей службы, о чемъ прошлаго 1763 года въ декабрѣ мѣсяцѣ и указъ Сенату данъ. Но какъ онъ, Чернышевъ, самъ увидѣлъ ясно, *что тѣмъ на скорости одной основаннымъ поступ-*

Яицкаго войска, и полагая, что всѣ несогласія въ войскѣ происходятъ отъ буйнаго характера казаковъ, непривыкшихъ къ повиновенію, думалъ отдѣлаться одною формальною, бумажною стороной дѣла. Онъ писалъ указъ за указомъ, въ которыхъ требовалъ безусловнаго повиновенія начальству и распоряженіямъ правительства. Получивъ просьбу Герасимова, военная коллегія, по предложенію Чернышева, издала 17 февраля 1767 года новый указъ, въ которомъ строжайше подтверждала, чтобы старшины и казаки предали забвенію всѣ ссоры, жили другъ съ другомъ въ мирѣ и исполняли въ точности указы военной коллегіи подъ опасеніемъ за самое малое неисполненіе жесточайшаго штрафа.

Такой отвѣтъ на жалобу казаковъ не могъ удовлетворить депутатовъ Яицкаго войска, и Герасимовъ нашелъ случай подать прошеніе лично императрицѣ, которая взглянула на дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ вице-президентъ военной коллегіи.

«Какъ яицкіе казаки мнѣ подали прошеніе, писала она графу Чернышеву [1]), а я приказала изъ военной коллегіи требовать Козьмину обстоятельныхъ справокъ по сему дѣлу, то желаю, чтобы всѣ резолюціи, кои коллегія возьметъ отъ сего числа до окончанія сего дѣла, вы сообщали мнѣ для лучшаго усмотрѣнія всего сего дѣла обстоятельствъ».

Зная по прежнимъ опытамъ, что челобитчики, подававшіе свои просьбы прямо императрицѣ, часто подвергались преслѣдованію, Екатерина II опасалась, чтобы съ Герасимовымъ и Бочкаревымъ не было того же. «Графъ Захаръ Григорьевичъ! писала она Чернышеву [2]), объявите словесно военной коллегіи и дайте куда над-

---

комъ, себѣ и отечеству своему нанесъ нѣкоторый ущербъ, *то пришедъ въ похвальное раскаяніе, вновь неоднократными прошеніями* утруждалъ насъ о принятіи его попрежнему въ нашу воинскую службу. Мы, материнскимъ милосердіемъ на оное снисходя, всемилостивѣйше *оный горячности его поступокъ* забвенію предаемъ, а похваляя ревность къ службѣ и видя его способности, повелѣваемъ принять его опять въ нашу воинскую службу тѣмъ же чиномъ и съ тѣмъ же старшинствомъ, и присутствовать попрежнему, какъ въ военной коллегіи вице-президентомъ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, въ коихъ онъ прежде былъ, командуя притомъ и бывшею у него до отставки дивизіею».

[1]) Въ рескриптѣ отъ 19 февраля 1767 года. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Въ запискѣ отъ 24 февраля 1767 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

лежитъ знать, чтобъ яицкимъ казакамъ, Герасимову съ товарищи, въ вину поставлено не было, что они, по простотѣ своей, мнѣ самой подали челобитную, и подтвердите имъ, при отправленіи ихъ, чтобы они впредь согласнѣе жили».

Отправленіе это, какъ и вообще рѣшеніе просьбы яицкихъ казаковъ, послѣдовало не скоро. Поставленная въ затруднительное положеніе желаніемъ императрицы ближе познакомиться съ дѣломъ, военная коллегія затягивала и не рѣшала дѣла и, желая на будущее время избавиться отъ присылки депутатовъ, постановила 3 мая, чтобы казаки безъ дозволенія и паспортовъ, выдаваемыхъ изъ войсковой канцеляріи, не смѣли никуда отлучаться изъ предѣловъ войска, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія. Вслѣдъ затѣмъ, 15 мая, военная коллегія подтвердила свой указъ объ очередной службѣ и требовала, чтобъ Яицкое войско отправило на службу въ Кизляръ 500 человѣкъ казаковъ. Съ своей стороны императрица, не дождавшись рѣшенія коллегіи и желая прекратить всѣ волненія на Яикѣ, рѣшилась отправить туда лично ей извѣстное и довѣренное лицо. «Какъ по рапортамъ оной коллегіи, писала она [1]), мы усматриваемъ, что еще и до сего времени, ни добраго согласія въ войскѣ Яицкомъ, ни надлежащаго выбора кандидатовъ къ назначенію ко оному въ атаманы не послѣдовало, то для приведенія того и другаго и для изслѣдованія, кто тому есть препятствіемъ, мы нашей гвардіи капитана Чебышева опредѣляемъ, котораго оная коллегія имѣетъ отъ себя при указѣ отправить въ то войско съ довольнымъ наставленіемъ, какъ ему въ томъ дѣлѣ поступить, выдавъ ему съ командой, которая при немъ находиться будетъ, какъ туда такъ и обратно на десять почтовыхъ лошадей прогонныхъ денегъ. Какіе же отъ него рапорты коллегія получать и какія на оные резолюціи давать будетъ, представлять намъ для извѣстія».

Въ концѣ іюля капитанъ Чебышевъ отправился на Яикъ, съ порученіемъ по прибытіи на мѣсто объявить казакамъ, что онъ присланъ управлять войскомъ вмѣсто атамана до тѣхъ поръ, пока

[1]) Въ указѣ военной коллегіи, отъ 3 іюля 1767 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

они не выберутъ трехъ кандидатовъ, для пожалованія одного изъ нихъ въ сіе достоинство.

«Ежели таковыхъ выберутъ, писала военная коллегія [1]), то вамъ съ описаніемъ ихъ лѣтъ, службы и достоинства прислать рапортъ въ военную коллегію. А буде вы ихъ усмотрите не такого достоинства, какого требуется или когда, упорства ради, несогласными голосами выберутся, то и не представлять, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ они того просили».

Заботясь главнѣйшимъ образомъ о водвореніи спокойствія въ Яицкомъ войскѣ и не допуская своевольствъ, Чебышевъ долженъ былъ, прежде всего, привести въ исполненіе указъ военной коллегіи объ отрѣшеніи отъ должности атамана Андрея Бородина и прочихъ лицъ, и вообще объ удовлетвореніи претензіи казаковъ. «Какъ для содержанія того войска въ порядкѣ и въ надлежащемъ повиновеніи, сказано было въ секретномъ наставленіи Чебышеву [2]), неотмѣнно должно вамъ употреблять благоразумную строгость, такъ не меньше, для достиженія между онымъ довѣренности, потребно оказывать имъ пристойную ласку и снисхожденіе....

«А какъ они несомнѣнно ко всякому упорству, своевольству и несогласію не своимъ подвигомъ, но нѣкоторыми между ими безпокойными головами приводятся, то вы объ извѣданіи таковыхъ крайнее стараніе употребить имѣете, и, если довѣдаетесь и узнаете точно, то отлуча ихъ въ команду или по случаю (?) и посадя подъ караулъ, въ коллегію съ обстоятельствомъ рапортовать».

22 августа 1767 года капитанъ Чебышевъ вмѣстѣ съ казаками Петромъ Герасимовымъ и Иваномъ Бочкаревымъ [3]) прибылъ въ Яицкій-городокъ. На другой же день онъ собралъ войсковой кругъ, въ которомъ прочелъ высочайшій указъ ему данный, грамоту войску отъ военной коллегіи и, сохранявшуюся доселѣ въ тайнѣ, конфирмацію надъ виновными старшинами, чѣмъ съ пер-

---

[1]) Въ наставленіи Чебышеву, отъ 24 іюля. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Секретное наставленіе Чебышеву, отъ 24 іюля. Тамъ же.

[3]) Герасимовъ и Бочкаревъ были отправлены на Яикъ нѣсколько ранѣе Чебышева, но съ дороги изъ Симбирска поѣхали обратно въ Москву для подачи новаго прошенія. Тамъ они были задержаны и отправлены вмѣстѣ съ Чебышевымъ.

ваго же раза расположилъ къ себѣ казаковъ. Вслѣдъ затѣмъ, узнавъ, что при войсковой канцеляріи содержится двадцать человѣкъ казаковъ, арестованныхъ въ разное время, и найдя, что всѣ они впали въ преступленіе только «отъ неразумѣнія и простоты», Чебышевъ приказалъ ихъ выпустить на поруки. «Отъ котораго моего поступка, доносилъ онъ [1]), я чего ожидалъ, начало увидѣлъ, ибо не только тѣ содержащіеся, но и все войско столь обрадовано было, видя отмѣну прежней строгости, что какъ меня, такъ и *своихъ соперниковъ* со мной присутствующихъ, съ неописанною радостію благодарили, обѣщаясь клятвенно во всемъ быть послушными и изъ воли моей не выступать».

Видя, что Чебышевъ внимательно выслушиваетъ всѣ заявленія и входитъ въ ихъ нужды, стараясь быть справедливымъ, яицкіе казаки успокоились и готовы были вѣрить, что, наконецъ, наступили для нихъ лучшіе дни и порядки. Они довѣрились вполнѣ новому правителю и охотно слѣдовали всѣмъ его совѣтамъ. По распоряженію Чебышева, 28 августа, казаки снова собрались въ кругъ, въ который были введены, присланные съ курьеромъ изъ военной коллегіи, казакъ Венедиктъ Ивановъ и девять его товарищей. Они обвинялись въ томъ, что самовольно отлучились въ Петербургъ и заслуживаютъ за то наказанія. Услышавъ отъ войска, что они отлучились не самовольно, а по общему согласію, Чебышевъ оставилъ ихъ безъ наказанія. Онъ предложилъ собравшимся избрать депутатовъ въ коммиссію по сочиненію проекта новаго уложенія и назначить пятьсотъ человѣкъ въ резервную команду. То и другое предложеніе было немедленно исполнено, и избранные депутатами казаки: Василій Тамбовцевъ и Иванъ Анкудиновъ, 4 сентября, выѣхали изъ Яицкаго-городка [2]).

Императрица вполнѣ одобрила распоряженія Чебышева и «усмотря, писала она [3]), что въ войскѣ Яицкомъ все происходитъ согласно и порядочно, не хотѣла оставить, чтобы не показать вамъ

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи, отъ 25 августа. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Чебышева, отъ 4 сентября. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 2.

[3]) Въ указѣ Чебышеву, отъ 24 сентября 1768 г. Тамъ же, дѣло № 43.

о томъ моего удовольствія, заключая изъ онаго рапорта (отъ 4 сентября), что никакого сомнѣнія нѣтъ къ возстановленію между ними прежняго ихъ мирнаго состоянія и непоколебимаго порядка. Я надѣюсь, что вы и впредь будете поступать съ ними такими мѣрами, которыя бы ихъ всегда вели къ ихъ благосостоянію».

Послѣдняго достигнуть было весьма трудно, такъ какъ взаимная вражда между двумя партіями была слишкомъ сильна и казаки не шли ни на какое соглашеніе. Чебышеву, при всемъ довѣріи къ нему казаковъ, не удалось не только примирить враждующихъ, но и достигнуть соглашенія при разрѣшеніи вопроса о выборѣ атамана.

10 сентября 1767 года собранъ былъ казачій кругъ, въ которомъ Чебышевъ предложилъ войску выбрать въ атаманы трехъ человѣкъ кандидатовъ, причемъ просилъ произвести выборъ вольными голосами и обратить вниманіе на честныхъ, заслуженныхъ и достойныхъ людей. Старшинская партія предложила избрать старшину Митрясова и дьяка Суетина.

— Оба они люди достойные, говорили ихъ приверженцы, — какъ войскомъ командовать, такъ дѣла внѣшнія и внутреннія исправлять могутъ. Суетинъ и Митрясовъ люди добраго и честнаго поведенія, въ генеральныхъ службахъ, на акціяхъ и походахъ бывалые; за свою вѣрную и усердную службу денежнымъ жалованьемъ, ковшами и саблями жалованы.

Зная, что войсковая сторона не согласится на выборъ, если всѣ три кандидата будутъ съ противной ей стороны, старшинская партія предложила избрать третьимъ кандидатомъ казака Тамбовцева.

— Хоть онъ, говорили старшины,—въ важныхъ службахъ и партіяхъ не бывалъ, но приращеніемъ войску солянаго сбора немалую похвалу заслужилъ.

Согласившись на избраніе Тамбовцева, войсковая сторона предложила со своей стороны избрать казаковъ: Сидора Витошнова и Петра Погадаева, но старшинская партія на то не соглашалась.

— Витошновъ и Погадаевъ люди подлаго состоянія, кричали противники, — не изъ старшинъ и не изъ старшинскихъ дѣтей; люди незаслуженные, въ генеральныхъ службахъ и знатныхъ

походахъ небывалые, распоряжаться войскомъ, заграничными и внутренними дѣлами, тоже судными и приказными не могутъ, а объ указахъ должнаго и исправнаго свѣдѣнія не имѣютъ.

Такое заявленіе старшинской партіи вызвало продолжительные споры и шумъ, среди которыхъ ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Увѣщанія Чебышева прекратить ссоры и кончить дѣло мирнымъ путемъ не имѣли успѣха. Соглашенія не послѣдовало и казаки разошлись съ рѣшеніемъ написать прошеніе на имя императрицы, въ которомъ изложить подробно все то, что происходило въ кругу. Переименовавъ кандидатовъ, предложенныхъ старшинскою и войсковою сторонами и высказавъ нежеланіе свое имѣть атаманомъ ни Суетина, ни Митрясова, войско рѣшилось отказаться навсегда отъ права избирать атамана и предоставляло это дѣло на усмотрѣніе императрицы. «Какъ оный выборъ (атамана), писали казаки [1]), за таковымъ несогласіемъ близко двухъ лѣтъ продолжается и согласными голосами не утверждается, да и впредь согласными голосами утвердиться не можетъ, изъ-за чего все общество время отъ времени приходитъ въ истощеніе и крайнее разореніе, того ради въ прекращеніе всѣхъ происходящихъ ссоръ и несогласій, во избѣжаніе крайняго всего общества нашего разоренія, припадая къ священнымъ вашего императорскаго величества стопамъ, всеподданнѣйше просимъ, дабы повелѣно было изъ высочайшаго вашего императорскаго величества матернаго милосердія, тотъ кандидатовъ въ войсковыхъ кругахъ выборъ съ насъ нижайшихъ за несогласными голосами, *какъ нынѣ, такъ и впредь* сложить, а изъ природнаго вашего императорскаго величества высокомонаршаго милосердія въ атаманское достоинство жаловать какъ нынѣ, такъ и впредь, по своему монаршему соизволенію. Кто той чести изъ нашего войска найдется достоинъ и кто въ оные атаманы отъ вашего императорскаго величества пожалованъ и опредѣленъ будетъ, тому мы нижайшіе рабы и повиноваться должны. А прежнее наше право въ выборѣ въ войсковыхъ кругахъ кандидатовъ, *яко негодное и на сей вѣкъ неудобное, не токмо охотно*

[1]) Во всеподданнѣйшемъ прошеніи 23 сентября 1767 г. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св 4, дѣло № 4. Прошеніе это подписали 508 человѣкъ старшинъ, сотниковъ, десятниковъ и казаковъ.

сами съ себя слагаемъ, но и всенижайше просимъ милосерднымъ своимъ матернимъ повелѣніемъ для вышеобъявленныхъ отъ насъ резоновъ, ко всеобщему нашему благу и спокойствію *нынѣ запретить*, понеже въ несогласныхъ нашихъ голосахъ тотъ выборъ кандидатовъ продолжается чрезъ шесть лѣтъ, а все оное происходитъ отъ единой другъ на друга вражды и памятозлобія».

Не достигнувъ соглашенія казаковъ относительно выбора атамана, но желая принести посильную пользу войску, Чебышевъ учелъ старшинъ войсковой канцеляріи и призналъ ихъ виновными предъ войскомъ. Раскаявшись въ своихъ поступкахъ, старшины просили прощенія и обѣщали уплатить все съ нихъ взыскиваемое. Всматриваясь ближе въ домашній бытъ казаковъ, Чебышевъ нашелъ, что безъ всякой надобности и въ крайнее отягощеніе войску во время сѣнокосовъ и рыбныхъ промысловъ оставляется для охраненія города и содержанія карауловъ такъ-называемая *домосѣдная команда*, болѣе чѣмъ изъ 150 человѣкъ. Въ команду эту нанимались попы, церковные и канцелярскіе служители и даже старшины. Такихъ командъ было въ годъ до четырехъ, и каждый разъ лица, ея составляющія, получали за свою мнимую службу отъ двухъ до семи рублей. Сверхъ домосѣдной команды была еще такъ-называемая *пятисотная резервная команда*, изъ которой половина посылалась на степную сторону по форпостамъ, а другая половина оставалась въ городѣ безъ всякаго дѣла, подъ предлогомъ могущихъ быть экстренныхъ нуждъ, къ защищенію границъ отъ непріятельскихъ набѣговъ, «чего, писалъ Чебышевъ [1]), никогда не бывало, да и быть, по всѣмъ извѣстнымъ резонамъ, не можетъ, а если бы паче чаянія когда и случилось, то съ такою малою командою тому форпостному командиру сильнаго непріятеля удержать и границы защищать никакъ будетъ не можно, а отъ домосѣдной команды, состоящей изъ такихъ людей, какъ значится выше, помощь, мнится мнѣ, также будетъ не велика». На этомъ основаніи онъ призналъ необходимымъ, во избѣжаніе напраснаго войску отягощенія, въ то

[1]) Предложеніе Чебышева яицкой войсковой канцеляріи 15 октября. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св. 4, д. № 3.

время, когда резервная команда бывастъ въ Яицкомъ-городкѣ, домосѣдной команды вовсе не имѣть, а городовые караулы содержать резервной командѣ, которой и состоять въ вѣдѣніи войсковой канцеляріи. «Однакоже, прибавлялъ Чебышевъ, если форпостный командиръ въ случаѣ нужномъ, сколько изъ той команды когда будетъ требовать, а хотя и всю, на границы отпущать безо всякаго прекословія, и тогда на тѣ мѣста, если будетъ нужда, опредѣлять изъ отставныхъ казаковъ и изъ прочихъ, по ихъ годности».

Уничтоженіе домосѣдной команды было принято войскомъ съ большимъ сочувствіемъ, но Чебышевъ, опасаясь, что подобныя распоряженія могутъ навлечь на него неудовольствіе военной коллегіи и тѣхъ, которые лишались даровыхъ доходовъ, торопился предупредить императрицу и просилъ, чтобъ «отъ государственной военной коллегіи не было на мнѣ за сіе взысканія» [1]).

Взысканія, конечно, не было, но было предложено ближе познакомиться съ указами военной коллегіи.

«О благополучномъ окончаніи моей коммиссіи, писалъ Чебышевъ графу Г. Г. Орлову [2]), хоть и есть должность увѣдомить васъ, моего милостивца, но какъ то увѣдомленіе требуетъ точной подробности, а правду за двѣ тысячи верстъ еще и слишкомъ показалось писать неловко, то донесу только, что я, сверхъ моего чаянія, за то, что продолжающуюся слишкомъ шесть лѣтъ коммиссію кончилъ, получилъ изъ государственной военной коллегіи о войскѣ Яицкомъ конфирмацію, которую я задолго до того повелѣнія читалъ истинно много, но того ничего не нашелъ, для чего мнѣ читать приказано, о чемъ осмѣлился и рапортомъ своимъ представить, а въ перемѣнѣ нынѣшнихъ сотниковъ прежними и ослушаніе сдѣлалъ, только за то что мнѣ будетъ—не знаю, а хорошаго не жду. Чего для до тѣхъ поръ, отецъ мой, изведи изъ темницы душу мою и тѣмъ избавь меня отъ такихъ переписокъ, отъ которыхъ, кромѣ бѣды, ждать нечего. А чтобъ не показалось вашему сіятельству все сіе мною сдѣланное отъ упрямства, то

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Чебышева отъ 16 октября. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Въ письмѣ отъ 19 декабря 1767 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

прими, милостивый государь, трудъ прочесть тотъ мой посланный въ коллегію рапортъ и при ономъ отъ клеветниковъ моихъ раскаяніе, изъ чего и увидите ясно, была-ли причина мнѣ то дѣлать что̀ сдѣлалъ.

«Въ дополненіе же сего моего чистосердечнаго изъясненія не только объ этомъ, но и обо всемъ, что сначала и до сего дни происходило, если не поскучите, увѣдомиться можете отъ станичнаго атамана Нефеда Мостовщикова; только того страшусь, чтобъ, убоясь, чего не утаилъ, ибо онъ со стороны старшинской славный былъ войску злодѣй, чего для нужно вашему сіятельству его обнадежить своею милостію. Тутъ-то услышите о Митрясовскихъ корыстяхъ, о храбрыхъ поступкахъ генеральскихъ, какъ по лежащимъ казакамъ стрѣлялъ и о прочемъ, даже и о томъ, какъ съ него, Мостовщикова, часы взяты. Если же чистосердечное раскаяніе принесть заупрямится, то пострашай, милостивый государь, мной, что онъ для изобличенія до пріѣзда моего будетъ удержанъ. А я на милость вашего сіятельства о скоромъ отсель своемъ возвращеніи обнадѣясь, съ радости и забылъ, что по началу сего письма не устоялъ въ своемъ словѣ, однако истинно нѣтъ еще и сотой доли».

Желаніе Чебышева было исполнено. Военная коллегія сама была не прочь отозвать человѣка, несходившагося съ ея взглядами и державшаго сторону простыхъ казаковъ. Пользуясь тѣмъ, что въ числѣ кандидатовъ въ атаманы казакъ Петръ Тамбовцевъ былъ принятъ какъ старшинскою, такъ и войсковою партіями, военная коллегія утвердила его войсковымъ атаманомъ, и указомъ отъ 15 января 1768 года предписала Чебышеву сдать дѣла вновь утвержденному атаману и возвратиться къ мѣсту своего служенія. 12 февраля Чебышевъ получилъ этотъ указъ, а 8 марта былъ уже въ Петербургѣ, оставя войско Яицкое въ прежнемъ согласіи [1]) и поручивъ Тамбовцеву взысканіе штрафа съ виновныхъ старшинъ и удержаннаго ими у казаковъ жалованья.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Чебышева, 8 марта 1768 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 5. Сужденія о Чебышевѣ автора статьи «Яицкое казачество» (*Русскій Вѣстникъ*, 1864 г., № 8) по меньшей мѣрѣ несправедливы.

Новый войсковой атаманъ былъ человѣкъ честный, но въ высшей степени слабаго характера [1]). Первое время онъ, сколько могъ, дѣйствовалъ самостоятельно и боролся со старшинами: взыскалъ съ виновныхъ незначительную часть удержаннаго у казаковъ жалованья, но не могъ заставить ихъ заплатить остальную часть и взыскать наложенный на нихъ штрафъ. Казаки съ самаго начала были недовольны дѣйствіями Тамбовцева, все болѣе и болѣе подпадавшаго подъ власть старшинъ и впослѣдствіи перешедшаго на ихъ сторону. Не смотря на то, что по конфирмаціи военной коллегіи многіе были лишены старшинскаго званія и права быть выбранными на служебныя мѣста, Тамбовцевъ никогда не наряжалъ ихъ на службу рядовыми, а назначалъ или походными атаманами, или полковыми командирами. Напротивъ того, казаки народной партіи подвергались всевозможнымъ обидамъ со стороны атамана, вышедшаго изъ ихъ же среды, и это раздражало ихъ почти ежедневно.

Въ началѣ 1769 года войско потребовало выдачи пороха и свинца, жалуемаго ежегодно по полуфунту на человѣка, и просило, чтобъ порохъ никогда не отбирался. Тамбовцевъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ военную коллегію, но не получилъ разрѣшенія, и казакамъ приказано было выдать зарядами [2]). Тамбовцевъ объявилъ тогда, что пороха и свинца у него нѣтъ.

— Вы примите зарядами, сказалъ онъ.

— Что такое заряды? спрашивали казаки.

— Патроны, отвѣчалъ атаманъ.

«А какъ войско, показывали казаки [3]), съ самаго своего начала служило всегда съ винтовками и турками [4]) и патронный зарядъ для нихъ негоденъ, то всѣ казаки, по простотѣ своей, и заключили тогда, что Тамбовцевъ, конечно, хочетъ уничтожить отеческіе ихъ обряды и привести такъ, какъ и солдатъ служить съ фузеями». Подозрѣніе это было совершенно неосновательно,

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ капитана Дурново отъ августа 1772 г. Военно-ученый архивъ, д. № 104 (А).

[2]) Витевскій, *Яицкое войско до появленія Пугачева* (*Русскій Архивъ* 1879 года, книга III, стр. 383).

[3]) Памятники новой русской исторіи, т. II, 267.

[4]) Особый видъ ружей.

но къ сожалѣнію обстоятельства складывались такъ, что населеніе могло путемъ логическихъ размышленій дойти до убѣжденія, что правительство и атаманъ намѣрены ввести «регулярство», котораго такъ опасались яицкіе казаки, всегда готовые отстаивать отцовскіе порядки и свои древнія привилегіи.

Въ собранномъ войсковомъ кругу, въ августѣ того же года, Тамбовцевъ объявилъ, чтобы каждый сотникъ командировалъ изъ своей сотни 17 человѣкъ для составленія резервной части войска. Такая командировка требовала службы по очереди, а яицкіе казаки признавали службу по найму и потому отказались отъ исполненія требованія атамана.

— Очередное командированіе тягостно и несносно казакамъ, заявилъ сотникъ Иванъ Кирпичниковъ и просилъ, чтобы командировка была сдѣлана по найму и изъ подмоги, какъ всегда и прежде бывало.

Тамбовцевъ требовалъ, чтобы командировка произведена была, согласно указамъ военной коллегіи, по очереди и разослалъ объ этомъ всѣмъ сотникамъ письменныя предписанія, но сотники ихъ не приняли подъ предлогомъ того, что они люди неграмотные и нерегулярные и исполнять могутъ безъ письменныхъ приказовъ. Тамбовцевъ четыре раза собиралъ круги, но безуспѣшно; казаки просили разрѣшенія отправить въ Петербургъ депутацію съ просьбой объ отмѣнѣ очередной службы. Уступая общему желанію, атаманъ согласился на отправленіе депутаціи, но избранныя имъ лица не были приняты войскомъ, требовавшимъ, чтобы во главѣ депутаціи былъ посланъ сотникъ Иванъ Кирпичниковъ, казаки: Бѣляевъ, Казаркинъ и другіе сторонники войсковыхъ интересовъ. Атаманъ отвѣчалъ, что Кирпичникова послать не можетъ, такъ какъ онъ штрафованный и предлагалъ своихъ, но казаки упирались. Среди происшедшаго разногласія сотники Тимоѳѣй Севрюгинъ, Ѳедотъ Марковцевъ и десять человѣкъ казаковъ, не спрашивая разрѣшенія войсковой канцеляріи, но съ согласія всего войска, отправились въ Петербургъ и 2 октября явились въ военной коллегіи. Они просили отмѣнить нарядъ казаковъ на службу по очереди и приказать положенный порохъ выдавать казакамъ не патронами, а въ раздѣлъ, попрежнему. Военная коллегія не со-

гласилась исполнить просьбу депутатовъ и вновь подтвердила свои указы объ очередной службѣ и повиновеніи начальству.

Подтвержденіе это не подѣйствовало на казаковъ, и они все-таки отказывались отъ службы по очереди, а между тѣмъ, во второй половинѣ 1769 г. командовавшій войсками на кавказской линіи, генералъ-маіоръ де-Медемъ, потребовалъ, чтобъ Яицкое войско, на перемѣну 68 человѣкъ раненыхъ и престарѣлыхъ, прислало такое же число въ Кизляръ.

Въ Кизлярѣ всегда находилось отъ Яицкаго войска 500 человѣкъ охотниковъ, изъ которыхъ каждый былъ нанятъ пятью человѣками остающихся казаковъ, платившихъ наемщику по 100 и болѣе рублей. Теперь же, слѣдуя указамъ военной коллегіи, атаманъ требовалъ, чтобы на смѣну раненыхъ и престарѣлыхъ были назначены казаки по очереди, но населеніе и слышать не хотѣло о нарушеніи древняго обычая «наемки». Послѣ пяти собранныхъ для этой цѣли казачьихъ круговъ, только согласная старшинская партія представила отъ себя десять человѣкъ для отправленія въ Кизляръ, а остальныхъ 58 человѣкъ войсковая сторона набрала силой и для препровожденія ихъ назначила особую команду подъ начальствомъ старшины Окутина.

Послѣдній успѣлъ дойти только до Бударинскаго форпоста, находившагося отъ Яицкаго-городка всего въ 80-ти верстахъ. На этомъ небольшомъ пространствѣ бѣжало отъ Окутина 39 человѣкъ, а при выѣздѣ изъ Бударинскаго форпоста были отбиты и остальные тѣми же казаками, которые должны были ихъ конвоировать.

Такимъ образомъ распоряженіе войсковой канцеляріи и на этотъ разъ не было приведено въ исполненіе, а употребленное ею насиліе, какъ прямое нарушеніе казачьей вольности, возстановило населеніе еще болѣе противъ старшинъ и всей ихъ партіи. Негодованіе особенно развилось и волненіе въ народѣ усилилось, когда въ началѣ 1770 г. полученъ былъ на Яикѣ указъ военной коллегіи о назначеніи команды казаковъ въ составъ вновь формируемаго «Московскаго легіона».

Развитіе военныхъ дѣйствій и обширность театра войны нашей съ Турціей требовали увеличенія числа полевыхъ войскъ, и тогдашнему вице-президенту военной коллегіи графу З. Г. Чер-

нышеву пришла мысль сформировать двѣ самостоятельныя части войскъ и назвать ихъ *легіонами* [1]). Въ совѣтѣ, учрежденномъ при дворѣ императрицы, предложеніе графа Чернышева не было принято вполнѣ, но рѣшено было сформировать одинъ легіонъ изъ «иностранныхъ и вольныхъ людей» и назвать его *иностраннымъ*. Въ составъ этого легіона должны были входить: пѣхота, кавалерія и казачья команда [2]).

По высочайше утвержденному 23 мая 1769 г. докладу военной коллегіи положено: 1) командиромъ иностраннаго легіона назначить бригадира Кара; 2) офицеровъ принимать изъ отставныхъ и иностранцевъ; 3) знаменъ и литавръ легіону не давать до тѣхъ поръ, пока «оный таковыя у непріятеля не завоюетъ и тѣмъ оныя имѣть достойнымъ сдѣлается», и 4) такъ какъ всѣ нижніе чины, за исключеніемъ кадровыхъ 122 человѣкъ, назначенныхъ изъ полковъ, должны быть набираемы изъ вольныхъ и иностранныхъ людей, то легіонъ формировать въ «польскихъ мѣстахъ» [3]).

Охотниковъ поступить на службу оказалось очень мало, и формированіе легіона шло весьма медленно. «А при томъ, доносила коллегія [4]), не можно по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ, за краткостію времени къ приведенію ихъ въ совершенную дисциплину, на оныхъ полагаться съ такою твердостью, какъ на прочіе полки изъ рекрутъ набираемые». Основываясь на этомъ, коллегія испрашивала высочайшее повелѣніе: 1) чтобы комплектованіе легіона производилось рекрутами на общемъ основаніи, за

---

[1]) Г. Витевскій (*Рус. Арх.* 1879 г. кн. III, 385) и авторъ статьи: «Яицкое казачество» (*Русскій Вѣстникъ* 1864 г., № 8) приписываютъ мысль сформированія легіоновъ Потемкину, но это невѣрно. Извѣстно, что административная дѣятельность Потемкина по военному вѣдомству началась съ 1774 г., въ самый разгаръ Пугачевской смуты.

[2]) Легіонъ этотъ никогда не назывался «Потемкинскимъ», какъ говоритъ г. Витевскій и авторъ статьи: «Яицкое казачество». Въ составъ иностраннаго легіона должны были войти: одинъ гренадерскій и три мушкетерскихъ баталіона, каждый въ 980 человѣкъ; 4 эскадрона карабинеровъ въ 703 коня, два эскадрона гусаръ въ 348 коней и казачья команда въ 335 человѣкъ (считая въ томъ числѣ и начальника казаковъ секундъ-маіора). Такимъ образомъ полный составъ легіона былъ въ 5,577 человѣкъ.

[3]) Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи 21 ма. 1769 г. Арх. канц. воен. мин. Высоч. повелѣніе, кн. 60.

[4]) Во всеподдан. докладѣ 23 августа 1769 г., за № [illegible]тамъ же.

исключеніемъ гусаръ, которыхъ предполагалось набирать изъ людей вольныхъ, и 2) такъ какъ легіонъ будетъ состоять не изъ иностранцевъ, а изъ природныхъ русскихъ, то назвать его *Петербургскимъ* [1]).

2-го сентября императрица утвердила докладъ, а 19-го числа того же мѣсяца военная коллегія, признавая необходимымъ вновь усилить войска, ходатайствовала объ учрежденіи еще одного легіона на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Три драгунскіе полка, а именно Оренбургскій, который нынѣ находится въ Астрахани, Казанскій, находящіеся теперь въ Симбирскѣ и Уфимскій, состоящій нынѣ въ Кизлярѣ, да Грузинскій гусарскій въ Кизлярѣ же находящійся, также и состоящія въ командѣ генералъ-маіора графа Тотлебена роты, превратить въ такой родъ войска, который въ легіонѣ полагается, распредѣляя ихъ въ баталіоны и эскадроны по способностямъ, а казачью команду опредѣлить изъ яицкихъ казаковъ» [2]).

3-го октября докладъ военной коллегіи былъ высочайше утвержденъ, повелѣно легіонъ назвать *Московскимъ*, формировать его въ Симбирскѣ и командиромъ его назначить генералъ-маіора Баннера [3]),

Указомъ отъ 25 декабря 1769 г. [4]), военная коллегія поручила яицкому войску назначить изъ старшинъ и есауловъ 10, изъ сотниковъ и десятниковъ 18, казаковъ 300, писаря одного, да въ трубачи и цирульники 5, а всего 334 человѣка. Для выбора людей молодыхъ и годныхъ къ службѣ было приказано генералъ-маіору Баннеру отправить на Яикъ одного штабъ-офицера, которому «отъ войска въ томъ выборѣ и чинить безпрепятственное послушаніе». Баннеръ командировалъ отъ себя квартирмейстера Глѣбова, который, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ исполнить даннаго ему порученія.

---

[1]) При этомъ штатный составъ легіона былъ нѣсколько измѣненъ: въ каждомъ изъ четырехъ баталіоновъ полагалось не 980, а 1,019 человѣкъ; въ четырехъ эскадронахъ карабинеръ 745 коней; въ двухъ гусарскихъ эскадронахъ 349 коней, казаковъ 335 (съ секундъ-маіоромъ), а всего, считая и нестроевыхъ, 5,775 человѣкъ.

[2]) Всеподдан. докладъ военной коллегіи отъ 19 сентября 1769 г. Арх. канц. воен. министр., кн. 60.

[3]) Высочайшій указъ, данный военной коллегіи 7 октября 1769 г. Тамъ же.

[4]) У г. Витевскаго показаны не тѣ числа, но это вѣроятно опечатка.

Распоряженіе о назначеніи легіонной команды подняло все яицкое войско и произвело весьма сильное впечатлѣніе на казаковъ. По указу требовалось въ составъ команды 334 человѣка: цифра совпадающая съ тѣмъ числомъ солдатъ, какое было показано замерзшими и умершими при посылкѣ войскъ изъ Оренбурга, по требованію генералъ-маіора Черепова [1]). Припоминая слова оренбургскаго губернатора, который въ ордерѣ писалъ тогда, что «съ виновныхъ взыщется толикое же число людей», казаки рѣшили, что назначеніе въ легіонную команду сдѣлано имъ въ наказаніе и что правительство намѣрено обратить ихъ въ солдатъ и завести «регулярство».

Послѣднее должно было затронуть коренные обычаи казаковъ. Солдаты должны были брить бороды, а казаки, какъ раскольники, не могли на это согласиться и считали атамана и всю старшинскую партію предателями. Въ числѣ первыхъ предателей они называли бывшаго атамана Андрея Бородина: онъ былъ произведенъ въ чинъ армейскаго подполковника и получилъ два большія полковыя знамя, которыя онъ передалъ потомъ Тамбовцеву. Продолжая далѣе обсуждать свое положеніе и считая виновными въ гибели 334 человѣкъ солдатъ только однихъ старшинъ, для защиты которыхъ они посылались, казаки признали справедливымъ, чтобы команда была назначена только изъ старшинской или согласной партіи, а сами отказались отъ легіонной службы. Атаманъ Тамбовцевъ не рѣшился настаивать на исполненіи указа отчасти и потому, что онъ касался самыхъ дорогихъ обычаевъ казаковъ и ихъ религіозныхъ вѣрованій. Онъ отправилъ отъ имени войска прошеніе на имя императрицы, въ которомъ просилъ уволить казаковъ отъ легіонной службы.

«Войско яицкое, писалъ онъ [2]), въ службахъ вашего императорскаго величества безпрестанно упражняется и напередъ сего бывали по нѣскольку человѣкъ въ Польшѣ, подъ Ригой, въ чигиринскихъ, крымскихъ, кубанскихъ, азовскихъ и свейскихъ (шведскихъ) походахъ, въ низовскомъ корпусѣ, въ Сибири, подъ баш-

[1]) См. стр. 20.

[2]) Во всеподдан. прошеніи отъ 22 февраля 1770 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 31, св. 61.

кирцами и въ прочихъ многихъ партіяхъ и командированіяхъ. Нигдѣ отъ войска яицкаго никакихъ прослугъ не бывало, кромѣ того, что за ревностные свои поступки получали вашего императорскаго величества грамоты съ похвалой; да и нынѣ куда бы только ни востребовалось, служить готовы человѣкъ по тысячѣ, по двѣ и болѣе вѣрно жь и безпорочно, со всякимъ усердіемъ, не щадя живота своего до послѣдней капли крови. Сверхъ того (войско) содержитъ ежегодно ординарную службу по 1,060 человѣкъ внизъ по Яику рѣкѣ, на учрежденныхъ крѣпостяхъ, форпостахъ, въ Гурьевѣ-городкѣ и въ резервной командѣ по 500 человѣкъ своимъ коштомъ; да и въ прочія службы командируемыя команды всѣ своимъ же коштомъ исправляетъ и снабдѣваетъ. А жалованье на войско Яицкое отпускается самое малое, а именно копѣекъ по 60 и по 80 въ годъ, а хлѣба здѣсь не сѣютъ, да по здѣшнему климату и не родится, а всю свою воинскую справу, хлѣбъ и одежду получаютъ за уловленную рыбу въ Яикѣ рѣкѣ, и на томъ весь корпусъ содержится.

«Но токмо и оная рыбная ловля время отъ времени умаляется и въ уловѣ мало бываетъ, въ чемъ войско Яицкое, хотя великое претерпѣваетъ отягощеніе, однако въ службахъ вашего императорскаго величества никакой остановки не бываетъ и, какъ выше означено, куда бы сколько ни востребовалось, всегда съ желаемымъ успѣхомъ отправляетъ, а въ другія незаобыкновенныя команды никакія не браны, а во всемъ даже и донынѣ состояли невредимо на прежнемъ основаніи.

«Да и по состоявшемуся въ прошломъ 1763 г. вашего императорскаго величества высочайшему указу велѣно быть на прежнемъ же основаніи, то дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было войско Яицкое отъ оной *легіонной казацкой команды избавить* и освободить, и оставить на прежнемъ основаніи, такъ какъ мы нижайшіе и отъ предковъ вашего императорскаго величества невредимо состояли... Да къ тому жь ежели оная легіонная команда отсель возьмется и здѣшніе азіятскіе народы о томъ свѣдаютъ, тогда не безъ сумнѣнія останутся, что и въ другое мѣсто отсель выводиться будутъ, тогда-де корпусъ войска Яицкаго можетъ умалиться, и они изъ-за того могутъ всегда во

всѣхъ мѣстахъ чинить нападеніе и приключать людямъ разореніе, а вашего императорскаго величества высокому интересу ущербъ. Что же касается до нашей службы, то ежели куда повелѣно будетъ не токмо триста, но хотя бы по 500 человѣкъ или болѣе, погодно съ перемѣной, мы всеподданнѣйшіе рабы, по прежнему своему обыкновенію, со всеусерднѣйшею ревностью служить должны, къ чему мы уже пріобыкли, *а вышеписанная казацкая легіонная команда намъ незаобыкновенна* и о семъ нашемъ прошеніи учинить милостивое рѣшеніе» [1]).

Получивъ это прошеніе 20 марта 1770 г., военная коллегія не признала возможнымъ отмѣнить командированіе казаковъ въ Московскій легіонъ, такъ какъ объ этомъ состоялось уже высочайшее повелѣніе, но въ засѣданіи своемъ 24 марта постановила не принуждать казаковъ брить бороду. Въ грамотѣ, написанной по этому поводу войску [2]) и переданной старшинѣ и станичному атаману Мартемьяну Бородину, было, между прочимъ, написано: «А какъ въ войскѣ Яицкомъ казаки, по ихъ обыкновенію, многіе бороды не брѣютъ, то и оную казацкую команду въ томъ не принуждать, а оставить на ихъ волю».

Это послѣднее распоряженіе военной коллегіи было получено на Яикѣ въ то время, когда войско находилось на плавнѣ, и потому войсковая канцелярія поручила дьяку Матвѣю Суетину распорядиться какъ объ объявленіи вновь полученной грамоты, такъ и командированіи казаковъ въ легіонную команду. 8 мая Суетинъ прибылъ на плавню къ урочищу Красный-Яръ и вручилъ походному атаману Мусатову сначала ордеръ «о бытіи всѣмъ въ послушаніи», а потомъ приказалъ собрать казачій кругъ, въ которомъ объявилъ полученную грамоту и требовалъ выбора казаковъ въ составъ легіонной команды. Сотники Гороховъ, Сѣтчиковъ и Портняшкинъ, которымъ было поручено произвести наборъ, просили, чтобъ для лучшаго толкованія войску были имъ выданы копіи съ указа и грамоты.

— Вы можете получить подлинные указы и грамоты, отвѣ-

[1]) Прошеніе это подписали: атаманъ Петръ Тамбовцевъ, войсковой старшина и дьякъ Матвѣй Суетинъ.

[2]) Въ грамотѣ отъ 26 марта 1770 г., № 4,346.

чалъ Суетинъ, но при этомъ заявилъ, что кругъ долженъ тотчасъ же приступить къ формированію команды.

— Мы почитаемъ высочайшую волю дѣломъ святымъ, отвѣчали казаки,—но на кого гласитъ грамота, тотъ и отправляй.

Этими словами казаки хотѣли показать, что, по ихъ мнѣнію, командированіе должно быть сдѣлано только съ одной старшинской стороны. Суетинъ отрицалъ такое толкованіе грамоты и говорилъ, что казаки должны снарядить легіонный отрядъ безъ замедленія и упорства. Тогда изъ толпы выдѣлилось восемь человѣкъ, которые заявили, что они готовы исполнить указы, но все изложенное въ нихъ касается не до нихъ, казаковъ, а до старшинъ, старшинскихъ дѣтей и тѣхъ сотниковъ, которые по конфирмаціи лишены чиновъ. При этомъ Чумаковъ высказалъ желаніе войска просить императрицу объ отмѣнѣ легіонной службы.

— Съ самаго начала бытія нашего, говорилъ онъ, — такихъ порядковъ, какіе нынѣ чинятся, не бывало.

— Прежде нужно исполнить волю государыни, замѣтилъ на это Суетинъ, — а потомъ можно подать и прошеніе.

Казаки обѣщали дать положительный отвѣтъ не прежде вечера. Суетинъ согласился и оставилъ казакамъ подлинные грамоты и указы «для понятія всему войску». Вечеромъ казаки снова собрались въ кругъ и заявили, что всѣ поголовно пойдутъ къ императрицѣ, а казакъ Емельянъ Чижевъ требовалъ, чтобы войско было допущено до плавни.

— Подпишите общій приговоръ, говорилъ Суетинъ, — что вы назначите въ легіонную службу потребное число казаковъ и отправите ихъ тотчасъ по возвращеніи въ городокъ, и тогда будете допущены до плавни.

— Намъ подписываться не для чего, отвѣчали казаки, — ибо какъ прежде сего наши прадѣды, дѣды и отцы служили, такъ и мы нынѣ и впредь—текущія лѣта служить на прежнихъ поведеніяхъ и отеческихъ порядкахъ безо всякаго отрицанія должны, а штата мы не просили и имѣть его не желаемъ.

Получивъ такой отвѣтъ, Суетинъ не допустилъ войско до рыбной ловли и, лишивъ такимъ образомъ казаковъ одного изъ

главныхъ источниковъ дохода, приказалъ имъ ѣхать обратно въ Яицкій-городокъ. Казаки исполнили приказаніе, и 21 мая атаманъ Тамбовцевъ собралъ кругъ, въ которомъ прочелъ грамоту и приказалъ есаулу Филиппу Мусатову объявить всему войску, чтобы съ каждаго десятка было назначено въ Московскій легіонъ по одному человѣку, что̀ и составляло требуемое число рядовыхъ, 334 человѣка. Видя, что атаманъ намѣренъ сдѣлать нарядъ только изъ рядовыхъ казаковъ и исключаетъ старшинъ, старшинскихъ дѣтей и сотниковъ, войско отказалось исполнить требованіе.

— Мы штату не просили, слышались голоса,—и его не желаемъ, а желаемъ остаться на прежнихъ высочайше дарованныхъ правахъ.

Тогда старшинская или согласная партія предоставила отъ себя въ нарядъ 48 человѣкъ и снабдила ихъ всѣмъ необходимымъ. Примѣръ этотъ не подѣйствовалъ на войсковую сторону, и она попрежнему настаивала, чтобы войску дозволено было отправить въ С.-Петербургъ депутацію съ просьбой о сохраненіи прежнихъ ихъ казачьихъ привилегій, и въ крайнемъ случаѣ, если не послѣдуетъ на то согласія императрицы, то хотя бы о дозволеніи выбрать въ ту команду своего походнаго атамана и старшинъ. Послѣднее требованіе казаки считали весьма важнымъ, такъ какъ Тамбовцевъ назначилъ своихъ сторонниковъ и такихъ лицъ, которыя, по указамъ военной коллегіи, были лишены старшинскаго званія. Желая отклонить отправленіе депутаціи въ Петербургъ, Тамбовцевъ согласился на послѣднее желаніе казаковъ, и войсковая партія выбрала старшину Колпакова, который, войдя въ кругъ, заявилъ, что онъ долженъ служить согласно волѣ императрицы.

— Когда онъ по штату служить хочетъ, сказалъ сотникъ Сѣтчиковъ, указывая на Колпакова,—такъ видно старшины сами о томъ просили; только мы служить желаемъ по прежнему казацкому обыкновенію, а не по штату.

Слова эти подхватили многіе казаки, и въ войсковомъ кругу поднялся крикъ и шумъ, дошедшіе до драки. Поводъ къ тому подалъ дьякъ Суетинъ, который «азартно» сошелъ съ рундука, схватилъ сотника Сѣтчикова за бороду и за волосы и, таская по землѣ,

«смертельно» его билъ [1]). Суетину помогали въ этомъ атаманскій сынъ Алексѣй Тамбовцевъ, старшины Ѳедоръ Митрясовъ и Мартемьянъ Бородинъ, сотникъ Андрей Капневъ и Петръ Черторогoвъ. За Сѣтчикова вступились Кирпичниковъ, Гороховъ, Севрюгинъ, Краденовъ и еще 14 человѣкъ казаковъ, которые были тотчасъ же арестованы и въ примѣръ другимъ биты плетьми. Не ограничиваясь этимъ числомъ арестованныхъ, Тамбовцевъ приказалъ арестовать всѣхъ, кого считалъ явными противниками своихъ распоряженій. По приказанію атамана, казаковъ ловили, сѣкли безъ пощады и разсаживали по разнымъ амбарамъ, но всѣ эти мѣры на столько раздражили населеніе, что оно отказывалось исполнить какое бы то ни было требованіе. Войсковая канцелярія собрала кругъ съ намѣреніемъ сдѣлать всѣмъ десятникамъ и казакамъ перекличку по списку и назначить въ легіонную команду по своему выбору. Но какъ десятники въ кругъ не явились, то атаманъ, для сформированія легіонной команды, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ приказалъ хватать кого попало, «сколько бы съ которой сотни и десятка ни прилучилось» [2]). Всѣхъ схваченныхъ велѣно было содержать подъ арестомъ, имъ составлены были списки, которые и вручены старшинѣ Якову Колпакову.

Поступивъ такъ, войсковая канцелярія считала дѣло, по назначенію казаковъ въ составъ легіона, рѣшеннымъ и донесла военной коллегіи, что команда будетъ отправлена въ Симбирскъ, и что для препровожденія ея будетъ назначенъ особый конвой. Въ дѣйствительности дѣло это далеко еще не было окончено. Казаки волновались, и неудовольствіе ихъ на атамана принимало острый характеръ. Они потребовали разрѣшенія отправить нѣсколькихъ человѣкъ въ Оренбургъ къ губернатору съ жалобой на причиненныя имъ обиды и оскорбленія. Тамбовцевъ отказалъ. Войско собралось въ кругъ, вызвало атамана и вновь потребовало, чтобы было разрѣшено отправить въ Оренбургъ казаковъ Ивана Шешу-

---

[1]) Всеподданнѣйшее прошеніе яицкихъ казаковъ, поданное императрицѣ въ іюлѣ 1770 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 49.

[2]) Выписка изъ экстракта военной коллегіи отъ 22 іюля 1770 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 49.

кова и Григорія Голованова съ прошеніемъ. Тамбовцевъ арестовалъ ихъ, высѣкъ плетьми и посадилъ подъ караулъ. Вслѣдъ затѣмъ сотникъ Егоръ Вавилинъ просилъ атамана дозволить ему ѣхать въ Оренбургъ, но и онъ былъ высѣченъ плетьми. Казаки отказались тогда идти на севрюжье рыболовство и, опасаясь преслѣдованій, разсыпались по степи, «спасая животъ свой» [1]).

Отказъ идти на рыбную ловлю могъ вредно отозваться на экономическомъ благосостояніи населенія и вызвать новые безпорядки, а потому атаманъ принужденъ былъ освободить большинство арестованныхъ. Оставшіеся подъ карауломъ сотники: Кирпичниковъ, Сѣтчиковъ, Гороховъ, Краденовъ, Герасимовъ и другіе подговорили сотника Логина Шапошникова и казака Ивана Ерофеева, чтобъ они, не спрашивая позволенія атамана, съѣздили въ Оренбургъ и, доложивъ губернатору о всѣхъ притѣсненіяхъ, которыя испытываютъ казаки отъ старшинъ, просили его выдать имъ паспортъ на свободный проѣздъ въ Петербургъ. Оренбургскій губернаторъ генералъ Рейнсдорпъ задержалъ посланныхъ, донесъ военной коллегіи, что яицкіе казаки бунтуютъ и поручилъ командовавшему въ Оренбургѣ войсками генералъ-маіору Давыдову принять мѣры къ скорѣйшему командированію легіонной команды и 68 человѣкъ въ Кизляръ [2]). На требованіе Давыдова войсковая канцелярія отвѣчала, что хотя команды и набраны и для препровожденія ихъ былъ назначенъ особый конвой, «но токмо противной стороны большая часть казаковъ въ томъ препровожденіи ослушными явились. Того ради войсковая канцелярія покорнѣйше проситъ, дабы повелѣно было для того отправленія и препровожденія прислать въ войско Яицкое особливаго офицера съ надлежащею регулярною командой» [3]). Не имѣя права вмѣшиваться во внутреннія дѣла войска, генералъ-маіоръ Давыдовъ не рѣшился отправить регулярную команду, а командировалъ въ Яицкій-городокъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее прошеніе яицкихъ казаковъ, поданное въ іюлѣ 1770 года.

[2]) Ордеръ Яицкому войску генералъ-маіора Давыдова, 28 мая 1770 года, № 1016.

[3]) Рапортъ войсковой канцеляріи генералъ-маіору Ивану Кирилловичу Давыдову 1 іюня 1770 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 49.

поручика князя Уракова. Но и эта мѣра не привела ни къ какому результату [1]).

Отказавшись отправить легіонную команду, несогласная партія успѣла отправить въ Петербургъ, подъ предводительствомъ сотника Ивана Портнова, депутацію изъ 22 человѣкъ [2]), уполномочивъ посланныхъ заявить о войсковыхъ нуждахъ, ходатайствовать объ уничтоженіи легіонной команды и о сохраненіи прежнихъ ихъ привилегій и правъ.

Узнавъ объ этомъ и желая лишить партію главныхъ ея дѣятелей, Тамбовцевъ рѣшился отправить въ Оренбургъ арестованныхъ сотника Кирпичникова и его товарищей. Подъ присмотромъ старшины Ѳедора Митрясова и одного унтеръ-офицера, съ конвоемъ изъ форпостныхъ казаковъ, они были 30 іюля высланы изъ Яицкаго-городка, но на дорогѣ, въ Генварцевскомъ форпостѣ, были отбиты казаками, и, ускакавъ въ степь, пробрались потомъ въ Петербургъ [3]), гдѣ и присоединились къ бывшимъ тамъ депутатамъ.

Между тѣмъ, сотникъ Иванъ Портновъ и его товарищи, по прибытіи въ столицу, подали самой императрицѣ челобитную, въ которой просили возстановить войско на прежнихъ основаніяхъ, «а не опредѣлять насъ въ легіонные полки по учиненному новому штату» [4]). Депутаты просили возвратить изъ ссылки старшину Ивана Логинова; приказать удовольствовать денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, котораго казаки не получали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. «А объ истресеніи денежной войсковой суммы, о счетѣ канцеляріи и о всѣхъ обидахъ и разореніяхъ изъ высокомонаршей матерней милости просимъ послать вѣрнаго вашего императорскаго

---

[1]) Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 49.

[2]) Въ составъ депутаціи были избраны сотники: Иванъ Портновъ и Семенъ Подкаряшниковъ; рядовые: Ѳедоръ Найденовъ, Никита Каргинъ, Андрей Портновъ, Петръ Сергѣевъ, Максимъ Кабаевъ, Иванъ Горячкинъ, Терентій Сенгилевцовъ, Иванъ Чалусовъ, Андрей Легошинъ, Дмитрій Сергѣевъ, Ѳедоръ Жирикинъ, Иванъ Будигинъ, Михайло Погадаевъ, Якимъ Лепехинъ, Алексѣй Ларшинъ, Ѳедоръ Свіягинъ, Степанъ Толкачевъ, Емельянъ Чемевъ, Петръ Герасимовъ, Петръ Заколышинъ.

[3]) «Яицкое войско» и пр., г. Витевскаго (*Русскій Архивъ*, 1879 г., кн. III, 389). *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 290.

[4]) Въ прошеніи, поданномъ въ іюлѣ 1770 года.

величества раба, кому препоручить благоволите и отъ нашихъ старшинъ противъ беззаконныхъ ихъ поступковъ и наглаго разорительства высочайшею десницей защитить и оборонить».

Получивъ это прошеніе, императрица 2 сентября повелѣла военной коллегіи [1]): 1) «Нынѣшнихъ присутствующихъ въ войсковой Яицкой канцеляріи, ежели они положеннаго на нихъ по коммиссіи нашей л.-гв. капитана Чебышева денежнаго штрафа понынѣ не заплатили, приказать отъ присутствія отрѣшить, а на ихъ мѣста выбрать войску другихъ по ихъ обрядамъ, дабы тѣмъ скорѣе оный штрафъ съ нихъ взысканъ и въ войско возвращенъ былъ; 2) ежели яицкіе казаки подлинно какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго жалованія пятый годъ не получаютъ, то приказать ихъ немедленно въ томъ удовлетворить, а съ тѣми, кто въ удержаніи онаго виновными явится, поступить военной коллегіи по силѣ законовъ; 3) нынѣ содержащихся казаковъ, по причинѣ командированія въ легіонъ подъ карауломъ освободить, а сотнику Ивану Портнову съ товарищи, которые намъ самимъ мимо своей команды и собравшись множественнымъ числомъ прошеніе подавали, объявить, что мы изъ единаго нашего милосердія нынѣ въ томъ ихъ всемилостивѣйше прощаемъ [2]), а впредь за таковой поступокъ учинено съ ними будетъ по законамъ; 4) подлинно-ли яицкіе казаки нынѣшняго лѣта до рыбной ловли не допущены и чрезъ то приведены въ несостояніе къ платежу соляныхъ денегъ и кто тому виной, военной коллегіи приказать изслѣдовать и намъ представить; 5) войсковую канцелярію приказать въ воинской суммѣ счесть и впредь ежегодно считать, и 6) бывшаго старшину Ивана Логинова изъ ссылки возвратить».

Депутаты Яицкаго войска остались недовольны такимъ рѣшеніемъ. Призванные въ военную коллегію въ числѣ 26 человѣкъ они выслушали высочайшій указъ и на предложеніе ѣхать обратно не только не согласились, но и данную имъ на имя войска грамоту оставили въ залѣ коллегіи. Тогда графъ Захаръ Чернышевъ

---

[1]) Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, книга Высочайшихъ повелѣній за № 63.

[2]) У г. Витевскаго (*Русскій Архивъ* 1869 года, книга III, 390) указъ этотъ приведенъ въ измѣненномъ видѣ и цитаты невѣрны.

приказалъ арестовать всѣхъ находившихся въ Петербургѣ яицкихъ казаковъ, число которыхъ доходило до 80 человѣкъ, и отправить ихъ подъ присмотромъ на Яикъ. Скрываясь въ разныхъ частяхъ города, многіе казаки избѣжали ареста, «а другіе и именно: сотникъ Кирпичниковъ съ пятнадцатью человѣками казаковъ, не доѣзжая до Ямской слободы, помощію новой ѣдущей сюда партіи отбились, такъ что отправлено уже только шесть человѣкъ» [1]).

Хотя, по распоряженію графа Чернышева, изъ числа возвратившихся въ С.-Петербургъ казаковъ и было вновь арестовано человѣкъ 30, которые и отосланы въ Казань для содержанія подъ карауломъ, тѣмъ не менѣе казаки не унимались. Успѣвшіе избѣжать ареста, собравшись вмѣстѣ и имѣя во главѣ сотника Кирпичникова, нашли удобный случай вторично просить императрицу объ освобожденіи ихъ отъ легіонной и очередной службы и объ отправленіи на Яикъ довѣреннаго лица, которое могло бы прекратить безчинство старшинъ и вражду двухъ партій.

Упорство депутатовъ и ихъ настойчивость обратили на себя серьезное вниманіе императрицы, тѣмъ болѣе, что донесенія, полученныя отъ оренбургскаго губернатора, свидѣтельствовали о постепенномъ возростаніи безпорядковъ и о всеобщемъ народномъ неудовольствіи. Изъ этихъ донесеній императрица видѣла, что казаки наотрѣзъ отказались идти въ легіонную службу и послать смѣну находившимся въ Кизлярѣ; что ихъ ловили, заковывали въ кандалы и отправляли по назначенію, но товарищи отбивали ихъ и вмѣстѣ съ ними уходили въ степь. Населеніе было на столько возбуждено, что отказывалось отъ всякихъ работъ и не заботилось о собственномъ благосостояніи. Наступила пора сѣнокоса, казаки не думали о сѣнокошеніи; ихъ принуждали, они не слушали. Такое напряженное состояніе, грозившее серьезными послѣдствіями въ будущемъ, побудило императрицу еще разъ испробовать мѣры снисхожденія и удовлетворить главнѣйшимъ просьбамъ казаковъ.

«Войска Яицкаго сотники и казаки, писала императрица [2]), собравшись множественнымъ числомъ, неоднократно просьбами свои-

[1]) Памятники новой русской исторіи, часть II, 291.

[2]) Въ указѣ, данномъ военной коллегіи 7 декабря 1770 г. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, книга № 63.

ми насъ утруждали. За таковое ихъ дерзновеніе хотя они и заслуживаютъ неупустительное по законамъ наказаніе; но, изъ единаго нашего монаршаго милосердія, въ такомъ ихъ проступкѣ всемилостивѣйше прощаемъ и снисходя на ихъ просьбу *увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, куда ихъ и впредь не наряжать*. А притомъ повелѣваемъ нашему вѣрноподданному войску Яицкому по всѣмъ посылаемымъ въ войско изъ нашей военной коллегіи, какъ изъ главнаго правительства, грамотамъ и указамъ чинить непремѣнное исполненіе, и службу свою отправлять по ихъ прежнимъ обыкновеніямъ. Нашей же военной коллегіи повелѣваемъ представить намъ для опредѣленія въ легіонную команду вмѣсто яицкихъ казаковъ другихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для прекращенія вражды двухъ партій, повѣрки дѣйствій атамана и учета войсковой канцеляріи, императрица приказала отправить на Яикъ новую слѣдственную коммиссію, въ составъ которой были назначены л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ Дурново и командовавшій войскомъ въ Оренбургѣ генералъ-маіоръ Давыдовъ. Прибывъ на мѣсто, лица эти должны были разобрать пререканія казаковъ, на основаніи указа, даннаго военной коллегіи отъ 2 сентября, и если присутствующіе въ войсковой канцеляріи старшины положеннаго на нихъ денежнаго штрафа не заплатили, то, писала императрица капитану Дурново [1]), приказать смѣнить по усмотрѣнію вашему и на ихъ мѣста выбрать войску другихъ по ихъ обрядамъ, дабы тѣмъ скорѣе оный штрафъ съ нихъ взысканъ и въ войско возвращенъ былъ.

«Также, когда войсковую канцелярію въ войсковой суммѣ считать будутъ, велѣть опредѣлить къ тѣмъ счетамъ потребное число казаковъ заслуженныхъ и поведенія добраго, по выбору всего войска, со смѣной по прошествіи года. Командированной въ Кизляръ яицкихъ казаковъ пятисотной командѣ, когда двухлѣтній срокъ уже вышелъ, велѣть толикое же число нарядить изъ войска и отправить къ генералъ-маіору де-Медему».

---

[1]) Въ указѣ, отъ 31 декабря 1770 года. Государств. Арх., VI, д. № 505. Разсказъ объ яицкихъ казакахъ, изложенный въ запискѣ полковника Пекарскаго (*Москвитянинъ* 1841 года, часть III, 438), на столько невѣренъ, что не можетъ служить источникомъ для изслѣдователя.

Удовлетворенные въ своихъ просьбахъ, депутаты Яицкаго войска отправились домой, причемъ казаки Севрюгинъ и Герасимовъ успѣли получить копію съ указа 7 декабря, которая, какъ увидимъ ниже, будучи невѣрна, послужила поводомъ къ новымъ и весьма серьезнымъ волненіямъ казаковъ.

II.

Прибытіе Дурново въ Яицкій-городокъ.—Дѣятельность слѣдственной коммиссіи.—Неудовольствіе казаковъ.—Отправленіе сотника Кирпичникова депутатомъ въ Петербургъ. — Прошеніе казаковъ, поданное императрицѣ. — Перемѣна въ составѣ слѣдственной коммиссіи. — Генералъ Траубенбергъ. — Возвращеніе Кирпичникова въ Яицкій-городокъ. — Междоусобіе, среди котораго убиты Траубенбергъ и Тамбовцевъ, а Дурново раненъ. — Избраніе новыхъ правителей и просьба казаковъ о прощеніи.

2 февраля 1771 года капитанъ Дурново прибылъ въ Яицкій-городокъ, но не нашелъ тамъ генералъ-маіора Давыдова, занятаго въ Оренбургѣ отправленіемъ отрядовъ въ погоню за калмыками, откочевавшими изъ нашихъ предѣловъ съ цѣлью перейти во власть Китая.

Не желая однакоже оставаться въ бездѣйствіи, Дурново запретилъ старшинамъ производить дѣла по разбору жалобъ и обязалъ ихъ подпиской, что они будутъ заниматься только обыкновенными канцелярскими дѣлами [1]).

Мѣра эта, лишавшая старшинъ возможности притѣснять челобитчиковъ и отнимавшая у нихъ всякую власть, понравилась казакамъ и они просили Дурново о скорѣйшемъ исполненіи даннаго ему указа, но онъ отвѣчалъ, что одинъ сдѣлать этого не можетъ, а долженъ дождаться прибытія генералъ-маіора Давыдова, вмѣстѣ съ которымъ ему велѣно произвести слѣдствіе [2]). Только изъ этого заявленія войско узнало о Давыдовѣ, и, не вѣдая по чьему распоряженію онъ назначенъ, такъ какъ указъ императрицы былъ

---

[1]) Краткое извлеченіе изъ произведеннаго слѣдствія, приложенное ко всеподданнѣйшему рапорту капитана Дурново, отъ августа 1772 года. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104, листъ 21.

[2]) Записка капитана Маврина: *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 271.

написанъ на имя одного Дурново, рѣшило, что Давыдовъ командированъ по просьбѣ старшинъ и, конечно, будетъ держать ихъ сторону.

Съ неудовольствіемъ узнали казаки о пріѣздѣ Давыдова въ Яицкій-городокъ и съ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣ его дѣйствія. Неохотно шли они въ кругъ слушать присланный Давыдову указъ военной коллегіи, но когда, выслушавъ его, узнали, что велѣно отрѣшить отъ присутствія старшинъ, взыскать съ нихъ положенный штрафъ и удержанное ими у казаковъ жалованье, то временно успокоились, хоть и не надолго, потому что коммиссія, по ихъ мнѣнію, повела дѣло не такъ, какъ бы слѣдовало и не согласно съ данными указами. Члены коммиссіи начали съ того, что предложили присутствующимъ въ войсковой канцеляріи вопросные пункты, по которымъ оказалось, что положенный отъ военной коллегіи штрафъ старшины Суетинъ и Митрясовъ заплатили, а остальные еще не заплатили, потому что по резолюціи коллегіи велѣно было «взыскать штрафъ съ такою предосторожностью, чтобъ отъ единовременнаго взысканія въ бѣдность и неимущество придти не могли и расположить то взысканіе, смотря каждаго имущество, по срокамъ». Слѣдуемое войску жалованье и деньги за провіантъ за первыя пять лѣтъ, по показанію старшинъ, «были зачтены въ откупы, а за два года изъ наличныхъ больше половины въ жалованье роздано, а остальное казаки по упрямству не берутъ». Рыбу ловить и сѣно косить никогда запрещаемо не было. Въ заключеніе старшины въ приходѣ и расходѣ денежной суммы представили шнуровыя книги, начиная съ 1766 года.

Заявленіе старшинъ не могло быть ни опровергнуто, ни утверждено безъ показаній челобитчиковъ, не могло быть также, безъ показаній самихъ казаковъ, опредѣлено и то обстоятельство, въ состояніи-ли незаплатившіе еще штрафа старшины внести его, и въ какое время. Поэтому Давыдовъ и Дурново, согласно высочайшему повелѣнію, потребовали отъ войска довѣренныхъ для провѣрки какъ книгъ, такъ и показаній старшинъ. Видя въ этомъ требованіи уничтоженіе результатовъ слѣдствія, произведеннаго Потаповымъ, войско отказалось произвести выборъ, и послѣ долгихъ на-

стоянiй и собранныхъ нѣсколько разъ круговъ согласилось наконецъ на требованіе, но съ тѣмъ, чтобы старшины Митрясовъ, Суетинъ и Пономаревъ, какъ отвѣтчики, были отрѣшены отъ присутствованія въ войсковой канцеляріи, а на мѣсто ихъ были бы выбраны войскомъ другія лица. «А какъ по справкѣ оказалося, доносилъ Дурново [1]), что присутствующіе въ войсковой канцеляріи старшины положенный на нихъ штрафъ заплатили и въ приходъ оный въ 1766 и 1767 годахъ въ книгахъ дѣйствительно записанъ», то коммиссія, безъ точнаго изслѣдованія, не признала возможнымъ отрѣшить старшинъ совсѣмъ отъ присутствованія въ войсковой канцеляріи и выбрать вмѣсто нихъ другихъ. Со своей стороны казаки просили со слезами Давыдова и Дурново, чтобы поступили по указу. Но «они [2]), не внемля просьбѣ, показывали казаки, старались больше за старшинъ, обходясь съ ними пріятельски». Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ произошло весьма крупное разногласіе: слѣдователи не смѣняли старшинъ, а казаки отказались выбрать уполномоченныхъ. Вслѣдъ затѣмъ въ войсковомъ кругу, 9 марта, было прочитано высочайшее повелѣніе о командированіи въ Кизляръ 500 человѣкъ казаковъ на смѣну той команды, которая тамъ находилась уже болѣе двухъ лѣтъ, и указъ военной коллегіи о командированіи всего Яицкаго войска въ погоню за бѣжавшими калмыками. Объявленіе это было принято войскомъ съ большимъ неудовольствіемъ, и собиравшіеся 9, 10, 11 и 12 марта круги отличались особымъ шумомъ. Сотники и казаки непослушной стороны кричали, чтобъ имъ было разрѣшено выбрать въ походные атаманы простого казака Максима Выровщикова, а атаманъ и старшины на то не соглашались.

— Максимъ Выровщиковъ, говорилъ атаманъ, — былъ въ ссылкѣ, а по грамотѣ военной коллегіи 1765 года велѣно, при нарядѣ въ службу, посылать старшинъ по очереди, а буде важная надобность востребуетъ куда отмѣннаго достоинства и исправности, то, не взирая на очередь, командировать старшину по усмо-

---

[1]) Военно-ученый архивъ, д. № 104, листъ 21.

[2]) Записка Маврина: *Памятники и проч.*, ч. II, 271.

трѣнію войскового атамана, ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали слабыхъ и попустительныхъ, которые дѣлали единственно то, что казакамъ было угодно.

Пользуясь своимъ правомъ, атаманъ Петръ Тамбовцевъ назначилъ для преслѣдованія калмыковъ старшину Витошнова; полковниками: старшинъ Кадарова, Митрясова и Филимонова, а есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ предоставилъ выбрать самому войску [1]). Послушные казаки командировали отъ себя 221 человѣка, а непослушные объявили наотрѣзъ, что они не пойдутъ ни къ старшинамъ въ команду, ни въ погоню за калмыками на томъ основаніи, что будто бы казаковъ не велѣно наряжать на службу. Послѣднее заявленіе они основывали на копіи съ именного указа, даннаго военной коллегіи отъ 7 декабря 1770 года [2]), копіи, представленной атаману сотникомъ Тимоѳѣемъ Севрюгинымъ въ войсковомъ кругу 11 марта. Въ копіи этой вмѣсто словъ «куда ихъ (т.-е. въ легіонную команду) и впредь не наряжать», было написано: «никуда ихъ впредь не наряжать». Чтеніе этой копіи окончательно отклонило казаковъ отъ наряда въ командировку. Отказавшись, по наущенію сотника Ивана Кирпичникова, послать на смѣну команду въ Кизляръ, они требовали удаленія старшинъ, взысканія съ нихъ штрафа и выдачи казакамъ жалованья за пять лѣтъ.

Видя всю невозможность исполненія даннаго порученія, генералъ-маіоръ Давыдовъ и капитанъ Дурново донесли о томъ военной коллегіи, а казаки непослушной стороны отправили въ Петербургъ сотника Кирпичникова съ 23 человѣками [3]) въ качествѣ депутатовъ для испрошенія отъ имени всего Яицкаго войска о подтвержденіи капитану Дурново скорѣйшаго исполненія именного указа со всѣми его послѣдствіями [4]).

Передъ отъѣздомъ депутаты просили выдать имъ паспорты, но какъ ни войсковая канцелярія, ни Дурново выдать ихъ не

---

[1]) Военно-ученый архивъ, д. № 104, листъ 22.

[2]) Приведенъ нами выше.

[3]) Въ числѣ свиты Кирпичникова были казаки: Иванъ Портновъ, Петръ Краденовъ, Иванъ Герасимовъ, Иванъ Овчинниковъ и другіе.

[4]) Чтенія въ *Обществѣ исторіи и древностей*, 1860 г., кн. II, 36.

соглашались, то казаки заручились вѣрющимъ письмомъ отъ 2,700 человѣкъ сотниковъ и казаковъ [1]). Получивъ отъ 20 до 30 рублей на человѣка мірскихъ денегъ, депутаты отправились въ путь.

Выѣхавъ изъ Яицкаго-городка весной 1771 года послѣ Пасхи, депутаты въ іюнѣ прибыли въ Петербургъ, гдѣ Кирпичниковъ явился къ графу Захару Григорьевичу Чернышеву съ намѣреніемъ подать челобитную на имя императрицы. Чернышевъ не принялъ прошенія и толкнулъ ногою Кирпичникова такъ, что тотъ упалъ.

— Придите ко мнѣ всѣ сколько васъ здѣсь есть, сказалъ грубо графъ Чернышевъ, — тогда я прошеніе приму и васъ отправлю.

Опасаясь быть захваченными, казаки ходили въ военную коллегію по 3 и по 5 человѣкъ, и жили въ Петербургѣ на нѣсколькихъ квартирахъ, скрывая ихъ даже другъ отъ друга. Жили они въ Ямской слободѣ и для совѣщаній сходились на рынкѣ.

Отыскавъ удобный случай, казаки подали прошеніе въ руки самой императрицѣ, которая поручила своему секретарю Козьмину [2]) изслѣдовать дѣло яицкихъ казаковъ [3]). Изслѣдованіе это, заключавшееся главнѣйшимъ образомъ въ собираніи справокъ и во взаимной перепискѣ правительственныхъ учрежденій, продолжалось весьма долго, и казаки, не зная ничего о результатахъ своей просьбы, прожили въ Петербургѣ съ 28 іюня по 6 декабря. Въ этотъ день они узнали, что ихъ разыскиваютъ и что военная коллегія «дала чрезъ полицію приказъ по всему Петербургу изыскивать ихъ и на квартирахъ не держать, яко сущихъ злодѣевъ». Казаки сняли съ себя національный костюмъ, и переодѣвшись въ ямское платье, ходили по столицѣ въ ожиданіи резолюціи. Деньги, данныя имъ отъ войска, приходили къ концу, и депутаты стали ощущать недостатокъ въ пропитаніи, а между тѣмъ, шесть человѣкъ изъ нихъ были уже арестованы и биты плетьми.

---

[1]) Показаніе казака Ивана Ерина. Госуд. Арх., VII, № 2331.

[2]) По другимъ показаніямъ—Козицкому.

[3]) Показаніе Кирпичникова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, аудиторск. экспедиція, опись 93, св. 492.

Затѣмъ пойманнымъ обрили бороды, остригли волосы и, по приказанію графа Чернышева, отправили на службу въ полки второй арміи. Тогда, видя въ вице-президентѣ военной коллегіи не защитника, а своего преслѣдователя, казаки рѣшились вновь обратиться къ самой императрицѣ, отъ которой они только и ожидали справедливаго и милостиваго рѣшенія дѣла, продолжавшагося уже 11 лѣтъ.

«Богу и тебѣ, всемилостивѣйшая государыня, писали депутаты [1]), всеподданнѣйшіе рабы припадаютъ къ стопамъ вашимъ съ горькими слезами. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, всѣхъ живущихъ на Яикѣ, которые о тебѣ жизнь сообразуютъ и пребываютъ подъ вашимъ императорскимъ покровительствомъ! Сжальтесь, всемилостивѣйшая государыня, о понесенныхъ нами бѣдствіяхъ, которыя вашему высокомонаршему лицу изъ нашихъ торестныхъ прошеній извѣстны, кои содѣлаютъ намъ и нынѣ нападки, въ противность преподанныхъ высокомонаршихъ законовъ... Мы безчасные, всеподданнѣйшіе рабы, не только не имѣемъ удовольствія, но несемъ безчеловѣчное мученіе отъ атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшинъ (штрафованныхъ), коихъ и нынѣ опредѣляетъ государственная военная коллегія, а особливо графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ...

«Всеавгустѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня! Къ освященнымъ вашимъ стопамъ всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ со слезами, избавьте монаршимъ вашимъ милосердіемъ отъ сего несноснаго разоренія; не только пришли въ упадокъ, но въ самую нищету; ей-ей до того доведены, что мы не въ состояніи продолжать вашей императорской службы, за нерѣшеніемъ дѣла одиннадцать лѣтъ и за долговременнымъ здѣсь бытіемъ. По недостатку нашему на пропитаніе и на прочую справу, заниманіемъ въ великихъ долгахъ себя находимъ. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, оборони отъ такого нападенія атамана Тамбовцева и всѣхъ старшинъ и господъ генералитетъ, штабъ- и оберъ-офице-

---

[1]) Въ прошеніи, поданномъ 27 декабря 1771 г. Прошеніе это подписали казаки Петръ Андреевъ сынъ Герасимовъ и Иванъ Григорьевъ сынъ Еринъ. Государств. Арх., VII, д. № 2,331.

ровъ; удостой насъ, какъ прежде, при отцѣ отечества государѣ Петрѣ Великомъ находились подъ протекціею г. генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, тако и нынѣ усердно быть желаемъ у его высокографскаго сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова, дабы наше Яицкое войско избавлено было отъ нападенія, каковое высочайшее матернее милосердіе предпочесть должны не иначе, какъ дарованною намъ новою жизнію».

Прошеніе это было написано въ такомъ числѣ экземпляровъ, сколько было казаковъ въ Петербургѣ, «для того, показывалъ казакъ Симеонъ Матросовъ, что условились между собою, что если они (Герасимовъ и Еринъ) не успѣютъ оной (челобитной) подать и попадутъ подъ караулъ, то имъ свою стараться подать и ихъ изъ-подъ караула выручать».

Подавшій прошеніе Иванъ Еринъ былъ задержанъ, а Герасимовъ успѣлъ скрыться. На вопросъ, гдѣ живетъ Герасимовъ, Еринъ отвѣчалъ, что не знаетъ, «но думаетъ, что слоняется около рынка». Тогда, по приказанію императрицы, Еринъ былъ отправленъ къ генералъ-прокурору князю Вяземскому съ тѣмъ, чтобы онъ допросилъ его о желаніяхъ казаковъ[1]). Но прежде чѣмъ императрица могла узнать подробности всего происходящаго въ Яицкомъ войскѣ, большинство ихъ депутатовъ было арестовано и отправлено въ Петропавловскую крѣпость. Оставшіеся свободными не знали что дѣлать, и, наконецъ, Кирпичниковъ, за отсутствіемъ графа Григорія Григорьевича Орлова, обратился къ брату его Ивану Григорьевичу съ просьбой о покровительствѣ. Братья Орловы не были сторонниками распоряженій графа Захара Чернышева и относились къ нимъ съ ироніею. «Захаръ и Иванъ Чернышевы, писалъ лордъ Каскартъ графу Рошфору [2]), дѣятельны, тонки и хитры; способны запутать дѣло, но не руководить имъ».

Не сочувствуя графу Чернышеву и его поступкамъ, графъ

---

[1]) Письмо дежурнаго генералъ-адъютанта графа К. Разумовскаго кн. Вяземскому 28 декабря 1771 г. Гос. Арх., VII, д. № 2,331.

[2]) Въ письмѣ отъ 31 декабря 1770 г. *Сборн. Императ. русск. истор. общества*, т. XIX, 163.

И. Г. Орловъ далъ Кирпичникову письмо къ Дурново и совѣтовалъ отправиться на Яикъ, не являясь въ военную коллегію [1]).

— Съ этимъ письмомъ, прибавилъ графъ, васъ пропустятъ куда хотите.

Кирпичниковъ такъ и поступилъ: онъ досталъ копію съ высочайшаго указа капитану Дурново, взялъ съ собой письмо графа Орлова и, оставивъ въ Петербургѣ сотника Горохова, самъ съ остальными товарищами, избѣжавшими ареста, отправился въ Яицкій-городокъ, гдѣ въ то время волненіе казаковъ и ихъ неудовольствіе достигло крайнихъ предѣловъ.

Черезъ пять дней по отправленіи Давыдовымъ и Дурново донесенія въ военную коллегію, и именно 30 марта 1771 года, писарь духовнаго правленія Мостовщиковъ явился къ войсковому атаману Тамбовцеву и объявилъ, что непослушной стороны казакъ Иванъ Ягановъ говорилъ ему, что если будетъ собранъ кругъ и будутъ командировать казаковъ на службу, то 500 человѣкъ захватятъ пушки и пороховой погребъ, а 500 будутъ около круга въ резервѣ и учинятъ нападеніе на атамана со старшинами, на всѣхъ согласныхъ, на генералъ-маіора Давыдова и на всю регулярную команду [2]). Показанія Мостовщикова были тотчасъ представлены Тамбовцевымъ слѣдственной коммиссіи, въ присутствіи которой Мостовщиковъ подтвердилъ свое показаніе и заявилъ, что Ягановъ заперся и указалъ на казака Легошина, будто бы говорившаго эти слова. Легошинъ по обыкновенію отпирался, но послѣ священническаго увѣщанія Ягановъ признался въ томъ, что дѣйствительно слова эти онъ говорилъ. Не довольствуясь этимъ признаніемъ и желая отыскать главныхъ участниковъ заговора, Давыдовъ и Дурново приступили къ разспросамъ съ пристрастіемъ, на которыхъ Легошинъ объявилъ, что о намѣреніи войска говорили сотники: Гороховъ, Герасимовъ, Кирпичниковъ и Артикеевъ, казаки: Герасимовъ, Кабаевъ и Воровщиковъ и многіе другіе, а предпріятіе къ тому злому намѣренію ихъ было принято

---

[1]) Показаніе Кирпичникова.

[2]) Экстрактъ, приложенный къ рапорту Дурново. Военно-учен. арх., д. № 104 (А), листъ 23.

еще съ самой Страстной недѣли [1]). Коммиссія не могла произвести дальнѣйшаго слѣдствія, потому что большинство названныхъ лицъ находилось вмѣстѣ съ Кирпичниковымъ въ Петербургѣ, а остальные разбѣжались изъ городка по своимъ хуторамъ.

Въ это время генералъ Давыдовъ получилъ подтвержденіе военной коллегіи и ордеръ оренбургскаго губернатора о скорѣйшемъ командированіи команды въ Кизляръ. 22 іюня онъ собралъ войсковой кругъ, но совершенно безуспѣшно. Представители казаковъ непослушной стороны заявили, что выборъ атамана и прочихъ походныхъ старшинъ въ ту команду слѣдуетъ отдать на волю войска, а когда непослушные казаки потребовали, чтобы прежде командированія команды въ Кизляръ была произведена всему войску перепись, то Логиновъ просилъ атамана въ виду этой переписи командировку отложить до другаго круга. «Отъ чего, доносила войсковая канцелярія военной коллегіи, и больше развратъ сдѣлался, и казаки наисильнѣйше о переписи просить стали, а безъ того командировку сдѣлать отреклись».

Военная коллегія предписала произвести слѣдствіе по этому дѣлу, но еще до полученія этого предписанія генералъ-маіоръ Давыдовъ, будучи назначенъ губернаторомъ въ Бѣлгородъ, 19 октября отправился къ мѣсту назначенія. Вмѣсто его былъ назначенъ изъ Оренбурга генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, который прибылъ въ Яицкій-городокъ только 30 декабря, а до того времени «находился я, доносилъ Дурново, почти безъ всякаго дѣла» [2]).

Вновь назначенный предсѣдатель слѣдственной коммиссіи былъ человѣкъ рѣшительнаго характера, близко знакомый со всѣмъ происходившимъ на Яикѣ и недовольный казаками за то, что они не выслали въ его отрядъ команды для преслѣдованія калмыковъ. Генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ началъ свою дѣятельность съ того, что наказалъ плетьми семь человѣкъ казаковъ, оказавшихъ наибольшее сопротивленіе въ командированіи команды въ Кизляръ, приказалъ обрить имъ бороды и, подъ конвоемъ одного сержанта

---

[1]) Военно-учен. архивъ, д. № 104 (А), листъ 23.

[2]) Военно-учен. арх., д. № 104, листъ 15. Все, что̀ сказано объ этомъ времени въ статьѣ: «Яицкое казачество» (*Рус. Вѣстникъ* 1864 г., № 8) невѣрно.

и 12-ти рядовыхъ, отправилъ въ Оренбургъ для опредѣленія въ регулярную службу. Казаки войсковой стороны рѣшились отбить ихъ и освободить изъ неволи. Верстахъ въ 40 отъ городка, казаки въ числѣ до 300 человѣкъ конныхъ напали на конвой, «съ превеликимъ крикомъ», успѣли отбить шесть человѣкъ, а седьмаго, «насилу отстрѣливаясь, сержантъ съ командою удержалъ и привезъ обратно въ городокъ» [1]).

Не смотря на открытое сопротивленіе казаковъ, генералъ-маіоръ Траубенбергъ все-таки настаивалъ на отправленіи команды въ Кизляръ и собиралъ нѣсколько круговъ, но сотники и казаки войсковой стороны въ круга не ходили, отзываясь, что они ожидаютъ прибытія изъ Петербурга челобитчиковъ, сотника Кирпичникова съ товарищами, и до ихъ прибытія никакого наряда не сдѣлаютъ. Опасаясь преслѣдованій, казаки разбрелись по хуторамъ и «въ городкѣ находилось очень мало, а нѣкоторые хотя и были, но однакоже въ домахъ подъ укрывательствомъ» [2]).

Наконецъ, 9 января въ Яицкомъ-городкѣ получено было извѣстіе, что депутація съ Кирпичниковымъ во главѣ подъѣзжаетъ къ городку. Казаки огромными толпами, съ женами и дѣтьми, отправились на встрѣчу. Въ то время еще не были прекращены мѣры предосторожности отъ чумной заразы, и потому Траубенбергъ и Дурново отправили двухъ офицеровъ съ подлекаремъ для осмотра прибывшихъ и задержанія ихъ въ карантинѣ. Но едва только депутація показалась въ виду города, какъ была окружена болѣе чѣмъ пятьюстами казаковъ, такъ что о карантинѣ нечего было думать, и большинство прибывшихъ въ тотъ же день отправилось въ городъ [3]).

— Что велѣно Дурново исполнить? спрашивали казаки.

— Велѣно учинить въ силу указовъ, отвѣчалъ Кирпичниковъ.

Въ тотъ же день онъ явился къ Дурново и передалъ ему запечатанное письмо графа Орлова.

---

[1]) Всеподдан. рапортъ Дурново, августа 1772 г. Воен.-учен. арх., д. № 104, листъ 15.

[2]) Рапортъ прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу 22 января 1772 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, по аудиторской экспедиціи. Опись 93, связка № 492.

[3]) Моск. Арх. Главн. Штаба, св. 492.

— Въ ожиданіи возвращенія депутатовъ, говорилъ Дурново Кирпичникову, принимая отъ него письмо, — войско цѣлый годъ не отправляетъ команды въ Кизляръ, не смотря на высочайшее повелѣніе и неоднократныя подтвержденія военной коллегіи. Поэтому, если вы просили объ отмѣнѣ той команды и она не отмѣнена, то растолкуйте войску, что должно отправить ее немедленно.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла, отвѣчалъ Кирпичниковъ,—а что войско хочетъ, то пусть и дѣлаетъ.

На другой день Кирпичниковъ отправился въ Кабанкину улицу [1]), въ домъ отставного казака Прокофія Толкачева, гдѣ былъ встрѣченъ огромною толпой казаковъ.

— Что привезъ намъ изъ Петербурга? спрашивали они.

— Ничего кромѣ письма отъ графа Орлова къ капитану Дурново, отвѣчалъ Кирпичниковъ. — На поданную нами челобитную никакой резолюціи не послѣдовало, и для полученія ея оставлено въ Петербургѣ пять человѣкъ казаковъ при сотникѣ Гороховѣ.

Казаки призадумались, не зная что̀ предпринять и на что̀ рѣшиться.

— Все это дѣлаетъ графъ Чернышевъ, говорили Кирпичниковъ и пріѣхавшіе съ нимъ казаки;—государыня того не вѣдаетъ, а всегда велитъ намъ удовольствіе дѣлать. Если мы за себя не постоимъ, то графъ и всѣхъ насъ съ дѣтьми изведетъ, ибо и генералъ (Траубенбергъ) присланъ отъ него же, безъ вѣдома государыни и наемный старшинами. Ежели мы не уступимъ, то государыня почтетъ это себѣ за удовольствіе, ибо она, вѣдая, что графъ все мудрствуетъ, о вотчинѣ своей весьма сожалѣетъ.

Единственно чѣмъ могъ похвастаться Кирпичниковъ предъ казаками, это копіями съ указовъ: объ отрѣшеніи старшинъ, и съ даннаго на имя Дурново [2]). Копіи эти были тотчасъ же прочтены вслухъ казакомъ Романомъ Котятовымъ, и собравшіеся рѣшили

---

[1]) Извѣстна была также подъ именемъ Толкачевой улицы.

[2]) Показаніе Кирпичникова. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 93, св. № 492. Описаніе мятежа, происшедшаго въ Яицкомъ-городкѣ, сдѣланное старшиной Бородинымъ. Госуд. Арх., VI, № 505.

послать къ Дурново съ просьбой, чтобъ онъ отрѣшилъ старшинъ [1]).

— Если на третій день по посылкѣ, сказалъ Кирпичниковъ— старшинъ не отрѣшатъ, положеннаго штрафа не взыщутъ и войско жалованьемъ не удовлетворятъ, то поступимъ воинскимъ отпоромъ.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Траубенбергъ, узнавъ, что съ пріѣздомъ Кирпичникова казаки устроиваютъ сходки и собираются большими толпами, что Кирпичниковъ распускаетъ слухъ, будто привезъ съ собой указъ отъ отрѣшеніи судей войсковой канцеляріи и объ удовольствованіи войска жалованьемъ [2]), отправилъ къ нему Петра Копѣечкина съ двумя казаками спросить, есть ли у него дѣйствителько такой указъ?

— Указа нѣтъ, отвѣчалъ Кирпичниковъ.

— Велишь ли ты кругъ дѣлать? спросили посланные.

— Я не атаманъ.

— Ты хоть и не атаманъ, однакожь, тебя все войско слушаетъ, и больше чѣмъ атамана.

— Я иду въ баню, отвѣчалъ Кирпичниковъ,—и въ ваши дѣла не мѣшаюсь.

Переговоры эти были дословно переданы Траубенбергу [3]), который, будучи удивленъ такимъ отвѣтомъ и снисходя на просьбы старшинъ и послушныхъ казаковъ, желавшихъ видѣть Кирпичникова въ войсковомъ кругу для того, чтобъ онъ объявилъ имъ съ чѣмъ пріѣхалъ, отправилъ старшину и депутата Ивана Окутина съ приказаніемъ Кирпичникову явиться въ войсковую канцелярію и объявить, что̀ послѣдовало по челобитью ихъ? Но какъ только Окутинъ пришелъ на дворъ и сталъ стучаться въ дверь, Кирпичниковъ съ крикомъ и бранью выскочилъ изъ избы и столкнулъ Окутина съ крыльца.

— Развѣ тебѣ этого хочется? кричалъ Кирпичниковъ, схватившись за саблю,—покуда живъ иди лучше прочь.

---

[1]) Показаніе сотника Ивана Портнова.

[2]) Описаніе мятежа, происшедшаго въ Яицкомъ-городкѣ, сдѣланное старшиной Бородинымъ. Госуд. Арх. VI, № 505.

[3]) Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 272.

Онъ приказалъ бывшимъ въ его домѣ казакамъ прогнать Окутина со двора, что и было исполнено. Тогда Траубенбергъ послалъ вторично Окутина, дьяка Суетина, старшину Мартемьяна Бородина, сотника Копняева, казака Копѣечкина и съ ними 30 человѣкъ казаковъ, чтобъ они уговорили Кирпичникова и растолковали ему, что такъ своевольничать нельзя, и привели его въ войсковую канцелярію. Жена Кирпичникова, говоря, что мужа ея нѣтъ дома, заперла за собой двери, но посланные, не вѣря ея словамъ, стали ломиться въ домъ, отъ чего и произошелъ шумъ. На этотъ шумъ сбѣжались сначала сосѣди, а потомъ стали останавливаться и проходящіе казаки, такъ что когда посланные вышли со двора, то были встрѣчены толпой непослушныхъ казаковъ, человѣкъ до ста, которые стали ихъ ловить «подъ свой караулъ». Произошла свалка: казаки ловили другъ друга, и Бородинъ принужденъ былъ обнажить саблю, чтобы пробиться сквозь толпу [1]). Обѣ стороны захватили плѣнныхъ и развели ихъ въ разныя стороны. Трое казаковъ были захвачены старшинскою стороной и на арканѣ приведены къ генералъ-маіору Траубенбергу, который приказалъ атаману высѣчь ихъ плетьми у войсковой избы и посадить подъ караулъ. Происшествіе это быстро разнеслось по городу и войско считало себя глубоко оскорбленнымъ старшинами и ихъ партіей. Собравшись огромною толпой въ Толкачевой улицѣ, которая пролегала вдоль рѣки Яика, и расположившись на ея берегу, казаки толковали о происшедшемъ, какъ вдругъ замѣтили сотника Копняева и казака Копѣечкина, возвращавшихся домой изъ войсковой канцеляріи. Нѣкоторые казаки обратились къ нимъ съ словами укоризны.

— Для чего вы со старшинами, говорили они,—причиняете такія обиды и увѣчите войсковыхъ казаковъ?

Копняевъ и Копѣечкинъ оправдывались, а между тѣмъ окружающая ихъ толпа росла и, будучи недовольна ими за измѣну [2]),

---

[1]) Чтеніе въ *Обществѣ исторіи и древностей* 1859 г. кн. III, 112. Записка Бородина, Госуд. Арх., VI, № 505.

[2]) Копняевъ и Копѣечкинъ принадлежали прежде къ войсковой сторонѣ, но потомъ „прилѣпились для прокормки къ старшинамъ и наносили на войско разныя плевелы“.

рѣшалась захватить ихъ въ свои руки. Послѣ довольно значительныхъ побоевъ Копняевъ и Копѣечкинъ были отведены въ домъ Толкачева, брошены въ «студеный погребъ», гдѣ и содержались подъ карауломъ. Имѣя въ своихъ рукахъ заложниковъ, войсковая партія послала къ Дурново казака Савелія Чиганахаева съ товарищемъ просить, чтобъ онъ освободилъ войсковыхъ казаковъ и рѣшилъ дѣло о старшинахъ по силѣ именного указа. Депутаты были задержаны, закованы въ желѣзо и посажены подъ караулъ, а казакамъ послано приказаніе выпустить Копняева и Копѣечкина. Озлобленные задержаніемъ своихъ посланныхъ, казаки отправили еще двухъ, съ просьбой выпустить войсковыхъ казаковъ и съ обѣщаніемъ освободить тогда Копняева и Копѣечкина. Дурново задержалъ и арестовалъ и этихъ посланныхъ. Тогда войсковые казаки, собравшись значительною толпой, разставили по улицамъ свои пикеты, человѣкъ по 50, и всѣхъ выходившихъ на улицу послушныхъ забирали, били и сажали подъ караулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сотники разослали повѣстку, чтобы войсковые казаки, не только находящіеся въ Яицкомъ-городкѣ, но по хуторамъ и на форпостахъ, всѣ не исключая отставныхъ и малолѣтнихъ, собирались въ Толкачеву улицу для совѣщаній [1]). Со всѣхъ сторонъ стекались непослушные казаки; «чѣмъ далѣе, то ихъ болѣе собиралось, и Кабанкина (Толкачева) улица, равно какъ и другія близлежащія улицы, дворы и избы всѣ ими были наполнены. Которые же къ нимъ въ собраніе идти не хотѣли, тѣхъ всячески устращивали, силой и страхомъ къ себѣ привлекали, обманывая привезеннымъ будто бы Кирпичниковымъ именнымъ указомъ, напоминая при этомъ, что тѣ, кои на ихъ предпріятіе не согласятся, явные будутъ преступники и нарушители того указа. Многіе вѣрили такимъ разсказамъ и увеличивали собой толпу недовольныхъ».

Сборъ казаковъ въ Толкачевой улицѣ заставилъ генералъ-маіора Траубенберга принять серьезныя мѣры, и онъ было рѣшилъ собрать возлѣ себя регулярную команду [2]) и послушныхъ каза-

---

[1]) Рапортъ прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу 22 января 1772 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, по аудит. экспед., опись 93, св. 492.

[2]) Регулярная команда въ Яицкомъ-городкѣ состояла изъ 100 чел. Алексѣевскаго пѣхот. полка и изъ прислуги при 30-ти орудіяхъ, принадлежащихъ войску.

ковъ, съ тѣмъ, чтобы половину ихъ оставить при орудіяхъ, а другую послать разогнать непослушныхъ. Но какъ регулярной команды оказалось всего 70 человѣкъ, а послушныхъ казаковъ набралось не болѣе 50 человѣкъ, то атаманъ съ старшинами просили Траубенберга отмѣнить посылку команды противъ непослушныхъ, число которыхъ доходило до тысячи человѣкъ.

— Они по большей части, говорилъ Тамбовцевъ, сидятъ съ заряженными ружьями по дворамъ, а улицы тѣсны; если вступить въ улицы, они могутъ изъ оконъ перестрѣлять всю команду.

Отмѣнивъ первоначальное рѣшеніе, Траубенбергъ приказалъ какъ регулярной командѣ, такъ и послушнымъ казакамъ быть при войсковой канцеляріи въ совершенной готовности и вооруженными. Видя, что взаимная ненависть двухъ партій все болѣе и болѣе усиливается, послушные казаки стали собираться возлѣ войсковой избы, потихоньку проскользая между разставленными пикетами, «а иные провозимы были женами въ саняхъ, покрытые сѣномъ и прочимъ». Такихъ сторонниковъ-старшинъ собралось до 200 человѣкъ, а между тѣмъ Траубенбергъ отправилъ офицера уговорить собравшихся въ Толкачевой улицѣ, чтобы они разошлись по домамъ и освободили сотника Копняева съ товарищами, и если кому есть въ чемъ надобность, то пусть каждый самъ о себѣ, а не сборищемъ, приходитъ просить безо всякаго опасенія. Если же имѣютъ общественныя нужды, говорилъ Траубенбергъ,—то приходили бы въ войсковой кругъ, и законная просьба ихъ будетъ тотчасъ же исполнена [1]). Казаки отвѣчали, что они не имѣютъ никакого злаго намѣренія, но что они единогласно просятъ Дурново, чтобъ онъ рѣшилъ ихъ тяжбу со старшинами.

— Скажите ему, говорили казаки, чтобы по силѣ указа исполнялъ бы въ самой скорости, а генералъ бы съ командой ѣхалъ изъ городка вонъ: намъ-де дѣла до него нѣтъ.

Дурново отвѣчалъ, что скорое рѣшеніе дѣла зависитъ отъ самихъ казаковъ.

— Ежели изберутъ повѣренныхъ для счета книгъ, говорилъ

[1]) Записка Бородина. Госуд. Арх., VI, д. № 505. Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 274. Всеподдан. рапортъ Дурново. Военноучен. арх., д. № 104, 16.

онъ,—и для доказательства виновности старшинъ, то дѣло будетъ окончено въ самой скорости.

Дурново старался убѣдить представителей недовольныхъ, что товарищи ихъ поступаютъ дурно, собираясь самовольно вооруженною толпой, и просилъ ихъ разойтись по домамъ, но казаки не расходились. Напротивъ, какъ только узнали они, что Дурново не намѣренъ уступить общему желанію видѣть старшинъ смѣненными и публично прочесть данную ему инструкцію, положили идти къ нему на слѣдующій день всѣмъ войскомъ, «потому что если имъ просить о рѣшеніи своего дѣла малымъ числомъ людей, то онъ, по наущенію старшинъ, пересажаетъ подъ караулъ, можетъ, и половину войска».

— Вѣдь почему намъ знать, что̀ у нихъ на умѣ, говорили казаки.

Неудовольствіе было на столько возбуждено, что многіе въ ожиданіи утра, не смотря на сильный морозъ, ночевали на улицѣ подъ открытымъ небомъ.

Наконецъ наступило утро 13 января 1772 года. Толкачева улица была полна народа; здѣсь были служащіе и отставные казаки, малолѣтки, жены и дѣти; одни были вооружены ружьями, другіе палками, иные на коняхъ, но большинство пѣшкомъ; все шумѣло и кричало. Траубенбергъ спрашивалъ Дурново: что̀ дѣлать? «Прежде было полагали мы, доносилъ послѣдній [1]), чтобъ взять сколько возможно будетъ пушекъ и выдти съ командой изъ городка вонъ; но какъ по причинѣ зимняго времени и глубокихъ снѣговъ маршировать съ пушками по степи никакого способа не было и послушныхъ казаковъ жены и дѣти остались бы ихъ злодѣйству на жертву, а дома на расхищеніе и показана бы была чрезъ то имъ робость и поводъ къ пущей дерзости, — почему и разсудили остаться на мѣстѣ въ городкѣ, укрѣпясь сколь возможно въ улицахъ подлѣ войсковой канцеляріи и, если будетъ нападеніе, защищаться».

Разставивъ по разнымъ мѣстамъ пушки, такъ, чтобъ онѣ могли анфилировать улицы, а за ними регулярную команду и

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Военно-учен. архивъ, д. № 104, листъ 16.

согласныхъ казаковъ, Траубенбергъ отправилъ посланнаго въ Оренбургъ съ донесеніемъ, что казаки бунтуютъ и просилъ помощи. Оренбургскій губернаторъ генералъ Рейнсдорпъ командировалъ сначала эскадронъ драгунъ и роту пѣхоты, а потомъ еще роту пѣхоты, но они не поспѣли во-время и принуждены были остановиться въ Илецкомъ-городкѣ [1]).

Событія шли быстро и обстоятельства измѣнялись съ каждымъ часомъ.

Въ Толкачевой улицѣ толпа народа становилась гуще и гуще; но казаки, огромною волной передвигаясь съ мѣста на мѣсто, все еще не знали на что рѣшиться, какъ вдругъ среди собравшагося народа пронесся слухъ, что у казачки Анны Глуховой есть чудотворный образъ Спасителя, который во время бывшихъ напастей рыдалъ.

— Первый разъ, говорила Анна Глухова,—онъ плакалъ предъ тѣмъ случаемъ, когда генералъ Череповъ былъ въ Яикѣ и команда его побила изъ ружей нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ до смерти и множество перераниля; другой разъ, когда изъ войска требованы были казаки въ легіонную службу и войско противилось дать, отчего многіе были мучены побоями и тюрьмой.

По словамъ Анны Глуховой, образъ Спасителя плакалъ и теперь. Она же сообщила, что у казачки Бирюковой есть еще явленная Владычица Одигитрія, которая въ домѣ у нихъ болѣе ста лѣтъ и стариннаго рукописанія [2]).

— Сколь давно находится у насъ въ домѣ явленный образъ Богоматери, говорила Маланья Бирюкова,—я не знаю, а слышала отъ мужа своего, что онъ былъ у насъ еще при его дѣдѣ, который лѣтъ 20 умеръ. Найденъ оный образъ на бухарской сторонѣ, на Синемъ сыртy, въ степи, упомянутымъ дѣдомъ, ѣздившимъ туда съ прочими казаками для отысканія потерявшихся лошадей. Потому, что найденъ въ такомъ пустомъ, а притомъ еще и азіятскомъ мѣстѣ, онъ признанъ былъ за явленный. Чудесъ отъ него

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа Сенату 25 января 1772 г.

[2]) Показанія Анны Глуховой и Маланьи Бирюковой. Государственный Архивъ VI, д. № 505.

никакихъ я не видала, да и прежде, чтобъ оныя когда были ни отъ кого не слыхала. Однакоже многіе изъ здѣшнихъ жителей для моленія берутъ сей образъ къ себѣ въ домы и временемъ даютъ прикладъ.

Предпринимая рѣшительный шагъ, казаки тотчасъ же подняли образа и принесли ихъ въ церковь Петра и Павла [1]). Пока ходили за образами, коноводы недовольныхъ отправили отъ себя къ Дурново попа Михаила Васильева съ объявленіемъ, что войско идетъ пасть къ его ногамъ и просить, чтобъ онъ исполнилъ высочайшее повелѣніе. Въ ожиданіи отвѣта народъ двинулся отъ дома Толкачева и пройдя съ версту остановился у Петропавловской церкви. Траубенбергъ отправилъ старшину Ѳедора Митрясова для осмотра толпы и опредѣленія числа ея. Митрясовъ донесъ, что собралось множество казаковъ и идутъ вооруженными [2]).

Все говорило о близкой развязкѣ. Траубенбергъ приказалъ зажечь фитили и войскамъ быть готовыми ко всякаго рода случайности.

Между тѣмъ, священникъ Михаилъ Васильевъ скоро возвратился къ казакамъ и объявилъ, что Дурново обѣщалъ дней черезъ десять исполнить ихъ просьбу и приказывалъ имъ разойтись по домамъ. Опасаясь, что Дурново не исполнитъ своего обѣщанія и дѣло затянется, казаки вторично отправили къ нему священника Михаила, который, встрѣтившись на базарѣ съ отставнымъ казакомъ Михаиломъ Усомъ, просилъ его сходить къ священнику Кирсановской церкви Степану Аѳанасьеву и пригласить его отслужить молебенъ по желанію всего народа. Усъ исполнилъ порученіе, а священникъ Васильевъ, увидя Шигаева, впослѣдствіи

---

[1]) Посланный за чудотворнымъ образомъ Спасителя, церковный староста Сысой Поповъ, показалъ, что образъ былъ дѣйствительно принесенъ имъ въ Петропавловскую церковь, причемъ старухи объявляли, «что изъ глазъ Спасителевыхъ еще на дому усмотрѣны ими текущія слезы, почему и онъ изъ любопытства въ то же самое время на образъ смотрѣлъ, но слезъ текущихъ не было, а только отъ глазъ видны были маленькія дорожки, на подобіе какъ бы масломъ какимъ намазанныя». Госуд. Арх., VI, д. № 505.

[2]) Изъ рапорта Сакмарской станицы атамана Данилы Донскаго генералу Рейнсдорпу, 17 февраля 1772 г. Моск. Арх. Гл. Шт., по аудитор. экспед., опись 93, св. 492.

дѣятельнаго сообщника Пугачева, взялъ его къ себѣ въ товарищи и отправился съ нимъ къ Дурново.

— Зачѣмъ пришли? спросилъ Дурново посланныхъ.

Шигаевъ, поклонившись въ ноги, со слезами просилъ исполнить все по указу.

— Пусть войско разойдется по домамъ, и я, конечно, удовлетворю ихъ желаніе дней черезъ семь, а много черезъ десять.

— Войско проситъ, говорилъ Шигаевъ, — сдѣлать имъ эту милость сегодня.

— Нельзя.

— Какъ же, батюшка, быть? Войско сомнѣвается въ этомъ; не можно-ли вамъ сѣсть на коня и подъѣхавъ къ войску подтвердить ваше обѣщаніе?

— Да, благодарствую, отвѣчалъ Дурново; — можетъ вы меня же и уходите; нѣтъ, вѣдь я великъ у государыни-то!

Съ этими словами Дурново отошелъ въ сторону, а посланные остались съ атаманомъ Тамбовцевымъ, старшинами Суетинымъ и Бородинымъ. Попъ Михаилъ говорилъ съ атаманомъ, а Шигаевъ— съ Суетинымъ и Бородинымъ. «Шигаевъ кланялся имъ въ ноги и просилъ, чтобъ они смилосердились; а напротивъ того, и они ему низко кланялись и называли его именемъ и отчествомъ».

— Для чего же вы, спрашивалъ Шигаевъ, — упорствуете и стоите за свои чины и доводите войско до крайности?

— Мы нимало за чины свои не стоимъ, отвѣчали Бородинъ и Суетинъ, — и рады теперь же ихъ съ себя сложить. Если это угодно войску, то сочтемъ сіе за милость и готовы заплатить 100 рублей, чтобъ изъ бѣды освободиться.

— Ну, такъ вѣдь стоитъ вамъ, говорилъ Шигаевъ, — только придти предъ войско и принести покорность, такъ и вся вражда минуется. А ежели вы этого не сдѣлаете, такъ доведете, помилуй Богъ, до кровопролитія. Войско теперь не отстанетъ отъ своего предпріятія, приступитъ Сергѣя Дмитріевича (Дурново) просить, а онъ и генералъ не допустятъ, можетъ, оное до себя и будутъ палить изъ пушекъ. Народъ не утерпитъ, тогда и вы сами знаете, выйдетъ дѣло дурное.

— Мы рады съ тобою идти и принести войску покорность, отвѣчали Суетинъ и Бородинъ.

Они отправились къ Дурново и Траубенбергу просить позволенія идти къ войску, но разрѣшенія не послѣдовало, а между тѣмъ, толпа подошла къ Кирсановской церкви, находившейся не въ дальнемъ разстояніи отъ войсковой избы. Получивъ и на этотъ разъ неудовлетворительный отвѣтъ, казаки, подъ предводительствомъ сотника Ивана Портнова, «отправились къ церкви Божіей» [1]) и служили молебенъ, а нѣкоторые изъ нихъ причащались св. Таинъ.

— А затѣмъ, сказалъ Кирпичниковъ, обращаясь къ толпѣ,— поступайте, какъ Богъ вразумитъ.

Попъ же Васильевъ обязывалъ всѣхъ присягой дѣйствовать единодушно [2]).

Зная изъ словъ Шигаева, что старшины Суетинъ и Бородинъ готовы принести покорность войску, казаки рѣшились на новый шагъ къ примиренію и отправили къ Траубенбергу и Дурново казака Аржанова съ нѣсколькими товарищами просить, чтобы генералъ Траубенбергъ выѣхалъ изъ города, а старшины Матвѣй Суетинъ и Мартемьянъ Бородинъ были выданы войску.

— Выдать ихъ въ такое самовольное общество мы не можемъ, отвѣчалъ Дурново.

Аржановъ снова просилъ Дурново, чтобъ онъ выѣхалъ къ собравшимся и прочелъ имъ данный на его имя высочайшій указъ.

— Въ такую толпу вооруженнаго народа я не поѣду, отвѣчалъ тотъ,—а если хотите говорить со мной и выслушать указъ, то выберите человѣкъ 10 или 20 лучшихъ людей и пришлите ихъ на половину разстоянія. Я выѣду тогда къ нимъ, возьму съ собой старшинъ и могу съ ними о всемъ переговорить.

Съ этими словами Аржановъ ушелъ обратно, а вслѣдъ за нимъ Траубенбергъ послалъ къ казакамъ Сакмарской станицы атамана Данилу Донскаго, старшину Ѳедора Митрясова и депутата

---

[1]) Показаніе Кирпичникова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) *Чтенія*, 1860 г., кн. II, 51.

Якова Колпакова, чтобъ уговорить войско разойтись по домамъ и растолковать послѣднія слова Дурново казаку Аржанову. Толкованія эти не подѣйствовали, и хотя Дурново съ старшинами Суетинымъ и Бородинымъ выходилъ на середину, но казаки не согласились выбирать уполномоченныхъ для объясненія съ нимъ.

— Намъ до генерала (Траубенберга) никакого дѣла нѣтъ, отвѣчали казаки,—а имѣемъ его только до гвардіи капитана, какъ по высочайшему указу къ намъ въ войско присланнаго, которому поручено: старшинъ отъ присутствія отрѣшить и на мѣсто ихъ выбрать другихъ; положенный на нихъ штрафъ взыскать; жалованьемъ войско удовольствовать и войсковую канцелярію счесть.

Донской и его товарищи повторили требованіе Траубенберга и Дурново, чтобы толпа разошлась по домамъ и что тогда всѣ ихъ претензіи будутъ удовлетворены чрезъ недѣлю, а много что черезъ десять дней.

— Дурново цѣлый мѣсяцъ такія обѣщанія дѣлывалъ, говорили сотники и казаки, — однакоже ни одного раза не устоялъ на своемъ словѣ, а только мучитъ казаковъ и сажаетъ подъ караулъ. Воля его, вѣдь мы идемъ не со злодѣйствомъ какимъ, а идемъ съ святыми образами, для того, что авось-либо они по насъ для нихъ (образовъ) не станутъ стрѣлять и умилосердится ихъ сердце. Пришедши къ нему, мы обмоемъ ноги его слезами и будемъ просить, чтобъ онъ сегодня рѣшилъ старшинъ.

Придавъ Донскому священника Михаила Васильева и еще нѣсколькихъ человѣкъ, казаки отправили ихъ съ этимъ отвѣтомъ къ Дурново. Послѣдній рѣшился сдѣлать нѣкоторую уступку и пойти на примиреніе. Онъ прочиталъ присланнымъ высочайшій указъ, данный на его имя, и объяснилъ, что ему велѣно отрѣшить старшинъ только въ такомъ случаѣ, если они положеннаго на нихъ штрафа не заплатили.

— Но, говорилъ Дурново, — Суетинъ деньги заплатилъ, и въ имѣющуюся у протопопа Дмитрія Ѳедорова шнуровую книгу онѣ записаны и Суетину выдана квитанція. Старшина же Бородинъ въ присутствіе опредѣленъ еще недавно, да и участія въ томъ платежѣ нималаго не имѣетъ, а слѣдовательно, на отрѣшеніе ихъ

резона никакого нѣтъ. Что же касается до счета войсковой канцеляріи, то неоднократно требованы были отъ войска повѣренные, но они до сихъ поръ не присланы; когда они будутъ присланы, то канцелярія будетъ тотчасъ же сочтена, жалованье же человѣкамъ тысячи или болѣе уже роздано, а остальные пускай его разбираютъ [1]).

Такимъ образомъ взаимныя пересылки и безконечные переговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ; обѣ стороны были на столько напряжены и возбуждены, что не хотѣли уступить другъ другу, и генералъ-маіоръ Траубенбергъ призналъ необходимымъ послать еще разъ атамана Донского съ категорическимъ требованіемъ, чтобы казаки, повинуясь высочайшей волѣ, назначили команду въ Кизляръ, разошлись бы по домамъ и не подвигались впередъ толпой, а въ противномъ случаѣ онъ будетъ стрѣлять изъ пушекъ [2]).

Выслушавъ Донского, казаки рѣшили прекратить переговоры.

— Болѣе пересылки мы имѣть уже не будемъ, сказалъ сотникъ Краденовъ,—но на начинающаго Богъ!

Съ этими словами казаки заставили попа Михаила Васильева служить молебенъ о дарованіи побѣды, подняли три образа: изъза престола Кирсановской церкви, явленный въ семействѣ Бирюковыхъ и чудотворный Спасителя, бывшій въ домѣ Глуховой, и за образами намѣрены были двинуться къ войсковой избѣ. Казаки раздѣлились на двѣ партіи: одна пошлапо Большой улицѣ, а другая — по Ульяновой [3]). Сознавая, что дѣло доходитъ до бѣды,

---

[1]) Основываясь на приговорѣ военной коллегіи (*Чтенія*, 1860 г., кн. II, 37), г. В. Н. Витевскій говоритъ, что при послѣдней посылкѣ священникъ Васильевъ былъ уполномоченъ объявить Дурново, что если просьбы казаковъ не будутъ исполнены, то они пойдутъ съ оружіемъ и будутъ бить до смерти. Угроза эта не подтверждается ни рапортомъ Дурново, ни показаніями самого священника Васильева, ни, наконецъ, показаніями казаковъ, спрошенныхъ по этому поводу оренбургскою слѣдственною коммиссіей.

[2]) Рапортъ Данилы Донского генералу Рейнсдорпу 17 февраля 1773 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Рапортъ Дурново, августа 1772 года. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104, листъ 17. Записки Маврина, *Памятники новой русской исторіи*, ч. II.

[3]) Показаніе сотника Петра Краденова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

*

Шигаевъ упросилъ войско потерпѣть, пока онъ сходитъ еще разъ къ Дурново. Взявъ съ собой всѣ три образа, которые несли старики, Шигаевъ пошелъ впередъ, и не видалъ, что позади его народъ пробирался возлѣ стѣнъ, опасаясь идти посреди улицы. Но едва Шигаевъ дошелъ до соборной колокольни, какъ по приказанію генералъ-маіора Траубенберга послѣдовалъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

Толпа бросилась впередъ; произошла всеобщая свалка, «и дошло до того, что будучи въ семъ замѣшаніи, доносилъ Данила Донской, не могли мы узнавать уже другъ друга». Казаки быстро овладѣли орудіями, повернули ихъ противъ регулярной команды и произведя нѣсколько выстрѣловъ, побили много солдатъ и послушныхъ казаковъ. Забравшись въ избы и амбары вблизи войсковой канцеляріи и пороховаго погреба, наступающіе открыли огонь изъ ружей. При первыхъ выстрѣлахъ былъ раненъ Суетинъ, который и былъ отведенъ въ богадѣльную избу. Учащая огонь, казаки наступали на регулярную команду съ разныхъ сторонъ, и генералъ-маіоръ Траубенбергъ, видя невозможность устоять противъ напора столь многочисленной толпы, послѣ нѣкотораго сопротивленія съ небольшимъ числомъ солдатъ сталъ отступать ко двору сотника Симеона Тамбовцева, гдѣ сперва былъ раненъ пулей въ правую руку, а потомъ при входѣ на крыльцо изрубленъ саблями [1]). Капитанъ Дурново при началѣ дѣла находился не вмѣстѣ съ Траубенбергомъ, а стоялъ за орудіями, поставленными саженяхъ въ десяти отъ главнаго фронта. Когда большая часть прислуги при орудіяхъ выбыла изъ строя, убитыми или ранеными, Дурново хотѣлъ идти на соединеніе съ Траубенбергомъ, но не засталъ уже его на мѣстѣ и былъ окруженъ толпой человѣкъ въ сорокъ. «Одинъ изъ нихъ замахнулся разрубить мнѣ саблей голову, писалъ Дурново въ своемъ донесеніи [2]), но я уклонясь подставилъ ему правую свою руку, которую онъ и разрубилъ, а потомъ и голову въ трехъ мѣстахъ разрубили и въ спину ранили копьемъ, отъ чего я упалъ замертво; видно же что и больше они меня ру-

[1]) Рапортъ прапорщика Евтюгина 22 января 1772 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) Воен.-учен. арх., д. № 104 (А), л. 17.

били и кололи, потому что платье во многихъ мѣстахъ прорублено и проколото; послѣ того били меня смертельно дубьемъ и всякимъ дреколіемъ, что̀ у кого въ рукахъ было». Дурново былъ бы, конечно, убитъ, еслибы на мѣсто происшествія не подошелъ Шигаевъ.

— Что вы это, проклятые, дѣлаете, закричалъ онъ, расталкивая толпу, — какого человѣка бьете? Вѣдь ежели онъ умретъ, такъ государыня всѣхъ насъ за него перевѣшаетъ.

Эти слова, въ которыхъ такъ и слышится то первенство, которое признавали казаки за Дурново предъ Траубенбергомъ, остановили преслѣдователей [1]). Прекративъ побои, казаки стали поднимать Дурново, «и какъ я встать уже былъ не въ силахъ, доносилъ онъ, то ухватили за волосы и таскавши на мѣстѣ потащили къ войсковой канцеляріи саженъ съ семьдесятъ, и брося въ холодную тюрьму, двери заперли, гдѣ я лежалъ часа четыре безъ памяти; наконецъ, почувствовалъ, что озябъ и пришелъ нѣсколько въ память. Въ то время слышалъ я, что неоднократно приходили къ тюрьмѣ той, гдѣ я лежалъ и кричали: конечно, онъ живъ, надобно его приколоть, и въ двери ломились, но дверь была заперта и какъ видно, что они ключа не нашли».

Вечеромъ пришелъ къ Дурново казакъ войсковой стороны Савелій Ѳомичихинъ и, узнавъ, что онъ еще живъ, отвелъ на квартиру и отыскалъ подлекаря, который перевязалъ Дурново раны.

Толпа все еще бушевала: захвативъ у орудій до 70 человѣкъ старшинской стороны, въ томъ числѣ старшину Мартемьяна Бородина и Сакмарскаго атамана Данилу Донского, казаки войсковой стороны загнали ихъ, на половину избитыхъ и раненыхъ, въ икряную избу, гдѣ и содержали подъ карауломъ [2]). Благодаря за-

---

[1]) Хотя Дурново въ своемъ рапортѣ и писалъ, что обязанъ жизнью, «какъ послѣ я о томъ свѣдалъ», казаку Григорію Кабанову, но этого нельзя признать справедливымъ. По показанію большинства, это былъ Шигаевъ, который за этотъ поступокъ былъ освобожденъ военною коллегіей отъ наказанія и тѣмъ навлекъ на себя нерасположеніе товарищей. Казаки войсковой стороны считали его съ этого дня передавшимся на сторону старшинъ и впослѣдствіи сторонились отъ него.

[2]) Рапортъ Данилы Донского Рейнсдорпу 17 февраля 1772 г.

ступничеству того же Шигаева, старшина Бородинъ и атаманъ Донской не были лишены жизни. Въ то время, когда Шигаевъ зашелъ случайно въ икряную избу и разговаривалъ съ Мартемьяномъ Бородинымъ, прибѣжалъ туда казакъ почти въ бѣшеномъ состояніи, съ полѣномъ въ рукахъ.

— Гдѣ тутъ... Мартемьянъ-то славный? кричалъ онъ.—Я его!..

Раненый и избитый Бородинъ умолялъ Шигаева спасти его. Шигаевъ вытолкалъ вбѣжавшаго вонъ, поставилъ казака съ саблей у дверей и приказалъ, чтобы ни одного человѣка не пускалъ, а самъ отправился на мѣсто побоища, къ пушкамъ, гдѣ узналъ, что атаманъ Тамбовцевъ, старшины Яковъ Колпаковъ, Ѳеодоръ Митрясовъ, Иванъ Тамбовцевъ и многіе казаки убиты или ранены.

Весь день 13 января войсковая сторона неистовствовала [1]): ходила по домамъ старшинъ и послушныхъ казаковъ, грабила ихъ пожитки, отбирала деньги, а въ дома дьяка Суетина и откупщика отставного старшины Осипа Иванова стрѣляла изъ пушекъ, причемъ казаки клали въ нихъ столь большіе заряды, что двѣ изъ нихъ были разорваны.

Дѣла коммиссіи были уничтожены, имущество Траубенберга разграблено и его орденъ св. Георгія былъ найденъ впослѣдствіи въ «сору затоптанный».

Снявъ съ генералъ-маіора Траубенберга и съ двухъ лежавшихъ возлѣ него убитыхъ офицеровъ одежду и обувь и оставивъ ихъ въ однѣхъ рубашкахъ, казаки отрубили у Траубенберга два пальца, на которыхъ были золотыя кольца, и вынувъ изъ кармана табакерку насыпали ему табакъ въ ротъ и глаза. Въ теченіе трехъ сутокъ тѣла ихъ оставались непохороненными и казаки требовали, чтобъ они были вывезены въ степь на съѣденіе звѣрямъ.

«Однакожь, наконецъ, доносилъ прапорщикъ Евтюгинъ [2]), какъ я изъ бывшихъ тамъ офицеровъ здоровый остался только одинъ,

---

[1]) Витевскій (см. статью «Яицкое войско до появленія Пугачева» *Русскій Арх.* 1879 г.), основываясь на письмѣ Рычкова, относитъ начало рѣзни къ 12 числу и говоритъ, что она продолжалась и 13 числа; что совершенно невѣрно. Она началась и кончилась 13 января 1772 г.

[2]) Въ рапортѣ отъ 22 января. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

то и дозволили мнѣ, послѣ бывшаго смятенія, въ третій день похоронить, а до того лежали они покладенные на двухъ дровняхъ, какъ на позорищѣ, въ публичномъ мѣстѣ, подлѣ соборной церкви». Тѣла же убитыхъ казаковъ старшинской руки были на третій день зарыты въ полѣ, такъ какъ «мятежники попамъ хоронить ихъ не приказали и мѣста къ погребенію въ городѣ не дали» [1]).

Только вечеромъ казаки, обагренные кровью своихъ собратій, стали расходиться по домамъ, но въ это время послышался набатный колоколъ, призывавшій ихъ въ войсковой кругъ. За нѣсколько часовъ до звука колокола человѣкъ 20 казаковъ отправились къ Дурново и объявивъ ему, что атаманъ и нѣкоторые старшины убиты, а прочіе посажены подъ караулъ, спрашивали, прикажетъ ли онъ имъ выбрать себѣ новыхъ правителей?

— Дѣлайте что̀ хотите, отвѣчалъ Дурново,—потому что повелѣвать я не силахъ.

— Нѣтъ, кричали казаки, — ты теперь остался командиръ, такъ мы безъ тебя выбрать не можемъ.

Они говорили это отъ чистаго сердца и увѣрены были, что поступаютъ правильно: никто изъ нихъ не сознавалъ, что вовлеченъ въ преступленіе по подстрекательству нѣсколькихъ лицъ.

«Всѣ тамошніе бунтовщики, доносилъ Евтюгинъ, не почитаютъ того, что чрезъ бывшее ихъ смятеніе сдѣлали худо, а согласно всѣ, стары и малы, говорятъ, что исполнили высочайшую волю, и яко бы уже третій годъ вооруженною рукой поступить имъ велѣно было». Естественно, что при такомъ взглядѣ на совершившееся событіе, казаки пришли къ Дурново и спрашивали: прикажетъ ли онъ выбрать старшинъ. Израненый и почти безъ движенія, Дурново, опасаясь новыхъ насилій, принужденъ былъ сказать, что безъ начальниковъ имъ быть невозможно.

— Прекратите безпорядокъ, добавилъ онъ, — оставьте свое смятеніе; если будете продолжать свою наглость, то уже не оправдаетесь тѣмъ, что все это происшествіе послѣдовало, нечаянно, отъ того, что стали по васъ стрѣлять.

Зная, что Траубенбергъ отправилъ нарочнаго въ Оренбургъ и

[1]) Записка Бородина. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

просилъ о присылкѣ къ нему подкрѣпленій, казаки требовали чтобы Дурново далъ идущей въ городокъ командѣ предписаніе возвратиться въ Оренбургъ. Опасаясь новыхъ насилій Дурново отвѣчалъ, чтобы казаки писали сами что хотятъ. Продиктовавъ писарю содержаніе ордера и заставивъ Дурново подписать его, казаки отправились въ войсковой кругъ, гдѣ и выбрали себѣ повѣренныхъ судей: Василія Трифонова (онъ же Прозоръ), Андрея Лабзенева, Терентія Сенгилевцева, сотниковъ и прочихъ чиновъ.

Два дня спустя, имена новыхъ правителей были сообщены всѣмъ форпостнымъ начальникамъ, съ присовокупленіемъ, что имъ поручено управлять дѣлами войсковой канцеляріи впредь до выбора настоящаго атамана [1]).

Вся ночь съ 13 на 14 января проведена была въ разгулѣ, пьянствѣ и въ самохваленіи.

— Богъ пособилъ намъ побѣдить противниковъ, говорили казаки; казенный интересъ мы отбили, волю свою взяли и будемъ дѣлать по-своему.

Утромъ, 14-го числа, былъ снова собранъ войсковой кругъ, гдѣ единогласно постановлено: предать смерти нѣкоторыхъ изъ почитавшихся главными врагами войска и сочинить для старшинской партіи особую присягу, въ которой было сказано, чтобы быть имъ во всемъ согласнымъ съ войскомъ; предать забвенію прежнія ссоры, жить спокойно, не бить челомъ безъ вѣдома войска и ни для какихъ просьбъ никому и никуда, а особливо въ Петербургъ, самовольно не ѣздить. Постановленіе это было тотчасъ же приведено въ исполненіе: дьякъ Суетинъ, писарь Югуновъ и другіе были лишены жизни самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, причемъ трупъ перваго былъ брошенъ въ рѣку Чаганъ, а втораго—за Старицей [2]). Старшина Бородинъ и другіе были приведены по новой формѣ къ присягѣ и клялись, что будутъ дѣйствовать за-одно съ войскомъ; ихъ заставили просить прощеніе, и они, ходя по кругу, кланялись казакамъ въ ноги.

---

[1]) Ордеръ войска Яицкаго форпостнымъ начальникамъ, отъ 15 января. Моск. Арх. Глав. Шт., опись 93, св. 492.

[2]) Старое русло р. Яика (нынѣ р. Урала).

Утоливъ жажду мести, войсковая сторона начала успокоиваться и, по мѣрѣ того какъ разсудокъ пріобрѣталъ верхъ надъ страстью и увлеченіемъ, коноводы мятежа не могли не сознать своего поступка, и «видя бѣду» рѣшились отправить депутатовъ въ Петербургъ, съ объясненіемъ и оправданіемъ себя въ происшедшихъ безпорядкахъ [1]). Стараясь свалить всю вину на Траубенберга и убитыхъ атамана и старшинъ, новые правители войска призвали въ войсковую канцелярію протопопа соборной Архангельской церкви Дмитрія Ѳедорова, Троицкаго баталіона прапорщика Александра Иванова Евтюгина, Алексѣевскаго пѣхотнаго полка сержантовъ Тимоѳѣя Мензелинцева и Ивана Васильева, и заставили ихъ подписать показанія, направленныя противъ генерала Траубенберга [2]). Показанія эти, какъ доказательство невиновности казаковъ, были приложены къ челобитной на высочайшее имя отъ 15 января 1772 г. Жалуясь на притѣсненія атамановъ и старшинъ, по которымъ производилось слѣдствіе семь лѣтъ, на неполученіе за шесть лѣтъ опредѣленнаго жалованья, на лишеніе рыбныхъ промысловъ, на невзысканіе со старшинъ

---

[1]) Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 279.

[2]) Вотъ эти документы, составленные самими казаками:

Протопопъ Ѳедоръ показалъ: «13 сего января, во время войска Яицкаго шествія къ г. капитану Сергѣю Дмитріевичу Дурново, для своей просьбы, чтобъ онъ, капитанъ, исполнилъ въ силѣ именнаго ея императорскаго величества указа, со святыми образами, въ которое время по ономъ войскѣ находящійся здѣсь въ Яицкомъ-городкѣ г. генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, изъ учрежденной на Большой улицѣ противу пороховаго выхода артиллеріи, т.-е. пушекъ, а потомъ и изъ ружей не вѣдано по какой причинѣ началъ палить. Оное войско, видя, что онъ, генералъ, началъ по нихъ стрѣлять, то и оное, во оборону свою, противу его, генерала, регулярной команды и бывшимъ съ нимъ же, генераломъ, съ атаманской стороны старшинъ и казаковъ начали стрѣлять».

Прапорщикъ Евтюгинъ: «войска Яицкаго войсковой канцеляріи объявилъ, что при случившейся сего числа (13 января) въ Яицкомъ-городкѣ штурмѣ стрѣльба началась сперва изъ одной, а потомъ и изъ прочихъ пушекъ съ регулярной стороны». Подъ этою подпиской протопопъ Ѳедоръ собственноручно приписалъ: «Но и я при томъ былъ и видѣлъ, что стрѣльба изъ пушекъ началась сперва отъ регулярной команды, которою войска немалое число до смерти побито».

Сержанты Мензелинцевъ и *Васильевъ* 14 января дали подписку, что «при случившейся вчерашняго числа въ Яицкомъ-городкѣ штурмѣ, сперва пальба по приказу г. генералъ-маіора и кавалера фонъ-Траубенберга началась съ регулярной стороны изъ одной подлѣ него бывшей, а потомъ и изъ прочихъ пушекъ» (Воен.-учен. арх., д. № 104 (А), л. 4, 5 и 6).

штрафныхъ денегъ, казаки говорили, что сверхъ всего этого Траубенбергъ и атаманъ Тамбовцевъ «начали насъ, вашего императорскаго величества рабовъ, изъ домовъ таскать и немилостиво мучить».

«Однако мы, писали казаки [1]), все то наблюдали, что въ предохраненіе здѣшняго общества и высокихъ вашихъ интересовъ принадлежитъ. А притомъ просили, дабы по силѣ именнаго вашего императорскаго величества указа, въ дачѣ намъ за шесть лѣтъ жалованья, во взысканіи со старшинъ штрафа и въ выборѣ на мѣсто ихъ по войсковому согласію другихъ, сдѣлано было намъ удовольствіе... и учинено исполненіе. Къ чему мы, собравшись 13-го числа сего мѣсяца для той просьбы, и шли со святыми иконами, чтобы намъ не учинено было безвиннаго вреда; но генералъ Траубенбергъ и Тамбовцевъ со старшинами, собравъ регулярныя команды и всѣхъ согласныхъ атаману старшинъ и казаковъ вооруженныхъ, и разстановя по всѣмъ (?) улицамъ пушки и зарядя ихъ ядрами и картечами, начали по насъ, нижайшихъ, стрѣлять и побили на смерть болѣе ста человѣкъ и многихъ перераниля. По каковой доведенной великой крайности принуждены были и мы, нижайшіе, обороняться, причемъ и произошло съ обѣихъ сторонъ отъ того начатаго отъ регулярной команды и отъ согласныхъ атаману старшинъ и казаковъ стрѣлянія и пальбы напрасное убійство. А притомъ между того смятенія и бывшій при семъ происшествіи г. генералъ Траубенбергъ съ прочими при семъ убиты, да и войсковой атаманъ Тамбовцевъ и старшина Колпаковъ присутствующимъ старшиной Сустинымъ изъ своихъ рукъ срублены, а съ войсковой стороны *одна только оборона происходила, а напрасное и безвинное кровопролитіе отъ г. генерала съ регулярною командой и отъ согласныхъ атаману старшинъ и казаковъ произошло*, какъ изъ приложенныхъ при семъ протопопской и офицерскихъ и прочихъ сказокъ ваше императорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите. Мы уже, все-

---

[1]) Въ прошеніи отъ 15 января 1772 г. Прошеніе это напечатано въ приложеніи къ статьѣ г. Д. Анучина (*Современникъ* 1862 г., т. 92), а подлинникъ находится въ Военно-учен. арх., д. № 104 (А), листъ I.

подданнѣйшіе рабы, принуждены были обороняться по крайней и необходимой нуждѣ; въ чемъ, припадая съ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, и предаемся въ высочайшую вашу монаршую власть и благоволеніе. А теперь все войско Яицкое пришло въ тишину и спокойствіе, и всегда въ повелѣніяхъ вашего императорскаго величества находиться, служить до послѣдней капли крови обязуемся, такъ, какъ отцы наши и дѣды, не щадя живота своего, вѣрно и безпорочно служили. Точію изъ высочайшаго вашего императорскаго величества матерняго милосердія всеподданнѣйше просимъ, дабы повелѣно было, по причинѣ чинимаго отъ государственной военной коллегіи намъ, нижайшимъ, напраснаго притѣсненія, ввѣрить насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ, подъ дирекцію одной персоны, ихъ сіятельствамъ графамъ Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловымъ, а во всемъ оставить на прежнемъ основаніи, такъ, какъ и напредь сего предки наши стояли, въ силу именнаго блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго указа, подъ дирекціею г. генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не отъ военной коллегіи».

Такимъ образомъ, приписывая всѣ невзгоды графу З. Г. Чернышеву, казаки не желали оставаться подъ вѣдѣніемъ военной коллегіи, а бывая часто въ Петербургѣ и зная вліяніе Орловыхъ, они надѣялись подъ ихъ защитой сохранить всѣ свои права и привилегіи.

Когда прошеніе было составлено и подписано, Кирпичниковъ съ товарищами отправились къ Дурново спросить: такъ-ли оно написано и можно-ли послать?

— Богъ-де знаетъ! отвѣчалъ онъ, прочтя прошеніе. Мнѣ кажется такъ, посылайте съ Богомъ.

Тогда Кирпичниковъ потребовалъ, чтобы Дурново своею подписью засвидѣтельствовалъ справедливость всего изложеннаго. «Я, зная навѣрное, доносилъ Дурново, что и малое въ томъ противорѣчіе стоить будетъ мнѣ жизни, принужденъ былъ подписать». Недовольствуясь и этимъ свидѣтельствомъ, казаки потребовали отъ арестованнаго и содержащагося въ оковахъ старшины Мартемьяна Бородина, чтобъ онъ, во-первыхъ, подписалъ показаніе о проис-

шествіи 13 января, составленное ими [1]), а во-вторыхъ, далъ подписку въ томъ, что со дня вступленія его въ присутствіе всѣ жалобы войсковой канцеляріи на войско «происходили понапрасну, въ чемъ и страдали они какъ въ обритіи бородъ, такъ и въ прочихъ наказаніяхъ безвинно». Подписка эта вмѣстѣ съ прошеніемъ и всѣми къ нему приложеніями была передана четыремъ уполномоченнымъ: Выровщикову, Погадаеву, Михайлѣ Кожевникову и Шигаеву, которые тотчасъ же и выѣхали въ Петербургъ. Прежде чѣмъ они пріѣхали въ столицу, тамъ ужъ извѣстно было о всемъ случившемся на Яикѣ, и императрица собственноручно писала графу Я. А. Брюссу [2]): «Прикажите, чтобъ на заставахъ около Петербурга и далѣе гдѣ вѣдомство ваше есть, чтобъ накрѣпко смотрѣли не будутъ-ли проходить гдѣ яицкіе казаки по одиночкѣ или по нѣсколько, безпашпортные или съ пашпортами гвардіи капитана Дурново, и если гдѣ таковые явятся, чтобъ оныхъ бравъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, присылали ихъ сюда прямо въ военную коллегію, а только стерегли того, чтобъ дорогою не ушли. И весьма накрѣпко сіе прикажите».

Казаки успѣли однакоже пробраться незамѣченными и предъ масляницей прибыли въ Петербургъ.

На другой день поутру Выровщиковъ и Погадаевъ подали прошеніе Стрекалову, который тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ, куда забрали потомъ и всѣхъ депутатовъ [3]). 16 февраля 1772 года ихъ допрашивали въ совѣтѣ, въ присутствіи человѣкъ 15 генераловъ, въ числѣ коихъ были графы З. Г. Чернышевъ и Г. Г. Орловъ.

— Для чего вы, спрашивали присутствующіе депутатовъ, — наругались надъ мертвыми генераломъ и солдатами, и для чего долго ихъ не хоронили?

— Наругательства надъ ними никакого не дѣлали, отвѣчалъ

---

[1]) Показаніе это напечатано въ *Современникѣ* 1862 г., т. 92, 605.

[2]) Отъ 11 февраля 1772 г. Госуд. Арх., XVI, д. № 495.

[3]) Показаніе Максима Кожевникова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492. Показаніе Максима Шигаева. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506.

Шигаевъ, — а похоронили ихъ чрезъ три дня, потому что земля мерзлая, такъ не скоро могилы вырыли.

— Гдѣ же вы ихъ похоронили?

— У церкви.

Многіе изъ генераловъ засмѣялись.

— Такъ вы въ добромъ мѣстѣ ихъ положили, послышались голоса,—а мы думали, что на степи.

Этотъ разговоръ могъ дать казакамъ мысль, что представители власти не особенно строго смотрятъ на происшествіе въ Яицкомъ-городкѣ.

III.

Безпорядки въ Яицкомъ войскѣ при новыхъ правителяхъ.—Дѣйствія оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа. — Мнѣніе государственнаго совѣта о необходимости преобразованія внутренняго строя войска. — Формированіе отряда подъ начальствомъ генералъ-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ.—Воззваніе Рейнсдорпа.—Сопротивленіе казаковъ.—Дѣйствія отряда Фреймана.—Столкновеніе на рѣкѣ Ембулатовкѣ. — Занятія Яицкаго-городка. — Уничтоженіе войсковой канцеляріи, казачьяго круга и другихъ привилегій казаковъ.—Состояніе Яицкаго-городка.

Отправивъ депутатовъ въ Петербургъ, войско долгое время не могло успокоиться. Во главѣ его стояли лица, невнушавшія къ себѣ общаго уваженія и выбранныя сгоряча нѣсколькими наиболѣе крикливыми голосами. Въ ежедневно собираемыхъ кругахъ не было ни порядка, ни единодушія. «Старшинъ, выбранныхъ самими ими, доносилъ Дурново [1]), недѣли чрезъ двѣ съ рундука, гдѣ обыкновенно старшины во время круга становятся, сталкивали въ кругъ и послѣ чрезъ самое малое время, хоть и отрицались они принять на себя старшинское достоинство, силой ставили ихъ попрежнему на ихъ мѣста». Казаки требовали отъ вновь поставленныхъ правителей жалованье, но тѣ, будучи не въ состояніи исполнить желаніе войска, отвѣчали отказомъ и тѣмъ возбуждали всеобщее неудовольствіе.

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ августа 1772 года. Военно-ученый арх., д. № 104, листъ 18.

— Изъ-за чего же мы кровь проливали, когда вы такъ судите, кричали недовольные.

Чтобъ удовлетворить своему корыстолюбію, войсковые казаки грабили дома послушныхъ, уводили у нихъ лошадей, отбирали хорошее платье и, приводя въ кругъ и грозя смертью, заставляли ихъ откупаться деньгами. Откупщику и отставному старшинѣ Осипу Иванову угрозы эти стоили до трехъ тысячъ рублей [1]), а депутата Окутина сѣкли плетьми, вымогая у него деньги [2]). Желая предупредить такое своеволіе, писарь Михайловъ вошелъ-было въ кругъ для прочтенія того манифеста, по которому депутаты избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, но казаки и слушать того не хотѣли.

— Развѣ по васъ изъ пушекъ стрѣлять, кричали они Михайлову; — сдѣлали мы уже бѣду, такъ бѣдой и покрывать надобно.

Сотникъ Кирпичниковъ, судьи Трифоновъ и Сенгилевцевъ пытались-было успокоить недовольныхъ, но не только не успѣли въ этомъ, но и подверглись гоненію. Кирпичниковъ не одинъ разъ былъ арестованъ и сажаемъ на цѣпь.

— Ты съ нами первый былъ, говорили ему казаки, — а теперь хочешь поддобриться; такъ узнай, что у насъ никому спуску нѣтъ.

Безпорядки дошли до того, что представители власти не имѣли никакого значенія, и та партія хозяйничала, которая была сильнѣе. Общее и единогласное рѣшеніе получалось только тогда, когда дѣло касалось наказанія или смѣны должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ согласной сторонѣ, и замѣны ихъ поборниками народныхъ интересовъ. Такъ, по постановленію круга 16 января, гурьевскій атаманъ Ѳедоръ Бородинъ былъ замѣненъ Андреемъ Чаповымъ, походный атаманъ на нижнихъ форпостахъ Нефедъ Мостовщиковъ — Савельемъ Ѳоминичихинымъ, а полковникъ Витошновъ — Аѳанасіемъ Перфильевымъ.

Среди этихъ выборовъ и замѣны должностныхъ лицъ получено

---

[1]) «Яицкое войско до появленія Пугачева», Витевскаго. *Русскій Архивъ* 1879 года, кн. III, 443.

[2]) «Записка Бородина». Госуд. Арх., VI д. № 505.

было извѣстіе, что изъ Оренбурга отправлены войска и приближаются къ Яицкому-городку. Постановивъ не допускать ихъ въ свои границы и присягнувъ умирать другъ за друга, войсковая партія выслала изъ Яицкаго-городка всю бывшую тамъ регулярную команду, оставивъ только пушки, и отправила нарочныхъ въ Илецкій-городокъ съ ордеромъ капитана Дурново начальнику отряда и съ просьбой отъ имени войска вернуться обратно въ Оренбургъ. Зная, что Дурново находится въ Яицкомъ-городкѣ по высочайшему повелѣнію, что онъ пользуется извѣстною властію и не подозрѣвая, что силой былъ вынужденъ подписать этотъ ордеръ, начальникъ отряда остановился и отправилъ посланныхъ къ оренбургскому губернатору, генералу Рейнсдорпу. Послѣдній, опасаясь, чтобы въ Петербургѣ не осудили его распоряженій, дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ могъ внушить казакамъ, что они поступили правильно и невиновны въ происшедшей рѣзнѣ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать энергически и уничтожить безпорядки въ самомъ началѣ, Рейнсдорпъ вступилъ съ присланными въ переговоры, недостойные представителя власти. На просьбу казаковъ не посылать команды, онъ отвѣчалъ уклончиво, обманывая себя и ихъ.

— Команды отправлены, говорилъ Рейнсдорпъ,—въ предосторожность отъ заграничныхъ здѣшнихъ обстоятельствъ, а не противъ войска Яицкаго. Войско приведено уже попрежнему въ тишину, а происшедшій между ними сожалѣнія достойный поступокъ зависитъ единственно отъ высочайшаго усмотрѣнія.

Отправивъ предписаніе начальнику отряда остановиться въ Илецкомъ-городкѣ и ободривъ казаковъ, Рейнсдорпъ, по его словамъ, сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы скорѣе освободить Дурново и чтобы въ войскѣ «бо́льшаго сумнѣнія не имѣли и отъ разврата своего тѣмъ скорѣе унимались» [1]).

Возвращая посланныхъ въ Яицкій-городокъ, оренбургскій губернаторъ отправилъ съ ними увѣщательное письмо войску. «Чрезъ пріѣзжихъ изъ Яицкаго вашего городка, писалъ онъ [2]), получилъ

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа Сенату 25 января 1772 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

[2]) Въ объявленіи отъ 19 января 1772 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, по аудиторской экспедиціи, опись 93, св. 492.

я оскорбительное извѣстіе, что у васъ въ томъ городкѣ, по причинѣ междуусобнаго несогласія, происходитъ большой развратъ и вредъ, которые заставляютъ всякаго сына отечества и вѣрноподданнаго ея величества раба тужить и печалиться, въ разсужденіи того наипаче, что въ настоящихъ многотрудныхъ обстоятельствахъ таковыя чрезвычайныя происходятъ внутри своего государства несогласія, которыя натурально отворяютъ врата ко всему злу. Должно войску Яицкому представить себѣ: во-первыхъ, страхъ Божій, потомъ присягу вѣрности, а въ-третьихъ, добродѣтель толь славнѣйшей въ свѣтѣ монархини, которая неутомленными своими трудами изволитъ о благосостояніи и тишинѣ своихъ подданныхъ матерински и непрестанно пещись; слѣдовательно, когда до слуха ея величества дойдетъ сія столь гнусная вѣдомость (извѣстіе), то сколь можетъ опечалить ея священнѣйшій духъ! Ежели войско Яицкое, вышедъ изъ мрака злобы, войдетъ хотя въ нѣкоторый свѣтъ благоразумія и восчувствуетъ высочайшую милость ея величества, которою издревле пользоваться счастіе имѣетъ, то я съ моей стороны совѣтую и увѣщеваю, оставя всѣ свои внутреннія нестроенія, тотчасъ принять всѣ мѣры, дабы во ономъ войскѣ Яицкомъ возстановлена была прежняя тишина и покой, и народъ приведенъ бы былъ въ совершенный порядокъ и единодушное высочайшей волѣ повиновеніе, не допуская увеличиться гнѣву Божію».

Рейнсдорпъ требовалъ, чтобы войско донесло ему подробно о всемъ происходившемъ въ Яицкомъ-городкѣ; чтобъ оно отправило въ Оренбургъ для излеченія отъ болѣзни капитана Дурново, если онъ изъявитъ на то желаніе [1]), и съ нимъ команду Алексѣевскаго полка; и, наконецъ, чтобъ оно, на своей границѣ, соблюдало всю воинскую осторожность отъ внѣшнихъ непріятелей. «А дабы вой-

[1]) Дурново давно самъ желалъ уѣхать, но не могъ этого сдѣлать по слабости здоровья. «Что принадлежитъ до меня, писалъ онъ Рейнсдорпу 22 января, то нахожусь въ превеличайшей слабости и весь израненъ: на головѣ три раны, правая рука порублена, на спинѣ рана копейная (копьемъ), а сверхъ того, битъ очень больно, такъ что и подняться съ постели не могу. Да и изволите писать, если дѣла порученной мнѣ коммиссіи дозволятъ, не соглашусь-ли отправиться въ Оренбургъ, я бы съ превеликою радостію поѣхалъ для излеченія моей болѣзни, только нынѣ время очень холодное, а хотя мало будетъ потеплѣе, то отправиться не премину».

ско Яицкое, писалъ въ заключеніе губернаторъ, не имѣло причины объ отправленныхъ отсель войскахъ имѣть сомнѣнія, то я даю знать, что онымъ велѣлъ я остановиться и расположиться въ крѣпостяхъ, принадлежащихъ Яицкому-городку, въ разсужденіи нынѣшнихъ заграничныхъ обстоятельствъ, дабы, въ случаѣ нужды, могли содѣйствовать.

«Итакъ, съ посланнымъ симъ нарочно буду ждать того войска Яицкаго увѣдомленія, дабы по полученіи онаго могъ я по губернаторской инструкціи въ возстановленіи въ войскѣ Яицкомъ прежняго порядка, сходныя и самому войску Яицкому потребныя мѣры принять».

Войсковая канцелярія не замедлила отвѣтомъ, и черезъ два дня доносила Рейнсдорпу то же, что было изложено во всеподданнѣйшемъ прошеніи, отправленномъ съ депутатами въ Петербургъ. Обвиняя во всемъ Траубенберга, войско увѣряло Рейнсдорпа, что подняло оружіе только ради обороны, но теперь оно находится въ тишинѣ и спокойствіи, что всѣ прежнія ссоры и несогласія преданы вѣчному забвенію; что вмѣсто атамана Тамбовцева и прочихъ старшинъ для правленія въ войсковой канцеляріи избраны новыя лица, по общему войсковому согласію и по приказанію капитана Дурново.

«А хотя изъ прежнихъ присутствующихъ двое старшинъ, Иванъ Логиновъ и Мартьянъ Бородинъ, и живы остались, но токмо войско на нихъ не полагается, надежды не имѣетъ и сего правленія имъ не ввѣряетъ»[1]).

Войсковая канцелярія увѣряла Рейнсдорпа, что все войско будетъ служить вѣрой и правдой; что по границѣ наблюдается всякая предосторожность; что нижніе чины Алексѣевскаго полка отправлены въ Оренбургъ, а капитанъ Дурново по болѣзни и холодному времени не можетъ оставить Яицкаго-городка, «но когда теплый воздухъ быть имѣетъ, тогда и означенный капитанъ ѣхать, да и больныхъ и раненыхъ съ собою взять намѣренъ».

Такимъ образомъ обѣ стороны обманывали другъ друга: войско

[1]) Рапортъ Яицкаго войска Рейнсдорпу 21 января. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 93, св. 492. За Мартьяномъ Бородинымъ казаки особенно наблюдали; они посадили его въ подземелье и почти не выпускали на свѣтъ. Бородинъ получилъ свободу только съ занятіемъ Яицкаго-городка отрядомъ Фреймана.

увѣряло, что оно въ тишинѣ и спокойствіи, а между тѣмъ грабило и разоряло дома и имущество послушной стороны, а Рейнсдорпъ: что онъ какъ бы не признаетъ особой вины за казаками въ ожиданіи инструкціи изъ Петербурга.

Между тѣмъ, по полученіи въ столицѣ первыхъ извѣстій о волненіяхъ яицкихъ казаковъ, въ совѣтѣ, учрежденномъ при дворѣ императрицы, было положено: отправить изъ Москвы генералъ-маіора Фреймана съ ротой пѣхоты въ подкрѣпленіе посланнымъ изъ Оренбурга войскамъ, перемѣнить нынѣшнее управленіе войска, уничтожить чины войсковаго атамана и старшинъ и, наконецъ, раздѣлить всѣхъ казаковъ на полки, которые и подчинить вѣдомству оренбургскаго войсковаго начальства.

Сознавая, что подобная мѣра, затрогивающая коренные обычаи казаковъ, вызоветъ со стороны послѣднихъ энергическое сопротивленіе, совѣтъ положилъ: до весны стараться усмирить казаковъ одними увѣщаніями, а весной: «тогда какъ они на ловлю (рыбную) поразъѣдутся, ввесть въ ихъ городокъ регулярныя команды и, наказавъ виновныхъ, исполнить полагаемое о перемѣнѣ ихъ управленія намѣреніе» [1]).

Одобривъ постановленіе совѣта, императрица приказала Дурново по выздоровленіи явиться ко двору [2]), а Рейнсдорпу принять мѣры къ усмиренію войска и наказанію виновныхъ.

«Уже съ давняго время, писала она [3]), войско Яицкое, будучи подущаемо нѣсколькими неспокойными и общему благосостоянію завидующими своими казаками, зачинало быть въ развратѣ, и сколько ни старались мы оказанными ему милостьми и снисхожденіемъ вывесть его изъ заблужденія, все наше о томъ попеченіе было однако тщетно. Наконецъ, позабывъ вѣрноподданническую свою должность и ослѣпясь злостнымъ и превратнымъ тѣхъ вредныхъ людей истолкованіемъ нашихъ собственныхъ указовъ, не

[1]) Протоколы совѣта 6, 11 и 16 февраля 1772 года. Архивъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Указъ Дурново 17 февраля 1772 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, св. 492.

[3]) Въ указѣ Рейнсдорпу 26 марта 1772 г. Указъ этотъ напечатанъ вполнѣ въ статьѣ Витевскаго: «Яицкое войско до появленія Пугачева». *Русскій Архивъ* 1879 года, книга III, 447.

токмо оказало оно явное непослушаніе, но и дерзнуло на богомерзкое убивство начальствующаго въ той сторонѣ войсками нашего генералъ-маіора Траубенберга, войсковаго своего атамана и другихъ, также на увѣчье и задержаніе отправленнаго къ нимъ отъ лица нашего гвардіи нашей капитана Дурново, а при всемъ томъ, управляясь нынѣ незаконнымъ и самовольнымъ образомъ, пребываетъ въ такомъ еще несообразимомъ мнѣніи, якобы исполнило оно симъ ужаснымъ и ненавистнымъ поступкомъ наше соизволеніе».

Полагая, что не все войско, а лишь небольшая часть его была причиной безпорядковъ, а остальные были вовлечены въ преступленіе по простотѣ и незнанію, императрица Екатерина II поручила Рейнсдорпу потребовать главныхъ виновниковъ въ нарушеніи ихъ общаго покоя и тишины и объявить, что въ противномъ случаѣ, вмѣсто милосердія и пощады, войско навлечетъ на себя гнѣвъ императрицы.

22 апрѣля, нарочный привезъ въ Оренбургъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ этого указа, изъ коихъ 30 экземпляровъ съ полковникомъ Углецкимъ [1]), были отправлены 24 апрѣля къ войску съ приказаніемъ губернатора публиковать указъ и разослать его на всѣ форпосты. При этомъ Рейнсдорпъ требовалъ, чтобы до прибытія слѣдственной коммиссіи войско арестовало главныхъ зачинщиковъ и содержало ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ, «дабы никакими средствами утечки учинить не могли» [2]).

Прибывъ въ Яицкій-городокъ, Углецкій, по обычаю, собралъ кругъ и прочиталъ указъ. Выслушавъ высочайшее повелѣніе, войско отказалось признать кого-либо зачинщикомъ безпорядковъ.

— Не нѣкоторые изъ насъ, говорили казаки,—а мы всѣ виноваты предъ милостивою государыней.

Не считая возможнымъ и справедливымъ кого бы то ни было арестовать, войско отвѣчало Рейнсдорпу [3]), что главными нару-

---

[1]) Полковникъ Углецкій былъ выбранъ, какъ человѣкъ надежный и въ Яицкомъ войскѣ неоднократно бывавшій (Всеподдан. рапортъ Рейнсдорпа, отъ 8 мая. Военно-учен. Арх., д. № 104, л. 25).

[2]) Ордеръ войску Яицкому, отъ 24 апрѣля. Московскій Архивъ Главнаго Шт., опись 93, св. 492.

[3]) Рапортъ войска Рейнсдорпу, отъ 30 апрѣля. Тамъ же.

шителями покоя были: бывшіе атаманы Андрей Бородинъ и Петръ Тамбовцевъ, старшина Иванъ Логиновъ, Алексѣй Митрясовъ, Матвѣй Суетинъ, Мартемьянъ Бородинъ, Иванъ Окутинъ, Нефедъ Мостовщиковъ, Ѳедоръ Бородинъ и Кириллъ Филимоновъ съ товарищи. Эти лица, по словамъ казаковъ, были главными возмутителями и причиной всѣхъ ссоръ; по ихъ наущенію Череповъ стрѣлялъ и побилъ безвинныхъ, а Дурново не исполнялъ высочайшаго повелѣнія. Почему войско Яицкое, *имѣя каждый въ томъ обиду, всѣ сами собой, а не по возмущенію чьему*, 13 января отправились къ гвардіи капитану Дурново просить о скорѣйшемъ исполненіи указа, и хотя произошло при этомъ убійство, но войско невиновато, потому что оно только оборонялось. Въ заключеніе войсковая канцеляріи присовокупляла, что войско во всемъ повинуется государынѣ, отправило нарочныхъ въ Петербургъ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и содержитъ подъ арестомъ тѣхъ старшинъ, которые были на сторонѣ Траубенберга, какъ виновныхъ въ открытіи пальбы.

Съ такимъ объясненіемъ и отвѣтомъ полковникъ Углецкій возвратился въ Оренбургъ, а казаки рѣшили послать новую депутацію въ Петербургъ съ челобитными императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу, въ которыхъ, дословно излагая то же, что̀ доносили Рейнсдорпу, войско просило императрицу оказать ему милость и милосердіе, а великаго князя: помиловать «за прежнія наши вѣрныя службы, отечески заступить и помилосердствовать, чтобы мы отъ праведнаго гнѣва были избавлены» [1]).

Въ войсковомъ кругу 4 мая 1772 года было постановлено, отправить съ этими прошеніями «ко двору ея величества, для отданія *рабскаго поклона*» [2]), присутствующаго войскового повѣреннаго Василія Трифонова и при немъ пять человѣкъ сотниковъ [3]).

Депутатамъ ассигнована была достаточная сумма на путевыя издержки и выдано уполномочіе, въ случаѣ нужды, сдѣлать заемъ

---

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, по аудит. экспед., оп. 93, св. 492.

[2]) У г. Витевскаго (*Русск. Арх.* 1879 г., кн. III, 446) невѣрно сказано: «рыбнаго поклона» и на этой фразѣ основано нѣсколько заключеній автора.

[3]) Сотники: Симеонъ Свѣшниковъ, Петръ Сергѣевъ, Савелій Ѳоминичихинъ, Алексѣй Аржановъ и Никифоръ Любинъ.

на счетъ войска; но не успѣли они тронуться въ путь, какъ на Яикѣ получены были извѣстія самаго тревожнаго свойства.

Одновременно съ отправленіемъ полковника Углецкаго въ Яицкій-городокъ, Рейнсдорпъ получилъ указъ военной коллегіи [1]), которымъ повелѣвалось: какъ только отправленный изъ Москвы на почтовыхъ генералъ-маіоръ Фрейманъ съ гренадерскою ротой Великолуцкаго полка прибудетъ въ Оренбургъ, то придать ему столько пѣхоты и кавалеріи, чтобы въ отрядѣ его было не менѣе 1,500 человѣкъ регулярныхъ войскъ съ достаточнымъ числомъ артиллеріи. Руководясь кротостью и щадя невинныхъ, Фрейманъ долженъ былъ съ этимъ отрядомъ двинуться къ Яицкому-городку, потребовать выдачи зачинщиковъ, и въ случаѣ отказа со стороны населенія, силой возстановить тамъ прежнее спокойствіе и тишину.

Предоставляя Рейнсдорпу, какъ человѣку ближе знакомому съ положеніемъ дѣлъ, принять тѣ или другія мѣры, военная коллегія находила нужнымъ сказать: «что всякому въ семъ случаѣ средству предпочитается способъ кротости и тотъ, которымъ до желаемаго конца достичь можно, съ пощадою невинныхъ и безъ кровопролитія... По усмиреніи ихъ (казаковъ) и по занятіи Яицкаго-городка, правленіе всего Яицкаго войска, впредь до высочайшаго повелѣнія, поручить полковнику Неронову; въ самомъ Яицкомъ-городкѣ поставить цѣлую легкую полевую команду, придавъ человѣкъ до 200 или болѣе изъ оренбургскихъ казаковъ, также и достаточное число артиллеріи, и тотчасъ вступить въ слѣдствіе и разсмотрѣніе сего происшествія.

«Но какъ при такихъ народныхъ возмущеніяхъ заслуживаетъ особливаго попеченія, чтобы самовольно возмутителями устроенное правленіе, какъ возможно скорѣе разрушено было и тѣмъ бы беззаконное ихъ соединеніе само по себѣ упасть могло. Того ради и надлежитъ вамъ напередъ всѣ выше предписанныя повелѣнія и мѣры такъ собрать и заготовить, дабы первымъ вашимъ дѣйствіемъ противъ возмутителей вы были въ состояніи тотчасъ уни-

[1]) Указъ военной коллегіи Рейнсдорпу 17 февраля 1775 г.

чтожить ихъ правительство и постановить ваше, а потомъ уже начинать должное слѣдствіе» [1]).

Въ ожиданіи прибытія Фреймана оренбургскій губернаторъ сталъ стягивать войска къ Разсыпной крѣпости. Слухъ о такомъ распоряженіи быстро распространился по всему Яику и населеніе съ особою чуткостью слѣдило за сборомъ войскъ. 6 мая войсковая канцелярія ужь отправила двухъ казаковъ, Петра Пустобаева и Григорія Куликова, которымъ поручено было подъ видомъ вопроса: можетъ ли войско отправиться на севрюжье рыболовство, разузнать, что дѣлается въ Оренбургѣ.

Не желая сознаться, что знаетъ причину сбора командъ, войсковая канцелярія доносила Рейнсдорпу, что на основаніи прежнихъ обыкновеній войско Яицкое на севрюжье рыболовство выступило, «но нынѣ получено здѣсь извѣстіе, якобы въ Оренбургѣ, по крѣпостямъ, собираются команды и намѣрены слѣдовать сюда, а для какихъ причинъ, неизвѣстно; также что изъ россійскихъ жительствъ съ хлѣбомъ и съѣстными припасами всякаго званія сюда не допускаются. Изъ-за чего войско Яицкое слѣдованіемъ на то севрюжье рыболовство и остановилось, имѣя сомнѣніе не будетъ ли надобности, чтобъ оное все было на лицо, чтобъ изъ-за того миновать излишняго затрудненія».

Увѣряя губернатора, что на Яикѣ все тихо и спокойно, войсковая канцелярія просила тѣмъ командамъ «напраснаго движенія не чинить, чтобы изъ-за того и оное войско безъ сомнѣнія остаться могло» [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 10 мая войско разослало приказъ всѣмъ старшинамъ форпостовъ, расположенныхъ вверхъ по Яику, чтобы бѣгущихъ изъ Яика старшинъ и согласныхъ казаковъ стараться ловить и черезъ форпосты не пропускать.

На вопросъ о причинѣ сбора войскъ Рейнсдорпъ говорилъ, что хотя войско не заслуживаетъ отвѣта, но какъ вопросъ его и просъ-

---

[1]) Московс. Арх. Глав. Штаба. Журналъ секретной экспед., опись 47, кн. 52, л. 118.

[2]) Донесеніе войска Яицкаго отъ 6 мая 1772 г. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 93, св. 492.

бу онъ считаетъ дерзкими, «то и молчаливымъ остаться за сходно не признаетъ».

«Итакъ, писалъ онъ, возвращая изъ присланныхъ отъ васъ одного казака, даю вамъ знать, что наряженныя войска, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Фреймана, отправлены отъ меня по силѣ высочайшаго указа, для наказанія находящихся между войскомъ Яицкимъ мятежниковъ, кои паки въ злодѣяніи и непослушаніи остаются. Но прежде нежели онъ, генералъ-маіоръ, приступитъ къ дѣйствительному предписанному ему исполненію, я васъ, войско Яицкое, паки прилежно увѣщеваю и прошу, хоть остальные часы, въ кои еще можете черезъ раскаяніе ваше пользоваться милосердымъ ея величества прощеніемъ, употребить на разсужденіе, пощадя кровь неповинную женъ вашихъ и малолѣтнихъ дѣтей, а притомъ въ злобѣ неучастныхъ людей, и пришедъ въ чувствіе, постараться высочайшую волю исполнить, т.-е. главныхъ и богомерзкаго убійства зачинщиковъ, о коихъ черезъ полковника Углецкаго реестръ вы получили, обще съ признаваемыми вами покоя вашего нарушителями ему, генералъ-маіору, выдать и тѣмъ себѣ и всему войску Яицкому спасеніе получить. А инаково непремѣнно поступлено будетъ съ вами по всей строгости высочайшаго гнѣва, отъ котораго укрыться никакого способа уже не остается, ибо вы сами понять въ состояніи, можетъ ли столь важное злодѣяніе отъ главнѣйшей въ свѣтѣ монархини безъ достойнаго отмщенія упущено быть» [1]).

Такой отвѣтъ губернатора заставилъ войско отказаться отъ ловли севрюги и подумать объ отклоненіи угрожающей бѣды, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе отправленія своего отвѣта, Рейнсдорпъ предписалъ генералъ-маіору Фрейману отправиться въ Разсыпную, принять тамъ начальство надъ собравшимися командами и двинуться къ Яицкому-городку непремѣнно 16 мая.

Подходя къ городку, Фрейманъ долженъ былъ вторично отправить вышеприведенное увѣщаніе Рейнсдорпа, и въ случаѣ сопротивленія, обложить городокъ, построить батареи и приготовиться

---

[1]) Объявленіе Рейнсдорпа войску Яицкому 14 мая 1772 г. Моск. Арх. Главнаго Штаба по аудитор. экспед., опись 93, св. 492.

къ осадѣ. Чтобы виновники мятежа не могли переправиться на противоположную сторону рѣки Яика, Фрейману поручено было отправить изъ Илецкаго-городка по лѣвому берегу рѣки Яика отрядъ изъ 600 человѣкъ ставропольскихъ калмыковъ и иррегулярныхъ войскъ. Остановившись противъ городка, отрядъ этотъ долженъ былъ содержать разъѣзды и ловить всѣхъ переправляющихся [1]).

11 мая Фрейманъ прибылъ въ Разсыпную крѣпость, но не нашелъ тамъ всѣхъ командъ, долженствовавшихъ поступить въ составъ отряда: недоставало эскадрона драгунъ, 500 ставропольскихъ калмыковъ и мушкетерской роты, слѣдовавшихъ изъ Троицкой крѣпости. Продовольствіе отряда также не было обезпечено. Приготовленные въ Илецкомъ-городкѣ сухари, по медленному снаряженію для нихъ подводъ, не могли быть доставлены скоро къ отряду и тѣмъ болѣе, что для переправы ихъ черезъ р. Яикъ въ Разсыпную крѣпость не было надежнаго перевоза. Такимъ образомъ, сборъ войскъ и распоряженія по обезпеченію продовольствіемъ задержали Фреймана въ Разсыпной крѣпости до 25 мая [2]), а между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени войско успѣло приготовиться къ оборонѣ и къ вооруженному сопротивленію.

Возвращавшіяся 16 мая изъ Илецкаго-городка казачки, Екатерина Азовская и Ѳедора Яковлевичева, на ближайшемъ форпостѣ объявили сотнику Галунову, что 11 мая въ Разсыпную крѣпость прибылъ генералъ изъ Оренбурга и собралъ полки, а изъ Илецкаго-городка потребовалъ 275 лошадей подъ провіантъ [3]). Галуновъ въ тотъ же день донесъ объ этомъ войсковой канцеляріи, которая разослала гонцовъ по всѣмъ верхнимъ форпостамъ съ приказаніемъ, что если извѣстіе это справедливо, то чтобы на всѣхъ форпостахъ старшины и казаки имѣли всю военную предосторожность днемъ и ночью; какъ же только войска двинутся изъ Разсыпной, то отправляли бы женъ и скотъ въ Яицкій-горо-

---

[1]) Предписаніе Рейнсдорпа генералъ-маіору Фрейману 10 мая, опись 93, св. 492.

[2]) Записка Фреймана безъ года, мѣсяца и числа. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

[3]) Рапортъ Галунова войску отъ 16 мая. Моск. Арх. Главн. Штаба по аудиторск. экспед., опись 93, св. 492.

докъ, куда и сами ѣхали «безо всякаго отрицанія», захвативъ съ собою и находящіяся на форпостахъ пушки [1]).

Первое извѣстіе о дѣйствительномъ выступленіи Фреймана изъ Разсыпной крѣпости привезъ въ Яицкій-городокъ илецкій казакъ Никита Ерзиковъ [2]), а вслѣдъ затѣмъ Иртецкаго форпоста есаулъ Сергѣевъ донесъ войску, что Фрейманъ съ отрядомъ «рѣчку Киндель уже перелазитъ».

Войско, собравшись въ кругъ, по просьбѣ Кирпичникова и Ивана Портнова, постановило: просить помощи киргизскаго Нуръ-Али хана [3]) и отправить двухъ казаковъ, Максима Кабаева и Ивана Ероѳѣева, убѣдиться въ справедливости донесенія Сергѣева. Когда посланные, возвратившись, подтвердили извѣстіе, то войсковая канцелярія предписала командированнымъ на заставу походнымъ: атаману Ивану Ульянову и полковнику Пономареву (онъ же и Самодуровъ) съ командой изъ 200 человѣкъ верховыхъ казаковъ немедленно слѣдовать къ р. Иртеку и, по приближеніи Фреймана, отправить къ нему нарочныхъ и требовать указа, съ какою цѣлью онъ двигается къ Яицкому-городку.

«Самимъ же вамъ, сказано было въ наставленіи [4]), тѣмъ войскамъ никакихъ озлобленій не чинить, а меньше того и съ войсками къ отпору не вступать, а больше стараться просить изъ милосердія, чтобъ онъ съ войсками остановился и въ городокъ къ намъ не доходилъ и тѣмъ бы войско Яицкое въ вящшее сомнѣніе не вводилъ».

Въ ожиданіи донесенія Ульянова и Пономарева войско признало нужнымъ усилить свои боевыя средства, и съ этою цѣлью от-

---

[1]) Ордера войска Яицкаго вверхъ по р. Яику по крѣпостямъ и форпостамъ старшинамъ, есауламъ, сотникамъ и казакамъ, даже до Иртецкаго форпоста отъ 18 и 28 мая. Моск. Арх. Главн. Штаба по аудит. эксп., опись 93, св. 492.

[2]) Показаніе сотника Ивана Чеботарева. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 93 св. 492.

[3]) Нуръ-Али уклонился отъ прямого отвѣта и впослѣдствіи письмомъ отъ 8 іюня увѣдомилъ Рейнсдорпа, что отъ Яицкаго войска были присланы къ нему люди съ объявленіемъ, что оренбургскія войска идутъ на нихъ, «а какъ де они, яицкіе казаки, съ киргизъ-кайсаками равнаго въ родѣ своемъ состоянія, то именемъ войска и просили, чтобы киргизы для помощи къ нимъ сообщились». Нуръ-Али ханъ писалъ, что онъ по своей вѣрности имъ отказалъ. Тамъ же.

[4]) Отъ 28 мая 1772 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

правило сотника Сѣтчикова на нижніе форпосты, съ приказаніемъ выслать въ Яицкій-городокъ, на подводахъ, половинное число пороха и выкомандировать половинное число казаковъ, а остальнымъ оставшимся въ малыхъ форпостахъ казакамъ съ женами и дѣтьми перебраться подъ защиту большихъ крѣпостей и быть имъ «во всякой осторожности» [1]).

Между тѣмъ Ульяновъ и Пономаревъ, прибывъ въ Генварцевскій форпостъ узнали, что отрядъ Фреймана устроилъ черезъ р. Иртекъ мосты и переправляется на ихъ сторону. Ульяновъ отправился въ Яицкій-городокъ донести войску, а Пономаревъ остался въ форпостѣ для наблюденія за движеніемъ отряда. Руководствуясь даннымъ отъ войска наставленіемъ, Пономаревъ отправилъ къ Фрейману трехъ человѣкъ казаковъ, чтобы разузнать, съ какою цѣлью онъ двигается. Посланные возвратились и донесли, что генералъ форпостнымъ казакамъ никакого вреда не чинилъ, а имъ сказалъ, что слѣдуетъ въ Яицкій-городокъ за виновниками возмущенія [2]). Пономаревъ донесъ о томъ войску, а самъ, не имѣя права оказывать вооруженнаго сопротивленія, сталъ отступать, и Фрейманъ видѣлъ передъ собой только одинокихъ, вдали разъѣзжавшихъ всадниковъ.

Получивъ донесеніе Пономарева, войско собиралось нѣсколько разъ въ круги, причемъ старшины Трифоновъ и Сенгилевцевъ умышленно объявили, будто Пономаревъ былъ Фрейманомъ атакованъ; что корпусъ слѣдуетъ не по высочайшему повелѣнію, а по распоряженію губернатора и не для чего другого, какъ для истребленія всего городка [3])».

— Извольте, атаманы - молодцы, говорили они, — въ походъ идти и оставить въ городкѣ только съ каждаго десятка по два человѣка, а прочіе всѣ выступите нынѣшняго же дня.

Священникъ соборной церкви Василій Ивановъ, войдя въ кругъ, увѣщевалъ казаковъ не ѣхать въ степь на встрѣчу Фрейману и сопротивленія не оказывать.

---

[1]) Ордеръ войска Яицкаго сотнику Сѣтчикову, 28 мая. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) Записка Бородина. Госуд. Арх. VI, д. № 505.

[3]) Рапортъ Трифонова войсковой канцеляріи отъ 31 мая 1772 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

— Дѣло это богопротивное, говорилъ онъ; — вы пострадете отъ Бога и навлечете гнѣвъ государыни.

— Мы не намѣрены съ полками воевать, отвѣчали на это вожаки недовольной партіи,—а мы будемъ спрашивать только зачѣмъ сюда слѣдуютъ, и просить, чтобы генералъ самъ, или кого изъ офицеровъ съ малою командой для слѣдствія прислалъ. А безъ ружей намъ ѣхать невозможно ради того, что иногда къ истребленію всего здѣшняго мѣста безо всякой причины отъ тѣхъ полковъ нападеніе учинится. Если бы сего не было, то могли бы сюда малую команду прислать, а такой великій корпусъ не для добра идетъ, и конечно, отъ губернатора, а государыня того не вѣдаетъ.

Большинство казаковъ повѣрило словамъ своихъ предводителей, и въ томъ же кругѣ была составлена подписка, которою сотники и казаки обязывались, что «дерзновенно» противъ Фреймана поступать не будутъ, а будутъ стараться только не допустить его въ Яицкій-городокъ. Тогда войсковой повѣренный, шестидесятилѣтній старикъ Василій Трифоновъ, тотъ самый, который, будучи избранъ депутатомъ, не успѣлъ уѣхать въ Петербургъ, былъ назначенъ главнымъ распорядителемъ похода и въ помощь ему походнымъ атаманомъ Иванъ Ульяновъ.

Послѣдній, собравъ на скорую руку сколько можно было казаковъ, выступилъ съ ними на рѣку Ембулатовку, гдѣ и соединился съ Пономаревымъ, отступавшимъ предъ отрядомъ Фреймана. Сюда же спѣшилъ и Василій Трифоновъ съ остальными казаками, съ 5-ю знаменами и 10 пушками. 31 мая послѣдовало соединеніе всѣхъ трехъ отрядовъ, причемъ казаки узнали, что Пономаревъ не былъ атакованъ Фрейманомъ, и что послѣдній находился на рѣкѣ Ембулатовкѣ верстъ еще за тридцать. Поэтому, не предвидя столкновенія въ тотъ же день, казаки собрали кругъ, въ которомъ постановили: прежде чѣмъ посылать нарочныхъ къ Фрейману, вытребовать изъ войсковой канцеляріи документы, которые могли бы засвидѣтельствовать о невинности войска и о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ старшинами. Въ тотъ же день Трифоновъ отправилъ нарочнаго въ городокъ съ рапортомъ, въ которомъ просилъ войсковую канцелярію доставить въ отрядъ «для войсковой

общественной нужды и пользы: 1) присланную войску изъ государственной военной коллегіи *сгубительную* грамоту, которою велѣно изъ войска Яицкаго разослать нѣкоторыхъ въ ссылки, а другихъ отдать въ солдаты: оная лежитъ въ ларцѣ тамъ, гдѣ печать войсковая находится; 2) приговоръ атамана Тамбовцева съ старшинами, за ихъ руками, коимъ въ насъ стрѣлять во время штурма положено, и оный находится у Романа Котятова, и 3) съ указа блаженной памяти императрицы Анны Іоанновны, коимъ повелѣно насъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ довольствовать безъ задержанія» [1]).

Въ ожиданіи присылки этихъ документовъ, Трифоновъ на другой день, 1 іюня, узналъ, что почти на высотѣ городка, на противоположной сторонѣ р. Яика, по такъ-называемой Бухарской дорогѣ, слѣдуетъ другой отрядъ, состоящій изъ регулярной и иррегулярной команды. Онъ тотчасъ же отправилъ приказаніе внизъ по рѣкѣ Яику до Гниловскаго форпоста, чтобы всѣ старшины и казаки отправляли своихъ женъ, дѣтей и имущество въ Яицкій-городокъ, а сами всѣ до единаго явились къ нему на рѣку Ембулатовку [2]). Собравшіеся же на этой рѣчкѣ казаки въ тотъ же день рѣшили отправить къ Фрейману депутатами есаула Аѳанасія Перфильева, впослѣдствіи самаго ревностнѣйшаго пособника Пугачева, сотника Никифора Любина и казака Андрея Курбетева съ порученіемъ узнать, зачѣмъ посылается къ нимъ отрядъ и просить Фреймана, что если у него есть высочайшее повелѣніе, то прислалъ бы его въ войско. Фрейманъ отвѣчалъ, что идетъ въ Яицкій-городокъ, чтобы вытребовать виновныхъ въ происшедшемъ возмущеніи и въ убійствѣ генерала Траубенберга.

Перфильевъ съ товарищами просили Фреймана дозволить имъ отправить депутатовъ въ Петербургъ съ просьбою къ императрицѣ. Фрейманъ не разрѣшилъ, но объявилъ, что если они выдадутъ

---

[1]) Рапортъ походнаго атамана и войскового повѣреннаго Василія Трифонова войсковой канцеляріи отъ 31 мая. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) Ордеръ Трифонова внизъ по рѣкѣ Яику старшинамъ и казакамъ до Гниловскаго форпоста, 1 іюня. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

40 человѣкъ зачинщиковъ, то остальнымъ онъ никакого вреда не сдѣлаетъ [1]).

— Мы всѣ виновны, говорили присланные;—отъ войска послана челобитная ея величеству и ожидается указъ.

Депутаты просили Фреймана не переходить границъ войска, возвратиться въ Оренбургъ, или же остановиться до дальнѣйшихъ распоряженій.

— Останавливаться я не имѣю нужды, отвѣчалъ Фрейманъ, — а долженъ, по силѣ даннаго мнѣ отъ оренбургскаго губернатора повелѣнія, слѣдовать прямо въ Яицкій-городъ и взять виновниковъ возмущенія, и если остановлюсь, то не далѣе, какъ въ 15 верстахъ отъ городка.

Депутаты возвратились къ отряду вмѣстѣ съ сержантомъ Мѣшковымъ, присланнымъ Фрейманомъ потребовать выдачи 34 человѣкъ виновныхъ, поименованныхъ въ спикѣ, переданномъ войску полковникомъ Углецкимъ.

— Виновные, говорили казаки,—бывшій атаманъ Андрей Бородинъ, старшины Иванъ Окутинъ, Кириллъ Филимоновъ, Иванъ Логиновъ и прочіе ихъ сторонники, которые давно уже содержатся подъ карауломъ.

Мѣшковъ объявилъ тогда, что Фрейманъ въ послѣдній разъ даетъ время на размышленіе. Казаки собрали кругъ и на вопросъ что дѣлать? положили: когда Фрейманъ подойдетъ къ рѣкѣ Ембулатовкѣ, то силой оружія воспрепятствовать ему дальнѣйшее движеніе [2]). Такое рѣшеніе было несогласно съ желаніемъ многихъ и противно подпискѣ, данной старшинами и казаками въ Яицкомъ-городкѣ. Видя, что распущенный слухъ, будто Пономаревъ былъ атакованъ, несправедливъ, что, напротивъ того, Фрейманъ, проходя мимо форпостовъ, не причинялъ никому ни обидъ, ни оскорбленій, войско совѣтовало старшинамъ не вооружаться противъ Фреймана, а встрѣтить его съ честію [3]).

---

[1]) Показаніе Перфильева 12 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, № 425.

[2]) Показаніе сотника Кирпичникова и полковника Пономарева. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

[3]) Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 282.

— Мы не воевать пришли сюда, замѣтилъ казакъ Гульчихинъ, — и въ случаѣ упорства Фреймана лучше отступить.

Опасаясь, что такое замѣчаніе можетъ произвести разногласіе въ войскѣ, Ульяновъ «на страхъ другимъ» приказалъ высѣчь Гульчихина плетьми и привязать къ колесу [1]). Приказаніе это было тотчасъ же исполнено, но не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидалъ Ульяновъ. Въ войскѣ уже существовало разногласіе въ этомъ отношеніи, и вслѣдъ за наказаніемъ Гульчихина Ульянову пришлось наказать плетьми казака Ивана Болдырева и выгнать изъ палатки казака Григорія Жигалина съ товарищами, пришедшими къ нему съ такими же точно заявленіями. Вслѣдъ затѣмъ сотники Простовъ и Бочкаревъ, казаки Макарычевъ, Турыбаринъ и Пустобаевъ заявили, что они вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе Гульчихина и просили освободить послѣдняго, такъ какъ не онъ одинъ, а многіе и другіе казаки такого же мнѣнія [2]). Гульчихинъ былъ отпущенъ на свободу, но старшинамъ трудно было согласиться съ миролюбивыми совѣтами: большинство ихъ находилось въ спискѣ виновныхъ и впустить Фреймана въ городокъ значило добровольно предаться въ руки правосудію и подвергнуть себя жестокому наказанію. Они предпочли сопротивляться, и чтобъ имѣть возможность лучше къ тому приготовиться, задержали у себя сержанта Мѣшкова до слѣдующаго дня.

Въ ожиданіи отвѣта генералъ-маіоръ Фрейманъ въ теченіе цѣлаго дня оставался на мѣстѣ и успѣлъ запастись фуражомъ, а казаки перешли рѣку Ембулатовку и, выставивъ по высотамъ далеко впереди аванпосты, приготовились къ встрѣчѣ. Вожаки рѣшили не дозволить Фрейману переправиться черезъ рѣку Ембулатовку.

— За счастье почтетъ генералъ, говорилъ самонадѣянно Пономаревъ, желая подбодрить казаковъ, — если ему удастся изъ этой рѣчки воды напиться [3]).

Между тѣмъ, Фрейманъ, въ 9 часовъ утра 3 іюня, въ день

---

[1]) Показаніе сотника Ивана Портнова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба.

[2]) Показанія сотниковъ Кирпичникова и Портнова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[3]) Показанія Кирпичникова и Портнова. Тамъ же.

св. Троицы, въ боевомъ порядкѣ двинулся впередъ, имѣя впереди разъѣзды изъ оренбургскихъ казаковъ. Не доходя верстъ трехъ или четырехъ до рѣки Ембулатовки, онъ встрѣтилъ одиночныхъ всадниковъ, гарцовавшихъ предъ его фронтомъ. Яицкіе наѣздники подъѣзжали къ оренбургскимъ казакамъ и просили, «чтобъ они въ сіе дѣло не вплетывались, какъ и они съ своей стороны задирать ихъ не станутъ». Оренбургскіе казаки отступили къ отряду и донесли о томъ Фрейману, который, пройдя еще нѣсколько сотъ саженъ, увидѣлъ предъ собой толпу яицкихъ казаковъ, числомъ до четырехъ тысячъ человѣкъ и болѣе. Онъ остановился и отправилъ офицера съ нѣсколькими всадниками спросить, зачѣмъ они собрались вооруженные и потребовать, чтобъ они разошлись по домамъ. На встрѣчу посланному выѣхалъ полковникъ Пономаревъ съ нѣсколькими казаками. Офицеръ требовалъ, чтобы казаки не опасались ничего, ѣхали спокойно въ Яицкій-городокъ и очистили свободный путь отряду.

— Мы всѣ умремъ на рѣкѣ Ембулатовкѣ, отвѣчалъ на это Пономаревъ,—а въ городокъ отряда не впустимъ.

Фрейманъ двинулся впередъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ рѣчкѣ, толпа казаковъ, все увеличиваясь, стала окружать отрядъ. Фрейманъ остановился и приказалъ открыть огонь. Послѣдовалъ выстрѣлъ съ лѣваго фланга, за нимъ другой и третій. Казаки отвѣчали выстрѣлами изъ ружей, и затѣмъ нѣсколько всадниковъ, подскакавъ къ отряду саженъ на сто съ лѣвой стороны, зажгли траву во многихъ мѣстахъ. Пожаръ быстро распространился и дымъ понесло на отрядъ. Подъ прикрытіемъ этого дыма казаки намѣрены были атаковать Фреймана и съ этою цѣлью подавали нѣсколько сигналовъ, но атака не состоялась. Тогда они подвезли пушки и открыли огонь, но какъ дымъ мѣшалъ правильному прицѣливанію, то снаряды ихъ перелетали черезъ головы и не причинили никакого вреда отряду.

Между тѣмъ Фрейманъ, имѣя у себя до 400 лопатъ, приказалъ, въ предупрежденіе опасности отъ степного пожара, очистить отъ травы нѣкоторое пространство вокругъ отряда, и какъ только огонь прекратился и дымъ разсѣялся, онъ сбилъ артиллерію казаковъ. Послѣдніе, видя неудачу въ этомъ направленіи, собрались

на правомъ флангѣ отряда, съ намѣреніемъ атаковать его, но Фрейманъ приказалъ легкимъ войскамъ предупредить ихъ своею атакой, и казаки были сбиты, потерявъ много убитыхъ, которыхъ они, подбирая, таскали арканами.

Разсѣявшись въ разныя стороны, казаки собрались потомъ возлѣ рѣки за горой, мимо которой долженъ былъ слѣдовать отрядъ. Выславъ впередъ оренбургскихъ казаковъ и калмыковъ для воспрепятствованія казакамъ производить поджогъ травы, Фрейманъ принялъ вправо и двинулся по обожженному уже мѣсту, съ намѣреніемъ обогнуть гору и зайти въ тылъ собравшимся. Замѣтивъ это, казаки снова выдвинули свои орудія, атаковали кавалерію Фреймана, прогнали ее къ отряду и успѣли захватить 10 человѣкъ плѣнныхъ, изъ числа которыхъ двухъ калмыковъ они впослѣдствіи убили. Подъ прикрытіемъ огня своихъ орудій казаки пытались нѣсколько разъ атаковать отрядъ, но не имѣя въ томъ успѣха, снова зажгли траву въ разныхъ мѣстахъ. Фрейманъ принужденъ былъ остановиться, принять мѣры къ прекращенію пожара и выстрѣлами изъ орудій отбивать насѣдавшихъ на него казаковъ [1]).

День клонился къ вечеру; солнце уже зашло и выстрѣлы прекратились. Въ отрядѣ пробили зорю, разставили ночные пикеты, а казаки отошли въ свой станъ, расположенный въ горахъ у мостовъ черезъ рѣчку Ембулатовку. Они отправили нарочнаго въ Яицкій-городокъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ и просили совѣта у оставшихся въ городкѣ судей и престарѣлыхъ, что «прикажутъ съ корпусомъ дѣлать, который остановленъ, и отъ рукъ ихъ уже никто изъ онаго уйти не можетъ».

«Съ нашей стороны, доносилъ Трифоновъ, урону, кромѣ двоихъ казаковъ легкими ранами раненыхъ и двухъ лошадей убитыхъ, болѣе не состоитъ. А нынѣ паки къ нему, генералу, дабы возвратился назадъ, все войско приступило, и что произойдетъ донесено будетъ. Съ ихъ же стороны всѣхъ побитыхъ десятковъ до трехъ, въ полонъ взятыхъ восемь человѣкъ оренбургскихъ ка-

---

[1]) Записка Фреймана. Государств. Арх., VI, д. № 505. Рапортъ Фреймана Рейнсдорпу отъ 12 іюня. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

заковъ, которые для надлежащаго отосланы къ вамъ въ войско [1]). Чего для и нынѣ просимъ пожаловать священникамъ побить челомъ, дабы оные за православный народъ всѣ сіи дни промолебствовали, чтобы Господь намъ помогъ одолѣть противника нашего. Да и о томъ паки напоминаемъ, чтобы послать въ Гурьевъ-городокъ для взятія пороха и свинца какъ можно и о сводѣ съ нижнихъ форпостовъ команды, какъ прежде было предписано».

Донесеніе Трифонова было принято въ Яицкомъ-городкѣ съ большимъ восторгомъ. Какъ только прибылъ посланный, Сенгилевцевъ приказалъ ударить въ набатъ, чтобы передать войску столь пріятныя извѣстія. Услышавъ знакомый звукъ колокола, старые и малые казаки, даже женщины собрались въ кругъ, гдѣ узнали содержаніе полученныхъ донесеній, и рѣшили отправить въ войско своихъ посланныхъ съ поздравленіемъ и съ пожеланіемъ захватить Фреймана въ свои руки и привести его въ Яицкій-городокъ. Въ томъ же кругу было постановлено: производить ежедневное молебствіе и немедленно отправить казака Максима Кабаева въ Гурьевъ-городокъ за порохомъ [2]) и для свода казаковъ съ нижнихъ форпостовъ.

«При городѣ же, писалъ Сенгилевцевъ [3]), предводительствующею рукой Божіею обстоитъ благополучно».

---

[1]) Г. Витевскій (*Русскій Архивъ* 1879 г., кн. III, 452) принялъ эти цифры за дѣйствительныя потери обѣихъ сторонъ, но нѣтъ надобности близко знать военное дѣло, чтобы видѣть всю ихъ невѣрность. Въ дѣйствительности же потери Фреймана въ оба дня сраженія заключались въ одномъ убитомъ, 9 раненыхъ, въ томъ числѣ прапорщикъ Бочкаревъ, и 15 плѣнныхъ (9 оренбургскихъ казаковъ и 6 калмыковъ). Что же касается яицкихъ казаковъ, то кромѣ убитыхъ и раненыхъ они потеряли 4 человѣка захваченными въ плѣнъ и два знамя.

[2]) «По самонужному нынѣ дошедшему до всего здѣшняго общества обстоятельству, писалъ Сенгилевцевъ 4 іюня Гурьевской сотенной команды походному атаману Андрею Чипову (?), о которомъ податель сего можетъ ясно доказать, потребно пороху, ядеръ и свинцу. А какъ онаго пороху, ядеръ и свинцу въ Гурьевѣ находится немалое число, почему въ войскѣ Яицкомъ разсуждено взять оттоль половинное число, того ради и повелѣвается вамъ онаго пороха, ядеръ и свинцу, взявъ половинное число для доставленія сюда, отдать посланному съ симъ казаку Кабаеву и съ нимъ для препровожденія онаго интереса отправить изъ команды своей 25 человѣкъ совсѣмъ вооруженныхъ. Прапорщика же (Филатова), находящагося у васъ съ командой, дабы онъ не могъ куда въ другія мѣста дать о томъ извѣстія, заковавъ всѣхъ въ желѣзо, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ».

[3]) Въ ордерѣ отъ войска Яицкаго Василію Трифонову 4 іюня. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

Отслуживъ молебенъ, казаки ходили съ образами по всѣмъ часовнямъ, а затѣмъ весь вечеръ провели въ кутежѣ и пѣніи; женщины же, непринимавшія участія въ кутежѣ, собравшись толпой, ходили по домамъ послушной стороны и били мужчинъ.

Въ два часа утра, 4 іюня, Фрейманъ двинулся впередъ и почти съ мѣста выступленія встрѣтилъ отряды казаковъ, зорко слѣдившихъ за всѣми его движеніями. Выславъ впередъ маіора Демидова съ драгунами и иррегулярною командой, Фрейманъ оттѣснилъ казаковъ и занялъ гору, съ которой онъ видѣлъ всю рѣку, «а равно и всѣ неудобства мѣстъ къ переправѣ». Лѣвѣе отряда находилась высокая гора, командовавшая окрестною мѣстностью и занятая казаками. Чтобъ овладѣть ею по возможности съ меньшими потерями, Фрейманъ отрядилъ вправо къ рѣкѣ маіора Сурина съ 200 человѣкъ пѣхоты и двумя орудіями, показывая видъ, что намѣренъ переправиться въ этомъ мѣстѣ. Маіоръ Суринъ занялъ на берегу рѣки небольшую высоту, укрѣпилъ ее рогатками и, получивъ въ подкрѣпленіе еще 200 человѣкъ мушкетеръ съ двумя орудіями, приступилъ къ приготовленіямъ для переправы. Казаки оставили свои позиціи, быстро переправили по мосту свои орудія и собрались на противоположномъ берегу противъ отряда Сурина. Въ ожиданіи начала переправы они открыли огонь изъ орудій, и «хотя съ ихъ стороны, писалъ Фрейманъ, стрѣльбы было весьма много, но какъ они рикошетомъ стрѣлять не знаютъ, то ядра ихъ весьма мало вредили и летали черезъ» [1]).

Увлеченное желаніемъ не допустить до переправы, Яицкое войско почти все собралось противъ отряда Сурина и не замѣтило какъ Фрейманъ занялъ лѣвую гору и поставилъ на ней свои орудія. Вслѣдъ затѣмъ Сурину приказано было отступить, и онъ, подъ прикрытіемъ выставленныхъ на командующихъ высотахъ батарей, спокойно и безъ потерь присоединился къ отряду. Войско сознало тогда, что оно обмануто и что сопротивленіе съ его стороны невозможно: двѣ горы, расположенныя въ одну линію и въ недальнемъ разстояніи одна отъ другой, были въ ру-

[1]) Записка Фреймана. Государственный Архивъ, VI, д. № 505. Рапортъ Фреймана Рейнсдорпу 12 іюня 1772 года. Московск. Арх. Главн. Штаба.

кахъ Фреймана, на нихъ были поставлены батареи и въ промежуткѣ между возвышенностями можно было спокойно совершать переправу.

Не пытаясь при такихъ условіяхъ препятствовать переходу Фреймана черезъ рѣку Ембулатовку, войско собралось у своего обоза, рѣшило отступить въ городокъ, и «черезъ часъ уже никого не видно было, и отъ того скораго побѣга бросили на дорогѣ двѣ пушки».

Простоявъ на занятой позиціи остатокъ дня и всю ночь, Фрейманъ исправилъ свою артиллерію, приготовилъ три моста и, переправившись черезъ р. Ембулатовку, утромъ, 5 іюня, двинулся далѣе. Пройдя 26 верстъ, онъ остановился на р. Рубежной, гдѣ при вступленіи въ лагерь къ нему явился бывшій старшина подполковникъ Бородинъ и тѣ старшины, которыхъ казаки непослушной стороны содержали подъ карауломъ. Отъ нихъ Фрейманъ узналъ о всеобщемъ замѣшательствѣ казаковъ и о томъ хаосѣ, который существовалъ въ Яицкомъ-городкѣ.

Первые прискакавшіе въ Яицкій-городокъ ударили въ набатъ и собрали кругъ, въ которомъ, увѣряя всѣхъ, что Фрейманъ непремѣнно сожжетъ городокъ, опредѣлили, чтобы весь народъ укладывалъ лучшіе пожитки и провіантъ на повозки, а кто можетъ, захватилъ бы съ собой лодки и, переправившись за р. Чаганъ, остановились бы на горѣ, въ трехъ верстахъ отъ городка.

Казаки рѣшили покинуть родной Яикъ и искать спасенія въ Персіи или Хивѣ. Опасаясь каждую минуту, чтобы Фрейманъ съ отрядомъ не появился въ виду городка, населеніе поспѣшно собирало свои пожитки и выѣзжало. Среди всеобщаго замѣшательства караульные и часовые покинули свои мѣста и казаки послушной стороны, воспользовавшись этимъ, освободили содержавшихся въ заключеніи и закованныхъ въ желѣзо старшину подполковника Бородина и другихъ. Сѣвъ на приготовленныхъ лошадей, они ускакали въ отрядъ Фреймана.

Послѣдній отправилъ въ городокъ увѣщаніе, въ которомъ просилъ, чтобы люди благоразумные, отставъ отъ возмутителей и ничего не опасаясь, возвращались въ городокъ... Увѣщаніе это не подѣйствовало, и многіе казаки, опасаясь насилій товарищей, при-

*

нуждены были противъ воли покидать городъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Нѣкоторые переправлялись за р. Чаганъ, иные уѣхали за Камышъ-Самарскія озера и Узени, другіе же въ Бударинскій форпостъ. Какъ ни торопилось населеніе очистить городъ, оно не могло сдѣлать этого скоро: мостъ черезъ р. Чаганъ былъ одинъ и черезъ него должны были переправиться нѣсколько тысячъ телѣгъ съ имуществомъ и нѣсколько тысячъ головъ скота. Поэтому переправа далеко еще не была окончена, когда Фрейманъ съ отрядомъ подошелъ къ Яицкому-городку.

Наканунѣ его прихода, старшины непослушной стороны присылали команду къ мосту, чтобъ его сжечь, но ей было объявлено, что посланные для понужденія жителей къ скорѣйшему выѣзду еще не возвращались и что вмѣстѣ съ ними должны переѣхать черезъ мостъ до 300 повозокъ, уже нагруженныхъ и ожидающихъ очереди для переправы. Сожженіе моста было отложено до слѣдующаго утра, а между тѣмъ генералъ-маіоръ Фрейманъ, двигаясь форсированнымъ маршемъ и пройдя 41 версту, въ часъ ночи остановился въ трехъ верстахъ отъ моста. Сформировавъ тотчасъ же отрядъ изъ 400 мушкетеръ, двухъ эскадроновъ драгунъ, небольшаго числа казаковъ и калмыковъ и придавъ имъ шесть орудій, Фрейманъ поручилъ его начальству маіора Демидова, которому приказалъ овладѣть мостомъ, перейти на противоположный берегъ рѣки Чагана и построить тамъ мостовое укрѣпленіе. Демидовъ занялъ мостъ и отрѣзалъ казакамъ сообщеніе съ городкомъ; всѣ неуспѣвшіе переправиться по мосту черезъ р. Чаганъ должны были возвратиться въ свои дома.

На утро, 7 іюня, Фрейманъ съ отрядомъ присоединился къ Демидову и расположился между мостомъ и городомъ, на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго хорошо были видны какъ станъ казаковъ, такъ и многочисленный ихъ обозъ. Онъ отправилъ сотниковъ Витошнова и Журавлева съ требованіемъ, чтобы населеніе немедленно возвращалось въ городъ, перевязало зачинщиковъ мятежа и что тогда Богъ и государыня простятъ ихъ [1]). Казаки

[1]) Записка Фреймана. Государственный Архивъ, VI, д. № 505. Рапортъ Фреймана Рейнсдорпу отъ 12 іюня. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

собрали кругъ, гдѣ высказали желаніе исполнить требованіе Фреймана и покориться. Старшины не соглашались. Они убѣдили собравшихся отправить 1,000 человѣкъ въ Петербургъ съ просьбой къ императрицѣ, но охотниковъ набралось только 300 человѣкъ [1]). Подъ предводительствомъ сотника Кирпичникова и Трифонова они отправились о двухъ и трехъ коняхъ по дорогѣ на р. Иргизъ, а остальные стали возвращаться въ городокъ съ семействами, скотомъ и имуществомъ. Десятки тысячъ семействъ, остановившихся въ полѣ подъ открытымъ небомъ, громадное количество обоза и скота, заставили Фреймана раздѣлить возвращавшихся на двѣ части: одна переѣзжала черезъ мостъ, а другая на лодкахъ, въ семи верстахъ отъ городка, и не смотря на это переправа продолжалась въ теченіе трехъ дней, 8, 9 и 10 іюня, причемъ по счету поставленнаго у моста офицера ежедневно переѣзжало по мосту не менѣе двухъ тысячъ повозокъ.

Для преслѣдованія и поимки Кирпичникова съ товарищами, Фрейманъ потребовалъ, чтобы казаки послушной стороны собрали до 700 человѣкъ конныхъ. Какъ только набралось 500 человѣкъ, онъ тотчасъ же присоединилъ къ нимъ изъ своего отряда 100 человѣкъ драгунъ и оренбургскихъ казаковъ, и подъ начальствомъ поручика артиллеріи Свѣчина отправилъ ихъ въ погоню. Командовавшему яицкими казаками старшинѣ было приказано объявить бѣжавшимъ, чтобъ они перевязали виновныхъ, а затѣмъ безъ всякаго опасенія возвращались въ городокъ. Казаки не рѣшились перевязать виновныхъ, но понемногу отставали отъ своихъ предводителей, такъ что Кирпичниковъ и его единомышленники должны были отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ и большая часть ихъ была переловлена, лишь немногіе успѣли скрыться. Всѣ они вмѣстѣ съ арестованными въ городкѣ были отправлены въ Оренбургъ въ числѣ 86 человѣкъ, гдѣ впослѣдствіи была учреждена слѣдственная коммиссія.

Имѣя приказаніе занять Яицкій-городокъ регулярною командой, генералъ-маіоръ Фрейманъ не рѣшился ввести въ него всего отряда, такъ какъ внутри его, а особенно снаружи валялось нѣ-

[1]) Показанія Кирпичникова и Трифонова. Московскій Арх. Глав. Шт.

сколько тысячъ труповъ павшаго скота, разлагавшагося и заражавшаго воздухъ. Приказавъ свезти падаль въ одно мѣсто и зарыть ее въ глубокихъ ямахъ, Фрейманъ подошелъ съ отрядомъ къ самому городку и сталъ подлѣ залива рѣки Яика.

Занимая въ окружности 8 верстъ и 300 саженъ, Яицкій-городокъ имѣлъ до 4 тысячъ дворовъ, весьма тѣсно построенныхъ, изъ коихъ 128 оказались совершенно пустыми послѣ убитыхъ и разбѣжавшихся по хуторамъ и поселкамъ; жителей обоего пола считалось въ войскѣ болѣе 30 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ, считая съ форпостными, было до 12 тысячъ такихъ казаковъ, которые могли сѣсть на коня. «Въ семъ городѣ каждому бѣглому пристань открытая, доносилъ Фрейманъ, изъ которыхъ предъ прибытіемъ моимъ ушло подъ видомъ работниковъ болѣе 2,000 человѣкъ, однако человѣкъ до 30 командами моими переловлено. О жителяхъ донесть нахожу, что всѣ раскольники и никто въ церковь не ходитъ; старшинъ и прочихъ чиновныхъ я къ тому принуждалъ. Они всѣ по дешевизнѣ у нихъ вина пьяницы, не исключая и женскій полъ; къ работамъ лѣнивы, хлѣба не пашутъ, а живутъ отъ рыбныхъ доходовъ, съ которыхъ каждый казакъ до 200 р. въ годъ получаетъ, и отъ множества скота и лошадей, по имѣнію излишнихъ на сѣнокошеніе луговъ».

Укрѣпивъ свой лагерь, генералъ-маіоръ Фрейманъ отправилъ въ городокъ по нѣскольку ротъ 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командъ съ двумя сотнями оренбургскихъ казаковъ, которые и расположились лагеремъ на площади: правый ихъ флангъ былъ примкнутъ къ валу, на которомъ насыпана была батарея «такой вышины, что весь городовой валъ до самой рѣки Чагана ядрами очищать способно было». Въ срединѣ городка былъ укрѣпленъ каменный домъ сотника Семена Тамбовцева, при которомъ устроена гауптвахта и расположено 120 человѣкъ пѣхоты съ двумя орудіями; вокругъ всего города поставлены пикеты, а внутри, днемъ и ночью, производились разъѣзды, наблюдавшіе, чтобы не было сходокъ и собраній. Назначивъ старшину Тамбовцева полиціймейстеромъ и избравъ старшинъ, сотниковъ и десятскихъ, Фрейманъ приступилъ къ переписи, но казаки всѣми мѣрами старались уклониться отъ новой ревизіи и скрывали дѣйствительное число въ семействѣ: въ

числѣ малолѣтнихъ десяти лѣтъ они показывали такихъ, которые имѣли трехъ и болѣе дѣтей. Фрейманъ приказалъ свидѣтельствовать каждаго, и дѣло переписи затянулось. Въ это время онъ получилъ высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи войсковой канцеляріи.

«Вошедъ въ городокъ тѣмъ или другимъ образомъ, писала императрица оренбургскому губернатору Рейнсдорпу [1]), генералъ-маіоръ Фрейманъ долженъ учинить слѣдующее: 1) учредить въ немъ коменданта съ гарнизономъ, которому и поручить надлежащее правленіе для возстановленія тишины и порядка до времени; 2) отрѣшить вовсе войсковую канцелярію, а на мѣсто ея установить новое правленіе, объявя всѣмъ и каждому, чтобъ они сему новому правленію повиновались и что съ ослушниками поступлено будетъ, какъ съ нарушителями общаго покоя; 3) избравъ въ коменданты надежнаго человѣка, который бы твердостью и благоразуміемъ своимъ въ состояніи былъ всѣхъ содержать въ порядкѣ, рекомендовать ему прилежно, чтобъ онъ всѣмъ въ тишинѣ живущимъ отдавалъ правосудіе, а для пресѣченія способа къ скорѣйшему собранію мятежниковъ запретилъ бы бить въ городкѣ въ набатъ безъ своего позволенія».

На основаніи этого повелѣнія, генералъ-маіоръ Фрейманъ назначилъ командира 7-й легкой полевой команды полковника Симонова комендантомъ города. Войсковая канцелярія была упразднена и замѣнена комендантскою канцеляріей. Въ помощь Симонову были назначены старшины Мартемьянъ Бородинъ и Мостовщиковъ; а въ должность экзекутора одинъ изъ оберъ-офицеровъ. Казачій кругъ уничтоженъ и въ набатъ бить запрещено навсегда, а начальники могли быть собираемы въ комендантскую канцелярію только по барабанному бою.

Поручивъ полковнику Симонову всѣ дѣла по управленію войскомъ, Фрейманъ съ остальными войсками отправился въ Оренбургъ. Яицкій-городокъ опустѣлъ; часть населенія разсыпалась по степи и хуторамъ, а другая была арестована и отправлена въ Оренбургъ въ слѣдственную коммиссію, подъ предсѣдательствомъ

[1]) Въ рескриптѣ отъ 4 іюня 1772 г. Военно-ученый архивъ, д. № 104, л. 12.

полковника Неронова. Число арестованныхъ казаковъ было такъ велико, что въ оренбургскихъ тюрьмахъ не было уже мѣста, и ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣноваго дворовъ; тюремныя избы, гауптвахты, подвалы домовъ были переполнены арестантами, подвергаемыми пыткамъ и допросамъ съ пристрастіемъ. Оставшіеся въ городкѣ страшились за свою участь и ежедневно ожидали, что, по оговору товарищей, будутъ арестованы. На всѣхъ лежала печать унынія и отчаянія, какъ вдругъ по всему Яику распространился слухъ, что въ томъ самомъ Московскомъ легіонѣ, отъ службы въ которомъ такъ упорно отказывались яицкіе казаки, появился императоръ Петръ III, обѣщающій защиту всѣмъ угнетеннымъ и обиженнымъ [1]). Слухъ о появленіи Петра III не былъ ни для кого новостью; русскіе люди давно свыклись съ тѣмъ, что покойный императоръ живъ, что онъ скрывается, и рано или поздно долженъ «объявиться». Казаки особенно сочувственно отнеслись къ этому слуху и, надѣясь на лучшую будущность, встрепенулись.

IV.

Назначеніе въ составъ Московскаго легіона казачьей команды отъ Волгскаго войска. — Формированіе команды. — Слухъ, что въ числѣ записавшихся находится императоръ Петръ III. — Волненія въ войскѣ Донскомъ. — Арестованіе войскового атамана Степана Ефремова и ссылка его. — Самозванецъ Богомоловъ и его сообщники: донскіе казаки Семенниковъ и Серединцевъ и малороссіянинъ Пѣвчевъ. — Происшествія въ Царицынѣ и въ станицахъ войска Донского. — Наказаніе Богомолова и ссылка его въ Сибирь. — Записка императрицы графу Чернышеву. — Мѣры, принятыя на Дону къ поимкѣ Семенникова.

Освобождая Яицкое войско отъ службы въ Московскомъ легіонѣ, императрица повелѣла избрать для того другихъ казаковъ. Военная коллегія первое время не знала, на какое именно войско возложить легіонную службу, но прибывшій въ Петербургъ атаманъ волгскихъ казаковъ Макаръ Персидскій вывелъ ее изъ затрудненія. Онъ заявилъ, что если будетъ дозволено, «то готовъ

[1]) Показаніе въ тайной экспедиціи казаковъ Василія Плотникова и Максима Шигаева. Госуд. Архивъ, VI, д. № 512.

онъ, такъ какъ и всѣ того войска старшины, набрать всю Московскаго легіона казацкую команду изъ казаковъ Волгскаго войска, охотно въ оную команду вступить желающихъ» [1]). При этомъ атаманъ Персидскій просилъ опредѣлить въ ту же команду внука своего, походнаго атамана Григорія Персидскаго, такимъ чиномъ, «какъ за благо признано будетъ».

Утвердивъ представленіе военной коллегіи, императрица, 20 іюня 1771 года, собственноручно написала: «Григорія Персидскаго принять офицерскимъ чиномъ, а войсковому атаману Персидскому за ревность и усердіе его жалуемъ саблю».

Получивъ высочайшее повелѣніе и штатъ казачьей легіонной команды, Персидскій въ сентябрѣ 1771 года выѣхалъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы набрать казаковъ и отправить ихъ въ Симбирскъ къ генералъ-маіору князю Прозоровскому, назначенному вмѣсто Баннера командиромъ Московскаго легіона [2]).

Прибывъ въ Дубовку, войсковой атаманъ поручилъ внуку своему Григорію Персидскому, переименованному въ ротмистры, приступить къ формированію казачьей команды и записывать въ нее всѣхъ желающихъ.

Въ 1732 году, по указу Сената, были вызваны охотники изъ донскихъ казаковъ для поселенія и защиты такъ-называемой *царицынской линіи*, и въ 1733 году 1,057 семей желающихъ были поселены въ окрестностяхъ Дубовки и р. Балыклеѣ [3]), на пространствѣ между Камышенкою (Дмитріевскомъ) и Царицынымъ, и образовали *Волгское казачье войско*.

По высочайше утвержденному совокупному докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ и военной, 22 января 1770 года, для укрѣпленія и защиты Моздока положено было сформировать гарнизон-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи отъ 15 іюня 1771 г. Архивъ Канц. Военн. Минист., Высочайшія повелѣнія, кн. № 64.

[2]) «По дошедшему къ намъ увѣдомленію, писала императрица въ указѣ военной коллегіи отъ 23 іюля, о неспособности генералъ-маіора Баннера къ командованію Московскимъ легіономъ, повелѣваемъ поручить оный въ команду генералъ-маіора князя Прозоровскаго, а ему, Баннеру, явиться для опредѣленія въ военной коллегіи».

[3]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 110, св. 149, д. № 2.

ный баталіонъ и поселить въ его окрестностяхъ казаковъ для содержанія форпостовъ и разъѣздовъ, «которые теперь опредѣленными къ Кизляру и ежегодно туда изъ другихъ мѣстъ командируемыми войсками исправляются». Для прислуги къ орудіямъ, посылаемымъ въ Моздокъ, рѣшено было переселить съ Дона сто человѣкъ желающихъ сказочныхъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы они одѣвались «по ихъ казачьему обыкновенію», но всѣ одинаково въ платье краснаго цвѣта. Для содержанія же разъѣздовъ и почтовой службы переселить 517 семей волгскихъ казаковъ по равному числу изъ каждой станицы. Изъ всѣхъ переселенцевъ составить одинъ полкъ и назвать его *Моздокскимъ;* вмѣсто атамана опредѣлить одного изъ казацкихъ старшинъ и назвать его полковникомъ, которому и находиться въ командѣ у моздокскаго коменданта.

Императрица изъявила согласіе на таковое переселеніе, и переведенные казаки были поселены въ пяти станицахъ между Моздокомъ и Червленнымъ-городкомъ [1]). На Волгѣ осталось только 540 семей, несшихъ ту же службу, которую несло войско и до переселенія товарищей. Какъ переселенные, такъ и оставшіеся казаки были очень недовольны своимъ положеніемъ. Покинувъ свои дома и обработанныя земли, переселенцы должны были обзаводиться вновь и терпѣть нужду въ самыхъ первыхъ потребностяхъ, а оставшіеся ихъ товарищи нести двойную службу. Чтобы облегчить себя въ сторожевой службѣ, казаки стали принимать къ себѣ всѣхъ желающихъ, и скоро Волгское войско сдѣлалось притономъ всѣхъ бѣглыхъ и бездомныхъ, искавшихъ свободы и записывавшихся въ казаки. Въ числѣ изъявившихъ желаніе поступить въ легіонную команду былъ крестьянинъ графа Романа Ларіоновича Воронцова Ѳедотъ Богомоловъ, бѣжавшій отъ своего помѣщика изъ села Спасскаго, Саранскаго уѣзда. Скрываясь долгое время въ Саратовѣ, Богомоловъ ходилъ на судахъ саратовскаго купца Хлѣбникова до Дмитріевска, жилъ у колонистовъ, служилъ въ калмыцкой ордѣ, потомъ перешелъ въ Волгское войско, работалъ тамъ по хуторамъ и наконецъ рѣшился поступить на службу. Явившись въ январѣ 1772 года къ ротмистру Персидскому, Богомо-

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 110, св. 149, д. № 25.

ловъ просилъ принять его на службу, причемъ назвалъ себя донскимъ казакомъ Ѳедотомъ Ивановымъ Казинымъ.

Нѣсколько ранѣе, и именно въ октябрѣ 1771 года, записался въ ту же команду донской казакъ Спиридонъ Ивановъ подъ именемъ Спиридона Долотина. Уроженецъ Березовской станицы, оставшійся еще въ дѣтствѣ круглымъ сиротой, Ивановъ, по достиженіи девятилѣтняго возраста, отведенъ былъ казакомъ Болдинымъ въ Волгское войско, въ Караваинскую станицу и отданъ казаку Титову. Переходя отъ одного семейства къ другому, Спиридонъ Ивановъ поступилъ наконецъ на службу по найму казака Караваинской станицы Долотина, назвался его именемъ и находился въ Дмитріевскѣ, въ командѣ у соляного коммиссарства; за кражу лошади былъ сѣченъ плетьми, бѣжалъ, скитался долгое время по хуторамъ Волгскаго войска и затѣмъ записался въ легіонную команду.

Когда послѣдняя была выведена изъ Дубовки и расположена по Иловлѣ, то казакъ Ѳедотъ Богомоловъ, будучи «безмѣрно пьянъ», объявилъ себя императоромъ Петромъ III. Слухъ этотъ быстро распространился между казаками, и многіе приходили посмотрѣть на «объявившагося». Начались сходки и совѣщанія, поднялись вопросы: похожъ онъ или непохожъ на бывшаго императора? На одной изъ этихъ сходокъ казаки Марусенокъ и Лучинкинъ разсуждали, что «хотя сей признаваемый отъ бывшаго и отмѣненъ, однакожь, можетъ статься, онъ, какъ много лѣтъ уже тому минуло, то перемѣнился». Это замѣчаніе имѣло рѣшающее значеніе для Спиридона Долотина, и онъ, признавъ въ Богомоловѣ дѣйствительнаго императора, поселился съ нимъ въ одной избѣ. Капралъ Бухолевъ назвалъ Долотина секретаремъ, и съ тѣхъ поръ всѣ стали называть его этимъ прозвищемъ.

Между тѣмъ, сходки продолжались и число вѣровавшихъ въ справедливость слуховъ ежедневно увеличивалось; но казаки долгое время не могли найти средства, какъ объявить народу скрывающагося у нихъ императора. Случай этотъ наконецъ представился, и именно когда одинъ изъ казаковъ, по фамиліи Буренинъ, попросилъ жалованья, но прапорщикъ Иванъ Терскій отказалъ.

— Ты отъ боярина недавно, сказалъ онъ Буренину при всѣхъ казакахъ,—а уже требуешь себѣ жалованья.

Это замѣчаніе оскорбило казаковъ, и они закричали въ одинъ голосъ: «Поэтому-де мы всѣ боярскіе!.. зачѣмъ насъ въ казаки принимали?» и положили общимъ совѣтомъ идти всѣмъ въ Дубовку и тамъ объявить Богомолова императоромъ. Собравшись огромною толпой, казаки, 30 марта, отправились на хуторъ старшины Андрея Персидскаго къ своему ротному командиру поручику Персидскому и объявили ему, что они имѣютъ у себя императора Петра III, почему вмѣстѣ съ нимъ, хотя и не позволено будетъ, забравъ казенныхъ лошадей, пики и проч., поѣдутъ для сохраненія его въ городъ Дубовку. О намѣреніи казаковъ тотчасъ же было сообщено ротмистру Григорію Персидскому, который, вмѣстѣ со старшиной Поляковымъ, прискакалъ на хуторъ. Тамъ онъ увидѣлъ, что казаки осѣдлали уже лошадей и готовы были ѣхать съ самозванцемъ въ Дубовку. Персидскій уговаривалъ казаковъ оставить свое намѣреніе, но его не слушали. Казаки собрали кругъ и рѣшили арестовать всѣхъ офицеровъ, не исключая ротмистра Григорія Персидскаго, а самимъ идти въ Дубовку. Одинъ изъ арестованныхъ, старшинскій сынъ Степанъ Савельевъ, попросилъ позволеніе повидаться съ государемъ, и когда его освободили изъ-подъ караула, то онъ ворвался въ избу, гдѣ сидѣлъ Богомоловъ, и ударилъ его по лицу.

— Какой онъ государь, закричалъ Савельевъ, — возьмите его подъ караулъ.

Казаки растерялись, схватили самозванца и сами заковали его въ кандалы. Ротмистръ Персидскій тотчасъ же подъ конвоемъ отправилъ въ Дубовку какъ Богомолова, такъ и его секретаря Спиридона Иванова. Изъ Дубовки, по распоряженію астраханскаго губернатора, они были препровождены въ Царицынъ [1]).

2-го апрѣля преступниковъ допрашивали, а въ началѣ мая послѣдовалъ указъ военной коллегіи, по которому велѣно: Богомолова и Спиридона Иванова наказать публично кнутомъ и, вырѣ-

[1]) Показаніе Спиридона Иванова. Всеподданнѣйшее донесеніе наказнаго атамана Волгскаго войска отъ 25 апрѣля 1772 г., № 327. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 94, св. 10.

завъ первому ноздри и поставя знаки, сослать обоихъ на Нерчинскіе заводы въ вѣчную каторжную работу; старшинскаго сына Степана Савельева произвести въ ту же казачью команду ротмистромъ и подтвердить войску, «чтобы пришлыхъ ни подъ какимъ видомъ войско не принимало и въ казаки не записывало» [1]).

Получивъ резолюцію военной коллегіи, губернаторъ Бекетовъ, находившійся въ то время въ Астрахани, тотчасъ же предписалъ царицынскому коменданту полковнику Циплетеву привести въ исполненіе наказаніе преступниковъ и отправить ихъ по назначенію. Въ отвѣтъ на это Циплетевъ донесъ, что единственный находившійся въ Царицынѣ палачъ болѣнъ горячкой и потому просилъ прислать другого изъ Астрахани [2]). Пока шла переписка объ этомъ, нока изъ Астрахани выслали палача, Богомоловъ употреблялъ всѣ средства, чтобъ избавиться отъ наказанія и бѣжать изъ-подъ караула.

Помѣстивъ колодниковъ въ надежномъ мѣстѣ у Царицынскихъ воротъ, Циплетевъ далъ инструкцію начальнику караула, капралу, содержать преступниковъ строго и отнюдь никого для разговоровъ къ нему не допускать. Сверхъ того онъ приказалъ маіору Титову и офицеру съ гаубтвахты повѣрять днемъ приставленный караулъ, а по ночамъ посылать рунды и дозоры. За что̀ содержится Богомоловъ никто изъ караульныхъ не зналъ, но строгость содержанія и таинственность возбуждали ихъ любопытство, которымъ и старался воспользоваться преступникъ.

— Знаете-ли вы, спросилъ однажды Богомоловъ караульныхъ, государя Петра Ѳедоровича и гдѣ онъ нынѣ находится?

— Я государя не видалъ и не знаю, отвѣчалъ ему капралъ Егоръ Васильевъ,—а слышалъ, что онъ скончался.

Спустя два дня послѣ этого разговора, караульный солдатъ Яковъ Прокофьевъ подошелъ къ капралу Васильеву и сказалъ, что колодникъ показывалъ ему изображенный на тѣлѣ крестъ и объявилъ о себѣ, что онъ государь. Васильевъ смутился, но въ

---

[1]) Высочайшая грамота на имя войскового атамана и всего Волгскаго войска, отъ 3 мая 1772 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 94, св. 10.

[2]) Рапортъ Бекетова военной коллегіи 10 августа 1772 г. Тамъ же.

смущеніи этомъ «немного часовъ находясь, говорилъ онъ, и самъ дѣйствительно тому, что онъ государь, повѣрилъ» [1]). Скоро по всему Царицыну распространился слухъ, что содержащійся секретный колодникъ не кто другой какъ самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, и толпа народа ежедневно собиралась у Царицынскихъ воротъ съ надеждой и желаніемъ видѣть заключеннаго.

— Чего ради вы тутъ стоите? спросилъ однажды слуга полковника Денисова, прусакъ Андрей Семеновъ, проходившій случайно мимо толпы.

— Сказываютъ, отвѣчали собравшіеся, указывая на караульню,—тутъ содержится государь, а посмотрѣть его не даютъ и къ караульнѣ не допускаютъ.

Семеновъ пошелъ далѣе и затѣмъ отправился домой въ Пяти-избянскую станицу, гдѣ вопросъ о томъ, кто содержится въ Царицынѣ, давно уже занималъ почти все населеніе, получившее извѣстіе о заключенномъ отъ ѣздившихъ въ Царицынъ казаковъ и казачекъ.

Волнуемые своимъ атаманомъ, донцы встрѣтили это извѣстіе не безъ сочувствія и надѣялись, что Петръ III, вступивъ вторично на престолъ, избавитъ ихъ отъ тѣхъ нововведеній, которыя имъ грозили въ будущемъ.

Въ 1758 году былъ выбранъ въ атаманы Данило Ефремовъ, человѣкъ извѣстный по уму и огромному богатству, которое онъ увеличилъ, обративъ въ свою собственность земли въ верховьяхъ рѣкъ Медвѣдицы и Колитвы и заселивъ ихъ крестьянами, частію переведенными изъ внутреннихъ губерній Россіи, а большею частію бѣжавшими отъ притѣсненій помѣщиковъ. Напрасно правительство запрещало донцамъ принимать къ себѣ бѣглыхъ и установило особыхъ старшинъ для сыску людей, искавшихъ на Дону свободы и приволья. Слѣдуя примѣру атамана и донскіе старшины захватили свободныя войсковыя земли, построили на нихъ хутора и стали принимать къ себѣ бѣглыхъ. Опасаясь усиленія старшинъ и желая управлять войскомъ самовластно, Данило Ефремовъ сталъ систематически ослаблять ихъ вліяніе. Хотя всѣ указы

[1]) Показаніе капрала Егора Васильева.

и распоряженія и писались отъ имени старшинъ, находившихся въ составѣ войсковой канцеляріи, «но Ефремовъ когда хотѣлъ находилъ возможность освободиться отъ ихъ совѣта и въ затруднительныхъ случаяхъ объявлялъ повелѣнія отъ имени государыни, какъ прежніе атаманы дѣлали это отъ войсковаго круга» [1]). Поступая такимъ образомъ, располагая громаднымъ богатствомъ и имѣя сильныхъ покровителей при дворѣ, Данило Ефремовъ выдѣлилъ свою фамилію изъ среды остальнаго казачьяго сословія. Успѣвши снискать особое расположеніе императрицы Елисаветы Петровны, и будучи произведенъ въ тайные совѣтники Ефремовъ сталъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать званіе атамана наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Исканія его увѣнчались успѣхомъ и еще при жизни своей, по соизволенію императрицы, онъ передалъ званіе атамана сыну своему Степану, которому и поручено было управлять войскомъ подъ руководствомъ отца.

Степанъ Ефремовъ наслѣдовалъ отъ отца жажду къ неограниченному самовластію. Будучи въ Петербургѣ въ 1765 году, Ефремовъ представилъ въ военную коллегію проектъ о коренномъ преобразованіи внутренняго управленія Донскимъ войскомъ. Онъ предлагалъ, чтобы присутствующіе въ войсковой канцеляріи старшины назначались атаманомъ; чтобы назначеніе полковниковъ, старшинъ и прочихъ чиновъ въ полки зависѣло также отъ атамана; чтобы судъ и расправа въ полкахъ производились въ войсковой канцеляріи, въ которой предсѣдательствовалъ атаманъ и, наконецъ, чтобы бо́льшую часть денегъ передать въ распоряженіе войсковой канцеляріи.

Такимъ образомъ, весь проектъ клонился къ тому, чтобы усилить власть войскового атамана и дать ему возможность распоряжаться неограниченно не только военною и гражданскою частью края, но и всѣми войсковыми суммами.

Предложеніе Ефремова готово было осуществиться, когда до Петербурга дошли слухи о многихъ противозаконныхъ поступкахъ атамана. Въ 1771 году, наказный атаманъ Сидоръ Кирсановъ, по выраженію Ефремова «Сидорка, носящій образъ Іуды

[1]) *Донскія Войсковыя Вѣдомости* 1860 г., № 18.

Искаріотскаго», и старшина Юдинъ донесли военной коллегіи о злоупотребленіяхъ Степана Ефремова. Они обвиняли его: 1) въ расхищеніи войсковой казны и провіанта; 2) во взяточничествѣ деньгами и лошадьми; 3) въ тайныхъ сношеніяхъ съ кабардинскими князьями и кумыкскимъ княземъ Темиромъ, и 4) въ такихъ же сношеніяхъ съ пограничными татарами, и вслѣдствіе того уклоненіе атамана дѣйствовать противъ татаръ [1]). Обвиненіе атамана въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами и горцами было въ глазахъ правительства наиболѣе важнымъ и могло имѣть весьма серьезныя послѣдствія.

Кирсановъ писалъ, что во время турецкой войны въ 1769 г., не смотря на представленіе многихъ собрать казаковъ и произвести нападеніе на крымскихъ татаръ, атаманъ Ефремовъ хотя и собралъ войско, но далѣе 50-ти верстъ отъ своего жилища не отходилъ, а затѣмъ распустилъ казаковъ подъ предлогомъ того, что наступило время къ жатвѣ и сѣнокосу.

Главнокомандующіе второю арміею, сначала кн. В. М. Долгоруковъ, а потомъ графъ П. И. Панинъ доносили военной коллегіи, что, не смотря на неоднократныя требованія о присылкѣ казаковъ, Ефремовъ ихъ не присылаетъ. Военная коллегія отправила тогда въ Черкаскъ сначала генералъ-маіора Опочинина, потомъ Романуса и затѣмъ Черепова. Имъ поручено было наблюдать за тѣмъ, чтобы требованія главнокомандующихъ исполнялись немедленно. Ефремовъ былъ недоволенъ этимъ и нѣсколько разъ просилъ объ отозваніи присланныхъ генераловъ, но не добившись этого, грозилъ надѣлать много непріятностей.

— Когда правительство начало за мною присматривать, говорилъ онъ, такъ я уберусь въ горы и такихъ бѣдъ Россіи натрясу, что она будетъ вѣкъ помнить. Стоитъ только Джанъ-Мамбетъ-бею одно слово сказать, такъ ни одной души на Дону останется.

Когда было получено повелѣніе военной коллегіи вызвать лающихъ изъ казаковъ на поселеніе въ Азовскую и Таганрогскі

---

[1]) Всеподдан. докладъ военной коллегіи 7 марта 1773 года. Архивъ Сенатскіе копіи Высочайшихъ повелѣній, книга № 204.

крѣпости, то Ефремовъ собралъ войско и, выражая соболѣзнованіе, обѣщалъ освободить казаковъ отъ такого переселенія, «единственно къ насыщенію владычествующей имъ корыстолюбивой алчбы». Эта послѣдняя страсть руководила всѣми поступками атамана. Весною 1771 г. главнокомандующій второю арміею, кн. В. М. Долгоруковъ, потребовалъ присылки казаковъ вмѣсто отпущенныхъ по неспособности въ дома. Атаманъ Ефремовъ собралъ въ г. Черкаскъ только-что возвратившихся неспособныхъ и приказывалъ имъ идти опять на службу, заявляя, что кто изъ нихъ не пойдетъ, тотъ будетъ отправленъ на поселеніе въ Азовъ и Таганрогъ. Подъ рукою черезъ своихъ приближенныхъ атаманъ объявилъ, что казаки могутъ откупиться, и люди денежные были освобождены, «а неимущіе за то взволновавшись отъ того отказались» [1]).

Кирсановъ обвинялъ Ефремова въ неправильныхъ нарядахъ казаковъ на службу, отчего собранные въ Кумшатской станицѣ «противъ начальниковъ своихъ взбунтовались и изъ нихъ старшаго утопить хотѣли и одного изъ полковниковъ бивъ разъѣхались». Виновные не были наказаны и атаманъ скрылъ это происшествіе.

Получивъ донесеніе Кирсанова, военная коллегія потребовала Ефремова въ Петербургъ, подъ предлогомъ того, что вблизи донскихъ селеній находятся татарскія орды и потому коллегіи необходимо лично переговорить съ атаманомъ о безопасности нашихъ границъ. Ефремовъ понялъ въ чемъ дѣло и не ѣхалъ, не смотря на два раза повторенные ему указы. Тогда военная коллегія приказала находившемуся въ г. Черкаскѣ генералъ-маіору Черепову выслать атамана силою въ Петербургъ, не долѣе какъ черезъ трое сутокъ и объявить войсковой канцеляріи, чтобы она не принимала и не приводила въ исполненіе никакихъ распоряженій атамана. Самому Ефремову было приказано, чтобы онъ, «въ какомъ бы состояніи и гдѣ бы теперь ни находился», слѣдовалъ въ Петербургъ безъ малѣйшаго въ пути промедленія. Атаманъ выѣхалъ изъ Черкаска и отправился по верхнимъ донскимъ станицамъ. Собирая въ каждой станичныхъ атамановъ и казаковъ, Ефремовъ увѣрялъ

[1]) Архивъ Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга № 204.

ихъ, что изъ войска Донскаго будетъ наборъ рекрутъ и уговаривалъ подавать на его имя прошенія объ избавленіи, какъ отъ этой повинности, такъ и о возвращеніи переселенныхъ уже казаковъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости [1]).

Заявленіе о предстоящемъ наборѣ рекрутъ произвело большое волненіе среди казаковъ, особенно опасавшихся этой мѣры. Они съ готовностью писали прошенія атаману, а Ефремовъ, объѣхавъ станицы и отправивъ донесеніе съ старшиною Кулбаковымъ, что по болѣзни ѣхать въ Петербургъ не можетъ, вернулся въ свой хуторъ, находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Черкаска.

На требованіе Черепова ѣхать въ Петербургъ, Ефремовъ отвѣчалъ отказомъ и объявилъ, что онъ пожалованъ атаманомъ по высочайшему именному указу и ему, а не Черепову, поручено въ команду войско; что за свои поступки самъ будетъ отвѣчать и переговоритъ съ генераломъ завтра, когда пріѣдетъ въ Черкаскъ для осмотра своего дома.

Череповъ рѣшилъ не впускать атамана въ городъ, и съ этою цѣлью выставилъ въ двухъ мѣстахъ пикеты по 50 человѣкъ, при старшинахъ и съ заряженными ружьями. Узнавъ объ этомъ, Ефремовъ въ городъ не поѣхалъ.

Сторонники атамана, которыхъ, конечно, было много, возстали противъ такого распоряженія и успѣли убѣдить казаковъ, что Ефремовъ преслѣдуется за то, что желаетъ отстоять старинныя ихъ права, избавить отъ регулярства, и возвратить переселенныхъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости. Въ концѣ сентября, въ войсковой канцеляріи былъ полученъ «*предвозвѣстительный пасквиль*» отъ Бесергеневской станицы казака Якова Япченкова, который писалъ атаману и старшинамъ: «за рѣку (Донъ, т.-е. войско) стойте крѣпко, генералу Черепову подписокъ не давайте, а то узнаете, что̀ вамъ и генералу съ вами будетъ. Это вѣдь не Яицкое, а Донское войско» [2]).

Между тѣмъ, по распоряженію генерала Черепова, 1 октября 1772 г., въ Черкаскѣ, въ войсковомъ кругу были прочитаны,

---

[1]) Труды донскаго войсковаго статистическаго комитета, изд. 1867 года, выпускъ I..

[2]) *Трехсотлѣтіе войска Донскаго*, А. Савельева, стр. 83.

присланные изъ военной коллегіи грамоты и указъ объ отзывѣ Ефремова въ С.-Петербургъ и неисполненіи его распоряженій.

— Грамоты подписаны генераломъ, говорилъ есаулъ Перфиловъ, а ручки государыни нашей нѣтъ. Атаманъ Ефремовъ пожалованъ именнымъ указомъ, а теперь не велѣно отъ него никакихъ ордеровъ исполнять, а слушать Черепова. Атаманъ въ городъ не впускается, а когда силоваться станетъ, то приказано стрѣлять по немъ.

Станичный атаманъ Прохоръ Артемьевъ и казакъ Василій Житченковъ поддержали Перфилова. Въ казачьемъ кругу поднялся шумъ и произошло всеобщее волненіе.

— По войсковомъ атаманѣ мы стрѣлять не будемъ, кричали казаки, и какъ командира своего въ городъ впустимъ; генерала же за командира почитать не желаемъ, потому что и напредъ сего никогда не бывало, какъ нынѣ Череповъ нами командуетъ. Отъ этого намъ большая обида.

Казаки рѣшили не исполнять указа, и взвалили всю вину на генералъ-маіора Черепова.

— Генералъ хочетъ насъ въ регулярство писать, слышались голоса, и рѣку раздѣлить, затѣмъ и атамана въ домъ не пускаетъ.

Называя генералъ-маіора Черепова нечистымъ духомъ, казаки бросились къ дому, гдѣ онъ жилъ, и старались вытащить его на площадь; въ защищавшихъ его старшинъ бросали каменья.

— Ты хочешь насъ писать въ солдаты, кричала толпа Черепову, но мы всѣ помремъ, а до того себя не допустимъ.

Казаки требовали, чтобы генералъ-маіоръ Череповъ снялъ выставленные пикеты и вышелъ изъ города. Застигнутый врасплохъ и видя передъ своимъ домомъ огромную бушевавшую толпу, Череповъ пробрался черезъ задній выходъ къ рѣкѣ Дону, чтобы переправиться въ крѣпость, но казаки нагнали его, били кулаками, камнями, пинками, «за волосы драли и сюртукъ на немъ изорвали» [1]).

---

[1]) Труды донскаго войсковаго статистическаго комитета, изданіе 1874 года, выпускъ II.

Домъ, въ которомъ жилъ Череповъ, былъ на половину разрушенъ: окна и двери выбиты, крыльцо разломано.

Сначала казаки хотѣли утопить Черепова въ рѣкѣ, но потомъ рѣшили вести на расправу къ атаману. Ефремовъ съ большою свитою выѣхалъ на встрѣчу бушевавшей толпѣ, вошелъ въ средину ея и взялъ Черепова къ себѣ въ домъ.

— Это войско Донское, а не Яицкое, повторилъ атаманъ слова казака Янченкова.

Слова эти, показывалъ впослѣдствіи Ефремовъ, «говорилъ въ томъ разумѣ, что-де упоминаемый генералъ-маіоръ Череповъ въ бытность на Яикѣ стрѣлялъ по казакамъ изъ пушекъ (?), то не сталъ бы и по немъ, атаманѣ, если бы онъ и за его воспрещеніемъ въ городъ въѣхалъ, стрѣлять» [1]).

Получивъ извѣстіе о безпорядкахъ въ войскѣ Донскомъ, императрица Екатерина II приказала отправить въ Черкаскъ гвардіи капитанъ-поручика Ржевскаго и арестовать Ефремова.

Въ ночь на 9-е ноября Ржевскій съ командою взялъ атамана изъ его Зеленаго двора и отвезъ въ крѣпость св. Дмитрія-Ростовскаго.

Въ ту же ночь, среди всеобщей тишины въ Черкаскѣ, ударили въ набатъ и раздались выстрѣлы вѣстовыхъ пушекъ. Наказный атаманъ Машлыкинъ и старшины собрались въ войсковую канцелярію и узнали тамъ объ арестованіи Ефремова. Народъ пришелъ въ волненіе и, ворвавшись въ канцелярію, укорялъ Машлыкина и старшинъ.

— Вы выдали войсковаго атамана, говорили казаки, и велѣли звонить на пожаръ. Всѣхъ васъ перебить и въ воду посадить. Мы поѣдемъ въ крѣпость и узнаемъ тамъ-ли атаманъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что захваченъ врасплохъ, Ефремовъ выпросилъ позволеніе отправить домой своего слугу за необходимыми вещами и приказалъ ему внушить казакамъ, чтобы они собрались какъ можно поспѣшнѣе и выручили его, говоря, что вѣроятно его повезутъ по Бахмутскому тракту. Хотя настав-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи 7 марта 1773 г. Архивъ Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга № 204.

ленія атамана слугѣ были узнаны и слуга арестованъ, но на другой день поутру у крѣпостныхъ форпостовъ явилась толпа въ 300 человѣкъ вооруженныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ старшины Василія Иловайскаго, съ намѣреніемъ освободить Ефремова.

— Гдѣ атаманъ, спрашивалъ Иловайскій, живъ-ли онъ; будетъ-ли содержаться въ крѣпости или его куда-нибудь повезутъ?

Не получивъ никакого отвѣта на свои вопросы, казаки погарцовали возлѣ крѣпости, а затѣмъ уѣхали домой.

— Ночью, кричали они уходя, всѣмъ войскомъ придемъ выручать своего атамана.

Обѣщаніе это не было однакоже исполнено и Ефремовъ тотчасъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и преданъ суду.

«Войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, писала Екатерина войску Донскому [1]), учинилъ себя ослушнымъ воли и повелѣнія нашего. Того ради лейбъ-гвардіи нашей капитанъ-поручикъ Ржевскій арестовалъ его по именному высочайшему нашему указу. Сею же императорскою грамотою объявляемъ всему нашему Донскому войску, что мы надѣемся, что сіе возмездіе за ослушаніе преступнику, будучи опытомъ правосудія нашего, докажетъ всему Донскому войску, коль нетерпимо нами такое ослушаніе и всякая продерзость, а потому и уповаемъ, что все наше Донское войско, возгнушаясь таковою виною его, Ефремова, поживетъ навсегда въ тишинѣ и спокойствіи и тѣмъ законъ Божій и волю нашу исполнитъ. Тѣмъ же, кои попустили себя уловить коварнымъ ухищреніемъ и при случаѣ ареста его, Ефремова, оказали продерзости сами собою и возмущеніемъ другихъ малодушныхъ, высочайше повелѣваемъ, по обнародованіи сея императорскія грамоты, тотчасъ придти въ спокойство и должное повиновеніе власти. Учинившіе сіе имѣютъ ожидать отъ насъ въ заблужденіи своемъ всемилостивѣйшаго прощенія. Буде же, паче чаянія, и къ возбужденію праведнаго гнѣва нашего нашлись бы въ Донскомъ войскѣ нашемъ такіе преступники, кои бы и послѣ обнародованія сего

[1]) Въ грамотѣ отъ 6 декабря 1772 года. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, Высочайшія повелѣнія, книга № 65.

повелѣнія нашего дерзнули еще продолжать неспокойства и волнованіе, то да вѣдаютъ, что тогда не избѣгнутъ злодѣи и возмутители достойной себѣ казни».

По полученіи этой грамоты войско донесло, что оно всегда находилось и находится въ повиновеніи монаршей воли и просило помиловать Иловайскаго и его сообщниковъ. Императрица простила ихъ, «но притомъ надѣемся, писала она [1]), что они, раскаявшись въ своей продерзости, потщатся, согласно съ войсковымъ засвидѣтельствованіемъ, усугубить ревность свою къ службѣ нашей и отечества и заслужить достодолжнымъ повиновеніемъ и добрыми своими дѣлами столь важную вину свою. Къ сему войско можетъ подать имъ скорый случай, отправя всѣхъ ихъ безъ очереди къ арміямъ нашимъ».

Казаки просили помиловать ихъ и въ этомъ, и императрица разрѣшила «производимую ими нынѣ службу замѣнить въ надлежащую очередь» [2]).

Дѣло же атамана Ефремова тянулось весьма долго и кромѣ обвиненій, взведенныхъ на него Кирсановымъ и Юдинымъ, атаманъ оказался виновнымъ въ томъ, что, расходуя войсковыя суммы на собственныя нужды, онъ сжегъ приходорасходныя книги за три года; что при командировкѣ казаковъ бралъ взятки и отпускалъ въ домы, а неимущихъ наряжалъ на службу и что, наконецъ, за производство въ чинъ старшины атаманъ бралъ по 200 и 300 р.

За всѣ эти преступленія Ефремовъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, но императрица замѣнила эту казнь вѣчною ссылкою въ Перновъ.

Необходимо припомнить, что главнѣйшая дѣятельность Ефремова по возмущенію казаковъ и увѣренію, что правительство намѣрено ввести регулярство, происходила именно въ то время, когда волновались яицкіе казаки, а среди волгскихъ казаковъ появился въ лицѣ Богомолова императоръ Петръ III. Вѣсть о такомъ появленіи заинтересовала многихъ и въ особенности приписаннаго къ Пяти-

[1]) Въ грамотѣ войску Донскому отъ 25 января 1773 г. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, Высочайшія повелѣнія, книга № 67.

[2]) Записка Чернышева военной коллегіи 15 сентября 1773 г. Тамъ же.

избянской станицѣ малороссіянина Степана Пѣвчаго (онъ же Сигинъ), и онъ обратился съ разспросами къ Семенову, который ложно сказалъ ему, что былъ у колодника, видѣлъ его и подалъ милостыню. Тогда Пѣвчій рѣшился отправиться самъ въ Царицынъ, чтобы посмотрѣть на заключеннаго и убѣдиться, простой онъ человѣкъ или знатный, какъ ходили о немъ слухи. Выпросивъ у караульныхъ дозволеніе видѣть Богомолова и, войдя въ его комнату, Пѣвчій подалъ ему пшеничную витушку и 30 к. денегъ. Самозванецъ принялъ подарокъ и узналъ, что онъ пріѣхалъ изъ Пяти-избянской станицы.

— Не отъ Денисова-ли присланъ гостинецъ? спросилъ Богомоловъ.

— Нѣтъ, не отъ Денисова, а самъ отъ себя, отвѣчалъ Пѣвчій.

Опасаясь, что скоро явится обходъ, караульные просили Пѣвчаго уйти.

— Надобно мнѣ съ тобой переговорить, сказалъ самозванецъ прощаясь,—и для того побывай у меня еще разъ.

Пѣвчій вышелъ, и на базарѣ, часу въ четвертомъ пополудни, встрѣтился съ донскимъ казакомъ Иваномъ Семенниковымъ.

— Ты Степанъ Пѣвчій? спросилъ онъ.

— Я.

— Требуетъ тебя государь Петръ Ѳедоровичъ.

Пѣвчій оробѣлъ, но все-таки отправился вмѣстѣ съ Семенниковымъ.

— Когда въ станицу поѣдешь? спросилъ Богомоловъ.

— Сегодня.

— Поклонись полковнику Ильѣ Денисову, и скажи, чтобы какъ можно непремѣнно самъ ко мнѣ пріѣхалъ, а если не будетъ, то сверхъ трехъ имѣющихся у него портретовъ пожалую ему четвертый съ хвостомъ. Поклонись Пяти-избянской станицѣ, да скажи станичному атаману, старикамъ и всѣмъ казакамъ, чтобъ они, буде можно, дали бы мнѣ въ помощь казаковъ, человѣкъ до ста. Если же ты всего этого не исполнишь, а дѣло совершится, то на свѣтѣ тебѣ не быть [1]).

[1]) Впослѣдствіи Богомоловъ показывалъ, что «въ бытность у него Пѣвчаго наказывалъ полковнику Денисову съ угрозами, чтобы къ нему, самозванцу, онъ

Послѣ такого наставленія Семенниковъ просилъ, чтобы самозванецъ для бо̀льшаго увѣренія Пѣвчаго, а черезъ него и другихъ, показалъ ему свои царскіе знаки. Богомоловъ открылъ грудь, и Пѣвчій увидѣлъ на тѣлѣ бѣловатаго вида крестъ.

— Точно такой же имѣю я, прибавилъ Богомоловъ,—на лбу и на плечахъ, но Пѣвчему ихъ не показалъ.

Пѣвчій былъ окончательно убѣжденъ и не сомнѣвался болѣе въ томъ, что колодникъ истинный государь Петръ Ѳедоровичъ.

— Поѣдешь-ли ты къ арміи за меня хлопотать? спросилъ Богомоловъ.

— Я къ казацкой службѣ непривыченъ, отвѣчалъ Пѣвчій.

— Я готовъ, государь, вамъ служить, сказалъ Иванъ Семенниковъ,—поѣду къ арміи и сыщу себѣ товарища.

— Нѣтъ у меня такого вѣрнаго слуги, замѣтилъ на это Богомоловъ,—какъ Иванъ Семенниковъ.

Собесѣдники распрощались и вышли изъ караульнаго дома.

— Смотри, говорилъ Семенниковъ Пѣвчему, — приказъ государя непремѣнно объяви полковнику Ильѣ Денисову. Я у него уже два раза былъ тайно, прибавилъ Семенниковъ ложно.

Прибывъ въ Пяти-избянскую станицу, Пѣвчій прежде всего повидался со слугой полковника Денисова, Андреемъ Семеновымъ.

— Нѣтъ ли какихъ вѣстей въ Царицынѣ? спросилъ Семеновъ, увидавъ Пѣвчаго.

— Къ твоему господину есть приказъ для объявленія, отвѣчалъ Пѣвчій и просилъ доложить.

Денисовъ не только не согласился принять Пѣвчаго, но не приказалъ даже пускать его къ себѣ на дворъ.

Тогда Пѣвчій отправился къ станичному атаману Слѣпову и въ присутствіи нѣсколькихъ старшинъ и казаковъ передалъ поклонъ самозванца и просилъ оказать ему помощь.

— Безъ повелѣнія войска помощи ему оказать не можно, отвѣчали собравшіеся; но приговорили послать ему одинъ рубль на милостыню.

побывалъ, не имѣя на то надежды, а только надеженъ былъ, что въ простомъ народѣ сіе разгласится, а паче желалъ тому разглашенію больше быть на Дону, гдѣ казакъ Семенниковъ обѣщалъ подговорить казаковъ на его сторону».

Получивъ этотъ рубль, Пѣвчій вторично отправился въ Царицынъ, гдѣ Богомоловъ успѣлъ пріобрѣсти столь значительное вліяніе на караульныхъ, что, не стѣсняясь ими, явно переговаривался со своими сообщниками о побѣгѣ. Особенно часто посѣщалъ его казакъ Иванъ Семенниковъ, къ которому всѣ такъ привыкли, что 18 іюня онъ прямо обратился къ капралу Васильеву съ вопросомъ: невозможно ли самозванца какимъ-нибудь случаемъ изъ-подъ караула украсть? Такой вопросъ озадачилъ Васильева и онъ, опасаясь отвѣтственности, вытолкалъ вонъ Семенникова, но Богомоловъ остался недоволенъ такимъ поступкомъ и просилъ Васильева на будущее время съ приходящими къ нему доброжелателями такъ сурово не поступать.

Послѣ того Семенниковъ нѣсколько разъ приходилъ къ Богомолову, совѣщался съ нимъ и они вмѣстѣ подговаривали капрала Васильева и караульныхъ солдатъ бѣжать съ ними на Донъ.

— Ежели онъ подлинно государь, говорили солдаты,—то можетъ о себѣ объявить не стыдясь и здѣсь въ городѣ, чего мы отъ него и ожидаемъ, а побѣга не учинимъ.

Богомоловъ просилъ тогда объявить о немъ въ войскѣ Донскомъ, собрать нѣсколько полковъ и освободить его изъ неволи.

— Я по станицамъ съ казаками совѣтоваться буду, отвѣчалъ на это Семенниковъ,—и надѣюсь, что они, узнавъ, за тебя вступятся и согласясь съ яицкими казаками среди бѣлаго дня тебя, государь, возьмутъ.

Говоря это, Семенниковъ надѣялся, что успѣетъ подговорить наряженную въ походъ съ разныхъ станицъ пятисотную команду силой освободить самозванца и увезти его изъ Царицына [1]).

Съ этою цѣлью Семенниковъ отправилъ Голубинской станицы казака Глазина въ Трехъ-островянскую станицу къ казакамъ Ананію Еремѣеву и Конону Ѳедотову, чтобъ они какъ можно скорѣе пріѣхали въ Царицынъ, гдѣ содержится государь Петръ Ѳедоровичъ. Вызванные казаки были въ Царицынѣ, видѣлись съ Семенниковымъ и Богомоловымъ и обѣщали имъ свою помощь [2]).

---

[1]) Показанія Богомолова и Васильева.

[2]) Показаніе Серединцева отъ 12 іюля 1772 г. Мордовцевъ, *Самозванцы и понизовая вольница*, т. I, 79.

Вскорѣ послѣ того, и именно 22 іюня, Степанъ Пѣвчій пріѣхалъ вторично въ Царицынъ и часовъ въ семь вечера видѣлся съ самозванцемъ, передалъ поклонъ станицы, отдалъ присланный ему рубль и требовалъ росписки, но Богомоловъ подъ предлогомъ того, что нѣтъ ни бумаги, ни чернилъ, росписки не далъ. Разговаривая съ черноярскимъ купцомъ Никифоромъ Болдыревымъ, самозванецъ просилъ Пѣвчаго зайти къ нему вечеромъ, и когда по захожденіи солнца онъ пришелъ, то засталъ Богомолова у караулки и при немъ трехъ солдатъ съ ружьями.

Не успѣлъ самозванецъ спросить у Пѣвчаго, скоро-ль онъ поѣдетъ въ свою станицу, какъ прибѣжалъ къ нему подосланный Семенниковымъ казакъ.

— Присланъ я, говорилъ онъ кланяясь,—отъ стоящаго на линіи Букановской станицы сотника Егора съ объявленіемъ, что слѣдующій изъ С.-Петербурга въ Царицынъ курьеръ остановился у него, Егора, и объявилъ, что четыре полка и при нихъ четыре же генерала, коихъ курьеръ объѣхалъ на дорогѣ, слѣдуютъ къ вамъ, государь.

— Хорошо, сказалъ Богомоловъ,—я сотника Егора Букановскаго знаю; спасибо ему. Вотъ Илья Денисовъ поручалъ тоже сотнику Егору описать мои знаки, а самъ и глазъ не кажетъ.

Богомоловъ ушелъ въ караульню, а Пѣвчій, оставшись съ прибѣжавшимъ казакомъ, спрашивалъ: правда ли все имъ сказанное, причемъ получилъ въ отвѣтъ, что все сущая правда. «Сіе онъ и согласникъ его Семенниковъ чинили, показывалъ впослѣдствіи Богомоловъ, не для чего иного какъ для увеличенія ложно принятаго на себя имени предъ случившимся у него малороссіяниномъ Пѣвчимъ и чтобъ онъ, видя и слыша, изъяснилъ о томъ въ Пяти-избянской станицѣ, съ надеждой бо́льшаго о себѣ увѣренія».

Цѣль была достигнута вполнѣ и слухъ, что въ Царицынѣ содержится не простой колодникъ, а самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, распространялся все болѣе и болѣе.

Въ городѣ мало кто сомнѣвался въ этомъ и даже между солдатами ходилъ говоръ, что «слѣдовало бы его выручить изъ-подъ караула и пустить на волю». Такъ разсуждали канониры, ходя на пушечный дворъ на ученье и возвращаясь оттуда, но по мало-

людству одни поступить на то не отважились, а ожидали не будетъ ли къ тому удобнаго случая [1]).

Число лицъ желавшихъ видѣть самозванца все увеличивалось и наконецъ, среди любопытныхъ явился попъ Никифоръ Григорьевъ. Царскіе знаки, которые показывалъ Богомоловъ всѣмъ приходившимъ къ нему, сбили съ толку и попа.

— Особливые знаки на немъ неспроста, говорилъ священникъ Григорьевъ караульнымъ солдатамъ и барабанщику Тимоѳею Лобанову,—а надлежитъ всему говоренному вѣрить, что онъ государь.

Признавъ въ колодникѣ императора Петра III, попъ Григорьевъ сталъ часто посѣщать заключеннаго и высказывалъ ему свое сочувствіе. Богомоловъ просилъ попа постараться объ освобожденіи его изъ заключенія.

— А надеженъ ли ты на свой караулъ, спросилъ попъ.

— Надеженъ, отвѣчалъ Богомоловъ, и прибавилъ, что въ наступающую ночь съ 24 на 25 іюня онъ ожидаетъ донскихъ казаковъ, которые придутъ освобождать его.

Попъ согласился оказать свое содѣйствіе и проходя мимо барабанщика Лобанова, сидѣвшаго у воротъ своего дома, сказалъ, что въ наступающую ночь будетъ тревога, то чтобы Лобановъ объ освобожденіи заключеннаго постарался и объявилъ о томъ живущимъ по близости. Лобановъ обѣщалъ и, обходя квартиры солдатъ, говорилъ имъ, что ночью у Царицынскихъ воротъ будетъ тревога, такъ чтобъ они были готовыми. Тревоги, однакоже, не было, но поутру, 25 іюня, солдатъ Петръ Шедруновскій доложилъ о предупрежденіи Лобанова адъютанту, а затѣмъ было донесено коменданту и за два дня предъ тѣмъ прибывшему въ Царицынъ астраханскому губернатору Бекетову [2]). Послѣдній приказалъ перевести Богомолова на гаубтвахту, сдать его караульному офицеру и принять надлежащую осторожность; попа же арестовать и содержать подъ карауломъ скованнымъ.

---

[1]) Показаніе канонира Михаила Григорьева.

[2]) Отношеніе Бекетова гр. З. Чернышеву, 4 іюля 1772 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 94, св. 10.

Когда маіоръ Титовъ явился къ самозванцу, чтобы перевести его на новое мѣсто, то Богомоловъ зналъ ужь объ этомъ и не хотѣлъ идти.

— Куда ты меня хочешь вести, говорилъ онъ,—суди здѣсь.

Титовъ приказалъ его взять и отвести къ приготовленной телѣгѣ. Выйдя на улицу, Богомоловъ закричалъ: «міряне, не выдайте!» но ему зажали ротъ, бросили въ телѣгу и отвезли на гаубтвахту. Вслѣдъ затѣмъ арестовали попа, который былъ сильно пьянъ; его отвели сначала въ гражданскую канцелярію, а потомъ отправили для заковки въ желѣза. По выходѣ изъ канцеляріи, попъ пытался бѣжать къ стоявшему на базарѣ народу, но караульные его остановили, и тогда онъ закричалъ толпѣ: «православный народъ, не выдайте!» На просьбу эту толпа, состоящая изъ черни и рекрутовъ, стала ломать ближайшія шалашевыя лавки и, схвативъ въ руки колья и полѣнья, намѣрена была идти отбивать арестованнаго. Попъ однакоже былъ уведенъ, а толпа стала подвигаться къ гаубтвахтѣ.

Въ это время прибылъ на мѣсто происшествія комендантъ, полковникъ Цыплетевъ, съ маіорами Анненковымъ и Титовымъ, и съ инженеръ-поручикомъ Мухановымъ. Остановившись предъ гаубтвахтой, Цыплетевъ приказалъ ударить тревогу и разрѣшилъ караулу, въ случаѣ нужды, стрѣлять по всѣмъ тѣмъ, которые будутъ близко подходить къ гаубтвахтѣ. Самъ же Цыплетевъ, сопровождаемый прибывшими съ нимъ офицерами и купеческимъ депутатомъ Оловяшниковымъ, «бросился въ толпу то въ ту, то въ другую сторону, безо всякой команды, началъ самъ собой оныя толпы въ страхъ приводить» [1]). Народъ смѣшался и разсыпался въ разныя стороны; многіе были арестованы. Волненіе было прекращено, но Цыплетевъ не дешево отдѣлался: онъ получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ въ спину и правую руку, «и понынѣ, доносилъ онъ, нахожусь весьма болѣнъ». Опасаясь, чтобы народъ вновь не попытался освободить самозванца, Бекетовъ приказалъ его рано утромъ слѣдующаго дня отправить въ Черноярскую крѣпость и потребовалъ изъ Астрахани 200 человѣкъ

[1]) Рапортъ Цыплетева Бекетову 2 іюля 1772 г.

екрутъ «на обмѣнъ здѣшнимъ, толь мало надежды въ вѣрности о себѣ подающимъ, коихъ и распредѣлю по разнымъ гарнизонамъ» [1]).

Утромъ, 26 іюня, еще до свѣту, на Волгѣ отъ Царицынской пристани отчалили двѣ лодки, изъ коихъ въ одной лежалъ скованный самозванецъ, а въ другой его сообщникъ Долотинъ. Оставалось отыскать третьяго сообщника, казака Ивана Семенникова, уѣхавшаго изъ Царицына за нѣсколько дней до происшествія. Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Трехъ-островянскую станицу сержанта Петрова, который не нашелъ тамъ Семенникова, но отъ атамана и старшинъ узналъ, что Семенниковъ будетъ въ Пяти-избянской станицѣ, у той команды, которая собирается къ походу въ армію, съ намѣреніемъ подговорить казаковъ освободить самозванца. Тогда Бекетовъ отправилъ въ Пяти-избянскую станицу фурьера Ромашева, который хотя и прожилъ тамъ пять дней, но Семенниковъ, бывшій въ станицѣ гораздо ранѣе, вторично не пріѣзжалъ и успѣлъ скрыться.

23 іюня, казакъ Трехъ-островянской станицы Серединцовъ, будучи на своемъ хуторѣ, услышалъ отъ казачекъ, собиравшихъ ягоды, что Семенниковъ пріѣхалъ изъ Царицына на свой хуторъ въ Береховъ-Буеракъ. Подстрекаемый любопытствомъ узнать о царицынскомъ важномъ колодникѣ, Серединцовъ поѣхалъ къ Семенникову, но не заставъ его дома, узналъ, что онъ отправился въ табунъ отставного старшины Чернозубова, гдѣ и нагналъ его.

— Ты куда ѣдешь? спросилъ Серединцовъ Семенникова.

— Я ѣду въ пятисотскую команду, отвѣчалъ онъ; — наши казаки были въ Царицынѣ и обѣщались къ государю пріѣхать, то и мнѣ въ ту команду надо ѣхать.

На вопросъ Серединцова, правда-ли, что въ Царицынѣ содержится государь, Семенниковъ отвѣчалъ что правда.

— Онъ мнѣ открылъ всѣ свои тайности, говорилъ Семенниковъ,—имѣетъ на лбу, на груди и на спинѣ знаки; караульные, капралъ, солдаты и я ему присягали и онъ пожаловалъ меня адъютантомъ.

---

[1]) Отношеніе Бекетова графу З. Г. Чернышеву 4 іюля 1772 г.

Семенниковъ уговаривалъ Серединцова ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ пятисотной командѣ и увѣрялъ, что вся она чрезъ казаковъ Еремѣева съ товарищами уже знаетъ о самозванцѣ и готова склониться на ихъ сторону.

— У насъ положено такъ, говорилъ Семенниковъ,—если вся пятисотная команда къ намъ приступитъ, то, взявъ государя изъ-подъ караула и освободя изъ желѣзъ, тутъ же на мѣстѣ въ Царицынѣ и объявить его государемъ. Если же сему случится противное и та команда на призывъ нашъ не поступитъ, то хотя находящихся въ этой командѣ нашей станицы казаковъ 16 человѣкъ возьмемъ и государя вмѣстѣ съ караульными уведемъ.

Серединцовъ согласился ѣхать съ Семенниковымъ и, взявъ изъ табуна старшины Чернозубова по двѣ лошади каждый, отправились за пятисотною командой, уже выступившею въ походъ. На рѣчкѣ Быстрой, гдѣ предполагали нагнать команду, они ея не застали, а у Ѳоминыхъ колодезей нагнали своихъ станичниковъ, Ананія Еремѣева и Конона Ѳедотова съ товарищами, и звали ихъ въ Царицынъ для освобожденія государя.

— Въ бытность вашу въ Царицынѣ, говорилъ Семенниковъ,—обѣщались вы государю Петру Ѳедоровичу, чтобы догнать отправленную пятисотную команду и, подговоря ту команду и избравъ лучшихъ лошадей, хотѣли увезти государя изъ Царицына.

— Когда нѣтъ всей команды, отвѣчали казаки,—такъ намъ тамъ дѣлать нечего. Мы еще за недѣлю до вашего пріѣзда всѣ шестнадцать человѣкъ сговорились ѣхать въ Царицынъ для взятія государя, набрали девять заводныхъ лошадей, изъ коихъ одну для государя, другую подъ тебя, третью подъ караульнаго капрала, да шесть подъ караульныхъ солдатъ. Однако предпріятіе это оставили, видя свое малолюдство, а больше опасаясь, если государя получимъ, а пятисотная команда къ принятію его и признанію государемъ отречется, то всѣ мы погибнемъ.

Семенниковъ предложилъ тогда отправить казака Ларіона Рѣшетникова въ пятисотную команду, но та безъ письменнаго приказанія идти въ Царицынъ не рѣшилась. Тогда совѣщавшіеся на Ѳоминыхъ колодезяхъ разъѣхались въ разныя стороны: Еремѣевъ съ товарищами поѣхали въ команду, а Серединцовъ съ Семенни-

ковымъ возвратились въ станицу [1]). Тамъ они подговорили молодежь идти съ ними выручать государя и рѣшили утопить всѣхъ тѣхъ, которые могли противиться исполненію ихъ намѣренія. Въ числѣ приговоренныхъ къ смерти были: станичный атаманъ Аѳанасій Лобынинъ, отставной старшина Петръ Чернозубовъ, священникъ Гавріилъ и старикъ казакъ Яковъ Соловьевъ. Всѣ эти лица узнали о намѣреніи Семенникова и, по почину Чернозубова, 1 іюля собрали казаковъ на совѣщаніе. Чернозубовъ прочелъ собравшимся копію съ высочайшаго указа о самозванцѣ (Кремневѣ) [2]), который содержался въ Воронежѣ въ 1766 году, и затѣмъ обратился къ Семенникову.

— О какомъ ты имени проговариваешь, спрашивалъ Чернозубовъ,—и возмущеніе дѣлаешь въ мірѣ?

— Въ городѣ Царицынѣ содержится подъ карауломъ царь Петръ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ Семенниковъ.

— Совралъ ты, дуракъ, закричалъ Чернозубовъ; — хотя и былъ царь Петръ Ѳедоровичъ, но онъ скончался и нынѣ у насъ милостивая государыня Екатерина Алексѣевна и наслѣдникъ его высочество благовѣрный государь Павелъ Петровичъ.

— Живъ Петръ Ѳедоровичъ, кричалъ Семенниковъ, — и онъ въ Царицынѣ.

«Мнѣ нестерпимо стало, доносилъ Чернозубовъ [3]), за поношеніе императорскаго имени, и онаго возмутителя, схватя за волосы, билъ палкой».

— Чего вы стали, кричалъ Семенниковъ народу, — или оробѣли?

— Сажай его въ колоду, говорилъ Чернозубовъ, обращаясь къ станичному атаману Лобынину.

— За что Семенникова сажать въ колоду, закричалъ одинъ изъ малолѣтковъ,—онъ не виноватъ.

Лобынинъ однако же арестовалъ Семенникова, но малолѣтки подняли шумъ.

---

[1]) Показанія Серединцова 9 и 12 іюля 1772 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 94, св. 10.

[2]) Объ этомъ самозванцѣ смотри *Воронежскую Бесѣду* на 1861 г.

[3]) Рапортъ Чернозубова войску Донскому 7 іюля. Тамъ же.

— Чего вы стали, послышались голоса, — ступайте на майданъ!

«А какъ нѣкоторые на майданъ взошли, писалъ Чернозубовъ, и приступили, за что-де его брать подъ арестъ, то атаманъ, убоясь, онаго Семенникова оставилъ, но и я съ походнымъ атаманомъ Лощилинымъ въ крайнемъ страхѣ находились». Видя, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ, что толпа расходилась не на шутку, Чернозубовъ сталъ уговаривать сторонниковъ Семенникова и, успокоивъ нѣкоторыхъ, ушелъ домой съ есауломъ Лощилинымъ. Оставшись одинъ въ собраніи, атаманъ хотѣлъ-было снова арестовать Семенникова, но казаки не дали, накинулись на него и вырвали изъ рукъ его насѣку. Шумъ и крики увеличились и атаману Лобынину грозила опасность подвергнуться насилію толпы. Старый казакъ выручилъ его и успокоилъ толпу.

— Други мои, крикнулъ онъ, — я съ Семенниковымъ пойду съ вами въ походъ.

— Кто охотникъ ѣхать въ Царицынъ царя выручать? кричалъ Семенниковъ.

— Я съ тобой поѣду, слышались съ разныхъ сторонъ голоса, и казаки стали собираться къ Семенникову.

Пользуясь этимъ временемъ, атаманъ Лобынинъ успѣлъ скрыться.

Семенниковъ и Серединцовъ два раза приходили къ дому Чернозубова и вызывали Лощилина на бесѣду, но онъ не пошелъ и Чернозубовъ ему не совѣтовалъ. Толпа разошлась и къ вечеру успокоилась. На другой день, 2 іюля, Серединцовъ и Семенниковъ отправились въ Царицынъ, чтобы повидаться съ самозванцемъ, но не доѣзжая до города узнали, что самозванца въ Царицынѣ нѣтъ и гдѣ онъ — неизвѣстно. Они возвратились-было въ станицу, но Семенниковъ предпочелъ уѣхать, а Серединцовъ остался и былъ арестованъ.

Происшествіе въ Трехъ-островянской станицѣ обратило на себя вниманіе, и атаманъ Василій Машлыкинъ, какъ только получилъ извѣстіе о посылкѣ старшинами Пяти-избянской станицы рубля денегъ самозванцу, отправилъ на мѣсто старшину Григорія Сарычева съ указомъ отъ 12 іюля, обращеннымъ ко всѣмъ казакамъ,

живущимъ по Дону отъ Маноцкой до Трехъ-островянской станицы. Войско просило казаковъ не вѣрить никакимъ разглашеніямъ, оставаться спокойными и задерживать всѣхъ разгласителей нелѣпыхъ слуховъ.

«Мы, войско Донское, писалъ атаманъ, за благопристойно и нужно признали напомнить вамъ прежде оказанныя нами войска Донского вѣрныя къ государю и отечеству заслуги и получаемыя за то высочайшія милости и награжденія, изъ которыхъ главное было дѣло въ удержаніи бунта Астраханскаго въ 1705 году, за что получили мы отъ его императорскаго величества блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя Петра Великаго милостивую жалованную въ вѣчную и несмертельную намъ, дѣтямъ, сродникамъ и потомкамъ нашимъ славу и неугасимую память, грамоту и достойные нашей заслуги воинскіе клейноды, какъ и все наше донынѣ пребывающее основаніе. Напротивъ же того, донынѣ изъ крайняго сожалѣнія невыходящемъ бывшемъ на Дону Булавинскомъ возмущеніи, которое казнію достойныхъ и неповиннымъ въ томъ нанесло было такой худой порокъ и нареканіе, что мы, все войско Донское, многимъ пролитіемъ въ службѣ нашей крови едва могли оное загладить и осталось намъ только призывать къ себѣ милосердіе Божіе и наблюдать долгъ нашего христіанства и присягу, служить ея императорскому величеству со всею нашею силой и возможностію вѣрно и непоколебимо и во всемъ повиноваться и послушествовать волѣ ея императорскаго величества. И для того, по вышепрописанному обстоятельству, учинили мы, войско Донское, по должности нашей опредѣленіе отправить къ вамъ и по всѣмъ нашимъ казачьимъ городкамъ съ нашими войсковыми грамотами нарочныхъ старшинъ, въ томъ числѣ къ вамъ старшину Григорія Сарычева».

Войско просило содѣйствовать послѣднему въ задержаніи Семенникова и доставленіи его въ Черкаскъ. Прибывъ въ Маноцкую станицу, Сарычевъ долженъ былъ отправить впередъ себя нарочнаго по станицамъ, чтобы къ его пріѣзду были собраны казаки въ полные сборы и всѣ до единаго могли слышать грамоту и понять ее. При этомъ въ инструкціи, данной Сарычеву, возлагалось на его обязанность напоминать казакамъ долгъ службы и присяги,

«наводить на первую степень разума и точнаго познанія истины, что они изъ ничего приведены къ основательному житію и пользуются подъ высочайшимъ ея величества покровомъ всѣми выгодами. А что до ихъ службы принадлежитъ, оную отправляютъ они къ государской и ихъ собственной славѣ и благополучію, которая имъ временно тяжела, а больше дѣлаетъ безопасною жизнь и спокойствіе, а изъ того и слѣдуетъ за ними въ потомственные ихъ роды безсмертная слава. Иначе же безъ службы и государственной тягости въ цѣломъ свѣтѣ никакого народа нѣтъ, который бы никому подвластенъ не былъ. Да еще и больше: тамъ, гдѣ помазанной главы нѣтъ, происходятъ беззаконныя и властолюбивыя хищенія, притѣсненія, всякое зло и ежечасная, очевидная погибель»... [1])

Не успѣлъ Сарычевъ доѣхать до Маноцкой станицы, какъ въ Черкаскѣ было получено донесеніе старшины Чернозубова. Донесеніе это требовало энергичныхъ мѣръ, и войско, понимая всю серьезность положенія дѣла, тотчасъ же отправило въ Трехъ-островянскую станицу старшину Абросима Луковкина съ порученіемъ тайно, а если нельзя, то и силой захватить въ свои руки Семенникова, Серединцова съ ихъ товарищами и отвезти за крѣпкимъ карауломъ прямо въ Царицынъ [2]). Луковкинъ успѣлъ арестовать многихъ сообщниковъ, заковалъ ихъ въ кандалы и за крѣпкимъ карауломъ отправилъ въ Царицынъ, но Семенникова не нашелъ.

Между тѣмъ, узнавъ о происшедшемъ на Дону и въ Царицынѣ, императрица писала графу Чернышеву: [3]) «сдѣлайте губернатору выговоръ, почему онъ по сію пору самозванца кнутомъ не высѣкъ, а о попѣ велите изслѣдовать, по какой причинѣ онъ повѣщалъ бунтъ. Казака, который на Донъ ушелъ въ намѣреніи подговорить сообщниковъ, *ловить* какъ-нибудь надо и для того публиковать на Дону, чтобы казаки сами его привели, какъ мошенника».

Графъ Чернышевъ на другой же день отправилъ отъ имени военной коллегіи грамоту войску Донскому, въ которой просилъ

---

[1]) Инструкція Сарычеву отъ 12 іюля 1772 г.

[2]) Донесеніе Донского войска военной коллегіи отъ 17 іюля 1772 г.

[3]) Собственноручная записка отъ 25 іюля 1772 года.

принять мѣры къ поимкѣ Семенникова [1]) и сдѣлалъ выговоръ какъ Циплетеву, такъ и астраханскому губернатору Бекетову. «Коллегія, писалъ онъ послѣднему [2]), въ силу именнаго ея императорскаго величества точнаго повелѣнія, отправляя къ вамъ нарочнаго офицера Тобольскаго пѣхотнаго полка подпоручика Карташева и объявя вамъ свое неудовольствіе, предписываетъ слѣдующее:

«Въ присутствіи сего посланнаго къ вамъ офицера, помянутому самозванцу (Богомолову) повелѣнное отъ коллегіи и вамъ въ сообщеніи отъ 3 мая объявленное наказаніе, буде еще сего нынѣ не учинено, немедленно учинить и подъ крѣпкимъ карауломъ скованнаго отправить на Нерчинскіе заводы, и о томъ съ симъ же офицеромъ коллегіи донести». По прибытіи Карташева въ Царицынъ, Богомоловъ и Ивановъ (Долотинъ) немедленно были привезены изъ Чернаго Яра и наказаны кнутомъ, причемъ первому вырѣзали ноздри и поставили знаки. 9 августа они самымъ секретнымъ образомъ отправлены были на лодкѣ до Саратова и переданы въ распоряженіе казанскаго губернатора для дальнѣйшаго отправленія въ Сибирь. «Извольте отправить обоихъ, писалъ Бекетовъ коменданту Циплетеву [3]), на Нерчинскіе заводы водянымъ путемъ на лодкѣ до Саратова, и командировать въ конвой за ними при одномъ капитанѣ 20 человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и капраломъ, подъ видомъ отправленія для сыску появившихся между Дмитріевска и войска Волжскаго Дубовской станицы воровскихъ разбойническихъ партій, и приказать изъ Царицына вывезть ихъ въ ночное время весьма тайнымъ образомъ, чтобъ отнюдь никто объ ономъ не свѣдалъ. При слѣдованіи до Саратова держаться болѣе луговой стороны и нигдѣ къ жительствамъ не приставать, и имѣть въ ночное время ночлегъ въ пустыхъ и скрытыхъ мѣстахъ. По привозѣ въ Саратовъ отдать тѣхъ колодниковъ саратовскому воеводѣ». Отсюда они должны были быть отправлены по распоряженію казанскаго губернатора [4]), но Богомоловъ не дошелъ до Сибири:—онъ умеръ на дорогѣ.

---

[1]) Грамота войску Донскому отъ 26 іюля 1772 г. № 149.

[2]) Отношеніе графа Чернышева Бекетову отъ 26 іюля, № 151.

[3]) Въ ордерѣ отъ 8 августа 1772 г.

[4]) Отношеніе Бекетова казанскому губернатору 9 августа 1772 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, оп. 94, св. 10.

*

V.

Происхожденіе Пугачева и его прошлое. — Пугачевъ въ Черкаскѣ, Таганрогѣ и на Терекѣ.—Возвращеніе домой. — Арестъ. — Бѣгство въ Польшу. — Пугачевъ у Коровки и на Добрянскомъ форпостѣ. — Отправленіе на рѣку Иргизъ.—Пугачевъ въ Малыковкѣ и Мечетной. — Поѣздка въ Яицкій-городокъ.

Въ то время, когда по станицамъ войска Донского разыскивали Семенникова, по тѣмъ же самымъ станицамъ, подъ именемъ раскольника и выходца изъ Польши, пробирался другой бѣглецъ, казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ. Бѣжавшій изъ войска, давно покинувшій жену и дѣтей, онъ, опасаясь быть узнаннымъ и задержаннымъ, торопился на рѣку Иргизъ,—тогдашній притонъ бѣглыхъ. Рѣка Иргизъ, по словамъ императрицы Екатерины, «уже давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники тамъ скиты и монастыри заведшіе за добродѣтель почитаютъ давать пристанище»... [1])

Пугачеву было всего 30 лѣтъ отъ роду [2]), но жизнь состарила его преждевременно и ему казалось на видъ лѣтъ подъ сорокъ. Это былъ мужчина небольшаго роста, широкоплечій и сухощавый, смуглаго, нѣсколько рябоватаго лица и съ небольшою бородой, въ которой пробивалась сѣдина. Родившись въ Зимовейской станицѣ войска Донского, Пугачевъ въ самой ранней молодости занимался вмѣстѣ съ отцомъ хлѣбопашествомъ и въ дѣйствительности никогда не былъ раскольникомъ. По достиженіи 17-ти-лѣтняго возраста, онъ былъ зачисленъ на службу и еще при жизни родителей женился на дочери Есауловской станицы казака Недюжева, Софьѣ Дмитріевой. Проживъ съ молодою женой только одну недѣлю, Пугачевъ былъ посланъ въ командѣ съ прочими казаками въ Пруссію, гдѣ и поступилъ въ составъ отряда, находившагося подъ начальствомъ графа З. Г. Чернышева. Тамъ онъ оставался до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, при-

[1]) Письмо императрицы гр. П. И. Панину 20 ноября 1774 г. *Чтенія* 1858 г., кн. II.

[2]) Показаніе Пугачева, данное Шешковскому 4 ноября 1774 г. Государствен. Арх., VI, д. № 512.

нималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, но раненъ не былъ. Въ то время походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ въ арміи былъ полковникъ Илья Денисовъ, который и взялъ Пугачева «за отличную проворность къ себѣ на ординарцы, такъ какъ и отъ другихъ станицъ у него состояло для разныхъ посылокъ немалое число» [1]). Однажды ночью на передовую казачью партію напали пруссаки и произвели тревогу, среди которой Пугачевъ упустилъ одну лошадь, принадлежавшую полковнику Денисову, за что и былъ наказанъ «нещадно плетью».

По возвращеніи изъ Пруссіи былъ публикованъ по всѣмъ станицамъ манифестъ о кончинѣ императора Петра III и казаки отпущены домой. Проживъ года полтора въ Зимовейской станицѣ, Пугачевъ былъ командированъ въ командѣ есаула Елисѣя Яковлева въ Польшу, «для выгнанія бывшихъ тамо бѣглыхъ раскольниковъ, коихъ оный есаулъ и привелъ въ Черниговъ», а затѣмъ команда была распущена и Пугачевъ прожилъ дома года три или четыре.

Во время войны съ Турціей Пугачевъ, уже въ чинѣ хорунжаго, находился въ полку Кутейникова и участвовалъ при осадѣ Бендеръ отрядомъ графа П. И. Панина. По взятіи этого города полкъ Кутейникова былъ отведенъ на зимовыя квартиры въ село Голую-Каменку, близъ города Елизавета, гдѣ Пугачевъ заболѣлъ «и гнили у него грудь и ноги». Въ это время полковнику Кутейникову приказано было для «исправленія казаковъ лошадьми» отпустить на Донъ при старшинѣ сто человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ уволенъ и Пугачевъ, какъ человѣкъ больной, для котораго необходимъ былъ отдыхъ. Болѣзнь эта тянулась довольно долго и приходившіе навѣщать Емельяна старики-казаки совѣтовали ему хлопотать объ отставкѣ и ѣхать въ Черкаскъ. Выпросивъ у станичнаго атамана Трофима Ѳомина паспортъ и оставивъ въ станицѣ жену, сына Трофима и двухъ дочерей, Аграфену и Христину, Пугачевъ въ февралѣ 1771 года отправился на собственной лодкѣ въ Черкаскъ. Явившись въ войсковую канцелярію, онъ предъявилъ свой паспортъ войсковому дьяку Колпакову.

---

[1]) Показаніе Пугачева въ Яицкомъ-городкѣ 16 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ? спросилъ Колпаковъ.

— Я, батюшка, отвѣчалъ Пугачевъ, — пріѣхалъ сюда за болѣзнію своей проситься въ отставку; у меня гніютъ ноги и грудь.

— Тебя отставить нельзя; надобно прежде лечь здѣсь въ лазаретъ и лечиться, и когда уже тебя вылечить будетъ нельзя, то тогда отставятъ.

— Нѣтъ, я въ лазаретъ не пойду, отвѣчалъ Пугачевъ, — а лучше стану лечичься на своемъ коштѣ.

Поклонившись Колпакову, онъ вышелъ изъ войсковой канцеляріи вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ ему есауломъ, совѣтовавшимъ не хлопотать очень объ отставкѣ.

— На что тебѣ отставка, говорилъ есаулъ: — вѣдь коли болѣнъ, тебя на службу не пошлютъ, а если выздоровѣешь, то отставить нельзя.

Пугачевъ рѣшился не проситься болѣе въ отставку и, придя на квартиру казачки Скоробогатой, у которой остановился, объявилъ ей, что отъ службы не отставляютъ, а велятъ лечиться въ лазаретѣ.

— Нѣтъ, Пугачевъ, говорила Скоробогатая, — не ходи въ лекарство, вѣдь оно очень трудно; покажи-ка ты мнѣ свои ноги.

Пугачевъ показалъ.

— Лечись ты, совѣтовала казачка, осматривая раны, — изъ убитыхъ барановъ легкими, прикладывай легкое къ ранамъ и тебѣ легче будетъ.

Больной послѣдовалъ совѣтамъ, «и, покупая легкое, показывалъ онъ впослѣдствіи [1]), три дня къ ногамъ прикладывалъ, отчего и стало ему нѣсколько легче». На четвертый день Пугачевъ рѣшился уѣхать изъ Черкаска, но не домой, а въ Таганрогъ, повидаться со своею сестрой Ѳедосьей, бывшею въ замужествѣ за донскимъ казакомъ Симономъ Павловымъ.

Получивъ разрѣшеніе войскового атамана Ефремова и нанявъ у вдовы Скоробогатой лошадь за два пуда пшеницы и за два пуда муки, Пугачевъ отправился въ Таганрогъ. Тамъ сестра и зять

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512 (1).

сколько рады были пріѣзду гостя, столько же жаловались ему на свое горькое и трудное положеніе. Павловъ жилъ прежде также въ Зимовейской станицѣ, но съ началомъ Турецкой войны онъ вмѣстѣ съ другими казаками былъ отправленъ въ Таганрогъ на вѣчное житье. Казаки были недовольны такимъ переселеніемъ и въ особенности тѣмъ, что, подобно товарищамъ, оставшимся на Дону, не могли сохранить своихъ привилегій и древнихъ обычаевъ.

— Здѣсь жить трудно, говорилъ Павловъ Пугачеву; — лѣсу нѣтъ и ѣздятъ за нимъ недѣли по двѣ; заведены полковники, ротмистры, и совсѣмъ не такъ съ казаками поступаютъ, какъ на Дону. Насъ хотятъ обучать нынѣ по-гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ.

— Какъ это? спрашивалъ съ удивленіемъ Пугачевъ. — Кажется не годится, чтобы перемѣнять уставъ казачьей службы. Надобно просить, чтобъ оставили казаковъ на такомъ основаніи, какъ дѣды и отцы войска Донского служили.

— У насъ много перемѣнено; старшинъ у насъ уже нѣтъ, а названы вмѣсто оныхъ ротмистры. Когда начнутъ обучать насъ не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ. Многіе уже бѣгутъ, да и я согласился съ тремя казаками бѣжать.

— А куда же ты хочешь бѣжать? спросилъ Пугачевъ.

— Коли въ Русь побѣгу, то съ женой, а если безъ жены, то хотя въ Сѣчь Запорожскую.

— Какъ тебѣ туда бѣжать? въ Сѣчь не попадешь, а на Руси поймаютъ. Въ Запорожьѣ, коли одинъ пойдешь, по женѣ стоскуешься, а пріѣдешь за ней, такъ тебя схватятъ. Итакъ, коли уже бѣжать, такъ бѣжать на Терекъ, тамъ наши семейные живутъ, тамъ народу много, рѣкъ и лѣсу довольно, прожить тамъ будетъ способно и тамошніе жители страннопріимчивы. А сверхъ того, тамошнему атаману Павлу Михайлову и указъ данъ, чтобы такихъ тамо принимать. Тогда и я съ вами поѣду.

— И вѣдомо это лучше, говорилъ Павловъ;—мы всѣ будемъ жить вмѣстѣ.

Побѣгъ на Терекъ былъ рѣшенъ, и Ѳедосья Павлова, по со-

вѣту брата и мужа, выпросилась у ротмистра съѣздить въ Зимовейскую станицу подъ предлогомъ свиданія съ матерью. Получивъ билетъ, она отправилась съ братомъ на Донъ съ тѣмъ условіемъ, что мужъ ея съ тремя товарищами бѣжитъ изъ Таганрога спустя недѣлю, другую, «для того, показывалъ Пугачевъ, что если онъ скоро за женой побѣжитъ, то ротмистръ догадается, что и жена бѣжала съ нимъ вмѣстѣ, пошлетъ погоню и ихъ тотчасъ схватятъ, за что и ему (Пугачеву) достанется, какъ подговорщику».

Павловъ однакоже не исполнилъ даннаго обѣщанія, и едва только Пугачевъ съ сестрой доѣхали до рѣки Тузловой, какъ Павловъ съ тремя товарищами нагнали ихъ и объявили, что они бѣжали.

— Что вы это надѣлали, говорилъ имъ Пугачевъ съ упрекомъ, — того и смотри, что насъ поймаютъ; вѣдь я говорилъ, чтобы помѣшкать недѣли двѣ, а теперь вы погубили себя и меня.

Понимая очень хорошо, что дѣло сдѣлано и укоризна неумѣстна, Пугачевъ забралъ всѣхъ бѣглецовъ и отправился съ ними въ Зимовейскую станицу. Не доѣзжая до станицы, Ѳедосья и трое бѣглецовъ остались въ степи, а Пугачевъ, выждавъ наступленіе ночи, чтобы сосѣди не видѣли, привелъ зятя къ себѣ въ домъ.

— Вотъ, матушка, говорилъ онъ, — знаешь-ли, зять-то хочетъ съ женой бѣжать на рѣку Терекъ, да и меня зовутъ съ собой.

Мать и жена ударились въ слезы.

— Нѣтъ, не бойтесь, успокоивалъ Пугачевъ,—я только провожу ихъ черезъ Донъ, а самъ никуда не поѣду.

Въ ту же ночь онъ съ зятемъ выѣхалъ въ степь, гдѣ оставилъ зятя, а взялъ сестру. Пробывъ часа два у матери, Ѳедосья отправилась къ свекру своему. Мать и жена снова принялись уговаривать Пугачева, чтобъ онъ за Донъ тѣхъ бѣглецовъ не перевозилъ и что ему за это будетъ бѣда. Пугачевъ согласился-было, но зять, приходя по ночамъ, упрашивалъ его перевезти и ѣхать съ ними вмѣстѣ.

— Покажи намъ дорогу на Терекъ, просилъ зять.

— Ты за солью на Манычъ хаживалъ, отвѣчалъ Пугачевъ,— такъ поди той дорогой и она доведетъ тебя до Терека.

По всему видно было, что Пугачеву не хотѣлось бѣжать на Терекъ, а зять, подъ предлогомъ указанія дороги, непремѣнно хотѣлъ утащить его съ собой. Оба обманывали другъ друга и потому переговоры тянулись нѣсколько дней. Наконецъ, Павловъ сталъ просить, чтобъ онъ только перевезъ ихъ черезъ Донъ, будучи увѣренъ, что если Пугачевъ это сдѣлаетъ, то они найдутъ возможность увезти его съ собой.

Видя неотступную просьбу зятя, Пугачевъ согласился, не смотря на слезы матери и жены, которыхъ онъ увѣрялъ, что только перевезетъ черезъ Донъ, а самъ не побѣжитъ.

— Статное-ли дѣло, говорилъ онъ,—чтобъ я оставилъ отечество и поѣхалъ бы на Терекъ.

Посадивъ въ лодку зятя, сестру и трехъ ихъ спутниковъ, Пугачевъ спустился внизъ по Дону верстъ на семь, перевезъ ихъ на ногайскую сторону, высадилъ на берегъ, а самъ остался въ лодкѣ и отвалилъ отъ берега. Видя, что Пугачевъ ихъ обманулъ, Павловъ выхватилъ саблю и бросился въ воду, но Пугачевъ успѣлъ уплыть. Спустя мѣсяцъ или полтора Павловъ съ товарищами, не найдя дороги на Терекъ, вернулись въ Зимовейскую станицу, были арестованы, отведены въ станичную канцелярію, гдѣ и показали, что Пугачевъ перевезъ ихъ черезъ Донъ и хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ ними. Зная, что всѣмъ казакамъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено перевозить за рѣку бѣглецовъ, Пугачевъ, опасаясь наказанія, взявъ лошадь, бѣжалъ изъ дома и шатался по степи недѣли двѣ. Когда захваченный хлѣбъ весь вышелъ и ему ѣсть было нечего, онъ вернулся ночью въ станицу, гдѣ жена ему сказала, что мать и зять взяты въ Черкаскъ и что и его также ищутъ. Тогда Пугачевъ рѣшился самъ поѣхать въ Черкаскъ и, если можно, обогнать мать и зятя, чтобы подъ видомъ человѣка праваго и ничего не подозрѣвающаго, отдѣлаться отъ наказанія. Явившись къ дьяку Колпакову, онъ представилъ ему тотъ же самый паспортъ, который былъ выданъ, когда онъ намѣренъ былъ хлопотать объ отставкѣ.

— Я слышу, говорилъ Пугачевъ, — что про меня говорятъ будто я бѣжалъ; я не бѣгалъ, вотъ и паспортъ.

— На кой же чортъ пишутъ, что ты бѣжалъ, отвѣчалъ Колпаковъ, посмотрѣвъ паспортъ, и отпустилъ Пугачева.

На другой день привезли мать и зятя, причемъ послѣдній показалъ, что точно Пугачевъ перевозилъ его и хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ идти на Терекъ. Видѣвъ Пугачева наканунѣ, Колпаковъ приказалъ его сыскать, но онъ бѣжалъ въ станицу, гдѣ былъ арестованъ, снова бѣжалъ, скрывался въ камышахъ и пролежалъ тамъ двое сутокъ. «Но какъ ѣсть было нечего, говорилъ Пугачевъ [1]), также и холодно, ибо время было въ Филипповъ постъ, то на третій день пошелъ въ домъ свой и пришедъ сказалъ женѣ, чтобъ она никому не сказывала и прожилъ въ домѣ своемъ почти весь Филипповъ постъ скрытно. Въ домѣ же его не сыскали потому, что не могли старшины думать, чтобы, надѣлавъ столько побѣговъ, осмѣлился жить въ домѣ своемъ».

За два дня до Рождества Христова Пугачевъ осѣдлалъ лошадь и выѣхалъ изъ станицы, сказавъ женѣ, что ѣдетъ на Терекъ, и если его тамъ примутъ, то и за нею пріѣдетъ [2]).

---

[1]) Показаніе Пугачева отъ 4 ноября 1774 г.

[2]) О своемъ пребываніи на Терекѣ Пугачевъ разсказалъ Шешковскому цѣлую басню, которая могла бы ввести въ заблужденіе, если бы сохранившіеся къ счастію документы не опровергли всего имъ показаннаго. Шешковскій записалъ со словъ допрашиваемаго слѣдующее: «Поѣхалъ онъ черезъ Донъ по льду верхомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ѣхать на Терекъ... Ѣхалъ онъ семь дней и не доѣхавъ до Кумы занемогъ, а лошадь пала, почему онъ легъ и лежалъ, а отдохнувъ черезъ великую силу пошелъ къ Кумѣ; дошедши до берега не могъ больше ступать ногами, легъ на берегу, лежалъ трое сутокъ, не видѣвъ ни одного человѣка... Черезъ три дня пришли къ нему три человѣка, русскіе, и спросили его, что онъ за человѣкъ? Онъ сказалъ имъ о себѣ, что онъ донской бѣглый казакъ... Оные два человѣка были на лошадяхъ; сжалившись надъ нимъ посадили его на лошадь, а сами сѣли на одну двое и поѣхали съ нимъ по сдѣланному идущими въ то самое время изъ Кизляра донскими казаками мосту черезъ рѣку Куму. И отъѣхавъ отъ рѣки верстъ съ тридцать, привезли его оные два человѣка въ сдѣланный шалашъ, гдѣ онъ, Емелька, лежалъ недѣли съ двѣ. Кормили же его оные люди звѣрями, яблоками и терномъ... Оные-жь люди сказали ему о себѣ, что они бѣглые изъ Сибири съ заводовъ и надѣлавъ тамъ бѣдъ бѣжали: мы были и въ Астрахани, да тамъ публиковано о насъ, такъ мы и оттуда ушли. Когда же ему стало полегче, то увидѣлъ онъ, что оные два человѣка рѣжутъ изъ прутьсвъ жеребенки, то онъ ихъ спросилъ: «Что вы, братцы, пульки что-ли рѣжете и эти прутики свинцовые что-ли». На что они сказали ему: «Это не свинецъ, а золото». И онъ ихъ спро-

Переправившись черезъ Донъ, Пугачевъ, нигдѣ не останавливаясь, пріѣхалъ прямо въ Ищорскую станицу къ поселеннымъ тамъ казакамъ. Отсюда онъ отправился въ Дубовскую станицу и, явившись войсковому атаману Павлу Татаринцову, просилъ о принятіи его въ Терское Семейное войско [1]). Не зная, что онъ бѣглый казакъ, Татаринцовъ записалъ Пугачева сначала въ Каргалинскую, а потомъ въ Дубовскую станицу, въ которой онъ прожилъ недолго, выпросилъ себѣ билетъ на три недѣли и, подъ предлогомъ необходимыхъ собственныхъ дѣлъ, отправился въ Ищорскую станицу. Тамъ онъ подговорилъ казаковъ, поселенныхъ въ Галюгаевской, Ищорской и Наурской станицахъ, чтобъ они избрали его своимъ атаманомъ, обѣщая имъ за то хлопотать въ государственной военной коллегіи объ отпускѣ имъ денежнаго жалованья и провіанта наравнѣ съ казаками Терскаго Семейнаго войска. Атаманъ и старики согласились и дали заручную подписку о желаніи казаковъ имѣть Пугачева своимъ атаманомъ [2]). Получивъ отъ тѣхъ же казаковъ двадцать рублей денегъ, Пугачевъ отправился-было хлопотать, но при выѣздѣ изъ Моздока 9 февраля 1772 года за рогаткой былъ пойманъ, посаженъ на гауптвахту и прикованъ цѣпью къ стулу; казаки же, уполномочившіе

силъ: «Да гдѣ же вы берете?» На что они ему сказали: «Да мы нашли здѣсь этого сокровища множество, да жаль, что всемилостивѣйшая государыня этого не знаетъ; мы бывали на многихъ государевыхъ заводахъ, да столько такого сокровища не видали». И онъ, Емелька, спросилъ ихъ: «Да какъ же вы нашли». И они ему сказали: «А вотъ какъ: увидѣли мы лисицу и погнались за нею, хотѣли застрѣлить; мы къ ней, а она отъ насъ. И такъ она отвела насъ отъ шалаша нашего верстъ двѣнадцать и вдругъ бросилась въ нору почти при нашихъ глазахъ; мы стали ту нору рыть и какъ порыли аршина два въ глубину, то и нашли тутъ это золото». Емелька спросилъ ихъ: «Не можно-ли мнѣ это мѣсто указать». И оные люди сказали: «Пожалуй, покажемъ». Послѣ сего они всѣ трое и пошли и, отведя отъ шалаша верстъ двѣнадцать, взошли какъ-бы на высокій валъ и ту нору ему показали и рыли, гдѣ онъ, Емелька, то золото видѣлъ и потомъ ту нору зарыли и заравняли и пошли попрежнему въ шалашъ. Послѣ чего, поживъ въ шалашѣ дней съ пять, стосконулось ему по женѣ и дѣтямъ, а къ тому-жь и на Терекъ попасть за болѣзнію его нельзя, то простясь съ тѣми людьми, не спрося ихъ объ именахъ, ни о чинахъ, пошелъ къ рѣкѣ Кумѣ и перешедъ по тому же мосту шелъ прямо на Донъ въ свой домъ съ двѣ недѣли».

[1]) Г. Щебальскій *(Начало и характеръ Пугачевщины)* говоритъ, что Пугачевъ вписался въ Моздокское войско, но такого войска не существовало.

[2]) Показаніе Пугачева въ моздокской комендантской канцеляріи 9 февраля 1772 г. *Чтенія общества исторіи и древностей* 1848 г., кн. I.

и выбравшіе его, были «нещадно батожьемъ наказаны» [1]). Просидѣвъ на стулѣ три дня, Пугачевъ 13 февраля успѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ подговореннымъ имъ солдатомъ Лаптевымъ и унесъ съ собою три звена цѣпи, которой былъ прикованъ, и замокъ [2]).

Неудача на Терекѣ заставила Пугачева вернуться домой, но надежды его быть атаманомъ еще не рушились.

— Я былъ на Терекѣ, говорилъ онъ женѣ,—и Семейные казаки хотятъ меня принять; у нихъ теперь нѣтъ атамана, они меня выберутъ.

Жена не вѣрила этимъ словамъ и зная, что мужа давно ищутъ, горько плакала. Какъ ни утѣшалъ ее Пугачевъ, но все было напрасно. Раздосадованный грустною семейною обстановкой, онъ рѣшился самъ передаться въ руки правосудія.

— Когда такъ, сказалъ онъ, — то поди и скажи, что я пріѣхалъ.

Пугачевъ былъ арестованъ и отведенъ къ атаману. На другой день его отправили въ Чирскую станицу, въ розыскную команду [3]) къ старшинѣ Михайлѣ Ѳедотову.

— Ну, Пугачевъ, говорилъ Ѳедотовъ, оставшись наединѣ съ арестованнымъ, — дай мнѣ сто рублей, такъ я напишу тебя въ службу, чтобы ты вину свою заслужилъ и въ Черкаскъ не пошлю.

— У меня ста рублей нѣтъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — а пятьдесятъ дамъ.

Ѳедотовъ не соглашался, и тогда Пугачевъ просилъ позволенія поискать денегъ, на что и получилъ разрѣшеніе. Его отвели подъ конвоемъ къ старшинѣ Чирской станицы Карпу Денисову.

— Надобно подарить старшину Ѳедотова, говорилъ Пугачевъ,—за то, что онъ не хочетъ меня посылать въ Черкаскъ, а опредѣлить для заслуженія вины моей въ службу.

---

[1]) Рапортъ моздокскаго коменданта кизлярскому, 20 февраля. *Чтенія общества исторіи и древностей* 1848 г., кн. I.

[2]) Рапортъ плацъ-маіора Повѣскина моздокскому коменданту Иванову 13 февраля. Тамъ же.

[3]) Команда, на обязанности которой было ловить воровъ и разбойниковъ и конвоировать колодниковъ.

— На, возьми, сказалъ Денисовъ давая деньги, — и отнеси ихъ; это хорошо, если онъ запишетъ тебя въ службу.

Пугачевъ понесъ деньги Ѳедотову.

— Гдѣ ты деньги эти занялъ? спросилъ Ѳедотовъ.

— У Карпа Петровича Денисова.

— Нѣтъ, если эти деньги ты занялъ у него, то я ихъ у тебя не возьму; онъ свой братъ, полковникъ, какъ только свѣдаетъ, что съ тебя взялъ, такъ донесетъ и меня за это разжалуютъ. Поди вонъ.

Пугачевъ отнесъ деньги обратно Денисову, но тотъ взялъ только 40 р., а 10 подарилъ арестованному.

— Въ Черкаскѣ пригодятся, сказалъ Денисовъ.

Въ тотъ же день Пугачевъ былъ отправленъ водой въ Черкаскъ вмѣстѣ съ другими колодниками. По пріѣздѣ въ Цимлянскую станицу, сидя въ станичной избѣ, Пугачевъ увидѣлъ саженяхъ въ десяти знакомаго ему еще во время прусскаго похода казака Лукьяна Худякова. Въ головѣ арестованнаго тотчасъ же мелькнула мысль воспользоваться знакомствомъ въ свою пользу, и онъ попросилъ позволенія повидаться съ Худяковымъ.

— Разорилъ меня Романъ Пименовъ (старшина) и ограбилъ, говорилъ Пугачевъ Худякову; — отнялъ у меня два камня, да лукъ, и меня же въ Черкаскъ послалъ не знаю за что̀, но спасибо везутъ меня безъ колодки. Горе мое въ томъ, что везутъ меня съ колодниками водой, такъ вѣдь не скоро довезутъ, а пора приходитъ сѣять пшеницу. Знаю я, что правъ буду и меня отпустятъ изъ Черкаска, за меня и старшина Иловлинскій Михайло Макаровъ старается и писалъ войсковому есаулу письмо, да та моя бѣда, что идетъ время къ посѣву и я совсѣмъ разорюсь. Пожалуй, Бога ради, возьми меня на свои поруки и скажи, что ты меня въ Черкаскъ отвезешь, я тебѣ шесть рублей заплачу.

Пугачевъ клялся, что за нимъ никакого серьезнаго дѣла нѣтъ, одна только напасть Пименова. Худяковъ повѣрилъ клятвѣ, пошелъ въ станичную избу и сказалъ старшинѣ, что самъ, за своей порукой, отвезетъ Пугачева въ Черкаскъ.

На другой день, подъ вечеръ, приказалъ Худяковъ сыну своему осѣдлать двѣ лошади и ѣхать съ Пугачевымъ въ Черкаскъ.

Отъѣхавъ отъ станицы на такое разстояніе, съ котораго никакая погоня или преслѣдованіе были невозможны, Пугачевъ не считалъ нужнымъ скрывать своихъ намѣреній, бросилъ сына Худякова, ударилъ по лошади и ускакалъ въ степь. Молодой Худяковъ хоть и гнался за нимъ версты съ три, но догнать не могъ [1]). Пока онъ вернулся въ станицу, чтобы сказать отцу о постигшемъ его несчастіи, Пугачевъ былъ уже на р. Койсухѣ, гдѣ поселены были выведенные изъ Польши бѣглые раскольники. Остановившись въ слободѣ Черниговкѣ, Пугачевъ спросилъ у одного мужика, не наймется-ли кто изъ ихъ селенія отвезти его къ казачьей командѣ, которая, какъ ему было извѣстно, шла тогда впереди подъ начальствомъ Краснощекова.

— Есть здѣсь такой человѣкъ, отвѣчалъ мужикъ, — который вашу братью возитъ, и назвалъ раскольника Ивана Коверина.

Остановившись по отводу сотника Дементьева въ домѣ Коверина, Пугачевъ объявилъ ему, что ѣдетъ изъ Черкаска для сопровожденія обоза отряда Краснощекова, и такъ какъ лошадь у него устала, то не наймется ли онъ довезти его до села Протопоповки (въ 30 верстахъ отъ города Изюма), гдѣ ему надобно застать Краснощекова обозъ [2]). «Про Краснощекова говорилъ, показывалъ впослѣдствіи Пугачевъ, чтобы не подумали, что онъ бѣглецъ» [3]). Пасынокъ Коверина Алексѣй взялся отвезти Пугачева за три рубля съ полтиной, впрегъ своихъ двухъ лошадей въ телѣгу, а лошадь Пугачева шла на поводу.

Наступилъ вечеръ, и путешественники, остановившись въ полѣ, развели огонь и стали варить кашу.

— Вѣдь я не за обозомъ Краснощекова ѣду, а мнѣ хочется, добрый человѣкъ, говорилъ вкрадчиво Пугачевъ Алексѣю, зная, что онъ раскольникъ,—хочется пожить для Бога, да не знаю гдѣ бы сыскать такихъ богобоязливыхъ людей.

---

[1]) Показаніе казака Лукьяна Худякова. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512. За то, что упустилъ Пугачева, Худяковъ, по распоряженію войсковой канцеляріи, былъ высѣченъ плетьми, а старшина за то, что отдалъ на поруки, посаженъ на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду.

[2]) Показаніе Ивана Коверина 11 декабря 1774 г., Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[3]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г.

— Я знаю такого человѣка набожнаго, отвѣчалъ Алексѣй,— который такихъ людей принимаетъ.

— Пожалуй, Бога ради, отвези меня къ нему. — Что это за богобоязливый человѣкъ и гдѣ онъ живетъ?

— Оный человѣкъ казачей Кабаньей слободы [1]), живетъ на своемъ хуторѣ и прозывается Осипъ Коровка.

Наутро Пугачевъ и Алексѣй отправились къ Коровкѣ, куда и пріѣхали вечеромъ. Не доѣзжая до хутора Пугачевъ послалъ Алексѣя спросить приметъ ли ихъ Коровка. Алексѣй пошелъ, хотя самъ никогда не видалъ въ лицо Коровку, а слышалъ объ его гостепріимствѣ отъ другихъ.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ Коровка.

— Я выходецъ изъ Польши, раскольникъ, житель Бѣлогородской губерніи, Валуйскаго уѣзда, дворцовой раскольнической слободы Черниговки, съ р. Койсухи, Алексѣй Ивановъ сынъ Коверинъ. Я привелъ сюда такого человѣка, который хочетъ пожить для единаго Бога.

Алексѣй просилъ Коровку принять его спутника.

— А гдѣ тотъ человѣкъ? спросилъ Коровка.

— Онъ стоитъ за хуторомъ.

Коровка и Алексѣй отправились за Пугачевымъ.

— Вотъ Осипъ Ивановичъ, тотъ человѣкъ, говорилъ Алексѣй, указывая на Пугачева лежавшаго въ телѣгѣ,—который желаетъ пожить Бога ради.

— Пожалуй, Осипъ Иванóвичъ, повторилъ Пугачевъ вставая,— прими меня къ себѣ.

— Какого ты чина, спросилъ Коровка, и какъ тебя зовутъ?

— Я донской казакъ Емельянъ Ивановъ, сынъ Пугачевъ, иду за обозомъ Краснощекова, но хочется мнѣ пожить для Бога ради, пусти меня пожить; на службѣ никакъ угодить Богу не можно.

— Я бы радъ, отвѣчалъ Коровка,—да не можно; я держалъ такихъ людей, да они меня часто грабили и совсѣмъ разорили; я боюсь.

---

[1]) Кабанья слобода находилась тогда въ Изюмскомъ полку.

Пугачевъ просилъ принять его хотя на нѣсколько дней.

— Милости прошу, отвѣчалъ на это Коровка, — поди братъ за мной.

Путешественники прожили у него два дня. Пугачевъ снова просилъ позволенія остаться, но Коровка не соглашался.

— Ну, дѣлать нечего, говорилъ Пугачевъ, — теперь поѣду я за Кременчугъ, тамъ у меня осталось, когда шелъ изъ-подъ Бендеръ, много серебра и платья, потому что тогда за язвой ничего не пропускали. Взявъ оное поѣду къ Бендерамъ; слышно, что тамъ генералъ Каменскій поселяетъ всякаго и тамъ жить будетъ свободно.

— Да, здѣсь нашей братьѣ старовѣрамъ жить нельзя, замѣтилъ Коровка.—Вотъ я за крестъ и бороду страдалъ въ Бѣлгородѣ и съ сыномъ лѣтъ семь, да дай Богъ здоровья милостивой государынѣ, она дала свой о крестѣ и бородѣ указъ, такъ меня и освободили. Я и тебя держать опасаюсь потому, что пріѣзжаютъ часто сюда команды. Когда ты въ Кременчугъ поѣдешь, навѣдайся Бога ради, и коли точно принимаютъ, такъ когда поѣдешь назадъ, заѣзжай и скажи мнѣ, я бы самъ со всѣмъ домомъ туда поѣхалъ.

Пугачевъ обѣщалъ и отправился въ Протопоповку. Тамъ онъ отпустилъ Алексѣя Коверина и, оставшись одинъ, сталъ думать о томъ какъ бы достать себѣ паспортъ. Коровка былъ его единственный знакомый въ тѣхъ мѣстахъ, и потому Пугачевъ рѣшился извлечь изъ этого знакомства возможную пользу. Чтобы протянуть время и имѣть возможность сказать, что былъ подъ Бендерами, Пугачевъ поѣхалъ изъ Протопоповки опять въ Черниговку, но встрѣтивъ на дорогѣ карантинъ, черезъ нѣсколько дней вернулся опять къ Коровкѣ.

— Что, Емельянъ Ивановичъ, былъ ли подъ Бендерами, спрашивалъ Коровка, и селятся ли тамъ?

— Селятся, отвѣчалъ Пугачевъ, только надобно самому туда ѣхать и выправить указъ.

— Мнѣ самому ѣхать туда невозможно, а возьми ты сына моего Антона.

— Я бы радъ туда пойти и отыскать мѣсто для поселенія, да только паспорта у меня нѣтъ.

— Для проѣзда я тебѣ дамъ свой паспортъ, данный мнѣ съ

сыномъ на годъ для торговли. Съ этимъ паспортомъ ты, Емельянъ Ивановичъ, подъ моимъ именемъ туда и проѣдешь.

Пугачевъ согласился.

— Ты, говорилъ онъ Коровкѣ съ увѣренностью, — ни хлѣба не сѣй, ни сѣна не коси, поиче непремѣнно поѣдешь.

Взявъ у Коровки на дорогу 50 рублей, пару лошадей и сына, Пугачевъ отправился въ Кременчугъ, оттуда въ Крюковъ и далѣе къ Елисаветинской крѣпости. По дорогѣ Антонъ Коровка узналъ, что подъ Бендерами никакого поселенія нѣтъ и сообщилъ о томъ своему спутнику [1]). Пугачевъ не считалъ нужнымъ увѣрять въ противномъ, потому что Антонъ Коровка былъ уже его сообщникъ. Онъ везъ человѣка подъ чужимъ именемъ, на всѣхъ заставахъ гдѣ прописывали паспортъ, называлъ своимъ отцомъ, слѣдовательно подвергался такой же отвѣтственности и наказанію, какъ и тотъ, кого онъ прикрывалъ. Къ Бендерамъ ѣхать было не для чего, надобно было избрать другой путь.

— Куда же намъ теперь ѣхать, чтобы спасти себя, спрашивалъ Пугачевъ Антона Коровку.

— Поѣдемъ въ Стародубскія слободы, отвѣчалъ тотъ.

Пріѣхавъ сначала въ Стародубскую Климову слободу, они отправились потомъ въ стародубскій монастырь къ старцу Василію [2]), которому Пугачевъ признался, что онъ бѣглый донской казакъ и спрашивалъ гдѣ бы лучше прожить.

— Лучше не можно какъ идти въ Польшу, говорилъ старецъ.—Здѣсь много проходитъ всякихъ бѣглыхъ и отсюда только нужно перевести ихъ черезъ заставу, а тамъ и пойдутъ они на Вѣтку [3]). Побывъ тамъ малое время, придутъ они на Добрянскій форпостъ и скажутся польскими выходцами. А какъ есть указъ, что польскихъ выходцевъ велѣно селить по желанію [4]), то съ фор-

---

[1]) Показанія Пугачева 4-го и 18-го ноября. Показаніе Осипа Коровки 18-го ноября.

[2]) Въ допросахъ Пугачеву (*Чтенія* 1858 г., кн. II) ошибочно напечатано Вавилы.

[3]) Раскольничья слобода, находившаяся на островѣ рѣки Сожи, въ предѣлахъ нынѣшней Могилевской губерніи.

[4]) Указами Петра III и Екатерины II такимъ возвращающимся обѣщаны разныя льготы и дозволено селиться по желанію.

поста даютъ имъ билеты въ тѣ мѣста, куда кто пожелаетъ на поселеніе. Современемъ можешь и жену свою, хотя воровски, къ себѣ достать и жить цѣлый вѣкъ спокойно.

Картина такой свободной жизни прельстила Пугачева, и онъ просилъ старца проводить его съ товарищемъ какъ можно скорѣе въ Польшу.

— Погодите немного, отвѣчалъ Василій, — пока съ теперешняго мѣста перейдетъ застава, тогда я васъ и провожу.

Ждать пришлось довольно долго, и Пугачевъ съ Коровкой прожилъ у старца Василія недѣль съ пятнадцать. Наконецъ, старецъ вывелъ ихъ на тропинку, по которой нельзя было двигаться иначе какъ пѣшему, и сказалъ что это прямая дорога на Вѣтку. Здѣсь Пугачевъ оставался не болѣе недѣли, а затѣмъ отправился на Добрянскій форпостъ, гдѣ встрѣтилъ множество бѣглыхъ русскихъ, выдерживавшихъ карантинъ.

— Какъ, братцы, являются на форпостѣ? спрашивалъ Пугачевъ.

— Ты какъ придешь къ командиру, говорили люди бывалые,— такъ онъ тебя спроситъ, откуда ты и что за человѣкъ? Ты скажи: я родился въ Польшѣ и желаю идти въ Россію: тогда тебя не станутъ больше спрашивать, а если ты скажешься чьимъ изъ Россіи, то сдѣлаютъ привязку.

Пугачевъ такъ и сдѣлалъ.

— Откуда ты? спросилъ его маіоръ Мельниковъ.

— Изъ Польши.

— Какой ты человѣкъ и какъ тебя зовутъ?

— Я польскій уроженецъ; зовутъ меня Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ [1]).

---

[1]) Пугачевъ не скрывалъ своего имени и не назывался здѣсь пензенскимъ купцомъ, какъ сказано въ *Чтеніяхъ* 1858 года, кн. II, у Щебальскаго и другихъ. До сихъ поръ основаніемъ для изслѣдователей служили *Допросы Пугачеву* (*Чтенія* 1858 г., кн. II), или вѣрнѣе первое показаніе Пугачева, данное въ Яицкомъ-городкѣ 16 сентября 1774 года. Показаніе это напечатано съ невѣрной рукописи и совершенно искажено. Въ текстѣ пропущены цѣлыя строки, переиначены собственныя имена и названіе мѣстности. Цифры правительственныхъ войскъ и силы Пугачева также невѣрны: на стр. 25 напечатано 100 т., а слѣдуетъ 10 т. заводскихъ крестьянъ; напечатано 4 т. башкирцевъ вмѣсто 400. Не имѣя возможности перечислять здѣсь всѣ неточности, должно сказать, что на одномъ этомъ показа-

Командиръ форпоста приказалъ записать его имя въ книгу и отправилъ въ карантинъ, гдѣ его не раздѣвали, а заставили перейти черезъ огонь и потомъ докторъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты здоровъ, проговорилъ онъ,—но надобно тебѣ высидѣть въ карантинѣ шесть недѣль.

Въ карантинѣ Пугачевъ познакомился съ такимъ же выходцемъ, какъ онъ, бѣглымъ солдатомъ 1-го гренадерскаго полка, Алексѣемъ Семеновымъ Логачевымъ. Оба они признались другъ другу: одинъ, что онъ бѣглый солдатъ, а другой, что онъ бѣглый донской казакъ и условились идти вмѣстѣ на поселеніе на Иргизъ, въ дворцовую Малыковскую волость. «А какъ ѣсть имъ обоимъ было нечего, то работали тутъ въ Добрянкѣ у жителя Косоротова баню» [1]).

По окончаніи карантина Пугачевъ и Логачевъ 12 августа 1772 года явились къ маіору Мельникову, отъ котораго и получили паспорты [2]) для свободнаго прохода на Иргизъ. Не имѣя

нiи основываться невозможно. Въ тайной экспедиціи въ Москвѣ Пугачевъ отъ многаго отказался, сознался что много выдумалъ, и былъ уличаемъ на очныхъ ставкахъ своими сообщниками. Эти показанія могутъ служить источникомъ только при сличеніи ихъ съ показаніями другихъ лицъ. Еще большему искаженію подверглись напечатанные въ той же книжкѣ *Чтеній*: 1) Дополнительное показаніе Пугачева и 2) Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву в присутствіи Г. Г. М. П. С. Потемкина 1774 года октября со 2 по 5 число. Послѣдній слѣдуетъ читать такъ: „Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву въ присутствіи генерала графа Панина и генералъ-маіора Потемкина октября со 2 по 5 число въ Симбирскѣ“.

[1]) Показаніе Пугачева 18 ноября 1774 года. Показаніе Логачева 13 декабря 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 512. Донесеніе казанскаго губернатора Брандта Сенату 21 марта 1773 г. Тамъ же, д. № 414.

[2]) Вотъ подлинный паспортъ Пугачева, данный ему на Добрянскомъ форпостѣ:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссійской и проч., и проч.

«Объявитель сего, вышедшій изъ Польши и явившійся собой при Добрянскомъ форпостѣ, вѣры раскольнической, Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, по желанію его для житья опредѣленъ въ Казанскую губернію, въ Симбирскую провинцію къ рѣкѣ Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропускъ, обидъ, налогъ и притѣсненій не чинить и давать квартиры по указамъ, а по прибытіи явиться ему съ симъ паспортомъ Казанской губерніи въ Симбирскую провинціальную канцелярію. Тако-жь слѣдуючи и въ прочихъ провинціальныхъ и городовыхъ канцеляріяхъ являться; праздно-жь оному нигдѣ не жить и никому не держать, кромѣ законной его нужды. Оный же Пугачевъ при Добрянскомъ форпостѣ указанный

*

ни денегъ, ни запасовъ, они отправились къ добрянскому купцу Кожевникову, часто приносившему въ карантинъ милостыню, и получили отъ него на дорогу цѣлый хлѣбъ.

— Куда же вы теперь идете? спросилъ Кожевниковъ.

— Идемъ на Иргизъ.

— Кланяйтесь тамъ отцу Филарету; меня на Иргизѣ всѣ знаютъ.

Пугачевъ запомнилъ это имя и впослѣдствіи широко воспользовался порученіемъ Кожевникова.

Изъ Добрянки Пугачевъ и его спутникъ направились въ деревню Черниговку, къ знакомому ему жителю Коверину, а оттуда къ Осипу Коровкѣ. Послѣдній пенялъ Пугачеву, что такъ долго не пріѣзжалъ и, не видя сына, спрашивалъ: гдѣ онъ?

— Я сына твоего оставилъ въ Вѣткѣ, отвѣчалъ Пугачевъ,— нанялъ ему лавку и посадилъ торговать серебромъ. Теперь я поѣду на Иргизъ и тамъ жить буду, а если тамъ жить будетъ худо, то можно ухать на Кубань, куда ушли Некрасовцы.

Коровка хотя и не повѣрилъ всѣмъ разсказамъ Пугачева, но, по усиленной его просьбѣ, далъ ему пять рублей на дорогу и возвратилъ оставленную у него лошадь, на которой тотъ и пріѣхалъ опять въ Черниговку. Переночевавъ у Коверина, Пугачевъ и Логачевъ наняли сосѣдняго жителя Алексѣя Родіонова довезти ихъ до села Казанки, но отъѣхавъ отъ слободы Черниговки верстъ съ тридцать, столкнули Родіонова съ телѣги и сами уѣхали степями къ Дону, переѣхали черезъ рѣку на Медвѣдицкомъ перевозѣ и мимо Трехъ-островянской станицы проѣхали прямо въ Глазуновскую станицу [1]). Здѣсь путники узнали всѣ подробности проис-

---

карантинъ выдержалъ, въ которомъ находится здоровъ г отъ опасной болѣзни, по свидѣтельству лекарскому, явился несумнителенъ. А примѣтами онъ: волосы на головѣ темнорусые и борода черная съ сѣдиной, отъ золотухи на лѣвомъ виску шрамъ, отъ золотухи-жъ ниже правой и лѣвой соски двѣ ямки, росту 2 аршина 4 вершка съ половиной, отъ роду 40 лѣтъ. При ономъ, кромѣ обыкновеннаго одѣянія и обуви, никакихъ вещей не имѣется. Чего въ вѣрность данъ сей отъ главнаго Добрянскаго форпостнаго правленія за подписаніемъ руки и съ приложеніемъ печати моей. Въ благополучномъ мѣстѣ 1772 г. августа 12». На подлинномъ написано: маіоръ Мельниковъ, пограничный лекарь Андрей Томашевскій и капитанмусъ Никифоръ Барановъ (Госуд. Арх., VI, д. № 413).

[1]) Показаніе Ивана Коверина 11 декабря 1774 г. Показанія Коровки 18 ноября 1774 г. Показаніе Логачева 13 декабря 1774 г. Показаніе Пугачева 4 и 18 ноября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

шедшихъ въ Царицынѣ безпорядковъ и о томъ сочувствіи, которое было оказано Богомолову, какъ со стороны царицынскаго населенія, такъ и донскихъ казаковъ. Никто не могъ сказать только, какая судьба постигла человѣка, называвшагося императоромъ Петромъ III. Таинственность, которою окружено было отправленіе Богомолова въ Сибирь, была поводомъ ко многимъ нелѣпымъ слухамъ: по станицамъ войска Донского, въ Царицынѣ, въ Казанской губерніи и даже въ Сибири разсказывали, что назвавшійся Петромъ III бѣжалъ и скрылся неизвѣстно куда. Всѣ эти разсказы подѣйствовали на Пугачева, и подъ впечатлѣніемъ ихъ онъ торопился оставить Глазуновскую станицу и черезъ Камышенку и Саратовъ пріѣхалъ съ Логачевымъ въ Симбирскую провинцію, въ дворцовое село Малыковку [1]).

Явившись къ управителю, они предъявили свои паспорты.

— Вамъ надобно ѣхать въ Симбирскъ и тамъ записаться, сказалъ управитель.

Пугачевъ и Логачевъ просили остаться въ Малыковкѣ на нѣсколько дней, пока отдохнутъ ихъ лошади. Управитель позволилъ, и они, не теряя времени, отправились въ Мечетную слободу (нынѣ городъ Николаевскъ, въ Самарской губерніи), находящуюся въ 100 верстахъ отъ Малыковки, искать раскольничьяго старца Филарета, котораго и нашли въ скиту Введенія Богородицы. Передавъ Филарету поклонъ Кожевникова, Пугачевъ прибавилъ, что онъ раскольникъ, былъ въ Вѣткѣ и Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Филаретъ былъ очень радъ и обласкалъ незнакомца. Среди разговора Пугачевъ узналъ отъ Филарета о происшествіяхъ на Яикѣ и о положеніи казаковъ.

— Яицкимъ казакамъ, говорилъ Филаретъ,—великое разореніе и они помышляютъ бѣжать къ Золотой мечети.

— Нѣтъ, замѣтилъ Пугачевъ, — лучше бѣжать туда, куда бѣжалъ Некрасовъ.

Мысль воспользоваться неудовольствіемъ казаковъ, подговорить ихъ къ побѣгу и сдѣлаться ихъ атаманомъ, воскресла у Пугачева и казалась легко-исполнимою [2]).

[1]) Нынѣ городъ Вольскъ, въ Саратовской губерніи.

[2]) Государственный Архивъ, VI, дѣло № 460.

— Я поѣду самъ на Кубань, говорилъ онъ,—и буду уговаривать къ тому яицкихъ казаковъ.

— Поѣзжай на Яикъ, отвѣчалъ Филаретъ, — и скажи казакамъ, что ты можешь ихъ провести туда; они съ тобой пойдутъ съ радостію, да и мы всѣ пойдемъ. Если тебя на Яикѣ не примутъ и ничего тамъ не сдѣлаешь, въ Симбирскъ не ѣзди; тамъ хотя и запишутъ, но не скоро, а поѣзжай лучше въ Казань.

— Да вѣдь у меня и въ Казани знакомыхъ нѣтъ ни единаго человѣка, замѣтилъ Пугачевъ.

— У меня есть въ Казани пріятель, купецъ Василій Ѳедоровичъ Щолоковъ, онъ нашъ старовѣръ, человѣкъ добрый и хлѣбосолъ. Буде я съ тобою самъ въ Казань не поѣду, такъ скажу тебѣ гдѣ его сыскать, а тамъ онъ за тебя постарается и попроситъ.

Пугачевъ поблагодарилъ Филарета, и чтобы вѣрнѣе отдѣлаться отъ отправленія въ Симбирскъ, просилъ его замолвить слово малыковскому управителю. Филаретъ согласился, и они вмѣстѣ съ Логачевымъ поѣхали обратно въ Малыковку. По дорогѣ, въ селѣ Терсахъ, Пугачевъ купилъ пудъ меду и, подаривъ имъ управителя, получилъ разрѣшеніе остаться въ Малыковкѣ до Крещенія. Желая воспользоваться этимъ временемъ и побывать въ Яицкомъ-городкѣ, Пугачевъ рѣшился разстаться съ Логачевымъ.

— Ты, Алексѣй, теперь иди куда хочешь, сказалъ онъ, — а я стану здѣсь жить съ отцомъ Филаретомъ.

Пугачевъ обманулъ Логачева [1]) и чрезъ нѣсколько дней уѣхалъ вмѣстѣ съ Филаретомъ въ Мечетную слободу (нынѣ Николаевскъ, Самарской губерніи), гдѣ остановился у тамошняго жителя Степана Косова, а Филаретъ отправился въ свой монастырь [2]).

---

[1]) Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, Логачевъ нанялся за 90 р. въ солдаты за крестьянина села Терсы, Филиппа Бередникова; служилъ сначала въ Нарвскомъ пѣхотномъ полку, а потомъ былъ переведенъ въ Симбирскій гарнизонный баталіонъ, откуда и взятъ къ допросу.

[2]) Въ то время поселенія на р. Иргизѣ состояли изъ однихъ только раскольниковъ. По переписи, произведенной сначала въ 1762, а потомъ въ 1765 году, было слѣдующее число душъ и селеній на Иргизѣ: въ селѣ Красномъ Яру 95 душъ, Рождественскомъ (Перекопная лука тожь) 269 д., Березовомъ Починкѣ 79 д., Овся-

У Косова Пугачевъ оставался недолго: мысль воспользоваться волненіями на Яикѣ, подговорить казаковъ уйти съ нимъ на Кубань, не покидала его. Окрестивъ у Косова ребенка и узнавъ, что тесть Косова, крестьянинъ Семенъ Филипповъ, собирается ѣхать на Яикъ съ хлѣбомъ, Пугачевъ воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ [1]).

— Возьми, Семенъ Филипповичъ, и меня съ собой на Яикъ, говорилъ онъ;—я хочу ѣхать туда купить рыбы и взыскать по векселю съ брата своего 100 р.

Занявъ денегъ у старца Филарета, Пугачевъ отправился въ путь, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Яику, тѣмъ труднѣе ему было скрывать истинныя свои намѣренія: онъ чувствовалъ потребность высказаться. Будучи кумомъ Косова и считая Филиппова близкимъ себѣ человѣкомъ, Пугачевъ не счелъ нужнымъ таиться.

— Что, Семенъ Филипповичъ, спрашивалъ Пугачевъ,—каково жить яицкимъ казакамъ?

— Имъ отъ старшинъ великое разореніе, отвѣчалъ Филипповъ,—и многіе уже разбѣжались.

— Такъ вотъ что я тебѣ повѣдаю, Семенъ Филипповичъ, вѣдь не за рыбой я на Яикъ-то ѣду, а за дѣломъ. Я намѣренъ подговорить яицкихъ казаковъ, чтобъ они, взявъ свои семейства и отъ меня жалованья по 12 рублей, бѣжали на Кубань и поселившись на р. Лабѣ, отдались въ подданство турецкому султану. У меня оставлено на границѣ товару на 200 тысячъ рублей, которыми я бѣжавшее Яицкое войско и коштовать буду. А какъ за границу мы перейдемъ, то встрѣтитъ насъ турецкій паша и дастъ еще до пяти милліоновъ рублей. Ты самъ видишь какое нынѣ гоненіе на яиц-

---

номъ-гаѣ, что у мостовъ по Яицкой дорогѣ 62 д., Криволуцкой слободѣ 258 д., Криволучьѣ, что въ Медвѣжьемъ гаю, называемое Авраміевъ скитъ 17 д., въ дер. Кармяшкѣ (Криволуцкій островъ тожь) 42 д., Мечетной слободѣ 300 д., въ мѣстечкѣ Мечетномъ, называемомъ также Пахоміевъ и Филаретовъ скиты, 29 д., въ Старицкомъ юру, называемомъ Исакіевъ скитъ, 37 д.—а всего 1,188 душъ (Государственный Архивъ, VI, д. № 490). Объ иргизскихъ монастыряхъ, см. *Сынъ Отечества* 1847 года, ч. 181.

[1]) Сравни *Сочиненія Державина*, Я. Грота, т. VIII, 139.

кихъ казаковъ, такъ хочу я объ этомъ съ ними поговорить, согласятся или нѣтъ идти со мной на Кубань.

— Какъ имъ не согласиться, поддакнулъ Филипповъ;—у нихъ нынѣ идетъ разореніе и всѣ съ Яику бѣгутъ. Ты скажи имъ только объ этомъ, такъ они съ радостію побѣгутъ за тобой. Но за что ты имъ такое жалованье давать станешь? Бога-ради что-ли?

— Я буду у нихъ атаманомъ войсковымъ.

— Пожалуй, за деньги они атаманомъ тебя сдѣлаютъ и пойдутъ съ тобой съ радостію.

— А когда я буду атаманомъ, замѣтилъ шутя Пугачевъ,— такъ тебя старшиной сдѣлаю.

— Спасибо, и я съ вами пойду, отвѣчалъ съ такою же шуткой Филипповъ,—такъ не оставь, пожалуй, и меня.

На этомъ разговоръ пока остановился и болѣе не возобновлялся [1]). Подъѣзжая къ Яицкому-городку, путники остановились ночевать на р. Таловой, на уметѣ (постояломъ дворѣ), стоявшемъ въ Сызранской степи и находившемся отъ Яицкаго-городка въ 60, а отъ Иргиза въ 70 верстахъ. Содержателемъ умета былъ пахотный солдатъ Степанъ Оболяевъ, извѣстный окрестнымъ жителямъ подъ именемъ «Ереминой курицы», потому, что самъ онъ «всегда оное слово употребляетъ и въ шутку, и вмѣсто браннаго слова».

Родившись въ селѣ Назайкинѣ, Симбирскаго уѣзда, Оболяевъ съ дѣтства жилъ среди яицкихъ казаковъ въ работникахъ и большею частію въ домѣ Тамбовцевыхъ [2]). Онъ хорошо зналъ, что дѣлалось въ Яицкомъ войскѣ и былъ знакомъ со многими казаками. Пріѣзжая на умстъ, они дѣлились съ Оболяевымъ своимъ горемъ, жаловались на притѣсненія старшинъ и говорили, что такъ имъ жить нельзя, что они готовы бѣжать всѣмъ войскомъ [3]). Оболяевъ, какъ человѣкъ добрый, скорбѣлъ вмѣстѣ съ казаками и добродушно дѣлился своими впечатлѣніями со всѣми пріѣзжав-

---

[1]) Показаніе Филиппова 3 декабря. Дополнительное показаніе Пугачева.

[2]) Сперва онъ жилъ въ Илекѣ у атамана Василія Тамбовцева, а потомъ въ Яицкомъ-городкѣ у сына его, войсковаго атамана Петра Тамбовцева, который былъ убитъ яицкими казаками. За вѣрную службу Оболяева Тамбовцевъ далъ ему возможность арендовать уметъ.

[3]) Показаніе Оболяева 17 ноября 1774 г.

шими. Это добродушіе и простота причинили ему въ будущемъ большую бѣду.

Попросившись почевать, пріѣзжіе вошли въ избу и пока Филипповъ варилъ рыбу на ужинъ, Пугачевъ подсѣлъ къ уметчику.

— Что ты за человѣкъ и какъ тебя зовутъ? спросилъ Пугачевъ.

— Степанъ Оболяевъ, пахотный солдатъ. А твоя милость какой человѣкъ, откуда и куда ѣдешь?

— Я купецъ, пріѣхалъ изъ-за границы, зовутъ меня Емельяномъ Ивановымъ Пугачевымъ, а ѣду я на Яикъ для покупки рыбы. Каково живутъ яицкіе казаки?

— Худо, очень худо имъ жить, отвѣчалъ Оболяевъ; — старшины ихъ обижаютъ и они, убивъ атамана, бѣгаютъ кто-гдѣ; ихъ ловятъ, сажаютъ въ тюрьму; они было-шарахнулись идти всѣ въ Астрабадъ, да не пустилъ ихъ генералъ (Фрейманъ).

— А не поѣдутъ-ли они со мной на Кубань, спросилъ Пугачевъ,—я бы ихъ туда провелъ, гдѣ живутъ Некрасовцы.

— Какъ не поѣхать, поѣдутъ.

— Да нѣтъ-ли здѣсь кого изъ казаковъ, я бы съ ними поговорилъ?

— Какъ не быть! есть тутъ два брата, и живутъ близехонько. То были два казака, Григорій и Ефремъ Закладновы, пріѣхавшіе въ степь для ловли лисицъ и жившіе въ землянкѣ, вблизи Таловскаго умета.

— Не можно-ли за ними послать? спросилъ Пугачевъ.

Оболяевъ обѣщалъ, и въ это время увидѣлъ проѣзжавшаго мимо умета казака Ивана Персіанова, также охотившагося.

— Пришли, братъ, ко мнѣ Гришу Закладнова, крикнулъ Оболяевъ; — скажи ему, что у меня есть къ нему нуждица и что спрашиваетъ его пріѣзжій.

Закладновъ, однако, долго не ѣхалъ и тогда Оболяевъ отправился самъ за нимъ и привелъ на уметъ обоихъ братьевъ.

— Кто меня спрашиваетъ, говорилъ Григорій Закладновъ входя въ избу.

— Вотъ тотъ человѣкъ, отвѣчалъ Оболяевъ, — который тебя спрашиваетъ.

— Ты что̀ за человѣкъ и откуда?

Пугачевъ назвалъ себя купцомъ изъ-за границы и, отведя въ сторону подъ сарай братьевъ Закладновыхъ и Оболяева, сталъ ихъ разспрашивать.

— Скажите, пожайлуста, господа казаки, говорилъ онъ,—но только не утаивая, какія у васъ происходятъ обиды и разоренія отъ старшинъ и какъ вамъ живется на Яикѣ.

— Нехорошо, отвѣчалъ Григорій Закладновъ, — казаки въ смятеніи, одного генерала убили и за то многихъ побрали подъ караулъ, а другихъ сыскиваютъ. Мы было-собрались всѣмъ войскомъ бѣжать въ Астрабадъ...

— Зачѣмъ въ Астрабадъ, перебилъ Пугачевъ,—я могу васъ провести на Кубань, куда съ Дона Некрасовцы сошли, но будутъ-ли на то ваши казаки согласны?

— Какъ не согласиться, если вы возьметесь провести.

— Ну, хорошо, вотъ я поѣду въ городокъ и посмотрю ваши обряды; можетъ быть я тамъ съ кѣмъ нибудь изъ войсковой стороны и поговорю, только смотрите же вы-то, братцы, никому изъ казаковъ старшинской стороны объ этомъ не сказывайте.

Попрощавшись съ Закладновыми, Пугачевъ возвратился въ избу и сѣлъ ужинать съ Филипповымъ. На слѣдующее утро они оставили уметъ и поѣхали къ Яику.

— Знаешь-ли ты, спрашивалъ Пугачевъ Филиппова,—яицкихъ казаковъ Дениса Пьянова и Толкачевыхъ, такъ я бы у нихъ остановился.

— Слыхалъ я, отвѣчалъ Филипповъ,—что на Яикѣ есть раскольникъ казакъ Денисъ Пьяновъ.

Добравшись до Яицкаго-городка 22 ноября 1772 года, путники отыскали домъ казака Пьянова и въѣхали прямо къ нему во дворъ [1]).

---

[1]) Показаніе Семена Филиппова 3 декабря 1774 г. Показаніе Григорія Закладнова 22 іюня 1774 г. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Степана Оболяева 17 ноября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

VI.

Пугачевъ въ Яицкомъ-городкѣ.—Разговоръ его съ казакомъ Пьяновымъ. — Принятіе имени Петра III.—Возвращеніе въ Малыковку.—Арестъ.—Отправленіе въ Казань.—Казанскія черныя тюрьмы. — Переводъ на тюремный дворъ. — Арестантъ Дружининъ.—Бѣгство изъ Казани.—Мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ.

Яицкій-городокъ далеко еще не имѣлъ спокойнаго вида; многіе казаки разбѣжались и дома ихъ были пусты. Оставшіеся въ городкѣ жители находились подъ впечатлѣніемъ полученнаго изъ Оренбурга извѣстія, что многихъ товарищей ожидаетъ смертная казнь, жестокое наказаніе и ссылка. 17 сентября 1772 года слѣдственная коммиссія закончила свою дѣятельность и составивъ сентенцію, отправила ее въ Петербургъ на утвержденіе военной коллегіи. По этой сентенціи двѣнадцать человѣкъ наиболѣе виновныхъ приговорены къ четвертованію, сорокъ семь человѣкъ къ повѣшенію, три человѣка къ отсѣченію головы, двадцать человѣкъ къ наказанію «по казачьему обыкновенію» нещадно плетьми, восемь человѣкъ къ наказанію плетьми, съ тѣмъ, чтобъ обривъ имъ бороды, отослать на службу въ полки 2-й арміи.

При производствѣ слѣдствія оказались пятьдесятъ-три человѣка бѣжавшими, у которыхъ, по мнѣнію коммиссіи, слѣдовало отобрать имѣніе и самихъ ихъ, когда они явятся, повѣсить. «Дѣтей же ихъ мятежничьихъ, писала коммиссія [1]), каковыхъ по присланному отъ яицкой комендантской канцеляріи списку значится, отъ 15 лѣтъ и свыше, 316 человѣкъ, въ разсужденіи отцовъ ихъ учиненнаго злодѣйства, дабы впредь и отъ нихъ, яко происшедшихъ отъ рода злодѣйственнаго, таковаго-жь поползновенія и расширенія къ злу послѣдовать не могло, во истребленіе и пресѣченіе онаго годныхъ написать въ полки въ солдаты, а негодныхъ въ страхъ другимъ наказать: отъ 15 до 17 лѣтъ розгами, а съ 17 лѣтъ и выше плетьми». Что же касается всѣхъ остальныхъ казаковъ, которыхъ по ревизіи насчитывалось 2,461 чело-

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, связка 492, № 517.

вѣкъ, то наказаніе ихъ слѣдственная коммиссія представила на усмотрѣніе высшаго начальства.

Итакъ, каждый казакъ ожидалъ наказанія и всѣ были въ страшномъ унынiи и отчаяніи, а между тѣмъ по городу и на базарѣ ходилъ странный слухъ, что въ Царицынѣ проявился государь. Слухъ этотъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все бо́льшую и бо́льшую силу [1]).

— Здѣсь слышно, началъ Пьяновъ, оставшись наединѣ съ Пугачевымъ,—что проявился какой-то въ Царицынѣ человѣкъ и назвалъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, да Богъ знаетъ, теперь о немъ слуху нѣтъ: иные говорили, что онъ скрылся, а иные, что его засѣкли.

Пугачеву пришла мысль воспользоваться та́кимъ слухомъ въ свою пользу, для осуществленія завѣтной его мечты увести яицкихъ казаковъ на Кубань или Терекъ.

— Это правда, что въ Царицынѣ проявился государь, отвѣчалъ онъ Пьянову, — и онъ есть подлинный царь Петръ Ѳедоровичъ. Хотя его въ Царицынѣ поймали, однакоже онъ ушелъ и вмѣсто его замучили другаго.

— Какъ можно этому статься, вѣдь Петръ Ѳедоровичъ умеръ.

— Неправда, говорилъ Пугачевъ все болѣе и болѣе увлекавшійся и входившій въ свою роль. Онъ также спасся въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьяновъ выразилъ сомнѣніе, и Пугачевъ на этотъ разъ не считалъ нужнымъ убѣждать его. Онъ перемѣнилъ разговоръ и пошелъ прямо къ завѣтной цѣли.

— Каково живется казакамъ? спросилъ Пугачевъ.

— Худо, отвѣчалъ Пьяновъ;—мы разорены отъ старшинъ и всѣ наши привилегіи нарушены.

— Какъ не стыдно вамъ терпѣть такое притѣсненіе въ привилегіяхъ.

— Что̀ дѣлать, видно такъ тому и быть.

— Такъ не лучше-ли вамъ выдти со мной съ Яика въ турецкую область на р. Лабу.

---

[1]) Показанія Максима Шигаева и Дениса Караваева. Государственный Арх., VI, д. № 512.

— Наши казаки всѣ будутъ рады идти съ вами, да только какъ же мы пройдемъ татарскія орды?

— Орда, которая здѣсь кочуетъ, намъ рада будетъ, она насъ встрѣтитъ и проводитъ.

— Съ чѣмъ же намъ бѣжать, мы всѣ люди бѣдные.

— На выходъ я вамъ дамъ на каждую семью по 12 р.

— Гдѣ ты деньги-то возьмешь? И что ты подлинно за человѣкъ? спросилъ Пьяновъ.

— Я купецъ, заграничный торговый человѣкъ. У меня на границѣ оставлено 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ руб. товару, изъ котораго я, если Яицкое войско согласится со мной бѣжать, то и коштовать его буду. А по приходѣ на границу встрѣтитъ насъ всѣхъ съ радостью турецкій паша, и если придетъ нужда войску на проходъ, то паша дастъ еще хотя до пяти милліоновъ.

Пьяновъ съ удивленіемъ выслушалъ всѣ обѣщанія Пугачева и не вѣрилъ его словамъ.

— Статочное ли все это дѣло, говорилъ онъ въ недоумѣніи,— вѣдь такихъ большихъ денегъ ни у кого не можетъ быть, кромѣ государя.

Замѣчаніе это магически подѣйствовало на Пугачева; онъ увлекся и перешелъ за черту, съ которой возврата уже не было...

— Я вѣдь не купецъ, говорилъ съ жаромъ Пугачевъ,—я государь Петръ Ѳедоровичъ; я-то и былъ въ Царицынѣ, да Богъ меня и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата.

Пьяновъ былъ озадаченъ; онъ не зналъ вѣрить ли своимъ ушамъ или не вѣрить.

— Какъ тебя Богъ сохранилъ, спрашивалъ онъ, — и гдѣ ты такъ долго странствовалъ.

— Пришла гвардія и взяла меня подъ караулъ, да капитанъ Масловъ отпустилъ. Я ходилъ въ Польшѣ, Цареградѣ, былъ въ Египтѣ, а оттуда пришелъ къ вамъ на Яикъ.

— Хорошо, государь, сказалъ Пьяновъ,—я поговорю со стариками и что они скажутъ, то я и вамъ скажу.

Итакъ, вотъ при какихъ обстоятельствахъ Пугачевъ неожиданно для самого себя принялъ имя Петра III [1]).

Высказавшись Пьянову, Пугачевъ струсилъ и, желая узнать, какое впечатлѣніе произведетъ его мнимое признаніе на казаковъ, сталъ ежедневно посѣщать базаръ, чтобы прислушаться къ народному говору, но не слышалъ тамъ никакихъ разсказовъ, кромѣ жалобъ казаковъ на ихъ тяжелое положеніе. Спустя нѣсколько дней на томъ же базарѣ онъ встрѣтился съ Пьяновымъ, возвращавшимся домой.

— О вашемъ величествѣ, говорилъ Пьяновъ,—что вы за насъ бѣдныхъ вступиться намѣрены и хотите провесть на Кубань, я сказывалъ казакамъ Черепанову, Коновалову и Антонову Они рады съ вами идти, да только сказали, что это дѣло великое, такъ надо со всѣми казаками объ этомъ поговорить тогда, когда они соберутся вмѣстѣ на багренье.

— Ну, хорошо, отвѣчалъ ободрившійся Пугачевъ,—но только ты до времени объ этомъ никому не сказывай.

Проживъ недѣлю въ Яицкомъ-городкѣ и накупивъ рыбы, Пугачевъ и Филипповъ поѣхали обратно въ Мечетную [2]). По дорогѣ Семенъ Филипповъ, имѣя болѣе тяжелые возы, отсталъ, а Пугачевъ, воспользовавшись этимъ, уѣхалъ впередъ одинъ и пріѣхалъ на Таловый уметъ.

— А Семенъ развѣ отъ тебя отсталъ? спросилъ Оболяевъ, увидя Пугачева.

— Старый чортъ, отвѣчалъ онъ;—наклалъ тяжелые возы рыбой, такъ лошади у него устали, а мнѣ вѣдь не дожидаться.

— У кого ты былъ на Яикѣ; говорилъ ли ты съ кѣмъ, что хочешь провести на Кубань, и согласны ли казаки?

---

[1]) До этого времени Пугачеву никогда и въ голову не приходило называть себя государемъ и онъ чистосердечно сознался, что всѣ первоначальныя показанія его ложны. Послѣ очныхъ ставокъ съ оговоренными имъ лицами, Пугачевъ, встав на колѣни, говорилъ: «виноватъ Богу и всемилостивѣйшей государынѣ, я на Коровку, на Кожевникова, Криворотова купца и на Филарета, раскольничьяго старца, будто я по признанію солдата Алексѣя Семенова назвалъ себя государемъ Петромъ III, показывалъ ложно». Показаніе Пугачева 18 ноября 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 512.

[2]) Показаніе Дениса Пьянова. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506. Дополнительное показаніе Пугачева. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

— Я довольно по городу погулялъ и весь обрядъ казаковъ видѣлъ. Жилъ я у казака Пьянова въ домѣ, обо всемъ, о чемъ я говорилъ съ тобой и съ Закладновыми, сказывалъ какъ ему, такъ и другимъ казакамъ. Идти на Кубань они согласны, только положили на совѣтѣ, чтобы мнѣ пріѣхать на Яикъ о Рождествѣ, когда соберутся всѣ казаки на багренье.

Переночевавъ на уметѣ и видѣвшись съ казакомъ Григоріемъ Закладновымъ, пріѣзжавшимъ на уметъ за покупкой хлѣба, Пугачевъ отправился далѣе.

— Я теперь поѣду въ Мечетную, говорилъ онъ Оболяеву и Закладнову,—и оттуда назадъ скоро буду, ожидайте.

Между тѣмъ Филипповъ, оставшись одинъ и размышляя по дорогѣ о всемъ происшедшемъ въ городкѣ, струсилъ. Опасаясь попасть въ соучастники Пугачева и въ число лицъ, подговаривавшихъ казаковъ къ побѣгу, Филипповъ, по пріѣздѣ въ Мечетную, тотчасъ же отправился къ смотрителю Ѳедоту Ѳаддееву и сотскому Протопопову и разсказалъ имъ все то, что отъ Пугачева слышалъ. Узнавъ, что Пугачева нѣтъ въ Мечетной и что онъ вмѣстѣ съ Косовымъ поѣхалъ въ Малыковку, Ѳаддеевъ отправилъ туда сотскаго Протопопова съ нѣсколькими человѣками, которые арестовали Пугачева и представили къ Малыковскимъ управительскимъ дѣламъ [1]). Пугачевъ признался, что онъ бѣглый донской казакъ Зимовейской станицы, что дѣйствительно «смѣючись и пьяный» совѣтовалъ казакамъ бѣжать на Лабу, но безо всякаго дальняго намѣренія, что возвратившись съ Яика онъ самъ пріѣхалъ въ Малыковку, чтобъ явиться для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Иргизѣ въ Симбирскую провинціальную канцелярію, но не могъ этого сдѣлать потому, что былъ арестованъ. Канцелярія дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ не повѣрила этимъ словамъ, освидѣтельствовала Пугачева, замѣтила на тѣлѣ его знаки какъ

[1]) Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, арестовавшихъ Пугачева, былъ и старецъ Филаретъ. Въ промеморіи управительскихъ дѣлъ отъ 19 декабря записано: «Означенный вышедшій изъ Польши раскольникъ, черезъ посланныхъ сыскиванъ былъ и отъ выборнаго Митрофана Ѳедорова и Филаретова раскольничьяго скита отъ инока Филарета и Мечетной слободы отъ крестьянина Степана Васильева съ товарищи приведенъ къ управительскимъ дѣламъ». Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

бы отъ кнута и потому, признавъ его подозрительнымъ, 19 декабря 1772 г. отправила въ Симбирскую провинціальную канцелярію [1]). По дорогѣ Пугачевъ пытался-было подговорить своихъ конвойныхъ отпустить его, сказавъ ложно, что у старца Филарета оставлены его деньги, которыя онъ обѣщалъ конвойнымъ, но попытка эта не удалась и онъ скованный былъ привезенъ въ Симбирскъ [2]). Отсюда Пугачева отправили въ Казань и 4 января 1773 года онъ былъ принятъ въ казанской губернской канцеляріи. Губернаторъ, генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ, приказалъ содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ, «освидѣтельствовать и допросить чѣмъ онъ былъ наказанъ, кнутомъ или плетьми, и о причинѣ его побѣга въ Польшу».

Пугачева допросили; онъ показалъ то же что и въ Малыковкѣ, прибавивъ, что ни кнутомъ, ни плетьми сѣченъ не былъ, а сѣкъ его полковникъ Денисовъ, за то, что упустилъ лошадь. Показаніе это было признано удовлетворительнымъ и Пугачевъ вмѣстѣ съ другими арестантами помѣщенъ подъ губернскою канцеляріей въ «*черныхъ тюрьмахъ*». Здѣсь онъ не оставался праздными, и зная о тѣсномъ соединеніи раскольниковъ, ихъ готовности поддержать своего единовѣрца, Пугачевъ сталъ выдавать себя за раскольника и говорилъ всѣмъ, что не знаетъ за собой вины, а страждетъ за «крестъ и бороду». Этого было достаточно, чтобы приходившіе въ тюрьму для подаянія раскольники приняли въ немъ участіе, причемъ отъ одного изъ нихъ, Ивана Седухина, онъ узналъ случайно, что старецъ Филаретъ, у котораго онъ жилъ на Иргизѣ, пріѣхалъ въ Казань, чтобы заказать написать двѣ раскольничьи иконы [3]).

Вспомнивъ, что еще на Иргизѣ Филаретъ совѣтовалъ ему поселиться въ окрестностяхъ Казани, обѣщая попросить раскольника купца Щолокова оказать ему покровительство, Пугачевъ просилъ Седухина передать отъ него письмо Филарету. Въ этомъ письмѣ

[1]) При донесеніи отъ 19 декабря 1772 г. за № 284. Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

[2]) Показанія Попова. Госуд. Арх., VI, №№ 506 и 512. Показаніе Попова, напечатанное въ «*Русской Старинѣ*» (1876 г. Т. XVI, стр. 612—619) было первое, и впослѣдствіи онъ отказался отъ многаго. Письмо же его къ Филарету было написано безъ вѣдома Пугачева.

[3]) Показанія Филарета и Седухина. Госуд. Арх., VI, д. № 460.

онъ просилъ старца похлопотать объ его освобожденіи. Не имѣя знакомыхъ среди административныхъ лицъ, Филаретъ рѣшился обратиться съ просьбой къ Щолокову, но какъ тотъ въ то время уѣхалъ въ Москву по своимъ торговымъ дѣламъ, а Филарету необходимо было ѣхать на Иргизъ, то послѣдній оставилъ Щолокову письмо, въ которомъ писалъ, что въ казанской губернской канцеляріи содержится донской казакъ Емельянъ Ивановъ, который страждетъ, по поклепному дѣлу, за крестъ и бороду. Филаретъ просилъ, чтобы Щолоковъ Бога ради постарался объ его освобожденіи и попросилъ о томъ присутствующихъ и секретаря.

Уѣзжая изъ Казани, Филаретъ не далъ никакого отвѣта Пугачеву, и прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, прежде чѣмъ заключенный могъ узнать что дѣлается въ его пользу. Однажды, сидя у окна, Пугачевъ увидѣлъ проходившаго мимо тюрьмы купца, а вслѣдъ затѣмъ послышались радостныя восклицанія товарищей.

— А вотъ Василій Ѳедоровичъ Щолоковъ идетъ, говорили арестанты,—никакъ онъ пріѣхалъ изъ Москвы.

Щолоковъ былъ человѣкъ очень добрый, часто приходилъ самъ въ острогъ подавать милостыню или присылалъ мальчика съ калачами для раздачи ихъ арестантамъ. И дѣйствительно, на другой день послѣ пріѣзда его изъ Москвы, мальчикъ раздавалъ уже калачи заключеннымъ.

— Чей ты мальчикъ, спросилъ, какъ-бы не зная, Пугачевъ,— и отъ кого ходишь съ калачами?

— Я хожу со двора Василія Ѳедоровича Щолокова.

— Пожалуй, мальчикъ, скажи, чтобы Василій Ѳедоровичъ, Бога ради, пришелъ ко мнѣ; скажи ему, что я донской казакъ и имѣю до него нуждицу.

Спустя нѣсколько дней Щолоковъ зашелъ въ «черную».

— Кто здѣсь донской казакъ Емельянъ Ивановъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчалъ Пугачевъ.—Не ваша ли милость Василій Ѳедоровичъ Щолоковъ?

Щолоковъ отвѣчалъ утвердительно.

— Отецъ Филаретъ, говорилъ Пугачевъ, — приказалъ вашей

милости кланяться и просить, чтобъ обо мнѣ, бѣдномъ, постарались, попросили губернатора и кого надобно.

— Давно ли ты отца Филарета видѣлъ?

— Меня взяли отъ отца Филарета еще въ Филипповки.

— А по какому дѣлу ты сюда присланъ?

— По поклепному дѣлу, за крестъ и бороду.

— Добро, миленькій, я схожу къ губернатору и секретарю и ихъ попрошу.

— Бога ради, упрашивалъ Пугачевъ, постарайся о свободѣ моей и посули ты губернатору хотя сотню или больше рублей, также и секретарю, у котораго мое дѣло.

— Хорошо, хорошо, попрошу, отвѣчалъ Щолоковъ.

— Такъ обѣщайте же подарить кого надобно; у меня деньги, слава Богу, есть, говорилъ ложно Пугачевъ, — и онѣ лежатъ у отца Филарета, и какъ скоро вы къ нему напишете, онъ тотчасъ вамъ ихъ пришлетъ.

Подаривъ Пугачеву рубль денегъ, Щолоковъ чрезъ нѣсколько дней отправился къ секретарю, титулярному совѣтнику Абрамову, въ рукахъ котораго было дѣло о Пугачевѣ.

— Съ Иргиза старецъ Филаретъ, говорилъ Щолоковъ, — пишетъ мнѣ, что здѣсь содержится колодникъ Емелька въ притѣсненіи и чтобъ я постарался объ его освобожденіи. Если его дѣло не велико и не противно законамъ, то сдѣлайте милость вдаль его не притѣсняйте, за что старецъ вамъ служить будетъ.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Абрамовъ,—а когда дѣло разсмотрѣно будетъ, тогда резолюція послѣдуетъ.

Щолоковъ не рѣшился просить болѣе, но при свиданіи съ Пугачевымъ, желая избѣжать докучливыхъ просьбъ, обнадежилъ его, что губернатору и секретарю о немъ сказано.

— Секретарю-то обѣщалъ ли ты? спрашивалъ Пугачевъ.

— Я ему 20 рублей обѣщалъ, сказалъ Щолоковъ, обманывая Пугачева и желая отдѣлаться отъ него.

Послѣднія слова давали Пугачеву надежду при содѣйствіи секретаря избавиться отъ неволи [1]). Желая опредѣлить на сколько

[1]) Показаніе Щолокова отъ 15 ноября 1774 г. Показаніе Пугачева отъ 4 ноября. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

онъ можетъ считать секретаря своимъ покровителемъ, Пугачевъ заявилъ, что наложенные на него кандалы очень тяжелы, что они обломили ему руки и ноги, и просилъ дозволенія снять ихъ. Секретарь потребовалъ къ себѣ арестанта, и «какъ его привели, то не говорилъ съ нимъ ни слова, и только сидя за столомъ на него поглядывалъ».

Пугачевъ принялъ это за участіе и съ своей стороны сталъ просить секретаря облегчить его участь.

— Пожалуйста постарайтесь о моей свободѣ, говорилъ онъ,— а вашей милости Щолоковъ отдастъ 20 рублей, которые обѣщалъ.

— Ступай въ свое мѣсто, отвѣтилъ сердито секретарь и махнулъ рукой.

Арестанта отвели опять въ «черную», но вскорѣ онъ снова заявилъ что болѣнъ и просилъ снять съ него кандалы. Содержатель арестантовъ Лузинъ отправился въ губернскую канцелярію спросить разрѣшенія у Абрамова.

— Пугачевъ болѣнъ, говорилъ Лузинъ,—такъ не снять ли съ него ручные кандалы?

— По опредѣленію губернатора, отвѣчалъ Абрамовъ,—велѣно его содержать въ однихъ ножныхъ кандалахъ, почему если онъ болѣнъ, то ручные кандалы снять съ него можно, а впрочемъ, какъ хотите.

Капитанъ Лузинъ приказалъ снять съ Пугачева кандалы и положить ему на ноги только легкія желѣза. Все шло, повидимому, весьма удовлетворительно для колодника и обстоятельства складывались такъ, что положеніе Пугачева съ каждымъ днемъ улучшалось. Просидѣвъ въ «черныхъ тюрьмахъ» до второй половины марта 1773 года, Пугачевъ вмѣстѣ съ прочими арестантами былъ переведенъ на тюремный дворъ, такъ какъ по ветхости дома губернаторской канцеляріи рѣшено было его перестроить. На тюремномъ дворѣ колодники пользовались относительно большею свободой, какъ это видно изъ инструкціи, данной караульнымъ офицерамъ:

«Понеже, сказано въ этой инструкціи [1]), вступаемые въ ка-

[1]) Отъ 12 марта 1773 года. Госуд. Арх., VI д. № 414.

занскую губернскую канцелярію колодники до окончательнаго о нихъ рѣшенія передъ симъ содержались подъ губернскою канцеляріей въ черныхъ тюрьмахъ, а какъ нынѣ каменную канцелярію за ветхостью, къ построенію вмѣсто оной новой, начали ломать, а колодниковъ, кромѣ тюремнаго двора, содержать негдѣ и какъ въ томъ тюремномъ дворѣ прежде колодники содержались единственно только тѣ, кои слѣдуютъ въ ссылку въ Сибирь и онымъ производятся кормовыя деньги, а въ міръ ихъ для прошенія милостины отпускать не велѣно. Выше объявленнымъ же содержащимся по дѣламъ колодникамъ кормовыхъ денегъ не производилось, того ради, по указу ея императорскаго величества и по резолюціи его высокопревосходительства г. генералъ-поручика и казанскаго губернатора Якова Ларіоновича фонъ-Брандта съ товарищи, велѣно всѣхъ содержащихся теперь въ казанской губернской канцеляріи колодниковъ, для содержанія, отослать на тюремный дворъ. Находящемуся при ономъ караульному офицеру дать письменный приказъ и велѣть оныхъ колодниковъ, отдѣля отъ каторжныхъ, содержать въ особливой казармѣ *и для прошенія милостины отпускать за пристойнымъ карауломъ на связкахъ въ міръ*, подтвердя притомъ накрѣпко, чтобы подъ видомъ оныхъ тѣхъ колодниковъ, коимъ деньги производятся, отнюдь въ міръ отпускаемо не было».

Пугачевъ не принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи, такъ какъ въ спискѣ, при которомъ онъ, 27 марта, былъ приведенъ вмѣстѣ съ другими арестантами на тюремный дворъ, было написано: «казакъ безъизвѣстный Емельянъ Ивановъ по губернаторской экспедиціи». Такая отмѣтка въ спискѣ была сдѣлана въ ожиданіи рѣшенія участи Пугачева на представленіе губернатора, полагавшаго бить его кнутомъ и сослать въ Сибирь. Императрица 6-го мая приказала наказать Пугачева плетьми и послать, «какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзостной жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу такую, какая случиться можетъ, давая за то ему въ пропитаніе по три копѣйки на день».

10 мая князь Вяземскій, письмомъ на имя казанскаго губер-

натора, сообщилъ высочайшее повелѣніе, но пока оно достигло по назначенію, преступника не было уже въ Казани.

Получивъ съ переводомъ на тюремный дворъ относительно большую свободу и право ходить въ городъ, Пугачевъ воспользовался этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и понемногу приготовилъ для себя всѣ средства къ побѣгу. Чтобы лучше ознакомиться съ топографіей города, онъ чаще другихъ ходилъ на Арское поле, куда водили арестантовъ на работу, а оставаясь въ тюрьмѣ старался показаться набожнымъ, былъ скроменъ и послушенъ. Арестанты любили Пугачева, но особенно близокъ къ нему былъ бывшій купецъ пригорода Алата [1]) Парѳенъ Дружининъ [2]).

Однажды, сидя въ острогѣ, Пугачевъ и Дружининъ были поражены ужаснымъ видомъ проведеннаго мимо нихъ, только что наказаннаго кнутомъ за смертоубійство, колодника Новоселова.

— Что, братъ, Емелька, говорилъ Дружининъ, того и смотри, что и насъ съ тобою также выведутъ, да пороть станутъ.

— Что же дѣлать, отвѣчалъ Пугачевъ,—чѣмъ перемѣнить?.. развѣ бѣжать отсюда.

— Да какъ же бѣжать-то и куда?

— А вотъ какъ бѣжать: насъ для работы гоняютъ на Арское поле, а теперь въ рѣкѣ полая вода, такъ когда караулъ будетъ не великъ, сядемъ мы съ тобой въ судно, да и были таковы...

— Ну, а куда же мы побѣжимъ?

— Прямехонько выѣдемъ на Иргизъ, отвѣчалъ Пугачевъ.

Дружининъ согласился и рѣшился воспользоваться тѣмъ, что

---

[1]) Пригородъ Алатъ находился отъ Казани въ разстояніи 44 верстъ.

[2]) Дружининъ былъ человѣкъ лѣтъ 48 отъ роду. Въ 1772 году, по выбору купечества пригорода Алата, онъ находился въ ясашномъ селѣ Срѣтенскомъ у продажи казенной соли цѣловальникомъ. По окончаніи года онъ долженъ былъ сдать эту должность, причемъ, при повѣркѣ проданной и оставшейся соли, на него сдѣланъ былъ начетъ въ 220 руб. Хотя Дружининъ и доказывалъ, что сдѣланный имъ прочетъ произошелъ отъ усышки и утечки соли, тѣмъ не менѣе за такую растрату казеннаго имущества онъ былъ арестованъ и содержался сначала въ казанскомъ магистратѣ, потомъ переведенъ въ казанскую губернскую канцелярію въ черныя тюрьмы, а оттуда вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ казанскій острогъ. Дружининъ не былъ раскольникомъ, какъ полагаютъ Щебальскій (*Начало и характеръ Пугачевщины*, 40) и другіе авторы монографій о Пугачевѣ, да и вообще расколъ не имѣлъ никакого вліянія на бѣгство изъ Казани.

къ нему допускали въ острогъ для свиданія 17-ти-лѣтняго сына Филимона и жену Домну Степанову, поселившуюся въ Казани и проживавшую въ разныхъ семействахъ родственниковъ [1]), преимущественно же у свояка Дружинина, священника благовѣщенскаго собора Ивана Ефимова. Объявивъ имъ о своемъ намѣреніи бѣжать изъ острога, Дружининъ поручилъ сыну купить лодку, и хотя послѣдній исполнилъ приказаніе отца, но арестанты не могли найти удобнаго случая къ побѣгу, а между тѣмъ вода въ рѣкѣ спала и намѣреніе ихъ осталось неисполненнымъ. Желанія вырваться на волю и избѣжать наказанія были, конечно, на столько сильны, что Пугачевъ и Дружининъ стали изыскивать средства какъ бы бѣжать сухимъ путемъ.

— Пѣшимъ бѣжать никакъ нельзя, говорилъ Пугачевъ, — а надобно непремѣнно купить лошадь.

— Конечно надо, отвѣчалъ Дружининъ.

— А деньги-то гдѣ?

— Лошадь-то я куплю; только когда мы уйдемъ изъ острога, куда дѣнемся?

— Мало-ли мѣста куда можно бѣжать: на Яикъ, на Иргизъ, а не то на Донъ... Объ этомъ ты уже не пекись, найдемъ дорогу, лишь бы только отсюда выбраться... Только вотъ что, не подговоря съ собой караульнаго солдата уйти намъ будетъ не только трудно, но и невозможно.

Дружининъ раздѣлялъ мнѣніе своего товарища, и тогда же рѣшено было, что онъ купитъ лошадь, а Пугачевъ подговоритъ къ побѣгу одного изъ караульныхъ солдатъ. Выборъ палъ на солдата Григорія Мищенку, недавно зачисленнаго на службу изъ числа выведенныхъ изъ Польши бѣглыхъ дезертировъ [2]).

— А что, служивый, говорилъ ему однажды, посмѣиваясь и какъ бы шутя, Пугачевъ,—служить-ли ты здѣсь хочешь или бѣжать на волю?

---

[1]) Родственниками Домны Степановой были зятья: пѣвчій благовѣщенскаго собора Иванъ Дугоневскій и ямщикъ Герасимъ Аѳанасьевъ сынъ Третьяковъ.

[2]) По справкѣ оказалось, что Григорій Алексѣевъ сынъ Мищенко зачисленъ на службу 5 января 1773 года въ третій казанскій баталіонъ и отъ роду ему 35 лѣтъ. Государственный Архивъ, VI, д. № 414.

— Я бы давно бѣжалъ, отвѣчалъ Мищенко, — да не знаю куда?.. Видишь-ли, далеко ушелъ я отъ своей стороны-то.

— Бѣжимъ со мной, да вотъ съ этимъ человѣкомъ, говорилъ Пугачевъ, указывая на Дружинина.

— Пожалуй! я готовъ съ вами бѣжать куда хотите, отвѣчалъ Мищенко.

Итакъ, одно дѣло было сдѣлано, оставалось купить лошадь. Дружининъ поручилъ это дѣло своему сыну, который, опасаясь наказанія какъ пособникъ, отговаривалъ отца отъ бѣгства и отказывался купить лошадь. Дружининъ «за то на него весьма огорчился и клялъ его страшною клятвой, что если онъ того не исполнитъ, то онъ его проклянетъ. Сынъ, какъ видно, не хотя быть подъ такою клятвой, сказалъ ему, что лошадь купитъ», и на другой день придя въ острогъ объявилъ, что лошадь и телѣга куплены и поставлены на дворѣ свояка, священника Ивана Ефимова. Дружининъ сообщилъ о томъ Пугачеву.

— Хорошо, отвѣчалъ тотъ, — только теперь намъ надобно отыскивать мѣсто гдѣ бы эта телѣга приготовленная стояла.

— У меня есть знакомый попъ, такъ мы поутру выпросимся у офицера для нужды къ нему, и тамъ посидимъ маленько, а сыну своему прикажу я, чтобъ онъ съ телѣгой дожидался насъ у церкви, которая противъ попова двора.

Планъ этотъ былъ принятъ, и Дружининъ, отдавъ соотвѣтствующія приказанія сыну, приказалъ женѣ съ остальными дѣтьми ѣхать не въ пригородъ Алатъ, а въ лежавшую вблизи отъ него татарскую деревню Чирши [1]).

— Ну, Пугачевъ, говорилъ онъ дня черезъ четыре,—я сыну своемъ приказалъ, чтобы сегодня пріѣзжалъ къ церкви и насъ бы смотрѣлъ у попова двора, такъ попросимся мы теперь у офицера.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, и оба арестанта въ 8 часовъ утра, 29 мая, отправились къ караульному офицеру, прапорщику Зыкову.

---

[1]) Показаніе Дружинина 25 марта 1775 г. Въ *Русской Старинѣ* (1876 года, т. XVI, 622) ошибочно напечатанъ 1776 годъ показанія.

Арестанты просили офицера отпустить ихъ къ священнику Ивану Ефимову, для прошенія милостыни, но такъ какъ большая часть конвойныхъ была отправлена на работу съ арестантами и въ острогѣ оставалось мало солдатъ, то Зыковъ отказалъ въ ихъ просьбѣ и обѣщалъ отпустить послѣ, когда колодники возвратятся съ работы. Часу въ десятомъ утра Пугачевъ и Дружининъ снова обратились съ просьбой и тогда прапорщикъ Зыковъ, назначивъ къ нимъ конвойными Дениса Рыбакова и пожелавшаго сопровождать ихъ солдата Григорія Мищенко, приказалъ имъ «далѣе объявленнаго священника съ тѣми колодниками никуда не ходить и чрезъ полчаса быть обратно на тюремномъ дворѣ» [1]). Приказаніе это не было исполнено, и трое изъ отпущенныхъ не возвратились, а четвертый пришелъ въ девятомъ часу вечера совершенно пьяный.

Придя въ домъ священника Ефимова и поздоровавшись съ нимъ, Дружининъ вынулъ нѣсколько денегъ изъ кармана и просилъ попа послать за виномъ, пивомъ и медомъ, говоря, что желаютъ выпить отъ тоски. Ефимовъ вмѣстѣ съ соборнымъ дьячкомъ Петромъ Ивановымъ тотчасъ же отправились въ кабакъ и купили тамъ вина на 15, пива на 7 и меду на 14 коп. Выпивъ по двѣ чарки вина и по стакану пива и меду, Пугачевъ и Дружининъ подпаивали больше солдата Рыбакова, какъ человѣка незнавшаго о намѣреніи ихъ бѣжать. Когда Рыбаковъ совсѣмъ опьянѣлъ, тогда они попрощались со священникомъ и сказали, что пойдутъ на тюремный дворъ. Проводивъ гостей до воротъ, священникъ заперъ ихъ и возвратился домой, а они четверо отправились далѣе и отойдя нѣсколько шаговъ, увидѣли кибитку съ лошадью, которою правилъ Дружинина сынъ Филимонъ. Чтобы Рыбаковъ не догадался, Дружининъ закричалъ сыну:

— Эй, ямщикъ, что̀ возьмешь отвезти въ Кремль.

---

[1]) Рапортъ капитана Васильева въ казанскую губернскую канцелярію отъ 1 іюня 1773 года. Рапортъ прапорщика Александра Зыкова 14 октября 1773 года. Госуд. Арх. VI, д. № 414. Въ *Русской Старинѣ* (1876 годъ, т. XVI, 624) сказано, что Пугачевъ и Дружининъ въ одинъ и тотъ же день два раза ходили къ священнику, но фактъ этотъ не подтверждается ни произведеннымъ слѣдствіемъ, ни показаніями прикосновенныхъ лицъ.

— Пять копѣекъ.

— Ну, постой, отвези.

Филимонъ подъѣхалъ, а Пугачевъ и Дружининъ посадили сперва пьянаго Рыбакова въ телѣгу, потомъ сѣли сами съ Григоріемъ Мищенко и, закрывъ кибитку рогожей, поѣхали по большой казанской дорогѣ. Какъ ни былъ пьянъ Рыбаковъ, но отъѣхавъ верстъ восемь отъ Казани, онъ очнулся.

— Что, братъ, такъ долго ѣдемъ? спросилъ онъ у Пугачева.

— А вотъ видишь, говорилъ Емелька шутя,—кривою дорогой везутъ.

Отъѣхавъ еще съ полверсты, кибитка остановилась недалеко отъ дворцоваго села Царицына. Дружининъ взялъ въ охапку пьянаго Рыбакова, высадилъ его изъ кибитки, а сами, ударивъ по лошади, поѣхали по большой дорогѣ [1]). Пьяный Рыбаковъ добрелъ до села Царицына и упалъ близъ управительскаго дома. Здѣсь пролежалъ онъ до тѣхъ поръ, пока управитель, Петръ Кондратьевъ, растолкавъ его спросилъ: какой онъ команды и какъ попалъ въ село? Не понимая гдѣ онъ находится, Рыбаковъ отвѣчалъ только, что идетъ въ Казань, но не знаетъ дороги и просилъ дать ему подводу. Кондратьевъ подводы ему не далъ, а совѣтовалъ идти пѣшкомъ по большой дорогѣ [2]).

— Тамъ, сказалъ Кондратьевъ, — за безпрерывно ѣдущими разными людьми тебѣ легко будетъ дойти до Казани, и ты къ командѣ явиться можешь.

Рыбаковъ побрелъ и въ 9 часовъ вечера явился къ тюремному караульному офицеру, который лишь на другой день донесъ о побѣгѣ двухъ арестантовъ дежурному по карауламъ капитану Васильеву. Послѣдній, 1 іюня, увѣдомилъ о происшествіи казанскую губернскую канцелярію, но рапортъ его былъ полученъ въ канцеляріи только 3 іюня. Губернаторъ фонъ-Брандтъ не придавалъ

---

[1]) Показаніе священника Ивана Ефимова. Промеморія казанской духовной консисторіи отъ 22 іюня 1773 г. Показаніе Дружинина 25 марта 1775 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 414. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[2]) Показаніе Рыбакова 3 іюня 1773 г. Рапортъ Кондратьева казанской губернской канцеляріи, полученный 14 іюля 1773 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 414.

бѣгству Пугачева особаго значенія, хоть и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія къ поимкѣ бѣглыхъ. Онъ отправилъ въ пригородъ Алатъ капрала Семена Коршунова, чтобы развѣдать у тамошнихъ жителей не былъ-ли тамъ Дружининъ съ Пугачевымъ и если былъ, то не знаютъ-ли, куда они уѣхали. Коршуновъ, конечно, не нашелъ тамъ ни Дружинина, ни Пугачева и, поручивъ обывателямъ задержать колодниковъ, если-бъ они появились въ пригородѣ, самъ возвратился въ Казань [1]). Тогда Брандтъ поручилъ симбирской, свіяжской и пензенской провинціальнымъ канцеляріямъ отыскивать Пугачева и просилъ управителя дворцовой Малыковской волости, титулярнаго совѣтника Познякова, и экономическаго казначея, подпоручика Максимова, принять всѣ мѣры къ поимкѣ «утеклецовъ», причемъ обратить особенное вниманіе на иргизскія поселенія.

«Какъ живущіе на Иргизахъ раскольники, писалъ Брандтъ [2]) безстрашно всякихъ бродягъ къ себѣ пріемлютъ, каковыхъ посланными командами уже много переловлено, то и есть причина думать, что показанный Пугачевъ съ его товарищи первое прибѣжище имѣть будетъ въ тѣхъ раскольническихъ селеніяхъ. И сего ради вамъ, управителю, секретнымъ образомъ самому тотчасъ слѣдовать на Иргизскія селенія и всѣми образы стараться развѣдывать, не укрываются-ли тамъ вышепоказанные бѣглые колодники и солдатъ, и ежели сыщутся, то, поймавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ пришлите ко мнѣ».

Позняковъ объѣхалъ всѣ иргизскія селенія, но нигдѣ «утеклецовъ» не нашелъ [3]). Только когда подвѣдомственныя казанскому губернатору учрежденія донесли, что «утеклецы», Пугачевъ и Дружининъ, не найдены, Брандтъ сообщилъ о побѣгѣ Пугачева донской войсковой канцеляріи и донесъ генералъ-прокурору князю Вяземскому.

---

[1]) Рапортъ Коршунова въ губернскую канцелярію 7 іюня 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 414.

[2]) Въ ордерѣ Познякову отъ 5 іюня 1773 года, № 3. Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

[3]) Рапортъ Познякова отъ 18 іюня 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

«Письмо вашего сіятельства, писалъ Брандтъ [1]), отъ 10 числа минувшаго мая, въ которомъ соизволили объявить именное высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе объ учиненіи содержащемуся здѣсь раскольнику, бѣглому войска Донского казаку Емельяну Пугачеву, наказанія его плетьми и о посылкѣ его въ городъ Пелымъ, я получить честь имѣлъ, но исполненія по тому указу не учинено для того, что предоказанный Пугачевъ, за три дня до полученія сего вашего сіятельства письма, съ часовымъ, бывшимъ при немъ солдатомъ, бѣжалъ»...

Хотя Брандтъ и увѣрялъ князя Вяземскаго, что имъ приняты самые «строжайшіе способы» къ отысканію бѣжавшихъ, но обстоятельства складывались такъ, что Пугачевъ могъ спокойно развивать свои замыслы. Подписавъ письмо князю Вяземскому 21 іюня, Брандтъ не отправилъ его съ нарочнымъ, а приказалъ сдать на почту, гдѣ оно и пролежало шесть дней [2]). 27 іюня письмо это было отправлено изъ Казани въ московскій почтамтъ и шло на столько долго, что лишь 8 августа достигло до Петербурга [3]). Въ этотъ день получилъ его князь Вяземскій, а въ 12 часовъ ночи 13 августа сообщилъ его вице-президенту военной коллегіи, графу З. Г. Чернышеву.

Извѣстіе, полученное въ Петербургѣ о побѣгѣ Пугачева, произвело болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ въ Казани, и было оцѣнено по достоинству. Графъ Чернышевъ въ ту же ночь сдѣлалъ необходимыя распоряженія, и утромъ 14 августа были подписаны имъ указъ оренбургскому губернатору генералу Рейнсдорпу и грамота войску Донскому.

«Какъ содержащійся въ Казанской губерніи, писалъ Чернышевъ Рейнсдорпу [4]), войска Донского казакъ раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, съ часовымъ, бывшимъ при немъ, солдатомъ, изъ Казани бѣжалъ, то государственная военная коллегія и не оставляетъ вамъ, генералъ-поручику, рекомендовать съ тѣмъ, не ша-

[1]) Въ письмѣ князю Вяземскому отъ 21 іюня. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 95, св. 562, д. № 125.

[2]) Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[3]) Государственный Архивъ, VI, д. № 414.

[4]) Въ указѣ военной коллегіи отъ 14 августа. Москов. Архивъ Глав. Штаба, опись 95, св. 562, дѣло № 125.

тается-ли объявленный бѣглый казакъ Пугачевъ и съ нимъ солдатъ, бывшій при немъ на часахъ, въ селеніяхъ вашей губерніи, *а особливо Яицкаго войска въ жилищахъ*».

Рейнсдорпу, точно также и донской войсковой канцеляріи, предписано употребить всѣ мѣры къ отысканію Пугачева по хуторамъ и станицамъ, и если онъ будетъ пойманъ, то заковать въ крѣпкіе кандалы и *«за особливымъ конвоемъ»* отправить въ Казань.

Въ войскѣ Донскомъ Пугачева нечего было и искать, — тамъ его не было, а генералъ Рейнсдорпъ 18 сентября донесъ военной коллегіи, что принялъ должныя мѣры, но пока бѣглые еще не отысканы [1]). Рапортъ свой Рейнсдорпъ подписывалъ въ тотъ самый день, когда Пугачевъ уже съ титуломъ императора Петра III и окруженный значительною толпой вооруженныхъ яицкихъ казаковъ, овладѣлъ Бударинскимъ форпостомъ и подходилъ къ Яицкому-городку...

VII.

Пугачевъ на Таловомъ уметѣ признается «Ереминой курицѣ», что онъ государь Петръ III.—Свиданіе Пугачева съ яицкимъ казакомъ Григоріемъ Закладновымъ.—Результаты свиданія.

Отдѣлавшись отъ солдата Рыбакова, бѣглецы направились прямо въ татарскую деревню Чирши, гдѣ ожидала ихъ жена Дружинина съ остальными дѣтьми: сыномъ и дочерью. Пробывъ въ деревнѣ однѣ сутки, Дружининъ купилъ у татарина лошадь за два рубля съ полтиной, взялъ семью и вмѣстѣ съ Пугачевымъ и Мищенко поѣхали въ близлежащій лѣсъ, гдѣ и простояли цѣлый день. Ночью Дружининъ ходилъ въ пригородъ Алатъ, чтобы взять изъ своего дома св. иконы, но подойдя ко двору, увидѣлъ караулъ, поставленный по распоряженію капрала Коршунова. Возвратясь въ лѣсъ, Дружининъ сообщилъ о своей неудачѣ товарищамъ, и они въ ту же ночь тайкомъ проѣхали чрезъ пригородъ

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 18 сентября. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 95, св. 562, д. № 125.

и у Куровскаго перевоза переправились черезъ рѣку Вятку. Отсюда чрезъ Керженки бѣглецы направились къ Котловкѣ, гдѣ переѣхали черезъ рѣку Каму и, проѣхавъ село Сарсасы, остановились по близости его въ полѣ. Здѣсь Пугачевъ вспомнилъ, что когда онъ содержался еще въ «черныхъ тюрьмахъ» подъ губернскою канцеляріей, то изъ Сарсасъ приводили арестантовъ, отправляемыхъ на поселеніе, и конвоировавшій ихъ крестьянинъ Алексѣй Кандалинцевъ, узнавъ, что Пугачевъ донской казакъ и предполагая, что онъ раскольникъ, познакомился съ нимъ.

— Откуда ты присланъ? спрашивалъ тогда Кандалинцевъ Пугачева.

— Съ Иргиза, отъ отца Филарета, за крестъ и бороду.

— Филаретъ мнѣ знакомъ, замѣтилъ Кандалинцевъ, — и ко мнѣ ѣздитъ.

Хотя въ этомъ только и заключалось знакомство, но Пугачевъ былъ увѣренъ, что если онъ придетъ къ Кандалинцеву, то тотъ его не выдастъ. Отправившись въ село Сарсасы, онъ скоро отыскалъ своего казанскаго знакомаго.

— Нѣтъ-ли, братъ, у тебя лошади, говорилъ Пугачевъ, — чтобы подвезти насъ верстъ двадцать, а то наши пристали.

— Да куда тебѣ ѣхать, отвѣчалъ Кандалинцевъ, — побудь у меня.

— Вѣдь, видишь, насъ содомъ (много); мы бѣжали изъ тюрьмы, такъ какъ тебѣ насъ держать, да и кормить-то убыточно будетъ.

Кандалинцевъ согласился съ замѣчаніемъ Пугачева и, запрегши лошадь въ телѣгу, отправился вмѣстѣ съ нимъ сначала къ Дружинину, а потомъ и далѣе.

— Куда ты ѣдешь? спрашивалъ Кандалинцевъ дорогой у Пугачева.

— Поѣду на Яикъ, а оттуда на Иргизъ.

— Такъ отстань ты отъ своихъ товарищей, а я съ тобой самъ поѣду.

Предложеніе Кандалинцева очень понравилось Пугачеву; онъ самъ давно желалъ этого, но не зналъ, какъ лучше сдѣлать.

— Готово! воскликнулъ онъ съ радостію, — я давно хотѣлъ ѣхать одинъ.

— Какъ станемъ кормить лошадей, говорилъ Кандалинцевъ,— такъ ты спрячься гдѣ ни есть; они поищутъ и уѣдутъ, а какъ уѣдутъ, такъ приди на ту квартиру (мѣсто), на которой остановились.

Пугачевъ такъ и сдѣлалъ. Отъѣхавъ отъ села Сарсасы верстъ пятнадцать, путники остановились кормить лошадей и ночевать у одного оврага и какъ только Пугачевъ замѣтилъ, что Мищенко и Дружининъ съ семьей заснули, онъ потихоньку скрылся, въ оврагѣ, а за нимъ уѣхалъ и Кандалинцевъ. Наутро проснувшіеся поискали ушедшихъ, но не найдя ихъ поѣхали на Иргизъ [1]), а Пугачевъ и Кандалинцевъ отправились обратно въ село Сарсасы. Проживъ здѣсь недѣль съ пять, Пугачевъ съ Кандалинцевымъ поѣхали въ Яицкій-городокъ, но не доѣзжая верстъ четырехъ полюбопытствовали узнать что тамъ дѣлается.

— Что молодушка, спросилъ Пугачевъ попавшуюся имъ на встрѣчу бабу,—можно ли пробраться въ Яицкій-городокъ?

— Коли есть у васъ паспорты, отвѣчала казачка,—такъ пожалуй поѣзжайте, а коли нѣтъ, такъ тутъ есть солдаты, они васъ поймаютъ.

Спрашивавшіе тотчасъ же повернули обратно и направились на знакомый уже Пугачеву Таловый уметъ. Не доѣзжая до умета, Кандалинцевъ увидѣлъ мужиковъ Мечетной слободы, ѣхавшихъ изъ Яика, а такъ какъ ему нужно было побывать въ слободѣ, то и рѣшился ѣхать съ ними.

— Оставайся ты здѣсь, сказалъ онъ Пугачеву,—а я поѣду въ Мечетную.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, — мнѣ въ Мечетную ѣхать никакъ нельзя, меня тамъ схватятъ, да и оставаться на стени одному и пѣшему нельзя, вѣдь тоже поймаютъ, такъ продай ты Бога ради мнѣ своихъ лошадей.

Кандалинцевъ согласился, продалъ лошадей за 20 рублей и уѣхалъ съ мужиками, а Пугачевъ отправился въ гости къ «Ере-

---

[1]) Показанія Пугачева 4 ноября и 11 декабря 1774 г. Показаніе Дружинина 25 марта 1775 г. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 414 и 512. О дальнѣйшей судьбѣ Дружинина и Мищенко см. *Русскую Старину* 1876 г., т. XVI, 625.

миной куриць», и утромъ наканунѣ Успеньева дня пріѣхалъ на Таловый уметъ.

— А, Пугачевъ! говорилъ Оболяевъ,—гдѣ это ты былъ и откуда тебя Богъ принесъ?

— Изъ Казани, я тамъ содержался, да Богъ помогъ мнѣ бѣжать.

— Ну, слава Богу!

— А что, братъ не искали-ли меня здѣсь?

— Нѣтъ, не искали, отвѣчалъ «Еремина курица».

— Что слышно на Яикѣ? не знаешь ли что тамъ дѣлается?

— Нынѣ, кажется, все тихо и смирно; тамъ теперь комендантомъ полковникъ Симоновъ.

— А казакъ Пьяновъ живъ-ли?

— Пьяновъ бѣгаетъ, потому что на Яикѣ провѣдали, что онъ подговаривалъ казаковъ бѣжать на Кубань.

Оставшись на нѣсколько дней у «Ереминой курицы», съ намѣреніемъ пробраться въ Яицкій-городокъ, Пугачевъ искалъ случая встрѣтить кого-нибудь изъ казаковъ. Онъ ежедневно ходилъ на охоту за сайгаками и, проводя весь день въ степи, приходилъ на уметъ только обѣдать и ночевать.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Однажды, въ отсутствіе Пугачева, пришли на уметъ три бѣглыхъ русскихъ крестьянина: Аѳанасій Чучковъ, Антонъ Алексѣевъ и Евдокимъ Ѳедотовъ. Они были отправлены изъ Коломны, водой, на стругахъ въ Сибирь на поселеніе, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Скученность и тѣснота на стругахъ были причинами огромной смертности среди поселенцевъ. Потерявъ на пути жену, Чучковъ съ другими товарищами рѣшились бѣжать, и воспользовавшись тѣмъ, что въ Казани поселенцы были спущены на берегъ, они ушли и отправились на Иргизъ, а оттуда въ Мечетную слободу, жители которой совѣтовали имъ пробраться на Узени, гдѣ «жить бѣглымъ свободно». Не зная, какъ пробраться на Узени, Чучковъ и его товарищи познакомились съ крестьяниномъ Мечетной слободы Василіемъ Носовымъ, признались ему, что они бѣглые, и просили указать имъ путь. Носовъ направилъ ихъ на Таловый уметъ.

— Явитесь у уметчика «Ереминой курицы», сказалъ Носовъ,— онъ вашу братью принимаетъ и сыщетъ вамъ мѣсто.

Бѣглые отправились по указанію и 16 августа пришли на Таловый уметъ.

— Здѣсь ли живетъ «Еремина курица»? спрашивалъ Чучковъ, входя въ избу и видя передъ собой человѣка, пекшаго лепешки.

— Здѣсь, а на что онъ вамъ?

— Насъ прислалъ къ нему житель Мечетной слободы Василій Носовъ.

— Я «Еремина курица», а зачѣмъ онъ васъ ко мнѣ прислалъ?

Прибывшіе бросились въ ноги Оболяеву.

— Мы отданы на поселеніе въ Сибирь, говорили они,—и изъ Казани бѣжали, сыщи намъ мѣстечко.

— Хорошо, отвѣчалъ «Еремина курица»,—покуда поживите у меня, поработайте, покосите сѣно, а я между тѣмъ поспрошу у здѣшнихъ гулебщиковъ, яицкихъ казаковъ, не сыщутъ ли они вамъ какой работы. Здѣсь, у казаковъ, по хуторамъ много такихъ пришельцевъ бываетъ и они паспортовъ не спрашиваютъ.

— Изволь, батюшка, говорили бѣглецы, — мы рады на тебя работать.

Чучковъ и его товарищи раздѣлись и расположились у Оболяева какъ у себя дома. Чрезъ часъ вошелъ въ избу совершенно незнакомый имъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и роста, плечистый и съ темнорусыми волосами. Бѣловатое съ румянцемъ лицо его было обрамлено окладистою съ просѣдью бородой и когда онъ улыбался, то на лѣвомъ вискѣ близъ глаза показывалась морщина. Вошедшій былъ въ одной крестьянской рубашкѣ изъ толстой холстины, весьма грязной и выпачканной въ крови, потому что онъ принесъ на себѣ убитаго въ степи сайгака. На ногахъ были у него худенькіе коты, на—головѣ колпакъ изъ сермяжнаго сукна, а въ рукахъ—ружье [1]). Мы узнаемъ въ пришедшемъ Пугачева.

— Я тебѣ, Степанъ Максимычъ, притащилъ сайгака, сказалъ онъ,—такъ освѣжуйка его.

---

[1]) Показаніе Аѳанасія Чучкова. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

— Хорошо, надежа, теперь и кстати; вотъ прибыли къ намъ гости, отвѣчалъ Оболяевъ, указывая на Чучкова и его товарищей.

— А что это за люди?

— Намъ нельзя таиться, говорили они, кланяясь Пугачеву въ ноги,—вы видите бритые у насъ лбы, мы бѣглые поселенцы, не оставьте насъ.

— Хорошо, ребята, не кланяйтесь и не бойтесь, ободрялъ ихъ Пугачевъ съ серьезнымъ видомъ, — я васъ не оставлю, живите здѣсь, а потомъ мы сыщемъ вамъ и мѣсто.

Пугачевъ отошелъ въ сторону, а Чучковъ, подойдя къ уметчику, спрашивалъ, что онъ за человѣкъ и какъ его зовутъ.

— Это дубовскій казакъ Петръ Ивановичъ, отвѣчалъ Оболяевъ.

Между тѣмъ, сваривъ изъ убитаго сайгака кашицу, всѣ присутствовавшіе въ избѣ пообѣдали и разошлись: Пугачевъ пошелъ опять въ степь, надѣясь встрѣтить тамъ казаковъ, а бѣглые мужички отправились косить сѣно.

На другой или на третій день, Оболяевъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Яицкій-городокъ и пробылъ тамъ нѣсколько дней у знакомаго ему казака Григорія Закладнова. Послѣдній спрашивалъ у уметчика, нѣтъ ли продажной недорогой лошади.

— Есть, отвѣчалъ Оболяевъ,—пріѣзжай ко мнѣ на уметъ.

Закладновъ обѣщалъ; а между тѣмъ на уметѣ случилось то, чего никто изъ живущихъ и подозрѣвать не могъ.

Однажды послѣ обѣда, когда бѣглые работники легли отдыхать, Пугачевъ, взявъ въ руки тетрадь, похожую на молитвы Богородицѣ и другимъ святымъ [1]), предложилъ «Ереминой курицѣ» послушать, что онъ будетъ читать.

— Надобно намъ теперь, Степанъ Максимычъ, говорилъ онъ,— прочитать какую-нибудь статью.

— Ну, хорошо, надежа, отвѣчалъ уметчикъ, и сѣлъ подлѣ него.

---

[1]) Показаніе Оболяева 11 іюня. Показаніе Аѳанасія Чучкова 6 іюня. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

Не будучи охотникомъ до чтенія и видя, что у Пугачева рубашка очень грязна, Оболяевъ предпочелъ вмѣсто чтенія предложить сходить въ баню.

— У меня рубашки нѣтъ, замѣтилъ на это Пугачевъ.

— Я дамъ свою, отвѣчалъ уметчикъ.

Вечеромъ они отправились въ баню, и лишь только Пугачевъ раздѣлся, какъ Оболяевъ замѣтилъ у него на груди знаки, оставшіеся послѣ болѣзни.

— Что это такое у тебя на груди-то? спросилъ Оболяевъ.

Пугачевъ промолчалъ, но вопросъ Оболяева навелъ его на мысль, что уметчикъ спрашиваетъ не спроста, а вѣроятно слышалъ отъ Пьянова, что, будучи въ прошломъ году на Яикѣ, онъ называлъ себя Петромъ III. Пугачевъ рѣшилъ воспользоваться предполагаемыми словами Пьянова и по выходѣ изъ бани, спустя часъ времени, подсѣлъ къ Оболяеву и сталъ съ нимъ говорить:

— Давича, Степанъ Максимовичъ, ты парился со мною въ банѣ, а примѣтилъ ли ты на мнѣ царскіе знаки? спросилъ Пугачевъ.

— Какіе знаки? Я не только не видывалъ, но и не слыхивалъ, что̀ за царскіе знаки такіе.

— Прямая ты курица! О царскихъ знакахъ даже не слыхалъ! Вѣдь каждый царь имѣетъ на себѣ тѣлесные знаки; вотъ я вамъ, когда яицкіе казаки сюда пріѣдутъ, покажу ихъ.

Оболяевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Пугачева.

— Что̀ это, Пугачевъ, къ чему ты это говоришь, спрашивалъ уметчикъ,—какимъ быть на тебѣ царскимъ знакамъ?

— Экой ты безумный, и догадаться даже не можешь къ чему я говорю, вѣдь я не донской казакъ, какъ тебѣ сказался, а государь вашъ Петръ Ѳедоровичъ.

Услышавъ такія слова, Оболяевъ испугался и «такъ какъ бы кожу на немъ подрало». Въ первое время онъ не могъ сообразить, какъ это къ нему и въ его отдаленный уметъ Богъ принесъ государя.

— Какъ же это такъ, спрашивалъ съ недовѣріемъ Оболяевъ,— а я слышалъ, что государь Петръ Ѳедоровичъ умеръ.

— Врешь, крикнулъ Пугачевъ, — Петръ Ѳедоровичъ живъ, онъ не умеръ; ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію въ прошедшемъ году. Услышавъ, что яицкіе казаки приведены всѣ въ разореніе, я нарочно для нихъ сюда пріѣхалъ и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство. Какъ ты думаешь, будутъ-ли казаки согласны на это и примутъ-ли меня?

Испуганный Оболяевъ не отвѣчалъ на послѣдній вопросъ Пугачева; онъ кланялся только предъ нимъ, прося не прогнѣваться за то, что обходился съ нимъ, какъ съ простымъ человѣкомъ.

— За что гнѣваться, замѣтилъ Пугачевъ, — вѣдь ты меня не зналъ, да и впредь до времени никакого особаго почтенія при людяхъ мнѣ не оказывай; обходись со мною попрежнему просто, называй казакомъ и что я государь никому, кромѣ яицкихъ казаковъ, не сказывай, да и тѣмъ говори только такимъ, которые съ войсковой стороны, а старшинскимъ отнюдь о мнѣ ничего не открывай.

— Почемъ мнѣ распознать-то казаковъ, кто съ войсковой, кто со старшинской стороны, говорилъ Оболяевъ; — вотъ развѣ сказать о васъ казаку Григорію Закладнову, онъ, я знаю, съ войсковой стороны и хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать за лошадью.

— Хорошо, открой ему, да смотри же накажи хорошенько, чтобы онъ сказывалъ только надежнымъ людямъ, да такъ, чтобы и жены ихъ не знали.

Оболяевъ обѣщалъ исполнить въ точности. Чрезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ пріѣхалъ на Таловый уметъ казакъ Григорій Закладновъ и просилъ уметчика показать ему обѣщанную лошадь. Оболяевъ отвѣчалъ, что лошади нѣтъ дома и что онъ отправилъ на ней своего девятилѣтняго племянника за хлѣбомъ на сосѣдній уметъ. Закладновъ сталъ тужить, что напрасно пріѣхалъ и на просьбу уметчика обождать возвращенія племянника отвѣчалъ недосугомъ.

— Теперь мое дѣло такое, говорилъ Закладновъ,—что не на чемъ и за дровами съѣздить.

— Дай ты ему, Максимычъ, какую-нибудь лошадь, просилъ

*

Пугачевъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, — пускай онъ поработаетъ на ней, вѣдь лошади отъ того ничего не сдѣлается.

Оболяевъ побоялся отказать государю, обѣщалъ дать лошадь на время, и какъ было уже поздно, то предложилъ Закладнову переночевать у него на уметѣ, на что̀ тотъ и согласился.

— А что̀, узналъ ты меня? спросилъ Пугачевъ Закладнова.

— Какъ не узнать, узналъ! ты купецъ Емельянъ Иванович.

Пугачевъ промолчалъ, но наутро, когда Закладновъ сталъ собираться домой, онъ просилъ уметчика открыть тайну Закладнову.

— Поди же, говорилъ Пугачевъ Оболяеву, — и скажи ему обо мнѣ, а между тѣмъ и я къ вамъ подойду и переговорю съ нимъ о чемъ надобно.

Оболяевъ повиновался.

— Что̀, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? говорилъ Оболяевъ, указывая на Пугачева, сидѣвшаго въ базу (сараѣ).—Какой онъ человѣкъ?

— Почемъ мнѣ знать, что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вѣдь это государь Петръ Ѳедоровичъ; онъ говоритъ, что имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда пріѣхалъ на выручку къ вамъ, войсковымъ казакамъ. Онъ мнѣ приказалъ о себѣ сказать съ тѣмъ, чтобы ты открылъ о немъ войсковой руки надежнымъ людямъ.

Закладновъ сначала съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на Оболяева, а потомъ, какъ-бы сообразивъ что-то, улыбнулся.

— Что это за диво такое, проговорилъ онъ, — конечно, Господь насъ поискалъ.

Въ это время Пугачевъ подошелъ къ разговаривавшимъ.

— Что, Гриша, спросилъ онъ, — слышалъ ты обо мнѣ отъ «Ереминой курицы»?

— Слышалъ, сударь.

— Я, мой другъ, не купецъ, а слыхалъ ты про государя Петра Ѳедоровича, такъ я и есть государь. Поѣзжай ты скорѣе въ городокъ и скажи войсковой стороны хорошимъ старикамъ,

чтобъ они ко мнѣ пріѣзжали и не мѣшкали; я избавлю ихъ отъ разоренія старшинъ и проведу на Кубань. Если они замѣшкаются и добра себѣ не захотятъ, то я ждать долго не буду, только меня и видѣли. Да смотри же никому изъ старшинской стороны не сказывай, да и женѣ своей то же.

— Слышу, сударь, отвѣчалъ Закладновъ, и хотѣлъ-было ѣхать, но Оболяевъ остановилъ его.

— Постой, сказалъ онъ,—вотъ скоро каша поспѣетъ, поѣшь, да и поѣдешь.

Закладновъ остался и завтракалъ съ Чучковымъ и его товарищами, а Пугачевъ съ Оболяевымъ отдѣльно.

— Такъ какъ я уже объявилъ тебѣ, Гриша, говорилъ Пугачевъ, прощаясь, — что я государь, такъ смотри же не забудь прислать ко мнѣ казаковъ и самъ съ ними пріѣзжай, да проворь скорѣе.

— Хорошо, отвѣчалъ Закладновъ, взялъ у Оболяева лошадь и съ горячею вѣстью поскакалъ въ Яицкій-городокъ, гдѣ давно ужъ ожидали появленія государя [1])...

VIII.

Положеніе яицкихъ казаковъ. — Приведеніе въ исполненіе приговора надъ виновными въ убіеніи генералъ-маіора Траубенберга. — Вѣсть въ городкѣ о появленіи императора Петра III на Таловомъ уметѣ; совѣщаніе казаковъ. — Посылка двухъ человѣкъ на Таловый уметъ. — Аудіенція Пугачева съ казаками Караваевымъ и Кунишниковымъ. — Поѣздка Пугачева въ Мечетную слободу. — Погоня. — Возвращеніе на Таловый уметъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Пугачевъ, переговоривъ съ Пьяновымъ, уѣхалъ въ Мечетную, въ Яицкомъ-городкѣ распространился слухъ, что у Пьянова былъ какой-то великій человѣкъ. Слухъ этотъ дошелъ до коменданта, полковника Симонова, и онъ приказалъ арестовать Пьянова, но послѣдній успѣлъ бѣжать. Тогда

[1]) Показанія Оболяева 11 іюня и 17 ноября 1774 года. Показанія Григорія Закладнова 23 іюня и 17 ноября 1774 года. Показанія Аѳанасія Чучкова 6 іюня и въ ноябрѣ 1774 года. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 506 и 512.

взяли жену Пьянова, продержали ее всю зиму подъ карауломъ, но ничего не добились. Она говорила только, что въ домѣ ихъ былъ купецъ, который купилъ рыбы и уѣхалъ, но что̀ онъ за человѣкъ, она не знаетъ. Такимъ образомъ ни правительство, ни казаки не могли узнать, кто былъ этотъ человѣкъ и зачѣмъ пріѣзжалъ онъ въ Яицкій-городокъ.

За отсутствіемъ Пьянова приходилось вѣрить народной молвѣ, и казаки подъ самымъ большимъ секретомъ передавали другъ другу, что въ городкѣ былъ самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, который намѣренъ *объявиться* и ожидаетъ только удобнаго времени. При этомъ одни говорили, что онъ пріѣдетъ въ городокъ къ Рождеству, а другіе, что весною, когда казаки соберутся на весеннюю плавню [1]). Никто, конечно, не могъ опредѣлить точнаго времени появленія государя, но всѣ ожидали его, и слухъ распространился далеко за предѣлы городка и облетѣлъ почти всѣ хутора; въ немъ было много преувеличеннаго и видоизмѣненнаго.

— Слышалъ-ли ты вѣсти? говорилъ, встрѣтившись съ Зарубинымъ (Чикою), казакъ Никифоръ Гребневъ, возвращавшійся на свой хуторъ, въ двадцати верстахъ отъ Яицкаго-городка.

— Какія вѣсти? спросилъ Зарубинъ.

— Вѣсти добрыя. Слышалъ я отъ Григорія Закладнова, что пріѣзжалъ на уметъ къ «Ереминой куриці» купецъ, и Григорій Закладновъ, бывъ тутъ же на уметѣ, съ нимъ разговорился, и сталъ купецъ спрашивать: какія вамъ, казакамъ, есть обиды и какіе налоги? Закладновъ разсказалъ ему какія мы обиды несемъ отъ командировъ нашихъ. Послѣ того купецъ выговорилъ, что поѣдетъ на Яикъ для покупки рыбы и когда изъ Яика возвратится назадъ на уметъ къ «Ереминой куриці», то хотѣлъ прислать за Закладновымъ. Итакъ, Закладновъ, оставивъ купца, поѣхалъ для ловли звѣрей, а потомъ означенный купецъ, возвратясь, послалъ «Еремину курицу» сыскать Закладнова и когда тотъ пріѣхалъ и ночевалъ съ купцомъ, то зачалъ его спрашивать: скажи ты намъ правду, что̀ ты за человѣкъ? на что купецъ сказалъ: «ну, другъ

[1]) Показаніе Зарубина (Чика) на очной ставкѣ съ Ульяновымъ. Госуд. Арх., VI, д. № 422. Показанія Дениса Караваева и Максима Шигаева въ тайной экспедиціи. Тамъ же, д. № 512.

мой, господинъ казакъ, я скажу тебѣ сущую правду: ты меня признавай за государя, а я не для рыбы вашей ѣздилъ въ городъ, а только приглядѣть ваши обряды и какія командиры дѣлаютъ вамъ обиды». Когда же Закладновъ спросилъ: у кого ты былъ въ Яикѣ? то онъ сказалъ: «я стоялъ въ домѣ у Дениса Пьянова». Закладновъ сталъ ему тогда говорить: «батюшка, обиды намъ дѣлаютъ великія: наши командиры насъ бьютъ и гоняютъ, жалованье наше захватываютъ и тому шесть лѣтъ, какъ государыня намъ жалованье жалуетъ, а они незнаемо куда употребляютъ. А кто о жалованьѣ станетъ говорить, того сажаютъ подъ караулъ. Безъ государева указа въ ссылку разсылаютъ, и государыня о томъ не знаетъ. У насъ прежде не было пятидесятниковъ, а теперь оные завелись; прежде въ сотнѣ былъ одинъ сотникъ, а теперь все новое». Итакъ, купецъ, поговоря съ Закладновымъ, поѣхалъ съ умета на Иргизъ, сказавъ: «ждите меня весною, я къ вамъ буду...» Такъ вотъ, братъ, вѣсти какія! заключилъ казакъ Гребневъ.

Въ такомъ или въ еще болѣе измѣненномъ видѣ разсказывалась первая поѣздка Пугачева на Яикъ. Она заинтересовала почти все населеніе и «мы, казаки войсковой стороны, показывалъ впослѣдствіи Зарубинъ (Чика) [1]), все о томъ думали и ожидали весны; гдѣ ни сойдемся, все говорили: а вотъ будетъ государь, и какъ придетъ готовились его принять».

Но прошла весна и наступившее лѣто принесло новое горе яицкимъ казакамъ. Въ концѣ апрѣля 1773 года былъ полученъ въ Оренбургѣ указъ военной коллегіи, съ окончательнымъ приговоромъ по дѣлу объ убійствѣ генералъ-маіора фонъ-Траубенберга. Въ этомъ приговорѣ участь подсудимыхъ была значительно облегчена, тѣмъ не менѣе было опредѣлено: 16 человѣкъ, наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя знаки, послать въ Сибирь на Нерчинскіе заводы вѣчно; 38 человѣкъ наказать кнутомъ и, безъ постановленія знаковъ и вырѣзанія ноздрей, сослать съ женами и малолѣтними дѣтьми въ Сибирь на поселеніе; 5 че-

[1]) Показаніе Зарубина (Чика) на очной ставкѣ съ Ульяновымъ, безъ числа и мѣсяца. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

ловѣкъ, «для омытія пролитой крови», послать на службу противъ непріятеля безъ очереди; 25 человѣкъ, менѣе виновныхъ, наказать плетьми и распредѣлить: молодыхъ въ разные армейскіе полки, а престарѣлыхъ въ разные сибирскіе гарнизонные баталіоны. «Что же до всего ихъ мятежническаго войска принадлежитъ, писала военная коллегія [1]), коего по списку яицкой комендантской канцеляріи, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ 53 человѣкъ служащихъ и отставныхъ, показано 2,461 человѣкъ, то въ разсужденіи такого знатнаго количества и что всѣ они большею частію къ сему дерзкому предпріятію приступили по поводу главныхъ ихъ развратниковъ, Кирпичникова съ товарищи, отъ сущаго невѣжества и по незнанію истиннаго своего благоденствія, отъ наказанія освободить и привести вновь къ присягѣ. Относительно бѣглыхъ объявить по войску, что кто изъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ явится добровольно, тотъ будетъ прощенъ, а кто не явится и будетъ пойманъ, тотъ подвергнется всей строгости законовъ».

«А какъ по особо произведенному слѣдствію, сказано въ томъ же указѣ военной коллегіи, показано при учиненномъ мятежѣ и бунтѣ разграбленныхъ: у воинскихъ чиновъ казенныхъ вещей на 97 р. 49½ к., у убитыхъ: генералъ-маіора Траубенберга, атамана Тамбовцева и другихъ разнаго званія воинскихъ чиновъ собственныхъ денегъ и пожитковъ на 20,107 р. 70½ к., да по показаніямъ того-жь войска казаковъ 16,551 р. 10½ к., то въ удовольствіе сихъ безвинно пострадавшихъ имѣніе всѣхъ показанныхъ заслужившихъ наказаніе продерзателей, яицкой комендантской канцеляріи описавъ, съ публичнаго торга продать. А чего къ тому доставать не будетъ, расположа со всѣхъ бывшихъ въ мятежнической партіи, по состоянію каждаго имущества и промысловъ, взыскать вышеупомянутую сумму».

Получивъ указъ военной коллегіи какъ разъ въ то время, когда войско было на весенней плавнѣ, оренбургскій губернаторъ, генералъ Рейнсдорпъ, не призналъ возможнымъ отрывать казаковъ

---

[1]) Отъ 8 марта 1773 года, за № 4,348. *Чтенія общества исторіи и древностей* 1860 г., кн. II, 35—51.

отъ рыбной ловли и отложилъ исполненіе приговора до возвращенія войска въ Яицкій-городокъ [1]).

2 іюля всѣ служащіе и отставные старшины и казаки были собраны въ кругъ для выслушанія опредѣленія военной коллегіи и затѣмъ, по прочтеніи указа, было приступлено къ наказанію виновныхъ. Когда церемонія эта окончилась, тогда кругу было объявлено, что императрица по своему милосердію прощаетъ остальныхъ казаковъ, но съ тѣмъ, чтобъ они немедленно внесли наложенный на нихъ штрафъ и вновь присягнули на вѣрность службы [2]). Съ этою послѣднею цѣлью были выбраны десятники и отправлены въ церковь, а прочіе девять давали имъ свои руки и клялись предъ ними служить вѣрно [3]). По окончаніи присяги, доносилъ Рейнсдорпъ, «возжелали они (казаки) и прочіе съ ихъ старшинами, не расходясь изъ соборной церкви, въ знакъ вѣрноподданнической благодарности, принесть Всевышнему о высочайшемъ е. и. в. и его высочества здравіи и о благополучномъ государствованіи общее молебствіе, что̀ черезъ тамошняго протоіерея со священники торжественно и отправлено.

«По выходѣ же изъ храма, каждый изъ нихъ бывшій до сего преступитель свидѣтельствовался, упавъ на землю, полнымъ раскаяніемъ, а потомъ, стоя на колѣняхъ, за изліянныя къ нимъ безприкладныя е. и. в. щедроты съ достодолжнымъ раболѣпствіемъ благодарили и въ заключеніе, общими радостными восклицаніями прославляя высочайшее имя, превозносили оное изъявленіемъ крайняго о толь превосходномъ милосердіи чувствованія» [4]).

Такъ писалъ Рейнсдорпъ, желая успокоить кого слѣдовало въ Петербургѣ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Казаки не радовались, не раскаивались, но скорбѣли, считая жестокимъ для себя наказаніемъ наложеніе денежнаго штрафа. Такое взысканіе, простиравшееся въ суммѣ до 36,756 р. 30 к., было особенно тяжело для казаковъ,

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 25 апрѣля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Шт., опись 93, св. 492.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 4 іюля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[3]) Показаніе Козьмы Кочурова. Госуд. Архивъ, VI, д. № 506.

[4]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 10 іюля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

изъ коихъ многіе не признавали себя виновными въ расхищеніи, а платить за другихъ не желали и не имѣли средствъ. Послѣднія событія отвлекли ихъ отъ домашнихъ работъ и рыболовства, единственнаго почти источника ихъ существованія, и населеніе не знало чѣмъ прокормить свои семьи, а объ уплатѣ штрафа и думать было нечего. Они рѣшили въ послѣдній разъ попытать счастія въ Петербургѣ и опять послать депутатовъ. Отправившись на хуторъ Ивана Герасимова и встрѣтивъ тамъ скрывавшагося отъ преслѣдованія Аѳанасія Перфильева, казакъ Савелій Плотниковъ разсказалъ о несчастіи, постигшемъ войско и просилъ ихъ отъ имени всего населенія съѣздить въ Петербургъ и попросить императрицу не взыскивать наложеннаго на войско денежнаго штрафа. Перфильевъ и Герасимовъ согласились, и тогда Плотниковъ съѣздилъ въ Яицкій-городокъ, привезъ оттуда на дорогу 150 р. общественныхъ денегъ и самъ присоединился къ этому посольству.

Между тѣмъ полковникъ Симоновъ, исполняя указъ военной коллегіи, выслалъ изъ городка въ Сибирь 144 человѣка мужескаго и женскаго пола [1]) и требовалъ, чтобы каждый казакъ заплатилъ денежнаго штрафа, смотря по назначенію коммиссіи, отъ 6 до 40 р. Раскладка эта была сдѣлана по указанію старшинъ и потому пристрастно: на бѣдныхъ было наложено больше чѣмъ на богатыхъ. Казаки были недовольны, потому, говорили они [2]), что «когда уже на все войско наложена выть, такъ и взысканіе должно быть съ каждаго равное, ибо богатый и бѣдный казакъ всѣ тягости безъ различія несутъ на ряду». Не зная, что̀ предпринять, чтобъ избавиться отъ налога, казаки сходились иногда на базарѣ, чтобы посовѣтоваться другъ съ другомъ и потолковать о своихъ нуждахъ. А на базарѣ разсказывали, что на Таловомъ уметѣ, у «Ереминой курицы», проявился государь Петръ Ѳедоровичъ и что Григорій Закладновъ его уже видѣлъ [3]).

---

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, св. 249.

[2]) *Памятники новой русской исторіи*, т. II, 284.

[3]) Показаніе казака Якова Почиталина. Государственный архивъ, VI, дѣло № 506. Показаніе Максима Шигаева. Тамъ же, дѣло № 512. Показаніе Василія Коновалова. Тамъ же, д. № 505.

Послѣдній, пріѣхавъ въ городокъ, тотчасъ же отправился къ своему пріятелю казаку Ивану Чебакову и разсказалъ ему все, что̀ видѣлъ и слышалъ на уметѣ у «Ереминой курицы».

— Что это за причина, отвѣчалъ удивленный Чебаковъ, — вѣдь сказывали, что государь померъ! Надо объ этомъ дѣлѣ хорошенько посовѣтоваться съ надежными людьми. Пойдемъ-ка, братъ, скажемъ объ этомъ Ивану Фофанову, не съѣздитъ-ли онъ въ уметъ удостовѣриться, подлинно-ли онъ царь.

Пріятели отправились къ Фофанову, но не найдя его дома, пошли сначала къ Максиму Шигаеву, а потомъ къ Денису Караваеву, но и ихъ также дома не нашли. На другой день Чебаковъ вмѣстѣ съ Караваевымъ пришли къ Закладнову, который разсказалъ имъ, что̀ видѣлъ, и передалъ просьбу Пугачева прислать къ нему какъ можно скорѣе надежныхъ казаковъ. Посовѣтовавшись съ казаками Плотниковымъ, Шаринымъ и Портновымъ, Денисъ Караваевъ рѣшился ѣхать въ Таловый уметъ и пригласилъ съ собою пріятеля своего, Сергѣя Кунишникова [1]). Выѣхавъ рано изъ городка, они только утромъ добрались до умета. Было уже темно и шелъ дождь, когда Оболяевъ, прибирая свой дворъ, увидѣлъ приближающихся казаковъ.

— Кто ѣдетъ? окликнулъ уметчикъ.

— Казаки; мы ѣздили за сайгаками да запоздали, и чтобы укрыться отъ дождя, пріѣхали сюда ночевать.

— Милости прошу, отвѣчалъ Оболяевъ.

Казаки слѣзли съ лошадей и въ то время, когда Кунишниковъ разсѣдлывалъ лошадей, Караваевъ подсѣлъ къ Оболяеву:

— Не уметчикъ-ли ты? спросилъ онъ.

— Уметчикъ.

— Мы слышали, что у тебя живетъ такой человѣкъ, который называется государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ; правда-ли это?

— Кто вамъ сказалъ?

— Григорій Закладновъ.

Имя Закладнова увѣрило Оболяева, что пріѣхавшіе казаки при-

---

[1]) Показанія Григорія Закладнова 23 іюня и 17 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

надлежатъ къ войсковой сторонѣ, и онъ сталъ съ ними говорить безъ всякаго опасенія.

— Да, у меня есть такой человѣкъ, отвѣчалъ уметчикъ.

— Можно намъ съ нимъ повидаться?

— Теперь не время, есть посторонніе, а оставайтесь до утра.

Казаки пустили лошадей на траву, а сами расположились въ базу (сараѣ), въ другомъ углу котораго, на постелѣ за занавѣской, лежалъ Пугачевъ. Тамъ былъ поставленъ столъ, нѣсколько скамеекъ и кровать уметчика. Ложась спать, Оболяевъ шепнулъ Пугачеву, что къ нему пріѣхали яицкіе казаки, желаютъ его видѣть и остались ночевать.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, — теперь некогда съ ними говорить.

На утро, готовясь принять прибывшихъ, Пугачевъ сочинилъ свой церемоніалъ.

— Ты поди, говорилъ онъ Оболяеву,—и спроси у тѣхъ казаковъ, бывали-ли они въ Петербургѣ и знаютъ-ли они какъ должно къ государю подходить? Если они скажутъ, что въ Петербургѣ не бывали и не знаютъ, то прикажи имъ по приходѣ ко мнѣ стать на колѣни и поцѣловать мою руку.

Оболяевъ пошелъ передать казакамъ приказаніе мнимаго государя, а Пугачевъ сѣлъ за столъ въ ожиданіи аудіенціи.

Ни Караваевъ, ни Кунишниковъ никогда въ Петербургѣ не бывали, и потому въ точности послѣдовали совѣту Оболяева. Войдя за перегородку, они стали на колѣни.

— Не прогнѣвайся, ваше величество, говорилъ Караваевъ,— что мы путемъ и поклониться не умѣемъ.

Пугачевъ приказалъ имъ встать и протянулъ руку, которую они и поцѣловали.

— Почему вы, мои друзья, узнали, что я здѣсь? спросилъ онъ.

— Намъ Григорій Закладновъ сказалъ, отвѣчали казаки.

— А отчего же онъ самъ съ вами не пріѣхалъ.

— Онъ поѣхалъ за дровами.

— Экой безумный, я ему наказывалъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ вами сюда пріѣхалъ, а онъ, смотри, за дровами уѣхалъ, дрова бы не ушли... Говорили-ли вы со стариками?

— Сказывали человѣкамъ двумъ, тремъ, а нынѣ въ городкѣ большаго-то числа и нѣтъ, всѣ на сѣнокосѣ.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ пришли и какая ваша нужда?

— Мы, ваше царское величество, присланы къ вамъ просить милости и заступиться за насъ, а мы за васъ вступимся. Мы теперь въ конецъ разорены старшинами: дѣтей нашихъ въ солдаты хотятъ брать, а намъ бороды брить; вводятъ у насъ новые штаты, а мы желаемъ служить по старому и по грамотамъ, какъ при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ было.

— Хорошо, друзья мои, если вы хотите за меня заступиться, то и я за васъ вступлюсь, только скажите своимъ старикамъ, чтобъ они исполнили все то, что̀ я прикажу.

Караваевъ и Кунишниковъ поклонились въ ноги.

— Изволь батюшка, надежда-государь, говорили они, все, что̀ вы ни прикажете будетъ исполнено.

Казаки заплакали, но были-ли то слезы радости или горя, рѣшить трудно; Пугачевъ также принялъ на себя видъ человѣка прослезившагося.

— Да все-ли войско принять меня желаетъ? спросилъ онъ.

— Когда вы за насъ хотите вступиться, отвѣчалъ Караваевъ,—то войско наше васъ съ радостію приметъ.

— Ну, дѣтушки мои, соколы ясные, смотрите же не покиньте вы меня; теперь у васъ пѣшій сизый орелъ, подправьте сизому орлу крылья; съумѣю я васъ нарядить и разрядить.

— Только не покинь ты насъ, надежа-государь, отвѣчали казаки кланяясь,—а мы съ Яицкимъ войскомъ, все что вы ни прикажете и ни потребуете сдѣлаемъ.

— Я вамъ даю свое обѣщаніе жаловать ваше войско такъ, какъ Донское; по двѣнадцати рублей жалованья и по двѣнадцати четвертей хлѣба, жалу̀ю васъ рѣкою Яикомъ и всѣми протоками, рыбными ловлями, землею и угодьями, сѣнными покосами безданно и безпошлинно; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези кто куда хочетъ, и буду васъ жаловать такъ, какъ и прежніе государи, а вы мнѣ за то послужите вѣрою и правдою.

— Довольны, государь, вашею царскою милостію и готовы вамъ послужить.

Въ это время проходившій мимо сарая крестьянинъ Аѳанасій Чучковъ, услышавъ, что казаки величаютъ Пугачева государемъ, вошелъ въ сарай и хотѣлъ было подойти къ разговаривавшимъ, но Пугачевъ удалилъ его.

— Поди, мой другъ, тутъ не твое дѣло, сказалъ онъ махая и указывая на выходъ.

Чучковъ отошелъ, но остался тайнымъ слушателемъ происходившихъ разговоровъ и совѣщаній.

— Ну, друзья мои, говорилъ Пугачевъ казакамъ, — если вы согласны меня принять, такъ надобно приготовить знамена. Купите голи разныхъ цвѣтовъ, шелку и шнура; приготовьте мнѣ платье хорошее и шапку бархатную. Я не знаю только, мои други, справитесь ли вы съ деньгами?

— Какъ, надежа-государь, не справиться; хотя бы и вдвое больше этого приказали, такъ Яицкое войско все исправитъ; но не можно ли записать для памяти что-да-что надобно купить.

— Я бы пожалуй вамъ написалъ, говорилъ неграмотный Пугачевъ, да видишь нѣтъ здѣсь ни бумаги, ни чернилъ. Да это можно и безъ записки такъ упомнить.

— Хорошо, мы и такъ упомнимъ, отвѣчалъ Караваевъ,—но не можно ли написать какого-либо указа въ войско.

— Какой указъ? у меня теперь ни писаря и никого здѣсь нѣтъ.

Пугачевъ предложилъ казакамъ сѣсть рядомъ съ нимъ на лавку, но тѣ отказывались.

— Что вамъ стоять предо мной, говорилъ мнимый императоръ, вторично предлагая казакамъ сѣсть,—вѣдь въ погахъ правды нѣтъ. Теперь дѣло идетъ еще по тайности и вы объявляйте обо мнѣ только надежнымъ людямъ, а молодымъ ребятамъ отнюдь не сказывайте, чтобы старшинская сторона не провѣдала. Такъ поѣзжайте теперь въ городокъ и объявите войску, а дня чрезъ три пріѣзжайте опять ко мнѣ.

— Теперь у насъ люди всѣ въ дальнихъ разъѣздахъ, говорили казаки, — всѣ по хуторамъ и занимаются сѣнокосомъ. Не можно ли, батюшка, потерпѣть эту недѣлю, пока съ сѣнокосомъ управятся и соберутся въ городъ.

— Нѣтъ, други мои, это пустое, нечего еще на недѣлю откладывать; надобно теперь же вамъ хорошенько между собой условиться, надобно дѣлать какъ можно скорѣе, чтобы въ огласку не пошло. Вы старайтесь сами о себѣ; мнѣ есть нуждица съѣздить на Иргизъ, а вы поѣзжайте въ городокъ, да посовѣтуйтесь съ стариками, гдѣ они присудятъ собираться, и пріѣзжайте ко мнѣ съ отвѣтомъ какъ можно скорѣе. Если вы будете худо стараться о себѣ и станете мѣшкать, такъ меня здѣсь и не сыщете.

— Какъ намъ не стараться, батюшка, будемъ.

Пугачевъ и казаки стали разсуждать гдѣ бы всего лучше было собраться войску? Сперва говорили, что всего удобнѣе на Камеляхъ, верстахъ въ двадцати ниже Таловаго умета, но потомъ отмѣнили, говоря что тамъ близко проходитъ большая дорога. Говорили о вершинахъ Таловой рѣчки, но и тамъ оказалось неудобно, по близости Сызранской дороги; наконецъ, рѣшили направиться на рѣку Узень.

— Поѣзжайте же въ городокъ, сказалъ Пугачевъ, и возвращайтесь скорѣе и я вамъ, если хотите, покажу тогда царскіе знаки. Только смотрите объявляйте другъ другу по тайности.

Увидѣвъ стоявшаго въ отдаленіи Аѳанасія Чучкова, Пугачевъ подозвалъ его къ себѣ.

— Если вы сюда пріѣдете прежде меня, сказалъ онъ,—такъ здѣсь подождите и у Аѳанасія понавѣдайтесь; онъ останется дома, а «Еремина курица» поѣдетъ со мной.

— Хорошо, отвѣчали казаки прощаясь.

— Дай Богъ счастливо, кричалъ Пугачевъ вслѣдъ уѣзжавшимъ.

— Благодарствуемъ, отвѣчали казаки снявъ шапки.

Проводивъ гостей, Пугачевъ отправился въ избу, а Оболяевъ и Чучковъ остались у плетня. Послѣдній не могъ понять, что вокругъ него дѣлалось; онъ слышалъ отрывочныя фразы, слышалъ какъ казаки называли Пугачева «надежею-государемъ» и какъ Пугачевъ обѣщалъ имъ рѣки, луга, вольность и проч. Все это вертѣлось въ головѣ Чучкова безъ всякой связи и значенія, и онъ рѣшился объясниться съ Оболяевымъ.

— Почему это, Степанъ Максимычъ, спрашивалъ Чучковъ у

уметчика,—давеча яицкіе казаки величали Петра Ивановича надежею государемъ?

— А вотъ почему, отвѣчалъ Оболяевъ, — потому что онъ государь Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ же это такъ! вѣдь слухъ былъ, что государь померъ, да и самъ онъ называется дубовскимъ казакомъ; почему жь узнали, что онъ такой большой человѣкъ?

— Самъ батюшка мнѣ повѣдалъ и сказалъ, что онъ, оставивъ царство, принялъ на себя странствованіе, большой трудъ и бѣдность. Смотрите же, не болтать никому постороннему, да и сами называйте его попрежнему дубовскимъ казакомъ и обходитесь съ нимъ просто.

Чучковъ былъ озадаченъ, но видя, что уметчикъ и два казака съ такимъ почтеніемъ относились къ Пугачеву, онъ повѣрилъ словамъ Оболяева, и такимъ образомъ явился однимъ изъ первыхъ пособниковъ самозванца и его приверженцомъ.

Черезъ часъ Пугачевъ сталъ собираться въ дорогу, чтобъ ѣхать на рѣку Иргизъ. Хотя на Иргизѣ очень многіе знали Пугачева и путешествіе это было весьма опасно, но онъ, какъ человѣкъ безграмотный, считалъ его необходимымъ послѣ просьбы казаковъ написать реестръ тѣмъ вещамъ, которыя необходимо было купить, и послать указъ яицкимъ казакамъ.

— Караваевъ и другіе казаки, говорилъ онъ Оболяеву,—скоро опять къ намъ пріѣдутъ и что-нибудь рѣшатъ; надобно будетъ тогда писать, а у насъ грамотѣя нѣтъ, такъ я хочу съѣздить на Иргизъ въ верхній монастырь и взять тамъ писаря, онъ будетъ намъ всякія дѣла писать. Къ тому же мнѣ надобно побывать въ Мечетной у кума и забрать у него рубашки и лошадь.

Пугачевъ просилъ уметчика ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ отговаривался.

— Тебѣ жители Мечетной и всѣ старцы знакомы, говорилъ онъ Оболяеву,—такъ съ тобою я вездѣ найду ночлегъ; а ежели одинъ поѣду, то, во-первыхъ, страшно дорогою воровъ, а во-вторыхъ, незнакомые не пустятъ меня ночевать.

Убѣжденный этими словами, Оболяевъ согласился ѣхать и сталъ

запрягать лошадей. Предъ отъѣздомъ Пугачевъ призвалъ къ себѣ Чучкова.

— Смотри-жь, Аѳанасій, сказалъ онъ, — никому о томъ, что давеча слышалъ, не болтай и постороннимъ ни одному человѣку, что я государь, не сказывай. Если кто изъ пріѣзжихъ станетъ спрашивать уметчика, такъ говори, что онъ поѣхалъ въ Сызрань, снимать на будущій годъ уметъ, а не говори, что со мною поѣхалъ на Иргизъ. Но если пріѣдутъ сюда казаки отъ войска Яицкаго, такъ ты прикажи имъ меня дожидаться, только чтобъ они не въ уметѣ дожидались, а на степи, и ты покажи гдѣнибудь мѣсто.

Чучковъ обѣщалъ исполнить въ точности данное ему наставленіе, а Пугачевъ, сѣвъ въ кибитку съ Оболяевымъ, отправились въ путь.

— Есть ли у тебя, спрашивалъ Пугачевъ дорогой Оболяева, — въ Исакіевомъ скитѣ знакомые старцы?

— Какъ не быть! Они вѣдь часто ѣздятъ мимо меня въ Яицкій-городокъ и всегда останавливаются на уметѣ.

— Ну, такъ мы заѣдемъ въ ихъ хуторъ, и чѣмъ по грязи таскать телѣгу, такъ оставимъ ее тутъ, а ты выпроси у старцевъ себѣ лошадь, моя рыжая подъ верхомъ не ходитъ, и съѣздимъ въ Мечетную. Какъ пріѣдемъ мы на хуторъ, такъ ты сбѣгай въ монастырь; я знаю, что тутъ много пришельцевъ есть, такъ ты откройся какому-нибудь старику и посовѣтуй ему, чтобъ онъ уговорилъ тѣхъ пришельцевъ идти прямо къ Яицкому-городку и тамъ ожидать. Особливо мнѣ письменные (грамотные) люди нужны, ихъ тутъ, я чаю, довольно. Да только смотри недолго мѣшкай, намъ надобно сегодня же назадъ вернуться.

Оболяевъ ходилъ въ монастырь и объявилъ одному изъ старцевъ, что проявляется государь Петръ Ѳедоровичъ, который приказалъ ему поискать для себя здѣсь писарей и пришельцевъ и сказать имъ, чтобъ они всѣ шли къ Яицкому-городку.

— Если это правда, отвѣчалъ старецъ, — такъ дай Господи, только теперь такихъ людей въ монастырѣ нѣтъ; набралось бы человѣкъ 20, но и тѣ отъ команды сыщиковъ разбѣжались.

Возвратившись изъ монастыря, Оболяевъ и Пугачевъ поѣхали

верхами въ Мечетную и остановились у двора Косова, малолѣтній сынъ котораго сказалъ пріѣзжимъ, что отца дома нѣтъ, что онъ возитъ съ поля хлѣбъ и скоро возвратится. Пугачевъ отправился на гумно, но на дорогѣ встрѣтился съ Косовымъ. Послѣдній, увидя Пугачева, удивился и «какъ бы чего испугался».

— Ба! куманекъ, ты здѣсь! проговорилъ Косовъ:—все-ли въ добромъ здоровьѣ? откуда ты взялся?

— Слава Богу, живъ родительскими молитвами.

Видя что пріятели встрѣтились, Оболяевъ отправился на хуторъ за оставленною лошадью, а Пугачевъ остался съ Косовымъ.

— Помнишь, говорилъ ему Пугачевъ,—что у тебя остались моя рубашка, рыба и лошадь.

— Все, братецъ, взяли отъ меня въ Малыковку, отвѣчалъ Косовъ,—да и самому мнѣ было много хлопотъ.

— Кому было брать, все вѣрно у тебя...

— Скажи-ка, какъ ты изъ Казани-то ушелъ, перебилъ его Косовъ.

— Богъ освободилъ.

— А есть-ли у тебя паспортъ?

— Есть.

— А гдѣ-жь онъ?

Пугачевъ видѣлъ, что дѣло плохо и что Косовъ спрашиваетъ о паспортѣ не даромъ.

— У меня паспортъ лежитъ въ телѣгѣ, потому что, видишь-ли, дождикъ идетъ, такъ чтобы не замочить я оставилъ его въ телѣгѣ.

— Пойдемъ-ка, братъ, мы лучше къ выборному, сказалъ Косовъ.

— Зачѣмъ теперь ходить, мы ужо сходимъ, я къ тебѣ скоро вернусь, отвѣчалъ Пугачевъ, и ударивъ по лошади ускакалъ.

Догнавъ Оболяева, онъ разсказалъ ему свой разговоръ съ кумомъ.

— Я уѣхалъ отъ него, а онъ пошелъ вдоль по улицѣ; конечно, у него есть какое-нибудь злодѣйство надо мною.

— Зачѣмъ же ты сюда ѣздилъ, если ожидаешь злодѣйства, говорилъ уметчикъ.

— Да что̀ они со мною сдѣлаютъ; мнѣ лихо только добраться до монастыря, а тамъ ужь имъ меня не сыскать.

— Я прятаться не буду, говорилъ Оболяевъ, — я за собою никакого дѣла не знаю; вотъ развѣ ты что̀ знаешь, такъ прячься.

— Я имъ, кажется, тоже ничего не сдѣлалъ, проговорилъ Пугачевъ, и оба поскакали къ монастырю.

Подъѣхавъ къ Пахоміеву скиту, оба всадника въѣхали на дворъ; но не успѣлъ Пугачевъ свести лошадь подъ сарай, какъ вышедшій изъ-за пекарни старецъ предупредилъ его о погонѣ.

— Чего ты съ лошадью возишься, сказалъ онъ Пугачеву,— или не слышишь какая топотня; вѣдь это, конечно, за вами погоня, убирайся скорѣе.

Пугачевъ бросилъ лошадь и скрылся за старческими кельями, переправился въ лодкѣ черезъ рѣку Иргизъ и ушелъ въ лѣсъ. Человѣкъ пятнадцать преслѣдователей, предводимыхъ Косовымъ, ворвались во дворъ и схватили Оболяева.

— Гдѣ тотъ человѣкъ, который съ тобою ѣхалъ? спрашивали они.

— Онъ побѣжалъ вонъ туда, отвѣчалъ уметчикъ, указывая на кельи старцевъ.

Обыскавъ всѣ кельи и не найдя въ нихъ Пугачева, сыщики ударили въ набатъ. На звукъ колокола всѣ старцы вышли изъ своихъ келій и даже прибыли изъ сосѣдняго Филаретовскаго скита; но Пугачева отыскать было трудно: за Иргизомъ былъ дремучій лѣсъ, въ которомъ легко было спрятаться отъ какой угодно погони [1]). Пугачевъ даже и не уходилъ далеко отъ берега и слышалъ все, что̀ происходило въ Пахоміевомъ скиту. Дождавшись въ лѣсу ночи и видя, что все успокоилось, онъ снова переѣхалъ черезъ Иргизъ, дошелъ до монастырскаго хутора, запрегъ оставшуюся свою лошадь въ телѣгу и тайно отъ спящихъ старцевъ уѣхалъ на Таловый уметъ, гдѣ ожидали его яицкіе казаки [2]).

[1]) Оболяевъ больше не видалъ Пугачева; посаженный въ тюрьму, онъ провелъ въ заключеніи все время варварской дѣятельности Пугачева.

[2]) Показанія Оболяева 16 октября 1773 г., 10 января, 11 іюня и 17 ноября 1774 г. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показанія Аѳанасія Чучкова 6 іюня и 17 ноября 1774 г. Показаніе Караваева 17 ноября. Показаніе Григорія Закладнова 17 ноября. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

IX.

Свиданіе Пугачева съ казаками: Караваевымъ, Шигаевымъ, Чикою и Мясниковымъ.—Осмотръ царскихъ знаковъ. — Переселеніе Пугачева съ Таловаго умета въ хутора Кожевниковыхъ.

Возвращеніе Караваева и Кунишникова въ Яицкій-городокъ и разсказы ихъ о видѣнномъ и слышанномъ произвели сильное волненіе среди казаковъ войсковой стороны. Каждый, кто только имѣлъ возможность, тайкомъ пробирался въ домъ того или другаго изъ пріѣхавшихъ, чтобъ удостовѣриться въ справедливости слуха, облетѣвшаго весь городокъ.

Рано утромъ слѣдующаго дня молодой казакъ Тимоѳѣй Мясниковъ отправился къ Кунишникову и узнавъ, что онъ у Караваева, пошелъ къ послѣднему.

— Что, Сергѣй, обратился пришедшій къ Кунишникову,—подлинно-ли вы на Таловой видѣли царя?

— Подлинно.

— Онъ велѣлъ, вмѣшался Караваевъ,—прислать къ себѣ человѣка другаго, отъ войска; поговорить о чемъ-то хочетъ. Мнѣ самому приказалъ онъ пріѣзжать, да кого взять другаго не знаю, а мнѣ нельзя не ѣхать, потому что безъ меня другимъ не повѣритъ.

Узнавъ такую новость, Мясниковъ пошелъ домой, а послѣ обѣда выйдя на базаръ встрѣтился опять съ Кунишниковымъ.

— Кто же поѣдетъ? спросилъ Мясниковъ.

— Караваеву непремѣнно надо ѣхать, отвѣчалъ Кунишниковъ, — а другаго-то мы не знаемъ кого послать. Смотри Тимоѳѣй, не балалакай этого никому до времени. Я вотъ боюсь запивоху (пьяницу) Алексѣя Кочурова, чтобы пьяный какъ не проболтался, и нелегкая меня дернула сказать ему вчера объ этомъ дѣлѣ.

На слѣдующій день любопытный Мясниковъ пошелъ и къ Кочурову узнать, что онъ думаетъ, но не засталъ его дома, а нашелъ средняго его брата Петра Кочурова, который сидѣлъ съ За-

рубинымъ (онъ же Чика, а впослѣдствіи пугачевскій графъ Чернышевъ) въ предбанникѣ и упражнялся въ литьѣ свинцовыхъ пуль.

— Что̀, братцы, спрашивалъ пришедшій, — слышали вы, на Таловой чудо проявляется?

— Слышали, отвѣчали они.

— Богъ знаетъ, полно правда-ли это, замѣтилъ Петръ Кочуровъ;—вѣдь вотъ прошлаго года тоже слухъ былъ, что государь проявился будто бы въ Царицынѣ, и что̀ же вышло: только народу, сказываютъ, за нимъ много пропало.

— Говорятъ, что подлинно онъ батюшка, сказалъ Мясниковъ съ видомъ нѣкоторой увѣренности.

Оставивъ Кочурова, Чика и Мясниковъ пошли на базаръ.

— Царь, вѣдь, приказалъ прислать къ себѣ отъ войска двухъ человѣкъ, говорилъ дорогой Мясниковъ.

— Такъ что̀ же, отвѣчалъ Чика,—зачѣмъ дѣло стало, я первый поѣду.

— Ну, а другой-то кто же? развѣ мнѣ съ тобой поѣхать?

— Ну, и поѣдемъ завтра.

— Я слышалъ отъ Караваева, что и онъ хотѣлъ ѣхать.

— Да мнѣ-то до того какая нужда, сказалъ Чика, — хотя Перекараваевъ поѣзжай, я самъ хочу ѣхать и посмотрѣть. Вѣдь, почемъ мы знаемъ, что они поѣдутъ, а можетъ и не поѣдутъ.

Итакъ, рѣшивъ завтра ѣхать на Таловую, собесѣдники разошлись: Мясниковъ пошелъ домой, а Зарубинъ (Чика) направился къ небольшой кучкѣ казаковъ, о чемъ-то разговаривавшихъ и поминутно оглядывавшихся на всѣ стороны. Въ то время въ Яицкомъ-городкѣ было очень строго и всякія собранія казакамъ войсковой руки были строго запрещены. За этимъ начальство и старшины тщательно слѣдили, и если на базарѣ когда собиралась толпа, то тотчасъ же являлись солдаты и разгоняли бесѣдовавшихъ. Чтобы подѣлиться новостями и потолковать о чрезвычайномъ происшествіи, казаки сходились на улицѣ человѣка по два, по три и тайкомъ разговаривали. Одну изъ такихъ кучекъ и замѣтилъ Чика; она состояла изъ казаковъ: Андрея Кожевникова, Ивана Харчова, Тимоѳѣя Стракайкина и другихъ.

— Я слышалъ отъ Караваева, говорилъ Кожевниковъ собравшимся,—что на уметѣ у «Ереминой курицы» онъ видѣлъ государя Петра Ѳедоровича, который приказывалъ, чтобы прислать къ нему человѣка другаго.

— Конечно, надо къ нему ѣхать, отвѣчали казаки.

— Куда и зачѣмъ ѣхать? спрашивалъ подошедшій къ разговаривавшимъ Чика, какъ будто ничего незнавшій.

— Развѣ ты теперь только слышишь, отвѣчалъ Кожевниковъ,—что государь явился.

— Кто вамъ сказывалъ?

— Караваевъ, онъ сейчасъ отъ него; государь на уметѣ у «Ереминой курицы» и, конечно, намъ надо его до времени спрятать.

Казаки поддакнули.

— Не съѣздишь-ли ты къ нему? спросилъ Кожевниковъ, обращаясь къ Зарубину.

— Отчего не съѣздить, пожалуй, съѣзжу, но куда мнѣ его спрятать?

— Вези прямо ко мнѣ на хуторъ, отвѣчалъ Кожевниковъ,— а тамъ уже не твоя печаль, у насъ есть покои, гдѣ его спрятать [1]).

— Зачѣмъ на хуторъ? Отчего не въ городокъ?

— Въ городокъ теперь привезти нельзя: иные казаки не повѣрятъ, а старшинская сторона можетъ его поймать, а какъ отвезешь на хуторъ, такъ мы всѣ туда будемъ.

Зарубинъ согласился.

— Смотри и примѣчай, Зарубинъ, говорилъ ему Иванъ Харчовъ,—волосы у него должны быть черные, самъ смуглъ, между зубами щербинка, на одной щекѣ рубчикъ, на рукахъ крапины, а ростомъ немного выше тебя.

— Однако, не одному же мнѣ ѣхать, говорилъ вкрадчиво Зарубинъ, умалчивая, что имѣетъ уже товарища;—человѣка другаго все бы надобно было.

---

[1]) Кожевниковыхъ было три брата: Андрей, Михаилъ и Степанъ; всѣ они жили въ одномъ домѣ; вблизи ихъ жилъ и двоюродный братъ ихъ Сидоръ.

— Сыщи самъ съ кѣмъ ѣхать, отвѣчалъ Кожевниковъ, и казаки разошлись.

Въ тотъ же самый день, на другомъ концѣ городка, казакъ Петръ Орловъ отправился къ своему сосѣду и куму Максиму Шигаеву.

— Сходимъ, кумъ, говорилъ Орловъ,—къ Денису Караваеву, понавѣдаемся, правда-ли, что онъ видѣлъ на Таловой царя Петра Ѳедоровича.

— Отъ кого ты это слышалъ? спрашивалъ Шигаевъ,—и можетъ-ли это статься?

— Можно или не можно этому статься, только говорятъ, что Караваевъ точно его видѣлъ.

Шигаевъ и Орловъ отправились разузнавать правду.

— Правда-ли, спрашивали они Караваева, — что ты видѣлъ царя на Таловой.

— Кто это вамъ навралъ, я ничего не знаю.

Шигаевъ и Орловъ отправились домой, а на слѣдующее утро Караваевъ самъ пришелъ къ Шигаеву.

— А вѣдь я, Максимъ Григорьевичъ, говорилъ пришедшій,— вечоръ отъ тебя для Орлова потаилъ; я подлинно ѣздилъ на Таловую и видѣлъ тамъ того человѣка, который называется царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Какимъ же это образомъ и гдѣ ты его видѣлъ?

— Мнѣ сказалъ о немъ Иванъ Чабаковъ, а ему Григорій Закладновъ, которому тотъ человѣкъ приказалъ прислать къ себѣ отъ войска двухъ казаковъ, такъ вотъ я и ѣздилъ къ нему съ Сергѣемъ Кунишниковымъ.

Караваевъ разсказалъ подробно свое свиданіе съ Пугачевымъ.

— Царь приказалъ мнѣ, заключилъ свой разсказъ Караваевъ,—непремѣнно къ нему чрезъ три дня пріѣхать, такъ не хочешь-ли, поѣдемъ завтра со мною, ты его посмотришь и поговоришь съ нимъ.

Шигаевъ согласился, а между тѣмъ рано утромъ слѣдующаго дня Кожевниковъ пришелъ къ Зарубину и торопилъ его ѣхать.

— Ты остерегайся многолюдства, говорилъ Кожевниковъ, — переговори съ нимъ наединѣ и скажи, что присланъ отъ Кара-

ваева и Купишникова и чтобъ онъ безо всякаго опасенія ѣхалъ ко мнѣ на хуторъ.

Кожевниковъ предупредилъ Зарубина, что онъ можетъ не застать Пугачева и чтобы тогда онъ спросилъ мужика Аѳанасія.

— Хорошо, отвѣчалъ Чика, — вотъ дома пообѣдаю, а потомъ и поѣду.

Зарубинъ пошелъ за Мясниковымъ, но тотъ отказывался отъ поѣздки. Наканунѣ Мясниковъ встрѣтился съ казакомъ Плотниковымъ и тотъ не совѣтовалъ ему ѣздить.

— Я слышалъ, говорилъ Плотниковъ, — что ты съ Чикою хочешь ѣхать на Таловую, такъ полно, ѣздить-ли уже вамъ: отъ насъ люди къ нему поѣдутъ.

— То-то, я и самъ не знаю, отвѣчалъ Мясниковъ, — да Чика меня зоветъ.

— Ну, какъ хочешь.

Мясниковъ былъ въ большомъ раздумьѣ, ѣхать или не ѣхать, такъ что когда пришелъ къ нему Зарубинъ, то онъ сталъ отказываться.

— Я, братъ, и самъ не знаю, говорилъ Мясниковъ, — полно есть-ли зачѣмъ ѣхать-то, вѣдь и безъ насъ поѣдутъ люди.

— Вотъ дуракъ-то, отвѣчалъ Зарубинъ, — еще и раздумье тебя взяло, поѣдемъ вмѣсто гулянки.

— Хорошо, поѣдемъ, я вотъ только осѣдлаю лошадь и возьму ружье, будто бы ѣдемъ стрѣлять сайгаковъ.

Послѣ обѣда Мясниковъ и Зарубинъ выѣхали верхами изъ Яицкаго-городка на Таловый уметъ, а часа два спустя поѣхали туда же въ телѣгѣ Караваевъ и Шигаевъ, неподозрѣвавшіе, что впереди ихъ ѣдутъ другіе представители войска.

Былъ уже вечеръ, когда два всадника приблизились къ Таловскому умету. Замѣтивъ на дворѣ двухъ работавшихъ мужиковъ, пріѣзжіе прямо подъѣхали къ нимъ.

— Хозяинъ дома? спросилъ Зарубинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ работниковъ, онъ уѣхалъ въ Сызрань.

— Съ кѣмъ?

— У него живетъ одинъ человѣкъ, такъ съ нимъ и поѣхалъ.

— Этого-то человѣка мнѣ и надобно, а скоро они будутъ?

— Не знаю.

— Не ты-ли Аѳанасій? говорилъ Зарубинъ улыбаясь.

— Я, отвѣчалъ спрошенный.

— Ну, такъ что же ты меня обманываешь, вѣдь я знаю что «Еремина курица» поѣхалъ на Иргизъ, да и знаю съ кѣмъ; вѣдь не святымъ же духомъ я узналъ твое имя, а намъ сказано.

— А кто вы таковы? спросилъ Чучковъ.

— Я Иванъ Зарубинъ, а онъ Тимоѳѣй Мясниковъ.

— Государь приказалъ, говорилъ Чучковъ, — чтобы вы его здѣсь подождали, онъ сегодня вечеромъ или завтра рано непремѣнно будетъ.

— Ну, ладно, мы отъѣдемъ здѣсь по рѣчкѣ, уснемъ и коней покормимъ, а ты, пожалуйста, скажи мнѣ, какъ они пріѣдутъ.

Чучковъ обѣщалъ исполнить просьбу, и Зарубинъ съ Мясниковымъ уѣхали въ степь ночевать. На другой день рано утромъ Зарубинъ и Мясниковъ пошли на уметъ узнать не пріѣхалъ ли Пугачевъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Чучковъ; да я не знаю отчего они такъ долго замѣшкались, ужь здоровы-ли?

— Сохрани Господи! проговорили казаки, и рѣшились не оставаться въ уметѣ, чтобы не возбудить подозрѣнія проѣзжающихъ, а уйти въ степь.

— Чѣмъ намъ здѣсь дожидаться, говорилъ Зарубинъ,—лучше поѣздимъ по степи, не попадется ли намъ сайгачишка какой.

Мясниковъ согласился.

— Мы вотъ около этого мѣста будемъ, сказалъ Зарубинъ, указывая рукой,—такъ прибѣги къ намъ, когда они пріѣдутъ.

— Хорошо, поѣзжайте.

Лишь только Зарубинъ и Мясниковъ уѣхали въ степь, какъ на уметъ прискакалъ Денисъ Караваевъ.

— Что, пріѣхали? спросилъ онъ у Чучкова.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ увѣдомь когда пріѣдутъ, — мы будемъ тамъ дожидаться, сказалъ Караваевъ, указывая на другой берегъ р. Таловой.

— А ты съ кѣмъ пріѣхалъ?

— Съ казакомъ Максимомъ Шигаевымъ.

— Здѣсь, братъ, есть еще два казака: Зарубинъ (Чика) и Мясниковъ, они вчера еще пріѣхали и дожидаются ихъ же.

— Гдѣ же они?

— Они хотѣли около тѣхъ мѣстъ дожидаться, и Чучковъ показалъ въ сторону почти противоположную той, гдѣ остановились Шигаевъ и Караваевъ.

— А ты сказалъ имъ про государя?

— Сказалъ.

— Напрасно, пенялъ Караваевъ Чучкову, — такъ теперь не сказывай же, что я здѣсь былъ, и съ этими словами онъ уѣхалъ къ Шигаеву, дожидавшемуся его въ степи, неподалеку отъ умета.

Караваевъ объяснилъ, что самозванца нѣтъ дома и что надо подождать. Въ это самое время они увидѣли приближавшихся къ нимъ двухъ всадниковъ и скоро узнали въ нихъ Чику и Мясникова. Шигаевъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ находился подъ подозрѣніемъ казаковъ войсковой стороны. Принимая участіе въ возмущеніи, бывшемъ въ Яицкомъ-городкѣ, въ январѣ 1772 года, и будучи посланъ войскомъ въ Петербургъ въ числѣ депутатовъ съ челобитною, Шигаевъ одинъ изъ немногихъ былъ, какъ мы видѣли, помилованъ и избавленъ отъ наказанія. Прощеніе ему даровано было за спасеніе Дурново отъ смерти, а казаки полагали, что Шигаевъ избавился отъ наказанія тайнымъ переходомъ съ войсковой стороны на старшинскую. Считая его измѣнникомъ, войсковая сторона смотрѣла на Шигаева подозрительно и непріязненно, и потому, при приближеніи Чики и Мясникова, онъ счелъ лучшимъ не показываться имъ и скрылся въ камышахъ. У телѣги остался одинъ Караваевъ и копошился надъ чѣмъ-то.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? спрашивалъ Чика, здороваясь съ Караваевымъ.

— Пріѣхалъ стрѣлять сайгаковъ, отвѣчалъ спрошенный,—да теперь холодно, такъ остановился, подожду, когда солнце взойдетъ повыше и будетъ теплѣе.

— Съ кѣмъ же ты сюда пріѣхалъ, мы тебя видѣли самъ другъ.

— Со мной ѣхалъ одинъ кизиль-башенинъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Караваевъ; — онъ пошелъ сайгаковъ стрѣлять.

— Полно отъ насъ таиться-то, вѣдь мы знаемъ зачѣмъ вы сюда пріѣхали.

— Ну, зачѣмъ? какъ ты думаешь?

— Полно, братъ, лукавить, вы пріѣхали сюда не сайгаковъ стрѣлять, а смотрѣть государя Петра Ѳедоровича, который, слышно, здѣсь живетъ.

— Полно врать-то, мы этого и не слыхивали, и не знаемъ.

— Не таись, братъ, я знаю все, мнѣ все сказано.

— Ну, это правда, что затѣмъ пріѣхали, только молчи.

— Что молчать! мы и сами затѣмъ же пріѣхали.

— Теперь его здѣсь нѣтъ, подождите немного.

Чика и Мясниковъ опять поѣхали въ степь, а около полудня подъѣхалъ къ умету и Пугачевъ. Онъ пріѣхалъ на одной лошади, на телѣгѣ безъ кибитки, и уметчика съ нимъ не было.

— Гдѣ же «Еремина курица»? спросилъ Чучковъ.

— «Курицу» мечетные мужики поймали, отвѣчалъ Пугачевъ,—да и хохолъ чай ужь ей ощипали; я едва самъ убрался на этой лошаденкѣ, а другую не успѣлъ захватить... Былъ-ли здѣсь кто изъ Яицкаго войска?

— Есть четыре человѣка, двое тамъ: Чика (Зарубинъ) и Мясниковъ, а двое тутъ: Шигаевъ и Караваевъ, отвѣчалъ Чучковъ, показывая рукою въ разныя стороны. — Только Караваевъ пенялъ, что я про васъ сказалъ Чикѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, напрасно ты сказывалъ, и если онъ придетъ опять, то про меня не сказывай.

Взобравшись на крышу сарая, Чучковъ сталъ махать шапкою, что увидя Караваевъ сѣлъ верхомъ и пріѣхалъ въ уметъ. Онъ просилъ Пугачева отправиться къ нему въ станъ и когда тотъ согласился, то посадилъ его на свою лошадь, указалъ дорогу къ Шигаеву, а самъ пошелъ пѣшкомъ.

Пріѣхавъ къ Шигаеву, Пугачевъ слѣзъ съ лошади и поклонился. Одѣтый въ простой мужицкій армякъ и въ толстую холстинную рубашку, онъ имѣлъ на головѣ небольшую суконную шапку и своимъ видомъ возбудилъ въ Шигаевѣ предположеніе,

что Караваевъ прислалъ къ нему мужичка съ какою-нибудь вѣстью. На поклонъ Пугачева Шигаевъ отвѣчалъ тѣмъ же и сѣлъ съ нимъ на траву, но въ это время подошелъ Караваевъ.

— Вотъ нашъ батюшка, сказалъ онъ, обращаясь къ Шигаеву и указывая на Пугачева.

Шигаевъ вскочилъ, оробѣлъ и не зналъ, вѣрить-ли тому, что слышалъ и видѣлъ, или не вѣрить. Когда прошелъ первый страхъ, онъ низко поклонился незнакомцу и сталъ извиняться, что по незнанію обошелся съ нимъ такъ просто.

— Ничего, ничего, ободрялъ его Пугачевъ; — ну, какъ вы, други мои, нынѣ поживаете, я слышалъ, что вы, бѣдные, въ конецъ разорены; разскажите-ка, чѣмъ рѣшилась ваша тяжба?

— Рѣшилась, батюшка, тѣмъ, отвѣчалъ Шигаевъ, — что изъ насъ человѣкъ со сто пересѣчены кнутомъ и плетьми, и разосланы въ ссылку, а нѣкоторымъ вырваны и ноздри, но, слава Богу, я съ четырьмя человѣками, бывшими въ Петербургѣ челобитчиками, отъ милостивой государыни помилованы и остались безъ наказанія.

— Какъ же быть-то, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ, — потерпите, я вотъ и самъ двѣнадцать лѣтъ шатался по свѣту и терпѣлъ много нужды, былъ холоденъ и голоденъ, и мало-ли гдѣ я былъ: въ Царьградѣ, во Іерусалимѣ, въ Некрасовщинѣ, въ Польшѣ и на Дону.

— Ахъ! батюшка, сказалъ Пугачеву Шигаевъ, указывая на приближавшихся Чику и Мясникова,—я боюсь этого вора, Чику, онъ у насъ человѣкъ причинный, того и гляди, что разболтаетъ: дѣла мы не сдѣлаемъ, а хлопотъ наведемъ, такъ не лучше-ли намъ спрятаться отъ него въ кусты?

Пугачевъ, конечно, тотчасъ же согласился и они, отойдя саженъ пятьдесятъ отъ своего стана, скрылись въ камышахъ. Караваевъ опять остался одинъ у телѣги и сталъ прятать арбузы и яблоки, выложенные для угощенія самозванца на постланный на травѣ вмѣсто скатерти платокъ.

— Гдѣ же государь? спрашивалъ Чика;—намъ сказали, что онъ у васъ.

— Здѣсь нѣтъ, надо спросить на уметѣ, отвѣчалъ Караваевъ.

Чика отправился на уметъ, но тамъ ему сказали, что Пугачевъ точно уѣхалъ съ Караваевымъ.

— Вотъ, бездѣльники, ворчалъ Чика,—не скажутъ правду, а ты взадъ и впередъ ѣзди. Чего вы таитесь отъ меня, я буду здѣсь ожидать до ночи и отсюда не поѣду, пока не увижу.

— Слушай, Чика, говорилъ Караваевъ, буде правду сказать, такъ мы тебя опасаемся; побожись, что ты ничего дурного съ нами не сдѣлаешь, такъ мы тебѣ его покажемъ.

Чика побожился.

— Ну, слѣзай съ лошади, говорилъ Караваевъ, — да привяжи ее.

Чика слѣзъ, а Караваевъ досталъ образъ и поставилъ его на телѣгѣ.

— Помолись-ка, братъ, Богу, говорилъ Караваевъ,—да поклянись предъ образомъ, чтобы никому объ этомъ не сказывать, а безъ этого я тебѣ мало вѣрю.

Зарубинъ (Чика), а за нимъ и Мясниковъ поклялись, что все будетъ сохранено ими въ совершенной тайнѣ, и тогда Караваевъ закричалъ: «Максимъ, выходи». Шигаевъ и Пугачевъ вышли изъ камышей.

— Здравствуйте, войско Яицкое, привѣтствовалъ Пугачевъ прибывшихъ; — доселѣ отцы ваши и дѣды въ Москву и Петербургъ къ монархамъ ѣзжали, а нынѣ монархъ къ вамъ самъ пріѣхалъ.

Прижавшіеся къ телѣгѣ Мясниковъ и Чика низко поклонились Пугачеву.

— Не кланяйтесь, дѣтушки, а заступитесь за меня. Вы пришли сюда, чтобы видѣть государя Петра Ѳедоровича, а я и есть тотъ, кого вы ищите, и теперь своими глазами видите. По ненависти бояръ я лишенъ былъ царства, долго странствовалъ, а теперь хочу попрежнему вступить на престолъ: примете ли вы меня къ себѣ и возьмете ли на свои руки?

— Рады, батюшка, тебѣ служить, отвѣчали казаки.

Караваевъ разостлалъ на землѣ платокъ, досталъ изъ телѣги арбузы, и всѣ присутствующіе принялись за трапезу. Пугачевъ

сидѣлъ на травѣ, возлѣ него стоялъ Шигаевъ, Караваевъ занимался угощеніемъ, а Чика и Мясниковъ, не смѣя сѣсть въ присутствіи государя, зашли по другую сторону телѣги и присѣли на колесо. Къ этому обществу присоединился и Аѳанасій Чучковъ, пришедшій изъ умета.

— Такъ-то, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,— еще Богъ велѣлъ по двѣнадцатилѣтнемъ странствованіи свидѣться съ вами: много претерпѣлъ я въ это время бѣдности...

— Ну что, батюшка, о прошедшемъ много разговаривать, перебилъ Караваевъ, — предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

— Рабъ ты мой, а повелѣваешь мною, сказалъ смѣло Пугачевъ и посмотрѣлъ сердито на Караваева.

— Батюшка, замѣтилъ Шигаевъ, — наше дѣло казачье, не прогнѣвайся, что мы говорить-то хорошо не умѣемъ.

— Развѣ вы сомнѣваетесь во мнѣ, проговорилъ съ горячностью Пугачевъ и схватилъ ножъ, лежавшій у арбуза, чтобы разрѣзать имъ воротъ рубашки, но Караваевъ остановилъ его.

— Зачѣмъ, батюшка, портить рубашку, сказалъ онъ,—вы бы лучше ее скинули.

Предложеніе это взволновало Пугачева на столько, что онъ измѣнился въ лицѣ; ему не хотѣлось показывать казакамъ свою битую спину.

— Нѣтъ, сказалъ онъ строго,—не подобаетъ вамъ, простымъ людямъ, видѣть все мое тѣло, и разрѣзавъ воротъ рубашки обнажилъ свою грудь.

— Кто же изъ васъ знаетъ царскіе знаки? спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Мы не знаемъ, надежа-государь, послышались голоса, — наше дѣло казачье и мы никогда ихъ не видывали.

— Такъ вотъ знайте же! и онъ указалъ на свою грудь.

На груди на лѣвой сторонѣ было два пятна отъ заросшихъ ранъ, да на правой одно. Знаки эти подѣйствовали на казаковъ, а Мясникова «такой страхъ обуялъ, что ноги и руки затряслись». Одинъ только Зарубинъ сохранилъ сомнѣніе. «Видя Пугачева, показывалъ онъ впослѣдствіи, думалъ я и разсуждалъ самъ съ со-

бою, что ему государемъ быть нельзя, а какой-нибудь простой человѣкъ, а притомъ замѣчалъ на немъ примѣты, сказанныя отъ Харчева, то хотя и находилъ оныя по словамъ сходными, но думалъ, что это только потому, что Харчеву онъ, конечно, знакомъ». Сомнѣніе Зарубина было на столько сильно, что онъ рѣшился въ присутствіи Пугачева разъяснить себѣ недоразумѣніе.

— Какъ же на немъ платье казацкое? спрашивалъ Зарубинъ Караваева;—онъ съ бородою и остриженъ по-казацки.

— Онъ нарочно такъ себя прикрываетъ, отвѣчалъ улыбаясь Караваевъ, — чтобъ его не признали; нарочно и бороду отростилъ.

Ободренный словами Караваева, Пугачевъ рѣшился выдержать свою роль до конца.

— Такъ вотъ, други мои, говорилъ онъ, — видывали ли вы когда-нибудь знаки на простыхъ людяхъ.

— Нѣтъ, надежа-государь, не видывали, отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте, друзья мои, какъ царей узнаютъ, говорилъ Пугачевъ, отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но какой былъ именно знакъ разглядѣть не могли.

— Что это тамъ, батюшка, спрашивалъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ что ли?

— Нѣтъ, другъ мой; отвѣчалъ Пугачевъ,—это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ родятся, или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается?

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ-бы оробѣли и не посмѣли болѣе никакихъ вопросовъ ему дѣлать.

— Теперь вѣримъ, говорили они,—и признаемъ въ васъ великаго государя Петра Ѳедоровича.

— Ну, когда признаете меня за государя, такъ обѣщайтесь за все Яицкое войско мнѣ не измѣнять и никому въ руки живаго не отдавать. Напротивъ того, и я дамъ клятву любить васъ и жаловать. Сберегите меня, дѣтушки. Если Господь допуститъ меня въ свое мѣсто (на царство), такъ я васъ не забуду и буду

жаловать какъ первые монархи. Я самъ вижу, что вы, бѣдные, обижены и разорены, потерпите до времени.

— Хотя мы всѣ, казаки, пропадемъ, отвѣчалъ Шигаевъ,—но васъ, батюшка, не выдадимъ, а буде не удастся, такъ выведемъ тебя на степь и пустимъ, а въ руки не отдадимъ.

— Ну, друзья, не забудьте же своего слова и будьте мнѣ вѣрны.

— Надѣйтесь на насъ, батюшка, крѣпко, говорили казаки:— мы васъ не выдадимъ.

— Теперь мнѣ надобно двоихъ изъ васъ послать въ городокъ для приготовленія хорунговъ (знаменъ), и для меня одежи, а двое останьтесь при мнѣ и сберегите меня до времени въ безопасномъ мѣстѣ.

Пугачевъ избралъ для посылки въ городокъ Чику и Мясникова, какъ людей проворныхъ.

— Мнѣ, надежа-государь, Яицкое войско не повѣритъ, говорилъ Чика;—нечего таиться, надо правду сказать, я у войска причинный человѣкъ, не одинъ разъ сѣченъ, а позвольте послать лучше Шигаева и Караваева, имъ войско повѣритъ; а я, батюшка, возьму тебя на свои руки и не опасайтесь ничего, я всѣ здѣшнія мѣста знаю. Вѣдь я сюда для того пріѣхалъ, чтобы за тобою слѣдовать.

Шигаевъ также отказывался отъ приготовленія знаменъ и предлагалъ взять самозванца на свои руки.

— Я, надежа-государь, сохраню васъ въ своемъ зимовьѣ, говорилъ онъ.

— Къ тебѣ на хуторъ много людей ѣздитъ, замѣтилъ Чика, — такъ того и смотри опознаютъ, а лучше я возьму его на свои руки.

Пугачевъ, такъ опасавшійся многолюдства, тотчасъ же принялъ сторону Зарубина.

— Нѣтъ, чадо мое, сказалъ онъ Шигаеву, — поѣзжай-ка ты съ Караваевымъ въ городокъ и исправьте все, что я говорилъ, а Чику и Мясникова я оставлю при себѣ, они повѣстятъ васъ о мѣстѣ, куда войску собираться.

Шигаевъ принужденъ былъ повиноваться.

— Возьми хоть ты, сказалъ онъ Чикѣ, — все равно, только надо сберечь... Куда же вы повезете его?

— У насъ уже мѣсто приготовлено, отвѣчалъ Чика, и обратившись къ Пугачеву спросилъ:—есть ли у него лошадь?

— Лошадь-то есть, отвѣчалъ Пугачевъ,—да не ходитъ подъ сѣдломъ.

— Какъ ей не ходить, у насъ пойдетъ.

— У меня и сѣдла-то нѣтъ.

— Такъ дай ты мнѣ свое сѣдло, говорилъ Чика, обратившись къ Шигаеву,—я привезу его тебѣ домой.

Шигаевъ далъ сѣдло, и Пугачевъ съ первыми пособниками разошлись въ разныя стороны: Шигаевъ и Караваевъ поѣхали въ Яицкій-городокъ, а Пугачевъ, Зарубинъ (Чика), Мясниковъ и Чучковъ пошли въ уметъ, гдѣ самозванецъ приказалъ Чучкову запречь Еремину лошадь и вмѣстѣ съ двумя его товарищами крестьянами ѣхать слѣдомъ за Шигаевымъ и Караваевымъ и пробираться на Узени.

— Вамъ уже не мѣсто здѣсь оставаться, говорилъ Пугачевъ,— теперь того и смотри что изъ Мечетной слободы нагрянетъ сюда команда.

Чтобъ избѣжать погони, самозванецъ приказалъ малолѣтнему племяннику «Ереминой курицы» взлѣзть на сарай и смотрѣть, не покажется ли вдали какая команда, но въ степи никого не было видно и временные обитатели умета спокойно собрались въ путь, забрали бо́льшую часть имущества «Ереминой курицы» и, оставивъ на произволъ судьбы малолѣтняго племянника уметчика, уѣхали по дорогѣ къ Яицкому-городку. Впереди всѣхъ ѣхали Караваевъ съ Шигаевымъ, за ними Чучковъ съ товарищами, а далеко назади верхомъ Пугачевъ, Чика и Мясниковъ.

Отъѣхавъ на довольно значительное разстояніе отъ Таловаго умета, Караваевъ и Шигаевъ замѣтили вдали по дорогѣ небольшую казачью команду, человѣкъ въ 12, ѣхавшую имъ на встрѣчу. Они тотчасъ же остановились, выпрягли лошадь изъ телѣги и пустили ее на траву, а сами подъ видомъ охотниковъ стали ползать по землѣ, какъ будто за сайгаками, которые тогда стадами ходили по степи.

— Ба! Караваевъ, и ты нынѣ въ гулебщикахъ (охотникахъ), кричали казаки, поровнявшись съ ними.

— Какъ-же, отвѣчалъ Караваевъ,—и мнѣ вѣдь дичинки хочется. А вы куда собрались?

— Мы ѣдемъ въ Малыковку, сказываютъ, что тамъ нашего казака захватили, такъ комендантъ послалъ насъ за нимъ.

Оглянувшись назадъ вслѣдъ за проѣхавшими казаками, Чучковъ не замѣтилъ уже на дорогѣ ни Пугачева, ни его двухъ спутниковъ. Избѣгая встрѣчи, они повернули въ степь и направились прямо на казачій уметъ, гдѣ къ вечеру собрались Караваевъ, Шигаевъ и Чучковъ съ товарищами. Покормивъ немного лошадей и поужинавъ вмѣстѣ, Шигаевъ съ Караваевымъ отправились далѣе, а остальные остались ночевать. Предъ отъѣздомъ Шигаевъ спросилъ Чику: куда онъ повезетъ самозванца.

— Куда глаза глядятъ, отвѣчалъ тотъ, скрывая указанное ему мѣсто;—я и самъ не знаю куда, буду искать гдѣ способно; и мы дадимъ вѣсть гдѣ будемъ.

Проснувшись до свѣта, Пугачевъ съ бывшими при немъ спутниками оставили казачій уметъ и поѣхали по дорогѣ до рѣки Деркулы; переѣхавъ ее въ бродъ, Чика указалъ Чучкову и его товарищамъ путь на Узени и приказалъ имъ туда ѣхать [1]).

— Поѣзжайте вы на рѣку Узень, говорилъ онъ имъ, — тамъ сыщите старика Дмитрія Ильина и дожидайтесь насъ.

— Помилуйте, говорилъ Чучковъ,—куда вы насъ посылаете, мы не знаемъ дороги, да и что̀ мы будемъ тамъ пить и ѣсть.

— Этою дорогой вы прямо пріѣдете на Узени, сыщите тамъ хлѣбъ у стариковъ и найдется много людей, которые васъ примутъ. Не опасайтесь ничего, мы къ вамъ дней чрезъ четырнадцать, а если пойдетъ все благополучно, то конечно и чрезъ двѣнадцать будемъ, всѣхъ васъ оттуда возьмемъ, приведемъ лошадей и пой-

---

[1]) Названіе Узени, показывалъ впослѣдствіи Твороговъ, произошло отъ двухъ узкихъ, но глубокихъ рѣчекъ, близко одна отъ другой отстоящихъ. Хотя полоса земли между ними была очень небольшая, «но мѣстами много есть острововъ, преглухимъ камышомъ произрастаемыхъ, такъ что сіи мѣста почитаются непроходимыми и способнѣйшими къ укрытію бѣглецамъ». Госуд. Арх., VI, д. № 505.

демъ мы со славою подъ Яицкій-городокъ, подъ видомъ будто бы снизу съ донскимъ войскомъ.

Чучковъ успокоился и вмѣстѣ съ товарищами отправился на Узени, а Пугачевъ, Чика и Мясниковъ черезъ сыртъ, степью, стали пробираться къ Кожевниковымъ хуторамъ [1]).

Пугачевъ ѣхалъ по незнакомой ему дорогѣ и не зналъ что̀ будетъ впереди. Отдавшись въ руки казаковъ и не имѣя никакого выхода кромѣ бѣгства, онъ долженъ былъ подчиниться ихъ волѣ и стать въ зависимое положеніе. Изъ числа двухъ сопровождавшихъ его, Чика выразилъ уже сомнѣніе въ подлинности принятаго Пугачевымъ на себя званія, а что̀ скажутъ остальные казаки? думалъ Пугачевъ, примутъ-ли его какъ государя, или-же ожидаетъ его опять тюрьма и наказаніе, болѣе строгое чѣмъ за первое преступленіе? Всѣ эти вопросы толпились въ головѣ Пугачева и заставляли его исподоволь и окольными путями разъяснять свое положеніе и по возможности убѣждать казаковъ въ томъ, что онъ истинный государь.

— Вашъ старшина Иванъ Окутинъ долженъ меня знать, говорилъ Пугачевъ, стараясь дорогой убѣдить Чику; — онъ, я чаю, не забылъ, какъ я жаловалъ его ковшомъ и саблей. Только, братцы, какъ вы думаете, согласны-ли будутъ принять меня къ себѣ ваши казаки?

— Не знаемъ, ваше величество, примутъ-ли, отвѣчали спутники,—однако мы всячески постараемся преклонить ихъ на свою сторону.

— Дѣдъ мой, покойный императоръ Петръ I, въ чужихъ земляхъ странствовалъ семь лѣтъ, а меня Богъ привелъ пострaнствовать двѣнадцать.

Казаки молчали и Пугачевъ, не получивъ опредѣленнаго отвѣта, остался въ сомнѣніи о будущемъ.

Не доѣзжая верстъ двухъ до Кожевниковыхъ хуторовъ путники остановились въ лощинѣ, и Чика отправился впередъ, чтобы переговорить съ хозяевами. Спустя часъ онъ возвратился, объявивъ,

[1]) Хутора эти находились на рѣкѣ Маломъ Чаганѣ, въ тридцатипяти вертсахъ отъ Яицкаго-городка, верстахъ въ пятнадцати отъ р. Усихи и въ четырехъ верстахъ отъ Чаганскаго форпоста.

что дѣло сдѣлано, но какъ было еще совершенно свѣтло, то, опасаясь, чтобы кто изъ постороннихъ не примѣтилъ ихъ пріѣзда и не явилось какого подозрѣнія, Пугачевъ и его товарищи оставались въ лощинѣ пока смерклось, и затѣмъ отправились на хуторъ [1]).

Саженяхъ въ пятидесяти отъ дома встрѣтилъ гостей старшій братъ Кожевниковыхъ, Андрей, и поклонился.

— Милости прошу, сказалъ онъ, — только опасаюсь я, чтобы не провѣдали.

Прибывшіе слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ. Подходя къ хуторамъ они были замѣчены издали младшимъ братомъ Кожевникова, Михаиломъ, сидѣвшимъ на лавочкѣ съ старикомъ, отставнымъ казакомъ Романомъ Шаварновскимъ, жившимъ по бѣдности въ ихъ хуторѣ въ особой избѣ.

— Куда это братъ ходилъ? спросилъ Михайло старика Шаварновскаго.

— Ты знаешь, отвѣчалъ спрошенный,—вѣдь государь Петръ Ѳедоровичъ проявился; къ намъ давеча Чика пріѣзжалъ и объ этомъ сказывалъ, да и хотѣлъ его сюда привезти, чай и братъ твой съ ними.

Услышавъ это Михайло удивился и «оробѣлъ», а между тѣмъ гости подошли, и онъ увидѣлъ незнакомаго ему человѣка въ верблюжьемъ армякѣ и въ крестьянской толстой рубашкѣ, «походившаго во всемъ на русскаго мужика». Поздоровавшись съ Чикою и Мясниковымъ, Михайло Кожевниковъ спросилъ куда они ѣдутъ?

— Мы пріѣхали къ тебѣ ночевать, отвѣчалъ Чика, — и привезли гостя, радъ-ли?

— Милости прошу, какъ не радъ, проговорилъ растерявшійся Михаилъ Кожевниковъ;—а что онъ за человѣкъ?

— Это нашъ батюшка, государь Петръ Ѳедоровичъ.

Михайло Кожевниковъ остолбенѣлъ и, не говоря ни слова, смотрѣлъ только на самозванца. Шаварновскій, видя что Михайло

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показанія: Мясникова 9 мая и 16 іюня, Шигаева 8 мая и 4 іюня, Зарубина (Чика), Чучкова 6 іюня и 17 ноября и Караваева 17 ноября. Государ. Арх., VI, д. №№ 422, 506 и 512.

измѣнился въ лицѣ и не привѣтствуетъ гостя, принялъ на себя обязанности хозяина.

— Милости просимъ, говорилъ онъ кланяясь,—мы всегда рады такому дорогому гостю.

— Воля ваша, господа, говорилъ испуганный Мнхайло, — я боюсь такого гостя къ себѣ принять, потому что ко мнѣ многіе изъ городка заѣзжаютъ, да и родственники часто ѣздятъ, такъ чтобы не получить какой бѣды. Вотъ развѣ онъ, прибавилъ Михайло, указывая на Шаварновскаго, — къ себѣ приметъ, такъ я радъ..... милости просимъ.

— Отчего же такого гостя и не принять, отвѣчалъ старикъ,— я съ радостію приму, и пригласилъ всѣхъ въ свой домъ.

Безмолвный свидѣтель происходившей сцены, Пугачевъ, съ достоинствомъ и самоувѣренностью вошелъ въ избу Шаварновскаго, но рѣшилъ недолго оставаться на хуторѣ Кожевниковыхъ, гдѣ съ такимъ недовѣріемъ отнеслись къ его происхожденію. Онъ внимательно присматривался ко всему, вслушивался въ разговоры и намѣренъ былъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ убѣдить присутствующихъ, что онъ подлинный государь. Случай этотъ скоро представился. Убѣждаемый Чикою и Мясниковымъ, Михайло Кожевниковъ пришелъ въ сомнѣніе: правда-ли, что Петръ III умеръ.

— Правда, о государѣ были публикованы указы, что онъ умеръ, говорилъ въ раздумьѣ Михайло, — а прошлаго года былъ слухъ, будто бы онъ, батюшка, проявился въ Царицынѣ, но сказываютъ что тамъ запытанъ.

Пугачевъ ухватился за послѣднія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои, говорилъ онъ, — все это вамъ сказано напрасно, я, видите, живъ.

Онъ разсказалъ, что былъ схваченъ въ Ораніенбаумѣ, посаженъ въ тюрьму, но караульный офицеръ Масловъ, ему покровительствовавшій, освободилъ его и онъ уѣхалъ странствовать въ чужія земли. Пугачевъ говорилъ, что возвратившись на Донъ онъ былъ узнанъ, схваченъ съ нѣкоторыми казаками и отвезенъ въ Царицынъ, но при помощи тѣхъ же донскихъ казаковъ успѣлъ бѣжать на Иргизъ, откуда пріѣзжалъ въ прошломъ году на Яикъ и при возвращеніи на Иргизъ былъ снова открытъ, арестованъ и

отвезенъ въ Казань. Онъ не скрылъ отъ казаковъ подробностей своего бѣгства съ Дружининымъ и своихъ похожденій съ «Ереминою курицей».

— Хотя въ писаніи и сказано, заключилъ онъ свою рѣчь,— чтобы мнѣ еще съ годъ не являться, но я принужденъ явиться нынѣ для того, что не увижу какъ васъ всѣхъ у меня растащатъ. Вы держитесь за мою правую полу и если не отстанете, то будете люди и станете жить попрежнему. Если нынѣ меня не примете, я себѣ найду мѣсто, а вы тогда уже на меня не пеняйте. Когда хотите, то нынѣ помогите, я подлинный государь Петръ III.

Поужинавъ у Шаварновскаго, Михайло Кожевниковъ мигнулъ Чикѣ и они вышли изъ избы.

— Скажи, пожалуйста, какимъ способомъ вы его обрѣли? спрашивалъ Кожевниковъ.

— Не мы сперва нашли, отвѣтилъ Чика, — а Караваевъ сыскалъ.

— Что же вы съ нимъ намѣрены дѣлать?

— А намѣрены ѣхать въ войско и объявить о немъ.

Возвратившись въ комнату, Чика высказалъ желаніе ѣхать въ Яицкій-городокъ.

— Я, ваше величество, сказалъ онъ,—поѣду теперь къ войску.

— Хорошо, поѣзжай, но объявляй надежнымъ людямъ. Сроку я даю тебѣ только три дня, а потомъ пріѣзжай сюда и увѣдомь что станутъ говорить, а я буду тебя здѣсь дожидаться. Никому не сказывай, что я здѣсь, а буде увидишь, что согласны будутъ, такъ послѣ можно назначить мѣсто гдѣ собираться.

На другой день рано утромъ Пугачевъ призвалъ къ себѣ Мясникова, приказалъ ему также ѣхать въ городокъ купить красной козловой кожи и сшить для него сапоги, подушку на сѣдло и наметъ вмѣсто потника, на что и далъ ему два серебряныхъ рубля. Мясникову поручено было отыскать писаря и разрѣшено объявлять кому слѣдуетъ о появленіи государя Петра Ѳедоровича, но о мѣстѣ гдѣ онъ находится никому не говорить.

Съ отъѣздомъ Чики и Мясникова въ городокъ, Пугачевъ остался подъ охраной новыхъ лицъ и исключительно старика Шаварновскаго, запершагося съ самозванцемъ въ избѣ и допускав-

шаго къ нему лишь немногихъ имъ избранныхъ. Старый казакъ не показалъ Пугачева даже и младшему брату Кожевниковыхъ, Степану, опасаясь чтобы тотъ не проговорился, такъ какъ вообще братья Кожевниковы относились къ Пугачеву съ крайнею недовѣрчивостью. Андрей Кожевниковъ хотя и поручилъ Зарубину (Чикѣ) везти самозванца прямо въ Таловой къ себѣ на хуторъ, но когда увидѣлъ гостя, то сразу понялъ, что это не государь, а лицо подставное. Онъ все время молчалъ, не принималъ участія въ разговорѣ и на другой день уѣхалъ въ городокъ. Тамъ онъ жаловался Шигаеву на своевольный будто бы поступокъ Зарубина (Чики).

— Какъ намъ быть, Максимъ Григорьевичъ, говорилъ онъ,— воръ Чика навязалъ намъ на шею такую бѣду, что мы не знаемъ что̀ и дѣлать.

— Что̀ за бѣда? спросилъ Шигаевъ, какъ будто ничего не знавшій.

— Да какъ же, привелъ къ намъ того человѣка, котораго ты съ нимъ на Таловой видѣлъ.

— Какъ же это? зачѣмъ онъ къ вамъ его привелъ, вѣдь онъ взялъ его на свои руки.

— Вотъ ты и говори!

— Смотрите, братцы, берегитесь! не лучше-ли вамъ отъ себя его выслать.

— Видно придется.

Спустя нѣсколько дней Шигаевъ зашелъ къ свояку Кожевникова, казаку Ивану Харчову.

— У меня былъ твой свояк̀ъ, Андрей Кожевниковъ, говорилъ Шигаевъ;—онъ что-то печаленъ мнѣ показался.

— Какъ, братъ, не печалиться, ты развѣ не слыхалъ, что̀ Чика съ нимъ сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Такъ я тебѣ скажу. Привезъ воръ откуда-то къ нимъ въ хуторъ какого-то человѣка, да и говоритъ, что это царь Петръ Ѳедоровичъ; ну, подумай, не бѣда-ли это имъ?

— Да, правда, не очень-то хорошо, отвѣчалъ Шигаевъ.

Съ другой стороны, оставшійся на хуторѣ братъ Андрея Ко-

жевникова, Михайло, также тяготился первое время присутствіемъ Пугачева.

— Вотъ, Василій, говорилъ Михайло Кожевниковъ казаку Коновалову, встрѣтившись съ нимъ на сѣнокосѣ, — мнѣ послалъ Господь такого гостя, что и самъ я не радъ.

— Что-бъ это за гость такой былъ?

— Страшно, братъ, и сказать-то, онъ называетъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Откуда же онъ взялся?

— Его привезли ко мнѣ вечоръ Чика и Мясниковъ, и Чика поѣхалъ въ городокъ объявлять о немъ въ войскѣ.

— Ну, братъ, это дѣло на шутку не походитъ, надо и мнѣ къ нему съѣздить.

Въ ближайшій затѣмъ праздникъ Василій Коноваловъ и его отецъ Семенъ пріѣхали къ Шаварновскому, гдѣ встрѣтили Алексѣя Кочурова, братьевъ Кожевниковыхъ и видѣли самозванца.

— На меня вознегодовали государыня и бояры, оттого я и ушелъ, говорилъ Пугачевъ собравшимся. — Вотъ, дѣтушки, страдаю я 12 лѣтъ, былъ на Дону и въ Россіи во многихъ городахъ, и примѣтилъ, что народъ вездѣ разоренъ и вы терпите много обидъ и налоговъ.

Казаки поддакивали Пугачеву и жаловались ему на свое печальное положеніе.

— Слышалъ я объ этомъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — слышалъ. Когда настоящаго пастыря не станетъ, народъ всегда пропадаетъ.

Побесѣдовавъ въ такомъ родѣ съ Пугачевымъ, казаки разъѣхались по домамъ съ убѣжденіемъ, что онъ истинный государь, явившійся для ихъ спасенія, и стали разглашать о немъ по хуторамъ и зимовьямъ [1].....

---

[1]) Показанія казаковъ: Михайлы Кожевникова, Зарубина (Чики), Андрея Кожевникова, Тимоѳѣя Мясникова, Максима Шигаева и крестьянина Аѳанасія Чучкова. Государств. Архивъ, VI, дд. №№ 467, 505, 506 и 512. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 512.

X.

Знали-ли яицкіе казаки, что Пугачевъ самозванецъ. — Разговоръ Чики съ Караваевымъ. — Поѣздка на рѣку Усиху. — Признаніе Пугачева. — Жизнь на Усихѣ. — Первый тостъ за государя Петра III. — На чье содѣйствіе разсчитывалъ Пугачевъ.

Оставивъ Пугачева на хуторѣ Кожевниковыхъ и уѣзжая въ Яицкій-городокъ, Зарубинъ (Чика) былъ въ большомъ сомнѣніи относительно личности самозванца. Молчаливое поведеніе Андрея Кожевникова при встрѣчѣ государя и подозрительность брата его Михайлы, наводили на мысль и Чику, что дѣло нечисто, что тутъ кроется подлогъ, и онъ, мучимый любопытствомъ, какъ только пріѣхалъ въ городокъ, тотчасъ же отправился къ Караваеву.

— Скажи правду, допытывалъ Чика, — что̀ это за человѣкъ, котораго мы почитаемъ за государя?

— Глупый ты! отвѣчалъ уклончиво Караваевъ, — развѣ не слыхалъ, что давно идетъ молва у насъ въ городѣ, что онъ государь.

— Скажи-ка ты мнѣ правду, откройся, упрашивалъ Чика,— вѣдь я никому не вынесу и отнынѣ дѣло будетъ общее.

Караваевъ молчалъ.

— Ну, что ты, Денисъ, таишь-то отъ меня, приставалъ Зарубинъ, — когда онъ самъ мнѣ открылся, что онъ донской казакъ.

Караваевъ посмотрѣлъ на него вопросительно. «Что злодѣй донской казакъ, намекнулъ онъ наугадъ, показывалъ впослѣдствіи Зарубинъ [1]), потому что за годъ до сего времени былъ у нихъ на Яикѣ слухъ такой, что въ Царицынѣ одинъ донской казакъ также назвался государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и былъ пойманъ, но ушелъ изъ-подъ караула. А потому и думалъ онъ, не тотъ-ли самый и у нихъ явился, ибо онъ о самозванцѣ, по под-

[1]) Государ. Архивъ, VI, д. № 506.

лому его состоянію, усумнился, чтобъ онъ подлинный былъ государь».

— Слушай, Чика, говорилъ Караваевъ,—не сказывай ты ни отцу, ни матери, ни женѣ, ни дѣтямъ, ни постороннимъ людямъ и дай мнѣ въ томъ предъ Богомъ клятву.

Зарубинъ поклялся, что все сказанное ему будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ.

— Пусть это не государь, продолжалъ Караваевъ, — а донской казакъ, но онъ вмѣсто государя за насъ заступитъ, а намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ.

— Ну, ладно, отвѣчалъ Зарубинъ,—такъ тому и быть. Значитъ это всему войсковому народу такъ надобно... Будешь ты сегодня на хуторѣ?

— Нѣтъ, не буду; надо государю одежду припасти.

Не удовлетворивъ вполнѣ своего любопытства и все-таки не зная точно, что̀ за личность, называющая себя государемъ, Зарубинъ ушелъ отъ Караваева, и оставаясь нѣсколько дней въ городкѣ, прислушивался къ ходившимъ по городку толкамъ. Почти всѣ казаки войсковой руки знали о появленіи государя и относились къ этому извѣстію различно: одни хотѣли его принять въ войско и объявить, а другіе опасались, чтобы не вышло чего худого.

— Хорошо, если это подлинный государь, говорили послѣдніе,—а если не подлинный и часть войска его приметъ, а другая не согласится, вѣдь тогда будетъ междоусобная брань, а наши дома отъ мятежа и такъ вверхъ дномъ стали.

Такъ разсуждали казаки различныхъ группъ, и Зарубинъ (Чика), наслушавшись базарныхъ рѣчей, отправился опять на хуторъ Кожевниковыхъ, куда и пріѣхалъ почти одновременно съ Мясниковымъ, привезшимъ Пугачеву сапоги, подушку и наметъ.

— Что вы такъ долго неѣхали? спрашивалъ Пугачевъ.

— Замѣшкались немножко, отвѣчалъ Зарубинъ,—потому что лошадей долго не сыскали.

— Сказывалъ-ли ты кому-нибудь обо мнѣ? спрашивалъ самозванецъ, обратившись къ Мясникову.

— Многимъ надежнымъ людямъ объявлялъ, отвѣчалъ онъ, обманывая Пугачева.

— И я, надежа-государь, вмѣшался Зарубинъ, — многимъ казакамъ, какъ въ городкѣ, такъ и по зимовьямъ (хуторамъ) про васъ разсказывалъ.

— Что-жъ они говорятъ?

— Говорятъ разно: иные вѣрятъ, а иные не вѣрятъ. Я тѣмъ, кои согласны принять васъ, велѣлъ собираться по нашей повѣсткѣ на рѣчку Усиху.

— Хорошо, другъ мой, увидимъ, что будетъ.

— Да и намъ надобно выѣхать туда, говорилъ Зарубинъ,— потому что на хуторѣ жить опасно, того и смотри, что старшинская сторона провѣдаетъ. На Усихѣ же есть одно дерево, съ котораго далеко видѣть можно, и буде въ городкѣ и узнаютъ, что мы тутъ и пошлютъ команду, такъ можно легко убраться.

— Мѣста этого я не знаю, замѣтилъ Пугачевъ, — такъ съѣздимъ посмотрѣть, караулисто-ли оно.

Въ слѣдующую же ночь были осѣдланы четыре лошади, и Пугачевъ съ Чикою и Мясниковымъ отправились на рѣку Усиху [1]), выбрать мѣсто для стана. Четвертая лошадь была взята заводная для Пугачева, «потому, показывалъ Мясниковъ, что онъ хотя и не толстъ, но очень тяжелъ и силенъ, и какъ бы лошадь крѣпка ни была, недолго подъ нимъ бѣжать можетъ». Осмотрѣвъ окрестности рѣчки, Пугачевъ нашелъ, что мѣсто это избрано Чикою весьма удачно и приказалъ Мясникову ѣхать въ городокъ и привести къ себѣ представителей войска, человѣкъ двухъ хорошихъ и пользующихся уваженіемъ.

— Я бы съ ними переговорилъ, добавилъ Пугачевъ, — какъ бы лучше оповѣстить войско, чтобы оно собралось ко мнѣ сюда.

Мясниковъ отправился въ городокъ съ новымъ порученіемъ, а Чика и Пугачевъ, отдохнувъ, должны были ѣхать обратно на хуторъ Кожевниковыхъ. Мучимый любопытствомъ узнать, кто же, въ самомъ дѣлѣ, тотъ человѣкъ, которому они оказываютъ такія почести, Чика, какъ только остался съ глазу на глазъ съ Пу-

---

[1]) Рѣчка Усиха находилась отъ хутора Кожевниковыхъ верстахъ въ двадцати, а отъ Яицкаго-городка верстахъ въ пятидесяти. Мѣсто это было степное, ни лѣсу, ни жилья тутъ не было, а на берегу рѣки стояло одиноко высокое дерево.

гачевымъ, приступилъ прямо къ удовлетворенію своего любопытства.

— Скажи-ка мнѣ, батюшка, обратился Зарубинъ къ Пугачеву,—сущую правду про себя, точный-ли ты государь?

— Точный я вамъ государь, отвѣчалъ Пугачевъ съ неудовольствіемъ и строго посмотрѣлъ на Зарубина, но послѣдній не испугался этого взгляда.

— Насъ, батюшка, здѣсь немного, только двоечка, замѣтилъ Зарубинъ, — а Караваевъ-то мнѣ все разсказалъ о тебѣ, какой ты человѣкъ.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Сказалъ, что ты донской казакъ.

— Врешь, дуракъ, воскликнулъ Пугачевъ.

— Отъ людей-то утаишь, продолжалъ Зарубинъ, — да отъ Бога-то не утаишь... Я Караваеву далъ клятву, чтобъ о томъ никому не сказывать, такъ и тебѣ теперь даю; вѣдь мнѣ большой нужды нѣтъ, донской ты казакъ или нѣтъ, а если мы припяли тебя за государя, значитъ тому такъ и быть.

— Если такъ, то смотри же, держи въ тайнѣ. Я подлинно донской казакъ Емельянъ Ивановъ. Я былъ на Дону и по всѣмъ тамошнимъ городкамъ, вездѣ молва есть, что государь Петръ III живъ и здравствуетъ. Подъ его именемъ я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей у меня будетъ много, а въ Москвѣ войска никакого нѣтъ. Не потаилъ я о себѣ и кто я таковъ, сказывалъ Караваеву, Шигаеву, а также и Пьянову.

Вызвавъ такое признаніе Пугачева, Зарубинъ былъ въ восторгѣ, и при первомъ свиданіи съ Мясниковымъ не утерпѣлъ, чтобы не сообщить ему этой новости [1]).

— Намъ какое дѣло, государь онъ или нѣтъ, отвѣчалъ самонадѣянно Мясниковъ, — мы изъ грязи съумѣемъ сдѣлать князя.

---

[1]) «Все отъ меня злодѣяніе, показывалъ Пугачевъ, произошло чрезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казакъ». Показаніе Пугачева 5 декабря 1774 г. Показаніе Зарубина (Чики). Показаніе Зарубина и Ульянова на очной ставкѣ другъ съ другомъ. Показанія Мясникова 9 мая и 16 іюня. Показаніе Михайлы Кожевникова. Государствен. Арх., VI, д. №№ 422, 505 и 512.

Если онъ не завладѣетъ московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство.

Итакъ, происхожденіе и личность Пугачева для яицкихъ казаковъ не имѣли никакого значенія; имъ необходимъ былъ человѣкъ чужой среды, никому неизвѣстный въ войскѣ, человѣкъ такой, который, воспользовавшись увѣренностью русскаго народа, что Петръ III живъ, провозгласилъ бы себя государемъ и возвратилъ войску Яицкому всѣ его прежнія права, привилегіи и вольность.

«Когда онъ (Пугачевъ) открылся намъ, говорилъ впослѣдствіи Мясниковъ казаку Горшкову [1]), что бѣжалъ изъ Казани и, скитаясь по степямъ, ищетъ укрыться отъ строгихъ поисковъ, — тогда мы, по многимъ совѣтываніямъ и разговорамъ, примѣтили въ немъ проворство и способность. Мы вздумали взять его подъ свое защищеніе и сдѣлать надъ собой властелиномъ и возстановителемъ своихъ притѣсненныхъ и упадшихъ обрядовъ и обычаевъ, которые давно стараются у насъ перемѣнить. Хотя по бывшимъ у насъ на Яикѣ происшествіямъ и принуждены мы были остаться безо всякаго удовлетворенія и, какъ можетъ быть многіе думали, въ спокойномъ духѣ, но искра злобы за такую несправедливость всегда у насъ крылась до тѣхъ поръ, пока изобрѣли удобный случай и время. Итакъ, для сихъ-то самыхъ причинъ вздумали мы принять его покойнымъ государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, дабы онъ возстановилъ прежніе наши обряды, а бояръ, которые больше всего въ семъ дѣлѣ умничаютъ, всѣхъ истребить, надѣясь на то, что сіе наше предпріятіе будетъ подкрѣплено и сила наша умножится отъ черни, которая тоже вся притѣснена и въ конецъ разорена».

Такъ думали главные вожаки и рѣшились не только не выдавать никому признанія Пугачева, а напротивъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что онъ истинный и природный государь. Эти убѣжденія, подкрѣпляемыя тою пользой, которую можетъ извлечь войско отъ принятія къ себѣ государя, были на столько сильны, что многія лица, сначала сторонившіяся, какъ напримѣръ братья Ко-

[1]) Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 421.

жевниковы, примкнули впослѣдствіи къ вожакамъ и явились самыми дѣятельными ихъ пособниками. Тотъ же Харчовъ, который видѣлъ бѣду въ томъ, что Пугачевъ поселился на хуторѣ Кожевниковыхъ, впослѣдствіи самъ явился къ самозванцу съ поклономъ.

Послѣдній, признавшись Зарубину (Чикѣ), поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ обратно къ Кожевниковымъ и на дорогѣ они встрѣтили двухъ казаковъ: Козьму Кочурова и Петра Чапова. Оставивъ Пугачева, Чика поскакалъ, чтобы догнать казаковъ.

— Куда вы? кричалъ имъ Чика.

— Стрѣлять сайгаковъ? а ты куда? Кто съ тобой ѣдетъ?

— Государь Петръ Ѳедоровичъ.

Кочуровъ и Чаповъ остановились въ изумленіи. Зарубинъ (Чика) приказалъ имъ сойти съ лошадей и когда самозванецъ къ нимъ подъѣдетъ, то поклониться ему низко. То и другое приказаніе было исполнено.

— Здравствуйте, говорилъ Пугачевъ,—куда ѣдете?

— Стрѣлять сайгаковъ.

— Нѣтъ, други мои, если вы со мною встрѣтились, то оставайтесь при мнѣ. Я вашъ государь, и смотрите не уходите, а если убѣжите, то я, вступивъ въ городокъ, велю васъ повѣсить; отъ меня вы нигдѣ не укроетесь.

Казаки повиновались и послѣдовали за Пугачевымъ и Чикою, которые, побоявшись ѣхать на хуторъ Кожевникова, остановились ночевать у казака Василія Коновалова.

— Что, Василій Семеновичъ, спрашивалъ Пугачевъ, — не было-ли изъ городка посылки?

— Нѣтъ, все было тихо, отвѣтилъ Коноваловъ и предложилъ пріѣхавшимъ сходить съ нимъ въ баню, случайно въ этотъ день истопленную.

Гости охотно согласились, и, по выходѣ изъ бани, Коноваловъ далъ Пугачеву свою набойчатую рубашку, бумажный пестрый халатъ, а подъ него надѣлъ нагольный тулупъ. Послѣ бани Чика сбѣгалъ къ Кожевниковымъ, выпросилъ у нихъ палатку, а у Коновалова хлѣбъ, котелъ, крупъ и мяса и чуть свѣтъ на слѣдующее утро отправились обратно на Усиху. Съ Пугачевымъ были въ это время: Чика, Сидоръ Кожевниковъ, Василій Коноваловъ,

Алексѣй и Кузьма Кочуровы и Сидоръ Васильевъ. Добравшись до р. Усихи, они разбили тамъ палатку для Пугачева, а сами жили бивакомъ подъ открытымъ небомъ, дней десять.

Въ это время приходили къ Пугачеву съ разныхъ мѣстъ: одни для того, чтобы только посмотрѣть на проявившагося государя, а другіе—чтобы посмотрѣть и оставшись послужить государю, увеличить толпу самозванца. На другой день послѣ пріѣзда на Усиху прибылъ въ станъ Пугачева и Михайло Кожевниковъ.

— Что не пріѣзжали-ли къ тебѣ какіе люди? спрашивалъ самозванецъ съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, батюшка, никто не пріѣзжалъ, отвѣчалъ спрошенный.

Пугачевъ успокоился и былъ особенно доволенъ, когда ему сказали, что изъ городка пріѣхалъ казакъ Иванъ Харчовъ и привезъ съ собою полведра водки.

— Чадо, ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ? спрашивалъ Пугачевъ Харчова.

— Мы слышали о васъ, бстюшка, что вы въ здѣшнихъ мѣстахъ обрѣтаетесь, такъ я пріѣхалъ васъ посмотрѣть.

— Смотрите, дѣтушки, смотрите, я весь тутъ. Если вы меня сбережете, то и я васъ сберегу и не оставлю.

— Если Богъ допуститъ, то мы рады вашему величеству послужить.

Харчовъ предложилъ самозванцу привезенный имъ подарокъ и всѣ стали обѣдать. Началась попойка.

— Здравствуй я, надежа государь! провозгласилъ Пугачевъ, поднимая чарку.

Всѣ выпили за здоровье государя и хотѣли пить за здоровье императрицы.

— Нѣтъ, закричалъ Пугачевъ, — за здоровье ея не пейте, я не велю, а извольте кушать за здоровье Павла Петровича.

Казаки исполнили приказаніе и Пугачевъ, поднявъ чарку, провозгласилъ: «здравствуй наслѣдникъ и государь Павелъ Петровичъ!»

— Охъ! жаль мнѣ Павла Петровича, прибавилъ онъ, утирая какъ бы навернувшіяся на глазахъ слезы.

Казаки смотрѣли на самозванца съ умиленіемъ и вѣрили въ искренность его родительскихъ чувствъ.

Послѣ обѣда и попойки, когда Пугачевъ легъ и притворился спящимъ, Харчовъ отозвалъ въ сторону Михайлу Кожевникова и спросилъ его, замѣтилъ-ли онъ всѣ примѣты государя.

— Я никогда не видывалъ государя, отвѣчалъ Кожевниковъ,— такъ почемъ же мнѣ знать его примѣты.

— Я самъ, братъ, никогда его не видывалъ, но одинъ старикъ, отставной казакъ, мнѣ разсказывалъ, что государь имѣлъ примѣты такія: на одномъ вискѣ пятно отъ золотухи, передняго зуба нѣтъ, на лицѣ есть черныя пятнышки и когда разсмѣется, то одинъ глазъ прищуриваетъ.

Пугачевъ подслушалъ этотъ разговоръ и впослѣдствіи, какъ увидимъ, воспользовался имъ въ свою пользу.

— Если у государя были такія примѣты, замѣтилъ Кожевниковъ,—то онъ очень походитъ на него.

— И мнѣ кажется, отвѣчалъ Харчовъ,—что примѣтами онъ схожъ.

Пугачеву не нужно было болѣе притворяться и онъ сдѣлалъ видъ, что проснулся. Харчовъ сталъ ему откланиваться.

— Смотри же, послужи мнѣ, говорилъ ему самозванецъ, — разсказывай надежнымъ людямъ и выѣзжайте на плавню [1]), а я къ вамъ пріѣду съ тѣми, которые ко мнѣ соберутся.

— Хорошо, надежа-государь, буду о васъ разсказывать.

Харчовъ уѣхалъ и Пугачевъ остался съ Михайломъ Кожевниковымъ.

— Какъ же вы хотите явиться на плавнѣ? спрашивалъ по отъѣздѣ Харчова Михайло Кожевниковъ: — тамъ будутъ атаманъ и казаки съ послушной (старшинской) стороны, такъ, я думаю, васъ принять не согласятся.

— Если они станутъ противиться, отвѣчалъ Пугачевъ,—такъ мы всѣхъ ихъ перевяжемъ и пойдемъ въ городокъ.

— А они дадутъ знать и комендантъ Симоновъ съ регуляр-

---

[1]) Плавня эта обыкновенно начиналась съ 1 октября и продолжалась до конца ноября.

ными войсками и старшинскими казаками не допустятъ васъ до городка.

— Я сначала съ ними обошлюсь: если примутъ, хорошо, а не примутъ, такъ пойду мимо и стану пробираться въ Русь.

— Какъ это? Съ кѣмъ въ Русь идти-то, вѣдь у васъ немного людей будетъ.

— Нѣтъ, я думаю, ко мнѣ много пристанетъ. Если же людей будетъ мало, такъ я опять скроюсь; мнѣ не надлежало еще теперь являться, да не могъ я вытерпѣть притѣсненія народнаго. Во всей Россіи чернь, бѣдная, терпитъ великія обиды и разоренія, для нея-то хочу я теперь показаться, и она вся ко мнѣ пристанетъ. Самъ я царствовать уже не желаю, а возстановлю на царство государя цесаревича и во всѣхъ мѣстахъ поставлю новыхъ судей, такъ какъ у нынѣшнихъ усмотрѣна мною большая неправда [1]).

XI.

Дѣятельность въ Яицкомъ-городкѣ.—Приготовленіе знаменъ.—Посылка депутатовъ на рѣку Усиху. — Необходимость въ бумажномъ человѣкѣ. — Иванъ Почиталинъ, первый секретарь Пугачева. — Пребываніе самозванца на Усихѣ открыто.

По возвращеніи въ городокъ Шигаева и Караваева, партія, посылавшая ихъ на Таловый уметъ, дѣятельно работала въ пользу Пугачева. Старый казакъ Василій Плотниковъ пригласилъ къ себѣ сосѣда, казака Якова Почиталина, чтобы переговорить съ нимъ и посовѣтоваться.

— Что̀ новенькаго? спрашивалъ Почиталинъ.

— Вотъ что̀ я тебѣ скажу, отвѣчалъ Плотниковъ: — у насъ проявляется государь Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ это онъ здѣсь обрѣтается? кто его видѣлъ и гдѣ?

— Онъ, говорятъ, пріѣхалъ на Таловый уметъ изъ Казани,

[1]) Показанія: Зарубина (Чики), Михайлы Кожевникова, Василія Коновалова и Козьмы Кочурова. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 422, 506 и 512. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 512. См. также Архивъ Главнаго Штаба, книга № 1, *Секретныя бумаги и манифесты Пугачева*, листы 66—68.

и сперва увидѣлъ его Григорій Закладновъ, а потомъ ѣздили смотрѣть Денисъ Караваевъ и Максимъ Шигаевъ. Кажется, онъ точный царь, потому что показывалъ имъ царскіе свои знаки, а Караваевъ говоритъ, что видѣлъ у него гербъ на вискѣ подъ волосами. Онъ (Пугачевъ) объявилъ Шигаеву и Караваеву, что пришелъ сюда на отеческую и нашу славу, проситъ Яицкое войско принять его къ себѣ, проводить до Петербурга и возвести на царство попрежнему, а за это обѣщаетъ жаловать войско своими милостями, разобрать бывшія наши со старшинами тяжбы, за всѣ наши обиды и притѣсненія вступиться, виноватыхъ наказать, а насъ наградить. Я присовѣтовалъ Караваеву и Шигаеву, когда они ѣхали къ нему на Таловую, скрыть его, пока войско соберется въ городъ, а когда соберется, то оно и рѣшитъ: принять его или не принять? По тому моему совѣту казаки Чика и Мясниковъ взяли его на свои руки, и теперь не знаю гдѣ онъ находится... Какъ ты думаешь, ладно-ли я сдѣлалъ?

— Это вы очень хорошо сдѣлали, отвѣчалъ Почиталинъ,—да и нельзя иначе, можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ государь, такъ какъ ему откажешь! Видишь какія милости онъ намъ обѣщалъ, а особливо по тяжебному нашему со старшинами дѣлу. Мы и теперь въ конецъ разорены, а не узнаешь еще, что впредь будетъ и *сколько ни проси, видно что всегда мы будемъ виноваты, а не старшины.*

— Я хотѣлъ съ тобою посовѣтоваться, какъ ты думаешь: принять намъ его или нѣтъ?

— Какъ же не принять-то! надо принять.

— Конечно, нельзя отказать, разсуждалъ Плотниковъ, — можетъ онъ и подлинно государь. Хотя, по восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей государыни, и были публикованы указы о кончинѣ государя, но по причинѣ скораго объявленія о его кончинѣ, въ народѣ тогда происходили толки, что онъ живъ...

— Да вотъ и въ третьемъ году, перебилъ Почиталинъ, — помнишь, когда генералъ Фрейманъ къ намъ съ войскомъ вступилъ, базарная рѣчь была, что въ Царицынѣ проявился будто бы государь Петръ Ѳедоровичъ, былъ тамъ пойманъ, содержался въ тюрьмѣ и наконецъ изъ-подъ караула ушелъ.

— Конечно, говорилъ Плотниковъ,—если государь Петръ III подлинно живъ, такъ надобно же ему гдѣ-нибудь проявиться, а когда онъ къ намъ пожаловалъ, такъ чего лучше, пускай войско освидѣтельствуетъ его, и если онъ, батюшка, подлинный, то съ радостію его приметъ.

— Хуже же будетъ, замѣтилъ на это Почиталинъ,—если онъ точный государь и мы ему откажемъ; онъ отшатнется отъ насъ и проявится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Разсуждая такъ, казаки приводили на память всѣ бывшіе о смерти покойнаго государя слухи и напослѣдокъ положили, что надобно сего проявившагося государя неотмѣнно въ войско принять [1]).

— Когда такъ, сказалъ Плотниковъ, — то необходимо какъ можно скорѣе казакамъ нашимъ войсковымъ объявлять и ихъ подговаривать, чтобъ они усовѣтывались всѣмъ войскомъ собраться куда-нибудь въ одно мѣсто. А какъ войско соберется, такъ мы и представимъ его туда, и въ его будетъ разсужденіи: принять-ли или не принять. Мы съ тобою въ Петербургѣ не бывали и государя не видывали, а въ войскѣ много такихъ, которые бывали въ Петербургѣ и опознать государя могутъ. Я уже нѣкоторымъ говорилъ и всѣ согласны на это, да и ты кое-кому разсказывай, только ради Бога берегись, чтобъ изъ старшинской руки кто о томъ не провѣдалъ, а то тогда они насъ тотчасъ же введутъ въ сѣти.

— Безъ сомнѣнія, старшины и ихъ руки казаки, замѣтилъ Почиталинъ, — не согласятся его принять по своей къ намъ ненависти, хотя бы и вся наша войсковая сторона его приняла.

Согласившись поступить такимъ образомъ, Почиталинъ и Плотниковъ положили: «какъ можно сего случая не упускать и дѣлать, что надобно, общимъ стараніемъ, не мѣшкавши, дабы такимъ промедленіемъ не упустить изъ рукъ государя». Не былъ рѣшенъ только вопросъ, гдѣ собраться войску и какимъ способомъ объявить «проявившагося». Встрѣтившись на улицѣ съ ка-

[1]) Показанія казаковъ: Якова Почиталина и Василія Плотникова. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

закомъ Иваномъ Харчовымъ, Плотниковъ спросилъ его, не слыхалъ-ли онъ чего о государѣ.

— Я видѣлъ его, отвѣтилъ Харчовъ,—и мы положили явиться ему на плавню.

Мысль эта понравилась Плотникову и онъ передалъ ее Почиталину.

— Харчовъ мнѣ сказывалъ, говорилъ Плотниковъ, — что казаки полагаютъ явиться государю на плавнѣ. Впрочемъ, надобно было бы спросить объ этомъ его самого, какъ ему угодно: на плавнѣ-ли объявиться, или прямо сюда въ городокъ пріѣхать.

— Правда, отвѣчалъ Почиталинъ,—лучше бы всего на плавнѣ, да только надо объ этомъ подумать и разсудить. Когда мы его на плавнѣ всѣмъ войскомъ примемъ, такъ неужели онъ тамъ на одномъ мѣстѣ и стоять будетъ съ нами до окончанія нашей плавни. Плавня-то долго продолжается, а если онъ поведетъ насъ куда, такъ плавню-то придется оставить, а черезъ то лишимся мы своей прибыли.

— На одномъ мѣстѣ стоять нельзя и плавить рыбу намъ уже будетъ не время, а пойдемъ мы съ нимъ въ городокъ. Да объ этомъ не печалься, онъ нашъ убытокъ наградитъ деньгами, чего же лучше, такъ-ли?

— Это хорошо, и слова объ этомъ больше нѣтъ. А вотъ, когда съ плавни-то въ городъ мы вступимъ, такъ московскаго нашего судью (коменданта, полковника Симонова) мы свяжемъ и отдадимъ въ волю государеву, да и остальныхъ всѣхъ противниковъ отдадимъ въ его же волю, пускай дѣлаетъ съ ними что хочетъ.

Плотниковъ не одобрилъ послѣднихъ словъ Почиталина и вообще былъ противъ звѣрства и насильственныхъ мѣръ. Какъ человѣкъ пожилой, пользовавшійся уваженіемъ среди казаковъ, Плотниковъ былъ средоточіемъ, куда стекались всѣ новости, куда приходили казаки посовѣтоваться. Вскорѣ послѣ пріѣзда съ Таловой, Караваевъ нѣсколько разъ обращался къ Плотникову съ просьбой достать или приготовить знамена для самозванца.

Плотниковъ, не зная откуда ихъ достать, отговаривался, но обстоятельства сложились такъ, что все-таки ему пришлось по-

слать первыя два знамя Пугачеву. Проходя по базару, Плотниковъ встрѣтился съ казакомъ Дроздовымъ, и какъ уже слухъ о томъ, что государь требуетъ знаменъ, распространился по городку, то Дроздовъ, увидя Плотникова, не находилъ ничего лучшаго, какъ ввѣрить ему свою тайну.

— Я слышалъ, Василій Якимычъ, говорилъ Дроздовъ, подходя къ Плотникову,—что вамъ надобны знамена, такъ я ихъ, если хотите, достану.

— Какъ, братецъ, не хотѣть? Достань, пожалуйста, въ нихъ крайняя нужда, государь требуетъ. А гдѣ же ты ихъ достанешь?

— Есть у одного дѣтины оставшіяся еще отъ того времени, какъ войско выходило противъ Фреймана [1]). Они остались тогда у него, но онъ какъ человѣкъ молодой, боится и не знаетъ куда ихъ дѣвать; такъ я ихъ тебѣ принесу.

— Принеси, отвѣчалъ Плотниковъ.

Это были два огромныя войсковыя знамени: одно васильковаго цвѣта, а другое дымчатаго. Не успѣлъ Плотниковъ получить ихъ, какъ къ нему явился Сидоръ Кожевниковъ и объявилъ, что государь проситъ «какъ можно постараться о знаменахъ».

— Да ты, что-ли, повезешь ихъ къ нему? спросилъ Плотниковъ.—У меня есть два старыя войсковыя знамени, а на новыя мы матеріи не сыскали.

— Хорошо, отвѣчалъ Кожевниковъ, — принеси ихъ ко мнѣ, пожалуй, я ихъ отвезу.

Знамена были отвезены къ Пугачеву, но ему показалось, что двухъ мало, и онъ, приказавъ каждое разрѣзать на двѣ части, требовалъ, чтобы сшили еще нѣсколько новыхъ.

— Надобно было бы употребить на это деньги, общія войсковыя, говорилъ Плотниковъ, — да гдѣ ихъ и какъ теперь взять? Видно, что самимъ надо истратиться, это современемъ не пропадетъ.

— Ну, что объ этомъ болтать-то, замѣтилъ Почиталинъ,—безъ чего нельзя обойтись, такъ надо сдѣлать складчину: вотъ тебѣ

---

[1]) Во время бывшаго возмущенія казаки захватили изъ войсковой избы эти знамена, пожалованныя атаманамъ.

моихъ два рубля, приложи своихъ, да еще съ кого знаешь собери, а потомъ на эти деньги и купи что потребно.

Плотниковъ собралъ такимъ путемъ десять рублей [1]) и на вопросъ Почиталина, какъ онъ съ ними распорядится, отвѣчалъ, что будетъ шить знамена.

— Кого же ты за покупкой пошлешь?

— Государь приказалъ купить голи разныхъ цвѣтовъ, отвѣчалъ Плотниковъ, — шелку, галуна, да еще кое-какой мелочи. А пошлю я покупать свою невѣстку, для того, что ея дѣло женское, а буде послать изъ насъ кого-нибудь, такъ пойдетъ дѣло въ огласку и увидя станутъ говорить, на что такія вещи надобны, а къ женщинѣ никто не пристанетъ и привязки не сдѣлаетъ, будто на сарафанъ или на рукава себѣ покупаетъ.

Невѣстка ходила на базаръ, но голи не нашла, и деньги остались у Плотникова.

Между тѣмъ, съ Усихиной розсоши пріѣхалъ Мясниковъ, чтобы разузнать, что дѣлается въ городѣ. Придя въ домъ Почиталина и найдя тамъ Плотникова, Мясниковъ спрашивалъ ихъ, что говоритъ народъ?

— Иные соглашаются, отвѣчали ему, — принять государя, а другіе сумнительны.

Плотниковъ и Почиталинъ совѣтовали Мясникову съѣздить къ государю и попросить его, чтобъ онъ потихоньку пожаловалъ въ городокъ, для того, чтобы можно было показать его тѣмъ, которые сомнѣваются.

— Очень мнѣ нужно, отвѣчалъ Пугачевъ на предложеніе прискакавшаго къ нему Мясникова, — воровски къ нимъ ѣздить, я лучше выѣду на плавню, потому что тутъ все войско будетъ въ сборѣ, и оттуда уже со славой вступлю въ городъ.

Съ такимъ отвѣтомъ Мясниковъ возвратился въ городокъ и объявилъ, что государь приказалъ прислать къ нему отъ войска двухъ казаковъ, старичковъ или середовичей, но только падеж-

---

[1]) Въ числѣ десяти рублей были: Плотникова 2, Почиталина 2, Караваева 2, Егора Павлихина 2, да еще человѣкъ добренькій, говорилъ Плотниковъ, обѣщалъ дать 2 рубля.

ныхъ и хорошихъ, и тогда онъ съ ними посовѣтуется, какъ лучше сдѣлать.

— Мнѣ и Харчовъ, замѣтилъ Плотниковъ,—о такомъ его намѣреніи сказывалъ...

— Такъ это онъ, въ ротъ ему собаку, перебилъ Мясниковъ,— все дѣло наше испортилъ; мы всегда считали лучшимъ, если-бы государь показался въ городѣ и вывелъ изъ сомнѣнія тѣхъ, кои худо вѣрятъ. Однако, кого же вы думаете посылать къ государю?

— Да кого послать, мы и сами не знаемъ. Вѣдь это не шутка, надобно послать надежныхъ людей: развѣ Андрей Овчинниковъ и Данила Побѣдимовъ согласятся къ нему съѣздить?

Избранныя лица согласились было ѣхать, но потомъ отказались: Побѣдимовъ сказалъ, что у него нѣтъ лошади, а Овчинниковъ отговаривался тѣмъ, что ему необходимо быть на свадьбѣ у казака Василія Сидоровкина. Отказъ этотъ поставилъ Плотникова, Почиталина и Мясникова въ затруднительное положеніе, изъ котораго они были выведены пришедшимъ казакомъ Козьмою Фофановымъ.

— Я слышалъ отъ племянника своего, Андрея Овчинникова, говорилъ вошедшій, — что вы хотите послать отъ войска двухъ человѣкъ къ проявившемуся государю и для того нарядили-было Андрея, но онъ просилъ меня, чтобъ я туда вмѣсто его съѣздилъ, и если вы еще никого не послали, такъ пошлите меня, я съ охотой туда поѣду.

— Поѣзжай, Кузьма Ивановичъ, говорили обрадовавшіеся Плотниковъ и Почиталинъ,—съѣзди ты къ государю-то ото всего войска Яицкаго, да и отъ насъ изъяви ему поклонъ. Если онъ станетъ тебя о чемъ спрашивать, такъ изъясни ему и разскажи хорошенько, а особливо о нашемъ житьѣ, какъ мы теперь всѣ разорены и обижены и что недавно нашихъ войсковыхъ старшинъ, сотниковъ и казаковъ многихъ наказывали кнутомъ, ноздри рвали, въ ссылку послали, а многихъ плетьми сѣкли и въ солдаты написали, вотъ какая наша крайность. Попроси ты его, чтобъ онъ заступился за насъ, сиротъ, и защитилъ, а мы, скажи ему, до послѣдней капли крови вѣрные ему слуги, охотно принимаемъ его въ войско, лишь бы онъ насъ не покинулъ. Да спроси его, какъ

онъ прикажетъ намъ видѣться съ нимъ, гдѣ прикажетъ собраться и когда? Всего бы лучше просить его такъ: не можно-ли, батюшка, вашему величеству явиться къ намъ въ войско тогда, когда мы выѣдемъ на плавню; мы васъ тамъ всѣмъ войскомъ примемъ съ радостью.

Получивъ такую инструкцію, Фофановъ подговорилъ ѣхать съ нимъ Дмитрія Лысова (онъ-же Сергѣевъ), но такъ какъ въ глазахъ Пугачева они могли быть *депутатами* отъ всего войска только въ томъ случаѣ, когда ихъ приведетъ Мясниковъ, то Лысовъ отправился къ послѣднему съ заявленіемъ, что и онъ поѣдетъ.

— Что, братъ, спрашивалъ онъ Мясникова, — куда вы государя-то спровадили?

— Я ничего не знаю.

Мясниковъ побоялся сказать Лысову гдѣ находился Пугачевъ потому, что въ бывшіе безпорядки на Яикѣ, въ 1772 году, Лысовъ былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ, но подобно Шигаеву остался безъ наказанія, и казаки подозрѣвали, что онъ передался на сторону старшинъ. Лысовъ былъ человѣкъ пронырливый, смѣтливый и чрезвычайно настойчивый. Онъ долго приставалъ къ Мясникову, чтобы тотъ сказалъ гдѣ государь.

— Ну, на что тебѣ? спросилъ наконецъ Мясниковъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Мнѣ хочется его посмотрѣть.

— Провались ты отъ меня... Пріѣзжай, если хочешь, завтра ко мнѣ въ Сластины зимовья [1]) и дожидайся меня тамъ.

Лысову только это и было надобно. На другой день онъ былъ уже въ Сластиныхъ зимовьяхъ, куда поодиночкѣ, чтобъ отвлечь всякое подозрѣніе, пріѣхали Мясниковъ и Фофановъ. Отсюда всѣ трое поѣхали на Усиху въ станъ Пугачева. При приближеніи ихъ, Чика, завидя издали трехъ всадниковъ и полагая, что это *эртаулы*, то-есть передовые объѣздныхъ командъ, выѣхалъ верхомъ на встрѣчу и сталъ *маячить пикою*, то-есть показывать видъ сопротивленія. Лысовъ для шутки сдѣлалъ то же самое, но Чика

[1]) Зимовья принадлежали Мясникову и были въ десяти верстахъ отъ городка.

скоро узналъ Мясникова, сдѣлалъ на лошади кругъ, а затѣмъ такой же кругъ былъ сдѣланъ и Лысовымъ [1]).

— Ну, рожа, на силу-то тебя принесло, говорилъ Чика, обращаясь къ Лысову.

— А почему мнѣ знать-то, отвѣчалъ онъ, — видишь, вы все секретничаете, а то я бы давно уже пріѣхалъ.

Пугачевъ сидѣлъ у костра, разложеннаго подъ деревомъ, и увидя Мясникова съ двумя казаками, очень обрадовался, предполагая, что прибыли наконецъ представители отъ всего войска. Рѣшившись принять ихъ съ почетомъ и съ нѣкоторою торжественностью, Пугачевъ, лишь только увидѣлъ, что казаки слѣзаютъ съ лошадей, тотчасъ же отправилъ къ нимъ бывшихъ при немъ Василія Коновалова и Сидора Кожевникова.

— Подите, ребята, сказалъ Пугачевъ,—примите отъ стариковъ лошадей.

Хотя Фофановъ и Лысовъ были далеко не старики, но Коноваловъ и Кожевниковъ исполнили приказаніе. Прибывшіе подошли къ самозванцу.

— Здравствуйте, други мои, войско Яицкое, сказалъ онъ.

Лысовъ и Фофановъ низко поклонились Пугачеву и поцѣловали его руку.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? спросилъ самозванецъ.

— Мы пріѣхали, отвѣчалъ Фофановъ,—для отданія вашему величеству поклона и для увѣренія подлинно ли вы здѣсь.

— Благодарствую, что вы меня нашли. Я великій государь Петръ Ѳедоровичъ, пришелъ къ Яицкому войску съ тѣмъ, чтобы вы меня приняли и возвели на царство попрежнему, а я за васъ вступлюсь. Слышалъ я, что вы, бѣдные, разорены.

— Подлинно, батюшка, говорилъ Лысовъ,—мы всѣ обижены и заступиться за насъ некому, не оставь насъ.

— Извольте, други мои, я за васъ вступлюсь, только вы послужите мнѣ, великому государю, вѣрою и правдой.

— Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови.

---

[1]) Дѣлая кругъ казаки показываютъ тѣмъ, что съѣзжаются не враги, а пріятели.

— Что̀ слышно у васъ обо мнѣ въ войскѣ Яицкомъ, хотятъ ли меня принять?

— Говорятъ, ваше величество, разно: иные вѣрятъ, а иные не вѣрятъ: вѣдь вы знаете народную рѣчь; но когда же было, чтобы войско Яицкое васъ не приняло, если вы вступите въ городокъ.

— Я затѣмъ васъ сюда призвалъ, чтобы вы повѣстили войску собраться ко мнѣ сюда. Если бы собралось ко мнѣ сотъ до пяти, такъ я бы вышелъ съ ними на плавню и явился войску тогда, когда оно остановится на первомъ обѣдѣ [1]).

— Врядъ ли, ваше величество, будетъ у насъ плавня; чуть ли не отказана будетъ.

— Ну, такъ что же, тогда я пойду съ ними прямо въ городъ со славой, будто бы съ Донскимъ войскомъ, а не съ Яицкимъ.

— Хорошо, ваше величество, мы будемъ повѣщать объ этомъ войско.

— Мнѣ теперь, други мои, надобенъ письменный человѣкъ, такъ сыщите и пришлите его ко мнѣ.

— Есть у насъ такой на примѣтѣ, отвѣчалъ Фофановъ, — пошлите за нами Мясникова, онъ вамъ его привезетъ.

— Ну, хорошо, поѣзжай съ ними, говорилъ Пугачевъ, обращаясь къ Мясникову,—и привези мнѣ грамотѣя, а вы повѣщайте въ войскѣ надежнымъ людямъ, чтобы скорѣе сюда ко мнѣ выѣзжали... Вотъ у меня одежишка плоха, такъ привезите получше.

— Когда сыщемъ, то привеземъ, отвѣчалъ Лысовъ, которому Зарубинъ (Чика) успѣлъ сообщить, что Пугачевъ не государь, а донской казакъ, но что его необходимо поддержать для народной пользы.

Пока Фофановъ и Лысовъ ѣздили къ самозванцу, молва о по-

---

[1]) Подъ именемъ перваго обѣда называлась первая остановка казаковъ при выѣздѣ изъ Яицкаго-городка на плавню. «Обыкновенно, выѣхавъ изъ городка, атаманъ останавливался на кормномъ мѣстѣ и стоялъ тутъ дня два для того, что сюда отвсюду съѣзжались казаки и присоединялись къ выѣхавшимъ изъ городка. Съ этого уже мѣста казаки отправляются на плавню, спускаютъ на воду будары и, по данному отъ атамана сигналу, пускаются вдругъ, и стараясь захватить удобное мѣсто теряютъ порядокъ, такъ что случается иногда бываютъ и покойники».

явленіи государя широко распространилась по городку и достигла до старшинъ и ихъ партіи. Хоть они имѣли весьма смутное понятіе о томъ, что дѣлалось у войсковыхъ казаковъ и зорко слѣдили за ними, но нескромность старшины Мартемьяна Бородина, какъ увидимъ ниже, ускорила развязку и дала возможность Пугачеву избѣжать преслѣдованій.

Проходя, однажды, по улицѣ пьяный, Мартемьянъ Бородинъ увидѣлъ старика Плотникова, съ которымъ у него были личные счеты, сидящаго возлѣ дома и разговаривающаго съ сосѣдями.

— Что у васъ за сборище, говорилъ Бородинъ привязываясь къ Плотникову, — вы, конечно, снаряжаетесь царя встрѣчать.

Плотниковъ отвѣчалъ, что они ни о какомъ царѣ не знаютъ, говорятъ о предстоящей плавнѣ, но Бородинъ сталъ его сначала угать, а потомъ бить. Плотниковъ замѣтилъ, что старшина бьетъ его напрасно.

— Я тебѣ дамъ напрасно, кричалъ Бородинъ, — ты скажешь мнѣ, кто брата твоего посылалъ въ Петербургъ.

Бородинъ приказалъ казаку Антипову посадить Плотникова подъ караулъ, но послѣдній успѣлъ скрыться въ домѣ Якова Почиталина.

Поступокъ Бородина показалъ казакамъ войсковой стороны, что старшинская партія также провѣдала о появленіи государя, и возбудилъ въ нихъ новое неудовольствіе и ненависть къ старшинамъ.

— Погодите, недолго вы будете надъ нами ломаться, разсуждали Плотниковъ и Почиталинъ, говоря про старшинъ,—можетъ забудете насъ безъ вины обижать!

На другой день послѣ этого происшествія Фофановъ возвратился въ городокъ и прямо отправился къ Почиталину.

— Ну что, видѣлъ государя? спрашивали его.

— Видѣлъ, онъ вамъ и всему войску кланяется и говоритъ, что совѣтъ вашъ хорошъ, чтобъ ему явиться на плавнѣ; онъ неотмѣнно положилъ пріѣхать, когда войско остановится на первомъ обѣдѣ. Вы тутъ его смотрите, онъ пріѣдетъ съ тѣми, которые теперь при немъ находятся, а именно: Чика, Василій Коноваловъ

и Тимоѳѣй Мясниковъ. Теперь же велѣлъ у васъ попросить, чтобы прислали къ нему если можно двухъ, а нѣтъ такъ одного писаря для письма, да еще зипунъ хорошій, чтобы было ему въ чемъ явиться предъ войскомъ. Онъ сказывалъ, что у него ничего нѣтъ и что онъ весь тутъ въ чемъ его видите, то-есть зипунъ крестьянскій и рубашка толстая.

Пока Почиталинъ разсуждалъ о томъ, кого бы изъ грамотныхъ людей послать къ Пугачеву, пришелъ къ нему и Мясниковъ.

— Чѣмъ далеко ходить да искать, говорилъ Фофановъ,—у тебя есть свой грамотѣй, сынъ Иванушка, такъ пошли ты его.

— И впрямь такъ, подхватили Плотниковъ и Мясниковъ, — чего же лучше, благословясь и посылай съ Богомъ.

— Какъ его послать, отвѣчалъ Яковъ Почиталинъ,—онъ человѣкъ еще молодой, небывалый при такихъ дѣлахъ, гдѣ ему справиться.

— Вотъ пустяки какіе, какъ не справится, вѣдь на немъ государь строго взыскивать не будетъ, онъ знаетъ, что сынъ твой въ такихъ дѣлахъ небывалый; онъ же человѣкъ молодой, такъ лучше и скорѣе понаторѣетъ, а за то, самъ ты знаешь, будетъ человѣкъ и не будетъ оставленъ.

Послѣднія слова льстили самолюбію Почиталина-отца, и онъ рѣшился отправить сына, «давъ ему, говорилъ онъ,—чистое свое родительское благословеніе, приказывая вѣрно служить государю и все дѣлать, что̀ заставитъ, учиться къ добру и привыкать къ дѣламъ».

— Вотъ тебѣ бумажный человѣкъ, сказалъ Яковъ Почиталинъ, обращаясь къ Мясникову,—отвези его къ государю; теперь что-ли ты его съ собою возьмешь?

— Пускай ѣдетъ въ Сластины зимовья, отвѣчалъ Мясниковъ,— и тамъ меня дожидается.

Молодой Почиталинъ выѣхалъ изъ городка съ Василіемъ Плотниковымъ, опасавшимся преслѣдованій Бородина и рѣшившимся также побывать у государя.

Вмѣстѣ съ сыномъ Почиталинъ послалъ зипунъ новый, зеленый съ золотымъ позументомъ, бешметъ подержанный, кушакъ шелковый хорошій, да шапку бархатную черную, съ приказаніемъ

все это вручить государю съ пожеланіемъ, «чтобъ онъ изволилъ носить оное на здравіе».

— Смотри же, Иванушка, говорилъ Почиталинъ сыну,—какъ придешь предъ государя, то поклонись въ землю, стань предъ нимъ на колѣни, поцѣлуй ручку и называй его ваше величество.

Съѣхавшись на Сластиныхъ зимовьяхъ, Плотниковъ, Мясниковъ и молодой Почиталинъ отправились на Усиху, гдѣ увидѣли, что для самозванца была разбита близъ рѣки палатка, и станъ его увеличился прибытіемъ нѣсколькихъ новыхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были и татары Идеркей Алметьевъ, извѣстный подъ именемъ Идорки, сынъ его Болтай, Барынъ Мусаевъ, котораго казаки называли Баранка, и Аманычъ.

Мясниковъ приказалъ своимъ спутникамъ слѣзть съ лошадей и, введя ихъ въ палатку, представилъ самозванцу. Плотниковъ и Почиталинъ стали на колѣни и поцѣловали руку Пугачева.

— Вотъ, ваше царское величество, сказалъ Мясниковъ, указывая на Почиталина, — этотъ яицкій казакъ грамотный человѣкъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, будь при мнѣ и пиши что я велю.

— Ваше величество, я пишу худо, отвѣчалъ робко Почиталинъ.

— Ничего, письма будетъ мало; ты человѣкъ еще молодой, выучишься; послужи мнѣ вѣрою и правдой, я тебя не оставлю.

Молодой Почиталинъ повиновался, и передалъ Пугачеву зипунъ, бешметъ, кушакъ и шапку.

— Кто это мнѣ прислалъ? спросилъ самозванецъ.

— Это мое, отвѣчалъ Почиталинъ, — я симъ вашему величеству кланяюсь.

— Благодарствую.

— Что обо мнѣ въ городѣ говорятъ? спросилъ Пугачевъ, обращаясь къ старику Плотникову.

— Происходятъ, надежа-государь, о васъ многіе толки, однакоже многіе соглашаются васъ принять.

По окончаніи аудіенціи, Мясниковъ, все время ѣздившій изъ

города въ станъ самозванца и обратно, просилъ у Пугачева позволенія отправиться опять въ городокъ, чтобы сшить себѣ сапоги.

— А еще чеботарь, говорилъ, шутя, самозванецъ, — а безъ сапоговъ; да полно, ѣздить-ли тебѣ и не лучше-ли здѣсь остаться.

— Я, ваше величество, только сошью сапоги и тотчасъ же вернусь къ вамъ.

— Ну, какъ хочешь, поѣзжай себѣ.

Пріѣхавъ домой, Тимоѳѣй Мясниковъ нашелъ въ слезахъ всѣхъ своихъ домашнихъ.

— Что ты, проклятый, надѣлалъ, напустилась на него мать,— вѣдь тебя ищутъ и вмѣсто тебя взяли больного меньшого брата Гаврилу. Мы про тебя сказали, что ты съ Иваномъ на зимовьѣ.

Тимоѳѣй Мясниковъ догадался тогда, что Пугачевъ открытъ, что за нимъ будетъ погоня [1]).

Скрывшись у казака Лукманова и узнавъ, что въ городкѣ находится Степанъ Кожевниковъ, Мясниковъ послалъ за нимъ дочь Лукманова, чтобъ она позвала его къ отцу. Кожевниковъ отправился къ Лукманову, и когда взошелъ на дворъ, то посланная, указавъ рукой на избную подволоку, направила туда Кожевникова.

— Поди туда, сказала она, — тамъ лежитъ Тимоѳѣй Мясниковъ, онъ, а не отецъ меня къ тебѣ посылалъ.

— Бога ради, упрашивалъ Мясниковъ,—поѣзжай, братъ, скорѣе на Усиху увѣдомить государя и скажи, что Мартемьянъ Бородинъ выступилъ въ походъ для поимки его. Смотри же, Степанушка, поспѣшай туда проворнѣе, не погуби всѣхъ насъ, вѣдь и вамъ бѣда будетъ за то, что вы держали его у себя.

Степанъ Кожевниковъ тотчасъ же осѣдлалъ лошадь и поскакалъ на Усиху предупредить государя и своихъ товарищей объ угрожающей имъ опасности.

---

[1]) Показанія казаковъ: Якова Почиталина, Василія Плотникова, Кузьмы Фофанова, Ивана Почиталина и Тимоѳѣя Мясникова. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Государственный Архивъ, д. №№ 505, 506 и 512.

XII.

Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ поимкѣ Пугачева. — Арестованіе Михаила Кожевникова. — Бѣгство самозванца съ Усихи въ Толкачевы хутора.— Прибытіе на Усиху посланнаго отъ киргизскаго хана. — Пребываніе Пугачева въ Толкачевыхъ хуторахъ. — Первый манифестъ самозванца.

Съ 9 сентября старшинская партія и комендантъ полковникъ Симоновъ знали, что около Яицкаго-городка «въ степныхъ мѣстахъ» скрывается Пугачевъ и выдаетъ себя за императора Петра III, но гдѣ именно онъ основалъ свое мѣстопребываніе никакъ разузнать не могли. Болтливость пьянаго казака Кочурова вывела ихъ изъ затруднительнаго положенія и навела на слѣдъ.

Пріѣхавъ первый разъ съ Усихи въ Яицкій-городокъ, Тимоѳѣй Мясниковъ встрѣтился съ казакомъ Петромъ Кочуровымъ и, между прочимъ, сказалъ ему, что когда войско выйдетъ на плавню, то государь явится и объявитъ всѣмъ указъ свой, и если атаманъ не согласится его принять и не послушаетъ указа, то будетъ связанъ, а государь вступитъ въ городокъ.

— Да вѣдь не одинъ атаманъ, замѣтилъ Кочуровъ, — а можетъ быть и казаки не согласятся его принять.

— Какъ его войску не принять, оно съ радостію его приметъ. Онъ хочетъ пожаловать каждому по двѣнадцати рублей денежнаго жалованья, да хлѣбнаго столько же и, сверхъ того, многія милости войску обѣщаетъ, а тѣмъ, которые не склонятся на его сторону, обѣщаетъ казнь. Надобно объ этомъ поговорить съ казаками и склонять ихъ къ нему. Разскажи-ка ты кое-кому и я буду разсказывать.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, Кочуровъ, напившись пьянъ, отправился къ своему крестному отцу, отставному казаку Степану Кононову, пересказалъ ему всѣ слова Мясникова и просилъ совѣта, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ.

— Это дѣло важное, отвѣчалъ Кононовъ, — надобно бы было донести объ этомъ командирамъ.

— Да какъ донести, я и самъ не знаю, подлинный-ли онъ царь или другой какой человѣкъ. Я его не видалъ: какъ тутъ

объявишь! Можно напрасно пострадать, потому что къ этимъ словамъ сдѣлаютъ прицѣпку, а доказать мнѣ будетъ нечѣмъ. Я слышалъ отъ Мясникова, что онъ на Усихѣ; мѣсто не дальнее, можно было бы съѣздить и посмотрѣть, какой онъ подлинно человѣкъ.

— Ты вѣдь въ Петербургѣ не бывалъ и государя не видывалъ, такъ тебѣ скажутъ, что онъ подлинный государь, ты повѣришь и пристанешь къ нему, а потомъ какъ окажется, что какой-нибудь обманщикъ, то пропасть можешь. Будь онъ подлинный государь или неподлинный, а ѣхать туда все-таки не зачѣмъ и признать намъ его ни по чему не можно.

Принявъ совѣтъ крестнаго отца, Петръ Кочуровъ отмѣнилъ намѣреніе ѣхать на Усиху и пошелъ домой [1]); а Кононовъ въ тотъ же день донесъ полковнику Симонову, что близъ Яицкаго-городка появился государь и находится на рѣкѣ Усихѣ [2]). Симоновъ тотчасъ же отправилъ для поимки самозванца старшину Мартемьяна Бородина съ казаками и поручика Иглина съ нѣсколькими пѣхотными солдатами. Дойдя до Чаганскаго форпоста, Бородинъ и Иглинъ остановились и послали сотника Якова Витошнова на хуторъ Кожевникова, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ, гдѣ находится самозванецъ. Не найдя на хуторѣ никого, кромѣ Михайлы Кожевникова, сотникъ Витошновъ взялъ его и привезъ на Чаганскій форпостъ.

— Былъ у тебя сегодня Тимоѳѣй Мясниковъ? спросилъ Бородинъ.

— Нѣтъ, не былъ.

— Не слыхалъ-ли ты объ одномъ ворѣ, который называетъ себя государемъ, и не знаешь-ли гдѣ онъ теперь находится?

— Ничего знать не знаю, отвѣчалъ Михайло Кожевниковъ.

Бородинъ и Иглинъ отправились обратно въ Яицкій-городокъ, захвативъ съ собою Михайлу Кожевникова, а въ это время, окольными путями, скакалъ на хуторъ братъ его Степанъ. По-

---

[1]) Показаніе Петра Кочурова. Государств. Арх., VI, д. № 506.

[2]) Донесеніе Правительствующему Сенату московскихъ департаментовъ изъ управляющей войскомъ Яицкимъ комендантской канцеляріи 12 октября. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

слѣдній, узнавъ, что Михайло арестованъ, не хотѣлъ-было ѣхать на Усиху, но старикъ Шаварновскій заставилъ его дать знать объ этомъ самозванцу и его сообщникамъ.

— Что ты вздумалъ, говорилъ Шаварновскій,—хочешь что-ли погубить всѣхъ, скачи скорѣе.

Пріѣхавъ на Усиху 15 сентября, Степанъ Кожевниковъ нашелъ Пугачева ужъ одѣтымъ въ платье, привезенное ему Почиталинымъ и окруженнаго только девятью человѣками [1]).

— Меня прислалъ Мясниковъ сказать вамъ, объявилъ Кожевниковъ, — что старшина Бородинъ выступилъ уже въ походъ и чтобы вы отсюда убирались.

Пугачевъ растерялся; онъ бѣгалъ и кричалъ: «Казаки, на кони»! Обитатели Усихи быстро осѣдлали лошадей, оставили на мѣстѣ палатку, бывшіе у нихъ съѣстные припасы и, предводимые Зарубинымъ (Чикою), поскакали внизъ по рѣкѣ Усихѣ.

— Куда мы теперь поѣдемъ? спрашивалъ Пугачевъ, предполагавшій направиться въ глубь степи.

— Почто, бачка, говорилъ Идорка, — намъ по степи ѣздить, поѣзжайте лучше вы въ Бударинскія зимовья, на хуторъ къ Толкачевымъ, тамъ людей наберете, а я пойду къ татарскимъ кибиткамъ, скажу о васъ своей братіи татарамъ, наберу себѣ людей, выѣду съ ними на дорогу и буду васъ ожидать. Если вы пойдете въ городокъ, такъ мы васъ увидимъ и съ вами вмѣстѣ войдемъ; если же вы въ городокъ не пойдете, то и мы останемся въ своихъ кибиткахъ.

Зарубинъ (Чика) и Иванъ Почиталинъ поддержали совѣтъ Идорки.

— Ѣхать болѣе некуда, какъ на хуторъ Толкачевыхъ, сказали они. — Если тамъ удастся собрать столько людей, что можно будетъ появиться у городка, такъ и думать нечего: поѣдемъ туда со славою. Когда же увидимъ, что не съ чѣмъ, то скроемся на Узени.

— Сколько-бы на хуторъ людей ни собралось, мало или много, говорилъ Пугачевъ, — но непремѣнно надо ѣхать въ городокъ, и если удастся завладѣть имъ, то всѣхъ противниковъ нашихъ не-

[1]) Свиту Пугачева составляли: Зарубинъ (Чика), Алексѣй Кочуровъ, Козьма Кочуровъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Почиталинъ, Сидоръ Кожевниковъ, Василій Плотниковъ, Сюзюкъ Малаевъ и Идорка.

премѣнно перевяжемъ. А если удачи не будетъ и насъ мало будетъ, тогда бѣжать кто гдѣ спастись можетъ.

— Я думаю, продолжалъ Чика,—что когда мы подъѣдемъ къ Яицкому-городку, то многіе къ намъ пристанутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда будетъ донесено, что были съ нами согласны.

— Мнѣ бы только набрать человѣкъ триста казаковъ, замѣтилъ Пугачевъ,—такъ и довольно бы было; мы пошли бы тогда прямо въ городокъ.

Итакъ, послѣ совѣщаній, Пугачевъ и его спутники отправились на хуторъ Толкачева [1]), находившійся верстахъ въ 40 отъ Усихи и во 100 верстахъ отъ Яицкаго-городка.

На мѣстѣ бывшаго стана остался одинъ только старикъ Василій Плотниковъ, для котораго не было лошади. Къ нему, вскорѣ послѣ отъѣзда Пугачева, пріѣхалъ изъ Киргизскихъ улусовъ посланный отъ Нуръ-Али хана. Кочуя въ степи, всего въ трехъ верстахъ отъ лѣваго берега рѣки Яика, и узнавъ о появленіи государя, Нуръ-Али ханъ, съ цѣлью убѣдиться въ справедливости слуховъ и дѣйствительно-ли появившійся есть истинный государь, отправилъ своего писаря, казанскаго татарина Забира, жившаго прежде въ Яицкомъ-городкѣ и бѣжавшаго въ улусы при приближеніи къ городку отряда генерала Фреймана. Съ Забиромъ были отправлены ханомъ, по восточному обычаю, въ подарокъ Пугачеву: сабля, чаканъ (маленькій топорикъ, оправленный серебромъ), бухарскій шелковый халатъ и гнѣдая лошадь. Прибывъ въ аулъ Токай, находившійся въ 25 верстахъ отъ рѣки Усихи, Забиръ просилъ яицкаго казака (изъ туркменъ) Уразгильда Аманова, бывавшаго нѣсколько разъ у Пугачева, проводить его въ станъ самозванца. Прибывъ на Усиху, они нашли тамъ палатку, въ которой жилъ Пугачевъ, пустою и расположились ночевать. На утро они узнали отъ бродившаго возлѣ стана казака Василія Плотникова, что Пугачевъ и его спутники уѣхали внизъ по рѣкѣ Усихѣ. Едва только успѣли они осѣдлать лошадей, какъ въ степи показалась

---

[1]) Показанія казаковъ: Василія Коновалова и Зарубина (Чики). Госуд. Арх., VI, д., №№ 505 и 512. Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Тамъ же, дѣла №№ 506 и 512.

команда, посланная изъ Яицкаго-городка въ погоню за Пугачевымъ.

Доставленный Симонову казакъ Михайло Кожевниковъ былъ подвергнутъ допросу, сначала отговаривался полнымъ невѣдѣніемъ, но подъ плетьми принужденъ былъ сказать правду. Допросъ его записывали и дополняли часа четыре, а затѣмъ стали собирать команду. Назначивъ 30 человѣкъ казаковъ при двухъ сотникахъ и поручивъ ихъ сержанту Долгополову, полковникъ Симоновъ отправилъ его на Усиху съ приказаніемъ, захватить и привести въ городокъ Пугачева и его сообщниковъ. Долгополовъ съ сотниками торопились исполнить приказаніе, но какъ до стана самозванца было далеко, то почти у половины казаковъ лошади пристали. Оставивъ ихъ на дорогѣ, Долгополовъ двинулся далѣе и видѣлъ, какъ Забиръ и Амановъ ускакали въ степь. Въ покинутомъ станѣ самозванца прибывшіе нашли только казака Плотникова, который объявилъ, что самозванецъ еще наканунѣ, со всѣми бывшими при немъ казаками, уѣхалъ внизъ по рѣкѣ Усихѣ.

— Много-ли съ самозванцемъ людей? спрашивалъ Долгополовъ.

— Человѣкъ до ста будетъ, отвѣчалъ Плотниковъ.

Долгополову показалась цифра эта слишкомъ преувеличенною, и онъ сталъ бить Плотникова плетью. Послѣдній подъ ударами показывалъ, что у Пугачева только двѣнадцать человѣкъ казаковъ, а потомъ сказалъ, что при немъ находится столько же татаръ.

— Изо всего видно что ихъ много, говорилъ Долгополовъ сотникамъ,—и моей силы недостаточно, чтобъ ударить на нихъ.

Онъ рѣшился остаться на мѣстѣ и отправить нарочнаго къ полковнику Симонову съ просьбой прислать ему подкрѣпленіе, съ которымъ онъ могъ бы сдѣлать поискъ съ полнымъ успѣхомъ. Посланный съ этою цѣлью въ Яицкій-городокъ казакъ Тиминъ двое сутокъ не возвращался. Долгополовъ стоялъ на Усихѣ въ ожиданіи подкрѣпленія, а Пугачевъ и его сообщники спокойно приводили въ исполненіе свое намѣреніе [1]).

[1]) Показанія казаковъ: Зарубина (Чики), Михаила Кожевникова, Степана Кожевникова, Василія Коновалова, Ивана Почиталина, Михаила Ерыклинцова и татарина Уразгильда Аманова. Госуд. Арх., VI, д. №№ 467, 505 и 506.

— Мы ѣдемъ на хуторъ къ Толкачеву, чтобы собирать казаковъ, говорилъ Пугачевъ, обращаясь къ Чикѣ (Зарубину) и Ивану Почиталину,—а у насъ нѣтъ ничего письменнаго, чтобы мы могли объявить народу. Ну-ка, Почиталинъ, напиши хорошенько.

Казаки одобрили мысль самозванца и всѣ остановились въ полѣ; Почиталинъ слѣзъ съ лошади и расположившись на землѣ, принялся за работу. Никто не давалъ ему совѣта, и пока составлялась желанная бумага, всѣ стояли молча въ отдаленіи. Кончивъ писать, Почиталинъ прочелъ вслухъ составленное имъ воззваніе и заслужилъ всеобщее одобреніе.

— Ты, братъ, Почиталинъ, гораздъ больно писать, замѣтили казаки.

— Это манифестъ, отвѣчалъ ободренный секретарь,—и вашему величеству необходимо подписать его.

— Нѣтъ, подпиши ты самъ, а я до времени подписывать не буду. До самой Москвы мнѣ подписывать невозможно, для того, что не надобно мнѣ казать свою руку, и есть въ ономъ великая причина.

Почиталинъ подписалъ, и всѣ тронулись въ путь. Не доѣзжая до Толкачевыхъ хуторовъ, Пугачевъ отправилъ впередъ Почиталина съ тѣмъ, чтобъ онъ спросилъ Толкачевыхъ, примутъ-ли они гостей. Секретарь поскакалъ, и скоро возвратился.

— Что, примутъ меня? спросилъ Пугачевъ.

— Я только Петру Толкачеву объявилъ, отвѣчалъ Почиталинъ,—что ѣдетъ къ вамъ на хуторъ государь, такъ примете-ли его, на что онъ мнѣ сказалъ: добро пожаловать, мы примемъ его съ радостью.

Пріѣхавъ около полуночи 15 сентября на хуторъ Михайлы Толкачева, самозванецъ и его спутники не застали дома хозяина, а нашли брата его Петра, которому Чика и объявилъ, что царь желаетъ, чтобы къ нему собрались всѣ казаки, жившіе въ окрестностяхъ.

— Поди же, Толкачевъ, говорилъ Чика,—и скажи объ этомъ своимъ сосѣдямъ.

Петръ Толкачевъ хоть и обѣщалъ исполнить просьбу, но Зарубинъ (Чика), не надѣясь на его содѣйствіе, въ ту же ночь от-

правилъ нѣсколькихъ человѣкъ и пошелъ самъ по хуторамъ созывать народъ къ дому Толкачева, причемъ всѣмъ говорилъ, что причина ихъ призыва будетъ объявлена такимъ лицомъ, отъ котораго зависитъ ихъ благополучіе.

Къ утру 16 сентября собралось человѣкъ 30—40, въ числѣ которыхъ были русскіе бѣглые, казаки и калмыки.

Тѣ, которые пришли очень рано утромъ, успѣли пробраться въ домъ Толкачева и нашли Пугачева сидящимъ за столомъ, а возлѣ него свиту, стоящую въ отдаленіи.

— Опознайте меня, говорилъ самозванецъ входящимъ,—и не думайте, что я умеръ. Вмѣсто меня похоронили другого, а я одиннадцатый годъ странствую.

Пришедшіе съ любопытствомъ смотрѣли на Пугачева и затѣмъ, по приказанію Чики (Зарубина) и вмѣстѣ съ нимъ отправились на сборное мѣсто, гдѣ собирались казаки, неуспѣвшіе пробраться въ хоромы Толкачева.

— Зачѣмъ ты насъ созвалъ? спрашивали собравшіеся Чику,— и кто съ тобою незнакомый намъ человѣкъ?

— Братцы, отвѣчалъ Чика,—намъ свѣтъ открылся, государь, третій императоръ Петръ Ѳедоровичъ съ нами присутствуетъ.

Съ удивленіемъ слушали собравшіеся рѣчь Чики и съ почтеніемъ встрѣтили Пугачева, вошедшаго въ средину толпы.

Я вашъ истинный государь, говорилъ онъ; — послужите мнѣ вѣрою и правдою, и за то жалую васъ рѣкой Яикомъ, съ вершины до устья, жалую морями, травами, денежнымъ жалованьемъ, хлѣбомъ, свинцомъ, порохомъ и всею вольностію. Я знаю, что вы всѣмъ обижены, что васъ лишаютъ привилегій и истребляютъ вашу вольность. Богъ за мою прямую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство попрежнему, и я намѣренъ возстановить вашу вольность и дать вамъ благоденствіе. Я васъ не оставлю и вы будете у меня первые люди.

Всѣ присутствовавшіе пали на колѣни.

— Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови, слышались голоса.—Не только мы, но и отцы наши царей не видывали, а теперь Богъ привелъ намъ тебя, государя, видѣть и мы всѣ служить тебѣ готовы.

Пугачевъ приказалъ принести образъ и привелъ всѣхъ къ присягѣ, состоявшей въ безмолвномъ цѣлованіи креста безъ Евангелія.

— Есть ли у васъ, други мои, лошади? спросилъ Пугачевъ.

— Есть, отвѣчали собравшіеся.

— Ну, теперь, дѣтушки, поѣзжайте по домамъ и разошлите отъ себя по форпостамъ нарочныхъ съ объявленіемъ, что я здѣсь.

— Все исполнимъ, батюшка, и пошлемъ какъ къ казакамъ, такъ и къ калмыкамъ.

— Завтра же рано, сѣвъ на кони, пріѣзжайте всѣ сюда ко мнѣ. Кто не пріѣдетъ, тотъ моихъ рукъ не минуетъ.

— Власть твоя, что хочешь то надъ нами и сдѣлаешь...

Толпа разошлась, а на другой день собралась вновь и была усилена казаками, прибывшими съ Кожехаровскаго и Бударинскаго форпостовъ. Такимъ образомъ, къ утру 17 сентября свита Пугачева возросла до 80 человѣкъ вооруженныхъ. Выйдя къ собравшимся и обратившись къ Ивану Почиталину, самозванецъ велѣлъ ему прочитать манифестъ или, лучше сказать, воззваніе къ Яицкому войску.

— Слушайте, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,—что̀ будетъ читать вамъ Почиталинъ; будьте мнѣ вѣрны и усердны, а я васъ буду жаловать.

Почиталинъ развернулъ бумагу и прочелъ слѣдующее [1]):

«Самодержавнаго императора нашего, великого государя
Петра Ѳедаровича всероссійскаго
і прочая, і прочая, і прочая

«Во имянномъ моемъ указѣ изображено Яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей до крови дѣды и отцы вашы, такъ и вы послужите за свое отечество мне великому государю императору Петру Ѳедаровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ниисточитъ ваша слава казачья отъ

[1]) Арх. Главн. Штаба, книга № 1. «Секретныя бумаги и манифестъ Пугачева».

нынѣ и до вѣку и у дѣтей вашихъ; будете мною великимъ государемъ, жалованы казаки, калмыки и татары. И которые мнѣ государю, императорскому величеству Петру Ѳедоровичу, винныя были, и я государь Петръ Ѳедоровичъ во всѣхъ винахъ прощаю и жалованію я васъ: рякою съ верѣшинъ и до усья и землею, и травами и денежнымъ жалованьямъ, и свинцомъ и порахамъ и хлѣбнымъ провіянтамъ, я, великій государь императоръ, жалую васъ Петръ Ѳедоровичъ. 1773 году сентября 17 числа».

Во все время пока Почиталинъ читалъ, собравшіеся стояли съ поднятыми кверху руками.

— Ну что, хорошо? спросилъ самозванецъ по окончаніи чтенія,—все ли вы слышали?

— Хорошо, отвѣчала толпа;—мы все слышали и служить тебѣ готовы. Поведи насъ, государь, куда тебѣ угодно, мы вамъ поможемъ.

Пугачевъ приказалъ развернуть знамена, которыхъ было приготовлено штукъ пять разныхъ цвѣтовъ съ нашитыми на нихъ осьмиконечными крестами. Всѣ знамена до сихъ поръ тщательно скрывались и потому были измяты и безъ древковъ; казаки кое-какъ разгладили полотно знаменъ, прикрѣпили ихъ къ копьямъ и, сѣвъ на лошадей, двинулись по направленію къ Яицкому-городку. Впереди всѣхъ ѣхали знаменосцы [1]), за ними Пугачевъ со своими близкими, а затѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовала приставшая къ нему толпа. По всѣмъ близлежащимъ хуторамъ были разосланы гонцы собирать людей къ государю....

---

[1]) Знамена несли казаки: Ѳедоръ Бурынинъ, Максимъ и Иванъ Морковцевы, Алексѣй Кочуровъ и одинъ калмыкъ.

XIII.

Положеніе края.—Характеръ населенія.—Число жителей. — Оборонительныя средства края.—Неудовольствіе башкирцевъ и всѣхъ вообще магометанъ.—Прокламація Батырши.—Возстаніе въ Башкиріи въ 1755 году.—Усмиреніе возстанія.—Надежды башкирцевъ на улучшеніе ихъ положенія въ будущемъ.

Обстоятельства сложились такъ, что край, въ которомъ развернулось впервые знамя возстанія, представлялъ всѣ данныя для быстраго комплектованія толпы мятежниковъ и развитія мятежа. Начавшись въ предѣлахъ Яицкаго (Уральскаго) войска, входившаго въ составъ Оренбургской губерніи, и распространяясь потомъ во всѣ стороны, возстаніе охватило часть Астраханской и всю Казанскую губернію.

Всѣ эти губерніи, при значительности своего территоріальнаго пространства, имѣли весьма рѣдкое населеніе [1]). *Казанская губернія* въ административномъ отношеніи дѣлилась на шесть провинцій: 1) Казанскую [2]); 2) Свіяжскую [3]); 3) Пензенскую [4]); 4) Симбирскую [5]); 5) Вятскую [6]) и 6) Пермскую [7]). Во всѣхъ этихъ провинціяхъ по переписи, произведенной въ маѣ 1767 года, считалось 1,257,636 человѣкъ мужчинъ и 1,199,295 женщинъ [8]). Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ губерніи были поселены отставные солдаты въ числѣ 7,235 человѣкъ мужчинъ и 6,602 женщины [9]) и, наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу губерніи жили башкиры, численность которыхъ опредѣлить весьма

---

[1]) См. прилагаемую при семъ карту.

[2]) *Въ Казанской провинціи* были города: Уржумъ, Мензелинскъ, Лаишевъ, Старо и Ново-Шешминскъ. Безъуѣздные, уничтоженные по указу 11 октября 1766 года: Билярскъ, Заинскъ, Арскъ, Маинскъ, Малмыжъ, Тетюши, Тиинскъ и Алатъ.

[3]) *Въ Свіяжской*—Чебоксары, Цивильскъ, Козьмодемьянскъ, Яранскъ, Царевококшайскъ и упраздненные: Царевосанчуръ, Кокшайскъ и Василь.

[4]) *Въ Пензенской*—Саранскъ, Петровскъ и уничтоженный Мокшанскъ.

[5]) *Въ Симбирской*—Сызрань и Самара.

[6]) *Въ Вятской*—Слободской, Котельничій, Орловъ; упраздненные: Кайгородокъ и Шестаковъ.

[7]) *Въ Пермской*—Соликамскъ и упраздненный Чердынь.

[8]) См. приложеніе № 1-й.

[9]) См. приложеніе № 2-й.

трудно, такъ какъ бо́льшая часть Башкиріи находилась въ предѣлахъ Оренбургской губерніи и имѣла своего управителя, обязаннаго вести счетъ всему населенію.

Оренбургскую губернію составляли: 1) *Оренбургскій дистриктъ (уѣздъ)*, къ которому принадлежали: Илецкая крѣпость, Сакмарскій-городокъ, Зелаирская крѣпость, Яицкій казачій городокъ со всѣмъ Яицкимъ (Уральскимъ) казачьимъ войскомъ и бугульминская земская контора, съ подчиненными ей слободами по большой московской дорогѣ; 2) *Уфимская провинція*, состоявшая изъ Башкиріи и уѣздовъ: Бирскаго, Мензелипскаго, Осинскаго и Куртамышскаго; 3) *Исетская провинція*, въ которую входили: часть Башкиріи, Исетскій, Шадринскій и Окуневскій уѣзды и, наконецъ, 4) *Ставропольская провинція*, населенная по преимуществу калмыками. Въ южной части губерніи кочевали киргизъ-кайсаки и каракалпаки.

Населеніе Оренбургской губерніи было крайне разнообразно и состояло преимущественно изъ инородцевъ и кочевниковъ, заводскихъ крестьянъ, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, искавшихъ свободы, раскольниковъ, скрывавшихся отъ преслѣдованія и казаковъ, поселенныхъ на окраинахъ и въ разныхъ пунктахъ внутри губерніи, носившихъ общее названіе крѣпостныхъ казаковъ, а въ частности называвшихся по именамъ городовъ и крѣпостей, возлѣ которыхъ были поселены [1]).

---

[1]) Такъ, въ окрестностяхъ Оренбурга жило 1,094 человѣка мужскаго пола оренбургскихъ казаковъ. *По рѣкѣ Яику (Уралу)* жили казаки: бердинскіе (103 чел. муж. п.), орскіе (50 чел.), ильинскіе (24 чел.), верхне-озерные (50 чел.), чернорѣчинскіе (50 чел.), татищевскіе (50 чел.), нижне-озерные (89 чел.), разсыпные (50 чел.). *По рѣкѣ Самарѣ*: переволоцкіе (50 чел.), новосергіевскіе (50 чел.), сорочинскіе (50 чел.), тоцкіе (50 чел.), бузулуцкіе (50 чел.), борскіе (50 чел.), красносамарскіе (50 чел.), мочинскіе (100 чел.), алексѣевскіе (100 чел.), самарскіе (100 чел.) и ставропольскіе (50 чел.). *Въ Уфимской провинціи:* уфимскіе (150 чел.), нагайбакскіе (600 чел.), табынскіе (100 чел.), красноуфимскіе (300 чел.), елдятскіе (100 чел.). *Въ Исетской провинціи:* челябинскіе (403 чел.), міасскіе (200 чел.), эткульскіе (350 чел.), уйскіе (80 чел.), чебаркульскіе (300 чел.), санарскіе (50 чел.), коельскіе (124 чел.), кичигинскіе (94 чел.), еманжелинскіе (55 чел.) и чистоозерскіе (31 чел.). Казаки поселены были со всѣми семействами, и здѣсь приведена только численность казаковъ, находившихся на службѣ (См. экстрактъ казачьему войску, представленный графомъ П. И. Панинымъ Г. А. Потемкину, при письмѣ отъ 18 іюля 1775 г., за № 476. Московскій Арх. Глав. Штаба, опись 194, св. 7).

Разбросанные небольшими партіями, казаки эти несли почтовую повинность, содержали пикеты, охраняли города и такъ называемыя оборонительныя линіи отъ набѣговъ и грабежей кочевыхъ племенъ. Почти вся пограничная черта Оренбургской губерніи состояла изъ ряда крѣпостей, раздѣленныхъ на восемь дистанцій: 1) Самарскую [1]); 2) Сакмарскую [2]); 3) Нижне-Яицкую [3]); 4) Красногорскую [4]); 5) Орскую [5]); 6) Верхне-Яицкую [6]); 7) Верхне-Уйскую [7]) и 8) Нижне-Уйскую [8]).

Для защиты этихъ крѣпостей и вообще пограничной линіи, въ Оренбургской губерніи было прежде пять гарнизонныхъ баталіоновъ (3,863 чел.) и три драгунскихъ полка (2,856 чел.)—всего 6,719 человѣкъ. Бѣгство волгскихъ калмыковъ въ Зюнгарію и умноженіе набѣговъ киргизовъ показали правительству, что такого числа войскъ было недостаточно; что границу необходимо поставить «въ такое безопасное состояніе», чтобы хищные сосѣди нападать на нее «не отваживались». Военная коллегія считала необходимымъ укрѣпить по возможности большее число пограничныхъ селеній и на защиту ихъ употребить войска «такого рода и такого вооруженія, гдѣ какія по положенію земли, по нуждѣ и обстоятельствамъ имѣть и съ пользою употреблять можно». Главнѣйшій недостатокъ былъ въ подвижныхъ отрядахъ, такъ какъ гарнизонные баталіоны тронуться съ мѣста не могли, драгуны были разбросаны малыми частями по крѣпостямъ, пѣхоты было мало, а полевой артиллеріи совсѣмъ не было. Въ виду этого военная колле-

---

[1]) Самарская линія или дистанція состояла изъ крѣпостей: Красносамарской, Борской, Ольшанской, Бузулукской, Тоцкой, Сорочинской и Новосергіевской.

[2]) Сакмарская линія—изъ крѣпостей: Пречистенской и Воздвиженской.

[3]) Нижне-Яицкая линія—изъ крѣпостей: Чернорѣченской, Татищевой, Нижне-Озерной и Разсыпной.

[4]) Красногорская—изъ крѣпостей: Красногорской, Озерной, Ильинской и Губерлинской.

[5]) Орская—изъ крѣпостей: Орской, Таналыцкой, Уртазымской, Кизильской и Магнитной.

[6]) Верхне-Яицкая линія — изъ крѣпостей: Карагайской, Петропавловской, Степной и Подгорнаго редута.

[7]) Верхне-Уйская — изъ крѣпостей: Уклы-Карагайской, Петропавловской и Степной.

[8]) Нижне-Уйская — изъ крѣпостей: Троицкой, Каракульской, Круто-Ярской, Усть-Уйской и Звѣриноголовской.

гія всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 2 августа 1771 года [1]) испрашивала разрѣшеніе прибавить въ Оренбургскую губернію еще пять гарнизонныхъ баталіоновъ и сформировать три легкія полевыя команды (6-ю, 7-ю и 8-ю), составленныя изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Такимъ образомъ, для защиты Оренбургской губерніи предназначалось: 10 гарнизонныхъ баталіоновъ въ 8,040 человѣкъ и три легкія полевыя команды въ 1,623 человѣка—всего 9,663 человѣка. 31 августа 1771 года предположенія военной коллегіи были утверждены императрицею, но къ началу пугачевскаго бунта, части эти были едва только переформированы, но не обучены и не снабжены всѣмъ необходимымъ.

На всемъ пространствѣ Оренбургской губерніи число русскихъ, преимущественно заводскихъ крестьянъ, не превышало 200 т. душъ. Затѣмъ жили мещеряки, число которыхъ по тогдашнему исчисленію доходило до 15,517 душъ; калмыки—8,696 душъ, каракалпаки—30,000 кибитокъ; мордва—881 душа, черемисы—1,000 дворовъ, чуваши и вотяки—500 дворовъ и башкирцы—106,176 душъ. Въ юго-восточномъ углу губерніи прикочевывали и откочевывали киргизъ-кайсаки, приходили и селились въ разныхъ мѣстахъ губерніи: бухарцы, хивинцы, ташкентцы, туркмены, арабы и персіяне, но число ихъ было незначительно [2]).

Такимъ образомъ, бо́льшая часть Оренбургской губерніи была населена заводскими крестьянами, инородцами магометанами и башкирцами.

Подъ именемъ Башкиріи былъ извѣстенъ въ то время обширный край, который состоитъ нынѣ изъ губерній Оренбургской, Уфимской, половины Самарской и по уѣзду Вятской и Пермской губерній. Башкиры приняли русское подданство въ 1553 году, по покоренiи царства Казанскаго. Зауральскіе башкиры находились

---

[1]) Докладъ этотъ мы сочли необходимымъ помѣстить въ приложеніи № 3-й, во-первыхъ, потому, что онъ ясно рисуетъ тогдашнее положеніе края и средства его обороны, а во-вторыхъ, какъ доказательство ничтожности боевыхъ средствъ, которыми могли располагать мѣстныя власти для подавленія возстанія.

[2]) См. Оренбургскую топографію Рычкова и «Экстрактъ историческій о башкирскомъ народѣ». Рукопись Императорской публичной библіотеки F. IV, № 44.

подъ властью сибирскихъ хановъ; жившими по рѣкамъ Бѣлой и Ику владѣли ханы казанскіе, а башкиры жившіе въ горахъ принадлежали ногайскимъ ханамъ. Въ первые годы подданства Россіи башкиры были народомъ самымъ смирнымъ, покорнымъ и безусловно исполнявшимъ всѣ требованія правительства. Они вѣрно служили противъ шведовъ и поляковъ, противъ турокъ и крымцевъ. Въ инструкціи, данной Кирилову, было сказано: «башкирцевъ отнюдь въ работу не наряжать и тѣмъ ихъ отъ охоты къ службѣ не озлоблять, ибо-де они служатъ и служить имѣютъ безъ жалованья на своихъ лошадяхъ и съ своимъ ружьемъ». Ежегодно, въ лѣтнее время, они наряжались на службу по одному человѣку съ 5 или 6 дворовъ и употреблялись для разъѣздовъ въ крѣпостяхъ, а на зиму отпускались по домамъ. Въ административномъ отношеніи они дѣлились на четыре дороги, по которымъ были раскинуты ихъ селенія: на сибирскую, казанскую, осинскую и ногайскую. Башкирцы платили ясакъ (подать) лисицами и медомъ.

Для болѣе удобнаго управленія башкирцами и собиранія съ нихъ дани, въ 1574 году, былъ основанъ въ центрѣ ихъ жилищъ городъ Уфа и учрежденъ гарнизонъ. Башкирцы первое время не протестовали противъ такого распоряженія, но когда воевода Иванъ Ногай сталъ раздавать русскимъ поселенцамъ земли въ окрестностяхъ Уфы, башкирцы стали выражать свое неудовольствіе, видя въ такой раздачѣ посягательство на ихъ собственность. Правительство не обращало вниманія на протесты, и спустя десять лѣтъ въ Башкиріи явились поселенцы: татары, мещеряки, черемисы и проч., которымъ за ясакъ раздавались башкирскія земли. Въ Башкирію бѣжали также и русскіе люди: раскольники, крестьяне и прочій людъ, недовольный существовавшими тогда порядками. Всѣ они селились гдѣ хотѣли, но преимущественно группировались по сибирской дорогѣ, въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ.

Такой захватъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненіе кочевой жизни возбудили неудовольствіе башкирцевъ. Вспыхнулъ бунтъ, и башкирцы осадили Мензелинскъ. Возстаніе было подавлено и виновные казнены, но народное неудовольствіе не прекратилось.

Въ 1676 году старшина Сеитъ поднялъ вновь башкирцевъ и возстаніе не могло быть усмирено въ теченіе пяти лѣтъ; черезъ семь лѣтъ башкирцы снова возстали и желаніе отстоять свои права и возвратить потерянныя земли не прекращалось. Изъ мирныхъ и тихихъ, башкирцы постепенно переходили въ безпокойное и враждебное русскому правительству племя.

Поставленные надъ ними правители дѣлали все, что могло усилить число недовольныхъ: оскорбляли религію и семейныя начала, посягали на ихъ собственность. Богатый край и руды привлекли вниманіе русскихъ людей, и съ 1734 года начинается даровая раздача башкирскихъ земель подъ горные заводы. Это распоряженіе и, вслѣдъ затѣмъ, заложеніе Оренбурга въ 1735 году, вызвало поголовное возстаніе башкирцевъ. Видя, что съ заложеніемъ Оренбурга и съ устройствомъ пограничной линіи по р. Яику (Уралу) ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями, башкирцы поднялись противъ русскаго правительства и были усмирены только черезъ шесть лѣтъ, въ 1741 году. Усмирявшему ихъ генералъ-лейтенанту кн. Урусову было повелѣно: «оныхъ противниковъ, на страхъ другимъ безъ всякой пощады предавать смерти и жилища ихъ разорять до основанія». Тѣхъ, которые будутъ пойманы, «по надлежащимъ разспросамъ, не державъ долго, казнить смертью». За это время, кромѣ убитыхъ на полѣ сраженія, башкирцы лишились 28,190 человѣкъ казненныхъ, запытанныхъ, умершихъ въ тюрьмахъ и розданныхъ въ рабство [1]). На ихъ территоріи было разорено 396 селеній, взято въ казну 12,283 лошади, 6,076 коровъ и овецъ и. болѣе 10 т. руб., полученныхъ отъ продажи захваченнаго скота частнымъ лицамъ [2]).

Лучшимъ средствомъ для успокоенія башкирцевъ, и вообще инородцевъ, такъ называемаго, стараго Казанскаго царства, считалось распространеніе христіанства между жителями, и въ 1740 г. былъ отправленъ туда съ этою цѣлью, знаменитый впослѣдствіи, архипастырь Димитрій Сѣченовъ. Какъ дѣйствовалъ этотъ пропо-

---

[1]) Въ томъ числѣ 2,082 женщины были отправлены внутрь Россіи на поселеніе и розданы помѣщикамъ.

[2]) «Оренбургская топографія». *Соч. Рычкова.* «Экстрактъ о Башкирскомъ народѣ». Рукопись Императорской публичной библіотеки, Е. IV, № 44.

вѣдникъ, можно видѣть изъ того, что, по его донесеніямъ, въ два года было обращено въ христіанство 17,362 человѣка, при весьма ограниченномъ числѣ священниковъ. Эта цифра показываетъ, что башкирцы и прочіе иновѣрцы принимали христіанство не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ, или изъ опасенія преслѣдованія. Такъ оно и было. По ходатайству Сѣченова, Сенатъ постановилъ, «чтобы принявшіе крещеніе холопи и крестьяне иновѣрныхъ землевладѣльцевъ, освобождались отъ крѣпостной зависимости, а если сами землевладѣльцы примутъ христіанство, то получаютъ по старому своихъ холопей и крестьянъ; чтобы принявшіе крещеніе освобождены были на три года отъ всѣхъ поборовъ, которые должны быть разложены на оставшихся въ иновѣріи». Желая отдѣлить крещеныхъ отъ магометанъ, Сенатъ, по представленію Сѣченова, постановилъ: всѣхъ крещеныхъ оставить въ своихъ селеніяхъ, а иновѣрцевъ переселить въ другія мѣста и прибавилъ, что всѣ находящіеся подъ судомъ и въ тюрьмахъ, если пожелаютъ креститься, должны быть освобождены безъ всякаго наказанія. Населеніе крестилось толпами, а тѣ, которые не желали мѣнять религіи изъза личныхъ выгодъ, были крайне недовольны распоряженіемъ правительства. Некрещеные не желали платить за своихъ крещеныхъ собратій, бѣжали въ лѣса и оказывали сопротивленіе властямъ.

Ревнители магометанства и фанатики не могли перенести такого порядка вещей, не могли равнодушно смотрѣть на обращеніе въ христіанство своихъ собратій. Воспользовавшись тѣмъ, что православное духовенство заставляло часто башкиръ креститься силою, магометанскіе проповѣдники предсказывали въ будущемъ погибель народа и совѣтовали ему возстать въ защиту религіи. Они указывали башкирцамъ, что «россійскіе архіереи, попы и другіе насильствомъ, нападками, лукавствомъ и обманомъ по крайней возможности изъ магометанской вѣры въ христіанскій законъ обращаютъ, написывая имъ прошенія, якобы по ихъ просьбѣ и желанію написаны, къ которымъ и тамги (печати) прикладываютъ». Убѣждаемые своими единоплеменниками, башкирцы, принявшіе уже христіанство, приходили къ начальствующимъ лицамъ и просили позволенія возвратиться въ магометанство. Въ большинствѣ случаевъ, просьбы ихъ оставлялись безъ послѣдствій, но иногда про-

сители были преслѣдуемы и подвергались наказанію. Число недовольныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, тѣмъ болѣе, что въ 1754 году послѣдовало повелѣніе съ башкирцевъ ясака (подати) не брать, а въ замѣнъ того обязать ихъ покупать изъ казны соль, которую прежде они получали даромъ, изъ своихъ озеръ. Башкирцы заявили, что соль покупать они не желаютъ, а будутъ брать какъ было издревле, «изъ казны Господа Бога нашего». «И такія слова наши командиры не принимая, показывалъ Батырша [1]), старшинъ нѣкоторыхъ бранили, а нѣкоторыхъ по щекамъ били, за бороду таскали, а иныхъ въ городъ забирали и всячески мучили; того и смотрятъ, не проговорится ли кто въ чемъ и за то какую ни на есть на него вину наложить».

Зимою 1754 года былъ присланъ изъ Оренбурга въ Уфу генералъ-маіоръ Алексѣй Тевкелевъ, уговорить башкирцевъ покупать соль въ городахъ и объявить имъ, что въ противномъ случаѣ они будутъ принуждены къ тому силою.

— За противныя ваши слова и поступки, говорилъ Тевкелевъ, бороды ваши уже щипаны, а далѣе въ чемъ проговоритесь или въ какую вину впадете, то и головы свои потеряете.

Башкирцы, послушавши совѣта Тевкелева, рѣшились подчиниться до времени распоряженіямъ правительства и стали покупать соль. Но затаенная злоба кипѣла въ народѣ и спокойствіе въ краѣ продолжалось недолго. Поводовъ къ возстанію было много, и къ вопросу религіозному примѣшивались безпорядки въ администраціи. Обиженные не получали удовлетворенія: «которое дѣло можно было въ одинъ день окончить — мѣсяцъ таскали; которое въ мѣсяцъ кончить было можно, ради взятокъ, годъ продолжали». Безъ взятокъ нельзя было начинать дѣло; пьяные командиры «людей саблями рубили и руки отрубали. Бѣдный народъ никакой себѣ подпоры и надежды не имѣетъ и суда просить способа не находитъ».

Среди такого положенія народа, въ Башкиріи распространился слухъ, что населеніе ногайской и сибирской дорогъ готовитъ лошадей и исправляетъ оружіе. Услышавъ объ этомъ, мещерякъ мулла

[1]) Государственный Архивъ, VII, д. № 1,781.

Абдула Мягзалдинъ (онъ же Батырша) отправился въ Исетскую провинцію въ деревню старшины Муселима, въ которой «напредь сего при наукахъ былъ». Получивши образованіе въ Каинской волости въ деревнѣ муллы Ильша, и потомъ продолжая заниматься изученіемъ основъ магометанской религіи, Батырша считался однимъ изъ ученѣйшихъ муллъ въ Башкиріи. Живя въ разныхъ деревняхъ, онъ обучалъ дѣтей, совершалъ богослуженіе и поучалъ своихъ соотечественниковъ, «дабы они повелѣнію Божескому повиновались и исполняли его, ибо насъ изъ небытія въ бытіе сотворилъ; также и законовѣдца нашего пророка заповѣди содержали и учениковъ его завѣщаніямъ послушны были». Проповѣди Батырши доставили ему извѣстность, и большинство муллъ, не рѣшаясь вступать съ нимъ въ споръ, благоговѣли передъ его ученостію.

Прибытіе Батырши въ Муселимову деревню было событіемъ и башкирцы толпами стекались, чтобы посмотрѣть на проповѣдника. Муселимъ устроилъ угощеніе и праздникъ для многочисленныхъ гостей. Народъ и муллы стали передъ Батыршею на колѣни «и кому что потребно было отъ божественнаго писанія спрашивали, и я бѣдный, говорилъ Батырша [1]), по своей наукѣ сколько знаю отвѣтствіе чинилъ, чѣмъ они довольны явились».

По окончаніи поученія подали кумысъ и компанія развеселилась. На сцену явились политическіе и общественные вопросы. Полупьяные гости вспоминали обиды и притѣсненія начальства, и говорили, что кромѣ Бога ни на кого надежды не имѣютъ.

— Соль брать изъ своихъ озеръ и звѣрей бить намъ запрещено, говорили башкирцы. Русскіе свойственниковъ нашихъ отъ вѣры отвратя крестили, наши дома разорили. Отъ командировъ и генераловъ никакой милости намъ нѣтъ, и неизреченныя тягости и затрудненія при нынѣшней государынѣ воспослѣдовали и болѣе терпѣть уже невозможно.

— Бываетъ-ли хуже того, спрашивали собравшіеся другъ друга, когда людей въ «сущую вѣру» вѣрующихъ въ невѣрующую вѣру обращаютъ? Что бы было, если бы наши мусульмане нѣсколькихъ

[1]) Госуд. Арх., VII, № 1,781.

россійскихъ людей силою въ законъ свой обратили и церкви ихъ разорили?

— Когда подданныхъ рабовъ утѣсняютъ, говорили башкирцы, никакого добра быть не можетъ. Когда государынина милость до рабовъ не ровна, и злодѣи по винамъ ихъ штрафованы не будутъ, а иновѣрнымъ рабамъ милостиваго призрѣнія не будетъ, то впредь ожидать намъ нечего и такимъ худымъ поступкамъ когда нибудь конецъ да будетъ.

— Нападки и утѣсненія, говорили болѣе благоразумные и старики, не отъ государыни, а отъ командировъ и генераловъ чинятся. Видите вы, что сей діаволъ и зломысленный генералъ (Неплюевъ), желая государыни прибыль чинить, въ милость придти и великій чинъ себѣ получить, подъ командою своею находящихся всякими мѣрами отягощаетъ, несклонныхъ (принять христіанство) склонными пишетъ и по принужденію тамги прикладывать велитъ. О нашемъ народѣ онъ государыню въ худое размышленіе приводитъ и своею глупостью на государыню злое имя налагаетъ. Онъ воровъ правыми дѣлаетъ, правыхъ — ворами, нежелающихъ—желающими, и такъ государынѣ доноситъ.

— Мы государыни не злословимъ, говорили собесѣдники, и со стороны государыни нашей ни о какомъ озлобленіи къ намъ не слыхано. Она правосудна, но правосудіе отъ нея не отошло и къ намъ не пришло.

— Нашимъ людямъ ногайской дороги всѣхъ труднѣе, ибо генералъ и мурза (А. Тевкелевъ) вблизи Оренбурга находящихся башкирцевъ мучили, все лѣто заставляя возить на свои дачи бревна, дрань и лубье.

Башкирцы думали, какъ бы имъ избавиться отъ притѣсненій и довести о нихъ до свѣдѣнія государыни и рѣшили, что одно только возстаніе можетъ обратить на нихъ вниманіе правительства [1]).

— Станемъ и мы вѣру ихъ ругать, говорили они, въ свою обращать и имѣнія ихъ грабить. Слухъ объ этомъ и о причинѣ дѣлъ нашихъ дойдетъ до государыни, и тогда разсмотрѣніе съ правосудіемъ учинено будетъ.

---

[1]) Показаніе Батырши. Госуд. Арх., VII д., № 1,781.

Наслышавшись такихъ рѣчей, Батырша отправился въ деревню Салчугутъ, куда на свиданіе съ нимъ съѣхалось также отъ 60 до 70 человѣкъ. Здѣсь онъ увидѣлъ тоже всеобщее недовольство, и потому, возвратившись домой, сталъ думать, какъ бы вывести народъ изъ такого положенія и довести до свѣдѣнія государыни объ истинномъ положеніи дѣлъ. Отправить депутацію въ Петербургъ считалось дѣломъ невозможнымъ: надо было истратить много денегъ и достать паспорты, которыхъ начальство не дастъ. Примѣръ тому былъ передъ глазами: когда на мещеряковъ было наложено по 25 коп. дани, то они хотѣли ѣхать просить государыню сложить съ нихъ этотъ налогъ. Выбранные ими депутаты были переловлены и наказаны, а всѣ мещеряки оставлены въ подозрѣніи, какъ люди бунтующіе. То же самое было бы и съ башкирцами.

Сознавая это и не зная еще какъ помочь горю, Батырша, по его словамъ, началъ съ того, что пересталъ поучать народъ повиноваться властямъ, хотя и не проповѣдывалъ открытаго возстанія. Между тѣмъ, пріѣзжавшіе къ нему съ разныхъ концовъ Башкиріи для разъясненія религіозныхъ вопросовъ и споровъ по раздѣлу имѣнія, привозили извѣстія, что населеніе на столько возбуждено, что готовитъ оружіе. Однажды пріѣхалъ къ нему изъ-подъ Оренбурга Каргалинскій мулла Абдюсетъ, который также заявилъ, что и у нихъ башкирцы готовятъ оружіе.

— Какія у васъ еще вѣсти есть? спросилъ его Батырша.

— Ѣхавши изъ Оренбурга, отвѣчалъ мулла, по казанской дорогѣ спрашивалъ мещеряковъ, въ какомъ состояніи находятся, и на то отвѣчали они мнѣ, что которая сторона сильнѣе будетъ, той и держаться будемъ.

— А старшины ваши въ какомъ состояніи находятся — знаешь-ли?

— О состояніи и мнѣніи народномъ не знаю, только отъ своей деревни людей слышалъ, что старшина Сулейманъ говорилъ: ежели къ лѣсу и степямъ находящіеся народы соединясь возстанутъ, то намъ съ ними не соединиться невозможно будетъ.

— Самъ не говори ни о чемъ, просилъ Батырша муллу, —

другихъ людей разговоры со вниманіемъ слушай, и какое извѣстіе услышишь, съ крайнею поспѣшностію мнѣ объяви.

Отпустивъ домой муллу, Батырша поѣхалъ опять къ старшинѣ Муселиму.

— День за день добро-ли умножается или зло? спрашивалъ Батырша старшину.

— О чемъ ты спрашиваешь, отвѣчалъ Муселимъ, — самому тебѣ извѣстно, что отъ мученія невѣрныхъ затылокъ у меня переломился; чтобы Богъ и у нихъ затылокъ изломалъ и упованіе ихъ пресѣкъ. Изъ команды моей и изъ деревни Салчугутъ многихъ людей съ женами и дѣтьми коварствомъ и страхомъ отъ закона отвратили и разорили. Я состарился и силу мою истратилъ, служа повелѣніямъ государевымъ; исполняя указы, единовѣрныхъ моихъ кровь пролилъ и живота лишилъ, а напослѣдокъ, со стороны невѣрныхъ, нападки не только не прекращены, но умножились.

«Потомъ, показывалъ Батырша, того же лѣта, въ осеннее время и зимою со всѣхъ сторонъ пріѣзжіе, отъѣзжіе и мимоѣзжіе нѣкоторые люди, ради свиданія, ко мнѣ приходили; и такимъ образомъ у приходящихъ ко мнѣ людей у каждаго спрашивалъ и они говорили, что всѣ готовы, и въ будущее лѣто, когда зеленая трава будетъ, накормя лошадей, на кони сѣсть намѣрены; также, что между мещеряковъ слухъ носится, что когда окольные башкирцы на коней сядутъ, то и они готовы будутъ».

Будучи въ селеніи Орта, Оранской волости, Батырша слышалъ, что жители учатся стрѣлять, что они пріобрѣли большую опытность въ стрѣльбѣ изъ лука и умѣютъ бѣгать на лыжахъ такъ шибко, что самая легкая лошадь догнать ихъ не можетъ.

— Наши такъ мужественны, разсказывали Батыршѣ, — что когда въ прошлыхъ годахъ въ Гаинскую волость приходило до тысячи человѣкъ русскаго войска, и телѣгами окружась, яко въ крѣпости стояло, — то нашихъ 400 человѣкъ гаинцевъ стрѣлами и копьями крѣпость эту взяли, всѣхъ русскихъ побили и пушками ихъ овладѣли.

Разскащики увѣряли, что въ будущее лѣто безъ сраженія съ русскими не обойдется. Въ мартѣ 1755 года къ Батыршѣ пріѣхалъ съ ногайской дороги, изъ Кинчатской волости, посланный

*

съ письмомъ, въ которомъ предлагалось, «чтобы люди по должности своего закона о возвышеніи вѣры душою и имѣніемъ стараніе прилагали и ради закона Божія разжигались и дрались, и тѣмъ законъ свой исполняли и повелѣнія пророка». Въ письмѣ прибавлялось, что всѣ знатные люди о томъ стараніе имѣютъ.

— Не видно кѣмъ писано письмо, замѣтилъ Батырша посланному; — кто далъ тебѣ его?

— Мулла нашъ съ писаремъ два раза въ Оренбургъ ѣздили, отвѣчалъ посланный, — и по пріѣздѣ сіе письмо дали для передачи вамъ, но не объявили мнѣ отъ кого оно писано, только сказали, что по прочтеніи онъ скоро самъ спознать можетъ.

Батырша не могъ однакоже догадаться и видѣлъ только, что оно написано кѣмъ либо изъ ученыхъ людей. Письмо это произвело на него большое впечатлѣніе, и мечтая давно быть въ числѣ избавителей народа отъ притѣсненій, Батырша рѣшился стать во главѣ народнаго движенія. Онъ написалъ воззваніе, въ которомъ подробно изложилъ всѣ притѣсненія, которыя несутъ магометане и укорялъ тѣхъ, которые, отступивъ отъ вѣры отцовъ, приняли христіанство и стали сторонниками русскихъ. Сожалѣя о такомъ раздвоеніи націи, Батырша предсказывалъ погибель башкирскому народу.

«Какое благо, спрашивалъ онъ въ своемъ воззваніи [1]), и какой плодъ можетъ быть въ томъ народѣ, который между собою не имѣетъ союза, но гибели своей самъ причиною? Какой покой и какое благоденствіе тотъ народъ получитъ, который пребываетъ между невѣрными жилищами и имѣетъ поставленныхъ надъ собою нечестивыхъ старшинъ, вѣрность являющихъ невѣрнымъ, и оставя своихъ законныхъ правовѣрныхъ судей и ученыхъ людей, требуетъ суда отъ тѣхъ нечестивцевъ?..

«Всѣмъ вамъ вѣрнымъ, исповѣдующимъ единаго Бога, совѣтую отъ вышеписанныхъ дѣлъ и непотребныхъ дѣйствъ отстать, т.-е. съ невѣрными россіянами въ согласіи не быть, правовѣрныхъ не разорять и кровь ихъ не проливать, имѣнія не грабить и самихъ въ плѣнъ и слуги не имать. Невѣрнымъ россіянамъ

[1]) Государственный Архивъ, VII, дѣло № 1,781.

головами вашими во всякой службѣ, т.-е. *лопатничей работы* не быть и имъ, невѣрнымъ, городовъ не строить, ихъ отъ жила до жила и отъ города до города на подводахъ вашихъ не возить, ясака и фуража не давать и на земляхъ и водахъ, искони дѣдами и отцами вашими владѣемыхъ, имъ, невѣрнымъ, города, крѣпости и заводы строить воли не давать и въ другихъ службахъ имъ не находиться; къ поднятію руки имъ, невѣрнымъ, способа не давать и правовѣрный народъ отъ безчисленныхъ обидъ и налоговъ защищать; правой вѣрѣ нашей день отъ дня померцать и хулить не допускать. А о прежнемъ своемъ въ томъ прегрѣшеніи принесите ваше покаяніе и тѣмъ испросите оставленіе (грѣховъ) и возъимѣйте надежду на истиннаго великаго Бога, который щедръ и милостивъ, и можетъ намъ, правовѣрнымъ, во славу и возвышеніе вѣры нашей, изрядныхъ надъ нами духовныхъ опекуновъ опредѣлить, а имѣющихся у насъ, поставленныхъ отъ невѣрныхъ, нечестивыхъ старшинъ, изъ среды насъ извергнуть и намъ благословеніе, благодать, помощь и силу дать и день отъ дня правую нашу вѣру укрѣпить.

«Вы, други мои, вѣрные, чистую вѣру къ Богу имѣющіе, старайтесь, старайтесь и старайтесь; военныхъ лошадей и оружіе приготовляйте; сабли, копья, луки, стрѣлы и всякія къ тому принадлежности, по возможности своей, припасайте и Божію повелѣнію повинуйтеся.

«Попроси помощи и положа на него надежду нашу и упованіе, и представя ему ходатая, избраннаго пророка Магомета, оныхъ невѣрныхъ россіянъ разорять начнемте и ихъ изъ земли своей изженемъ и сгубимте. Въ жилищахъ своихъ мечети и училища построимъ и къ укрѣпленію правой нашей вѣры попечемся, ибо въ Казанской губерніи изъ бѣдныхъ нашихъ (магометанъ) Казанскаго, Симбирскаго и Свіяжскаго уѣздовъ 5,000 или болѣе человѣкъ отъ насилія и обидъ ихъ, невѣрныхъ, вѣру воспріяли, токмо изъ нихъ нѣкоторые оную притворно имѣютъ, а сердцемъ нашу вѣру держатъ. Они ждутъ, когда правовѣрные надъ ними, невѣрными, руку подымутъ, тогда и они, за ту же нашу правду головы положить и души испустить не оставятъ».

Стараясь доказать, что цѣль русскихъ состоитъ въ томъ,

чтобы уничтожить магометанство, построить города и крѣпости на земляхъ башкирцевъ и киргизъ-кайсаковъ, Батырша увѣрялъ своихъ единоплеменниковъ, что, для болѣе легкаго достиженія цѣли, русское правительство будетъ стараться произвести междоусобную вражду башкирцевъ съ киргизами. Прося не вдаваться въ обманъ, Батырша уговаривалъ не жалѣть жизни и имущества для защиты религіи и родины.

«Вы, вѣрующіе, писалъ онъ, не страшитесь, что насъ, правовѣрныхъ, мало, а ихъ, россіянъ, много и что мы противъ ихъ возстать не можемъ. Извольте знать и вѣдать, что я, Абдулла-Мягзалдинъ, всѣхъ четырехъ дорогъ народа правовѣрнаго состояніе и тайность развѣдалъ и позналъ; съ нѣкоторыми попечительными учеными, смышленными и подлыми людьми (простымъ народомъ) совѣтовалъ, и условясь, срокъ предположили, чтобъ въ семъ 1755 году послѣ праздника и розговѣнья нашего, т.-е. іюля 1-го числа, возстать, и послѣдуя стезямъ пророка нашего, повинуясь повелѣнію Божію, устроя себя въ военномъ оружіи, ихъ, невѣрныхъ россіянъ, разорить во славу Бога и возлюбленника его пророка приступимте, ибо во всѣ стороны письма и вѣсти отъ насъ разосланы, чтобы къ вышеупомянутому назначенному дню изготовились и выѣзжали».

Башкирцы стали готовиться къ возстанію, причемъ у многихъ являлся вопросъ, кто будетъ руководить этимъ движеніемъ? Люди болѣе опытные сознавали, что для успѣха дѣла необходимо избрать одного общаго начальника, уполномочить его и повиноваться ему. Они обращались за совѣтомъ къ Батыршѣ, спрашивали его мнѣнія.

«Ваше высокое попеченіе слыша, весьма радуемся, говорилось въ одномъ письмѣ [1]). Даруй истинный Боже, чтобы ваше попеченіе и стараніе по согласію съ успѣхомъ произошло. Съ ними, проклятыми невѣрными, давно брань чинить надобно было, ибо они обѣщаніе свое нарушили и по причинѣ того насъ, правовѣрныхъ, попрежнему въ благополучіи не содержали, а мы отъ нихъ къ избавленію, аще Богъ восхощетъ, помощь получимъ.

---

[1]) Переводъ татарскаго письма къ Батыршѣ отъ неизвѣстнаго лица. Госуд. Арх., VII, д. № 1,781.

«Въ 1168 году (1755) россійской государыни отъ правителей духовныхъ присланъ таковъ указъ, чтобы весь нашъ народъ отъ правовѣрія извергнуть, башкирцевъ, мещеряковъ и прочіе народы къ заводскимъ работамъ приписать, да прочія кромѣ сихъ матерій, слышанныя многія рѣчи есть.....

«Только надъ нами, правовѣрными, надобенъ властитель таковъ, который бы былъ пополненъ законнымъ искусствомъ, а ежели такого не будетъ, то какъ народы въ послушаніе приведемъ? ибо нѣкоторые нечестивые, препятствуя сему, могутъ имъ, невѣрнымъ, разгласить, а нѣкоторые восхотятъ и миръ учинить и тако то дѣло разсѣется. Посему надо въ собраніи присягу дать, да и къ властителю тому войска тысячъ до двѣнадцати и болѣе припасать и тѣхъ являющихся намъ противниковъ и имъ, невѣрнымъ, разгласителей прижать; самимъ идти и находиться въ страшныхъ (крѣпкихъ?) мѣстахъ, къ чему въ скорости и собираться въ надобныя мѣста надлежитъ, дабы не быть въ такомъ же состояніи, въ какомъ въ минувшихъ годахъ были, ибо въ минувшихъ годахъ нѣкоторые примирились, а нѣкоторые и не мирились. Однакоже они (русскіе) примирившихся купно и съ непримирившимися погубили и для того съ ними, невѣрными, въ миру (въ согласіи) пользы получить не можно, а надобно съ ними, аще Богъ восхочетъ, до воскресенія мертвыхъ брань имѣть».

Опасаясь несогласій и зная, что не только среди магометанскаго населенія края, но и среди самихъ башкирцевъ есть лица, преданныя русскому правительству и нераздѣляющія мысли о необходимости и пользѣ возстанія, Батырша совѣтовалъ пріѣзжавшимъ къ нему отложить срокъ, имъ же самимъ назначенный, и не начинать непріязненныхъ дѣйствій до его увѣдомленія.

— Пока потерпите, говорилъ онъ; я поѣду въ Оренбургъ, навѣдаюсь о тамошнихъ поведеніяхъ и тогда сношенія съ вами возъимѣю.

По дорогѣ въ Оренбургъ Батырша узналъ, что башкирцы ногайской дороги не послушали его совѣтовъ, убили всѣхъ присланныхъ отъ Кабинета для отысканія глины на фарфоровый заводъ, и возстали противъ русскихъ властей. Встрѣтивъ двухъ

башкирцевъ Бурзенской волости, Батырша разспрашивалъ ихъ о подробностяхъ возстанія.

— У насъ, говорилъ онъ, такой слухъ есть, что вашъ бурзенскій народъ весь разбѣжался, а вы какъ остались?

— Воры разбѣжались, а мы остались, отвѣчали башкирцы.

— Ворами вы называете тѣхъ, которые васъ обокравъ бѣжали.

— Нѣтъ, они ничего не крали, но ослушавшись повелѣній государыни, бѣжали.

— Отъ какого государева повелѣнія бѣжали, спрашивалъ Батырша.

— Заводскіе командиры имѣніе наше разграбили и надъ землями и водами, которыми мы владѣли, власть нашу отняли, женъ и дочерей при глазахъ нашихъ насиловали. Не стерпѣвъ такихъ мучительствъ, наши убили командира съ товарищами и бѣжали.

Батырша укорялъ собесѣдниковъ за то, что они называютъ такихъ людей ворами.

— Развѣ было, спрашивалъ онъ, повелѣніе государево насиловать женъ? Бороды ваши посѣдѣли, а умомъ вы слабы и въ словахъ вашихъ непристойны.

— Пріятель нашъ мулла, отвѣчали они, съ тобою говорить опасеніе имѣли, но теперь познали, что въ тебѣ есть разсужденіе и отъ тебя таить непристойно. Неоднократно народъ нашъ о нападкахъ того завода командира съ жалобою къ дьяволу мурзѣ (генералъ-маіору Тевкелеву) и генералу (Неплюеву) ѣздили, но никакой пользы не получили. И какую можемъ получить отъ нихъ пользу, когда они всѣхъ живущихъ возлѣ Оренбурга людей на своихъ работахъ замучили. Такимъ образомъ оставя, подобно раю, хорошія земли и воды, отцовъ и дѣдовъ нашихъ, народъ испугавшись принужденъ былъ бѣжать.

— Оставшіеся люди ваши въ какомъ нынѣ разсужденіи находятся?

— Господь знаетъ! Ежели народъ возстанетъ, то и мы къ нему пристанемъ, а если не возстанетъ, то все-таки намъ не возстать невозможно будетъ, потому что другъ на друга говорить станутъ и черезъ то многіе пойманы и истреблены будутъ.

Въ Оренбургѣ Батырша видѣлся съ ахуномъ Ибраимомъ, который также выражалъ печаль о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ мусульманамъ. Настроенный такимъ образомъ, Батырша возвратился домой и скоро къ нему явились депутаты изъ Кайлинской волости Казанской дороги съ просьбою о помощи.

— Нѣкоторые люди приказали васъ просить, говорили они, ради усиленія прислать намъ мещеряковъ.

— Возвратитесь домой, отвѣчалъ Батырша, и будьте готовы; нѣсколько людей пришлемъ.

Разославъ посланныхъ по мещерякскимъ деревнямъ, Батырша призывалъ къ себѣ отъ каждой по представителю.

— Вы призваны за тѣмъ, говорилъ онъ, чтобы сѣвъ на хорошихъ лошадей ѣхали въ Кайлинскую волость, повидались тамъ съ муллою, а затѣмъ собравъ народъ и посадя его на кони съ собою привели. Соединясь со всѣми мусульманами и уповая на Бога, на невѣрныхъ, которые нашихъ мусульманъ притѣсняли, нападеніе учините и вѣру нашу возвысить постарайтеся.

— За вѣру нашу, отвѣчали собравшіеся, души полагать будемъ и домой возвратившись къ тому приготовляться станемъ.

Возстаніе быстро распространилось по всей Башкиріи и вооруженныя шайки напали одновременно на нѣсколько крѣпостей и заводовъ. Грабя и разоряя все русское, башкирцы страшно свирѣпствовали: они рѣзали на куски тѣло каждаго несчастнаго, попавшагося въ ихъ руки. Окруживъ близъ Зелаирской крѣпости отрядъ капитана Шкапскаго, башкирцы уничтожили его до одного человѣка такъ, что когда пришла помощь, то на полѣ сраженія было найдено только нѣсколько раненыхъ лошадей, тѣла убитыхъ и звѣрски замученныхъ людей.

Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: войскъ свободныхъ для дѣйствій у него не было и первое время онъ принужденъ былъ ограничиться обороною. Въ Оренбургской губерніи было тогда лишь нѣсколько гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полковъ, разбросанныхъ по 42 крѣпостямъ и такого же числа редутамъ, составлявшимъ пограничную оборонительную линію отъ Каспійскаго моря и до Сибири, на протяженіи 1,800 верстъ. Предъидущія волненія припу-

дили губернатора поставить часть войскъ на частные заводы, для ихъ охраненія, и теперь тронуть эти войска не представлялось никакой возможности.

Будучи въ такомъ положеніи, Неплюевъ приказалъ выслать немедленно съ Яика 1,500 казаковъ, собралъ 650 крещеныхъ калмыковъ и 450 оренбургскихъ казаковъ. «Калмыки же некрещеные, какъ Правительствующему Сенату извѣстно, доносилъ онъ [1]), такого состоянія, что ежели ихъ въ самую Башкирь ввесть, то уже и къ непоколебавшимся отъ продерзостей невозможно будетъ ихъ удержать. Итакъ, неудобно ихъ инаково употреблять, какъ токмо въ такомъ случаѣ, когда-бъ которыхъ людей безъ разбору искоренять или бы противъ какой отдѣльной бунтовщичей партіи дѣйствовать».

Присоединивъ кавалерію къ тремъ полкамъ, собраннымъ изъ внутреннихъ крѣпостей, Неплюевъ сформировалъ нѣсколько отрядовъ и отправилъ ихъ на усмиреніе башкирцевъ, съ приказаніемъ, не щадить ни людей, ни жилищъ ихъ, для внушенія страха и уничтоженія возстанія въ самомъ его началѣ. Полкамъ Азовскому и Астраханскому драгунскимъ губернаторъ приказалъ подвинуться къ Мензелинску, а мещерякскимъ старшинамъ съ ихъ подвластными идти внутрь Башкиріи и усмирять возставшихъ [2]).

Узнавъ объ этомъ, Батырша хотѣлъ склонить на свою сторону вліятельнаго мещерякскаго старшину Яныша, но долго опасался вступить съ нимъ въ разговоръ. Янышъ былъ не расположенъ къ Батыршѣ за то, что послѣдній былъ выбранъ ахупомъ помимо желанія старшины. Человѣкъ дурной нравственности, Янышъ, по показанію Батырши, «никогда Богу не маливался; каждый годъ съ своими сотниками не по очереди людей въ походъ писалъ, которые должны были откупаться; вора не судилъ, истца мириться принуждалъ; гдѣ-бъ ни увидалъ красивую женщину, насильствомъ блудъ чинилъ; билъ людей, которые не хотѣли идти къ нему на судъ, а требовали суда ахуновъ и муллъ, судящихъ по книгамъ;

---

[1]) Въ рапортѣ Сенату отъ 26 августа 1755 г.

[2]) Рапортъ Неплюева Сенату 17 сентября 1755 г., Госуд. Арх., VII, д. № 1,781. См. также *Исторію Россіи* Соловьева, т. XXIII, 295.

если кого надобно было отослать къ мулламъ, то приказывалъ послѣднимъ рѣшать дѣло такъ, какъ ему хотѣлось». Такому человѣку проповѣдь Батырши была непригодна, и лишь только Янышъ получилъ приказаніе Неплюева двинуться противъ башкирцевъ, онъ сталъ собираться въ походъ. Попытки Батырши отклонить его отъ дѣйствія противъ единовѣрцевъ оказались тщетными.

— Самимъ вамъ извѣстно, говорилъ Батырша, что отъ злыхъ россіянъ мусульмане разными бѣдствіями отягчены и въ вѣрѣ, и въ свѣтскомъ житіи. Несчастный народъ какъ птицы, испугавшись кречета, отлетѣть изготовились. Сожалѣя тѣхъ бѣдныхъ мусульманъ не имѣешь-ли чего къ пользѣ вѣры посовѣтовать, чтобы невѣрнымъ отвѣтъ дать и ихъ отъ злыхъ нападковъ отвратить.

— Все знаю, отвѣчалъ Янышъ, нападки день ото дня умножаются: до сихъ поръ даромъ или за малыя деньги можно было доставать деготь, который для выдѣлки кожъ употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велѣли изъ городовъ рыбій жиръ брать и вмѣсто двухъ рублей двадцать издерживаемъ. Слухъ носится, что изъ правовѣрныхъ державъ должно прибыть войско: тогда и сдѣлаемъ дѣло.

— Отъ кого слышалъ?

— Говорили, отвѣчалъ Янышъ. Ежели Богъ оное упованіе наше исполнитъ, то что ни есть учинимъ. Токмо ежели со здѣшними малыми мусульманами возстать, то, подобнымъ песку, множеству невѣрныхъ войскъ отпоръ дать не можемъ. Всѣ тягости на насъ (мещеряковъ) лягутъ; башкирцамъ же ничего не будетъ, ибо они тотчасъ съ женами и дочерьми, взявъ съ собою на годъ провизіи, сядутъ на лошадей и какъ вѣтеръ перелетятъ.

— Ежели около насъ находящіеся, продолжалъ Батырша, степные и къ лѣсамъ живущіе башкирцы за вѣру возстанутъ, то одни мы, мещеряки, хотя и останемся, но изъ жилища нашего выдти способа не сыщемъ и драться съ многолюдными мусульманами не можемъ и кровь проливать за справедливость въ книгахъ нашихъ регула не сыщемъ.

— Если мусульмане усилятся и другихъ странъ войска прибудутъ, то мы соединимся съ ними; а теперь какая нужда, лучше подождать.

Батырша укорялъ Яныша въ невѣріи и назвалъ его лисицею, виляющею хвостомъ.

— Когда притѣсненія чинятся, говорилъ онъ, то потребно намъ, сходственно съ единовѣрцами, прилагать стараніе къ возвышенію вѣры нашей.

— Наставленія твои, отвѣчалъ Янышъ, по справедливости непротивны и никакого сомнѣнія въ нихъ нѣтъ какъ съ книгами, такъ и съ разумомъ, но у старыхъ людей есть пословица, которая съ книгами несходна. Я тебѣ говорю потерпи потому, что по тѣмъ твоимъ наставленіямъ въ дѣло вступить намъ еще рано; безвременное дѣло непристойно бываетъ. Ты своихъ рѣчей народу не разглашай, ибо народъ, что мухи, въ которую сторону вѣтеръ подуетъ, туда и летятъ.

Батырша не утерпѣлъ; онъ продолжалъ разсылать свои воззванія, и въ Оренбургѣ скоро узнали, что онъ главный агитаторъ возстанія. Неплюевъ обѣщалъ выдать тысячу рублей тому, кто доставитъ Батыршу живаго, и зная, что башкирцы возлагаютъ большую надежду на помощь киргизовъ, онъ самъ составилъ и отправилъ къ нимъ листы отъ имени оренбургскаго ахуна, уважаемаго киргизами. Въ разосланныхъ листахъ говорилось, что хотя защита магометанства весьма похвальна и пишущій радуется подвигу своихъ единовѣрцевъ, но какъ башкирцы народъ вѣроломный, то весьма опасно, чтобы получивши помощь отъ киргизовъ они не обратились потомъ на нихъ. «Таковые листы, пишетъ Неплюевъ [1]), посланный мной иногда нарочно обронивалъ, а иногда по дружбѣ и отдавалъ въ руки, и хотя сіе средство, употребленное мною, въ старшинахъ и ханѣ и имѣло желаемое дѣйствіе, но вообще въ народѣ не произвело успѣха; ибо тотъ киргизскій народъ, будучи кочевой и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внималъ никакимъ увѣщаніямъ, а пользовался симъ случаемъ, чтобъ наживаться». Къ башкирцамъ было также отправлено воззваніе съ требованіемъ прекратить бунтъ, и послано письмо того же духовнаго лица. Въ письмѣ этомъ говорилось, что Ба-

[1]) Въ своихъ запискахъ. Отечес. Записки 1825 г. ч. XXIV, стр. 273. Русскій Арх. 1871 года т. I, 674.

тырша прельститель и нарушитель ихъ покоя; что религіозное возстаніе безъ согласія всего духовенства противно корану, и что потому всѣхъ возставшихъ ожидаетъ одна гибель. Многіе послѣдовали этому совѣту и среди народа произошло разногласіе, доходившее до споровъ, вражды и даже непріязненныхъ дѣйствій. Въ такомъ положеніи башкирцы не могли противиться регулярнымъ войскамъ и огромными толпами бѣжали за рѣку Яикъ (Уралъ) къ киргизамъ. Они переправлялись черезъ рѣку, гдѣ только было возможно: у Магнитной, Кизильской и Зелаирской крѣпостей. Высланныя команды перехватывали ихъ на переправахъ, но башкирцы, кидая женъ, дѣтей, раненыхъ и убитыхъ, уходили въ глубь киргизскихъ степей. Въ нѣсколько дней ихъ ушло до 50,000 душъ. Неплюевъ требовалъ, чтобы киргизы выдали бѣжавшихъ мужскаго пола, а женъ, дочерей и все имѣніе бѣжавшихъ взяли бы себѣ. Киргизы воспользовались такимъ разрѣшеніемъ, и между двумя племенами произошло кровавое столкновеніе; обѣ стороны потеряли много убитыхъ и часть башкирцевъ стала возвращаться въ свои жилища. Ихъ велѣно было пропускать безъ затрудненія, чтобы возвратившись домой могли разсказать, какую надежду можно возлагать на киргизовъ. Обиженные башкирцы прислали депутатовъ къ Неплюеву съ заявленіемъ покорности и съ просьбою дозволить имъ отомстить киргизамъ. Оренбургскій губернаторъ не изъявилъ на то своего согласія, но переводчики, по указанію самого Неплюева, внушили депутатамъ, что губернатору нельзя согласиться, а если они разобьютъ киргизовъ, то губернаторъ не будетъ ихъ за то преслѣдовать. Башкиры переправились черезъ Яикъ (Уралъ) и стали опустошать киргизскіе аулы. Такой поступокъ, по мнѣнію Неплюева, положилъ «такую вражду между тѣми мятежными народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна» [1]).

Не всѣ однакоже башкирцы ушли отъ киргизовъ и многіе изъ нихъ, не возвращаясь домой, разбойничали вмѣстѣ съ киргизами. Неплюевъ отправилъ къ нимъ воззваніе, въ которомъ требовалъ возвращенія въ домы и обѣщалъ полное прощеніе, но башкирцы

[1]) Записки Неплюева. *Отечественныя Записки* 1825 года, ч. XXIV, стр. 286.

не возвращались. Тогда послѣдовалъ манифестъ, по которому былъ положенъ срокъ для возвращенія въ жилища: тѣмъ, которые хищничаютъ въ Башкиріи—два мѣсяца, а для бѣжавшихъ къ киргизамъ—шесть мѣсяцевъ [1]). Если бы и затѣмъ башкирцы не усмирились, то Сенатъ въ собраніи 12 сентября 1755 года постановилъ: всѣхъ башкирцевъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, сѣчь кнутомъ и ссылать въ работу въ Рогервикъ; годныхъ къ службѣ сѣчь плетьми и отправлять въ остзейскіе гарнизоны, а отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ—во флотъ. «А малолѣтнихъ отъ 12-ти лѣтъ и ниже съ матерьми ихъ, также и оставшійся женскій полъ, всѣхъ за надлежащимъ конвоемъ отправить въ Москву въ губернскую канцелярію, изъ которой роздать ихъ на состоящія внутри государства фабрики; а такихъ малолѣтнихъ же, у которыхъ матерей нѣтъ, раздавать и другимъ разнаго чина людямъ, кто ихъ взять пожелаетъ, и быть имъ у тѣхъ, кому розданы будутъ, вѣчно, равно какъ крѣпостнымъ, безъ положенія въ подушный окладъ, съ подтвержденіемъ, дабы какъ тѣ малолѣтніе, такъ и возрастные изъ женскаго пола въ вѣру греческаго исповѣданія приведены были». Такихъ женщинъ и дѣтей было отправлено въ Москву болѣе тысячи душъ. Но не смотря на это и на то, что главный ихъ проповѣдникъ Батырша бѣжалъ и потомъ былъ пойманъ [2]), башкирцы возвращались въ свои дома

---

[1]) Манифестъ отъ 1 сентября 1755 г. Государств. Архивъ, VII, дѣло № 1,781.

[2]) Вскорѣ послѣ объявленія Неплюевымъ награды за поимку Батырши, онъ получилъ письмо, въ которомъ его просили поберечь свою голову и знать, что для его поимки посланы особыя команды. Батырша съ нѣсколькими сообщниками бѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ и скрывался десять дней; потомъ перешелъ въ лѣсъ черемисскій. Проскитавшись такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ рѣшился выдти и пробраться въ Петербургъ, чтобы донести самой государынѣ о нуждахъ, претерпѣваемыхъ народомъ. Пробравшись въ Казанскій уѣздъ, Батырша всю зиму прожилъ подаяніемъ и скрывался въ ямѣ. Съ наступленіемъ лѣта онъ вышелъ изъ лѣса и въ деревнѣ Юзякѣ, принадлежавшей мещерякскому старшинѣ Сулейману Деваеву, былъ пойманъ. Объявивъ за собою «слово и дѣло, Батырша просилъ отправить его въ Уфу. Сенатъ приказалъ отправить его въ тайную канцелярію. По дорогѣ Батырша заболѣлъ и былъ остановленъ въ Москвѣ. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что кромѣ ея величества никому ничего не скажетъ. Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ объявила ему, что императрица принять его не можетъ, а чтобы онъ написалъ ей обо всѣхъ имѣющихся секретахъ. Батырша изъявилъ согласіе, но просилъ оберъ-секретаря Хрущова побожиться въ томъ, что запечатанный имъ конвертъ никто не распечатаетъ кромѣ государыни. По составленіи сво-

весьма медленно и неохотно, такъ что правительство принуждено было отсрочить наказаніе невозвратившимся. Въ манифестѣ 8-го марта 1756 года [1]) было объявлено, что будутъ прощены всѣ тѣ башкирцы, которые возвратятся въ свои дома до 1 января 1757 года. Башкирцы возвращались понемногу, но не могли примириться съ своимъ положеніемъ. Они нападали отдѣльными партіями на горные заводы, останавливали работы, не допускали размежеваніе земель, отгоняли скотъ и лошадей, поджигали окрестныя строенія и проч. Заводчики жаловались правительству и возводили на башкирцевъ невозможныя преступленія, будто бы они «кругомъ заводовъ пускаютъ пожары, на заводы и рудники *наводятъ волшебные дымы, отъ чего происходитъ смертельный воздухъ*, такъ что на Авзяно-Петровскомъ заводѣ почти всѣ больны, а немалое число и померло» [2]).

Всѣ эти безпорядки не мѣшали однакоже русскимъ промышленникамъ захватывать вновь башкирскія земли, богатыя рудами, и строить на нихъ заводы. Такъ содержатель мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ Иванъ Твердышевъ, съ товарищемъ своимъ Иваномъ Мясниковымъ, захватили землю, принадлежавшую башкирцу

его показанія Батырша былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и объявилъ, что желаетъ видѣть православнаго священника и съ нимъ поговорить о христіанскомъ законѣ. Если онъ усмотритъ, что «законъ христіанскій правильнѣе магометанской вѣ[illegible]ру, которую онъ совершенно знаетъ, то, оставя магометанскую вѣру, всеусердіемъ приметъ онъ вѣру христіанскую и желаетъ умереть въ православной вѣрѣ». Такое заявленіе не спасло его отъ наказанія. Къ нему былъ посылаемъ нѣсколько разъ ключарь Петропавловскаго собора, Стефанъ Левицкій, но о результатахъ ихъ бесѣдъ намъ ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что въ половинѣ 1757 года Батырша былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался до 24 іюля 1762 года. Въ этотъ день комендантъ полковникъ Бередниковъ донесъ, что скованный по рукамъ и ногамъ Батырша, воспользовавшись тѣмъ, что приставленный къ нему часовой заснулъ, пытался ночью освободиться изъ тюрьмы. «Оный колодникъ взялъ принесенный солдатомъ Хомутовымъ топоръ, по одиночкѣ у капрала Никитина тѣмъ топоромъ голову разрубилъ на-двое; у солдата Хомутова головы лѣвую сторону разрубилъ и правый високъ проломилъ; у Лазарева въ двухъ мѣстахъ брюхо пропорото; у Епифанова, который былъ на часахъ, въ двухъ мѣстахъ голову разрубилъ же. Оный же колодникъ Батырша и самъ умеръ безъ всякихъ язвъ и побой(?)». Сенатъ приказалъ зарыть Батыршу за крѣпостью въ яму.

[1]) Государственный Архивъ, VII, д. № 1,781.

[2]) *Исторія Россіи*, Соловьева, т. XXIV, стр. 171.

Юлаю, впослѣдствіи дѣятельному пособнику Пугачева, и построили на ней заводъ. Поступокъ этотъ былъ представленъ императрицѣ какъ заслуживающій поощренія. Въ 1758 году Сенатъ доложилъ императрицѣ, что Твердышевъ и Мясниковъ первые начали строить заводы въ пустыхъ и дикихъ мѣстахъ, внутри самой Башкиріи, «не взирая на страхъ отъ башкирскихъ волненій». По словамъ Сената, Твердышевъ доставилъ великую прибыль государству и при заводахъ своихъ для безопасности отъ непріятеля построилъ крѣпости, снабдилъ ихъ оружіемъ и порохомъ и «все это сдѣлалъ собственнымъ иждивеніемъ, не требуя приписки крестьянъ, безъ которыхъ почти ни одинъ изъ прежнихъ заводчиковъ обойтись не могъ». За столь похвальные поступки Твердышевъ былъ исключенъ изъ податнаго состоянія и произведенъ прямо въ коллежскіе ассессоры.

Такая награда послужила поощреніемъ для многихъ, и башкирскія земли стали захватываться болѣе и болѣе. Туземное населеніе относилось къ этому крайне враждебно и, не будучи въ силахъ противиться открыто, ожидало лучшихъ временъ и удобнаго случая.

— Нынѣ женскій полъ государствуетъ, говорили башкирцы, и потому надо имѣть терпѣніе. Слухъ такой носится, что на государственный престолъ мужескій полъ возведенъ будетъ, и въ то время какой ни есть милости просить постараемся.

Лаская себя такою мыслію, населеніе жило надеждами, когда въ 1763 году, въ селѣ Спасъ-Чесноковкѣ, получено было извѣстіе, что Петръ III живъ. Священникъ и дьячокъ Ѳедоровы отслужили молебенъ за чудесное спасеніе государя, и вѣсть объ этомъ быстро распространилась во всѣ стороны. Башкирцы, мещеряки и все мусульманское населеніе встрепенулось и съ нетерпѣніемъ ожидало появленія государя. Оно было увѣрено, что со вступленіемъ на престолъ «мужскаго пола» будутъ уничтожены тѣ безпорядки и пороки, которые присущи были администраціи и обществу того времени.

XIV.

Краткая характеристика общества того времени. — Воспитаніе: школы, пансіоны и учителя-иностранцы. — Паденіе семейнаго начала. — Распущенность нравовъ.— Роскошь въ жизни и одеждѣ.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія воспитаніе юнаго дворянства дробилось на три части: люди достаточные и богатые поручали своихъ дѣтей иностраннымъ гувернерамъ, наводнившимъ Россію; люди средней руки предоставляли воспитаніе дьячкамъ, пономарямъ, собственнымъ лакеямъ и незатѣйливымъ школамъ, и наконецъ, бѣдные дворяне вовсе не учили дѣтей, предоставляя воспитаніе ихъ природѣ, среди деревенскихъ мальчишекъ, дворовыхъ людей и сѣнныхъ дѣвушекъ.

Л. Н. Энгельгардтъ зимою часто выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ играть съ ребятишками и затѣмъ прибѣгалъ домой отогрѣваться на лежанкѣ. Онъ кормился самою грубою пищею и вовсе не учился. Грамотѣ его училъ сначала дьяконъ уніатской церкви, потомъ отставной поручикъ Брауншвейгъ; по-нѣмецки онъ учился у того же поручика, а по французски—у іезуита Вольфорта. По достиженіи извѣстнаго возраста, Энгельгардтъ поступилъ въ Смоленскѣ въ пансіонъ Эллерта. Послѣдній былъ мало свѣдущъ и обученіе его состояло «въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ безъ малѣйшаго толкованія и въ принужденіи учениковъ затверживать наизустъ французскія фразы, но за то строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ на совершенно военной дисциплинѣ: билъ безъ малѣйшей пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ» [1]). При такомъ воспитаніи много учениковъ было изуродовано, но пансіонъ былъ всегда полонъ.

Винскій учился у дьяка, который, по его словамъ, «чему

[1]) *Записки Энгельгардта*, изд. 1867 г., стр. 3—7.

и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по субботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ».

Обыкновенно послѣ субботней вечерни всѣ ученики собирались въ школу и стоя ожидали дьяка.

— Миръ ти, благій учителю нашъ, кричали они при появленіи наставника.

— Треба сѣкты васъ, отвѣчалъ онъ, и затѣмъ производилъ экзекуцію.

— Учись, не пустуй, приговаривалъ онъ во время наказанія, — помни субботку.

Тѣ мальчики, родители которыхъ присылали дьяку подарки, наказывались по платью, а бѣдные переносили всю тяжесть наказанія розгами.

Изъ этой школы Винскій былъ переданъ поляку Мушинскому, который былъ «крайне золъ и сѣкалъ безъ милости» [1]).

Болотова училъ такой нѣмецъ, который задавалъ ему нарочно самыя трудныя задачи, чтобы имѣть удовольствіе высѣчь ребенка. Однажды онъ сѣкъ его до тѣхъ поръ, пока самъ выбился изъ силъ, а въ другой разъ обѣщалъ отпустить 600 розогъ, но успѣлъ дать только 200, когда ребенка отняли [2]).

Ив. В. Лопухина училъ домашній слуга, а Ив. Ив. Дмитріева — гарнизонный сержантъ Копцевъ, который ничего не могъ объяснить своему ученику изъ математики, стиралъ цифры, написанныя Дмитріевымъ, и писалъ свои, къ которымъ привыкъ.

Нѣкто С—въ учился сначала у пономарской дочери, а потомъ былъ отданъ въ школу, въ которой было до 120 мальчиковъ и одинъ учитель Д. П. Поповъ, окончившій курсъ въ вятской семинаріи. Получая жалованья 150 рублей и будучи обремененъ большимъ семействомъ, Поповъ, сверхъ того, исполнялъ обязанности сторожа думы.

«У учителя нашего, говорилъ С—въ [3]), была мѣдная указка,

---

[1]) «Записки Винскаго», *Русскій Архивъ*, 1877 г., т. I, 81, 82.

[2]) «Записки Болотова», т. I, 67 и 72.

[3]) *Пермскій Сборникъ*, изд. 1860 г., кн. II.

коею онъ билъ ослушниковъ и лѣнтяевъ по головамъ; въ томъ числѣ и мнѣ доставалось: какъ хватитъ по головѣ, то искры посыплются и голову въ кровь раскроитъ. Столь же часто ставилъ насъ на горохъ, на колѣни, на нѣсколько часовъ». Наиболѣе лѣнивыхъ учениковъ Поповъ одѣвалъ въ изорванную рогожу, ставилъ ихъ на трое сутокъ у воротъ и заставлялъ всѣхъ товарищей, проходя мимо, плевать и харкать на нихъ.

Такая грубая обстановка не могла нравиться людямъ богатымъ и они, избѣгая отдавать своихъ дѣтей въ существовавшія тогда школы, предпочитали воспитывать дома при помощи гувернеровъ-иностранцевъ. Этотъ способъ воспитанія былъ еще хуже, потому что онъ вертѣлся исключительно на общественныхъ приличіяхъ и наружной вѣжливости, доведенныхъ до тонкости.

«Послѣ чумы на Москву напала другая зараза—французолюбіе, говорилъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Много французовъ и француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные» [1]).

Гувернеры-французы, неимѣвшіе никакой научной и педагогической подготовки и которымъ, по ихъ нравственнымъ качествамъ, не было мѣста во Франціи, ѣхали толпами въ Россію и разбирались на расхватъ по уголкамъ нашего обширнаго отечества. Никто не справлялся ни о познаніяхъ, ни о нравственности ихъ, но каждый хлопоталъ только о томъ, чтобы пріобрѣсти гувернера-иностранца.

По свидѣтельству Порошина, одинъ московскій дворянинъ нанялъ чухонца, выдавшаго себя за француза, и выучившаго его дѣтей вмѣсто французскаго языка чухонскому [2]). Французъ-учитель Болотова заставлялъ списывать статьи изъ французскаго словаря, «въ которомъ находилось изъясненіе о каждомъ французскомъ словѣ и толкованія на французскомъ же языкѣ, слѣдовательно, были на большую часть намъ невразумительны». Савояръ, французскій учитель Ив. В. Лопухина, вовсе не зналъ правилъ языка.

Педагогическая дѣятельность тогдашняго времени находилась

---

[1]) «Дневникъ чиновника», *Отеч. Записки*, 1855 г., т. 99.

[2]) «Записки Порошина», *Русская Старина*, 1881 г., № 6, стр. 237 и 238.

*

въ рукахъ негодныхъ французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній и французскихъ лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество [1]).

«Нѣтъ страны, говоритъ Белькуръ [2]), гдѣ бы столько тратилось на образованіе, какъ въ Россіи. Здѣсь видишь въ высшемъ сословіи чуть не столько же воспитателей, сколько дѣтей, и гувернеры эти получаютъ хорошее жалованье, хотя весьма часто и не стоютъ его».

Французъ Мессельеръ былъ пораженъ, когда увидѣлъ, что у многихъ знатныхъ русскихъ воспитываютъ дѣтей бѣглецы изъ Франціи, банкруты, развратники и даже женщины дурного поведенія, побывавшія въ передѣлкѣ у парижской полиціи.

Сатирическіе журналы того времени подсмѣивались надъ такою погонею и въ одномъ изъ нихъ было напечатано слѣдующее объявленіе:

«*Кронштадтъ*. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза. Многіе изъ нихъ въ превеликой ссорѣ съ парижскою полиціею, которая и попросила ихъ выбраться изъ столицы. Ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей».

Подобныя насмѣшки не достигали цѣли, и русское общество, оставаясь глухимъ ко всякаго рода предостереженіямъ, съ полнымъ довѣріемъ ввѣряло прибывшимъ воспитаніе своихъ дѣтей, платя за это весьма дорого. Слѣдуя безусловно модѣ, дворяне недостаточные воспитывали своихъ дѣтей въ складчину и сообща нанимали учителя иноземца. Такъ В. С. Хвостовъ и его два брата учились вмѣстѣ съ сыновьями трехъ другихъ помѣщиковъ [3]). Иногда знакомство съ богатымъ и вліятельнымъ лицомъ дозволяло недостаточному дворянину пристроить своего сына въ домъ «милостивца» и пользоваться уроками нанятаго учителя, о чемъ обык-

---

[1]) «Записки графа Сегюра», 60.

[2]) *Древняя и Новая Россія*, 1875 г., т. III, стр. 280—281.

[3]) «Записки В. С. Хвостова», *Русскій Архивъ*, 1870 г., т. I, 553.

новенно оговаривалось въ контрактѣ. Въ государственномъ архивѣ [1]) сохранились два контракта, заключенные поручикомъ де-Серати съ княземъ М. В. Голицынымъ и съ княземъ Черкасскимъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ:

«1745 года марта въ « » день сей контрактъ заключенъ промежъ его сіятельства г. камергера и кавалера князя Михаила Васильевича Голицына и поручика де-Серати на годъ. Его сіятельство обѣщаетъ поручику де-Серати, который будетъ какъ гофмейстеръ у его сіятельства дѣтей, давать 320 рублевъ въ годъ и за показанную цѣну вмѣстѣ съ дѣтьми его сіятельства долженъ поручикъ де-Серати обучать двоихъ дѣтей отъ флота г. капитана Матвѣя Васильевича Ржевскаго. А платить деньги по третямъ напередъ; первую треть вшедши въ домъ 120 рублевъ, а другія трети по сту рублевъ. Сверхъ того, давать ему 15 ведеръ вина простого, постелю со всѣмъ приборомъ, мыть въ домѣ такъ, какъ самому князю, свѣчей и топлива сколько пожелаетъ. Для стола, во время поста, давать ему въ его горницу по три блюда въ обѣдъ и ужинъ, да и во время мясоѣда, когда онъ пожелаетъ, въ свою горницу, будетъ ему дано всякой же разъ по три блюда. Лѣтомъ колясу парою, зимой—сани парою и съ хомутами наборными, да еще малаго, да кучера въ ливреѣ. Лошади и люди всегда будутъ въ его диспозиціи и дабы никто не смѣлъ ихъ тронуть безъ его позволенія. Еще же ему будетъ позволено взять двухъ учениковъ покамѣстъ будетъ въ Москвѣ.

«Поручикъ же де-Серати съ своей стороны обѣщаетъ обучать дѣтей его сіятельства и г. Ржевскаго по италіански, по французски, по нѣмецки, по латыни, исторіи и географіи. Вышеписанное же время годъ обѣщаетъ поручикъ де-Серати учить со всякимъ прилежаніемъ и имѣть къ дѣтямъ всякое смотрѣніе надлежащее и въ деревню съ его сіятельствомъ ѣхать обязуется» [2]).

---

[1]) Госуд. Архивъ, XVII, № 56.

[2]) Въ 1749 году тотъ же поручикъ де-Серати заключилъ контрактъ съ княземъ Черкасскимъ. Контрактъ этотъ, написанный почти дословно, какъ и приведенный выше, имѣлъ слѣдующія измѣненія: годовая плата 250 рублей, сыскать ему трехъ учениковъ и если такихъ не сыщется, то платить 300 р. Давать постель, матрасъ и одѣяло набойчатое.

Подобныхъ контрактовъ было заключаемо очень много и безъ-застѣнчивые иностранцы брались учить многимъ языкамъ и всѣмъ предметамъ. При такихъ условіяхъ образованіе русскаго общества было чисто внѣшнее: рабское поклоненіе ко всему иностранному, презрѣніе ко всему родному, незнаніе русскаго языка и погоня за изученіемъ божественнаго французскаго [1]). «Отцы наши, говоритъ современникъ, воспитать насъ желали какъ нибудь, только чтобы не по русски, и чтобъ черезъ воспитаніе наше мы не походили на россіянъ» [2]). Большинство вельможъ не умѣло правильно писать. По свидѣтельству Грибовскаго, только князь Потемкинъ и гр. Безбородко знали русское правописаніе, а остальные были малограмотны или вовсе неграмотны, какъ, напримѣръ, вятскій губернаторъ Латышевъ, управлявшій губерніею въ царствованіе Павла [3]). И. И. Дмитріевъ говоритъ, что въ его время учились читать и писать только люди богатые, а бѣдные дворяне ничему не учились, привыкая только къ хозяйству [4]); многія дворянскія семейства переписывались съ родственниками черезъ грамотнаго дворовaго человѣка.

Тогдашнее воспитаніе выражалось полнымъ отсутствіемъ знакомства съ тѣми богатыми свѣдѣніями, которыя выработала европейская литература по всѣмъ отраслямъ наукъ, а въ замѣнъ того съ молодыхъ лѣтъ внушалось пристрастіе къ тому, что бросалось въ глаза и поражало своимъ наружнымъ блескомъ. По словамъ Сегюра, русскіе одѣвались, жили, меблировали свои комнаты, ѣли, встрѣчались и кланялись, вели себя на балѣ и обѣдѣ— какъ французы, англичане или нѣмцы, но «подъ покровомъ европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ». Даже и при дворѣ презрительно отзывались о русскомъ театрѣ и актерахъ, потому только, что они русскіе [5]), а абонироваться на весь годъ на французскіе спектакли считалось обязанностію всякаго порядочнаго человѣка, бывающаго въ обществѣ [6]).

---

[1]) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». *Русская Старина* 1870 года, № 7.
[2]) *Собесѣдникъ любит. россійск. слова*, II, 14.
[3]) *Осмнадцатый вѣкъ*, кн. IV, стр. 473.
[4]) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, Дмитріева.
[5]) «Записки Порошина».
[6]) «Бытъ русскаго дворянина», *Москвитянинъ* 1855 г., № 13, 25.

«Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ, говорилось въ одномъ изъ современныхъ журналовъ [1]), къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ похвально; но не имѣть попеченія объ ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнему — безбожно».

Вліяніе наружнаго французскаго лоска и подражаніе всему французскому было на столько всеобще, что сѣвскій архіерей Кириллъ Фліоринскій приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его въ священнодѣйствіи были причесаны съ пуклями и подъ пудрою. «Не будемъ вопрошать, говоритъ Добрынинъ, кстати-ли пудра и пукли къ алтарю и къ распущеннымъ по плечамъ волосамъ? Но скажемъ о томъ, что ему немалаго стоило труда пріучивать къ сей прихоти закоснѣлую монастырщину; напротивъ чего, я, склоненъ будучи отъ природы къ опрятности до щегольства, всегда его веселилъ смѣшною чоскою волосъ и былъ у него образцомъ для другихъ».

Въ день своихъ именинъ Фліоринскій, назвавши много гостей, и имѣя келейника, любившаго хлѣбнуть черезъ край, просилъ Добрынина быть на этотъ день распорядителемъ.

— Ты знаешь, сколько я люблю порядокъ, говорилъ архіерей, и сколь нетерпѣливъ тамъ, гдѣ вижу непорядокъ. Посуди же, могу-ли я нынѣшній день быть покоенъ? Иному моему брату, русскому архіерею, было бы сіе нечувствительно, но я французъ! Я имѣлъ случай быть въ Парижѣ разъ, но не буду и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской» [2]).

Отказавшись отъ прошлаго въ нашей жизни и сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему иностранному, мы потеряли добродѣтели нашихъ предковъ и промѣняли старое родное добро на новые чужіе пороки. Неохотно и съ трудомъ усвоивая богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высокогуманныя идеи европейскаго образованія, мы перенимали только то, что̀ манило къ чувственнымъ наслажденіямъ и ласкало самолюбіе. Подъ французскимъ кафтаномъ таилась грубость и жестокость, подъ утон-

---

[1]) *Вечера*, ч. I, изд. 2-е, стр. 10—12.

[2]) «Записки Добрынина», стр. 21 и 36.

ченными манерами и вѣжливостью—пустота, изнѣженность и трусость. Съ другой стороны, масса была невѣжественна и проявленіе животныхъ инстинктовъ не рѣдкость. Понятія о пользѣ общества, о любви къ отечеству не существовало. «Чортъ меня возьми! писалъ одинъ изъ защитниковъ иностраннаго издателю «Кошелька». По чести моей я о васъ сожалѣю. Вы родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумасбродство. Пріятель мой, вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила. Перестаньте понапрасну марать бумагу, нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтренны, насмѣшливы, вѣдь они васъ *засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью*».

«Французскія моды, пишетъ Забѣлинъ [1]), французскій вкусъ и въ отношеніи нравовъ, и во внѣшней обстановкѣ тогдашней общественной жизни господствовали во всей силѣ и съ каждымъ днемъ измѣняли русскаго человѣка».

— Сперва мы были просты, говорили тогдашніе старики, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ *петиметровъ*, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ же того мы пудримся и опрыскиваемся благовонными водами.

Внѣшность и одна только внѣшность была достояніемъ общества и предметомъ подражанія для молодаго поколѣнія. Люди истинно образованные считались единицами, а круглыя невѣжды и люди съ однимъ внѣшнимъ лоскомъ — тысячами. Отправленіе молодыхъ людей за границу для окончанія образованія не приво-

---

[1]) «Хроника общественной жизни въ Москвѣ», *Современникъ* 1852 года, т. 32, стр. 9.

сило ожидаемыхъ результатовъ. Такія лица, обыкновенно сыновья богатыхъ родителей, привыкшія къ лѣни и роскоши, не думали объ образованіи, искали наслажденій въ парижской жизни, если удавалось проматывали состояніе и приносили домой запасъ не научныхъ свѣдѣній, а разсказовъ о модахъ, роскоши, зрѣлищахъ и увеселеніяхъ. «Молодаго россійскаго поросенка, написано было въ «Трутнѣ», который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который воротился уже совершенною свиньею, желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города».

Отношеніе общества къ литературѣ и наукѣ было самое невѣжественное.

— Моя наука, говоритъ тогдашній щеголь, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, кстати вздыхать, сидѣть разбросану (непринужденно), имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку и быть совсѣмъ развязану.

— Какъ глупы тѣ люди, говоритъ щеголиха, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужасть какъ смѣшны ученые мужчины.

Книга для тогдашняго дворянина было нѣчто пустое, неважное. «Вельможа нашъ, говоритъ «Трутень», ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать ничему не учася. Философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоющія вниманія дворянскаго. Гербовникъ и патенты, едва-едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ».

«Дворянину, писалъ одинъ практическій помѣщикъ, нужно знать только законы гражданскіе, а для сей надобности нужно имѣть обхожденіе съ служащими въ статской службѣ [1]). Нѣкоторые, стараясь показать себя любителями науки, собирали большія библіотеки, но книгъ никогда не читали. В. С. Хвостовъ видѣлъ въ Екатеринбургѣ у заводчика Твердышева большую библіо-

[1]) *Русскій Архивъ* 1865 года, 474.

теку, но сомнѣвался, чтобы онъ ею пользовался. «Но извѣстно то, что наслѣдники подѣлили ее на три равныя части, разбирая каждый по книгѣ изъ каждаго увража, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ сочиненій» [1]). Даже и писатели смотрѣли на свою литературную дѣятельность какъ на что-то побочное. Державинъ цѣнилъ въ себѣ чиновника болѣе чѣмъ поэта, а фонъ-Визинъ смотрѣлъ на свои произведенія, какъ на средство забавлять людей [2]).

При воспитаніи дѣвушки обращалось исключительное вниманіе на внѣшній лоскъ и наружныя формы: наряжали, выпрямляли станъ, заставляли голову носить и поворачивать предписаннымъ образомъ, учили танцовать. Извѣстный въ то время балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ такъ хорошо не танцуютъ минуэта, какъ въ Россіи.

Воспитанная въ играхъ и забавахъ, женщина прошлаго столѣтія въ нравственномъ отношеніи далеко непривлекательна. Оставаясь въ семейномъ быту въ томъ же подчиненіи относительно мужчины, въ какомъ была въ періодъ Домостроя, женщина въ обществѣ являлась повелительницею своихъ поклонниковъ. «Нынѣ женщинъ, сказано въ «Кошелькѣ» 1774 года, въ заперти и подъ покрываломъ ихъ лицъ не держатъ—*всѣ онѣ наружѣ*». Свобода въ одеждѣ и въ манерахъ, умѣнье произнести нѣсколько модныхъ словъ, выученныхъ наизустъ, составляли наружныя достоинства женщины, а въ дѣйствительности она была несвѣдуща, злословна, развратна и жестока. «Матушка моя, пишетъ современникъ, пришедши изъ конюшни, въ которой обыкновенно ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по русски ясно пересказываетъ». Поступки извѣстной Солтычихи, кн. Козловской, атаманши Ефремовой и другихъ женщинъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, не говорятъ въ пользу нѣжнаго сердца прекраснаго пола. Объ образованіи мягкаго сердца, приготовленіи хорошихъ матерей и хозяекъ никто не заботился, но женщина, незнавшая тогдашнихъ приличій и не слѣдовавшая модѣ, подвергалась насмѣшкамъ.

[1]) «Записки В. С. Хвостова», *Русскій Архивъ* 1870 г., т. I, 566.
[2]) *Библіографич. Записки* 1858 г., № 17, 518.

Такое воспитаніе не могло не обратить на себя вниманіе людей, заботившихся о благосостояніи своей родины. Многіе государственные дѣятели, каковы графъ Н. И. Панинъ, Бецкій и другіе понимали всю несостоятельность тогдашняго домашняго воспитанія и признавали необходимымъ перенести его въ школы и подчинить надзору правительства.

Еще въ указѣ 12 января 1755 года было сказано, что у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали и отъ того лучшее для воспитанія время пропадало даромъ. Многіе родители, сами не имѣя никакихъ познаній въ наукахъ, принимали къ себѣ въ домъ такихъ учителей, которые лакеями, парикмахерами и «другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Чтобы избавиться отъ такихъ учителей, было учреждено нѣсколько школъ и положено основаніе московскому университету. Школъ этихъ и частныхъ пансіоновъ, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ немногихъ городахъ, было слишкомъ недостаточно, и въ 1764 году было утверждено «генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества».

«Съ давняго уже времени, писала императрица Екатерина II Бецкому [1]), имѣетъ Россія академію и разныя училища и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества (за границу) для обученія наукамъ и художествамъ;—но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто изъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо

[1]) Полн. Сбор. Закон., № 12,103.

оныя въ сердце его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила единое токмо средство остается, т.-е. произвести сперва *способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей*, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали-бъ паки своимъ дѣтямъ».

Созданіе новой породы, новыхъ отцовъ и матерей требовало времени, а между тѣмъ вкоренившіеся пороки повели къ совершенному паденію семейнаго начала. Постоянная и искренняя любовь супруговъ другъ къ другу считалась дѣломъ неприличнымъ, непринятымъ въ обществѣ. Когда Порошинъ разсказывалъ объ одномъ счастливомъ бракѣ, то присутствующіе замѣтили, что такая горячность весьма рѣдка нынѣ между мужемъ и женою. И. И. Дмитріевъ находилъ страннымъ, что жена Державина принимала близко къ сердцу всѣ радости и огорченія мужа. «Отецъ мой дворянинъ, говоритъ современникъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простого нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или людей въ конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя въ глазахъ такіе поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возъимѣлъ къ нимъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно, ибо я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ браныя слова, которыя бывало отъ родителей своихъ слышу».

Мода требовала, чтобы мужъ и жена жили на разныхъ поло-

винахъ, имѣли свой собственный кругъ знакомства и любовныя связи. Князь и княгиня Вяземскіе, по словамъ Державина [1]), «знали модное искусство давать другъ другу свободу». Въ высшихъ сферахъ считалось недостаткомъ, если женщина обходилась безъ любовника, и потому каждая изъ нихъ имѣла своего «*болванчика*», а иногда и нѣсколькихъ.

«Для пополненія порожнихъ мѣстъ, читаемъ въ «Трутнѣ», по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мѣщанъ до 12 человѣкъ. Кто пожелаетъ къ поставкѣ оныхъ подрядиться или и сами желающіе заступить тѣ убылыя мѣста, могутъ являться у упомянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ».

Шапиъ утверждаетъ, что большинство русскихъ женщинъ его времени не знали другихъ удовольствій кромѣ чувственныхъ и часто предавались рабамъ, «которые, разумѣется, не евнухи; крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье руководятъ ихъ выборомъ». Новиковъ влагаетъ въ уста тогдашней женщины слѣдующія слова: «мужчина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница». Съ другой стороны, каждый мужчина долженъ былъ имѣть «*метрессу*» или любовницу, что хотя стоило и большихъ денегъ, но было признакомъ хорошаго тона. Шуваловъ, по словамъ князя Щербатова, имѣлъ многихъ метрессъ, сыпалъ на нихъ деньги, а «дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно лекарства, которыя и смерть ему приключили». Князь Потемкинъ перемѣнилъ нѣсколькихъ и поочередно выдавалъ ихъ замужъ. Графъ Безбородко одной италіанской пѣвицѣ давалъ по 2,000 рублей золотомъ, а при отъѣздѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500 т. руб. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку, имѣлъ отъ нея дочь, которую потомъ выдалъ замужъ и далъ за нею въ приданое: домъ въ 300 т. руб. да имѣніе, приносившее 80 т. руб. ежегоднаго дохода [2])».

---

[1]) *Сочиненія Державина*, т. VI, 539.

[2]) Черты нравовъ XVIII олѣтія, «*Русскій Вѣстникъ*» 1857 г. т. XI.

Служебное положеніе графа П. А. Румянцова заставляло его жить отдѣльно отъ супруги, которая, будучи примѣромъ постоянства, знала его невѣрность. По случаю какого-то праздника она послала подарки ему, камердинерамъ и нѣсколько кусковъ на платье его метрессѣ. «Задунайскій, тронутый до слезъ, сказалъ о супругѣ: она человѣкъ придворный, а я—солдатъ; ну, право, батюшки, еслибы зналъ ея любовника, послалъ бы ему подарки [1]).

Примѣру вельможъ слѣдовали средніе и низшіе слои общества, и многіе помѣщики держали цѣлые гаремы.

Сѣвскій помѣщикъ, гвардіи капитанъ Андрей Ивановичъ Касаговъ, «по примѣру премудраго іудейскаго царя Соломона», имѣлъ у себя гаремъ и «держался обыкновеній золотого вѣка, когда всѣ люди, какъ говорятъ, были въ естественномъ законѣ». Въ числѣ гаремныхъ женщинъ находилась его любимая «*султанша*»—дочь священника его же села, «которую когда предпринялъ-было отецъ освободить, то заплатилъ своею жизнію, ибо неизвѣстно куда дѣвался [2])».

Сластолюбіе разливалось повсюду и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни. Въ обращеніи между мужчиною и женщиною въ обществѣ было много вольности. Любовныя похожденія становились достояніемъ самаго юнаго возраста, а разсказы о нихъ—предметъ любимаго разговора для взрослыхъ, причемъ присутствіе дѣтей не стѣсняло разговаривающихъ. 30 сентября 1764 года Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ [3]): его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ) сказывать изволилъ въ неразумительныхъ его высочеству словахъ, что въ бытность его въ Швеціи, нѣкогда за столомъ зашла рѣчь, что турки мужественны въ поляхъ цитерскихъ, то одна бывшая тутъ графиня, не покраснѣвши ни мало на то молвила: на турокъ слава только, а я знаю и русскихъ, противъ которыхъ не гдѣ въ этомъ туркамъ тягаться.

«Къ тому сказывалъ еще его сіятельство вице-канцлеръ, что какъ былъ здѣсь посланникъ персидскій, то поѣхавши назадъ жен-

---

[1]) Разсказы, записанные Карабановымъ, «*Русская Старина*» 1872 г., т. V, 771.

[2]) *Записки Добрынина*, изд. 1872 г., стр. 94—98.

[3]) «*Русская Старина*» 1881 г. № 1, приложеніе, стр. 18.

скаго и мужескаго пола свиты его персіяне не щадили и увозили съ собою. Покойный отецъ его сіятельства былъ тогда въ Астрахани губернаторомъ и получилъ повелѣніе, чтобы при отъѣздѣ онаго посланника со свитою, увезенныхъ ими дѣвокъ и мальчиковъ обобрать у нихъ. Но совсѣмъ тѣмъ персіяне, въ сундуки заперши оныхъ, провезли съ собою [1])».

Результатомъ подобныхъ бесѣдъ въ присутствіи дѣтей было то, что юноша лѣтъ въ тринадцать уже влюблялся въ «комнатную дома дѣвку» и въ короткое время дѣлался «невольникомъ рабы своея».

Въ двухъ центрахъ, Петербургѣ и Москвѣ, было столько случаевъ для увлеченія и порчи молодыхъ людей, что рѣдкій изъ нихъ не поддавался общему соблазну, и счастливъ былъ тотъ, предметъ страсти котораго былъ не очень разорителенъ. Державинъ, въ своихъ запискахъ, не скрываетъ порока своего вѣка и съ наивностью говоритъ, что въ молодыхъ годахъ устранился отъ развратнаго общества только тѣмъ, что «имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою, и какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ мало по малу свое поведеніе» [2]).

При проѣздѣ черезъ Могилевъ, великій князь Павелъ Петровичъ, увидя молодого Энгельгардта и узнавъ отъ отца, что онъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, сказалъ: «пожалуй не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился» [3]).

«Какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, говорилъ старикъ Н. А. Алферьевъ, въ которую мы погружались, я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, чтобы молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда—прости

[1]) Подобные разговоры повторялись 5 и 7 октября.
[2]) *Сочиненія Державина*, изд. Я. К. Грота, т. VI, 460.
[3]) «Записки Энгельгардта», стр. 26.

имъ Господи—бывало, суются туда же! Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ, а всему виною были праздность и французскіе учители. Да и какъ было не быть празднымъ? Молодой человѣкъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ 20 лѣтъ имѣлъ уже чинъ маіора и даже бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ привольно и заниматься, благодаря воспитанію, ничѣмъ не умѣлъ [1]).

Молодой человѣкъ погрязалъ въ пустотѣ, въ праздной и безцѣльной жизни. Онъ жилъ минутой, изо-дня въ день и ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался. Хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать — вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать.

Проснувшись въ полдень, или немного позже, русскій дворянинъ прошлаго столѣтія намазывалъ свое лицо парижскою мазью, изъ желанія сдѣлать свою кожу мягкою и нѣжною, натирался разными водами и кропилъ себя духами; потомъ набрасывалъ на себя «*пудреманъ*» и не зная куда дѣвать время, проводилъ нѣсколько часовъ за туалетомъ: чистилъ зубы, румянилъ губы, подсурмливалъ брови, налѣплялъ на лицо мушки, причесывалъ и пудрилъ голову. Убрать голову, завить волосы букль въ 20 и болѣе было дѣло нелегкое, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, и французскимъ парикмахерамъ платились большія деньги за прическу со вкусомъ. Пудра употреблялась разная, смотря по цвѣту волосъ: poudre grise, poudre blonde и бѣлила. Туалетъ продолжался у иныхъ, какъ, напримѣръ, у князя Платона Зубова, такъ долго, что онъ принималъ въ это время доклады и просителей. Окончивъ туалетъ, франтъ садился въ маленькую карету, рыскалъ по городу, бѣгалъ изъ дома въ домъ; въ одной гостиной онъ самъ собиралъ новости, въ другой разсказывалъ ихъ; въ одномъ домѣ онъ насмѣхался надъ тѣмъ, что видѣлъ въ другомъ, а въ третьемъ прилыгалъ и разсказывалъ даже и то, чего не видалъ. Онъ говорилъ всегда важно, съ достоинствомъ, имѣя въ карманѣ на всякій

[1]) «Записки Жихарева 388—390».

случай нѣсколько дешевыхъ эпиграммъ [1]), и пересыпая свою рѣчь иностранными словами.

Сумароковъ говорилъ, что провописаніе наше испортили подъячіе, а языкъ иностранцы: нѣмцы насыпали въ него словъ нѣмецкихъ, петиметры—французскихъ, предки наши—татарскихъ, педанты—латышскихъ, переводчики св. писанія—греческихъ. «*Честолюбіе* возвратитъ насъ когда нибудь, писалъ онъ, съ сего пути несомнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толикою сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ с вершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Сказывано мнѣ, что нѣкогда нѣмка московской нѣмецкой слободы говорила: mein мужъ kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь. Это смѣшно, да и это смѣшно: «я въ дистракціи и дезеспере, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я пурсюръ противъ ривала своего буду ревенжироваться».

«Кто бывалъ допущенъ въ русскія искреннія бесѣды, говоритъ Винскій [2]), и имѣлъ возможность дѣлать наблюденія, тотъ признается, что оныя состоятъ по большей части изъ повѣствованій. Десять и двѣнадцать человѣкъ обыкновенно слушаютъ одного разсказчика». Разговоръ въ деревняхъ вертится на хозяйствѣ и охотѣ, а въ городахъ—тоже, съ прибавленіемъ городскихъ новостей. «При разсказываніи ссылки и повѣрки всегда бываютъ на бывалыхъ; никогда ни на одну книгу ни одинъ русскій не ссылается и ни одного автора не именуетъ. Дворянство почитаетъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, обѣгается».

По словамъ фонъ-Визина, лучшее препровожденіе въ обществѣ состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. «Въ аристократіи грубый матеріализмъ, сладострастіе смѣшивались съ атеизмомъ».

Белькуръ, свидѣтельсвуетъ что русскія дамы, побывавшія въ Парижѣ, усвоили себѣ дурной тонъ французскихъ модницъ, дамъ полусвѣта (petites maîtresses). «Хорошаго же тона онѣ не пріобрѣли

[1]) Черты нравовъ XVIII столѣтія, Аѳанасьева. «*Русскій Вѣстникъ*» 1857 г., т. XI, стр. 264, 272.

[2]) «Русскій Архивъ», 1877 г., т. I, 189.

и весьма далеки отъ этой цѣли, какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ». Наблюдательный французъ говоритъ, что «какъ не стараются онѣ хорошо одѣться, у нихъ все выходитъ не складно. Три, четыре косынки, одѣтыя безъ вкуса, дѣлаютъ ихъ похожими на кормилицъ, нарядившихся въ дѣтскія пеленки. А тѣ, что открываютъ грудь, переступаютъ предѣлы приличія, такъ что парижанинъ принялъ бы ихъ за женщинъ на содержаніи. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ имѣютъ этотъ видъ, стараются оглашать свои любовныя похожденія и содержать любовниковъ на жалованьѣ. Здѣсь открыто говорятъ, что такой-то господинъ живетъ въ связи съ такою-то дамой, разсказываютъ даже, что многія дамы больны вслѣдствіе своего разврата. Къ тому же онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки и много пьютъ ихъ, подобно своимъ мужьямъ» [1]).

Какъ то, такъ и другое совершалось свободно и, по свидѣтельству Новикова, дамы, занимавшія почетное положеніе въ обществѣ, и притомъ богатыя, не считали предосудительнымъ продавать свою любовь за деньги, и въ одно и то же время принадлежать нѣсколькимъ. Болотовъ говоритъ, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II самовольные разводы, браки на близкихъ родственницахъ, также отъ живыхъ мужей и женъ были весьма обыкновенны. Родители выдавали замужъ дочерей за людей завѣдомо женатыхъ и духовенство поощряло разводы, за деньги, конечно. Тогда явилась мода, чтобы дѣвушка выходила замужъ побѣгомъ или была похищена. Такіе поступки вызывали сочувствіе и являлись ходатаи за нихъ у родителей, какъ мужчины, такъ и женщины. Многіе спеціально занимались тѣмъ, что устроивали любовныя интриги, помогали женамъ освобождаться отъ гнета мужей, дѣвушкамъ убѣгать съ любимымъ человѣкомъ, и затѣмъ мирили ихъ съ родителями. И. Ѳ. Лукинъ совѣтовалъ своимъ дѣтямъ, если захотятъ свататься, то избрать къ тому людей добраго поведенія и благонадежныхъ. «Съ своей же стороны, писалъ онъ [2]), прилежно разсматривать глазами и ушами и отнюдь не скоро къ

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1875 г., т. III, 281.

[2]) Жизнь стариннаго русскаго дворянина. *Русскій Арх.*, 1865 г., № 8, стр. 925.

рѣнимости той приступать; всего важнѣе въ семъ случаѣ узнавать или развѣдать правъ твоей судьбы, видъ, обхожденіе, человѣчество,—чтобъ сколько ни на есть было сходственно съ твоимъ положеніемъ; также нужно и о дѣтяхъ несравненныхъ помыслить; должно и все предпріять съ точностію, а не на фальшивыхъ иногда воображеніяхъ основываться и отнюдь не съ тѣмъ жениться совѣтую всякому, чтобъ вскорѣ потомъ и разойтиться, *какъ то въ мірѣ нынѣ совершается*». Иванъ Бутурлинъ безъ развода разъѣхался съ женою: она вышла замужъ за Ушакова, а онъ женился на Маврѣ Аѳанасьевнѣ и жили спокойно. Незаконные браки не признавались церковью, но незаконныхъ дѣтей усыновить было очень легко.

Распущенность правовъ была полная даже и среди высшаго сословія. Графъ Завадовскій бывалъ часто въ веселомъ настроеніи и, по разсказу Н. И. Греча, вино сократило его жизнь. Статсъ-секретарь императрицы Храповицкій былъ большой гуляка, а графъ Безбородко сверхъ того и любитель общества прекраснаго пола. «Каждую субботу послѣ обѣда надѣвалъ онъ синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость съ золотымъ набалдашникомъ и клалъ сто рублей въ карманъ. Вооруженный такимъ образомъ, посѣщалъ онъ самые неблагопристойные дома. Зимою по воскресеньямъ бывалъ онъ всегда въ маскарадахъ Ліона, и проводилъ время среди прелестницъ часовъ до пяти утра [1]). Однажды, потребованный императрицею совершенно неожиданно, когда проводилъ время среди шумной оргіи, Безбородко, чтобы отрезвиться, приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ. «Наши дураки, въ иностранной коллегіи присутствующіе, записалъ Храповицкій [2]), не думая о дѣлахъ, проводятъ время только съ дѣвками».

Образъ жизни привилегированнаго сословія заключался въ постоянномъ стремленіи къ роскоши, великолѣпію и блеску, которымъ нельзя не удивляться, читая дошедшія до насъ описанія жизни нашихъ предковъ. Прорубивъ въ Европу окно, а не дверь, мы не имѣли возможности познакомиться съ основами и фунда-

[1]) «Записки Греча», *Русскій Архивъ*, 1873 г., т. I, 330.
[2]) «Записки Храповицкаго», изд. 1874 г., стр. 151.

*

ментомъ цивилизаціи, а доставали изъ окна верхушки ея, все то, что покровительствовало животнымъ инстинктамъ и чувственнымъ наслажденіямъ. Порча нравовъ и роскошь начали развиваться съ царствованія Петра Великаго и дошли впослѣдствіи до чудовищныхъ размѣровъ. Забравшись первоначально въ верхніе слои общества, порокъ спустился потомъ до самыхъ нижнихъ, до бѣдныхъ дворянъ и однодворцевъ.

Каждый дворянинъ считалъ необходимостью и обязанностью держать огромную дворню, состоявшую изъ праздныхъ безземельныхъ людей, неприносившихъ никакой пользы государству, потому что они податей не платили и не отбывали повинности натурою. Распоряжаясь этими людьми по своему произволу, помѣщики часто ссылали со своего двора людей старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ, чтобы не кормить ихъ, а иногда завѣщали отпустить ихъ на свободу послѣ своей смерти. Сдѣлавшись вольными, всѣ эти люди не знали куда дѣваться, увеличивали толпу людей, неимѣвшихъ опредѣленнаго занятія, и бродя съ мѣста на мѣсто кормились милостыней, подаяніемъ или приставали къ шайкамъ воровъ и разбойниковъ [1]). Съ теченіемъ времени число такихъ людей не только не уменьшилось, а напротивъ все увеличивалось. По числу дворовыхъ и прислуги нерѣдко опредѣлялось богатство, важность и значеніе помѣщика или должностнаго лица, и число дворни доходило въ нѣкоторыхъ домахъ до 500 человѣкъ. Роскошный вѣкъ требовалъ, чтобы каждый гвардейскій офицеръ имѣлъ хорошую квартиру, въ передней которой должна была толпиться стая слугъ въ видѣ егерей, гусаровъ, одѣтыхъ въ роскошное платье, нерѣдко обшитое золотомъ и серебромъ и стоившее нѣсколько сотъ рублей. Провинція тянулась за столицею и многіе помѣщики имѣли свои хоры музыкантовъ, пѣвчихъ, труппы актеровъ, балетмейстеровъ, художниковъ и проч. По свидѣтельству Болотова, въ одной Москвѣ считалось до 10,000 музыкантовъ. Въ той же Москвѣ считалось до 15 театровъ, изъ которыхъ только одинъ казенный, а всѣ остальные принадлежали частнымъ лицамъ.

---

[1]) Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права, К. Побѣдоносцева. *Русскій Вѣст.* 1858 г., т. XVI, 545—551.

Кромѣ актеровъ, музыкантовъ, выѣздныхъ лакеевъ и офиціантовъ у сколько-нибудь зажиточныхъ дворянъ были: буфетчики, дворецкіе, парикмахеры, кондитеры, повара, скороходы, псари, егеря и проч. Князь Потемкинъ имѣлъ театральную труппу, музыкантовъ, выписанныхъ изъ-за границы и художниковъ. У богатаго помѣщика Головина было болѣе 300 человѣкъ дворовыхъ, у графа Орлова до 500 слугъ; при главномъ петербургскомъ домѣ Разумовскаго находилось 190 слугъ, при двухъ другихъ домахъ было 38 человѣкъ и при четырехъ дѣтяхъ 31 человѣкъ. Въ подмосковномъ имѣніи графа П. Б. Шереметева среди многочисленной дворни были актеры, актрисы, лекарь, архитекторъ, квартирмистръ, управляющій матросами, живописецъ, геодезистъ, ружейникъ и ложный мастеръ, дровяникъ, угольщикъ, 12 гусаровъ съ гусарскимъ командиромъ и проч. Въ имѣніи графа В. Орлова были «свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, аптекаря, часовщики, плотники, столяры, каменщики, кирпичники и проч., свои музыканты и актеры, свой архитекторъ, живописецъ, если и не заправскій астрономъ, то все-таки человѣкъ пріученный наблюдать звѣзды, были и доморощенные поэты; наконецъ, одинъ камердинеръ исполнялъ обязанности богослова: читая графу вслухъ, онъ вступалъ съ нимъ въ словопреніе о религіозныхъ вопросахъ. Были, наконецъ, и такіе, которымъ поручали давать уроки чистописанія, переписывать учебныя тетради и вообще оказывать содѣйствіе обученію дѣтей и внуковъ графа».

У помѣщиковъ средней руки дворня была также весьма многочисленна; въ имѣніи Лунина изъ общаго числа душъ было 9% дворовыхъ, у князей Голицыныхъ 5%, у Авд. М. Нарышкиной 7%, у князя М. Голицына 10% и проч. [1]).

Окружать себя многочисленною дворнею, а въ особенности свитою считалось весьма почетнымъ. По свидѣтельству Добрынина, бѣлорусскій губернаторъ ходилъ на службу въ намѣстническое правленіе не иначе, какъ предшествуемый и сопровождаемый чиновниками и знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, пажами и швейцарами.

---

[1]) «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», В. И. Семевскаго, 129.

Многочисленная свита и прислуга были, конечно, излишнею роскошью, но вполнѣ соотвѣтствовали тогдашней обстановкѣ. Образъ жизни былъ гостепріимный и болѣе или менѣе широкій, смотря по богатству и званію. Почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ. Люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только въ выборѣ у кого обѣдать или провести вечеръ. У графа К. Г. Разумовскаго былъ всегда открытый столъ на 50 человѣкъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не зналъ и видѣлъ въ первый разъ. Оберъ-гофмейстеръ Л. А. Нарышкинъ былъ извѣстенъ своею роскошною жизнію [1]) и радушнымъ гостепріимствомъ.

Радушіе и роскошное гостепріимство были на столько развиты у насъ, вошли такъ сказать въ плоть и кровь, что всякая другая обстановка была непонятна и возбуждала въ русскомъ человѣкѣ негодованіе или сожалѣніе. Говоря объ Италіи, Д. И. фонъ-Визинъ замѣчаетъ: «въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ. Угощеніе у нихъ въ вечеръ, конечно, четыре рубля не стоитъ. Свѣчи четыре сгоритъ восковыхъ, да копѣекъ на пять деревяннаго масла. Обѣдать никто никогда не унимаетъ (не приглашаетъ, не оставляетъ). Мой банкиръ, человѣкъ пребогатый, далъ мнѣ обѣдъ и пригласилъ для меня большую компанію. Я сидя за столомъ за него краснѣлся: званый его обѣдъ былъ несравненно хуже моего вседневнаго въ трактирѣ». По словамъ фонъ-Визина, столовое бѣлье во всей Франціи было «такъ мерзко, что у знатныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается». 9-го октября 1764 года Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что за обѣдомъ у наслѣдника разсуждали о придворныхъ маскарадахъ и были очень недовольны скромностью въ угощеніи. «Говорили, что если такъ продолжаться будутъ, то многіе современемъ не станутъ ѣздить: стола нѣтъ, пить ничего не допросишься, кромѣ кислыхъ щей; игры нѣтъ». Графъ Н. И. Панинъ склонялся на сторону большинства и высказывалъ, что лучше совсѣмъ не давать

[1]) «Записки Энгельгардта», 48.

при дворѣ маскарадовъ, чѣмъ давать съ такою экономіею [1]). Мнѣніе это казалось тѣмъ правильнѣе, что рядомъ съ этимъ въ домахъ частныхъ лицъ задавались лукулловскіе обѣды, маскарады и балы, на которыхъ лилось рѣкою вино, бывшее, говоритъ Добрынинъ, «очень яснымъ таинствомъ плоти и крови измученныхъ крестьянъ».

Привыкшее къ кутежамъ, попойкамъ и обиженное указомъ 1765 года, запрещавшимъ возить съ собою въ городъ водку, дворянство, собравшись въ коммиссію уложенія, хлопотало о пожалованіи его водочною привилегіею. «Дворянство, говорили депутаты, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бываютъ покупать водку и вино съ противными и непристойными спеціями и запахомъ, почему дворянство по характерамъ ихъ принуждено видѣть въ томъ себѣ недостатокъ».

«Упадая къ монаршимъ стопамъ» дворянство просило дозволить возить водку попрежнему и заявляло, что ему дорога будетъ «сія высокомонаршая милость [2])».

Вино и званые обѣды заполняли пустую и праздную жизнь испорченнаго вѣка. Столъ князя Потемкина стоилъ ежедневно 800 руб., а князя П. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой стоилъ придворной конторѣ ежедневно по 400 руб. и сверхъ того напитки, кофе, шеколадъ и проч. по 200 руб. въ день. Столъ Теплова стоилъ императрицѣ 7,000 руб въ годъ. Онъ просилъ, чтобы ему выдали деньгами, но придворное вѣдомство не согласилось. У богатаго помѣщика Головина ежедневно подавалось семь родовъ кушаній, но число блюдъ доходило до 40 и болѣе. — Для каждаго кушанья былъ отдѣльный поваръ, обязанный принести приготовленное въ столовую въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ.—Всѣ, говоритъ Болотовъ, не только знатные и богатые, но и люди съ среднимъ состояніемъ старались ѣсть на серебрѣ и заказывали себѣ серебряные сервизы, нерѣдко изъ послѣднихъ средствъ или въ долгъ.—Быть по уши въ долгахъ и не

---

[1]) «Записки Порошина». *Русская Стар.* 1881 г., № 1, стр. 49.

[2]) *Сборн. Историч. Общес.*, т. IV, 231, 301, 337, 351, 396; VIII, 516; XIV, 360.

платить ихъ не считалось безчестнымъ, но имѣть «*гнусный*» столъ или «*скаредную*» квартиру было предосудительно.—«Какъ у двора, такъ и въ столицѣ, говоритъ фонъ-Визинъ [1]), никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ;* глаголъ этотъ не спрягается въ прошедшемъ времени, ибо никто долговъ не платитъ».

Описывая балъ и ужинъ, данные Шереметевымъ въ честь императрицы въ подмосковной деревнѣ, французскій посолъ графъ Сегюръ говоритъ, что онъ никогда не видалъ такого большаго числа золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. «Наконецъ (что многимъ покажется страннымъ), весь хрусталь на столѣ на сто приборовъ былъ изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями всѣхъ цвѣтовъ, родовъ и самой высокой цѣны».

Для встрѣчи императрицы въ Шкловѣ, во время путешествія ея въ Бѣлоруссію въ 1780 году, Зоричъ построилъ огромный домъ, богато убралъ его и выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій 60,000 рублей. Любители представляли пантомиму, для которой было приготовлено до 70 декорацій. Онъ устроилъ три рода благородныхъ спектаклей: во французской оперѣ играли княгиня К. А. Долгорукая, графиня Меллина и другія; въ русской комедіи и трагедіи участвовали князь П. В. Мещерскій съ женою, а балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами шкловскаго корпуса. Послѣ спектакля былъ ужинъ, а затѣмъ фейерверкъ, который приготовлялъ генералъ-маіоръ Меллисино въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и одинъ павильонъ котораго состоялъ изъ 50,000 ракетъ. Зоричъ жилъ очень широко и въ его имѣніе, Шкловъ, стекались со всѣхъ концовъ люди всякаго рода, званія и націй. Здѣсь были родственники и прежніе сослуживцы Зорича по гусарскому полку, офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, молдаване, турки—«словомъ, всякій сбродъ и побродяги».

Получившій въ той же Могилевской губерніи большія имѣнія И. Н. Корсаковъ поселился въ 30 верстахъ отъ Могилева въ де-

---

[1]) «Н. И. Новиковъ». Соч. А. Незеленова, изд. 1875 г., стр. 50—51.

ревнѣ Желивль. Туда пріѣзжали къ нему всѣ родственники изъ Смоленской губерніи и ежедневно у него бывало до 80 гостей. Шампанское пили не только гости, но и пріѣхавшая съ ними прислуга [1]).

Во время путешествія императрицы въ Крымъ были устроиваемы иллюминаціи на протяженіи 50 верстъ, строились дворцы на болотахъ, разводились временные парки среди степей. Въ Смоленскѣ Екатерина II давала балъ, на который собралось до 300 дамъ. «Онѣ показали намъ, говоритъ Сегюръ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которое встрѣчаемъ при блистательныхъ дворахъ европейскихъ. Наружность во всемъ выражала образованіе; но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи».

29 іюля 1772 года, на петергофской дорогѣ, въ 11 верстахъ отъ столицы, Левъ Александровичъ Нарышкинъ устроилъ для императрицы маскарадъ. Въ обширномъ паркѣ были возведены бесѣдки, на острову — качели и другія игры для простого народа. Внутри густого лѣса была устроена пещера, на поверхности которой разсыпаны цвѣты и разложены фрукты. Далѣе былъ холмъ, на верху котораго стояла пастушья хижина, а по отлогости расположились пастушки, игравшія на свиреляхъ. Двѣ пастушки, дочери хозяина, Наталья и Екатерина Львовны Нарышкины, пригласили Императрицу въ хижину и, предшествуя ей, усыпали путь цвѣтами. По приближеніи высокой гостьи гора «вдругъ разступилась и вмѣсто хижины открылся огромный и великолѣпный храмъ побѣды» съ надписью: «*Екатеринѣ II побѣдительницѣ*». Кругомъ храма были собраны вооруженные ратники, впереди стоялъ хоръ музыкантовъ; глава храма была иллюминована огненными сосудами, а надъ всѣмъ этимъ царила «Слава».

Изъ храма вышелъ геній побѣды, сынъ хозяина, Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, поднесъ императрицѣ лавровый вѣнокъ, и лишь только она вступила въ храмъ, какъ всѣ трофеи, которыми былъ убранъ храмъ, превратились въ изображеніе побѣдъ.

---

[1]) «Записки Энгельгардта», стр. 10 и 11.

Картины эти были: 1) Взятіе Хотина съ надписью: «*сопротивленіе было бы тщетно*»; 2) Сраженіе при Ларгѣ — «*не симъ однимъ окончится*»; 3) Побѣда при Кагулѣ — «*число преодолѣно храбростію*»; 4) Чесменскій бой — «*небывалое исполнилось*»; 5) Взятіе Бендеръ—«*что можетъ устоять?*» 6) Покореніе Крыма—«*коль сладокъ нынѣ жребій мой*». Отсюда императрица отправилась къ китайскому урочищу, гдѣ были построены китайскіе домики, птичники, гора изъ самыхъ рѣдкихъ морскихъ раковинъ, камней и окаменѣлыхъ растеній; вся прислуга, одѣтая по-китайски, играла «на разныхъ китайскихъ и мусикійскихъ орудіяхъ». Послѣ танцевъ и ужина былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, изображавшій Астрею, возвращающую золотой вѣкъ, и состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ ракетъ, колесъ и проч. [1])

Во время второй турецкой войны князь Потемкинъ устроилъ подъ Бендерами праздникъ въ комнатахъ, нарочно для того вырытыхъ подъ землею. Огромная подземельная зала поддерживалась нѣсколькими колоннами, была убрана бархатными диванами и всѣмъ, что̀ можетъ выдумать капризъ и почти безграничная роскошь.

28 февраля 1791 года свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій пріѣхалъ въ Петербургъ. Дворяне, купцы и даже богатые мѣщане наперерывъ другъ съ другомъ старались угостить пріѣхавшаго. Былъ великій постъ и хозяева праздниковъ покупали стерлядей, причемъ за одну платили по сту, двѣсти и триста рублей. Рѣдкій день проходилъ, чтобы кто-нибудь не далъ великолѣпнаго обѣда или ужина. «Великій постъ превратился въ масляничные праздники. Нарушеніе святыни поражало умы людей благочестивыхъ; но мудрые и просвѣщенные міра сего посмѣивались благочестію, считая оное грубымъ суевѣріемъ и заржавѣлою древностію».

Князь Потемкинъ въ благодарность за радушіе и пріемъ самъ устроилъ маскарадъ. Домъ, въ которомъ предполагалось празднество, былъ не только не убранъ, но и не достроенъ; при немъ

---

[1]) *Сѣверный Архивъ*, ч. XXVII, стр. 261. *Русскій Вѣстникъ*, 1824 года, книга IV, стр. 12.

не было никакой площади или обширнаго двора. Появилось множество работниковъ и художниковъ, городскіе мастера были завалены работою домашней утвари. Изъ лавокъ взято на прокатъ до 200 люстръ и столько же зеркалъ, кромѣ тѣхъ, которыя были привезены съ собственныхъ заводовъ свѣтлѣйшаго. На освѣщеніе было употреблено 300 пудовъ воску и отъ девяти до десяти тысячъ свѣчей; приготовлено болѣе 20,000 шкаликовъ. Стеклянный заводъ князя былъ занятъ приготовленіемъ огромнаго количества разноцвѣтныхъ фонарей, разныхъ плодовъ, бусъ и другихъ фигуръ. Богатыя ливреи шились на сто человѣкъ; передъ домомъ строилась иллюминація. Для устройства площади срыли нѣсколько сосѣднихъ домовъ и конюшень, сняли нѣсколько заборовъ и на очищенномъ мѣстѣ устроили качели для народа и тріумфальныя ворота.

Въ теченіе болѣе недѣли были репетиціи кадрили въ костюмахъ, на которыхъ присутствовало отъ 180—200 человѣкъ; угощеніе ихъ ужиномъ стоило князю ежедневно до 14,000 рублей. «Одна уха стоила свыше тысячи рублей, ибо ею наполняли преогромную семи или восьми-пудовую серебряную чашу: два человѣка стоя раздавали всему столу, а по раздачѣ оставалось еще для толикаго же числа гостей».

Наступило 28 апрѣля—день праздника. На площадкѣ передъ домомъ были поставлены кадки съ медовымъ квасомъ и сбитнемъ. Возлѣ стѣны, окружающей площадку, разложены для народа съѣстные припасы, а на стѣнѣ висѣли принадлежности мужской одежды: сапоги, коты, онучи, лапти, шляпы, кушаки и проч. Внутренность дворца была залита огнями, украшена бронзою, люстрами съ органами, часами съ репетиціею, устлана коврами и проч.

Иллюминація зажигалась въ теченіе часа болѣе чѣмъ 300 человѣкъ. Кадриль состояла изъ 24 паръ, причемъ мужчины были одѣты въ испанскую одежду, а дамы — въ греческую. У дамъ какъ чалмы, такъ и платья богато вышиты золотомъ, а пояса и ожерелья блистали драгоцѣнными камнями. Въ кадрили участвовали: великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, герцогъ Виртембергскій, князь Голицынъ, фрейлина Протасова, Салтыкова и другіе. Послѣ танцевъ былъ театръ, потомъ опять танцы

и затѣмъ въ 11 часовъ вечера ужинъ. Столъ былъ накрытъ на 500 приборовъ, за которыми помѣстились только однѣ дамы, а кавалеры имъ прислуживали. «Для освѣщенія стола поставлены были съ огнемъ великія стеклянныя братины или чаши, расписанныя разными красками, отъ которыхъ свѣтъ издавался всякихъ цвѣтовъ». Послѣ ужина былъ вокальный и инструментальный концертъ [1]).

Присутствующіе на подобныхъ балахъ, празднествахъ и маскарадахъ поражали роскошью своей одежды. На одномъ изъ своихъ праздниковъ Потемкинъ имѣлъ шляпу до того тяжелую отъ массы нашитыхъ на ней драгоцѣнныхъ каменьевъ, что адъютантъ долженъ былъ носить ее за княземъ; обыкновенное парадное его платье стоило 200,000 руб. При отправленіи графа Г. Г. Орлова на фокшанскій конгрессъ, ему было пожаловано много драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило милліонъ рублей [2]). Графъ Безбородко издерживалъ на жизнь огромныя суммы, собралъ въ своей квартирѣ груды золота и серебра и осыпалъ себя брилліантами. Праздники его въ 1793 году, по случаю заключенія мира съ Портою, и въ 1796 году во время пріѣзда шведскаго короля въ Петербургъ, надѣлали много шума. Въ торжественные дни онъ пріѣзжалъ ко двору одѣтымъ въ богатое платье: андреевская звѣзда на немъ, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжка на башмакахъ—были всѣ изъ брилліантовъ [3]).

На свадьбѣ Екатерины гофмаршалъ Нарышкинъ имѣлъ кафтанъ вышитый серебромъ. «Сзади отъ самой прорѣхи вверхъ вышито было дерево; сучья и листья его въ рукава пошли и по фигурѣ онаго сучья, оба обшлага были разные» [4]).

По словамъ графа Н. И. Панина, во время свадьбы принцессы Анны на директорѣ горныхъ заводовъ генералѣ Шомберѣ былъ гусарскій мундиръ съ брилліантами тысячъ на полтораста. Тотъ

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 674—694.

[2]) «Князь Г. Г. Орловъ», *Русскій Архивъ*, 1873 г., № 2, стр. 80.

[3]) «Черты нравовъ XVIII столѣтія», А. Аѳанасьевъ, *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. XI, стр. 277, 278.

[4]) «Записки Порошина».

же Шомберъ устроилъ иллюминацію въ видѣ горы, въ которой были показаны всѣ горныя работы.

Роскошь въ костюмахъ доходила до послѣдней крайности: бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Шитые золотомъ или серебромъ кафтаны и камзолы, бархатныя шубы съ золотыми кистями, тонкія кружевныя манжеты составляли принадлежность мужскаго костюма. Графъ П. И. Панинъ принималъ своихъ подчиненныхъ въ атласномъ широкомъ халатѣ, въ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами, и чтобы не уронить своего достоинства, прежде чѣмъ заговорить съ кѣмъ-нибудь, онъ въ такомъ нарядѣ прогуливался передъ глазами собравшейся публики.

Франты привѣшивали иногда золотыя кисти на кафтанахъ подлѣ петель, носили чулки со стрѣлками, башмаки съ цвѣтными каблуками и большими пряжками. Они имѣли при себѣ лорнетъ, часы, по нѣскольку золотыхъ и иногда осыпанныхъ брилліантами табакерокъ «съ миніатюрными портретами красавицъ, или съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой»; на пальцахъ носили дорогіе перстни, а въ рукахъ трость. Каждый порядочный человѣкъ долженъ былъ имѣть датскую собаку, скорохода и нѣсколько камзоловъ, чтобы имѣть возможность перемѣнять ихъ, сообразуясь съ временемъ года и съ модньмъ цвѣтомъ.

Переодѣваться по нѣскольку разъ въ день было признакомъ аристократизма и хорошаго тона. Даже и военные надѣвали по перемѣнно то мундиръ, то статское платье разныхъ цвѣтовъ и всегда болѣе дорогое, чѣмъ военное. Гвардейскіе офицеры, по принятому обычаю, должны были ѣздить не иначе, какъ въ каретѣ, и имѣть по крайней мѣрѣ четыре лошади. Число лошадей, запрягаемыхъ въ экипажъ, было подчинено строгому контролю и зависѣло отъ положенія и чина. «Усмотрѣла я, писала императрица генералъ-полиціймейстеру [1]), не токмо гдѣ въ городѣ, но и мимо моихъ оконъ въ саняхъ тройкою съ двумя вершниками, что дѣлаетъ пять лошадей рядомъ. А указомъ императрицы Елисаветы Петровны оное накрѣпко запрещено: того ради подтвер-

[1]) Отъ 25 февраля 1764 года. Полн. Собр. Законовъ, № 12,058.

дить, ежели впредь то чинить будутъ, за третью припряжную лошадь по 500 рублей штрафу доправливать, чего вамъ крѣпко наблюдать и по оному исполненіе чинить неотмѣнно».

Если нельзя было запрягать столько лошадей, сколько желаешь, за то можно было имѣть самые прихотливые экипажи. Графъ Безбородко имѣлъ золоченую восьми-стекольную карету. Графъ Остерманъ ѣздилъ въ торжественные дни въ золоченой каретѣ на шести бѣлыхъ лошадяхъ; на запяткахъ кареты стояли роскошно одѣтые гайдуки, въ казакинахъ съ серебряными шнурами, голубыхъ епанчахъ, высокихъ картузахъ съ перьями и серебряными бляхами. Передъ каретою шли два скорохода съ булавами и въ башмакахъ, несмотря ни на какую грязь [1]). У Нарышкина была особая кособокая карета вся въ зеркальныхъ стеклахъ, причемъ и «колеса зеркальными стеклами выложены были» [2]).

Въ январѣ 1765 графъ Д. М. Матюшкинъ проѣхалъ мимо дворца весьма оригинальнымъ образомъ. На зимнемъ ходу была поставлена маленькая колясочка, называемая diable, заложенная шестью лошадьми, которыми самъ графъ правилъ; шляпа подъ пазухой и въ одной рукѣ бичъ, которымъ онъ салютовалъ всѣмъ ѣдущимъ. Впереди ѣхалъ верхомъ шталмейстеръ Матюшкина съ бичомъ и, очищая путь, кричалъ: gare, gare! Смотря на эту сцену изъ окна графъ Н. Панинъ замѣтилъ: «l'amour même ne saurait se présenter avec plus de graces» [3]).

Знати подражало все общество, сколько-нибудь придерживавшееся европейскимъ обычаямъ. Были люди и не особенно богатые, которые содержали по шести каретъ и по шести цуговъ лошадей, имѣли огромныя своры охотничьихъ собакъ и проч., которые подбирались подъ масть, сортировались по статьямъ и породамъ. Подобрать нѣсколько цуговъ лошадей, то сѣрыхъ, то рыжихъ, съ одинаковыми проточинами во лбу [4]), или подобрать нѣсколько своръ собакъ было дѣло не легкое, но за то достигшій этого гордился своею дѣятельностью и былъ предметомъ зависти для другихъ.

[1]) «Записки Грибовскаго». «Черты нравовъ въ XVIII столѣтіи», *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. XI, стр. 278.

[2]) «Записки Порошина».

[3]) *Русская Старина*, 1881 г., № 6, стр. 220.

[4]) «Дневникъ студента», стр. 64.

«Два года уже, писалъ графъ П. И. Панинъ О. А. Поздѣеву [1]), стараюсь я собрать себѣ достаточную свору все сѣрыхъ, борзыхъ собакъ, но за бывшимъ въ нихъ моромъ не дошелъ больше, какъ имѣю къ веснѣ только трехъ кобелей сей шерсти; а спозналъ я, что въ провинціи вашей, у помѣщика у Петра Михайловича Ермолова, живущаго въ деревнѣ своей, называемой Чернявино или Черное, есть рѣзвый кобель сѣрый. А какъ низовыя наши собратія за послѣднее мое по оборонѣ ихъ служеніе [2]), почти всѣ изъявляли и казалися быть желательными, при удобныхъ случаяхъ, вспомоществовать и мнѣ въ моихъ отъ нихъ выгодахъ, то невозможно-ли вамъ, дорогой пріятель, изобрѣсти средство онаго борзаго сѣраго кобеля доставить мнѣ?»

Сознаваясь, что имѣетъ страсть къ псовой охотѣ, графъ П. И. Панинъ просилъ сдѣлать ему это одолженіе «съ тѣмъ Петру Михайловичу отъ меня обѣщаніемъ, что я буду за оное ему не только навсегда благодаренъ, но и готовъ, если онъ пожелаетъ, того самаго кобеля, когда не изведется, возвратить ему осени черезъ двѣ или, между тѣмъ, прислать ему изъ моихъ достойную суку вязанную (слученую), либо съ нимъ самимъ, либо съ какимъ лучшихъ изъ моихъ кобелей. Я увѣренъ, что вы, государь мой, съ охотою употребите ваше возможное къ тому стараніе».

Собаки играли не послѣднюю роль въ жизни помѣщика, и нерѣдко за хорошую собаку уступалось нѣсколько душъ крестьянъ. Затѣйливые экипажи, псовые охоты, пиры и праздники наполняли всю жизнь помѣщика-дворянина.

На всѣ эти затѣи нужны были деньги, и вотъ, съ учрежденіемъ двадцатилѣтняго банка [3]), все дворянство бросилось закладывать имѣнія и полученныя деньги пошли на роскошь и мотовство. Дворянство вошло въ долги и видимо стало бѣднѣть. Чтобы покрыть свои расходы и долги помѣщики продавали крестьянъ въ розницу: мальчика, дѣвочку, лакея, кучера, повара и проч.

«Долженъ я сказать къ чести отца моего, писалъ фонъ-Визинъ,

---

[1]) Изъ Москвы отъ 21 декабря 1776 г.

[2]) По усмиренію Пугачевскаго бунта.

[3]) Двадцатилѣтнимъ онъ названъ потому, что въ этотъ срокъ уплачивался капиталъ съ процентами.

что онъ, имѣя не болѣе пятисотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва-ликому извѣстно».

«Въ эпоху моей молодости, говоритъ неизвѣстный авторъ [1]), старики и молодые были въ полной командѣ философовъ XVIII столѣтія. Безнравственность, развратъ, распутство достигли тогда до высшей степени, и по всей справедливости сказать должно, что мы, старики, напрасно порицаемъ нынѣшній вѣкъ. Наши дѣти и внучата во сто разъ лучше, чѣмъ мы были въ ихъ лѣта».

XV.

Своеволіе и самоуправство.—Помѣщичьи наѣзды.—Грабежи и насиліе.—Карточная игра. — Взяточничество. — Сенатъ. — Суды. — Тяжебныя дѣла. — Отсутствіе правосудія и скораго рѣшенія дѣлъ.

Отсутствіе нравственныхъ и духовныхъ идеаловъ и пустота жизни заглушаются хорошею ѣдою, богатою одеждою, страстью къ золоту и ко всякаго рода легкой наживѣ. Для достиженія послѣдняго всякія средства считаются позволительными: взяточничество, картежная игра, грабежъ и даже воровство. Дворянство того вѣка не чуждо было этихъ пороковъ. «Подлѣе ничего не знаю, говоритъ фонъ-Визинъ, какъ дворянина, недостойнаго быть дворяниномъ». Когда Зоричъ прожилъ свое состояніе, тогда онъ обратился сначала къ шулерничеству, а потомъ занимался поддѣлкою фальшивыхъ ассигнацій. Старорусскій дворянинъ Галицкій и помѣщикъ Григорій Апушкинъ, согласившись съ крестьяниномъ Александро-Невскаго монастыря Феклистомъ Прокофьевымъ, ограбили проѣзжавшаго крестьянина Ѳедора Суслова. Они отняли у него 5 руб., лошадь съ санями, 7 свиныхъ тушъ, 2 пуда соли и нѣсколько калачей. Галицкій дворянинъ Кирилла Кадниковъ съ бѣглымъ крестьяниномъ Ивановымъ украли въ деревнѣ двухъ лошадей, изъ которыхъ одну продали въ Костромѣ за четыре рубля [2]).

[1]) «Бытъ русскаго дворянина», *Москвитянинъ*, 1855 г., № 13, 25.

[2]) Архивъ Сената, Высочайш. повел., книги №№ 105, 108 и 125.

Дворянинъ Илья Аристовъ, впослѣдствіи пугачевскій полковникъ, занимался корчемствомъ и кражею, приведшими его въ толпу мятежниковъ.

Право сильнаго играло весьма видную роль въ жизни дворянства прошлаго столѣтія.

Богатые помѣщики отнимали землю у бѣдныхъ, дѣлали другъ на друга наѣзды, кончавшіеся нерѣдко смертью или увѣчьемъ. Въ 1768 году, брянскіе помѣщики маіоръ Василій и вахмистръ Иванъ Бахтины напали и разграбили имѣніе помѣщика поручика Ѳаддея Тютчева, убили многихъ крестьянъ, косившихъ и собиравшихъ сѣно [1]).

Помѣщикъ Ржевскаго уѣзда, отставной маіоръ Степанъ Чилѣевъ, собравъ своихъ крестьянъ, вооружилъ ихъ топорами, кольями и наполнивъ двѣ телѣги каменьями, отправился въ имѣніе сосѣдней помѣщицы Екатерины Похвистневой, жившей съ матерью своею, вдовою княгинею Авдотьею Гагариною. Разоривши домъ и службы, Чилѣевъ приказалъ своимъ крестьянамъ бить княгиню Гагарину каменьями, а Похвистневу билъ самъ «плетью немилостиво». При производствѣ слѣдствія и суда далъ ложную клятву, въ чемъ уличенъ былъ свидѣтелями, а затѣмъ изъ страха наказанія бѣжалъ изъ имѣнія и долгое время скрывался отъ преслѣдованія. Семь лѣтъ тянулось это дѣло и, наконецъ, Похвистнева просила императрицу поручить новгородскому губернатору Сиверсу лично разсмотрѣть ея тяжбу, чтобы избавиться отъ «непрестанной волокиты, таскаясь изъ мѣсто въ мѣсто и питая себя однимъ подаяніемъ».

Новгородская губернская канцелярія рѣшила дѣло въ пользу Похвистневой. «Но какъ помянутый Чилѣевъ, сказано въ запискѣ, поданной императрицѣ [2]), зная матери ея старость и обѣихъ ихъ несостояніе, намѣренъ сіе дѣло продолжать апелляціями, чтобъ въ тѣхъ (апелляціяхъ) вѣкъ ихъ кончился, то и на сіе правосудное новгородской губернской канцеляріи рѣшеніе подписалъ апелляцію».

---

[1]) «Орловская Старина». *Орловскія Вѣдомости* 1872 г., № 15.

[2]) Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, книга № 123, л. 326.

Хотя по закону подобные поступки наказывались весьма строго [1]), но при отсутствіи правосудія и чистоты нравственныхъ убѣжденій, подобныя насилія повторялись почти ежедневно и повсемѣстно. Титулярный совѣтникъ Николай Зубовъ съ сыномъ Александромъ разграбилъ имѣніе ротмистра Василія Анненкова. Отставной сержантъ Григорій Съѣдинъ подговорилъ до 500 человѣкъ однодворцевъ Бѣлогородскаго уѣзда, пріѣхалъ въ слободу статскаго совѣтника Якова Бахирева, разграбилъ церковь и дворы, разрушилъ до основанія мельницу, сжегъ 60 дворовъ и разогналъ всѣхъ жителей.

Для подобныхъ цѣлей сѣвскій помѣщикъ А. В. Касаговъ сформировалъ даже изъ своихъ дворовыхъ полроты пѣхоты, обучилъ ихъ строю и производилъ въ чины. При объѣздѣ епархіи сѣвскимъ архіереемъ, Касаговъ представилъ ему свою полуроту, произвелъ на дворѣ ученье и маневры съ пальбою [2]). Наѣзды помѣщиковъ другъ на друга были явленіемъ обыденнымъ: они происходили въ Орловской, Тульской, Воронежской, Псковской и другихъ губерніяхъ. Въ архивѣ Сената до сихъ поръ хранится множество документовъ, относящихся до своеволія, самоуправства помѣщиковъ и захвата ими чужой собственности.

«Изъ общаго слуха, что здѣсь носится, писалъ П. В. Завадовскій И. А. Потапову [3]), якобы отставной полковникъ Вадковскій въ Ефремовскомъ уѣздѣ великія дѣлаетъ озорничества, сѣчетъ плетьми цѣлыя однодворческія и государственныя селенія, порабощаетъ ихъ себѣ и многія насильства творитъ. Ея величество высочайше повелѣть мнѣ изволила отписать къ вашему превосходительству, чтобы вы развѣдавъ неукоснительно дали знать, такъли шалитъ въ самомъ дѣлѣ сей помѣщикъ, какъ здѣсь о томъ говорятъ общимъ голосомъ. А между тѣмъ не оставили-бъ вы законнымъ образомъ воздержать таковыя его безпутства и продерзости».

---

[1]) По указу 1731 года, кто на сторонней землѣ учинитъ бой и драку, таковыхъ бить кнутомъ и вырѣзавъ ноздри сослать въ вѣчную работу; а буде помѣщики сами или прикащики и старосты, по приказу ихъ то сдѣлаютъ, то съ таковыми учинить то же.

[2]) Записки Добрынина, стр. 98 и 102.

[3]) Въ письмѣ отъ 12-го ноября 1775 года. Государственный Архивъ, XI, № 1,058.

По произведенному дознанію оказалось [1]), что полковникъ Егоръ Вадковскій завладѣлъ насиліемъ землею отставнаго секретаря Глаголева, сѣялъ на ней хлѣбъ и собиралъ его въ свою пользу. То же самое онъ сдѣлалъ и съ другимъ помѣщикомъ сосѣдомъ Лутовиновымъ, у котораго сверхъ того сломалъ и снесъ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Собравши своихъ крестьянъ, Вадковскій отправлялся съ ними въ чужой лѣсъ и рубилъ его; всѣхъ противящихся его волѣ онъ сѣкъ плетьми и батожьемъ. Онъ пріѣзжалъ на чужія пашни, жалъ чужой хлѣбъ, косилъ сѣно на чужихъ лугахъ, отбиралъ у однодворцевъ дочерей и отдавалъ ихъ замужъ за своихъ крестьянъ. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Вадковскій отобралъ въ разныхъ мѣстахъ у сосѣднихъ крестьянъ 156 десятинъ земли и присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ.

Духовенство не отставало отъ дворянъ и также не чуждалось подобныхъ продѣлокъ. Ростовскіе мелкопомѣстные дворяне жаловались императрицѣ, что ростовскій архіерей отнялъ у нихъ помѣстья и вотчины и приписалъ къ архіерейскому дому.

Пахотные солдаты г. Сызрани заявили, что на принадлежащихъ имъ земляхъ живутъ многіе помѣщики, пользуются покосами и рыбною ловлею. Однодворцы Казанскаго уѣзда говорили то же, присовокупляя, что по какимъ крѣпостямъ или записямъ поселившіеся это дѣлаютъ, о томъ не объявляютъ и проживая вмѣстѣ съ ними, причиняютъ большія обиды: травятъ своимъ скотомъ ихъ хлѣбъ и топчатъ луга. Въ наказѣ, даномъ депутату г. Саратова, черносошные крестьяне писали, что офицеры, дворяне, купцы и приказные служители завладѣли самыми удобными ихъ землями, самовольно перевели на нихъ крестьянъ и до того стѣснили коренныхъ жителей, что они принуждены у нихъ же нанимать луга. Крестьяне жаловались, что самовольные пришельцы запрещаютъ имъ пользоваться лѣсомъ и причиняютъ разнаго рода обиды [2]).

---

[1]) Экстрактъ, учиненный изъ рапортовъ елецкой провинціальной и ефремовской воеводской канцелярій о причиненныхъ полковникомъ Вадковскимъ разныхъ жителямъ обидахъ. Гос. Архивъ, XI, № 1,058.

[2]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. IV, стр. 95. 101 и 113.

«Многимъ изъ лицъ сего присутствія, писалъ Никита Жилинъ [1]), извѣстны вреднѣйшіе для общества два порока: лихоимство и насиліе въ завладѣніи чужою собственностію. Лихоимство, произведя всѣ злыя страсти ко вреду рода человѣческаго, давало имъ и способы къ приведенію ихъ въ исполненіе; отчего общество потеряло тишину и спокойствіе. Изъ сихъ пороковъ я считаю важнѣйшимъ насиліе, которое и понынѣ производитъ во многихъ мѣстахъ великія бѣдствія. Много есть такого рода людей, которые, потерявъ совѣсть и добродѣтель и прилѣпясь единственно къ корыстолюбію, безъ всякой причины нападаютъ на своихъ ближнихъ, отнимаютъ у нихъ силою имѣнія и черезъ это лишаютъ ихъ послѣдняго пропитанія. Отъ такого насилія происходятъ большія драки, смертоубійства и проливается кровь невинныхъ людей. Столь безчеловѣчные поступки, противные естественному нраву, дѣлаютъ большой уронъ государству. Тѣмъ же, у которыхъ такимъ образомъ бываютъ отняты имѣнія, представляются труднѣйшія средства къ отысканію отнятаго. По законамъ о насиліяхъ надлежитъ производить судъ по формѣ. Но я увѣренъ, что всѣмъ здѣсь присутствующимъ извѣстно производство суда и поэтому они знаютъ, какъ затруднительно по суду возвращать отнятое, даже и такимъ, у которыхъ не все отнято и которые еще въ состояніи лично отыскивать отнятое. Надлежитъ нанимать повѣреннаго за большія деньги, оставлять свой домъ и хозяйство, самимъ жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ производиться его дѣло, наблюдать, дабы ихъ повѣренный не сдѣлалъ какого либо по суду плутовства и ожидать окончанія рѣшенія дѣла.

«Но издавна вкоренившееся во многихъ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство не допускаетъ дѣлать по закону справедливость. Это ведетъ къ тому, что по дѣламъ бываютъ промедленія и даже неправыя рѣшенія, по которымъ берутъ аппеляціи. Въ такомъ продолженіи дѣлъ оканчивается жизнь многихъ челобитчиковъ и имѣнія ихъ остаются у насильниковъ. Хотя нѣкоторые успѣваютъ возвратить по суду свои имѣнія, но они обходятся имъ дорогою

[1]) Депутатъ отъ дворянства Одоевскаго уѣзда. См. *Сборникъ русскаго историческаго общества*, т. VIII, стр. 360 и 361.

цѣною. До сихъ поръ я говорилъ о такихъ лицахъ, у которыхъ не все было отнятно и которыя въ состояніи были отыскивать свои имѣнія. Но надобно представить бѣдныхъ вдовъ, сиротъ и людей малоимущихъ и безграмотныхъ. Такіе уже не имѣютъ способовъ возвратить отнятое и лишась отъ насильниковъ всего имѣнія, проживаютъ остальной вѣкъ въ крайней бѣдности и бездомствѣ. Положеніе такихъ обиженныхъ по истинѣ жалостно...

«Есть такіе люди, которые даютъ позволеніе пахать свою землю или рубить лѣсъ въ своихъ дачахъ и при этомъ позволеніи не бываетъ никого постороннихъ. Когда же получившіе позволеніе пріѣдутъ въ ихъ дачи и станутъ рубить лѣсъ или пахать землю, то тѣ, которые это позволили, станутъ свидѣтельствовать, что къ нимъ пріѣхали насиліемъ».

Праздное, крайне неразвитое и почти неграмотное дворянство прошлаго столѣтія отличалось подвигами самаго необузданнаго свойства. Многіе дворяне аттестовались такъ: въ службѣ не были, грамотѣ не знаютъ и писать не умѣютъ. По свидѣтельству Державина, тамбовское дворянство было на столько грубо, что ни одѣться, ни войти въ общество, ни обращаться, какъ должно благородному человѣку—не умѣли. За то животные инстинкты, сословный эгоизмъ и право сильнаго были развиты въ высшей степени. Въ 1779 году, шацкій помѣщикъ вахмистръ Веденяпинъ убилъ своего крестьянина и бросилъ тѣло его въ воду. Поручикъ Блохинъ вытащилъ тѣло и похоронилъ его. Тогда Веденяпинъ зазвалъ къ себѣ Блохина, высѣкъ его плетьми и избилъ кочергою. Собирая вокругъ себя огромную дворню, помѣщики ходили другъ на друга войною. Побѣдившій загонялъ къ себѣ скотъ побѣжденнаго, отбиралъ отъ него хлѣбъ и имущество. «Сильный владѣлецъ, говорили депутаты, захватываетъ въ лучшихъ мѣстахъ земли, отнимая иногда и съ хлѣбомъ посѣяннымъ». Удовлетворенія обиженному не существовало. Чѣмъ сильнѣе и богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ труднѣе было до него добраться представителю власти — огромная толпа вооруженныхъ людей не пускала капитанъ-исправника въ домъ своего помѣщика. Для полной характеристики дворянства достаточно сказать, что въ концѣ XVIII столѣтія 101 человѣкъ тамбовскихъ дворянъ были подъ судомъ и

большинство ихъ судилось за взятки, буйство, грабежи и воровство.

Много тяжебныхъ и исковыхъ дѣлъ возникало и изъ-за карточной игры.

Картежная азартная игра была развита въ сильной степени и проигравшіе часто не отдавали денегъ или писали векселя на чужія имена. Л.-гв. коннаго полка корнетъ Василій Ржевскій, проигравшись выдалъ вексель на имена неподозрѣвавшихъ о томъ купцовъ: тверскаго Михаила Вагина и московскаго Михаила Навозова [1]). Г. Р. Державинъ и Сергѣй Максимовъ обыграли прапорщика Дмитріева, были преслѣдованы закономъ, и тяжебное дѣло тянулось болѣе 12 лѣтъ. Въ высшихъ слояхъ общества карты составляли почти единственное препровожденіе времени. Въ 1780 году, когда въ Могилевѣ ожидали пріѣзда императрицы, то за мѣсяцъ почти съѣхались туда иностранные министры, дворянство и множество польскихъ магнатовъ. Среди баловъ шла самая оживленная карточная игра, «каковой, говоритъ Энгельгардтъ, конечно, прежде въ Россіи не бывало, да и сомнительно была-ли и послѣ: графъ Сапѣга проигралъ тогда все свое знатное имѣніе» [2]).

Бывшій въ то время губернаторомъ въ Могилевѣ П. Б. Пассекъ былъ извѣстный и страстный игрокъ. Онъ проигрывалъ по десяти тысячъ въ вечеръ, игралъ до 3-хъ часовъ ночи, часто засыпалъ за карточнымъ столомъ, и затѣмъ очнувшись продолжалъ играть. «Игроки собирались ко всенощному бдѣнію за карточнымъ столомъ, говоритъ современникъ [3]), и тамъ теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатыхъ простачковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ *труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года* и готовились поставить на карту».

Оберъ-церемоніймейстеръ М. Ѳ. Кашталинскій былъ извѣстенъ, какъ охотникъ до лакомаго стола и къ нему собирались знатнѣйшіе карточные игроки. Правитель канцеляріи князя Потемкина,

---

[1]) Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 123.
[2]) «Записки Энгельгардта», стр. 18 и 19.
[3]) «Отрывокъ изъ путешествія», *Живописецъ*.

извѣстный В. С. Поповъ, часто выносилъ изъ своего кабинета цѣлую шляпу червонцевъ и проигрывалъ ихъ въ карты.

«Тогда было такое время и обычай, пишетъ Лукинъ [1]), чтобъ всѣмъ, т.-е. богатымъ и убогимъ, въ золото и щегольскія одежды наряжаться. Но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старались избрать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія пускалися въ игру (карточную) и оною обогащалися».

Неумѣренная карточная игра, сказано было въ одномъ изъ указовъ Сената [2]), ни къ чему болѣе не служитъ, какъ только къ единственному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ. Сенатъ поручалъ полиціи слѣдить за тѣмъ, чтобы азартныхъ игръ не было, но онѣ все-таки продолжались, благодаря продажности полиціи и всеобщему взяточничеству.

Взяточничество было явленіемъ общимъ и всѣмъ извѣстнымъ.

Императрица Елисавета любила роскошь, шумныя удовольствія, наряды, праздное веселье и суету. Предаваясь имъ, она часто забывала свои обязанности по управленію и «оставляла подданныхъ своихъ на произволъ лѣнивыхъ и нечестныхъ совѣтниковъ и слугъ, которые безъ стыда и боязни продавали свои услуги чужимъ дворамъ и подтачивали самую сердцевину страны своей» [3]).

«Государыня весьма мало, и даже вовсе не заботится, объ исполненіи своихъ повелѣній, писалъ австрійскій посланникъ Мерси Аржеанто [4]), и злонамѣренные и корыстолюбивые исполнители оставляютъ, если не всѣ, то большую часть именно этихъ повелѣній безъ всякихъ послѣдствій».

«Здѣшнее знатное дворянство, обѣднѣвшее вслѣдствіе непомѣрной роскоши и вообще обремененное неоплатными долгами, по не-

---

[1]) Въ предисловіи къ своей комедіи: «Мотъ, любовью исправленный».

[2]) Полное Собраніе Законовъ № 11,877.

[3]) «Изъ послѣднихъ дней русской императрицы Елисаветы». *Чтенія* въ Московскомъ обществѣ исторій и древностей 1877 г., кн. 2 стр. 3.

[4]) Тамъ же, стр. 7.

обходимости должно изыскивать всякія средства, чтобы помочь себѣ, главнымъ образомъ прибѣгать къ насильственнымъ вымогательствамъ и противозаконнымъ притѣсненіямъ остальныхъ подданныхъ и торговыхъ людей. Такого рода беззаконія и притѣсненія, по мѣрѣ большей или меньшей благосклонности, которую каждое властное лицо съумѣло пріобрѣсти себѣ въ Сенатѣ, являясь почти повсемѣстными, продѣлываются тѣмъ безсовѣстнѣе, что самые представители суда служатъ примѣромъ въ злоупотребленіяхъ своею должностію и почетнымъ званіемъ.

«Содержаніе этого всеподданнѣшаго донесенія было бы черезъ мѣру обширно, еслибы я описалъ здѣсь лихоимства и беззаконія каждаго государственнаго чиновника въ особенности; но беру смѣлость увѣрить, что такое обстоятельное изображеніе едва ли нашло бы себѣ подобное гдѣ либо, о чемъ достаточно можетъ свидѣтельствовать и нижеслѣдующее даже изложеніе.

«Князь Шаховской, нынѣшній генералъ-прокуроръ и первоприсутствующій въ Сенатѣ, можетъ быть единственнѣйшій вельможа, который не дозволитъ подкупить себя деньгами; но если онъ отнюдь не беретъ никакихъ подарковъ, то тѣмъ не менѣе вещь общеизвѣстная, что онъ ведетъ самыя постыдныя сдѣлки, въ видѣ ссуды денегъ въ займы, и вѣрнѣйшій путь пріобрѣсть его милостивое содѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы занять у него извѣстную сумму денегъ подъ громадные годовые проценты. Сенаторъ графъ Воронцовъ, одинъ изъ братьевъ канцлера, имѣющій послѣ президента весьма большое значеніе въ Сенатѣ, всѣми считается за человѣка съ самой низкой душой, способнаго съ самою безстыдною наглостью обдѣлывать самыя вопіющія беззаконія. Когда оба помянутые сановники согласятся между собою, привлекутъ на свою сторону голоса и остальныхъ сочленовъ своихъ, по себѣ также порочныхъ, то не трудно представить, какъ въ подобныхъ рукахъ выполняются высшее правосудіе и вообще подвѣдомыя Сенату дѣла въ государствѣ, а равно въ какихъ общихъ и открытыхъ жалобахъ вопіетъ противъ нихъ все общество».

Пользуясь своимъ вліяніемъ, графъ Петръ Шуваловъ успѣлъ выхлопотать себѣ монополію по торговлѣ лѣсомъ, саломъ, дегтемъ и табакомъ. Эта торговля, безъ всякихъ затратъ и труда съ его

стороны, приносила ему до трехсотъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода [1]). Мало того, онъ успѣлъ сдать лѣсной промыселъ по контракту англійскому купцу Гому, на тридцать лѣтъ. Сенатъ утвердилъ эту передачу и выдалъ Гому заимообразно, изъ казны, триста тысячъ рублей. Императрица Екатерина уничтожила монополію Шувалова, приказала Гому заключить контрактъ съ казною и взыскать съ него взятые изъ казны 300,000 рублей [2]). За графомъ Шуваловымъ шли Воронцовы, отецъ и сынъ: одинъ бралъ взятки во Владимірѣ при рекрутскомъ наборѣ, другой въ коммиссіи о коммерціи, гдѣ былъ президентомъ [3]). Про одного изъ Воронцовыхъ и именно канцлера, Екатерина писала: «гипокритъ какого не бывало; продавался первому покупщику; не было двора, который бы не содержалъ его на жалованьи» [4]).

Чины и должности продавались во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Извѣстный откупщикъ Лукинъ за 8,000 руб. «наворованныхъ денегъ», купилъ себѣ чинъ капитана; заводчикъ Прокофій Демидовъ, приводимый за пасквиль подъ висѣлицу, бывшій нѣсколько разъ подъ слѣдствіемъ и никогда неслужившій въ военной службѣ, купилъ себѣ чинъ генералъ-маіора. Подрядчикъ Ѳалѣевъ получилъ не только самъ дворянство и чины, но и своихъ прислужниковъ въ штабъ-офицеры и оберъ-офицеры произвелъ» [5]). Въ военной коллегіи продавались чины довольно свободно. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій раздавалъ жалованье и пенсіоны, кому хотѣлъ, не испрашивая высочайшихъ повелѣній, и могъ это дѣлать потому, что скрывалъ отъ императрицы истинную цифру доходовъ. Графъ Безбородко и В. С. Поповъ раздавали мѣста черезъ своихъ метрессъ; въ канцеляріяхъ командующихъ войсками, не исключая Суворова, продавались ордена. Секретарь Бѣлорусскаго губернатора, Алѣевцевъ, производилъ въ чины кого

---

[1]) *Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей*, 1877 г., кн. II стр. 8.

[2]) Указъ Сенату 8 мая 1763 г. Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, кн. № 106.

[3]) «Записки Храповицкаго».

[4]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXV, 243.

[5]) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», кн. Щербатова. «Русская Старина» 1871 г., т. III, 683.

хотѣлъ и раздавалъ мѣста; онъ всегда носилъ въ карманѣ готовые ордера и патенты на чины и должности [1]).

«Чины стали всѣ продажны, говоритъ князь Щербатовъ, [2]) должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали вымѣщать».

— Гдѣ же у насъ возьмешь такого человѣка, говаривалъ А. С. Строгановъ, чтобы данной ему большой власти во зло не употреблялъ [3]).

«Губернаторы губерній и городовъ, писалъ гр. Сольмсъ королю [4]), духовенство, судьи, офицеры, воспользовавшись слабостью предшествовавшихъ царствованій, сдѣлались каждый, такъ сказать, независимыми въ епархіяхъ или областяхъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. *Они были тиранами для народа,* увѣренные въ своей безнаказанности, потому что дѣлили плоды своихъ поборовъ и грабежей *съ людьми, имѣвшими вліяніе при дворѣ.* Новыя преобразованія, принуждающія ихъ вести жизнь трудовую и безкорыстную, возбуждаютъ съ ихъ стороны неудовольствія, потому что не позволяютъ предаваться двумъ національнымъ порокамъ—лѣности и корыстолюбію.

Духовныя консисторіи брали «тяжкія» взятки со ставленниковъ, а секретарь генералъ-прокурора Самойлова, Ермоловъ, былъ извѣстенъ всей Россіи «по великой своей силѣ, по безмѣрной горделивости и по безпредѣльному грабительству и *лихоимству* [5]).

Въ Петербургѣ былъ судья Терскій, извѣстный всей столицѣ подъ именемъ *багра,* «въ знаменитое отличіе отъ его братіи *мелкихъ крючковъ*» [6]).

«Въ приложенной при семъ запискѣ, писала императрица генералъ-маіору Алексѣю Маслову [7]), усмотрите, какимъ преступле-

---

[1]) «Записки Добрынина», 159. «Записки Энгельгардта», стр. 143.

[2]) «О поврежденіи нравовъ», «Русская Старина» 1871 г., т. III, 684.

[3]) «Записки Порошина», «Руская Старина 1881 г., № 5, стр. 170.

[4]) Отъ 7 (18) іюня 1867 г. Сборн. Императ. Историч. Общест., т. XXII, 65.

[5]) *Русскій Архивъ* 1864 г., издан. I, стр. 792.

[6]) «Записки Винскаго», *Русскій Архивъ* 1877 г., т. I, 152.

[7]) Въ указѣ отъ 7 января 1763 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. № 105.

ніемъ обвиняется смоленскій нашъ губернаторъ, Исай Аршеневскій съ товарищи. Оное состоитъ въ такомъ скверно-прибыточествѣ, которое заслуживаетъ строжайшее изслѣдованіе».

По изслѣдованію оказалось, что Аршеневскій не выдавалъ жалованья пограничнымъ коммиссарамъ и служителямъ до тѣхъ поръ, пока они не дали взятки: ему, губернатору, 20 руб., коллежскому ассессору Павлу Суходольскому—10 руб., секретарю Ефиму Мордвинову—5 руб., регистратору Михаилу Голубкову—10 руб., подканцеляристу Михайлѣ Соколову—1 р. 50 к., ординарцу губернатора Чижу—1 р. Расходчикъ Иванъ Путиловъ показалъ, что не помнитъ сколько именно получилъ, а совѣтникъ Лебедевъ говорилъ, что онъ взятокъ не бралъ, а что вскорѣ послѣ раздачи жалованья была жена Лебедева именинница и тогда Вонлярлярскій принесъ ему завернутую бумагу, и положилъ ему на столъ. Въ бумагѣ было 20 рублей, «и онъ-де Лебедевъ почитая оное, какъ то обыкновенно бываетъ, въ презентъ женѣ своей принялъ» [1]).

Аршеневскій увѣрялъ, что взятокъ самъ не бралъ и ни черезъ кого не получалъ, «а только обрѣтающіеся въ той губерніи его сродственники и свойственники, также и пріятели, изъ одной своей пріязни и любви обсылали его къ торжественнымъ праздникамъ живностью, а когда хлѣбъ поспѣетъ, то разнымъ хлѣбомъ». Призванный передъ собраніе Сената, Аршеневскій признался въ своемъ преступленіи и въ томъ, что въ бытность еще вице-губернаторомъ взялъ взятку съ ротмистра Владиміра Потемкина. Имѣя дѣло въ губернской канцеляріи о своей женитьбѣ, Потемкинъ, чтобы ускорить рѣшеніе, далъ Аршеневскому 25 червонцевъ, 70 рублевиковъ, лошадь въ 40 рублей и 440 пудовъ сѣна. Прокурору Николаю Волынскому онъ далъ двѣ лошади, секретарю Ефиму Мордвинову 10 рублей и дѣвку, канцеляристу Ивану Комлеву 20 руб. и малаго въ 17 лѣтъ [2]).

Аршеневскій былъ еще изъ мелкихъ лихоимцевъ. Знаменитый слѣдователь Крыловъ, воронежскій губернаторъ Пушкинъ были покрупнѣе. Надворный совѣтникъ Контяжевъ въ Оренбургѣ безъ

---

[1]) Всеподд. донесеніе генералъ-маіора Маслова 4 февраля 1763 г.
[2]) Докладъ Сената 17 мая 1763 г. Арх. Сената, кн. 106.

взятки не давалъ жалованья нижнимъ чинамъ. Симбирскій воевода князь Назаровъ самъ ссорилъ дворянство и «послѣ безпримѣрными взятками пользовался».

Взятки брались не только при каждомъ удобномъ случаѣ, но и отыскивались для того разные предлоги. Такъ, воевода гор. Валуекъ, Бѣлогородской губерніи, Клементьевъ, канцелярист Бочаровъ и новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ренберъ брали взятки за приводъ къ присягѣ [1]).

Коллежскій совѣтникъ Василій Шекуровъ взялъ съ атамана гребенскаго войска, за выдачу жалованья, калмыцкій тулупъ и голову сахару. Подрядчики должны были платить пріемщикамъ; крестьяне—духовенству за исполненіе требъ; подчиненные — даромъ работать начальнику. Саратовскій полиціймейстеръ Иванъ Малаховъ употреблялъ десятскихъ и сотскихъ для своихъ домашнихъ работъ и заставлялъ ихъ караулить пивоварню откупщика Петра Хлѣбникова [2]).

Взяточничество до такой степени всосалось въ плоть и кровь русскаго человѣка, что по его мнѣнію никакое лицо, какъ бы высоко оно поставлено ни было, безъ взятки ничего не сдѣлаетъ. Анна Ватазина, жена товарища костромскаго воеводы, прося императрицу о производствѣ мужа ея въ коллежскіе ассессоры, писала: «Умились, матушка, надо мною, сиротою, прикажи указомъ, *а я подведу вашему императорскому величеству лучшихъ собакъ четыре*: Еполитъ да Жульку, Женету, Маркиза» [3]).

Всѣ эти поборы были на столько тягостны для населенія, что въ 1764 году появился ложный указъ императрицы, грозившій взяточникамъ жестокимъ наказаніемъ. 17 марта 1764 года, на Сенатской площади, при барабанномъ боѣ, палачъ сжегъ этотъ указъ, въ которомъ говорилось: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма наше дворянство пренебрегаютъ Божій законъ и государственныя права и въ томъ много чинятъ россійскому государству

[1]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 11,616 и 12,234.

[2]) *Сборникъ историческаго общества*, т. IV, 113. Полное Собраніе Законовъ, № 11,656.

[3]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 190.

недобра. Прадѣды и праотцы, россійскаго государства монархи жаловали ихъ вотчинами и деньгами награждали, и они о томъ забыли, что воистину дворянство было въ первомъ классѣ, а нынѣ дворянство вознеслось, что въ послушаніи быть не хотятъ, тогда впредь было въ Россіи, когда любезный монархъ Петръ Великій царствовалъ, тогда весьма предпочитали законъ Божій и государственныя правы крѣпко наблюдали. А нынѣ правду всю изринули, да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотятъ, что россійскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матерей осиротѣли; или дворянамъ онымъ не умирать, или имъ передъ Богомъ на судѣ не быть?—такой же имъ судъ будетъ: *въ юже мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ.*»

Сенатъ обѣщалъ 100 рублей тому, кто откроетъ сочинителя указа, а императрица приказала объявить, чтобы отнынѣ народъ не вѣрилъ никакимъ указамъ кромѣ печатныхъ [1]). Тѣмъ не менѣе, правительство само сознавало, что взяточничество «возросло такъ, что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялося: ищетъ ли кто мѣсто—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами». По словамъ одного изъ указовъ, судъ обратился въ мѣсто торжища, гдѣ нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ [2]). Императрица поручила Сенату позаботиться о томъ, чтобы на мѣста судей назначались люди достойные, «а чтобъ справедливая служба награждаема была и малоимущіе не имѣли причинъ къ лакомству склоняться, назначить каждому пристойное жалованье, изыскавъ на то деньги не вновь налагаемыми съ народа сборами, но другими благопристойными способами [3])». Сенатъ не нашелъ такихъ способовъ, и рядомъ съ утвержденіемъ новыхъ штатовъ, для усиленія чиновникамъ жалованья, былъ увеличенъ сборъ [4]): съ вина, пива, меду,

[1]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 12,089 и 12 090. *Сборникъ историческаго общества*, т. VII, 322.

[2]) Указъ Сенату 18 іюля 1762 г. Тамъ же № 11,616.

[3]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,624.

[4]) Манифестъ 15 декабря 1763 г. Полное Собраніе Законовъ № 11,988.

гербовый сборъ съ купчихъ, закладныхъ и духовныхъ, съ подаваемыхъ челобитенъ, съ находившихся въ арендномъ содержаніи казенныхъ амбаровъ, лавокъ, кузницъ, съ фабрикъ, заводовъ, паспортовъ, патентовъ на чины, жалованныхъ грамотъ, дипломовъ, съ заклейменія посуды, съ продажи клея и проч. и проч.

Желаніе императрицы искоренить безпорядки были не по нутру дворянству и чиновничеству. «Проблески неудовольствія, писалъ графъ Сольмсъ королю [1]), проявляющіяся отъ времени до времени, порождаются главнымъ образомъ стремленіемъ императрицы искоренить въ своей Имперіи злоупотребленія, причемъ мѣры, принимаемыя для общей пользы, часто противорѣчатъ выгодамъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей. Множество знатныхъ бояръ и даже большая часть сената не очена-то рады, что имѣютъ государыню слишкомъ дѣятельную, которая хочетъ управлять сама. Имъ лучше было въ предшествовавшія царствованія, когда страдалъ только простой народъ. По этому они дѣлаютъ все, чтобы противодѣйствовать благимъ намѣреніямъ императрицы.. Они запутываютъ дѣла, которыя она желаетъ себѣ уяснить; медлятъ исполненіемъ тѣхъ, которыя должны бы быть окончены; стараются поселить въ ней отвращеніе и заставить ее покинуть свой планъ, заваливая ее массою работъ».

Вообще Сенатъ въ первые годы царствованія Екатерины представлялъ учрежденіе весьма оригинальное. Указовъ его не исполняли, и угрозы подвергнуть виновныхъ наказанію не дѣйствовали. Императрица Екатерина принуждена была приказать, чтобы всѣ учрежденія по полученіи указа Сената доносили, какъ о сдѣланномъ опредѣленіи, такъ и о дѣйствительномъ исполненіи указа [2]).

Законы были въ пренебреженіи и каждый толковалъ ихъ по своему произволу. Не даромъ люди того времени сравнивали законъ съ дышломъ, которое куда хочешь туда и повернешь.

— Восхищаюсь, говорилъ А. И. Бибиковъ депутатамъ, собравшимся въ коммиссію по составленію новаго уложенія, восхищаюсь,

---

[1]) Отъ 17 (28) марта 1763 г. Сборн. Императ. Русскаго Историческ. Общест., т. XXII, 43.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXVII, 5.

усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ Россіи благодѣтствіе установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, давно намъ нужныхъ и всѣми желаемыхъ законовъ.

Произволъ, казнокрадство и взяточничество попирали законъ и справедливость. «Вижу нынѣ, говоритъ князь Щербатовъ, обращаясь къ вельможамъ правителямъ [1]), вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные. Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровища служатъ къ обогащенію вашему? Что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ, видя похлебства ваши къ зловреднымъ откупщикамъ. Едва вы входите въ начальство, уже несмысленная родня ваша важныя мѣста получаетъ».

Правый судъ былъ явленіемъ рѣдкимъ и всѣми сознаваемымъ. Въ залѣ общаго собранія Сената былъ поставленъ барельефъ «*Истина*» нагая. Вступая въ должность генералъ-прокурора и осматривая залу, князь А. А. Вяземскій сказалъ экзекутору: «вели, братъ, ее нѣсколько прикрыть». И подлинно, прибавляетъ Державинъ, съ тѣхъ почти поръ стали прикрывать правду въ правительствѣ.

Общественной дѣятельности не существовало и большинство правителей жило въ свое удовольствіе. Въ Сенатѣ за излишнее почитали государственныя дѣла слушать, говоритъ императрица. «Стыдно сказать, что и карты напечатанныя не были въ Сенатѣ и что первую карту я, бывъ въ Сенатѣ, послала купить въ Академіи» [2]). Екатерина II говорила, что ея вельможи любятъ начальствовать и веселиться, но не любятъ заниматься дѣломъ. «Всѣ любятъ начальствовать, говорила императрица и почти всѣ имѣютъ худое воспитаніе». Въ дѣлахъ они полагаются на своихъ секретарей и работаютъ только тогда, когда она ихъ заставитъ.

«Слушай Перфильевичъ, писала Екатерина Елагину [3]), если въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленій губернаторской должности, манифестъ противъ *кожедирателей*, да дѣло Бекетьева совсѣмъ отдѣланныя, то скажу, *что*

---

[1]) *Русская Старина*, 1872 г., №1.

[2]) *Сборникъ историч. общества*, т. X, 381.

[3]) Сборн. Императ. Русскаго Историч. Общест., т. VII, 351.

тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочитъ какъ ты».

«Господамъ сенаторамъ, писала Екатерина [1]), быть въ Сенатѣ отъ полдевятаго часа до половины перваго и посторонннихъ рѣчей отнюдь не говорить».

Для облегченія дѣятельности своихъ сотрудниковъ и ускоренія въ рѣшеніи дѣлъ, императрица приказала считать достаточнымъ и приводить въ исполненіе протоколы, подписанные только четырьмя сенаторами, по такимъ дѣламъ, которыя не заключаютъ въ себѣ отмѣны закона или изданія новаго постановленія. Самые протоколы писать по возможности кратко [2]). Впослѣдствіи, чтобы ускорить рѣшеніе дѣлъ, императрица принуждена была раздѣлить Сенатъ на департаменты, «дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ и въ одинъ день трактовалось, но столько производимо ихъ было, коликое число департаментовъ опредѣлится, а каждый бы департаментъ опредѣленные роды себѣ дѣлъ въ отправленіи узаконеніемъ имѣлъ [3])».

Льготы эти не подвинули впередъ дѣлъ и множество жалобъ, подаваемыхъ императрицѣ, свидѣтельствовали о бездѣятельности Сената.

«Съ удивленіемъ усмотрѣла я, писала Екатерина [4]), что дѣло между рижскими и смоленскими купцами до днесь еще Сенатомъ не рѣшено, хотя мною и повелѣно немедленно къ сему дѣлу приступить. Итакъ, Сенатъ имѣетъ черезъ три дня рапортовать, что по оному дѣлу господа сенаторы положили на мѣру. *А я уже болѣе нареканія отъ тамошнихъ жителей на медлительный судъ слышать не хочу*».

«Многія есть челобитныя аппеляціонныя на Сенатъ, писала императрица мѣсяцъ спустя [5]), изъ которыхъ болѣе уже года, какъ велѣно, сдѣлавъ экстракты, мнѣ представить, но ко мнѣ въ

---

[1]) Указъ Сенату 16 сентября 1762 г. Полн. собр. законовъ, № 11,665.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 11,589 и 11,596.

[3]) Сборникъ Императ. Русскаго Историческ. Общест., т. VII, 324.

[4]) Въ указѣ отъ 29 октября 1763 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 108.

[5]) Въ указѣ отъ 28 ноября 1763 г. Тамъ же.

докладъ не поступаютъ, что есть не безъ-волокитно для челобитчиковъ. И для того я желаю знать, для чего они ко мнѣ такъ долго не вносятся, ибо Сенатъ разсматривать ихъ не можетъ, потому что и судьѣ, и отвѣтчику одному мѣсту быть несвойственно»..

Въ февралѣ слѣдующаго года генералъ-прокуроръ объявилъ, что «ея величество указать соизволила на будущей, т.-е. сырной недѣли имѣть въ Правительствующемъ Сенатѣ первые три дня общее собраніе для окончанія умножившихся по оному дѣлъ» [1]).

Медленность въ рѣшеніи дѣлъ происходила отчасти отъ того несогласія, которое существовало между членами Сената. Засѣданія коммиссіи по составленію новаго уложенія ясно свидѣтельствуютъ намъ о той розни и враждѣ, которыя существовали не только между сословіями, но и между дворянствомъ. Чужое мнѣніе не уважалось и голосъ сильнаго по общественному положенію или богатству уничтожалъ справедливое мнѣніе человѣка мелкаго, небогатаго и зависимаго. Единственнымъ средствомъ къ повышенію по службѣ или къ разнаго рода пріобрѣтеніямъ была лесть, заискиваніе и низкопоклонство. «Въ праздничные дни, говоритъ Новиковъ [2]), къ большимъ боярамъ ѣздить на поклонъ почитается за необходимость: ибо тѣ, которые сіе исполняютъ, находятъ свое счастіе гораздо скорѣе». Не только быть принятымъ въ общество лица вліятельнаго, но поговорить съ нимъ и даже потолкаться въ его передней считалось верхомъ счастія. Державинъ долго добивался чести быть знакомымъ съ княземъ Платономъ Зубовымъ, и когда наконецъ добился того, то общественное положеніе поэта значительно измѣнилось: «одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія». Чтобы получить тепленькое мѣстечко прибѣгали къ женамъ вліятельныхъ лицъ и не пренебрегали ихъ любовницами. Храповицкій искалъ всякаго случая, чтобы польстить императрицѣ, графъ Безбородко, входя къ ней съ докладомъ, кланялся чуть не до земли, а о тѣхъ счастливцахъ, которые допускались въ уборную князя П. Зубова посмотрѣть, какъ

[1]) Записка князя Вяземскаго сенату, 10 февраля 1764 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 108.

[2]) Въ предисловіи къ *Трутню*, изд. 3-е, стр. 7.

онъ совершалъ свой утренній туалетъ и пудрилъ голову, говорили по всему городу съ завистью. Около такихъ центровъ собиралась толпа добровольныхъ прислужниковъ, стоявшихъ горою за своего патрона, думавшихъ его головою и жившихъ его подаяніемъ и щедротами. Такая обстановка общественной жизни переносилась всецѣло и въ правительственныя учрежденія, въ томъ числѣ и въ Сенатъ. Сенаторы точно также группировались около центровъ, около своихъ благодѣтелей.

— Что намъ оберъ-прокуроръ предложитъ, то мы и подписываемъ, говорили И. М. Булгакову сенаторы графъ Остерманъ и Дурново [1]).

«Согласенъ съ предложеніемъ его превосходительства, говоритъ Лопухинъ [2]), или его сіятельства, или свѣтлости только почти и слышится, и пишется въ общихъ собраніяхъ Сената». Присутствуя въ Сенатѣ, Державинъ видѣлъ многихъ своихъ товарищей безъ всякихъ способностей, «которые, слушая дѣла, подобно осламъ, хлопали только ушами» [3]). На другой день послѣ назначенія сенаторомъ, Державинъ благодарилъ князя П. Зубова. «А какъ Сенатъ доведенъ наперсниками и прочими ея (императрицы) приближенными вельможами до крайняго униженія или презрѣнія», то Зубовъ весьма удивился, когда Державинъ благодарилъ его за то, что онъ сдѣланъ сенаторомъ.

— Неужто доволенъ? спросилъ онъ его.

— Какъ же, отвѣчалъ Державинъ, — не быть довольну сей монаршей милостію бѣдному дворянину, безъ всякаго покровительства служившему съ самаго солдатства, что онъ посаженъ на стулъ сенаторскій россійской имперіи. Ежели же его сочлены почитаются, можетъ быть, кѣмъ ничтожными, то онъ себѣ уваженіе всемѣрно сыщетъ.

Большинство сенаторовъ группировалось около генералъ-прокурора и было отголоскомъ его мнѣнія; но было много и такихъ, которые, не имѣя собственнаго убѣжденія, дѣйствовали подъ вліяніемъ своихъ сильныхъ патроновъ, неприсутствовавшихъ въ Се-

[1]) *Русская Старина*, 1881 г., № 6, стр. 290.
[2]) «Записки Лопухина», стр. 65.
[3]) *Соч. Державина*, изд. Я. К. Грота, т. VI, стр. 668.

натѣ. Постоянныя пререканія, отстаиванія личныхъ интересовъ или интересовъ своихъ клевретовъ, безъ соблюденія общей пользы и справедливости, приводили къ постоянному разногласію, ссорамъ, и во всякомъ случаѣ замедляли рѣшеніе дѣлъ.

«Господа сенаторы! писала императрица 6 іюня 1763 года [1]). Я не могу сказать, чтобы вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Въ доказательство сему довольно и одного сей день трактованнаго въ Сенатѣ дѣла о воеводѣ Мясоѣдовѣ, не упоминая о многихъ, гдѣ интересы наши и польза общая терпитъ. Но какая-бъ къ тому причина была? Мы принуждены были изыскивать и наконецъ нашли, и по истинѣ сказать нашли тѣ причины. Но къ крайнему своему прискорбію и огорченію тѣмъ, что онѣ единственно въ томъ только и состоятъ, что присутствующіе въ Сенатѣ имѣютъ *междоусобное несогласіе, вражду и ненависть, и одинъ другаго дѣлъ не терпятъ*, а потому и раздѣляются на партіи и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя, словомъ сказать, производятъ совсѣмъ благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ людямъ дѣла несвойственныя.

«Что-жь отъ того рождается? одна только безпредѣльная злоба и раздоръ, а тѣмъ самымъ ни интересамъ нашимъ, ниже подданнымъ желаемой пользы не приходитъ. Я думаю, что всякъ, кто только незазорную свою совѣсть поставитъ надъ собою судьею, тотъ безпрекословно признаться долженъ, что примѣчаніе наше о семъ праведно есть. Богъ единъ сердцевѣдецъ вѣдаетъ, сколь мы прилежимъ о благополучіи нашего любезнаго отечества, и по истинѣ сказать, ничто насъ столь не утѣшаетъ, какъ цвѣтущее благосостояніе онаго, такъ что въ нашемъ благоденствіи и всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ поставляемъ мы собственное наше благоденствіе, а прямое наше удовольствіе въ праведномъ и нелицемѣрномъ отъ васъ происходящемъ судѣ, тишинѣ и въ спокойствіи отъ того нашихъ подданныхъ. Вы сами довольно знаете, сколь полезно,

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,845.

не только между первыми членами въ государствѣ, но и между средними и самыми малыми людьми къ правленію дѣлъ доброе согласіе, столь напротиву того вредно и разорительно государству раздоръ, вражда и несогласіе. О семъ излишне приводить на память многія доказательства, но всякій благоразумный можетъ видѣть почти безчисленные примѣры въ древней и новой исторіяхъ, какія отъ того происходили вредныя слѣдствія, а наипаче у грековъ. А наконецъ можно и сіе упомянуть, что раздоръ и несогласіе между первѣйшими людьми ежечасно, сколь бы терпѣливъ и милосердъ государь ни былъ, подвигнутъ его на гнѣвъ, ваши-жъ несогласія наносятъ многимъ безпокойство и тягость.

«Не послѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя-бъ они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, *хотя сами однакожъ ихъ никогда не сильны сдѣлать*. Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ. Одинъ одаренъ натурою больше, а другой несравненно меньше, и для того при всякомъ обстоятельствѣ надлежитъ каждому себя умѣривать и съ благопристойностью послѣдовать безъ всякаго упорства и суесловія здравому разсудку, а черезъ то достигнуть полезнаго предпріятія.

«Итако мы, изъяснивъ довольно нашу волю и мысли, въ заключеніе сего нашимъ словомъ объявляемъ, что ничего намъ пріятнѣе не можетъ быть, когда мы увидимъ, что раздоръ, вражда и вкоренившаяся до сего ненависть совсѣмъ истребится, а вмѣсто того къ утѣшенію нашему и всеобщему возстановится любовь и согласіе, единодушное стараніе о пользѣ любезнаго намъ отечества. Въ чемъ да поможетъ и укрѣпитъ Всевышняя десница».

Пожеланія и приказанія императрицы оставались неисполненными. Сенатъ затягивалъ дѣла и скораго правосудія добиться было трудно. Чтобы дождаться рѣшенія самаго ничтожнаго дѣла, надо было «много крючковатаго писать, довольно бумаги и денегъ тратить, стряпчаго нанять, и взять терпѣніе на годъ другой, *буде не станетъ это дѣло переводиться съ мѣста на мѣсто*» [1]).

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. X, 627.

Были люди, считавшіе болѣе удобнымъ обратиться съ просьбою къ императрицѣ, чѣмъ въ Сенатъ. Жена прапорщика Ватазина просила императрицу пожаловать мужа ея, бывшаго въ Костромѣ воеводскимъ товарищемъ, въ коллежскіе ассессоры. «Я просила господъ сенаторовъ, писала она [1]), да все отходятъ смѣшками. У Александра Борисовича (Куракина) дважды была и толку не нашла. У князя Никиты Юрьевича (Трубецкаго) была и онъ сказалъ: какъ же, сударыня, быть, есть его старѣе. А намъ что нужды: они не просятъ, а мы просимъ. А князь Иванъ Васильевичъ (Долгорукій?) радъ душою, да одному нельзя. А вчерась Петра Ивановича (графа Шувалова) просила, только онъ гнѣвается и я испужалась и просьбы своей не докончила. А мнѣ безъ ранга и мужу моему показаться нельзя. А Александръ Борисовичъ затѣялъ новое, чтобъ я сама въ Сенатъ пошла, а я и дверей не знаю, да и солдаты не пустятъ».

Несложное дѣло бѣлогородскаго помѣщика Бахирева съ разграбившимъ его имѣніе сержантомъ Григоріемъ Съѣдинымъ тянулось 14 лѣтъ; дѣло Державина съ прапорщикомъ Дмитріевымъ по картежной игрѣ продолжалось 12 лѣтъ; дѣло Бахтиныхъ, разграбившихъ въ Брянскомъ уѣздѣ имѣніе помѣщика Тютчева, тянулось съ 1768 по 1799 годъ, т.-е. 31 годъ [2]). Дѣломъ сибирскаго генералъ-губернатора Якоби 2-й департаментъ Сената занимался болѣе семи лѣтъ, оставя прочія дѣла и собираясь два раза: поутру и послѣ обѣда. Экстрактъ изъ дѣла, составленный Сенатомъ, состоялъ изъ 3,000 листовъ. Откуда такая медленность? Добрынинъ говоритъ, что десятая часть чиновниковъ служила съ пользою, десятая могла быть терпима, а остальные восемь-десятыхъ никуда не годились. На службу смотрѣли какъ на матеріальное обезпеченіе, средство къ наживѣ и обогащенію, а польза общественная оставлялась въ сторонѣ и о ней никто не думалъ. «Я отъ лѣности, говоритъ съ горькою насмѣшкою Н. И. Новиковъ [3]), никакой еще службы по сіе время не избралъ, ибо всякая служба несходна съ моею склонностью. Военная кажется

[1]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 190.

[2]) *Орловскія Вѣдомости* 1872 года, № 15.

[3]) Въ предисловіи къ своему «Трутню». См. издан. 3-е, стр. 8.

мнѣ очень безпокойною и угнетающею человѣчество: она нужна и безъ нее никакъ не можно обойтись; она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная хлопотлива: надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя, чтобы не быть кѣмъ обмануту и имѣть смотрѣніе за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорятъ: дай за работу, а это очень трудно. И хотя она по сіе время еще гораздо наживна, но однакоже она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе и была бы легче всѣхъ, ежели бы не надлежало знать наизустъ притворства гораздо въ высшей степени, нежели сколько должно знать ее актеру: тотъ притворно входитъ въ разныя страсти временно, а сей безпрестанно то же дѣлаетъ».

Смотря на старшихъ своихъ собратій, среднее и мелкое чиновничество было также лѣниво, пренебрегало дѣлами и пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы сорвать и съ истца, и съ отвѣтчика.

У мясника увели быка, но воръ былъ скоро отысканъ и мясникъ, отправившись въ канцелярію, билъ челомъ секретарю съ приложеніемъ двухъ крестовиковъ.

— Я, другъ мой, не такой человѣкъ, сказалъ онъ, чтобы взятки брать, но полученныя деньги опустилъ въ карманъ.

Привели вора, но тотъ сунулъ секретарю имперіалъ. Секретарь сталъ допрашивать мясника *по формѣ*, т.-е. о томъ, о чемъ не надобно «и завелъ съ нимъ такую матерію, которой мужикъ не разумѣлъ». Мужикъ отвѣчалъ не кстати и тогда секретарь составилъ опредѣленіе, что мясникъ «въ рѣчахъ своихъ замѣшался и рѣшено его высѣчь за напрасное оклеветаніе своего ближняго. Мясникъ подалъ апелляцію. «Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати не больше, замѣчаетъ «Адская Почта», то, можетъ статься, дождется конца своего дѣла» [1]).

Такимъ образомъ, кто больше давалъ тотъ и былъ правъ. Впрочемъ взятки не всегда помогали ускоренію дѣла. Всякая жалоба на проволочку суда не имѣла послѣдствій и подъячіе не боялись угрозъ.

— Изволь жаловаться, говорили они, а я скажу, что ты мнѣ

[1]) *Адская Почта*, стр. 48—50.

деньги давалъ, а за нихъ наказаніе одно, что плуту лихоимцу, что доброму человѣку просителю.

Взятки брались черезъ женъ, метрессъ, при помощи картъ, обѣдовъ и другими способами. Онѣ назывались «*акциденціею*» и «*барашкомъ въ бумажкѣ*».

Противъ взятокъ или, какъ называли современники, «застарѣлой неправды» издавались указы, говорились проповѣди еще Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, писались сатиры Кантемира, Сумарокова, Нахимова, комедія Капниста «Ябеда» и фонъ-Визина, «письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника *Взяткина*».

«Всячина» напечатала на своихъ страницахъ особыя заповѣди для судей и подъячихъ:

I. Не бери взятокъ.
II. Не волочи дѣла отъ тебя зависящаго.
III. Не сотвори крючковъ.
IV. Не обходись грубо съ людьми.
V. Не говори челобитчикамъ *завтра*.
VI. Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей.
VII. Не давай наставленій въ ябедѣ.
VIII. Не напивайся пьянъ.
IX. Чеши всякій день голову, ходи чисто.
X. Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ.

«Одинъ знающій всѣ законы наизустъ стряпчій, публиковано было въ журналѣ «Вечера», котораго ни къ какому суду за ябедничество допускать не велѣно, желаетъ вступить въ службу къ какому-нибудь доброму помѣщику, съ тѣмъ обязательствомъ, что онъ помѣщиковымъ именемъ у всѣхъ его сосѣдей оттягаетъ луга, лѣса и земли и клянется совѣстію вскорѣ его обогатить, ежели кто изъ сосѣдей не дастъ ему больше денегъ, нежели сколько онъ отъ своего помѣщика получитъ. Въ противномъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ за то, останется-ли его хозяинъ при своей деревнѣ и не продастъ-ли онъ его самого».

При такомъ порядкѣ вещей людямъ небогатымъ нельзя было добиться правды въ судахъ, и всѣ вообще были стѣснены фор-

мами дѣлопроизводства. Тяжебныя дѣла разбирались не иначе какъ по подачѣ челобитень въ соотвѣтствующія судебныя мѣста: на духовныхъ приходилось просить у епархіальнаго начальства, на фабрикантовъ—въ мануфактуръ-коллегіи, на заводчиковъ—въ бергъ-коллегіи, на купцовъ—въ магистратахъ, на ямщиковъ—въ ямскомъ приказѣ. Сосредоточеніе межевыхъ книгъ въ Москвѣ, подчиненіе купечества главному магистрату въ Петербургѣ, отдаленность судовъ—все это было причиною, что дѣла тянулись 20 и болѣе лѣтъ. Довѣренности къ правительству никто не имѣлъ, говоритъ Екатерина II, «но всякъ привыкъ думать, что иное учрежденіе не могло выходить, какъ вредное общему благу» [1]).

Собравшіеся въ коммиссію уложенія депутаты просили судиться всѣмъ равно во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ [2]). Многіе жаловались на многозаконіе. «Каждое дѣло умножено законами», говорили они, и просили «объ искорененіи ябедниковъ, проклятаго лакомства и продолжительнаго суда».

Чтобы не проиграть дѣла необходимо было строго соблюсти всѣ формы, въ большинствѣ весьма обременительныя и разорительныя. Тетка отца Энгельгардта, бригадирша Витковичева, которой онъ былъ долженъ 3,000 руб., заставляла его ежегодно для переписки векселя пріѣзжать изъ Выборга, гдѣ онъ служилъ, въ Малороссію, въ м. Сорочинцы [3]).

«Все поглощаетъ ненасытное время, говорилось въ «Вечерахъ», не исчезаютъ однѣ ябеды и крючкотворство; онѣ отъ потомства въ потомство переходятъ, ябеды узловатѣе становятся, крючки больше ростутъ, подъячіе богатѣютъ» [4]).

Относительно суда по формѣ, каргопольскіе крестьяне заявляли, что споры и тяжбы крестьянъ по большей части бываютъ такъ малоцѣнны, что не стоятъ издержекъ на подачу челобитень и на гербовую бумагу. Они просили производить разбирательство ихъ споровъ судомъ словеснымъ [5]).

---

[1]) *Сборникъ историческаго общества*, т. X, 381.
[2]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXVII, стр. 126.
[3]) «Записки Энгельгардта», стр. 4.
[4]) *Вечера*, ч. I, стр. 5.
[5]) *Сборникъ историческаго общества*, т. IV, стр. 71.

«Мы, писали ясашные крестьяне Казанскаго уѣзда [1]), яко народъ безгласный и несвѣдущій законовъ, продавая свой послѣдній экипажъ, нанимаемъ для хожденія по дѣламъ повѣренныхъ. Эти же повѣренные насъ безгласныхъ, чрезъ лакомства, какъ челобитчика, такъ и отвѣтчика, приводятъ въ обманъ и разореніе. Сверхъ того, по этимъ дѣламъ собираются свидѣтели и требуются многія справки и отъ того дѣла продолжаются; челобитчикъ же и отвѣтчикъ несутъ чрезъ то большое разореніе и доходятъ до того, что бываютъ не въ состояніи не только платить государственныя подати, но и пропитать себя».

Государственные крестьяне Исетской провинціи и Казанскаго уѣзда, новокрещенцы изъ мордвы, пахотные солдаты и вообще всѣ крестьяне «не-помѣщиковы» просили судъ словесный, скорый, который производился бы ихъ старшинами. Помѣщичьи же крестьяне были исключены изъ права подавать голосъ о своихъ нуждахъ, и просить о чемъ бы то ни было права не имѣли.

XVI.

Помѣщичьи и заводскіе крестьяне.—Краткій очеркъ ихъ состоянія.—Притѣсненіе ихъ помѣщиками.—Побѣги, разбои, волненія и убійства помѣщиковъ.

Власть помѣщика надъ крестьяниномъ была власть неограниченная и законъ не допускалъ никакой жалобы на владѣльца [2]). За покушеніе слуги противъ жизни господина своего назначалось усиленное наказаніе. Поставивъ помѣщичьихъ крестьянъ въ такое положеніе и устраняя отъ себя частное вмѣшательство, правительственная власть въ то же самое время предъявляла безусловное право на общее, повсемѣстное подчиненіе населенія своимъ распоженіемъ и угрожала всякому лицу наказаніемъ за нарушеніе закона. «Отсюда возникли противорѣчія и столкновенія между не-

[1]) Сборн. Истор. Общ., т. IV, стр. 81.

[2]) Исключеніе въ этомъ составляли: корчемство, лихоимство, поврежденіе государственнаго интереса, укрывательство отъ службы, принятіе чужихъ бѣглыхъ крестьянъ и блудъ съ рабою.

нарушимостью государственной воли и между дѣйствіемъ воли владѣльца» [1]).

Крестьянинъ былъ поставленъ между двухъ огней: пользуясь неограниченною властью надъ крестьянами, помѣщикъ употреблялъ ихъ нерѣдко для осуществленія своихъ противозаконныхъ стремленій. Собравъ крестьянъ, онъ производилъ съ ними грабежи, а иногда оказывалъ вооруженное сопротивленіе правительственной власти. Посылаемыя отъ суда лица часто не допускались помѣщиками: ихъ встрѣчали вооруженные крестьяне, какъ непріятелей и, по приказанію помѣщика, выгоняли изъ его владѣній. Въ этомъ случаѣ какъ помѣщикъ, такъ и крестьяне несли одинаковую отвѣтственность и одинаковое наказаніе. Произволу крестьянъ предоставлялось только право оцѣнить, какое наказаніе будетъ сноснѣе: то ли, когда они послушаютъ владѣльца и будутъ наказаны правительствомъ, или то, когда, отказавшись исполнить преступную волю своего помѣщика, они подвергнутся его преслѣдованію и мщенію.

Повинности крестьянъ по уложенію заключались: 1) въ доставленіи на своихъ подводахъ помѣщикамъ изъ деревни въ городъ и на мѣсто службы въ походъ запасовъ для ихъ продовольствія и на продажу; 2) въ приходѣ изъ деревень для работъ въ помѣщичьи усадьбы. Крестьянинъ не имѣлъ права на землю, на которой жилъ—она принадлежала помѣщику. «Люди въ Россіи не привязаны къ землѣ, говоритъ Болтинъ [2]), ни земля къ людямъ, хотя какъ тѣ, такъ и другіе крѣпостные; вслѣдствіе чего помѣщикъ или владѣлецъ имѣетъ власть продать и людей безъ земли, и землю безъ людей, или совокупно обоя; властенъ помѣщикъ перевесть крестьянъ на другое мѣсто и тогда они остаются уже безъ земли».

Движимое имущество крестьянина не считалось его собственностью: онъ владѣлъ своими животными до тѣхъ поръ, пока ихъ не отбиралъ владѣлецъ [3]). Размѣръ повинности и оброка предо-

---

[1]) «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи», К. Побѣдоносцева. *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVI, 566.

[2]) Въ примѣчаніи на Леклерка, т. II, стр. 164.

[3]) «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» и проч. К. Побѣдоносцева. *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XV, стр. 480.

ставлялся произволу помѣщика. Законъ повелѣвалъ только крестьянину чтить и слушать помѣщика во всемъ, «и пашню на него пахать, оброкъ хлѣбный и денежный и всякій мелкій доходъ съ угодій платить по старинѣ» или платить доходъ, «чѣмъ помѣщикъ изоброчитъ» [1]).

Впослѣдствіи помѣщики установили разнаго рода поборы съ крестьянъ, которые и обязаны были вносить ихъ ежегодно. Эти ненормальныя правовыя отношенія между людьми, съ теченіемъ времени не только не ослаблялись, а напротивъ усиливались и число крѣпостныхъ, начиная съ царствованія Петра I, все увеличивалось.

По первой ревизіи положено было въ окладъ, кромѣ купечества, 5.472,516 душъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны повелѣно произвести вторую ревизію, причемъ правительство во всѣхъ своихъ указахъ стремилось прикрѣпить человѣка, уничтожить его самостоятельность и расширить предѣлы господскаго права. «Такое направленіе было въ духѣ того времени, говоритъ Побѣдоносцевъ [2]), то была эпоха владычества временщиковъ, неумѣряемыхъ ни здравыми началами твердаго государственнаго управленія, ни уваженіемъ къ общему мнѣнію, которое не могло еще образоваться и высказаться, ни коренными началами и преданіями старой Руси, которыя были уже забыты».

Всѣ мѣры правительства клонились къ расширенію предѣловъ крѣпостной зависимости, тѣмъ болѣе, что умноженіе числа людей, записанныхъ въ подушный окладъ, составляло прямо интересъ государства въ финансовомъ отношеніи. При второй ревизіи, кромѣ людей бывшихъ уже крѣпостными, подчинялись крѣпостному праву и такіе, которые до того не были ни за кѣмъ записаны. Такъ въ подушный окладъ писались церковно-служители и ихъ дѣти, оставшіеся безъ мѣста отъ упраздненныхъ церквей и отъ уменьшенія штатовъ. Они были записаны за тѣми помѣщиками на землѣ, которыхъ ихъ застала ревизія. Разночинцы, солдатскія дѣти, купеческіе и мастеровые, неположенные еще въ подушный

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XV.

[2]) «Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ XVIII столѣтіи». *Русскій Вѣстникъ*, 1861 г., т. 35, стр. 226.

окладъ, годные записывались въ солдаты, а негодные отдавались помѣщикамъ. Бобыли и непомнящіе родства, вольные люди, оказавшіеся въ городахъ безъ мастерства и безъ приписки къ посадамъ, обязаны были пріискать себѣ помѣщиковъ.

Распоряжаясь такъ, правительство имѣло главнѣйшимъ образомъ въ виду, чтобы ни одинъ человѣкъ «безъ положенія въ окладъ не остался». На этомъ основаніи сироты, незаконнорожденныя дѣти, пріемыши записывались въ крѣпостные.

Многіе солдаты, по увольненіи въ отставку, возвращались къ тѣмъ владѣльцамъ, отъ которыхъ были взяты въ рекруты. Дѣти солдатъ, рожденныя до поступленія на службу, также рожденныя послѣ отставки у солдата, возвращеннаго къ помѣщику, считались принадлежащими послѣднему. Въ 1744 году повелѣно солдатскихъ дѣтей до 6-ти-лѣтняго возраста оставлять у матерей съ тѣмъ, чтобы послѣ этого срока онѣ представили ихъ въ гарнизонныя школы.

Инородцы также подвергались записке въ крѣпостное состояніе. Такъ въ 1740 годахъ уфимскій вице-губернаторъ Аксаковъ раздавалъ разнымъ людямъ бунтовавшихъ башкирцевъ. Въ 1743 году 2,809 человѣкъ салтанаульскихъ ногайцевъ, за самовольное откочеваніе съ Кубани за границу Россіи, были розданы преслѣдовавшимъ ихъ калмыкамъ, а затѣмъ при переводѣ ногайцевъ съ Кубани и изъ Астрахани въ Казанскую губернію многіе изъ нихъ розданы были въ вѣчное владѣніе татарскимъ мурзамъ. Плѣнные, взятые во время войнъ Россіи съ иностранными державами и женившіеся на крѣпостныхъ «дѣвкахъ или женкахъ», записывались въ крѣпостное состояніе.

При такихъ условіяхъ число крѣпостныхъ съ каждымъ годомъ возростало. Оно увеличивалось еще и тѣмъ, что правительство, въ видѣ награды, жаловало военнымъ и гражданскимъ чинамъ въ вѣчное владѣніе цѣлыя деревни и села, бывшія до того вольными, государственными или дворцовыми.

Указомъ 25-го апрѣля 1737 года повелѣно было офицерамъ, состоящимъ при казенныхъ горныхъ заводахъ, сверхъ жалованья давать: тѣмъ, кои изъ шляхетства по десяти дворовъ въ четыре души въ каждомъ, а тѣмъ, кои не изъ шляхетства—по пяти дво-

ровъ въ вѣчное владѣніе. Въ 1738 году приняты были въ русскую службу князья и дворяне, выѣхавшіе съ грузинскимъ царемъ и образовавшіе гусарскую роту въ 89 человѣкъ. Имъ вмѣсто жалованья были отведены земли въ Украйнѣ и пожаловано изъ казенныхъ, дворцовыхъ и войсковыхъ деревень въ вѣчное владѣніе: князьямъ по 30, каждому малолѣтнему мужескаго пола по 5, а дворянамъ по 10 дворовъ. Въ 1741 году, гренадерская рота Преображенскаго полка, содѣйствовавшая императрицѣ Елисаветѣ при вступленіи на престолъ, была переименована въ лейбъ-компанію и всѣмъ ея чинамъ, не исключая солдатъ, было роздано 13,930 душъ крестьянъ. Въ шестимѣсячное царствованіе Петра III, рядомъ съ мѣрами, облегчающими положеніе бывшихъ уже крѣпостныхъ, роздано вновь въ крѣпость 13,066 душъ однихъ только государевыхъ крестьянъ. Въ царствованіе Екатерины II съ 1762 по 1772 годъ было роздано до 66,243 душъ мужескаго пола.

Крестьяне раздавались всѣмъ и каждому, кто только умѣлъ и имѣлъ случай выпрашивать ихъ, и скоро въ частныхъ рукахъ очутились громадныя имѣнія [1]), доходы съ которыхъ шли на праздную и разгульную жизнь помѣщика.

---

[1]) Пожаловавъ князя Меншикова владѣтельнымъ герцогомъ Ингерманландскимъ, Петръ I отдалъ ему всю Ингерманландію. Послѣ измѣны Мазепы князь Меншиковъ получилъ бо́льшую часть имѣній гетмана, и такимъ образомъ число крестьянъ, принадлежавшихъ Меншикову, доходило до 100,000 душъ. За взятіе Азова пожалованы были имѣнія: Лефорту, Гордону, Шеину, Головину и Зотову. За полтавскую побѣду Шереметевъ награжденъ большими имѣніями въ Ярославскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ и въ Малороссіи мѣстечками и селами изъ имѣній Скоропадскаго. Послѣ смерти князя Ромодановскаго осталось 20,000 душъ крестьянъ, доставшихся въ наслѣдство графинѣ Головкиной. Князь Я. Ѳ. Долгорукій по возвращеніи изъ шведскаго плѣна, П. А. Толстой послѣ прутскаго мира, графъ Апраксинъ и князь Кантемиръ получили въ награду по тысячѣ и болѣе дворовъ. Послѣ смерти царицы Марѳы Матвѣевны дворцовыя ея вотчины были отданы графу Апраксину. Послѣ смерти князя А. М. Черкасскаго осталось 70,000 душъ крестьянъ, а канцлеръ Бестужевъ съумѣлъ закрѣпить за собою весь городъ Венденъ. Зоричу было пожаловано 14,000 душъ крестьянъ, купленъ Шкловъ за 450,000 рублей, выдано деньгами 450,000 р. и бриллiантовъ на 200,000 р. Ермолову было пожаловано 6,000 душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи. Бывшему въ случаѣ съ іюля 1778 по октябрь 1779 года И. Н. Корсакову было пожаловано въ Могилевской губерніи 6,000 душъ крестьянъ, 200,000 р. на путешествіе въ чужіе края; бриллiантовъ и жемчуговъ было у него на 400,000, а все состояніе простиралось до 2.400,000 р. Князь и графы Орловы получили въ разное время 70.000,000 р. и 45,000 душъ; князь Потемкинъ 37,000 душъ и до 9.000,000 р.; Васильч-

Получивши власть распоряжаться трудомъ человѣка, располагать его личною свободою, творить надъ нимъ судъ и расправу, владѣлецъ не только «привыкалъ смотрѣть на крестьянина какъ на свою принадлежность», но обращался съ нимъ съ презрѣніемъ, называя его подлымъ человѣкомъ и скорѣе скотомъ, чѣмъ разумнымъ существомъ. Лучшіе и образованнѣйшіе люди того времени не были чужды такому взгляду. Путешествуя по Франціи, Д. И. фонъ-Визинъ съ негодованіемъ замѣтилъ, что лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ передъ господами, проходящими мимо *этихъ скотовъ*.

«Канарейкѣ, писалъ Сумароковъ [1]), лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина. Свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ».

Крестьянинъ въ глазахъ помѣщика не имѣлъ человѣческаго образа и испытывалъ на себѣ всю тяжесть капризной воли господина. При неудовольствіи на крестьянъ, помѣщики выжигали цѣлыя деревни, а о другихъ наказаніяхъ и говорить нечего.

При такомъ взглядѣ, конечно, въ большинствѣ случаевъ добрыхъ человѣчныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами быть

чиковъ получилъ 7,000 душъ, 200,000 р. и пожизненной пенсіи 20,000 р. Графу Заводовскому пожаловано 20,000 душъ и онъ имѣлъ до 100,000 р. ежегоднаго дохода. Графъ Безбородко получилъ въ разное время 18,100 душъ, 50,000 р. единовременно и 10,000 р. пенсіи. Онъ имѣлъ сверхъ того соленыя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ.

Наиболѣе богатые владѣльцы, собственно въ Великороссіи, имѣли: графъ П. Б. Шереметевъ 78,159 душъ, графъ К. Разумовскій—36,000 душъ, братья Орловы до 27,000 душъ; графъ А. С. Строгановъ—19,000 душъ; три князя Голицыныхъ, каждый болѣе чѣмъ 14,000; два брата Нарышкиныхъ вмѣстѣ болѣе 22,000 душъ. Принцесса Екат. Петр. фонъ-Гольштейнъ-Бекъ (по мужу кн. Барятинская) имѣла около 11,000 душъ, столько же было и у Б. Г. Шаховскаго. Болѣе 10,000 душъ имѣли: князь Г. А. Потемкинъ, графъ Г. И. Головкинъ, грузинскій царевичъ Георгій Вахтанговичъ, князь Д. Ю. Трубецкой, графъ А. Д. Ланской, графъ Я. А. Брюсъ, графиня Е. А. Чернышева; болѣе 9,000 душъ: князь Н. А. Голицынъ; болѣе 8,000 душъ: князь П. А. Бутурлинъ, С. К. Нарышкинъ, бароны Г. Н. и А. Н. Строгановы, князь Н. В. Репнинъ и кн. С. Д. Кантемиръ. (См. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», В. И. Семевскаго, стр. 31).

[1]) «Исторія вольно-экономическаго общества», соч. Ходнева, стр. 20.

не могло. «Помѣщики безмѣрно мучатъ своихъ крестьянъ, говорилось въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи о составленіи новаго уложенія [1]), и несносныя дани собираютъ, заставляютъ ихъ ежедневно работать на себя и доводятъ до побѣговъ». Многіе считаютъ это самовольствомъ, «не подумавъ, отъ радости-ли крестьянинъ покидаетъ своихъ милыхъ дѣтищъ, чего не дѣлаетъ и дикій звѣрь». Онъ бѣжитъ отъ поборовъ, отъ работы, къ которой принуждаютъ разными мученіями, и не желаетъ «*видѣть тѣла своего обезображеннымъ*». Помѣщики заставляютъ крестьянъ распахивать чужія земли, косить чужіе луга, рубить лѣсъ, отчего происходятъ драки и убійства. Крестьянъ за это томятъ въ тюрьмахъ, наказываютъ; но если они не послушаютъ помѣщика, то терпятъ отъ него еще бо̀льшія истязанія.

«Есть такіе строгіе помѣщики, говоритъ Рычковъ, которые крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ употребляютъ ихъ на господскія работы повседневно». Графъ П. Панинъ писалъ, что побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ происходятъ отъ «*несносности человѣческой*». И дѣйствительно, сверхъ работы на помѣщика креетьяне должны были приносить помѣщику гусей, индѣекъ, куръ, яйца, нѣсколько аршинъ холста и проч. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, сверхъ того, собирали медъ, свиное мясо, бараны и масло, поручались крестьянамъ выпаиваніе телятъ и даже существовали такъ называемыя «*безсмертныя коровы*» розданыя крестьянамъ, съ тѣмъ чтобы приплодъ шелъ въ пользу крестьянъ, а помѣщикъ получалъ отъ каждой по 20 фунт. масла ежегодно.

Чтобы судить о томъ, какого рода поборы возлагались помѣщиками оброчныхъ на крестьянъ, мы заимствуемъ изъ книги В. И. Семевскаго свѣдѣнія относительно поборовъ помѣщика Авраама Лопухина съ трети Роменской волости московскаго уѣзда. Лопухинъ бралъ: деньгами 3,270 руб., сѣна 11,500 пудовъ, овса 200 четвертей, дровъ трехъ-аршинныхъ 100, одно-полѣнныхъ 60 саж., мяса 40 пудовъ, 100 барановъ, 40 т. огурцовъ, сѣрой рубленой

[1]) Депутатами: крестьяниномъ Чупровымъ, однодворцемъ Масловымъ и пахотнымъ солдатомъ Жеребцовымъ.

капусты 250 ведеръ, бѣлой рубленой 100 ведеръ, пустернаку, селдерей, хрѣну и пырею по 1,000 корней, рѣпы, моркови, рѣдьки сколько понадобится, 200 курицъ, до 5,000 яицъ, брусники, клюквы и разныхъ грибовъ сколько потребуется для домашняго обихода помѣщика. Оцѣнивъ на деньги все, кромѣ зелени и овощей, количество которыхъ не было опредѣлено, крестьяне этой трети высчитали, что вмѣстѣ съ денежнымъ оброкомъ всего съ нихъ собирается въ годъ 5,273 рубля.

Этимъ не ограничивались повинности крестьянъ этой волости. Въ 1767 году они должны были выставить на мірской счетъ по 20 плотниковъ. Въ деревнѣ Богородницкой на счетъ крестьянъ построены: дворовое строеніе и барскій домъ; они прорыли канаву въ 70 сажень длины и въ 9 аршинъ ширины начали рыть прудъ «отъ чего пришли въ крайнее разореніе и скудость». Для проѣзда помѣщика требовались съ крестьянъ подводы; когда онъ ѣздилъ въ Москву на богомолье, съ крестьянъ взыскивались расходы на путешествіе; для надобностей помѣщика было снаряжено 200 подводъ въ Москву. Управляющій имѣніемъ содержался на счетъ крестьянъ, и когда пріѣзжалъ самъ помѣщикъ, то съ міра собиралось до 100 рублей для прокормленія помѣщика, его людей и лошадей. Если помѣщикъ переселялъ крестьянъ изъ одной вотчины въ другую, то всѣ расходы падали на остающихся, которые должны были купить переселяющимся шубы, сани и снабдить ихъ деньгами. «Кромѣ того, крестьяне не только должны были до новой ревизіи платить подати за переселенныхъ, но еще и вносить помѣщику за нихъ оброки и разные припасы. Если помѣщикъ бралъ къ себѣ въ домъ для услуженія крестьянскихъ мальчиковъ, то крестьяне все-таки продолжали платить за нихъ оброчныя деньги. Случалось, что, не стерпя великаго разоренія, тягости оброковъ и всякихъ несносныхъ работъ, нѣкоторые крестьяне бѣжали; тогда положеніе остальныхъ еще болѣе ухудшалось, такъ какъ они должны были платить за нихъ подати и оброки» [1]).

Положеніе крѣпостныхъ-барщинныхъ было еще хуже потому

---

[1]) Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго, 51 и 52.

что все время принадлежали помѣщику. По закону помѣщикъ могъ требовать крестьянъ на свою работу когда ему вздумается, кромѣ воскресеній и праздниковъ. Хотя обычай и установилъ, что крестьяне должны были работать на помѣщика три дня въ недѣлю, но многіе владѣльцы заставили работать крестьянъ всѣ семь дней, не исключая ни воскресеній, ни праздниковъ... «Бѣдные дворяне, говорилъ депутатъ бѣлгородской провинціи Масловъ, тянутся за богатыми и обращаютъ половину крестьянъ въ дворовыхъ. Такой помѣщикъ по своей роскоши пріумножаетъ *псовую охоту* и думаетъ, неусыпно старается и мужиковъ денно и нощно работою понуждаетъ, какъ оную прокормить (собакъ), а того не думаетъ, что чрезъ сіе отягощеніе въ крестьянскихъ домахъ дѣти съ голоду злѣ помираютъ» [1]).

Защитники крестьянскихъ интересовъ въ коммиссіи о составленіи новаго уложенія хлопотали объ уменьшеніи повинностей и увеличеніи количества земли. Депутатъ отъ козловскаго дворянства, Григорій Коробьинъ, въ засѣданіи 5-го мая 1768 г., говорилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ бо̀льшія подати чѣмъ слѣдуетъ; войдя въ значительные долги, отдаютъ людей своихъ для заработыванія денегъ въ уплату однихъ процентовъ и черезъ то отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія. Наконецъ есть и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество его отнимаютъ. Коробьинъ предлагалъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ крестьянъ и оградить закономъ собственность послѣднихъ.

Пьянство и мотовство, говорилъ депутатъ екатеринославскаго шляхетства, за которыя обвиняютъ крестьянъ, происходятъ отъ того же рабства. Крестьянинъ знаетъ и увѣренъ, что все что̀ есть у него составляетъ не его собственность, а помѣщичью. «Такъ представьте себѣ, почтенное собраніе, какому тутъ человѣку надобно быть, чтобъ еще и хвалу заслужить! И самый трудолюбивый человѣкъ сдѣлается нерадивымъ во всегдашнемъ насиліи». По словамъ того же депутата, съ каждымъ годомъ число помѣщиковъ разоряющихъ крестьянъ «едва-ли не умножается».

---

[1]) В. И. Семевскій, *Крестьяне* и проч., стр. 61.

Послѣднія слова были болѣе чѣмъ справедливы. Бо́льшая часть челобитенъ подаваемыхъ въ Сенатъ, самой императрицѣ въ Петербургѣ и во время ея путешествія, заключали въ себѣ жалобы крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ [1]). «А какъ таковыхъ же челобитенъ, сказано въ запискѣ кн. Вяземскаго Сенату [2]), отъ крестьянства на помѣщиковъ своихъ подавано было и прежде немалое число, то посему ея величество сомнѣваться изволитъ, чтобъ оказующееся отъ крестьянъ на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе *не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій*. Чего ради всемилостивѣйше Сенату повелѣвать изволитъ: въ предупрежденіи сего зла придумать благопристойныя средства и объ оныхъ ея величеству всеподданнѣйше донести».

Въ общемъ собраніи, 11 іюля 1767 года, Сенатъ выслушалъ эту записку, но не придумалъ другого средства, какъ объявить крестьянамъ, чтобы на будущее время не смѣли подавать жалобъ на своихъ владѣльцевъ [3]). Распоряженіе это еще болѣе разнуздало своеволіе помѣщиковъ, и въ слѣдующемъ году явилось вопіющее дѣло извѣстной Салтычихи, погубившей болѣе ста душъ своихъ крѣпостныхъ. Объ этомъ дѣлѣ говорилось и писалось очень много, но нельзя не привести его здѣсь, чтобы показать, до чего былъ беззащитенъ крѣпостной человѣкъ и до чего могли дойти никѣмъ и ничѣмъ необузданныя страсти помѣщиковъ.

Вдова ротмистра лейбъ-гвардій Коннаго полка Глѣба Салтыкова, Дарья Салтыкова, оставшись владѣтельницею населенныхъ

---

[1]) Въ 1763 году крестьяне Якова Вяземскаго, Дмитровскаго уѣзда, жаловались, что не знаютъ по какимъ крѣпостямъ состоятъ за помѣщикомъ и просили «за отягощеніемъ отъ него всегдашнею безвременною (безсрочною) работою всѣхъ безъисходно, и за налагаемый не противъ ихъ возможности оброкъ и отъ того разоренній ихъ защитить и быть за ея императорскимъ величествомъ, а оному помѣщику платить бы имъ оброкъ деньгами по скольку повелѣно будетъ». Вотчины подпоручика Алексѣя Семичева крестьянинъ Сынневскій просилъ взять его съ тремя братьями въ солдаты, чтобы только избавиться отъ притѣсненій помѣщика (Сенат. Архивъ, книга 106, листъ 7). 22 іюня 1767 года императрица, присутствуя въ Сенатѣ, лично заявила, что во время ея путешествія въ Казань было подано *болѣе 600 челобитенъ*, «по большой части всѣ, выключая нѣсколько не дѣльныхъ, отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (Тамъ же, книга 122, листъ 242).

[2]) Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 123, листъ 38.

[3]) Тамъ же, книга № 122.

имѣній и живя въ Москвѣ, тиранила своихъ людей, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ. Она била ихъ чѣмъ попало, поджигала на головѣ волосы, брала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду, била головой объ стѣну. Изобрѣтательная въ изысканіи способовъ истязаній, Салтыкова наказывала своихъ людей батогами, плетьми и кнутьями; надѣвала на провинившихся колодки и въ такомъ видѣ приказывала работать; зимою выставляла босикомъ на морозъ, заставляла жить въ нетопленныхъ комнатахъ и морила голодомъ. Всѣ эти жестокія наказанія налагались преимущественно за нечистое мытье бѣлья или половъ и въ большинствѣ случаевъ оканчивались смертью. У истязуемыхъ послѣ наказанія бывали выдраны волосы, проломлены головы, гнили спины и проч. Беременная женщина во время наказанія выкинула ребенка и сама умерла. Тѣло забитой до смерти Прасковьи Ларіоновой было отправлено для похоронъ въ подмосковное село и, по приказанію Салтыковой, на гробъ посадили грудного младенца убитой, который по дорогѣ замерзъ на трупѣ матери. Умиравшихъ отъ побой женщинъ она приказывала зарывать въ лѣсу безъ погребенія, чтобы скрыть слѣды своего преступленія. Заставляя своихъ крестьянъ работать ежедневно и не по силамъ, Салтыкова не кормила ихъ и они, скитаясь по чужимъ дворамъ, питались мірскимъ подаяніемъ. Она принуждала своихъ людей совершать разнаго рода преступленія, поджигать дома сосѣдей и проч. [1]). Подкупая мелкихъ и крупныхъ чиновниковъ, Салтыкова долго совершала всѣ эти преступленія безнаказанно.

— Бейте до смерти, кричала она обыкновенно во время наказанія;—я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ.

---

[1]) «Разсердясь, сказано въ докладѣ Сената, на обрѣтающагося у межеванія земель капитана Николая Тютчева, за сговоръ о женитьбѣ его съ дѣвицею Панютиною, посылала (Салтыкова) людей своихъ московскій домъ ея сжечь и съ ними. Но какъ того не сдѣлали, а Панютина поѣхала тогда изъ Москвы въ деревню, и онъ, Тютчевъ, ее провожалъ, то приказывала людямъ своимъ и крестьянамъ на дорогѣ убить ихъ до смерти, для чего по калужской дорогѣ, до деревни Теплыхъ Становъ, они съ дубьемъ и ѣздили, но однакоже того не учинили». Для погубленія Тютчева и его невѣсты Салтыкова купила 5 фунтовъ пороху (Сенат. Архивъ, Высочайшія повелѣнія, книга № 125).

*

Посѣщая часто начальника полиціймейстерской канцеляріи Молчанова и задаривая его деньгами, она имѣла въ немъ сильнаго покровителя и защитника.

— Вы мнѣ ничего не сдѣлаете, говорила Салтыкова своимъ крестьянамъ; — сколько вамъ ни доносить, мнѣ они все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ.

Имѣя на своей сторонѣ подкупленныхъ чиновниковъ и священниковъ, хоронившихъ жертвъ ея жестокости [1]), Салтыкова успѣла скрыть 21 жалобу и рѣшавшіеся жаловаться на нее или были ссылаемы, или возвращаемы къ ней же для дальнѣйшихъ истязаній. Наконецъ, лѣтомъ 1762 года двумъ дворовымъ людямъ Салтыковой удалось подать прошеніе самой императрицѣ. «Слезно просимъ, писали они [2]), *ради имени Божія* высочайшимъ вашего императорскаго величества всещедрымъ матернимъ защищеніемъ помиловать, до конца милосердо не оставить». Императрица приказала юстицъ-коллегіи приступить къ производству слѣдствія. Деньги и взятки затянули дѣло Салтыковой на шесть лѣтъ; подкупленные чиновники старались оправдать жестокую помѣщицу, но въ виду того, что Екатерина II сама слѣдила за дѣломъ, сдѣлать этого было невозможно. Салтыковой предложено было покаяться и сознаться въ своихъ преступленіяхъ. «Объявить ей, Салтыковой, писала Екатерина на докладѣ Сената, что всѣ обстоятельства онаго дѣла и многихъ людей свидѣтельства доводятъ ее до пытки, что съ нею дѣйствительно и послѣдуетъ, если она не принесетъ чистосердечнаго признанія. Между тѣмъ, опредѣлить къ ней искуснаго, честнаго житія и въ божественномъ писаніи знающаго священника на мѣсяцъ, который бы увѣщевалъ ее къ признанію, и если отъ того еще не почувствуетъ она въ совѣсти своей угрызенія, то чтобъ онъ приготовилъ ее къ неизбѣжной пыткѣ, а потомъ показать ей жестокость розыска надъ приговореннымъ къ тому преступникомъ».

Салтыкова не только не покаялась и ни въ чемъ не призна-

---

[1]) Священникъ села Троицкаго Степанъ Петровъ признался, что онъ «отъ побой ея, Салтыковой, умершихъ тѣла завѣдомо погребалъ». За каждаго погребеннаго Петровъ получалъ 20 коп.

[2]) Государственный Архивъ, VII, № 2,078.

лась, но и во время содержанія своего подъ карауломъ била и истязала своихъ дѣвокъ. Юстицъ-коллегія приговорила: отсѣчь Салтыковой голову и тѣло ея положить на колесо; Сенатъ полагалъ наказать ее кнутомъ, и сослать въ каторжную работу, въ Нерчинскъ, но императрица измѣнила приговоръ и повелѣла именовать ее Дарьею Николаевой, и заключить въ подземельную тюрьму.

«Сей уродъ рода человѣческаго, сказано въ указѣ Сенату отъ 2-го октября [1]), не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена, и такого великаго числа душегубства, надъ своими собственными слугами обоего пола, однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ; но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію человѣчества, что она особливо предъ многими другими убійцами въ свѣтѣ имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительную. Чего ради и повелѣваемъ нашему Сенату: 1) лишить ея дворянскаго названія, и запретить во всей нашей Имперіи, чтобъ она ни отъ кого, никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ, и ни по какимъ дѣламъ впредь, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ, именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на площадь и поставя на эшафотъ прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ юстицъ-коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ оной, какъ выше сказано, названія родовъ ея мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ея стоячую на томъ эшафотѣ къ столбу, и прицѣпить на шею листъ съ надписью большими словами *мучительница и душегубица*. 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать собственному промыслу Творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести ея оттуда въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или

[1]) Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, кн. № 125, листъ 416.

Земляномъ городѣ, и тамъ подлѣ которой ни есть церкви посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ея содержать такимъ образомъ, чтобы она ни отъ куда въ ней свѣту не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ея во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, отъ куда бы она могла оное слышать не входя въ церковь».

Въ такой подземной темницѣ въ Ивановскомъ монастырѣ Салтыкова просидѣла 11 лѣтъ, а затѣмъ была переведена въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ церкви, и въ 1801 году она была еще жива.

Салтыкова была не единственная, и понесенное ею жестокое наказаніе не послужило примѣромъ и устрашеніемъ для другихъ помѣщиковъ.

Не разъ видали, какъ княгиня Козловская «велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали какъ она, въ припадкѣ бѣшеннаго изступленія, заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго и натравляетъ собакъ грызть несчастнаго или же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, причемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истезуемаго по... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла... соединяя такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства». — Съ женщинами княгиня обращалась точно также: она заставляла ихъ класть свои груди на холодную мраморную доску и собственоручно сѣкла эти нѣжная части тѣла; затѣмъ вкладывала свои пальцы въ ротъ наказуемой и раздирала его до ушей. Чаще всего подобныя наказанія производились изъ ревности госпожи къ одному изъ ея крѣпостныхъ любовниковъ [1]).

Самые разнообразные виды наказанія придумывались владѣльцами для приведенія къ покорности своихъ крѣпостныхъ и за неисполненіе ихъ приказаній. Такъ, одна барыня высѣкла сразу 80 жен-

[1]) В. И. Семевскій, крестьяне въ царствованіе Екатерины II, 179 и 180.

щинъ за то, что онѣ не набрали ей земляники, помѣщикъ жегъ углями подошвы дворового, утопившаго двухъ барскихъ щенковъ. Болотовъ, посѣкши немного столяра за пьянство и кражу, посадилъ его на цѣпь «въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ *повторять сіе понемногу нѣсколько разъ, дабы оно было ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно*». Послѣднее предположеніе Болотова не оправдалось, потому что когда онъ вторично хотѣлъ сѣчь столяра такимъ же способомъ, то сыновья приговореннаго къ наказанію заступились за отца. Будучи, по свидѣтельству Болотова, людьми усердными и хорошими, они объявили: одинъ, что самъ зарѣжется, а другой, что пропоретъ брюхо Болотову, а потомъ и себя по горлу. Подобный поступокъ казался на столько страннымъ карающему господину, что онъ назвалъ сыновей столяра «злодѣями, извергами и бунтовщиками». Болотовъ не причислялъ себя къ жестокимъ помѣщикамъ и въ своихъ запискахъ писалъ, что «сѣкалъ очень умѣренно и *отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе*». Такой болѣзни вѣка не чужды были В. Г. Орловъ, графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, М. Ф. Каменскій, впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ, Лопухины, тайная совѣтница Ефремова, жена войскового атамана Донскаго войска и многіе другіе. Тамбовскій помѣщикъ Филатовъ часто впрягалъ въ дрожки вмѣстѣ съ лошадьми женщинъ. Беременныхъ онъ заставлялъ садиться верхомъ на заводскихъ жеребцовъ и хохоталъ, когда лошадь поднявшись на дыбы сбрасывала бѣдную женщину [1]). Чтобы судить каковы были остальные помѣщики, мы предлагаемъ прочитать скорбный листъ помѣщичьихъ жестокостей въ изслѣдованіи г. В. Семевскаго «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» [2]). Въ этомъ листѣ встрѣчаются наказанія розгами, батогами, плетьми, кнутомъ и почти всѣ виды пытокъ: раскаленное желѣзо, заковываніе въ цѣпи, надѣваніе на шею и на голову желѣзныхъ рогатокъ и проч. и проч.

[1]) Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка И. Дубасова. *Историч. Вѣст.* 1880 г., № 9, стр. 140.

[2]) Глава VII этого прекраснаго изслѣдованія вся посвящена разсказу о помѣщичьихъ жестокостяхъ. Изслѣдованіе г. В. И. Семевскаго послужило намъ главнѣйшимъ источникомъ при составленіи краткаго очерка положенія и быта крестьянъ передъ пугачевскимъ бунтомъ.

Какъ одинъ изъ видовъ наказанія, практиковалась помѣщиками розничная продажа крестьянъ безъ семейства и безъ земли. Въ засѣданіи коммиссіи уложенія курмышскій депутатъ Алфимовъ отстаивалъ такую продажу, говоря, что дворянамъ она часто необходима для уплаты долговъ, а крестьянамъ нерадивымъ и склоннымъ къ преступленію служитъ наказаніемъ. Противъ ходатайства Алфимова возстали многіе, и въ томъ числѣ князь Щербатовъ.

«Обратимъ взоры наши на человѣчество, говорилъ онъ, и устыдимся при одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ. Древнія времена, непросвѣщенныя чистымъ нравоученіемъ, приводятъ насъ въ ужасъ, когда вспомнимъ, что людей, какъ скотину по торгамъ продавали. Если невольнику приключался какой либо вредъ, то не болѣзнь его и страданіе, но убытокъ господскій принимался во вниманіе и за него законы принуждали къ платежу. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей, отъ родственниковъ, или отъ дома кого либо, мужского или женскаго пола и подобно скотинѣ продастъ его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣсто своего жилища, и тѣхъ кѣмъ рожденъ, и кѣмъ воспитанъ и съ кѣмъ привыкъ всегда жить, и еще находящагося въ неизвѣстности о будущемъ своемъ состояніи! Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожалѣнія остающихся! Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ и безъ земли».

Коммиссія выслушала рѣчь князя Щербатова, но не наложила своего запрещенія на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли. Подобное постановленіе затрогивало самые дорогіе интересы помѣ-

щиковъ, и продажа въ розницу существовала во все царствованіе Екатерины II и даже долго послѣ нея.

Вообще, коммиссія о сочиненіи новаго уложенія не дала ничего, чтобы могло облегчить положеніе крестьянъ и ограничить произволъ помѣщика. Съ каждымъ послѣдующимъ днемъ положеніе крестьянъ ухудшалось, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Работая на помѣщика столько дней въ недѣлю, сколько онъ пожелаетъ назначить, крестьянинъ не имѣлъ почти времени и средствъ обработать свои поля и устроить хозяйство. По недостатку хлѣба крестьяне примѣшивали къ ржаной и яровой мукѣ пивной дробь и другія масляныя изъ коноплей и льна избоины и мякину. Такая пища употреблялась крестьянами Клинскаго и Звенигородскаго уѣздовъ; въ губерніяхъ же мало плодородныхъ они питались только отрубями и мякиною. Каргопольскіе черносошные крестьяне писали въ наказѣ своему депутату, что принуждены печь хлѣбъ съ примѣсью сосновой коры, соломы и травы, называемой вахка.

«Я останавливался, говоритъ путешественникъ [1]), во всякомъ почти селѣ и деревнѣ, ибо всѣ они равно любопытство мое привлекали; но въ три дня своего путешествія ничего я не нашелъ похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія крытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженные плетнями, небольшія одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, *сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны*».

Неприглядная, почти нищенская жизнь, требованіе большихъ оброковъ и тяжелыхъ барщинныхъ работъ, частые рекрутскіе наборы, жестокость помѣщиковъ, преслѣдованіе раскольниковъ, взяточничество и всякаго рода поборы заставляли крестьянъ покидать свои дома и искать свободы въ лѣсахъ, степяхъ и на окраи-

[1]) Отрывокъ изъ путешествія, «Живописецъ», 179.

пахъ русскаго царства, среди казачества. Побѣги были самымъ первоначальнымъ и простѣйшимъ видомъ оппозиціи произволу и насиліямъ помѣщиковъ. Не смотря на частое запрещеніе, бродяжничество крестьянъ не прекращалось и усиливалось подъ вліяніемъ голода, войнъ и прочихъ тягостей крестьянскаго быта. Деревни пустѣли и заботы правительства были направлены къ тому, чтобы удержать сельское населеніе въ своихъ мѣстахъ. Оно посылало особыхъ сыщиковъ въ тѣ мѣста, куда болѣе всего стремилось бѣглое населеніе. Все царствованіе Петра I наполнено указами о возвращеніи бѣглыхъ. Крестьянамъ запрещено удаляться далѣе 30 верстъ отъ мѣста жительства, а затѣмъ просить себѣ паспортъ. Въ послѣдующія царствованія, указы о ловлѣ бѣглыхъ и недержаніи ихъ у себя повторялись весьма часто, но не приводили ни къ какимъ результатамъ. Покидая семейство, бросая домъ и собственность и скитаясь по лѣсамъ, бѣглые питались Христовымъ именемъ или занимались разбойничествомъ. Собираясь довольно большими партіями, бѣглые разбойничали повсюду и въ особенности по большимъ рѣкамъ, гдѣ грабили суда. Грабежи и разбои развились на столько, что не только подъ Петербургомъ, но и въ самой столицѣ валялись по улицамъ мертвыя тѣла убитыхъ и ограбленныхъ ночью жителей [1]).

Для обезпеченія себя отъ разбоя помѣщики принуждены были вооружать дворню, имѣть ружья, пистолеты и даже пушки. Въ приволжскихъ губерніяхъ нельзя было ѣздить иначе какъ съ многочисленною свитою изъ дворовыхъ.

Правительство принуждено было сформировать особыя сыскныя команды для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ, но команды эти не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы и не могли прекратить грабежей и убійствъ. Онѣ были сформированы преимущественно изъ престарѣлыхъ и раненыхъ солдатъ, были всѣ «*безконныя*» и кромѣ того обязаны были содержать многіе караулы.

За разбойниками, доносилъ въ маѣ 1767 года Сенатъ императрицѣ [2]), «хотя какъ скоро увѣдано будетъ, для поиску ихъ

[1]) Указъ главному директору надъ полиціями, 26 ноября 1762 г. Полн. собр. зак. № 11,713.

[2]) Государственный Архивъ, XVI, д. № 720.

баталіонные служители и посылаются, только разбойники, не по однѣмъ рѣкамъ собираясь производятъ свои злодѣйства, но и на сухомъ пути, ѣздя на лошадяхъ. А особливо когда только они примѣтятъ или какимъ нибудь образомъ увѣдаютъ, что за ними отправлены команды, то оные какъ нынѣ, такъ и изъ прежнихъ многихъ дѣлъ видно, разбиваясь врознь и оставляя водяной ходъ, больше отъ поимки укрываются сухимъ путемъ и потому въ поимкѣ ихъ черезъ пѣшихъ солдатъ мало бываетъ успѣха».

Сенату приходилось командировать въ разныя мѣста кавалерійскіе отряды и казачьи полки. Бѣглые и разбойники находили всегда спасеніе и возможность укрыться отъ преслѣдующихъ отрядовъ. По одиночкѣ и даже небольшими партіями они уходили на Донъ и Волгу, записывались въ казаки, скрывались въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣверо-восточной части Россіи, жили въ камышахъ по рѣкамъ Иргизу и Яику (Уралу). Крестьяне западной части Россіи бѣжали въ Польшу, находя, что жизнь тамъ привольнѣе и легче. Они уходили туда цѣлыми селеніями со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. «Сосѣдство съ Польшею до такой привычки довело, что мужья отъ женъ своихъ, равномѣрно же и жены отъ мужей своихъ, согласясь съ другими надобными имъ полами, бѣгутъ за границу, а тамъ назвавъ онъ женою, а та мужемъ, и такъ живя беззаконно, остаются тамъ вѣчно. Оставшіеся же въ Россіи отъ того вѣроломнаго мужа жена, а отъ жены мужъ, принуждены быть отъ молодости до старости безбрачными, или также слюбясь съ другими уходятъ въ Польшу и по вышеписанному манеру живутъ по смерть свою беззаконно же».

Подобное переселеніе крестьянъ было на столько убыточно и разорительно для помѣщиковъ, что они просили, чтобы правительство вдоль всей границы съ Польшею выкопало глубокій и широкій ровъ и построило редуты на разстояніи двухъ съ половиною верстъ одинъ отъ другаго. Помѣщики полагали, что подобная мѣра остановитъ побѣги и не сознавали, что причина лежитъ въ ихъ своеволіи и насильствѣ.

Правительство принимало очень строгія мѣры къ прекращенію побѣговъ: сѣкли кнутомъ пойманныхъ на границѣ и уличенныхъ

въ намѣреніи бѣжать и обѣщана смертная казнь проводникамъ. По всей западной границѣ были разставлены форпосты, съ исключительною цѣлью ловить бѣжавшихъ, но строгія мѣры не останавливали побѣговъ и наказаніе кнутомъ въ случаѣ поимки не могло быть страшно для тѣхъ, которымъ и дома часто приходилось подвергаться тому же наказанію. Бѣглецы собирались по нѣскольку человѣкъ, силою пробивались черезъ форпосты, а иногда уводили съ собою и солдатъ.

«Число бродягъ такъ увеличивается, доносилъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ [1]), что тюрьмы ими переполнены, какъ вслѣдствіе тиранства господъ, такъ и вслѣдствіе малаго наказанія за побѣгъ. Если бы ихъ брать въ рекруты, то и баринъ и слуга испугались бы: первый сталъ бы человѣколюбивѣе, а другой послушнѣе. Непомнящіе родства, люди незаконнаго происхожденія увеличиваютъ разсадникъ воровъ».

Депутатъ Брянскаго уѣзда Сергѣй Мясоѣдовъ заявилъ коммиссіи для составленія новаго уложенія, что будучи въ сыскной командѣ въ 1742 и 1743 гг. онъ одинъ нашелъ: въ Саратовѣ, въ его уѣздѣ, по р. Волгѣ, на судахъ и хуторахъ до 5,000 бѣглыхъ, въ томъ числѣ солдатъ, драгунъ, матросовъ и рекрутъ [2]).

Надо замѣтить при этомъ, что при розни и взаимной враждѣ, которая существовала между дворянствомъ и чиновничествомъ, и при безнравственности, развратѣ и низкой степени развитія дворянства, помѣщики сами содѣйствовали побѣгамъ и прикрывали ихъ. Они охотно принимали въ свои имѣнія бродягъ, записывали ихъ въ число своихъ крестьянъ и пользовались ихъ трудомъ.

«Ея императорское величество, писалъ князь Вяземскій [3]), извѣстясь, что въ Московскомъ уѣздѣ многіе, не взирая на прежде публикованные указы, держатъ у себя и укрываютъ чужихъ бѣглыхъ и паспортовъ неимѣющихъ людей, изволила повелѣть Сенату нынѣ еще обнародовать въ ономъ уѣздѣ печатнымъ указомъ,

---

[1]) *Исторія Россіи*, Соловьева, т. XXVII, стр. 19.

[2]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. IV, 117.

[3]) Въ предложеніи Сенату отъ 22 августа 1767 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 123, листъ 162.

чтобъ никто чужихъ и безпаспортныхъ людей ни подъ какимъ видомъ держать у себя и укрывать не отваживался подъ опасеніемъ жестокаго за то наказанія. И сей обнародованный указъ, съ полученія онаго въ каждомъ того уѣзда мѣстѣ черезъ цѣлый мѣсяцъ читать во всѣхъ церквахъ въ воскресные и праздничные дни для всеобщаго свѣдѣнія».

Разбои, бѣгство и вообще шатаніе такъ называемой тогда «*черни*» заставляли правительство прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ, чтобы уничтожить это зло и согласиться *на невозвращеніе бѣглыхъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ*.

Манифестомъ 4 декабря 1762 года Екатерина II вызывала въ Россію всѣхъ бѣглыхъ съ обнадеживаніемъ, «что имъ хотя по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однако же всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, возчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи пожить спокойно и въ благоденствіи» [1]).

Черезъ десять дней, 14 декабря, объявлено, что бѣжавшіе изъ своего отечества въ Польшу раскольники могутъ безъ всякаго опасенія выходить въ Россію и селиться особыми слободами не только въ Сибири на Барабинской степи, но въ Воронежской, Бѣлгородской и Казанской губерніяхъ, съ платою двойнаго подушнаго оклада.

Такимъ выходцамъ обѣщано полное прощеніе, дозволено не брить бородъ, носить платье какое пожелаютъ и предоставлено возвратиться-ли къ помѣщикамъ, или записаться въ государственные крестьяне или въ купечество. Всѣмъ вышедшимъ обѣщана льгота на шесть лѣтъ отъ податей и работъ [2]).

Малый успѣхъ этихъ указовъ заставилъ императрицу высказаться болѣе опредѣленно, и манифестомъ 13 мая 1763 года вызывались изъ Польши и Литвы въ Россію всѣ тѣ бѣглые помѣщичьи крестьяне, которые покинули свое отечество до указа Сената 14 декабря 1762 года. Имъ обѣщана льгота отъ податей и работъ на шесть лѣтъ, обѣщано не возвращать помѣщикамъ и дозволено селиться въ казенныхъ волостяхъ, тамъ гдѣ поже-

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,720.
[2]) Тамъ же, № 11,725.

лаютъ [1]). Нѣсколько ранѣе и именно 8 апрѣля высочайше повелѣно было Сенату всѣхъ переписанныхъ бѣглыхъ, жившихъ по рѣкамъ Иргизамъ, помѣщикамъ не возвращать, а приписать къ дворцовымъ Малыковскимъ волостямъ, зачесть ихъ въ число рекрутъ тѣмъ помѣщикамъ, отъ которыхъ они бѣжали, и изъ подушнаго оклада исключить [2]).

Не смотря на такія льготы бѣглые возвращались не сразу, а подсылали депутатовъ съ тѣмъ, чтобы точно узнать, дѣйствительно-ли возвращающіеся не будутъ отданы опять помѣщикамъ, отъ которыхъ бѣжали.

5 апрѣля 1763 года въ псковскую провинціальную канцелярію явился крестьянинъ Леонъ Козьминъ, бѣжавшій отъ помѣщика Лаврова, изъ имѣнія Карачуницкаго, Порховскаго уѣзда. Онъ показалъ, что находится въ Польшѣ девять лѣтъ со всѣмъ своимъ семействомъ, что онъ присланъ отъ «прочихъ россійскихъ» людей развѣдать, точно-ли ихъ не возвратятъ помѣщикамъ и запишутъ въ дворцовыя волости. Въ случаѣ справедливости этихъ слуховъ, Козьминъ заявилъ, что многіе возвратятся въ свое отечество. Въ Польшѣ по разнымъ мѣстамъ, говорилъ Козьминъ, «бѣглыхъ раскольниковъ, всякихъ разнаго званія людей и крестьянъ, съ женами и дѣтьми нѣсколько тысячъ находится и живутъ особыми слободами и деревнями. По увѣщанію, нѣкоторые изъ нихъ къ выходу желаніе свое объявляютъ». Козьминъ былъ отпущенъ обратно въ Польшу за семействомъ и ему поручено склонять остальныхъ къ выходу въ Россію и объявить имъ, что будутъ приписаны къ дворцовымъ волостямъ [3]).

Бѣглые все-таки не возвращались и вторгаясь въ наши границы производили грабежи и разбои. Тогда рѣшено было сформировать особые легкіе отряды и отправить ихъ въ Польшу для ловли бѣглыхъ [4]). Мѣра эта однако же не была приведена въ

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,815.

[2]) Арх. Сената, Высоч. повел., книга № 106, листъ 121.

[3]) Постановленіе Сената 25 апрѣля 1763 г. Арх. Сената, Высоч. повел., кн. 106, листъ 205.

[4]) Указъ Сенату отъ 4 августа 1763 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 107.

исполненіе по политическимъ причинамъ и посылка командъ отмѣнена. «При нынѣшнемъ въ Польшѣ междуцарствіи, писала Екатерина [1]), наша государственная политика требуетъ, чтобы противные интересамъ нашей Имперіи чужестранные и поляки не могли ни изъ чего получить себѣ повода тамошнему шляхетству лукаво внушать и толковать отъ насъ имъ утѣсненіемъ и нападкомъ исполняемыя наши мѣры». Потому и повелѣно было посылку командъ отмѣнить и дѣло о возвращеніи бѣглыхъ изъ Польши предоставить произволу желающихъ.

Желающихъ оказывалось сравнительно немного, отчасти и потому, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ были раскольники, а другіе совершившіе преступленіе противъ закона и общественной нравственности. Въ основѣ этихъ преступленій лежали истязанія и своеволіе помѣщиковъ, вызывавшія крестьянъ на поджоги помѣщичьихъ усадьбъ и убійство самихъ помѣщиковъ. Преступленія эти считались не единицами, а десятками, и особенно много помѣщиковъ было убито крестьянами въ 1767 году. «Сіи злодѣи, говорилъ графъ Строгоновъ, депутатъ отъ серпейскаго дворянства, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего размучивъ умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали» [2]). Въ періодъ времени съ 1764 по 1769 годъ въ одной Московской губерніи были убиты 21 помѣщикъ, 9 помѣщицъ и было 5 покушеній неудавшихся.

Замѣчательно, что многіе лучшіе люди того времени не понимали и не видѣли истинной причины неудовольствій. Сумароковъ наивно писалъ въ 1766 году, будто имъ примѣчено, «что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ». По его мнѣнію, крестьяне убивали помѣщиковъ потому, что «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ» и, прибавила императрица, «*имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи*» [3]).

---

[1]) Въ указѣ военной коллегіи 21 ноября 1763 г. Арх. канц. воен. министерства, книга № 49, листъ 71.

[2]) В. И. Семевскій, *Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II*, стр. 346 и 347.

[3]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. X, стр. 86.

Несмотря, впрочемъ, на столь большую цифру убійствъ помѣщиковъ, надо сознаться, что крестьяне прибѣгали къ этому средству въ самой послѣдней крайности, а въ большинствѣ случаевъ они выражали свой протестъ поголовнымъ отказомъ повиноваться власти помѣщиковъ. Крестьяне отказывались исполнять требованія помѣщиковъ, не шли на работу, а иногда подобныя волненія сопровождались и насиліемъ. Въ 1762 году волновались крестьяне Клинскаго, Тверскаго, Бѣлевскаго, Галицкаго, Тульскаго, Епифанскаго и Волоколамскаго уѣздовъ — всего въ общей сложности до 6,840 душъ. Въ 1765 и 1766 годахъ волновались крестьяне многихъ помѣщиковъ Воронежской губерніи; въ 1767 году крестьяне Кашинскаго, Чебоксарскаго и Кокшайскаго уѣздовъ; въ 1767—1768 годахъ волновались крестьяне Симбирскаго уѣзда въ имѣніяхъ Измайлова и Кротковой и въ Верхоломовскомъ уѣздѣ; въ маѣ 1769 года кн. М. В. Мещерскій подалъ просьбу въ бѣжецкую канцелярію, въ которой жаловался, что крестьяне не слушаютъ его.

Такимъ образомъ не проходило года, чтобы въ какой либо мѣстности не было волненій, и въ періодъ 1762 по 1772 годъ крестьяне волновались въ 40 помѣщичьихъ имѣніяхъ [1]).

Описывая состояніе Россіи при своемъ вступленіи на престолъ, императрица Екатерина говоритъ, что въ первый годъ ея царствованія было въ явномъ возмущеніи 150,000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и 49,000 заводскихъ.

Положеніе послѣднихъ было не лучше помѣщичьихъ. Мы видѣли, что съ захватомъ башкирскихъ земель и съ устройствомъ на нихъ горныхъ заводовъ потребовались рабочія руки, для развитія этого рода промышленности. При существованіи крѣпостного права, фабриканты не находили рабочихъ и потому прежде всего, по распоряженію правительства, всѣ бѣжавшіе и поселившіеся въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ крестьяне были приписаны къ горнымъ заводамъ и очутились въ положеніи худшемъ того, отъ котораго бѣжали. Вслѣдъ затѣмъ купцамъ-заводчикамъ разрѣшено было покупать населенныя имѣнія внутри Россіи и переселять

[1]) В. И. Семевскій, *Крестьяне* и пр., 375.

ихъ на свои заводы. Подобная покупка продолжалась до 29 марта 1762 года, когда указомъ Петра III было повелѣно: «всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ, отнынѣ къ ихъ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми [1])».

Императрица Екатерина вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ подтвердила этотъ указъ [2]) и, по свѣдѣніямъ, въ началѣ ея царствованія оказалось, что къ фабрикамъ было куплено болѣе 20,000, а къ горнымъ заводамъ болѣе 40,000 душъ. Запрещеніе покупки не уничтожало права фабриканта переселять уже купленныхъ крестьянъ на заводы изъ внутреннихъ губерній, и одинъ Твердышевъ переселилъ на свои заводы до 15,000 душъ изъ разныхъ губерній.

Заводчики и фабриканты имѣли полную власть надъ крестьянами: могли наказывать ихъ батогами и плетьми, надѣвать оковы, сдавать въ рекруты и отправлять въ ссылку. По одному заявленію фабриканта, поданному въ мануфактуръ-коллегію, крестьянинъ безъ суда и слѣдствія ссылался на поселеніе или въ каторжную работу. Заводчики широко пользовались этимъ правомъ, злоупотребляли своею властью и притѣсняли крестьянъ при всякомъ

---

[1]) См. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», *соч. В. И. Семевскаго.*

[2]) Съ подтвержденіемъ этимъ, раздача имѣній такимъ лицамъ не прекратилась безусловно, а допускалась въ видѣ исключеній, и нерѣдкихъ. Вотъ одинъ изъ такихъ. Въ январѣ 1763 года, частный аптекарь Гаврила Гавриловъ Соульсъ подалъ прошеніе, въ которомъ писалъ, что еще въ 1702 году отецъ его, изъ цесарской націи, пріѣхалъ въ Москву и учредилъ тамъ аптеку. «При оной аптекѣ, говорилъ Соульсъ, безъ работныхъ людей, а наипаче безъ удобнаго мѣста для развода разныхъ травъ и кореньевъ обойтиться невозможно. Чего для отецъ мой имѣлъ купленную на свое имя деревню, которую для своихъ нуждъ и продалъ; а нынѣ, по необходимости тѣхъ аптечныхъ потребностей, принужденъ я купить деревню въ семьдесятъ душъ и оную написать и пошлинныя деньги заплатить именемъ вдовствующей баронессы Строгоновой». Опасаясь лишиться деревни въ случаѣ смерти Строгоновой, Соульсъ просилъ позволенія укрѣпить за собою имѣніе, «и впредь покупку и продажу свободно имѣть». Императрица Екатерина, 21 марта 1763 года, разрѣшила Соульсу только укрѣпить за собою купленную уже имъ деревню (Арх. Сената, Высоч. повелѣн., книга № 105, листъ 221). Другой подобный же случай съ фабрикантомъ Желвунцевымъ приведенъ и г. В. Семевскимъ. См. *Крестьяне при Екатеринѣ II*, стр. 502.

удобномъ случаѣ. По закону не имѣя права препятствовать женскому населенію выходить за мужъ за кого онѣ хотятъ, заводчики препятствовали этому или брали выводныя деньги. Законъ не опредѣлялъ ни числа рабочихъ часовъ, ни того, должны ли работать на заводахъ женщины и дѣти и до какого возраста дѣти должны быть освобождаемы отъ работы. Разрѣшеніе этого вопроса предоставлялось произволу заводчика и вызывало частые безпорядки. «Если разсмотримъ, говорилъ князь Щербатовъ, во время преній въ коммиссіи о составленіи уложенія,—самое употребленіе и жизнь работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшаго числа мастеровъ, которые для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности» [1]). Отъ этого, по мнѣнію кн. Щербатова, происходили безпорядки въ деревняхъ. Забирая всѣхъ на работу, заводчики-купцы столь мало оплачивали трудъ, что крестьяне едва имѣли дневное пропитаніе. «Черезъ то, писало ярославское дворянство [2]) умноженію, народа чинится препона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико работами замучены бываютъ, что часто бунты производятъ».

По разслѣдованію, произведенному княземъ Вяземскимъ о причинахъ волненія заводскихъ крестьянъ, оказалось, что неудовольствіе ихъ заключалось: 1) въ пристрастной припискѣ крестьянъ къ заводамъ; 2) въ неуравнительномъ разсчетѣ рабочихъ дней на заводахъ, съ рабочими днями оставленными для земледѣлія и прокормленія себя съ семействомъ; 3) въ слишкомъ большой поденной работѣ; 4) низкой платѣ за трудъ и 5) въ отдаленіи крестьянъ, обязанныхъ ходить на работу въ заводы иногда за 400 верстъ отъ своихъ селеній [3]). Для устраненія этихъ безпорядковъ правительство признало необходимымъ составить для казенныхъ заводовъ инструкцію и разослать ее на частные заводы, но не для руководства, а для свѣдѣнія. Заводчикамъ было невыгодно

---

[1]) *Сборникъ Императ. русскаго историческаго общества*, т. VIII, 59.

[2]) Въ наказѣ кн. Щербатову, тамъ же, IV, стр. 300.

[3]) Полное Собраніе Законовъ № 11,790.

слѣдовать этой инструкціи и они устанавливали свои правила, съ выгодою для себя и въ ущербъ рабочему населенію.

Нѣкоторые заводчики, заявилъ Николай Дурасовъ въ засѣданіи коммиссіи уложенія [1]), каковы Твердышевъ и Мясниковъ, «обязываютъ приходящихъ къ нимъ для работы на заводы крестьянъ на годъ или больше, давая имъ впередъ деньги; сверхъ того, кормя ихъ своею пищею, снабжая одеждою и обувью по неумѣреннымъ цѣнамъ, приводятъ ихъ въ такой неоплатный долгъ, который они во всю жизнь заработать не могутъ. Отъ сего не токмо новокрещенцы, но и помѣщичьи крестьяне претерпѣваютъ крайнюю нужду и бѣдность и сами помѣщики ихъ лишаются».

Государственные крестьяне Уфимской провинціи жаловались, что приходящіе на заводы Демидова изъ дальнихъ волостей работники жгутъ ихъ лѣса и ломаютъ пчелъ. Новокрещенцы того же уѣзда говорили, что заводчики Твердышевъ и Мясниковъ притѣсняютъ ихъ излишнею работою.

Имѣя право жаловаться на притѣсненія заводчиковъ, крестьяне прибѣгали къ этому рѣдко, потому что почти никогда не встрѣчали рѣшенія въ свою пользу [2]). Для защиты своихъ правъ и облегченія участи оставалась одна грубая сила, и крестьяне прибѣгали къ ней, для заявленія правительству о своемъ безъисходномъ положеніи. Не проходило года, чтобы въ нѣсколькихъ мѣстахъ не было бунта заводскихъ крестьянъ. Называя заводскія конторы хлѣвомъ и воровскою избою, рабочіе отказывались повиноваться заводчикамъ и на угрозы, что будутъ наказаны, отвѣчали, что «*о томъ не спорятъ*, но все-таки останутся при своемъ».

Сознавая, что «безъ крайности люди до крайности рѣдко доходятъ» [3]), императрица старалась облегчить положеніе рабочихъ,

---

[1]) *Сборникъ Императ. русскаго историческаго общества*, т. IV, стр. 106 и 107.

[2]) Въ 1763 году явились одновременно въ Петербургъ депутаты съ жалобою на заводчиковъ: Акинфія Демидова, Ивана Демидова, Петра Осокина и графа И. Г. Чернышева. Они писали въ своихъ прошеніяхъ, «что налагаются на нихъ, сверхъ настоящаго оклада, отъ содержателей тѣхъ заводовъ, отъ прикащиковъ и ихъ управителей излишнія, тягостныя и безвременныя работы безъ зачета и чинятся отъ тѣхъ прикащиковъ и управителей многія обиды и за ослушаніе побои, отчего пришли они въ разореніе». Прошенія эти были переданы въ Сенатъ, но безъ всякихъ послѣдствій (Арх. Сената, Высоч. повелѣн., книга № 106).

[3]) См. *Крестьяне при Екатеринѣ II* В. Семевскаго, стр. 420.

*

но попытки одного лица недостаточны для уничтоженія общаго зла. Частыя изслѣдованія причинъ волненій рѣдко производились добросовѣстно, рѣдко обвиняли заводчиковъ и почти всегда рабочихъ. Если заводчикъ не умѣлъ скрыть передъ слѣдователемъ своихъ злоупотребленій, тогда онъ подвергался наказанію, но наказанія единичныхъ лицъ, безъ закона ограничивающаго всеобщій произволъ, не уничтожали злоупотребленій.

«Нельзя мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, не думать того, доносилъ капитанъ-поручикъ С. Мавринъ [1]), чтобъ не было премудрыхъ вашихъ распоряженій, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ въ знаменитыхъ (внутреннихъ?) губерніяхъ и когда послѣдуетъ положеніе, то обратите взоръ свой на крестьянъ заводскихъ, а паче на приписныхъ, *которые отданы совершенно въ жертву заводчикамъ, а оные хищники ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ и алчно пожираютъ все крестьянское имущество,* ибо многіе приписные крестьяне ходятъ на иго работы отъ четырехъ до семисотъ верстъ. А порядокъ у нихъ тотъ, что всѣ они, кои могутъ работать, раздѣлены на три партіи: одна работаетъ, а другая идетъ на смѣну и до тѣхъ поръ первая не возвратится въ дома, пока другая не придетъ смѣнить. Работа-жь сія на заводахъ большею частью тогда потребна, когда крестьянинъ долженъ доставать насущное пропитаніе, а когда земледѣлецъ не достанетъ себѣ изъ земли сокровища, то онъ нищій.

«Многіе, вопреки, мнѣ говорятъ, что заводчики имъ даютъ пропитаніе и снабжаютъ ихъ всѣмъ нужнымъ, но есть ли въ томъ польза? отнюдь нѣтъ, а когда и есть, то рѣдкимъ, а именно заводчикамъ, а государству въ тягость. Когда-жь земледѣлецъ упражняется въ трудахъ сихъ, то приноситъ изобиліе многимъ.

«При заводахъ же есть ухватка и та, хотя, впрочемъ, нечестивая, когда крестьянинъ работаетъ на заводѣ, то какъ выше сего сказано, за семьсотъ верстъ на треть года хлѣба завезть не можно, а у другого и везти нечего и потому долженъ онъ хлѣбъ и все нужное для себя получать у заводчика же изъ лавки и брать за

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 21 мая 1774 г. изъ Оренбурга.

такую цѣну, какая положена будетъ и за все то, что̀ крестьянинъ заберетъ, долженъ заработать по заводскому расположенію. А какъ притомъ на счетъ работныхъ людей несравненно ставятъ дороже, какъ бы надлежало, то крестьяне почти безсмѣнно и должны быть въ работѣ у нихъ, а потому гласъ бѣдныхъ и взываетъ свою самодержицу на облегченіе елико можно ига ихъ.

«Не говорю, чтобъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ во удовольствіе ихъ было что̀ сдѣлано, для того, чтобы и впредь сія чернь не возмнила бунтомъ же требовать своего благоденствія и не пожелала того, чего сдѣлать невозможно.

«Всемилостивѣйшая государыня, извини вѣрноподданнаго раба вашего, что осмѣлился сдѣлать сію дерзость несвойственную званію моему, и когда приношеніе сіе есть дерзновенное, такъ усердіе мое виною, а чтобъ служить вамъ, всемилостивѣйшая государыня, вѣрно и усердно, въ томъ честь и присяга какъ Богу, такъ и вамъ, всемилостивѣйшая государыня, данная, меня руководствуетъ. Но чтобъ не поставлено было въ мой проискъ или нѣкоторыхъ лицъ оклеветаніе, въ томъ прошу покровительства и защищенія отъ васъ, всемилостивѣйшая государыня. Мысль моя не въ другомъ какомъ видѣ состоитъ, какъ предувѣдомить самодержицу всероссійскую объ обстоятельствахъ страны сей, а что сіе истинная правда — *кровію моею подписать не отрекусь*».

Мавринъ обращалъ вниманіе императрицы на огромныя естественныя богатства Оренбургской губерніи. «Но, прибавлялъ онъ, какъ *внѣдрилось въ отечествѣ нашемъ столько внутреннихъ непріятелей*, что превосходитъ всякое чаяніе ваше, а потому и должно надъ здѣшнимъ краемъ сдѣлать особливое примѣчаніе, дабы, чего Боже сохрани, и впредь не могли *скиснуть оставшіяся отъ неброженія дрожжи*. А сіе мѣсто столь для цвѣтущаго благоденствія вашего императорскаго величества нужно, что вошло давно въ пословицу: *Сибирь золотое дно!* А что сіе правда, то доказываютъ всегдашніе опыты, но все оное нечестивцы, къ пагубѣ другимъ строющіе, пожираютъ и дѣлаютъ оную злоключительною».

XVII.

Духовенство.—Его характеристика и нравственное состояніе.—Причины неудовольствія какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства.—Общій выводъ о состояніи общества передъ пугачевскимъ бунтомъ.

Не смотря на существованіе школъ и семинарій, духовенство прошлаго столѣтія находилось на самой низкой степени развитія, было мало или вовсе необразовано. Тобольскій митрополитъ Павелъ Конюскевичъ не вѣрилъ, что земля вращается вокругъ солнца, и всѣ старанія астронома аббата Шаппа убѣдить его въ этомъ оставались тщетными [1]). Въ девяностыхъ годахъ могилевскою епархіею управлялъ епископъ Аѳанасій Вальховскій, который не могъ читать знакомаго ему евангелія безъ ошибокъ и частыхъ остановокъ [2]). Приходское же духовенство почти ничѣмъ не отличалось отъ крестьянъ и не имѣло на нихъ никакого вліянія. Будучи въ большинствѣ неграмотно, сельское духовенство было погружено «въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ»; священникъ отправлялъ церковное служеніе наизустъ [3]), а дьячокъ пѣлъ по наслышкѣ. При подпискѣ присяжныхъ листовъ почти половина священниковъ оказались неграмотными, и прося подписать за нихъ другихъ лицъ отговаривались или слѣпотою, или тѣмъ, что «попъ очьми скорбенъ». За неимѣніемъ духовныхъ ученыхъ, Г. Р. Державинъ, по случаю открытія больницы въ г. Петрозаводскѣ, принужденъ былъ самъ сочинить проповѣдь для священника петрозаводскаго собора Іоанна. Точно также въ 1787 году онъ сочинилъ рѣчь въ Тамбовѣ, по случаю открытія намѣстничества и заставилъ говорить ее однодворца Захарова, потому что преосвященный самъ былъ человѣкъ неученый и не имѣлъ при себѣ никого, кто могъ бы сказать проповѣдь. Томскій архимандритъ доносилъ тобольскому митрополиту, что «въ сочиненіи исповѣдныхъ росписей и рапортовъ за неимѣніемъ при монастырѣ

[1]) *Русская Старина*, 1879 г., т. XXVI, 30.
[2]) «Записки Добрынина», 296.
[3]) Всеподд. донесеніе графа П. И. Панина, отъ 10 сентября 1774 г., № 14.

писарей изъ грамотныхъ служителей, чинится остановка, а дьячки и пономари писать не умѣютъ».

Бѣлое духовенство находилось почти въ нищенскомъ состояніи и годовые доходы сельскаго священника не превышали 50—55 рублей [1]). Чтобы существовать съ семьею, иногда весьма многочисленною, священнику приходилось самому заниматься земледѣльческими работами и своими руками воздѣлывать огороды. «Многіе городскіе священно-церковно-служители, писалъ Синодъ [2]), не имѣя отъ прихожанъ къ содержанію своему достаточныхъ доходовъ къ пропитанію себя, весьма нужно (бѣдно) содержатъ, а въ уѣздахъ довольствуются по большей части отъ хлѣбопашества, почему они не столь въ званіи своемъ, сколько въ земледѣльчествѣ упражняться должны».

Высшее общество относилось къ духовенству свысока и съ презрѣніемъ, и смотрѣло на него точно такъ же, какъ и на крестьянъ. Помѣщики держали себя въ отношеніи къ духовенству полновластными господами, заставляли священниковъ стоять передъ ними безъ шапокъ, подвергали ихъ побоямъ и даже сѣкли. «Однажды попъ не сталъ-было вѣнчать, баринъ послалъ за нимъ псарей, тѣ привезли его на мельницу, да и отпороли» [3]).

Народъ не уважалъ духовенство, потому что видѣлъ въ немъ человѣка необразованнаго и часто неграмотнаго, работающаго вмѣстѣ съ нимъ за сохой и точно также неизбавленнаго отъ податей и отъ тѣлеснаго наказанія. Императрица Екатерина освободила духовенство отъ податей, запретила наказывать его тѣлесно *въ судахъ духовныхъ*, но не было издано никакого указа объ освобожденіи духовенства отъ тѣлеснаго наказанія *въ судахъ свѣтскихъ*.

Съ своей стороны бѣлое духовенство, будучи поставлено въ крайне плохія матеріальныя условія и далекое отъ всякихъ чисто нравственныхъ идеаловъ, весьма часто уклонялось въ противополож-

---

[1]) В. И. Семевскій. «Сельскій священникъ», *Русская Старина*, 1877 года, т. XIX, 529.

[2]) Въ 1767 году въ наставленіи, данномъ депутату въ коммиссіи для составленія новаго уложенія.

[3]) «Записки сельскаго священника», *Русская Старина*, т. XXVII, стр. 57.

ную сторону, сторону пороковъ и предавалось разнымъ безобразіямъ, присущимъ вѣку: было корыстолюбиво и нетрезво. Высшее же духовенство было грубо, необразовано и не имѣло понятія о святости своего служенія. Вятскій архіерей Антоній Илляшевичъ позволялъ себѣ въ церкви браниться «самыми поносными словами» [1]), и оскорбилъ секундъ-маіора, завѣдывавшаго сборомъ подушныхъ податей.

Сѣвскій епископъ Кириллъ Фліоринскій, считавшій себя человѣкомъ образованнымъ и по привычкамъ французомъ [2]), производилъ самыя грубыя безобразія во время церковнаго богослуженія. Онъ всегда, говоритъ Добрынинъ [3]), «даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ трикиріями [4]) бороду подожжетъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было: въ алтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его непріятелей».

Въ другой разъ, будучи въ алтарѣ передъ слушаніемъ молитвы послѣ причастія, архіепископъ Фліоринскій схватилъ Добрынина за волосы обѣими руками «весьма плотно и впился въ нихъ, какъ клещъ въ тѣло». Мужчина онъ былъ большой, сухощавый и сильный, «слѣдственно руки его не были похожи на пуховыя. Во всемъ пространномъ алтарѣ не оставалось мѣста ни на вершокъ, съ котораго бы мы не подняли пыли». Всѣ присутствовавшіе въ алтарѣ разбѣжались въ разныя стороны, ожидая, говоритъ Добрынинъ, съ благоговѣніемъ, страхомъ и трепетомъ окончанія *святительскаго на мнѣ рукоположенія*. Кадмъ дракона не убивалъ съ такимъ мужествомъ, волкъ агнца не терзалъ съ такою

---

[1]) *Русская Старина*, 1879 г., т. XXIV, стр. 752.

[2]) См. выше, стр. 279.

[3]) «Записки Добрынина», *Русская Старина*, 1871 г., т. III, 150.

[4]) Трикиріями называются подсвѣчники, которыми архіереи осѣняютъ въ церкви предстоящихъ.

жадностью, Самсонъ, злясь на филистимлянъ, не связывалъ съ такимъ проворствомъ лисицамъ хвостовъ, и даже самый Духъ праотцу Іакову не ломалъ лядвіи столь безжалостно, какъ сей пастырь меня по алтарю Господню потаскивалъ. Онъ до тѣхъ поръ меня изъ рукъ не выпустилъ, пока не осталось въ нихъ все то, что оными захватываемо было». Столь жестокое избіеніе Добрынинъ претерпѣлъ за то только, что передъ каѳедрою не было орлеца [1]). Тотъ же архіепископъ споилъ брянскаго протопопа и, говоря проповѣдь противъ раскольниковъ, называлъ ихъ неприличными словами и плевалъ на народъ черезъ налой, на которомъ лежалъ псалтырь.

Въ одной изъ церквей Тамбовской губерніи дьячокъ Дороѳей Васильевъ и пономарь Терентій Петровъ вошли въ церковь во время свадьбы и, не обращая вниманія на священника, потребовали у жениха, который стоялъ уже передъ налоемъ, 2 рубля, кромѣ выговоренной платы за вѣнчаніе. Получивши отказъ, церковнослужители погасили свѣчи предъ образами, вырвали вѣнчальныя свѣчи у молодыхъ и остановили вѣнчаніе [2]).

Епархіальные архіереи обращались съ своими подчиненными грубо и жестоко. Такъ устюжскій епископъ Варлаамъ производилъ своему клиру «наижесточайшія тѣлесныя наказанія». Дмитрій Сѣченовъ держалъ одного священника шесть лѣтъ въ тюрьмѣ, въ оковахъ, билъ его смертными побоями, забралъ у него деньги, разорилъ домъ, лишилъ пропитанія отца и 11-лѣтняго сына за то, что тотъ, по принужденію архіерея, не хотѣлъ принять монашества. Извѣстный Арсеній Мацѣевичъ издалъ распоряженіе, чтобы наказывать виновныхъ священниковъ веревками, обмоченными въ горячую смолу, на концѣ которыхъ навертывалась проволока въ видѣ когтей. Такія веревки назывались *кошками*, и ими былъ наказанъ благочинный за то, что въ его участкѣ Арсеній замѣтилъ на престолѣ много пыли. Вообще Арсеній обходился съ подчиненными весьма грубо, бранился самыми неприличными словами, дозволялъ себѣ,

---

[1]) Каѳедрою называются кресла, на которыя садятся архіереи во время служенія, а орлецомъ подстилка, на которую становятся архіереи.

[2]) «Изъ тамбовскихъ лѣтописей», И. И. Дубасова, *Историческій Вѣстникъ* 1880 г., № 9.

расправляться собственноручно, а самъ велъ жизнь далеко не монашескую [1]). Тобольскій митрополитъ Павелъ Конюскевичъ сѣкъ духовенство плетьми и подвергалъ ихъ разнымъ чернымъ работамъ. Такимъ же работамъ подвергалъ своихъ подчиненныхъ и устюжскій епископъ Варлаамъ. Трудами священническихъ рукъ были вырыты въ архіерейскомъ селѣ Богородскомъ пруды, изображавшіе своими излучинами вензель архіерея. Вологодскій епископъ Серапіонъ Лятошевичъ, тамбовскій—Пахомій и архимандритъ Долматовскаго монастыря Іакинфъ были извѣстны своими жестокостями, причемъ послѣдній носилъ названіе «кровожаждущаго» и погибъ въ 1793 году отъ рукъ крестьянъ, при содѣйствіи монаховъ.

Плети, кулачная расправа и розги были обыкновенными явленіями среди духовенства, и рѣдкій священникъ не испытывалъ на себѣ того или другого вида наказаній. Профессоръ с.-петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславовъ сохранилъ намъ разсказъ о судѣ владимірскаго архіерея Іеронима [2]). «Въ *подачу*, т. е. въ ту комнату, въ которой архіерей принималъ просителей, входили всѣ имѣвшіе нужду являться къ нему. Іеронимъ обыкновенно садился въ подачѣ на диванъ, выслушивалъ и вызывалъ одного за другимъ просителей и бо̀льшею частью тутъ же произносилъ или писалъ рѣшенія или резолюціи. Многіе являлись съ жалобами другъ на друга, другіе вызывались вслѣдствіе какого либо дурного поступка, о которомъ какъ нибудь узналъ владыка. Взысканія въ этихъ случаяхъ были, конечно, различны; виновные получали болѣе или менѣе строгіе выговоры, назначались на черныя работы въ архіерейскомъ домѣ, отсылались въ монастырь, но очень часто наказывались и тѣлесно, тутъ же въ *подачѣ* при всѣхъ, для всеобщаго назиданія.—«Э! да ты какой проказникъ, или сутяга, или негодяй, восклицалъ владыка,—вотъ я тебя поучу. Эй—прибавлялъ онъ, обращаясь къ своей прислугѣ — плетей сюда!» Разумѣется, живо являлись кучера или кто либо изъ другой прислуги съ ременными двухвостками—«Ну-ка, раздѣвайся, да ложись», приказывалось виновному. Принято было, чтобы наказываемый снималъ

---

[1]) *Русская Старина*, 1879 г., т. XXV, стр. 31—34; т. XXVI, стр. 30—31.
[2]) «Записки Д. И. Ростиславова», *Русская Старина*, 1880 г., XXVII, стр. 9.

съ себя все верхнее платье и оставался въ нижнемъ бѣльѣ. Вотъ и раздѣлся и растянулся на полу. Для экзекуціи изъ архіерейской прислуги являлись только двое съ плетьми, а держать должны были предстоявшіе духовные, или по назначенію владыки, или по выбору прислуги. Отказываться было нельзя. Четыре человѣка тотчасъ опускались на колѣни, двое держали за ноги, а другіе двое за руки, крестообразно расположенные; для двухвостокъ открывалось свободное мѣсто; было гдѣ имъ улечься на обнаженныхъ частяхъ тѣла. Наказываемый укладывался такъ, чтобы владыка не вставая съ дивана могъ своими глазами видѣть плотноли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкали причетниковъ, затѣмъ дьяконовъ, не давали спуску и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говаривалъ:

«У! жарко бывало; дрожь пробѣгала по тѣлу». Такимъ образомъ очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови».

Какое уваженіе могло быть къ подобнымъ пастырямъ церкви? Грубые нравы отражались во всемъ, и священникъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть наказанія владыки, сдѣлавшись начальникомъ, поступалъ точно также, если еще не строже съ своими подчиненными и съ духовными дѣтьми. Не владѣя крѣпостными, онъ не могъ производить, подобно помѣщикамъ, наѣздовъ на имѣнія сосѣдей, за то производилъ экспедиціи на раскольниковъ, съ цѣлью поживиться на ихъ счетъ. Таковъ, напримѣръ, былъ судящій попъ Иванъ Андреевъ Сокольскій въ Юрьевецъ-Повольскомъ уѣздѣ. Собравъ церковниковъ съ разныхъ церквей и вооруживъ ихъ ружьями и дреколіями, попъ отправился въ Рыбновскую волость отыскивать раскольниковъ. Онъ хваталъ перваго попавшагося, заставлялъ его указывать, гдѣ живутъ раскольники и если тотъ отказывался, то «билъ плетьми смертельно и весьма необычайно». Такъ онъ билъ крестьянина Лаврентія Леонтьева и 70-ти-лѣтнюю женщину Марѳу Васильеву. Затѣмъ «лютый попъ приказалъ истопить баню», обмыть кровь Васильевой и парить ее «крестьянской женкѣ, приставя въ караулъ двухъ церковниковъ». Въ другой разъ Сокольскій отправился въ Коряковскую волость, обобралъ у

крестьянъ 63 иконы и увезъ ихъ съ собою. На просьбу возвратить ихъ, попъ отвѣчалъ, что отдастъ иконы только тогда, когда будетъ дано ему 5 рублей.

Притѣсняя и преслѣдуя раскольниковъ, православное духовенство съ еще большею жестокостію поступало относительно инородцевъ-магометанъ. Здѣсь оно сдѣлало все, чтобы возстановить ихъ противъ правительства и было причиною кровавыхъ столкновеній. Мы видѣли къ чему привела миссіонерская дѣятельность русскаго духовенства среди башкирцевъ. Положеніе дѣла среди прочихъ магометанъ было не лучше. Въ 1743 и 1744 годахъ предпринято было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ кладбищъ и татарскихъ мечетей въ губерніяхъ Нижегородской и Казанской; въ послѣдней было уничтожено 418 мечетей. Въ 1745 году мордва жаловалась императрицѣ, что Дмитрій Сѣченовъ заставляетъ ихъ креститься силою, а отказывающихся бьетъ и заковываетъ въ кандалы или связанными окунаетъ въ купель и надѣваетъ кресты. Чуваши жаловались на точно такое же насильственное обращеніе съ ними игумена Неофита, а сибирскіе татары и бухарцы на тамошняго митрополита Сильвестра.

Если подобныя жестокости и насилія надъ иновѣрцами еще можно объяснить какими бы то ни было политическими видами, то нѣтъ никакихъ оправданій для духовенства въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами духовныхъ имѣній. Всѣ справедливыя жалобы крестьянъ на притѣсненія ихъ управителями оставлялись Синодомъ безъ всякаго исполненія и нерѣдко просители возвращались къ тѣмъ же властямъ, на которыхъ жаловались, для наказанія за принесенную жалобу.

«Уже съ давняго времени писалъ императоръ Петръ III [1]), къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому

[1]) Въ указѣ Синоду отъ 26 марта 1762 г. *Памятники новой русской исторіи*, т. II, отдѣлъ II, 17.

въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же и того хуже — дѣлается одна токмо повадка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго блюстителя истины и защитника бѣдныхъ и невинныхъ... Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ Синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить...»

При вступленіи князя Шаховскаго въ должность оберъ-прокурора, онъ не нашелъ многихъ дѣлъ и инструкцій, данныхъ прежнимъ оберъ-прокуроромъ. Духовный регламентъ былъ въ полномъ пренебреженіи и отчетность въ Синодѣ почти совсѣмъ исчезла. Въ 1744 году коллегія экономіи была уничтожена, а управленіе вотчинами и сборъ доходовъ были отданы въ вѣдѣніе Синода. Мѣра эта отозвалась самымъ дурнымъ образомъ на внутреннемъ спокойствіи Имперіи. Притѣсняемые духовенствомъ, налагавшимъ чрезмѣрные поборы и подвергавшимъ жестокимъ наказаніямъ, крестьяне постоянно волновались и успокоились только тогда, когда, въ 1764 году, монастырскія имѣнія были отобраны отъ духовенства.

Отобраніе это возбудило всеобщее неудовольствіе и протесты со стороны высшей духовной іерархіи; оно отозвалось и на низшемъ слоѣ духовенства, потому что одновременно съ этимъ было уменьшено число монастырей и приходовъ. Оставшіеся за штатомъ церковно-служители тунеядствовали и предавались всякаго рода безобразіямъ. «Воровство, говорили депутаты въ коммиссіи уложенія [1]), происходитъ по большей части отъ множества безмѣстныхъ церковниковъ, которые числятся при отцахъ; но сами отцы, по крайней мѣрѣ многіе, церковной земли имѣютъ очень мало, а дѣтей человѣка по два, по три и больше, а приходу на нихъ никакого нѣтъ, *къ работѣ же, какъ извѣстно, этотъ родъ ленивъ*; такъ не повелѣно-ли будетъ безмѣстныхъ церковниковъ опредѣлять въ солдаты, а негодныхъ въ подушный окладъ».

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXVII, 131.

Предложеніе это было впослѣдствіи осуществлено, и въ 1767 году императрица Екатерина II повелѣла Сенату собрать подробныя свѣдѣнія о числѣ церковно-служителей, остающихся праздными. Сенатъ поручилъ собраніе этихъ свѣдѣній Синоду и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1767 года представилъ императрицѣ, что, за исключеніемъ двухъ сибирскихъ епархій, состоитъ въ наличности 17,518 церквей, при которыхъ должно быть по штату 78,651 церковно-служителей, а состоитъ 66,025 человѣкъ,—слѣдовательно 12,626 человѣкъ недостаетъ. Для пополненія недостающаго числа могли поступить дѣти церковно-служителей, которыхъ считалось: отъ 20 лѣтъ и выше—5,916; отъ 15 до 20 лѣтъ—6,501; отъ 15 лѣтъ и ниже—57,870 человѣкъ,—всего 70,287 человѣкъ. Сверхъ того, было недопущенныхъ по разнымъ причинамъ къ служенію протопоповъ, поповъ, протодіаконовъ и дьяконовъ 1,872 чел., дьячковъ, пономарей и сторожей—1,565, престарѣлыхъ и увѣчныхъ—902, отрѣшенныхъ отъ служенія, подозрительныхъ и подъ судомъ состоящихъ—40 человѣкъ, положенныхъ въ подушный окладъ, но состоящихъ въ духовномъ чину, по увольнительнымъ отъ владѣльцевъ письмамъ—498 чел. У всѣхъ этихъ лицъ считалось до 15,078 чел. дѣтей, и такимъ образомъ общее число дѣтей церковно-служителей доходило до 85,365 человѣкъ. Все это были люди по большей части или вовсе безграмотные, или малограмотные, люди безземельные, неимѣвшіе никакого опредѣленнаго рода занятій. Сенатъ находилъ, что такихъ людей, «за ихъ праздностію, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, безъ отягощенія народнаго, въ пользу отечества употребить справедливо бы было», тѣмъ болѣе, что они, «не имѣя ни земель, ни другаго какого къ пропитанію служащаго способа, не только другимъ, но и самимъ себѣ въ тягость обратились, и шатаясь безъ мѣста и службы никакой отечеству должной пользы не приносятъ, но паче многіе изъ нихъ въ воровствахъ и другихъ тому подобныхъ безпутствахъ являются».

Имѣя въ виду, что еще и прежде указами Петра I, императрицъ Анны и Елисаветы повелѣно всѣхъ таковыхъ писать въ подушный окладъ или брать въ солдаты, Сенатъ испрашивалъ повелѣнія взять въ солдаты: 1) четвертую часть изъ числа

дѣтей церковно-служителей, имѣющихъ отъ 15 до 40 лѣтъ; 2) всѣхъ—изъ недѣйствительно служащихъ и безмѣстныхъ дьячковъ, пономарей и сторожей; также впавшихъ въ преступленія и наказанныхъ, но въ домахъ праздно живущихъ, и 3) половину дѣтей отъ 15 до 40-лѣтняго возраста изъ числа тѣхъ, которые или вовсе не знаютъ грамоты, или малограмотны и изъ тѣхъ, которые находятся подъ запрещеніемъ, слѣдствіемъ или подозрѣніемъ [1]). Императрица согласилась съ мнѣніемъ Сената и повелѣла исполнить.

Мѣра эта вызвала большое неудовольствіе со стороны бѣлаго духовенства и поставила его въ нѣкоторое оппозиціонное положеніе къ правительству.

Бѣлое духовенство было недовольно тѣмъ, что ихъ самихъ и дѣтей ихъ брали въ солдаты; высшее духовенство считало себя оскорбленнымъ отнятіемъ имѣній, писало въ Синодъ рѣзкіе протесты, закончившіеся судомъ и ссылкою извѣстнаго митрополита Арсенія Мацѣевича. Крестьяне бунтовали противъ помѣщиковъ, бѣжали отъ ихъ насилія, жестокостей и истязаній. Они были чутки ко всякаго рода слухамъ, сулившимъ имъ лучшую будущность. Съ отобраніемъ церковныхъ имѣній Петромъ III, помѣщичьи крестьяне видѣли въ немъ человѣка, желающаго облегчить участь подвластныхъ людей и не сомнѣвались въ томъ, что государь освободитъ и ихъ отъ власти помѣщиковъ. Слухи и разсказы объ этомъ ходили повсемѣстно еще при жизни Петра III, а вскорѣ послѣ его кончины стали поговаривать, что императоръ живъ, но преслѣдуемый боярами принужденъ до времени скрываться. Мы уже видѣли, что въ 1763 году, въ селѣ Спасъ-Чесноковкѣ получено было извѣстіе, что Петръ III живъ и что священникъ и дьячокъ отслужили молебенъ за чудесное спасеніе государя. Въ сентябрѣ того же года подобный слухъ распространился и въ крѣпости св. Елисаветы [2]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Сената 30 декабря 1768 г. Архивъ Сената, Высоч. повел., кн. № 125, стр. 563.

[2]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXV, 261.

— Былъ у меня вчера, говорилъ подполковникъ Ездемировичъ зашедшему къ нему прапорщику Войновичу, — Мельгунова камердинеръ и сказывалъ, что у Мельгунова былъ въ гостяхъ маіоръ гвардіи Рославлевъ и говорилъ, что бывшій императоръ живъ и посланъ въ Шлюшинъ (Шлиссельбургъ) и для того его послали, что Орловъ хочетъ на государынѣ вѣнчаться.

Въ 1765 году бѣглый солдатъ Кремневъ объявилъ себя императоромъ Петромъ III. Онъ встрѣтилъ повсюду сочувствіе среди крестьянскаго населенія, разъѣзжалъ по Воронежской губерніи и приводилъ къ присягѣ однодворцевъ. Вслѣдъ затѣмъ были пойманы и сосланы въ Нерчинскъ армянинъ Асланбековъ и бѣглый солдатъ Чернышевъ, называвшіе себя императоромъ Петромъ III. Чернышевъ показалъ, что принялъ на себя столь высокое имя потому, что «въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ», слыхалъ, что императоръ еще живъ.

Въ 1769 году бѣглый солдатъ Мамыкинъ по дорогѣ въ Астрахань разглашалъ, что Петръ III живъ, вступитъ опять на престолъ и окажетъ многія милости крестьянамъ.

Въ 1772 году объявившій себя императоромъ Петромъ III самозванецъ Богомоловъ взволновалъ Волгское войско, часть Донскаго и встрѣтилъ большое сочувствіе въ гарнизонѣ гор. Царицына.

Часто повторяемыя явленія самозванцевъ все болѣе и болѣе утверждали населеніе въ той мысли, что бывшій императоръ живъ, и оно съ нетерпѣніемъ ожидало его появленія. Съ неменьшимъ нетерпѣніемъ ожидали того же и всѣ инородцы-магометане, составлявшіе большую часть населенія Казанской и Оренбургской губерній. Ходили слухи, что императоръ Петръ III долго не появляется потому, что его преслѣдуютъ «бояре». Народъ волновался и озлобленіе противъ привилегированнаго класса съ каждымъ днемъ усиливалось. Администрація и чиновничество своими дѣйствіями только подливали масло въ загоравшееся уже пламя. Взяточничество и всякаго рода поборы съ народа не уменьшались, а напротивъ усиливались. Императрица сама заявила Сенату, что государственные крестьяне, живущіе въ Казанской губерніи, терпятъ такое притѣсненіе, что, безъ дозволенія мѣстныхъ смотрителей,

не смѣютъ завести ни одного поросенка потому, будто бы, что животныя эти ѣдятъ дубовые жолуди, а между тѣмъ Екатеринѣ II было извѣстно, что ни одного дуба въ той мѣстности посажено не было [1]). Чиновничество брало при всякомъ удобномъ случаѣ, было порочно и малодушно, жило роскошно и выше средствъ. Ожидать отъ него содѣйствія видамъ правительства было невозможно, точно такъ же, какъ и отъ дворянства, утонувшаго въ лѣни, развратѣ и взаимныхъ ссорахъ. Право сильнаго, захватъ чужой собственности, помѣщичьи наѣзды поселили такую рознь и вражду другъ къ другу, что «во всѣхъ собраніяхъ дворянства, говоритъ Винскій [2]), кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо».

При такой розни дворянства, порочности и слабости администраціи, Пугачеву, лаская народъ и обнадеживая его свободою, нетрудно было увеличивать свои силы и развивать знамя возстанія

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*. т. XXV, 170.

[2]) «Записки Винскаго». *Русскій Архивъ*, 1877 года, томъ I, 102.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

По описанію, произведенному въ маѣ 1767 года въ Казанской губерніи, считалось:

Купцовъ и цеховъ	21,864	муж.	и	23,693	женщ.
Приписныхъ къ купечеству изъ крестьянъ и разночинцовъ	98	„	„	81	„
Помѣщичьихъ людей и крестьянъ . .	393,600	„	„	387,387	„
Отписныхъ по разнымъ обстоятельствамъ крестьянъ	1,092	„	„	1,125	„
Отписныхъ изъ за мурзъ и крестьянъ	19	„	„	17	„
Дворцовыхъ	52,631	„	„	51,251	„
При фабрикахъ и заводахъ мастеровыхъ и работныхъ людей	7,449	„	„	6,584	„
Экономическихъ крестьянъ	121,719	„	„	124,224	„
Однодворцевъ и прочихъ содержащихъ ландмилицію	42,806	„	„	42,334	„
Государственныхъ, ясашныхъ, черносошныхъ русскихъ крестьянъ .	218,180	„	„	205,754	„
Ясашныхъ татаръ	45,146	„	„	43,159	„
Чувашъ	707	„	„	710	„
Черемисъ	3,366	„	„	2,288	„
Вотяковъ	1,120	„	„	945	„
Крещеныхъ изъ ясашныхъ и служилыхъ татаръ, мордвы, чувашъ и прочихъ иновѣрцовъ.	250,433	„	„	219,066	„
Приписныхъ къ адмиралтейству служилыхъ татаръ	65,694	„	„	61,966	„
Чувашъ	257	„	„	228	„

Приписныхъ къ мѣдиплавильнымъ, желѣзнымъ и сѣрнымъ заводамъ, кои состоятъ въ казенномъ содержаніи ясашныхъ крестьянъ	18,626	муж.	и	17,168	женщ.
Приписныхъ къ партикулярнымъ мѣдиплавильнымъ и желѣзнымъ заводамъ	8,047	„	„	8,088	„
Причисленныхъ по прежней ревизіи изъ польской націи	8	„	„	8	„
Неположенныхъ въ окладъ разныхъ польской націи	764	„	„	436	„
Опредѣленныхъ къ заводамъ изъ рекрутъ и изъ рекрутскихъ дѣтей	174	„	„	154	„
Казанскаго яму ямщиковъ	229	„	„	237	„
Киргизъ салтанаульскихъ и нагайскихъ татаръ	147	„	„	127	„
Толмачей	4	„	„	2	„
Кретечьихъ и сокольихъ помытчиковъ	13	„	„	12	„
Живущихъ у помѣщиковъ вольныхъ черкасъ	14	„	„	14	„
Собственныхъ ея величества крестьянъ	1,480	„	„	394	„
Однодворческихъ людей и крестьянъ	251	„	„	263	„
Опредѣленныхъ при поташныхъ заводахъ работныхъ людей	42	„	„	39	„
Раскольниковъ	82	„	„	80	„
При партикулярныхъ заводахъ жителей, положенныхъ въ окладъ . .	898	„	„	731	„
При тѣхъ же заводахъ неположенныхъ въ окладъ	21	„	„	29	„
При пермскомъ горномъ начальствѣ приказныхъ и прочихъ жителей, положенныхъ въ окладъ	20	„	„	21	„
Неположенныхъ	23	„	„	14	„
При поташныхъ заводахъ будниковъ .	612	„	„	666	„
Итого	1.257,636	муж.	и	1.199,295	женщ.

Мужескаго пола болѣе противъ женскаго на 58,341 человѣка.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-маіора Миллера 24 мая 1767 года [1].

Во исполненіе всемилостивѣйшихъ В. И. В. высочайшихъ указовъ въ Казанской губерніи въ Закамскихъ пригородахъ и слободахъ съ 1736 г. поселено и нынѣ состоитъ на лицо лейбъ-гвардіи, такожь армейскихъ гусарскихъ и гарнизонныхъ полковъ отставныхъ 3,204; сыновей и внучатъ ихъ 4,031; итого мужеска 7,235; женска 6,602 души.

ВѢДОМОСТЬ

о поселившихся въ Казанской губерніи и Закамскихъ пригородахъ, крѣпостяхъ и слободахъ разныхъ полковъ отставныхъ, о женахъ ихъ, дѣтяхъ и внучатахъ.

Съ 1764 г. вновь поселившіяся слободы, въ коихъ населено Лейбъ-гвардіи отставныхъ:	Отставныхъ.	Дѣтей и внуковъ ихъ.	Итого.	Женъ.	Дочерей и внучатъ.	Итого женщинъ.	Всего
1) Въ Екатериненской	99	80	179	97	48	145	324
2) „ Павловской	41	29	70	38	21	59	129
3) „ Александровской . . .	61	52	113	57	44	101	214
Итого . .	201	161	362	192	113	305	667
Армейскихъ полковъ отставныхъ:							
4) Въ Архангельской (Черемоховая тожь)	166	74	240	119	64	183	423
5) „ Архангельской (Шемша тожь)	97	73	170	84	47	131	301

[1]) Государственный архивъ, XVI, д. № 721.

	Отставныхъ.	Дѣтей и внуковъ ихъ.	Итого.	Женъ.	Дочерей и внучатъ.	Итого женщинъ.	Всего.
6) Въ Верхней Кармолкахъ.	55	41	96	36	33	69	165
7) „ Нижней Кармолкахъ.	53	66	119	64	36	100	219
8) „ Васильевской	13	12	25	10	2	12	37
9) „ Тереньевской	45	18	63	25	9	34	97
Итого . .	429	284	713	338	191	529	1,242
Въ пригородахъ, крѣпостяхъ и слободахъ поселившихся съ 1736 по 1763 годъ и со онаго понынѣ разныхъ полковъ отставныхъ:							
10) Въ пригородѣ Билярскѣ .	194	417	611	385	244	629	1,240
Въ слободахъ:							
11) Въ Горкѣ	21	43	64	30	42	72	136
12) „ Боранѣ	47	43	90	38	48	86	176
13) „ Донгусѣ	2	16	18	5	17	22	40
14) „ пригородѣ Стармешминскѣ	202	400	602	369	290	659	1,261
15) „ пригородѣ Новомешминскѣ	348	278	629	287	206	493	1,119
16) „ слободѣ Кузьмодемьянской (Волчья тожь)	178	166	344	152	112	264	608
17) „ пригородѣ Заинскѣ .	275	320	595	323	218	541	1,136
18) „ слоб. Новокамышенкѣ	6	23	29	16	10	26	55
19) „ Кичуевскомъ фельдш.	165	221	386	190	128	318	704
20) „ Баграшской слободѣ .	7	27	34	16	17	33	67
21) „ Шешминскомъ фельдш.	264	357	621	312	267	579	1,200
22) „ Черемшанской крѣпости	262	310	572	288	207	495	1,067
23) „ пригородѣ Тiинскѣ .	309	438	747	413	294	707	1,454
24) „ слободѣ Выходцовой .	143	121	264	136	109	245	509
25) „ пригородѣ Ерыклинскѣ	151	406	557	287	312	599	1,156
Итого . .	2,574	3,586	6,160	3,247	2,521	5,768	11,928
Всего во всѣхъ . .	3,204;	4,031;	7,235;	3,777;	2,825;	6,602;	13,837

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи 2 августа 1771 года.

На подлинномъ написано собственною ея императорскаго величества рукою тако:
«Быть по сему».

31 августа 1771 г.
С-Петербургъ.

Въ военной коллегіи принятъ того жь года сентября 1-го дня.

Какъ воспослѣдовавшее нынѣ удаленіе волгскихъ калмыкъ отъ жилищъ своихъ, и побѣгъ ихъ чрезъ Яикъ, клонящійся къ достиженію старинnаго ихъ жительства въ Зюнгаріи и умноженіе набѣговъ отъ киргизцовъ на селенія въ Тобольской губ., гдѣ они обывателямъ, а особливо въ Ялуторовшомъ дистриктѣ дѣлаютъ великія разоренія, по подносимому здѣсь въ копіи рапорту въ военную коллегію отъ тобольскаго губернатора Чичерина, подъ лит. А, такъ и переходъ на кубанскую степь, вышедшихъ изъ Крыму, преклонившихся подъ державу вашего величества союзныхъ татарскихъ ордъ, а равномѣрно и оказывающіяся отъ времени до времени болѣе неспокойствія кабардинцовъ и ихъ къ намъ недоброжелательство, по донесенію же кизлярскаго коменданта Неймца къ астраханскому губернатору Бѣкетову, съ котораго равномѣрно здѣсь подъ лит. В прилагается копія; новыя теперь и довольно важныя и основательныя подаютъ причины, къ заботѣ о сихъ весьма отдаленныхъ Имперіи вашей границахъ, которыя необходимо требуютъ того, чтобъ поставлены были въ такое безопасное состояніе, что сіи вѣтренные и хищные сосѣди не только никогда не отважились сдѣлать на оныя ни малѣйшаго покушенія, но чтобъ напротивъ, они сами принужденными будучи сіи границы наши имѣть, въ должномъ

почтеніи тѣмъ обузданы и въ нѣкоторомъ родѣ зависимости находились; до чего онымъ образомъ достичь не можно какъ тѣмъ, чтобъ, вопервыхъ, всѣ тѣ пограничныя селенія укрѣплены были въ приличныхъ мѣстахъ хорошими по положенію своему устроенными и надежными крѣпостями, а, вовторыхъ, чтобъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ находились и войска такого роду и такого вооруженія, гдѣ какія по положенію земли по нуждѣ и обстоятельствамъ имѣть и съ пользою употреблять можно.

Разсматривая военная коллегія по должности своей нынѣшнее укрѣпленіе сихъ отдаленныхъ границъ: царицинской линіи, Астрахани, Кизляра и Моздока, Оренбурга и Сибири и обѣихъ оренбургской и сибирской линій, и расположеніе тамъ войскъ вашего императорскаго величества находя, что къ укрѣпленію оныхъ крѣпостями и линіями ничего прибавить не остается, какъ только, чтобъ они поставлены были въ совершенное ихъ состояніе и надлежащее снабденіе. Но что принадлежитъ до войска, то кажется требуетъ оное не только разсмотрѣнія о расположеніи его, но и прибавленія, а особливо роду такого, какое бъ соотвѣтствовало настоящему въ нихъ тамо употребленію и такого учрежденія, чтобъ одни оставались ко всегдашней оборонѣ границъ и внутренняго покою, а другія бъ при наималѣйшей въ нихъ надобности, безъ потерянія времени и внѣ границъ дѣйствовать могли. Нынѣ же тамъ находящееся войско такъ расположено, что вмѣсто должной отъ такого числа, каковое тамъ находится, безопасности, при наималѣйшемъ противномъ происшествіи иного ожидать не можно, какъ безпрестанной тревоги отъ находящихся тамо начальниковъ и излишняго безпокойства, главнымъ правительствомъ происходящаго отъ того, что гарнизоновъ будучи недовольно, недостатокъ сей по необходимости награжденъ полевыми, состоящими тамъ драгунскими полками, съ пѣшимъ ихъ раздробленіемъ, и не смотря на то, сколько много разнствуетъ вооруженіе драгуна съ солдатомъ, опредѣляющимся для защищенія крѣпости за стѣною, ниже на то, что когда непріятелю надобно противупоставить нѣкоторый хотя и незнатной корпусъ, то надлежитъ оной собирать изъ разныхъ крѣпостей, которыя остаются тогда уже безъ закрытія, въ чемъ не только теряется много времени, но какъ и собраннымъ войскамъ, по причинѣ оставленныхъ пустыми крѣпостей и по тяжолости ихъ вооруженія, противу легкаго непріятеля вдаль почти и тронутся нельзя, то тѣмъ подается способъ пребывающимъ вокругъ границъ легкомысленнымъ народамъ ко всякимъ наглостямъ, а иногда и дѣйствительному разоренію тамъ поселенныхъ вашего величества подданныхъ тѣмъ больше, что отдаленіе сихъ мѣстъ отъ прочихъ въ государствѣ расположенныхъ войскъ столь велико, что требуемаго въ случаѣ нужды вспоможенія въ настоящее время туда доставить никакой уже возможности нѣтъ.

Чтобъ отвратить сіе неустройство и поставить тѣ границы въ надлежащее оборонительное состояніе и отъ могущихъ толь быть опасностей совершенно обезпечить, то коллегія взявъ во уваженіе, въ началѣ опредѣленную на войска тамъ уже находящееся сумму, чтобъ изъ оной не выступить, а потомъ и всѣ способы къ взаимному другъ другу вспоможенію, къ общему себя усиленію и ко всегдашней готовности твердымъ образомъ исполнять все то, что отъ войскъ требуется, соображаясь такъ же съ положеніемъ о кругъ живущихъ народовъ, которыхъ не множествомъ числа, но регулярствомъ и хорошимъ устройствомъ войскъ побѣждать надлежитъ, осмѣливается всеподданнѣйше представить свое мнѣніе, о умноженіи во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гарнизоновъ и о расположеніи ихъ по тамошнимъ крѣпостямъ и линіямъ такимъ образомъ, чтобъ ими границы достаточно защищены быть могли. Но учрежденіе къ подкрѣпленію тѣхъ гарнизоновъ, вмѣсто находящихся нынѣ же тамо драгунскихъ полковъ, нѣкоторыхъ небольшихъ, но регулярствомъ своимъ важныхъ корпусовъ, составляемыхъ изо всѣхъ тѣхъ родовъ войскъ, кои по положенію тамошней земли съ присовокупленіемъ въ мѣстахъ ихъ расположенія нерегулярныхъ легкихъ войскъ, съ пользою употреблены быть могутъ, то-есть: изъ пѣхоты, легкихъ драгунъ и егерей съ артиллеріею, которыхъ и разставить такъ, чтобъ они сами собою защищаясь, одинъ другому скорую помощь подавать, съ удобностію изъ мѣста въ мѣсто переноситься и непріятелю твердой всегда отпоръ давать и дерзость ихъ чувствительно наказывать могли.

Но прежде нежели приступить къ объясненію сего предлагаемаго теперь расположенія гарнизоновъ и сихъ корпусовъ, должностію себѣ коллегія поставляетъ описать, какого званія, какое число войскъ и гдѣ нынѣ тако находится, и какимъ образомъ оное расположено; съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ при томъ неудобностей, которыя въ то жь время и докажутъ необходимость, требующую всего того перемѣны; а потомъ уже приступить и къ объясненію того какимъ образомъ полагаетъ за нужно расположить какъ гарнизоны, такъ и представляемые корпусы, съ показаніемъ какъ опредѣленной нынѣ на содержаніе находящихся въ тѣхъ краяхъ войскъ, денежной суммы, такъ и той, которая по новому представляемому симъ, тамо войскъ расположенію на оныя потребна будетъ.

Въ астраханскомъ департаментѣ, которой въ разсужденіи гарнизоновъ расположенныхъ по тамошнимъ крѣпостямъ изъ всѣхъ трехъ, о которыхъ коллегія, вашему императорскому величеству представляетъ наилучше снабденной всего находится девять гарнизонныхъ баталіоновъ, изъ нихъ расположены: четыре въ самой Астрахани, одинъ въ Царицынѣ, одинъ въ Саратовѣ, два въ Кизлярѣ и одинъ въ Моздокѣ. Въ малыхъ тамо крѣпостяхъ: въ Енотаевской, въ Дмитріевскѣ, въ Черномъ

и Красномъ Яру по одной ротѣ, которыя командируются изъ ближнихъ баталіоновъ. Царицынская жь линія оставлена защищенію однихъ только поселенныхъ тамо волгскихъ казаковъ и четыре построенныя на ней крѣпости, именуемыя: Донская, Асакарская, Грачевская и Мечетная не имѣютъ никакого регулярнаго гарнизона, легкихъ же войскъ во всемъ тамошнемъ краю довольно достаточно.

Въ Оренбургской губерніи гарнизонныхъ баталіоновъ только пять, изъ нихъ четыре въ Оренбургѣ, да въ Ставрополѣ одинъ, въ Илецкую и Троицкую крѣпость и въ Уфу командируются изъ Оренбурга по одной ротѣ, а линія, начинаясь отъ Яику до Звѣриноголовской крѣпости, къ которой въ семъ послѣднемъ мѣстѣ примыкаетъ Сибирская, простирающаяся слишкомъ на тысячу триста верстъ, защищаемая тремя ландмилицкими конными полками, которыя равно какъ бы гарнизонные распредѣлены по линейнымъ крѣпостямъ, яицкіе казаки расположены по Яику до Гурьева, и довольно упражнены защищеніемъ своихъ жилищъ. Нерегулярныя же оренбургскія войска, коихъ число такъ же достаточно, употребляются къ разнымъ посылкамъ и разъѣздамъ какъ внутри губерніи, такъ и по линіи.

Во всей Сибири, т.-е. въ Тобольской и Иркутской губерніи всего семь баталіоновъ и именно: въ Тобольскѣ три, въ Томскѣ одинъ, въ Иркутскѣ одинъ и два въ Селенгинскѣ, изъ которыхъ еще командировано въ Тюмень, въ Тару и въ Акшинскъ по двѣ, да въ Красноярскъ, въ Удинскій острогъ, въ Удинскій пригородокъ и въ Кундаринскую слободу по одной ротѣ. Сибирская же линія закрывающая всю Тобольскую губернію, которая начинаясь отъ Звѣриноголовской крѣпости и простираясь до Кузнецкой, занимаетъ разстояніе двухъ тысячъ семидесяти двухъ верстъ, защищается восемью драгунскими полками, расположенными по крѣпостямъ линіи, коихъ однихъ только главныхъ девять, не считая лежащихъ между ими малыхъ крѣпостей и редутовъ. Поселенныхъ во всей Сибири казаковъ, коихъ обще и съ тѣмъ, что въ Иркутской губерніи, и съ иновѣрцами и башкирцами не съ большимъ девять тысячъ человѣкъ нельзя почти полагать въ число войскъ служащихъ къ защищенію линіи, потому что, исключая небольшаго числа находящагося въ разъѣздахъ по оной, всѣ они употреблены на разъѣзды и къ занятію крѣпостей, редутовъ и остроговъ, закрывающихъ Красноярской, Иркутскій, Селенгинскій и Нерчинскій уѣзды, гдѣ уже линіи нѣтъ на разстояніи отъ Кузнецка до рѣки Амура около 3,000 верстъ. Регулярнаго же полеваго войска тамъ только одинъ карабинерный Якутской полкъ, которой расположенъ въ Селенгинскомъ уѣздѣ, за озеромъ Байкаломъ, квартира его въ Кабанскомъ острогѣ въ 46 верстахъ отъ помянутаго озера, а роты около штабъ-квартиры верстахъ въ 45.

Изъ прилагаемой при семъ вѣдомости подъ лит. С. ваше императорское величество точнѣе усмотрѣть изволите, сколько числомъ какъ въ астраханскомъ департаментѣ, такъ и въ Оренбургѣ и во всей Сибири полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ и какимъ образомъ первыя въ Оренбургѣ и Сибирѣ (ибо въ Астрахани и тамошнемъ краю и вовсе никакихъ полевыхъ войскъ не содержится) за крайнимъ гарнизонныхъ войскъ недостаткомъ, къ объятію всѣхъ для охраненія границъ необходимо нужныхъ постовъ, растянуть и раздробить надобно было, дабы тѣмъ тамошнія селенія отъ набѣговъ и наглостей живущихъ окрестъ хищныхъ народовъ, хотя нѣсколько заградить. Но сколь великая во всемъ томъ расположеніи неудобность доказывается, впервыхъ уже тѣмъ, что какъ гарнизонныхъ баталіоновъ въ Сибирѣ и Оренбургѣ столь мало, что многіе и большая почти часть важнѣйшихъ мѣстъ какъ то самыя линіи оставались безъ гарнизоновъ, то уже и принуждено было занять оныя находящимися тамо драгунскими полками и въ слѣдствіе того раставить оныя всѣ по тѣмъ крѣпостямъ, раздробя на столько частей, сколько мѣстъ и крѣпостей гарнизонами занять надобно; отъ чего сверхъ того, что учрежденіе драгуна и все его вооруженіе не для того сдѣлано, чтобъ онъ употребленъ былъ въ гарнизонѣ претерпѣваетъ самой порядокъ службы и отнимается полковымъ командирамъ способъ содержать полки свои въ должной исправности, такъ что они теперь не будучи исправными гарнизонными солдатами остаются еще худшими драгунами. А какъ часто бываетъ тамо нужда не только удерживать непріятеля отъ впаденія въ границы, но и многочисленной его толпѣ съ твердостію противится, а въ случаѣ и наказать, то гарнизоны не будучи учреждены какъ только для защиты того мѣста, въ которомъ они поставлены, не могутъ подать надлежащей помощи другому, непріятелемъ атакованному мѣсту въ свое время, ниже поспѣшать къ воспрепятствованію его набѣговъ въ тамошнихъ пространныхъ поляхъ, а легкія войска, хотя бъ и всюду поспѣть могли, но безъ регулярнаго не въ состояніи сдѣлать гораздо превосходному числу твердаго и сильнаго сопротивленія. Въ собраніи жь тѣхъ войскъ, которыя однимъ званіемъ остаются полевыми изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они по гарнизонамъ разставлены, столько проходитъ времени, что пока они соберутся учиненное тамошними вѣтренными народами уже миновалось, и они такъ удалятся, что ихъ оставя нужные посты вдаль преслѣдовать совсѣмъ уже не можно.

Сему явнымъ примѣромъ служитъ помянутое въ началѣ сего представленія удаленіе отъ жилищъ своихъ волгскихъ калмыкъ и переходъ ихъ чрезъ Яикъ. Чрезъ цѣлые три мѣсяца, считая съ того времени какъ они съ кочевья своего поднялись, по многимъ весьма затруднительнымъ отъ одного командира къ другому перепискамъ насилу

съ обнаженіемъ многихъ по оренбургской линіи крѣпостей возможно было отъ всѣхъ расположенныхъ по оной драгунскихъ полковъ собрать у Орской крѣпости до пяти сотъ человѣкъ драгунъ, выступившихъ и то уже вслѣдъ за ими мятежниками, которые между тѣмъ, не взирая на нѣкоторое чинимое имъ отъ иррегулярныхъ войскъ сопротивленіе приближась къ Яику успѣли надѣлать тамо разоренiи и сію рѣку перешедъ хотя при великомъ уронѣ отъ преслѣдующихъ не регулярныхъ войскъ, однакожь все путь свой продолжаютъ къ совокупленію. Съ выступившимъ отъ Орской крѣпости корпусомъ, командующій на сибирской линіи генералъ-маіоръ Станиславской по усиленному требованію оренбургскаго губернатора всевозможныя старанія прилагалъ собрать нѣсколько эскадроновъ и чрезъ цѣлый мѣсяцъ собралъ было два эскадрона, но уже тогда калмыки весьма удалились и самыя обстоятельства такъ перемѣнились, что болѣе надобно было помышлять о безопасности сибирской линіи, нежели о преслѣдованіи калмыкъ. Новыя потому надобно было принять мѣры и дальность мѣстъ какъ главныхъ на обѣихъ линіяхъ, такъ и частныхъ командировъ произвели великую перемѣну, а, наконецъ, принужденно было помянутыя сибирскія войска оставить на сибирской линіи и на оной собравъ еще сколько можно вмѣстѣ быть въ готовности встрѣтить сихъ бунтовщиковъ. Не утруждаетъ уже коллегія ваше императорское величество описаніемъ какое почти непреодолимое затрудненіе настояло. И въ томъ, чтобъ и на сибирской линіи собрать хотя небольшой корпусъ регулярныхъ и не регулярныхъ, и сколько прошло времени въ перепискахъ у сибирскихъ командировъ, донеся только то, что линія остается почти безъ людей. Въ третій разъ нынѣ командующіе тамо генералы принуждены перемѣнить весь сдѣланный ими какъ къ преслѣдованію за калмыками, такъ и къ безопасности линій планъ. По возвращеніи командира высланныхъ въ погоню за калмыками отъ Орской крѣпости регулярныхъ войскъ, которой не имѣя надежды получить провіанту оставя преслѣдованіе однимъ не регулярнымъ самъ поворотилъ назадъ къ линіи. Чему всему главнѣйшая причина отдаленіе мѣстъ и то, что нѣтъ ни на той, ни на другой линіи такихъ запасныхъ войскъ, которыя бы оставляя линіи безопасными при оказавшейся нуждѣ тотчасъ выступили и безъ потерянія времени съ твердостью дѣйствовать могли.

Въ протчемъ же довольно доказано и то, что и все на обѣихъ сихъ линіяхъ находящееся регулярное полевое войско, будучи составлено изъ однихъ только драгунъ, хотя бъ и собралося вмѣстѣ, неспособно оно однакожь къ прямому сопротивленію, потому что драгуны когда и спѣшатся не въ состояніи противустоять и дѣйствовать съ такою твердостію какъ настоящая пѣхота, которую во многихъ тамо мѣстахъ по ихъ положенію имѣть нужно, а и на лошадяхъ будучи не могутъ пре-

слѣдовать весьма легкаго непріятеля по причинѣ тяжолаго своего вооруженія.

Въ Астраханской же губерніи, въ которой какъ то выше донесено и вовсе никакихъ полевыхъ войскъ нѣтъ, недостатокъ сей и крайняя въ нихъ надобность чувствительнѣе еще оказывается. Тамъ наглость и дерзость сосѣдствующихъ народовъ, кубанцевъ, кабардинцевъ и другихъ имъ подобныхъ, до такой степени возросла, что уже не только партикулярнымъ людямъ промысла своего ради, и для купечества изъ одного мѣста въ другое проѣзжающимъ; но и курьерамъ для охраненія отъ воровскихъ партій прикрытія даваться должны. Еще недавно и именно въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ ѣдущіе въ Кизляръ возвратившіеся отсюда съ депешами къ генералъ-маіору Демедому, присланной отъ него гусарской капитанъ Вульфъ и бывшей въ Астрахани для покупки и подряду вещей на состоящіе въ корпусѣ его два гусарскіе эскадрона, поручикъ Фрейвальдъ и съ ними вахмистръ одинъ и четыре гусара, да Кизлярскаго гарнизона сержантъ отсюда-жь, съ депешами возвращенный нѣкоимъ извѣстнымъ въ томъ краю разбойникомъ, Кумыкскимъ Мурзою Сокуръ Аджіемъ, съ тремя стами человѣкъ его сообщниковъ разъѣжающимъ въ сорока верстахъ отъ Кизляра, захвачены, ограблены и изрублены и бывшіе у нихъ съ подводами два казака и два татарина такъ какъ и все, что они съ собою имѣли въ полонъ взяты. Посланныя жь за нимъ партіи легкихъ войскъ его нагнать и поймать не могли и принуждены были возвратиться съ тѣмъ только, что видѣли слѣды сей толпы до рѣки Кумы. А какъ и кабардинцы подъ видомъ сбереженія своихъ жилищъ не въ лучшихъ, однакожь, намѣреніяхъ собираются на р. Кумѣ поощряя къ воровскимъ набѣгамъ, прочихъ въ сей сторонѣ обитающихъ народовъ, какъ то техинцовъ, алдинцовъ, чеченцовъ, шементинцовъ, атагинцовъ и гребенчуковцовъ, то оттого весь тотъ край со всѣхъ сторонъ набѣгами ихъ угрожаемъ и астраханскій губернаторъ опасаясь не безъ основанія, чтобъ сіи воровскія партіи не пробрались и къ самой Волгѣ и тамо бы не надѣлали тревоги и жителямъ убытку, и не имѣя никакихъ войскъ, способныхъ къ воспрепятствованію имъ въ полѣ и къ наказанію сей ихъ дерзости съ надлежащею твердостію, неотступно требуетъ прибавки регулярнаго войска, тѣмъ больше, что тамошніе гарнизоны сверхъ содержанія тѣхъ крѣпостей, въ которыхъ они положены, разкомандированы какъ къ занятію разныхъ по степи постовъ, такъ и къ закрытію разныхъ въ Грузію слѣдующихъ транспортовъ, въ корпусъ генералъ-маіора Демедома, вмѣсто полевыхъ пѣхотныхъ войскъ. А сей послѣдній, въ командѣ котораго состоятъ почти всѣ тамошніе казаки, хотя съ ввѣреннымъ ему войскомъ и находится около Моздока, но всего пространства, столь великой и открытой степи обнять не можетъ. Къ тому жь командированъ онъ туда на нынѣшнее

только время и въ числѣ тамошнихъ войскъ навсегда полагаемъ быть не можетъ.

Кажется, что всѣ вышеописанныя обстоятельства доказываютъ необходимость поправленія и перемѣны нынѣшняго на помянутыхъ границахъ войскъ расположенія и на сихъ то причинахъ основываясь подвергаетъ военная коллегія на высочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе всеподданнѣйшее свое мнѣніе, состоящее въ томъ, чтобъ для приведенія сихъ границъ въ исправное и сколько можно надежное состояніе находящіяся нынѣ въ Оренбургѣ три ландмиліціи конныя, да въ Сибири восемь драгунскихъ и одинъ карабинерный полки обратить въ прибавляемыя теперь гарнизонные баталіоны и полагаемые къ подкрѣпленію ихъ и къ защищенію тѣхъ краевъ, описанныя выше полевыхъ войскъ корпусы слѣдующимъ образомъ.

Въ Астраханской губерніи, въ которой во всѣхъ мѣстахъ достаточные положены уже гарнизоны, оставалась только безъ защиты регулярныхъ войскъ Царицынская линія и не было тамъ для подкрѣпленія гарнизоновъ къ дѣйствію противъ непріятеля полевыхъ войскъ. Сію линію полагаетъ коллегія теперь занять регулярнымъ гарнизономъ и въ четырехъ построенныхъ на оной крѣпостяхъ: въ Донской, въ Асакарской, въ Грачевской и Мечетной поставить по одной гарнизонной ротѣ, а для того и прибавить одинъ гарнизонный баталіонъ, которому и быть въ Царицынѣ откуда и показанныя четыре роты командировать; и симъ ротамъ, такъ какъ и крѣпостямъ состоять въ командѣ Царицынскаго коменданта; полевыхъ же войскъ опредѣля во весь сей департаментъ три изъ предлагаемыхъ корпусовъ расположить: одинъ въ Астрахани, другой въ Царицынѣ, третій во Моздокѣ.

Въ Оренбургскую губернію прибавить пять гарнизонныхъ баталіоновъ такъ, что всѣхъ оныхъ и съ прежними будетъ десять и оставляя въ тѣхъ крѣпостяхъ, въ которыхъ теперь уже гарнизоны есть тожъ самое число, прочихъ расположить всѣхъ по линіи и въ другихъ еще необходимо нужныхъ крѣпостяхъ, по одной и по двѣ роты, учредя въ оныхъ смотря по надобности, комендантовъ полковничьихъ и маіорскихъ чиновъ, полевыхъ же войскъ три такихъ же корпуса: одинъ въ Оренбургѣ, а два на линіи, первой въ Орской, а другой въ Троицкой крѣпости.

Въ Сибирь также прибавить пять гарнизонныхъ баталіоновъ и оставляя нынѣшніе семь въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ прибавленными занять всю Сибирскую линію, расположа ихъ въ главныхъ по оной крѣпостяхъ, то есть: въ Омской, Желѣзинской, Ямышевской, Семипалатинской, Каменогорской, Бійской, Кузнецкой, Святаго Петра и Прѣсногорской, опредѣля въ оныя также комендантовъ, а полевыхъ войскъ семь представляемыхъ корпусовъ: одинъ въ Красноярскѣ, другой въ

Омскѣ, третій въ Ямышевской, четвертый Каменогорскѣ, пятый въ Кузнецкѣ, шестой въ крѣпости Св. Петра, а седьмой въ Селенгинскѣ.

Все сіе расположеніе яснѣе и подробнѣе ваше императорское величество усмотрѣть изволите изъ прилагаемой здѣсь подъ лит. Д вѣдомости, такъ какъ и число гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ, которыя въ каждомъ изъ сихъ департаментовъ по сему расположенію находиться будутъ, и которыми коллегія надѣется, что границы довольно прикрыты и отъ набѣговъ защищены быть могутъ, тѣмъ больше, что какъ всѣ крѣпости и линіи довольно снабжены найдутся гарнизонами, то ничто уже полагаемыя тамо полевыя войска не можетъ удерживать, тотъ часъ, какъ только нужда потребуетъ, выступить и непріятелю въ разсужденіи удобнаго своего вооруженія всегда твердый и сильный отпоръ сдѣлать, и не только каждый корпусъ самъ собою съ помощію легкихъ войскъ дѣйствовать, но при соединеніи двухъ или трехъ, составлять уже знатное число войскъ и изъ всѣхъ тѣхъ родовъ, коибъ по различнымъ случаямъ, каждое сходно съ его опредѣленіемъ, слѣдовательно и съ успѣхомъ употреблены быть могли.

Подъ лит. Е и Ѣ подносится здѣсь штатъ сихъ представляемыхъ полевыхъ войскъ корпусовъ и табель ихъ мундирнымъ, аммуничнымъ и оружейнымъ вещамъ [1]). Число людей сихъ корпусовъ почти равное съ положеннымъ въ пѣхотныхъ баталіонахъ, но какъ баталіонъ составленъ изъ одной только пѣхоты, а они, напротивъ того, составлены будутъ изъ пѣхоты, легкой конницы, егерей и артиллеріи, то кажется сходнѣе, давъ каждому такому корпусу по одному знамю, наименовать ихъ *легкія полевыя команды* [2]), отлича ихъ одну отъ другой названіемъ, числа, какъ-то: первая, вторая, третія и далѣе. Въ приложенной при семъ вѣдомости подъ лит. Д показано, гдѣ которому по сему наименованію находиться.

Чтобъ и самые гарнизонные баталіоны числомъ людей нѣсколько пріумножить, да и служащимъ въ оныхъ подать нѣкоторую выгоду, то хотя и оставляются они на высочайше апробованномъ уже штатѣ, но положено всѣмъ пограничное, то-есть двутретное жалованіе, а офицерамъ деньщики, дабы они не употребляя уже для услугъ своихъ солдатъ, оставляли бъ ихъ всѣхъ при настоящей своей строевой должности.

Изъ слѣдующей же подъ лит. І вѣдомости ваше императорское величество усмотрѣть изволите, сколько нынѣ на содержаніе всѣхъ въ Астрахани, Оренбургѣ и Сибири состоящихъ войскъ ежегодно положено

---

[1]) Приложенія эти здѣсь не помѣщаются.

[2]) Набранное курсивомъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

денежной суммы, и сколько оной потребно будетъ ежегодно жь на содержаніе теперь вновь полагаемыхъ, и что не взирая на то, что до пяти тысячъ дву сотъ двадцати шести человѣкъ по выметкѣ подъ лит. К [1]) приумножится не только оное нынѣ опредѣленную сумму не превосходитъ, но еще сорокъ тысячъ десять руб. двадцать четыре копѣйки затѣмъ остается.

А чтобъ и сію остающуюся сумму употребить съ пользою, то равномѣрно военная коллегія, всеподданнѣйше представляетъ, не соизволитель всемилостивѣйше повелѣть учредить на содержаніи оной еще двѣ такія-жь команды, которыя расположить, одну въ Казани, а другую въ Симбирскѣ, для употребленія оныхъ нетолько во всѣ случающіяся по сей губерніи въ войскахъ надобности, какъ-то для сыску воровъ и разбойниковъ, для усмиренія неспокойныхъ крестьянъ и тому подобныхъ, чтобъ не отягощать тѣмъ гарнизоны, оставляя ихъ всегда при своихъ мѣстахъ, и у исправленія имъ опредѣленной службы, а смотря по обстоятельствамъ можно будетъ и сими двумя командами умножить и подкрѣпить прочія въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ войска; а затѣмъ уже остающіеся ежегодно девять тысячъ сто пять руб. тридцать восемь коп. отдать въ коммиссаріатъ, въ заплату за тѣ вещи, кои теперь учреждающимся командамъ и баталіонамъ вновь построить должно, и на которыя по исчисленію за замѣномъ всѣхъ въ драгунскихъ полкахъ вещей потребно восемьдесятъ четыре тысячи шесть сотъ шестьдесятъ руб. четырнадцать коп., до того времени, пока оной всю сію сумму сполна получатъ.

Лит. А.

Копія съ рапорта, полученнаго въ военной коллегіи отъ генералъ-маіора и сибирскаго губернатора Чичерина іюня отъ 3 числа 1771 г.

По требованію генералъ-маіора Станиславскаго сего числа отправлены двѣ гарнизонныя роты въ полномъ комплектѣ съ принадлежащими патронными ящиками, изъ оныхъ первая въ Петропавловскую, другая въ Омскую крѣпости, которые въ назначенные мѣста чрезъ шесть дней, конечно, прибудутъ; да въ прибавокъ прежде отправленныхъ пяти сотъ человѣкъ вооруженнымъ выписнымъ коннымъ казакамъ еще пять сотъ человѣкъ, вторая губернская рота, при ней двѣ пушки для прикрытія ялуторовскаго дистрикта отъ набѣговъ киргизскихъ, которыхъ весьма

[1]) Оба приложенія здѣсь не помѣщаются, какъ неимѣющія прямого отношенія къ нашему изслѣдованію.

умножилось и чинятъ обывателямъ великія *озорненія* (?). Въ Тобольскѣ осталась первая губернская и собранная резервная изъ гарнизонныхъ командъ изъ оныхъ послѣдняя командирована для препровожденія до Нерчинска прибывшихъ пяти сотъ человѣкъ злодѣевъ, присланныхъ изъ Казанской губерніи.

Лит. В.

Копія съ рапорта Кизлярскаго коменданта полковника Неймча посланнаго къ астраханскому губернатору генералъ-поручику Бекетову марта отъ 29 числа 1771 г.

Вашему высокопревосходительству я отъ 6 сего теченія имѣлъ честь доносить, что во исполненіе вашего ордера отъ 19 минувшаго февраля съ письмомъ вашего высокопревосходительства къ кабардинскимъ владѣльцамъ отправленъ отъ меня здѣшняго терскаго войска дворянинъ Филатовъ и поручено ему то, и еще мое письмо подать и растолковать вообще съ маіоромъ Тагановымъ, яко повѣреннымъ тамо въ дѣлахъ. Почему онъ доѣзжая въ Кабарду нынѣ возвратился и подданнымъ мнѣ *рапортомъ* донесъ, что кабардинцы со всѣмъ отъ преудержанія кубанцовъ къ впаденію на злодѣйствы въ здѣшнія мѣста отказываются, и чаять отъ нихъ того никоимъ образомъ не можно, ибо они утвердились между собою до возвращенія посланниковъ ихъ изъ Санктъ-Петербурга какъ кубанцамъ не препятствовать, такъ и самимъ подбѣговъ не чинить, а пребывать до возвращенія ихъ ни къ той и ни здѣшней сторонѣ склонными съ намѣреніемъ по прибытіи, буде не все по ихъ желанію учинится, а особливо когда россійскія силы будутъ ослабѣвать, въ то время совокупясь съ кубанцами злодѣйствовать, въ чемъ не одинъ Филатовъ, но другіе точно увѣряютъ. Да и сію мысль болѣе они кубанцы предприняли узнавъ настояще о уходѣ калмыкъ, о чемъ еще справедливаго извѣстія по разглашеніямъ моимъ до нынѣшняго времени не имѣли, а потому и извѣстнаго плута кубанскаго мурзы Сокуръ Аджія сынъ Беслень нарочно бывъ въ Кабардѣ и развѣдавъ поѣхалъ обратно на Кубань, чтобъ поощрить всѣхъ на злодѣйствы, ибо они хотя прежде и слышали, только почитали за обманъ, и не смѣлъ никто на сю сторону Кубана переѣхать, а теперь настояще уже двѣсти человѣкъ изъ темиргойцевъ и бесленейцовъ выѣхавъ находятся по Кумѣ, только еще въ здѣшнихъ мѣстахъ не видятся, въ чемъ и кабардинцы ихъ поощрять хотя не силою, но только одними словами не оставятъ, какъ и письмами сами выговариваютъ что они только должны себя оберегать и еще будто отсюда помочи ожидать; чего никогда статься нельзя, чтобъ кубанцы

*

сдѣлались имъ злодѣями, имѣя одинъ законъ и издревле дружбу. А изъ сего ваше высокопревосходительство соизволите усмотрѣть, какъ и изъ письма отъ извѣстнаго узденя Шабазъ-Гирея, что отъ кабардинцевъ не столько можно имѣть здѣшнему краю защищеніе, но и опаснѣйшее есть состояніе возмущеніемъ кубанской орды, которая своимъ стремленіемъ многіе здѣсь сдѣлаетъ безпокойствы, а паче тѣмъ въ здѣшнемъ мѣстѣ въ людяхъ есть крайній недостатокъ и защищаться совсѣмъ некѣмъ, такъ что теперь за выкомандированіемъ въ корпусъ состоящій въ Грузіи, въ дву здѣшнихъ баталіонахъ требуется въ добавку двѣсти десять, да по нынѣшнему тяжолому климату больныхъ въ гошпиталѣ состоятъ двѣсти сорокъ одинъ; затѣмъ остается строевыхъ здѣсь при крѣпости въ караулахъ и прочихъ раскомандированныхъ двѣсти семдесятъ шесть человѣкъ и тѣ всѣ стоятъ безсмѣнно. Прочіе-жъ всѣ въ дальнихъ и неминуемыхъ по пространству и пограничности мѣстъ на форпостахъ и раскомандировкахъ, другіе есть инвалиды съ нуждою только ходятъ казаки-жъ такъ разосланы, что теперь не остается кого и поставить на кумскій форпостъ, ибо и оный должно имѣть болѣе ста человѣкъ и должно нѣсколько содержать регулярныхъ, яко-жъ при однихъ только отправленныхъ въ Грузію двухъ транспортахъ и въ препровожденіи г. генералъ-маіора Сухотина откомандировано ихъ съ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, а затѣмъ и еще должно послать при другихъ транспортахъ туда-жъ слѣдующихъ не менѣе сего, не упоминая уже о прочихъ расходахъ въ коихъ есть, болѣе пяти сотъ человѣкъ. И хотя корпуса г. генералъ-маіора и кавалера Демедема одинъ деташаментъ къ поиску кубанцовъ въ пятистахъ человѣкъ съ присовокупленіемъ въ сіе число здѣшнихъ войскъ выкомандированъ, но оный пошелъ въ самую степь въ вершины Калауса и Кумы, да и самъ онъ нынѣ-жъ съ остальнымъ корпусомъ выступаетъ туда-жъ, однако самаго защищенія границъ по пространности степи и по малости въ корпусѣ людей имѣть нечаятельно. Не менѣе кубанцовъ и кумыкская сторона есть наиопаснѣйшая, яко-жь и со оной каждый день получаются новѣйшія извѣстія о намѣреніи впадать сюда на злодѣйствы варваръ, какъ и вчерашній день невѣдомо какіе татары, до трехъ сотъ человѣкъ (будто при аксайскомъ владѣльцѣ Султанбекѣ, о чемъ я по обстоятельномъ развѣданіи донесть не премяну) не подалеку Каргика верстахъ въ пяти ограбя ѣхавшихъ къ карантину персидскихъ трехъ армянъ, сами во ожиданіи ночи стояли въ камышѣ, почему я въ то-жъ время собравъ всѣхъ, въ терскомъ и семенномъ войскахъ людей при ихъ предводителяхъ послалъ на сикурсъ форпосту, только ими никого уже не найдено, да и ѣхать имъ за ними въ даль за продолжающеюся почти во всѣхъ кумыкскихъ деревняхъ опасною болѣзнію было не можно. И такъ я получая теперь въ здѣшнемъ мѣстѣ со всѣхъ сторонъ варваръ, почти каждой день новѣйшія покушенія зло-

дѣйствовать въ здѣшнихъ мѣстахъ прельщающихъ, болѣе уходомъ калмыкъ, а частію и мелкостію воды въ рѣкѣ Терекѣ, едва только съ нуждою и недостаткомъ нахожу къ оборонѣ людей въ случаяхъ самаго стремленія, а особливо совокупными силами съ Кубани и Кумыкской стороны и оборонять себя не въ силахъ, тѣмъ паче что людей въ баталіонахъ большой не комплектъ, а еще болѣе ихъ есть больныхъ казаковъ за нужными и неминуемыми раскомандировками при войскахъ никого на лицо не остается и нетолько что можно ихъ къ оборонѣ здѣшняго мѣста взять, но и свои станицы съ нуждою только остатокъ ихъ оберегать можетъ. Въ такомъ случаѣ принужденнымъ нашелся, представя о семъ, вашему высокопревосходительству просить на сей неминуемый и нужный случай приказать здѣшніе баталіоны какъ возможно наискорѣе укомплектовать, дабы хотя и изъ нихъ было можно удѣляя по частямъ распредѣлять на форпосты и тѣмъ отъ непріятеля имѣть оборону.

Въ здѣшнихъ обывателяхъ сколько могло набраться оружейныхъ людей, то всѣ оныя собраны и распредѣлены по Тереку на разные форпосты къ оборонѣ на нечаянный случай отъ непріятеля, но и на сихъ ни мало положится въ нужномъ случаѣ по ихъ легкомысленности и вѣтренному состоянію нелзя, а пачѣ по однозаконію; коихъ большая часть, однако, мною сколь можно будетъ подкрѣпляемы разными наставленіями и регулярными людьми, дабы только чемъ ни на есть сохранить цѣлость общества.

Лит. С.

ВѢДОМОСТЬ

сколько нынѣ въ Астраханскомъ департаментѣ, въ Оренбургѣ и Сибири и на линіяхъ, какъ оренбургской, такъ и сибирской, находится регулярныхъ полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ, и какимъ образомъ оныя къ охраненію и защищенію границъ расположены.

Въ Астраханскомъ департаментѣ:

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.	
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ расположены.
Въ Астрахани . .	4		
Въ Царицынѣ . .	1		
Въ Саратовѣ . . .	1		
Въ Енотаевской крѣп.	1 рота командируется изъ Царицына.		
Въ Дмитревскѣ . .	1 рота командируется изъ Саратова.	Полевыхъ войскъ въ Астраханскомъ департаментѣ нѣтъ.	
Въ Кизлярѣ . . .	2		
Въ Черномъ Яру . .	По одной ротѣ командируются изъ астраханскаго гарнизона.		
Въ Красномъ Яру. .			
Въ Моздокѣ . . .	1		

Всего въ Астраханскомъ департаментѣ гарнизонныхъ баталіоновъ девять, а въ нихъ числомъ людей:

Штабъ и оберъ-офицеровъ . . . . 180 чел.
Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ . . . . . 4,426 »

Инвалидовъ	978 чел.
Нестроевыхъ	1,370 »
	6,954 чел.

Въ Оренбургѣ и на оренбургской линіи:

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.		
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ расположены.	Разстоян. верстъ.
Въ Оренбургѣ . . .	4	Сергіевскій драгунскій.	На нижне-яицкой дистанціи съ правой стороны отъ Оренбурга, начиная отъ Яика до Оренбурга въ четырехъ крѣпостяхъ	304
			Да отъ Оренбурга по красногорской дистанціи до Ильинской крѣпости въ трехъ крѣпостяхъ.	145
			А всего въ семи крѣпостяхъ на разстояніи.	449
Въ Ставрополѣ . . .	1	Билярскій драгунскій.	На оренбургской дистанціи въ Ильинской крѣпости до Таналыцкой въ трехъ крѣпостяхъ . .	178
			Да на кизильской дистанціи отъ Таналыцкой крѣпости до Магнитной въ трехъ же крѣпостяхъ	173
			Всего въ шести крѣпостяхъ на разстояніи. .	351
Въ Илецкой крѣпости Въ Троицкой крѣпости Въ Уфѣ.	По опредѣленію коллегіи командируются по 1 ротѣ изъ оренбургскихъ баталіоновъ.	Шешминскій драгунскій.	На верхней-уйской дистанціи отъ Магнитной крѣпости до Степной въ четырехъ крѣпостяхъ .	202
			Да на нижне-уйской дистанціи отъ Степной до Звѣриноголовской въ пяти крѣпостяхъ . . .	303
			А всего въ девяти крѣпостяхъ	505
			Всего сіи три полка занимаютъ 22 крѣпости на разстояніи . .	1,305

Всего войскъ въ Оренбургской губерніи и на оренбургской линіи три драгунскихъ полка и пять гарнизонныхъ баталіоновъ, въ которыхъ числомъ людей:

Въ трехъ драгунскихъ полкахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	102	чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	2,328	»
	Нестроевыхъ.	426	»
		2,856	чел.
Въ пяти баталіонахъ гарнизонныхъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	100	чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	2,446	»
	Инвалидовъ	547	»
	Нестроевыхъ.	770	»
		3,863	чел.
	Всего же полевыхъ и гарнизонныхъ	6,719	чел.

Въ Сибири и на сибирской линіи:

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.		
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ они расположены.	Разстоян. верстъ.
Въ Тобольскѣ. . .	3	Азовскій драгунскій.	Полковая квартира въ крѣпости св. Петра. А расположенъ по тобольской и тарской дистанціямъ отъ редута Пещанаго до редута Илискаго въ пяти крѣпостяхъ и семи редутахъ на разстояніи . . .	257 в. 420 с.
Въ Тюмени . . .	По двѣ роты командируются изъ Тобольскаго гарнизона.			
Въ Тарѣ				
Въ Томскѣ . . .	1			
Въ Красноярскомъ. .	По 1 ротѣ командируются изъ Тобольскаго гарнизона.			
Въ Удинскомъ Острогѣ				

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.		
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ они расположены.	Разстоян. верстъ.
Въ Омской . . . Въ Желѣзинской . Въ Ямышевской . Въ Семипалатной . Въ Усть-Каменогорской . . . . Въ Бійской . . . Въ крѣпости Св. Петра.	Гарнизоновъ нѣтъ, а содержатся драгунскими полками.	Ревельскій драгунскій.	Полковая квартира въ Омской крѣпости. Расположенъ по тарской, ишимской и иртышской дистанціяхъ отъ редута Илискаго до дистанціи усть-заостровской въ пяти крѣпостяхъ и семи редутахъ на разстояніи	239 в. 400 с.
Въ Прѣсногорьковской		Сибирскій драгунскій.	Полковая квартира въ Желѣзинской крѣпости. Расположенъ по иртышской дистанціи отъ станціи Усть-Заостровской до форпоста Чернорѣцкаго въ одной крѣпости и 10 редутахъ на разстояніи	336
Въ Иркутскѣ. . . Въ Селенгинскѣ . .	1 2		Полковая квартира въ Илышевской крѣпости.	
Въ Акшинскѣ . .	2 роты командируются изъ Селенгинскихъ баталіоновъ.	Троицкій драгунскій.	Расположенъ отъ Чернорѣцкаго форпоста до станціи Черемховой Забонѣ по иртышской дистанціи въ одной крѣпости и десяти редутахъ на разстояніи . . .	263 в. 464 с.

По сибирской линіи въ крѣпостяхъ:

		Вологодскій драгунскій.	Полковая квартира въ Усть-Каменегорской крѣпости. А расположенъ по Иртышской же дистанціи отъ Черемховой Забоны до Усть-Каменогорской крѣпости въ двухъ крѣпостяхъ и 11 редутахъ на разостяніи.	271 в. 417 с.

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.		
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ они расположены.	Разстоя. верстъ.
		Колыванскій драгунскій.	Расположенъ по иртышской же дистанціи отъ Усть-Каменогорска до форпоста Верхъ-Аленскаго въ шести редутахъ на разстояніи . . .	116
			Полковая квартира въ Бійской крѣпости.	
		Луцкій драгунскій.	Расположенъ по новой колыванской и кузнецкой дистанціи отъ Верхъ-Аленскаго форпоста до Бійской крѣпости въ двухъ крѣпостяхъ и 12 редутахъ на разстояніи.	325 1/2
			Полковая квартира въ Кузнецкой крѣпости.	
		Оленецкій драгунскій.	Расположенъ отъ Бійской крѣпости до Кузнецкой въ одной крѣпости и девяти редутахъ на разстояніи	237 в. 30 с.

Всего сіи восемь полковъ по линіи занимаютъ семнадцать крѣпостей и семьдесятъ три редута на разстояніи. . . . . 2,072 1/2 версты.

Въ Удинскомъ пригородкѣ. . . . Въ Кударинской слободѣ.	По одной ротѣ командируются изъ Селенгинскаго гарнизона.	Якутскій карабинерный.	Непремѣнная квартира оному назначена въ Селенгинскѣ, но нынѣ расположенъ онъ въ Иркутской губерніи, въ Селенгинскомъ уѣздѣ, за озеромъ Байкалъ, а штабъ-квартира въ Кабанскомъ острогѣ, въ 46 верстахъ отъ помянутаго озера.	

Всего войскъ въ Сибири и на Сибирской линіи полевыхъ: одинъ карабинерный и восемь драгунскихъ, гарнизонныхъ семь баталіоновъ, въ которыхъ числомъ людей:

Въ 8 драгунскихъ полкахъ и 1 карабинерномъ полку.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	306 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	7,118 »
	Нестроевыхъ	1,278 »
		8,702 чел.

Въ 7 гарнизонныхъ баталіонахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	140 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	3,262 »
	Нестроевыхъ	1,190 »
	Инвалидовъ	812 »
		5,404 чел.
	А всѣхъ полевыхъ и гарнизонныхъ . . .	14,106 чел.
	Всего же въ Астрахани, Оренбургѣ и Сибири полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ	27,779 чел.

Лит. Д.

ВѢДОМОСТЬ

какимъ образомъ и въ которыхъ мѣстахъ въ Астрахани, въ Оренбургѣ и Сибири представляется учредить и расположить какъ гарнизоны, такъ и полевыя войска, состоящія изъ представляемыхъ къ учрежденію изъ нынѣшнихъ драгунскихъ полковъ и легкихъ командъ.

Въ Астраханскомъ департаментѣ.

Имя крѣпостей.	Число баталіоновъ или ротъ и откуда послѣднія командировать.	Легкія полевыя команды.	Мѣста расположенія легкихъ полевыхъ командъ.
Въ Астрахани . . .	4	Третья команда.	Въ Астрахани.
Въ Царицынѣ . . .	2	Четвертая команда.	Въ Царицынѣ.
По царицынской линіи въ крѣпостяхъ:			
Въ Донской. . .	Во всѣ сіи четыре крѣпости командировать по одной ротѣ изъ царицынскихъ баталіоновъ.	Пятая команда.	Въ Моздокѣ.
Въ Асакарской . .			
Въ Грачевской . .			
Въ Мечетной. . .			
Въ Саратовѣ . . .	1		
Въ Енотаевской крѣпости.	1 рота командирована изъ Царицына.		
Въ Дмитревскѣ. . .	1 рота командирована изъ Саратова.		
Въ Кизлярѣ. . . .	2		

Въ Черномъ Яру . .	1 рота	командированы изъ Астрахани.
Въ Красномъ Яру. .	2 рота	
Въ Моздокѣ. . . .	1	

Итого въ Астраханскомъ департаментѣ находиться будетъ войскъ:

Полевыхъ, въ 3-хъ легкихъ полевыхъ командахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	36 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	1,353 »
	Нестроевыхъ	234 »
	Итого . . .	1,623 чел.
Гарнизонныхъ въ 10 баталіонахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	200 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	5,820 »
	Нестроевыхъ	1,190 »
	Инвалидовъ	830 »
	Итого . . .	8,040 чел.
	Всего полевыхъ и гарнизонныхъ . . .	9,663 чел.

Въ Оренбургѣ и на оренбургской линіи.

Имя крѣпостей.	Число баталіоновъ или ротъ и откуда послѣднія командировать.	Легкія полевыя команды.	Мѣста расположенія легкихъ полевыхъ командъ.
Въ Оренбургѣ . .	4 баталіона.	Шестая команда.	Въ Оренбургѣ.
По линіи:			
Въ Красногорской крѣпости	1 рота изъ оренбургскаго баталіона.	Седьмая команда.	Въ Орской крѣпости.
Въ Озерной . . .	1 баталіонъ.	Осьмая команда.	Въ Троицкой крѣпости.
Въ Ильинской . .	1 рота изъ озерскаго баталіона.		
Въ Губерлинской .	1 рота		
Въ Орской . . .	1 рота изъ кизильскаго баталіона.		
Въ Таналыкской .	1 рота		
Въ Уртазымской .	1 рота		
Въ Кизильской . .	1 баталіонъ.		
Въ Магнитной . .	1 рота изъ верхояицкаго баталіона.		
Въ Верхо-Яицкой .	1 баталіонъ.		
Въ Карагайской, .	1 рота изъ верхояицкаго баталіона.		

Въ Петропавловской	1 рота изъ троицкаго баталіона.
Въ Степной . . .	1 рота изъ троицкаго баталіона.
Троицкой	1 баталіонъ.
Въ Каракульской. .	1 рота изъ троицкаго баталіона.
Въ Крутоярской. .	1 рота изъ звѣриноголовскаго баталіона.
Въ Усть-Уйской. .	1 рота изъ звѣриноголовскаго баталіона.
Въ Звѣриноголовской.	1 баталіонъ.

На нижней-яицкой дистанціи:

Въ Илецкой. . .	По одной ротѣ, изъ оренбургскихъ баталіоновъ.
Въ Нижне-Озерной	
Въ Татищевой . .	
Въ Чернорѣченской.	

Внутри линіи:

Въ Исецкой провинціи въ пригородкѣ Шадринскѣ	1 рота изъ звѣриноголовскаго баталіона.
Въ той же провинціи въ пригородкѣ Куртамышѣ	1 рота изъ верхояицкаго баталіона.
Въ городѣ Уфѣ . .	1 рота изъ оренбургскихъ баталіоновъ.
Въ Зелаирской крѣпости, лежащей въ Башкиріи . . .	1 рота изъ озернаго баталіона.
Въ Ставрополѣ . .	1 баталіонъ.
Въ Самарѣ. . . .	2 роты изъ ставропольскаго баталіона.
Въ Бузулуцкой крѣпости.	1 рота изъ ставропольскаго баталіона.

Итого въ Оренбургскомъ департаментѣ находиться будетъ войскъ:

Полевыхъ въ 3-хъ легкихъ полевыхъ командахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	36 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	1,353 »
	Нестроевыхъ	234 »
	Итого . . .	1,623 чел.

Гарнизонныхъ въ 10 баталіонахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	200 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	5,820 »
	Инвалидовъ	830 »
	Нестроевыхъ	1,190 »
	Итого . . .	8,040 чел.
Всего въ полевыхъ и гарнизонныхъ войскахъ. . .		9,663 чел.

Въ Сибири и на сибирской линіи.

Имя крѣпостей.	Число баталіоновъ или ротъ и откуда послѣднія командировать.	Легкія полевыя команды.	Мѣста расположенія легкихъ полевыхъ командъ.
Въ Тобольской губерн.			
Въ Тобольскѣ. . .	3 баталіона.		
Въ Тюменѣ . . .	2 роты изъ тобольскаго гарнизона.		
Въ Тарѣ	2 роты изъ тобольскаго баталіона.		
Въ Томскѣ. . . .	1 баталіонъ.		
Въ Красноярскомъ .	1 рота изъ тобольскаго.	Девятая команда.	Въ Красноярскѣ.
Въ Удинскомъ острогѣ.	1 рота изъ тобольскаго.		
На линіи:			
Въ Омскѣ. . . .	2 баталіона.	Десятая команда.	Въ Омскѣ.
Въ Желѣзинской . .	2 роты изъ омскаго баталіона.		
Въ Ямышевской . .	2 роты изъ омскаго баталіона.	Первыянадесять команда.	Въ Ямышевской крѣпости.
Въ Семипалатной. .	1 баталіонъ.		
Въ Усть-Каменегорской.	2 роты изъ Семипалатной.	Второянадесять команда.	Въ Каменогорскѣ.
Въ Бійской . . .	1 баталіонъ.		
Въ Кузнецкой. . . .	2 роты изъ Бійской крѣпости.	Третьянадесять команда.	Въ Кузнецкѣ.
Въ крѣпости Св. Петра.	1 баталіонъ.	Четвертаянадесять команда.	Въ крѣпости св. Петра.
Въ Прѣсногорьковской.	2 роты изъ крѣпости св. Петра.		
Въ Иркутской губерніи:			
Въ Иркутскѣ. . .	1 баталіонъ.		
Въ Селенгинскѣ . .	2 баталіона.	Пятаянадесять командъ.	Въ Селенгинскѣ.

Въ Акшинскѣ. . .	2 роты изъ иркутскаго гарнизона.
Въ Удинскомъ пригородкѣ	1 рота изъ селенгинскаго гарнизона.
Въ Кударинской слободѣ.	1 рота изъ селенгинскаго баталіона.

Итого во всей Сибири находиться будетъ:

Штабъ и оберъ-офицеровъ	84	чел.
Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ . .	3,157	»
Нестроевыхъ	546	»
Итого . . .	3,787	чел.
Штабъ и оберъ-офицеровъ	240	»
Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ . .	6,984	»
Инвалидовъ	996	»
Нестроевыхъ	1,428	»
Итого . . .	9,648	чел.
Всего полевыхъ и гарнизонныхъ. . . .	13,435	чел.
Всего же въ Астрахани, въ Оренбургѣ и въ Сибирѣ полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ находиться будетъ	32,761	чел.

Алфавитный указатель именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

Абдюсетъ, мулла. 258.
Абрамовъ, титулярный совѣтникъ. 162, 163.
Азовская, Екатерина. 88.
Аксаковъ, вице-губернаторъ. 332.
Александръ Павловичъ, великій князь. 299.
Алексѣевъ, Антонъ, крестьянинъ. 175.
Алметьевъ, Болтай, татаринъ. 237.
Алметьевъ, Идеркей, татаринъ. 237, 241.
Алфимовъ, депутатъ. 344.
Алѣевцевъ, секретарь. 313.
Амановъ, Уразгильда, татаринъ. 242, 243.
Аманычъ, татаринъ. 237.
Анкудиновъ, Иванъ, казакъ. 24.
Анна Іоановна, Императрица. 92.
Анненковъ, Василій, ротмистръ. 306.
Анненковъ, маіоръ. 124.
Антиповъ, казакъ. 235.
Антоновъ, казакъ 158.
Анучинъ, Д. 17.
Апраксинъ, графъ. 333.
Апушкинъ, Григорій, помѣщикъ. 304.
Аржановъ, казакъ. 65, 66, 84.
Аржеанто, посланникъ. 311.
Арисовъ, Илья, дворянинъ. 305.
Артемьевъ, Прохоръ, атаманъ. 115.
Артикеевъ, сотникъ. 53.
Аршеневскій, И., губернаторъ. 315.
Аслабековъ, самозванецъ. 368.
Афанасьевъ, А. 289, 300.
Афанасьевъ, Степанъ, священникъ. 63.
Баннеръ, генералъ. 34, 105.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н. 275.
Барановъ, Никифоръ, капитанъ-армусъ. 148.
Барятинская, Екат. Петров., княгиня. 334.
Батырша, мулла. 256, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270.
Бахиревъ, Яковъ, статскій совѣтникъ. 306, 325.
Бахтинъ, Василій, маіоръ. 305, 325.
Бахтинъ, Иванъ, вахмистръ. 305, 325.
Безбородко, А. А., графъ. 278, 285, 291, 300, 302, 313, 321, 334,
Бекетовъ, губернаторъ. 109, 123. 124, 125, 131, 387.
Белькуръ, французъ. 276, 289.
Бередниковъ, полковникъ. 271.
Бередниковъ, Филиппъ. 150.
Бестужевъ, канцлеръ. 333.
Бецкій. 283.
Бибиковъ, А. И. 318.
Бирюкова, казачка. 62.
Блохинъ, поручикъ. 309.

Богомоловъ, Ѳедотъ, самозванецъ. 04, 106, 107, 108, 109, 118, 119, 20, 121, 122, 123, 124, 131, 149, 68.
Болдинъ, казакъ. 107.
Болдыревъ, Иванъ, казакъ. 94.
Болдыревъ, Никифоръ, купецъ. 122.
Болотовъ, А. Т. 274, 275, 290, 92, 295, 343.
Болтинъ. 330.
Бородинъ, Андрей, атаманъ. 1, 2, , 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 3, 14, 15, 23, 35, 64, 65, 66, 1 84, 90, 93.
Бородинъ, Мартемьянъ. 37, 40, 3, 69, 70 72, 75, 81, 84, 103, 35, 238, 240, 241.
Бородинъ, полковникъ. 99.
Бородинъ, Ѳедоръ. 7, 78, 84.
Бочаровъ, канцеляристъ. 316.
Бочкаревъ, Иванъ, казакъ. 1, 20, 1, 23, 94.
Бочкаревъ, прапорщикъ. 97.
Брандтъ, Я. Л., генералъ. 160, 4, 170, 171.
Браницкая, графиня. 295.
Брахвелъдъ, генералъ. 1, 8, 9,), 12, 13.
Брауншвейгъ, поручикъ. 273.
Брюссъ, Я. А., графъ. 76, 334.
Будинъ, Иванъ, казакъ. 42.
Булгаковъ, И. М. 322.
Буренинъ, казакъ. 107, 108.
Буренинъ, Ѳедоръ, казакъ. 247.
Бутурлинъ, Иванъ. 291.
Бутурлинъ, П. А., князь. 334.
Бѣляевъ, казакъ. 31.
Вавилинъ, Егоръ, сотникъ. 41.
Вагинъ, Михаилъ, купецъ. 310.
Вадковскій, полковникъ. 306, 307.
Варлаамъ, архіерей. 361, 362.
Василій, старецъ Стародубскаго монастыря. 145, 146.
Васильевъ, Егоръ, капралъ. 109, 21.
Васильевъ, Иванъ, сержантъ. 73.
Васильевъ, капитанъ. 168, 169.
Васильевъ, Михаилъ, священникъ. 3, 65, 66, 67.
Васильевъ, Сидоръ, казакъ. 223.
Васильевъ, Степанъ, крестьянинъ. 159.
Васильчиковъ, 333, 334.
Ватазина, Анна. 316, 325.
Веденяпинъ, вахмистръ. 309.
Визинъ, фонъ. 282, 294, 296, 303, 304, 334.
Винскій. 273, 274, 289, 314, 369.
Витевскій, В. Н. 1, 17, 33, 42, 43, 67, 70, 78, 97.
Витковичева, бригадирша. 328.
Витошновъ, полковникъ. 78.
Витошновъ, сотникъ. 100.
Витошновъ, Сидоръ, казакъ. 25.
Витошновъ, Яковъ, старшина. 49, 240.
Волынскій, Николай, прокуроръ. 315.
Вольфортъ, іезуитъ. 273.
Вонлярлярскій. 315.
Воронцовъ, графъ, канцлеръ. 313.
Воронцовъ, Р. Л., графъ. 106.
Воронцовъ, графъ, сенаторъ. 312.
Войновичъ, прапорщикъ. 368.
Выровщиковъ, казакъ. 18, 48, 53, 76.
Вяземскій, А. А., князь. 52, 164, 170, 171, 285, 313, 319, 321, 338, 348, 354.
Гагарина, Авдотья, княгиня. 305.
Галицкій, дворянинъ. 304.
Георгій Вахтанговичъ, грузинскій царевичъ. 334.
Герасимовъ, Иванъ. 186.
Герасимовъ, Иванъ, казакъ. 49, 53.
Герасимовъ, Петръ, казакъ. 1, 20, 21, 22, 23, 41, 42, 46, 51, 52, 53.
Глаголевъ, помѣщикъ. 307.
Глазинъ, казакъ. 121.
Глухова, Анна. 62.
Глѣбовъ, квартирмистръ. 34
Голицынъ, князь. 299.
Голицынъ, М. В., князь. 277.
Голицынъ, Н. Я., князь. 334.
Голованов, Григорій, казакъ. 41.
Головинъ, помѣщикъ. 293, 295, 333.
Головкина, графиня. 333.

Головкинъ, Г. И., графъ. 334.
Голубковъ, Михаилъ. 315.
Гомъ, купецъ. 313.
Гордонъ. 333.
Гороховъ, сотникъ. 37, 40, 41, 53, 56.
Горшковъ, казакъ. 221.
Горячкинъ, Иванъ, казакъ. 42.
Гребневъ, Никифоръ, казакъ. 182, 183.
Гречъ, Н. И. 291.
Грибовскій, статсъ-секратарь. 278, 302.
Григорьевъ, Никифоръ, попъ. 123.
Гротъ, Я. К. 287.
Гульчихинъ, казакъ. 94.
Давыдовъ, генералъ. 1, 41, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54.
Деваевъ, старшина. 270.
Дементьевъ, сотникъ. 142.
Демидовъ, маіоръ. 98, 100.
Демидовъ, Иванъ, заводчикъ. 355.
Демидовъ, П., заводчикъ. 313, 355.
Денисовъ, Илья, полковникъ. 110, 119, 120, 122, 133, 160.
Денисовъ, Карпъ, старшина. 140, 141.
Державинъ, Г. Р. 282, 284, 285, 287, 309, 310, 319, 321, 322, 325, 358.
Джанъ-Мамбетъ-бей. 112.
Дмитріевъ, Ив. Ив. 274, 278, 284.
Дмитріевъ, прапорщикъ. 310, 325.
Добрынинъ. 279, 286, 293, 295, 314, 325, 358, 360, 361.
Долгополовъ, сержантъ. 243.
Долгорукая, К. А., княгиня. 296.
Долгорукій, Я. Ѳ. князь. 333.
Долгоруковъ, В. М., князь. 112, 113.
Долотинъ, Спиридонъ, казакъ. 107, 125, 131.
Донской, Данила, атаманъ. 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70.
Дроздовъ, казакъ. 229.
Дружинина, Домна. 166.
Дружининъ, Пароенъ. 155, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 172, 174, 214.
Дружининъ, Филимонъ. 166, 168, 169.
Дубасовъ, И. 343, 361.
Дугоневскій, Иванъ, пѣвчій. 166.
Дурасовъ, заводчикъ. 355.
Дурново, капитанъ. 1, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71. 72, 73, 75, 76, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 202.
Дурново, сенаторъ. 322.
Евтюгинъ, прапорщикъ. 55, 59, 70, 71, 73.
Ездемировичъ, подполковникъ. 368.
Екатерина II, Императрица. 21, 83, 116, 117, 127, 132, 145, 147, 283, 290, 297, 313, 318, 319, 320, 328, 334, 336, 340, 342, 343, 344, 345, 349, 351, 353, 366.
Елагинъ, И. П. 319.
Елисавета Петровна, Императрица. 111, 301, 311, 333.
Епифановъ, солдатъ. 271.
Еремина, Курица. См. Оболяевъ.
Еремѣевъ, Ананій, казакъ. 121, 126.
Ерзиковъ, Никита, казакъ. 89.
Еринъ, Иванъ, казакъ. 50, 51, 52.
Ермоловъ. 333.
Ермоловъ, П. М., 303.
Ермоловъ, секретарь. 314.
Ерофѣевъ, Иванъ, казакъ. 41, 89.
Ерыклинцевъ, Михаилъ, казакъ. 243.
Ефимовъ, Иванъ, священникъ. 166, 167, 168, 169.
Ефремова, жена атамана. 282, 343.
Ефремовъ, Данило, атаманъ войска донскаго. 110, 111.
Ефремовъ, Степанъ, атаманъ войска донскаго. 104, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 134.
Жеребцовъ, пахотный солдатъ, депутатъ. 335.
Жигалинъ, Григорій, казакъ. 94.
Жилинъ, Никита, депутатъ. 308.
Жирпкинъ, Ѳедоръ, казакъ. 42.
Житченковъ, Василій, казакъ. 115.

Жихаревъ. 288.
Журавлевъ, сотникъ. 100.
Забиръ, татаринъ. 242, 243.
Забѣлинъ. 280.
Завадовскій, П. В., графъ. 291, 306, 334.
Закладновъ, Григорій, казакъ. 153, 154, 159, 172, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 195, 199, 226.
Закладновъ, Ефремъ, казакъ. 153, 154, 159.
Заколишинъ, Петръ, казакъ. 42.
Зарубинъ, казакъ. 182, 183, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 226, 232, 233, 234, 235, 241, 242, 243, 244.
Зоричъ. 296, 304, 333.
Зотовъ. 333.
Зубовъ, Александръ. 306.
Зубовъ, Николай, титулярный совѣт. 306.
Зубовъ, Платонъ, князь. 288, 295, 321, 322.
Зыковъ, прапорщикъ. 168.
Ибрагимъ, ахунъ. 265.
Ивановъ, бѣглый крестьянинъ. 304.
Ивановъ, Василій, священникъ. 90.
Ивановъ, Венедиктъ, казакъ. 24.
Ивановъ, Осипъ, старшина. 70, 78.
Ивановъ, Петръ, дьячокъ. 168.
Ивановъ, Спиридонъ, казакъ. 107, 108.
Иглеинъ, прапорщикъ. 8, 10, 12.
Иглинъ, поручикъ. 240.
Измайловъ, помѣщикъ. 352.
Иловайскій, Василій, старшина. 117, 118.
Илляшевичъ, архіерей. 360.
Ильинъ, Дмитрій. 210.
Ильша, мулла. 256.
Истоминъ, казакъ. 18.
Іакинфъ, архимандритъ. 362.
Іеронимъ, архіерей. 362.
Іюгюновъ, писарь, 72.
Кабаевъ, Максимъ, казакъ. 42, 53, 89, 97.
Кабановъ, Григорій, казакъ. 69.
Кадаровъ, старшина. 49.
Кадниковъ, дворянинъ. 301.
Казаркинъ, казакъ. 31.
Казинъ, Ѳедотъ, казакъ. 107.
Каменскій, генералъ. 144.
Каменскій, графъ. 343.
Кандалинцевъ, Алексѣй, крестьянинъ. 173, 174.
Кандалинцевъ, Сидоръ, казакъ. 7, 16, 18.
Кантемиръ, князь. 333.
Кантемиръ, С. Д., князь. 334.
Капневъ, Андрей, сотникъ. 40.
Карабановъ. 286.
Караваевъ, Денисъ, казакъ. 181, 182, 187, 188, 189, 190, 192, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 212, 214, 217, 218, 220, 225, 226, 228, 230.
Каргинъ, Никита, казакъ. 42.
Карташевъ, подпоручикъ. 131.
Каръ, бригадиръ. 33.
Касаговъ, помѣщикъ. 286, 306.
Каскартъ, лордъ. 52.
Каштелинскій, М. Ѳ. 310.
Киреевскій, капитанъ. 8, 9, 12.
Кириловъ, оренбургскій губернаторъ. 252.
Кирпичниковъ, Иванъ, сотникъ. 31, 40, 42, 44, 46, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 75, 78, 89, 93, 94, 101, 184.
Кирсановъ, Сидоръ, наказной атаманъ. 111, 112, 113, 118.
Клементьевъ, воевода. 316.
Коверинъ, Алексѣй. 142, 143, 144.
Коверинъ, Иванъ, раскольникъ, 142, 148.
Кожевниковъ, Андрей. 196, 197, 198, 199, 212, 215, 217.
Кожевниковъ, купецъ. 148, 149, 158.
Кожевниковъ, Михайла, казакъ. 76, 212, 213, 214, 216, 217, 220, 223, 224, 225, 240, 243.
Кожевниковъ, Сидоръ, казакъ. 222, 228, 229, 233, 241.
Кожевниковъ, Степанъ, казакъ, 215, 238, 241, 243.

Козицкій, статсъ-секретарь 50.
Козловская, княгиня. 342.
Козьминъ, статсъ-секретарь, 21, 50.
Козьминъ, Леонъ, крестьянинъ. 350.
Колпаковъ, дьякъ. 133, 134, 137.
Колпаковъ, казакъ. 40.
Колпаковъ, старшина. 39, 40, 66, 70, 74.
Комлевъ, канцелярист. 315.
Кондратьевъ, Петръ, управитель. 169.
Коноваловъ, Василій, казакъ. 158. 186, 216, 222, 225, 233, 235, 241, 242, 243.
Кононовъ, Степанъ, казакъ. 239.
Константинъ, Павловичъ, Великій князь. 299.
Копюскевичъ, архіерей. 358, 362.
Копняевъ, сотникъ. 58, 59, 60.
Коптяжевъ, надворный совѣтникъ. 315.
Копцевъ, сержантъ. 274.
Копѣечкинъ, казакъ. 11, 12, 14, 16, 57, 58, 59.
Коробьинъ, депутатъ. 337.
Коровка, Антонъ. 145.
Коровка, Осипъ, раскольникъ. 132, 143, 144, 145, 148, 158.
Корсаковъ, И. Н. 296, 333.
Коршуновъ, Семенъ, капралъ. 170, 172.
Косоротовъ. 147.
Косовъ, Степанъ. 150, 151, 159, 194.
Котятовъ, Романъ, казакъ. 56, 92.
Кочуровъ, Алексѣй. 196, 216, 223, 239, 241, 247.
Кочуровъ, Козьма, казакъ. 185, 222, 223, 225.
Кочуровъ, Петръ. 196, 197, 239, 240, 241.
Краденовъ, Петръ, казакъ. 40, 41, 49, 67.
Краснощековъ, полковникъ. 142, 143.
Кремневъ, самозванецъ. 127, 368.
Кретинъ, см. Суетинъ.
Криворотовъ. 158.
Кроткова, помѣщица. 352.
Крыловъ, слѣдователь. 315.
Кузнецовъ, казакъ. 12.
Кулбаковъ, старшина. 114.
Куликовъ, Григорій, казакъ. 86.
Кунишниковъ, Сергѣй, казакъ. 181, 187, 188, 189, 196, 199, 200.
Куракинъ, А. Б. 325.
Курбетевъ, Андрей, казакъ. 92.
Кутейниковъ, полковникъ. 133.
Лабзеневъ, Андрей, казакъ. 72.
Лавровъ, помѣщикъ. 350.
Лазаревъ, солдатъ. 271.
Ланде, балетмейстеръ. 282.
Ланской, А. Д., графъ. 334.
Лаптевъ, солдатъ. 140.
Ларіонова, крестьянка. 339.
Ларшинъ, Алексѣй, казакъ. 42.
Латышевъ, губернаторъ. 278.
Лебедевъ, совѣтникъ. 315.
Левицкій, Стефанъ, ключарь. 271.
Легошинъ, Андрей, казакъ. 42, 53.
Лепехинъ, Якимъ, казакъ. 42.
Лефортъ. 333.
Лобановъ, Тимофѣй, барабанщикъ. 123.
Лобынинъ, Аѳанасій, атаманъ. 127, 128.
Логачевъ, Алексѣй, солдатъ. 147, 148, 149, 150.
Логиновъ, Иванъ, казакъ. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 42, 43, 54, 81, 84, 93.
Лопухинъ, Авраамъ, помѣщикъ. 335.
Лопухинъ, И. В. 274, 275, 322.
Лощилинъ, атаманъ. 128.
Лузинъ, содержатель арестантовъ. 163.
Лукинъ, И. Ѳ. 290.
Лукинъ, откупщикъ. 313.
Лукмановъ, казакъ. 238.
Луковкинъ, Абросимъ, старшина. 130.
Лутовиновъ, помѣщикъ. 307.
Лучинкинъ, казакъ. 107.
Лысовъ, Дмитрій, казакъ. 232, 233, 234.
Лятошевичъ, архіерей. 362.

Любинъ, Никифоръ, казакъ. 84.
Любинъ, сотникъ. 92.
Мавринъ, Савва, капитанъ. 2, 48, 57, 73, 93, 356.
Мазепа. 333.
Макаровъ, Михайло, старшина. 141.
Макарычевъ, казакъ. 94.
Максимовъ, подпоручикъ. 170.
Максимовъ, Сергѣй. 310.
Малаевъ, Сюзюкъ, татаринъ. 241.
Малаховъ, И., полиціймейстеръ. 316.
Мамыкинъ, солдатъ. 368.
Марковцевъ, Иванъ, казакъ. 247.
Марковцевъ, Максимъ, казакъ. 247.
Марковцевъ, Ѳедотъ, сотникъ 31.
Марусенокъ, казакъ. 107.
Марычевъ, поручикъ. 9.
Матросовъ, Симеонъ, казакъ. 52.
Масловъ, Алексѣй, генералъ. 314, 315.
Масловъ, депутатъ. 337.
Масловъ, капитанъ. 157.
Матюшкинъ, Д. М., графъ. 302.
Мацѣевичъ, Арсеній. 361.
Машлыкинъ, атаманъ. 116, 128.
Медемъ-де, генералъ. 32, 45, 338.
Меллина, графиня. 296.
Меллисино, генералъ. 296.
Мельгуновъ. 368.
Мельниковъ, маіоръ. 146, 147, 148.
Мензелинцевъ, Тимофѣй, сержантъ. 73.
Меншиковъ, князь. 333.
Мессельеръ, французъ. 276.
Мещерскій, М. В., князь. 352.
Мещерскій, П. В., князь. 296.
Мироновъ, старшина. 7.
Мирошихинъ, казакъ. 18.
Митрясовъ, Ѳедоръ, старшина. 7, 14, 15, 25, 26, 29, 40, 42, 47, 48, 49, 63, 65, 70, 84.
Михалинъ, Григорій, казакъ. 4.
Михайловъ, Павелъ, атаманъ. 135.
Михайловъ, писарь. 78.
Мищенко, Григорій, солдатъ. 166, 167, 168, 169, 172, 174.
Могутовъ, атаманъ. 13.
Молчановъ, начальникъ канцеляріи. 340.
Мордвиновъ, Ефимъ. 315.
Мордовцевъ, Д. 121.
Мостовщиковъ, старшина. 4, 14, 15, 29, 53, 78, 84, 103.
Мусатовъ, атаманъ. 37.
Мусатовъ, старшина. 4.
Мусатовъ, Филиппъ, есаулъ. 39.
Муселимъ, башкирскій старшина. 256, 259.
Мухановъ, поручикъ. 124.
Мушинскій, учитель. 274.
Мягзалдинъ, Абдула, см. Батырша.
Мясниковъ, Иванъ, заводчикъ. 271, 272, 355.
Мясниковъ, Тимофѣй, казакъ. 196, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 216, 218, 219, 220, 221, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 240, 241.
Мясоѣдовъ, воевода. 323.
Мясоѣдовъ, Сергѣй, депутатъ. 348.
Мѣшковъ, сержантъ. 93, 94.
Наврозовъ, Михаилъ, купецъ. 310.
Назаровъ, сибирскій воевода. 316.
Нарышкина, Е. Л. 297.
Нарышкинъ, Л. А. 294, 297, 300, 302.
Нарышкинъ, Н. Л. 297.
Нарышкинъ, С. К. 334.
Найденовъ, Ѳедоръ, казакъ. 42.
Неофитъ, игуменъ. 364.
Неймичъ, полковникъ. 387.
Никитинъ, капралъ. 271.
Новиковъ, Н. И. 285, 290, 296, 321, 325.
Новокрещеновъ, Романъ, премьеръ-маіоръ. 15, 16, 18, 19.
Новоселовъ, колодникъ. 165.
Ногай, Иванъ, воевода г. Уфы. 252.
Носовъ, Василій, крестьянинъ. 175. 176.
Недюжевъ, казакъ. 132.
Незеленый, А. 296.
Некрасовъ, атаманъ. 149.
Неплюевъ, генералъ, оренбургскій

губернаторъ, 257, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270.
Нероновъ, полковникъ. 85, 104.
Нечаевъ, Петръ, казакъ. 5, 7.
Нуръ-Али, киргизскій ханъ. 12, 89, 242.
Оболяевъ, Степанъ, пахотный солдатъ. 152, 153, 154, 158, 159, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 186, 187, 188, 191, 192, 193, 194, 195, 203.
Овчинниковъ, Андрей, казакъ. 231.
Овчинниковъ, Иванъ, казакъ. 49.
Окутинъ, депутатъ. 78.
Окутинъ, Иванъ, старшина. 5, 32, 57, 58, 84, 93, 211.
Опочининъ, генералъ. 112.
Орловъ, В., графъ. 293, 343.
Орловъ, Г. Г., графъ. 28, 52, 75, 76, 300.
Орловъ, И. Г., графъ. 53, 55, 75.
Осокинъ, заводчикъ. 355.
Остерманъ, графъ. 302, 322.
Павелъ Петровичъ, великій князь, наслѣдникъ. 84, 223, 287.
Павлихинъ, казакъ. 230.
Павлова, Федосья. 134, 135, 136.
Павловъ, Симонъ, казакъ. 134, 135, 136, 137, 138.
Панинъ, Н. И., графъ. 283, 286, 294, 300, 302.
Панинъ, П. И., графъ. 112, 132, 133, 147, 301, 303, 335, 358.
Пановъ, Андрей, казакъ. 4.
Панютина, дѣвица. 339.
Пассекъ, П. Б. 310.
Пахомій, епископъ. 362.
Персидскій, Андрей, старшина. 108.
Персидскій, Григорій, ротмистръ. 105, 106, 108.
Персидскій, Макаръ, атаманъ. 104, 105.
Персидскій, поручикъ. 108.
Персіановъ, Иванъ, казакъ. 153.
Перфиловъ, есаулъ. 115.
Перфильевъ, Аѳанасій, сотникъ. 78, 92, 93, 186.
Петровъ, сержантъ. 125.
Петровъ, Степанъ, священникъ. 340.
Петръ I, Императоръ. 75, 129, 211, 292, 333, 346, 366.
Петръ III, Императоръ. 104, 110, 118, 133, 145, 149, 155, 158, 172, 178, 181, 186, 192, 213, 214, 217, 221, 227, 239, 272, 333, 353, 367, 368.
Пименовъ, Романъ, старшина. 141.
Плишковъ, казакъ. 18.
Плотниковъ, Василій. 104, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 235, 236, 237, 241, 242.
Плотниковъ, Савелій, казакъ. 186, 187, 200.
Побѣдимовъ, Данила, казакъ. 231.
Побѣдоносцевъ, К. 330, 331.
Погадаевъ, Михайло, казакъ. 42, 76.
Погадаевъ, Петръ, казакъ. 25.
Подкаряшниковъ, Семенъ, казакъ. 42.
Поздѣевъ, О. А. 303.
Позняковъ, титулярный совѣтникъ. 170.
Полозовъ, полковникъ. 1, 18.
Поляковъ, старшина. 108.
Пономаревъ, казакъ, полковникъ 9, 48, 89, 90, 91, 93, 94, 95.
Поповъ, В. С. 311, 313.
Поповъ, Д. П. 274, 275.
Поповъ, Сысой, церковный староста. 63.
Порошинъ. 275, 284, 294, 302, 314.
Портновъ, казакъ. 94, 187.
Портновъ, Андрей, казакъ. 42.
Портновъ, Иванъ, сотникъ. 42, 43, 49, 57, 65, 89.
Портняшкинъ, сотникъ. 37.
Потаповъ, генералъ. 1, 13, 14, 15, 16, 17, 47, 306.
Потемкинъ, Владиміръ, ротмистръ. 315.
Потемкинъ, Павелъ, генералъ. 147.
Потемкинъ-Таврическій, князь. 33, 278, 285, 293, 295, 298, 300, 310, 333, 334.

Похвистнева, Екатерина, помѣщица. 305.
Почиталинъ, Иванъ, казакъ. 225, 236, 237, 241, 243, 244, 246, 247.
Почиталинъ, Яковъ. 186, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 235, 236, 237.
Прозоровскій, князь. 105.
Прозоръ, см. Трифоновъ.
Прокофьевъ, Феклистъ, крестьянинъ. 304.
Прокофьевъ, Яковъ, солдатъ. 109.
Простовъ, сотникъ. 94.
Протасова, фрейлина. 299.
Протопоповъ, сотскій. 159.
Пугачева, Аграфена. 133.
Пугачева, Софья. 132.
Пугачева, Христина. 133.
Пугачевъ, Емельянъ. 1, 92, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 230, 232, 234, 235, 237, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 272.
Пугачевъ, Трофимъ, 133.
Пустобаевъ, Петръ, казакъ. 86, 94.
Путиловъ, Иванъ. 315.
Пушкинъ, губернаторъ. 315.
Пьяновъ, Денисъ, казакъ. 154, 156, 157, 158, 159, 175, 178, 181, 182, 183, 220.
Пѣвчевъ, малороссіянинъ. 104, 119, 121, 122.
Разумовскій, К., графъ. 52, 293, 294, 334.
Рейнсдорпъ, генералъ. 41, 55, 59, 62, 63, 67, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 96, 103, 171, 172, 184, 185.
Репнинъ, Н. В., князь. 334.
Ржевскій, Василій, корнетъ. 310.
Ржевскій, капитанъ, поручикъ. 116, 117.
Ржевскій, М. В. 277.
Родіоновъ, Алексѣй. 148.
Романусъ, генералъ, 112.
Ромашевъ, фурьеръ. 125.
Ростиславовъ, Д. И., профессоръ. 363.
Ромодановскій, князь. 333.
Рошфоръ, графъ. 52.
Румянцовъ, П. А., графъ. 286. 343.
Рыбаковъ, Денисъ, солдатъ. 168, 169, 172.
Рычковъ, П. И., академикъ. 8, 253, 335.
Рѣшетниковъ, Ларіонъ, казакъ. 126.
Савельевъ, Степанъ, казакъ. 108, 109.
Салтыкова, Дарья. 282, 338, 339, 340, 341, 342.
Салтыковъ, Н. И., графъ. 295.
Самойловъ, генералъ-прокуроръ. 314.
Сандунова, актриса. 285.
Сапѣга, графъ. 310.
Сарычевъ, Григорій, старшина. 128, 129, 130.
Свіягинъ, Ѳедоръ, казакъ, 42.
Свѣчинъ, поручикъ, 101.
Свѣшниковъ, Симеонъ, сотникъ. 84.
Севрюгинъ, Тимофѣй, сотникъ. 31, 40, 46, 49.
Сегюръ, графъ. 276, 278, 296, 297.
Седухинъ, Иванъ, раскольникъ. 160.
Семевскій, В. И. 293, 334, 335, 336, 337, 342, 343, 351, 352, 353, 355, 358.
Семенниковъ, казакъ. 104, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132.
Семеновъ, Андрей, 110, 119, 120.
Сенгилевцевъ, Терентій, казакъ. 42, 72, 78, 90, 97.
Серати-де, поручикъ. 277.
Сергѣевъ, Дмитрій, казакъ. 42.
Сергѣевъ, есаулъ. 89.
Сергѣевъ, Петръ, казакъ. 42, 84.
Сергѣевъ, Дмитрій см. Лысовъ.

Серединцовъ, казакъ. 104, 121, 125, 126, 127, 128, 130.
Сиверсъ, графъ, губернаторъ. 305, 348.
Сигинъ, см. Пѣвчевъ.
Сидоровкинъ, Василій, казакъ. 231.
Сильвестръ, митрополитъ. 364.
Симоновъ, полковникъ. 103, 175, 181, 186, 224. 228, 239, 240, 243.
Скачковъ, Семенъ, казакъ. 17, 18.
Скоробогатая, казачка. 134.
Скоропадскій, 333.
Слѣповъ, атаманъ. 120.
Соколовъ, Михаилъ. 315.
Сокольскій, священникъ. 363.
Соловьевъ, С. М. 8, 271, 318, 328, 365, 367, 369.
Соловьевъ, Яковъ, казакъ. 127.
Сольмсъ, графъ, полковникъ. 314, 318.
Соульсъ, аптекарь. 353.
Стракайкинъ, Тимофѣй, казакъ. 197.
Стрекаловъ, статсъ-секретарь. 76.
Строгановъ, А. Н., баронъ. 334.
Строгановъ, А. С., 314, 334.
Строгановъ, Г. Н., баронъ. 334.
Строгановъ, графъ. 351.
Суворовъ, генералиссимусъ. 313.
Суетинъ, Матвѣй, дьякъ. 5, 6, 14, 15, 17, 18, 25, 26, 37, 38, 39, 40, 47, 48, 58, 64, 65, 66, 68, 70, 72, 74, 84.
Сулейманъ, старшина. 258.
Сумароковъ, А. 289.
Суринъ, маіоръ. 98.
Суходольскій, Павелъ. 315.
Сѣтчиковъ, казакъ. 40, 41.
Сѣтчиковъ, сотникъ. 37, 39, 90.
Сѣченовъ, Дмитрій, митрополитъ. 253, 254, 361, 364.
Съѣдинъ, Григорій, сержантъ. 306, 325.
Тамбовцецъ, Алексѣй. 40.
Тамбовцевъ, Василій, казакъ. 24, 152.
Тамбовцевъ, Иванъ, старшина. 70.
Тамбовцевъ, Петръ, атаманъ. 1, 25, 29, 30, 31, 35, 37, 39, 41, 42, 46, 49, 51, 53, 60, 64, 70, 74, 81, 84, 92, 152, 184.
Тамбовцевъ, Симеонъ, сотникъ. 68, 102.
Татаринцовъ, Павелъ, атаманъ. 139.
Твердышевъ, Иванъ, заводчикъ. 271, 272, 281, 353, 355.
Тевкелевъ, Алексѣй, генералъ. 255, 257, 264.
Тепловъ, статсъ-секретарь. 295.
Терскій, Иванъ, прапорщикъ. 107.
Терскій, судья. 314.
Тиминъ, казакъ. 243.
Титовъ, казакъ. 107, 109.
Титовъ, маіоръ. 124.
Толкачевъ, казакъ. 154.
Толкачевъ, Михаилъ, казакъ. 244.
Толкачевъ, Петръ, казакъ. 244.
Толкачевъ, Прокофій, казакъ. 56.
Толкачевъ, Степанъ, казакъ. 42.
Толстой, П. А. 333.
Томашевскій, Андрей, лекарь. 148.
Тотлебенъ, графъ. 34.
Траубенбергъ, генералъ. 46, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 81, 83, 84, 92, 181, 183, 184.
Третьяковъ, Герасимъ, ямщикъ. 166.
Трифоновъ, судья. 78.
Трифоновъ, Василій, войсковой судья. 72, 84, 90, 91, 92, 96, 97, 101.
Трубецкой, князь. 14.
Трубецкой, Д. Ю., князь. 334.
Трубецкой, Н. Ю., князь. 325.
Туркинъ, астраханскій купецъ. 11.
Турыбаринъ, казакъ. 94.
Тютчевъ, Ѳ., поручикъ. 305, 325.
Тютчевъ, Николай. 339.
Углецкій, есаулъ. 14.
Углецкій, полковникъ. 83, 84, 85, 87, 93.
Ульяновъ, старшина. 10, 11, 12, 89, 90, 91, 94, 182, 183.
Ураковъ, князь, поручикъ. 42.
Урусовъ, князь, генералъ. 253.
Усъ, Михаилъ, казакъ. 63.
Ушаковъ. 291.
Ушаковъ, подполковникъ. 8, 9.
Филаретъ, раскольникъ. 148, 149, 150, 151, 158, 159, 160, 161, 162, 173.

Филатовъ, прапорщикъ. 97.
Филимоновъ, Кириллъ, старшина. 49, 93.
Филиповъ, Семенъ. 151, 152, 153, 154, 158, 159.
Фліоринскій, К., сѣвскій архіерей. 279, 360.
Фофановъ, Иванъ, казакъ. 187.
Фофановъ, Козьма, казакъ. 231, 232, 233, 234, 235, 236.
Фрейманъ, генералъ. 77, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 153, 226, 229, 242.
Харчовъ, Иванъ, казакъ. 197, 198, 207, 215, 222, 223, 224, 228, 231.
Хвостовъ, В. С. 276, 281, 282.
Хлѣбниковъ, П. откупщикъ. 316.
Хлѣбниковъ, саратовскій купецъ. 106.
Хомутовъ, солдатъ. 271.
Хорватъ, Д. И. 296.
Храповицкій, статсъ - секретарь. 291, 313, 321.
Хрущевъ, оберъ-секретарь. 270.
Худяковъ, Лукьянъ, казакъ. 141, 142.
Циплетевъ, полковникъ. 109, 124, 131.
Чалусовъ, Иванъ, казакъ. 42.
Чапановъ, Андрей. 78.
Чаповъ, Петръ, казакъ. 222.
Чебаковъ, Иванъ, казакъ. 187, 199.
Чеботаревъ, Иванъ, сотникъ 89.
Чебышевъ, капитанъ. 1, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 43.
Чемевъ, Емельянъ, казакъ. 42.
Черепановъ, казакъ. 158.
Череповъ, генералъ. 1, 18, 19, 20, 35, 62, 84, 112, 113, 114, 115, 116.
Черкасскій, А. М., князь. 333.
Чернозубовъ, старшина. 125, 126, 127, 128, 130.
Черноморскій, казакъ. 10.
Чернышева, Е. А., графиня. 334.
Чернышевъ. З. Г., графъ. 20, 21, 32, 33, 43, 44, 50, 51, 52, 56, 75, 76, 104, 118, 123, 125, 130, 132, 171.
Чернышевъ, И. Г., графъ. 355.
Чернышевъ, самозванецъ. 368.
Чертороговъ, Петръ, казакъ. 40.
Чиганахаевъ, Савелій, казакъ. 59.
Чижевъ, Емельянъ, казакъ. 38.
Чижъ, ординарецъ. 315.
Чика. См. Зарубинъ.
Чилѣевъ, Степанъ, маіоръ. 305.
Чиповъ, Андрей, походный атаманъ. 97.
Чичеринъ, сибирскій губернаторъ. 386.
Чумаковъ, казакъ. 38.
Чупровъ, крестьянинъ, депутатъ. 335.
Чучковъ, Аѳанасій, крестьянинъ. 175, 176, 177, 181, 190, 191, 192, 193, 195, 201, 202, 203, 206, 209, 210, 211, 216.
Шаварновскій, Романъ, казакъ. 212, 213, 214, 216, 241.
Шапошниковъ, Логинъ, казакъ. 41.
Шапнъ, аббатъ. 285, 358.
Шаринъ, казакъ. 187.
Шаховской, Б. Г., князь. 334.
Шаховской, князь, генералъ-прокуроръ. 312.
Шедруновскій, Петръ, солдатъ. 123.
Шеинъ. 333.
Шекуровъ, Василій, коллежскій совѣтникъ. 316.
Шереметевъ. 333.
Шереметевъ, Б. П., графъ. 52, 75.
Шереметевъ, П. Б., графъ. 293, 296, 334.
Шешковскій, оберъ-секретарь. 132.
Шешуковъ, Иванъ, казакъ. 40, 41.
Шигаевъ, Максимъ, казакъ. 63, 64, 65, 68, 69, 70, 76, 77, 104, 182, 186, 187, 196, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 215, 216, 220, 225, 226, 232,
Шкапскій, капитанъ. 265.
Шомберъ, генералъ. 300, 301.
Шуваловъ, Петръ, графъ. 285, 312, 313, 325.
Щебальскій, П. К. 139, 146.
Щербатовъ, князь. 285, 313, 314, 344 354.
Щолоковъ, Василій, купецъ. 105, 160, 161, 162, 163.

Эллертъ, содержатель пансіона. 273.
Энгельгардтъ, Л. Н. 273, 287, 310, 314, 328.
Юдинъ, старшина. 112, 118.
Юлай, башкирецъ. 272.
Ягановъ, Иванъ, казакъ. 53.
Якоби, генералъ-губернаторъ. 325.
Яковлевичева, Ѳедора. 88.
Яковлевъ, Елисей, казакъ. 133.
Янченковъ, Яковъ, казакъ. 114, 116.
Янышъ, мещерякскій старшина. 266, 267, 268.
Ѳаддеевъ, Ѳедотъ, смотритель. 159.
Ѳалѣевъ, подрядчикъ. 313.
Ѳедоровъ, Дмитрій, протопопъ. 66, 73.
Ѳедоровъ, дьячокъ. 272.
Ѳедоровъ, Митрофанъ, выборный. 159.
Ѳедоровъ, Осипъ, казакъ. 14, 15.
Ѳедоровъ, священникъ. 272.
Ѳедотовъ, Евдокимъ, крестьянинъ. 175.
Ѳедотовъ, Михайло, старшина. 140, 141.
Ѳедотовъ, Кононъ, казакъ. 121, 126.
Ѳоминъ, Трофимъ, станичный атаманъ. 133.
Ѳомичихинъ, Савелій, казакъ. 69, 78, 84.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
53	31	Воровщиковъ	Выровщиковъ
124	»	Цыплетевъ	Циплетевъ
180	9	наутро	на утро

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ПУГАЧЕВ И ЕГО СООБЩНИКИ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

1773

Annotation

Н.Ф. Дубровин – историк, академик, генерал. Он занимает особое место среди военных историков второй половины XIX века. По существу, он не примкнул ни к одному из течений, определившихся в военно-исторической науке того времени. Круг интересов ученого был весьма обширен. Данный исторический труд автора рассказывает о событиях, произошедших в России в 1773–1774 годах и известных нам под названием «Пугачевщина». Дубровин изучил колоссальное количество материалов, хранящихся в архивах Петербурга и Москвы, и документы из частных архивов. Для восполнения недостатка информации и полной характеристики событий и хода восстания, автор использовал неизданные документы и, конечно, следственное дело над Пугачевым и его сообщниками. Изначально труд был издан в трех томах, но для удобства читателей информация поделена на две книги, условно разделенные на 1773 и 1774 годы. Том первый, 1773 год.

- Николай Дубровин
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9

    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88

- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124

- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160

- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196

- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232

- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268

- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304

- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340

- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376

- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412

- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448

- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484

- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520

- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556

- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587
- 588
- 589
- 590
- 591
- 592

- 593
- 594
- 595
- 596
- 597
- 598
- 599
- 600
- 601
- 602
- 603
- 604
- 605
- 606
- 607
- 608
- 609
- 610
- 611
- 612
- 613
- 614
- 615
- 616
- 617
- 618
- 619
- 620
- 621
- 622
- 623
- 624
- 625
- 626
- 627
- 628

- 629
- 630
- 631
- 632
- 633
- 634
- 635
- 636
- 637
- 638
- 639
- 640
- 641
- 642
- 643
- 644
- 645
- 646
- 647
- 648
- 649
- 650
- 651
- 652
- 653
- 654
- 655
- 656
- 657
- 658
- 659
- 660
- 661
- 662
- 663
- 664

- 665
- 666
- 667
- 668
- 669
- 670
- 671
- 672
- 673
- 674
- 675
- 676
- 677
- 678
- 679
- 680
- 681
- 682
- 683
- 684
- 685
- 686
- 687
- 688
- 689
- 690
- 691
- 692
- 693
- 694
- 695
- 696
- 697
- 698
- 699
- 700

- 701
- 702
- 703
- 704
- 705
- 706
- 707
- 708
- 709
- 710
- 711
- 712
- 713
- 714
- 715
- 716
- 717
- 718
- 719
- 720
- 721
- 722
- 723
- 724
- 725
- 726
- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734
- 735
- 736

- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746
- 747
- 748
- 749
- 750
- 751
- 752
- 753
- 754
- 755
- 756
- 757
- 758
- 759
- 760
- 761
- 762
- 763
- 764
- 765
- 766
- 767
- 768
- 769
- 770
- 771
- 772

- 773
- 774
- 775
- 776
- 777
- 778
- 779
- 780
- 781
- 782
- 783
- 784
- 785
- 786
- 787
- 788
- 789
- 790
- 791
- 792
- 793
- 794
- 795
- 796
- 797
- 798
- 799
- 800
- 801
- 802
- 803
- 804
- 805
- 806
- 807
- 808

- 809
- 810
- 811
- 812
- 813
- 814
- 815
- 816
- 817
- 818
- 819
- 820
- 821
- 822
- 823
- 824
- 825
- 826
- 827
- 828
- 829
- 830
- 831
- 832
- 833
- 834
- 835
- 836
- 837
- 838
- 839
- 840
- 841
- 842
- 843
- 844

- 845
- 846
- 847
- 848
- 849
- 850
- 851
- 852
- 853
- 854
- 855
- 856
- 857
- 858
- 859
- 860
- 861
- 862
- 863
- 864
- 865
- 866
- 867
- 868
- 869
- 870
- 871
- 872
- 873
- 874
- 875
- 876
- 877
- 878
- 879
- 880

- 881
- 882
- 883
- 884
- 885
- 886
- 887
- 888
- 889
- 890
- 891
- 892
- 893
- 894
- 895
- 896
- 897
- 898
- 899
- 900
- 901
- 902
- 903
- 904
- 905
- 906
- 907
- 908
- 909
- 910
- 911
- 912
- 913
- 914
- 915
- 916

- 917
- 918
- 919
- 920
- 921
- 922
- 923
- 924
- 925
- 926
- 927
- 928
- 929
- 930
- 931
- 932
- 933
- 934
- 935
- 936
- 937
- 938
- 939
- 940
- 941
- 942
- 943
- 944
- 945
- 946

Николай Дубровин
Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. Том 1. 1773 год

Правило неоспоримое, что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, а особливо от поставленных над ними начальников и правителей: но нельзя инаково сего достигнуть, как только добрым учреждением внутренних распорядков и всех государственных и судебных правительств.

Манифест 15 декабря 1763 г.[1]

По неизданным источникам

Предисловие

События, произошедшие внутри России в 1773–1774 годах и известные под названием «Пугачевщины», имеют весьма обширную литературу. Над изучением этой эпохи трудились многие лица: одни писали самостоятельные исследования, другие же сообщали материалы, извлеченные не только из столичных, но из губернских и областных архивов. Хотя большинство этих материалов разбросано по периодическим изданиям и газетам, преимущественно губернским, тем не менее исследователь всегда найдет возможность пользоваться ими, в особенности при указании, где и какого рода материалы он может найти.

Во многих статьях встречаются неточности и ошибки. Несмотря на обилие печатного материала, в нем недостает, однако же, весьма многого для полной характеристики событий и хода восстания. Эти пробелы пополняются документами еще неизданными, и, конечно, всего более следственным делом над Пугачевым и его сообщниками, делом весьма обширным и до сих пор недоступным для большинства исследователей. Получивши разрешение пользоваться этим делом, я старался, сверх того, собрать и другие сведения, относящиеся к Пугачевскому бунту, хранящиеся почти во всех архивах Петербурга и Москвы. При этом не могу не принести моей глубочайшей благодарности лицам, содействовавшим мне в собирании материалов: академикам Я.К. Гроту и А.Ф. Бычкову, сообщившим несколько документов из частных архивов; начальникам архивов Министерства иностранных дел: Московского – барону Ф.А. Бюллеру и Петербургского – барону Д.Ф. Стюарту, также Н.А. Гюббенету и И.Я. Морошкину; начальнику Сенатского

архива П.И. Баранову, Синодального – Н.И. Григоровичу; архива

Главного штаба – Л.Г. Иванову и военно-ученого – И.И. Ореусу. Не могу умолчать о том радушии и содействии, которые я встречал со стороны лиц, служащих в Императорской публичной и академической библиотеках: В.П. и Б.П. Ламбиных, А.А. Невельского и С.О. Балтармайки, которых я весьма часто беспокоил своими справками и требованиями. С чувством глубочайшей благодарности я вспоминаю о покойном начальнике Московского архива Главного штаба Г.Н. Александрове, всегда подававшем руку помощи при разысканиях в архиве, ему близко и хорошо известном. Он не только указывал на дела, в которых могли быть отыскиваемые сведения, но сам рылся в бумагах, снимал с них копии и спрашивал, не нужны ли документы хотя и не относящиеся прямо, но могущие иметь значение в изучаемом событии. Все это он делал безвозмездно, из одной любви к науке, при плохом зрении и удрученный тяжкими болезнями.

Только при обязательном содействии вышеупомянутых лиц я мог изложить события в том виде, в котором они являются в настоящем труде.

Глава 1

Несогласия в Яицком войске. – Разделение казаков на две партии. – Назначение следственной комиссии. – Генералы Брахвельд и Потапов. – Полковник Полозов. – Генерал Черепов. – Прибытие депутатов Яицкого войска в Москву. – Взгляд императрицы на несогласия среди яицких казаков. – Командирование на Яик капитана Чебышева. – Его деятельность. – Атаман Тамбовцев. – Формирование легионов. – Отказ казаков назначить команду в состав легиона. – Прибытие депутатов в Петербург. – Их просьбы и решения императрицы. – Отправление на Яик капитана Дурново и генерала Давыдова.

В начале 1767 года прибыли в Москву, где в то время находилась императрица, депутаты от Яицкого (ныне Уральского) войска: казаки Петр Герасимов и Иван Бочкарев с товарищами. Они уполномочены были ходатайствовать о принятии правительством мер к прекращению несогласий, возникших в войске от злоупотреблений их атамана и старшин.

Несогласия эти существовали с давних пор[2], но особенно усилились с того времени, когда в 1752 году Яицкое войско взяло на откуп рыбные промыслы по всему течению реки Яика (Урала), не исключая прибрежья Каспийского моря, и когда оно приняло на себя сбор с таможен, с вина и тот доход, который получало правительство от продажи соленой рыбы.

Обязавшись платить в казну ежегодно 10 450 руб. $63^{5}/_{6}$ коп. откупной суммы, войско на первый раз поручило сбор этих денег своему атаману Андрею

Бородину, с тем чтобы он, по окончании года, дал отчет, выгодно ли будет и впредь войску содержать этот сбор?

Откупная сумма собиралась обыкновенно после каждой *плавни*, или рыбной ловли. Таких плавней в году было три: первая, *севрюжья*[3], начинавшаяся весной, вскоре после Святой недели, вторая, недели за две до Петрова дня[4], и третья, *зимняя*, в январе месяце, когда ловят рыбу баграми в прорубях[5].

Размер платы с пойманной рыбы производился по назначению атамана и бывал различный. По свидетельству казаков, со всех трех плавней собиралось в год более шестнадцати тысяч рублей, не считая доходов с вина и соляного сбора.

Пользуясь безграмотностью большинства, атаман Андрей Бородин употребил во зло доверие войска и в течение трех лет не только не отдавал отчета в собранной сумме, но удерживал у казаков жалованье, уверяя их, что сбора недостаточно для уплаты в казну откупной суммы. Если же «некоторые из казаков напоминали Бородину об отчете, то он многих наказывал за то плетьми, яко озорников и людей мятежных»[6].

«Управляющие народом власти, – читаем мы в современной записке[7], – желая себя обогатить, не токмо общественную сумму расхищали, но и вновь, под видом народных общих нужд, неумеренные и необыкновенные на народ поборы налагали. Лихоимство же и бедным притеснение, тех властей обыкновенное было упражнение, для того что их власть, не имея никаких законов, так безызвестна, что не токмо народ, но и сам начальник границ ее не знает.

Сие все народ терпел, покуда ум властей народную глупость затмевал обманами, но как скоро сыскался человек те обманы ясно и очевидно народу истолковать,

то они того своего благодетеля и выбрали себе предводителем и защитником».

Таким лицом явился казак Иван Логинов, сначала также желавший обогатиться на чужой счет.

Будучи атаманом в Сакмарском городке, Логинов по своей просьбе был уволен от этой должности и, прибыв в Яицкий городок, просил войскового атамана Бородина и бывших в войсковой канцелярии старшин принять его в товарищество по сбору денег, хорошо понимая, что дело это весьма выгодно для сборщиков. Под предлогом того, что Логинов не имел старшинского звания, Бородин отказал ему. Логинов обиделся, так как считал себя старше и «честнее атамана Бородина», потому что был старшинский сын и природный яицкий казак, а отец Бородина выходец и «барский человек». К тому же Бородин был назначен атаманом по распоряжению Военной коллегии, а не выбран казаками, по их обычаю, и, будучи произведен в подполковники, получил старшинство пред всеми. Такое возвышение Бородина вызвало к нему нерасположение населения, тем более что атаман кичился своим чином и считал себя вправе не соблюдать обычаев казаков и не отдавать в своих действиях отчета войску.

Логинов указывал казакам на злоупотребления войсковой канцелярии в расходовании сумм и порицал действия атамана, говоря, что он определяет в старшины только своих родственников. Бородин запретил Логинову ходить в казачьи круги, называл его дураком и донес Военной коллегии, что Логинов не только в кругах, но и в войсковой канцелярии «его, атамана, и старшин всякими непристойностями поносит, злословит и лучше себя никого не поставляет»[8].

Узнав об этом донесении, Логинов просил уволить его в Петербург, но атаман отказал, и тогда он ушел в Калмыцкую орду, к ханскому наместнику, бывшему в большой дружбе с его отцом. Там он выхлопотал себе у

хана рекомендательное письмо, с которым и отправился в столицу.

Явившись в Военную коллегию, Логинов рассказал обо всех злоупотреблениях атамана и настолько успел расположить к себе лиц, присутствовавших в коллегии, что был произведен в старшины и назначен членом в войсковую канцелярию. «Хотя-де, говорилось в грамоте Яицкому войску[9], о производимых от них друг на друга жалобах, надлежало произвести следствие, но как коллегия не иное что усматривает только одно несогласие, того для велено его, Логинова, ко исправлению дел с прочими старшинами допустить, а чтоб он был у атамана в надлежащем послушании – в том обязать подпиской».

С этой грамотой Логинов отправился на Яик, но атаман Бородин и его сотрудники, старшины Мостовщиков и Мусатов, все-таки не приняли в товарищество, ссылаясь на то, что Логинов, будучи летами моложе их, как пожалованный указом коллегии, взял бы у них старшинство. Озлобленный новым отказом, Логинов решился стать во главе народной партии и объявить войску, что старшины и атаман ведут дело нечисто и потому не хотят принять его в товарищество по сбору войсковых денег. Привести в исполнение такое решение ему было тем удобнее, что войско находилось на плавне, и, следовательно, как раз наступало то время, когда казакам приходилось платить за пойманную рыбу. Логинов отправил на плавню двух казаков, Андрея Панова и Григория Михалина, с уведомлением, что указом Военной коллегии он пожалован старшиной и в присутствие в войсковую канцелярию товарищем к атаману Бородину, но он его не принимает. При этом Логинов поручил посланным объявить войску, что когда оно будет возвращаться с плавни в город, то не платило бы обыкновенных с подвод сборов, потому что деньги эти атаманом

Бородиным собираются напрасно, и пусть войско потребует от него отчета в прежних сборах, от которых должно быть в остатке много денег.

– Я во всем этом деле буду вам помощник, – говорил Логинов, – надейтесь на меня, и я избавлю вас от несправедливого сбора.

Войско готово было перейти на сторону Логинова, но при возвращении с плавни оно, как и всегда было, остановилось в Кичиговой Луке, верстах в семи или восьми от города. Здесь, по обычаю, казаки собрались в круг для того, чтоб уведомить правителей-старшин о приближении своем к городу и выждать оттуда приказа атамана, по сколько с каждой подводы положено будет сбора. Сюда же приехал Логинов и, войдя в круг, уверял казаков, что платить с подвод им не следует.

– Платеж этот, – говорил он, – положен от старшин напрасно; каждый год сбор этот от них бывает, а отчета в том, куда девают деньги, они не дают.

Случившийся тут сторонник Бородина, старшина Иван Окутин, уверял казаков, что они должны платить по-прежнему, а Логинов уговаривал их не платить ни копейки.

– Я указный войсковой старшина[10], – говорил Логинов Окутину, показывая бумагу, – меня Военная коллегия пожаловала в сей чин, и потому я тебя старше.

Между спорившими произошла ссора, и каждый уверял другого, что он его лучше и честнее[11]. На другой день приехал в Кичигову Луку войсковой дьяк Матвей Суетин, посланный атаманом Бородиным объявить размер платы с каждой подводы. Опять поднялся спор между им и Логиновым, утверждавшим, что платить не следует.

– Дайте отчет в старых сборах, – говорил Логинов дьяку Суетину, – и, если из них никакого остатка нет и вся сумма в расходе, тогда можно взять у всякого дома из окошка и безо всякого спора. А если прежних сборов

еще много в остатке и лежат они безо всякого употребления, тогда сбор этот будет лишний; а как он тягостен войску, то платить его и не следует.

Суетин и Окутин настаивали, чтобы сбор был произведен по-прежнему.

– Не платите ни полушки, – говорил Логинов, обращаясь к казакам, – Бородин один заплатит. Он собрал с войска много лишних поборов и положил их себе в карман, оттого и отчета войску не дает.

Казаки объявили Суетину, что платить пошлины не будут до тех пор, пока атаман со старшинами не даст во всех сборах отчета. Суетин отправился в городок, а вслед за ним поехал Логинов, и двинулось войско к Наганскому мосту, у которого обыкновенно бывал сбор денег. У моста казаки встречены были атаманом Бородиным со всеми старшинами и поверенными сборщиками. Будучи уведомлен Суетиным, что войско отказывается платить пошлину, Бородин пригласил с собой священников в качестве свидетелей и, собрав круг, объявил казакам, что сбор обыкновенный непременно заплатить надобно. Казаки отказывались.

– Если не заплатите, – сказал Бородин, – то через мост не пущу.

– Напрасно, Андрей Никитич, – заметил на это Логинов, – вы сбор налагаете…

– Ты, Иван Иванович, – перебил его Бородин, – всему этому причиной, и ты все это делаешь.

– Не я один об этом говорю и не я один спорю, а желает того войско: вот они, спросите их сами.

Казаки зашумели; в толпе поднялся говор.

– Мы вас, Андрей Никитич, все об этом просим, – слышались голоса из толпы, – не отягощайте нас побором и пожалуйте отчет в прежних доходах. Мы все у вас в команде: когда доведется недостаток, так в те поры разложите, и мы заплатим все.

– Вот изволите слышать, – подхватил Логинов, – и я с ними вас о том же прошу.

Бородин настаивал на своем и, отъехав к мосту, грозил не пустить через него ни одной подводы, пока не будет уплачена пошлина.

– Мы платить не будем, – кричали казаки, – пускай заплатят атаман и старшины, а потом дадут отчет с тех пор, как взяли на откуп учуг (рыбную ловлю) и соляной сбор.

– Я платить за войско не должен, – отвечал Бородин, – да и отчета ни в чем не дам. Войску до этого дела нет; ведь мы, старшины, стараемся об откупе.

Видя, что атаман не уступает, Логинов стал отбирать подписку, что никто пошлины платить не будет. Подписной лист быстро покрывался фамилиями: грамотные подписывались сами, а неграмотные просили товарищей; почти все войско оказалось на стороне Логинова.

– Андрей Никитич, – говорил старшина Миронов, подъехав к атаману, – все казаки согласились с Логиновым и подписываются, чтобы поборов не платить и состоять с ним в единомыслии.

– Ну, делайте что хотите, – отвечал Бородин, махнув рукой, и поехал через мост в городок.

За ним двинулись атаманский и старшинский обозы, не платя ничего в сундуки.

– Если атаманский и старшинский обозы поехали без платы, так и мы поедем, – кричали казаки.

Бросив подписку, войско отправилось в городок; пошлины не были уплачены, и среди казаков начался раздор[12]. Войско разделилось на две части, получившие каждая свое название: меньшая партия казаков, державшая сторону старшин, называлась *старшинской*, или *послушной*, а все остальные казаки, приверженцы Логинова, назывались *войсковыми*, или *непослушными*.

Бородин жаловался на непослушных казаков Военной коллегии и писал, что они бунтуют. Он говорил, что причиной тому Логинов, «который нимало себя не смиряет и со старшинами везде ссорится», а на последних выборах «необычайно с рундука соскочил, бегал и от казаков руки отбирал, чтоб ехать, но для чего и куда, – неизвестно».

С своей стороны, старшины Логинов и Митрясов в прошении, подписанном многими казаками, доносили коллегии, что Бородин не дает им старшинства, не исполняет указов Военной коллегии, посылает в зимовые станицы одних и тех же казаков и обирает войсковую казну. «По приказу помянутого атамана Бородина, – писали Логинов с товарищами [13], – Яицкому войску чинятся разные излишние денежные сборы, а сверх того, и имеющийся в Яицком войске соляной сбор, с коего-де получается в год прибыли до 20 000 рублей, он, Бородин, со своими согласниками четвертый уже год содержит в своем ведении и те прибыльные деньги употребляет в свою пользу».

Получив в одно и то же время две совершенно разноречивые жалобы, Военная коллегия 19 марта 1762 года постановила: «Для справедливейшего исследования всего того и обиженным удовольствия учредить при том войске особую комиссию», председателем которой был назначен генерал-майор Брахвельд, и в помощь ему даны: подполковник Ушаков, капитан Киреевский и за аудитора прапорщик Иглеин[14]. Брахвельду приказано было строжайше исследовать по всем пунктам жалоб и «производить каждую материю особо, дабы одно с другим смешано не было».

Следственная комиссия не доехала еще до Яицкого городка, когда в Петербурге получено было известие, что междоусобная вражда между казаками разгорается все более и более и что обе стороны смотрят друг на

друга, как на личных врагов. Ставший во главе войсковой партии старшина Логинов зорко следил за всеми поступками Бородина и его товарищей. Называя атамана вором и все приговоры войсковой канцелярии воровскими, Логинов советовал казакам быть очень осторожными и не давать своего согласия на те распоряжения атамана, которые он считал подозрительными. Когда войсковая канцелярия составила ордер о сборе откупной суммы за Гурьевские учуги, то Логинов запретил казакам слушать этот ордер в войсковом кругу.

Бородин снова жаловался Военной коллегии на противодействие ему Логинова и обвинял его в краже у поручика Марычева лошадей, а казаки жаловались на злоупотребления атамана и просили взять в следственную комиссию все приговоры войсковой канцелярии и рассмотреть их.

Военная коллегия оба эти прошения 12 ноября 1762 года отправила к генерал-майору Брахвельду с приказанием исследовать в скорейшем времени и «буде по следствию кто окажется хотя мало подозрительным, оного тотчас, как от команды, так и от присутствия в войсковой канцелярии отрешить».

Между тем атаман Бородин употреблял все средства к тому, чтобы склонить на свою сторону членов комиссии. Он построил для Брахвельда конюшни, собрал с казаков в пользу генерала рыбу и икру и приказал с каждого десятка доставить для Брахвельда и капитана Киреевского по три воза сена. Угощая и подкупая в свою пользу членов комиссии, атаман не мог справиться только с подполковником Ушаковым, который держал себя в стороне, не ходил к Бородину в гости и не соглашался ни на какую взятку. Поведение Ушакова было причиной, что Брахвельд не мог скрыть всех злоупотреблений, но старался представить их в самом слабом виде. Он донес, что все беспорядки на Лике

происходят главнейшим образом от «одного друг против друга властолюбия», от необузданной вольности, ведущей к тому, что каждый рядовой казак желает, чтобы делать так, как ему хочется и как выгоднее[15]. Брахвельд писал, что Бородин действительно взял из войсковой суммы 1900 руб. и отдал их своему сыну Федору Бородину и старшине Максиму Пономареву; что комиссия «не безсумнения состоит» в излишнем сборе атаманом за Гурьевские учуги и в употреблении тех денег «якобы на войсковые нужды». «Но, спрашивал Брахвельд[16], как из состоящих в войске Яицком старшин за способного никого не обретается, а которые и есть, те могут, по производящемуся следствию и по счетам, до отрешения дойти, почему в случае отрешения того атамана, кому войско поручить?» Военная коллегия приказала[17], в случае открытия злоупотреблений Бородина, непременно его сменить, и если некого будет выбрать атаманом, то потребовать из Оренбурга исправного и надежного штаб-офицера и дать ему в помощь от Яицкого войска двух человек достойных старшин. Такое распоряжение должно было показаться обидным казакам и вызвать новые беспорядки, а потому Сенат не одобрил распоряжения Военной коллегии и предписал в выборе нового атамана предоставить войску поступать по данным ему грамотам и указам.

Распоряжения эти не были приведены в исполнение. Генерал-майор Брахвельд затягивал дело и явно склонялся на сторону атамана. Он не дозволил Логинову ходить в казачьи круги и устранил его от присутствия в войсковой канцелярии, а Бородину запретил только штрафовать и наказывать казаков, но не отрешил его от должности. Производя следствие, Брахвельд часто в присутствии шептался с атаманом, заставлял казаков подписывать свои показания, не давая им прочесть их, а потому подписавшие были уверены, «что не все в тех допросах казачьи речи вписывались». Прапорщик

Иглеин часто совещался со старшинами и не скрывал от них показаний казаков. Столь пристрастное ведение дела заставило поверенных от войска, старшину Ульянова и казака Черноморского с товарищи, отказаться от участвования в комиссии, и следствие по необходимости было приостановлено. Бородин по-прежнему злоупотреблял своей властью, и Логинов, видя бездействие комиссии, решился сам ограничить власть атамана. Поставив свой сундук в соляной конторе, он стал собирать деньги за соленую рыбу и икру. Казаки несли пошлины к Логинову, а не к атаману и решили отправить депутатов в Петербург. Собрав с каждого человека по 30 коп., они послали в столицу казаков Ульянова и Копеечкина с прошением, в котором изложены были главнейшие пункты злоупотреблений атамана и под которым подписались 2800 человек.

Войско обвиняло Бородина: 1) в удержании за два года пороха и свинца; 2) в невыдаче денежного и хлебного жалованья; 3) в определении в войско сверх положенного числа старшин своих родственников; 4) в дозволении участвовать в рыболовстве таким лицам, которые в казачью службу не употребляются; 5) в излишних денежных сборах[18]; 6) в отдаче сызранским купцам, без общего согласия, на откуп кабаков; 7) в невзыскании по указу Камер-коллегии с астраханского купца Туркина за содержание в войсковых дачах рыбных ватаг 4000 руб., коим срок давно уже прошел; 8) в собрании «наглостью своей» с казаков, бывших в командировке, 4000 руб.[19], из коих в 3000 руб. признался, но платежа не учинил, и не признался в тех деньгах, которые взял с казаков, бывших в Гурьевском городке; 9) в непорядочной ловле рыбы в зимние месяцы, под видом отправления к высочайшему двору, в разбивании лучших ятовей и в употреблении той рыбы в свою пользу; 10) в том, что родственники атамана в зимнее время берут для рыболовства не служащих в

казачьей службе людей и Бородин раздаст им свои ярлыки с печатями на право рыбной ловли.

В заключение своей челобитной казаки просили дозволить им от каждых ста человек выбрать поверенных таких, которые хорошо знают «существо дела», допустить Логинова к присутствованию в войсковой канцелярии и назначить его депутатом в следственную комиссию; Бородина отрешить ото всех дел и на место его определить наказным атаманом надежного человека по выбору самих казаков. Вместе с тем войско ходатайствовало и о смене генерал-майора Брахвельда и всех членов комиссии и о присылке новых лиц, *обязуясь указать последним, в чем именно подозрительными находятся* Брахвельд, капитан Киреевский и прапорщик Иглеин.

В феврале 1763 года Ульянов и Копеечкин прибыли в Москву и 13-го числа были введены в присутствие Военной коллегии, где изложили все злоупотребления Бородина и членов следственной комиссии. Они говорили, что комиссия явно покровительствует атаману и старшинам, что она не приступала к поверке приходо-расходных книг и не брала их у атамана; что когда казак Кузнецов подал донесение о растрате Бородиным пороха и свинца и просил освидетельствовать запасы, то Брахвельд возвратил ему бумагу безо всякого ответа и не сделал никакого распоряжения. Ульянов и Копеечкин убедительно просили защитить казаков и удовлетворить их просьбам, изложенным в прошении.

Одновременно с этим получено было прошение киргиз-кайсацкого Нуралы-хана, жаловавшегося, что Бородин притесняет его подвластных и причиняет им разорения. Императрица написала на прошении хана: «Если впрямь оный атаман беспокойный человек, то лучше бы было его сменить» – и передала это дело на рассмотрение Военной коллегии.

Последняя не признала возможным допустить Логинова к присутствованию в следственной комиссии и не дозволила выбрать от каждой сотни двух человек депутатов, а предоставила каждому казаку, самому за себя, представлять о своих обидах. «Но дабы то следствие, по дальнему отсюда расстоянию, в переписках долговременно продолжиться не могло... а паче в рассуждении того, чтобы по легкомыслию то войско, яко люди недовольно право знающие, не учинили бы между собой каких нечаянных ссор», коллегия, в заседании И марта 1763 года, определила отозвать генерал-майора Брахвельда и всех членов комиссии из Яицкого городка. На место Брахвельда командирован был находившийся при монетной экспедиции генерал-майор Иван Потапов, в помощь которому назначены: войсковой атаман Оренбургского войска Могутов, того же войска один надежный старшина, один штаб-офицер, два обер-офицера и аудитор из Оренбургского гарнизона.

Потапову поручено было разобрать по пунктам все претензии казаков, освидетельствовать запасы пороха и свинца, запечатать денежную казну и поверить приходо-расходные книги. Производя следствие, по сущей справедливости и без всякой «поноровки» на ту или другую сторону, Потапов должен был прежде всего отрешить Бородина от присутствования в войсковой канцелярии, Логинова за самовольный сбор с соленой рыбы и икры арестовать, и «как ему, Логинову, так атаману Бородину и прочим старшинам, кои отрешены будут, ни в какие войсковые дела и советы, ни под каким видом отнюдь, впредь до решения следственного дела не вмешиваться и в круги не ходить». Для удержания войска в повиновении и на случай ареста и содержания виновных под караулом, генерал-майору Потапову секретным ордером разрешено было потребовать из Оренбурга воинскую команду, «но

однако же оное чинить с крайним осмотрением и довольным рассуждением, дабы напрасно людей походом не изнурить, а взятием команды тому Яицкому войску к какому бы непристойному рассуждению причины не подать».

Запретив Потапову вмешиваться во внутренние дела войска, коллегия возлагала это на наказного атамана. И хотя указом Правительствующего сената и велено в выборе атамана «поступать по данным им грамотам и указам непременно», но вследствие несогласий, в каких находились между собой многие старшины, сотники и казаки, Потапову приказано было от Военной коллегии[20] выбрать из Оренбургского войска исправного старшину и определить его наказным атаманом.

Этим последним решением коллегии депутаты были обижены и от имени войска просили дозволить им самим выбрать атамана. «Из приложенной челобитной, – писала императрица князю Трубецкому[21], – усмотрела я, что яицкие казаки недовольны тем командиром, который им от Военной коллегии дан, и представляют, что то учинено против их привилегий и в противность сенатского определения, которым определено выбрать им наказного атамана из их общества. Того ради изволь о том справиться, и если то подлинно учинено против их привилегий и им принадлежит выбор командира, то дайте им по воле выбрать кого захотят».

Желание императрицы не было исполнено вполне, и Потапов, прибыв в Яицкий городок, признал необходимым временно удалить от дел атамана Бородина и его помощников: старшин Ивана Митрясова и Андрея Мостовщикова. Для временного управления войском он избрал есаула Оренбургского войска Углецкого, которому поручил исправлять должность атамана, и в помощь ему назначил дьяка Суетина и старшину Алексея Митрясова. Вместе с тем генерал-

майор Потапов, собрав казачий круг, приказал выбрать от войска 40 человек поверенных, которые бы могли доказать виновность старшин. Познакомившись с положением дел, путем расспросов обеих сторон и поверкой книг и денежных расходов, Потапов признал, что казаки войсковой партии правы и что нет никакой возможности оправдать атамана и старшин. Представив свое заключение на утверждение Военной коллегии и прося о смене должностных лиц, Потапов спрашивал войско: кого пожелает оно иметь своим атаманом – Суетина или Митрясова? Тогда Логинов и Копеечкин от имени войска заявили, что атаман им не надобен, а просят только определить в присутствие с войсковой стороны казака Осипа Федорова, племянника Логинова, надеясь, что он не изменит войску и будет следить за старшинами Суетиным и Митрясовым. Зная Федорова как человека молодого и опасаясь, чтоб он не внес еще больших раздоров, Потапов долгое время не соглашался и уступил только неоднократным и усиленным просьбам казаков. Определив Федорова в войсковое присутствие и отъезжая в Петербург, Потапов говорил казакам, что до решения Военной коллегии он оставляет им вместо атамана премьер-майора Казанского драгунского полка Романа Новокрещенова, присланного с командой в Яицкий городок для производства переписи. Новокрещенов тотчас же сошелся с прежними и новыми старшинами, в том числе и с Федоровым, надеявшимся при содействии майора сделаться атаманом. Отделившись от выбравшей его войсковой стороны и не слушая советов дяди своего Логинова, Федоров соединился с Суетиным и Митрясовым и вместе с ними, под покровительством майора Новокрещенова, стал делать войску разные мелочные притеснения.

Между тем, получив донесение Потапова, Военная коллегия постановила атамана Бородина и его помощников, старшин, лишить занимаемых ими

должностей и чинов и впредь ни в какие должности не выбирать; взыскать с них третью часть удержанного ими у казаков жалованья[22]. Вместо отрешенного атамана Бородина приказано было выбрать «вольными и согласными» голосами трех кандидатов, имена которых представить Военной коллегии, а заведывание делами, до утверждения нового атамана, поручить выбранным из старшин и казаков. Вслед за тем высочайшим указом, состоявшимся в декабре 1765 года, повелевалось выдать удержанное жалованье *домоседкой команде* и впредь выдавать таковое[23], запрещалась самовольная рубка леса, подарки «знатным персонам» и наемка казаков на службу. «При всяких от войска командированиях, – сказано в указе, – наряды в службу отныне впредь старшинам и казакам чинить по очереди, не обходя никого, для того, чтобы все казаки воинской службы практику действительно знать могли, годными к службе были». На обязанность атамана и старшине возложено было два раза в год осматривать служащих казаков, их оружие и лошадей, вести им точные списки и, в случае экстренных командировок, когда требовался вполне надежный командир, «невзирая на очередь, командировать по распоряжению войскового атамана и старшин, а *не по выбору войсковому*, ибо до сего казаки начальников себе выбирали таких, которые попустительны и делают то, что казакам угодно».

Указ не допускал никаких излишних поборов с войска. Откупную сумму велено было прежде всего пополнять из кабацких, весовых и соляных доходов, и только в случае недостатка этих денег дозволялось прибегать к сборам, но и те производить без излишества, с согласия всего войска, наблюдая общую пользу. Собранным деньгам должна быть ведена самая тщательная и подробная отчетность.

Такое распоряжение правительства произвело на казаков двоякое впечатление и было впоследствии

причиной новых волнений на Яике. На сколько казаки были довольны отрешением должностных лиц и вообще результатами следствия генерал-майора Потапова, на столько же они были недовольны тем, что атаману предоставлялось право назначать командиров без выбора и согласия казаков. С другой стороны, войско было озадачено указом Военной коллегии, по которому, вместе с отрешением старшин, велено было: Логинова сослать в Тобольск, Копеечкина написать в солдаты, а 40 человек поверенных, выбранных по требованию Потапова, наказать палками и отправить в Гурьев городок на службу, без очереди и без обыкновенной помощи, за то, «что они явились в некоторых недоказательствах против своих доносов»[24].

Такое решение дела, хотя и не было исключением в то время, когда обвинительные акты составлялись обыкновенно низшими и малообразованными чиновниками, показалось весьма обидным казакам, тем более что майор Новокрещенов привел в исполнение только ту часть указа, которая касалась наказания казаков; все же, что касалось старшин, оставлено было им без исполнения. Войско неоднократно обращалось к Новокрещенову с просьбой отрешить судей и прочесть им весь указ, но подкупленный старшинами майор долгое время уклонялся, сек просителей плетьми и, наконец, «соскучившись слушать такие просьбы», приказал войску собраться у своего дома для слушания указа. Выйдя на крыльцо со всеми старшинами, Новокрещенов прочел указ «через два в третий», так что собравшиеся в числе более 500 человек казаки не могли понять ни слова. Они ясно видели, что майор прикрывал старшин, потворствовал им и, вместо того чтобы подвергнуть виновных взысканию, предложил собравшимся избрать в атаманы дьяка Суетина[25].

– Отчего вы не выбираете в атаманы Суетина, – спрашивал Новокрещенов по прочтении указа, – чем он

вам не люб?

– Суетин не может войску сильно милым быть, – отвечали казаки, – он еще и штрафа своего не заслужил, да мы думаем, нет ли на нем по конфирмации еще денежного штрафа, о котором ты не объявляешь.

– Денежного штрафа на нем нет, – говорил Новокрещенов, – а наложенный Военной коллегией штраф он заслужил.

– Нет, не заслужил еще, – отвечали казаки, – по означенной конфирмации велено Суетина за оказавшуюся по следствию Потапова вину написать в есаулы на год, а он в этой должности был не более четверти часа.

Новокрещенов настаивал на том, чтобы войско выбрало Суетина атаманом, но казаки отказывались, шумели и роптали на действия майора.

– Чего ты усиливаешься, – говорил казак Семен Скачков, выйдя из толпы и обратясь к Суетину, – ведь и так немало войско тебя кормило.

Новокрещенов приказал арестовать Скачкова и заступившихся за него казаков Мирошихина, Выровщикова, Плишкова, Кандалинцева, Истомина и некоторых других. Представив Военной коллегии, что казаки бунтуют и не слушают указа, Новокрещенов, не ожидая ее распоряжения, самовольно отправил всех арестованных, с их женами и детьми, в ссылку в Тобольск. Оскорбленное таким поступком, войско послало от себя поверенных в Петербург с жалобой на действия Новокрещенова и на его явное потворство старшинам. Военная коллегия командировала на Яик полковника Полозова, который разбирал их дело порядочным образом, и войско было им довольно, но, напротив того, старшинам он был в тягость. Он сменен был генерал-майором Череповым, командовавшим войсками в Оренбурге.

Полагая, что Полозов заменен Череповым по происка старшин и их партии, казаки отнеслись с недоверием к последнему, тем более что старшинская партия не скрывала своего удовольствия от такой перемены.

– Забудете вы при нем много зевать, – говорили про Черепова послушные казаки непослушным, – он вам зажмет рот-то.

С Череповым отправлены были на Яик военная команда и указ Военной коллегии, служивший ответом на донесение майора Новокрещенова и повелевавший казакам беспрекословное повиновение законам и начальству. Руководясь наставлением Военной коллегии привести казаков к повиновению, генерал-майор Черепов прежде всего потребовал, чтобы немедленно было приступлено к избранию трех кандидатов в атаманы, причем он, конечно, по рекомендации Новокрещенова предлагал избрать Суетина, Митрясова и Федора Бородина, сына бывшего атамана. Войско не согласилось ни на одного из них, а представило своих кандидатов: Петра Тамбовцева, Ивана Свешникова и Михаила Воеводкина. Рассердившийся Черепов собрал тогда казачий круг, для слушания привезенного им указа, и приказал драгунам окружить собравшихся. Казаки были в недоумении и, опасаясь подойти к перилам круга, остановились в отдалении. Черепов с Новокрещеновым и почти со всеми старшинами вошел в круг и занял на рундуке место атамана.

– Слушайте указ, – сказал он сердито, – и подойдите ближе к перилам.

– Мы и тут можем слышать, – отвечали впереди стоявшие казаки.

– Я вам приказываю, – кричал Черепов, – подойдите ближе!

Собравшиеся подвинулись несколько вперед, но к самым перилам не подходили; генерал повторил

приказание, но казаки не подвигались вперед. Сочтя это за явное ослушание, Черепов сошел с рундука и, став позади драгун, приказал им стрелять. Не успели солдаты исполнить приказания генерала, как почти все войско пало на землю.

– Помилуйте, ваше превосходительство, – кричали казаки, – мы не знаем за собой никакой вины!

Черепов не отменил своего приказания, и драгуны произвели залп по лежащим казакам, но пустили пули вверх и ни в одного человека не попали. «Черепов приказал повторить залп, а майор Новокрещенов кричал драгунам, чтоб они целили не вверх, а в колено». Некоторые драгуны выстрелили таким образом и тем залпом трех человек убили и человек шесть ранили.

– Помилуй, батюшка, ваше превосходительство! – кричали казаки.

– Кто не противен указу всемилостивейшей государыни, – сказал Черепов, – те ступайте за мной.

Вся толпа двинулась за генералом, который, расставя казаков кучами по улице, приказал читать им в разных местах указ.

– Будете ли вы повиноваться государевым указам? – спрашивал Черепов по окончании чтения.

– Войско всегда Богу, всемилостивейшей государыне и указам ее повинно, – отвечали казаки.

Черепов отправился в свой дом, а войско осталось на улице, потому что по всем переулкам были расставлены драгуны и ни одного казака без приказания пропускать было не велено. «Сие происходило зимой в самые лютые морозы, и держали их на морозе от утра до ночи». Вечером из дома генерала писарь вынес лист и требовал, чтобы казаки дали подписку в том, что слышали указ и не будут упорствовать ни в чем.

– Генерал приказал, – говорил писарь, – со всех казаков взять подписки в такой силе, а ежели не дадите

таких подписок, так ни одного человека домой пускать не велено, хоть помрите на морозе.

Подозревая в этом требовании новую проделку старшин, казаки не решались подписываться и отправили двух человек спросить Черепова, по его ли приказанию отбирается подписка?

– Подписывайтесь, – сказал генерал, – я приказал.

Казаки подписались.

Пробыв две недели на Лике, Черепов уехал в Оренбург, но еще до своего отъезда донес оренбургскому губернатору, что войско бунтует, и просил скорейшей присылки войск. По слуху, распространившемуся вслед за тем между казаками, губернатор отправил два полка, но за сильными морозами и метелью они будто не дошли до Лика и вернулись назад, потеряв 334 человека замерзшими и обмороженными. Слух этот имел весьма большое значение в будущем. Поступки Черепова еще более озлобили население, и войско отправило в Москву казаков Петра Герасимова и Ивана Бочкарева с жалобой о причиненных ему Череповым притеснениях и убийстве.

Тогдашний вице-президент Военной коллегии, граф Захар Григорьевич Чернышев, человек заносчивый, вспыльчивый и отчасти грубый[26], не обращал должного внимания на просьбы Яицкого войска и, полагая, что все несогласия в войске происходят от буйного характера казаков, не привыкших к повиновению, думал отделаться одной формальной, бумажной стороной дела. Он писал указ за указом, в которых требовал безусловного повиновения начальству и распоряжениям правительства. Получив просьбу Герасимова, Военная коллегия по предложению Чернышева издала 17 февраля 1767 года новый указ, в котором строжайше подтверждала, чтобы старшины и казаки предали забвению все ссоры, жили друг с другом в мире и исполняли в точности указы Военной коллегии под

опасением за самое малое неисполнение жесточайшего штрафа.

Такой ответ на жалобу казаков не мог удовлетворить депутатов Яицкого войска, и Герасимов нашел случай подать прошение лично императрице, которая взглянула на дело гораздо серьезнее, чем вице-президент Военной коллегии.

«Как яицкие казаки мне подали прошение, – писала она графу Чернышеву[27], – а я приказала из Военной коллегии требовать Козьмину обстоятельных справок по сему делу, то желаю, чтобы все резолюции, кои коллегия возьмет от сего числа до окончания сего дела, вы сообщали мне для лучшего усмотрения всего сего дела обстоятельств».

Зная по прежним опытам, что челобитчики, подававшие свои просьбы прямо императрице, часто подвергались преследованию, Екатерина II опасалась, чтобы с Герасимовым и Бочкаревым не было того же. «Граф Захар Григорьевич! – писала она Чернышеву[28]. – Объявите словесно Военной коллегии и дайте куда надлежит знать, чтоб яицким казакам, Герасимову с товарищи, в вину поставлено не было, что они, по простоте своей, мне самой подали челобитную, и подтвердите им, при отправлении их, чтобы они впредь согласнее жили».

Отправление это, как и вообще решение просьбы яицких казаков, последовало не скоро. Поставленная в затруднительное положение желанием императрицы ближе познакомиться с делом, Военная коллегия затягивала и не решала дела и, желая на будущее время избавиться от присылки депутатов, постановила 3 мая, чтобы казаки без дозволения и паспортов, выдаваемых из войсковой канцелярии, не смели никуда отлучаться из пределов войска, под опасением жесточайшего наказания. Вслед за тем, 15 мая, Военная коллегия подтвердила свой указ об очередной службе и

требовала, чтоб Яицкое войско отправило на службу в Кизляр 500 человек казаков. С своей стороны императрица, не дождавшись решения коллегии и желая прекратить все волнения на Яике, решилась отправить туда лично ей известное и доверенное лицо. «Как по рапортам оной коллегии, – писала она[29], – мы усматриваем, что еще и до сего времени, ни доброго согласия в войске Яицком, ни надлежащего выбора кандидатов к назначению ко оному в атаманы не последовало, то для приведения того и другого и для исследования, кто тому есть препятствием, мы нашей гвардии капитана Чебышева определяем, которого оная коллегия имеет от себя при указе отправить в то войско с довольным наставлением, как ему в том деле поступить, выдав ему с командой, которая при нем находиться будет, как туда так и обратно на десять почтовых лошадей прогонных денег. Какие же от него рапорты коллегия получать и какие на оные резолюции давать будет, представлять нам для известия».

В конце июля капитан Чебышев отправился на Яик, с поручением по прибытии на место объявить казакам, что он прислан управлять войском вместо атамана до тех пор, пока они не выберут трех кандидатов, для пожалования одного из них в сие достоинство.

«Ежели таковых выберут, – писала Военная коллегия[30], – то вам с описанием их лет, службы и достоинства прислать рапорт в Военную коллегию. А буде вы их усмотрите не такого достоинства, какого требуется, или, когда, упорства ради, несогласными голосами выберутся, то и не представлять, хотя бы в последнем случае они того просили».

Заботясь главнейшим образом о водворении спокойствия в Яицком войске и не допуская своевольств, Чебышев должен был прежде всего привести в исполнение указ Военной коллегии об отрешении от должности атамана Андрея Бородина и прочих лиц, и

вообще об удовлетворении претензии казаков. «Как для содержания того войска в порядке и в надлежащем повиновении, – сказано было в секретном наставлении Чебышеву[31], – неотменно должно вам употреблять благоразумную строгость, так не меньше, для достижения между оным доверенности, потребно оказывать им пристойную ласку и снисхождение…

А как они несомненно ко всякому упорству, своевольству и несогласию не своим подвигом, но некоторыми между ими беспокойными головами приводятся, то вы об изведании таковых крайнее старание употребить имеете, и если доведаетесь и узнаете точно, то отлуча их в команду или по случаю (?) и посадя под караул, в коллегию с обстоятельством рапортовать».

22 августа 1767 года капитан Чебышев вместе с казаками Петром Герасимовым и Иваном Бочкаревым[32] прибыл в Яицкий городок. На другой же день он собрал войсковой круг, в котором прочел высочайший указ, ему данный, грамоту войску от Военной коллегии и сохранявшуюся доселе в тайне конфирмацию над виновными старшинами, чем с первого же раза расположил к себе казаков. Вслед за тем, узнав, что при войсковой канцелярии содержится двадцать человек казаков, арестованных в разное время, и найдя, что все они впали в преступление только «от неразумения и простоты», Чебышев приказал их выпустить на поруки. «От которого моего поступка, – доносил он[33], – я чего ожидал, начало увидел, ибо не только те содержащиеся, по и все войско столь обрадовано было, видя отмену прежней строгости, что как меня, так и *своих соперников*, со мной присутствующих, с неописанной радостью благодарили, обещаясь клятвенно во всем быть послушными и из воли моей не выступать».

Видя, что Чебышев внимательно выслушивает все заявления и входит в их нужды, стараясь быть

справедливым, яицкие казаки успокоились и готовы были верить, что, наконец, наступили для них лучшие дни и порядки. Они доверились вполне новому правителю и охотно следовали всем его советам. По распоряжению Чебышева 28 августа казаки снова собрались в круг, в который были введены, присланные с курьером из Военной коллегии, казак Венедикт Иванов и девять его товарищей. Они обвинялись в том, что самовольно отлучились в Петербург и заслуживают за то наказания. Услышав от войска, что они отлучились не самовольно, а по общему согласию, Чебышев оставил их без наказания. Он предложил собравшимся избрать депутатов в комиссию по сочинению проекта нового уложения и назначить пятьсот человек в резервную команду. То и другое предложение было немедленно исполнено, и избранные депутатами казаки Василий Тамбовцев и Иван Анкудинов 4 сентября выехали из Яицкого городка [34].

Императрица вполне одобрила распоряжения Чебышева и «усмотря, – писала она[35], – что в войске Яицком все происходит согласно и порядочно, не хотела оставить, чтобы не показать вам о том моего удовольствия, заключая из оного рапорта (от 4 сентября), что никакого сомнения нет к восстановлению между ними прежнего их мирного состояния и непоколебимого порядка. Я надеюсь, что вы и впредь будете поступать с ними такими мерами, которые бы их всегда вели к их благосостоянию».

Последнего достигнуть было весьма трудно, так как взаимная вражда между двумя партиями была слишком сильна и казаки не шли ни на какое соглашение. Чебышеву, при всем доверии к нему казаков, не удалось не только примирить враждующих, но и достигнуть соглашения при разрешении вопроса о выборе атамана.

10 сентября 1767 года собран был казачий круг, в котором Чебышев предложил войску выбрать в атаманы

трех человек кандидатов, причем просил произвести выбор вольными голосами и обратить внимание на честных, заслуженных и достойных людей. Старшинская партия предложила избрать старшину Митрясова и дьяка Суетина.

– Оба они люди достойные, – говорили их приверженцы, – как войском командовать, так дела внешние и внутренние исправлять могут. Суетин и Митрясов люди доброго и честного поведения, в генеральных службах, на акциях и походах бывалые; за свою верную и усердную службу денежным жалованьем, ковшами и саблями жалованы.

Зная, что войсковая сторона не согласится на выбор, если все три кандидата будут с противной ей стороны, старшинская партия предложила избрать третьим кандидатом казака Тамбовцева.

– Хоть он, – говорили старшины, – в важных службах и партиях не бывал, но приращением войску соляного сбора немалую похвалу заслужил.

Согласившись на избрание Тамбовцева, войсковая сторона предложила со своей стороны избрать казаков Сидора Витошнова и Петра Погадаева, но старшинская партия на то не соглашалась.

– Витошнов и Погадаев люди подлого состояния, – кричали противники, – не из старшин и не из старшинских детей; люди незаслуженные, в генеральных службах и знатных походах не бывалые, распоряжаться войском, заграничными и внутренними делами, тоже судными и приказными не могут, а об указах должного и исправного сведения не имеют.

Такое заявление старшинской партии вызвало продолжительные споры и шум, среди которых ни та ни другая сторона не хотела уступить. Увещания Чебышева прекратить ссоры и кончить дело мирным путем не имели успеха. Соглашения не последовало, и казаки разошлись с решением написать прошение на имя

императрицы, в котором изложить подробно все то, что происходило в кругу. Переименовав кандидатов, предложенных старшинской и войсковой сторонами, и высказав нежелание свое иметь атаманом ни Суетина, ни Митрясова, войско решилось отказаться навсегда от права избирать атамана и предоставляло это дело на усмотрение императрицы. «Как оный выбор [атамана], писали казаки[36], – за таковым несогласием близко двух лет продолжается и согласными голосами не утверждается, да и впредь согласными голосами утвердиться не может, из-за чего все общество время от времени приходит в истощение и крайнее разорение, того ради в прекращение всех происходящих ссор и несогласий, во избежание крайнего всего общества нашего разорения, припадая к священным вашего императорского величества стопам, всеподданнейше просим, дабы повелено было из высочайшего вашего императорского величества матерного милосердия, тот кандидатов в войсковых кругах выбор с нас нижайших за несогласными голосами, *как ныне, так и впредь* сложить, а из природного вашего императорского величества высокомонаршего милосердия в атаманское достоинство жаловать как ныне, так и впредь, по своему монаршему соизволению. Кто той чести из нашего войска найдется достоин и кто в оные атаманы от вашего императорского величества пожалован и определен будет, тому мы нижайшие рабы и повиноваться должны. А прежнее наше право в выборе в войсковых кругах кандидатов, *яко негодное и на сей век неудобное, не токмо охотно сами с себя слагаем*, но и всенижайше просим милосердным своим матерним повелением для вышеобъявленных от нас резонов, ко всеобщему нашему благу и спокойствию *ныне запретит*, пониже в несогласных наших голосах тот выбор кандидатов продолжается чрез шесть лет, а все оное

происходит от единой друг на друга вражды и памятозлобия».

Не достигнув соглашения казаков относительно выбора атамана, но желая принести посильную пользу войску, Чебышев учел старшин войсковой канцелярии и признал их виновными пред войском. Раскаявшись в своих поступках, старшины просили прощения и обещали уплатить все с них взыскиваемое. Всматриваясь ближе в домашний быт казаков, Чебышев нашел, что без всякой надобности и в крайнее отягощение войску во время сенокосов и рыбных промыслов оставляется для охранения города и содержания караулов так называемая *домоседная команда*, более чем из 150 человек. В команду эту нанимались попы, церковные и канцелярские служители и даже старшины. Таких команд было в год до четырех, и каждый раз лица, ее составляющие, получали за свою мнимую службу от двух до семи рублей. Сверх домоседной команды была еще так называемая *пятисотная резервная команда*, из которой половина посылалась на степную сторону по форпостам, а другая половина оставалась в городе без всякого дела, под предлогом могущих быть экстренных нужд, к защищенно границ от неприятельских набегов, «чего, – писал Чебышев[37], – никогда не бывало, да и быть, по всем известным резонам, не может, а если бы паче чаяния когда и случилось, то с такой малой командой тому форпостному командиру сильного неприятеля удержать и границы защищать никак будет не можно, а от домоседной команды, состоящей из таких людей, как значится выше, помощь, мнится мне, также будет не велика». На этом основании он признал необходимым, во избежание напрасного войску отягощения, в то время, когда резервная команда бывает в Яицком городке, домоседной команды вовсе не иметь, а городовые караулы содержать резервной команде, которой и

состоять в ведении войсковой канцелярии. «Однако же, – прибавлял Чебышев, – если форпостный командир в случае нужном, сколько из той команды, когда будет требовать, а хотя и всю, на границы отпущать безо всякого прекословия, и тогда на те места, если будет нужда, определять из отставных казаков и из прочих, по их годности».

Уничтожение домоседной команды было принято войском с большим сочувствием, но Чебышев, опасаясь, что подобные распоряжения могут навлечь на него неудовольствие Военной коллегии и тех, которые лишались даровых доходов, торопился предупредить императрицу и просил, чтоб «от государственной Военной коллегии не было на мне за сие взыскания»[38].

Взыскания, конечно, не было, но было предложено ближе познакомиться с указами Военной коллегии.

«О благополучном окончании моей комиссии, – писал Чебышев графу Г.Г. Орлову[39], – хоть и есть должность уведомить вас, моего милостивца, но как то уведомление требует точной подробности, а правду за две тысячи верст еще и слишком показалось писать неловко, то донесу только, что я, сверх моего чаяния, за то, что продолжающуюся слишком шесть лет комиссию кончил, получил из государственной Военной коллегии о войске Яицком конфирмацию, которую я задолго до того повеления читал истинно много, но того ничего не нашел, для чего мне читать приказано, о чем осмелился и рапортом своим представить, а в перемене нынешних сотников прежними и ослушание сделал, только за то что мне будет – не знаю, а хорошего не жду. Чего для до тех пор, отец мой, изведи из темницы душу мой и тем избавь меня от таких переписок, от которых, кроме беды, ждать нечего. А чтоб не показалось вашему сиятельству все сие мной сделанное от упрямства, то прими, милостивый государь, труд прочесть тот мой посланный в коллегию рапорт и при оном от

клеветников моих раскаяние, из чего и увидите ясно, была ли причина мне то делать, что сделал.

«В дополнение же сего моего чистосердечного изъяснения не только об этом, но и обо всем, что сначала и до сего дни происходило, если не поскучите, уведомиться можете от станичного атамана Нефеда Мостовщикова; только того страшусь, чтоб, убоясь, чего не утаил, ибо он со стороны старшинской славный был войску злодей, чего для нужно вашему сиятельству его обнадежить своей милостью. Тут-то услышите о Митрясовских корыстях, о храбрых поступках генеральских, как по лежащим казакам стрелял и о прочем, даже и о том, как с него, Мостовщикова, часы взяты. Если же чистосердечное раскаяние принести заупрямится, то постращай, милостивый государь, мной, что он для изобличения до приезда моего будет удержан. А я на милость вашего сиятельства о скором отсель своем возвращении обнадеясь, с радости и забыл, что по началу сего письма не устоял в своем слове, однако истинно нет еще и сотой доли».

Желание Чебышева было исполнено. Военная коллегия сама была не прочь отозвать человека, не сходившегося с ее взглядами и державшего сторону простых казаков. Пользуясь тем, что в числе кандидатов в атаманы казак Петр Тамбовцев был принят как старшинской, так и войсковой партиями, Военная коллегия утвердила его войсковым атаманом и указом от 15 января 1768 года предписала Чебышеву сдать дела вновь утвержденному атаману и возвратиться к месту своего служения. 12 февраля Чебышев получил этот указ, а 8 марта был уже в Петербурге, оставя войско Яицкое в прежнем согласии[40] и поручив Тамбовцеву взыскание штрафа с виновных старшин и удержанного ими у казаков жалованья.

Новый войсковой атаман был человек честный, но в высшей степени слабого характера[41]. Первое время он,

сколько мог, действовал самостоятельно и боролся со старшинами: взыскал с виновных незначительную часть удержанного у казаков жалованья, но не мог заставить их заплатить остальную часть и взыскать наложенный на них штраф. Казаки с самого начала были недовольны действиями Тамбовцева, все более и более подпадавшего под власть старшин и впоследствии перешедшего на их сторону. Несмотря на то что по конфирмации Военной коллегии многие были лишены старшинского звания и права быть выбранными на служебные места, Тамбовцев никогда не наряжал их на службу рядовыми, а назначал или походными атаманами, или полковыми командирами. Напротив того, казаки народной партии подвергались всевозможным обидам со стороны атамана, вышедшего из их же среды, и это раздражало их почти ежедневно.

В начале 1769 года войско потребовало выдачи пороха и свинца, жалуемого ежегодно по полуфунту на человека, и просило, чтоб порох никогда не отбирался. Тамбовцев сделал об этом представление в Военную коллегию, но не получил разрешения, и казакам приказано было выдать зарядами[42]. Тамбовцев объявил тогда, что пороха и свинца у него нет.

– Вы примите зарядами, – сказал он.

– Что такое заряды? – спрашивали казаки.

– Патроны, – отвечал атаман.

«А как войско, показывали казаки[43], с самого своего начала служило всегда с винтовками и турками[44] и патронный заряд для них негоден, то все казаки, по простоте своей, и заключили тогда, что Тамбовцев, конечно, хочет уничтожить отеческие их обряды и привести так, как и солдат служить с фузеями». Подозрение это было совершенно неосновательно, но, к сожалению, обстоятельства складывались так, что население могло путем логических размышлений дойти до убеждения, что правительство и атаман намерены

ввести «регулярство», которого так опасались яицкие казаки, всегда готовые отстаивать отцовские порядки и свои древние привилегии.

В собранном войсковом кругу, в августе того же года, Тамбовцев объявил, чтобы каждый сотник командировал из своей сотни 17 человек для составления резервной части войска. Такая командировка требовала службы по очереди, а яицкие казаки признавали службу по найму и потому отказались от исполнения требования атамана.

– Очередное командирование тягостно и несносно казакам, – заявил сотник Иван Кирпичников и просил, чтобы командировка была сделана по найму и из подмоги, как всегда и прежде бывало.

Тамбовцев требовал, чтобы командировка произведена была, согласно указам Военной коллегии, по очереди и разослал об этом всем сотникам письменные предписания, но сотники их не приняли под предлогом того, что они люди неграмотные и нерегулярные и исполнять могут без письменных приказов. Тамбовцев четыре раза собирал круги, но безуспешно; казаки просили разрешения отправить в Петербург депутацию с просьбой об отмене очередной службы. Уступая общему желанию, атаман согласился на отправление депутации, но избранные им лица не были приняты войском, требовавшим, чтобы во главе депутации был послан сотник Иван Кирпичников, казаки Беляев, Казаркин и другие сторонники войсковых интересов. Атаман отвечал, что Кирпичникова послать не может, так как он штрафованный, и предлагал своих, но казаки упирались. Среди происшедшего разногласия сотники Тимофей Севрюгин, Федот Марковцев и десять человек казаков, не спрашивая разрешения войсковой канцелярии, но с согласия всего войска, отправились в Петербург и 2 октября явились в Военной коллегии. Они просили отменить наряд казаков на службу по очереди и

приказать положенный порох выдавать казакам не патронами, а в раздел, по-прежнему. Военная коллегия не согласилась исполнить просьбу депутатов и вновь подтвердила свои указы об очередной службе и повиновении начальству.

Подтверждение это не подействовало на казаков, и они все-таки отказывались от службы по очереди, а между тем во второй половине 1769 г. командовавший войсками на кавказской линии генерал-майор де Медем потребовал, чтоб Яицкое войско, на перемену 68 человек раненых и престарелых, прислало такое же число в Кизляр.

В Кизляре всегда находилось от Яицкого войска 500 человек охотников, из которых каждый был нанят пятью человеками остающихся казаков, плативших наемщику по 100 и более руб. Теперь же, следуя указам Военной коллегии, атаман требовал, чтобы на смену раненых и престарелых были назначены казаки по очереди, но население и слышать не хотело о нарушении древнего обычая «наемки». После пяти собранных для этой цели казачьих кругов, только согласная старшинская партия представила от себя десять человек для отправления в Кизляр, а остальных 58 человек войсковая сторона набрала силой и для препровождения их назначила особую команду под начальством старшины Окутина.

Последний успел дойти только до Бударинского форпоста, находившегося от Яицкого городка всего в 80 верстах. На этом небольшом пространстве бежало от Окутина 39 человек, а при выезде из Бударинского форпоста были отбиты и остальные теми же казаками, которые должны были их конвоировать.

Таким образом, распоряжение войсковой канцелярии и на этот раз не было приведено в исполнение, а употребленное ей насилие, как прямое нарушение казачьей вольности, восстановило население еще более против старшин и всей их партии. Негодование особенно

развилось и волнение в народе усилилось, когда в начале 1770 года получен был на Яике указ Военной коллегии о назначении команды казаков в состав вновь формируемого «Московского легиона».

Развитие военных действий и обширность театра войны нашей с Турцией требовали увеличения числа полевых войск, и тогдашнему вице-президенту Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву пришла мысль сформировать две самостоятельные части войск и назвать их *легионами*[45]. В совете, учрежденном при дворе императрицы, предложение графа Чернышева не было принято вполне, но решено было сформировать один легион из «иностранных и вольных людей» и назвать его *иностранным.* В состав этого легиона должны были входить пехота, кавалерия и казачья команда[46].

По высочайше утвержденному 23 мая 1769 г. докладу Военной коллегии положено: 1) командиром иностранного легиона назначить бригадира Кара; 2) офицеров принимать из отставных и иностранцев; 3) знамен и литавр легиону не давать до тех нор, пока «оный таковые у неприятеля не завоюет и тем оные иметь достойным сделается», и 4) так как все нижние чины, за исключением кадровых 122 человек, назначенных из полков, должны быть набираемы из вольных и иностранных людей, то легион формировать в «польских местах»[47].

Охотников поступить на службу оказалось очень мало, и формирование легиона шло весьма медленно. *«А* при том, – доносила коллегия[48], – не можно по нынешним военным обстоятельствам, за краткостью времени к приведению их в совершенную дисциплину, на оных полагаться с такой твердостью, как на прочие полки, из рекрут набираемые». Основываясь на этом, коллегия испрашивала высочайшее повеление: 1) чтобы комплектование легиона производилось рекрутами на

общем основании, за исключением гусар, которых предполагалось набирать из людей вольных, и 2) так как легион будет состоять не из иностранцев, а из природных русских, то назвать его *Петербургским*[49].

2 сентября императрица утвердила доклад, а 19-го числа того же месяца Военная коллегия, признавая необходимым вновь усилить войска, ходатайствовала об учреждении еще одного легиона на следующих основаниях:

«Три драгунские полка, а именно Оренбургский, который ныне находится в Астрахани, Казанский, находящийся теперь в Симбирске, и Уфимский, состоящий ныне в Кизляре, да Грузинский гусарский, в Кизляре же находящийся, также и состоящие в команде генерал-майора графа Тотлебена роты, превратить в такой род войска, который в легионе полагается, распределяя их в баталионы и эскадроны по способностям, а казачью команду определить из яицких казаков»[50].

3 октября доклад Военной коллегии был высочайше утвержден, повелено легион назвать *Московским*, формировать его в Симбирске и командиром его назначить генерал-майора Баннера[51].

Указом от 25 декабря 1769 г.[52] Военная коллегия поручила Яицкому войску назначить из старшин и есаулов 10, из сотников и десятников 18, казаков 300, писаря одного, да в трубачи и цирюльники 5, а всего 334 человека. Для выбора людей молодых и годных к службе было приказано генерал-майору Баннеру отправить на Яик одного штаб-офицера, которому «от войска в том выборе и чинить беспрепятственное послушание». Баннер командировал от себя квартирмейстера Глебова, который, несмотря на все свои старания, не мог исполнить данного ему поручения.

Распоряжение о назначении легионной команды подняло все Яицкое войско и произвело весьма сильное

впечатление на казаков. По указу требовалось в состав команды 334 человека: цифра совпадающая с тем числом солдат, какое было показано замерзшими и умершими при посылке войск из Оренбурга, по требованию генерал-майора Черепова[53]. Припоминая слова оренбургского губернатора, который в ордере писал тогда, что «с виновных взыщется толикое же число людей», казаки решили, что назначение в легионную команду сделано им в наказание и что правительство намерено обратить их в солдат и завести «регулярство».

Последнее должно было затронуть коренные обычаи казаков. Солдаты должны были брить бороды, а казаки, как раскольники, не могли на это согласиться и считали атамана и всю старшинскую партию предателями. В числе первых предателей они называли бывшего атамана Андрея Бородина: он был произведен в чин армейского подполковника и получил два больших полковых знамени, которые он передал потом Тамбовцеву. Продолжая далее обсуждать свое положение и считая виновными в гибели 334 человек солдат только одних старшин, для защиты которых они посылались, казаки признали справедливым, чтобы команда была назначена только из старшинской или согласной партии, а сами отказались от легионной службы. Атаман Тамбовцев не решился настаивать на исполнении указа отчасти и потому, что он касался самых дорогих обычаев казаков и их религиозных верований. Он отправил от имени войска прошение на имя императрицы, в котором просил уволить казаков от легионной службы.

«Войско Яицкое, – писал он[54], – в службах вашего императорского величества беспрестанно упражняется и наперед сего бывали по нескольку человек в Польше, под Ригой, в Чигиринских, Крымских, Кубанских, Азовских и Свейских (шведских) походах, в Низовском

корпусе, в Сибири, под башкирцами и в прочих многих партиях и командированиях. Нигде от войска Яицкого никаких прослуг не бывало, кроме того, что за ревностные свои поступки получали вашего императорского величества грамоты с похвалой; да и ныне куда бы только ни востребовалось, служить готовы человек по тысяче, по две и более верно ж и беспорочно, со всяким усердием, не щадя живота своего до последней капли крови. Сверх того, [войско] содержит ежегодно ординарную службу по 1060 человек вниз по Яику-реке, на учрежденных крепостях, форпостах, в Гурьеве-городке и в резервной команде по 500 человек своим коштом; да и в прочие службы командируемые команды все своим же коштом исправляет и снабжает. А жалованье на войско Яицкое отпускается самое малое, а именно копеек по 60 и по 80 в год, а хлеба здесь не сеют, да по здешнему климату и не родится, а всю свой воинскую справу, хлеб и одежду получают за уловленную рыбу в Яике-реке, и на том весь корпус содержится.

«Но токмо и оная рыбная ловля время от времени умаляется и в улове мало бывает, в чем войско Яицкое, хотя великое претерпевает отягощение, однако в службах вашего императорского величества никакой остановки не бывает и, как выше означено, куда бы сколько ни востребовалось, всегда с желаемым успехом отправляет, а в другие необыкновенные команды никакие не браны, а во всем даже и доныне состояли невредимо на прежнем основании.

Да и по состоявшемуся в прошлом 1768 г. вашего императорского величества высочайшему указу велено быть на прежнем же основании, то дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было войско Яицкое от оной *легионной казацкой команды избавить* и освободить, и оставить на прежнем основании, так как мы нижайшие и от предков вашего

императорского величества невредимо состояли... Да к тому ж ежели оная легионная команда отсель возьмется и здешние азиатские народы о том сведают, тогда не без сумнения останутся, что и в другое место отсель выводиться будут, тогда-де корпус войска Яицкого может умалиться, и они из-за того могут всегда во всех местах чинить нападение и приключать людям разорение, а вашего императорского величества высокому интересу ущерб. Что же касается до нашей службы, то ежели куда повелено будет не токмо триста, но хотя бы по 500 человек или более, мы всеподданнейшие рабы, по прежнему своему обыкновению, со всеусерднейшей ревностью служить должны, к чему мы уже приобвыкли, *а вышеписанная казацкая легионная команда нам необыкновенна* и о сем нашем прошении учинить милостивое решение»[55].

Получив это прошение 20 марта 1770 г., Военная коллегия не признала возможным отменить командирование казаков в Московский легион, так как об этом состоялось уже высочайшее повеление, но в заседании своем 24 марта постановила не принуждать казаков брить бороду. В грамоте, написанной по этому поводу войску[56] и переданной старшине и станичному атаману Мартемьяну Бородину, было, между прочим, написано: «А как в войске Яицком казаки, по их обыкновению, многие бороды не бреют, то и оную казацкую команду в том не принуждать, а оставить на их волю».

Это последнее распоряжение Военной коллегии было получено на Пике в то время, когда войско находилось на плавне, и потому войсковая канцелярия поручила дьяку Матвею Суетину распорядиться как об объявлении вновь полученной грамоты, так и командировании казаков в легионную команду. 8 мая Суетин прибыл на плавню к урочищу Красный Яр и вручил походному атаману Мусатову сначала ордер «о

бытии всем в послушании», а потом приказал собрать казачий круг, в котором объявил полученную грамоту и требовал выбора казаков в состав легионной команды. Сотники Горохов, Сетчиков и Портняшкин, которым было поручено произвести набор, просили, чтоб для лучшего толкования войску были им выданы копии с указа и грамоты.

– Вы можете получить подлинные указы и грамоты, – отвечал Суетин, но при этом заявил, что круг должен тотчас же приступить к формированию команды.

– Мы почитаем высочайшую волю делом святым, – отвечали казаки, – но на кого гласит грамота, тот и отправляй.

Этими словами казаки хотели показать, что, по их мнению, командирование должно быть сделано только с одной старшинской стороны. Суетин отрицал такое толкование грамоты и говорил, что казаки должны снарядить легионный отряд без замедления и упорства. Тогда из толпы выделилось восемь человек, которые заявили, что они готовы исполнить указы, но все изложенное в них касается не до них, казаков, а до старшин, старшинских детей и тех сотников, которые по конфирмации лишены чинов. При этом Чумаков высказал желание войска просить императрицу об отмене легионной службы.

– С самого начала бытия нашего, – говорил он, – таких порядков, какие ныне чинятся, не бывало.

– Прежде нужно исполнить волю государыни, – заметил на это Суетин, – а потом можно подать и прошение.

Казаки обещали дать положительный ответ не прежде вечера. Суетин согласился и оставил казакам подлинные грамоты и указы «для понятия всему войску». Вечером казаки снова собрались в круг и заявили, что все поголовно пойдут к императрице, а

казак Емельян Чижев требовал, чтобы войско было допущено до плавни.

– Подпишите общий приговор, – говорил Суетин, – что вы назначите в легионную службу потребное число казаков и отправите их тотчас по возвращении в городок, и тогда будете допущены до плавни.

– Нам подписываться не для чего, – отвечали казаки, – ибо как прежде сего наши прадеды, деды и отцы служили, так и мы ныне и впредь – текущие лета служить на прежних поведенциях и отеческих порядках безо всякого отрицания должны, а штата мы не просили и иметь его не желаем.

Получив такой ответ, Суетин не допустил войско до рыбной ловли и, лишив таким образом казаков одного из главных источников дохода, приказал им ехать обратно в Яицкий городок. Казаки исполнили приказание, и 21 мая атаман Тамбовцев собрал круг, в котором прочел грамоту и приказал есаулу Филиппу Мусатову объявить всему войску, чтобы с каждого десятка было назначено в Московский легион по одному человеку, что и составляло требуемое число рядовых, 334 человека. Видя, что атаман намерен сделать наряд только из рядовых казаков и исключает старшин, старшинских детей и сотников, войско отказалось исполнить требование.

– Мы штату не просили, – слышались голоса, – и его не желаем, а желаем остаться на прежних высочайше дарованных правах.

Тогда старшинская или согласная партия предоставила от себя в наряд 48 человек и снабдила их всем необходимым. Пример этот не подействовал на войсковую сторону, и она по-прежнему настаивала, чтобы войску дозволено было отправить в Санкт-Петербург депутацию с просьбой о сохранении прежних их казачьих привилегий, и в крайнем случае, если не последует на то согласия императрицы, то хотя бы о

дозволении выбрать в ту команду своего походного атамана и старшин. Последнее требование казаки считали весьма важным, так как Тамбовцев назначил своих сторонников и таких лиц, которые, по указам Военной коллегии, были лишены старшинского звания. Желая отклонить отправление депутации в Петербург, Тамбовцев согласился на последнее желание казаков, и войсковая партия выбрала старшину Колпакова, который, войдя в круг, заявил, что он должен служить согласно воле императрицы.

– Когда он по штату служить хочет, – сказал сотник Сетчиков, указывая на Колпакова, – так, видно, старшины сами о том просили; только мы служить желаем по прежнему казацкому обыкновению, а не по штату.

Слова эти подхватили многие казаки, и в войсковом кругу поднялись крик и шум, дошедшие до драки. Повод к тому подал дьяк Суетин, который «азартно» сошел с рундука, схватил сотника Сетчикова за бороду и за волосы и, таская по земле, «смертельно» его бил[57]. Суетину помогали в этом атаманский сын Алексей Тамбовцев, старшины Федор Митрясов и Мартемьян Бородин, сотник Андрей Капнев и Петр Черторогов. За Сетчикова вступились Кирпичников, Горохов, Севрюгин, Краденов и еще 14 человек казаков, которые были тотчас же арестованы и в пример другим биты плетьми. Не ограничиваясь этим числом арестованных, Тамбовцев приказал арестовать всех, кого считал явными противниками своих распоряжений. По приказанию атамана казаков ловили, секли без пощады и рассаживали по разным амбарам, но все эти меры на столько раздражили население, что оно отказывалось исполнить какое бы то ни было требование. Войсковая канцелярия собрала круг с намерением сделать всем десятникам и казакам перекличку по списку и назначить в легионную команду по своему выбору. Но как

десятники в круг не явились, то атаман, для сформирования легионной команды, решился на крайнюю меру: он приказал хватать кого попало, «сколько бы с которой сотни и десятка ни прилунилось»[58]. Всех схваченных велено было содержать под арестом, им составлены были списки, которые и вручены старшине Якову Колпакову.

Поступив так, войсковая канцелярия считала дело по назначению казаков в состав легиона решенным и донесла Военной коллегии, что команда будет отправлена в Симбирск и что для препровождения ее будет назначен особый конвой. В действительности дело это далеко еще не было окончено. Казаки волновались, и неудовольствие их на атамана принимало острый характер. Они потребовали разрешения отправить нескольких человек в Оренбург к губернатору с жалобой на причиненные им обиды и оскорбления. Тамбовцев отказал. Войско собралось в круг, вызвало атамана и вновь потребовало, чтобы было разрешено отправить в Оренбург казаков Ивана Шешукова и Григория Голованова с прошением. Тамбовцев арестовал их, высек плетьми и посадил под караул. Вслед за тем сотник Егор Вавилин просил атамана дозволить ему ехать в Оренбург, но и он был высечен плетьми. Казаки отказались тогда идти на севрюжье рыболовство и, опасаясь преследований, рассыпались по степи, «спасая живот свой»[59].

Отказ идти на рыбную ловлю мог вредно отозваться на экономическом благосостоянии населения и вызвать новые беспорядки, а потому атаман принужден был освободить большинство арестованных. Оставшиеся под караулом сотники Кирпичников, Сетчиков, Горохов, Краденов, Герасимов и другие подговорили сотника Логина Шапошникова и казака Ивана Ерофеева, чтоб они, не спрашивая позволения атамана, съездили в Оренбург и, доложив губернатору о всех притеснениях,

которые испытывают казаки от старшин, просили его выдать им паспорт на свободный проезд в Петербург. Оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп задержал посланных, донес Военной коллегии, что яицкие казаки бунтуют, и поручил командовавшему в Оренбурге войсками генерал-майору Давыдову принять меры к скорейшему командированию легионной команды и 68 человек в Кизляр[60]. На требование Давыдова войсковая канцелярия отвечала, что, хотя команды и набраны и для препровождения их был назначен особый конвой, «но токмо противной стороны большая часть казаков в том препровождении ослушными явились. Того ради войсковая канцелярия покорнейше просит, дабы повелено было для того отправления и препровождения прислать в войско Яицкое особливого офицера с надлежащей регулярной командой»[61]. Не имея права вмешиваться во внутренние дела войска, генерал-майор Давыдов не решился отправить регулярную команду, а командировал в Яицкий городок поручика князя Уракова. Но и эта мера не привела ни к какому результату[62].

Отказавшись отправить легионную команду, несогласная партия успела отправить в Петербург, под предводительством сотника Ивана Портнова, депутацию из 22 человек[63], уполномочив посланных заявить о войсковых нуждах, ходатайствовать об уничтожении легионной команды и о сохранении прежних их привилегий и прав.

Узнав об этом и желая лишить партию главных ее деятелей, Тамбовцев решился отправить в Оренбург арестованных сотника Кирпичникова и его товарищей. Под присмотром старшины Федора Митрясова и одного унтер-офицера, с конвоем из форпостных казаков, они были 30 июля высланы из Яицкого городка, но на дороге, в Генварцевском форпосте, были отбиты казаками и, ускакав в степь, пробрались потом в

Петербург[64], где и присоединились к бывшим там депутатам.

Между тем сотник Иван Портнов и его товарищи по прибытии в столицу подали самой императрице челобитную, в которой просили восстановить войско на прежних основаниях, «а не определять нас в легионные полки по учиненному новому штату»[65]. Депутаты просили возвратить из ссылки старшину Ивана Логинова; приказать удовольствовать денежным и хлебным жалованьем, которого казаки не получали в течение нескольких лет. «А об истрясении денежной войсковой суммы, о счете канцелярии и о всех обидах и разорениях из высокомонаршей матерней милости просим, послать верного вашего императорского величества раба, кому препоручить благоволите и от наших старшин против беззаконных их поступков и наглого разорительства высочайшей десницей защитить и оборонить».

Получив это прошение, императрица 2 сентября повелела Военной коллегии[66]: «1) Нынешних присутствующих в войсковой Яицкой канцелярии, ежели они положенного на них по комиссии нашей л. – гв. капитана Чебышева денежного штрафа поныне не заплатили, приказать от присутствия отрешить, а на их места выбрать войску других по их обрядам, дабы тем скорее оный штраф с них взыскан и в войско возвращен был; 2) ежели яицкие казаки подлинно как денежного, так и хлебного жалования пятый год не получают, то приказать их немедленно в том удовлетворить, а с теми, кто в удержании оного виновными явится, поступить Военной коллегии по силе законов; 3) ныне содержащихся казаков, по причине командирования в легион под караулом, освободить, а сотнику Ивану Портнову с товарищи, которые нам самим мимо своей команды и собравшись множественным числом прошение подавали, объявить, что мы из единого

нашего милосердия ныне в том их всемилостивейше прощаем[67], а впредь за таковой поступок учинено с ними будет по законам; 4) подлинно ли яицкие казаки нынешнего лета до рыбной ловли не допущены и чрез то приведены в несостояние к платежу соляных денег и кто тому виной, Военной коллегии приказать исследовать и нам представить; 5) войсковую канцелярию приказать в воинской сумме счесть и впредь ежегодно считать, и 6) бывшего старшину Ивана Логинова из ссылки возвратить».

Депутаты Яицкого войска остались недовольны таким решением. Призванные в Военную коллегию в числе 26 человек, они выслушали высочайший указ и на предложение ехать обратно не только не согласились, но и данную им на имя войска грамоту оставили в зале коллегии. Тогда граф Захар Чернышев приказал арестовать всех находившихся в Петербурге яицких казаков, число которых доходило до 80 человек, и отправить их под присмотром на Яик. Скрываясь в разных частях города, многие казаки избежали ареста, «а другие и именно: сотник Кирпичников с пятнадцатью человеками казаков, не доезжая до Ямской слободы, помощию новой едущей сюда партии отбились, так что отправлено уже только шесть человек»[68].

Хотя, по распоряжению графа Чернышева, из числа возвратившихся в Санкт-Петербург казаков и было вновь арестовано человек тридцать, которые и отосланы в Казань для содержания под караулом, тем не менее казаки не унимались. Успевшие избежать ареста, собравшись вместе и имея во главе сотника Кирпичникова, нашли удобный случай вторично просить императрицу об освобождении их от легионной и очередной службы и об отправлении на Яик доверенного лица, которое могло бы прекратить бесчинство старшин и вражду двух партий.

Упорство депутатов и их настойчивость обратили на себя серьезное внимание императрицы, тем более что донесения, полученные от оренбургского губернатора, свидетельствовали о постепенном возрастании беспорядков и о всеобщем народном неудовольствии. Из этих донесений императрица видела, что казаки наотрез отказались идти в легионную службу и послать смену находившимся в Кизляре; что их ловили, заковывали в кандалы и отправляли по назначению, но товарищи отбивали их и вместе с ними уходили в степь. Население было настолько возбуждено, что отказывалось от всяких работ и не заботилось о собственном благосостоянии. Наступила пора сенокоса, казаки не думали о сенокошении; их принуждали, они не слушали. Такое напряженное состояние, грозившее серьезными последствиями в будущем, побудило императрицу еще раз испробовать меры снисхождения и удовлетворить главнейшим просьбам казаков.

«Войска Яицкого сотники и казаки, – писала императрица[69], – собравшись множественным числом, неоднократно просьбами своими нас утруждали. За таковое их дерзновение хоть они и заслуживают неупустительное по законам наказание; но, из единого нашего монаршего милосердия, в таком их проступке всемилостивейше прощаем и, снисходя на их просьбу, *увольняем их вовсе от легионной команды, куда их и впредь не наряжать.* А притом повелеваем нашему верноподданному войску Яицкому по всем посылаемым в войско из нашей Военной коллегии, как из главного правительства, грамотам и указам чинить непременное исполнение, и службу свою отправлять по их прежним обыкновениям. Нашей же Военной коллегии повелеваем представить нам для определения в легионную команду вместо яицких казаков других».

Вместе с тем, для прекращения вражды двух партий, поверки действий атамана и учета войсковой

канцелярии, императрица приказала отправить на Яик новую следственную комиссию, в состав которой были назначены л. – гв. Семеновского полка капитан Дурново и командовавший войском в Оренбурге генерал-майор Давыдов. Прибыв на место, лица эти должны были разобрать пререкания казаков, на основании указа, данного Военной коллегии от 2 сентября, и если присутствующие в войсковой канцелярии старшины положенного на них денежного штрафа не заплатили, то, писала императрица капитану Дурново[70], приказать сменить по усмотрению вашему и на их места выбрать войску других по их обрядам, дабы тем скорее оный штраф с них взыскан и в войско возвращен был.

«Также, когда войсковую канцелярию в войсковой сумме считать будут, велеть определить к тем счетам потребное число казаков заслуженных и поведения доброго, по выбору всего войска, со сменой по прошествии года. Командированной в Кизляр яицких казаков пятисотной команде, когда двухлетний срок уже вышел, велеть толикое же число нарядить из войска и отправить к генерал-майору де Медему».

Удовлетворенные в своих просьбах, депутаты Яицкого войска отправились домой, причем казаки Севрюгин и Герасимов успели получить копию с указа 7 декабря, которая, как увидим ниже, будучи неверна, послужила поводом к новым и весьма серьезным волнениям казаков.

Глава 2

Прибытие Дурново в Яицкий городок. – Деятельность следственной комиссии. – Неудовольствие казаков. – Отправление сотника Кирпичникова депутатом в Петербург. – Прошение казаков, поданное императрице. – Перемена в составе следственной комиссии. – Генерал Траубенберг. – Возвращение Кирпичникова в Яицкий городок. – Междоусобие, среди которого убиты Траубенберг и Тамбовцев, а Дурново ранен. – Избрание новых правителей и просьба казаков о прощении.

2 февраля 1771 года капитан Дурново прибыл в Яицкий городок, но не нашел там генерал-майора Давыдова, занятого в Оренбурге отправлением отрядов в погоню за калмыками, откочевавшими из наших пределов с целью перейти во власть Китая.

Не желая, однако же, оставаться в бездействии, Дурново запретил старшинам производить дела по разбору жалоб и обязал их подпиской, что они будут заниматься только обыкновенными канцелярскими делами[71].

Мера эта, лишавшая старшин возможности притеснять челобитчиков и отнимавшая у них всякую власть, понравилась казакам, и они просили Дурново о скорейшем исполнении данного ему указа, но он отвечал, что один сделать этого не может, а должен дождаться прибытия генерал-майора Давыдова, вместе с которым ему велено произвести следствие[72]. Только из этого заявления войско узнало о Давыдове и, не ведая, по чьему распоряжению он назначен, так как указ императрицы был написан на имя одного Дурново,

решило, что Давыдов командирован по просьбе старшин и, конечно, будет держать их сторону.

С неудовольствием узнали казаки о приезде Давыдова в Яицкий городок и с предубеждением смотрели на все его действия. Неохотно шли они в круг слушать присланный Давыдову указ Военной коллегии, но когда, выслушав его, узнали, что велено отрешить от присутствия старшин, взыскать с них положенный штраф и удержанное ими у казаков жалованье, то временно успокоились, хоть и ненадолго, потому что комиссия, по их мнению, повела дело не так, как бы следовало, и не согласно с данными указами. Члены комиссии начали с того, что предложили присутствующим в войсковой канцелярии вопросные пункты, по которым оказалось, что положенный от Военной коллегии штраф старшины Суетин и Митрясов заплатили, а остальные еще не заплатили, потому что по резолюции коллегии велено было «взыскать штраф с такой предосторожностью, чтоб от единовременного взыскания в бедность и неимущество прийти не могли, и расположить то взыскание, смотря каждого имущество, по срокам». Следуемое войску жалованье и деньги за провиант за первые пять лет, по показанию старшин, «были зачтены в откупы, а за два года из наличных больше половины в жалованье роздано, а остальное казаки по упрямству не берут». Рыбу ловить и сено косить никогда запрещаемо не было. В заключение старшины в приходе и расходе денежной суммы представили шнуровые книги, начиная с 1766 года.

Заявление старшин не могло быть ни опровергнуто, ни утверждено без показаний челобитчиков, не могло быть также, без показаний самих казаков, определено и то обстоятельство, в состоянии ли не заплатившие еще штрафа старшины внести его и в какое время. Поэтому Давыдов и Дурново, согласно высочайшему повелению, потребовали от войска доверенных для проверки как

книг, так и показаний старшин. Видя в этом требовании уничтожение результатов следствия, произведенного Потаповым, войско отказалось произвести выбор и после долгих настояний и собранных несколько раз кругов согласилось наконец на требование, но с тем, чтобы старшины Митрясов, Суетин и Пономарев, как ответчики, были отрешены от присутствия в войсковой канцелярии, а на место их были бы выбраны войском другие лица. «А как по справке оказалося, – доносил Дурново[73], – что присутствующие в войсковой канцелярии старшины положенный на них штраф заплатили и в приход оный в 1766 и 1767 годах в книгах действительно записан», то комиссия, без точного исследования, не признала возможным отрешить старшин совсем от присутствования в войсковой канцелярии и выбрать вместо них других. Со своей стороны казаки просили со слезами Давыдова и Дурново, чтобы поступили по указу. Но «они[74], не внемля просьбе, – показывали казаки, – старались больше за старшин, обходясь с ними приятельски». Таким образом на первых же порах произошло весьма крупное разногласие: следователи не сменяли старшин, а казаки отказались выбрать уполномоченных. Вслед за тем в войсковом кругу, 9 марта, было прочитано высочайшее повеление о командировании в Кизляр 500 человек казаков на смену той команды, которая там находилась уже более двух лет, и указ Военной коллегии о командировании всего Яицкого войска в погоню за бежавшими калмыками. Объявление это было принято войском с большим неудовольствием, и собиравшиеся 9, 10, 11 и 12 марта круги отличались особым шумом. Сотники и казаки непослушной стороны кричали, чтоб им было разрешено выбрать в походные атаманы простого казака Максима Выровщикова, а атаман и старшины на то не соглашались.

– Максим Выровщиков, – говорил атаман, – был в ссылке, а по грамоте Военной коллегии 1765 года велено, при наряде в службу, посылать старшин по очереди, а буде важная надобность востребует куда отменного достоинства и исправности, то, невзирая на очередь, командировать старшину по усмотрению войскового атамана, ибо до сего казаки начальников себе выбирали слабых и попустительных, которые делали единственно то, что казакам было угодно.

Пользуясь своим правом, атаман Петр Тамбовцев назначил для преследования калмыков старшину Витошнова, полковниками старшин Кадарова, Митрясова и Филимонова, а есаулов, сотников и хорунжих предоставил выбрать самому войску[75]. Послушные казаки командировали от себя 221 человека, а непослушные объявили наотрез, что они не пойдут ни к старшинам в команду, ни в погоню за калмыками на том основании, что будто бы казаков не велено наряжать на службу. Последнее заявление они основывали на копии с именного указа, данного Военной коллегии от 7 декабря 1770 года[76], копии, представленной атаману сотником Тимофеем Севрюгиным в войсковом кругу 11 марта. В копии этой вместо слов «куда их (т. е. в легионную команду) и впредь не наряжать», было написано: «Никуда их впредь не наряжать». Чтение этой копии окончательно отклонило казаков от наряда в командировку. Отказавшись, по наущению сотника Ивана Кирпичникова, послать на смену команду в Кизляр, они требовали удаления старшин, взыскания с них штрафа и выдачи казакам жалованья за пять лет.

Видя всю невозможность исполнения данного поручения, генерал-майор Давыдов и капитан Дурново донесли о том Военной коллегии, а казаки непослушной стороны отправили в Петербург сотника Кирпичникова с 23 человеками[77] в качестве депутатов для испрошения от имени всего Яицкого войска о подтверждении

капитану Дурново скорейшего исполнения именного указа со всеми его последствиями[78].

Перед отъездом депутаты просили выдать им паспорты, но как ни войсковая канцелярия, ни Дурново выдать их не соглашались, то казаки заручились верющим письмом от 2700 человек сотников и казаков[79]. Получив от 20 до 30 рублей на человека мирских денег, депутаты отправились в путь.

Выехав из Яицкого городка весной 1771 года после Пасхи, депутаты в июне прибыли в Петербург, где Кирпичников явился к графу Захару Григорьевичу Чернышеву с намерением подать челобитную на имя императрицы. Чернышев не принял прошения и толкнул ногой Кирпичникова так, что тот упал.

– Придите ко мне все, сколько вас здесь есть, – сказал грубо граф Чернышев, – тогда я прошение приму и вас отправлю.

Опасаясь быть захваченными, казаки ходили в Военную коллегию по 3 и по 5 человек и жили в Петербурге на нескольких квартирах, скрывая их даже друг от друга. Жили они в Ямской слободе и для совещаний сходились на рынке.

Отыскав удобный случай, казаки подали прошение в руки самой императрице, которая поручила своему секретарю Козьмину[80]исследовать дело яицких казаков[81]. Исследование это, заключавшееся главнейшим образом в собирании справок и во взаимной переписке правительственных учреждений, продолжалось весьма долго, и казаки, не зная ничего о результатах своей просьбы, прожили в Петербурге с 28 июня по 6 декабря. В этот день они узнали, что их разыскивают и что Военная коллегия «дала чрез полицию приказ по всему Петербургу изыскивать их и на квартирах не держать, яко сущих злодеев». Казаки сняли с себя национальный костюм и, переодевшись в ямское платье, ходили по столице в ожидании

резолюции. Деньги, данные им от войска, приходили к концу, и депутаты стали ощущать недостаток в пропитании, а между тем шесть человек из них были уже арестованы и биты плетьми. Затем пойманным обрили бороды, остригли волосы и по приказанию графа Чернышева отправили на службу в полки второй армии. Тогда, видя в вице-президенте Военной коллегии не защитника, а своего преследователя, казаки решились вновь обратиться к самой императрице, от которой они только и ожидали справедливого и милостивого решения дела, продолжавшегося уже 11 лет.

«Богу и тебе, всемилостивейшая государыня, – писали депутаты[82], – всеподданнейшие рабы припадают к стопам вашим с горькими слезами. Помилуй, всемилостивейшая государыня, всех живущих на Яике, которые о тебе жизнь сообразуют и пребывают под вашим императорским покровительством! Сжальтесь, всемилостивейшая государыня, о понесенных нами бедствиях, которые вашему высокомонаршему лицу из наших горестных прошений известны, кои соделают нам и ныне нападки, в противность преподанных высокомонарших законов… Мы бесчасные, всеподданнейшие рабы, не только не имеем удовольствия, но несем бесчеловечное мучение от атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшин [штрафованных], коих и ныне определяет государственная Военная коллегия, а особливо граф Захар Григорьевич Чернышев…

Всеавгустейшая императрица, всемилостивейшая государыня! К освященным вашим стопам всеподданнейшие рабы припадаем со слезами, избавьте монаршим вашим милосердием от сего несносного разорения; не только пришли в упадок, но в самую нищету; ей-ей до того доведены, что мы не в состоянии продолжать вашей императорской службы, за нерешением дела одиннадцать лет и за

долговременным здесь бытием. По недостатку нашему на пропитание и на прочую справу, заниманием в великих долгах себя находим. Помилуй, всемилостивейшая государыня, оборони от такого нападения атамана Тамбовцева и всех старшин и господ генералитет, штаб– и обер-офицеров; удостой нас, как прежде, при отце отечества государе Петре Великом находились под протекцией г. генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, тако и ныне усердно быть желаем у его высокографского сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова, дабы наше Яицкое войско избавлено было от нападения, каковое высочайшее матернее милосердие предпочесть должны не иначе как дарованной нам новой жизнию».

Прошение это было написано в таком числе экземпляров, сколько было казаков в Петербурге, «для того, показывал казак Симеон Матросов, что условились между собой, что если они [Герасимов и Ерин] не успеют оной [челобитной] подать и попадут под караул, то им свой стараться подать и их из-под караула выручать».

Подавший прошение Иван Ерин был задержан, а Герасимов успел скрыться. На вопрос, где живет Герасимов, Ерин отвечал, что не знает, «но думает, что слоняется около рынка». Тогда, по приказанию императрицы, Ерин был отправлен к генерал-прокурору князю Вяземскому с тем, чтобы он допросил его о желаниях казаков[83]. Но прежде чем императрица могла узнать подробности всего происходящего в Яицком войске, большинство их депутатов было арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость. Оставшиеся свободными не знали, что делать, и, наконец, Кирпичников, за отсутствием графа Григория Григорьевича Орлова, обратился к брату его Ивану Григорьевичу с просьбой о покровительстве. Братья Орловы не были сторонниками распоряжений графа Захара Чернышева и относились к ним с иронией. «Захар

и Иван Чернышевы, – писал лорд Каскарт графу Рошфору[84], – деятельны, тонки и хитры; способны запутать дело, но не руководить им».

Не сочувствуя графу Чернышеву и его поступкам, граф И.Г. Орлов дал Кирпичникову письмо к Дурново и советовал отправиться на Яик, не являясь в Военную коллегию[85].

– С этим письмом, – прибавил граф, – вас пропустят куда хотите.

Кирпичников так и поступил: он достал копию с высочайшего указа капитану Дурново, взял с собой письмо графа Орлова и, оставив в Петербурге сотника Горохова, сам с остальными товарищами, избежавшими ареста, отправился в Яицкий городок, где в то время волнение казаков и их неудовольствие достигло крайних пределов.

Через пять дней по отправлении Давыдовым и Дурново донесения в Военную коллегию, и именно 30 марта 1771 года, писарь духовного правления Мостовщиков явился к войсковому атаману Тамбовцеву и объявил, что непослушной стороны казак Иван Яганов говорил ему, что если будет собран круг и будут командировать казаков на службу, то 500 человек захватят пушки и пороховой погреб, а 500 будут около круга в резерве и учинят нападение на атамана со старшинами, на всех согласных, на генерал-майора Давыдова и на всю регулярную команду[86]. Показания Мостовщикова были тотчас представлены Тамбовцевым следственной комиссии, в присутствии которой Мостовщиков подтвердил свое показание и заявил, что Яганов заперся и указал на казака Легошина, будто бы говорившего эти слова. Легошин, по обыкновению, отпирался, но после священнического увещания Яганов признался в том, что действительно слова эти он говорил. Не довольствуясь этим признанием и желая отыскать главных участников заговора, Давыдов и

Дурново приступили к расспросам с пристрастием, на которых Легошин объявил, что о намерении войска говорили сотники Горохов, Герасимов, Кирпичников и Артикеев, казаки: Герасимов, Кабаев и Выровщиков и многие другие, а предприятие к тому злому намерению их было принято еще с самой Страстной недели[87]. Комиссия не могла произвести дальнейшего следствия, потому что большинство названных лиц находилось вместе с Кирпичниковым в Петербурге, а остальные разбежались из городка по своим хуторам.

В это время генерал Давыдов получил подтверждение Военной коллегии и ордер оренбургского губернатора о скорейшем командировании команды в Кизляр. 22 июня он собрал войсковой круг, но совершенно безуспешно. Представители казаков непослушной стороны заявили, что выбор атамана и прочих походных старшин в ту команду следует отдать на волю войска, а когда непослушные казаки потребовали, чтобы прежде командирования команды в Кизляр была произведена всему войску перепись, то Логинов просил атамана ввиду этой переписи командировку отложить до другого круга. «От чего, доносила войсковая канцелярия Военной коллегии, и больше разврат сделался, и казаки наисильнейше о переписи просить стали, а без того командировку сделать отреклись».

Военная коллегия предписала произвести следствие по этому делу, но еще до получения этого предписания генерал-майор Давыдов, будучи назначен губернатором в Белгород, 19 октября отправился к месту назначения. Вместо него был назначен из Оренбурга генерал-майор фон Траубенберг, который прибыл в Яицкий городок только 30 декабря, а до того времени «находился я, – доносил Дурново, – почти без всякого дела»[88].

Вновь назначенный председатель следственной комиссии был человек решительного характера, близко

знакомый со всем происходившим на Яике и недовольный казаками за то, что они не выслали в его отряд команды для преследования калмыков. Генерал-майор фон Траубенберг начал свою деятельность с того, что наказал плетьми семь человек казаков, оказавших наибольшее сопротивление в командировании команды в Кизляр, приказал обрить им бороды и, под конвоем одного сержанта и 12 рядовых, отправил в Оренбург для определения в регулярную службу. Казаки войсковой стороны решились отбить их и освободить из неволи. Верстах в 40 от городка, казаки в числе до 300 человек конных напали на конвой, «с превеликим криком», успели отбить шесть человек, а седьмого, «насилу отстреливаясь, сержант с командой удержал и привез обратно в городок»[89].

Несмотря на открытое сопротивление казаков, генерал-майор Траубенберг все-таки настаивал на отправлении команды в Кизляр и собирал несколько кругов, но сотники и казаки войсковой стороны в круга не ходили, отзываясь, что они ожидают прибытия из Петербурга челобитчиков, сотника Кирпичникова с товарищами, и до их прибытия никакого наряда не сделают. Опасаясь преследований, казаки разбрелись по хуторам и «в городке находилось очень мало, а некоторые хотя и были, но, однако же, в домах под укрывательством»[90].

Наконец 9 января в Яицком городке получено было известие, что депутация с Кирпичниковым во главе подъезжает к городку. Казаки огромными толпами, с женами и детьми, отправились на встречу. В то время еще не были прекращены меры предосторожности от чумной заразы, и потому Траубенберг и Дурново отправили двух офицеров с подлекарем для осмотра прибывших и задержания их в карантине. Но едва только депутация показалась в виду города, как была окружена более чем пятьюстами казаков, так что о

карантине нечего было думать, и большинство прибывших в тот же день отправилось в город[91].

– Что велено Дурново исполнить? – спрашивали казаки.

– Велено учинить в силу указов, – отвечал Кирпичников.

В тот же день он явился к Дурново и передал ему запечатанное письмо графа Орлова.

– В ожидании возвращения депутатов, – говорил Дурново Кирпичникову, принимая от него письмо, – войско целый год не отправляет команды в Кизляр, несмотря на высочайшее повеление и неоднократные подтверждения Военной коллегии. Поэтому, если вы просили об отмене той команды и она не отменена, то растолкуйте войску, что должно отправить ее немедленно.

– Мне нет до этого дела, – отвечал Кирпичников, – а что войско хочет, то пусть и делает.

На другой день Кирпичников отправился в Кабанкину улицу[92], в дом отставного казака Прокофия Толкачева, где был встречен огромной толпой казаков.

– Что привез нам из Петербурга? – спрашивали они.

– Ничего, кроме письма от графа Орлова к капитану Дурново, – отвечал Кирпичников. – На поданную нами челобитную никакой резолюции не последовало, и для получения ее оставлено в Петербурге пять человек казаков при сотнике Горохове.

Казаки призадумались, не зная, что предпринять и на что решиться.

– Все это делает граф Чернышев, – говорили Кирпичников и приехавшие с ним казаки, – государыня того не ведает, а всегда велит нам удовольствие делать. Если мы за себя не постоим, то граф и всех нас с детьми изведет, ибо и генерал [Траубенберг] прислан от него же, без ведома государыни и наемный старшинами. Ежели мы не уступим, то государыня почтет это себе за

удовольствие, ибо она, ведая, что граф все мудрствует, о вотчине своей весьма сожалеет.

Единственно, чем мог похвастаться Кирпичников пред казаками, – это копиями с указов об отрешении старшин и с данного на имя Дурново[93]. Копии эти были тотчас же прочтены вслух казаком Гоманом Котятовым, и собравшиеся решили послать к Дурново с просьбой, чтоб он отрешил старшин[94].

– Если на третий день по посылке, – сказал Кирпичников, – старшин не отрешат, положенного штрафа не взыщут и войско жалованьем не удовлетворят, то поступим воинским отпором.

Между тем генерал-майор Траубенберг, узнав, что с приездом Кирпичникова казаки устраивают сходки и собираются большими толпами, что Кирпичников распускает слух, будто привез с собой указ от отрешении судей войсковой канцелярии и об удовольствовании войска жалованьем[95], отправил к нему Петра Копеечкина с двумя казаками спросить, есть ли у него действительно такой указ?

– Указа нет, – отвечал Кирпичников.

– Велишь ли ты круг делать? – спросили посланные.

– Я не атаман.

– Ты хоть и не атаман, однако ж тебя все войско слушает, и больше чем атамана.

– Я иду в баню, – отвечал Кирпичников, – и в ваши дела не мешаюсь.

Переговоры эти были дословно переданы Траубенбергу[96], который, будучи удивлен таким ответом и снисходя на просьбы старшин и послушных казаков, желавших видеть Кирпичникова в войсковом кругу для того, чтоб он объявил им, с чем приехал, отправил старшину и депутата Ивана Окутина с приказанием Кирпичникову явиться в войсковую канцелярию и объявить, что последовало по челобитью их? Но как только Окутин пришел на двор и стал

стучаться в дверь, Кирпичников с криком и бранью выскочил из избы и столкнул Окутина с крыльца.

– Разве тебе этого хочется? – кричал Кирпичников, схватившись за саблю. – Покуда жив, иди лучше прочь.

Он приказал бывшим в его доме казакам прогнать Окутина со двора, что и было исполнено. Тогда Траубенберг послал вторично Окутина, дьяка Суетина, старшину Мартемьяна Бородина, сотника Копняева, казака Копеечкина и с ними казаков, чтоб они уговорили Кирпичникова и растолковали ему, что так своевольничать нельзя, и привели его в войсковую канцелярию. Жена Кирпичникова, говоря, что мужа ее нет дома, заперла за собой двери, но посланные, не веря ее словам, стали ломиться в дом, от чего и произошел шум. На этот шум сбежались сначала соседи, а потом стали останавливаться и проходящие казаки, так что когда посланные вышли со двора, то были встречены толпой непослушных казаков, человек до ста, которые стали их ловить «под свой караул». Произошла свалка: казаки ловили друг друга, и Бородин принужден был обнажить саблю, чтобы пробиться сквозь толпу[97].

Обе стороны захватили пленных и развели их в разные стороны. Трое казаков были захвачены старшинской стороной и на аркане приведены к генерал-майору Траубенбергу, который приказал атаману высечь их плетьми у войсковой избы и посадить под караул. Происшествие это быстро разнеслось по городу, и войско считало себя глубоко оскорбленным старшинами и их партией. Собравшись огромной толпой в Толкачевой улице, которая пролегала вдоль реки Яика, и расположившись на ее берегу, казаки толковали о происшедшем, как вдруг заметили сотника Копняева и казака Копеечкина, возвращавшихся домой из войсковой канцелярии. Некоторые казаки обратились к ним с словами укоризны.

– Для чего вы со старшинами, – говорили они, – причиняете такие обиды и увечите войсковых казаков?

Копняев и Копеечкин оправдывались, а между тем окружающая их толпа росла и, будучи недовольна ими за измену[98], решалась захватить их в свои руки. После довольно значительных побоев Копняев и Копеечкин были отведены в дом Толкачева, брошены в «студеный погреб», где и содержались под караулом. Имея в своих руках заложников, войсковая партия послала к Дурново казака Савелия Чиганахаева с товарищем просить, чтоб он освободил войсковых казаков и решил дело о старшинах по силе именного указа. Депутаты были задержаны, закованы в железо и посажены под караул, а казакам послано приказание выпустить Копняева и Копеечкина. Озлобленные задержанием своих посланных, казаки отправили еще двух, с просьбой выпустить войсковых казаков и с обещанием освободить тогда Копняева и Копеечкина. Дурново задержал и арестовал и этих посланных. Тогда войсковые казаки, собравшись значительной толпой, расставили по улицам свои пикеты, человек по пятьдесят, и всех выходивших на улицу послушных забирали, били и сажали под караул. Вместе с тем сотники разослали повестку, чтобы войсковые казаки, не только находящиеся в Яицком городке, но по хуторам и на форпостах, все, не исключая отставных и малолетних, собирались в Толкачеву улицу для совещаний[99].

Со всех сторон стекались непослушные казаки; «чем далее, то их более собиралось, и Кабанкина [Толкачева] улица, равно как и другие близлежащие улицы, дворы и избы, все ими были наполнены. Которые же к ним в собрание идти не хотели, тех всячески стращали, силой и страхом к себе привлекали, обманывая привезенным будто бы Кирпичниковым именным указом, напоминая при этом, что те, кои на их предприятие не согласятся, явные будут преступники и нарушители того указа.

Многие верили таким рассказам и увеличивали собой толпу недовольных».

Сбор казаков в Толкачевой улице заставил генерал-майора Траубенберга принять серьезные меры, и он было решил собрать возле себя регулярную команду[100] и послушных казаков, с тем чтобы половину их оставить при орудиях, а другую послать разогнать непослушных. Но как регулярной команды оказалось всего 70 человек, а послушных казаков набралось не более 50 человек, то атаман с старшинами просили Траубенберга отменить посылку команды против непослушных, число которых доходило до тысячи человек.

– Они по большей части, – говорил Тамбовцев, – сидят с заряженными ружьями по дворам, а улицы тесны; если вступить в улицы, они могут из окон перестрелять всю команду.

Отменив первоначальное решение, Траубенберг приказал как регулярной команде, так и послушным казакам быть при войсковой канцелярии в совершенной готовности и вооруженными. Видя, что взаимная ненависть двух партий все более и более усиливается, послушные казаки стали собираться возле войсковой избы, потихоньку проскользая между расставленными пикетами, «а иные провозимы были женами в санях, покрытые сеном и прочим». Таких сторонников-старшин собралось до 200 человек, а между тем Траубенберг отправил офицера уговорить собравшихся в Толкачевой улице, чтобы они разошлись по домам и освободили сотника Копняева с товарищами, и если кому есть в чем надобность, то пусть каждый сам о себе, а не сборищем приходит просить безо всякого опасения. Если же имеют общественные нужды, говорил Траубенберг, то приходили бы в войсковой круг, и законная просьба их будет тотчас же исполнена[101]. Казаки отвечали, что они не имеют никакого злого намерения, но что они

единогласно просят Дурново, чтоб он решил их тяжбу со старшинами.

– Скажите ему, – говорили казаки, – чтобы по силе указа исполнял бы в самой скорости, а генерал бы с командой ехал из городка вон: нам-де дела до него нет.

Дурново отвечал, что скорое решение дела зависит от самих казаков.

– Ежели изберут поверенных для счета книг, – говорил он, – и для доказательства виновности старшин, то дело будет окончено в самой скорости.

Дурново старался убедить представителей недовольных, что товарищи их поступают дурно, собираясь самовольно вооруженной толпой, и просил их разойтись по домам, но казаки не расходились. Напротив, как только узнали они, что Дурново не намерен уступить общему желанию видеть старшин смененными и публично прочесть данную ему инструкцию, положили идти к нему на следующий день всем войском, «потому что если им просить о решении своего дела малым числом людей, то он, по наущению старшин, пересажает под караул, может, и половину войска».

– Ведь почему нам знать, что у них на уме, – говорили казаки.

Неудовольствие было настолько возбуждено, что многие в ожидании утра, несмотря на сильный мороз, ночевали на улице под открытым небом.

Наконец наступило утро 13 января 1772 года. Толкачева улица была полна народа; здесь были служащие и отставные казаки, малолетки, жены и дети; одни были вооружены ружьями, другие палками, иные на конях, но большинство пешком; все шумело и кричало. Траубенберг спрашивал Дурново: что делать? «Прежде было полагали мы, – доносил последний[102], – чтоб взять сколько возможно будет пушек и выйти с командой из городка вон; но как по причине зимнего

времени и глубоких снегов маршировать с пушками по степи никакого способа не было и послушных казаков жены и дети остались бы их злодейству на жертву, а дома на расхищение и показана бы была чрез то им робость и повод к пущей дерзости, – почему и рассудили остаться на месте в городке, укрепись сколь возможно в улицах подле войсковой канцелярии и, если будет нападение, защищаться».

Расставив по разным местам пушки, так чтоб они могли стрелять вдоль улицы, а за ними регулярную команду и согласных казаков, Траубенберг отправил посланного в Оренбург с донесением, что казаки бунтуют, и просил помощи. Оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп командировал сначала эскадрон драгун и роту пехоты, а потом еще роту пехоты, но они не поспели вовремя и принуждены были остановиться в Илецком городке[103].

События шли быстро, и обстоятельства изменялись с каждым часом.

В Толкачевой улице толпа народа становилась гуще и гуще; но казаки, огромной волной передвигаясь с места на место, все еще не знали, на что решиться, как вдруг среди собравшегося народа пронесся слух, что у казачки Анны Глуховой есть чудотворный образ Спасителя, который во время бывших напастей рыдал.

– Первый раз, – говорила Анна Глухова, – он плакал пред тем случаем, когда генерал Черепов был в Яике и команда его побила из ружей нескольких человек казаков до смерти и множество переранила; другой раз, когда из войска требования были казаки в легионную службу и войско противилось дать, отчего многие были мучены побоями и тюрьмой.

По словам Анны Глуховой, образ Спасителя плакал и теперь. Она же сообщила, что у казачки Бирюковой есть еще явленная Владычица Одигитрия, которая в доме у них более ста лет и старинного рукописания[104].

– Сколь давно находится у нас в доме явленный образ Богоматери, – говорила Маланья Бирюкова, – я не знаю, а слышала от мужа своего, что он был у нас еще при его деде, который лет двадцать умер. Найден оный образ на бухарской стороне, на Синем сырту, в степи, упомянутым дедом, ездившим туда с прочими казаками для отыскания потерявшихся лошадей. Потому что найден в таком пустом, а притом еще и азиатском месте, он признан был за явленный. Чудес от него никаких я не видала, да и прежде, чтоб оные когда были, ни от кого не слыхала. Однако же многие из здешних жителей для моления берут сей образ к себе в дома и временем дают приклад.

Предпринимая решительный шаг, казаки тотчас же подняли образа и принесли их в церковь Петра и Павла[105]. Пока ходили за образами, коноводы недовольных отправили от себя к Дурново попа Михаила Васильева с объявлением, что войско идет пасть к его ногам и просить, чтоб он исполнил высочайшее повеление. В ожидании ответа народ ринулся от дома Толкачева и, пройдя с версту, остановился у Петропавловской церкви. Траубенберг отправил старшину Федора Митрясова для осмотра толпы и определения числа ее. Митрясов донес, что собралось множество казаков и идут вооруженными[106].

Все говорило о близкой развязке. Траубенберг приказал зажечь фитили и войскам быть готовыми ко всякого рода случайности.

Между тем священник Михаил Васильев скоро возвратился к казакам и объявил, что Дурново обещал дней через десять исполнить их просьбу и приказывал им разойтись по домам. Опасаясь, что Дурново не исполнит своего обещания и дело затянется, казаки вторично отправили к нему священника Михаила, который, встретившись на базаре с отставным казаком Михаилом Усом, просил его сходить к священнику

Кирсановской церкви Степану Афанасьеву и пригласить его отслужить молебен по желанию всего народа. Ус исполнил поручение, а священник Васильев, увидя Шигаева, впоследствии деятельного сообщника Пугачева, взял его к себе в товарищи и отправился с ним к Дурново.

– Зачем пришли? – спросил Дурново посланных.

Шигаев, поклонившись в ноги, со слезами просил исполнить все по указу.

– Пусть войско разойдется по домам, и я, конечно, удовлетворю их желание дней через семь, а много через десять.

– Войско просит, – говорил Шигаев, – сделать им эту милость сегодня.

– Нельзя.

– Как же, батюшка, быть? Войско сомневается в этом; не можно ли вам сесть на коня и, подъехав к войску, подтвердить ваше обещание?

– Да, благодарствую, – отвечал Дурново, – может, вы меня же и уходите; нет, ведь я велик у государыни-то!

С этими словами Дурново отошел в сторону, а посланные остались с атаманом Тамбовцевым, старшинами Суетиным и Бородиным. Поп Михаил говорил с атаманом, а Шигаев – с Суетиным и Бородиным. «Шигаев кланялся им в ноги и просил, чтоб они смилосердились; а напротив того, и они ему низко кланялись и называли его именем и отчеством».

– Для чего же вы, – спрашивал Шигаев, – упорствуете и стоите за свои чины и доводите войско до крайности?

– Мы нимало за чины свои не стоим, – отвечали Бородин и Суетин, – и рады теперь же их с себя сложить. Если это угодно войску, то сочтем сие за милость и готовы заплатить 100 рублей, чтоб из беды освободиться.

– Ну так ведь стоит вам, – говорил Шигаев, – только прийти пред войско и принести покорность, так и вся

вражда минуется. А ежели вы этого не сделаете, так доведете, помилуй Бог, до кровопролития. Войско теперь не отстанет от своего предприятия, приступит Сергея Дмитриевича [Дурново] просить, а он и генерал не допустят, может, оное до себя и будут палить из пушек. Народ не утерпит, тогда и вы сами знаете, выйдет дело дурное.

– Мы рады с тобой идти и принести войску покорность, – отвечали Суетин и Бородин.

Они отправились к Дурново и Траубенбергу просить позволения идти к войску, но разрешения не последовало, а между тем толпа подошла к Кирсановской церкви, находившейся не в дальнем расстоянии от войсковой избы. Получив и на этот раз неудовлетворительный ответ, казаки, под предводительством сотника Ивана Портнова, «отправились к церкви Божией»[107]и служили молебен, а некоторые из них причащались Святых Тайн.

– А затем, – сказал Кирпичников, обращаясь к толпе, – поступайте, как Бог вразумит.

Поп же Васильев обязывал всех присягой действовать единодушно[108].

Зная из слов Шигаева, что старшины Суетин и Бородин готовы принести покорность войску, казаки решились на новый шаг к примирению и отправили к Траубенбергу и Дурново казака Аржанова с несколькими товарищами просить, чтобы генерал Траубенберг выехал из города, а старшины Матвей Суетин и Мартемьян Бородин были выданы войску.

– Выдать их в такое самовольное общество мы не можем, – отвечал Дурново.

Аржанов снова просил Дурново, чтоб он выехал к собравшимся и прочел им данный на его имя высочайший указ.

– В такую толпу вооруженного народа я не поеду, – отвечал тот, – а если хотите говорить со мной и

выслушать указ, то выберите человек десять или двадцать лучших людей и пришлите их на половину расстояния. Я выеду тогда к ним, возьму с собой старшин и могу с ними о всем переговорить.

С этими словами Аржанов ушел обратно, а вслед за ним Траубенберг послал к казакам Сакмарской станицы атамана Данилу Донского, старшину Федора Митрясова и депутата Якова Колпакова, чтоб уговорить войско разойтись по домам и растолковать последние слова Дурново казаку Аржанову. Толкования эти не подействовали, и, хотя Дурново с старшинами Суетиным и Бородиным выходил на середину, но казаки не согласились выбирать уполномоченных для объяснения с ним.

– Нам до генерала [Траубенберга] никакого дела нет, – отвечали казаки, – а имеем его только до гвардии капитана, как по высочайшему указу к нам в войско присланного, которому поручено: старшин от присутствия отрешить и на место их выбрать других; положенный на них штраф взыскать; жалованьем войско удовольствовать и войсковую канцелярию счесть.

Донской и его товарищи повторили требование Траубенберга и Дурново, чтобы толпа разошлась по домам и что тогда все их претензии будут удовлетворены чрез неделю, а много что через десять дней.

– Дурново целый месяц такие обещания делывал, – говорили сотники и казаки, – однако же ни одного раза не устоял на своем слове, а только мучит казаков и сажает под караул. Воля его, ведь мы идем не со злодейством каким, а идем с святыми образами, для того, что авось либо они по нас для них [образов] не станут стрелять и умилосердится их сердце. Пришедши к нему, мы обмоем ноги его слезами и будем просить, чтоб он сегодня решил старшин.

Придав Донскому священника Михаила Васильева и еще нескольких человек, казаки отправили их с этим ответом к Дурново. Последний решился сделать некоторую уступку и пойти на примирение. Он прочитал присланным высочайший указ, данный на его имя, и объяснил, что ему велено отрешить старшин только в таком случае, если они положенного на них штрафа не заплатили.

– Но, – говорил Дурново, – Суетин деньги заплатил, и в имеющуюся у протопопа Дмитрия Федорова шнуровую книгу они записаны, и Суетину выдана квитанция. Старшина же Бородин в присутствие определен еще недавно, да и участия в том платеже немалого не имеет, а следовательно, на отрешение их резона никакого нет. Что же касается до счета войсковой канцелярии, то неоднократно требования были от войска поверенные, но они до сих пор не присланы; когда они будут присланы, то канцелярия будет тотчас же сочтена, жалованье же человекам тысячи или более уже роздано, а остальные пускай его разбирают[109].

Таким образом, взаимные пересылки и бесконечные переговоры не приводили ни к каким результатам; обе стороны были настолько напряжены и возбуждены, что не хотели уступить друг другу, и генерал-майор Траубенберг признал необходимым послать еще раз атамана Донского с категорическим требованием, чтобы казаки, повинуясь высочайшей воле, назначили команду в Кизляр, разошлись бы по домам и не подвигались вперед толпой, а в противном случае он будет стрелять из пушек[110].

Выслушав Донского, казаки решили прекратить переговоры.

– Более пересылки мы иметь уже не будем, – сказал сотник Краденов, – но на начинающего Бог!

С этими словами казаки заставили попа Михаила Васильева служить молебен о даровании победы,

подняли три образа: из-за престола Кирсановской церкви, явленный в семействе Бирюковых, и чудотворный Спасителя, бывший в доме Глуховой, и за образами намерены были двинуться к войсковой избе. Казаки разделились на две партии: одна пошла по Большой улице, а другая – по Ульяновой[111]. Сознавая, что дело доходит до беды, Шигаев упросил войско потерпеть, пока он сходит еще раз к Дурново. Взяв с собой все три образа, которые несли старики, Шигаев пошел вперед и не видал, что позади его народ пробирался возле стен, опасаясь идти посредине улицы. Но едва Шигаев дошел до соборной колокольни, как по приказанию генерал-майора Траубенберга последовал выстрел, за ним другой, третий…

Толпа бросилась вперед; произошла всеобщая свалка, «и дошло до того, что, будучи в сем замешании, – доносил Данила Донской, – не могли мы узнавать уже друг друга». Казаки быстро овладели орудиями, повернули их против регулярной команды и, произведя несколько выстрелов, побили много солдат и послушных казаков. Забравшись в избы и амбары вблизи войсковой канцелярии и порохового погреба, наступающие открыли огонь из ружей. При первых выстрелах был ранен Суетин, который и был отведен в богадельную избу. Учащая огонь, казаки наступали на регулярную команду с разных сторон, и генерал-майор Траубенберг, видя невозможность устоять против напора столь многочисленной толпы, после некоторого сопротивления с небольшим числом солдат стал отступать ко двору сотника Симеона Тамбовцева, где сперва был ранен пулей в правую руку, а потом при входе на крыльцо изрублен саблями[112]. Капитан Дурново при начале дела находился не вместе с Траубенбергом, а стоял за орудиями, поставленными саженях в десяти от главного фронта. Когда большая часть прислуги при орудиях выбыла из строя, убитыми

или ранеными, Дурново хотел идти на соединение с Траубенбергом, по не застал уже его на месте и был окружен толпой человек в сорок. «Один из них замахнулся разрубить мне саблей голову, – писал Дурново в своем донесении[113], – но я, уклонясь, подставил ему правую свою руку, которую он и разрубил, а потом и голову в трех местах разрубили и в спину ранили копьем, от чего я упал замертво; видно же, что и больше они меня рубили и кололи, потому что платье во многих местах прорублено и проколото; после того били меня смертельно дубьем и всяким дрекольем, что у кого в руках было». Дурново был бы, конечно, убит, если бы на место происшествия не подошел Шигаев.

– Что вы это, проклятые, делаете, – закричал он, расталкивая толпу, – какого человека бьете? Ведь ежели он умрет, так государыня всех нас за него перевешает.

Эти слова, в которых так и слышится то первенство, которое признавали казаки за Дурново пред Траубенбергом, остановили преследователей[114]. Прекратив побои, казаки стали поднимать Дурново, «и как я встать уже был не в силах, – доносил он, – то ухватили за волосы и, таскавши на месте, потащили к войсковой канцелярии сажен с семьдесят и, брося в холодную тюрьму, двери заперли, где я лежал часа четыре без памяти; наконец, почувствовал, что озяб, и пришел несколько в память. В то время слышал я, что неоднократно приходили к тюрьме той, где я лежал, и кричали: конечно, он жив, надобно его приколоть, и в двери ломились, но дверь была заперта и, как видно, что они ключа не нашли».

Вечером пришел к Дурново казак войсковой стороны Савелий Фомичихин и, узнав, что он еще жив, отвел на квартиру и отыскал подлекаря, который перевязал Дурново раны.

Толпа все еще бушевала: захватив у орудий до 70 человек старшинской стороны, в том числе старшину

Мартемьяна Бородина и сакмарского атамана Данилу Донского, казаки войсковой стороны загнали их, наполовину избитых и раненых, в икряную избу, где и содержали под караулам[115]. Благодаря заступничеству того же Шигаева старшина Бородин и атаман Донской не были лишены жизни. В то время когда Шигаев зашел случайно в икряную избу и разговаривал с Мартемьяном Бородиным, прибежал туда казак почти в бешеном состоянии, с поленом в руках.

– Где тут... Мартемьян-то славный? – кричал он. – Я его!..

Раненый и избитый Бородин умолял Шигаева спасти его. Шигаев вытолкал вбежавшего вон, поставил казака с саблей у дверей и приказал, чтобы ни одного человека не пускал, а сам отправился на место побоища, к пушкам, где узнал, что атаман Тамбовцев, старшины Яков Колпаков, Феодор Митрясов, Иван Тамбовцев и многие казаки убиты или ранены.

Весь день 13 января войсковая сторона неистовствовала[116]: ходила по домам старшин и послушных казаков, грабила их пожитки, отбирала деньги, а в дома дьяка Суетина и откупщика отставного старшины Осипа Иванова стреляла из пушек, причем казаки клали в них столь большие заряды, что две из них были разорваны.

Дела комиссии были уничтожены, имущество Траубенберга разграблено, и его орден Святого Георгия был найден впоследствии в «сору затоптанный».

Сняв с генерал-майора Траубенберга и с двух лежавших возле него убитых офицеров одежду и обувь и оставив их в одних рубашках, казаки отрубили у Траубенберга два пальца, на которых были золотые кольца, и, вынув из кармана табакерку, насыпали ему табак в рот и глаза. В течение трех суток тела их оставались непохороненными, и казаки требовали, чтоб они были вывезены в степь на съедение зверям.

«Однако ж, наконец, – доносил прапорщик Евтюгин[117], – как я из бывших там офицеров здоровый остался только один, то и дозволили мне, после бывшего смятения, в третий день похоронить, а до того лежали они покладенные на двух дровнях, как на позорище, в публичном месте, подле соборной церкви». Тела же убитых казаков старшинской руки были на третий день зарыты в поле, так как «мятежники попам хоронить их не приказали и места к погребению в городе не дали»[118].

Только вечером казаки, обагренные кровью своих собратий, стали расходиться по домам, но в это время послышался набатный колокол, призывавший их в войсковой круг. За несколько часов до звука колокола человек двадцать казаков отправились к Дурново и, объявив ему, что атаман и некоторые старшины убиты, а прочие посажены под караул, спрашивали, прикажет ли он им выбрать себе новых правителей?

– Делайте что хотите, – отвечал Дурново, – потому что повелевать я не силах.

– Нет, – кричали казаки, – ты теперь остался командир, так мы без тебя выбрать не можем.

Они говорили это от чистого сердца и уверены были, что поступают правильно: никто из них не сознавал, что вовлечен в преступление по подстрекательству нескольких лиц.

«Все тамошние бунтовщики, – доносил Евтюгин, – не почитают того, что чрез бывшее их смятение сделали худо, а согласно все, стары и малы, говорят, что исполнили высочайшую волю, и яко бы уже третий год вооруженной рукой поступить им велено было». Естественно, что при таком взгляде на совершившееся событие казаки пришли к Дурново и спрашивали: прикажет ли он выбрать старшин. Израненный и почти без движения, Дурново, опасаясь новых насилий,

принужден был сказать, что без начальников им быть невозможно.

– Прекратите беспорядок, – добавил он, – оставьте свое смятение; если будете продолжать свою наглость, то уже не оправдаетесь тем, что все это происшествие последовало нечаянно, от того, что стали по вас стрелять.

Зная, что Траубенберг отправил нарочного в Оренбург и просил о присылке к нему подкреплений, казаки требовали, чтобы Дурново дал идущей в городок команде предписание возвратиться в Оренбург. Опасаясь новых насилий, Дурново отвечал, чтобы казаки писали сами что хотят. Продиктовав писарю содержание ордера и заставив Дурново подписать его, казаки отправились в войсковой круг, где и выбрали себе поверенных судей: Василия Трифонова (он же Прозор), Андрея Лабзенева, Терентия Сенгилевцева, сотников и прочих чинов.

Два дня спустя имена новых правителей были сообщены всем форпостным начальникам с присовокуплением, что им поручено управлять делами войсковой канцелярии впредь до выбора настоящего атамана[119].

Вся ночь с 13 на 14 января проведена была в разгуле, пьянстве и в самохвалении.

– Бог пособил нам победить противников, – говорили казаки, – казенный интерес мы отбили, волю свою взяли и будем делать по-своему.

Утром, 14-го числа, был снова собран войсковой круг, где единогласно постановлено: предать смерти некоторых из почитавшихся главными врагами войска и сочинить для старшинской партии особую присягу, в которой было сказано, чтобы быть им во всем согласным с войском; предать забвению прежние ссоры, жить спокойно, не бить челом без ведома войска и ни для каких просьб никому и никуда, а особливо в Петербург,

самовольно не ездить. Постановление это было тотчас же приведено в исполнение: дьяк Суетин, писарь Июгунов и другие были лишены жизни самым бесчеловечным образом, причем труп первого был брошен в реку Чаган, а второго – за Старицей[120]. Старшина Бородин и другие были приведены по новой форме к присяге и клялись, что будут действовать заодно с войском; их заставили просить прощения, и они, ходя по кругу, кланялись казакам в ноги.

Утолив жажду мести, войсковая сторона начала успокаиваться, и, по мере того как рассудок приобретал верх над страстью и увлечением, коноводы мятежа не могли не сознать своего поступка и, «видя беду», решились отправить депутатов в Петербург, с объяснением и оправданием себя в происшедших беспорядках[121]. Стараясь свалить всю вину на Траубенберга и убитых атамана и старшин, новые правители войска призвали в войсковую канцелярию протопопа соборной Архангельской церкви Дмитрия Федорова, Троицкого баталиона прапорщика Александра Иванова Евтюгина, Алексеевскою пехотного полка сержантов Тимофея Мензелинцева и Ивана Васильева и заставили их подписать показания, направленные против генерала Траубенберга[122]. Показания эти, как доказательство невиновности казаков, были приложены к челобитной на высочайшее имя от 15 января 1772 г. Жалуясь на притеснения атаманов и старшин, по которым производилось следствие семь лет, на неполучение за шесть лет определенного жалованья, на лишение рыбных промыслов, на невзыскание со старшин штрафных денег, казаки говорили, что сверх всего этого Траубенберг и атаман Тамбовцев «начали нас, вашего императорского величества рабов, из домов таскать и немилостиво мучить».

«Однако мы, – писали казаки[123], – все то наблюдали, что в предохранение здешнего общества и

высоких ваших интересов принадлежит. А притом просили, дабы по силе именного вашего императорского величества указа, в даче нам за шесть лет жалованья, во взыскании со старшин штрафа и в выборе на место их по войсковому согласию других, сделано было нам удовольствие… и учинено исполнение. К чему мы, собравшись 13-го числа сего месяца для той просьбы, и шли со святыми иконами, чтобы нам не учинено было безвинного вреда; но генерал Траубенберг и Тамбовцев со старшинами, собрав регулярные команды и всех согласных атаману старшин и казаков вооруженных и расставив по всем (?) улицам пушки и зарядя их ядрами и картечами, начали по нас, нижайших, стрелять и побили на смерть более ста человек и многих переранили. По каковой доведенной великой крайности принуждены были и мы, нижайшие, обороняться, причем и произошло с обеих сторон от того начатого от регулярной команды и от согласных атаману старшин и казаков стреляния и пальбы напрасное убийство. А притом между того смятения и бывший при сем происшествии г. генерал Траубенберг с прочими при сем убиты, да и войсковой атаман Тамбовцев и старшина Колпаков присутствующим старшиной Суетиным из своих рук срублены, а с войсковой стороны *одна только оборона происходила, а напрасное и безвинное кровопролитие от г. генерала с регулярной командой и от согласных атаману старшин и казаков произошло*, как из приложенных при сем протопопской и офицерских и прочих сказок ваше императорское величество всемилостивейше усмотреть изволите. Мы уже, всеподданнейшие рабы, принуждены были обороняться по крайней и необходимой нужде, в чем, припадая к священным стопам вашего императорского величества, и предаемся в высочайшую вашу монаршую власть и благоволение. А теперь все войско Яицкое пришло в тишину и спокойствие, и всегда в повелениях вашего

императорского величества находиться, служить до последней капли крови обязуемся, так, как отцы наши и деды, не щадя живота своего, верно и беспорочно служили. Из высочайшего вашего императорского величества матернего милосердия всеподданнейше просим, дабы повелено было, по причине чинимого от государственной Военной коллегии нам, нижайшим, напрасного притеснения, вверить нас, всеподданнейших рабов, под дирекцию одной персоны, их сиятельствам графам Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловым, а во всем оставить на прежнем основании так, как и напредь сего предки наши стояли, в силу именного блаженные и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великого указа, под дирекцией г. генерал-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не от Военной коллегии».

Таким образом, приписывая все невзгоды графу З.Г. Чернышеву, казаки не желали оставаться под ведением Военной коллегии, а бывая часто в Петербурге и зная влияние Орловых, они надеялись под их защитой сохранить все свои права и привилегии.

Когда прошение было составлено и подписано, Кирпичников с товарищами отправились к Дурново спросить: так ли оно написано и можно ли послать?

– Бог-де знает! – отвечал он, прочтя прошение. – Мне кажется, так, посылайте с Богом.

Тогда Кирпичников потребовал, чтобы Дурново своей подписью засвидетельствовал справедливость всего изложенного. «Я, зная наверное, – доносил Дурново, – что и малое в том противоречие стоить будет мне жизни, принужден был подписать». Не довольствуясь и этим свидетельством, казаки потребовали от арестованного и содержащегося в оковах старшины Мартемьяна Бородина, чтоб он, во-первых, подписал показание о происшествии 13 января, составленное ими[124], а во-вторых, дал подписку в том, что со дня

вступления его в присутствие все жалобы войсковой канцелярии на войско «происходили понапрасну, в чем и страдали они как в обритии бород, так и в прочих наказаниях безвинно». Подписка эта вместе с прошением и всеми к нему приложениями была передана четырем уполномоченным: Выровщикову, Погадаеву, Михайле Кожевникову и Шигаеву, которые тотчас же и выехали в Петербург. Прежде чем они приехали в столицу, там уж известно было о всем случившемся на Пике, и императрица собственноручно писала графу Я.А. Брюссу[125]: «Прикажите, чтоб на заставах около Петербурга и далее где ведомство ваше есть, чтоб накрепко смотрели, не будут ли проходить где яицкие казаки по одиночке или по несколько, безпашпортные или с пашпортами гвардии капитана Дурново, и если где таковые явятся, чтоб оных брав, под крепким караулом, присылали их сюда прямо в Военную коллегию, а только стерегли того, чтоб дорогой не ушли. И весьма накрепко сие прикажите».

Казаки успели, однако же, пробраться незамеченными и пред Масленицей прибыли в Петербург.

На другой день поутру Выровщиков и Погадаев подали прошение Стрекалову, который тотчас же поехал во дворец, куда забрали потом и всех депутатов[126]. 16 февраля 1772 года их допрашивали в совете, в присутствии человек пятнадцати генералов, в числе коих были графы З.Г. Чернышев и Г.Г. Орлов.

– Для чего вы, – спрашивали присутствующие депутатов, – наругались над мертвыми генералом и солдатами и для чего долго их не хоронили?

– Наругательства над ними никакого не делали, – отвечал Шигаев, – а похоронили их чрез три дня, потому что земля мерзлая, так не скоро могилы вырыли.

– Где же вы их похоронили?

– У церкви.

Многие из генералов засмеялись.

– Так вы в добром месте их положили, – послышались голоса, – а мы думали, что на степи.

Этот разговор мог дать казакам мысль, что представители власти не особенно строго смотрят на происшествие в Яицком городке.

Глава 3

Беспорядки в Яицком войске при новых правителях. – Действия оренбургского губернатора Рейнсдорпа. – Мнение Государственного совета о необходимости преобразования внутреннего строя войска. – Формирование отряда под начальством генерал-майора Фреймана для усмирения яицких казаков. – Воззвание Рейнсдорпа. – Сопротивление казаков. – Действия отряда Фреймана. – Столкновение на реке Ембулатовке. – Занятия Яицкого городка. – Уничтожение войсковой канцелярии, казачьего круга и других привилегий казаков. – Состояние Яицкого городка.

Отправив депутатов в Петербург, войско долгое время не могло успокоиться. Во главе его стояли лица, не внушавшие к себе общего уважения и выбранные сгоряча несколькими наиболее крикливыми голосами. В ежедневно собираемых кругах не было ни порядка, ни единодушия. «Старшин, выбранных самими ими, – доносил Дурново[127], – недели чрез две с рундука, где обыкновенно старшины во время круга становятся, сталкивали в круг и после чрез самое малое время, хоть и отрицались они принять на себя старшинское достоинство, силой ставили их по-прежнему на их места». Казаки требовали от вновь поставленных правителей жалованье, но те, будучи не в состоянии исполнить желание войска, отвечали отказом и тем возбуждали всеобщее неудовольствие.

– Из-за чего же мы кровь проливали, когда вы так судите! – кричали недовольные.

Чтоб удовлетворить своему корыстолюбию, войсковые казаки грабили дома послушных, уводили у

них лошадей, отбирали хорошее платье и, приводя в круг и грозя смертью, заставляли их откупаться деньгами. Откупщику и отставному старшине Осипу Иванову угрозы эти стоили до трех тысяч рублей[128], а депутата Окутина секли плетьми, вымогая у него деньги[129]. Желая предупредить такое своеволие, писарь Михайлов вошел было в круг для прочтения того манифеста, по которому депутаты избавлены от телесного наказания, но казаки и слушать того не хотели.

– Разве по вас из пушек стрелять, – кричали они Михайлову, – сделали мы уже беду, так бедой и покрывать надобно.

Сотник Кирпичников, судьи Трифонов и Сенгилевцев пытались было успокоить недовольных, но не только не успели в этом, но и подверглись гонению. Кирпичников не один раз был арестован и сажаем на цепь.

– Ты с нами первый был, – говорили ему казаки, – а теперь хочешь поддобриться; так узнай, что у нас никому спуску нет.

Беспорядки дошли до того, что представители власти не имели никакого значения, и та партия хозяйничала, которая была сильнее. Общее и единогласное решение получалось только тогда, когда дело касалось наказания или смены должностных лиц, принадлежавших к согласной стороне, и замены их поборниками народных интересов. Так, по постановлению круга 16 января, гурьевский атаман Федор Бородин был заменен Андреем Чановым, походный атаман на нижних форпостах Нефед Мостовщиков – Савельем Фоминичихиным, а полковник Витошнов – Афанасием Перфильевым.

Среди этих выборов и замены должностных лиц получено было известие, что из Оренбурга отправлены войска и приближаются к Яицкому городку. Постановив не допускать их в свои границы и присягнув умирать

друг за друга, войсковая партия выслала из Яицкого городка всю бывшую там регулярную команду, оставив только пушки, и отправила нарочных в Илецкий городок с ордером капитана Дурново начальнику отряда и с просьбой от имени войска вернуться обратно в Оренбург. Зная, что Дурново находится в Яицком городке по высочайшему повелению, что он пользуется известной властью и не подозревая, что силой был вынужден подписать этот ордер, начальник отряда остановился и отправил посланных к оренбургскому губернатору, генералу Рейнсдорпу. Последний, опасаясь, чтобы в Петербурге не осудили его распоряжений, дальнейшим своим поведением мог внушить казакам, что они поступили правильно и невиновны в происшедшей резне. Вместо того чтобы действовать энергически и уничтожить беспорядки в самом начале, Рейнсдорп вступил с присланными в переговоры, недостойные представителя власти. На просьбу казаков не посылать команды он отвечал уклончиво, обманывая себя и их.

– Команды отправлены, – говорил Рейнсдорп, – в предосторожность от заграничных здешних обстоятельств, а не против войска Яицкого. Войско приведено уже по-прежнему в тишину, а происшедший между ними сожаления достойный поступок зависит единственно от высочайшего усмотрения.

Отправив предписание начальнику отряда остановиться в Илецком городке и ободрив казаков, Рейнсдорп, по его словам, сделал это с той целью, чтобы скорее освободить Дурново и чтобы в войске «большего сумнения не имели и от разврата своего тем скорее унимались»[130].

Возвращая посланных в Яицкий городок, оренбургский губернатор отправил с ними увещательное письмо войску. «Чрез приезжих из Яицкого вашего городка, – писал он[131], – получил я

оскорбительное известие, что у вас в том городке, по причине междуусобного несогласия, происходит большой развратъ и вредъ, которые заставляют всякого сына отечества и верноподданного ее величества раба тужить и печалиться, в рассуждении того наипаче, что в настоящих многотрудных обстоятельствах таковые чрезвычайные происходят внутри своего государства несогласия, которые натурально отворяют врата ко всему злу. Должно войску Яицкому представить себе: во-первых, страх Божий, потом присягу верности, а в-третьих, добродетель толь славнейшей в свете монархини, которая неутомленными своими трудами изволит о благосостоянии и тишине своих подданных материнскiи и непрестанно пещись; следовательно, когда до слуха ее величества дойдет сия столь гнусная ведомость [известие], то сколь может опечалить ее священнейший духъ! Ежели войско Яицкое, вышед из мрака злобы, войдет хотя в некоторый светъ благоразумия и восчувствует высочайшую милость ее величества, которой издревле пользоваться счастие имеет, то я с моей стороны советую и увещеваю, оставя все свои внутренния нестроения, тотчас принять все меры, дабы во оном войске Яицком восстановлена была прежняя тишина и покой, и народ приведен бы был в совершенный порядокъ и единодушное высочайшей воле повиновение, не допуская увеличиться гневу Божию».

Рейнсдорп требовал, чтобы войско донесло ему подробно о всем происходившем в Яицком городке; чтоб оно отправило в Оренбург для излечения от болезни капитана Дурново, если он изъявит на то желание[132], и с ним команду Алексеевского полка; и, наконец, чтоб оно, на своей границе, соблюдало всю воинскую осторожность от внешних неприятелей. «А дабы войско Яицкое, – писал в заключение губернатор, – не имело причины об отправленных отсель войсках иметь сомнения, то я даю знать, что оным велел я

остановиться и расположиться в крепостях, принадлежащих Яицкому городку, в рассуждении нынешних заграничных обстоятельств, дабы, в случае нужды, могли содействовать.

Итак, с посланным сим нарочно буду ждать того войска Яицкого уведомления, дабы по получении оного мог я по губернаторской инструкции в восстановлении в войске Яицком прежнего порядка, сходные и самому войску Яицкому потребные меры принять».

Войсковая канцелярия не замедлила ответом и через два дня доносила Рейнсдорпу то же, что было изложено во всеподданнейшем прошении, отправленном с депутатами в Петербург. Обвиняя во всем Траубенберга, войско уверяло Рейнсдорпа, что подняло оружие только ради обороны, но теперь оно находится в тишине и спокойствии, что все прежние ссоры и несогласия преданы вечному забвению; что вместо атамана Тамбовцева и прочих старшин для правления в войсковой канцелярии избраны новые лица, по общему войсковому согласию и по приказанию капитана Дурново.

«А хотя из прежних присутствующих двое старшин, Иван Логинов и Мартьян Бородин, и живы остались, но токмо войско на них не полагается, надежды не имеет и сего правления им не вверяет»[133].

Войсковая канцелярия уверяла Рейнсдорпа, что все войско будет служить верой и правдой; что по границе наблюдается всякая предосторожность; что нижние чины Алексеевского полка отправлены в Оренбург, а капитан Дурново по болезни и холодному времени не может оставить Яицкого городка, «но когда теплый воздух быть имеет, тогда и означенный капитан ехать, да и больных и раненых с собой взять намерен».

Таким образом, обе стороны обманывали друг друга: войско уверяло, что оно в тишине и спокойствии, а между тем грабило и разоряло дома и имущество

послушной стороны, а Рейнсдорп – что он как бы не признает особой вины за казаками в ожидании инструкции из Петербурга.

Между тем, по получении в столице первых известий о волнениях яицких казаков, в совете, учрежденном при дворе императрицы, было положено: отправить из Москвы генерал-майора Фреймана с ротой пехоты в подкрепление посланным из Оренбурга войскам, переменить нынешнее управление войска, уничтожить чины войскового атамана и старшин и, наконец, разделить всех казаков на полки, которые и подчинить ведомству оренбургского войскового начальства.

Сознавая, что подобная мера, затрагивающая коренные обычаи казаков, вызовет со стороны последних энергическое сопротивление, совет положил: до весны стараться усмирить казаков одними увещаниями, а весной: «тогда как они на ловлю [рыбную] поразъедутся, ввесть в их городок регулярные команды и, наказав виновных, исполнить полагаемое о перемене их управления намерение»[134].

Одобрив постановление совета, императрица приказала Дурново по выздоровлении явиться ко двору[135], а Рейнсдорпу принять меры к усмирению войска и наказанию виновных.

«Уже с давнего время, – писала она[136], – войско Яицкое, будучи подущаемо несколькими неспокойными и общему благосостоянию завидующими своими казаками, зачинало быть в разврате, и сколько ни старались мы оказанными ему милостями и снисхождением вывесть его из заблуждения, все наше о том попечение было, однако, тщетно. Наконец, позабыв верноподданническую свою должность и ослепясь злостным и превратным тех вредных людей истолкованием наших собственных указов, не токмо оказало оно явное непослушание, но и дерзнуло на богомерзкое убивство начальствующего в той стороне

войсками нашего генерал-майора Траубенберга, войскового своего атамана и других, также на увечье и задержание отправленного к ним от лица нашего гвардии нашей капитана Дурново, а при всем том, управляясь ныне незаконным и самовольным образом, пребывает в таком еще несообразимом мнении, якобы исполнило оно сим ужасным и ненавистным поступком наше соизволение».

Полагая, что не все войско, а лишь небольшая часть его была причиной беспорядков, а остальные были вовлечены в преступление по простоте и незнанию, императрица Екатерина II поручила Рейнсдорпу потребовать главных виновников в нарушении их общего покоя и тишины и объявить, что в противном случае, вместо милосердия и пощады, войско навлечет на себя гнев императрицы.

22 апреля нарочный привез в Оренбург несколько печатных экземпляров этого указа, из коих 30 экземпляров с полковником Углецким[137] были отправлены 24 апреля к войску с приказанием губернатора публиковать указ и разослать его на все форпосты.

При этом Рейнсдорп требовал, чтобы до прибытия следственной комиссии войско арестовало главных зачинщиков и содержало их под крепким караулом, «дабы никакими средствами утечки учинить не могли»[138].

Прибыв в Яицкий городок, Углецкий, по обычаю, собрал круг и прочитал указ. Выслушав высочайшее повеление, войско отказалось признать кого-либо зачинщиком беспорядков.

– Не некоторые из нас, – говорили казаки, – а мы все виноваты пред милостивой государыней.

Не считая возможным и справедливым кого бы то ни было арестовать, войско отвечало Рейнсдорпу[139], что главными нарушителями покоя были бывшие атаманы

Андрей Бородин и Петр Тамбовцев, старшина Иван Логинов, Алексей Митрясов, Матвей Суетин, Мартемьян Бородин, Иван Окутин, Нефед Мостовщиков, Федор Бородин и Кирилл Филимонов с товарищи. Эти лица, по словам казаков, были главными возмутителями и причиной всех ссор; по их наущению Черепов стрелял и побил безвинных, а Дурново не исполнял высочайшего повеления. Почему войско Яицкое, *имея каждый в том обиду, все сами собой, а не по возмущению чьему*, 13 января отправились к гвардии капитану Дурново просить о скорейшем исполнении указа, и хотя произошло при этом убийство, но войско не виновато, потому что оно только оборонялось. В заключение войсковая канцелярия присовокупляла, что войско во всем повинуется государыне, отправило нарочных в Петербург со всеподданнейшим прошением и содержит под арестом тех старшин, которые были на стороне Траубенберга, как виновных в открытии пальбы.

С таким объяснением и ответом полковник Углецкий возвратился в Оренбург, а казаки решили послать новую депутацию в Петербург с челобитными императрице и великому князю Павлу Петровичу, в которых, дословно излагая то же, что доносили Рейнсдорпу, войско просило императрицу оказать ему милость и милосердие, а великого князя помиловать «за прежние наши верные службы, отечески заступить и помилосердствовать, чтобы мы от праведного гнева были избавлены»[140].

В войсковом кругу 4 мая 1772 года было постановлено отправить с этими прошениями «о двору ее величества, для отдания *рабского поклона*»[141], присутствующего войскового поверенного Василия Трифонова и при нем пять человек сотников[142].

Депутатам ассигнована была достаточная сумма на путевые издержки и выдано уполномочие, в случае нужды, сделать заем на счет войска; но не успели они

тронуться в путь, как на Яике получены были известия самого тревожного свойства.

Одновременно с отправлением полковника Угледкого в Яицкий городок Рейнсдорп получил указ Военной коллегии[143], которым повелевалось: как только отправленный из Москвы на почтовых генерал-майор Фрейман с гренадерской ротой Великолуцкого полка прибудет в Оренбург, то придать ему столько пехоты и кавалерии, чтобы в отряде его было не менее 1500 человек регулярных войск с достаточным числом артиллерии. Руководясь кротостью и щадя невинных, Фрейман должен был с этим отрядом двинуться к Яицкому городку, потребовать выдачи зачинщиков и в случае отказа со стороны населения силой восстановить там прежнее спокойствие и тишину.

Предоставляя Рейнсдорпу, как человеку ближе знакомому с положением дел, принять те или другие меры, Военная коллегия находила нужным сказать, «что всякому в сем случае средству предпочитается способ кротости и тот, которым до желаемого конца достичь можно, с пощадой невинных и без кровопролития... По усмирении их [казаков] и по занятии Яицкого городка, правление всего Яицкого войска, впредь до высочайшего повеления, поручить полковнику Неронову в самом Яицком городке поставить целую легкую полевую команду, придав человек до 200 или более из оренбургских казаков, также и достаточное число артиллерии, и тотчас вступить в следствие и рассмотрение сего происшествия.

«Но как при таких народных возмущениях заслуживает особливого попечения, чтобы самовольно возмутителями устроенное правление, как возможно скорее разрушено было и тем бы беззаконное их соединение само по себе упасть могло. Того ради и надлежит вам наперед все вышепредписанные повеления и меры так собрать и заготовить, дабы

первым вашим действием против возмутителей вы были в состоянии тотчас уничтожить их правительство и постановить ваше, а потом уже начинать должное следствие»[144].

В ожидании прибытия Фреймана оренбургский губернатор стал стягивать войска к Рассыпной крепости. Слух о таком распоряжении быстро распространился по всему Яику, и население с особой чуткостью следило за сбором войск. 6 мая войсковая канцелярия уж отправила двух казаков, Петра Пустобаева и Григория Куликова, которым поручено было под видом вопроса: может ли войско отправиться на севрюжье рыболовство, разузнать, что делается в Оренбурге.

Не желая сознаться, что знает причину сбора команд, войсковая канцелярия доносила Рейнсдорпу, что на основании прежних обыкновений войско Яицкое на севрюжье рыболовство выступило, «но ныне получено здесь известие, якобы в Оренбурге, по крепостям, собираются команды и намерены следовать сюда, а для каких причин, неизвестно; также что из российских жительств с хлебом и съестными припасами всякого звания сюда не допускаются. Из-за чего войско Яицкое следованием на то севрюжье рыболовство и остановилось, имея сомнение, не будет ли надобности, чтоб оное все было налицо, чтоб из-за того миновать излишнего затруднения».

Уверяя губернатора, что на Яике все тихо и спокойно, войсковая канцелярия просила тем командам «напрасного движения не чинить, чтобы из-за того и оное войско без сомнения остаться могло»[145].

Вместе с тем 10 мая войско разослало приказ всем старшинам форпостов, расположенных вверх по Яику, чтобы бегущих из Яика старшин и согласных казаков стараться ловить и через форпосты не пропускать.

На вопрос о причине сбора войск Рейнсдорп говорил, что, хотя войско не заслуживает ответа, но как вопрос

его и просьбу он считает дерзкими, «то и молчаливым остаться за сходно не признает».

«Итак, – писал он, – возвращая из присланных от вас одного казака, даю вам знать, что наряженные войска, под предводительством генерал-майора Фреймана, отправлены от меня по силе высочайшего указа, для наказания находящихся между войском Яицким мятежников, кои паки в злодеянии и непослушании остаются. Но прежде нежели он, генерал-майор, приступит к действительному предписанному ему исполнению, я вас, войско Яицкое, паки прилежно увещеваю и прошу, хоть остальные часы, в кои еще можете через раскаяние ваше пользоваться милосердным ее величества прощением, употребить на рассуждение, пощади кровь неповинную жен ваших и малолетних детей, а притом в злобе неучастных людей, и пришед в чувствие, постараться высочайшую волю исполнить, т. е. главных и богомерзкого убийства зачинщиков, о коих через полковника Углецкого реестр вы получили, обще с признаваемыми вами покоя вашего нарушителями ему, генерал-майору, выдать и тем себе и всему войску Яицкому спасение получить. А инаково непременно поступлено будет с вами по всей строгости высочайшего гнева, от которого укрыться никакого способа уже не остается, ибо вы сами понять в состоянии, может ли столь важное злодеяние от главнейшей в свете монархини без достойного отмщения упущено быть»[146].

Такой ответ губернатора заставил войско отказаться от ловли севрюги и подумать об отклонении угрожающей беды, тем более что несколько ранее отправления своего ответа Рейнсдорп предписал генерал-майору Фрейману отправиться в Рассыпную, принять там начальство над собравшимися командами и двинуться к Яицкому городку непременно 16 мая.

Подходя к городку, Фрейман должен был вторично отправить вышеприведенное увещание Рейнсдорпа и в случае сопротивления обложить городок, построить батареи и приготовиться к осаде. Чтобы виновники мятежа не могли переправиться на противоположную сторону реки Яик, Фрейману поручено было отправить из Илецкого городка по левому берегу реки Яик отряд из 600 человек ставропольских калмыков и иррегулярных войск. Остановившись против городка, отряд этот должен был содержать разъезды и ловить всех переправляющихся[147].

11 мая Фрейман прибыл в Рассыпную крепость, но не нашел там всех команд, долженствовавших поступить в состав отряда: недоставало эскадрона драгун, 500 ставропольских калмыков и мушкетерской роты, следовавших из Троицкой крепости. Продовольствие отряда также не было обеспечено. Приготовленные в Илецком городке сухари, по медленному снаряжению для них подвод, не могли быть доставлены скоро к отряду и тем более, что для переправы их через реку Яик в Рассыпную крепость не было надежного перевоза. Таким образом, сбор войск и распоряжения по обеспечению продовольствием задержали Фреймана в Рассыпной крепости до 25 мая[148], а между тем в этот промежуток времени войско успело приготовиться к обороне и к вооруженному сопротивлению.

Возвращавшиеся 16 мая из Илецкого городка казачки Екатерина Азовская и Федора Яковлевичева на ближайшем форпосте объявили сотнику Галунову, что 11 мая в Рассыпную крепость прибыл генерал из Оренбурга и собрал полки, а из Илецкого городка потребовал 275 лошадей под провиант[149]. Галунов в тот же день донес об этом войсковой канцелярии, которая разослала гонцов по всем верхним форпостам с приказанием, что если известие это справедливо, то чтобы на всех форпостах старшины и казаки имели всю

военную предосторожность днем и ночью; как же только войска двинутся из Рассыпной, то отправляли бы жен и скот в Яицкий городок, куда и сами ехали «безо всякого отрицания», захватив с собой и находящиеся на форпостах пушки[150].

Первое известие о действительном выступлении Фреймана из Рассыпной крепости привез в Яицкий городок илецкий казак Никита Ерзиков[151], а вслед за тем Иртецкого форпоста есаул Сергеев донес войску, что Фрейман с отрядом «речку Киндель уже перелазит».

Войско, собравшись в круг, по просьбе Кирпичникова и Ивана Портнова постановило: просить помощи киргизского Нуралы-хана[152] и отправить двух казаков, Максима Кабаева и Ивана Ерофеева, убедиться в справедливости донесения Сергеева. Когда посланные, возвратившись, подтвердили известие, то войсковая канцелярия предписала командированным на заставу походным: атаману Ивану Ульянову и полковнику Пономареву (он же и Самодуров) с командой из 200 человек верховых казаков немедленно следовать к реке Иртек и, по приближении Фреймана, отправить к нему нарочных и требовать указа, с какой целью он двигается к Яицкому городку.

«Самим же вам, – сказано было в наставлении[153], – тем войскам никаких озлоблений не чинить, а меньше того и с войсками к отпору не вступать, а больше стараться просить из милосердия, чтоб он с войсками остановился и в городок к нам не доходил и тем бы войско Яицкое в вящшее сомнение не вводил».

В ожидании донесения Ульянова и Пономарева войско признало нужным усилить свои боевые средства и с этой целью отправило сотника Сетчикова на нижние форпосты, с приказанием выслать в Яицкий городок, на подводах, половинное число пороха и выкомандировать половинное число казаков, а остальным оставшимся в малых форпостах казакам с женами и детьми

перебраться под защиту больших крепостей и быть им «во всякой осторожности»[154].

Между тем Ульянов и Пономарев, прибыв в Генварцевский форпост, узнали, что отряд Фреймана устроил через реку Иртек мосты и переправляется на их сторону. Ульянов отправился в Яицкий городок донести войску, а Пономарев остался в форпосте для наблюдения за движением отряда. Руководствуясь данным от войска наставлением, Пономарев отправил к Фрейману трех человек казаков, чтобы разузнать, с какой целью он двигается. Посланные возвратились и донесли, что генерал форпостным казакам никакого вреда не чинил, а им сказал, что следует в Яицкий городок за виновниками возмущения[155]. Пономарев донес о том войску, а сам, не имея права оказывать вооруженного сопротивления, стал отступать, и Фрейман видел перед собой только одиноких, вдали разъезжавших всадников.

Получив донесение Пономарева, войско собиралось несколько раз в круги, причем старшины Трифонов и Сенгилевцев умышленно объявили, будто Пономарев был Фрейманом атакован; что корпус следует не по высочайшему повелению, а по распоряжению губернатора и не для чего другого, как для истребления всего городка» [156].

– Извольте, атаманы-молодцы, – говорили они, – в поход идти и оставить в городке только с каждого десятка по два человека, а прочие все выступите нынешнего же дня.

Священник соборной церкви Василий Иванов, войдя в круг, увещевал казаков не ехать в степь навстречу Фрейману и сопротивления не оказывать.

– Дело это богопротивное, – говорил он, – вы пострадете от Бога и навлечете гнев государыни.

– Мы не намерены с полками воевать, – отвечали на это вожаки недовольной партии, – а мы будем

спрашивать только, зачем сюда следуют, и просить, чтобы генерал сам или кого из офицеров с малой командой для следствия прислал. А без ружей нам ехать невозможно ради того, что иногда к истреблению всего здешнего места безо всякой причины от тех полков нападение учинится. Если бы сего не было, то могли бы сюда малую команду прислать, а такой великий корпус не для добра идет, и, конечно, от губернатора, а государыня того не ведает.

Большинство казаков поверило словам своих предводителей, и в том же круге была составлена подписка, которой сотники и казаки обязывались, что «дерзновенно» против Фреймана поступать не будут, а будут стараться только не допустить его в Яицкий городок. Тогда войсковой поверенный, шестидесятилетний старик Василий Трифонов, тот самый, который, будучи избран депутатом, не успел уехать в Петербург, был назначен главным распорядителем похода и в помощь ему походным атаманом Иван Ульянов.

Последний, собрав на скорую руку сколько можно было казаков, выступил с ними на реку Embулатовку, где и соединился с Пономаревым, отступавшим пред отрядом Фреймана. Сюда же спешил и Василий Трифонов с остальными казаками, с 5 знаменами и 10 пушками. 31 мая последовало соединение всех трех отрядов, причем казаки узнали, что Пономарев не был атакован Фрейманом и что последний находился на реке Embулатовке верст еще за тридцать. Поэтому, не предвидя столкновения в тот же день, казаки собрали круг, в котором постановили: прежде чем посылать нарочных к Фрейману, вытребовать из войсковой канцелярии документы, которые могли бы засвидетельствовать о невинности войска и о притеснениях, делаемых старшинами. В тот же день Трифонов отправил нарочного в городок с рапортом, в

котором просил войсковую канцелярию доставить в отряд «для войсковой общественной нужды и пользы: 1) присланную войску из государственной Военной коллегии *сгубительпую* грамоту, которой велено из войска Яицкого разослать некоторых в ссылки, а других отдать в солдаты: оная лежит в ларце там, где печать войсковая находится; 2) приговор атамана Тамбовцева с старшинами, за их руками, коим в нас стрелять во время штурма положено, и оный находится у Романа Котятова, и 3) с указа блаженной памяти императрицы Анны Иоанновны, коим повелено нас денежным и хлебным жалованьем довольствовать без задержания»[157].

В ожидании присылки этих документов Трифонов на другой день, 1 июня, узнал, что почти на высоте городка, на противоположной стороне реки Лика, по так называемой Бухарской дороге, следует другой отряд, состоящий из регулярной и иррегулярной команды. Он тотчас же отправил приказание вниз по реке Яику до Гниловского форпоста, чтобы все старшины и казаки отправляли своих жен, детей и имущество в Яицкий городок, а сами все до единого явились к нему на реку Ембулатовку[158]. Собравшиеся же на этой речке казаки в тот же день решили отправить к Фрейману депутатами есаула Афанасия Перфильева, впоследствии самого ревностнейшего пособника Пугачева, сотника Никифора Любина и казака Андрее Курбетева с поручением узнать, зачем посылается к ним отряд, и просить Фреймана, что если у него есть высочайшее повеление, то прислал бы его в войско. Фрейман отвечал, что идет в Яицкий городок, чтобы вытребовать виновных в происшедшем возмущении и в убийстве генерала Траубенберга.

Перфильев с товарищами просили Фреймана дозволить им отправить депутатов в Петербург с просьбой к императрице. Фрейман не разрешил, но

объявил, что если они выдадут 40 человек зачинщиков, то остальным он никакого вреда не сделает[159].

– Мы все виновны, – говорили присланные, – от войска послана челобитная ее величеству, и ожидается указ.

Депутаты просили Фреймана не переходить границ войска, возвратиться в Оренбург или же остановиться до дальнейших распоряжений.

– Останавливаться я не имею нужды, – отвечал Фрейман, – а должен, по силе данного мне от оренбургского губернатора повеления, следовать прямо в Яицкий город и взять виновников возмущения, и если остановлюсь, то не далее как в пятнадцати верстах от городка.

Депутаты возвратились к отряду вместе с сержантом Мешковым, присланным Фрейманом потребовать выдачи 34 человек виновных, поименованных в списке, переданном войску полковником Углецким.

– Виновные, – говорили казаки, – бывший атаман Андрей Бородин, старшины Иван Окутин, Кирилл Филимонов, Иван Логинов и прочие их сторонники, которые давно уже содержатся под караулом.

Мешков объявил тогда, что Фрейман в последний раз дает время на размышление. Казаки собрали круг и на вопрос «что делать?» положили: когда Фрейман подойдет к реке Ембулатовке, то силой оружия воспрепятствовать ему дальнейшее движение[160]. Такое решение было несогласно с желанием многих и противно подписке, данной старшинами и казаками в Яицком городке. Видя, что распущенный слух, будто Пономарев был атакован, несправедлив, что, напротив того, Фрейман, проходя мимо форпостов, не причинял никому ни обид, ни оскорблений, войско советовало старшинам не вооружаться против Фреймана, а встретить его с честью[161].

– Мы не воевать пришли сюда, – заметил казак Гульчихин, – и в случае упорства Фреймана лучше отступить.

Опасаясь, что такое замечание может произвести разногласие в войске, Ульянов «на страх другим» приказал высечь Гульчихина плетьми и привязать к колесу [162]. Приказание это было тотчас же исполнено, но не дало тех результатов, которых ожидал Ульянов. В войске уже существовало разногласие в этом отношении, и вслед за наказанием Гульчихина Ульянову пришлось наказать плетьми казака Ивана Болдырева и выгнать из палатки казака Григория Жигалина с товарищами, пришедшими к нему с такими же точно заявлениями. Вслед за тем сотники Простов и Бочкарев, казаки Макарычев, Турыбарин и Пустобаев заявили, что они вполне разделяют мнение Гульчихина, и просили освободить последнего, так как не он один, а многие и другие казаки такого же мнения[163]. Гульчихин был отпущен на свободу, но старшинам трудно было согласиться с миролюбивыми советами: большинство их находилось в списке виновных и впустить Фреймана в городок значило добровольно предаться в руки правосудию и подвергнуть себя жестокому наказанию. Они предпочли сопротивляться и, чтоб иметь возможность лучше к тому приготовиться, задержали у себя сержанта Мешкова до следующего дня.

В ожидании ответа генерал-майор Фрейман в течение целого дня оставался на месте и успел запастись фуражом, а казаки перешли реку Ембулатовку и, выставив по высотам далеко впереди аванпосты, приготовились к встрече. Вожаки решили не дозволить Фрейману переправиться через реку Ембулатовку.

– За счастье почтет генерал, – говорил самонадеянно Пономарев, желая подбодрить казаков, – если ему удастся из этой речки воды напиться[164].

Между тем Фрейман, в 9 часов утра 3 июня, в день Святой Троицы, в боевом порядке ринулся вперед, имея впереди разъезды из оренбургских казаков. Не доходя верст трех или четырех до реки Ембулатовки, он встретил одиночных всадников, гарцевавших пред его фронтом. Яицкие наездники подъезжали к оренбургским казакам и просили, «чтоб они в сие дело не вплетывались, как и они с своей стороны задирать их не станут». Оренбургские казаки отступили к отряду и донесли о том Фрейману, который, пройдя еще несколько сот сажен, увидел пред собой толпу яицких казаков, числом до четырех тысяч человек и более. Он остановился и отправил офицера с несколькими всадниками спросить, зачем они собрались вооруженные, и потребовать, чтоб они разошлись по домам. На встречу посланному выехал полковник Пономарев с несколькими казаками. Офицер требовал, чтобы казаки не опасались ничего, ехали спокойно в Яицкий городок и очистили свободный путь отряду.

– Мы все умрем на реке Ембулатовке, – отвечал на это Пономарев, – а в городок отряда не впустим.

Фрейман двинулся вперед, и по мере того, как он подходил к речке, толпа казаков, все увеличиваясь, стала окружать отряд. Фрейман остановился и приказал открыть огонь. Последовал выстрел с левого фланга, за ним другой и третий. Казаки отвечали выстрелами из ружей, и затем несколько всадников, подскакав к отряду сажен на сто с левой стороны, зажгли траву во многих местах. Пожар быстро распространился, и дым понесло на отряд. Под прикрытием этого дыма казаки намерены были атаковать Фреймана и с этой целью подавали несколько сигналов, но атака не состоялась. Тогда они подвезли пушки и открыли огонь, но как дым мешал правильному прицеливанию, то снаряды их перелетали через головы и не причинили никакого вреда отряду.

Между тем Фрейман, имея у себя до 400 лопат, приказал, в предупреждение опасности от степного пожара, очистить от травы некоторое пространство вокруг отряда, и, как только огонь прекратился и дым рассеялся, он сбил артиллерию казаков. Последние, видя неудачу в этом направлении, собрались на правом фланге отряда с намерением атаковать его, но Фрейман приказал легким войскам предупредить их своей атакой, и казаки были сбиты, потеряв много убитых, которых они, подбирая, таскали арканами.

Рассеявшись в разные стороны, казаки собрались потом возле реки за горой, мимо которой должен был следовать отряд. Выслав вперед оренбургских казаков и калмыков для воспрепятствования казакам производить поджог травы, Фрейман принял вправо и двинулся по обожженному уже месту, с намерением обогнуть гору и зайти в тыл собравшимся. Заметив это, казаки снова выдвинули свои орудия, атаковали кавалерию Фреймана, прогнали ее к отряду и успели захватить 10 человек пленных, из числа которых двух калмыков они впоследствии убили. Под прикрытием огня своих орудий казаки пытались несколько раз атаковать отряд, но, не имея в том успеха, снова зажгли траву в разных местах. Фрейман принужден был остановиться, принять меры к прекращению пожара и выстрелами из орудий отбивать наседавших на него казаков[165].

День клонился к вечеру; солнце уже зашло, и выстрелы прекратились. В отряде пробили зорю, расставили ночные пикеты, а казаки отошли в свой стан, расположенный в горах у мостов через речку Ембулатовку. Они отправили нарочного в Яицкий городок с известием об одержанной победе и просили совета у оставшихся в городке судей и престарелых, что «прикажут с корпусом делать, который остановлен, и от рук их уже никто из оного уйти не может».

«С нашей стороны, – доносил Трифонов, – урону, кроме двоих казаков легкими ранами раненных и двух лошадей убитых, более не состоит. А ныне паки к нему, генералу, дабы возвратился назад, все войско приступило, и что произойдет донесено будет. С их же стороны всех побитых десятков до трех, в полон взятых восемь человек оренбургских казаков, которые для надлежащего отосланы к вам в войско[166]. Чего для и ныне просим пожаловать священникам побить челом, дабы оные за православный народ все сии дни промолебствовали, чтобы Господь нам помог одолеть противника нашего. Да и о том паки напоминаем, чтобы послать в Гурьев городок для взятия пороха и свинца как можно и о своде с нижних форпостов команды, как прежде было предписано».

Донесение Трифонова было принято в Яицком городке с большим восторгом. Как только прибыл посланный, Сенгилевцев приказал ударить в набат, чтобы передать войску столь приятные известия. Услышав знакомый звук колокола, старые и малые казаки, даже женщины, собрались в круг, где узнали содержание полученных донесений, и решили отправить в войско своих посланных с поздравлением и с пожеланием захватить Фреймана в свои руки и привести его в Яицкий городок. В том же кругу было постановлено: производить ежедневное молебствие и немедленно отправить казака Максима Кабаева в Гурьев городок за порохом[167]и для свода казаков с низших форпостов.

«При городе же, – писал Сенгилевцев[168], – предводительствующей рукой Божией обстоит благополучно».

Отслужив молебен, казаки ходили с образами по всем часовням, а затем весь вечер провели в кутеже и пении; женщины же, не принимавшие участия в кутеже,

собравшись толпой, ходили по домам послушной стороны и били мужчин.

В два часа утра, 4 июня, Фрейман двинулся вперед и почти с места выступления встретил отряды казаков, зорко следивших за всеми его движениями. Выслав вперед майора Демидова с драгунами и иррегулярной командой, Фрейман оттеснил казаков и занял гору, с которой он видел всю реку, «а равно и все неудобства мест к переправе». Левее отряда находилась высокая гора, командовавшая окрестной местностью и занятая казаками. Чтоб овладеть ей по возможности с меньшими потерями, Фрейман отрядил вправо к реке майора Сурина с 200 человек пехоты и двумя орудиями, показывая вид, что намерен переправиться в этом месте. Майор Сурин занял на берегу реки небольшую высоту, укрепил ее рогатками и, получив в подкрепление еще 200 человек мушкетер с двумя орудиями, приступил к приготовлениям для переправы. Казаки оставили свои позиции, быстро переправили по мосту свои орудия и собрались на противоположном берегу против отряда Сурина. В ожидании начала переправы они открыли огонь из орудий, и «хотя с их стороны, – писал Фрейман, – стрельбы было весьма много, но как они рикошетом стрелять не знают, то ядра их весьма мало вредили и летали через»[169].

Увлеченное желанием не допустить до переправы, Яицкое войско почти все собралось против отряда Сурина и не заметило, как Фрейман занял левую гору и поставил на ней свои орудия. Вслед за тем Сурину приказано было отступить, и он, под прикрытием выставленных на командующих высотах батарей, спокойно и без потерь присоединился к отряду. Войско сознало тогда, что оно обмануто и что сопротивление с его стороны невозможно; две горы, расположенные в одну линию и в недальнем расстоянии одна от другой, были в руках Фреймана, на них были поставлены

батареи и в промежутке между возвышенностями можно было спокойно совершать переправу.

Не пытаясь при таких условиях препятствовать переходу Фреймана через реку Ембулатовку, войско собралось у своего обоза, решило отступить в городок, и «через час уже никого не видно было, и от того скорого побега бросили на дороге две пушки».

Простояв на занятой позиции остаток дня и всю ночь, Фрейман исправил свою артиллерию, приготовил три моста и, переправившись через реку Ембулатовку, утром, 5 июня, двинулся далее. Пройдя 26 верст, он остановился на реке Рубежной, где при вступлении в лагерь к нему явился бывший старшина подполковник Бородин и те старшины, которых казаки непослушной стороны содержали под караулом. От них Фрейман узнал о всеобщем замешательстве казаков и о том хаосе, который существовал в Яицком городке.

Первые прискакавшие в Яицкий городок ударили в набат и собрали круг, в котором, уверяя всех, что Фрейман непременно сожжет городок, определили, чтобы весь народ укладывал лучшие пожитки и провиант на повозки, а кто может, захватил бы с собой лодки и, переправившись за реку Чаган, остановились бы на горе, в трех верстах от городка.

Казаки решили покинуть родной Яик и искать спасения в Персии или Хиве. Опасаясь каждую минуту, чтобы Фрейман с отрядом не появился в виду городка, население поспешно собирало свои пожитки и выезжало. Среди всеобщего замешательства караульные и часовые покинули свои места, и казаки послушной стороны, воспользовавшись этим, освободили содержавшихся в заключении и закованных в железо старшину подполковника Бородина и других. Сев на приготовленных лошадей, они ускакали в отряд Фреймана.

Последний отправил в городок увещание, в котором просил, чтобы люди благоразумные, отстав от возмутителей и ничего не опасаясь, возвращались в городок... Увещание это не подействовало, и многие казаки, опасаясь насилий товарищей, принуждены были против воли покидать город со всем семейством и имуществом. Некоторые переправлялись за реку Чаган, иные уехали за Камыш-Самарские озера и Узени, другие же в Бударинский форпост. Как ни торопилось население очистить город, оно не могло сделать этого скоро: мост через реку Чаган был один и через него должны были переправиться несколько тысяч телег с имуществом и несколько тысяч голов скота. Поэтому переправа далеко еще не была окончена, когда Фрейман с отрядом подошел к Яицкому городку.

Накануне его прихода старшины непослушной стороны присылали команду к мосту, чтоб его сжечь, но ей было объявлено, что посланные для понуждения жителей к скорейшему выезду еще не возвращались и что вместе с ними должны переехать через мост до 300 повозок, уже нагруженных и ожидающих очереди для переправы. Сожжение моста было отложено до следующего утра, а между тем генерал-майор Фрейман, двигаясь форсированным маршем и пройдя 41 версту, в час ночи остановился в трех верстах от моста. Сформировав тотчас же отряд из 400 мушкетеров, двух эскадронов драгун, небольшого числа казаков и калмыков и придав им шесть орудий, Фрейман поручил его начальству майора Демидова, которому приказал овладеть мостом, перейти на противоположный берег реки Чаган и построить там мостовое укрепление. Демидов занял мост и отрезал казакам сообщение с городком; все не успевшие переправиться по мосту через реку Чаган должны были возвратиться в свои дома.

Наутро, 7 июня, Фрейман с отрядом присоединился к Демидову и расположился между мостом и городом, на возвышенном месте, с которого хорошо были видны как стан казаков, так и многочисленный их обоз. Он отправил сотников Витошнова и Журавлева с требованием, чтобы население немедленно возвращалось в город, перевязало зачинщиков мятежа и что тогда Бог и государыня простят их[170]. Казаки собрали круг, где высказали желание исполнить требование Фреймана и покориться. Старшины не соглашались. Они убедили собравшихся отправить 1000 человек в Петербург с просьбой к императрице, но охотников набралось только 300 человек[171]. Под предводительством сотника Кирпичникова и Трифонова они отправились о двух и трех конях по дороге на реку Иргиз, а остальные стали возвращаться в городок с семействами, скотом и имуществом. Десятки тысяч семейств, остановившихся в поле под открытым небом, громадное количество обоза и скота заставили Фреймана разделить возвращавшихся на две части: одна переезжала через мост, а другая на лодках, в семи верстах от городка, и, несмотря на это, переправа продолжалась в течение трех дней, 8, 9 и 10 июня, причем по счету поставленного у моста офицера ежедневно переезжало по мосту не менее двух тысяч повозок.

Для преследования и поимки Кирпичникова с товарищами Фрейман потребовал, чтобы казаки послушной стороны собрали до 700 человек конных. Как только набралось 500 человек, он тотчас же присоединил к ним из своего отряда 100 человек драгун и оренбургских казаков и под начальством поручика артиллерии Свечина отправил их в погоню. Командовавшему яицкими казаками старшине было приказано объявить бежавшим, чтоб они перевязали виновных, а затем без всякого опасения возвращались в

городок. Казаки не решились перевязать виновных, но понемногу отставали от своих предводителей, так что Кирпичников и его единомышленники должны были отказаться от поездки в Петербург, и большая часть их была переловлена, лишь немногие успели скрыться. Все они вместе с арестованными в городке были отправлены в Оренбург в числе 86 человек, где впоследствии была учреждена следственная комиссия.

Имея приказание занять Яицкий городок регулярной командой, генерал-майор Фрейман не решился ввести в него всего отряда, так как внутри его, а особенно снаружи, валялось несколько тысяч трупов павшего скота, разлагавшегося и заражавшего воздух. Приказав свезти падаль в одно место и зарыть ее в глубоких ямах, Фрейман подошел с отрядом к самому городку и стал подле залива реки Яик.

Занимая в окружности 8 верст и 300 сажен, Яицкий городок имел до 4 тысяч дворов, весьма тесно построенных, из коих 128 оказались совершенно пустыми после убитых и разбежавшихся по хуторам и поселкам; жителей обоего пола считалось в войске более 30 тысяч человек, из коих, считая с форпостными, было до 12 тысяч таких казаков, которые могли сесть на коня. «В сем городе каждому беглому пристань открытая, – доносил Фрейман, – из которых пред прибытием моим ушло под видом работников более 2000 человек, однако человек до 30 командами моими переловлено. О жителях донесть нахожу, что все раскольники и никто в церковь не ходит; старшин и прочих чиновных я к тому принуждал. Они все по дешевизне у них вина пьяницы, не исключая и женский пол; к работам ленивы, хлеба не пашут, а живут от рыбных доходов, с которых каждый казак до 200 р. в год получает, и от множества скота и лошадей, по имению излишних на сенокошение лугов».

Укрепив свой лагерь, генерал-майор Фрейман отправил в городок по нескольку рот 6-й и 7-й легких полевых команд с двумя сотнями оренбургских казаков, которые и расположились лагерем на площади: правый их фланг был примкнут к валу, на котором насыпана была батарее «такой вышины, что весь городовой вал до самой реки Чаган ядрами очищать способно было». В средине городка был укреплен каменный дом сотника Семена Тамбовцева, при котором устроена гауптвахта и расположено 120 человек пехоты с двумя орудиями; вокруг всего города поставлены пикеты, а внутри, днем и ночью, производились разъезды, наблюдавшие, чтобы не было сходок и собраний. Назначив старшину Тамбовцева полицеймейстером и избрав старшин, сотников и десятских, Фрейман приступил к переписи, но казаки всеми мерами старались уклониться от новой ревизии и скрывали действительное число в семействе: в числе малолетних десяти лет они показывали таких, которые имели трех и более детей. Фрейман приказал свидетельствовать каждого, и дело переписи затянулось. В это время он получил высочайшее повеление об уничтожении войсковой канцелярии.

«Вошед в городок тем или другим образом, – писала императрица оренбургскому губернатору Рейнсдорпу[172], – генерал-майор Фрейман должен учинить следующее: 1) учредить в нем коменданта с гарнизоном, которому и поручить надлежащее правление для восстановления тишины и порядка до времени; 2) отрешить вовсе войсковую канцелярию, а на место ее установить новое правление, объявя всем и каждому, чтоб они сему новому правлению повиновались и что с ослушниками поступлено будет, как с нарушителями общего покоя; 3) избрав в коменданты надежного человека, который бы твердостью и благоразумием своим в состоянии был всех содержать в порядке, рекомендовать ему

прилежно, чтоб он всем в тишине живущим отдавал правосудие, а для пресечения способа к скорейшему собранию мятежников запретил бы бить в городке в набат без своего позволения».

На основании этого повеления генерал-майор Фрейман назначил командира 7-й легкой полевой команды полковника Симонова комендантом города. Войсковая канцелярия была упразднена и заменена комендантской канцелярией. В помощь Симонову были назначены старшины Мартемьян Бородин и Мостовщиков; а в должность экзекутора один из обер-офицеров. Казачий круг уничтожен, и в набат бить запрещено навсегда, а начальники могли быть собираемы в комендантскую канцелярию только по барабанному бою.

Поручив полковнику Симонову все дела по управлению войском, Фрейман с остальными войсками отправился в Оренбург. Яицкий городок опустел; часть населения рассыпалась по степи и хуторам, а другая была арестована и отправлена в Оренбург в следственную комиссию под председательством полковника Неронова. Число арестованных казаков было так велико, что в оренбургских тюрьмах не было уже места, и их рассадили по лавкам гостиного и менового дворов; тюремные избы, гауптвахты, подвалы домов были переполнены арестантами, подвергаемыми пыткам и допросам с пристрастием. Оставшиеся в городке страшились за свою участь и ежедневно ожидали, что, по оговору товарищей, будут арестованы. На всех лежала печать уныния и отчаяния, как вдруг по всему Яику распространился слух, что в том самом Московском легионе, от службы в котором так упорно отказывались яицкие казаки, появился император Петр III, обещающий защиту всем угнетенным и обиженным[173]. Слух о появлении Петра III не был ни для кого новостью; русские люди давно свыклись с тем, что покойный

император жив, что он скрывается и рано или поздно должен «объявиться». Казаки особенно сочувственно отнеслись к этому слуху и, надеясь на лучшую будущность, встрепенулись.

Глава 4

Назначение в состав Московского легиона казачьей команды от Волгского войска. – Формирование команды. – Слух, что в числе записавшихся находится император Петр III. – Волнения в войске Донском. – Арест войскового атамана Степана Ефремова и ссылка его. – Самозванец Богомолов и его сообщники: донские казаки Семенников и Серединцев и малороссиянин Певчее. – Происшествия в Царицыне и в станицах войска Донского. – Наказание Богомолова и ссылка его в Сибирь. – Записка императрицы графу Чернышеву. – Меры, принятые на Дону к поимке Семенникова.

Освобождая Яицкое войско от службы в Московском легионе, императрица повелела избрать для того других казаков. Военная коллегия первое время не знала, на какое именно войско возложить легионную службу, но прибывший в Петербург атаман волгских казаков Макар Персидский вывел ее из затруднения. Он заявил, что если будет дозволено, «то готов он, так как и все того войска старшины, набрать всю Московского легиона казацкую команду из казаков Волгского войска, охотно в оную команду вступить желающих»[174]. При этом атаман Персидский просил определить в ту же команду внука своего, походного атамана Григория Персидского, таким чином, «как за благо признано будет».

Утвердив представление Военной коллегии, императрица 20 июня 1771 года собственноручно написала: «Григория Персидского принять офицерским чином, а войсковому атаману Персидскому за ревность и усердие его жалуем саблю».

Получив высочайшее повеление и штат казачьей легионной команды, Персидский в сентябре 1771 года выехал из Петербурга с тем, чтобы набрать казаков и отправить их в Симбирск к генерал-майору князю Прозоровскому, назначенному вместо Баннера командиром Московского легиона[175].

Прибыв в Дубовку, войсковой атаман поручил внуку своему Григорию Персидскому, переименованному в ротмистры, приступить к формированию казачьей команды и записывать в нее всех желающих.

В 1732 году, по указу Сената, были вызваны охотники из донских казаков для поселения и защиты так называемой *царицынской линии*, и в 1733 году 1057 семей желающих были поселены в окрестностях Дубовки и реки Балыклее[176], на пространстве между Камышенкой (Дмитриевском) и Царицыным, и образовали *Волгское казачье войско.*

По высочайше утвержденному совокупному докладу Коллегии иностранных дел и Военной, 22 января 1770 года, для укрепления и защиты Моздока положено было сформировать гарнизонный батальон и поселить в его окрестностях казаков для содержания форпостов и разъездов, «которые теперь определенными к Кизляру и ежегодно туда из других мест командируемыми войсками исправляются». Для прислуги к орудиям, посылаемым в Моздок, решено было переселить с Дона сто человек желающих сказочных казаков с тем, чтобы они одевались «по их казачьему обыкновению», но все одинаково в платье красного цвета. Для содержания же разъездов и почтовой службы переселить 517 семей волгских казаков по равному числу из каждой станицы. Из всех переселенцев составить один полк и назвать его *Моздокским*; вместо атамана определить одного из казацких старшин и назвать его полковником, которому и находиться в команде у моздокского коменданта.

Императрица изъявила согласие на таковое переселение, и переведенные казаки были поселены в пяти станицах между Моздоком и Червленным городком[177]. На Волге осталось только 540 семей, несших ту же службу, которую несло войско и до переселения товарищей. Как переселенные, так и оставшиеся казаки были очень недовольны своим положением. Покинув свои дома и обработанные земли, переселенцы должны были обзаводиться вновь и терпеть нужду в самых первых потребностях, а оставшиеся их товарищи нести двойную службу. Чтобы облегчить себя в сторожевой службе, казаки стали принимать к себе всех желающих, и скоро Волгское войско сделалось притоном всех беглых и бездомных, искавших свободы и записывавшихся в казаки. В числе изъявивших желание поступить в легионную команду был крестьянин графа Романа Ларионовича Воронцова Федот Богомолов, бежавший от своего помещика из села Спасского Саранского уезда. Скрываясь долгое время в Саратове, Богомолов ходил на судах саратовского купца Хлебникова до Дмитриевска, жил у колонистов, служил в Калмыцкой орде, потом перешел в Волгское войско, работал там по хуторам и, наконец, решился поступить на службу. Явившись в январе 1772 года к ротмистру Персидскому, Богомолов просил принять его на службу, причем назвал себя донским казаком Федотом Ивановым Казиным.

Несколько ранее, а именно в октябре 1771 года, записался в ту же команду донской казак Спиридон Иванов под именем Спиридона Долотина. Уроженец Березовской станицы, оставшийся еще в детстве круглым сиротой, Иванов по достижении девятилетнего возраста отведен был казаком Болдиным в Волгское войско, в Караваинскую станицу, и отдан казаку Титову. Переходя от одного семейства к другому, Спиридон Иванов поступил наконец на службу по найму казака

Караваинской станицы Долотина, назвался его именем и находился в Дмитриевске, в команде у соляного комиссарства; за кражу лошади был сечен плетьми, бежал, скитался долгое время по хуторам Волгского войска и затем записался в легионную команду.

Когда последняя была выведена из Дубовки и расположена по Иловле, то казак Федот Богомолов, будучи «безмерно пьян», объявил себя императором Петром III. Слух этот быстро распространился между казаками, и многие приходили посмотреть на «объявившегося». Начались сходки и совещания, поднялись вопросы: похож он или не похож на бывшего императора? На одной из этих сходок казаки Марусенок и Лучинкин рассуждали, что «хотя сей признаваемый от бывшего и отменен, однако ж, может статься, он, как много лет уже тому минуло, то переменился». Это замечание имело решающее значение для Спиридона Долотина, и он, признав в Богомолове действительного императора, поселился с ним в одной избе. Капрал Бухолев назвал Долотина секретарем, и с тех пор все стали называть его этим прозвищем.

Между тем сходки продолжались и число веровавших в справедливость слухов ежедневно увеличивалось; но казаки долгое время не могли найти средства, как объявить народу скрывающегося у них императора. Случай этот наконец представился, и именно когда один из казаков, по фамилии Буренин, попросил жалованья, но прапорщик Иван Терский отказал.

– Ты от боярина недавно, – сказал он Буренину при всех казаках, – а уже требуешь себе жалованья.

Это замечание оскорбило казаков, и они закричали в один голос: «Поэтому-де мы все боярские!., зачем нас в казаки принимали?» – и положили общим советом идти всем в Дубовку и там объявить Богомолова императором. Собравшись огромной толпой, казаки 30

марта отправились на хутор старшины Андрея Персидского к своему ротному командиру поручику Персидскому и объявили ему, что они имеют у себя императора Петра III, почему вместе с ним, хотя и не позволено будет, забрав казенных лошадей, пики и проч., поедут для сохранения его в город Дубовку. О намерении казаков тотчас же было сообщено ротмистру Григорию Персидскому, который, вместе со старшиной Поляковым, прискакал на хутор. Там он увидел, что казаки оседлали уже лошадей и готовы были ехать с самозванцем в Дубовку. Персидский уговаривал казаков оставить свое намерение, но его не слушали. Казаки собрали круг и решили арестовать всех офицеров, не исключая ротмистра Григория Персидского, а самим идти в Дубовку. Один из арестованных, старшинский сын Степан Савельев, попросил позволение повидаться с государем, и когда его освободили из-под караула, то он ворвался в избу, где сидел Богомолов, и ударил его по лицу.

– Какой он государь, – закричал Савельев, – возьмите его под караул!

Казаки растерялись, схватили самозванца и сами заковали его в кандалы. Ротмистр Персидский тотчас же под конвоем отправил в Дубовку как Богомолова, так и его секретаря Спиридона Иванова. Из Дубовки, по распоряжению астраханского губернатора, они были препровождены в Царицын[178].

2 апреля преступников допрашивали, а в начале мая последовал указ Военной коллегии, по которому велено: Богомолова и Спиридона Иванова наказать публично кнутом и, вырезав первому ноздри и поставя знаки, сослать обоих на Нерчинские заводы в вечную каторжную работу; старшинского сына Степана Савельева произвести в ту же казачью команду ротмистром и подтвердить войску, «чтобы пришлых ни

под каким видом войско не принимало и в казаки не записывало» [179].

Получив резолюцию Военной коллегии, губернатор Бекетов, находившийся в то время в Астрахани, тотчас же предписал царицынскому коменданту полковнику Циплетеву привести в исполнение наказание преступников и отправить их по назначению. В ответ на это Циплетев донес, что единственный находившийся в Царицыне палач болен горячкой и потому просил прислать другого из Астрахани[180]. Пока шла переписка об этом, пока из Астрахани выслали палача, Богомолов употреблял все средства, чтоб избавиться от наказания и бежать из-под караула.

Поместив колодников в надежном месте у Царицынских ворот, Циплетев дал инструкцию начальнику караула, капралу, содержать преступников строго и отнюдь никого для разговоров к нему не допускать. Сверх того, он приказал майору Титову и офицеру с гауптвахты поверять днем приставленный караул, а по ночам посылать рунды и дозоры. За что содержится Богомолов, никто из караульных не знал, но строгость содержания и таинственность возбуждали их любопытство, которым и старался воспользоваться преступник.

– Знаете ли вы, – спросил однажды Богомолов караульных, – государя Петра Федоровича и где он ныне находится?

– Я государя не видал и не знаю, – отвечал ему капрал Егор Васильев, – а слышал, что он скончался.

Спустя два дня после этого разговора караульный солдат Яков Прокофьев подошел к капралу Васильеву и сказал, что колодник показывал ему изображенный на теле крест и объявил о себе, что он государь. Васильев смутился, но, в смущении этом «немного часов находясь, говорил он, и сам действительно тому, что он государь, поверил»[181]. Скоро по всему Царицыну

распространился слух, что содержащийся секретный колодник не кто другой, как сам государь Петр Федорович, и толпа народа ежедневно собиралась у Царицынских ворот с надеждой и желанием видеть заключенного.

– Чего ради вы тут стоите? – спросил однажды слуга полковника Денисова, прусак Андрей Семенов, проходивший случайно мимо толпы.

– Сказывают, – отвечали собравшиеся, указывая на караульню, – тут содержится государь, а посмотреть его не дают и к караульне не допускают.

Семенов пошел далее и затем отправился домой в Пятиизбянскую станицу, где вопрос о том, кто содержится в Царицыне, давно уже занимал почти все население, получившее известие о заключенном от ездивших в Царицын казаков и казачек.

Волнуемые своим атаманом, донцы встретили это известие не без сочувствия и надеялись, что Петр III, вступив вторично на престол, избавит их от тех нововведений, которые им грозили в будущем.

В 1758 году был выбран в атаманы Данило Ефремов, человек известный по уму и огромному богатству, которое он увеличил, обратив в свою собственность земли в верховьях рек Медведицы и Колитвы и заселив их крестьянами, частью переведенными из внутренних губерний России, а большей частью бежавшими от притеснений помещиков. Напрасно правительство запрещало донцам принимать к себе беглых и установило особых старшин для сыску людей, искавших на Дону свободы и приволья. Следуя примеру атамана, и донские старшины захватили свободные войсковые земли, построили на них хутора и стали принимать к себе беглых. Опасаясь усиления старшин и желая управлять войском самовластно, Данило Ефремов стал систематически ослаблять их влияние. Хотя все указы и распоряжения и писались от имени старшин,

находившихся в составе войсковой канцелярии, «но Ефремов, когда хотел, находил возможность освободиться от их совета и в затруднительных случаях объявлял повеления от имени государыни, как прежние атаманы делали это от войскового круга»[182]. Поступая таким образом, располагая громадным богатством и имея сильных покровителей при дворе, Данило Ефремов выделил свою фамилию из среды остального казачьего сословия. Успевши снискать особое расположение императрицы Елизаветы Петровны и будучи произведен в тайные советники, Ефремов стал стремиться к тому, чтобы сделать звание атамана наследственным в своем роде. Искания его увенчались успехом, и еще при жизни своей, по соизволению императрицы, он передал звание атамана сыну своему Степану, которому и поручено было управлять войском под руководством отца.

Степан Ефремов наследовал от отца жажду к неограниченному самовластию. Будучи в Петербурге в 1765 году, Ефремов представил в Военную коллегию проект о коренном преобразовании внутреннего управления Донским войском. Он предлагал, чтобы присутствующие в войсковой канцелярии старшины назначались атаманом; чтобы назначение полковников, старшин и прочих чинов в полки зависело также от атамана; чтобы суд и расправа в полках производились в войсковой канцелярии, в которой председательствовал атаман, и, наконец, чтобы большую часть денег передать в распоряжение войсковой канцелярии.

Таким образом, весь проект клонился к тому, чтобы усилить власть войскового атамана и дать ему возможность распоряжаться неограниченно не только военной и гражданской частью войска, но и всеми войсковыми суммами.

Предложение Ефремова готово было осуществиться, когда до Петербурга дошли слухи о многих противозаконных поступках атамана. В 1771 году

наказный атаман Сидор Кирсанов, по выражению Ефремова, «Сидорка, носящий образ Иуды Искариотского», и старшина Юдин донесли Военной коллегии о злоупотреблениях Степана Ефремова. Они обвиняли его: 1) в расхищении войсковой казны и провианта; 2) во взяточничестве деньгами и лошадьми; 3) в тайных сношениях с кабардинскими князьями и кумыкским князем Темиром и 4) в таких же сношениях с пограничными татарами, и вследствие того уклонение атамана действовать против татар[183]. Обвинение атамана в тайных сношениях с татарами и горцами было в глазах правительства наиболее важным и могло иметь весьма серьезные последствия.

Кирсанов писал, что во время турецкой войны в 1769 г., несмотря на представление многих собрать казаков и произвести нападение на крымских татар, атаман Ефремов хотя и собрал войско, но далее 50 верст от своего жилища не отходил, а затем распустил казаков под предлогом того, что наступило время к жатве и сенокосу.

Главнокомандующие второй армией, сначала князь В.М. Долгоруков, а потом граф П.И. Панин доносили Военной коллегии, что, несмотря на неоднократные требования о присылке казаков, Ефремов их не присылает. Военная коллегия отправила тогда в Черкесск сначала генерал-майора Опочинина, потом Романуса и затем Черепова. Им поручено было наблюдать за тем, чтобы требования главнокомандующих исполнялись немедленно. Ефремов был недоволен этим и несколько раз просил об отозвании присланных генералов, но, не добившись этого, грозил наделать много неприятностей.

– Когда правительство начало за мной присматривать, – говорил он, – так я уберусь в горы и таких бед России натрясу, что она будет век помнить.

Стоит только Джан-Мамбет-бей одно слово сказать, так ни одной души на Дону не останется.

Когда было получено повеление Военной коллегии вызвать желающих из казаков на поселение в Азовскую и Таганрогскую крепости, то Ефремов собрал войско и, выражая соболезнование, обещал освободить казаков от такого переселения, «единственно к насыщению владычествующей им корыстолюбивой алчбы». Эта последняя страсть руководила всеми поступками атамана. Весной 1771 г. главнокомандующий второй армией, князь В.М. Долгоруков, потребовал присылки казаков вместо отпущенных по неспособности в дома. Атаман Ефремов собрал в г. Черкесск только что возвратившихся неспособных и приказывал им идти опять на службу, заявляя, что кто из них не пойдет, тот будет отправлен на поселение в Азов и Таганрог. Под рукой через своих приближенных атаман объявил, что казаки могут откупиться, и люди денежные были освобождены, «а неимущие за то взволновавшись от того отказались»[184].

Кирсанов обвинял Ефремова в неправильных нарядах казаков на службу, отчего собранные в Кумшатской станице «против начальников своих взбунтовались и из них старшего утопить хотели и одного из полковников бив разъехались». Виновные не были наказаны, и атаман скрыл это происшествие.

Получив донесение Кирсанова, Военная коллегия потребовала Ефремова в Петербург под предлогом того, что вблизи донских селений находятся татарские орды и потому коллегии необходимо лично переговорить с атаманом о безопасности наших границ. Ефремов понял, в чем дело, и не ехал, несмотря на два раза повторенные ему указы. Тогда Военная коллегия приказала находившемуся в г. Черкасске генерал-майору Черепову выслать атамана силой в Петербург, не долее как через трое суток и объявить войсковой канцелярии, чтобы она

не принимала и не приводила в исполнение никаких распоряжений атамана. Самому Ефремову было приказано, чтобы он, «в каком бы состоянии и где бы теперь ни находился», следовал в Петербург без малейшего в пути промедления. Атаман выехал из Черкасска и отправился по верхним донским станицам. Собирая в каждой станичных атаманов и казаков, Ефремов уверял их, что из войска Донского будет набор рекрут, и уговаривал подавать на его имя прошения об избавлении как от этой повинности, так и о возвращении переселенных уже казаков в Азовскую и Таганрогскую крепости[185].

Заявление о предстоящем наборе рекрут произвело большое волнение среди казаков, особенно опасавшихся этой меры. Они с готовностью писали прошения атаману, а Ефремов, объехав станицы и отправив донесение с старшиной Кулбаковым, что по болезни ехать в Петербург не может, вернулся в свой хутор, находившийся в нескольких верстах от Черкасска.

На требование Черепова ехать в Петербург Ефремов отвечал отказом и объявил, что он пожалован атаманом по высочайшему именному указу и ему, а не Черепову поручено в команду войско; что за свои поступки сам будет отвечать и переговорит с генералом завтра, когда приедет в Черкасск для осмотра своего дома.

Черепов решил не впускать атамана в город и с этой целью выставил в двух местах пикеты по 50 человек, при старшинах и с заряженными ружьями. Узнав об этом, Ефремов в город не поехал.

Сторонники атамана, которых, конечно, было много, восстали против такого распоряжения и успели убедить казаков, что Ефремов преследуется за то, что желает отстоять старинные их права, избавить от регулярства и возвратить переселенных в Азовскую и Таганрогскую крепости. В конце сентября в войсковой канцелярии был получен *«предвозвестительпый пасквиль»* от

Бесергеневской станицы казака Якова Янченкова, который писал атаману и старшинам: «за реку [Дон, т. е. войско] стойте крепко, генералу Черепову подписок не давайте, а то узнаете, что вам и генералу с вами будет. Это ведь не Яицкое, а Донское войско»[186].

Между тем по распоряжению генерала Черепова 1 октября 1772 года в Черкасске, в войсковом кругу были прочитаны присланные из Военной коллегии грамоты и указ об отзыве Ефремова в Санкт-Петербург и неисполнении его распоряжений.

– Грамоты подписаны генералом, – говорил есаул Перфилов, – а ручки государыни нашей нет. Атаман Ефремов пожалован именным указом, а теперь не велено от него никаких ордеров исполнять, а слушать Черепова. Атаман в город не впускается, а когда силоваться станет, то приказано стрелять по нем.

Станичный атаман Прохор Артемьев и казак Василий Житченков поддержали Перфилова. В казачьем кругу поднялся шум и произошло всеобщее волнение.

– По войсковом атамане мы стрелять не будем, – кричали казаки, – и как командира своего в город впустим; генерала же за командира почитать не желаем, потому что и напред сего никогда не бывало, как ныне Черепов нами командует. От этого нам большая обида.

Казаки решили не исполнять указа и взвалили всю вину на генерал-майора Черепова.

– Генерал хочет нас в регулярство писать, – слышались голоса, – и реку разделить, за тем и атамана в дом не пускает.

Называя генерал-майора Черепова нечистым духом, казаки бросились к дому, где он жил, и старались вытащить его на площадь; в защищавших его старшин бросали каменья.

– Ты хочешь нас писать в солдаты, – кричала толпа Черепову, – но мы все помрем, а до того себя не

допустим!

Казаки требовали, чтобы генерал-майор Черепов снял выставленные пикеты и вышел из города. Застигнутый врасплох и видя перед своим домом огромную бушевавшую толпу, Черепов пробрался через задний выход к реке Дону, чтобы переправиться в крепость, но казаки нагнали его, били кулаками, камнями, пинками, «за волосы драли и сюртук на нем изорвали»[187].

Дом, в котором жил Черепов, был наполовину разрушен: окна и двери выбиты, крыльцо разломано.

Сначала казаки хотели утопить Черепова в реке, но потом решили вести на расправу к атаману. Ефремов с большой свитой выехал навстречу бушевавшей толпе, вошел в средину ее и взял Черепова к себе в дом.

– Это войско Донское, а не Яицкое, – повторил атаман слова казака Янченкова.

Слова эти, показывал впоследствии Ефремов, «говорил в том разуме, что-де упоминаемый генерал-майор Черепов в бытность на Яике стрелял по казакам из пушек (?), то не стал бы и по нем, атамане, если бы он и за его воспрещением в город въехал, стрелять»[188].

Получив известие о беспорядках в войске Донском, императрица Екатерина II приказала отправить в Черкасск гвардии капитан-поручика Ржевского и арестовать Ефремова.

В ночь на 9 ноября Ржевский с командой взял атамана из его Зеленого двора и отвез в крепость Святого Дмитрия Ростовского.

В ту же ночь, среди всеобщей тишины в Черкасске, ударили в набат и раздались выстрелы вестовых пушек. Наказной атаман Машлыкин и старшины собрались в войсковую канцелярию и узнали там об аресте Ефремова. Народ пришел в волнение и, ворвавшись в канцелярию, укорял Машлыкина и старшин.

– Вы выдали войскового атамана, – говорили казаки, – и велели звонить на пожар. Всех вас перебить и в воду посадить. Мы поедем в крепость и узнаем, там ли атаман.

Воспользовавшись тем, что захвачен врасплох, Ефремов выпросил позволение отправить домой своего слугу за необходимыми вещами и приказал ему внушить казакам, чтобы они собрались как можно поспешнее и выручили его, говоря, что, вероятно, его повезут по Бахмутскому тракту. Хотя наставления атамана слуге были узнаны и слуга арестован, но на другой день поутру у крепостных форпостов явилась толпа в 300 человек вооруженных казаков, под предводительством старшины Василия Иловайского, с намерением освободить Ефремова.

– Где атаман, – спрашивал Иловайский, – жив ли он, будет ли содержаться в крепости или его куда-нибудь повезут?

Не получив никакого ответа на свои вопросы, казаки погарцевали возле крепости, а затем уехали домой.

– Ночью, – кричали они, уходя, – всем войском придем выручать своего атамана!

Обещание это не было, однако же, исполнено, и Ефремов тотчас был отправлен в Петербург, где и предан суду.

«Войсковой атаман Степан Ефремов, – писала Екатерина войску Донскому[189], – учинил себя ослушным воли и повеления нашего. Того ради лейб-гвардии нашей капитан-поручик Ржевский арестовал его по именному высочайшему нашему указу. Сей же императорской грамотой объявляем всему нашему Донскому войску, что мы надеемся, что сие возмездие за ослушание преступнику, будучи опытом правосудия нашего, докажет всему Донскому войску, коль нетерпимо нами такое ослушание и всякая продерзость, а потому и уповаем, что все наше Донское войско, возгнушаясь

таковой виной его, Ефремова, поживет навсегда в тишине и спокойствии и тем закон Божий и волю нашу исполнит. Тем же, кои попустили себя уловить коварным ухищрением и при случае ареста его, Ефремова, оказали продерзости сами собой и возмущением других малодушных, высочайше повелеваем, по обнародовании сии императорские грамоты, тотчас прийти в спокойство и должное повиновение власти. Учинившие сие имеют ожидать от нас в заблуждении своем всемилостивейшего прощения. Буде же, паче чаяния, и к возбуждению праведного гнева нашего нашлись бы в Донском войске нашем такие преступники, кои бы и после обнародования сего повеления нашего дерзнули еще продолжать неспокойства и волнование, то да ведают, что тогда не избегнут злодеи и возмутители достойной себе казни».

По получении этой грамоты войско донесло, что оно всегда находилось и находится в повиновении монаршей воли и просило помиловать Иловайского и его сообщников. Императрица простила их, «но притом надеемся, – писала она[190], – что они, раскаявшись в своей продерзости, потщатся, согласно с войсковым засвидетельствованием, усугубить ревность свою к службе нашей и отечества и заслужить достодолжным повиновением и добрыми своими делами столь важную вину свою. К сему войско может подать им скорый случай, отправя всех их без очереди к армиям нашим».

Казаки просили помиловать их и в этом, и императрица разрешила «производимую ими ныне службу заменить в надлежащую очередь»[191].

Дело же атамана Ефремова тянулось весьма долго, и, кроме обвинений, взведенных на него Кирсановым и Юдиным, атаман оказался виновным в том, что, расходуя войсковые суммы на собственные нужды, он сжег приходо-расходные книги за три года; что при командировке казаков брал взятки и отпускал в домы, а

неимущих наряжал на службу и что, наконец, за производство в чин старшины атаман брал по 200 и 300 руб.

За все эти преступления Ефремов был приговорен к повешению, но императрица заменила эту казнь вечной ссылкой в Пернов.

Необходимо припомнить, что главнейшая деятельность Ефремова по возмущению казаков и уверению, что правительство намерено ввести регулярство, происходила именно в то время, когда волновались яицкие казаки, а среди волгских казаков появился в лице Богомолова император Петр III. Весть о таком появлении заинтересовала многих и в особенности приписанного к Пятиизбянской станице малороссиянина Степана Певчего (он же Сигин), и он обратился с расспросами к Семенову, который ложно сказал ему, что был у колодника, видел его и подал милостыню. Тогда Певчий решился отправиться сам в Царицын, чтобы посмотреть на заключенного и убедиться, простой он человек или знатный, как ходили о нем слухи. Выпросив у караульных дозволение видеть Богомолова и войдя в его комнату, Певчий подал ему пшеничную витушку и 30 коп. денег. Самозванец принял подарок и узнал, что он приехал из Пятиизбянской станицы.

– Не от Денисова ли прислан гостинец? – спросил Богомолов.

– Нет, не от Денисова, а сам от себя, – отвечал Певчий.

Опасаясь, что скоро явится обход, караульные просили Певчего уйти.

– Надобно мне с тобой переговорить, – сказал самозванец, прощаясь, – и для того побывай у меня еще раз.

Певчий вышел и на базаре, часу в четвертом пополудни, встретился с донским казаком Иваном

Семенниковым.

– Ты Степан Певчий? – спросил он.

– Я.

– Требует тебя государь Петр Федорович.

Певчий оробел, но все-таки отправился вместе с Семенниковым.

– Когда в станицу поедешь? – спросил Богомолов.

– Сегодня.

– Поклонись полковнику Илье Денисову и скажи, чтобы как можно непременно сам ко мне приехал, а если не будет, то сверх трех имеющихся у него портретов пожалую ему четвертый с хвостом. Поклонись Пятиизбянской станице да скажи станичному атаману, старикам и всем казакам, чтоб они, буде можно, дали бы мне в помощь казаков, человек до ста. Если же ты всего этого не исполнишь, а дело совершится, то на свете тебе не быть[192].

После такого наставления Семенников просил, чтобы самозванец для большего уверения Певчего, а через него и других, показал ему свои царские знаки. Богомолов открыл грудь, и Певчий увидел на теле беловатого вида крест.

– Точно такой же имею я, – прибавил Богомолов, – на лбу и на плечах, – но Певчему их не показал.

Певчий был окончательно убежден и не сомневался более в том, что колодник – истинный государь Петр Федорович.

– Поедешь ли ты к армии за меня хлопотать? – спросил Богомолов.

– Я к казацкой службе непривычен, – отвечал Певчий.

– Я готов, государь, вам служить, – сказал Иван Семенников, – поеду к армии и сыщу себе товарища.

– Нет у меня такого верного слуги, – заметил на это Богомолов, – как Иван Семенников.

Собеседники распрощались и вышли из караульного дома.

– Смотри, – говорил Семенников Певчему, – приказ государя непременно объяви полковнику Илье Денисову. Я у него уже два раза был тайно, – прибавил Семенников ложно.

Прибыв в Пятиизбянскую станицу, Певчий прежде всего повидался со слугой полковника Денисова, Андреем Семеновым.

– Нет ли каких вестей в Царицыне? – спросил Семенов, увидав Певчего.

– К твоему господину есть приказ для объявления, – отвечал Певчий и просил доложить.

Денисов не только не согласился принять Певчего, но не приказал даже пускать его к себе на двор.

Тогда Певчий отправился к станичному атаману Слепову и в присутствии нескольких старшин и казаков передал поклон самозванца и просил оказать ему помощь.

– Без повеления войска помощи ему оказать не можно, – отвечали собравшиеся, но приговорили послать ему один рубль на милостыню.

Получив этот рубль, Певчий вторично отправился в Царицын, где Богомолов успел приобрести столь значительное влияние на караульных, что, не стесняясь ими, явно переговаривался со своими сообщниками о побеге. Особенно часто посещал его казак Иван Семенников, к которому все так привыкли, что 18 июня он прямо обратился к капралу Васильеву с вопросом: невозможно ли самозванца каким-нибудь случаем из-под караула украсть? Такой вопрос озадачил Васильева, и он, опасаясь ответственности, вытолкал вон Семенникова, но Богомолов остался недоволен таким поступком и просил Васильева на будущее время с приходящими к нему доброжелателями так сурово не поступать.

После того Семенников несколько раз приходил к Богомолову, совещался с ним, и они вместе

подговаривали капрала Васильева и караульных солдат бежать с ними на Дон.

– Ежели он подлинно государь, – говорили солдаты, – то может о себе объявить не стыдясь и здесь в городе, чего мы от него и ожидаем, а побега не учиним.

Богомолов просил тогда объявить о нем в войске Донском, собрать несколько полков и освободить его из неволи.

– Я по станицам с казаками советоваться буду, – отвечал на это Семенников, – и надеюсь, что они, узнав, за тебя вступятся, и согласясь с яицкими казаками, среди белого дня тебя, государь, возьмут.

Говоря это, Семенников надеялся, что успеет подговорить наряженную в поход с разных станиц пятисотную команду силой освободить самозванца и увезти его из Царицына[193].

С этой целью Семенников отправил Голубинской станицы казака Глазина в Трехостровянскую станицу к казакам Ананию Еремееву и Кононе Федотову, чтоб они как можно скорее приехали в Царицын, где содержится государь Петр Федорович. Вызванные казаки были в Царицыне, виделись с Семенниковым и Богомоловым и обещали им свой помощь[194].

Вскоре после того, и именно 22 июня, Степан Певчий приехал вторично в Царицын и часов в семь вечера виделся с самозванцем, передал поклон станицы, отдал присланный ему рубль и требовал расписки, но Богомолов под предлогом того, что нет ни бумаги, ни чернил, расписки не дал. Разговаривая с черноярским купцом Никифором Болдыревым, самозванец просил Певчего зайти к нему вечером, и когда по захождении солнца он пришел, то застал Богомолова у караулки и при нем трех солдат с ружьями.

Не успел самозванец спросить у Певчего, скоро ль он поедет в свой станицу, как прибежал к нему подосланный Семенниковым казак.

– Прислан я, – говорил он, кланяясь, – от стоящего на линии Букановской станицы сотника Егора с объявлением, что следующий из Санкт-Петербурга в Царицын курьер остановился у него, Егора, и объявил, что четыре полка и при них четыре же генерала, коих курьер объехал на дороге, следуют к вам, государь.

– Хорошо, – сказал Богомолов, – я сотника Егора Букановского знаю; спасибо ему. Вот Илья Денисов поручал тоже сотнику Егору описать мои знаки, а сам и глаз не кажет.

Богомолов ушел в караульню, а Певчий, оставшись с прибежавшим казаком, спрашивал: правда ли все им сказанное, причем получил в ответ, что все сущая правда. «Сие он и согласник его Семенников чинили, показывал впоследствии Богомолов, не для чего иного, как для увеличения ложно принятого на себя имени пред случившимся у него малороссиянином Певчим и чтоб он, видя и слыша, изъяснил о том в Пятиизбянской станице, с надеждой большего о себе уверения».

Цель была достигнута вполне, и слух, что в Царицыне содержится не простой колодник, а сам государь Петр Федорович, распространялся все более и более.

В городе мало кто сомневался в этом, и даже между солдатами ходил говор, что «следовало бы его выручить из-под караула и пустить на волю». Так рассуждали канониры, ходя на пушечный двор на ученье и возвращаясь оттуда, но по малолюдству одни поступить на то не отважились, а ожидали, не будет ли к тому удобного случая[195].

Число лиц, желавших видеть самозванца, все увеличивалось, и наконец среди любопытных явился поп Никифор Григорьев. Царские знаки, которые показывал Богомолов всем приходившим к нему, сбили с толку и попа.

– Особливые знаки на нем неспроста, – говорил священник Григорьев караульным солдатам и барабанщику Тимофею Лобанову, – а надлежит всему говоренному верить, что он государь.

Признав в колоднике императора Петра III, поп Григорьев стал часто посещать заключенного и высказывал ему свое сочувствие. Богомолов просил попа постараться об освобождении его из заключения.

– А надежен ли ты на свой караул? – спросил поп.

– Надежен, – отвечал Богомолов и прибавил, что в наступающую ночь с 24 на 25 июня он ожидает донских казаков, которые придут освобождать его.

Поп согласился оказать свое содействие и, проходя мимо барабанщика Лобанова, сидевшего у ворот своего дома, сказал, что в наступающую ночь будет тревога, то чтобы Лобанов об освобождении заключенного постарался и объявил о том живущим поблизости. Лобанов обещал и, обходя квартиры солдат, говорил им, что ночью у Царицынских ворот будет тревога, так чтоб они были готовыми. Тревоги, однако же, не было, но поутру, 25 июня, солдат Петр Шедруновский доложил о предупреждении Лобанова адъютанту, а затем было донесено коменданту и за два дня пред тем прибывшему в Царицын астраханскому губернатору Бекетову[196]. Последний приказал перевести Богомолова на гауптвахту, сдать его караульному офицеру и принять надлежащую осторожность; попа же арестовать и содержать под караулом скованным.

Когда майор Титов явился к самозванцу, чтобы перевести его на новое место, то Богомолов знал уж об этом и не хотел идти.

– Куда ты меня хочешь вести, – говорил он, – суди здесь.

Титов приказал его взять и отвести к приготовленной телеге. Выйдя на улицу, Богомолов закричал: «Миряне, не выдайте!», но ему зажали рот,

бросили в телегу и отвезли на гауптвахту. Вслед за тем арестовали попа, который был сильно пьян; его отвели сначала в гражданскую канцелярию, а потом отправили для заковки в железа. По выходе из канцелярии поп пытался бежать к стоявшему на базаре народу, но караульные его остановили, и тогда он закричал толпе: «Православный народ, не выдайте!» На просьбу эту толпа, состоящая из черни и рекрутов, стала ломать ближайшие шалашевые лавки и, схватив в руки колья и поленья, намерена была идти отбивать арестованного. Поп, однако же, был уведен, а толпа стала подвигаться к гауптвахте.

В это время прибыл на место происшествия комендант, полковник Циплетев, с майорами Анненковым и Титовым и с инженер-поручиком Мухановым. Остановившись пред гауптвахтой, Циплетев приказал ударить тревогу и разрешил караулу, в случае нужды, стрелять по всем тем, которые будут близко подходить к гауптвахте. Сам же Циплетев, сопровождаемый прибывшими с ним офицерами и купеческим депутатом Оловяшниковым, «бросился в толпу то в ту, то в другую сторону, безо всякой команды, начал сам собой оные толпы в страх приводить»[197]. Народ смешался и рассыпался в разные стороны; многие были арестованы. Волнение было прекращено, но Циплетев не дешево отделался: он получил несколько сильных ударов в спину и правую руку, «и поныне, – доносил он, – нахожусь весьма болен». Опасаясь, чтобы народ вновь не попытался освободить самозванца, Бекетов приказал его рано утром следующего дня отправить в Черноярскую крепость и потребовал из Астрахани 200 человек рекрут «на обмен здешним, толь мало надежды в верности о себе подающим, коих и распределю по разным гарнизонам»[198].

Утром, 26 июня, еще до свету, на Волге от Царицынской пристани отчалили две лодки, из коих в

одной лежал скованный самозванец, а в другой его сообщник Долотин. Оставалось отыскать третьего сообщника, казака Ивана Семенникова, уехавшего из Царицына за несколько дней до происшествия. Цыплетев тотчас же отправил в Трехостровянскую станицу сержанта Петрова, который не нашел там Семенникова, но от атамана и старшин узнал, что Семенников будет в Пятиизбянской станице, у той команды, которая собирается к походу в армию, с намерением подговорить казаков освободить самозванца. Тогда Бекетов отправил в Пятиизбянскую станицу фурьера Ромашева, который хотя и прожил там пять дней, но Семенников, бывший в станице гораздо ранее, вторично не приезжал и успел скрыться.

23 июня казак Трехостровянской станицы Серединцов, будучи на своем хуторе, услышал от казачек, собиравших ягоды, что Семенников приехал из Царицына на свой хутор в Берехов Буерак. Подстрекаемый любопытством узнать о царицынском важном колоднике, Серединцов поехал к Семенникову, но, не застав его дома, узнал, что он отправился в табун отставного старшины Чернозубова, где и нагнал его.

– Ты куда едешь? – спросил Серединцов Семенникова.

– Я еду в пятисотскую команду, – отвечал он, – наши казаки были в Царицыне и обещались к государю приехать, то и мне в ту команду надо ехать.

На вопрос Серединцова, правда ли, что в Царицыне содержится государь, Семенников отвечал, что правда.

– Он мне открыл все свои тайности, – говорил Семенников, – имеет на лбу, на груди и на спине знаки; караульные, капрал, солдаты и я ему присягали, и он пожаловал меня адъютантом.

Семенников уговаривал Серединцова ехать вместе с ним к пятисотной команде и уверял, что вся она чрез

казаков Еремеева с товарищами уже знает о самозванце и готова склониться на их сторону.

– У нас положено так, – говорил Семенников, – если вся пятисотная команда к нам приступит, то, взяв государя из-под караула и освободив из желез, тут же на месте в Царицыне и объявить его государем. Если же сему случится противное и та команда на призыв наш не поступит, то хотя находящихся в этой команде нашей станицы казаков шестнадцать человек возьмем и государя вместе с караульными уведем.

Серединцов согласился ехать с Семенниковым и, взяв из табуна старшины Чернозубова по две лошади каждый, отправились за пятисотной командой, уже выступившей в поход. На речке Быстрой, где предполагали нагнать команду, они ее не застали, а у Фоминых колодезей нагнали своих станичников, Анания Еремеева и Конона Федотова с товарищами, и звали их в Царицын для освобождения государя.

– В бытность вашу в Царицыне, – говорил Семенников, – обещались вы государю Петру Федоровичу, чтобы догнать отправленную пятисотную команду и, подговори ту команду и избрав лучших лошадей, хотели увезти государя из Царицына.

– Когда нет всей команды, – отвечали казаки, – так нам там делать нечего. Мы еще за неделю до вашего приезда все шестнадцать человек сговорились ехать в Царицын для взятия государя, набрали девять заводных лошадей, из коих одну для государя, другую под тебя, третью под караульного капрала да шесть под караульных солдат. Однако предприятие это оставили, видя свое малолюдство, а больше опасаясь, если государя получим, а пятисотная команда к принятию его и признанию государем отречется, то все мы погибнем.

Семенников предложил тогда отправить казака Лариона Решетникова в пятисотную команду, но та без письменного приказания идти в Царицын не решилась.

Тогда совещавшиеся на Фоминых колодезях разъехались в разные стороны: Еремеев с товарищами поехали в команду, а Серединцов с Семенниковым возвратились в станицу[199]. Там они подговорили молодежь идти с ними выручать государя и решили утопить всех тех, которые могли противиться исполнению их намерения. В числе приговоренных к смерти были: станичный атаман Афанасий Лобынин, отставной старшина Петр Чернозубов, священник Гавриил и старик казак Яков Соловьев. Все эти лица узнали о намерении Семенникова и по почину Чернозубова 1 июля собрали казаков на совещание. Чернозубов прочел собравшимся копию с высочайшего указа о самозванце (Кремневе)[200], который содержался в Воронеже в 1766 году, и затем обратился к Семенникову.

– О каком ты имени проговариваешь, – спрашивал Чернозубов, – и возмущение делаешь в мире?

– В городе Царицыне содержится под караулом царь Петр Федорович, – отвечал Семенников.

– Соврал ты, дурак, – закричал Чернозубов, – хотя и был царь Петр Федорович, но он скончался и ныне у нас милостивая государыня Екатерина Алексеевна и наследник его высочество благоверный государь Павел Петрович.

– Жив Петр Федорович, – кричал Семенников, – и он в Царицыне!

«Мне нестерпимо стало, – доносил Чернозубов[201], – за поношение императорского имени, и оного возмутителя, схватя за волосы, бил палкой».

– Чего вы стали, – кричал Семенников народу, – или оробели?

– Сажай его в колоду, – говорил Чернозубов, обращаясь к станичному атаману Лобынину.

– За что Семенникова сажать в колоду? – закричал один из малолетков. – Он не виноват!

Лобынин, однако же, арестовал Семенникова, но малолетки подняли шум.

– Чего стали, – послышались голоса, – ступайте на майдан!

«А как некоторые на майдан взошли, – писал Чернозубов, – и приступили, за что-де его брать под арест, то атаман, убоясь, оного Семенникова оставил, но и я с походным атаманом Лощилиным в крайнем страхе находились». Видя, что дело принимает весьма серьезный оборот, что толпа расходилась не на шутку, Чернозубов стал уговаривать сторонников Семенникова и, успокоив некоторых, ушел домой с есаулом Лощилиным. Оставшись один в собрании, атаман хотел было снова арестовать Семенникова, но казаки не дали, накинулись на него и вырвали из рук его насеку. Шум и крики увеличивались, и атаману Лобынину грозила опасность подвергнуться насилию толпы. Старый казак выручил его и успокоил толпу.

– Други мои, – крикнул он, – я с Семенниковым пойду с вами в поход!

– Кто охотник ехать в Царицын царя выручать? – кричал Семенников.

– Я с тобой поеду! – слышались с разных сторон голоса, и казаки стали собираться к Семенникову.

Пользуясь этим временем, атаман Лобынин успел скрыться.

Семенников и Серединцов два раза приходили к дому Чернозубова и вызывали Лощилина на беседу, но он не пошел, и Чернозубов ему не советовал. Толпа разошлась и к вечеру успокоилась. На другой день, 2 июля, Серединцов и Семенников отправились в Царицын, чтобы повидаться с самозванцем, но, не доезжая до города, узнали, что самозванца в Царицыне нет и где он – неизвестно. Они возвратились было в станицу, но Семенников предпочел уехать, а Серединцов остался и был арестован.

Происшествие в Трехостровянской станице обратило на себя внимание, и атаман Василий Машлыкин, как только получил известие о посылке старшинами Пятиизбянской станицы рубля денег самозванцу, отправил на место старшину Григория Сарычева с указом от 12 июля, обращенным ко всем казакам, живущим по Дону от Маноцкой до Трехостровянской станицы. Войско просило казаков не верить никаким разглашениям, оставаться спокойными и задерживать всех разгласителей нелепых слухов.

«Мы, войско Донское, – писал атаман, – за благопристойно и нужно признали напомнить вам прежде оказанные нами войска Донского верные к государю и отечеству заслуги и получаемые за то высочайшие милости и награждения, из которых главное было дело в удержании бунта Астраханского в 1705 году, за что получили мы от его императорского величества блаженные и вечной славы достойные памяти государя Петра Великого милостивую жалованную в вечную и несмертельную нам, детям, сродникам и потомкам нашим славу и неугасимую память, грамоту и достойные нашей заслуги воинские клейноды, как и все наше доныне пребывающее основание. Напротив же того, доныне из крайнего сожаления не выходящем бывшем на Дону Булавинском возмущении, которое казнию достойных и неповинным в том нанесло было такой худой порок и нарекание, что мы, все войско Донское, многим пролитием в службе нашей крови едва могли оное загладить и осталось нам только призывать к себе милосердие Божие и наблюдать долг нашего христианства и присягу, служить ее императорскому величеству со всей нашей силой и возможностию верно и непоколебимо и во всем повиноваться и послушествовать воле ее императорского величества. И для того, по вышепрописанному обстоятельству, учинили мы, войско

Донское, по должности нашей определение отправить к вам и по всем нашим казачьим городкам с нашими войсковыми грамотами нарочных старшин, в том числе к вам старшину Григория Сарычева».

Войско просило содействовать последнему в задержании Семениикова и доставлении его в Черкасск. Прибыв в Маноцкую станицу, Сарычев должен был отправить вперед себя нарочного по станицам, чтобы к его приезду были собраны казаки в полные сборы и все до единого могли слышать грамоту и понять ее. При этом в инструкции, данной Сарычеву, возлагалось на его обязанность напоминать казакам долг службы и присяги, «наводить на первую степень разума и точного познания истины, что они из ничего приведены к основательному житию и пользуются под высочайшим ее величества покровом всеми выгодами. А что до их службы принадлежит, оную отправляют они к государской и их собственной славе и благополучию, которая им временно тяжела, а больше делает безопасной жизнь и спокойствие, а из того и следует за ними в потомственные их роды бессмертная слава. Иначе без службы и государственной тягости в целом свете никакого народа нет, который бы никому подвластен не был. Да еще и больше: там, где помазанной главы нет, происходят беззаконные и властолюбивые хищения, притеснения, всякое зло и ежечасная, очевидная погибель»...[202]

Не успел Сарычев доехать до Маноцкой станицы, как в Черкасске было получено донесение старшины Чернозубова. Донесение это требовало энергичных мер, и войско, понимая всю серьезность положения дела, тотчас же отправило в Трехостровянскую станицу старшину Абросима Луковкина с поручением тайно, а если нельзя, то и силой захватить в свои руки Семенникова, Серединцова с их товарищами и отвезти за крепким караулом прямо в Царицын[203]. Луковкин

успел арестовать многих сообщников, заковал их в кандалы и за крепким караулом отправил в Царицын, но Семенникова не нашел.

Между тем, узнав о происшедшем на Дону и в Царицыне, императрица писала графу Чернышеву[204]: «Сделайте губернатору выговор, почему он по сию пору самозванца кнутом не высек, а о попе велите исследовать, по какой причине он повещал бунт. Казака, который на Дон ушел в намерении подговорить сообщников, *ловить* как-нибудь надо и для того публиковать на Дону, чтобы казаки сами его привели, как мошенника».

Граф Чернышев на другой же день отправил от имени Военной коллегии грамоту войску Донскому, в которой просил принять меры к поимке Семенникова[205], и сделал выговор как Циплетеву, так и астраханскому губернатору Бекетову. «Коллегия, – писал он последнему[206], – в силу именного ее императорского величества точного повеления, отправляя к вам нарочного офицера Тобольского пехотного полка подпоручика Карташева и объявя вам свое неудовольствие, предписывает следующее:

«В присутствии сего посланного к вам офицера, помянутому самозванцу [Богомолову] повеленное от коллегии и вам в сообщении от 3 мая объявленное наказание, буде еще сего ныне не учинено, немедленно учинить и под крепким караулом скованного отправить на Нерчинские заводы, и о том с сим же офицером коллегии донести». По прибытии Карташева в Царицын Богомолов и Иванов (Долотин) немедленно были привезены из Черного Яра и наказаны кнутом, причем первому вырезали ноздри и поставили знаки. 9 августа они самым секретным образом отправлены были на лодке до Саратова и переданы в распоряжение казанского губернатора для дальнейшего отправления в Сибирь. «Извольте отправить обоих, – писал Бекетов

коменданту Циплетеву[207], – на Нерчинские заводы водяным путем на лодке до Саратова, и командировать в конвой за ними при одном капитане 20 человек солдат с унтер-офицером и капралом, под видом отправления для сыску появившихся между Дмитриевска и войска Волжского Дубовской станицы воровских разбойнических партий, и приказать из Царицына вывезти их в ночное время весьма тайным образом, чтоб отнюдь никто об оном не сведал. При следовании до Саратова держаться более луговой стороны и нигде к жительствам не приставать и иметь в ночное время ночлег в пустых и скрытых местах. По привозе в Саратов отдать тех колодников саратовскому воеводе». Отсюда они должны были быть отправлены по распоряжению казанского губернатора[208], но Богомолов не дошел до Сибири: он умер на дороге.

Глава 5

Происхождение Пугачева и его прошлое. – Пугачев в Черкасске, Таганроге и на Тереке. – Возвращение домой. – Арест. – Бегство в Польшу. – Пугачев у Коровки и на Добрянском форпосте. – Отправление на реку Иргиз. – Пугачев в Малыковке и Мечетной. – Поездка в Яицкий городок.

В то время, когда по станицам войска Донского разыскивали Семенникова, по тем же самым станицам, под именем раскольника и выходца из Польши, пробирался другой беглец, казак Емельян Иванов Пугачев. Бежавший из войска, давно покинувший жену и детей, он, опасаясь быть узнанным и задержанным, торопился на реку Иргиз – тогдашний притон беглых. Река Иргиз, по словам императрицы Екатерины, «уже давно укрывательством служит ворам и беглым, коим раскольники там скиты и монастыри заведшие за добродетель почитают давать пристанище»…[209]

Пугачеву было всего 30 лет от роду[210], но жизнь состарила его преждевременно, и ему казалось на вид лет под сорок. Это был мужчина небольшого роста, широкоплечий и сухощавый, смуглого, несколько рябоватого лица и с небольшой бородой, в которой пробивалась седина. Родившись в Зимовейской станице войска Донского, Пугачев в самой ранней молодости занимался вместе с отцом хлебопашеством и в действительности никогда не был раскольником. По достижении 17-летнего возраста он был зачислен на службу и еще при жизни родителей женился на дочери Есауловской станицы казака Недюжева, Софье Дмитриевой. Прожив с молодой женой только одну неделю, Пугачев был послан в команде с прочими

казаками в Пруссию, где и поступил в состав отряда, находившегося под начальством графа З.Г. Чернышева. Там он оставался до вступления на престол императрицы Екатерины II, принимал участие в нескольких сражениях, но ранен не был. В то время походным атаманом донских полков в армии был полковник Илья Денисов, который и взял Пугачева «за отличную проворность к себе на ординарцы, так как и от других станиц у него состояло для разных посылок немалое число»[211]. Однажды ночью на передовую казачью партию напали пруссаки и произвели тревогу, среди которой Пугачев упустил одну лошадь, принадлежавшую полковнику Денисову, за что и был наказан «нещадно плетью».

По возвращении из Пруссии был публикован по всем станицам манифест о кончине императора Петра III, и казаки отпущены домой. Прожив года полтора в Зимовейской станице, Пугачев был командирован в команде есаула Елисея Яковлева в Польшу, «для выгнания бывших тамо беглых раскольников, коих оный есаул и привел в Чернигов», а затем команда была распущена, и Пугачев прожил дома года три или четыре.

Во время войны с Турцией Пугачев, уже в чине хорунжего, находился в полку Кутейникова и участвовал при осаде Бендер отрядом графа П.И. Панина. По взятии этого города полк Кутейникова был отведен на зимовые квартиры в село Голую Каменку, близ города Елизавета, где Пугачев заболел «и гнили у него грудь и ноги». В это время полковнику Кутейникову приказано было для «исправления казаков лошадьми» отпустить на Дон при старшине сто человек, в числе которых был уволен и Пугачев, как человек больной, для которого необходим был отдых. Болезнь эта тянулась довольно долго, и приходившие навещать Емельяна старики-казаки советовали ему хлопотать об отставке и ехать в Черкассы Выпросив у станичного атамана Трофима

Фомина паспорт и оставив в станице жену, сына Трофима и двух дочерей, Аграфену и Христину, Пугачев в феврале 1771 года отправился на собственной лодке в Черкасск. Явившись в войсковую канцелярию, он предъявил свой паспорт войсковому дьяку Колпакову.

– Зачем ты сюда приехал? – спросил Колпаков.

– Я, батюшка, – отвечал Пугачев, – приехал сюда за болезнью своей проситься в отставку; у меня гниют ноги и грудь.

– Тебя отставить нельзя; надобно прежде лечь здесь в лазарет и лечиться, и когда уже тебя вылечить будет нельзя, то тогда отставят.

– Нет, я в лазарет не пойду, – отвечал Пугачев, – а лучше стану лечиться на своем коште.

Поклонившись Колпакову, он вышел из войсковой канцелярии вместе с неизвестным ему есаулом, советовавшим не хлопотать очень об отставке.

– На что тебе отставка, – говорил есаул, – ведь коли болен, тебя на службу не пошлют, а если выздоровеешь, то отставить нельзя.

Пугачев решился не проситься более в отставку и, придя на квартиру казачки Скоробогатой, у которой остановился, объявил ей, что от службы не отставляют, а велят лечиться в лазарете.

– Нет, Пугачев, – говорила Скоробогатая, – не ходи в лекарство, ведь оно очень трудно; покажи-ка ты мне свои ноги.

Пугачев показал.

– Лечись ты, – советовала казачка, осматривая раны, – из убитых баранов легкими, прикладывай легкое к ранам, и тебе легче будет.

Больной последовал советам, «и, покупая легкое, показывал он впоследствии[212], три дня к ногам прикладывал, отчего и стало ему несколько легче». На четвертый день Пугачев решился уехать из Черкасска, но не домой, а в Таганрог, повидаться со своей сестрой

Федосьей, бывшей в замужестве за донским казаком Симоном Павловым.

Получив разрешение войскового атамана Ефремова и наняв у вдовы Скоробогатой лошадь за два пуда пшеницы и за два пуда муки, Пугачев отправился в Таганрог. Там сестра и зять сколько рады были приезду гостя, столько же жаловались ему на свое горькое и трудное положение. Павлов жил прежде также в Зимовейской станице, но с началом Турецкой войны он вместе с другими казаками был отправлен в Таганрог на вечное житье. Казаки были недовольны таким переселением и в особенности тем, что, подобно товарищам, оставшимся на Дону, не могли сохранить своих привилегий и древних обычаев.

– Здесь жить трудно, – говорил Павлов Пугачеву, – лесу нет, и ездят за ним недели по две; заведены полковники, ротмистры, и совсем не так с казаками поступают, как на Дону. Нас хотят обучать ныне по-гусарски и всяким регулярным военным подвигам.

– Как это? – спрашивал с удивлением Пугачев. – Кажется, не годится, чтобы переменять устав казачьей службы. Надобно просить, чтоб оставили казаков на таком основании, как деды и отцы войска Донского служили.

– У нас много переменено; старшин у нас уже нет, а названы вместо оных ротмистры. Когда начнут обучать нас не по обыкновению казацкому, то мы, сколько нас ни есть, намерены бежать туда, куда наши глаза глядеть будут. Многие уже бегут, да и я согласился с тремя казаками бежать.

– А куда же ты хочешь бежать? – спросил Пугачев.

– Коли в Русь побегу, то с женой, а если без жены, то хотя в Сечь Запорожскую.

– Как тебе туда бежать? В Сечь не попадешь, а на Руси поймают. В Запорожье, коли один пойдешь, по жене стоскуешься, а приедешь за ней, так тебя схватят.

Итак, коли уже бежать, так бежать на Терек, там наши семейные живут, там народу много, рек и лесу довольно, прожить там будет способно, и тамошние жители странноприимчивы. А сверх того, тамошнему атаману Павлу Михайлову и указ дан, чтобы таких тамо принимать. Тогда и я с вами поеду.

– И ведомо это лучше, – говорил Павлов, – мы все будем жить вместе.

Побег на Терек был решен, и Федосья Павлова, по совету брата и мужа, выпросилась у ротмистра съездить в Зимовейскую станицу под предлогом свидания с матерью. Получив билет, она отправилась с братом на Дон с тем условием, что муж ее с тремя товарищами бежит из Таганрога спустя неделю-другую, «для того, – показывал Пугачев, – что если он скоро за женой побежит, то ротмистр догадается, что и жена бежала с ним вместе, пошлет погоню и их тотчас схватят, за что и ему [Пугачеву] достанется, как подговорщику».

Павлов, однако же, не исполнил данного обещания, и едва только Пугачев с сестрой доехали до реки Тузловой, как Павлов с тремя товарищами нагнали их и объявили, что они бежали.

– Что вы это наделали, – говорил им Пугачев с упреком, – того и смотри, что нас поймают; ведь я говорил, чтобы помешкать недели две, а теперь вы погубили себя и меня.

Понимая очень хорошо, что дело сделано и укоризна неуместна, Пугачев забрал всех беглецов и отправился с ними в Зимовейскую станицу. Не доезжая до станицы, Федосья и трое беглецов остались в степи, а Пугачев, выждав наступление ночи, чтобы соседи не видели, привел зятя к себе в дом.

– Вот, матушка, – говорил он, – знаешь ли, зять-то хочет с женой бежать на реку Терек, да и меня зовут с собой.

Мать и жена ударились в слезы.

– Нет, не бойтесь, – успокаивал Пугачев, – я только провожу их через Дон, а сам никуда не поеду.

В ту же ночь он с зятем выехал в степь, где оставил зятя, а взял сестру. Пробыв часа два у матери, Федосья отправилась к свекру своему. Мать и жена снова принялись уговаривать Пугачева, чтоб он за Дон тех беглецов не перевозил и что ему за это будет беда. Пугачев согласился было, но зять, приходя по ночам, упрашивал его перевезти и ехать с ними вместе.

– Покажи нам дорогу на Терек, – просил зять.

– Ты за солью на Маныч хаживал, – отвечал Пугачев, – так поди той дорогой, и она доведет тебя до Терека.

По всему видно было, что Пугачеву не хотелось бежать на Терек, а зять, под предлогом указания дороги, непременно хотел утащить его с собой. Оба обманывали друг друга, и потому переговоры тянулись несколько дней. Наконец Павлов стал просить, чтоб он только перевез их через Дон, будучи уверен, что если Пугачев это сделает, то они найдут возможность увезти его с собой.

Видя неотступную просьбу зятя, Пугачев согласился, несмотря на слезы матери и жены, которых он уверял, что только перевезет через Дон, а сам не побежит.

– Статное ли дело, – говорил он, – чтоб я оставил отечество и поехал бы на Терек.

Посадив в лодку зятя, сестру и трех их спутников, Пугачев спустился вниз по Дону верст на семь, перевез их на ногайскую сторону, высадил на берег, а сам остался в лодке и отвалил от берега. Видя, что Пугачев их обманул, Павлов выхватил саблю и бросился в воду, но Пугачев успел уплыть. Спустя месяц или полтора Павлов с товарищами, не найдя дороги на Терек, вернулись в Зимовейскую станицу, были арестованы, отведены в станичную канцелярию, где и показали, что Пугачев перевез их через Дон и хотел бежать вместе с

ними. Зная, что всем казакам, под страхом смертной казни, запрещено перевозить за реку беглецов, Пугачев, опасаясь наказания, взяв лошадь, бежал из дома и шатался по степи недели две. Когда захваченный хлеб весь вышел и ему есть было нечего, он вернулся ночью в станицу, где жена ему сказала, что мать и зять взяты в Черкасск и что и его также ищут. Тогда Пугачев решился сам поехать в Черкасск и, если можно, обогнать мать и зятя, чтобы под видом человека правого и ничего не подозревающего отделаться от наказания. Явившись к дьяку Колпакову, он представил ему тот же самый паспорт, который был выдан, когда он намерен был хлопотать об отставке.

– Я слышу, – говорил Пугачев, – что про меня говорят, будто я бежал; я не бегал, вот и паспорт.

– На кой же черт пишут, что ты бежал, – отвечал Колпаков, посмотрев паспорт, и отпустил Пугачева.

На другой день привезли мать и зятя, причем последний показал, что точно Пугачев перевозил его и хотел вместе с ним идти на Терек. Видев Пугачева накануне, Колпаков приказал его сыскать, но он бежал в станицу, где был арестован, снова бежал, скрывался в камышах и пролежал там двое суток. «Но как есть было нечего, – говорил Пугачев[213], – также и холодно, ибо время было в Филиппов пост, то на третий день пошел в дом свой и, пришед, сказал жене, чтоб она никому не сказывала, и прожил в доме своем почти весь Филиппов пост скрытно. В доме же его не сыскали потому, что не могли старшины думать, чтобы, наделав столько побегов, осмелился жить в доме своем».

За два дня до Рождества Христова Пугачев оседлал лошадь и выехал из станицы, сказав жене, что едет на Терек, и если его там примут, то и за ней приедет[214].

Переправившись через Дон, Пугачев, нигде не останавливаясь, приехал прямо в Ищорскую станицу к поселенным там казакам. Отсюда он отправился в

Дубовскую станицу и, явившись войсковому атаману Павлу Татаринцову, просил о принятии его в Терское Семейное войско[215]. Не зная, что он беглый казак, Татаринцов записал Пугачева сначала в Каргалинскую, а потом в Дубовскую станицу, в которой он прожил недолго, выпросил себе билет на три недели и, под предлогом необходимых собственных дел, отправился в Ищорскую станицу. Там он подговорил казаков, поселенных в Галюгаевской, Ищорской и Наурской станицах, чтоб они избрали его своим атаманом, обещая им за то хлопотать в государственной Военной коллегии об отпуске им денежного жалованья и провианта наравне с казаками Терского Семейного войска. Атаман и старики согласились и дали заручную подписку о желании казаков иметь Пугачева своим атаманом[216]. Получив от тех же казаков 20 рублей денег, Пугачев отправился было хлопотать, по при выезде из Моздока 9 февраля 1772 года за рогаткой был пойман, посажен на гауптвахту и прикован цепью к стулу; казаки же, уполномочившие и выбравшие его, были «нещадно батожьём наказаны»[217]. Просидев на стуле три дня, Пугачев 13 февраля успел бежать вместе с подговоренным им солдатом Лаптевым и унес с собой три звена цепи, которой был прикован, и замок[218].

Неудача на Тереке заставила Пугачева вернуться домой, но надежды его быть атаманом еще не рушились.

– Я был на Тереке, – говорил он жене, – и семейные казаки хотят меня принять; у них теперь нет атамана, они меня выберут.

Жена не верила этим словам и, зная, что мужа давно ищут, горько плакала. Как ни утешал ее Пугачев, но все было напрасно. Раздосадованный грустной семейной обстановкой, он решился сам передаться в руки правосудия.

– Когда так, – сказал он, – то поди и скажи, что я приехал.

Пугачев был арестован и отведен к атаману. На другой день его отправили в Чирскую станицу, в разыскную команду[219] к старшине Михайле Федотову.

– Ну, Пугачев, – говорил Федотов, оставшись наедине с арестованным, – дай мне сто рублей, так я напишу тебя в службу, чтобы ты вину свою заслужил, и в Черкасск не пошлю.

– У меня ста рублей нет, – отвечал Пугачев, – а пятьдесят дам.

Федотов не соглашался, и тогда Пугачев просил позволения поискать денег, на что и получил разрешение. Его отвели под конвоем к старшине Чирской станицы Карпу Денисову.

– Надобно подарить старшину Федотова, – говорил Пугачев, – за то, что он не хочет меня посылать в Черкасск, а определить для заслужения вины моей в службу.

– На, возьми, – сказал Денисов, давая деньги, – и отнеси их; это хорошо, если он запишет тебя в службу.

Пугачев понес деньги Федотову.

– Где ты деньги эти занял? – спросил Федотов.

– У Карпа Петровича Денисова.

– Нет, если эти деньги ты занял у него, то я их у тебя не возьму; он свой брат, полковник, как только сведает, что с тебя взял, так донесет, и меня за это разжалуют. Поди вон.

Пугачев отнес деньги обратно Денисову, по тот взял только 40 рублей, а 10 подарил арестованному.

– В Черкасске пригодятся, – сказал Денисов.

В тот же день Пугачев был отправлен водой в Черкасск вместе с другими колодниками. По приезде в Цимлянскую станицу, сидя в станичной избе, Пугачев увидел саженях в десяти знакомого ему еще во время прусского похода казака Лукьяна Худякова. В голове

арестованного тотчас же мелькнула мысль воспользоваться знакомством в свою пользу, и он попросил позволения повидаться с Худяковым.

– Разорил меня Роман Пименов (старшина) и ограбил, – говорил Пугачев Худякову, – отнял у меня два камня да лук и меня же в Черкасск послал не знаю за что, но спасибо, везут меня без колодки. Горе мое в том, что везут меня с колодниками водой, так ведь не скоро довезут, а пора приходит сеять пшеницу. Знаю я, что прав буду и меня отпустят из Черкасска, за меня и старшина Иловлинский Михайло Макаров старается и писал войсковому есаулу письмо, да та моя беда, что идет время к посеву, и я совсем разорюсь. Пожалуй, Бога ради, возьми меня на свои поруки и скажи, что ты меня в Черкасск отвезешь, я тебе шесть рублей заплачу.

Пугачев клялся, что за ним никакого серьезного дела нет, одна только напасть Пименова. Худяков поверил клятве, пошел в станичную избу и сказал старшине, что сам, за своей порукой, отвезет Пугачева в Черкасск.

На другой день, под вечер, приказал Худяков сыну своему оседлать две лошади и ехать с Пугачевым в Черкасск.

Отъехав от станицы на такое расстояние, с которого никакая погоня или преследование были невозможны, Пугачев не считал нужным скрывать своих намерений, бросил сына Худякова, ударил по лошади и ускакал в степь. Молодой Худяков хоть и гнался за ним версты с три, но догнать не мог[220]. Пока он вернулся в станицу, чтобы сказать отцу о постигшем его несчастье, Пугачев был уже на реке Койсухе, где поселены были выведенные из Польши беглые раскольники. Остановившись в слободе Черниговке, Пугачев спросил у одного мужика, не наймется ли кто из их селения отвезти его к казачьей команде, которая, как ему было известно, шла тогда впереди под начальством Краснощекова.

– Есть здесь такой человек, – отвечал мужик, – который вашу братию возит, – и назвал раскольника Ивана Коверина.

Остановившись по отводу сотника Дементьева в доме Коверина, Пугачев объявил ему, что едет из Черкасска для сопровождения обоза отряда Краснощекова, и так как лошадь у него устала, то не наймется ли он довезти его до села Протопоповки (в 30 верстах от города Изюма), где ему надобно застать Краснощекова обоз[221]. «Про Краснощекова говорил, – показывал впоследствии Пугачев, – чтобы не подумали, что он беглец»[222]. Пасынок Коверина Алексей взялся отвезти Пугачева за три рубля с полтиной, впряг своих двух лошадей в телегу, а лошадь Пугачева шла на поводу.

Наступил вечер, и путешественники, остановившись в поле, развели огонь и стали варить кашу.

– Ведь я не за обозом Краснощекова еду, а мне хочется, добрый человек, – говорил вкрадчиво Пугачев Алексею, зная, что он раскольник, – хочется пожить для Бога, да не знаю, где бы сыскать таких богобоязливых людей.

– Я знаю такого человека набожного, – отвечал Алексей, – который таких людей принимает.

– Пожалуй, Бога ради, отвези меня к нему. Что это за богобоязливый человек и где он живет?

– Оный человек казачьей Кабаньей слободы[223], живет на своем хуторе и прозывается Осип Коровка.

Наутро Пугачев и Алексей отправились к Коровке, куда и приехали вечером. Не доезжая до хутора, Пугачев послал Алексея спросить, примет ли их Коровка. Алексей пошел, хотя сам никогда не видал в лицо Коровку, а слышал об его гостеприимстве от других.

– Что ты за человек? – спросил Коровка.

– Я выходец из Польши, раскольник, житель Белогородской губернии, Валуйского уезда, дворцовой

раскольнической слободы Черниговки, с реки Койсухи, Алексей Иванов, сын Коверин. Я привел сюда такого человека, который хочет пожить для единого Бога.

Алексей просил Коровку принять его спутника.

– А где тот человек? – спросил Коровка.

– Он стоит за хутором.

Коровка и Алексей отправились за Пугачевым.

– Вот, Осип Иванович, тот человек, – говорил Алексей, указывая на Пугачева, лежавшего в телеге, – который желает пожить Бога ради.

– Пожалуй, Осип Иванович, – повторил Пугачев, вставая, – прими меня к себе.

– Какого ты чина, – спросил Коровка, – и как тебя зовут?

– Я донской казак Емельян Иванов, сын Пугачев, иду за обозом Краснощекова, но хочется мне пожить для Бога ради, пусти меня пожить; на службе никак угодить Богу не можно.

– Я бы рад, – отвечал Коровка, – да не можно: я держал таких людей, да они меня часто грабили и совсем разорили; я боюсь.

Пугачев просил принять его хотя на несколько дней.

– Милости прошу, – отвечал на это Коровка, – поди, брат, за мной.

Путешественники прожили у него два дня. Пугачев снова просил позволения остаться, но Коровка не соглашался.

– Ну, делать нечего, – говорил Пугачев, – теперь поеду я за Кременчуг, там у меня осталось, когда шел из-под Бендер, много серебра и платья, потому что тогда за язвой ничего не пропускали. Взяв оное, поеду к Бендерам; слышно, что там генерал Каменский поселяет всякого и там жить будет свободно.

– Да, здесь вашей братии староверам жить нельзя, – заметил Коровка. – Вот я за крест и бороду страдал в Белгороде и с сыном лет семь, да дай Бог здоровья

милостивой государыне, она дала свой о кресте и бороде указ, так меня и освободили. Я и тебя держать опасаюсь потому, что приезжают часто сюда команды. Когда ты в Кременчуг поедешь, наведайся Бога ради, и коли точно принимают, так когда поедешь назад, заезжай и скажи мне, я бы сам со всем домом туда поехал.

Пугачев обещал и отправился в Протопоповку. Там он отпустил Алексея Коверина и, оставшись один, стал думать о том, как бы достать себе паспорт. Коровка был его единственный знакомый в тех местах, и потому Пугачев решился извлечь из этого знакомства возможную пользу. Чтобы протянуть время и иметь возможность сказать, что был под Бендерами, Пугачев поехал из Протопоповки опять в Черниговку, но, встретив на дороге карантин, через несколько дней вернулся опять к Коровке.

– Что, Емельян Иванович, был ли под Бендерами, – спрашивал Коровка, – и селятся ли там?

– Селятся, – отвечал Пугачев, – только надобно самому туда ехать и выправить указ.

– Мне самому ехать туда невозможно, а возьми ты сына моего Антона.

– Я бы рад туда пойти и отыскать место для поселения, да только паспорта у меня нет.

– Для проезда я тебе дам свой паспорт, данный мне с сыном на год для торговли. С этим паспортом ты, Емельян Иванович, под моим именем туда и проедешь.

Пугачев согласился.

– Ты, – говорил он Коровке с уверенностью, – ни хлеба не сей, ни сена не коси, нонче непременно поедешь.

Взяв у Коровки на дорогу 50 рублей, пару лошадей и сына, Пугачев отправился в Кременчуг, оттуда в Крюков и далее к Елизаветинской крепости. По дороге Антон Коровка узнал, что под Бендерами никакого поселения

нет, и сообщил о том своему спутнику[224]. Пугачев не считал нужным уверять в противном, потому что Антон Коровка был уже его сообщник. Он вез человека под чужим именем, на всех заставах, где прописывали паспорт, называл своим отцом, следовательно, подвергался такой же ответственности и наказанию, как и тот, кого он прикрывал. К Бендерам ехать было не для чего, надобно было избрать другой путь.

– Куда же нам теперь ехать, чтобы спасти себя? – спрашивал Пугачев Антона Коровку.

– Поедем в Стародубские слободы, – отвечал тот.

Приехав сначала в Стародубскую Климову слободу, они отправились потом в Стародубский монастырь к старцу Василию[225], которому Пугачев признался, что он беглый донской казак, и спрашивал, где бы лучше прожить.

– Лучше не можно как идти в Польшу, – говорил старец. – Здесь много проходит всяких беглых, и отсюда только нужно перевести их через заставу, а там и пойдут они на Ветку[226]. Побыв там малое время, придут они на Добрянский форпост и скажутся польскими выходцами. А как есть указ, что польских выходцев велено селить по желанию[227], то с форпоста дают им билеты в те места, куда кто пожелает на поселение. Со временем можешь и жену свою, хотя воровски, к себе достать и жить целый век спокойно.

Картина такой свободной жизни прельстила Пугачева, и он просил старца проводить его с товарищем как можно скорее в Польшу.

– Погодите немного, – отвечал Василий, – пока с теперешнего места перейдет застава, тогда я вас и провожу.

Ждать пришлось довольно долго, и Пугачев с Коровкой прожил у старца Василия недель с пятнадцать. Наконец старец вывел их на тропинку, по которой нельзя было двигаться иначе как пешему, и

сказал, что это прямая дорога на Ветку. Здесь Пугачев оставался не более недели, а затем отправился на Добрянский форпост, где встретил множество беглых русских, выдерживавших карантин.

– Как, братцы, являются на форпосте? – спрашивал Пугачев.

– Ты как придешь к командиру, – говорили люди бывалые, – так он тебя спросит, откуда ты и что за человек? Ты скажи: я родился в Польше и желаю идти в Россию; тогда тебя не станут больше спрашивать, а если ты скажешься, чьим из России, то сделают привязку.

Пугачев так и сделал.

– Откуда ты? – спросил его майор Мельников.

– Из Польши.

– Какой ты человек и как тебя зовут?

– Я польский уроженец; зовут меня Емельян Иванов, сын Пугачев[228].

Командир форпоста приказал записать его имя в книгу и отправил в карантин, где его не раздевали, а заставили перейти через огонь, и потом доктор посмотрел ему в глаза.

– Ты здоров, – проговорил он, – но надобно тебе высидеть в карантине шесть недель.

В карантине Пугачев познакомился с таким же выходцем, как он, беглым солдатом 1-го гренадерского полка, Алексеем Семеновым Логачевым. Оба они признались друг другу: один – что он беглый солдат, а другой – что он беглый донской казак, и условились идти вместе на поселение на Иргиз, в дворцовую Малыковскую волость. «А как есть им обоим было нечего, то работали тут в Добрянке у жителя Косоротова баню»[229].

По окончании карантина Пугачев и Логачев 12 августа 1772 года явились к майору Мельникову, от которого и получили паспорты [230] для свободного прохода на Иргиз. Не имея ни денег, ни запасов, они

отправились к добрянскому купцу Кожевникову, часто приносившему в карантин милостыню, и получили от него на дорогу целый хлеб.

– Куда же вы теперь идете? – спросил Кожевников.

– Идем на Иргиз.

– Кланяйтесь там отцу Филарету, меня на Иргизе все знают.

Пугачев запомнил это имя и впоследствии широко воспользовался поручением Кожевникова.

Из Добрянки Пугачев и его спутник направились в деревню Черниговку, к знакомому ему жителю Коверину, а оттуда к Осипу Коровке. Последний пенял Пугачеву, что так долго не приезжал, и, не видя сына, спрашивал: где он?

– Я сына твоего оставил в Ветке, – отвечал Пугачев, – нанял ему лавку и посадил торговать серебром. Теперь я поеду на Иргиз и там жить буду, а если там жить будет худо, то можно уехать на Кубань, куда ушли некрасовцы.

Коровка хотя и не поверил всем рассказам Пугачева, но, но усиленной его просьбе, дал ему пять рублей на дорогу и возвратил оставленную у него лошадь, на которой тот и приехал опять в Черниговку. Переночевав у Коверина, Пугачев и Логачев наняли соседнего жителя Алексея Родионова довезти их до села Казанки, но, отъехав от слободы Черниговки верст с тридцать, столкнули Родионова с телеги и сами уехали степями к Дону, переехали через реку на Медведицком перевозе и мимо Трехостровянской станицы проехали прямо в Глазуновскую станицу[231]. Здесь путники узнали все подробности происшедших в Царицыне беспорядков и о том сочувствии, которое было оказано Богомолову как со стороны царицынского населения, так и донских казаков. Никто не мог сказать только, какая судьба постигла человека, называвшегося императором Петром III. Таинственность, которой окружено было отправление

Богомолова в Сибирь, была поводом ко многим нелепым слухам: по станицам войска Донского, в Царицыне, в Казанской губернии и даже в Сибири рассказывали, что назвавшийся Петром III бежал и скрылся неизвестно куда. Все эти рассказы подействовали на Пугачева, и под впечатлением их он торопился оставить Глазуновскую станицу и через Камышенку и Саратов приехал с Логачевым в Симбирскую провинцию, в дворцовое село Малыковку[232].

Явившись к управителю, они предъявили свои паспорта.

– Вам надобно ехать в Симбирск и там записаться, – сказал управитель.

Пугачев и Логачев просили остаться в Малыковке на несколько дней, пока отдохнут их лошади. Управитель позволил, и они, не теряя времени, отправились в Мечетную слободу (ныне город Николаевск, в Самарской губернии), находящуюся в 100 верстах от Малыковки, искать раскольничьего старца Филарета, которого и нашли в скиту Введения Богородицы. Передав Филарету поклон Кожевникова, Пугачев прибавил, что он раскольник, был в Ветке и Стародубских раскольнических слободах. Филарет был очень рад и обласкал незнакомца. Среди разговора Пугачев узнал от Филарета о происшествиях на Яике и о положении казаков.

– Яицким казакам, – говорил Филарет, – великое разорение, и они помышляют бежать к Золотой мечети.

– Нет, – заметил Пугачев, – лучше бежать туда, куда бежал Некрасов.

Мысль воспользоваться неудовольствием казаков, подговорить их к побегу и сделаться их атаманом воскресла у Пугачева и казалась легко исполнимой[233].

– Я поеду сам на Кубань, – говорил он, – и буду уговаривать к тому яицких казаков.

– Поезжай на Яик, – отвечал Филарет, – и скажи казакам, что ты можешь их провести туда; они с тобой пойдут с радостью, да и мы все пойдем. Если тебя на Яике не примут и ничего там не сделаешь, в Симбирск не езди; там хотя и запишут, но не скоро, а поезжай лучше в Казань.

– Да ведь у меня и в Казани знакомых нет ни единого человека, – заметил Пугачев.

– У меня есть в Казани приятель, купец Василий Федорович Щолоков, он наш старовер, человек добрый и хлебосол. Буде я с тобой сам в Казань не поеду, так скажу тебе, где его сыскать, а там он за тебя постарается и попросит.

Пугачев поблагодарил Филарета и, чтобы вернее отделаться от отправления в Симбирск, просил его замолвить слово малыковскому управителю. Филарет согласился, и они вместе с Логачевым поехали обратно в Малыковку. По дороге, в селе Терсах, Пугачев купил пуд меду и, подарив им управителя, получил разрешение остаться в Малыковке до Крещения. Желая воспользоваться этим временем и побывать в Яицком городке, Пугачев решился расстаться с Логачевым.

– Ты, Алексей, теперь иди куда хочешь, – сказал он, – а я стану здесь жить с отцом Филаретом.

Пугачев обманул Логачева[234] и через несколько дней уехал вместе с Филаретом в Мечетную слободу (ныне Николаевск Самарской губернии), где остановился у тамошнего жителя Степана Косова, а Филарет отправился в свой монастырь [235].

У Косова Пугачев оставался недолго: мысль воспользоваться волнениями на Яике, подговорить казаков уйти с ним на Кубань не покидала его. Окрестив у Косова ребенка и узнав, что тесть Косова, крестьянин Семен Филиппов, собирается ехать на Яик с хлебом, Пугачев воспользовался таким удобным случаем[236].

– Возьми, Семен Филиппович, и меня с собой на Яик, – говорил он, – я хочу ехать туда купить рыбы и взыскать по векселю с брата своего сто рублей.

Заняв денег у старца Филарета, Пугачев отправился в путь, и чем ближе подъезжал он к Яику, тем труднее ему было скрывать истинные свои намерения: он чувствовал потребность высказаться. Будучи кумом Косова и считая Филиппова близким себе человеком, Пугачев не счел нужным таиться.

– Что, Семен Филиппович, – спрашивал Пугачев, – каково жить яицким казакам?

– Им от старшин великое разорение, – отвечал Филиппов, – и многие уже разбежались.

– Так вот что я тебе поведаю, Семен Филиппович, ведь не за рыбой я на Яик-то еду, а за делом. Я намерен подговорить яицких казаков, чтоб они, взяв свои семейства и от меня жалованья по двенадцать рублей, бежали на Кубань и, поселившись на реке Лабе, отдались в подданство турецкому султану. У меня оставлено на границе товару на двести тысяч рублей, которыми я бежавшее Яицкое войско и коштовать буду. А как за границу мы перейдем, то встретит нас турецкий паша и даст еще до пяти миллионов рублей. Ты сам видишь, какое ныне гонение на яицких казаков, так хочу я об этом с ними поговорить, согласятся или нет идти со мной на Кубань.

– Как им не согласиться, – поддакнул Филиппов, – у них ныне идет разорение, и все с Яику бегут. Ты скажи им только об этом, так они с радостью побегут за тобой. Но за что ты им такое жалованье давать станешь? Бога ради, что ли?

– Я буду у них атаманом войсковым.

– Пожалуй, за деньги они атаманом тебя сделают и пойдут с тобой с радостью.

– А когда я буду атаманом, – заметил шутя Пугачев, – так тебя старшиной сделаю.

– Спасибо, и я с вами пойду, – отвечал с такой же шуткой Филиппов, – так не оставь, пожалуй, и меня.

На этом разговор пока остановился и более не возобновлялся[237]. Подъезжая к Яицкому городку, путники остановились ночевать на реке Таловой, на умете (постоялом дворе), стоявшем в Сызранской степи и находившемся от Яицкого городка в 60, а от Иргиза в 70 верстах. Содержателем умета был пахотный солдат Степан Оболяев, известный окрестным жителям под именем Еремина Курица, потому что сам он «всегда оное слово употребляет и в шутку, и вместо бранного слова».

Родившись в селе Назайкине, Симбирского уезда, Оболяев с детства жил среди яицких казаков в работниках и большей частью в доме Тамбовцевых[238]. Он хорошо знал, что делалось в Яицком войске, и был знаком со многими казаками. Приезжая на умет, они делились с Оболяевым своим горем, жаловались на притеснения старшин и говорили, что так им жить нельзя, что они готовы бежать всем войском[239]. Оболяев, как человек добрый, скорбел вместе с казаками и добродушно делился своими впечатлениями со всеми приезжавшими. Это добродушие и простота причинили ему в будущем большую беду.

Попросившись ночевать, приезжие вошли в избу, и, пока Филиппов варил рыбу на ужин, Пугачев подсел к уметчику.

– Что ты за человек и как тебя зовут? – спросил Пугачев.

– Степан Оболяев, пахотный солдат. А твоя милость какой человек, откуда и куда едешь?

– Я купец, приехал из-за границы, зовут меня Емельяном Ивановым Пугачевым, а еду я на Яик для покупки рыбы. Каково живут яицкие казаки?

– Худо, очень худо им жить, – отвечал Оболяев, – старшины их обижают, и они, убив атамана, бегают кто

где; их ловят, сажают в тюрьму; они было шарахнулись идти все в Астрабад, да не пустил их генерал Фрейман.

– А не поедут ли они со мной на Кубань, – спросил Пугачев, – я бы их туда провел, где живут некрасовцы.

– Как не поехать, поедут.

– Да нет ли здесь кого из казаков, я бы с ними поговорил?

– Как не быть! Есть тут два брата, и живут близехонько.

То были два казака, Григорий и Ефрем Закладновы, приехавшие в степь для ловли лисиц и жившие в землянке, вблизи Таловского умета.

– Не можно ли за ними послать? – спросил Пугачев.

Оболяев обещал и в это время увидел проезжавшего мимо умета казака Ивана Персианова, также охотившегося.

– Пришли, брат, ко мне Гришу Закладнова! – крикнул Оболяев. – Скажи ему, что у меня есть к нему нуждица и что спрашивает его приезжий.

Закладнов, однако, долго не ехал, и тогда Оболяев отправился сам за ним и привел на умет обоих братьев.

– Кто меня спрашивает? – говорил Григорий Закладнов, входя в избу.

– Вот тот человек, – отвечал Оболяев, – который тебя спрашивает.

– Ты что за человек и откуда?

Пугачев назвал себя купцом из-за границы и, отведя в сторону под сарай братьев Закладновых и Оболяева, стал их расспрашивать.

– Скажите, пожалуйста, господа казаки, – говорил он, – но только не утаивая, какие у вас происходят обиды и разорения от старшин и как вам живется на Яике?

– Нехорошо, – отвечал Григорий Закладнов, – казаки в смятении, одного генерала убили и за то многих

побрали под караул, а других сыскивают. Мы было собрались всем войском бежать в Астрабад…

– Зачем в Астрабад, – перебил Пугачев, – я могу вас провести на Кубань, куда с Дона некрасовцы сошли, но будут ли на то ваши казаки согласны?

– Как не согласиться, если вы возьметесь провести.

– Ну, хорошо, вот я поеду в городок и посмотрю ваши обряды; может быть, я там с кем-нибудь из войсковой стороны и поговорю, только смотрите же вы-то, братцы, никому из казаков старшинской стороны об этом не сказывайте.

Попрощавшись с Закладновыми, Пугачев возвратился в избу и сел ужинать с Филипповым. На следующее утро они оставили умет и поехали к Яику.

– Знаешь ли ты, – спрашивал Пугачев Филиппова, – яицких казаков Дениса Пьянова и Толкачевых, так я бы у них остановился.

– Слыхал я, – отвечал Филиппов, – что на Яике есть раскольник казак Денис Пьянов.

Добравшись до Яицкого городка 22 ноября 1772 года, путники отыскали дом казака Пьянова и въехали прямо к нему во двор[240].

Глава 6

Пугачев в Яицком городке. – Разговор его с казаком Ивановым. – Принятие имени Петра III. – Возвращение в Малыковку. – Арест. – Отправление в Казань. – Казанские «черные тюрьмы». – Перевод на тюремный двор. – Арестант Дружинин. – Бегство из Казани. – Меры к поимке бежавших.

Яицкий городок далеко еще не имел спокойного вида; многие казаки разбежались, и дома их были пусты. Оставшиеся в городке жители находились под впечатлением полученного из Оренбурга известия, что многих товарищей ожидает смертная казнь, жестокое наказание и ссылка. 17 сентября 1772 года следственная комиссия закончила свою деятельность и, составив сентенцию, отправила ее в Петербург на утверждение Военной коллегии. По этой сентенции 12 человек наиболее виновных приговорены к четвертованию, 47 человек – к повешению, 3 человека – к отсечению головы, 20 человек – к наказанию «по казачьему обыкновению» нещадно плетьми, 8 человек – к наказанию плетьми, с тем чтоб, обрив им бороды, отослать на службу в полки 2-й армии.

При производстве следствия оказались 53 человека бежавшими, у которых, по мнению комиссии, следовало отобрать имение и самих их, когда они явятся, повесить. «Детей же их мятежничьих, – писала комиссия[241], – каковых по присланному от Яицкой комендантской канцелярии списку значится, от 15 лет и свыше, 316 человек, в рассуждении отцов их учиненного злодейства, дабы впредь и от них, яко происшедших от рода злодейственного, такового ж поползновения и расширения к злу последовать не могло, во истребление

и пресечение оного годных написать в полки в солдаты, а негодных в страх другим наказать: от 15 до 17 лет розгами, а с 17 лет и выше плетьми». Что же касается всех остальных казаков, которых по ревизии насчитывалось 2461 человек, то наказание их следственная комиссия представила на усмотрение высшего начальства.

Итак, каждый казак ожидал наказания, и все были в страшном унынии и отчаянии, а между тем по городу и на базаре ходил странный слух, что в Царицыне проявился государь. Слух этот с каждым днем приобретал все большую и большую силу[242].

– Здесь слышно, – начал Пьянов, оставшись наедине с Пугачевым, – что проявился какой-то в Царицыне человек и назвал себя государем Петром Федоровичем, да Бог знает, теперь о нем слуху нет: иные говорили, что он скрылся, а иные, что его засекли.

Пугачеву пришла мысль воспользоваться таким слухом в свою пользу, для осуществления заветной его мечты увести яицких казаков на Кубань или Терек.

– Это правда, что в Царицыне проявился государь, – отвечал он Пьянову, – и он есть подлинный царь Петр Федорович. Хотя его в Царицыне поймали, однако же он ушел, и вместо его замучили другого.

– Как можно этому статься, ведь Петр Федорович умер.

– Неправда, – говорил Пугачев, все более и более увлекавшийся и входивший в свою роль. – Он так же спасся в Петербурге от смерти, как и в Царицыне.

Пьянов выразил сомнение, и Пугачев на этот раз не считал нужным убеждать его. Он переменил разговор и пошел прямо к заветной цели.

– Каково живется казакам? – спросил Пугачев.

– Худо, – отвечал Пьянов, – мы разорены от старшин, и все наши привилегии нарушены.

– Как не стыдно вам терпеть такое притеснение в привилегиях?

– Что делать, видно, так тому и быть.

– Так не лучше ли вам выйти со мной с Яика в турецкую область на реку Лабу?

– Наши казаки все будут рады идти с вами, да только как же мы пройдем татарские орды?

– Орда, которая здесь кочует, нам рада будет, она нас встретит и проводит.

– С чем же нам бежать, мы все люди бедные.

– На выход я вам дам на каждую семью по двенадцать рублей.

– Где ты деньги-то возьмешь? И что ты подлинно за человек? – спросил Пьянов.

– Я купец, заграничный торговый человек. У меня на границе оставлено двести тысяч рублей, да на семьдесят тысяч рублей товару, из которого я, если Яицкое войско согласится со мной бежать, то и коштовать его буду. А по приходе на границу встретит нас всех с радостью турецкий паша, и если придет нужда войску на проход, то паша даст еще хотя до пяти миллионов.

Пьянов с удивлением выслушал все обещания Пугачева и не верил его словам.

– Статочное ли все это дело, – говорил он в недоумении, – ведь таких больших денег ни у кого не может быть, кроме государя.

Замечание это магически подействовало на Пугачева; он увлекся и перешел за черту, с которой возврата уже не было…

– Я ведь не купец, – говорил с жаром Пугачев, – я государь Петр Федорович; я-то и был в Царицыне, да Бог меня и добрые люди сохранили, а вместо меня засекли караульного солдата.

Пьянов был озадачен; он не знал, верить ли своим ушам или не верить.

– Как тебя Бог сохранил, – спрашивал он, – и где ты так долго странствовал?

– Пришла гвардия и взяла меня под караул, да капитал Маслов отпустил. Я ходил в Польше, Цареграде, был в Египте, а оттуда пришел к вам на Яик.

– Хорошо, государь, – сказал Пьянов, – я поговорю со стариками и что они скажут, то я и вам скажу.

Итак, вот при каких обстоятельствах Пугачев неожиданно для самого себя принял имя Петра III[243].

Высказавшись Пьянову, Пугачев струсил и, желая узнать, какое впечатление произведет его мнимое признание на казаков, стал ежедневно посещать базар, чтобы прислушаться к народному говору, но не слышал там никаких рассказов, кроме жалоб казаков на их тяжелое положение. Спустя несколько дней на том же базаре он встретился с Пьяновым, возвращавшимся домой.

– О вашем величестве, – говорил Пьянов, – что вы за нас, бедных, вступиться намерены и хотите провесть на Кубань, я сказывал казакам Черепанову, Коновалову и Антонову. Они рады с вами идти, да только сказали, что это дело великое, так надо со всеми казаками об этом поговорить тогда, когда они соберутся вместе на багренье.

– Ну хорошо, – отвечал ободрившийся Пугачев, – но только ты до времени об этом никому не сказывай.

Прожив неделю в Яицком городке и накупив рыбы, Пугачев и Филиппов поехали обратно в Мечетную[244]. По дороге Семен Филиппов, имея более тяжелые возы, отстал, а Пугачев, воспользовавшись этим, уехал вперед один и приехал на Таловый умет.

– А Семен разве от тебя отстал? – спросил Оболяев, увидя Пугачева.

– Старый черт, – отвечал он, – наклал тяжелые возы рыбой, так лошади у него устали, а мне ведь не дожидаться.

– У кого ты был на Яике; говорил ли ты с кем, что хочешь провести на Кубань, и согласны ли казаки?

– Я довольно по городу погулял и весь обряд казаков видел. Жил я у казака Пьянова в доме, обо всем, о чем я говорил с тобой и с Закладновыми, сказывал как ему, так и другим казакам. Идти на Кубань они согласны, только положили на совете, чтобы мне приехать на Яик о Рождестве, когда соберутся все казаки на багренье.

Переночевав на умете и видевшись с казаком Григорием Закладновым, приезжавшим на умет за покупкой хлеба, Пугачев отправился далее.

– Я теперь поеду в Мечетную, – говорил он Оболяеву и Закладнову, – и оттуда назад скоро буду, ожидайте.

Между тем Филиппов, оставшись один и размышляя по дороге о всем происшедшем в городке, струсил. Опасаясь попасть в соучастники Пугачева и в число лиц, подговаривавших казаков к побегу, Филиппов по приезде в Мечетную тотчас же отправился к смотрителю Федоту Фаддееву и сотскому Протопопову и рассказал им все то, что от Пугачева слышал. Узнав, что Пугачева нет в Мечетной и что он вместе с Косовым поехал в Малыковку, Фаддеев отправил туда сотского Протопопова с несколькими человеками, которые арестовали Пугачева и представили к Малыковским управительским делам[245]. Пугачев признался, что он беглый донской казак Зимовейской станицы, что действительно «смейчись и пьяный» советовал казакам бежать на Лабу, но безо всякого дальнего намерения, что, возвратившись с Лика, он сам приехал в Малыковку, чтоб явиться для определения к жительству на реке Иргизе в Симбирскую провинциальную канцелярию, но не мог и того сделать потому, что был арестован. Канцелярия дворцовых управительских дел не поверила этим словам, освидетельствовала Пугачева, заметила на теле его знаки как бы от кнута и потому, признав его подозрительным, 19 декабря 1772 года отправила в

Симбирскую провинциальную канцелярию[246]. По дороге Пугачев пытался было подговорить своих конвойных отпустить его, сказав ложно, что у старца Филарета оставлены его деньги, которые он обещал конвойным, но попытка эта не удалась, и он, скованный, был привезен в Симбирск[247]. Отсюда Пугачева отправили в Казань, и 4 января 1773 года он был принят в Казанской губернской канцелярии. Губернатор, генерал-поручик фон Брандт, приказал содержать его под крепким караулом, «освидетельствовать и допросить, чем он был наказан, кнутом или плетьми, и о причине его побега в Польшу».

Пугачева допросили; он показал то же, что и в Малыковке, прибавив, что ни кнутом, ни плетьми сечен не был, а сек его полковник Денисов за то, что упустил лошадь. Показание это было признано удовлетворительным, и Пугачев вместе с другими арестантами помещен под губернской канцелярией в *«черных тюрьмах»*. Здесь он не оставался праздным, и, зная о тесном соединении раскольников, их готовности поддержать своего единоверца, Пугачев стал выдавать себя за раскольника и говорил всем, что не знает за собой вины, а страждет за «крест и бороду». Этого было достаточно, чтобы приходившие в тюрьму для подаяния раскольники приняли в нем участие, причем от одного из них, Ивана Седухина, он узнал случайно, что старец Филарет, у которого он жил на Иргизе, приехал в Казань, чтобы заказать написать две раскольничьи иконы[248].

Вспомнив, что еще на Иргизе Филарет советовал ему поселиться в окрестностях Казани, обещая попросить раскольника купца Щолокова оказать ему покровительство, Пугачев просил Седухина передать от него письмо Филарету. В этом письме он просил старца похлопотать об его освобождении. Не имея знакомых среди административных лиц, Филарет решился

обратиться с просьбой к Щолокову, но как тот в то время уехал в Москву по своим торговым делам, а Филарету необходимо было ехать на Иргиз, то последний оставил Щолокову письмо, в котором писал, что в Казанской губернской канцелярии содержится донской казак Емельян Иванов, который страждет, по поклепному делу, за крест и бороду. Филарет просил, чтобы Щолоков Бога ради постарался об его освобождении и попросил о том присутствующих и секретаря.

Уезжая из Казани, Филарет не дал никакого ответа Пугачеву, и прошло несколько томительных недель, прежде чем заключенный мог узнать, что делается в его пользу. Однажды, сидя у окна, Пугачев увидел проходившего мимо тюрьмы купца, а вслед за тем послышались радостные восклицания товарищей.

– А вот Василий Федорович Щолоков идет, – говорили арестанты, – никак он приехал из Москвы.

Щолоков был человек очень добрый, часто приходил сам в острог подавать милостыню или присылал мальчика с калачами для раздачи их арестантам. И действительно, на другой день после приезда его из Москвы мальчик раздавал уже калачи заключенным.

– Чей ты мальчик, – спросил, как бы не зная, Пугачев, – и от кого ходишь с калачами?

– Я хожу со двора Василия Федоровича Щолокова.

– Пожалуй, мальчик, скажи, чтобы Василий Федорович, Бога ради, пришел ко мне; скажи ему, что я донской казак и имею до него нуждицу.

Спустя несколько дней Щолоков зашел в «черную».

– Кто здесь донской казак Емельян Иванов? – спросил он.

– Я, – отвечал Пугачев. – Не ваша ли милость Василий Федорович Щолоков?

Щолоков отвечал утвердительно.

– Отец Филарет, – говорил Пугачев, – приказал вашей милости кланяться и просить, чтоб обо мне, бедном,

постарались, попросили губернатора и кого надобно.

– Давно ли ты отца Филарета видел?

– Меня взяли от отца Филарета еще в Филипповки.

– А по какому делу ты сюда прислан?

– Но поклепному делу, за крест и бороду.

– Добро, миленький, я схожу к губернатору и секретарю и их попрошу.

– Бога ради, – упрашивал Пугачев, – постарайся о свободе моей и посули ты губернатору хотя сотню или больше рублей, также и секретарю, у которого мое дело.

– Хорошо, хорошо, попрошу, – отвечал Щолоков.

– Так обещайте же подарить кого надобно; у меня деньги, слава богу, есть, – говорил ложно Пугачев, – и они лежат у отца Филарета, и, как скоро вы к нему напишете, он тотчас вам их пришлет.

Подарив Пугачеву рубль, Щолоков чрез несколько дней отправился к секретарю, титулярному советнику Абрамову, в руках которого было дело о Пугачеве.

– С Иргиза старец Филарет, – говорил Щолоков, – пишет мне, что здесь содержится колодник Емелька в притеснении и чтоб я постарался об его освобождении. Если его дело не велико и не противно законам, то сделайте милость, вдаль его не притесняйте, за что старец вам служить будет.

– Мне ничего не надо, – отвечал Абрамов, – а когда дело рассмотрено будет, тогда резолюция последует.

Щолоков не решился просить более, но при свидании с Пугачевым, желая избежать докучливых просьб, обнадежил его, что губернатору и секретарю о нем сказано.

– Секретарю-то обещал ли ты? – спрашивал Пугачев.

– Я ему двадцать рублей обещал, – сказал Щолоков, – обманывая Пугачева и желая отделаться от него.

Последние слова давали Пугачеву надежду при содействии секретаря избавиться от неволи[249]. Желая определить, насколько он может считать секретаря

своим покровителем, Пугачев заявил, что наложенные на него кандалы очень тяжелы, что они обломили ему руки и ноги, и просил дозволения снять их. Секретарь потребовал к себе арестанта, и «как его привели, то не говорил с ним ни слова и, только сидя за столом, на него поглядывал».

Пугачев принял это за участие и с своей стороны стал просить секретаря облегчить его участь.

– Пожалуйста, постарайтесь о моей свободе, – говорил он, – а вашей милости Щолоков отдаст двадцать рублей, которые обещал.

– Ступай в свое место, – ответил сердито секретарь и махнул рукой.

Арестанта отвели опять в «черную», но вскоре он снова заявил, что болен, и просил снять с него кандалы. Содержатель арестантов Лузин отправился в губернскую канцелярию спросить разрешения у Абрамова.

– Пугачев болен, – говорил Лузин, – так не снять ли с него ручные кандалы?

– По определению губернатора, – отвечал Абрамов, – велено его содержать в одних ножных кандалах, почему если он болен, то ручные кандалы снять с него можно, а впрочем, как хотите.

Капитан Лузин приказал снять с Пугачева кандалы и положить ему на ноги только легкие железа. Все шло, по-видимому, весьма удовлетворительно для колодника, и обстоятельства складывались так, что положение Пугачева с каждым днем улучшалось. Просидев в «черных тюрьмах» до второй половины марта 1773 года, Пугачев вместе с прочими арестантами был переведен на тюремный двор, так как по ветхости дома губернаторской канцелярии решено было его перестроить. На тюремном дворе колодники пользовались относительно большей свободой, как это видно из инструкции, данной караульным офицерам.

«Понеже, – сказано в этой инструкции[250], – вступаемые в казанскую губернскую канцелярию колодники до окончательного о них решения перед сим содержались под губернской канцелярией в черных тюрьмах, а как ныне каменную канцелярию за ветхостью, к построению вместо оной новой, начали ломать, а колодников, кроме тюремного двора, содержать негде и как в том тюремном дворе прежде колодники содержались единственно только те, кои следуют в ссылку в Сибирь и оным производятся кормовые деньги, а в мир их для прошения милостивы отпускать не велено. Выше объявленным же содержащимся по делам колодникам кормовых денег не производилось, того ради, по указу ее императорского величества и по резолюции его высокопревосходительства г. генерал-поручика и казанского губернатора Якова Ларионовича фон Брандта с товарищи, велено всех содержащихся теперь в Казанской губернской канцелярии колодников, для содержания, отослать на тюремный двор. Находящемуся при оном караульному офицеру дать письменный приказ и велеть оных колодников, отделя от каторжных, содержать в особливой казарме *и для прошения милостины отпускать за пристойным караулом на связках в мир*, подтверди притом накрепко, чтобы под видом оных тех колодников, коим деньги производятся, отнюдь в мир отпускаемо не было».

Пугачев не принадлежал к этой последней категории, так как в списке, при котором он 27 марта был приведен вместе с другими арестантами на тюремный двор, было написано: «казак безызвестный Емельян Иванов по губернаторской экспедиции». Такая отметка в списке была сделана в ожидании решения участи Пугачева на представление губернатора, полагавшего бить его кнутом и сослать в Сибирь. Императрица 6 мая приказала наказать Пугачева

плетьми и послать, «как бродягу и привыкшего к праздной и продерзостной жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу такую, какая случиться может, давая за то ему в пропитание по три копейки на день».

10 мая князь Вяземский, письмом на имя казанского губернатора, сообщил высочайшее повеление, но пока оно достигло по назначению, преступника не было уже в Казани.

Получив с переводом на тюремный двор относительно большую свободу и право ходить в город, Пугачев воспользовался этим в самых широких размерах и понемногу приготовил для себя все средства к побегу. Чтобы лучше ознакомиться с топографией города, он чаще других ходил на Арское поле, куда водили арестантов на работу, а оставаясь в тюрьме, старался показаться набожным, был скромен и послушен. Арестанты любили Пугачева, но особенно близок к нему был бывший купец пригорода Алата[251] Парфен Дружинин[252].

Однажды, сидя в остроге, Пугачев и Дружинин были поражены ужасным видом проведенного мимо них, только что наказанного кнутом за смертоубийство, колодника Новоселова.

– Что, брат Емелька, – говорил Дружинин, – того и смотри, что и нас с тобой также выведут да пороть станут.

– Что же делать, – отвечал Пугачев, – чем переменить?.. Разве бежать отсюда.

– Да как же бежать-то и куда?

– А вот как бежать: нас для работы гоняют на Арское поле, а теперь в реке полая вода, так, когда караул будет не велик, сядем мы с тобой в судно, да и были таковы…

– Ну а куда же мы побежим?

– Прямехонько выедем на Иргиз, – отвечал Пугачев.

Дружинин согласился и решился воспользоваться тем, что к нему допускали в острог для свидания 17-летнего сына Филимона и жену Домну Степанову, поселившуюся в Казани и проживавшую в разных семействах родственников[253], преимущественно же у свояка Дружинина, священника Благовещенского собора Ивана Ефимова. Объявив им о своем намерении бежать из острога, Дружинин поручил сыну купить лодку, и хотя последний исполнил приказание отца, но арестанты не могли найти удобного случая к побегу, а между тем вода в реке спала и намерение их осталось неисполненным. Желания вырваться на волю и избежать наказания были, конечно, настолько сильны, что Пугачев и Дружинин стали изыскивать средства, как бы бежать сухим путем.

– Пешим бежать никак нельзя, – говорил Пугачев, – а надобно непременно купить лошадь.

– Конечно надо, – отвечал Дружинин.

– А деньги-то где?

– Лошадь-то я куплю; только когда мы уйдем из острога, куда денемся?

– Мало ли места, куда можно бежать: на Яик, на Иргиз, а не то на Дон... Об этом ты уже не пекись, найдем дорогу, лишь бы только отсюда выбраться... Только вот что, не подговоря с собой караульного солдата, уйти нам будет не только трудно, но и невозможно.

Дружинин разделял мнение своего товарища, и тогда же решено было, что он купит лошадь, а Пугачев подговорит к побегу одного из караульных солдат. Выбор пал на солдата Григория Мищенку, недавно зачисленного на службу из числа выведенных из Польши беглых дезертиров[254].

– А что, служивый, – говорил ему однажды, посмеиваясь и как бы шутя, Пугачев, – служить ли ты здесь хочешь или бежать на волю?

– Я бы давно бежал, – отвечал Мищенко, – да не знаю куда?.. Видишь ли, далеко ушел я от своей стороны-то.

– Бежим со мной да вот с этим человеком, – говорил Пугачев, указывая на Дружинина.

– Пожалуй! Я готов с вами бежать куда хотите, – отвечал Мищенко.

Итак, одно дело было сделано, оставалось купить лошадь. Дружинин поручил это дело своему сыну, который, опасаясь наказания как пособник, отговаривал отца от бегства и отказывался купить лошадь. Дружинин «за то на него весьма огорчился и клял его страшной клятвой, что если он того не исполнит, то он его проклянет. Сын, как видно, не хотя быть под такой клятвой, сказал ему, что лошадь купит», и на другой день, придя в острог, объявил, что лошадь и телега куплены и поставлены на дворе свояка, священника Ивана Ефимова. Дружинин сообщил о том Пугачеву.

– Хорошо, – отвечал тот, – только теперь нам надобно отыскивать место, где бы эта телега приготовленная стояла.

– У меня есть знакомый поп, так мы поутру выпросимся у офицера для нужды к нему и там посидим маленько, а сыну своему прикажу я, чтоб он с телегой дожидался нас у церкви, которая против попова двора.

План этот был принят, и Дружинин, отдав соответствующие приказания сыну, приказал жене с остальными детьми ехать не в пригород Алат, а в лежавшую вблизи от него татарскую деревню Чирши[255].

– Ну, Пугачев, – говорил он дня через четыре, – я сыну своему приказал, чтобы сегодня приезжал к церкви и нас бы смотрел у попова двора, так попросимся мы теперь у офицера.

– Хорошо, – отвечал Пугачев, и оба арестанта в 8 часов утра, 29 мая, отправились к караульному офицеру, прапорщику Зыкову.

Арестанты просили офицера отпустить их к священнику Ивану Ефимову, для прошения милостыни, но так как большая часть конвойных была отправлена на работу с арестантами и в остроге оставалось мало солдат, то Зыков отказал в их просьбе и обещал отпустить после, когда колодники возвратятся с работы. Часу в десятом утра Пугачев и Дружинин снова обратились с просьбой, и тогда прапорщик Зыков, назначив к ним конвойными Дениса Рыбакова и пожелавшего сопровождать их солдата Григория Мищенко, приказал им «далее объявленного священника с теми колодниками никуда не ходить и чрез полчаса быть обратно на тюремном дворе»[256]. Приказание это не было исполнено, и трое из отпущенных не возвратились, а четвертый пришел в девятом часу вечера совершенно пьяный.

Придя в дом священника Ефимова и поздоровавшись с ним, Дружинин вынул несколько денег из кармана и просил попа послать за вином, пивом и медом, говоря, что желают выпить от тоски. Ефимов вместе с соборным дьячком Петром Ивановым тотчас же отправились в кабак и купили там вина на 15, пива на 7 и меду на 14 коп. Выпив по две чарки вина и по стакану пива и меду, Пугачев и Дружинин подпаивали больше солдата Рыбакова, как человека, не знавшего о намерении их бежать. Когда Рыбаков совсем опьянел, тогда они попрощались со священником и сказали, что пойдут на тюремный двор. Проводив гостей до ворот, священник запер их и возвратился домой, а они четверо отправились далее и, отойдя несколько шагов, увидели кибитку с лошадью, которой правил Дружинина сын Филимон. Чтобы Рыбаков не догадался, Дружинин закричал сыну:

– Эй, ямщик, что возьмешь отвезти в кремль?

– Пять копеек.

– Ну, постой, отвези.

Филимон подъехал, а Пугачев и Дружинин посадили сперва пьяного Рыбакова в телегу, потом сели сами с Григорием Мищенко и, закрыв кибитку рогожей, поехали по большой казанской дороге. Как ни был пьян Рыбаков, но, отъехав верст восемь от Казани, он очнулся.

– Что, брат, так долго едем? – спросил он у Пугачева.

– А вот видишь, – говорил Емелька шутя, – кривой дорогой везут.

Отъехав еще с полверсты, кибитка остановилась недалеко от дворцового села Царицына. Дружинин взял в охапку пьяного Рыбакова, высадил его из кибитки, а сами, ударив, но лошади, поехали по большой дороге[257]. Пьяный Рыбаков добрел до села Царицына и упал близ управительского дома. Здесь пролежал он до тех пор, пока управитель, Петр Кондратьев, растолкав его, спросил: какой он команды и как попал в село? Не понимая, где он находится, Рыбаков отвечал только, что идет в Казань, но не знает дороги, и просил дать ему подводу. Кондратьев подводы ему не дал, а советовал идти пешком по большой дороге[258].

– Там, – сказал Кондратьев, – за беспрерывно едущими разными людьми тебе легко будет дойти до Казани, и ты к команде явиться можешь.

Рыбаков побрел и в 9 часов вечера явился к тюремному караульному офицеру, который лишь на другой день донес о побеге двух арестантов дежурному по караулам капитану Васильеву. Последний 1 июня уведомил о происшествии Казанскую губернскую канцелярию, но рапорт его был получен в канцелярии только 3 июня. Губернатор фон Брандт не придавал бегству Пугачева особого значения, хоть и сделал некоторые распоряжения к поимке беглых. Он отправил в пригород Алат капрала Семена Коршунова, чтобы разведать у тамошних жителей, не был ли там Дружинин с Пугачевым, и если был, то не знают ли, куда они уехали. Коршунов, конечно, не нашел там ни

Дружинина, ни Пугачева и, поручив обывателям задержать колодников, если б они появились в пригороде, сам возвратился в Казань[259]. Тогда Брандт поручил Симбирской, Свияжской и Пензенской провинциальным канцеляриям отыскивать Пугачева и просил управителя дворцовой Малыковской волости, титулярного советника Познякова, и экономического казначея, подпоручика Максимова, принять все меры к поимке «утеклецов», причем обратить особенное внимание на иргизские поселения.

«Как живущие на Иргизах раскольники, – писал Брандт[260], – бесстрашно всяких бродяг к себе приемлют, каковых посланными командами уже много переловлено, то и есть причина думать, что показанный Пугачев с его товарищи первое прибежище иметь будет в тех раскольнических селениях. И чего ради вам, управителю, секретным образом самому тотчас следовать на иргизские селения и всеми образы стараться разведывать, не укрываются ли там вышепоказанные беглые колодники и солдат, и ежели сыщутся, то, поймав, под крепким караулом пришлите ко мне».

Позняков объехал все иргизские селения, но нигде «утеклецов» не нашел[261]. Только когда подведомственные казанскому губернатору учреждения донесли, что «утеклецы», Пугачев и Дружинин, не найдены, Брандт сообщил о побеге Пугачева Донской войсковой канцелярии и донес генерал-прокурору князю Вяземскому.

«Письмо вашего сиятельства, – писал Брандт[262], – от 10-го числа минувшего мая, в котором соизволили объявить именное высочайшее ее императорского величества повеление об учинении содержащемуся здесь раскольнику, беглому войска Донского казаку Емельяну Пугачеву, наказания его плетьми и о посылке его в город Пелым, я получить честь имел, но

исполнения по тому указу не учинено для того, что предоказанный Пугачев, за три дня до получения сего вашего сиятельства письма, с часовым, бывшим при нем солдатом, бежал…»

Хотя Брандт и уверял князя Вяземского, что им приняты самые «строжайшие способы» к отысканию бежавших, но обстоятельства складывались так, что Пугачев мог спокойно развивать свои замыслы. Подписав письмо князю Вяземскому 21 июня, Брандт не отправил его с нарочным, а приказал сдать на почту, где оно и пролежало шесть дней[263]. 27 июня письмо это было отправлено из Казани в Московский почтамт и шло настолько долго, что лишь 8 августа достигло до Петербурга[264]. В этот день получил его князь Вяземский, а в 12 часов ночи 13 августа сообщил его вице-президенту Военной коллегии, графу З.Г. Чернышеву.

Известие, полученное в Петербурге о побеге Пугачева, произвело более сильное впечатление, чем в Казани, и было оценено по достоинству. Граф Чернышев в ту же ночь сделал необходимые распоряжения, и утром 14 августа были подписаны им указ оренбургскому губернатору генералу Рейнсдорпу и грамота войску Донскому:

«Как содержащийся в Казанской губернии, – писал Чернышев Рейнсдорпу[265], – войска Донского казак раскольник Емельян Пугачев, с часовым, бывшим при нем, солдатом, из Казани бежал, то государственная Военная коллегия и не оставляет вам, генерал-поручику, рекомендовать с тем, не шатается ли объявленный беглый казак Пугачев и с ним солдат, бывший при нем на часах, в селениях вашей губернии, *а особливо Яицкого войска в жилищах*».

Рейнсдорпу, точно так же и Донской войсковой канцелярии, предписано употребить все меры к отысканию Пугачева по хуторам и станицам, и если он

будет пойман, то заковать в крепкие кандалы и *«за особливым конвоем»* отправить в Казань.

В войске Донском Пугачева нечего было и искать, – там его не было, а генерал Рейнсдорп 18 сентября донес Военной коллегии, что принял должные меры, но пока беглые еще не отысканы[266]. Рапорт свой Рейнсдорп подписывал в тот самый день, когда Пугачев, уже с титулом императора Петра III и окруженный значительной толпой вооруженных яицких казаков, овладел Бударинским форпостом и подходил к Яицкому городку…

Глава 7

Пугачев на Таловом умете признается Ереминой Курице, что он государь Петр III. – Свидание Пугачева с яицким казаком Григорием Закладновым. – Результаты свидания.

Отделавшись от солдата Рыбакова, беглецы направились прямо в татарскую деревню Чирши, где ожидала их жена Дружинина с остальными детьми: сыном и дочерью. Пробыв в деревне одни сутки, Дружинин купил у татарина лошадь за два рубля с полтиной, взял семью и вместе с Пугачевым и Мищенко поехали в близлежащий лес, где и простояли целый день. Ночью Дружинин ходил в пригород Алат, чтобы взять из своего дома ев. иконы, но, подойдя ко двору, увидел караул, поставленный по распоряжению капрала Коршунова. Возвратясь в лес, Дружинин сообщил о своей неудаче товарищам, и они в ту же ночь тайком проехали чрез пригород и у Куровского перевоза переправились через реку Вятку. Отсюда чрез Керженки беглецы направились к Котловке, где переехали через реку Каму и, проехав село Сарсасы, остановились поблизости его в поле. Здесь Пугачев вспомнил, что когда он содержался еще в «черных тюрьмах» под губернской канцелярией, то из Сарсас приводили арестантов, отправляемых на поселение, и конвоировавший их крестьянин Алексей Кандалинцев, узнав, что Пугачев донской казак, и предполагая, что он раскольник, познакомился с ним.

– Откуда ты прислан? – спрашивал тогда Кандалинцев Пугачева.

– С Иргиза, от отца Филарета, за крест и бороду.

– Филарет мне знаком, – заметил Кандалинцев, – и ко мне ездит.

Хотя в этом только и заключалось знакомство, но Пугачев был уверен, что если он придет к Кандалинцеву, то тот его не выдаст. Отправившись в село Сарсасы, он скоро отыскал своего казанского знакомого.

– Нет ли, брат, у тебя лошади, – говорил Пугачев, – чтобы подвезти нас верст двадцать, а то паши пристали.

– Да куда тебе ехать, – отвечал Кандалинцев, – побудь у меня.

– Ведь, видишь, мы бежали из тюрьмы, так как тебе нас держать, да и кормить-то убыточно будет.

Кандалинцев согласился с замечанием Пугачева и, запрягши лошадь в телегу, отправился вместе с ним сначала к Дружинину, а потом и далее.

– Куда ты едешь? – спрашивал Кандалинцев дорогой у Пугачева.

– Поеду на Яик, а оттуда на Иргиз.

– Так отстань ты от своих товарищей, а я с тобой сам поеду.

Предложение Кандалинцева очень понравилось Пугачеву; он сам давно желал этого, но не знал, как лучше сделать.

– Готово! – воскликнул он с радостью. – Я давно хотел ехать один.

– Как станем кормить лошадей, – говорил Кандалинцев, – так ты спрячься где ни есть; они поищут и уедут, а как уедут, так приди на ту квартиру (место), на которой остановились.

Пугачев так и сделал. Отъехав от села Сарсасы верст пятнадцать, путники остановились кормить лошадей и ночевать у одного оврага, и, как только Пугачев заметил, что Мищенко и Дружинин с семьей заснули, он потихоньку скрылся в овраге, а за ним уехал и Кандалинцев. Наутро проснувшиеся поискали ушедших, но, не найдя их, поехали на Иргиз[267], а Пугачев и

Кандалинцев отправились обратно в село Сарсасы. Прожив здесь недель с пять, Пугачев с Кандалинцевым поехали в Яицкий городок, но, не доезжая верст четырех, полюбопытствовали узнать, что там делается.

– Что, молодушка, – спросил Пугачев попавшуюся им навстречу бабу, – можно ли пробраться в Яицкий городок?

– Коли есть у вас паспорты, – отвечала казачка, – так, пожалуй, поезжайте, а коли нет, так тут есть солдаты, они вас поймают.

Спрашивавшие тотчас же повернули обратно и направились на знакомый уже Пугачеву Таловый умет. Не доезжая до умета, Кандалинцев увидел мужиков Мечетной слободы, ехавших из Яика, а так как ему нужно было побывать в слободе, то и решился ехать с ними.

– Оставайся ты здесь, – сказал он Пугачеву, – а я поеду в Мечетную.

– Хорошо, – отвечал Пугачев, – мне в Мечетную ехать никак нельзя, меня там схватят, да и оставаться на степи одному и пешему нельзя, ведь тоже поймают, так продай ты Бога ради мне своих лошадей.

Кандалинцев согласился, продал лошадей за 20 рублей и уехал с мужиками, а Пугачев отправился в гости к Ереминой Курице и утром накануне Успеньева дня приехал на Таловый умет.

– А, Пугачев! – говорил Оболяев, – где это ты был и откуда тебя Бог принес?

– Из Казани, я там содержался, да Бог помог мне бежать.

– Ну, слава Богу!

– А что, брат, не искали ли меня здесь?

– Нет, не искали, – отвечал Еремина Курица.

– Что слышно на Яике? Не знаешь ли, что там делается?

– Ныне, кажется, все тихо и смирно; там теперь комендантом полковник Симонов.

– А казак Пьянов жив ли?

– Пьянов бегает, потому что на Яике проведали, что он подговаривал казаков бежать на Кубань.

Оставшись на несколько дней у Ереминой Курицы, с намерением пробраться в Яицкий городок, Пугачев искал случая встретить кого-нибудь из казаков. Он ежедневно ходил на охоту за сайгаками и, проводя весь день в степи, приходил на умет только обедать и ночевать.

Так прошло несколько дней.

Однажды, в отсутствие Пугачева, пришли на умет три беглых русских крестьянина: Афанасий Пучков, Антон Алексеев и Евдоким Федотов. Они были отправлены из Коломны, водой, на стругах в Сибирь на поселение, вместе с женами и детьми. Скученность и теснота на стругах были причинами огромной смертности среди поселенцев. Потеряв на пути жену, Пучков с другими товарищами решились бежать, и, воспользовавшись тем, что в Казани поселенцы были спущены на берег, они ушли и отправились на Иргиз, а оттуда в Мечетную слободу, жители которой советовали им пробраться на Узени, где «жить беглым свободно». Не зная, как пробраться на Узени, Чуйков и его товарищи познакомились с крестьянином Мечетной слободы Василием Носовым, признались ему, что они беглые, и просили указать им путь. Носов направил их на Таловый умет.

– Явитесь у уметчика Ереминой Курицы, – сказал Носов, – он вашу братию принимает и сыщет вам место.

Беглые отправились по указанию и 16 августа пришли на Таловый умет.

– Здесь ли живет Еремина Курица? – спрашивал Чуйков, входя в избу и видя перед собой человека, пекшего лепешки.

– Здесь, а на что он вам?

– Нас прислал к нему житель Мечетной слободы Василий Носов.

– Я Еремина Курица, а зачем он вас ко мне прислал?

Прибывшие бросились в ноги Оболяеву.

– Мы отданы на поселение в Сибирь, – говорили они, – и из Казани бежали, сыщи нам местечко.

– Хорошо, – отвечал Еремина Курица, – покуда поживите у меня, поработайте, покосите сено, а я между тем поспрошу у здешних гулебщиков, яицких казаков, не сыщут ли они вам какой работы. Здесь, у казаков, по хуторам много таких пришельцев бывает, и они паспортов не спрашивают.

– Изволь, батюшка, – говорили беглецы, – мы рады на тебя работать.

Чуйков и его товарищи разделись и расположились у Оболяева как у себя дома. Через час вошел в избу совершенно незнакомый им человек средних лет и роста, плечистый и с темно-русыми волосами. Беловатое с румянцем лицо его было обрамлено окладистой с проседью бородой, и когда он улыбался, то на левом виске близ глаза показывалась морщина. Вошедший был в одной крестьянской рубашке из толстой холстины, весьма грязной и выпачканной в крови, потому что он принес на себе убитого в степи сайгака. На ногах были у него худенькие коты, на голове – колпак из сермяжного сукна, а в руках – ружье[268]. Мы узнаем в пришедшем Пугачева.

– Я тебе, Степан Максимыч, притащил сайгака, – сказал он, – так освежуй-ка его.

– Хорошо, падежа, теперь и кстати; вот прибыли к нам гости, – отвечал Оболяев, указывая на Чуйкова и его товарищей.

– А что это за люди?

– Нам нельзя таиться, – говорили они, кланяясь Пугачеву в ноги, – вы видите бритые у нас лбы, мы

беглые поселенцы, не оставьте нас.

– Хорошо, ребята, не кланяйтесь и не бойтесь, – ободрял их Пугачев с серьезным видом, – я вас не оставлю, живите здесь, а потом мы сыщем вам и место.

Пугачев отошел в сторону, а Чуйков, подойдя к уметчику, спрашивал, что он за человек и как его зовут.

– Это дубовский казак Петр Иванович, – отвечал Оболяев.

Между тем, сварив из убитого сайгака кашицу, все присутствовавшие в избе пообедали и разошлись: Пугачев пошел опять в степь, надеясь встретить там казаков, а беглые мужички отправились косить сено.

На другой или на третий день Оболяев ездил по своим делам в Яицкий городок и пробыл там несколько дней у знакомого ему казака Григория Закладнова, Последний спрашивал у уметчика, нет ли продажной недорогой лошади.

– Есть, – отвечал Оболяев, – приезжай ко мне на умет.

Закладной обещал; а между тем на умете случилось то, чего никто из живущих и подозревать не мог.

Однажды после обеда, когда беглые работники легли отдыхать, Пугачев, взяв в руки тетрадь, похожую на молитвы Богородице и другим святым[269], предложил Ереминой Курице послушать, что он будет читать.

– Надобно нам теперь, Степан Максимыч, – говорил он, – прочитать какую-нибудь статью.

– Ну хорошо, падежа, – отвечал уметчик и сел подле него.

Не будучи охотником до чтения и видя, что у Пугачева рубашка очень грязна, Оболяев предпочел вместо чтения предложить сходить в баню.

– У меня рубашки нет, – заметил на это Пугачев.

– Я дам свою, – отвечал уметчик.

Вечером они отправились в баню, и лишь только Пугачев разделся, как Оболяев заметил у него на груди

знаки, оставшиеся после болезни.

– Что это такое у тебя на груди-то? – спросил Оболяев.

Пугачев промолчал, но вопрос Оболяева навел его на мысль, что уметчик спрашивает неспроста, а, вероятно, слышал от Пьянова, что, будучи в прошлом году на Яике, он называл себя Петром III. Пугачев решил воспользоваться предполагаемыми словами Пьянова и по выходе из бани, спустя час времени, подсел к Оболяеву и стал с ним говорить.

– Давеча, Степан Максимович, ты парился со мной в бане, а приметил ли ты на мне царские знаки? – спросил Пугачев.

– Какие знаки? Я не только не видывал, но и не слыхивал, что за царские знаки такие.

– Вот ты курица! О царских знаках даже не слыхал! Ведь каждый царь имеет на себе телесные знаки; вот я вам, когда яицкие казаки сюда приедут, покажу их.

Оболяев с удивлением посмотрел на Пугачева.

– Что это, Пугачев, к чему ты это говоришь, – спрашивал уметчик, – каким быть на тебе царским знакам?

– Экой ты безумный, и догадаться даже не можешь, к чему я говорю, ведь я не донской казак, как тебе сказался, а государь ваш Петр Федорович.

Услышав такие слова, Оболяев испугался, и «так как бы кожу на нем подрало». В первое время он не мог сообразить, как это к нему и в его отдаленный умет Бог принес государя.

– Как же это так, – спрашивал с недоверием Оболяев, – а я слышал, что государь Петр Федорович умер.

– Врешь! – крикнул Пугачев. – Петр Федорович жив, он не умер; ты смотри на меня так, как на него. Я был за морем и приехал в Россию в прошедшем году. Услышав, что яицкие казаки приведены все в разорение, я нарочно

для них сюда приехал и хочу, если Бог допустит, опять вступить на царство. Как ты думаешь, будут ли казаки согласны на это и примут ли меня?

Испуганный Оболяев не отвечал на последний вопрос Пугачева; он кланялся только пред ним, прося не прогневаться за то, что обходился с ним, как с простым человеком.

– За что гневаться, – заметил Пугачев, – ведь ты меня не знал, да и впредь до времени никакого особого почтения при людях мне не оказывай; обходись со мной по-прежнему просто, называй казаком и, что я государь, никому, кроме яицких казаков, не сказывай, да и тем говори только таким, которые с войсковой стороны, а старшинским отнюдь о мне ничего не открывай.

– Почем мне распознать-то казаков, кто с войсковой, кто со старшинской стороны, – говорил Оболяев, – вот разве сказать о вас казаку Григорию Закладнову, он, я знаю, с войсковой стороны и хотел ко мне приехать за лошадью.

– Хорошо, открой ему, да смотри же накажи хорошенько, чтобы он сказывал только надежным людям, да так, чтобы и жены их не знали.

Оболяев обещал исполнить в точности. Через несколько дней, под вечер, приехал на Таловый умет казак Григорий Закладнов и просил уметчика показать ему обещанную лошадь. Оболяев отвечал, что лошади нет дома и что он отправил на ней своего девятилетнего племянника за хлебом на соседний умет. Закладнов стал тужить, что напрасно приехал, и на просьбу уметчика обождать возвращения племянника отвечал недосугом.

– Теперь мое дело такое, – говорил Закладнов, – что не на чем и за дровами съездить.

– Дай ты ему, Максимыч, какую-нибудь лошадь, – просил Пугачев, вмешиваясь в разговор, – пускай он поработает на ней, ведь лошади от того ничего не сделается.

Оболяев побоялся отказать государю, обещал дать лошадь на время, и как было уже поздно, то предложил Закладнову переночевать у него на умете, на что тот и согласился.

– А что, узнал ты меня? – спросил Пугачев Закладнова.

– Как не узнать, узнал! Ты купец Емельян Иванович.

Пугачев промолчал, но наутро, когда Закладнов стал собираться домой, он просил уметчика открыть тайну Закладнову.

– Поди же, – говорил Пугачев Оболяеву, – и скажи ему обо мне, а между тем и я к вам подойду и переговорю с ним о чем надобно.

Оболяев повиновался.

– Что, Гриша, как ты думаешь об этом человеке? – говорил Оболяев, указывая на Пугачева, сидевшего в базу (сарае). – Какой он человек?

– Почем мне знать, что он за человек, – отвечал Закладнов.

– Ведь это государь Петр Федорович; он говорит, что имеет на себе царские знаки, и нарочно сюда приехал на выручку к вам, войсковым казакам. Он мне приказал о себе сказать с тем, чтобы ты открыл о нем войсковой руки надежным людям.

Закладнов сначала с недоверием посмотрел на Оболяева, а потом, как бы сообразив что-то, улыбнулся.

– Что это за диво такое, – проговорил он, – конечно, Господь нас поискал.

В это время Пугачев подошел к разговаривавшим.

– Что, Гриша, – спросил он, – слышал ты обо мне от Ереминой Курицы?

– Слышал, сударь.

– Я, мой друг, не купец, а слыхал ты про государя Петра Федоровича, так я и есть государь. Поезжай ты скорее в городок и скажи войсковой стороны хорошим старикам, чтоб они ко мне приезжали и не мешкали;

я избавлю их от разорения старшин и проведу на Кубань. Если они замешкаются и добра себе не захотят, то я ждать долго не буду, только меня и видели. Да смотри же, никому из старшинской стороны не сказывай, да и жене своей тоже.

– Слышу, сударь, – отвечал Закладнов и хотел было ехать, но Оболяев остановил его.

– Постой, – сказал он, – вот скоро каша поспеет, поешь да и поедешь.

Закладнов остался и завтракал с Чуйковым и его товарищами, а Пугачев с Оболяевым отдельно.

– Так как я уже объявил тебе, Гриша, – говорил Пугачев, прощаясь, – что я государь, так смотри же не забудь прислать ко мне казаков и сам с ними приезжай, да проворь скорее.

– Хорошо, – отвечал Закладнов, взял у Оболяева лошадь и с горячей вестью поскакал в Яицкий городок, где давно уж ожидали появления государя…[270]

Глава 8

Положение яицких казаков. – Приведение в исполнение приговора над виновными в убиении генерал-майора Траубенберга. – Весть в городке о появлении императора Петра III на Таловом умете; совещание казаков. – Посылка двух человек на Таловый умет. – Аудиенция Пугачева с казаками Караваевым и Кунишниковым. – Поездка Пугачева в Мечетную слободу. – Погоня. – Возвращение на Таловый умет.

Вскоре после того, как Пугачев, переговорив с Пьяновым, уехал в Мечетную, в Яицком городке распространился слух, что у Пьянова был какой-то великий человек. Слух этот дошел до коменданта, полковника Симонова, и он приказал арестовать Пьянова, но последний успел бежать. Тогда взяли жену Пьянова, продержали ее всю зиму под караулом, но ничего не добились. Она говорила только, что в доме их был купец, который купил рыбы и уехал, но что он за человек, она не знает. Таким образом, ни правительство, ни казаки не могли узнать, кто был этот человек и зачем приезжал он в Яицкий городок.

За отсутствием Пьянова приходилось верить народной молве, и казаки под самым большим секретом передавали друг другу, что в городке был сам государь Петр Федорович, который намерен *объявиться* и ожидает только удобного времени. При этом одни говорили, что он приедет в городок к Рождеству, а другие – что весной, когда казаки соберутся на весеннюю плавню[271]. Никто, конечно, не мог определить точного времени появления государя, но все ожидали его, и слух распространился далеко за пределы

городка и облетел почти все хутора; в нем было много преувеличенного и видоизмененного.

– Слышал ли ты вести? – говорил, встретившись с Зарубиным (Чикой), казак Никифор Гребнев, возвращавшийся на свой хутор, в двадцати верстах от Яицкого городка.

– Какие вести? – спросил Зарубин.

– Вести добрые. Слышал я от Григория Закладнова, что приезжал на умет к Ереминой Курице купец, и Григорий Закладнов, быв тут же на умете, с ним разговорился, и стал купец спрашивать: какие вам, казакам, есть обиды и какие налоги? Закладнов рассказал ему, какие мы обиды несем от командиров наших. После того купец выговорил, что поедет на Яик для покупки рыбы и когда из Яика возвратится назад на умет к Ереминой Курице, то хотел прислать за Закладновым. Итак, Закладнов, оставив купца, поехал для ловли зверей, а потом означенный купец, возвратясь, послал Еремину Курицу сыскать Закладнова и когда тот приехал и ночевал с купцом, то зачал его спрашивать: «Скажи ты нам правду, что ты за человек?» На что купец сказал: «Ну, друг мой, господин казак, я скажу тебе сущую правду: ты меня признавай за государя, а я не для рыбы вашей ездил в город, а только приглядеть ваши обряды и какие командиры делают вам обиды». Когда же Закладнов спросил: «У кого ты был в Яике?» – то он сказал: «Я стоял в доме у Дениса Пьянова». Закладнов стал ему тогда говорить: «Батюшка, обиды нам делают великие: наши командиры нас бьют и гоняют, жалованье наше захватывают, и тому шесть лет, как государыня нам жалованье жалует, а они незнаемо куда употребляют. А кто о жалованье станет говорить, того сажают под караул. Без государева указа в ссылку рассылают, и государыня о том не знает. У нас прежде не было пятидесятников, а теперь оные завелись; прежде в сотне был один сотник, а теперь все

новое». Итак, купец, поговоря с Закладновым, поехал с умета на Иргиз, сказав: «Ждите меня весной, я к вам буду...» Так вот, брат, вести какие! – заключил казак Гребнев.

В таком или в еще более измененном виде рассказывалась первая поездка Пугачева на Яик. Она заинтересовала почти все население, и «мы, казаки войсковой стороны, – показывал впоследствии Зарубин (Чика)[272], – все о том думали и ожидали весны; где ни сойдемся, все говорили: а вот будет государь, и как придет, готовились его принять».

Но прошла весна, и наступившее лето принесло новое горе яицким казакам. В конце апреля 1773 года был получен в Оренбурге указ Военной коллегии, с окончательным приговором по делу об убийстве генерал-майора фон Траубенберга. В этом приговоре участь подсудимых была значительно облегчена, тем не менее было определено: 16 человек, наказав кнутом, вырезав ноздри и поставя знаки, послать в Сибирь на Нерчинские заводы вечно; 38 человек наказать кнутом и, без постановления знаков и вырезания ноздрей, сослать с женами и малолетними детьми в Сибирь на поселение; 5 человек, «для омытия пролитой крови», послать на службу против неприятеля без очереди; 25 человек, менее виновных, наказать плетьми и распределить: молодых в разные армейские полки, а престарелых в разные сибирские гарнизонные батальоны. «Что же до всего их мятежнического войска принадлежит, – писала Военная коллегия[273], – коего по списку Яицкой комендантской канцелярии, кроме находящихся в укрывательстве 53 человек служащих и отставных, показано 2461 человек, то в рассуждении такого знатного количества и что все они большей частью к сему дерзкому предприятию приступили по поводу главных их развратников, Кирпичникова с товарищи, от сущего невежества и по незнанию истинного своего

благоденствия, от наказания освободить и привести вновь к присяге. Относительно беглых объявить по войску, что кто из них в течение трех месяцев явится добровольно, тот будет прощен, а кто не явится и будет пойман, тот подвергнется всей строгости законов».

«А как по особо произведенному следствию, – сказано в том же указе Военной коллегии, – показано при учиненном мятеже и бунте разграбленных: у воинских чинов казенных вещей на 97 руб. 49½ коп., у убитых: генерал-майора Траубенберга, атамана Тамбовцева и других разного звания воинских чинов собственных денег и пожитков на 20 107 руб. 707½ коп., да по показаниям того ж войска казаков 16 551 руб. 10½ коп., то в удовольствие сих безвинно пострадавших имение всех показанных заслуживших наказание продерзателей, Яицкой комендантской канцелярии описав, с публичного торга продать. А чего к тому доставать не будет, расположи со всех бывших в мятежнической партии, по состоянию каждого имущества и промыслов, взыскать вышеупомянутую сумму».

Получив указ Военной коллегии как раз в то время, когда войско было на весенней плавне, оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп не признал возможным отрывать казаков от рыбной ловли и отложил исполнение приговора до возвращения войска в Яицкий городок[274].

2 июля все служащие и отставные старшины и казаки были собраны в круг для выслушания определения Военной коллегии, и затем, по прочтении указа, было приступлено к наказанию виновных.

Когда церемония эта окончилась, тогда кругу было объявлено, что императрица по своему милосердию прощает остальных казаков, но с тем, чтоб они немедленно внесли наложенный на них штраф и вновь присягнули на верность службы[275]. С этой последней

целью были выбраны десятники и отправлены в церковь, а прочие девять давали им свои руки и клялись пред ними служить верно[276]. По окончании присяги, доносил Рейнсдорп, «возжелали они [казаки] и прочие с их старшинами, не расходясь из соборной церкви, в знак верноподданнической благодарности, принесть Всевышнему о высочайшем е. и. в. и его высочества здравии и о благополучном государствовании общее молебствие, что через тамошнего протоиерея со священники торжественно и отправлено.

«По выходе же из храма, каждый из них бывший до сего преступитель свидетельствовался, упав на землю, полным раскаянием, а потом, стоя на коленях, за излиянные к ним бесприкладные е. и. в. щедроты с достодолжным раболепствием благодарили и в заключение, общими радостными восклицаниями прославляя высочайшее имя, превозносили оное из явлением крайнего о толь превосходном милосердии чувствования»[277].

Так писал Рейнсдорп, желая успокоить кого следовало в Петербурге, но не так было на самом деле. Казаки не радовались, не раскаивались, но скорбели, считая жестоким для себя наказанием наложение денежного штрафа. Такое взыскание, простиравшееся в сумме до 36 756 руб. 30 коп., было особенно тяжело для казаков, из коих многие не признавали себя виновными в расхищении, а платить за других не желали и не имели средств. Последние события отвлекли их от домашних работ и рыболовства, единственного почти источника их существования, и население не знало, чем прокормить свои семьи, а об уплате штрафа и думать было нечего. Они решили в последний раз попытать счастья в Петербурге и опять послать депутатов. Отправившись на хутор Ивана Герасимова и встретив там скрывавшегося от преследования Афанасия Перфильева, казак Савелий Плотников рассказал о

несчастий, постигшем войско, и просил их от имени всего населения съездить в Петербург и попросить императрицу не взыскивать наложенного на войско денежного штрафа. Перфильев и Герасимов согласились, и тогда Плотников съездил в Яицкий городок, привез оттуда на дорогу 150 руб. общественных денег и сам присоединился к этому посольству.

Между тем полковник Симонов, исполняя указ Военной коллегии, выслал из городка в Сибирь 144 человека мужеского и женского пола[278] и требовал, чтобы каждый казак заплатил денежного штрафа, смотря по назначению комиссии, от 6 до 40 руб. Раскладка эта была сделана по указанию старшин и потому пристрастно: на бедных было наложено больше, чем на богатых. Казаки были недовольны, потому, говорили они[279], что «когда уже на все войско наложена выть, так и взыскание должно быть с каждого равное, ибо богатый и бедный казак все тягости без различия несут на ряду». Не зная, что предпринять, чтоб избавиться от налога, казаки сходились иногда на базаре, чтобы посоветоваться друг с другом и потолковать о своих нуждах. А на базаре рассказывали, что на Таловом умете, у Ереминой Курицы, проявился государь Петр Федорович и что Григорий Закладнов его уже видел[280].

Последний, приехав в городок, тотчас же отправился к своему приятелю казаку Ивану Чебакову и рассказал ему все, что видел и слышал на умете у Ереминой Курицы.

– Что это за причина, – отвечал удивленный Чебаков, – ведь сказывали, что государь помер! Надо об этом деле хорошенько посоветоваться с надежными людьми. Пойдем-ка, брат, скажем об этом Ивану Фофанову, не съездит ли он в умет удостовериться, подлинно ли он царь.

Приятели отправились к Фофанову, но, не найдя его дома, пошли сначала к Максиму Шигаеву, а потом к Денису Караваеву, но и их также дома не нашли. На другой день Чебаков вместе с Караваевым пришли к Закладнову, который рассказал им, что видел, и передал просьбу Пугачева прислать к нему как можно скорее надежных казаков. Посоветовавшись с казаками Плотниковым, Шариным и Портновым, Денис Караваев решился ехать в Таловый умет и пригласил с собой приятеля своего, Сергея Кунишикова[281]. Выехав рано из городка, они только утром добрались до умета. Было уже темно и шел дождь, когда Оболяев, прибирая свой двор, увидел приближающихся казаков.

– Кто едет? – окликнул уметчик.

– Казаки; мы ездили за сайгаками да запоздали и, чтобы укрыться от дождя, приехали сюда ночевать.

– Милости прошу, – отвечал Оболяев.

Казаки слезли с лошадей, и в то время, когда Кунишников расседлывал лошадей, Караваев подсел к Оболяеву.

– Не уметчик ли ты? – спросил он.

– Уметчик.

– Мы слышали, что у тебя живет такой человек, который называется государем Петром Федоровичем; правда ли это?

– Кто вам сказал?

– Григорий Закладнов.

Имя Закладнова уверило Оболяева, что приехавшие казаки принадлежат к войсковой стороне, он стал с ними говорить без всякого опасения.

– Да, у меня есть такой человек, – отвечал уметчик.

– Можно нам с ним повидаться?

– Теперь не время, есть посторонние, а оставайтесь до утра.

Казаки пустили лошадей на траву, а сами расположились в базу (сарае), в другом углу которого,

на постели за занавеской, лежал Пугачев. Там был поставлен стол, несколько скамеек и кровать уметчика. Ложась спать, Оболяев шепнул Пугачеву, что к нему приехали яицкие казаки, желают его видеть и остались ночевать.

– Хорошо, – отвечал Пугачев, – теперь некогда с ними говорить.

Наутро, готовясь принять прибывших, Пугачев сочинил свой церемониал.

– Ты поди, – говорил он Оболяеву, – и спроси у тех казаков, бывали ли они в Петербурге и знают ли они, как должно к государю подходить? Если они скажут, что в Петербурге не бывали и не знают, то прикажи им по приходе ко мне стать на колени и поцеловать мою руку.

Оболяев пошел передать казакам приказание мнимого государя, а Пугачев сел за стол в ожидании аудиенции.

Ни Караваев, ни Кунишников никогда в Петербурге не бывали и потому в точности последовали совету Оболяева. Войдя за перегородку, они стали на колени.

– Не прогневайся, ваше величество, – говорил Караваев, – что мы путем и поклониться не умеем.

Пугачев приказал им встать и протянул руку, которую они и поцеловали.

– Почему вы, мои друзья, узнали, что я здесь? – спросил он.

– Нам Григорий Закладнов сказал, – отвечали казаки.

– А отчего же он сам с вами не приехал?

– Он поехал за дровами.

– Экой безумный, я ему наказывал, чтоб он вместе с вами сюда приехал, а он, смотри, за дровами уехал, дрова бы не ушли… Говорили ли вы со стариками?

– Сказывали человекам двум, трем, а ныне в городке большего-то числа и нет, все на сенокосе.

– Зачем же вы ко мне пришли и какая ваша нужда?

– Мы, ваше царское величество, присланы к вам просить милости и заступиться за нас, а мы за вас вступимся. Мы теперь вконец разорены старшинами: детей наших в солдаты хотят брать, а нам бороды брить; вводят у нас новые штаты, а мы желаем служить по-старому и по грамотам, как при царе Петре Алексеевиче было.

– Хорошо, друзья мои, если вы хотите за меня заступиться, то и я за вас вступлюсь, только скажите своим старикам, чтоб они исполнили все то, что я прикажу.

Караваев и Кунишников поклонились в ноги.

– Изволь, батюшка, надежа-государь, – говорили они, – все, что вы ни прикажете, будет исполнено.

Казаки заплакали, но были ли то слезы радости или горя, решить трудно; Пугачев также принял на себя вид человека прослезившегося.

– Да все ли войско принять меня желает? – спросил он.

– Когда вы за нас хотите вступиться, – отвечал Караваев, – то войско наше вас с радостью примет.

– Ну, детушки мои, соколы ясные, смотрите же не покиньте вы меня; теперь у вас пеший сизый орел, подправьте сизому орлу крылья; сумей я вас нарядить и разрядить.

– Только не покинь ты нас, надежа-государь, – отвечали казаки, кланяясь, – а мы с Яицким войском все, что вы ни прикажете и ни потребуете, сделаем.

– Я вам даю свое обещание жаловать ваше войско так, как Донское; по двенадцати рублей жалованья и по двенадцати четвертей хлеба, жалую вас рекой Яиком и всеми протоками, рыбными ловлями, землей и угодьями, сенными покосами безданно и беспошлинно; я распространю соль на все четыре стороны, вези кто куда хочет, и буду вас жаловать так, как и прежние государи, а вы мне за то послужите верой и правдой.

– Довольны, государь, вашей царской милостью и готовы вам послужить.

В это время проходивший мимо сарая крестьянин Афанасий Чуйков, услышав, что казаки величают Пугачева государем, вошел в сарай и хотел было подойти к разговаривавшим, но Пугачев удалил его.

– Поди, мой друг, тут не твое дело, – сказал он, указывая на выход.

Чуйков отошел, но остался тайным слушателем происходивших разговоров и совещаний.

– Ну, друзья мои, – говорил Пугачев казакам, – если вы согласны меня принять, так надобно приготовить знамена. Купите голи разных цветов, шелку и шнура; приготовьте мне платье хорошее и шапку бархатную. Я не знаю только, мои други, справитесь ли вы с деньгами?

– Как, надежа-государь, не справиться; хотя бы и вдвое больше этого приказали, так Яицкое войско все исправит; но не можно ли записать для памяти, что да что надобно купить?

– Я бы, пожалуй, вам написал, – говорил неграмотный Пугачев, – да, видишь, нет здесь ни бумаги, ни чернил. Да это можно и без записки так упомнить.

– Хорошо, мы и так упомним, – отвечал Караваев, – но не можно ли написать какого-либо указа в войско?

– Какой указ? У меня теперь ни писаря и никого здесь нет.

Пугачев предложил казакам сесть рядом с ним на лавку, но те отказывались.

– Что вам стоять предо мной, – говорил мнимый император, вторично предлагая казакам сесть, – ведь в ногах правды нет. Теперь дело идет еще по тайности, и вы объявляйте обо мне только надежным людям, а молодым ребятам отнюдь не сказывайте, чтобы старшинская сторона не проведала. Так поезжайте

теперь в городок и объявите войску, а дня чрез три приезжайте опять ко мне.

– Теперь у нас люди все в дальних разъездах, – говорили казаки, – все по хуторам и занимаются сенокосом. Не можно ли, батюшка, потерпеть эту неделю, пока с сенокосом управятся и соберутся в город.

– Нет, други мои, это пустое, нечего еще на неделю откладывать; надобно теперь же вам хорошенько между собой условиться, надобно делать как можно скорее, чтобы в огласку не пошло. Вы старайтесь сами о себе; мне есть нуждица съездить на Иргиз, а вы поезжайте в городок да посоветуйтесь с стариками, где они присудят собираться, и приезжайте ко мне с ответом как можно скорее. Если вы будете худо стараться о себе и станете мешкать, так меня здесь и не сыщете.

– Как нам не стараться, батюшка, будем.

Пугачев и казаки стали рассуждать, где бы всего лучше было собраться войску? Сперва говорили, что всего удобнее на Камелях, верстах в двадцати ниже Талового умета, но потом отменили, говоря, что там близко проходит большая дорога. Говорили о вершинах Таловой речки, но и там оказалось неудобно, поблизости Сызранской дороги; наконец, решили направиться на реку Узень.

– Поезжайте же в городок, – сказал Пугачев, – и возвращайтесь скорее, и я вам, если хотите, покажу тогда царские знаки. Только смотрите объявляйте друг другу по тайности.

Увидев стоявшего в отдалении Афанасия Чуйкова, Пугачев подозвал его к себе.

– Если вы сюда приедете прежде меня, – сказал он, – так здесь подождите и у Афанасия понаведайтесь; он останется дома, а Еремина Курица поедет со мной.

– Хорошо, – отвечали казаки, прощаясь.

– Дай Бог счастливо! – кричал Пугачев вслед уезжавшим.

– Благодарствуем, – отвечали казаки, сняв шапки.

Проводив гостей, Пугачев отправился в избу, а Оболяев и Пучков остались у плетня. Последний не мог понять, что вокруг него делалось; он слышал отрывочные фразы, слышал, как казаки называли Пугачева «надежей-государем» и как Пугачев обещал им реки, луга, вольность и проч. Все это вертелось в голове Пучкова без всякой связи и значения, и он решился объясниться с Оболяевым.

– Почему это, Степан Максимыч, – спрашивал Пучков у уметчика, – давеча яицкие казаки величали Емельяна Ивановича «надежей-государем»?

– А вот почему, – отвечал Оболяев, – потому что он государь Петр Федорович.

– Как же это так! Ведь слух был, что государь помер, да и сам он называется дубовским казаком; почему ж узнали, что он такой большой человек?

– Сам батюшка мне поведал и сказал, что он, оставив царство, принял на себя странствование, большой труд и бедность. Смотрите же, не болтать никому постороннему, да и сами называйте его по-прежнему дубовским казаком и обходитесь с ним просто.

Пучков был озадачен, но, видя, что уметчик и два казака с таким почтением относились к Пугачеву, он поверил словам Оболяева и, таким образом, явился одним из первых пособников самозванца и его приверженцем.

Перез час Пугачев стал собираться в дорогу, чтоб ехать на реку Иргиз. Хотя на Иргизе очень многие знали Пугачева и путешествие это было весьма опасно, но он, как человек безграмотный, считал его необходимым после просьбы казаков написать реестр тем вещам, которые необходимо было купить, и послать указ яицким казакам.

– Караваев и другие казаки, – говорил он Оболяеву, – скоро опять к нам приедут и что-нибудь решат; надобно будет тогда писать, а у нас грамотея нет, так я хочу съездить на Иргиз в верхний монастырь и взять там писаря, он будет нам всякие дела писать. К тому же мне надобно побывать в Мечетной у кума и забрать у него рубашки и лошадь.

Пугачев просил уметчика ехать вместе с ним, но тот отговаривался.

– Тебе жители Мечетной и все старцы знакомы, – говорил он Оболяеву, – так с тобой я везде найду ночлег; а ежели один поеду, то, во-первых, страшно дорогой воров, а во-вторых, незнакомые не пустят меня ночевать.

Убежденный этими словами, Оболяев согласился ехать и стал запрягать лошадей. Перед отъездом Пугачев призвал к себе Чуйкова.

– Смотри ж, Афанасий, – сказал он, – никому о том, что давеча слышал, не болтай и посторонним ни одному человеку, что я государь, не сказывай. Если кто из приезжих станет спрашивать уметчика, так говори, что он поехал в Сызрань, снимать на будущий год умет, а не говори, что со мной поехал на Иргиз. Но если приедут сюда казаки от войска Яицкого, так ты прикажи им меня дожидаться, только чтоб они не в умете дожидались, а на степи, и ты покажи где-нибудь место.

Чуйков обещал исполнить в точности данное ему наставление, а Пугачев, сев в кибитку с Оболяевым, отправились в путь.

– Есть ли у тебя, – спрашивал Пугачев дорогой Оболяева, – в Исакиевом ските знакомые старцы?

– Как не быть! Они ведь часто ездят мимо меня в Яицкий городок и всегда останавливаются на умете.

– Ну, так мы заедем в их хутор, и чем по грязи таскать телегу, так оставим ее тут, а ты выпроси у старцев себе лошадь, моя рыжая под верхом не ходит, и

съездим в Мечетную. Как приедем мы на хутор, так ты сбегай в монастырь; я знаю, что тут много пришельцев есть, так ты откройся какому-нибудь старику и посоветуй ему, чтоб он уговорил тех пришельцев идти прямо к Яицкому городку и там ожидать. Особливо мне письменные [грамотные] люди нужны, их тут, я чаю, довольно. Да только смотри недолго мешкай, нам надобно сегодня же назад вернуться.

Оболяев ходил в монастырь и объявил одному из старцев, что проявляется государь Петр Федорович, который приказал ему поискать для себя здесь писарей и пришельцев и сказать им, чтоб они все шли к Яицкому городку.

– Если это правда, – отвечал старец, – так дай Господи, только теперь таких людей в монастыре нет; набралось бы человек двадцать, но и те от команды сыщиков разбежались.

Возвратившись из монастыря, Оболяев и Пугачев поехали верхами в Мечетную и остановились у двора Косова, малолетний сын которого сказал приезжим, что отца дома нет, что он возит с поля хлеб и скоро возвратится. Пугачев отправился на гумно, но на дороге встретился с Косовым. Последний, увидя Пугачева, удивился и «как бы чего испугался».

– Ба! куманек, ты здесь! – проговорил Косов. – Все ли в добром здоровье? откуда ты взялся?

– Слава богу, жив родительскими молитвами.

Видя, что приятели встретились, Оболяев отправился на хутор за оставленной лошадью, а Пугачев остался с Косовым.

– Помнишь, – говорил ему Пугачев, – что у тебя остались моя рубашка, рыба и лошадь?

– Все, братец, взяли от меня в Малыковку, – отвечал Косов, – да и самому мне было много хлопот.

– Кому было брать, все, верно, у тебя…

– Скажи-ка, как ты из Казани-то ушел? – перебил его Косов.

– Бог освободил.

– А есть ли у тебя паспорт?

– Есть.

– А где ж он?

Пугачев видел, что дело плохо и что Косов спрашивает о паспорте недаром.

– У меня паспорт лежит в телеге, потому что, видишь ли, дождик идет, так чтобы не замочить, я оставил его в телеге.

– Пойдем-ка, брат, мы лучше к выборному, – сказал Косов.

– Зачем теперь ходить, мы ужо сходим, я к тебе скоро вернусь, – отвечал Пугачев и, ударив по лошади, ускакал.

Догнав Оболяева, он рассказал ему свой разговор с кумом.

– Я уехал от него, а он пошел вдоль по улице; конечно, у него есть какое-нибудь злодейство надо мной.

– Зачем же ты сюда ездил, если ожидаешь злодейства? – говорил уметчик.

– Да что они со мной сделают; мне лихо только добраться до монастыря, а там уж им меня не сыскать.

– Я прятаться не буду, – говорил Оболяев, – я за собой никакого дела не знаю; вот разве ты что знаешь, так прячься.

– Я им, кажется, тоже ничего не сделал, – проговорил Пугачев, и оба поскакали к монастырю.

Подъехав к Пахомиеву скиту, оба всадника въехали на двор; но не успел Пугачев свести лошадь под сарай, как вышедший из-за пекарни старец предупредил его о погоне.

– Чего ты с лошадью возишься, – сказал он Пугачеву, – или не слышишь, какая топотня; ведь это,

конечно, за вами погоня, убирайся скорее.

Пугачев бросил лошадь и скрылся за старческими кельями, переправился в лодке через реку Иргиз и ушел в лес. Человек пятнадцать преследователей, предводимых Косовым, ворвались во двор и схватили Оболяева.

– Где тот человек, который с тобой ехал? – спрашивали они.

– Он побежал вон туда, – отвечал уметчик, указывая на кельи старцев.

Обыскав все кельи и не найдя в них Пугачева, сыщики ударили в набат. На звук колокола все старцы вышли из своих келий и даже прибыли из соседнего Филаретовского скита; но Пугачева отыскать было трудно: за Иргизом был дремучий лес, в котором легко было спрятаться от какой угодно погони[282]. Пугачев даже и не уходил далеко от берега и слышал все, что происходило в Пахомиевом скиту. Дождавшись в лесу ночи и видя, что все успокоилось, он снова переехал через Иргиз, дошел до монастырского хутора, запряг оставшуюся свою лошадь в телегу и тайно от спящих старцев уехал на Таловый умет, где ожидали его яицкие казаки[283].

Глава 9

Свидание Пугачева с казаками Караваевым, Шигаевым, Чикой и Мясниковым. – Осмотр царских знаков. – Переселение Пугачева с Талового умета в хутора Кожевниковых.

Возвращение Караваева и Кунишникова в Яицкий городок и рассказы их о виденном и слышанном произвели сильное волнение среди казаков войсковой стороны. Каждый, кто только имел возможность, тайком пробирался в дом того или другого из приехавших, чтоб удостовериться в справедливости слуха, облетевшего весь городок.

Рано утром следующего дня молодой казак Тимофей Мясников отправился к Кунишникову и, узнав, что он у Караваева, пошел к последнему.

– Что, Сергей, – обратился пришедший к Кунишникову, – подлинно ли вы на Таловой видели царя?

– Подлинно.

– Он велел, – вмешался Караваев, – прислать к себе человека другого, от войска; поговорить о чем-то хочет. Мне самому приказал он приезжать, да кого взять другого, не знаю, а мне нельзя не ехать, потому что без меня другим не поверит.

Узнав такую новость, Мясников пошел домой, а после обеда, выйдя на базар, встретился опять с Кунишниковым.

– Кто же поедет? – спросил Мясников.

– Караваеву непременно надо ехать, – отвечал Кунишников, – а другого-то мы не знаем, кого послать. Смотри, Тимофей, не балалакай этого никому до времени. Я вот боюсь запивоху (пьяницу) Алексея

Кочурова, чтобы пьяный как не проболтался, и нелегкая меня дернула сказать ему вчера об этом деле.

На следующий день любопытный Мясников пошел и к Кочурову узнать, что он думает, но не застал его дома, а нашел среднего его брата Петра Кочурова, который сидел с Зарубиным (он же Чика, а впоследствии пугачевский граф Чернышев) в предбаннике и упражнялся в литье свинцовых пуль.

– Что, братцы, – спрашивал пришедший, – слышали вы, на Таловой чудо проявляется?

– Слышали, – отвечали они.

– Бог знает, полно правда ли это, – заметил Петр Кочуров, – ведь вот прошлого года тоже слух был, что государь проявился будто бы в Царицыне, и что же вышло: только народу, сказывают, за ним много пропало.

– Говорят, что подлинно он, батюшка, – сказал Мясников с видом некоторой уверенности.

Оставив Кочурова, Чика и Мясников пошли на базар.

– Царь ведь приказал прислать к себе от войска двух человек, – говорил дорогой Мясников.

– Так что же, – отвечал Чика, – зачем дело стало, я первый поеду.

– Ну, а другой-то кто же? Разве мне с тобой поехать?

– Ну, и поедем завтра.

– Я слышал от Караваева, что и он хотел ехать.

– Да мне-то до того какая нужда, – сказал Чика, – хотя Перекараваев поезжай, я сам хочу ехать и посмотреть. Ведь почем мы знаем, что они поедут, а может, и не поедут.

Итак, решив завтра ехать на Таловую, собеседники разошлись: Мясников пошел домой, а Зарубин (Чика) направился к небольшой кучке казаков, о чем-то разговаривавших и поминутно оглядывавшихся на все стороны. В то время в Яицком городке было очень строго и всякие собрания казакам войсковой руки были строго

запрещены. За этим начальство и старшины тщательно следили, и если на базаре когда собиралась толпа, то тотчас же являлись солдаты и разгоняли беседовавших. Чтобы поделиться новостями и потолковать о чрезвычайном происшествии, казаки сходились на улице человека по два, по три и тайком разговаривали. Одну из таких кучек и заметил Чика; она состояла из казаков Андрея Кожевникова, Ивана Харчова, Тимофея Стракайкина и других.

– Я слышал от Караваева, – говорил Кожевников собравшимся, – что на умете у Ереминой Курицы он видел государя Петра Федоровича, который приказывал, чтобы прислать к нему человека другого.

– Конечно, надо к нему ехать, – отвечали казаки.

– Куда и зачем ехать? – спрашивал подошедший к разговаривавшим Чика, как будто ничего не знавший.

– Разве ты теперь только слышишь, – отвечал Кожевников, – что государь явился?

– Кто вам сказывал?

– Караваев, он сейчас от него; государь на умете у Ереминой Курицы, и, конечно, нам надо его до времени спрятать.

Казаки поддакнули.

– Не съездишь ли ты к нему? – спросил Кожевников, обращаясь к Зарубину.

– Отчего не съездить, пожалуй, съезжу, но куда мне его спрятать?

– Вези прямо ко мне на хутор, – отвечал Кожевников, – а там уже не твоя печаль, у нас есть покои, где его спрятать[284].

– Зачем на хутор? Отчего не в городок?

– В городок теперь привезти нельзя: иные казаки не поверят, а старшинская сторона может его поймать, а как отвезешь на хутор, так мы все туда будем.

Зарубин согласился.

– Смотри и примечай, Зарубин, – говорил ему Иван Харчов, – волосы у него должны быть черные, сам смугл, между зубами щербинка, на одной щеке рубчик, на руках крапины, а ростом немного выше тебя.

– Однако не одному же мне ехать, – говорил вкрадчиво Зарубин, умалчивая, что имеет уже товарища, – человека другого все бы надобно было.

– Сыщи сам, с кем ехать, – отвечал Кожевников, и казаки разошлись.

В тот же самый день, на другом конце городка, казак Петр Орлов отправился к своему соседу и куму Максиму Шигаеву.

– Сходим, кум, – говорил Орлов, – к Денису Караваеву, понаведаемся, правда ли, что он видел на Таловой царя Петра Федоровича.

– От кого ты это слышал? – спрашивал Шигаев. – И может ли это статься?

– Можно или не можно этому статься, только говорят, что Караваев точно его видел.

Шигаев и Орлов отправились разузнавать правду.

– Правда ли, – спрашивали они Караваева, – что ты видел царя на Таловой?

– Кто это вам наврал, я ничего не знаю.

Шигаев и Орлов отправились домой, а на следующее утро Караваев сам пришел к Шигаеву.

– А ведь я, Максим Григорьевич, – говорил пришедший, – вечор от тебя для Орлова потаил; я подлинно ездил на Таловую и видел там того человека, который называется царем Петром Федоровичем.

– Каким же это образом и где ты его видел?

– Мне сказал о нем Иван Чабаков, а ему Григорий Закладнов, которому тот человек приказал прислать к себе от войска двух казаков, так вот я и ездил к нему с Сергеем Кунишниковым.

Караваев рассказал подробно свое свидание с Пугачевым.

– Царь приказал мне, – заключил свой рассказ Караваев, – непременно к нему чрез три дня приехать, так не хочешь ли, поедем завтра со мной, ты его посмотришь и поговоришь с ним.

Шигаев согласился, а между тем рано утром следующего дня Кожевников пришел к Зарубину и торопил его ехать.

– Ты остерегайся многолюдства, – говорил Кожевников, – переговори с ним наедине и скажи, что прислан от Караваева и Кунишникова и чтоб он безо всякого опасения ехал ко мне на хутор.

Кожевников предупредил Зарубина, что он может не застать Пугачева и чтобы тогда он спросил мужика Афанасия.

– Хорошо, – отвечал Чика, – вот дома пообедаю, а потом и поеду.

Зарубин пошел за Мясниковым, по тот отказывался от поездки. Накануне Мясников встретился с казаком Плотниковым, и тот не советовал ему ездить.

– Я слышал, – говорил Плотников, – что ты с Чикой хочешь ехать на Таловую, так полно, ездить ли уже вам: от нас люди к нему поедут.

– То-то, я и сам не знаю, – отвечал Мясников, – да Чика меня зовет.

– Ну, как хочешь.

Мясников был в большом раздумье, ехать или не ехать, так что когда пришел к нему Зарубин, то он стал отказываться.

– Я, брат, и сам не знаю, – говорил Мясников, – полно, есть ли зачем ехать-то, ведь и без нас поедут люди.

– Вот дурак-то, – отвечал Зарубин, – еще и раздумье тебя взяло, поедем вместо гулянки.

– Хорошо, поедем, я вот только оседлаю лошадь и возьму ружье, будто бы едем стрелять сайгаков.

После обеда Мясников и Зарубин выехали верхами из Яицкого городка на Таловый умет, а часа два спустя

поехали туда же в телеге Караваев и Шигаев, не подозревавшие, что впереди их едут другие представители войска.

Был уже вечер, когда два всадника приблизились к Таловскому умету. Заметив на дворе двух работавших мужиков, приезжие прямо подъехали к ним.

– Хозяин дома? – спросил Зарубин.

– Нет, – отвечал один из работников, – он уехал в Сызрань.

– С кем?

– У него живет один человек, так с ним и поехал.

– Этого-то человека мне и надобно, а скоро они будут?

– Не знаю.

– Не ты ли Афанасий? – говорил Зарубин, улыбаясь.

– Я, – отвечал спрошенный.

– Ну, так что же ты меня обманываешь, ведь я знаю, что Еремина Курица поехал на Иргиз, да и знаю с кем; ведь не святым же духом я узнал твое имя, а нам сказано.

– А кто вы таковы? – спросил Чуйков.

– Я Иван Зарубин, а он Тимофей Мясников.

– Государь приказал, – говорил Чуйков, – чтобы вы его здесь подождали, он сегодня вечером или завтра рано непременно будет.

– Ну ладно, мы отъедем здесь по речке, уснем и коней покормим, а ты, пожалуйста, скажи мне, как они приедут.

Чуйков обещал исполнить просьбу, и Зарубин с Мясниковым уехали в степь ночевать. На другой день рано утром Зарубин и Мясников пошли на умет узнать, не приехал ли Пугачев.

– Нет еще, – отвечал Чучков, – да я не знаю, отчего они так долго замешкались, уж здоровы ли?

– Сохрани Господи! – проговорили казаки и решились не оставаться в умете, чтобы не возбудить подозрения

проезжающих, а уйти в степь.

– Чем нам здесь дожидаться, – говорил Зарубин, – лучше поездим по степи, не попадется ли нам сайгачишка какой.

Мясников согласился.

– Мы вот около этого места будем, – сказал Зарубин, указывая рукой, – так прибеги к нам, когда они приедут.

– Хорошо, поезжайте.

Лишь только Зарубин и Мясников уехали в степь, как на умет прискакал Денис Караваев.

– Что, приехали? – спросил он у Чуйкова.

– Нет еще, – отвечал тот.

– Ну, так уведомь, когда приедут, мы будем там дожидаться, – сказал Караваев, указывая на другой берег реки Таловой.

– А ты с кем приехал?

– С казаком Максимом Шигаевым.

– Здесь, брат, есть еще два казака: Зарубин (Чика) и Мясников, они вчера еще приехали и дожидаются их же.

– Где же они?

– Они хотели около тех мест дожидаться. – И Чуйков показал в сторону почти противоположную той, где остановились Шигаев и Караваев.

– А ты сказал им про государя?

– Сказал.

– Напрасно, – пенял Караваев Чуйкову, – так теперь не сказывай же, что я здесь был. – И с этими словами он уехал к Шигаеву, дожидавшемуся его в степи, неподалеку от умета.

Караваев объяснил, что самозванца нет дома и что надо подождать. В это самое время они увидели приближавшихся к ним двух всадников и скоро узнали в них Чику и Мясникова. Шигаев был поставлен в затруднительное положение, так как находился под подозрением казаков войсковой стороны. Принимая участие в возмущении, бывшем в Яицком городке в

январе 1772 года, и будучи послан войском в Петербург в числе депутатов с челобитной, Шигаев один из немногих был, как мы видели, помилован и избавлен от наказания. Прощение ему даровано было за спасение Дурново от смерти, а казаки полагали, что Шигаев избавился от наказания тайным переходом с войсковой стороны на старшинскую. Считая его изменником, войсковая сторона смотрела на Шигаева подозрительно и неприязненно, и потому, при приближении Чики и Мясникова, он счел лучшим не показываться им и скрылся в камышах. У телеги остался один Караваев и копошился над чем-то.

– Зачем вы сюда приехали? – спрашивал Чика, здороваясь с Караваевым.

– Приехал стрелять сайгаков, – отвечал спрошенный, – да теперь холодно, так остановился, подожду, когда солнце взойдет повыше и будет теплее.

– С кем же ты сюда приехал, мы тебя видели сам-друг.

– Со мной ехал один кизиль-башенин, – отвечал, улыбаясь, Караваев, – он пошел сайгаков стрелять.

– Полно от нас таиться-то, ведь мы знаем, зачем вы сюда приехали.

– Ну, зачем? Как ты думаешь?

– Полно, брат, лукавить, вы приехали сюда не сайгаков стрелять, а смотреть государя Петра Федоровича, который, слышно, здесь живет.

– Полно врать-то, мы этого и не слыхивали, и не знаем.

– Не таись, брат, я знаю все, мне все сказано.

– Ну, это правда, что затем приехали, только молчи.

– Что молчать! мы и сами затем приехали.

– Теперь его здесь нет, подождите немного.

Чика и Мясников опять поехали в степь, а около полудня подъехал к умету и Пугачев. Он приехал на

одной лошади, на телеге без кибитки, и уметчика с ним не было.

– Где же Еремина Курица? – спросил Чучков.

– Курицу мечетные мужики поймали, – отвечал Пугачев, – да и хохол чай уж ей ощипали; я едва сам убрался на этой лошаденке, а другую не успел захватить… Был ли здесь кто из Яицкого войска?

– Есть четыре человека, двое там: Чика (Зарубин) и Мясников, а двое тут: Шигаев и Караваев, – отвечал Чучков, показывая рукой в разные стороны. – Только Караваев пенял, что я про вас сказал Чике.

– И в самом деле, напрасно ты сказывал, и если он придет опять, то про меня не сказывай.

Взобравшись на крышу сарая, Чучков стал махать шапкой; увидя это, Караваев сел верхом и приехал в умет. Он просил Пугачева отправиться к нему в стан и когда тот согласился, то посадил его на свою лошадь, указал дорогу к Шигаеву, а сам пошел пешком.

Приехав к Шигаеву, Пугачев слез с лошади и поклонился. Одетый в простой мужицкий армяк и в толстую холстинную рубашку, он имел на голове небольшую суконную шапку и своим видом возбудил в Шигаеве предположение, что Караваев прислал к нему мужичка с какой-нибудь вестью. На поклон Пугачева Шигаев отвечал тем же и сел с ним на траву, но в это время подошел Караваев.

– Вот наш батюшка, – сказал он, обращаясь к Шигаеву и указывая на Пугачева.

Шигаев вскочил, оробел и не знал, верить ли тому, что слышал и видел, или не верить. Когда прошел первый страх, он низко поклонился незнакомцу и стал извиняться, что по незнанию обошелся с ним так просто.

– Ничего, ничего, – ободрял его Пугачев, – ну, как вы, други мои, ныне поживаете, я слышал, что вы, бедные, вконец разорены; расскажите-ка, чем решилась ваша тяжба?

– Решилась, батюшка, тем, – отвечал Шигаев, – что из нас человек со сто пересечены кнутом и плетьми и разосланы в ссылку, а некоторым вырваны и ноздри, но, слава богу, я с четырьмя человеками, бывшими в Петербурге челобитчиками, от милостивой государыни помилованы и остались без наказания.

– Как же быть-то, детушки, – говорил Пугачев, – потерпите, я вот и сам двенадцать лет шатался по свету и терпел много нужды, был холоден и голоден, и мало ли где я был: в Царьграде, во Иерусалиме, в Некрасовщине, в Польше и на Дону.

– Ах, батюшка, – сказал Пугачеву Шигаев, указывая на приближавшихся Чику и Мясникова, – я боюсь этого вора, Чику, он у нас человек причинный, того и гляди, что разболтает: дела мы не сделаем, а хлопот наведем, так не лучше ли нам спрятаться от него в кусты?

Пугачев, конечно, тотчас же согласился, и они, отойдя сажен пятьдесят от своего стана, скрылись в камышах. Караваев опять остался один у телеги и стал прятать арбузы и яблоки, выложенные для угощения самозванца на постланный на траве вместо скатерти платок.

– Где же государь? – спрашивал Чика, – нам сказали, что он у вас.

– Здесь нет, надо спросить на умете, – отвечал Караваев.

Чика отправился на умет, но там ему сказали, что Пугачев точно уехал с Караваевым.

– Вот бездельники, – ворчал Чика, – не скажут правду, а ты взад и вперед езди. Чего вы таитесь от меня, я буду здесь ожидать до ночи и отсюда не поеду, пока не увижу.

– Слушай, Чика, – говорил Караваев, – буде правду сказать, так мы тебя опасаемся; побожись, что ты ничего дурного с нами не сделаешь, так мы тебе его покажем.

Чика побожился.

– Ну, слезай с лошади, – говорил Караваев, – да привяжи ее.

Чика слез, а Караваев достал образ и поставил его на телеге.

– Помолись-ка, брат, Богу, – говорил Караваев, – да поклянись пред образом, чтобы никому об этом не сказывать, а без этого я тебе мало верю.

Зарубин (Чика), а за ним и Мясников поклялись, что все будет сохранено ими в совершенной тайне, и тогда Караваев закричал: «Максим, выходи». Шигаев и Пугачев вышли из камышей.

– Здравствуйте, войско Яицкое, – приветствовал Пугачев прибывших. – Доселе отцы ваши и деды в Москву и Петербург к монархам ездили, а ныне монарх к вам сам приехал.

Прижавшиеся к телеге Мясников и Чика низко поклонились Пугачеву.

– Не кланяйтесь, детушки, а заступитесь за меня. Вы пришли сюда, чтобы видеть государя Петра Федоровича, а я и есть тот, кого вы ищете и теперь своими глазами видите. По ненависти бояр я лишен был царства, долго странствовал, а теперь хочу по-прежнему вступить на престол: примете ли вы меня к себе и возьмете ли на свои руки?

– Рады, батюшка, тебе служить, – отвечали казаки.

Караваев разостлал на земле платок, достал из телеги арбузы, и все присутствующие принялись за трапезу. Пугачев сидел на траве, возле него стоял Шигаев, Караваев занимался угощением, а Чика и Мясников, не смея сесть в присутствии государя, зашли по другую сторону телеги и присели на колесо. К этому обществу присоединился и Афанасий Чучков, пришедший из умета.

– Так-то, детушки, – говорил Пугачев, – еще Бог велел по двенадцатилетнем странствовании свидеться с

вами: много претерпел я в это время бедности…

– Ну что, батюшка, о прошедшем много разговаривать, – перебил Караваев, – предъяви-ка ты нам лучше свои царские знаки.

– Раб ты мой, а повелеваешь мной, – сказал смело Пугачев и посмотрел сердито на Караваева.

– Батюшка, – заметил Шигаев? – наше дело казачье, не прогневайся, что мы говорить-то хорошо не умеем.

– Разве вы сомневаетесь во мне, – проговорил с горячностью Пугачев и схватил нож, лежавший у арбуза, чтобы разрезать им ворот рубашки, но Караваев остановил его.

– Зачем, батюшка, портить рубашку, – сказал он, – вы бы лучше ее скинули.

Предложение это взволновало Пугачева настолько, что он изменился в лице; ему не хотелось показывать казакам свою битую спину.

– Нет, – сказал он строго, – не подобает вам, простым людям, видеть все мое тело, – и, разрезав ворот рубашки, обнажил свою грудь. – Кто же из вас знает царские знаки? – спросил он с сердцем.

– Мы не знаем, надежа-государь, – послышались голоса, – наше дело казачье, и мы никогда их не видывали.

– Так вот знайте же! – И он указал на свою грудь.

На груди на левой стороне было два пятна от заросших ран да на правой одно. Знаки эти подействовали на казаков, а Мясникова «такой страх обуял, что ноги и руки затряслись». Один только Зарубин сохранил сомнение. «Видя Пугачева, – показывал он впоследствии, – думал я и рассуждал сам с собой, что ему государем быть нельзя, а какой-нибудь простой человек, а притом замечал на нем приметы, сказанные от Харчева, то хотя и находил оные по словам сходными, но думал, что это только потому, что Харчеву он, конечно, знаком». Сомнение Зарубина было

настолько сильно, что он решился в присутствии Пугачева разъяснить себе недоразумение.

– Как же на нем платье казацкое? – спрашивал Зарубин Караваева. – Он с бородой и острижен по-казацки.

– Он нарочно так себя прикрывает, – отвечал, улыбаясь, Караваев, – чтоб его не признали; нарочно и бороду отрастил.

Ободренный словами Караваева, Пугачев решился выдержать свою роль до конца.

– Так вот, други мои, – говорил он, – видывали ли вы когда-нибудь знаки на простых людях?

– Нет, надежа-государь, не видывали, – отвечали казаки.

– А вот примечайте, друзья мои, как царей узнают, – говорил Пугачев, отодвигая волосы на левом виске.

Казаки заметили на указанном месте как бы пятно от золотухи, но какой был именно знак, разглядеть не могли.

– Что это там, батюшка, – спрашивал Шигаев, раздвигая волосы Пугачева, – орел, что ли?

– Нет, друг мой, – отвечал Пугачев, – это царский герб.

– Все цари с таким знаком родятся или это после Божиим изволением делается?

– Не ваше это дело, мои други, простым людям этого ведать не подобает.

После этих слов казаки все как бы оробели и не посмели более никаких вопросов ему делать.

– Теперь верим, – говорили они, – и признаем в вас великого государя Петра Федоровича.

– Ну, когда признаете меня за государя, так обещайтесь за все Яицкое войско мне не изменять и никому в руки живого не отдавать. Напротив того, и я дам клятву любить вас и жаловать. Сберегите меня, детушки. Если Господь допустит меня в свое место (на

царство), так я вас не забуду и буду жаловать как первые монархи. Я сам вижу, что вы, бедные, обижены и разорены, потерпите до времени.

– Хотя мы все, казаки, пропадем, – отвечал Шигаев, – но вас, батюшка, не выдадим, а буде не удастся, так выведем тебя на степь и пустим, а в руки не отдадим.

– Ну, друзья, не забудьте же своего слова и будьте мне верны.

– Надейтесь на нас, батюшка, крепко, – говорили казаки, – мы вас не выдадим.

– Теперь мне надобно двоих из вас послать в городок для приготовления хорунгов (знамен) и для меня одежи, а двое останьтесь при мне и сберегите меня до времени в безопасном месте.

Пугачев избрал для посылки в городок Пику и Мясникова, как людей проворных.

– Мне, надежа-государь, Яицкое войско не поверит, – говорил Пика, – нечего таиться, надо правду сказать, я у войска причинный человек, не один раз сечен, а позвольте послать лучше Шигаева и Караваева, им войско поверит; а я, батюшка, возьму тебя на свои руки, и не опасайтесь ничего, я все здешние места знаю. Ведь я сюда для того приехал, чтобы за тобой следовать.

Шигаев также отказывался от приготовления знамен и предлагал взять самозванца на свои руки.

– Я, надежа-государь, сохраню вас в своем зимовье, – говорил он.

– К тебе на хутор много людей ездит, – заметил Пика, – так того и смотри опознают, а лучше я возьму его на свои руки.

Пугачев, так опасавшийся многолюдства, тотчас же принял сторону Зарубина.

– Нет, чадо мое, – сказал он Шигаеву, – поезжай-ка ты с Караваевым в городок и исправьте все, что я говорил, а Пику и Мясникова я оставлю при себе, они повестят вас о месте, куда войску собираться.

Шигаев принужден был повиноваться.

– Возьми хоть ты, – сказал он Чике, – все равно, только надо сберечь… Куда же вы повезете его?

– У нас уже место приготовлено, – отвечал Чика и, обратившись к Пугачеву, спросил: – Есть ли у него лошадь?

– Лошадь-то есть, – отвечал Пугачев, – да не ходит под седлом.

– Как ей не ходить, у нас пойдет.

– У меня и седла-то нет.

– Так дай ты мне свое седло, – говорил Чика, обратившись к Шигаеву, – я привезу его тебе домой.

Шигаев дал седло, и Пугачев с первыми пособниками разошлись в разные стороны: Шигаев и Караваев поехали в Яицкий городок, а Пугачев, Зарубин (Чика), Мясников и Чучков пошли в умет, где самозванец приказал Чуйкову запрячь Еремину лошадь и вместе с двумя его товарищами крестьянами ехать следом за Шигаевым и Караваевым и пробираться на Узени.

– Вам уже не место здесь оставаться, – говорил Пугачев, – теперь того и смотри что из Мечетной слободы нагрянет сюда команда.

Чтоб избежать погони, самозванец приказал малолетнему племяннику Ереминой Курицы взлезть на сарай и смотреть, не покажется ли вдали какая команда, но в степи никого не было видно, и временные обитатели умета спокойно собрались в путь, забрали большую часть имущества Ереминой Курицы и, оставив на произвол судьбы малолетнего племянника уметчика, уехали по дороге к Яицкому городку. Впереди всех ехали Караваев с Шигаевым, за ними Чучков с товарищами, а далеко назади верхом Пугачев, Чика и Мясников.

Отъехав на довольно значительное расстояние от Талового умета, Караваев и Шигаев заметили вдали по дороге небольшую казачью команду, человек в

двенадцать, ехавшую им навстречу. Они тотчас же остановились, выпрягли лошадь из телеги и пустили ее на траву, а сами под видом охотников стали ползать по земле, как будто за сайгаками, которые тогда стадами ходили по степи.

– Ба! Караваев, и ты ныне в гулебщиках (охотниках)! – кричали казаки, поравнявшись с ними.

– Как же, – отвечал Караваев, – и мне ведь дичинки хочется. А вы куда собрались?

– Мы едем в Малыковку, сказывают, что там нашего казака захватили, так комендант послал нас за ним.

Оглянувшись назад вслед за проехавшими казаками, Чуйков не заметил уже на дороге ни Пугачева, ни его двух спутников. Избегая встречи, они повернули в степь и направились прямо на казачий умет, где к вечеру собрались Караваев, Шигаев и Чуйков с товарищами. Покормив немного лошадей и поужинав вместе, Шигаев с Караваевым отправились далее, а остальные остались ночевать. Пред отъездом Шигаев спросил Чику, куда он повезет самозванца.

– Куда глаза глядят, – отвечал тот, скрывая указанное ему место, – я и сам не знаю куда, буду искать где способно; и мы дадим весть, где будем.

Проснувшись до света, Пугачев с бывшими при нем спутниками оставили казачий умет и поехали по дороге до реки Деркулы; переехав ее вброд, Чика указал Чуйкову и его товарищам путь на Узени и приказал им туда ехать[285].

– Поезжайте вы на реку Узень, – говорил он им, – там сыщите старика Дмитрия Ильина и дожидайтесь нас.

– Помилуйте, – говорил Чуйков, – куда вы нас посылаете, мы не знаем дороги, да и что мы будем там пить и есть?

– Этой дорогой вы прямо приедете на Узени, сыщите там хлеб у стариков, и найдется много людей, которые вас примут. Не опасайтесь ничего, мы к вам дней чрез

четырнадцать, а если пойдет все благополучно, то, конечно, и чрез двенадцать будем, всех вас оттуда возьмем, приведем лошадей и пойдем мы со славой под Яицкий городок, под видом будто бы снизу с донским войском.

Чуйков успокоился и вместе с товарищами отправился на Узени, а Пугачев, Чика и Мясников через сырт, степью, стали пробираться к Кожевниковым хуторам[286].

Пугачев ехал по незнакомой ему дороге и не знал, что будет впереди. Отдавшись в руки казаков и не имея никакого выхода, кроме бегства, он должен был подчиниться их воле и стать в зависимое положение. Из числа двух сопровождавших его Чика выразил уже сомнение в подлинности принятого Пугачевым на себя звания, а что скажут остальные казаки? Думал Пугачев, примут ли его как государя, или же ожидает его опять тюрьма и наказание, более строгое, чем за первое преступление? Все эти вопросы толпились в голове Пугачева и заставляли его исподволь и окольными путями разъяснять свое положение и по возможности убеждать казаков в том, что он истинный государь.

– Ваш старшина Иван Окутин должен меня знать, – говорил Пугачев, стараясь дорогой убедить Чику, – он, я чаю, не забыл, как я жаловал его ковшом и саблей. Только, братцы, как вы думаете, согласны ли будут принять меня к себе ваши казаки?

– Не знаем, ваше величество, примут ли, – отвечали спутники, – однако мы всячески постараемся преклонить их на свою сторону.

– Дед мой, покойный император Петр I, в чужих землях странствовал семь лет, а меня Бог привел постранствовать двенадцать.

Казаки молчали, и Пугачев, не получив определенного ответа, остался в сомнении о будущем.

Не доезжая верст двух до Кожевниковых хуторов, путники остановились в лощине, и Чика отправился вперед, чтобы переговорить с хозяевами. Спустя час он возвратился, объявив, что дело сделано, но как было еще совершенно светло, то, опасаясь, чтобы кто из посторонних не приметил их приезда и не явилось какого подозрения, Пугачев и его товарищи оставались в лощине, пока смерклось, и затем отправились на хутор[287].

Саженях в пятидесяти от дома встретил гостей старший брат Кожевниковых, Андрей, и поклонился.

– Милости прошу, – сказал он, – только опасаюсь я, чтобы не проведали.

Прибывшие слезли с лошадей и пошли пешком. Подходя к хуторам, они были замечены издали младшим братом Кожевникова, Михаилом, сидевшим на лавочке с стариком, отставным казаком Романом Шаварновским, жившим по бедности в их хуторе в особой избе.

– Куда это брат ходил? – спросил Михайло старика Шаварновского.

– Ты знаешь, – отвечал спрошенный, – ведь государь Петр Федорович проявился; к нам давеча Чика приезжал и об этом сказывал, да и хотел его сюда привезти, чай и брат твой с ними.

Услышав это, Михайло удивился и оробел, а между тем гости подошли, и он увидел незнакомого ему человека в верблюжьем армяке и в крестьянской толстой рубашке, «походившего во всем на русского мужика». Поздоровавшись с Никой и Мясниковым, Михайло Кожевников спросил, куда они едут.

– Мы приехали к тебе ночевать, – отвечал Чика, – и привезли гостя, рад ли?

– Милости прошу, как не рад, – проговорил растерявшийся Михаил Кожевников. – А что он за человек?

– Это наш батюшка, государь Петр Федорович.

Михайло Кожевников остолбенел и, не говоря ни слова, смотрел только на самозванца. Шаварновский, видя, что Михайло изменился в лице и не приветствует гостя, принял на себя обязанности хозяина.

– Милости просим, – говорил он, кланяясь, – мы всегда рады такому дорогому гостю.

– Воля ваша, господа, – говорил испуганный Михайло, – я боюсь такого гостя к себе принять, потому что ко мне многие из городка заезжают, да и родственники часто ездят, так чтобы не получить какой беды. Вот разве он, – прибавил Михайло, указывая на Шаварновского, – к себе примет, так я рад... милости просим.

– Отчего же такого гостя и не принять, – отвечал старик, – я с радостью приму, – и пригласил всех в свой дом.

Безмолвный свидетель происходившей сцены, Пугачев с достоинством и самоуверенностью вошел в избу Шаварновского, но решил недолго оставаться на хуторе Кожевниковых, где с таким недоверием отнеслись к его происхождению. Он внимательно присматривался ко всему, вслушивался в разговоры и намерен был воспользоваться первым случаем, чтоб убедить присутствующих, что он подлинный государь. Случай этот скоро представился. Убеждаемый Чикой и Мясниковым, Михайло Кожевников пришел в сомнение: правда ли, что Петр III умер.

– Правда, о государе были публикованы указы, что он умер, – говорил в раздумье Михайло, – а прошлого года был слух, будто бы он, батюшка, проявился в Царицыне, но сказывают, что там запытан.

Пугачев ухватился за последние слова.

– Нет, нет, друзья мои, – говорил он, – все это вам сказано напрасно, я, видите, жив.

Он рассказал, что был схвачен в Ораниенбауме, посажен в тюрьму, но караульный офицер Маслов, ему

покровительствовавший, освободил его, и он уехал странствовать в чужие земли. Пугачев говорил, что, возвратившись на Дон, он был узнан, схвачен с некоторыми казаками и отвезен в Царицын, но при помощи тех же донских казаков успел бежать на Иргиз, откуда приезжал в прошлом году на Чик и при возвращении на Иргиз был снова открыт, арестован и отвезен в Казань. Он не скрыл от казаков подробностей своего бегства с Дружининым и своих похождений с Ереминой Курицей.

– Хотя в писании и сказано, – заключил он свою речь, – чтобы мне еще с год не являться, но я принужден явиться ныне для того, что не увижу, как вас всех у меня растащат. Вы держитесь за мою правую полу и если не отстанете, то будете люди и станете жить по-прежнему. Если ныне меня не примете, я себе найду место, а вы тогда уже на меня не пеняйте. Когда хотите, то ныне помогите, я подлинный государь Петр III.

Поужинав у Шаварновского, Михайло Кожевников мигнул Чике, и они вышли из избы.

– Скажи, пожалуйста, каким способом вы его обрели? – спрашивал Кожевников.

– Не мы сперва нашли, – ответил Чика, – а Караваев сыскал.

– Что же вы с ним намерены делать?

– А намерены ехать в войско и объявить о нем.

Возвратившись в комнату, Чика высказал желание ехать в Яицкий городок.

– Я, ваше величество, – сказал он, – поеду теперь к войску.

– Хорошо, поезжай, но объявляй надежным людям. Сроку я даю тебе только три дня, а потом приезжай сюда и уведомь, что станут говорить, а я буду тебя здесь дожидаться. Никому не сказывай, что я здесь, а буде увидишь, что согласны будут, так после можно назначить место, где собираться.

На другой день рано утром Пугачев призвал к себе Мясникова, приказал ему также ехать в городок купить красной козловой кожи и сшить для него сапоги, подушку на седло и намет вместо потника, на что и дал ему два серебряных рубля. Мясникову поручено было отыскать писаря и разрешено объявлять кому следует о появлении государя Петра Федоровича, но о месте, где он находится, никому не говорить.

С отъездом Чики и Мясникова в городок Пугачев остался под охраной новых лиц и исключительно старика Шаварновского, запершегося с самозванцем в избе и допускавшего к нему лишь немногих им избранных. Старый казак не показал Пугачева даже и младшему брату Кожевниковых, Степану, опасаясь, чтобы тот не проговорился, так как вообще братья Кожевниковы относились к Пугачеву с крайней недоверчивостью. Андрей Кожевников хотя и поручил Зарубину (Чике) везти самозванца прямо в Таловой к себе на хутор, но когда увидел гостя, то сразу понял, что это не государь, а лицо подставное. Он все время молчал, не принимал участия в разговоре и на другой день уехал в городок. Там он жаловался Шигаеву на своевольный будто бы поступок Зарубина (Чики).

– Как нам быть, Максим Григорьевич, – говорил он, – вор Чика навязал нам на шею такую беду, что мы не знаем, что и делать.

– Что за беда? – спросил Шигаев, как будто ничего не знавший.

– Да как же, привел к нам того человека, которого ты с ним на Таловой видел.

– Как же это? Зачем он к вам его привел, ведь он взял его на свои руки!

– Вот ты и говори!

– Смотрите, братцы, берегитесь! Не лучше ли вам от себя его выслать?

– Видно, придется.

Спустя несколько дней Шигаев зашел к свояку Кожевникова, казаку Ивану Харчову.

– У меня был твой свояк, Андрей Кожевников, – говорил Шигаев, – он что-то печален мне показался.

– Как, брат, не печалиться, ты разве не слыхал, что Чика с ним сделал?

– Нет, не слыхал.

– Так я тебе скажу. Привез вор откуда-то к ним в хутор какого-то человека, да и говорит, что это царь Петр Федорович; ну, подумай, не беда ли это им?

– Да, правда, не очень-то хорошо, – отвечал Шигаев.

С другой стороны, оставшийся на хуторе брат Андрея Кожевникова, Михайло, также тяготился первое время присутствием Пугачева.

– Вот, Василий, – говорил Михайло Кожевников казаку Коновалову, встретившись с ним на сенокосе, – мне послал Господь такого гостя, что и сам я не рад.

– Что это за гость такой был?

– Страшно, брат, и сказать-то, он называет себя государем Петром Федоровичем.

– Откуда же он взялся?

– Его привезли ко мне вечор Чика и Мясников, и Чика поехал в городок объявлять о нем в войске.

– Ну, брат, это дело на шутку не походит, надо и мне к нему съездить.

В ближайший затем праздник Василий Коновалов и его отец Семен приехали к Шаварновскому, где встретили Алексея Кочурова, братьев Кожевниковых и видели самозванца.

– На меня вознегодовали государыня и бояре, оттого я и ушел, – говорил Пугачев собравшимся. – Вот, детушки, страдаю я двенадцать лет, был на Дону и в России во многих городах и приметил, что народ везде разорен и вы терпите много обид и налогов.

Казаки поддакивали Пугачеву и жаловались ему на свое печальное положение.

– Слышал я об этом, – отвечал Пугачев, – слышал. Когда настоящего пастыря не станет, народ всегда пропадает.

Побеседовав в таком роде с Пугачевым, казаки разъехались по домам с убеждением, что он истинный государь, явившийся для их спасения, и стали разглашать о нем по хуторам и зимовьям[288].

Глава 10

Знали ли яицкие казаки, что Пугачев самозванец. – Разговор Чики с Караваевым. – Поездка на реку Усиху. – Признание Пугачева. – Жизнь на Усихе. – Первый тост за государя Петра III. – На чье содействие рассчитывал Пугачев.

Оставив Пугачева на хуторе Кожевниковых и уезжая в Яицкий городок, Зарубин (Чика) был в большом сомнении относительно личности самозванца. Молчаливое поведение Андрея Кожевникова при встрече государя и подозрительность брата его Михайлы наводили на мысль и Чику, что дело нечисто, что тут кроется подлог, и он, мучимый любопытством, как только приехал в городок, тотчас же отправился к Караваеву.

– Скажи правду, – допытывал Чика, – что это за человек, которого мы почитаем за государя?

– Глупый ты! – отвечал уклончиво Караваев. – Разве не слыхал, что давно идет молва у нас в городе, что он государь?

– Скажи-ка ты мне правду, откройся, – упрашивал Чика, – ведь я никому не вынесу, и отныне дело будет общее.

Караваев молчал.

– Ну, что ты, Денис, таишь-то от меня, – приставал Зарубин, – когда он сам мне открылся, что он донской казак.

Караваев посмотрел на него вопросительно. «Что злодей донской казак, намекнул он наугад, – показывал впоследствии Зарубин[289], – потому что за год до сего времени был у них на Яике слух такой, что в Царицыне один донской казак также назвался государем Петром

Федоровичем и был пойман, но ушел из-под караула. А потому и думал он, не тот ли самый и у них явился, ибо он о самозванце, по подлому его состоянию, усумнился, чтоб он подлинный был государь».

– Слушай, Чика, – говорил Караваев, – не сказывай ты ни отцу, ни матери, ни жене, ни детям, ни посторонним людям и дай мне в том пред Богом клятву.

Зарубин поклялся, что все сказанное ему будет сохранено в глубочайшей тайне.

– Пусть это не государь, – продолжал Караваев, – а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре.

– Ну ладно, – отвечал Зарубин, – так тому и быть. Значит, это всему войсковому народу так надобно... Будешь ты сегодня на хуторе?

– Нет, не буду; надо государю одежду припасти.

Не удовлетворив вполне своего любопытства и все-таки не зная точно, что за личность, называющая себя государем, Зарубин ушел от Караваева и, оставаясь несколько дней в городке, прислушивался к ходившим по городку толкам. Почти все казаки войсковой руки знали о появлении государя и относились к этому известию различно: одни хотели его принять в войско и объявить, а другие опасались, чтобы не вышло чего худого.

– Хорошо, если это подлинный государь, – говорили последние, – а если не подлинный и часть войска его примет, а другая не согласится, ведь тогда будет междоусобная брань, а наши дома от мятежа и так вверх дном стали.

Так рассуждали казаки различных групп, и Зарубин (Чика), наслушавшись базарных речей, отправился опять на хутор Кожевниковых, куда и приехал почти одновременно с Мясниковым, привезшим Пугачеву сапоги, подушку и намет.

– Что вы так долго не ехали? – спрашивал Пугачев.

– Замешкались немножко, – отвечал Зарубин, – потому что лошадей долго не сыскали.

– Сказывал ли ты кому-нибудь обо мне? – спрашивал самозванец, обратившись к Мясникову.

– Многим надежным людям объявлял, – отвечал он, обманывая Пугачева.

– И я, надежа-государь, – вмешался Зарубин, – многим казакам, как в городке, так и по зимовьям (хуторам) про вас рассказывал.

– Что ж они говорят?

– Говорят разно: иные верят, а иные не верят. Я тем, кои согласны принять вас, велел собираться по нашей повестке на речку Усиху.

– Хорошо, друг мой, увидим, что будет.

– Да и нам надобно выехать туда, – говорил Зарубин, – потому что на хуторе жить опасно, того и смотри, что старшинская сторона проведает. На Усихе же есть одно дерево, с которого далеко видеть можно, и буде в городке и узнают, что мы тут, и пошлют команду, так можно легко убраться.

– Места этого я не знаю, – заметил Пугачев, – так съездим посмотреть, караулисто ли оно.

В следующую же ночь были оседланы четыре лошади, и Пугачев с Никой и Мясниковым отправились на реку Усиху[290], выбрать место для стана. Четвертая лошадь была взята заводная для Пугачева, «потому, – показывал Мясников, – что он хотя и не толст, но очень тяжел и силен, и как бы лошадь крепка ни была, недолго под ним бежать может». Осмотрев окрестности речки, Пугачев нашел, что место это избрано Никой весьма удачно, и приказал Мясникову ехать в городок и привести к себе представителей войска, человек двух хороших и пользующихся уважением.

– Я бы с ними переговорил, – добавил Пугачев, – как бы лучше оповестить войско, чтобы оно собралось ко мне сюда.

Мясников отправился в городок с новым поручением, а Чика и Пугачев, отдохнув, должны были ехать обратно на хутор Кожевниковых. Мучимый любопытством узнать, кто же, в самом деле, тот человек, которому они оказывают такие почести, Чика, как только остался с глазу на глаз с Пугачевым, приступил прямо к удовлетворению своего любопытства.

– Скажи-ка мне, батюшка, – обратился Зарубин к Пугачеву, – сущую правду про себя, точный ли ты государь?

– Точный я вам государь, – отвечал Пугачев с неудовольствием и строго посмотрел на Зарубина, но последний не испугался этого взгляда.

– Нас, батюшка, здесь немного, только двоечка, – заметил Зарубин, – а Караваев-то мне все рассказал о тебе, какой ты человек.

– Что же он тебе сказал?

– Сказал, что ты донской казак.

– Врешь, дурак! – воскликнул Пугачев.

– От людей-то утаишь, – продолжал Зарубин, – да от Бога-то не утаишь… Я Караваеву дал клятву, чтоб о том никому не сказывать, так и тебе теперь даю; ведь мне большой нужды нет, донской ты казак или нет, а если мы приняли тебя за государя, значит, тому так и быть.

– Если так, то смотри же держи в тайне. Я подлинно донской казак Емельян Иванов. Я был на Дону и по всем тамошним городкам, везде молва есть, что государь Петр III жив и здравствует. Под его именем я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей у меня будет много, а в Москве войска никакого нет. Не потаил я о себе и, кто я таков, сказывал Караваеву, Шигаеву, а также и Пьянову.

Вызвав такое признание Пугачева, Зарубин был в восторге и при первом свидании с Мясниковым не утерпел, чтобы не сообщить ему этой новости[291].

– Нам какое дело, государь он или нет, – отвечал самонадеянно Мясников, – мы из грязи сумеем сделать князя. Если он не завладеет Московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство.

Итак, происхождение и личность Пугачева для яицких казаков не имели никакого значения; им необходим был человек чужой среды, никому не известный в войске, человек такой, который, воспользовавшись уверенностью русского народа, что Петр III жив, провозгласил бы себя государем и возвратил войску Яицкому все его прежние права, привилегии и вольность.

«Когда он [Пугачев] открылся нам, – говорил впоследствии Мясников казаку Горшкову[292], – что бежал из Казани и, скитаясь по степям, ищет укрыться от строгих поисков, тогда мы, по многим советываниям и разговорам, приметили в нем проворство и способность. Мы вздумали взять его под свою защиту и сделать над собой властелином и восстановителем своих притесненных и упадших обрядов и обычаев, которые давно стараются у нас переменить. Хотя по бывшим у нас на Яике происшествиям и принуждены мы были остаться безо всякого удовлетворения и, как, может быть, многие думали, в спокойном духе, но искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный случай и время. Итак, для сих-то самых причин вздумали мы принять его покойным государем Петром Феодоровичем, дабы он восстановил прежние наши обряды, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают, всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черни, которая тоже вся притеснена и вконец разорена».

Так думали главные вожаки и решились не только не выдавать никому признания Пугачева, а, напротив, убеждать всех и каждого, что он истинный и природный

государь. Эти убеждения, подкрепляемые той пользой, которую может извлечь войско от принятия к себе государя, были настолько сильны, что многие лица, сначала сторонившиеся, как, например, братья Кожевниковы, примкнули впоследствии к вожакам и явились самыми деятельными их пособниками. Тот же Харчов, который видел беду в том, что Пугачев поселился на хуторе Кожевниковых, впоследствии сам явился к самозванцу с поклоном.

Последний, признавшись Зарубину (Пике), поехал вместе с ним обратно к Кожевниковым, и на дороге они встретили двух казаков: Козьму Кочурова и Петра Чапова. Оставив Пугачева, Чика поскакал, чтобы догнать казаков.

– Куда вы? – кричал им Чика.

– Стрелять сайгаков! А ты куда? Кто с тобой едет?

– Государь Петр Федорович.

Кочуров и Чапов остановились в изумлении. Зарубин [Чика] приказал им сойти с лошадей и когда самозванец к ним подъедет, то поклониться ему низко. То и другое приказание было исполнено.

– Здравствуйте, – говорил Пугачев, – куда едете?

– Стрелять сайгаков.

– Нет, други мои, если вы со мной встретились, то оставайтесь при мне. Я ваш государь, и смотрите не уходите, а если убежите, то я, вступив в городок, велю вас повесить; от меня вы нигде не укроетесь.

Казаки повиновались и последовали за Пугачевым и Никой, которые, побоявшись ехать на хутор Кожевникова, остановились ночевать у казака Василия Коновалова.

– Что, Василий Семенович, – спрашивал Пугачев, – не было ли из городка посылки?

– Нет, все было тихо, – ответил Коновалов и предложил приехавшим сходить с ним в баню, случайно в этот день истопленную.

Гости охотно согласились, и по выходе из бани Коновалов дал Пугачеву свою набойчатую рубашку, бумажный пестрый халат, а под него надел нагольный тулуп. После бани Ника сбегал к Кожевниковым, выпросил у них палатку, а у Коновалова хлеб, котел, круп и мяса и чуть свет на следующее утро отправились обратно на Усиху. С Пугачевым были в это время: Ника, Сидор Кожевников, Василий Коновалов, Алексей и Кузьма Кочуровы и Сидор Васильев. Добравшись до реки Усихи, они разбили там палатку для Пугачева, а сами жили биваком под открытым небом, дней десять.

В это время приходили к Пугачеву с разных мест: одни для того, чтобы только посмотреть на проявившегося государя, а другие – чтобы посмотреть и, оставшись, послужить государю, увеличить толпу самозванца. На другой день после приезда на Усиху прибыл в стан Пугачева и Михайло Кожевников.

– Что, не приезжали ли к тебе какие люди? – спрашивал самозванец с любопытством.

– Нет, батюшка, никто не приезжал, – отвечал спрошенный.

Пугачев успокоился и был особенно доволен, когда ему сказали, что из городка приехал казак Иван Харчов и привез с собой полведра водки.

– Чадо, ты зачем сюда приехал? – спрашивал Пугачев Харчова.

– Мы слышали о вас, батюшка, что вы в здешних местах обретаетесь, так я приехал вас посмотреть.

– Смотрите, детушки, смотрите, я весь тут. Если вы меня сбережете, то и я вас сберегу и не оставлю.

– Если Бог допустит, то мы рады вашему величеству послужить.

Харчов предложил самозванцу привезенный им подарок, и все сели обедать. Началась попойка.

– Здравствуй я, надежа-государь! – провозгласил Пугачев, поднимая чарку.

Все выпили за здоровье государя и хотели пить за здоровье императрицы.

– Нет! – закричал Пугачев. – За здоровье ее не пейте, я не велю, а извольте кушать за здоровье Павла Петровича.

Казаки исполнили приказание, и Пугачев, подняв чарку, провозгласил: «Здравствуй, наследник и государь Павел Петрович!»

– Ох! Жаль мне Павла Петровича, – прибавил он, утирая как бы навернувшиеся на глаза слезы.

Казаки смотрели на самозванца с умилением и верили в искренность его родительских чувств.

После обеда и попойки, когда Пугачев лег и притворился спящим, Харчов отозвал в сторону Михайлу Кожевникова и спросил его, заметил ли он все приметы государя.

– Я никогда не видывал государя, – отвечал Кожевников, – так почем же мне знать его приметы?

– Я сам, брат, никогда его не видывал, но один старик, отставной казак, мне рассказывал, что государь имел приметы такие: на одном виске пятно от золотухи, переднего зуба нет, на лице есть черные пятнышки и когда рассмеется, то один глаз прищуривает.

Пугачев подслушал этот разговор и впоследствии, как увидим, воспользовался им в свою пользу.

– Если у государя были такие приметы, – заметил Кожевников, – то он очень походит на него.

– И мне кажется, – отвечал Харчов, – что приметами он схож.

Пугачеву не нужно было более притворяться, и он сделал вид, что проснулся. Харчов стал ему откланиваться.

– Смотри же, послужи мне, – говорил ему самозванец, – рассказывай надежным людям и выезжайте на плавню[293], а я к вам приеду с теми, которые ко мне соберутся.

– Хорошо, надежа-государь, буду о вас рассказывать.

Харчов уехал, и Пугачев остался с Михайлом Кожевниковым.

– Как же вы хотите явиться на плавне? – спрашивал по отъезде Харчова Михайло Кожевников. – Там будут атаман и казаки с послушной (старшинской) стороны, так, я думаю, вас принять не согласятся.

– Если они станут противиться, – отвечал Пугачев, – так мы всех их перевяжем и пойдем в городок.

– А они дадут знать, и комендант Симонов с регулярными войсками и старшинскими казаками не допустят вас до городка.

– Я сначала с ними обошлюсь: если примут – хорошо, а не примут – так пойду мимо и стану пробираться в Русь.

– Как это? С кем в Русь идти-то, ведь у вас немного людей будет.

– Нет, я думаю, ко мне много пристанет. Если-де людей будет мало, так я опять скроюсь; мне не надлежало еще теперь являться, да не мог я вытерпеть притеснения народного. Во всей России чернь, бедная, терпит великие обиды и разорения, для нее-то хочу я теперь показаться, и она вся ко мне пристанет. Сам я царствовать уже не желаю, а восстановлю на царство государя цесаревича и во всех местах поставлю новых судей, так как у нынешних усмотрена мной большая неправда[294].

Глава 11

Деятельность в Яицком городке. – Приготовление знамен. – Посылка депутатов на реку Усиху. – Необходимость в бумажном человеке. – Иван Почиталин, первый секретарь Пугачева. – Пребывание самозванца на Усихе открыто.

По возвращении в городок Шигаева и Караваева партия, посылавшая их на Таловый умет, деятельно работала в пользу Пугачева. Старый казак Василий Плотников пригласил к себе соседа, казака Якова Почиталина, чтобы переговорить с ним и посоветоваться.

– Что новенького? – спрашивал Почиталин.

– Вот что я тебе скажу, – отвечал Плотников. – У нас проявляется государь Петр Федорович.

– Как это он здесь обретается? Кто его видел и где?

– Он, говорят, приехал на Таловый умет из Казани, и сперва увидел его Григорий Закладнов, а потом ездили смотреть Денис Караваев и Максим Шигаев. Кажется, он точный царь, потому что показывал им царские свои знаки, а Караваев говорит, что видел у него герб на виске под волосами. Он (Пугачев) объявил Шигаеву и Караваеву, что пришел сюда на отеческую и нашу славу, просит Яицкое войско принять его к себе, проводить до Петербурга и возвести на царство по-прежнему, а за это обещает жаловать войско своими милостями, разобрать бывшие наши со старшинами тяжбы, за все наши обиды и притеснения вступиться, виноватых наказать, а нас наградить. Я присоветовал Караваеву и Шигаеву, когда они ехали к нему на Таловую, скрыть его, пока войско соберется в город, а когда соберется, то оно и решит:

принять его или не принять? По тому моему совету казаки Чика и Мясников взяли его на свои руки, и теперь не знаю, где он находится… Как ты думаешь, ладно ли я сделал?

– Это вы очень хорошо сделали, – отвечал Почиталин, – да и нельзя иначе, может, он и в самом деле государь, так как ему откажешь! Видишь, какие милости он нам обещал, а особливо по тяжебному нашему со старшинами делу. Мы и теперь вконец разорены, а не узнаешь еще, что впредь будет, и *сколько ни проси, видно, что всегда мы будем виноваты, а не старшины.*

– Я хотел с тобой посоветоваться, как ты думаешь: принять нам его или нет?

– Как же не принять-то! Надо принять.

– Конечно, нельзя отказать, – рассуждал Плотников, – может, он и подлинно государь. Хотя по восшествии на престол всемилостивейшей государыни и были публикованы указы о кончине государя, но по причине скорого объявления о его кончине в народе тогда происходили толки, что он жив…

– Да вот и в третьем году, – перебил Почиталин, – помнишь, когда генерал Фрейман к нам с войском вступил, базарная речь была, что в Царицыне проявился будто бы государь Петр Федорович, был там пойман, содержался в тюрьме и наконец из-под караула ушел.

– Конечно, – говорил Плотников, – если государь Петр III подлинно жив, так надобно же ему где-нибудь проявиться, а когда он к нам пожаловал, так чего лучше, пускай войско освидетельствует его, и если он, батюшка, подлинный, то с радостью его примет.

– Хуже же будет, – заметил на это Почиталин, – если он точный государь и мы ему откажем; он отшатнется от нас и проявится где-нибудь в другом месте.

Рассуждая так, казаки приводили на память все бывшие о смерти покойного государя слухи и

напоследок положили, что надобно сего проявившегося государя неотменно в войско принять[295].

– Когда так, – сказал Плотников, – то необходимо как можно скорее казакам нашим войсковым объявлять и их подговаривать, чтоб они усоветывались всем войском собраться куда-нибудь в одно место. А как войско соберется, так мы и представим его туда, и в его будет рассуждении, принять ли или не принять. Мы с тобой в Петербурге не бывали и государя не видывали, а в войске много таких, которые бывали в Петербурге и опознать государя могут. И уже некоторым говорил и все согласны на это, да и ты кое-кому рассказывай, только ради Бога берегись, чтоб из старшинской руки кто о том не проведал, а то тогда они нас тотчас же введут в сети.

– Без сомнения, старшины и их руки казаки, – заметил Почиталин, – не согласятся его принять по своей к нам ненависти, хотя бы и вся наша войсковая сторона его приняла.

Согласившись поступить таким образом, Почиталин и Плотников положили: «Как можно сего случая не упускать и девать, что надобно, общим старанием, не мешкавши, дабы таким промедлением не упустить из рук государя». Не был решен только вопрос, где собраться войску и каким способом объявить «проявившегося». Встретившись на улице с казаком Иваном Харчовым, Плотников спросил его, не слыхал ли он чего о государе.

– Я видел его, – ответил Харчов, – и мы положили явиться ему на плавню.

Мысль эта понравилась Плотникову, и он передал ее Почиталину.

– Харчов мне сказывал, – говорил Плотников, – что казаки полагают явиться государю на плавне. Впрочем, надобно было бы спросить об этом его самого, как ему

угодно: на плавне ли объявиться или прямо сюда в городок приехать.

– Правда, – отвечал Почиталин, – лучше бы всего на плавне, да только надо об этом подумать и рассудить. Когда мы его на плавне всем войском примем, так неужели он там на одном месте и стоять будет с нами до окончания нашей плавни? Плавня-то долго продолжается, а если он поведет нас куда, так плавню-то придется оставить, а через то лишимся мы своей прибыли.

– На одном месте стоять нельзя, и плавить рыбу нам уже будет не время, а пойдем мы с ним в городок. Да об этом не печалься, он наш убыток наградит деньгами, чего же лучше, так ли?

– Это хорошо, и слова об этом больше нет. А вот когда с плавни-то в город мы вступим, так московского нашего судью (коменданта, полковника Симонова) мы свяжем и отдадим в волю государеву, да и остальных всех противников отдадим в его же волю, пускай делает с ними что хочет.

Плотников не одобрил последних слов Почиталина и вообще был против зверства и насильственных мер. Как человек пожилой, пользовавшийся уважением среди казаков, Плотников был средоточием, куда стекались все новости, куда приходили казаки посоветоваться. Вскоре после приезда с Таловой Караваев несколько раз обращался к Плотникову с просьбой достать или приготовить знамена для самозванца.

Плотников, не зная, откуда их достать, отговаривался, но обстоятельства сложились так, что все-таки ему пришлось послать первые два знамени Пугачеву. Проходя по базару, Плотников встретился с казаком Дроздовым, и как уже слух о том, что государь требует знамен, распространился по городку, то Дроздов, увидя Плотникова, не находил ничего лучшего, как вверить ему свою тайну.

– Я слышал, Василий Якимыч, – говорил Дроздов, подходя к Плотникову, – что вам надобны знамена, так я их, если хотите, достану.

– Как, братец, не хотеть? Достань, пожалуйста, в них крайняя нужда, государь требует. А где же ты их достанешь?

– Есть у одного детины оставшиеся еще от того времени, как войско выходило против Фреймана[296]. Они остались тогда у него, но он, как человек молодой, боится и не знает, куда их девать. Так я их тебе принесу.

– Принеси, – отвечал Плотников.

Это были два огромных войсковых знамени; одно василькового цвета, а другое дымчатого. Не успел Плотников получить их, как к нему явился Сидор Кожевников и объявил, что государь просит «как можно постараться о знаменах».

– Да ты, что ли, повезешь их к нему? – спросил Плотников. – У меня есть два старых войсковых знамени, а на новые мы материи не сыскали.

– Хорошо, – отвечал Кожевников, – принеси их ко мне, пожалуй, я их отвезу.

Знамена были отвезены к Пугачеву, но ему показалось, что двух мало, и он, приказав каждое разрезать на две части, требовал, чтобы сшили еще несколько новых.

– Надобно было бы употребить на это деньги, общие войсковые, – говорил Плотников, – да где их и как теперь взять?

Видно, что самим надо истратиться, это со временем не пропадет.

– Ну что об этом болтать-то, – заметил Почиталин, – без чего нельзя обойтись, так надо сделать складчину: вот тебе моих два рубля, приложи своих, да еще с кого знаешь собери, а потом на эти деньги и купи что потребно.

Плотников собрал таким путем десять рублей[297] и на вопрос Почиталина, как он с ними распорядится, отвечал, что будет шить знамена.

– Кого же ты за покупкой пошлешь?

– Государь приказал купить голи разных цветов, – отвечал Плотников, – шелку, галуна да еще кое-какой мелочи. А пошлю я покупать свою невестку, для того, что ее дело женское, а буде послать из нас кого-нибудь, так пойдет дело в огласку и, увидя, станут говорить, на что такие вещи надобны, а к женщине никто не пристанет и привязки не сделает, будто на сарафан или на рукава себе покупает.

Невестка ходила на базар, но голи не нашла, и деньги остались у Плотникова.

Между тем с Усихиной россоши приехал Мясников, чтобы разузнать, что делается в городе. Придя в дом Почиталина и найдя там Плотникова, Мясников спрашивал их, что говорит народ.

– Иные соглашаются, – отвечали ему, – принять государя, а другие сумнительны.

Плотников и Почиталин советовали Мясникову съездить к государю и попросить его, чтоб он потихоньку пожаловал в городок, для того чтобы можно было показать его тем, которые сомневаются.

– Очень мне нужно, – отвечал Пугачев на предложение прискакавшего к нему Мясникова, – воровски к ним ездить, я лучше выеду на плавню, потому что тут все войско будет в сборе, и оттуда уже со славой вступлю в город.

С таким ответом Мясников возвратился в городок и объявил, что государь приказал прислать к нему от войска двух казаков, старичков или середовичей, но только надежных и хороших, и тогда он с ними посоветуется, как лучше сделать.

– Мне и Харчов, – заметил Плотников, – о таком его намерении сказывал…

– Так это он, в рот ему собаку, – перебил Мясников, – все дело наше испортил; мы всегда считали лучшим, если бы государь показался в городе и вывел из сомнения тех, кои худо верят. Однако кого же вы думаете посылать к государю?

– Да кого послать, мы и сами не знаем. Ведь это не шутка, надобно послать надежных людей: разве Андрей Овчинников и Данила Победимов согласятся к нему съездить?

Избранные лица согласились было ехать, но потом отказались: Победимов сказал, что у него нет лошади, а Овчинников отговаривался тем, что ему необходимо быть на свадьбе у казака Василия Сидоровкина. Отказ этот поставил Плотникова, Почиталина и Мясникова в затруднительное положение, из которого они были выведены пришедшим казаком Козьмой Фофановым.

– Я слышал от племянника своего, Андрея Овчинникова, – говорил вошедший, – что вы хотите послать от войска двух человек к проявившемуся государю и для того нарядили было Андрея, но он просил меня, чтоб я туда вместо его съездил, и если вы еще никого не послали, так пошлите меня, я с охотой туда поеду.

– Поезжай, Кузьма Иванович, – говорили обрадовавшиеся Плотников и Почиталин, – съезди ты к государю-то ото всего войска Яицкого, да и от нас изъяви ему поклон. Если он станет тебя о чем спрашивать, так из изъясни ему и расскажи хорошенько, а особливо о нашем житье, как мы теперь все разорены и обижены и что недавно наших войсковых старшин, сотников и казаков многих наказывали кнутом, ноздри рвали, в ссылку послали, а многих плетьми секли и в солдаты написали, вот какая наша крайность. Попроси ты его, чтоб он заступился за нас, сирот, и защитил, а мы, скажи ему, до последней капли крови верные ему слуги, охотно принимаем его в войско, лишь бы он нас

не покинул. Да спроси его, как он прикажет нам видеться с ним, где прикажет собраться и когда? Всего бы лучше просить его так: не можно ли, батюшка, вашему величеству явиться к нам в войско тогда, когда мы выедем на плавню; мы вас там всем войском примем с радостью.

Получив такую инструкцию, Фофанов подговорил ехать с ним Дмитрия Лысова (он же Сергеев), но так как в глазах Пугачева они могли быть *депутатами* от всего войска только в том случае, когда их приведет Мясников, то Лысов отправился к последнему с заявлением, что и он поедет.

– Что, брат, – спрашивал он Мясникова, – куда вы государя-то спровадили?

– Я ничего не знаю.

Мясников побоялся сказать Лысову, где находился Пугачев, потому что в бывшие беспорядки на Яике, в 1772 году, Лысов был одним из главных сообщников, но подобно Шигаеву остался без наказания, и казаки подозревали, что он передался на сторону старшин. Лысов был человек пронырливый, сметливый и чрезвычайно настойчивый. Он долго приставал к Мясникову, чтобы тот сказал, где государь.

– Ну, на что тебе? – спросил наконец Мясников, выведенный из терпения.

– Мне хочется его посмотреть.

– Провались ты от меня... Приезжай, если хочешь, завтра ко мне в Сластины зимовья[298] и дожидайся меня там.

Лысову только это и было надобно. На другой день он был уже в Сластиных зимовьях, куда поодиночке, чтоб отвлечь всякое подозрение, приехали Мясников и Фофанов. Отсюда все трое поехали на Усиху в стан Пугачева. При приближении их Чика, завидя издали трех всадников и полагая, что это *ертаулы*, то есть передовые объездных команд, выехал верхом навстречу

и стал *маячить пикой*, то есть показывать вид сопротивления. Лысов для шутки сделал то же самое, но Чика скоро узнал Мясникова, сделал на лошади круг, а затем такой же круг был сделан и Лысовым[299].

– Ну, рожа, насилу-то тебя принесло, – говорил Чика, обращаясь к Лысову.

– А почему мне знать-то, – отвечал он, – видишь, вы все секретничаете, а то я бы давно уже приехал.

Пугачев сидел у костра, разложенного под деревом, и, увидя Мясникова с двумя казаками, очень обрадовался, предполагая, что прибыли наконец представители от всего войска. Решившись принять их с почетом и с некоторой торжественностью, Пугачев, лишь только увидел, что казаки слезают с лошадей, тотчас же отправил к ним бывших при нем Василия Коновалова и Сидора Кожевникова.

– Подите, ребята, – сказал Пугачев, – примите от стариков лошадей.

Хотя Фофанов и Лысов были далеко не старики, но Коновалов и Кожевников исполнили приказание. Прибывшие подошли к самозванцу.

– Здравствуйте, други мои, войско Яицкое, – сказал он.

Лысов и Фофанов низко поклонились Пугачеву и поцеловали его руку.

– Зачем вы сюда приехали? – спросил самозванец.

– Мы приехали, – отвечал Фофанов, – для отдания вашему величеству поклона и для уверения, подлинно ли вы здесь.

– Благодарствую, что вы меня нашли. Я великий государь Петр Федорович, пришел к Яицкому войску с тем, чтобы вы меня приняли и возвели на царство по-прежнему, а я за вас вступлюсь. Слышал я, что вы, бедные, разорены.

– Подлинно, батюшка, – говорил Лысов, – мы все обижены, и заступиться за нас некому, не оставь нас.

– Извольте, други мои, я за вас вступлюсь, только вы послужите мне, великому государю, верой и правдой.

– Рады тебе, батюшка, служить до последней капли крови.

– Что слышно у вас обо мне в войске Яицком, хотят ли меня принять?

– Говорят, ваше величество, разно: иные верят, а иные не верят: ведь вы знаете народную речь; но когда же было, чтобы войско Яицкое вас не приняло, если вы вступите в городок.

– Я затем вас сюда призвал, чтобы вы повестили войску собраться ко мне сюда. Если бы собралось ко мне сот до пяти, так я бы вышел с ними на плавню и явился войску тогда, когда оно остановится на первом обеде[300].

– Вряд ли, ваше величество, будет у нас плавня; чуть ли не отказана будет.

– Ну, так что же, тогда я пойду с ними прямо в город со славой, будто бы с Донским войском, а не с Яицким.

– Хорошо, ваше величество, мы будем повещать об этом войско.

– Мне теперь, други мои, надобен письменный человек, так сыщите и пришлите его ко мне.

– Есть у нас такой на примете, – отвечал Фофанов, – пошлите за нами Мясникова, он вам его привезет.

– Ну хорошо, поезжай с ними, – говорил Пугачев, обращаясь к Мясникову, – и привези мне грамотея, а вы повещайте в войске надежным людям, чтобы скорее сюда ко мне выезжали… Вот у меня одежишка плоха, так привезите получше.

– Когда сыщем, то привезем, – отвечал Лысов, которому Зарубин (Чика) успел сообщить, что Пугачев не государь, а донской казак, но что его необходимо подержать для народной пользы.

Пока Фофанов и Лысов ездили к самозванцу, молва о появлении государя широко распространилась по

городку и достигла до старшин и их партии. Хоть они имели весьма смутное понятие о том, что делалось у войсковых казаков, и зорко следили за ними, но нескромность старшины Мартемьяна Бородина, как увидим ниже, ускорила развязку и дала возможность Пугачеву избежать преследований.

Проходя однажды по улице пьяный, Мартемьян Бородин увидел старика Плотникова, с которым у него были личные счеты, сидящего возле дома и разговаривающего с соседями.

– Что у вас за сборище, – говорил Бородин, привязываясь к Плотникову, – вы, конечно, снаряжаетесь царя встречать.

Плотников отвечал, что они ни о каком царе не знают, а говорят о предстоящей плавне, но Бородин стал его сначала ругать, а потом бить. Плотников заметил, что старшина бьет его напрасно.

– Я тебе дам напрасно, – кричал Бородин, – ты скажешь мне, кто брата твоего посылал в Петербург.

Бородин приказал казаку Антипову посадить Плотникова под караул, но последний успел скрыться в доме Якова Почиталина.

Поступок Бородина показал казакам войсковой стороны, что старшинская партия также проведала о появлении государя, и возбудил в них новое неудовольствие и ненависть к старшинам.

– Погодите, недолго вы будете над нами ломаться, – рассуждали Плотников и Почиталин, говоря про старшин, – может, забудете нас без вины обижать!

На другой день после этого происшествия Фофанов возвратился в городок и прямо отправился к Почиталину.

– Ну что, видел государя? – спрашивали его.

– Видел, он вам и всему войску кланяется и говорит, что совет ваш хорош, чтоб ему явиться на плавне; он неотменно положил приехать, когда войско остановится

на первом обеде. Вы тут его смотрите, он приедет с теми, которые теперь при нем находятся, а именно Чика, Василий Коновалов и Тимофей Мясников. Теперь же велел у вас попросить, чтобы прислали к нему, если можно, двух, а нет, так одного писаря для письма, да еще зипун хороший, чтобы было ему в чем явиться пред войском. Он сказывал, что у него ничего нет и что он весь тут в чем его видите, то есть зипун крестьянский и рубашка толстая.

Пока Почиталин рассуждал о том, кого бы из грамотных людей послать к Пугачеву, пришел к нему и Мясников.

– Чем далеко ходить да искать, – говорил Фофанов, – у тебя есть свой грамотей, сын Иванушка, так пошли ты его.

– И впрямь так, – подхватили Плотников и Мясников, – чего же лучше, благословись и посылай с Богом.

– Как его послать, – отвечал Яков Почиталин, – он человек еще молодой, небывалый при таких делах, где ему справиться.

– Вот пустяки какие, как не справится, ведь на нем государь строго взыскивать не будет, он знает, что сын твой в таких делах небывалый; он же человек молодой, так лучше и скорее понатореет, а за то, сам ты знаешь, будет человек и не будет оставлен.

Последние слова льстили самолюбию Почиталина-отца, и он решился отправить сына, «дав ему, – говорил он, – чистое свое родительское благословение, приказывая верно служить государю и все делать, что заставит, учиться к добру и привыкать к делам».

– Вот тебе бумажный человек, – сказал Яков Почиталин, обращаясь к Мясникову, – отвези его к государю; теперь, что ли, ты его с собой возьмешь?

– Пускай едет в Сластины зимовья, – отвечал Мясников, – и там меня дожидается.

Молодой Почиталин выехал из городка с Василием Плотниковым, опасавшимся преследований Бородина и решившимся также побывать у государя.

Вместе с сыном Почиталин послал зипун новый, зеленый с золотым позументом, бешмет подержанный, кушак шелковый хороший да шапку бархатную черную, с приказанием все это вручить государю с пожеланием, «чтоб он изволил носить оное на здравие».

– Смотри же, Иванушка, – говорил Почиталин сыну, – как придешь пред государя, то поклонись в землю, стань пред ним на колени, поцелуй ручку и называй его «ваше величество».

Съехавшись на Сластиных зимовьях, Плотников, Мясников и молодой Почиталин отправились на Усиху, где увидели, что для самозванца была разбита близ реки палатка и стан его увеличился прибытием нескольких новых лиц, в числе которых были и татары Идеркей Алметьев, известный под именем Идорки, сын его Болтай, Барын Мусаев, которого казаки называли Баранка, и Аманыч.

Мясников приказал своим спутникам слезть с лошадей и, введя их в палатку, представил самозванцу. Плотников и Почиталин стали на колени и поцеловали руку Пугачева.

– Вот, ваше царское величество, – сказал Мясников, указывая на Почиталина, – этот яицкий казак грамотный человек.

– Очень хорошо, – отвечал Пугачев, – будь при мне и пиши, что я велю.

– Ваше величество, я пишу худо, – отвечал робко Почиталин.

– Ничего, письма будет мало; ты человек еще молодой, выучишься; послужи мне верой и правдой, я тебя не оставлю.

Молодой Почиталин повиновался и передал Пугачеву зипун, бешмет, кушак и шапку.

– Кто это мне прислал? – спросил самозванец.

– Это мое, – отвечал Почиталин, – я сим вашему величеству кланяюсь.

– Благодарствую.

– Что обо мне в городе говорят? – спросил Пугачев, обращаясь к старику Плотникову.

– Происходят, надежа-государь, о вас многие толки, однако же многие соглашаются вас принять.

По окончании аудиенции Мясников, все время ездивший из города в стан самозванца и обратно, просил у Пугачева позволения отправиться опять в городок, чтобы сшить себе сапоги.

– А еще чеботарь, – говорил, шутя, самозванец, – а без сапогов; да полно, ездить ли тебе и не лучше ли здесь остаться?

– Я, ваше величество, только сошью сапоги и тотчас же вернусь к вам.

– Ну, как хочешь, поезжай себе.

Приехав домой, Тимофей Мясников нашел в слезах всех своих домашних.

– Что ты, проклятый, наделал, – напустилась на него мать, – ведь тебя ищут и вместо тебя взяли больного меньшего брата Гаврилу. Мы про тебя сказали, что ты с Иваном на зимовье.

Тимофей Мясников догадался тогда, что Пугачев открыт, что за ним будет погоня[301].

Скрывшись у казака Лукманова и узнав, что в городке находится Степан Кожевников, Мясников послал за ним дочь Лукманова, чтоб она позвала его к отцу. Кожевников отправился к Лукманову, и когда взошел на двор, то посланная, указав рукой на избную подволоку, направила туда Кожевникова.

– Поди туда, – сказала она, – там лежит Тимофей Мясников, он, а не отец меня к тебе посылал.

– Бога ради, – упрашивал Мясников, – поезжай, брат, скорее на Усиху уведомить государя и скажи, что

Мартемьян Бородин выступил в поход для поимки его. Смотри же, Степанушка, поспешай туда проворнее, не погуби всех нас, ведь и вам беда будет за то, что вы держали его у себя.

Степан Кожевников тотчас же оседлал лошадь и поскакал на Усиху предупредить государя и своих товарищей об угрожающей им опасности.

Глава 12

Меры, принятые полковником Симоновым к поимке Пугачева. – Арест Михаила Кожевникова. – Бегство самозванца с Усихи в Толкачевы хутора. – Прибытие на Усиху посланного от киргизского хана. – Пребывание Пугачева в Толкачевых хуторах. – Первый манифест самозванца.

С 9 сентября старшинская партия и комендант полковник Симонов знали, что около Яицкого городка «в степных местах» скрывается Пугачев и выдает себя за императора Петра III, но где именно он основал свое местопребывание, никак разузнать не могли. Болтливость пьяного казака Кочурова вывела их из затруднительного положения и навела на след.

Приехав первый раз с Усихи в Яицкий городок, Тимофей Мясников встретился с казаком Петром Кочуровым и, между прочим, сказал ему, что когда войско выйдет на плавню, то государь явится и объявит всем указ свой, и если атаман не согласится его принять и не послушает указа, то будет связан, а государь вступит в городок.

– Да ведь не один атаман, – заметил Кочуров, – а может быть, и казаки не согласятся его принять.

– Как его войску не принять, оно с радостью его примет. Он хочет пожаловать каждому по двенадцати рублей денежного жалованья да хлебного столько же и, сверх того, многие милости войску обещает, а тем, которые не склонятся на его сторону, обещает казнь. Надобно об этом поговорить с казаками и склонять их к нему. Расскажи-ка ты кое-кому, и я буду рассказывать.

Вскоре после этой встречи Кочуров, напившись пьян, отправился к своему крестному отцу, отставному казаку

Степану Кононову, пересказал ему все слова Мясникова и просил совета, как ему поступить в этом случае.

– Это дело важное, – отвечал Кононов, – надобно бы было донести об этом командирам.

– Да как донести, я и сам не знаю, подлинный ли он царь или другой какой человек. Я его не видал: как тут объявишь! Можно напрасно пострадать, потому что к этим словам сделают прицепку, а доказать мне будет нечем. Я слышал от Мясникова, что он на Усихе; место не дальнее, можно было бы съездить и посмотреть, какой он подлинно человек.

– Ты ведь в Петербурге не бывал и государя не видывал, так тебе скажут, что он подлинный государь, ты поверишь и пристанешь к нему, а потом как окажется, что какой-нибудь обманщик, то пропасть можешь. Будь он подлинный государь или неподлинный, а ехать туда все-таки незачем и признать нам его ни по чему не можно.

Приняв совет крестного отца, Петр Кочуров отменил намерение ехать на Усиху и пошел домой[302], а Кононов в тот же день донес полковнику Симонову, что близ Яицкого городка появился государь и находится на реке Усихе[303]. Симонов тотчас же отправил для поимки самозванца старшину Мартемьяна Бородина с казаками и поручика Иглина с несколькими пехотными солдатами. Дойдя до Наганского форпоста, Бородин и Иглин остановились и послали сотника Якова Витошнова на хутор Кожевникова, чтоб он там разведал, где находится самозванец. Не найдя на хуторе никого, кроме Михайлы Кожевникова, сотник Витошнов взял его и привез на Наганский форпост.

– Был у тебя сегодня Тимофей Мясников? – спросил Бородин.

– Нет, не был.

– Не слыхал ли ты об одном воре, который называет себя государем, и не знаешь ли, где он теперь

находится?

– Ничего знать не знаю, – отвечал Михайло Кожевников.

Бородин и Иглин отправились обратно в Яицкий городок, захватив с собой Михайлу Кожевникова, а в это время, окольными путями, скакал на хутор брат его Степан. Последний, узнав, что Михайло арестован, не хотел было ехать на Усиху, но старик Шаварновский заставил его дать знать об этом самозванцу и его сообщникам.

– Что ты вздумал, – говорил Шаварновский, – хочешь, что ли, погубить всех, скачи скорее.

Приехав на Усиху 15 сентября, Степан Кожевников нашел Пугачева уж одетым в платье, привезенное ему Почиталиным, и окруженного только девятью человеками[304].

– Меня прислал Мясников сказать вам, – объявил Кожевников, – что старшина Бородин выступил уже в поход и чтобы вы отсюда убирались.

Пугачев растерялся; он бегал и кричал: «Казаки, на кони!» Обитатели Усихи быстро оседлали лошадей, оставили на месте палатку, бывшие у них съестные припасы и, предводимые Зарубиным (Чикой), поскакали вниз по реке Усихе.

– Куда мы теперь поедем? – спрашивал Пугачев, предполагавший направиться в глубь степи.

– Почто, бачка, – говорил Идорка, – нам по степи ездить, поезжайте лучше вы в Бударинские зимовья, на хутор к Толкачевым, там людей наберете, а я пойду к татарским кибиткам, скажу о вас своей братии татарам, наберу себе людей, выеду с ними на дорогу и буду вас ожидать. Если вы пойдете в городок, так мы вас увидим и с вами вместе войдем; если же вы в городок не пойдете, то и мы останемся в своих кибитках.

Зарубин (Чика) и Иван Почиталин поддержали совет Идорки.

– Ехать более некуда, как на хутор Толкачевых, – сказали они. – Если там удастся собрать столько людей, что можно будет появиться у городка, так и думать нечего: поедем туда со славой. Когда же увидим, что не с чем, то скроемся на Узени.

– Сколько бы на хутор людей ни собралось, мало или много, – говорил Пугачев, – но непременно надо ехать в городок, и если удастся завладеть им, то всех противников наших непременно перевяжем. А если удачи не будет и нас мало будет, тогда бежать кто где спастись может.

– Я думаю, – продолжал Чика, – что когда мы подъедем к Яицкому городку, то многие к нам пристанут: ведь не захотят быть замучены, когда будет донесено, что были с нами согласны.

– Мне бы только набрать человек триста казаков, – заметил Пугачев, – так и довольно бы было; мы пошли бы тогда прямо в городок.

Итак, после совещаний Пугачев и его спутники отправились на хутор Толкачева[305], находившийся в 40 верстах от Усихи и в 100 верстах от Яицкого городка.

На месте бывшего стана остался один только старик Василий Плотников, для которого не было лошади. К нему, вскоре после отъезда Пугачева, приехал из Киргизских улусов посланный от Нуралы-хана. Кочуя в степи, всего в трех верстах от левого берега реки Яик, и узнав о появлении государя, Нуралы-хан, с целью убедиться в справедливости слухов и действительно ли появившийся есть истинный государь, отправил своего писаря, казанского татарина Забира, жившего прежде в Яицком городке и бежавшего в улусы при приближении к городку отряда генерала Фреймана. С Забиром были отправлены ханом, по восточному обычаю, в подарок Пугачеву: сабля, чакан (маленький топорик, оправленный серебром), бухарский шелковый халат и гнедая лошадь. Прибыв в аул Токай, находившийся в 25

верстах от реки Усихи, Забир просил яицкого казака (из туркмен) Уразгильда Аманова, бывавшего несколько раз у Пугачева, проводить его в стан самозванца. Прибыв на Усиху, они нашли там палатку, в которой жил Пугачев, пустой и расположились ночевать. Наутро они узнали от бродившего возле стана казака Василия Плотникова, что Пугачев и его спутники уехали вниз по реке Усихе. Едва только успели они оседлать лошадей, как в степи показалась команда, посланная из Яицкого городка в погоню за Пугачевым.

Доставленный Симонову казак Михайло Кожевников был подвергнут допросу, сначала отговаривался полным неведением, но под плетьми принужден был сказать правду. Допрос его записывали и дополняли часа четыре, а затем стали собирать команду. Назначив 30 человек казаков при двух сотниках и поручив их сержанту Долгополову, полковник Симонов отправил его на Усиху с приказанием захватить и привести в городок Пугачева и его сообщников. Долгополов с сотниками торопились исполнить приказание, но как до стана самозванца было далеко, то почти у половины казаков лошади пристали. Оставив их на дороге, Долгополов двинулся далее и видел, как Забир и Аманов ускакали в степь. В покинутом стане самозванца прибывшие нашли только казака Плотникова, который объявил, что самозванец еще накануне, со всеми бывшими при нем казаками, уехал вниз по реке Усихе.

– Много ли с самозванцем людей? – спрашивал Долгополов.

– Человек до ста будет, – отвечал Плотников.

Долгополову показалась цифра эта слишком преувеличенной, и он стал бить Плотникова плетью. Последний под ударами показывал, что у Пугачева только двенадцать человек казаков, а потом сказал, что при нем находится столько же татар.

– Изо всего видно, что их много, – говорил Долгополов сотникам, – и моей силы недостаточно, чтоб ударить на них.

Он решился остаться на месте и отправить нарочного к полковнику Симонову с просьбой прислать ему подкрепление, с которым он мог бы сделать поиск с полным успехом. Посланный с этой целью в Яицкий городок казак Тимин двое суток не возвращался. Долгополов стоял на Усихе в ожидании подкрепления, а Пугачев и его сообщники спокойно приводили в исполнение свое намерение[306].

– Мы едем на хутор к Толкачеву, чтобы собирать казаков, – говорил Пугачев, обращаясь к Чике (Зарубину) и Ивану Почиталину, – а у нас нет ничего письменного, чтобы мы могли объявить народу. Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенько.

Казаки одобрили мысль самозванца, и все остановились в поле; Почиталин слез с лошади и, расположившись на земле, принялся за работу. Никто не давал ему совета, и, пока составлялась желанная бумага, все стояли молча в отдалении. Кончив писать, Почиталин прочел вслух составленное им воззвание и заслужил всеобщее одобрение.

– Ты, брат Почиталин, горазд больно писать, – заметили казаки.

– Это манифест, – отвечал ободренный секретарь, – и вашему величеству необходимо подписать его.

– Нет, подпиши ты сам, а я до времени подписывать не буду. До самой Москвы мне подписывать невозможно, для того что не надобно мне казать свою руку, и есть в оном великая причина.

Почиталин подписал, и все тронулись в путь. Не доезжая до Толкачевых хуторов, Пугачев отправил вперед Почиталина с тем, чтоб он спросил Толкачевых, примут ли они гостей. Секретарь поскакал и скоро возвратился.

– Что, примут меня? – спросил Пугачев.

– Я только Петру Толкачеву объявил, – отвечал Почиталин, – что едет к вам на хутор государь, так примете ли его, на что он мне сказал: добро пожаловать, мы примем его с радостью.

Приехав около полуночи 15 сентября на хутор Михайлы Толкачева, самозванец и его спутники не застали дома хозяина, а нашли брата его Петра, которому Чика и объявил, что царь желает, чтобы к нему собрались все казаки, жившие в окрестностях.

– Поди же, Толкачев, – говорил Чика, – и скажи об этом своим соседям.

Петр Толкачев хоть и обещал исполнить просьбу, но Зарубин (Чика), не надеясь на его содействие, в ту же ночь отправил нескольких человек и пошел сам по хуторам созывать народ к дому Толкачева, причем всем говорил, что причина их призыва будет объявлена таким лицом, от которого зависит их благополучие.

К утру 16 сентября собралось человек 30–40, в числе которых были русские беглые, казаки и калмыки.

Те, которые пришли очень рано утром, успели пробраться в дом Толкачева и нашли Пугачева сидящим за столом, а возле него свиту, стоящую в отдалении.

– Опознайте меня, – говорил самозванец входящим, – и не думайте, что я умер. Вместо меня похоронили другого, а я одиннадцатый год странствую.

Пришедшие с любопытством смотрели на Пугачева и затем по приказанию Чики (Зарубина) и вместе с ним отправились на сборное место, где собирались казаки, не успевшие пробраться в хоромы Толкачева.

– Зачем ты нас созвал? – спрашивали собравшиеся Чику. – И кто с тобой незнакомый нам человек?

– Братцы, – отвечал Чика, – нам свет открылся, государь, третий император Петр Федорович с нами присутствует.

С удивлением слушали собравшиеся речь Чики и с почтением встретили Пугачева, вошедшего в средину толпы.

– Я ваш истинный государь, – говорил он, – послужите мне верой и правдой, и за то жалую вас рекой Яиком, с вершины до устья, жалую морями, травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом, порохом и всей вольностью. Я знаю, что вы всем обижены, что вас лишают привилегий и истребляют вашу вольность. Бог за мою прямую к нему старую веру вручает мне царство по-прежнему, и я намерен восстановить вашу вольность и дать вам благоденствие. Я вас не оставлю, и вы будете у меня первые люди.

Все присутствовавшие пали на колени.

– Рады тебе, батюшка, служить до последней капли крови, – слышались голоса. – Не только мы, но и отцы наши царей не видывали, а теперь Бог привел нам тебя, государя, видеть и мы все служить тебе готовы.

Пугачев приказал принести образ и привел всех к присяге, состоявшей в безмолвном целовании креста без Евангелия.

– Есть ли у вас, други мои, лошади? – спросил Пугачев.

– Есть, – отвечали собравшиеся.

– Ну, теперь, детушки, поезжайте по домам и разошлите от себя по форпостам нарочных с объявлением, что я здесь.

– Все исполним, батюшка, и пошлем как к казакам, так и к калмыкам.

– Завтра же рано, сев на кони, приезжайте все сюда ко мне. Кто не приедет, тот моих рук не минует.

– Власть твоя, что хочешь, то над нами и сделаешь…

Толпа разошлась, а на другой день собралась вновь и была усилена казаками, прибывшими с Кожехаровского и Бударинского форпостов. Таким образом, к утру 17 сентября свита Пугачева возросла до

80 человек вооруженных. Выйдя к собравшимся и обратившись к Ивану Почиталину, самозванец велел ему прочитать манифест или, лучше сказать, воззвание к Яицкому войску.

– Слушайте, детушки, – говорил Пугачев, – что будет читать вам Почиталин; будьте мне верны и усердны, а я вас буду жаловать.

Почиталин развернул бумагу и прочел следующее[307]:

«Самодержавного императора нашего, великого государя Петра Федоровича Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови деды и отцы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федаровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и источит ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших; будете мной, великим государем, жалованы казаки, калмыки и татары. И которые мне государю, императорскому величеству Петру Федаровичу, виновные были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рекой с вершин и до устья и землей, и травами и денежным жалованьям, и свинцом и порохом и хлебным провиянтом, я, великий государь император, жалую вас Петр Федаровичь. 1773 году сентября 17 числа».

Во все время, пока Почиталин читал, собравшиеся стояли с поднятыми кверху руками.

– Ну что, хорошо? – спросил самозванец по окончании чтения. – Все ли вы слышали?

– Хорошо, – отвечала толпа, – мы все слышали и служить тебе готовы. Поведи нас, государь, куда тебе угодно, мы вам поможем.

Пугачев приказал развернуть знамена, которых было приготовлено штук пять разных цветов с нашитыми на

них восьмиконечными крестами. Все знамена до сих пор тщательно скрывались и потому были измяты и без древков; казаки кое-как разгладили полотно знамен, прикрепили их к копьям и, сев на лошадей, двинулись по направлению к Яицкому городку. Впереди всех ехали знаменосцы[308], за ними Пугачев со своими близкими, а затем в некотором отдалении следовала приставшая к нему толпа. По всем близлежащим хуторам были разосланы гонцы собирать людей к государю...

Глава 13

Положение края. – Характер населения. – Число жителей. – Оборонительные средства края. – Неудовольствие башкирцев и всех вообще магометан. – Прокламация Батырши. – Восстание в Башкирии в 1755 году. – Усмирение восстания. – Надежды башкирцев на улучшение их положения в будущем.

Обстоятельства сложились так, что край, в котором развернулось впервые знамя восстания, представлял все данные для быстрого комплектования толпы мятежников и развития мятежа. Начавшись в пределах Яицкого (Уральского) войска, входившего в состав Оренбургской губернии, и распространяясь потом во все стороны, восстание охватило часть Астраханской и всю Казанскую губернию.

Все эти губернии, при значительности своего территориального пространства, имели весьма редкое население. *Казанская губерния* в административном отношении делилась на шесть провинций: 1) Казанскую[309]; 2) Свияжскую[310]; 3) Пензенскую[311]; 4) Симбирскую[312]; 5) Вятскую[313] и 6) Пермскую[314]. Во всех этих провинциях по переписи, произведенной в мае 1767 года, считалось 1 257 636 человек мужчин и 1 199 295 женщин. Сверх того, в разных местах губернии были поселены отставные солдаты в числе 7235 человек мужчин и 6602 женщины и, наконец, в северо-восточном углу губернии жили башкиры, численность которых определить весьма трудно, так как большая часть Башкирии находилась в пределах Оренбургской губернии и имела своего управителя, обязанного вести счет всему населению.

Оренбургскую губернию составляли: 1) *Оренбургский дистрикт (уезд),* к которому принадлежали: Илецкая крепость, Сакмарский городок, Зелаирская крепость, Яицкий казачий городок со всем Яицким (Уральским) казачьим войском и Бугульминская земская контора, с подчиненными ей слободами по Большой московской дороге; 2) *Уфимская провинция*, состоявшая из Башкирии и уездов: Бирского, Мензелинского, Осинского и Куртамышского; 3) *Исетская провинция*, в которую входили: часть Башкирии, Исетский, Шадринский и Окуневский уезды, и, наконец, 4) *Ставропольская провинция*, населенная по преимуществу калмыками. В южной части губернии кочевали киргиз-кайсаки и каракалпаки.

Население Оренбургской губернии было крайне разнообразно и состояло преимущественно из инородцев и кочевников, заводских крестьян, беглых помещичьих крестьян, искавших свободы, раскольников, скрывавшихся от преследования, и казаков, поселенных на окраинах и в разных пунктах внутри губернии, носивших общее название крепостных казаков, а в частности называвшихся по именам городов и крепостей, возле которых были поселены[315].

Разбросанные небольшими партиями, казаки эти несли почтовую повинность, содержали пикеты, охраняли города и так называемые оборонительные линии от набегов и грабежей кочевых племен. Почти вся пограничная черта Оренбургской губернии состояла из ряда крепостей, разделенных на восемь дистанций: 1) Самарскую[316]; 2) Сакмарскую[317]; 3) Нижне-Яицкую[318]; 4) Красногорскую[319]; 5) Орскую[320]; 6) Верхне-Яицкую[321]; 7) Верхне-Уйскую[322] и 8) Нижне-Уйскую[323].

Для защиты этих крепостей и вообще пограничной линии в Оренбургской губернии было прежде пять гарнизонных батальонов (3863 чел.) и три драгунских полка (2856 чел.) – всего 6719 человек. Бегство волгских

калмыков в Зюнгарию и умножение набегов киргизов показали правительству, что такого числа войск было недостаточно; что границу необходимо поставить «в такое безопасное состояние», чтобы хищные соседи нападать на нее «не отваживались». Военная коллегия считала необходимым укрепить по возможности большее число пограничных селений и на защиту их употребить войска «такого рода и такого вооружения, где какие по положению земли, по нужде и обстоятельствам иметь и с пользой употреблять можно». Главнейший недостаток был в подвижных отрядах, так как гарнизонные батальоны тронуться с места не могли, драгуны были разбросаны малыми частями по крепостям, пехоты было мало, а полевой артиллерии совсем не было. Ввиду этого Военная коллегия всеподданнейшим докладом от 2 августа 1771 года испрашивала разрешение прибавить в Оренбургскую губернию еще пять гарнизонных батальонов и сформировать три легкие полевые команды (6-ю, 7-ю и 8-ю), составленные из всех трех родов оружия: пехоты, кавалерии и артиллерии. Таким образом, для защиты Оренбургской губернии предназначалось 10 гарнизонных батальонов в 8040 человек и три легкие полевые команды в 1628 человека – всего 9663 человека. 31 августа 1771 года предположения Военной коллегии были утверждены императрицей, но к началу Пугачевского бунта части эти были едва только переформированы, но не обучены и не снабжены всем необходимым.

На всем пространстве Оренбургской губернии число русских, преимущественно заводских крестьян, не превышало 200 тысяч душ. Затем жили мещеряки, число которых по тогдашнему исчислению доходило до 15 517 душ; калмыки – 8696 душ, каракалпаки – 30 тысяч кибиток; мордва – 881 душа, черемисы – 1000 дворов, чуваши и вотяки – 500 дворов и башкирцы – 106 176 душ.

В юго-восточном углу губернии прикочевывали и откочевывали киргиз-кайсаки, приходили и селились в разных местах губернии бухарцы, хивинцы, ташкентцы, туркмены, арабы и персияне, но число их было незначительно[324].

Таким образом, большая часть Оренбургской губернии была населена заводскими крестьянами, инородцами магометанами и башкирцами.

Под именем Башкирии был известен в то время обширный край, который состоит ныне из губерний Оренбургской, Уфимской, половины Самарской и по уезду Вятской и Пермской губерний. Башкиры приняли русское подданство в 1553 году, по покорении царства Казанского. Зауральские башкиры находились под властью сибирских ханов; жившими по рекам Белой и Ику владели ханы казанские, а башкиры, жившие в горах, принадлежали ногайским ханам. В первые годы подданства России башкиры были народом самым смирным, покорным и безусловно исполнявшим все требования правительства. Они верно служили против шведов и поляков, против турок и крымцев. В инструкции, данной Кирилову, было сказано: «башкирцев отнюдь в работу не наряжать и тем их от охоты к службе не озлоблять, ибо-де они служат и служить имеют без жалованья на своих лошадях и с своим ружьём». Ежегодно, в летнее время, они наряжались на службу по одному человеку с 5 или 6 дворов и употреблялись для разъездов в крепостях, а на зиму отпускались по домам. В административном отношении они делились на четыре дороги, по которым были раскинуты их селения: на сибирскую, казанскую, осинскую и ногайскую. Башкирцы платили ясак (подать) лисицами и медом.

Для более удобного управления башкирцами и собирания с них дани в 1574 году был основан в центре их жилищ город Уфа и учрежден гарнизон. Башкирцы

первое время не протестовали против такого распоряжения, но, когда воевода Иван Ногай стал раздавать русским поселенцам земли в окрестностях Уфы, башкирцы стали выражать свое неудовольствие, видя в такой раздаче посягательство на их собственность. Правительство не обращало внимания на протесты, и спустя десять лет в Башкирии явились поселенцы: татары, мещеряки, черемисы и проч., которым за ясак раздавались башкирские земли. В Башкирию бежали также и русские люди: раскольники, крестьяне и прочий люд, недовольный существовавшими тогда порядками. Все они селились где хотели, но преимущественно группировались по сибирской дороге, в нынешнем Челябинском уезде.

Такой захват земель и вместе с тем стеснение кочевой жизни возбудили неудовольствие башкирцев. Вспыхнул бунт, и башкиры осадили Мензелинск. Восстание было подавлено, и виновные казнены, но народное неудовольствие не прекратилось.

В 1676 году старшина Сеит поднял вновь башкирцев, и восстание не могло быть усмирено в течение пяти лет; через семь лет башкирцы снова восстали, и желание отстоять свои права и возвратить потерянные земли не прекращалось. Из мирных и тихих башкирцы постепенно переходили в беспокойное и враждебное русскому правительству племя.

Поставленные над ними правители делали все, что могло усилить число недовольных: оскорбляли религию и семейные начала, посягали на их собственность. Богатый край и руды привлекли внимание русских людей, и с 1784 года начинается даровая раздача башкирских земель под горные заводы. Это распоряжение и вслед за тем заложение Оренбурга в 1735 году вызвало поголовное восстание башкирцев. Видя, что с заложением Оренбурга и с устройством пограничной линии по реке Яику (Уралу) их окружают со

всех сторон укреплениями, башкирцы поднялись против русского правительства и были усмирены только через шесть лет, в 1741 году. Усмирявшему их генерал-лейтенанту князю Урусову было повелено: «оных противников, на страх другим без всякой пощады предавать смерти и жилища их разорять до основания». Тех, которые будут пойманы, «по надлежащим расспросам, не держав долго, казнить смертью». За это время, кроме убитых на поле сражения, башкирцы лишились 28 190 человек казненных, запытанных, умерших в тюрьмах и розданных в рабство[325]. На их территории было разорено 396 селений, взято в казну 12 283 лошади, 6076 коров и овец и более 10 тысяч руб., полученных от продажи захваченного скота частным лицам[326].

Лучшим средством для успокоения башкирцев и вообще инородцев так называемого старого Казанского царства считалось распространение христианства между жителями, и в 1740 году был отправлен туда с этой целью знаменитый впоследствии архипастырь Дмитрий Сеченов. Как действовал этот проповедник, можно видеть из того, что, по его донесениям, в два года было обращено в христианство 17 362 человека, при весьма ограниченном числе священников. Эта цифра показывает, что башкирцы и прочие иноверцы принимали христианство не по убеждению, а из личных выгод или из опасения преследования. Так оно и было. По ходатайству Сеченова Сенат постановил, «чтобы принявшие крещение холопи и крестьяне иноверных землевладельцев, освобождались от крепостной зависимости, а если сами землевладельцы примут христианство, то получают по-старому своих холопей и крестьян; чтобы принявшие крещение освобождены были на три года от всех поборов, которые должны быть разложены на оставшихся в иноверии». Желая отделить крещеных от магометан, Сенат по представлению

Сеченова постановил: всех крещеных оставить в своих селениях, а иноверцев переселить в другие места – и прибавил, что все находящиеся под судом и в тюрьмах, если пожелают креститься, должны быть освобождены без всякого наказания. Население крестилось толпами, а те, которые не желали менять религии из-за личных выгод, были крайне недовольны распоряжением правительства. Некрещеные не желали платить за своих крещеных собратий, бежали в леса и оказывали сопротивление властям.

Ревнители магометанства и фанатики не могли перенести такого порядка вещей, не могли равнодушно смотреть на обращение в христианство своих собратий. Воспользовавшись тем, что православное духовенство заставляло часто башкир креститься силой, магометанские проповедники предсказывали в будущем погибель народа и советовали ему восстать в защиту религии. Они указывали башкирцам, что «российские архиереи, попы и другие насильством, нападками, лукавством и обманом по крайней возможности из магометанской веры в христианский закон обращают, написывая им прошения, якобы по их просьбе и желанию написаны, к которым и тамги [печати] прикладывают». Убеждаемые своими единоплеменниками, башкирцы, принявшие уже христианство, приходили к начальствующим лицам и просили позволения возвратиться в магометанство. В большинстве случаев просьбы их оставлялись без последствий, но иногда просители были преследуемы и подвергались наказанию. Число недовольных с каждым днем увеличивалось, тем более что в 1754 году последовало повеление с башкирцев ясака (подати) не брать, а взамен того обязать их покупать из казны соль, которую прежде они получали даром, из своих озер. Башкирцы заявили, что соль покупать они не желают, а будут брать как было издревле, «из казны Господа Бога

нашего». «И такие слова наши командиры не принимая, – показывал Батырша[327], – старшин некоторых бранили, а некоторых по щекам били, за бороду таскали, а иных в город забирали и всячески мучили; того и смотрят, не проговорится ли кто в чем и за то какую ни на есть на него вину наложить».

Зимой 1754 года был прислан из Оренбурга в Уфу генерал-майор Алексей Тевкелев, уговорить башкирцев покупать соль в городах и объявить им, что в противном случае они будут принуждены к тому силой.

– За противные ваши слова и поступки, – говорил Тевкелев, – бороды ваши уже щипаны, а далее в чем проговоритесь или в какую вину впадете, то и головы свои потеряете.

Башкирцы, послушавши совета Тевкелева, решились подчиниться до времени распоряжениям правительства и стали покупать соль. Но затаенная злоба кипела в народе, и спокойствие в крае продолжалось недолго. Поводов к восстанию было много, и к вопросу религиозному примешивались беспорядки в администрации. Обиженные не получали удовлетворения: «Которое дело можно было в один день окончить – месяц таскали; которое в месяц кончить было можно, ради взяток, год продолжали». Без взяток нельзя было начинать дело; пьяные командиры «людей саблями рубили и руки отрубали. Бедный народ никакой себе подпоры и надежды не имеет и суда просить способа не находит».

Среди такого положения народа в Башкирии распространился слух, что население ногайской и сибирской дорог готовит лошадей и исправляет оружие. Услышав об этом, мещеряк мулла Абдула Мягзалдин (он же Батырша) отправился в Исетскую провинцию в деревню старшины Муселима, в которой «напредь сего при науках был». Получивши образование в Каннской волости в деревне муллы Илына и потом продолжая

заниматься изучением основ магометанской религии, Батырша считался одним из ученейших мулл в Башкирии. Живя в разных деревнях, он обучал детей, совершал богослужение и поучал своих соотечественников, «дабы они повелению Божескому повиновались и исполняли его, ибо нас из небытия в бытие сотворил; также и законоведца нашего пророка заповеди содержали и учеников его завещаниям послушны были». Проповеди Батырши доставили ему известность, и большинство мулл, не решаясь вступать с ним в спор, благоговели перед его ученостью.

Прибытие Батырши в Муселимову деревню было событием, и башкирцы толпами стекались, чтобы посмотреть на проповедника. Муселим устроил угощение и праздник для многочисленных гостей. Народ и муллы стали перед Батыршей на колени «и кому что потребно было от божественного писания спрашивали, и я бедный, – говорил Батырша[328], – по своей науке сколько знаю ответствие чинил, чем они довольны явились».

По окончании поучения подали кумыс, и компания развеселилась. На сцену явились политические и общественные вопросы. Полупьяные гости вспоминали обиды и притеснения начальства и говорили, что, кроме Бога, ни на кого надежды не имеют.

– Соль брать из своих озер и зверей бить нам запрещено, – говорили башкирцы. – Русские свойственников наших, от веры отвратя крестили, наши дома разорили. От командиров и генералов никакой милости нам нет, и неизреченные тягости и затруднения при нынешней государыне воспоследовали, и более терпеть уже невозможно.

– Бывает ли хуже того, – спрашивали собравшиеся друг друга, – когда людей в «сущую веру» верующих в неверующую веру обращают? Что бы было, если бы наши

мусульмане нескольких российских людей силой в закон свой обратили и церкви их разорили?

– Когда подданных рабов утесняют, – говорили башкирцы, – никакого добра быть не может. Когда государынина милость до рабов не ровна, и злодеи по винам их штрафованы не будут, а иноверным рабам милостивого призрения не будет, то впредь ожидать нам нечего и таким худым поступкам когда-нибудь конец да будет.

– Нападки и утеснения, – говорили более благоразумные и старики, – не от государыни, а от командиров и генералов чинятся. Видите вы, что сей диавол и зломысленный генерал [Неплюев], желая государыни прибыль чинить, в милость прийти и великий чин себе получить, под командой своей находящихся всякими мерами отягощает, не склонных [принять христианство] склонными пишет и по принуждению тамги прикладывать велит. О нашем народе он государыню в худое размышление приводит и своей глупостью на государыню злое имя налагает. Он воров правыми делает, правых – ворами, нежелающих – желающими и так государыне доносит.

– Мы государыни не злословим, – говорили собеседники, – и со стороны государыни нашей ни о каком озлоблении к нам не слыхано. Она правосудна, но правосудие от нее не отошло и к нам не пришло.

– Нашим людям ногайской дороги всех труднее, ибо генерал и мурза (А. Тевкелев) вблизи Оренбурга находящихся башкирцев мучили, все лето заставляя возить на свои дачи бревна, дрань и лубье.

Башкирцы думали, как бы им избавиться от притеснений и довести о них до сведения государыни, и решили, что одно только восстание может обратить на них внимание правительства[329].

– Станем и мы веру их ругать, – говорили они, – в свою обращать и имения их грабить. Слух об этом и о

причине дел наших дойдет до государыни, и тогда рассмотрение с правосудием учинено будет.

Наслышавшись таких речей, Батырша отправился в деревню Салчугут, куда на свидание с ним съехалось также от 60 до 70 человек. Здесь он увидел тоже всеобщее недовольство и потому, возвратившись домой, стал думать, как бы вывести народ из такого положения и довести до сведения государыни об истинном положении дел. Отправить депутацию в Петербург считалось делом невозможным: надо было истратить много денег и достать паспорты, которых начальство не даст. Пример тому был перед глазами: когда на мещеряков было наложено по 25 коп. дани, то они хотели ехать просить государыню сложить с них этот налог. Выбранные ими депутаты были переловлены и наказаны, а все мещеряки оставлены в подозрении, как люди бунтующие. То же самое было бы и с башкирцами.

Сознавая это и не зная, еще как помочь горю, Батырша, по его словам, начал с того, что перестал поучать народ повиноваться властям, хотя и не проповедовал открытого восстания. Между тем приезжавшие к нему с разных концов Башкирии для разъяснения религиозных вопросов и споров по разделу имения привозили известия, что население настолько возбуждено, что готовит оружие. Однажды приехал к нему из-под Оренбурга каргалинский мулла Абдюсет, который также заявил, что и у них башкирцы готовят оружие.

– Какие у вас еще вести есть? – спросил его Батырша.

– Ехавши из Оренбурга, – отвечал мулла, – по казанской дороге спрашивал мещеряков, в каком состоянии находятся, и на то отвечали они мне, что которая сторона сильнее будет, той и держаться будем.

– А старшины ваши в каком состоянии находятся, знаешь ли?

– О состоянии и мнении народном не знаю, только от своей деревни людей слышал, что старшина Сулейман говорил: ежели к лесу и степям находящиеся народы соединясь восстанут, то нам с ними не соединиться невозможно будет.

– Сам не говори ни о чем, – просил Батырша муллу, – других людей разговоры со вниманием слушай, и какое известие услышишь, с крайней поспешностью мне объяви.

Отпустив домой муллу, Батырша поехал опять к старшине Муселиму.

– День за день добро ли умножается или зло? – спрашивал Батырша старшину.

– О чем ты спрашиваешь, – отвечал Муселим, – самому тебе известно, что от мучения неверных затылок у меня переломился; чтобы Бог и у них затылок изломал и упование их пресек. Из команды моей и из деревни Салчугут многих людей с женами и детьми коварством и страхом от закона отвратили и разорили. Я состарился и силу мою истратил, служа повелениям государевым; исполняя указы, единоверных моих кровь пролил и живота лишил, а напоследок, со стороны неверных, нападки не только не прекращены, но умножились.

«Потом, – показывал Батырша, – того же лета, в осеннее время и зимой со всех сторон приезжие, отъезжие и мимоезжие некоторые люди, ради свидания, ко мне приходили; и таким образом у приходящих ко мне людей у каждого спрашивал, и они говорили, что все готовы, и в будущее лето, когда зеленая трава будет, накормя лошадей, на кони сесть намерены; также, что между мещеряков слух носится, что когда окольные башкирцы на коней сядут, то и они готовы будут».

Будучи в селении Орта, Оранской волости, Батырша слышал, что жители учатся стрелять, что они приобрели большую опытность в стрельбе из лука и умеют бегать

на лыжах так шибко, что самая легкая лошадь догнать их не может.

– Наши так мужественны, – рассказывали Батырше, – что когда в прошлых годах в Гаинскую волость приходило до тысячи человек русского войска, и телегами окружась, яко в крепости стояло, то наших четыреста человек гаинцев стрелами и копьями крепость эту взяли, всех русских побили и пушками их овладели.

Рассказчики уверяли, что в будущее лето без сражения с русскими не обойдется. В марте 1755 года к Батырше приехал с ногайской дороги, из Кинчатской волости, посланный с письмом, в котором предлагалось, «чтобы люди по должности своего закона о возвышении веры душой и имением старание прилагали и ради закона Божия разжигались и дрались, и тем закон свой исполняли и повеления пророка». В письме прибавлялось, что все знатные люди о том старание имеют.

– Не видно, кем писано письмо, – заметил Батырша посланному, – кто дал тебе его?

– Мулла наш с писарем два раза в Оренбург ездили, – отвечал посланный, – и по приезде сие письмо дали для передачи вам, но не объявили мне, от кого оно писано, только сказали, что по прочтении он скоро сам спознать может.

Батырша не мог, однако же, догадаться и видел только, что оно написано кем-то из ученых людей. Письмо это произвело на него большое впечатление, и, мечтая давно быть в числе избавителей народа от притеснений, Батырша решился стать во главе народного движения. Он написал воззвание, в котором подробно изложил все притеснения, которые несут магометане, и укорял тех, которые, отступив от веры отцов, приняли христианство и стали сторонниками

русских. Сожалея о таком раздвоении нации, Батырша предсказывал погибель башкирскому народу.

«Какое благо, – спрашивал он в своем воззвании[330], – и какой плод может быть в том народе, который между собой не имеет союза, но гибели своей сам причиной? Какой покой и какое благоденствие тот народ получит, который пребывает между неверными жилищами и имеет поставленных над собой нечестивых старшин, верность являющих неверным, и оставя своих законных правоверных судей и ученых людей, требует суда от тех нечестивцев?..

Всем вам верным, исповедующим единого Бога, советую от вышеописанных дел и непотребных действ отстать, т. е. с неверными россиянами в согласии не быть, правоверных не разорять и кровь их не проливать, имения не грабить и самих в плен и слуги не имать. Неверным россиянам головами вашими во всякой службе, т. е. *лопатничей работе* не быть и им, неверным, городов не строить, их от жила до жила и от города до города на подводах ваших не возить, ясака и фуража не давать и на землях и водах, искони дедами и отцами вашими владеемых, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать и в других службах им не находиться; к поднятию руки им, неверным, способа не давать и правоверный народ от бесчисленных обид и налогов защищать; правой вере нашей день от дня померцать и хулить не допускать. А о прежнем своем в том прегрешении принесите ваше покаяние и тем испросите оставление [грехов] и возымейте надежду на истинного великого Бога, который щедр и милостив, и может нам, правоверным, во славу и возвышение веры нашей, изрядных над нами духовных опекунов определить, а имеющихся у нас, поставленных от неверных, нечестивых старшин, из среды нас извергнуть и нам благословение, благодать, помощь и силу дать и день от дня правую нашу веру укрепить.

Вы, други мои верные, чистую веру к Богу имеющие, старайтесь, старайтесь и старайтесь; военных лошадей и оружие приготовляйте; сабли, копья, луки, стрелы и всякие к тому принадлежности, по возможности своей, припасайте и Божию повелению повинуйтеся.

Попрося помощи и положа на него надежду нашу и упование, и представя ему ходатая, избранного пророка Магомета, оных неверных россиян разорять начнемте и их из земли своей изженем и сгубимте. В жилищах своих мечети и училища построим и к укреплению правой нашей веры попечемся, ибо в Казанской губернии из бедных наших [магометан] Казанского, Симбирского и Свияжского уездов 5000 или более человек от насилия и обид их, неверных, веру восприяли, токмо из них некоторые оную притворно имеют, а сердцем нашу веру держат. Они ждут, когда правоверные над ними, неверными, руку подымут, тогда и они, за ту же нашу правду головы положить и души испустить не оставят».

Стараясь доказать, что цель русских состоит в том, чтобы уничтожить магометанство, построить города и крепости на землях башкирцев и киргиз-кайсаков, Батырша уверял своих единоплеменников, что для более легкого достижения цели русское правительство будет стараться произвести междоусобную вражду башкирцев с киргизами. Прося не вдаваться в обман, Батырша уговаривал не жалеть жизни и имущества для защиты религии и родины.

«Вы, верующие, – писал он, – не страшитесь, что нас, правоверных, мало, а их, россиян, много и что мы против их восстать не можем. Извольте знать и ведать, что я, Абдулла-Мягзалдин, всех четырех дорог народа правоверного состояние и тайность разведал и познал; с некоторыми попечительными учеными, смышленными и подлыми людьми [простым народом] советовал, и, условясь, срок предположили, чтоб в сем 1755 году после праздника и разговенья нашего, т. е. июля 1-го

числа, восстать, и последуя стезям пророка нашего, повинуясь повелению Божию, устроя себя в военном оружии, их, неверных россиян, разорить во славу Бога и возлюбленного его пророка приступимте, ибо во все стороны письма и вести от нас разосланы, чтобы к вышеупомянутому назначенному дню изготовились и выезжали».

Башкирцы стали готовиться к восстанию, причем у многих являлся вопрос: кто будет руководить этим движением? Люди более опытные сознавали, что для успеха дела необходимо избрать одного общего начальника, уполномочить его и повиноваться ему. Они обращались за советом к Батырше, спрашивали его мнения.

«Ваше высокое попечение слыша, весьма радуемся, – говорилось в одном письме[331]. – Даруй истинный Боже, чтобы ваше попечение и старание по согласию с успехом произошло. С ними, проклятыми неверными, давно брань чинить надобно было, ибо они обещание свое нарушили и по причине того нас, правоверных, по-прежнему в благополучии не содержали, а мы от них к избавлению, аще Бог восхочет, помощь получим.

В 1168 году [1755] российской государыни от правителей духовных прислан таков указ, чтобы весь наш народ от правоверия извергнуть, башкирцев, мещеряков и прочие народы к заводским работам приписать, да прочие кроме сих материй, слышанные многие речи есть…

Только над нами, правоверными, надобен властитель таков, который бы был пополнен законным искусством, а ежели такого не будет, то как народы в послушание приведем? Ибо некоторые нечестивые, препятствуя сему, могут им, неверным, разгласить, а некоторые восхотят и мир учинить, и тако то дело рассеется. Посему надо в собрании присягу дать, да и к властителю тому войска тысяч до двенадцати и более припасать и

тех являющихся нам противников и им, неверным, разгласителей прижать; самим идти и находиться в страшных [крепких?] местах, к чему вскорости и собираться в надобные места надлежит, дабы не быть в таком же состоянии, в каком в минувших годах были, ибо в минувших годах некоторые примирились, а некоторые и не мирились. Однако же они [русские] примирившихся купно и с не примирившимися погубили и для того с ними, неверными, в миру [в согласии] пользы получить не можно, а надобно с ними, аще Бог восхочет, до воскресения мертвых брань иметь».

Опасаясь несогласий и зная, что не только среди магометанского населения края, но и среди самих башкирцев есть лица, преданные русскому правительству и не разделяющие мысли о необходимости и пользе восстания, Батырша советовал приезжавшим к нему отложить срок, им же самим назначенный, и не начинать неприязненных действий до его уведомления.

– Пока потерпите, – говорил он, – я поеду в Оренбург, наведаюсь о тамошних поведениях и тогда сношения с вами возымей.

По дороге в Оренбург Батырша узнал, что башкирцы ногайской дороги не послушали его советов, убили всех присланных от Кабинета для отыскания глины на фарфоровый завод и восстали против русских властей. Встретив двух башкирцев Бурзенской волости, Батырша расспрашивал их о подробностях восстания.

– У нас, – говорил он, – такой слух есть, что ваш бурзенский народ весь разбежался, а вы как остались?

– Воры разбежались, а мы остались, – отвечали башкирцы.

– Ворами вы называете тех, которые, вас обокрав, бежали?

– Нет, они ничего не крали, но, ослушавшись повелений государыни, бежали.

– От какого государева повеления бежали? – спрашивал Батырша.

– Заводские командиры имение наше разграбили и над землями и водами, которыми мы владели, власть нашу отняли, жен и дочерей при глазах наших насиловали. Не стерпев таких мучительств, наши убили командира с товарищами и бежали.

Батырша укорял собеседников за то, что они называют таких людей ворами.

– Разве было, – спрашивал он, – повеление государево насиловать жен? Бороды ваши поседели, а умом вы слабы и в словах ваших непристойны.

– Приятель наш мулла, – отвечали они, – с тобой говорить опасение имели, но теперь познали, что в тебе есть рассуждение и от тебя таить непристойно. Неоднократно народ наш о нападках того завода командира с жалобой к дьяволу мурзе (генерал-майору Тевкелеву) и генералу (Неплюеву) ездили, но никакой пользы не получили. И какую можем получить от них пользу, когда они всех живущих возле Оренбурга людей на своих работах замучили. Таким образом оставя, подобно раю, хорошие земли и воды, отцов и дедов наших, народ, испугавшись, принужден был бежать.

– Оставшиеся люди ваши в каком ныне рассуждении находятся?

– Господь знает! Ежели народ восстанет, то и мы к нему пристанем, а если не восстанет, то все-таки нам не восстать невозможно будет, потому что друг на друга говорить станут и через то многие пойманы и истреблены будут.

В Оренбурге Батырша виделся с ахуном Ибраимом, который также выражал печаль о притеснениях, делаемых мусульманам.

Настроенный таким образом, Батырша возвратился домой, и скоро к нему явились депутаты из Кайлинской волости Казанской дороги с просьбой о помощи.

– Некоторые люди приказали вас просить, – говорили они, – ради усиления прислать нам мещеряков.

– Возвратитесь домой, – отвечал Батырша, – и будьте готовы; несколько людей пришлем.

Разослав посланных по мещерякским деревням, Батырша призывал к себе от каждой по представителю.

– Вы призваны затем, – говорил он, – чтобы, сев на хороших лошадей, ехали в Кайлинскую волость, повидались там с муллой, а затем, собрав народ и посадя его на кони, с собой привели. Соединясь со всеми мусульманами и уповая на Бога, на неверных, которые наших мусульман притесняли, нападение учините и веру нашу возвысить постарайтесь.

– За веру нашу, – отвечали собравшиеся, – души полагать будем и, домой возвратившись, к тому приготовляться станем.

Восстание быстро распространилось по всей Башкирии, и вооруженные шайки напали одновременно на несколько крепостей и заводов. Грабя и разоряя все русское, башкирцы страшно свирепствовали: они резали на куски тело каждого несчастного, попавшегося в их руки. Окружив близ Зелаирской крепости отряд капитана Шкапского, башкирцы уничтожили его до одного человека так, что когда пришла помощь, то на поле сражения было найдено только несколько раненых лошадей, тела убитых и зверски замученных людей.

Оренбургский губернатор Неплюев был поставлен в крайне затруднительное положение: войск, свободных для действий, у него не было, и первое время он принужден был ограничиться обороной. В Оренбургской губернии было тогда лишь несколько гарнизонных и ландмилицких полков, разбросанных по 42 крепостям и такого же числа редутам, составлявшим пограничную оборонительную линию от Каспийского моря и до Сибири, на протяжении 1800 верст. Предыдущие волнения принудили губернатора поставить часть войск

на частные заводы, для их охранения, и теперь тронуть эти войска не представлялось никакой возможности.

Будучи в таком положении, Неплюев приказал выслать немедленно с Яика 1500 казаков, собрал 650 крещеных калмыков и 450 оренбургских казаков. «Калмыки же некрещеные, как Правительствующему сенату известно, – доносил он[332], – такого состояния, что ежели их в самую Башкирь ввесть, то уже и к не поколебавшимся от продерзостей невозможно будет их удержать. Итак, неудобно их инаково употреблять, как токмо в таком случае, когда б которых людей без разбору искоренять или бы против какой отдельной бунтовщичей партии действовать».

Присоединив кавалерию к трем полкам, собранным из внутренних крепостей, Неплюев сформировал несколько отрядов и отправил их на усмирение башкирцев с приказанием не щадить ни людей, ни жилищ их, для внушения страха и уничтожения восстания в самом его начале. Полкам Азовскому и Астраханскому драгунским губернатор приказал подвинуться к Мензелинску, а мещерякским старшинам с их подвластными идти внутрь Башкирии и усмирять восставших[333].

Узнав об этом, Батырша хотел склонить на свою сторону влиятельного мещерякского старшину Яныша, но долго опасался вступить с ним в разговор. Яныш был не расположен к Батырше за то, что последний был выбран ахуном помимо желания старшины. Человек дурной нравственности, Яныш, по показанию Батырши, «никогда Богу не наливался; каждый год с своими сотниками не по очереди людей в поход писал, которые должны были откупаться; вора не судил, истца мириться принуждал; где б ни увидал красивую женщину, насильством блуд чинил; бил людей, которые не хотели идти к нему на суд, а требовали суда ахунов и мулл, судящих по книгам; если кого надобно было отослать к

муллам, то приказывал последним решать дело так, как ему хотелось». Такому человеку проповедь Батырши была непригодна, и лишь только Яныш получил приказание Неплюева двинуться против башкирцев, он стал собираться в поход. Попытки Батырши отклонить его от действия против единоверцев оказались тщетными.

– Самим вам известно, – говорил Батырша, – что от злых россиян мусульмане разными бедствиями отягчены и в вере, и в светском житии. Несчастный народ как птицы, испугавшись кречета, отлететь изготовились. Сожалея тех бедных мусульман, не имеешь ли чего к пользе веры посоветовать, чтобы неверным ответ дать и их от злых нападков отвратить?

– Все знаю, – отвечал Яныш, – нападки день ото дня умножаются: до сих пор даром или за малые деньги можно было доставать деготь, который для выделки кож употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велели из городов рыбий жир брать и вместо двух рублей двадцать издерживаем. Слух носится, что из правоверных держав должно прибыть войско: тогда и сделаем дело.

– От кого слышал?

– Говорили, – отвечал Яныш. – Ежели Бог оное упование наше исполнит, то что ни есть учиним. Токмо ежели со здешними малыми мусульманами восстать, то, подобным песку, множеству неверных войск отпор дать не можем. Все тягости на нас (мещеряков) лягут; башкирцам же ничего не будет, ибо они тотчас с женами и дочерьми, взяв с собой на год провизии, сядут на лошадей и как ветер перелетят.

– Ежели около нас находящиеся, – продолжал Батырша, – степные и к лесам живущие башкирцы за веру восстанут, то одни мы, мещеряки, хотя и останемся, но из жилища нашего выйти способа не сыщем и драться с многолюдными мусульманами не

можем и кровь проливать за справедливость в книгах наших регула не сыщем.

– Если мусульмане усилятся и других стран войска прибудут, то мы соединимся с ними; а теперь какая нужда, лучше подождать.

Батырша укорял Яныша в неверии и назвал его лисицей, виляющей хвостом.

– Когда притеснения чинятся, – говорил он, – то потребно нам, сходственно с единоверцами, прилагать старание к возвышению веры нашей.

– Наставления твои, – отвечал Яныш, – по справедливости непротивны, и никакого сомнения в них нет как с книгами, так и с разумом, но у старых людей есть пословица, которая с книгами несходна. Я тебе говорю, потерпи потому, что по тем твоим наставлениям в дело вступить нам еще рано; безвременное дело непристойно бывает. Ты своих речей народу не разглашай, ибо народ, что мухи, в которую сторону ветер подует, туда и летят.

Батырша не утерпел; он продолжал рассылать свои воззвания, и в Оренбурге скоро узнали, что он главный агитатор восстания. Неплюев обещал выдать тысячу рублей тому, кто доставит Батыршу живого, и, зная, что башкирцы возлагают большую надежду на помощь киргизов, он сам составил и отправил к ним листы от имени оренбургского ахуна, уважаемого киргизами. В разосланных листах говорилось, что хотя защита магометанства весьма похвальна и пишущий радуется подвигу своих единоверцев, но как башкирцы народ вероломный, то весьма опасно, чтобы, получивши помощь от киргизов, они не обратились потом на них. «Таковые листы, – пишет Неплюев[334], – посланный мной иногда нарочно обронивал, а иногда по дружбе и отдавал в руки, и хотя сие средство, употребленное мной, в старшинах и хане и имело желаемое действие, но вообще в народе не произвело успеха; ибо тот

киргизский народ, будучи кочевой и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внимал никаким увещаниям, а пользовался сим случаем, чтоб наживаться». К башкирцам было также отправлено воззвание с требованием прекратить бунт, и послано письмо того же духовного лица. В письме этом говорилось, что Батырша прельститель и нарушитель их покоя; что религиозное восстание без согласия всего духовенства противно Корану и что потому всех восставших ожидает одна гибель. Многие последовали этому совету, и среди народа произошло разногласие, доходившее до споров, вражды и даже неприязненных действий. В таком положении башкирцы не могли противиться регулярным войскам и огромными толпами бежали за реку Яик (Урал) к киргизам. Они переправлялись через реку, где только было возможно: у Магнитной, Кизильской и Зелаирской крепостей. Высланные команды перехватывали их на переправах, но башкирцы, кидая жен, детей, раненых и убитых, уходили в глубь киргизских степей. В несколько дней их ушло до 50 тысяч душ. Неплюев требовал, чтобы киргизы выдали бежавших мужского пола, а жен, дочерей и все имение бежавших взяли бы себе. Киргизы воспользовались таким разрешением, и между двумя племенами произошло кровавое столкновение; обе стороны потеряли много убитых, и часть башкирцев стала возвращаться в свои жилища. Их велено было пропускать без затруднения, чтобы, возвратившись домой, могли рассказать, какую надежду можно возлагать на киргизов. Обиженные башкирцы прислали депутатов к Неплюеву с заявлением покорности и с просьбой дозволить им отомстить киргизам. Оренбургский губернатор не изъявил на то своего согласия, но переводчики, по указанию самого Неплюева, внушили депутатам, что губернатору нельзя согласиться, а если они разобьют киргизов, то

губернатор не будет их за то преследовать. Башкиры переправились через Яик (Урал) и стали опустошать киргизские аулы. Такой поступок, по мнению Неплюева, положил «такую вражду между теми мятежными пародами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»[335].

Не все, однако же, башкирцы ушли от киргизов, и многие из них, не возвращаясь домой, разбойничали вместе с киргизами. Неплюев отправил к ним воззвание, в котором требовал возвращения в домы и обещал полное прощение, но башкирцы не возвращались. Тогда последовал манифест, по которому был положен срок для возвращения в жилища: тем, которые хищничают в Башкирии, – два месяца, а для бежавших к киргизам – шесть месяцев[336]. Если бы и затем башкирцы не усмирились, то Сенат в собрании 12 сентября 1755 года постановил: всех башкирцев, пойманных с оружием в руках, сечь кнутом и ссылать в работу в Рогервик; годных к службе сечь плетьми и отправлять в остзейские гарнизоны, а от 12 до 18 лет – во флот. «А малолетних от 12 лет и ниже с матерьми их, также и оставшийся женский пол, всех за надлежащим конвоем отправить в Москву в губернскую канцелярию, из которой раздать их на состоящие внутри государства фабрики; а таких малолетних же, у которых матерей нет, раздавать и другим разного чина людям, кто их взять пожелает, и быть им у тех, кому розданы будут, вечно, равно как крепостным, без положения в подушный оклад, с подтверждением, дабы как те малолетние, так и возрастные из женского пола в веру греческого исповедания приведены были». Таких женщин и детей было отправлено в Москву более тысячи душ. Но, несмотря на это и на то, что главный их проповедник Батырша бежал и потом был пойман[337], башкирцы возвращались в свои дома весьма медленно и неохотно, так что правительство принуждено было

отсрочить наказание невозвратившимся. В манифесте 8 марта 1756 года[338] было объявлено, что будут прощены все те башкирцы, которые возвратятся в свои дома до 1 января 1757 года. Башкирцы возвращались понемногу, но не могли примириться с своим положением. Они нападали отдельными партиями на горные заводы, останавливали работы, не допускали размежевание земель, отгоняли скот и лошадей, поджигали окрестные строения и проч. Заводчики жаловались правительству и возводили на башкирцев невозможные преступления, будто бы они «кругом заводов пускают пожары, на заводы и рудники *наводят волшебные дымы, от чего происходит смертельный воздух,* так что на Авзяно-Петровском заводе почти все больны, а немалое число и померло»[339].

Все эти беспорядки не мешали, однако же, русским промышленникам захватывать вновь башкирские земли, богатые рудами, и строить на них заводы. Так содержатель медных и железных заводов Иван Твердышев, с товарищем своим Иваном Мясниковым, захватили землю, принадлежавшую башкирцу Юлаю, впоследствии деятельному пособнику Пугачева, и построили на ней завод. Поступок этот был представлен императрице как заслуживающий поощрения. В 1758 году Сенат доложил императрице, что Твердышев и Мясников первые начали строить заводы в пустых и диких местах, внутри самой Башкирии, «не взирая на страх от башкирских волнений». По словам Сената, Твердышев доставил великую прибыль государству и при заводах своих для безопасности от неприятеля построил крепости, снабдил их оружием и порохом и «все это сделал собственным иждивением, не требуя приписки крестьян, без которых почти ни один из прежних заводчиков обойтись не мог». За столь похвальные поступки Твердышев был исключен из

податного состояния и произведен прямо в коллежские асессоры.

Такая награда послужила поощрением для многих, и башкирские земли стали захватываться более и более. Туземное население относилось к этому крайне враждебно и, не будучи в силах противиться открыто, ожидало лучших времен и удобного случая.

– Ныне женский пол государствует, – говорили башкирцы, – и потому надо иметь терпение. Слух такой носится, что на государственный престол мужеский пол возведен будет, и в то время какой ни есть милости просить постараемся.

Лаская себя такой мыслью, население жило надеждами, когда в 1763 году, в селе Спас-Чесноковке, получено было известие, что Петр III жив. Священник и дьячок Федоровы отслужили молебен за чудесное спасение государя, и весть об этом быстро распространилась во все стороны. Башкирцы, мещеряки и все мусульманское население встрепенулось и с нетерпением ожидало появления государя. Оно было уверено, что со вступлением на престол «мужского пола» будут уничтожены те беспорядки и пороки, которые присущи были администрации и обществу того времени.

Глава 14

Краткая характеристика общества того времени. – Воспитание: школы, пансионы и учителя-иностранцы. – Падение семейного начала. – Распущенность нравов. – Роскошь в жизни и одежде.

В средине XVIII столетия воспитание юного дворянства дробилось на три части: люди достаточные и богатые поручали своих детей иностранным гувернерам, наводнившим Россию; люди средней руки предоставляли воспитание дьячкам, пономарям, собственным лакеям и незатейливым школам, и, наконец, бедные дворяне вовсе не учили детей, предоставляя воспитание их природе, среди деревенских мальчишек, дворовых людей и сенных девушек.

Л.Н. Энгельгардт зимой часто выбегал босиком и в одной рубашке на двор играть с ребятишками и затем прибегал домой отогреваться на лежанке. Он питался самой грубой пищей и вовсе не учился. Грамоте его учил сначала дьякон униатской церкви, потом отставной поручик Брауншвейг; по-немецки он учился у того же поручика, а по-французски – у иезуита Вольфорта. По достижении известного возраста Энгельгардт поступил в Смоленске в пансион Эллерта. Последний был мало сведущ, и обучение его состояло «в сокращенном преподавании всех наук без малейшего толкования и в принуждении учеников затверживать наизусть французские фразы, но зато строгостью содержал пансион в порядке на совершенно военной дисциплине: бил без малейшей пощады за малейшие вины ферулами из подошвенной кожи и деревянными лопатками по

рукам, сек розгами и плетью, ставил на колени на три и четыре часа; словом, совершенный был тиран»[340]. При таком воспитании много учеников было изуродовано, но пансион был всегда полон.

Винский учился у дьяка, который, по его словам, «чему и как учил меня, не помню; но что он часто и больно сек меня, особливо по субботам, сие помню. Сие глупо-варварское обыкновение было в употреблении почти во всех приходских школах».

Обыкновенно после субботней вечерни все ученики собирались в школу и стоя ожидали дьяка.

– Мир те, благий учителю наш, – кричали они при появлении наставника.

– Треба секты вас, – отвечал он и затем производил экзекуцию. – Учись, не пустуй, – приговаривал он во время наказания, – помни субботку.

Те мальчики, родители которых присылали дьяку подарки, наказывались по платью, а бедные переносили всю тяжесть наказания розгами.

Из этой школы Винский был передан поляку Мушинскому, который был «крайне зол и сек без милости»[341].

Болотова учил такой немец, который задавал ему нарочно самые трудные задачи, чтобы иметь удовольствие высечь ребенка. Однажды он сек его до тех пор, пока сам выбился из сил, а в другой раз обещал отпустить 600 розог, но успел дать только 200, когда ребенка отняли[342].

Ив. В. Лопухина учил домашний слуга, а Ив. Ив. Дмитриева – гарнизонный сержант Копцев, который ничего не мог объяснить своему ученику из математики, стирал цифры, написанные Дмитриевым, и писал свои, к которым привык.

Некто С-в учился сначала у пономарской дочери, а потом был отдан в школу, в которой было до 120 мальчиков и один учитель Д.П. Попов, окончивший курс

в вятской семинарии. Получая жалованья 150 рублей и будучи обременен большим семейством, Попов, сверх того, исполнял обязанности сторожа думы.

«У учителя нашего, – говорил С-в[343], – была медная указка, коей он бил ослушников и лентяев по головам; в том числе и мне доставалось: как хватит по голове, то искры посыплются и голову в кровь раскроит. Столь же часто ставил нас на горох, на колени, на несколько часов». Наиболее ленивых учеников Попов одевал в изорванную рогожу, ставил их на трое суток у ворот и заставлял всех товарищей, проходя мимо, плевать и харкать на них.

Такая грубая обстановка не могла нравиться людям богатым, и они, избегая отдавать своих детей в существовавшие тогда школы, предпочитали воспитывать дома при помощи гувернеров-иностранцев. Этот способ воспитания был еще хуже, потому что он вертелся исключительно на общественных приличиях и наружной вежливости, доведенных до тонкости.

«После чумы на Москву напала другая зараза – французолюбие, – говорил Н.П. Бантыш-Каменский. – Много французов и француженок наехало с разных сторон, и нет сомнения, что в числе их были люди очень вредные»[344].

Гувернеры-французы, не имевшие никакой научной и педагогической подготовки и которым, по их нравственным качествам, не было места во Франции, ехали толпами в Россию и разбирались нарасхват по уголкам нашего обширного отечества. Никто не справлялся ни о познаниях, ни о нравственности их, но каждый хлопотал только о том, чтобы приобрести гувернера-иностранца.

По свидетельству Порошина, один московский дворянин нанял чухонца, выдавшего себя за француза и выучившего его детей вместо французского языка чухонскому[345]. Француз-учитель Болотова заставлял

списывать статьи из французского словаря, «в котором находилось изъяснение о каждом французском слове и толкования на французском же языке, следовательно, были на большую часть нам невразумительны». Савояр, французский учитель Ив. В. Лопухина, вовсе не знал правил языка.

Педагогическая деятельность тогдашнего времени находилась в руках негодных французов, развратных женщин, искателей приключений и французских лакеев, которые ловким обращением и уменьем изъясняться скрывали свое звание и невежество[346].

«Нет страны, – говорит Белькур[347], – где бы столько тратилось на образование, как в России. Здесь видишь в высшем сословии чуть не столько же воспитателей, сколько детей, и гувернеры эти получают хорошее жалованье, хотя весьма часто и не стоит его».

Француз Мессельер был поражен, когда увидел, что у многих знатных русских воспитывают детей беглецы из Франции, банкроты, развратники и даже женщины дурного поведения, побывавшие в переделке у парижской полиции.

Сатирические журналы того времени подсмеивались над такой погонею, и в одном из них было напечатано следующее объявление:

«*Кронштадт*. На сих днях в здешний порт прибыл из Бордо корабль; на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза. Многие из них в превеликой ссоре с парижской полицией, которая и попросила их выбраться из столицы. Ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей».

Подобные насмешки не достигали цели, и русское общество, оставаясь глухим ко всякого рода предостережениям, с полным доверием вверяло прибывшим воспитание своих детей, платя за это весьма дорого. Следуя безусловно моде, дворяне

недостаточные воспитывали своих детей в складчину и сообща нанимали учителя-иноземца. Так, В.С. Хвостов и его два брата учились вместе с сыновьями трех других помещиков[348]. Иногда знакомство с богатым и влиятельным лицом дозволяло недостаточному дворянину пристроить своего сына в дом «милостивца» и пользоваться уроками нанятого учителя, о чем обыкновенно оговаривалось в контракте. В государственном архиве[349] сохранились два контракта, заключенные поручиком де Серати с князем М.В. Голицыным и с князем Черкасским.

Вот один из них:

«1745 года марта в день сей контракт заключен промеж его сиятельства г. камергера и кавалера князя Михаила Васильевича Голицына и поручика де Серати на год. Его сиятельство обещает поручику де Серати, который будет как гофмейстер у его сиятельства детей, давать 320 рублев в год и за показанную цену вместе с детьми его сиятельства должен поручик де Серати обучать двоих детей от флота г. капитана Матвея Васильевича Ржевского. А платить деньги по третям наперед; первую треть вшедши в дом 120 рублев, а другие трети по сту рублев. Сверх того, давать ему 15 ведер вина простого, постелю со всем прибором, мыть в доме так, как самому князю, свечей и топлива сколько пожелает. Для стола, во время поста, давать ему в его горницу по три блюда в обед и ужин, да и во время мясоеда, когда он пожелает, в свою горницу, будет ему дано всякой же раз по три блюда. Летом колясу парой, зимой – сани парой и с хомутами наборными, да еще малого, да кучера в ливрее. Лошади и люди всегда будут в его диспозиции и дабы никто не смел их тронуть без его позволения. Еще же ему будет позволено взять двух учеников, покамест будет в Москве.

Поручик же де Серати с своей стороны обещает обучать детей его сиятельства и г. Ржевского по-

италиански, по-французски, по-немецки, по-латыни, истории и географии. Вышеписанное же время год обещает поручик де Серати учить со всяким прилежанием и иметь к детям всякое смотрение надлежащее и в деревню с его сиятельством ехать обязуется»[350].

Подобных контрактов было заключаемо очень много, и беззастенчивые иностранцы брались учить многим языкам и всем предметам. При таких условиях образование русского общества было чисто внешнее: рабское поклонение ко всему иностранному, презрение ко всему родному, незнание русского языка и погоня за изучением божественного французского[351]. «Отцы наши, – говорит современник, – воспитать нас желали как-нибудь, только чтобы не по-русски, и чтоб через воспитание наше мы не походили на россиян»[352]. Большинство вельмож не умело правильно писать. По свидетельству Грибовского, только князь Потемкин и гр. Безбородко знали русское правописание, а остальные были малограмотны или вовсе неграмотны, как, например, вятский губернатор Латышев, управлявший губернией в царствование Павла[353]. И.И. Дмитриев говорит, что в его время учились читать и писать только люди богатые, а бедные дворяне ничему не учились, привыкая только к хозяйству[354]; многие дворянские семейства переписывались с родственниками через грамотного дворового человека.

Тогдашнее воспитание выражалось полным отсутствием знакомства с теми богатыми сведениями, которые выработала европейская литература по всем отраслям наук, а взамен того с молодых лет внушалось пристрастие к тому, что бросалось в глаза и поражало своим наружным блеском. По словам Сегюра, русские одевались, жили, меблировали свои комнаты, ели, встречались и кланялись, вели себя на бале и обеде –

как французы, англичане или немцы, но «под покровом европейского лоска еще видны были следы прежних времен». Даже и при дворе презрительно отзывались о русском театре и актерах, потому только, что они русские[355], а абонироваться на весь год на французские спектакли считалось обязанностью всякого порядочного человека, бывающего в обществе[356].

«Желать открыть дорогу своим детям, – говорилось в одном из современных журналов[357], – к новым познаниям через французский язык похвально; но не иметь попечения об их нравах, любви к отечеству, любви к ближнему – безбожно».

Влияние наружного французского лоска и подражание всему французскому было настолько всеобще, что севский архиерей Кирилл Флиоринский приказал, чтобы все окружающие его в священнодействии были причесаны с пуклями и под пудрой. «Не будем вопрошать, – говорит Добрынин, – кстати ли пудра и пукли к алтарю и к распущенным по плечам волосам? Но скажем о том, что ему немалого стоило труда приучивать к сей прихоти закоснелую монастырщину; напротив чего, я, склонен будучи от природы к опрятности до щегольства, всегда его веселил смешной чоской волос и был у него образцом для других».

В день своих именин Флиоринский, назвавши много гостей и имея келейника, любившего хлебнуть через край, просил Добрынина быть на этот день распорядителем.

– Ты знаешь, сколько я люблю порядок, – говорил архиерею, – и сколь нетерпелив там, где вижу непорядок. Посуди же, могу ли я нынешний день быть покоен? Иному моему брату, русскому архиерею, было бы сие нечувствительно, но я француз! Я имел случай быть в Париже раз, но не буду и не желаю иметь случая выбить из себя порядка и чистоты парижской»[358].

Отказавшись от прошлого в нашей жизни и сделавшись слепыми подражателями всему иностранному, мы потеряли добродетели наших предков и променяли старое родное добро на новые чужие пороки. Неохотно и с трудом усваивая богатые сведения по различным отраслям наук и высокогуманные идеи европейского образования, мы перенимали только то, что манило к чувственным наслаждениям и ласкало самолюбие. Под французским кафтаном таилась грубость и жестокость, под утонченными манерами и вежливостью – пустота, изнеженность и трусость. С другой стороны, масса была невежественна и проявление животных инстинктов не редкость. Понятия о пользе общества, о любви к отечеству не существовало. «Черт меня возьми! – писал один из защитников иностранного издателю «Кошелька». – По чести моей я о вас сожалею. Вы родились в таком веке, в котором великие ваши добродетели блистательны быть не могут: ваша любовь к отечеству и к древним российским добродетелям не что иное, как, если позволено будет сказать, сумасбродство. Приятель мой, вы поздно родились или не в том месте, где бы вы мнениями своими могли прославиться. Время от времени нравы переменяются, а с ними и нравоучительные правила. Перестаньте понапрасну марать бумагу, ныне молодые ребята все живы, остры, ветрены, насмешливы, ведь они вас *засмеют со всей вашей древней к отечеству любовью».*

«Французские моды, – пишет Забелин[359], – французский вкус и в отношении нравов, и во внешней обстановке тогдашней общественной жизни господствовали во всей силе и с каждым днем изменяли русского человека».

– Сперва мы были просты, – говорили тогдашние старики, – правдивы и несколько грубы в обхождениях; но по неусыпному попечению господ французов,

которые завели у нас *петиметров*, стали ныне проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющие важных людей, коими ныне украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которые кривляются, скачут, бегают, повертывают головой и махают руками; сверх же того мы пудримся и опрыскиваемся благовонными водами.

Внешность и одна только внешность была достоянием общества и предметом подражания для молодого поколения. Люди истинно образованные считались единицами, а круглые невежды и люди с одним внешним лоском – тысячами. Отправление молодых людей за границу для окончания образования не приносило ожидаемых результатов. Такие лица, обыкновенно сыновья богатых родителей, привыкшие к лени и роскоши, не думали об образовании, искали наслаждений в парижской жизни, если удавалось, проматывали состояние и приносили домой запас не научных сведений, а рассказов о модах, роскоши, зрелищах и увеселениях. «Молодого российского поросенка, – написано было в «Трутне», – который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который воротился уже совершенной свиньей, желающие могут видеть безденежно по многим улицам сего города».

Отношение общества к литературе и науке было самое невежественное.

– Моя наука, – говорит тогдашний щеголь, – состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, кстати вздыхать, сидеть разбросану (непринужденно), иметь приятный вид, пленяющую походку и быть совсем развязану.

– Как глупы те люди, – говорит щеголиха, – которые в науках самые прекрасные лета погубляют. Ужасть как смешны ученые мужчины.

Книга для тогдашнего дворянина было нечто пустое, неважное. «Вельможа наш, – говорит «Трутень», – ненавидит и презирает все науки и художества, почитает оные бесчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать, ничему не учася. Философия, математика, физика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовник и патенты, едва-едва от пыли и моли спасшиеся, суть одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает».

«Дворянину, – писал один практический помещик, – нужно знать только законы гражданские, а для сей надобности нужно иметь обхождение с служащими в статской службе»[360]. Некоторые, стараясь показать себя любителями науки, собирали большие библиотеки, но книг никогда не читали. В.С. Хвостов видел в Екатеринбурге у заводчика Твердышева большую библиотеку, но сомневался, чтобы он ей пользовался. «Но известно то, что наследники поделили ее на три равные части, разбирая каждый по книге из каждого увража, как российских, так и иностранных сочинений»[361]. Даже и писатели смотрели на свою литературную деятельность как на что-то побочное. Державин ценил в себе чиновника более, чем поэта, а фон Визин смотрел на свои произведения как на средство забавлять людей[362].

При воспитании девушки обращалось исключительное внимание на внешний лоск и наружные формы: наряжали, выпрямляли стан, заставляли голову носить и поворачивать предписанным образом, учили танцевать. Известный в то время балетмейстер Ланде говаривал, что нигде так хорошо не танцуют менуэта, как в России.

Воспитанная в играх и забавах, женщина XVIII столетия в нравственном отношении далеко не привлекательна. Оставаясь в семейном быту в том же

подчинении относительно мужчины, в каком была в период Домостроя, женщина в обществе являлась повелительницей своих поклонников. «Ныне женщин, – сказано в «Кошельке» 1774 года, – взаперти и под покрывалом их лиц не держат – *все они наружи*». Свобода в одежде и в манерах, умение произнести несколько модных слов, выученных наизусть, составляли наружные достоинства женщины, а в действительности она была несведуща, злословна, развратна и жестока. «Матушка моя, – пишет современник, – пришедши из конюшни, в которой обыкновенно ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, читает, бывало, французскую любовную книжку и мне все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает». Поступки известной Салтычихи, кн. Козловской, атаманши Ефремовой и других женщин, о которых мы упомянем ниже, не говорят в пользу нежного сердца прекрасного пола. Об образовании мягкого сердца, приготовлении хороших матерей и хозяек никто не заботился, но женщина, не знавшая тогдашних приличий и не следовавшая моде, подвергалась насмешкам.

Такое воспитание не могло не обратить на себя внимание людей, заботившихся о благосостоянии своей родины. Многие государственные деятели, каковы граф Н.И. Панин, Бецкой и другие, понимали всю несостоятельность тогдашнего домашнего воспитания и признавали необходимым перенести его в школы и подчинить надзору правительства.

Еще в указе 12 января 1755 года было сказано, что у большей части помещиков жили на дорогом содержании учителя, из которых многие не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали, и от того лучшее для воспитания время пропадало даром. Многие родители, сами не имея никаких познаний в науках, принимали к себе в дом таких учителей, которые

лакеями, парикмахерами и «другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Чтобы избавиться от таких учителей, было учреждено несколько школ и положено основание Московскому университету. Школ этих и частных пансионов, существовавших в некоторых немногих городах, было слишком недостаточно, и в 1764 году было утверждено «генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества».

«С давнего уже времени, – писала императрица Екатерина II Бецкому[363], – имеет Россия академию и разные училища и много употреблено иждивения на посылку российского юношества [за границу] для обучения наукам и художествам, но мало, буде не совсем ничего, существительных от того плодов собрано. Разбирая тому причины, не можем мы жаловаться на Провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсем недоставало, о том совсем и помышляемо не было. Искусство доказало, что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и пряного гражданина; по во многих случаях паче во вред бывает, если кто из самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены; а небрежением того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию. Посему ясно, что корень всему злу и добру – воспитание; достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не инако можно, как избрать средства к тому прямые и основательные. Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, т. е. произвести сперва *способом воспитании, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей,*

которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям».

Создание новой породы, новых отцов и матерей требовало времени, а между тем вкоренившиеся пороки повели к совершенному падению семейного начала. Постоянная и искренняя любовь супругов друг к другу считалась делом неприличным, не принятым в обществе. Когда Порошин рассказывал об одном счастливом браке, то присутствующие заметили, что такая горячность весьма редка ныне между мужем и женой. И.И. Дмитриев находил странным, что жена Державина принимала близко к сердцу все радости и огорчения мужа. «Отец мой дворянин, – говорит современник, – живучи с малых лет в деревне, был человек простого нрава и сообразовался во всем древним обычаям; а жена его, моя мать, была сложения тому совсем противного, отчего нередко происходили между ними несогласия и всегда друг друга не только всякими бранными словами, какие вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собой не дрались или людей в конюшне плетьми не секли. Я, будучи в доме их воспитан и имея в глазах такие поступки моих родителей, чрезмерную возымел к ним склонность и положил за правило себе во всем оным последовать. Намерение мое было гораздо удачно, ибо я в скорое время, к удивлению всех домашних, уже совершенно выражал все браные слова, которые, бывало, от родителей своих слышу».

Мода требовала, чтобы муж и жена жили на разных половинах, имели свой собственный круг знакомства и любовные связи. Князь и княгиня Вяземские, по словам Державина[364], «знали модное искусство давать друг другу свободу». В высших сферах считалось недостатком, если женщина обходилась без любовника,

и потому каждая из них имела своего «*болванчика*», а иногда и нескольких.

«Для пополнения порожних мест, – читаем в «Трутне», – по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату, потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек. Кто пожелает к поставке оных подрядиться или и сами желающие заступить те убылые места, могут являться у упомянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут».

Шапп утверждает, что большинство русских женщин его времени не знали других удовольствий, кроме чувственных, и часто предавались рабам, «которые, разумеется, не евнухи; крепкое телосложение и здоровье руководят их выбором». Новиков влагает в уста тогдашней женщины следующие слова: «Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница». С другой стороны, каждый мужчина должен был иметь *«метрессу»,* или любовницу, что, хотя стоило и больших денег, но было признаком хорошего тона. Шувалов, по словам князя Щербатова, имел многих метресс, сыпал на них деньги, а «дабы и тело его могло согласоваться с такой роскошью, принимал ежедневно лекарства, которые и смерть ему приключили». Князь Потемкин переменил нескольких и поочередно выдавал их замуж. «Граф Безбородко одной итальянской певице давал по 2000 руб. золотом, а при отъезде ее в Италию подарил ей деньгами и бриллиантами на 500 тыс. руб. Когда известная Сандунова от него отстала и вышла замуж, он взял на ее место танцовщицу Ленушку, имел от нее дочь, которую потом выдал замуж и дал за ней в приданое: дом в 300 тыс. руб. да имение, приносившее 80 тыс. руб. ежегодного дохода[365]».

Служебное положение графа П.А. Румянцова заставляло его жить отдельно от супруги, которая, будучи примером постоянства, знала его неверность. По

случаю какого-то праздника она послала подарки ему, камердинерам и несколько кусков на платье его метрессе. «Задунайский, тронутый до слез, сказал о супруге: она человек придворный, а я – солдат; ну, право, батюшки, если бы знал ее любовника, послал бы ему подарки»[366].

Примеру вельмож следовали средние и низшие слои общества, и многие помещики держали целые гаремы.

Севский помещик, гвардии капитан Андрей Иванович Касагов, «по примеру премудрого иудейского царя Соломона», имел у себя гарем и «держался обыкновений золотого века, когда все люди, как говорят, были в естественном законе». В числе гаремных женщин находилась его любимая «*султанша*» – дочь священника его же села, «которую когда предпринял было отец освободить, то заплатил своей жизнью, ибо неизвестно куда девался»[367].

Сластолюбие разливалось повсюду, и волокитство было общим развлечением и целью жизни. В обращении между мужчиной и женщиной в обществе было много вольности. Любовные похождения становились достоянием самого юного возраста, а рассказы о них – предмет любимого разговора для взрослых, причем присутствие детей не стесняло разговаривающих. 30 сентября 1764 года Порошин записал в своем дневнике[368]: его превосходительство Никита Иванович [Панин] сказывать изволил в невразумительных его высочеству словах, что в бытность его в Швеции, некогда за столом зашла речь, что турки мужественны в полях цитерских, то одна бывшая тут графиня, не покрасневши нимало, на то молвила: на турок слава только, а я знаю и русских, против которых негде в этом туркам тягаться.

«К тому сказывал еще его сиятельство вице-канцлер, что как был здесь посланник персидский, то, поехавши назад, женского и мужеского пола свиты его персияне

не щадили и увозили с собой. Покойный отец его сиятельства был тогда в Астрахани губернатором и получил повеление, чтобы при отъезде оного посланника со свитой, увезенных ими девок и мальчиков обобрать у них. Но совсем тем персияне, в сундуки заперши оных, провезли с собой» [369].

Результатом подобных бесед в присутствии детей было то, что юноша лет в тринадцать уже влюблялся в «комнатную дома девку» и в короткое время делался «невольником рабы своей».

В двух центрах, Петербурге и Москве, было столько случаев для увлечения и порчи молодых людей, что редкий из них не поддавался общему соблазну, и счастлив был тот, предмет страсти которого был не очень разорителен. Державин в своих записках не скрывает порока своего века и с наивностью говорит, что в молодых годах устранился от развратного общества только тем, что «имел любовную связь с одной хороших нравов и благородного поведения дамой, и как был очень к ней привязан, а она не отпускала от себя уклоняться в дурное знакомство, то и исправил он мало-помалу свое поведение»[370].

При проезде через Могилев великий князь Павел Петрович, увидя молодого Энгельгардта и узнав от отца, что он записан сержантом в Преображенский полк, сказал: «Пожалуй, не спеши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы он развратился»[371].

«Как Бог вынес из этой бездны, – говорил старик Н.А. Алферьев, – в которую мы погружались, я до сих пор постигнуть не могу. Кто поверит теперь, чтобы молодой человек, который не мог представить очевидного доказательства своей развращенности, был принимаем дурно или вовсе не принимаем в обществе своих товарищей и должен был ограничиться знакомством с одними пожилыми людьми; да и те иногда – прости им Господи – бывало, суются туда же! Кто не развратен был

на деле, хвастал развратом и наклепывал на себя такие грехи, каким никогда и причастен быть не мог, а всему виной были праздность и французские учители. Да и как было не быть праздным? Молодой человек, записанный в пеленках в службу, в 20 лет имел уже чин майора и даже бригадира, выходил в отставку, имел достаточные доходы, жил барином привольно и заниматься, благодаря воспитанию, ничем не умел» [372].

Молодой человек погрязал в пустоте, в праздной и бесцельной жизни. Он жил минутой, изо дня в день и ничем, кроме чувственных наслаждений, не увлекался. Хорошо поесть, рассеять скуку шатанием из дома в дом, поиграть в карты, посплетничать – вот вся цель, которую суждено было ему преследовать.

Проснувшись в полдень или немного позже, русский дворянин прошлого столетия намазывал свое лицо парижской мазью, из желания сделать свою кожу мягкой и нежной, натирался разными водами и кропил себя духами; потом набрасывал на себя «*пудремай*» и, не зная, куда девать время, проводил несколько часов за туалетом: чистил зубы, румянил губы, подсурмливал брови, налеплял на лицо мушки, причесывал и пудрил голову. Убрать голову, завить волосы букль в двадцать и более было дело нелегкое как для мужчин, так и для женщин, и французским парикмахерам платились большие деньги за прическу со вкусом. Пудра употреблялась разная, смотря по цвету волос: pondre grise, poudre blonde и белила. Туалет продолжался у иных, как, например, у князя Платона Зубова, так долго, что он принимал в это время доклады и просителей. Окончив туалет, франт садился в маленькую карету, рыскал по городу, бегал из дома в дом; в одной гостиной он сам собирал новости, в другой рассказывал их; в одном доме он насмехался над тем, что видел в другом, а в третьем прилыгал и рассказывал даже и то, чего не видал. Он говорил всегда важно, с

достоинством, имея в кармане на всякий случай несколько дешевых эпиграмм[373] и пересыпая свою речь иностранными словами.

Сумароков говорил, что правописание наше испортили подьячие, а язык иностранцы: немцы насыпали в него слов немецких, петиметры – французских, предки наши – татарских, педанты – латышских, переводчики Св. Писания – греческих. *«Честолюбие* возвратит нас когда-нибудь, – писал он, – с сего пути несомненного заблуждения; но язык наш толикой сей заражен язвой, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так с вершенного очищения не можно будет больше надеться. Сказывай о мне, что некогда немка московской немецкой слободы говорила: mein муж каш домой, stieg через забор und fiel ins грязь. Это смешно, да и это смешно: «я в дистракции и дезеснере, амаита моя сделала мне инфиделите, а я нурсюр против ривала своего буду ревенжироваться».

«Кто бывал допущен в русские искренние беседы, – говорит Винский[374], – и имел возможность делать наблюдения, тот признается, что оные состоят по большей части из повествований. Десять и двенадцать человек обыкновенно слушают одного рассказчика». Разговор в деревнях вертится на хозяйстве и охоте, а в городах – тоже, с прибавлением городских новостей. «При рассказывании ссылки и поверки всегда бывают на бывалых; никогда ни на одну книгу ни один русский не ссылается и ни одного автора не именует. Дворянство почитает невежество своим правом. Человек со сведениями не только не уважается, но, можно сказать, обегается».

По словам фон Визина, лучшее препровождение в обществе состояло в богохулении и кощунстве: «В аристократии грубый материализм, сладострастие смешивались с атеизмом».

Белькур свидетельствует, что русские дамы, побывавшие в Париже, усвоили себе дурной тон французских модниц, дам полусвета (petites maitresses). «Хорошего же тона они не приобрели и весьма далеки от этой цели, как в отношении приятности разговора и ума, так и в отношении порядочности в обращении и в туалете». Наблюдательный француз говорит, что «как ни стараются они хорошо одеться, у них все выходит не складно. Три, четыре косынки, одетые без вкуса, делают их похожими на кормилиц, нарядившихся в детские пеленки. А те, что открывают грудь, переступают пределы приличия, так что парижанин принял бы их за женщин на содержании. И в самом деле, они имеют этот вид, стараются оглашать свои любовные похождения и содержать любовников на жалованье. Здесь открыто говорят, что такой-то господин живет в связи с такой-то дамой, рассказывают даже, что многие дамы больны вследствие своего разврата. К тому же они любят вино и крепкие напитки и много пьют их, подобно своим мужьям»[375].

Как то, так и другое совершалось свободно, и, по свидетельству Новикова, дамы, занимавшие почетное положение в обществе, и притом богатые, не считали предосудительным продавать свою любовь за деньги и в одно и то же время принадлежать нескольким. Болотов говорит, что в последние годы царствования Екатерины II самовольные разводы, браки на близких родственницах, также от живых мужей и жен были весьма обыкновенны. Родители выдавали замуж дочерей за людей заведомо женатых, и духовенство поощряло разводы, за деньги, конечно. Тогда явилась мода, чтобы девушка выходила замуж побегом или была похищена. Такие поступки вызывали сочувствие, и являлись ходатаи за них у родителей, как мужчины, так и женщины. Многие специально занимались тем, что устраивали любовные интриги, помогали женам

освобождаться от гнета мужей, девушкам убегать с любимым человеком, и затем мирили их с родителями. И.Ф. Лукин советовал своим детям, если захотят свататься, то избрать к тому людей доброго поведения и благонадежных. «С своей же стороны, – писал он[376], – прилежно рассматривать глазами и ушами и отнюдь не скоро к решимости той приступать; всего важнее в сем случае узнавать или разведать нрав твоей судьбы, вид, обхождение, человечество, – чтоб сколько ни на есть было сходственно с твоим положением; также нужно и о детях несравненных помыслить; должно и все предпринять с точностью, а не на фальшивых иногда воображениях основываться и отнюдь не с тем жениться советую всякому, чтоб вскоре потом и разойтиться, *как то в мире ныне совершается*». Иван Бутурлин без развода разъехался с женой: она вышла замуж за Ушакова, а он женился на Мавре Афанасьевне и жили спокойно. Незаконные браки не признавались церковью, но незаконных детей усыновить было очень легко.

Распущенность нравов была полная даже и среди высшего сословия. Граф Завадовский бывал часто в веселом настроении, и, по рассказу Н.И. Греча, вино сократило его жизнь. Статс-секретарь императрицы Храповицкий был большой гуляка, а граф Безбородко сверх того и любитель общества прекрасного пола. «Каждую субботу после обеда надевал он синий сюртук, круглую шляпу, брал трость с золотым набалдашником и клал сто рублей в карман. Вооруженный таким образом, посещал он самые неблагопристойные дома. Зимой по воскресеньям бывал он всегда в маскарадах Лиона и проводил время среди прелестниц часов до пяти утра[377]. Однажды, потребованный императрицей совершенно неожиданно, когда проводил время среди шумной оргии, Безбородко, чтобы отрезвиться, приказал пустить себе кровь из обеих рук. «Наши дураки, в иностранной коллегии присутствующие, – записал

Храповицкий[378], – не думая о делах, проводят время только с девками».

Образ жизни привилегированного сословия заключался в постоянном стремлении к роскоши, великолепию и блеску, которым нельзя не удивляться, читая дошедшие до нас описания жизни наших предков. Прорубив в Европу окно, а не дверь, мы не имели возможности познакомиться с основами и фундаментом цивилизации, а доставали из окна верхушки ее, все то, что покровительствовало животным инстинктам и чувственным наслаждениям. Порча нравов и роскошь начали развиваться с царствования Петра Великого и дошли впоследствии до чудовищных размеров. Забравшись первоначально в верхние слои общества, порок спустился потом до самых нижних, до бедных дворян и однодворцев.

Каждый дворянин считал необходимостью и обязанностью держать огромную дворню, состоявшую из праздных безземельных людей, не приносивших никакой пользы государству, потому что они податей не платили и не отбывали повинности натурой. Распоряжаясь этими людьми по своему произволу, помещики часто ссылали со своего двора людей старых, больных и увечных, чтобы не кормить их, а иногда завещали отпустить их на свободу после своей смерти. Сделавшись вольными, все эти люди не знали, куда деваться, увеличивали толпу людей, не имевших определенного занятия, и, бродя с места на место, кормились милостыней, подаянием или приставали к шайкам воров и разбойников[379]. С течением времени число таких людей не только не уменьшилось, а, напротив, все увеличивалось. По числу дворовых и прислуги нередко определялось богатство, важность и значение помещика или должностного лица, и число дворни доходило в некоторых домах до 500 человек. Роскошный век требовал, чтобы каждый гвардейский офицер имел хорошую квартиру, в

передней которой должна была толпиться стая слуг в виде егерей, гусаров, одетых в роскошное платье, нередко обшитое золотом и серебром и стоившее несколько сот рублей. Провинция тянулась за столицей, и многие помещики имели свои хоры музыкантов, песенников, труппы актеров, балетмейстеров, художников и проч. По свидетельству Болотова, в одной Москве считалось до 10 тысяч музыкантов. В той же Москве считалось до 15 театров, из которых только один казенный, а все остальные принадлежали частным лицам.

Кроме актеров, музыкантов, выездных лакеев и официантов, у сколько-нибудь зажиточных дворян были: буфетчики, дворецкие, парикмахеры, кондитеры, повара, скороходы, псари, егеря и проч. Князь Потемкин имел театральную труппу, музыкантов, выписанных из-за границы, и художников. У богатого помещика Головина было более 800 человек дворовых, у графа Орлова до 500 слуг; при главном петербургском доме Разумовского находилось 190 слуг, при двух других домах было 38 человек и при четырех детях 81 человек. В подмосковном имении графа П.Б. Шереметева среди многочисленной дворни были актеры, актрисы, лекарь, архитектор, квартирмистр, управляющий матросами, живописец, геодезист, ружейник и ложный мастер, дровяник, угольщик, 12 гусаров с гусарским командиром и проч. В имении графа В. Орлова были «свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, аптекаря, часовщики, плотники, столяры, каменщики, кирпичники и проч., свои музыканты и актеры, свой архитектор, живописец, если и не заправский астроном, то все-таки человек, приученный наблюдать звезды, были и доморощенные поэты; наконец, один камердинер исполнял обязанности богослова: читая графу вслух, он вступал с ним в словопрение о религиозных вопросах. Были, наконец, и

такие, которым поручали давать уроки чистописания, переписывать учебные тетради и вообще оказывать содействие обучению детей и внуков графа».

У помещиков средней руки дворня была также весьма многочисленна: в имении Лунина из общего числа душ было 9 % дворовых, у князей Голицыных – 5 %, у Авд. М. Нарышкиной – 7 %, у князя М. Голицына – 10 % и проч.[380]

Окружать себя многочисленной дворней, а в особенности свитой, считалось весьма почетным. По свидетельству Добрынина, белорусский губернатор ходил на службу в наместническое правление не иначе как предшествуемый и сопровождаемый чиновниками и знатнейшим шляхетством губернии, пажами и швейцарами.

Многочисленная свита и прислуга были, конечно, излишней роскошью, но вполне соответствовали тогдашней обстановке. Образ жизни был гостеприимный и более или менее широкий, смотря по богатству и званию. Почти у всех были обеденные столы для их знакомых и подчиненных. Люди праздные, ведущие холостую жизнь, затруднялись только в выборе, у кого обедать или провести вечер. У графа К.Г. Разумовского был всегда открытый стол на 50 человек; много бывало у него за столом таких гостей, которых он никогда не знавал и видел в первый раз. Обер-гофмейстер Л.А. Нарышкин был известен своей роскошной жизнью[381] и радушным гостеприимством.

Радушие и роскошное гостеприимство были настолько развиты у нас, вошли, так сказать, в плоть и кровь, что всякая другая обстановка была непонятна и возбуждала в русском человеке негодование или сожаление. Говоря об Италии, Д.И. фон Визин замечает: «В редких домах играют в карты, и то по гривне в ломбер. Угощение у них в вечер, конечно, четыре рубля не стоит. Свечи четыре сгорит восковых, да копеек на

пять деревянного масла. Обедать никто никогда не унимает [не приглашает, не оставляет]. Мой банкир, человек пребогатый, дал мне обед и пригласил для меня большую компанию. Я, сидя за столом, за него краснелся: званый его обед был несравненно хуже моего вседневного в трактире». По словам фон Визина, столовое белье во всей Франции было «так мерзко, что у знатных праздничное несравненно хуже того, которое у нас в бедных домах в будни подается». 9 октября 1764 года Порошин записал в своем дневнике, что за обедом у наследника рассуждали о придворных маскарадах и были очень недовольны скромностью в угощении. «Говорили, что если так продолжаться будут, то многие со временем не станут ездить: стола нет, пить ничего не допросишься, кроме кислых щей; игры нет». Граф Н.И. Панин склонялся на сторону большинства и высказывал, что лучше совсем не давать при дворе маскарадов, чем давать с такой экономией[382]. Мнение это казалось тем правильнее, что рядом с этим в домах частных лиц задавались лукулловские обеды, маскарады и балы, на которых лилось рекой вино, бывшее, говорит Добрынин, «очень ясным таинством плоти и крови измученных крестьян».

Привыкшее к кутежам, попойкам и обиженное указом 1765 года, запрещавшим возить с собой в город водку, дворянство, собравшись в комиссию уложения, хлопотало о пожаловании его водочной привилегией. «Дворянство, – говорили депутаты, – имея штаб и обер-офицерские чины, приехав в город, за неимением при себе домовой водки и вина, принуждены бывают покупать водку и вино с противными и непристойными специями и запахом, почему дворянство по характерам их принуждено видеть в том себе недостаток».

«Упадая к монаршим стопам», дворянство просило дозволить возить водку по-прежнему и заявляло, что ему дорога будет «сия высокомонаршая милость»[383].

Вино и званые обеды заполняли пустую и праздную жизнь испорченного века. Стол князя Потемкина стоил ежедневно 800 руб., а князя П. Зубова, графа Н.И. Салтыкова и графини Браницкой стоил придворной конторе ежедневно по 400 руб. и сверх того напитки, кофе, шоколад и проч. по 200 руб. в день. Стол Теплова стоил императрице 7000 руб. в год. Он просил, чтобы ему выдали деньгами, но придворное ведомство не согласилось. У богатого помещика Головина ежедневно подавалось семь родов кушаний, но число блюд доходило до 40 и более. Для каждого кушанья был отдельный повар, обязанный принести приготовленное в столовую в белом фартуке и колпаке. Все, говорит Болотов, не только знатные и богатые, но и люди с средним состоянием старались есть на серебре и заказывали себе серебряные сервизы, нередко из последних средств или в долг. Быть по уши в долгах и не платить их не считалось бесчестным, но иметь *«гнусный»* стол или *«скаредную»* квартиру было предосудительно. «Как у двора, так и в столице, – говорит фон Визин[384], – никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным*; глагол этот не спрягается в прошедшем времени, ибо никто долгов не платит».

Описывая бал и ужин, данные Шереметевым в честь императрицы в подмосковной деревне, французский посол граф Сегюр говорит, что он никогда не видал такого большого числа золотых и серебряных сосудов, столько фарфора, мрамора и порфира. «Наконец (что многим покажется странным), весь хрусталь на столе на сто приборов был изукрашен и осыпан дорогими каменьями всех цветов, родов и самой высокой цены».

Для встречи императрицы в Шилове, во время путешествия ее в Белоруссию в 1780 году, Зорич построил огромный дом, богато убрал его и выписал из Саксонии фарфоровый сервиз, стоивший 60 тысяч

рублей. Любители представляли пантомиму, для которой было приготовлено до 70 декораций. Он устроил три рода благородных спектаклей: во французской опере играли княгиня К.А. Долгорукая, графиня Меллина и другие; в русской комедии и трагедии участвовали князь П.В. Мещерский с женой, а балет танцевал Д.И. Хорват с кадетами шкловского корпуса. После спектакля был ужин, а затем фейерверк, который приготовлял генерал-майор Меллисино в течение нескольких месяцев и один павильон которого состоял из 50 тысяч ракет. Зорич жил очень широко, и в его имение, Шклов, стекались со всех концов люди всякого рода, звания и наций. Здесь были родственники и прежние сослуживцы Зорича по гусарскому полку, офицеры, не имеющие приюта, игроки, авантюристы всякого рода, французы, итальянцы, немцы, сербы, молдаване, турки – «словом, всякий сброд и побродяги».

Получивший в той же Могилевской губернии большие имения И.Н. Корсаков поселился в 30 верстах от Могилева в деревне Желивль. Туда приезжали к нему все родственники из Смоленской губернии, и ежедневно у него бывало до 80 гостей. Шампанское пили не только гости, но и приехавшая с ними прислуга[385].

Во время путешествия императрицы в Крым были устраиваемы иллюминации на протяжении 50 верст, строились дворцы на болотах, разводились временные парки среди степей. В Смоленске Екатерина II давала бал, на который собралось до 300 дам. «Они показали нам, – говорит Сегюр, – до какой степени внутри империи дошло подражание роскоши, модам и приемам, которое встречаем при блистательных дворах европейских. Наружность во всем выражала образование; но за этим легким покровом внимательный наблюдатель мог легко открыть следы старобытной Московии».

29 июля 1772 года, на петергофской дороге, в 11 верстах от столицы, Лев Александрович Нарышкин устроил для императрицы маскарад. В обширном парке были возведены беседки, на острове – качели и другие игры для простого народа. Внутри густого леса была устроена пещера, на поверхности которой рассыпаны цветы и разложены фрукты. Далее был холм, на верху которого стояла пастушья хижина, а по отлогости расположились пастушки, игравшие на свирелях. Две пастушки, дочери хозяина, Наталья и Екатерина Львовны Нарышкины, пригласили императрицу в хижину и, предшествуя ей, усыпали путь цветами. По приближении высокой гостьи гора «вдруг расступилась и вместо хижины открылся огромный и великолепный храм победы» с надписью: *«Екатерине II победительнице*». Кругом храма были собраны вооруженные ратники, впереди стоял хор музыкантов; глава храма была иллюминована огненными сосудами, а над всем этим царила «Слава».

Из храма вышел гений победы, сын хозяина, Дмитрий Львович Нарышкин, поднес императрице лавровый венок, и лишь только она вступила в храм, как все трофеи, которыми был убран храм, превратились в изображение побед.

Картины эти были: 1) взятие Хотина с надписью: «*Сопротивление было бы тщетно*»; 2) сражение при Ларге – *«Не сим одним окончится*»; 3) победа при Кагуле – *«Число преодолено храбростью*»; 4) Чесменский бой – *«Небывалое исполнилось»;* 5) взятие Бендер – «*Что может устоять?»* 6) покорение Крыма – «*Коль сладок ныне жребий мой».* Отсюда императрица отправилась к китайскому урочищу, где были построены китайские домики, птичники, гора из самых редких морских раковин, камней и окаменелых растений; вся прислуга, одетая по-китайски, играла «на разных китайских и мусикийских орудиях». После танцев и ужина был

сожжен великолепный фейерверк, изображавший Астрей, возвращающую золотой век, и состоявший из нескольких тысяч ракет, колес и проч.[386]

Во время второй турецкой войны князь Потемкин устроил под Бендерами праздник в комнатах, нарочно для того вырытых под землей. Огромная подземельная зала поддерживалась несколькими колоннами, была убрана бархатными диванами и всем, что может выдумать каприз и почти безграничная роскошь.

28 февраля 1791 года светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический приехал в Петербург. Дворяне, купцы и даже богатые мещане наперерыв друг с другом старались угостить приехавшего. Был Великий пост, и хозяева праздников покупали стерлядей, причем за одну платили по сто, двести и триста рублей. Редкий день проходил, чтобы кто-нибудь не дал великолепного обеда или ужина. «Великий пост превратился в масленичные праздники. Нарушение святыни поражало умы людей благочестивых; но мудрые и просвещенные мира сего посмеивались благочестию, считая оное грубым суеверием и заржавелой древностью».

Князь Потемкин в благодарность за радушие и прием сам устроил маскарад. Дом, в котором предполагалось празднество, был не только не убран, но и не достроен; при нем не было никакой площади или обширного двора. Появилось множество работников и художников, городские мастера были завалены работой домашней утвари. Из лавок взято напрокат до 200 люстр и столько же зеркал, кроме тех, которые были привезены с собственных заводов светлейшего. На освещение было употреблено 300 пудов воску и от 9 до 10 тысяч свечей; приготовлено более 20 тысяч шкаликов. Стеклянный завод князя был занят приготовлением огромного количества разноцветных фонарей, разных плодов, бус и других фигур. Богатые ливреи шились на сто человек; перед домом строилась иллюминация. Для устройства

площади срыли несколько соседних домов и конюшен, сняли несколько заборов и на очищенном месте устроили качели для народа и триумфальные ворота.

В течение более недели были репетиции кадрили в костюмах, на которых присутствовало от 180–200 человек; угощение их ужином стоило князю ежедневно до 14 тысяч рублей. «Одна уха стоила свыше тысячи рублей, ибо ей наполняли преогромную семи– или восьмипудовую серебряную чашу: два человека стоя раздавали всему столу, а по раздаче оставалось еще для толикого же числа гостей».

Наступило 28 апреля – день праздника. На площадке перед домом были поставлены кадки с медовым квасом и сбитнем. Возле стены, окружающей площадку, разложены для народа съестные припасы, а на стене висели принадлежности мужской одежды: сапоги, коты, онучи, лапти, шляпы, кушаки и проч. Внутренность дворца была залита огнями, украшена бронзой, люстрами с органами, часами с репетицией, устлана коврами и проч.

Иллюминация зажигалась в течение часа более чем 300 человек. Кадриль состояла из 24 пар, причем мужчины были одеты в испанскую одежду, а дамы – в греческую. У дам как чалмы, так и платья богато вышиты золотом, а пояса и ожерелья блистали драгоценными камнями. В кадрили участвовали: великие князья Александр и Константин Павловичи, герцог Виртембергский, князь Голицын, фрейлина Протасова, Салтыкова и другие. После танцев был театр, потом опять танцы и затем в 11 часов вечера ужин. Стол был накрыт на 500 приборов, за которыми поместились только одни дамы, а кавалеры им прислуживали. «Для освещения стола поставлены были с огнем великие стеклянные братины или чаши, расписанные разными красками, от которых свет издавался всяких цветов».

После ужина был вокальный и инструментальный концерт[387].

Присутствующие на подобных балах, празднествах и маскарадах поражали роскошью своей одежды. На одном из своих праздников Потемкин имел шляпу до того тяжелую от массы нашитых на ней драгоценных каменьев, что адъютант должен был носить ее за князем; обыкновенное парадное его платье стоило 200 тысяч руб. При отправлении графа Г.Г. Орлова на фокшанский конгресс ему было пожаловано много драгоценных платьев, из которых одно, по тогдашним ценам, стоило миллион рублей[388]. Граф Безбородко издерживал на жизнь огромные суммы, собрал в своей квартире груды золота и серебра и осыпал себя бриллиантами. Праздники его в 1793 году, по случаю заключения мира с Портой, и в 1796 году, во время приезда шведского короля в Петербург, наделали много шума. В торжественные дни он приезжал ко двору одетым в богатое платье: Андреевская звезда на нем, погон для ленты, пуговицы на кафтане, эфес на шпаге и пряжка на башмаках – были все из бриллиантов[389].

На свадьбе Екатерины гофмаршал Нарышкин имел кафтан, вышитый серебром. «Сзади от самой прорехи вверх вышито было дерево; сучья и листья его в рукава пошли и по фигуре оного сучья, оба обшлага были разные»[390].

По словам графа Н.И. Панина, во время свадьбы принцессы Анны на директоре горных заводов генерале Шомбере был гусарский мундир с бриллиантами тысяч на полтораста. Тот же Шомбер устроил иллюминацию в виде горы, в которой были показаны все горные работы.

Роскошь в костюмах доходила до последней крайности: бархат, кружева и блонды, серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета. Шитые золотом или серебром кафтаны и камзолы, бархатные шубы с

золотыми кистями, тонкие кружевные манжеты составляли принадлежность мужского костюма. Граф Н.И. Панин принимал своих подчиненных в атласном широком халате, в большом колпаке, перевязанном розовыми лентами, и, чтобы не уронить своего достоинства, прежде чем заговорить с кем-нибудь, он в таком наряде прогуливался перед глазами собравшейся публики.

Франты привешивали иногда золотые кисти на кафтанах подле петель, носили чулки со стрелками, башмаки с цветными каблуками и большими пряжками. Они имели при себе лорнет, часы, по нескольку золотых и иногда осыпанных бриллиантами табакерок «с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой»; на пальцах носили дорогие перстни, а в руках трость. Каждый порядочный человек должен был иметь датскую собаку, скорохода и несколько камзолов, чтобы иметь возможность переменять их, сообразуясь с временем года и с модным цветом.

Переодеваться по нескольку раз в день было признаком аристократизма и хорошего тона. Даже и военные надевали попеременно то мундир, то статское платье разных цветов и всегда более дорогое, чем военное. Гвардейские офицеры, по принятому обычаю, должны были ездить не иначе как в карете и иметь по крайней мере четыре лошади. Число лошадей, запрягаемых в экипаж, было подчинено строгому контролю и зависело от положения и чина. «Усмотрела я, – писала императрица генерал-полицеймейстеру[391], – не токмо где в городе, но и мимо моих окон в санях тройкой с двумя вершниками, что делает пять лошадей рядом. А указом императрицы Елизаветы Петровны оное накрепко запрещено: того ради подтвердить, ежели впредь то чинить будут, за третью припряжную лошадь

по 500 рублей штрафу доправливать, чего вам крепко наблюдать и по оному исполнение чинить неотменно».

Если нельзя было запрягать столько лошадей, сколько желаешь, зато можно было иметь самые прихотливые экипажи. Граф Безбородко имел золоченую восьмистекольную карету. Граф Остерман ездил в торжественные дни в золоченой карете на шести белых лошадях; на запятках кареты стояли роскошно одетые гайдуки, в казакинах с серебряными шнурами, голубых епанчах, высоких картузах с перьями и серебряными бляхами. Перед каретой шли два скорохода с булавами и в башмаках, несмотря ни на какую грязь[392]. У Нарышкина была особая кособокая карета, вся в зеркальных стеклах, причем и «колеса зеркальными стеклами выложены были»[393].

В январе 1765 года граф Д.М. Матюшкин проехал мимо дворца весьма оригинальным образом. На зимнем ходу была поставлена маленькая колясочка, называемая diable, заложенная шестью лошадьми, которыми сам граф правил; шляпа под пазухой и в одной руке бич, которым он салютовал всем едущим. Впереди ехал верхом шталмейстер Матюшкина с бичом и, очищая путь, кричал: gare, gare! Смотря на эту сцену из окна граф Н. Панин заметил: l’amour même ne saurait se présenter avec plus de grâces[394].

Знати подражало все общество, сколько-нибудь придерживавшееся европейским обычаям. Были люди и не особенно богатые, которые содержали по шести карет и по шести цугов лошадей, имели огромные своры охотничьих собак и проч., которые подбирались под масть, сортировались по статьям и породам. Подобрать несколько цугов лошадей, то серых, то рыжих, с одинаковыми проточинами во лбу [395], или подобрать несколько свор собак было дело не легкое, но зато достигший этого гордился своей деятельностью и был предметом зависти для других.

«Два года уже, – писал граф П.И. Панин О.А. Поздееву[396], – стараюсь я собрать себе достаточную свору все серых, борзых собак, но за бывшим в них мором не дошел больше, как имею к весне только трех кобелей сей шерсти; а спознал я, что в провинции вашей, у помещика у Петра Михайловича Ермолова, живущего в деревне своей, называемой Чернявино или Черное, есть резвый кобель серый. А как низовые наши собратия за последнее мое по оборони их служение[397], почти все изъявляли и казалися быть желательными, при удобных случаях, вспомоществовать и мне в моих от них выгодах, то невозможно ли вам, дорогой приятель, изобрести средство оного борзого серого кобеля доставить мне?»

Сознаваясь, что имеет страсть к псовой охоте, граф П.И. Панин просил сделать ему это одолжение «с тем Петру Михайловичу от меня обещанием, что я буду за оное ему не только навсегда благодарен, но и готов, если он пожелает, того самого кобеля, когда не изведется, возвратить ему осени через две или, между тем, прислать ему из моих достойную суку вязанную [слученную], либо с ним самим, либо с каким лучших из моих кобелей. Я уверен, что вы, государь мой, с охотой употребите ваше возможное к тому старание».

Собаки играли не последнюю роль в жизни помещика, и нередко за хорошую собаку уступалось несколько душ крестьян.

Затейливые экипажи, псовые охоты, пиры и праздники наполняли всю жизнь помещика-дворянина.

На все эти затеи нужны были деньги, и вот, с учреждением двадцатилетнего банка[398], все дворянство бросилось закладывать имения, и полученные деньги пошли на роскошь и мотовство. Дворянство вошло в долги и видимо стало беднеть. Чтобы покрыть свои расходы и долги, помещики

продавали крестьян в розницу: мальчика, девочку, лакея, кучера, повара и проч.

«Должен я сказать, к чести отца моего, – писал фон Визин, – что он, имея не более пятисот душ, живучи в обществе с хорошими дворянами, воспитывая восьмерых детей, умел жить и умереть без долга. Сие искусство в нынешнем обращении света едва ли кому известно».

«В эпоху моей молодости, – говорит неизвестный автор [399], – старики и молодые были в полной команде философов XVIII столетия. Безнравственность, разврат, распутство достигли тогда до высшей степени, и по всей справедливости сказать должно, что мы, старики, напрасно порицаем нынешний век. Наши дети и внучата во сто раз лучше, чем мы были в их лета».

Глава 15

Своеволие и самоуправство. – Помещичьи наезды. – Грабежи и насилие. – Карточная игра. – Взяточничество. – Сенат. – Суды. – Тяжебные дела. – Отсутствие правосудия и скорого решения дел.

Отсутствие нравственных и духовных идеалов и пустота жизни заглушаются хорошей едой, богатой одеждой, страстью к золоту и ко всякого рода легкой наживе. Для достижения последнего всякие средства считаются позволительными: взяточничество, картежная игра, грабеж и даже воровство. Дворянство того века не чуждо было этих пороков. «Подлее ничего не знаю, – говорит фон Визин, – как дворянина, недостойного быть дворянином». Когда Зорич прожил свое состояние, тогда он обратился сначала к шулерничеству, а потом занимался подделкой фальшивых ассигнаций. Старорусский дворянин Галицкий и помещик Григорий Анушкин, согласившись с крестьянином Александро-Невского монастыря Феклистом Прокофьевым, ограбили проезжавшего крестьянина Федора Суслова. Они отняли у него 5 руб., лошадь с санями, 7 свиных туш, 2 пуда соли и несколько калачей. Галицкий дворянин Кирилла Кадников с беглым крестьянином Ивановым украли в деревне двух лошадей, из которых одну продали в Костроме за 4 руб. [400]

Дворянин Илья Аристов, впоследствии пугачевский полковник, занимался корчемством и кражей, приведшими его в толпу мятежников.

Право сильного играло весьма видную роль в жизни дворянства прошлого столетия.

Богатые помещики отнимали землю у бедных, делали друг на друга наезды, кончавшиеся нередко смертью или увечьем. В 1768 году брянские помещики майор Василий и вахмистр Иван Бахтины напали и разграбили имение помещика поручика Фаддея Тютчева, убили многих крестьян, косивших и собиравших сено[401].

Помещик Ржевского уезда, отставной майор Степан Чилеев, собрав своих крестьян, вооружил их топорами, кольями и, наполнив две телеги каменьями, отправился в имение соседней помещицы Екатерины Похвистневой, жившей с матерью своей, вдовой княгиней Авдотьей Гагариной. Разоривши дом и службы, Чилеев приказал своим крестьянам бить княгиню Гагарину каменьями, а Похвистневу бил сам «плетью немилостиво». При производстве следствия и суда дал ложную клятву, в чем уличен был свидетелями, а затем из страха наказания бежал из имения и долгое время скрывался от преследования. Семь лет тянулось это дело, и, наконец, Похвистнева просила императрицу поручить новгородскому губернатору Сиверсу лично рассмотреть ее тяжбу, чтобы избавиться от «непрестанной волокиты, таскаясь из место в место и питая себя одним подаянием».

Новгородская губернская канцелярия решила дело в пользу Похвистневой. «Но как помянутый Чилеев, – сказано в записке, поданной императрице[402], – зная матери ее старость и обеих их несостояние, намерен сие дело продолжать апелляциями, чтоб в тех [апелляциях] век их кончился, то и на сие правосудное новгородской губернской канцелярии решение подписал апелляцию». Хотя по закону подобные поступки наказывались весьма строго[403], но при отсутствии правосудия и чистоты нравственных убеждений подобные насилия повторялись почти ежедневно и повсеместно. Титулярный советник Николай Зубов с сыном

Александром разграбил имение ротмистра Василия Анненкова. Отставной сержант Григорий Седин подговорил до 500 человек однодворцев Белогородского уезда, приехал в слободу статского советника Якова Бахирева, разграбил церковь и дворы, разрушил до основания мельницу, сжег 60 дворов и разогнал всех жителей.

Для подобных целей севский помещик А.В. Касагов сформировал даже из своих дворовых полроты пехоты, обучил их строю и производил в чины. При объезде епархии севским архиереем Касагов представил ему свою полуроту, произвел на дворе ученье и маневры с пальбой[404]. Наезды помещиков друг на друга были явлением обыденным: они происходили в Орловской, Тульской, Воронежской, Псковской и других губерниях. В архиве Сената до сих пор хранится множество документов, относящихся до своеволия, самоуправства помещиков и захвата ими чужой собственности.

«Из общего слуха, что здесь носится, – писал П.В. Завадовский И.А. Потапову[405], – якобы отставной полковник Вадковский в Ефремовском уезде великие делает озорничества, сечет плетьми целые однодворческие и государственные селения, порабощает их себе и многие насильства творит. Ее величество высочайше повелеть мне изволила отписать к вашему превосходительству, – чтобы вы, разведав, неукоснительно дали знать, так ли шалит в самом деле сей помещик, как здесь о том говорят общим голосом. А между тем не оставили б вы законным образом воздержать таковые его беспутства и продерзости».

По произведенному дознанию оказалось[406], что полковник Егор Вадковский завладел насилием землей отставного секретаря Глаголева, сеял на ней хлеб и собирал его в свою пользу. То же самое он сделал и с другим помещиком, соседом Лутовиновым, у которого сверх того сломал и снес несколько крестьянских

дворов. Собравши своих крестьян, Вадковский отправлялся с ними в чужой лес и рубил его; всех противящихся его воле он сек плетьми и батожьем. Он приезжал на чужие пашни, жал чужой хлеб, косил сено на чужих лугах, отбирал у однодворцев дочерей и отдавал их замуж за своих крестьян. Не довольствуясь всем этим, Вадковский отобрал в разных местах у соседних крестьян 156 десятин земли и присоединил их к своим владениям.

Духовенство не отставало от дворян и также не чуждалось подобных проделок. Ростовские мелкопоместные дворяне жаловались императрице, что ростовский архиерей отнял у них поместья и вотчины и приписал к архиерейскому дому.

Пахотные солдаты г. Сызрани заявили, что на принадлежащих им землях живут многие помещики, пользуются покосами и рыбной ловлей. Однодворцы Казанского уезда говорили то же, присовокупляя, что по каким крепостям или записям поселившиеся это делают, о том не объявляют и, проживая вместе с ними, причиняют большие обиды: травят своим скотом их хлеб и топчут луга. В наказе, данном депутату г. Саратова, черносошные крестьяне писали, что офицеры, дворяне, купцы и приказные служители завладели самыми удобными их землями, самовольно перевели на них крестьян и до того стеснили коренных жителей, что они принуждены у них же нанимать луга. Крестьяне жаловались, что самовольные пришельцы запрещают им пользоваться лесом и причиняют разного рода обиды[407].

«Многим из лиц сего присутствия, – писал Никита Жилин[408], – известны вреднейшие для общества два порока: лихоимство и насилие в завладении чужой собственностью. Лихоимство, произведя все злые страсти ко вреду рода человеческого, давало им и способы к приведению их в исполнение, отчего

общество потеряло тишину и спокойствие. Из сих пороков я считаю важнейшим насилие, которое и поныне производит во многих местах великие бедствия. Много есть такого рода людей, которые, потеряв совесть и добродетель и прилепясь единственно к корыстолюбию, без всякой причины нападают на своих ближних, отнимают у них силой имения и через это лишают их последнего пропитания. От такого насилия происходят большие драки, смертоубийства и проливается кровь невинных людей. Столь бесчеловечные поступки, противные естественному нраву, делают большой урон государству. Тем же, у которых таким образом бывают отняты имения, представляются труднейшие средства к отысканию отнятого. По законам о насилиях надлежит производить суд по форме. Но я уверен, что всем здесь присутствующим известно производство суда, и поэтому они знают, как затруднительно по суду возвращать отнятое, даже и таким, у которых не все отнято и которые еще в состоянии лично отыскивать отнятое. Надлежит нанимать поверенного за большие деньги, оставлять свой дом и хозяйство, самим жить в том месте, где будет производиться его дело, наблюдать, дабы их поверенный не сделал какого-либо по суду плутовства, и ожидать окончания решения дела.

Но издавна вкоренившееся во многих присутственных местах лихоимство не допускает делать по закону справедливость. Это ведет к тому, что по делам бывают промедления и даже неправые решения, по которым берут апелляции. В таком продолжении дел оканчивается жизнь многих челобитчиков, и имения их остаются у насильников. Хотя некоторые успевают возвратить по суду свои имения, но они обходятся им дорогой ценой. До сих пор я говорил о таких лицах, у которых не все было отнято и которые в состоянии были отыскивать свои имения. Но надобно представить

бедных вдов, сирот и людей малоимущих и безграмотных. Такие уже не имеют способов возвратить отнятое и, лишась от насильников всего имения, проживают остальной век в крайней бедности и бездомстве. Положение таких обиженных поистине жалостно…

Есть такие люди, которые дают позволение пахать свою землю или рубить лес в своих дачах, и при этом позволении не бывает никого посторонних. Когда же получившие позволение приедут в их дачи и станут рубить лес или пахать землю, то те, которые это позволили, станут свидетельствовать, что к ним приехали насилием».

Праздное, крайне неразвитое и почти неграмотное дворянство прошлого столетия отличалось подвигами самого необузданного свойства. Многие дворяне аттестовались так: в службе не были, грамоте не знают и писать не умеют. По свидетельству Державина, тамбовское дворянство было настолько грубо, что ни одеться, ни войти в общество, ни обращаться, как должно благородному человеку, – не умели. Зато животные инстинкты, сословный эгоизм и право сильного были развиты в высшей степени. В 1779 году шацкий помещик вахмистр Веденяпин убил своего крестьянина и бросил тело его в воду. Поручик Блохин вытащил тело и похоронил его. Тогда Веденяпин зазвал к себе Блохина, высек его плетьми и избил кочергой. Собирая вокруг себя огромную дворню, помещики ходили друг на друга войной. Победивший загонял к себе скот побежденного, отбирал от него хлеб и имущество. «Сильный владелец, – говорили депутаты, – захватывает в лучших местах земли, отнимая иногда и с хлебом посеянным». Удовлетворения обиженному не существовало. Чем сильнее и богаче был помещик, тем труднее было до него добраться представителю власти – огромная толпа вооруженных людей не пускала

капитан-исправника в дом своего помещика. Для полной характеристики дворянства достаточно сказать, что в конце XVIII столетия 101 человек тамбовских дворян были под судом и большинство их судилось за взятки, буйство, грабежи и воровство.

Много тяжебных и исковых дел возникало и из-за карточной игры.

Картежная азартная игра была развита в сильной степени, и проигравшие часто не отдавали денег или писали векселя на чужие имена. Л.-гв. конного полка корнет Василий Ржевский, проигравшись, выдал вексель на имена не подозревавших о том купцов: тверского Михаила Вагина и московского Михаила Наврозова[409]. Г.Р. Державин и Сергей Максимов обыграли прапорщика Дмитриева, были преследованы законом, и тяжебное дело тянулось более 12 лет. В высших слоях общества карты составляли почти единственное препровождение времени. В 1780 году, когда в Могилеве ожидали приезда императрицы, то за месяц почти съехались туда иностранные министры, дворянство и множество польских магнатов. Среди балов шла самая оживленная карточная игра, «каковой, – говорит Энгельгардт, – конечно, прежде в России не бывало, да и сомнительно, была ли и после: граф Сапега проиграл тогда все свое знатное имение»[410].

Бывший в то время губернатором в Могилеве П.Б. Пассек был известный и страстный игрок. Он проигрывал по 10 тысяч в вечер, играл до трех часов ночи, часто засыпал за карточным столом и затем, очнувшись, продолжал играть. «Игроки собирались ко всенощному бдению за карточным столом, – говорит современник[411], – и там, теряя честь, совесть и любовь к ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простачков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собой в кармане

труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту».

Обер-церемониймейстер М.Ф. Каштелинский был известен как охотник до лакомого стола, и к нему собирались знатнейшие карточные игроки. Правитель канцелярии князя Потемкина, известный В.С. Понов, часто выносил из своего кабинета целую шляпу червонцев и проигрывал их в карты.

«Тогда было такое время и обычай, – пишет Лукин[412], – чтоб всем, т. е. богатым и убогим, в золото и щегольские одежды наряжаться. Но как не все имели к тому способы, то и старались избрать к обогащению своему различные дороги. Те, кои ко взяткам не имели способности, а к трудам и делам полезным разума и знания, пускалися в игру [карточную] и оной обогащалися».

Неумеренная карточная игра, сказано было в одном из указов Сената[413], ни к чему более не служит, как только к единственному разорению старых дворянских фамилий и к обогащению деревнями фабрикантов. Сенат поручал полиции следить за тем, чтобы азартных игр не было, но они все-таки продолжались благодаря продажности полиции и всеобщему взяточничеству.

Взяточничество было явлением общим и всем известным.

Императрица Елизавета любила роскошь, шумные удовольствия, наряды, праздное веселье и суету. Предаваясь им, она часто забывала свои обязанности по управлению и «оставляла подданных своих на произвол ленивых и нечестных советников и слуг, которые без стыда и боязни продавали свои услуги чужим дворам и подтачивали самую сердцевину страны своей»[414].

«Государыня весьма мало и даже вовсе не заботится об исполнении своих повелений, – писал австрийский посланник Мерси Аржеанто[415], – и злонамеренные и корыстолюбивые исполнители оставляют если не все, то

большую часть именно этих повелений без всяких последствий».

«Здешнее знатное дворянство, обедневшее вследствие непомерной роскоши и вообще обремененное неоплатными долгами, по необходимости должно изыскивать всякие средства, чтобы помочь себе, главным образом прибегать к насильственным вымогательствам и противозаконным притеснениям остальных подданных и торговых людей. Такого рода беззакония и притеснения, по мере большей или меньшей благосклонности, которую каждое властное лицо сумело приобрести себе в Сенате, являясь почти повсеместными, проделываются тем бессовестнее, что самые представители суда служат примером в злоупотреблениях своей должностью и почетным званием.

Содержание этого всеподданнейшего донесения было бы через меру обширно, если бы я описал здесь лихоимства и беззакония каждого государственного чиновника в особенности; но беру смелость уверить, что такое обстоятельное изображение едва ли нашло бы себе подобное где-либо, о чем достаточно может свидетельствовать и нижеследующее даже изложение.

Князь Шаховской, нынешний генерал-прокурор и первоприсутствующий в Сенате, может быть, единственнейший вельможа, который не дозволит подкупить себя деньгами; но если он отнюдь не берет никаких подарков, то тем не менее вещь общеизвестная, что он ведет самые постыдные сделки, в виде ссуды денег взаймы, и вернейший путь приобрести его милостивое содействие состоит в том, чтобы занять у него известную сумму денег под громадные годовые проценты. Сенатор граф Воронцов, один из братьев канцлера, имеющий после президента весьма большое значение в Сенате, всеми считается за человека с самой низкой душой, способного с самой бесстыдной

наглостью обделывать самые вопиющие беззакония. Когда оба помянутые сановника согласятся между собой, привлекут на свою сторону голоса и остальных сочленов своих, по себе также порочных, то не трудно представить, как в подобных руках выполняются высшее правосудие и вообще подведомые Сенату дела в государстве, а равно в каких общих и открытых жалобах вопиет против них все общество».

Пользуясь своим влиянием, граф Петр Шувалов успел выхлопотать себе монополию по торговле лесом, салом, дегтем и табаком. Эта торговля, без всяких затрат и труда с его стороны, приносила ему до 300 тысяч руб. ежегодного дохода[416]. Мало того, он успел сдать лесной промысел по контракту английскому купцу Тому, на тридцать лет. Сенат утвердил эту передачу и выдал Тому заимообразно, из казны, 300 тысяч рублей. Императрица Екатерина уничтожила монополию Шувалова, приказала Тому заключить контракт с казной и взыскать с него взятые из казны 300 тысяч руб.[417] За графом Шуваловым шли Воронцовы, отец и сын: один брал взятки во Владимире при рекрутском наборе, другой в комиссии о коммерции, где был президентом[418]. Про одного из Воронцовых, и именно канцлера, Екатерина писала: «Гипокрит какого не бывало; продавался первому покупщику; не было двора, который бы не содержал его на жалованьи» [419].

Чины и должности продавались во всех правительственных учреждениях, как высших, так и низших. Известный откупщик Лукин за 8 тысяч руб. «наворованных денег», купил себе чин капитана; заводчик Прокофий Демидов, приводимый за пасквиль под виселицу, бывший несколько раз под следствием и никогда не служивший в военной службе, купил себе чин генерал-майора. Подрядчик Фалеев получил не только сам дворянство и чины, но и своих прислужников

в штаб-офицеры и обер-офицеры произвел»[420]. В Военной коллегии продавались чины довольно свободно. Генерал-прокурор князь Вяземский раздавал жалованье и пенсионы кому хотел, не испрашивая высочайших повелений, и мог это делать потому, что скрывал от императрицы истинную цифру доходов. Граф Безбородко и В.С. Попов раздавали места через своих метресс; в канцеляриях командующих войсками, не исключая Суворова, продавались ордена. Секретарь белорусского губернатора, Алеевцев, производил в чины кого хотел и раздавал места; он всегда носил в кармане готовые ордера и патенты на чины и должности[421].

«Чины стали все продажны, – говорит князь Щербатов[422], – должности не достойнейшим стали даваться, но кто более за них заплатит, а и те, платя, на народе взятками стали вымещать».

«Где же у нас возьмешь такого человека, – говаривал А.С. Строганов, – чтобы данной ему большой власти во зло не употреблял»[423].

«Губернаторы губерний и городов, – писал граф Сольмс королю[424], – духовенство, судьи, офицеры, воспользовавшись слабостью предшествовавших царствований, сделались каждый, так сказать, независимыми в епархиях или областях, вверенных их попечению. *Они были тиранами для народа*, уверенные в своей безнаказанности, потому что делили плоды своих поборов и грабежей *с людьми, имевшими влияние при дворе.* Новые преобразования, принуждающие их вести жизнь трудовую и бескорыстную, возбуждают с их стороны неудовольствия, потому что не позволяют предаваться двум национальным порокам – лености и корыстолюбию».

Духовные консистории брали «тяжкие» взятки со ставленников, а секретарь генерал-прокурора Самойлова, Ермолов, был известен всей России по

великой своей силе, по безмерной горделивости и по беспредельному грабительству и *лихоимству*[425].

В Петербурге был судья Терский, известный всей столице под именем *багра*, «в знаменитое отличие от его братии *мелких крючков»* [426].

«В приложенной при сем записке, – писала императрица генерал-майору Алексею Маслову[427], – усмотрите, каким преступлением обвиняется смоленский наш губернатор, Исай Аршеневский с товарищи. Оное состоит в таком скверно-прибыточестве, которое заслуживает строжайшее исследование».

По исследованию оказалось, что Аршеневский не выдавал жалованья пограничным комиссарам и служителям до тех пор, пока они не дали взятки: ему, губернатору, 20 руб., коллежскому асессору Павлу Суходольскому – 10 руб., секретарю Ефиму Мордвинову – 5 руб., регистратору Михаилу Голубкову – 10 руб., подканцеляристу Михайле Соколову – 1 руб. 50 коп., ординарцу губернатора Чижу – 1 руб. Расходчик Иван Путилов показал, что не помнит, сколько именно получил, а советник Лебедев говорил, что он взяток не брал, а что вскоре после раздачи жалованья была жена Лебедева именинница, и тогда Вонлярлярский принес ему завернутую бумагу и положил ему на стол. В бумаге было 20 руб., «и он-де, Лебедев, почитая оное, как то обыкновенно бывает, в презент жене своей принял»[428].

Аршеневский уверял, что взяток сам не брал и ни через кого не получал, «а только обретающиеся в той губернии его сродственники и свойственники, также и приятели, из одной своей приязни и любви обсылали его к торжественным праздникам живностью, а когда хлеб поспеет, то разным хлебом». Призванный перед собрание Сената, Аршеневский признался в своем преступлении и в том, что в бытность еще вице-губернатором взял взятку с ротмистра Владимира Потемкина. Имея дело в губернской канцелярии о своей

женитьбе, Потемкин, чтобы ускорить решение, дал Аршеневскому 25 червонцев, 70 рублевиков, лошадь в 40 руб. и 440 пудов сена. Прокурору Николаю Волынскому он дал две лошади, секретарю Ефиму Мордвинову 10 руб. и девку, канцеляристу Ивану Комлеву 20 руб. и малого в 17 лет[429].

Аршеневский был еще из мелких лихоимцев. Знаменитый следователь Крылов, воронежский губернатор Пушкин были покрупнее. Надворный советник Контяжев в Оренбурге без взятки не давал жалованья нижним чинам. Симбирский воевода князь Назаров сам ссорил дворянство и «после беспримерными взятками пользовался».

Взятки брались не только при каждом удобном случае, но и отыскивались для того разные предлоги. Так, воевода гор. Валуек, Белогородской губернии, Клементьев, канцелярист Бочаров и новгородской губернской канцелярии регистратор Яков Ренбер брали взятки за привод к присяге[430].

Коллежский советник Василий Шекуров взял с атамана гребенского войска, за выдачу жалованья, калмыцкий тулуп и голову сахару. Подрядчики должны были платить приемщикам; крестьяне – духовенству за исполнение треб; подчиненные – даром работать начальнику. Саратовский полицеймейстер Иван Малахов употреблял десятских и сотских для своих домашних работ и заставлял их караулить пивоварню откупщика Петра Хлебникова[431].

Взяточничество до такой степени всосалось в плоть и кровь русского человека, что, по его мнению, никакое лицо, как бы высоко оно поставлено ни было, без взятки ничего не сделает. Анна Ватазина, жена товарища костромского воеводы, прося императрицу о производстве мужа ее в коллежские асессоры, писала: «Умились, матушка, надо мной, сиротой, прикажи указом, *а я подведу вашему императорскому величеству*

лучших собак четыре: Еполит да Жульку, Женету, Маркиза»[432].

Все эти поборы были настолько тягостны для населения, что в 1764 году появился ложный указ императрицы, грозивший взяточникам жестоким наказанием. 17 марта 1764 года, на Сенатской площади, при барабанном бое, палач сжег этот указ, в котором говорилось: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю в покое пребывать, однако, весьма наше дворянство пренебрегают Божий закон и государственные права и в том много чинят российскому государству недобра. Прадеды и праотцы, Российского государства монархи жаловали их вотчинами и деньгами награждали, и они о том забыли, что воистину дворянство было в первом классе, а ныне дворянство вознеслось, что в послушании быть не хотят, тогда впредь было в России, когда любезный монарх Петр Великий царствовал, тогда весьма предпочитали закон Божий и государственные правы крепко наблюдали. А ныне правду всю изринули, да и из России вон выгнали, да и слышать про нее не хотят, что российский народ осиротел, что дети малые без матерей осиротели; или дворянам оным не умирать, или им перед Богом на суде не быть? – такой же им суд будет: *в юже меру мерите возмерится и вам».*

Сенат обещал 100 руб. тому, кто откроет сочинителя указа, а императрица приказала объявить, чтобы отныне народ не верил никаким указам, кроме печатных[433]. Тем не менее правительство само сознавало, что взяточничество «возросло так, что едва есть ли малое самое место правительства, в котором бы божественное сие действие, суд, без заражения сей язвы отправлялося: ищет ли кто место – платит; защищается ли кто от клеветы – обороняется деньгами; клевещет ли на кого кто – все происки свои хитрые подкрепляет дарами». По словам одного из указов, суд обратился в

место торжища, где нищего делают богатым, а богатого нищим[434]. Императрица поручила Сенату позаботиться о том, чтобы на места судей назначались люди достойные, «а чтоб справедливая служба награждаема была и малоимущие не имели причин к лакомству склоняться, назначить каждому пристойное жалованье, изыскав на то деньги не вновь налагаемыми с народа сборами, но другими благопристойными способами»[435]. Сенат не нашел таких способов, и рядом с утверждением новых штатов, для усиления чиновникам жалованья, был увеличен сбор[436]: с вина, пива, меду, гербовый сбор с купчих, закладных и духовных, с подаваемых челобитен, с находившихся в арендном содержании казенных амбаров, лавок, кузниц, с фабрик, заводов, паспортов, патентов на чины, жалованных грамот, дипломов, с заклеймления посуды, с продажи клея и проч. и проч.

Желание императрицы искоренить беспорядки были не по нутру дворянству и чиновничеству. «Проблески неудовольствия, – писал граф Сольмс королю[437], – проявляющиеся от времени до времени, порождаются главным образом стремлением императрицы искоренить в своей Империи злоупотребления, причем меры, принимаемые для общей пользы, часто противоречат выгодам нескольких отдельных личностей. Множество знатных бояр и даже большая часть Сената не очень-то рады, что имеют государыню слишком деятельную, которая хочет управлять сама. Им лучше было в предшествовавшие царствования, когда страдал только простой народ. Поэтому они делают все, чтобы противодействовать благим намерениям императрицы. Они запутывают дела, которые она желает себе уяснить; медлят исполнением тех, которые должны бы быть окончены; стараются поселить в ней отвращение и заставить ее покинуть свой план, заваливая ее массой работ».

Вообще Сенат в первые годы царствования Екатерины представлял учреждение весьма оригинальное. Указов его не исполняли, и угрозы подвергнуть виновных наказанию не действовали. Императрица Екатерина принуждена была приказать, чтобы все учреждения по получении указа Сената доносили как о сделанном определении, так и о действительном исполнении указа[438].

Законы были в пренебрежении, и каждый толковал их по своему произволу. Недаром люди того времени сравнивали закон с дышлом, которое куда хочешь, туда и повернешь.

– Восхищаюсь, – говорил А.И. Бибиков депутатам, собравшимся в комиссию по составлению нового уложения, – восхищаюсь, усматривая общее всех усердие видеть утверждаемое в России благоденствие установлением ясных, полезных, давно нам нужных и всеми желаемых законов.

Произвол, казнокрадство и взяточничество попирали закон и справедливость. «Вижу ныне, – говорит князь Щербатов, обращаясь к вельможам правителям[439], – вами народ утесненный, законы в ничтожность приведенные. Чем вы воздадите народу, коего сокровища служат к обогащению вашему? Что он скажет, видя ваше уважение ко всем богатым людям, видя похлебства ваши к зловредным откупщикам? Едва вы входите в начальство, уже несмысленная родня ваша важные места получает».

Правый суд был явлением редким и всеми сознаваемым. В зале общего собрания Сената был поставлен барельеф «Истина нагая». Вступая в должность генерал-прокурора и осматривая залу, князь А.А. Вяземский сказал экзекутору: «Вели, брат, ее несколько прикрыть». И подлинно, прибавляет Державин, с тех почти пор стали прикрывать правду в правительстве.

Общественной деятельности не существовало, и большинство правителей жило в свое удовольствие. В Сенате за излишнее почитали государственные дела слушать, говорит императрица. «Стыдно сказать, что и карты напечатанные не были в Сенате и что первую карту я, быв в Сенате, послала купить в академии»[440]. Екатерина II говорила, что ее вельможи любят начальствовать и веселиться, но не любят заниматься делом. «Все любят начальствовать, – говорила императрица, – и почти все имеют худое воспитание». В делах они полагаются на своих секретарей и работают только тогда, когда она их заставит.

«Слушай, Перфильевич, – писала Екатерина Елагину[441], – если в конце сей недели не принесешь ко мне наставлений или установлений губернаторской должности, манифест против *кожедирателей* да дело Бекетьева совсем отделанные, то скажу, *что тебе подобного ленивца на свете нет, да никто столько ему порученных дел не волочит, как ты».*

«Господам сенаторам, – писала Екатерина[442], – быть в Сенате от полдевятого часа до половины первого и посторонних речей отнюдь не говорить».

Для облегчения деятельности своих сотрудников и ускорения в решении дел императрица приказала считать достаточным и приводить в исполнение протоколы, подписанные только четырьмя сенаторами, по таким делам, которые не заключают в себе отмены закона или издания нового постановления. Самые протоколы писать по возможности кратко[443]. Впоследствии, чтобы ускорить решение дел, императрица принуждена была разделить Сенат на департаменты, «дабы тем способом не одно дело в Сенате и в один день трактовалось, но столько производимо их было, коликое число департаментов

определится, а каждый бы департамент определенные роды себе дел в отправлении узаконением имел»[444].

Льготы эти не подвинули вперед дел, и множество жалоб, подаваемых императрице, свидетельствовали о бездеятельности Сената.

«С удивлением усмотрела я, – писала Екатерина[445], – что дело между рижскими и смоленскими купцами до днесь еще Сенатом не решено, хотя мной и повелено немедленно к сему делу приступить. Итак, Сенат имеет через три дня рапортовать, что по оному делу господа сенаторы положили на меру. *А я уже более нарекания от тамошних жителей на медлительный суд слышать не хочу».*

«Многие есть челобитные апелляционные на Сенат, – писала императрица месяц спустя[446], – из которых более уже года, как велено, сделав экстракты, мне представить, но ко мне в доклад не поступают, что есть не безволокитно для челобитчиков. И для того я желаю знать, для чего они ко мне так долго не вносятся, ибо Сенат рассматривать их не может, потому что и судье, и ответчику одному месту быть несвойственно».

В феврале следующего года генерал-прокурор объявил, что «ее величество указать соизволила на будущей, т. е. сырной недели иметь в Правительствующем сенате первые три дня общее собрание для окончания умножившихся по оному дел»[447].

Медленность в решении дел происходила отчасти от того несогласия, которое существовало между членами Сената. Заседания комиссии по составлению нового уложения ясно свидетельствуют нам о той розни и вражде, которые существовали не только между сословиями, но и между дворянством. Чужое мнение не уважалось, и голос сильного по общественному положению или богатству уничтожал справедливое

мнение человека мелкого, небогатого и зависимого. Единственным средством к повышению по службе или к разного рода приобретениям была лесть, заискивание и низкопоклонство. «В праздничные дни, – говорит Новиков[448], – к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость, ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее». Не только быть принятым в общество лица влиятельного, но поговорить с ним и даже потолкаться в его передней считалось верхом счастья. Державин долго добивался чести быть знакомым с князем Платоном Зубовым, и когда наконец добился того, то общественное положение поэта значительно изменилось: «Один вход к фавориту делал уже в публике ему много уважения». Чтобы получить тепленькое местечко, прибегали к женам влиятельных лиц и не пренебрегали их любовницами. Храповицкий искал всякого случая, чтобы польстить императрице, граф Безбородко, входя к ней с докладом, кланялся чуть не до земли, а о тех счастливцах, которые допускались в уборную князя П. Зубова посмотреть, как он совершал свой утренний туалет и пудрил голову, говорили по всему городу с завистью. Около таких центров собиралась толпа добровольных прислужников, стоявших горой за своего патрона, думавших его головой и живших его подаянием и щедротами. Такая обстановка общественной жизни переносилась всецело и в правительственные учреждения, в том числе и в Сенат. Сенаторы точно так же группировались около центров, около своих благодетелей.

«Что нам обер-прокурор предложит, то мы и подписываем, – говорили И.М. Булгакову сенаторы граф Остерман и Дурново»[449].

«Согласен с предложением его превосходительства, – говорит Лопухин[450], – или его сиятельства, или светлости только почти и слышится, и

пишется в общих собраниях Сената». Присутствуя в Сенате, Державин видел многих своих товарищей без всяких способностей, «которые, слушая дела, подобно ослам, хлопали только ушами»[451]. На другой день после назначения сенатором Державин благодарил князя П. Зубова. «А как Сенат доведен наперсниками и прочими ее [императрицы] приближенными вельможами до крайнего унижения или презрения», то Зубов весьма удивился, когда Державин благодарил его за то, что он сделан сенатором.

– Неужто доволен? – спросил он его.

– Как же, – отвечал Державин, – не быть довольну сей монаршей милостью бедному дворянину, без всякого покровительства служившему с самого солдатства, что он посажен на стул сенаторский Российской империи. Ежели его сочлены почитаются, может быть, кем ничтожными, то он себе уважение всемерно сыщет.

Большинство сенаторов группировалось около генерал-прокурора и было отголоском его мнения; но было много и таких, которые, не имея собственного убеждения, действовали под влиянием своих сильных патронов, не присутствовавших в Сенате. Постоянные пререкания, отстаивания личных интересов или интересов своих клевретов, без соблюдения общей пользы и справедливости, приводили к постоянному разногласию, ссорам и во всяком случае замедляли решение дел.

«Господа сенаторы! – писала императрица 6 июня 1763 года[452]. – Я не могу сказать, чтобы вы не имели патриотического попечения о пользе моей и пользе общей, но с соболезнованием должна вам сказать и то, что не с таким успехом дела к концу своему приходят, с каким желательно. В доказательство сему довольно и одного сей день трактованного в Сенате дела о воеводе Мясоедове, не упоминая о многих, где интересы наши и польза общая терпит. Но какая б к тому причина была?

Мы принуждены были изыскивать и наконец нашли, и поистине сказать нашли те причины. Но к крайнему своему прискорбию и огорчению тем, что они единственно в том только и состоят, что присутствующие в Сенате имеют *междоусобное несогласие, вражду и ненависть, и один другого дел не терпят*, а потому и разделяются на партии и стараются изыскать один другому причины огорчительные, словом сказать, производят совсем благоразумным, почтенным и доброжелательным людям дела несвойственные.

Что ж от того рождается? Одна только беспредельная злоба и раздор, а тем самым ни интересам нашим, ниже подданным желаемой пользы не приходит. Я думаю, что всяк, кто только незазорную свою совесть поставит над собой судьей, тот беспрекословно признаться должен, что примечание наше о сем праведно есть. Бог един сердцеведец ведает, сколь мы прилежим о благополучии нашего любезного отечества, и поистине сказать, ничто нас столь не утешает, как цветущее благосостояние оного, так что в нашем благоденствии и всех наших верноподданных поставляем мы собственное наше благоденствие, а прямое наше удовольствие в праведном и нелицемерном от вас происходящем суде, тишине и в спокойствии от того наших подданных. Вы сами довольно знаете, сколь полезно, не только между первыми членами в государстве, но и между средними и самыми малыми людьми к правлению дел доброе согласие, столь напротиву того вредно и разорительно государству раздор, вражда и несогласие. О сем излишне приводить на память многие доказательства, но всякий благоразумный может видеть почти бесчисленные примеры в древней и новой историях, какие от того происходили вредные следствия, а наипаче у греков. А наконец можно и сие упомянуть, что раздор и несогласие между первейшими людьми

ежечасно, сколь бы терпелив и милосерд государь ни был, подвигнут его на гнев, ваши ж несогласия наносят многим беспокойство и тягость.

Не последняя причина и сия к несогласию, что некоторые порочат дела других, хотя б они и полезны были, для того только, что не ими сделаны, *хотя сами, однако ж, их никогда не сильны сделать.* Но в таком случае здраво рассудить должно, что не все люди равные таланты имеют. Один одарен натурой больше, а другой несравненно меньше, и для того при всяком обстоятельстве надлежит каждому себя умеривать и с благопристойностью последовать без всякого упорства и суесловия здравому рассудку, а через то достигнуть полезного предприятия.

Итако мы, изъяснив довольно нашу волю и мысли, в заключение сего нашим словом объявляем, что ничего нам приятнее не может быть, когда мы увидим, что раздор, вражда и вкоренившаяся до сего ненависть совсем истребится, а вместо того к утешению нашему и всеобщему восстановится любовь и согласие, единодушное старание о пользе любезного нам отечества. В чем да поможет и укрепит Всевышняя десница».

Пожелания и приказания императрицы оставались неисполненными. Сенат затягивал дела, и скорого правосудия добиться было трудно. Чтобы дождаться решения самого ничтожного дела, надо было «много крючковатого писать, довольно бумаги и денег тратить, стряпчего нанять, и взять терпение на год-другой, *буде не станет это дело переводиться с места на место*»[453].

Были люди, считавшие более удобным обратиться с просьбой к императрице, чем в Сенат. Жена прапорщика Ватавина просила императрицу пожаловать мужа ее, бывшего в Костроме воеводским товарищем, в коллежские асессоры. «Я просила господ сенаторов, – писала она[454], – да все отходят смешками. У

Александра Борисовича [Куракина] дважды была и толку не нашла. У князя Никиты Юрьевича [Трубецкого] была, и он сказал: как же, сударыня, быть, есть его старее. А нам что нужды: они не просят, а мы просим. А князь Иван Васильевич [Долгорукий?] рад душой, да одному нельзя. А вчерась Петра Ивановича [графа Шувалова] просила, только он гневается, и я испужалась и просьбы своей не докончила. А мне без ранга и мужу моему показаться нельзя. А Александр Борисович затеял новое, чтоб я сама в Сенат пошла, а я и дверей не знаю, да и солдаты не пустят».

Несложное дело белогородского помещика Бахирева с разграбившим его имение сержантом Григорием Сединым тянулось 14 лет; дело Державина с прапорщиком Дмитриевым по картежной игре продолжалось 12 лет; дело Бахтиных, разграбивших в Брянском уезде имение помещика Тютчева, тянулось с 1768 по 1799 год, т. е. 31 год[455]. Делом сибирского генерал-губернатора Якоби 2-й департамент Сената занимался более семи лет, оставя прочие дела и собираясь два раза: поутру и после обеда. Экстракт из дела, составленный Сенатом, состоял из 3000 листов. Откуда такая медленность? Добрынин говорит, что десятая часть чиновников служила с пользой, десятая могла быть терпима, а остальные восемь десятых никуда не годились. На службу смотрели как на материальное обеспечение, средство к наживе и обогащению, а польза общественная оставлялась в стороне, и о ней никто не думал. «Я от лености, – говорит с горькой насмешкой Н.И. Новиков[456], – никакой еще службы по сие время не избрал, ибо всякая служба несходна с моей склонностью. Военная кажется мне очень беспокойной и угнетающей человечество: она нужна и без нее никак не можно обойтись; она почтенна, но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива: надлежит знать все пронырства, в делах

употребляемые, чтобы не быть кем обмануту, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: дай за работу, а это очень трудно. И хотя она по сие время еще гораздо наживна, но однако же она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть притворства гораздо в высшей степени, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно, а сей беспрестанно то же делает».

Смотря на старших своих собратий, среднее и мелкое чиновничество было также лениво, пренебрегало делами и пользовалось всяким случаем, чтобы сорвать и с истца, и с ответчика.

У мясника увели быка, но вор был скоро отыскан, и мясник, отправившись в канцелярию, бил челом секретарю с приложением двух крестовиков.

– Я, друг мой, не такой человек, – сказал он, – чтобы взятки брать, но полученные деньги опустил в карман.

Привели вора, но тот сунул секретарю империал. Секретарь стал допрашивать мясника *по форме*, т. е. о том, о чем не надобно, «и завел с ним такую материю, которой мужик не разумел». Мужик отвечал некстати, и тогда секретарь составил определение, что мясник «в речах своих замешался и решено его высечь за напрасное оклеветание своего ближнего». Мясник подал апелляцию. «Ежели он молод, лет двадцати не больше, – замечает «Адская почта», – то, может статься, дождется конца своего дела»[457].

Таким образом, кто больше давал, тот и был прав. Впрочем, взятки не всегда помогали ускорению дела. Всякая жалоба на проволочку суда не имела последствий, и подьячие не боялись угроз.

– Изволь жаловаться, – говорили они, – а я скажу, что ты мне деньги давал, а за них наказание одно что шуту лихоимцу, что доброму человеку просителю.

Взятки брались через жен, метресс, при помощи карт, обедов и другими способами. Они назывались «*акциденцией*» и «*барашком в бумажке*».

Против взяток, или, как называли современники, «застарелой неправды», издавались указы, говорились проповеди еще Феофаном Прокоповичем, писались сатиры Кантемира, Сумарокова, Нахимова, комедия Капниста «Ябеда» и фон Визина, «письма, найденные по блаженной кончине надворного советника *Взяткина».*

«Всячина» напечатала на своих страницах особые заповеди для судей и подьячих:

I. Не бери взяток.

II. Не волочи дела от тебя зависящего.

III. Не сотвори крючков.

IV. Не обходись грубо с людьми.

V. Не говори челобитчикам *завтра.*

VI. Не делай несправедливых из дел и законов выписей.

VII. Не давай наставлений в ябеде.

VIII. Не напивайся пьян.

IX. Чеши всякий день голову, ходи чисто.

X. Покинь трусость в рассуждении иных и дерзость в рассуждении других.

«Один знающий все законы наизусть стряпчий, – публиковано было в журнале «Вечера», – которого ни к какому суду за ябедничество допускать не велено, желает вступить в службу к какому-нибудь доброму помещику, с тем обязательством, что он помещиковым именем у всех его соседей оттягает луга, леса и земли и клянется совестью вскоре его обогатить, ежели кто из соседей не даст ему больше денег, нежели сколько он от своего помещика получит. В противном случае он не отвечает за то, останется ли его хозяин при своей деревне и не продаст ли он его самого».

При таком порядке вещей людям небогатым нельзя было добиться правды в судах, и все вообще были

стеснены формами делопроизводства. Тяжебные дела разбирались не иначе как по подаче челобитень в соответствующие судебные места: на духовных приходилось просить у епархиального начальства, на фабрикантов – в Мануфактур-коллегии, на заводчиков – в Берг-коллегии, на купцов – в магистратах, на ямщиков – в Ямском приказе. Сосредоточение межевых книг в Москве, подчинение купечества Главному магистрату в Петербурге, отдаленность судов – все это было причиной, что дела тянулись 20 и более лет. Доверенности к правительству никто не имел, говорит Екатерина II, «но всяк привык думать, что иное учреждение не могло выходить, как вредное общему благу»[458].

Собравшиеся в комиссию уложения депутаты просили судиться всем равно во всех судебных местах[459]. Многие жаловались на многозаконие. «Каждое дело умножено законами», говорили они и просили «об искоренении ябедников, проклятого лакомства и продолжительного суда».

Чтобы не проиграть дела, необходимо было строго соблюсти все формы, в большинстве весьма обременительные и разорительные. Тетка отца Энгельгардта, бригадирша Витковичева, которой он был должен 3000 руб., заставляла его ежегодно для переписки векселя приезжать из Выборга, где он служил, в Малороссию, в м. Сорочинцы[460].

«Все поглощает ненасытное время, – говорилось в «Вечерах», – не исчезают одни ябеды и крючкотворство; они от потомства в потомство переходят, ябеды узловатее становятся, крючки больше растут, подьячие богатеют» [461].

Относительно суда по форме, каргопольские крестьяне заявляли, что споры и тяжбы крестьян по большей части бывают так малоценны, что не стоят издержек на подачу челобитень и на гербовую бумагу.

Они просили производить разбирательство их споров судом словесным[462].

«Мы, – писали ясашные крестьяне Казанского уезда[463], – яко народ безгласный и несведущий законов, продавая свой последний экипаж, нанимаем для хождения по делам поверенных. Эти же поверенные нас, безгласных, чрез лакомства, как челобитчика, так и ответчика, приводят в обман и разорение. Сверх того, по этим делам собираются свидетели и требуются многие справки, и от того дела продолжаются; челобитчик же и ответчик несут чрез то большое разорение и доходят до того, что бывают не в состоянии не только платить государственные подати, но и пропитать себя».

Государственные крестьяне Исетской провинции и Казанского уезда, новокрещенцы из мордвы, пахотные солдаты и вообще все крестьяне «не помещиковы» просили суд словесный, скорый, который производился бы их старшинами. Помещичьи же крестьяне были исключены из права подавать голос о своих нуждах и просить о чем бы то ни было права не имели.

Глава 16

Помещичьи и заводские крестьяне. – Краткий очерк их состояния. – Притеснение их помещиками. – Побеги, разбои, волнения и убийства помещиков.

Власть помещика над крестьянином была власть неограниченная, и закон не допускал никакой жалобы на владельца[464]. За покушение слуги против жизни господина своего назначалось усиленное наказание. Поставив помещичьих крестьян в такое положение и устраняя от себя частное вмешательство, правительственная власть в то же самое время предъявляла безусловное право на общее, повсеместное подчинение населения своим расположением и угрожала всякому лицу наказанием за нарушение закона. «Отсюда возникли противоречия и столкновения между ненарушимостью государственной воли и между действием воли владельца»[465].

Крестьянин был поставлен между двух огней: пользуясь неограниченной властью над крестьянами, помещик употреблял их нередко для осуществления своих противозаконных стремлений. Собрав крестьян, он производил с ними грабежи, а иногда оказывал вооруженное сопротивление правительственной власти. Посылаемые от суда лица часто не допускались помещиками: их встречали вооруженные крестьяне, как неприятелей и, по приказанию помещика, выгоняли из его владений. В этом случае как помещик, так и крестьяне несли одинаковую ответственность и одинаковое наказание. Произволу крестьян предоставлялось только право оценить, какое наказание будет сноснее: то ли, когда они послушают владельца и

будут наказаны правительством, или то, когда, отказавшись исполнить преступную волю своего помещика, они подвергнутся его преследованию и мщению.

Повинности крестьян по уложению заключались: 1) в доставлении на своих подводах помещикам из деревни в город и на место службы в поход запасов для их продовольствия и на продажу; 2) в приходе из деревень для работ в помещичьи усадьбы. Крестьянин не имел права на землю, на которой жил, – она принадлежала помещику. «Люди в России не привязаны к земле, – говорит Болтин[466], – ни земля к людям, хотя как те, так и другие крепостные; вследствие чего помещик или владелец имеет власть продать и людей без земли, и землю без людей, или совокупно обои; властен помещик перевести крестьян на другое место, и тогда они остаются уже без земли».

Движимое имущество крестьянина не считалось его собственностью: он владел своими животными до тех пор, пока их не отбирал владелец[467]. Размер повинности и оброка предоставлялся произволу помещика. Закон повелевал только крестьянину чтить и слушать помещика во всем, «и пашню на него пахать, оброк хлебный и денежный и всякий мелкий доход с угодий платить по старине» или платить доход, «чем помещик изоброчит»[468].

Впоследствии помещики установили разного рода поборы с крестьян, которые и обязаны были вносить их ежегодно. Эти ненормальные правовые отношения между людьми с течением времени не только не ослаблялись, а, напротив, усиливались, и число крепостных, начиная с царствования Петра I, все увеличивалось.

По первой ревизии положено было в оклад, кроме купечества, 5 472 516 душ. В царствование Елизаветы Петровны повелено произвести вторую ревизию, причем

правительство во всех своих указах стремилось прикрепить человека, уничтожить его самостоятельность и расширить пределы господского права. «Такое направление было в духе того времени, – говорит Победоносцев[469], – то была эпоха владычества временщиков, не умеряемых ни здравыми началами твердого государственного управления, ни уважением к общему мнению, которое не могло еще образоваться и высказаться, ни коренными началами и преданиями старой Руси, которые были уже забыты».

Все меры правительства клонились к расширению пределов крепостной зависимости, тем более что умножение числа людей, записанных в подушный оклад, составляло прямо интерес государства в финансовом отношении. При второй ревизии, кроме людей, бывших уже крепостными, подчинялись крепостному праву и такие, которые до того не были ни за кем записаны. Так, в подушный оклад писались церковнослужители и их дети, оставшиеся без места от упраздненных церквей и от уменьшения штатов. Они были записаны за теми помещиками, на земле которых их застала ревизия. Разночинцы, солдатские дети, купеческие и мастеровые, не положенные еще в подушный оклад, годные записывались в солдаты, а негодные отдавались помещикам. Бобыли и не помнящие родства, вольные люди, оказавшиеся в городах без мастерства и без приписки к посадам, обязаны были приискать себе помещиков.

Распоряжаясь так, правительство имело главнейшим образом в виду, чтобы ни один человек «без положения в оклад не остался». На этом основании сироты, незаконнорожденные дети, приемыши записывались в крепостные.

Многие солдаты, по увольнении в отставку, возвращались к тем владельцам, от которых были взяты в рекруты. Дети солдат, рожденные до поступления на

службу, также рожденные после отставки у солдата, возвращенного к помещику, считались принадлежащими последнему. В 1744 году повелено солдатских детей до 6-летнего возраста оставлять у матерей с тем, чтобы после этого срока они представили их в гарнизонные школы.

Инородцы также подвергались записке в крепостное состояние. Так, в 1740-х годах уфимский вице-губернатор Аксаков раздавал разным людям бунтовавших башкирцев. В 1743 году 2809 человек салтанаульских ногайцев, за самовольное откочевание с Кубани за границу России, были розданы преследовавшим их калмыкам, а затем при переводе ногайцев с Кубани и из Астрахани в Казанскую губернию многие из них розданы были в вечное владение татарским мурзам. Пленные, взятые во время войн России с иностранными державами и женившиеся на крепостных «девках или женках», записывались в крепостное состояние.

При таких условиях число крепостных с каждым годом возрастало. Оно увеличивалось еще и тем, что правительство, в виде награды, жаловало военным и гражданским чинам в вечное владение целые деревни и села, бывшие до того вольными, государственными или дворцовыми.

Указом 25 апреля 1737 года повелено было офицерам, состоящим при казенных горных заводах, сверх жалованья давать: тем, кои из шляхетства, по десяти дворов в четыре души в каждом, а тем, кои не из шляхетства, – по пяти дворов в вечное владение. В 1738 году приняты были в русскую службу князья и дворяне, выехавшие с грузинским царем и образовавшие гусарскую роту в 89 человек. Им вместо жалованья были отведены земли в У крайне и пожаловано из казенных, дворцовых и войсковых деревень в вечное владение: князьям по 30, каждому малолетнему мужеского пола по

5, а дворянам по 10 дворов. В 1741 году гренадерская рота Преображенского полка, содействовавшая императрице Елизавете при вступлении на престол, была переименована в лейб-компанию, и всем ее чинам, не исключая солдат, было роздано 13 930 душ крестьян. В шестимесячное царствование Петра III рядом с мерами, облегчающими положение бывших уже крепостных, роздано вновь в крепость 13 066 душ одних только государевых крестьян. В царствование Екатерины II с 1762 по 1772 год было роздано до 66 243 душ мужеского пола.

Крестьяне раздавались всем и каждому, кто только умел и имел случай выпрашивать их, и скоро в частных руках очутились громадные имения[470], доходы с которых шли на праздную и разгульную жизнь помещика.

Получивши власть распоряжаться трудом человека, располагать его личной свободой, творить над ним суд и расправу, владелец не только «привыкал смотреть на крестьянина как на свою принадлежность», но обращался с ним с презрением, называя его подлым человеком и скорее скотом, чем разумным существом. Лучшие и образованнейшие люди того времени не были чужды такому взгляду. Путешествуя по Франции, Д.И. фон Визин с негодованием заметил, что лакеи, сидя в передней, не вскакивают перед господами, проходящими мимо *этих скотов.*

«Канарейке, – писал Сумароков[471], – лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина. Свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».

Крестьянин в глазах помещика не имел человеческого образа и испытывал на себе всю тяжесть капризной воли господина. При неудовольствии на

крестьян помещики выжигали целые деревни, а о других наказаниях и говорить нечего.

При таком взгляде, конечно, в большинстве случаев добрых человечных отношений между помещиками и крестьянами быть не могло. «Помещики безмерно мучат своих крестьян, – говорилось в одном из заседаний комиссии о составлении нового уложения[472], – и несносные дани собирают, заставляют их ежедневно работать на себя и доводят до побегов». Многие считают это самовольством, «не подумав, от радости ли крестьянин покидает своих милых детищ, чего не делает и дикий зверь». Он бежит от поборов, от работы, к которой принуждают разными мучениями, и не желает *«видеть тела своего обезображенным».* Помещики заставляют крестьян распахивать чужие земли, косить чужие луга, рубить лес, отчего происходят драки и убийства. Крестьян за это томят в тюрьмах, наказывают; но если они не послушают помещика, то терпят от него еще большие истязания.

«Есть такие строгие помещики, – говорит Рычков, – которые крестьянам своим одного дня на себя работать не дают, а давая всем их семействам месячный провиант, употребляют их на господские работы повседневно». Граф П. Панин писал, что побеги крестьян от помещиков происходят от *«несносности человеческой».* И действительно, сверх работы на помещика крестьяне должны были приносить помещику гусей, индеек, кур, яйца, несколько аршин холста и проч. В некоторых имениях, сверх того, собирали мед, свиное мясо, бараны и масло, поручались крестьянам выпаивание телят, и даже существовали так называемые *«бессмертные коровы»*, розданные крестьянам, с тем чтобы приплод шел в пользу крестьян, а помещик получал от каждой по 20 фунтов масла ежегодно.

Чтобы судить о том, какого рода поборы возлагались помещиками на оброчных крестьян, мы заимствуем из книги В.И. Семевского сведения относительно поборов помещика Авраама Лопухина с трети Роменской волости Московского уезда. Лопухин брал: деньгами 3270 руб., сена 11 500 пудов, овса 200 четвертей, дров трехаршинных 100, однополенных 60 саженей, мяса 40 пудов, 100 баранов, 40 тонн огурцов, серой рубленой капусты 250 ведер, белой рубленой 100 ведер, пастернаку, селдерея, хрену и пырей по 1000 корней, репы, моркови, редьки сколько понадобится, 200 куриц, до 5000 яиц, брусники, клюквы и разных грибов сколько потребуется для домашнего обихода помещика. Оценив на деньги все, кроме зелени и овощей, количество которых не было определено, крестьяне этой трети высчитали, что вместе с денежным оброком всего с них собирается в год 5273 руб.

Этим не ограничивались повинности крестьян этой волости. В 1767 году они должны были выставить на мирской счет по 20 плотников. В деревне Богородницкой на счет крестьян построены: дворовое строение и барский дом; они прорыли канаву в 70 сажен длины и в 9 аршин ширины, начали рыть пруд, «от чего пришли в крайнее разорение и скудость». Для проезда помещика требовались с крестьян подводы; когда он ездил в Москву на богомолье, с крестьян взыскивались расходы на путешествие; для надобностей помещика было снаряжено 200 подвод в Москву. Управляющий имением содержался на счет крестьян, и когда приезжал сам помещик, то с мира собиралось до 100 руб. для прокормления помещика, его людей и лошадей. Если помещик переселял крестьян из одной вотчины в другую, то все расходы падали на остающихся, которые должны были купить переселяющимся шубы, сани и снабдить их деньгами. «Кроме того, крестьяне не только должны были до новой ревизии платить подати за

переселенных, но еще и вносить помещику за них оброки и разные припасы. Если помещик брал к себе в дом для услужения крестьянских мальчиков, то крестьяне все-таки продолжали платить за них оброчные деньги. Случалось, что, не стерпя великого разорения, тягости оброков и всяких несносных работ, некоторые крестьяне бежали; тогда положение остальных еще более ухудшалось, так как они должны были платить за них подати и оброки»[473].

Положение крепостных барщинных было еще хуже, потому что все время принадлежали помещику. По закону помещик мог требовать крестьян на свою работу, когда ему вздумается, кроме воскресений и праздников. Хотя обычай и установил, что крестьяне должны были работать на помещика три дня в неделю, но многие владельцы заставили работать крестьян все семь дней, не исключая ни воскресений, ни праздников… «Бедные дворяне, – говорил депутат Белгородской провинции Маслов, – тянутся за богатыми и обращают половину крестьян в дворовых. Такой помещик по своей роскоши приумножает *псовую охоту* и думает, неусыпно старается и мужиков денно и нощно работой понуждает, как оную прокормить [собак], а того не думает, что чрез сие отягощение в крестьянских домах дети с голоду зле помирают»[474].

Защитники крестьянских интересов в комиссии о составлении нового уложения хлопотали об уменьшении повинностей и увеличении количества земли. Депутат от Козловского дворянства, Григорий Коробьин, в заседании 5 мая 1768 года говорил, что много есть таких помещиков, которые берут с крестьян большие подати, чем следует; войдя в значительные долги, отдают людей своих для зарабатывания денег в уплату одних процентов и через то отлучают их от земледелия. Наконец, есть и такие, которые, увидев у крестьянина какое-либо небольшое, своим трудом добытое

имущество, его отнимают. Коробьин предлагал ограничить власть помещиков над имением крестьян и оградить законом собственность последних.

Пьянство и мотовство, говорил депутат екатеринославского шляхетства, за которые обвиняют крестьян, происходят от того же рабства. Крестьянин знает и уверен, что все, что есть у него, составляет не его собственность, а помещичью. «Так представьте себе, почтенное собрание, какому тут человеку надобно быть, чтоб еще и хвалу заслужить! И самый трудолюбивый человек сделается нерадивым во всегдашнем насилии». По словам того же депутата, с каждым годом число помещиков, разоряющих крестьян, «едва ли не умножается».

Последние слова были более чем справедливы. Большая часть челобитных, подаваемых в Сенат, самой императрице в Петербурге и во время ее путешествия, заключали в себе жалобы крестьян на притеснения помещиков[475]. «А как таковых же челобитеных, – сказано в записке князя Вяземского Сенату[476], – от крестьянства на помещиков своих подано было и прежде немалое число, то посему ее величество сомневаться изволит, чтоб оказующееся от крестьян на владельцев своих неудовольствие *не размножилось и не прозвело бы вредных следствий.* Чего ради всемилостивейше Сенату повелевать изволит: в предупреждении сего зла придумать благопристойные средства и об оных ее величеству всеподданнейше донести».

В общем собрании, 11 июля 1767 года, Сенат выслушал эту записку, но не придумал другого средства, как объявить крестьянам, чтобы на будущее время не смели подавать жалоб на своих владельцев[477]. Распоряжение это еще более разнуздало своеволие помещиков, и в следующем году явилось вопиющее дело известной Салтычихи, погубившей более ста душ своих

крепостных. Об этом деле говорилось и писалось очень много, но нельзя не привести его здесь, чтобы показать, до чего был беззащитен крепостной человек и до чего могли дойти никем и ничем не обузданные страсти помещиков.

Вдова ротмистра лейб-гвардии конного полка Глеба Салтыкова, Дарья Салтыкова, оставшись владетельницей населенных имений и живя в Москве, тиранила своих людей, преимущественно женщин и девушек. Она била их чем попало, поджигала на голове волосы, брала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду, била головой об стену. Изобретательная в изыскании способов истязаний, Салтыкова наказывала своих людей батогами, плетьми и кнутьями; надевала на провинившихся колодки и в таком виде приказывала работать; зимой выставляла босиком на мороз, заставляла жить в нетопленых комнатах и морила голодом. Все эти жестокие наказания налагались преимущественно за нечистое мытье белья или полов и в большинстве случаев оканчивались смертью. У истязуемых после наказания бывали выдраны волосы, проломлены головы, гнили спины и проч. Беременная женщина во время наказания выкинула ребенка и сама умерла. Тело забитой до смерти Прасковьи Ларионовой было отправлено для похорон в подмосковное село, и по приказанию Салтыковой на гроб посадили грудного младенца убитой, который по дороге замерз на трупе матери. Умиравших от побоев женщин она приказывала зарывать в лесу без погребения, чтобы скрыть следы своего преступления. Заставляя своих крестьян работать ежедневно и не по силам, Салтыкова не кормила их, и они, скитаясь по чужим дворам, питались мирским подаянием. Она принуждала своих людей совершать разного рода преступления, поджигать дома соседей и проч.[478] Подкупая мелких и крупных

чиновников, Салтыкова долго совершала все эти преступления безнаказанно.

– Бейте до смерти! – кричала она обыкновенно во время наказания. – Я сама в ответе и никого не боюсь, хотя от вотчин своих отстать готова, никто ничего сделать мне не может.

Посещая часто начальника полицмейстерской канцелярии Молчанова и задаривая его деньгами, она имела в нем сильного покровителя и защитника.

– Вы мне ничего не сделаете, – говорила Салтыкова своим крестьянам, – сколько вам ни доносить, мне они все ничего не сделают и меня на вас не променяют.

Имея на своей стороне подкупленных чиновников и священников, хоронивших жертв ее жестокости[479], Салтыкова успела скрыть 21 жалобу, и решавшиеся жаловаться на нее или были ссылаемы, или возвращаемы к ней же для дальнейших истязаний. Наконец, летом 1762 года двум дворовым людям Салтыковой удалось подать прошение самой императрице. «Слезно просим, – писали они[480], – *ради имени Божия* высочайшим вашего императорского величества всещедрым материм защищением помиловать, до конца милосердо не оставить». Императрица приказала Юстиц-коллегии приступить к производству следствия. Деньги и взятки затянули дело Салтыковой на шесть лет; подкупленные чиновники старались оправдать жестокую помещицу, но ввиду того, что Екатерина II сама следила за делом, сделать этого было невозможно. Салтыковой предложено было покаяться и сознаться в своих преступлениях. «Объявить ей, Салтыковой, – писала Екатерина на докладе Сената, – что все обстоятельства оного дела и многих людей свидетельства доводят ее до пытки, что с ней действительно и последует, если она не принесет чистосердечного признания. Между тем, определить к ней искусного, честного жития и в божественном

писании знающего священника на месяц, который бы увещевал ее к признанию, и если от того еще не почувствует она в совести своей угрызения, то чтоб он приготовил ее к неизбежной пытке, а потом показать ей жестокость розыска над приговоренным к тому преступником».

Салтыкова не только не покаялась и ни в чем не призналась, но и во время содержания своего под караулом била и истязала своих девок. Юстиц-коллегия приговорила: отсечь Салтыковой голову и тело ее положить на колесо; Сенат полагал наказать ее кнутом и сослать в каторжную работу, в Нерчинск, но императрица изменила приговор и повелела именовать ее Дарьей Николаевой и заключить в подземельную тюрьму.

«Сей урод рода человеческого, – сказано в указе Сенату от 2 октября[481], – не мог воспричинствовать в столь разные времена, и такого великого числа душегубства, над своими собственными слугами обоего пола, одним первым движением ярости, свойственным развращенным сердцам; но надлежит полагать, хотя к горшему оскорблению человечества, что она особливо пред многими другими убийцами в свете имеет душу совершенно богоотступную и крайне мучительную. Чего ради и повелеваем нашему Сенату: 1) лишить ее дворянского названия и запретить во всей нашей империи, чтоб она ни от кого, никогда, ни в каких судебных местах, и ни по каким делам впредь, так как и ныне в сем нашем указе, именована не была названием рода ни отца своего, ни мужа; 2) приказать в Москве, где она ныне под караулом содержится, в нарочно к тому назначенный и во всем городе обнародованный день, вывести ее на площадь и, поставя на эшафот, прочесть пред всем народом заключенную над ней в Юстиц-коллегии сентенцию, с исключением из оной, как выше сказано, названия родов ее мужа и отца, с

присовокуплением к тому сего нашего указа, а потом приковать ее стоячую на том эшафоте к столбу, и прицепить на шею лист с надписью большими словами *мучительница и душегубица;* 3) когда она выстоит целый час на сем поносительном зрелище, то чтоб лишить злую ее душу в сей жизни всякого человеческого сообщества, а от крови человеческой смердящее ее тело предать собственному промыслу Творца всех тварей, приказать, заключа в железы, отвести ее оттуда в один из женских монастырей, находящийся в Белом или Земляном городе, и там подле которой ни есть церкви посадить в нарочно сделанную подземельную тюрьму, в которой до смерти ее содержать таким образом, чтобы она ниоткуда в ней свету не имела. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свечой, которую опять у нее гасить, как скоро она наестся, а из сего заключения выводить ее во время каждого церковного служения в такое место, откуда бы она могла оное слышать, не входя в церковь».

В такой подземной темнице в Ивановском монастыре Салтыкова просидела 11 лет, а затем была переведена в каменный застенок, пристроенный к церкви, и в 1801 году она была еще жива.

Салтыкова была не единственная, и понесенное ей жестокое наказание не послужило примером и устрашением для других помещиков.

Не раз видали, как княгиня Козловская «велит раздевать мужчин и сечь их при себе розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказания бить больнее; видали, как она, в припадке бешеного исступления, заставляет служанок привязывать к столбу одного из своих слуг, совершенно обнаженного, и натравляет собак грызть несчастного или же приказывает женщинам сечь его, причем зачастую вырывает у них розги и сама бичует истязуемого по... самым чувствительным частям тела... соединяя, таким

образом, чудовищное наслаждение зверской жестокости с затеями необузданного бесстыдства». С женщинами княгиня обращалась точно так же: она заставляла их класть свои груди на холодную мраморную доску и собственноручно секла эти нежные части тела; затем вкладывала свои пальцы в рот наказуемой и раздирала его до ушей. Чаще всего подобные наказания производились из ревности госпожи к одному из ее крепостных любовников[482].

Самые разнообразные виды наказания придумывались владельцами для приведения к покорности своих крепостных и за неисполнение их приказаний. Так, одна барыня высекла сразу 80 женщин за то, что они не набрали ей земляники, помещик жег углями подошвы дворового, утопившего двух барских щенков. Болотов, посекши немного столяра за пьянство и кражу, посадил его на цепь «в намерении дать ему посидеть в ней несколько дней и потом *повторять сечение понемногу несколько раз, дабы оно было ему тем чувствительнее, а для меня менее опасно*». Последнее предположение Болотова не оправдалось, потому что когда он вторично хотел сечь столяра таким же способом, то сыновья приговоренного к наказанию заступились за отца. Будучи, но свидетельству Болотова, людьми усердными и хорошими, они объявили: один – что сам зарежется, а другой – что пропорет брюхо Болотову, а потом и себя по горлу. Подобный поступок казался настолько странным карающему господину, что он назвал сыновей столяра «злодеями, извергами и бунтовщиками». Болотов не причислял себя к жестоким помещикам и в своих записках писал, что «сек очень умеренно и *отнюдь не тираническим образом, как другие*». Такой болезни века не чужды были В.Г. Орлов, граф П.А. Румянцев-Задунайский, М.Ф. Каменский, впоследствии граф и фельдмаршал, Лопухины, тайная советница Ефремова,

жена войскового атамана Донского войска, и многие другие. Тамбовский помещик Филатов часто впрягал в дрожки вместе с лошадьми женщин. Беременных он заставлял садиться верхом на заводских жеребцов и хохотал, когда лошадь, поднявшись на дыбы, сбрасывала бедную женщину[483]. Чтобы судить, каковы были остальные помещики, мы предлагаем прочитать скорбный лист помещичьих жестокостей в исследовании г. В. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II»[484]. В этом листе встречаются наказания розгами, батогами, плетьми, кнутом и почти все виды пыток: раскаленное железо, заковывание в цепи, надевание на шею и на голову железных рогаток и проч. и проч.

Как один из видов наказания, практиковалась помещиками розничная продажа крестьян без семейства и без земли. В заседании комиссии уложения курмышский депутат Алфимов отстаивал такую продажу, говоря, что дворянам она часто необходима для уплаты долгов, а крестьянам нерадивым и склонным к преступлению служит наказанием. Против ходатайства Алфимова восстали многие, и в том числе князь Щербатов.

«Обратим взоры наши на человечество, – говорил он, – и устыдимся при одном помышлении дойти до такой суровости, чтобы равный нам по природе сравнен был со скотами и по одиночке был продаваем. Древние времена, непросвещенные чистым нравоучением, приводят нас в ужас, когда вспомним, что людей, как скотину, по торгам продавали. Если невольнику приключался какой-либо вред, то не болезнь его и страдание, но убыток господский принимался во внимание, и за него законы принуждали к платежу. Мы люди, и подвластные нам крестьяне суть подобные нам. Разность случаев возвела нас на степень властителей над ними; однако мы не должны забывать, что и они

суть равное нам создание. Но с этим неоспоримым правилом будет ли сходствовать такой поступок, когда господин, единственно для своего прибытка, возьмет от родителей, от родственников или от дома кого-либо, мужского или женского пола, и подобно скотине продаст его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающие слезы несчастного проданного, оставляющего и место своего жилища, и тех, кем рожден, и кем воспитан, и с кем привык всегда жить, и еще находящегося в неизвестности о будущем своем состоянии! Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожаления остающихся! От одного этого изображения вся кровь во мне волнуется, и я, конечно, не сомневаюсь, что почтенная комиссия узаконит запрещение продавать людей поодиночке и без земли».

Комиссия выслушала речь князя Щербатова, но не наложила своего запрещения на продажу людей по одиночке и без земли. Подобное постановление затрагивало самые дорогие интересы помещиков, и продажа в розницу существовала во все царствование Екатерины II и даже долго после нее.

Вообще, комиссия о сочинении нового уложения не дала ничего, что бы могло облегчить положение крестьян и ограничить произвол помещика. С каждым последующим днем положение крестьян ухудшалось как в нравственном, так и в материальном отношении. Работая на помещика столько дней в неделю, сколько он пожелает назначить, крестьянин не имел почти времени и средств обработать свои поля и устроить хозяйство. По недостатку хлеба крестьяне примешивали к ржаной и яровой муке пивной дробь и другие масляные из коноплей и льна избоины и мякину. Такая пища употреблялась крестьянами Клинского и Звенигородского уездов; в губерниях же малоплодородных они питались только отрубями и мякиной. Каргопольские черносошные крестьяне писали

в наказе своему депутату, что принуждены печь хлеб с примесью сосновой коры, соломы и травы, называемой вахка.

«Я останавливался, – говорит путешественник[485], – во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое привлекали; но в три дня своего путешествия ничего я не нашел похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречались со мной в образе крестьян. Непаханые поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие крытые соломой хижины из топкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, *сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны*».

Неприглядная, почти нищенская жизнь, требование больших оброков и тяжелых барщинных работ, частые рекрутские наборы, жестокость помещиков, преследование раскольников, взяточничество и всякого рода поборы заставляли крестьян покидать свои дома и искать свободы в лесах, степях и на окраинах Русского царства, среди казачества. Побеги были самым первоначальным и простейшим видом оппозиции произволу и насилиям помещиков. Несмотря на частое запрещение, бродяжничество крестьян не прекращалось и усиливалось под влиянием голода, войн и прочих тягостей крестьянского быта. Деревни пустели, и заботы правительства были направлены к тому, чтобы удержать сельское население в своих местах. Оно посылало особых сыщиков в те места, куда более всего стремилось беглое население. Все царствование Петра I наполнено указами о возвращении беглых. Крестьянам запрещено удаляться далее 30 верст от места жительства, а затем просить себе паспорт. В последующие царствования указы о ловле беглых и

недержании их у себя повторялись весьма часто, но не приводили ни к каким результатам. Покидая семейство, бросая дом и собственность и скитаясь по лесам, беглые питались Христовым именем или занимались разбойничеством. Собираясь довольно большими партиями, беглые разбойничали повсюду, и в особенности по большим рекам, где грабили суда. Грабежи и разбои развились настолько, что не только под Петербургом, но и в самой столице валялись по улицам мертвые тела убитых и ограбленных ночью жителей[486].

Для обеспечения себя от разбоя помещики принуждены были вооружать дворню, иметь ружья, пистолеты и даже пушки. В приволжских губерниях нельзя было ездить иначе как с многочисленной свитой из дворовых.

Правительство принуждено было сформировать особые сыскные команды для преследования воров и разбойников, но команды эти не приносили ожидаемой от них пользы и не могли прекратить грабежей и убийств. Они были сформированы преимущественно из престарелых и раненых солдат, были все «*бесконные»* и, кроме того, обязаны были содержать многие караулы.

За разбойниками, доносил в мае 1767 года Сенат императрице[487], «хотя как скоро уведано будет, для поиску их батальонные служители и посылаются, только разбойники, не по одним рекам собираясь производят свои злодейства, но и на сухом пути, ездя на лошадях. А особливо, когда только они приметят или каким-нибудь образом уведают, что за ними отправлены команды, то оные как ныне, так и из прежних многих дел видно, разбиваясь врознь и оставляя водяной ход, больше от поимки укрываются сухим путем, и потому в поимке их через пеших солдат мало бывает успеха».

Сенату приходилось командировать в разные места кавалерийские отряды и казачьи полки. Беглые и

разбойники находили всегда спасение и возможность укрыться от преследующих отрядов. Поодиночке и даже небольшими партиями они уходили на Дон и Волгу, записывались в казаки, скрывались в непроходимых лесах северо-восточной части России, жили в камышах по рекам Иргизу и Яику (Уралу). Крестьяне западной части России бежали в Польшу, находя, что жизнь там привольнее и легче. Они уходили туда целыми селениями со всем семейством и имуществом. «Соседство с Польшей до такой привычки довело, что мужья от жен своих, равномерно же и жены от мужей своих, согласись с другими надобными им полами, бегут за границу, а там, назвав он женой, а та мужем, и так, живя беззаконно, остаются там вечно. Оставшиеся же в России от того вероломного мужа, жена, а от жены муж, принуждены быть от молодости до старости безбрачными, или также, слюбясь с другими, уходят в Польшу и по вышеписанному манеру живут по смерть свой беззаконно же».

Подобное переселение крестьян было настолько убыточно и разорительно для помещиков, что они просили, чтобы правительство вдоль всей границы с Польшей выкопало глубокий и широкий ров и построило редуты на расстоянии двух с половиной верст один от другого. Помещики полагали, что подобная мера остановит побеги, и не сознавали, что причина лежит в их своеволии и насильстве.

Правительство принимало очень строгие меры к прекращению побегов: секли кнутом пойманных на границе и уличенных в намерении бежать и обещана смертная казнь проводникам. По всей западной границе были расставлены форпосты с исключительной целью ловить бежавших, но строгие меры не останавливали побегов, и наказание кнутом в случае поимки не могло быть страшно для тех, которым и дома часто приходилось подвергаться тому же наказанию. Беглецы

собирались по нескольку человек, силой пробивались через форпосты, а иногда уводили с собой и солдат.

«Число бродяг так увеличивается, – доносил новгородский губернатор Сивере[488], – что тюрьмы ими переполнены, как вследствие тиранства господ, так и вследствие малого наказания за побег. Если бы их брать в рекруты, то и барин, и слуга испугались бы: первый стал бы человеколюбивее, а другой послушнее. Не помнящие родства, люди незаконного происхождения увеличивают рассадник воров».

Депутат Брянского уезда Сергей Мясоедов заявил комиссии для составления нового уложения, что, будучи в сыскной команде в 1742 и 1743 годах, он один нашел: в Саратове, в его уезде, по реке Волге, на судах и хуторах до 5000 беглых, в том числе солдат, драгун, матросов и рекрут[489].

Надо заметить при этом, что при розни и взаимной вражде, которая существовала между дворянством и чиновничеством, и при безнравственности, разврате и низкой степени развития дворянства, помещики сами содействовали побегам и прикрывали их. Они охотно принимали в свои имения бродяг, записывали их в число своих крестьян и пользовались их трудом.

«Ее императорское величество, – писал князь Вяземский[490], – известись, что в Московском уезде многие, невзирая на прежде публикованные указы, держат у себя и укрывают чужих беглых и паспортов неимущих людей, изволила повелеть Сенату ныне еще обнародовать в оном уезде печатным указом, чтоб никто чужих и беспаспортных людей ни под каким видом держать у себя и укрывать не отваживался под опасением жестокого за то наказания. И сей обнародованный указ, с получения оного в каждом того уезда месте через целый месяц читать во всех церквах в воскресные и праздничные дни для всеобщего сведения».

Разбои, бегство и вообще шатание так называемой тогда «*черни*» заставляли правительство прибегать к разным мерам, чтобы уничтожить это зло и согласиться *на невозвращение беглых к бывшим их помещикам.*

Манифестом 4 декабря 1762 года Екатерина II вызывала в Россию всех беглых с обнадеживанием, «что им хотя по законам и следовало учинить наказание, но, однако же, все их до сего преступления прощаем, надеясь, что они, восчувствовав к ним сии наши оказываемые матерние щедроты, потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии»[491].

Через десять дней, 14 декабря, объявлено, что бежавшие из своего отечества в Польшу раскольники могут без всякого опасения выходить в Россию и селиться особыми слободами не только в Сибири на Барабинской степи, но в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях, с платой двойного подушного оклада.

Таким выходцам обещано полное прощение, дозволено не брить бород, носить платье какое пожелают и предоставлено возвратиться ли к помещикам или записаться в государственные крестьяне или в купечество. Всем вышедшим обещана льгота на шесть лет от податей и работ[492].

Малый успех этих указов заставил императрицу высказаться более определенно, и манифестом 13 мая 1763 года вызывались из Польши и Литвы в Россию все те беглые помещичьи крестьяне, которые покинули свое отечество до указа Сената 14 декабря 1762 года. Им обещана льгота от податей и работ на шесть лет, обещано не возвращать помещикам и дозволено селиться в казенных волостях, там, где пожелают[493]. Несколько ранее и именно 8 апреля высочайше повелено было Сенату всех переписанных беглых, живших по рекам Иргизам, помещикам не возвращать, а приписать к дворцовым Малыковским волостям, зачесть их в число

рекрут тем помещикам, от которых они бежали, и из подушного оклада исключить[494].

Несмотря на такие льготы, беглые возвращались не сразу, а подсылали депутатов с тем, чтобы точно узнать, действительно ли возвращающиеся не будут отданы опять помещикам, от которых бежали.

5 апреля 1763 года в Псковскую провинциальную канцелярию явился крестьянин Леон Козьмин, бежавший от помещика Лаврова, из имения Карачуницкого, Порховского уезда. Он показал, что находится в Польше девять лет со всем своим семейством, что он прислан от «прочих российских» людей разведать, точно ли их не возвратят помещикам и запишут в дворцовые волости. В случае справедливости этих слухов Козьмин заявил, что многие возвратятся в свое отечество. В Польше по разным местам, говорил Козьмин, «беглых раскольников, всяких разного звания людей и крестьян, с женами и детьми несколько тысяч находится и живут особыми слободами и деревнями. По увещанию, некоторые из них к выходу желание свое объявляют». Козьмин был отпущен обратно в Польшу за семейством, и ему поручено склонять остальных к выходу в Россию и объявить им, что будут приписаны к дворцовым волостям[495].

Беглые все-таки не возвращались и, вторгаясь в наши границы, производили грабежи и разбои. Тогда решено было сформировать особые легкие отряды и отправить их в Польшу для ловли беглых[496]. Мера эта, однако же, не была приведена в исполнение по политическим причинам, и посылка команд отменена. «При нынешнем в Польше междуцарствии, – писала Екатерина[497], – наша государственная политика требует, чтобы противные интересам нашей Империи чужестранные и поляки не могли ни из чего получить себе повода тамошнему шляхетству лукаво внушать и толковать от нас им утеснением и нападком

исполняемые наши меры». Потому и повелено было посылку команд отменить и дело о возвращении беглых из Польши предоставить произволу желающих.

Желающих оказывалось сравнительно немного, отчасти и потому, что некоторые из бежавших были раскольники, а другие совершившие преступление против закона и общественной нравственности. В основе этих преступлений лежали истязания и своеволие помещиков, вызывавшие крестьян на поджоги помещичьих усадьб и убийство самих помещиков. Преступления эти считались не единицами, а десятками, и особенно много помещиков было убито крестьянами в 1767 году. «Сии злодеи, – говорил граф Строганов, депутат от серпейского дворянства, – подобные диким зверям, не токмо господина своего, размучив, умертвили, но жену его и нерожденного еще младенца из недр ее вырвали»[498]. В период времени с 1764 по 1769 год в одной Московской губернии были убиты 21 помещик, 9 помещиц и было 5 покушений неудавшихся.

Замечательно, что многие лучшие люди того времени не понимали и не видели истинной причины неудовольствий. Сумароков наивно писал в 1766 году, будто им примечено, «что помещики крестьян и крестьяне помещиков очень любят». По его мнению, крестьяне убивали помещиков потому, что «наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» и, прибавила императрица, *«иметь не может в нынешнем состоянии»*[499].

Несмотря, впрочем, на столь большую цифру убийств помещиков, надо сознаться, что крестьяне прибегали к этому средству в самой последней крайности, а в большинстве случаев они выражали свой протест поголовным отказом повиноваться власти помещиков. Крестьяне отказывались исполнять требования помещиков, не шли на работу, а иногда подобные волнения сопровождались и насилием. В 1762 году

волновались крестьяне Елинского, Тверского, Белевского, Галицкого, Тульского, Епифанского и Волоколамского уездов – всего в общей сложности до 6840 душ. В 1765 и 1766 годах волновались крестьяне многих помещиков Воронежской губернии; в 1767 году крестьяне Кашинского, Чебоксарского и Кокшайского уездов; в 1767–1768 годах волновались крестьяне Симбирского уезда в имениях Измайлова и Кротковой и в Верхоломовском уезде; в мае 1769 года князь М.В. Мещерский подал просьбу в Бежецкую канцелярию, в которой жаловался, что крестьяне не слушают его.

Таким образом, не проходило года, чтобы в какой-либо местности не было волнений, и в период 1762 по 1772 год крестьяне волновались в 40 помещичьих имениях[500].

Описывая состояние России при своем вступлении на престол, императрица Екатерина говорит, что в первый год ее царствования было в явном возмущении 150 тысяч монастырских и помещичьих крестьян и 49 тысяч заводских.

Положение последних было не лучше помещичьих. Мы видели, что с захватом башкирских земель и с устройством на них горных заводов потребовались рабочие руки, для развития этого рода промышленности. При существовании крепостного права фабриканты не находили рабочих и потому прежде всего, по распоряжению правительства, все бежавшие и поселившиеся в Казанской и Оренбургской губерниях крестьяне были приписаны к горным заводам и очутились в положении худшем того, от которого бежали. Вслед затем купцам-заводчикам разрешено было покупать населенные имения внутри России и переселять их на свои заводы. Подобная покупка продолжалась до 29 марта 1762 года, когда указом Петра III было повелено: «всем фабрикантам и заводчикам, отныне к их фабрикам и заводам деревень с

землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми»[501].

Императрица Екатерина вскоре после вступления своего на престол подтвердила этот указ[502], и, по сведениям, в начале ее царствования оказалось, что к фабрикам было куплено более 20 тысяч, а к горным заводам более 40 тысяч душ. Запрещение покупки не уничтожало права фабриканта переселять уже купленных крестьян на заводы из внутренних губерний, и один Твердышев переселил на свои заводы до 15 тысяч душ из разных губерний.

Заводчики и фабриканты имели полную власть над крестьянами: могли наказывать их батогами и плетьми, надевать оковы, сдавать в рекруты и отправлять в ссылку. По одному заявлению фабриканта, поданному в Мануфактур-коллегию, крестьянин без суда и следствия ссылался на поселение или в каторжную работу. Заводчики широко пользовались этим правом, злоупотребляли своей властью и притесняли крестьян при всяком удобном случае. По закону не имея права препятствовать женскому населению выходить замуж за кого они хотят, заводчики препятствовали этому или брали выводные деньги. Закон не определял ни числа рабочих часов, ни того, должны ли работать на заводах женщины и дети и до какого возраста дети должны быть освобождаемы от работы. Разрешение этого вопроса предоставлялось произволу заводчика и вызывало частые беспорядки. «Если рассмотрим, – говорил князь Щербатов во время прений в комиссии о составлении уложения, – самое употребление и жизнь работников, то увидим, что кроме небольшего числа мастеров, которые для того, чтобы они не показывали своего мастерства посторонним, содержатся почти как невольники, прочие находятся в весьма худом состоянии как относительно их содержания, так и

нравственности»[503]. От этого, по мнению князя Щербатова, происходили беспорядки в деревнях. Забирая всех на работу, заводчики-купцы столь мало оплачивали труд, что крестьяне едва имели дневное пропитание. «Через то, – писало ярославское дворянство[504], – умножению народа чинится препона и земледелие оскудевает, да и сами крестьяне толико работами замучены бывают, что часто бунты производят».

По расследованию, произведенному князем Вяземским о причинах волнения заводских крестьян, оказалось, что неудовольствие их заключалось: 1) в пристрастной приписке крестьян к заводам; 2) в неуравнительном расчете рабочих дней на заводах, с рабочими днями, оставленными для земледелия и прокормления себя с семейством; 3) в слишком большой поденной работе; 4) низкой плате за труд и 5) в отдалении крестьян, обязанных ходить на работу в заводы иногда за 400 верст от своих селений[505]. Для устранения этих беспорядков правительство признало необходимым составить для казенных заводов инструкцию и разослать ее на частные заводы, но не для руководства, а для сведения. Заводчикам было невыгодно следовать этой инструкции, и они устанавливали свои правила, с выгодой для себя и в ущерб рабочему населению.

Некоторые заводчики, заявил Николай Дурасов в заседании комиссии уложения[506], каковы Твердышев и Мясников, «обязывают приходящих к ним для работы на заводы крестьян на год или больше, давая им вперед деньги; сверх того, кормя их своей пищей, снабжая одеждой и обувью по неумеренным ценам, приводят их в такой неоплатный долг, который они во всю жизнь заработать не могут. От сего не токмо новокрещенцы, но и помещичьи крестьяне претерпевают крайнюю нужду и бедность, и сами помещики их лишаются».

Государственные крестьяне Уфимской провинции жаловались, что приходящие на заводы Демидова из дальних волостей работники жгут их леса и ломают пчел. Новокрещенцы того же уезда говорили, что заводчики Твердышев и Мясников притесняют их излишней работой.

Имея право жаловаться на притеснения заводчиков, крестьяне прибегали к этому редко, потому что почти никогда не встречали решения в свою пользу[507]. Для защиты своих прав и облегчения участи оставалась одна грубая сила, и крестьяне прибегали к ней для заявления правительству о своем безысходном положении. Не проходило года, чтобы в нескольких местах не было бунта заводских крестьян. Называя заводские конторы хлевом и воровской избой, рабочие отказывались повиноваться заводчикам и на угрозы, что будут наказаны, отвечали, что *«о том не спорят,* но все-таки останутся при своем».

Сознавая, что «без крайности люди до крайности редко доходят»[508], императрица старалась облегчить положение рабочих, но попытки одного лица недостаточны для уничтожения общего зла. Частые исследования причин волнений редко производились добросовестно, редко обвиняли заводчиков и почти всегда рабочих. Если заводчик не умел скрыть перед следователем своих злоупотреблений, тогда он подвергался наказанию, но наказания единичных лиц, без закона ограничивающего всеобщий произвол, не уничтожали злоупотреблений.

«Нельзя мне, всемилостивейшая государыня, не думать того, – доносил капитан-поручик С. Маврин[509], – чтоб не было премудрых ваших распоряжений, в рассуждении нынешних обстоятельств в знаменитых [внутренних?] губерниях и когда последует положение, то обратите взор свой на крестьян заводских, а паче на приписных, *которые отданы совершенно в жертву*

заводчикам, а оные хищники ни о чем другом не помышляют, как о своем прибытке, и алчно пожирают все крестьянское имущество, ибо многие приписные крестьяне ходят на иго работы от четырех до семисот верст. А порядок у них тот, что все они, кои могут работать, разделены на три партии: одна работает, а другая идет на смену, и до тех пор первая не возвратится в дома, пока другая не придет сменить. Работа ж сия на заводах большей частью тогда потребна, когда крестьянин должен доставать насущное пропитание, а когда земледелец не достанет себе из земли сокровища, то он нищий.

Многие вопреки мне говорят, что заводчики им дают пропитание и снабжают их всем нужным, но есть ли в том польза? отнюдь нет, а когда и есть, то редким, а именно заводчикам, а государству в тягость. Когда ж земледелец упражняется в трудах сих, то приносит изобилие многим.

При заводах же есть ухватка и та, хотя, впрочем, нечестивая, когда крестьянин работает на заводе, то как выше сего сказано, за семьсот верст на треть года хлеба завезть не можно, а у другого и везти нечего, и потому должен он хлеб и все нужное для себя получать у заводчика же из лавки и брать за такую цену, какая положена будет и за все то, что крестьянин заберет, должен заработать по заводскому расположению. А как притом на счет работных людей несравненно ставят дороже, как бы надлежало, то крестьяне почти бессменно и должны быть в работе у них, а потому глас бедных и взывает свой самодержицу на облегчение елико можно ига их.

Не говорю, чтоб при нынешних обстоятельствах во удовольствие их было что сделано, для того, чтобы и впредь сия чернь не возомнила бунтом же требовать своего благоденствия и не пожелала того, чего сделать невозможно.

Всемилостивейшая государыня, извини верноподданного раба вашего, что осмелился сделать сию дерзость, несвойственную званию моему, и когда приношение сие есть дерзновенное, так усердие мое виной, а чтоб служить вам, всемилостивейшая государыня, верно и усердно, в том честь и присяга как Богу, так и вам, всемилостивейшая государыня, данная, меня руководствует. Но чтоб не поставлено было в мой происк или некоторых лиц оклеветание, в том прошу покровительства и защищения от вас, всемилостивейшая государыня. Мысль моя не в другом каком виде состоит, как предуведомить самодержицу всероссийскую об обстоятельствах страны сей, а что сие истинная правда – *кровию моей подписать не отрекусь*».

Маврин обращал внимание императрицы на огромные естественные богатства Оренбургской губернии. «Но, – прибавлял он, – как *внедрилось в отечестве нашем столько внутренних неприятелей*, что превосходит всякое чаяние ваше, а потому и должно над здешним краем сделать особливое примечание, дабы, чего Боже сохрани, и впредь не могли *скиснуть оставшиеся от неброжения дрожжи.* А сие место столь для цветущего благоденствия вашего императорского величества нужно, что вошло давно в пословицу: *Сибирь – золотое дно!* А что сие правда, то доказывают всегдашние опыты, но все оное нечестивцы, к пагубе другим стройщие, пожирают и делают оную злоключительной».

Глава 17

Духовенство. – Его характеристика и нравственное состояние. – Причины неудовольствия как черного, так и белого духовенства. – Общий вывод о состоянии общества перед Пугачевским бунтом.

Несмотря на существование школ и семинарий, духовенство прошлого столетия находилось на самой низкой степени развития, было мало или вовсе не образованно. Тобольский митрополит Павел Конюскевич не верил, что Земля вращается вокруг Солнца, и все старания астронома аббата Шаппа убедить его в этом оставались тщетными[510]. В девяностых годах Могилевской епархией управлял епископ Афанасий Вальховский, который не мог читать знакомого ему Евангелия без ошибок и частых остановок[511]. Приходское же духовенство почти ничем не отличалось от крестьян и не имело на них никакого влияния. Будучи в большинстве неграмотно, сельское духовенство было погружено «в самом вышнем невежестве и грубиянстве»; священник отправлял церковное служение наизусть[512], а дьячок пел понаслышке. При подписке присяжных листов почти половина священников оказались неграмотными, и, прося подписать за них других лиц, отговаривались или слепотой, или тем, что «поп очьми скорбен». За неимением духовных ученых Г.Р. Державин, по случаю открытия больницы в г. Петрозаводске, принужден был сам сочинить проповедь для священника Петрозаводского собора Иоанна.

Точно так же в 1787 году он сочинил речь в Тамбове, по случаю открытия наместничества, и заставил

говорить ее однодворца Захарова, потому что преосвященный сам был человек неученый и не имел при себе никого, кто мог бы сказать проповедь. Томский архимандрит доносил тобольскому митрополиту, что «в сочинении исповедных росписей и рапортов за неимением при монастыре писарей из грамотных служителей, чинится остановка, а дьячки и пономари писать не умеют».

Белое духовенство находилось почти в нищенском состоянии, и годовые доходы сельского священника не превышали 50–55 руб.[513]Чтобы существовать с семьей, иногда весьма многочисленной, священнику приходилось самому заниматься земледельческими работами и своими руками возделывать огороды. «Многие городские священно-церковно-служители, – писал Синод[514], – не имея от прихожан к содержанию своему достаточных доходов к пропитанию себя, весьма нужно [бедно] содержат, а в уездах довольствуются по большей части от хлебопашества, почему они не столь в звании своем, сколько в земледельчестве упражняться должны».

Высшее общество относилось к духовенству свысока и с презрением и смотрело на него точно так же, как и на крестьян. Помещики держали себя в отношении к духовенству полновластными господами, заставляли священников стоять перед ними без шапок, подвергали их побоям и даже секли. «Однажды поп не стал было венчать, барин послал за ним псарей, те привезли его на мельницу да и отпороли»[515].

Народ не уважал духовенство, потому что видел в нем человека необразованного и часто неграмотного, работающего вместе с ним за сохой и точно так же не избавленного от податей и от телесного наказания. Императрица Екатерина освободила духовенство от податей, запретила наказывать его телесно *в судах духовных*, но не было издано никакого указа об

освобождении духовенства от телесного наказания *в судах светских.*

С своей стороны белое духовенство, будучи поставлено в крайне плохие материальные условия и далекое от всяких чисто нравственных идеалов, весьма часто уклонялось в противоположную сторону, сторону пороков, и предавалось разным безобразиям, присущим веку: было корыстолюбиво и нетрезво. Высшее же духовенство было грубо, необразованно и не имело понятия о святости своего служения. Вятский архиерей Антоний Илляшевич позволял себе в церкви браниться «самыми поносными словами»[516] и оскорбил секунд-майора, заведовавшего сбором подушных податей.

Севский епископ Кирилл Флиоринский, считавший себя человеком образованным и по привычкам французом[517], производил самые грубые безобразия во время церковного богослужения. «Он всегда, – говорит Добрынин[518], – даже в самом священнодействии обыкновенно доходил до такого позора, что иному из окружающих его подчиненных или сослужащих трикириями[519] бороду подожжет, иному клок волос вырвет, иному кулаком даст в зубы, иного пхнет ногой в брюхо. Все сие делает он при чрезвычайном на всю церковь крике бранными словами, где бы то ни было: в алтаре или среди церкви, а особливо в ту пору, когда его облачают в священные одежды. Можно сказать, что он тогда похож бывает на храброго воина, отбивающегося от окруживших его неприятелей».

В другой раз, будучи в алтаре перед слушанием молитвы после причастия, архиепископ Флиоринский схватил Добрынина за волосы обеими руками «весьма плотно и впился в них, как клещ в тело». Мужчина он был большой, сухощавый и сильный, «следственно, руки его не были похожи на пуховые. Во всем пространном алтаре не оставалось места ни на вершок, с которого бы мы не подняли пыли». Все присутствовавшие в алтаре

разбежались в разные стороны, ожидая, говорит Добрынин, с благоговением, страхом и трепетом окончания *святительского на мне рукоположения.* Кадм дракона не убивал с таким мужеством, волк агнца не терзал с такой жадностью, Самсон, злясь на филистимлян, не связывал с таким проворством лисицам хвостов, и даже самый Дух праотцу Иакову не ломал лядвии столь безжалостно, как сей пастырь меня по алтарю Господню потаскивал. Он до тех пор меня из рук не выпустил, пока не осталось в них все то, что оными захватываемо было». Столь жестокое избиение Добрынин претерпел за то только, что перед кафедрой не было орлеца[520]. Тот же архиепископ споил брянского протопопа и, говоря проповедь против раскольников, называл их неприличными словами и плевал на народ через налой, на котором лежал Псалтырь.

В одной из церквей Тамбовской губернии дьячок Дорофей Васильев и пономарь Терентий Петров вошли в церковь во время свадьбы и, не обращая внимания на священника, потребовали у жениха, который стоял уже перед налоем, 2 руб., кроме выговоренной платы за венчание. Получивши отказ, церковнослужители погасили свечи пред образами, вырвали венчальные свечи у молодых и остановили венчание[521].

Епархиальные архиереи обращались с своими подчиненными грубо и жестоко. Так, устюжский епископ Варлаам производил своему клиру «наижесточайшие телесные наказания». Дмитрий Сеченов держал одного священника шесть лет в тюрьме, в оковах, бил его смертными побоями, забрал у него деньги, разорил дом, лишил пропитания отца и 11-летнего сына за то, что тот, по принуждению архиерея, не хотел принять монашества. Известный Арсений Мацеевич издал распоряжение, чтобы наказывать виновных священников веревками, обмоченными в горячую смолу, на конце

которых навертывалась проволока в виде когтей. Такие веревки назывались *кошками*, и ими был наказан благочинный за то, что в его участке Арсений заметил на престоле много пыли. Вообще Арсений обходился с подчиненными весьма грубо, бранился самыми неприличными словами, дозволял себе расправляться собственноручно, а сам вел жизнь далеко не монашескую[522]. Тобольский митрополит Павел Конюскевич сек духовенство плетьми и подвергал их разным черным работам. Таким же работам подвергал своих подчиненных и устюжский епископ Варлаам. Трудами священнических рук были вырыты в архиерейском селе Богородском пруды, изображавшие своими излучинами вензель архиерея. Вологодский епископ Серапион Лятошевич, тамбовский – Пахомий и архимандрит Долматовского монастыря Иакинф были известны своими жестокостями, причем последний носил название «кровожаждущего» и погиб в 1798 году от рук крестьян, при содействии монахов.

Плети, кулачная расправа и розги были обыкновенными явлениями среди духовенства, и редкий священник не испытывал на себе того или другого вида наказаний. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславов сохранил нам рассказ о суде владимирского архиерея Иеронима[523]. «В *подачу*, т. е. в ту комнату, в которой архиерей принимал просителей, входили все имевшие нужду являться к нему. Иероним обыкновенно садился в подаче на диван, выслушивал и вызывал одного за другим просителей и большей частью тут же произносил или писал решения или резолюции. Многие являлись с жалобами друг на друга, другие вызывались вследствие какого-либо дурного поступка, о котором как-нибудь узнал владыка. Взыскания в этих случаях были, конечно, различны; виновные получали более или менее строгие выговоры, назначались на черные работы в архиерейском доме, отсылались в

монастырь, но очень часто наказывались и телесно, тут же в *подаче* при всех, для всеобщего назидания. «Э! Да ты какой проказник, или сутяга, или негодяй, – восклицал владыка, – вот я тебя поучу. Эй, – прибавлял он, обращаясь к своей прислуге, – плетей сюда!» Разумеется, живо являлись кучера или кто-либо из другой прислуги с ременными двухвостками. «Ну-ка, раздевайся да ложись», – приказывалось виновному. Принято было, чтобы наказываемый снимал с себя все верхнее платье и оставался в нижнем белье. Вот и разделся и растянулся на полу. Для экзекуции из архиерейской прислуги являлись только двое с плетьми, а держать должны были предстоявшие духовные или по назначению владыки, или по выбору прислуги. Отказываться было нельзя. Четыре человека тотчас опускались на колени, двое держали за ноги, а другие двое за руки, крестообразно расположенные; для двухвосток открывалось свободное место; было где им улечься на обнаженных частях тела. Наказываемый укладывался так, чтобы владыка, не вставая с дивана, мог своими глазами видеть, плотно ли плети прилегают к телу. Больше всего секли причетников, затем дьяконов, не давали спуску и священникам, особенно молодым. Наказание было жестокое; дедушка, которому не одного человека приходилось держать за руку или ногу, говаривал: «У! Жарко бывало, дрожь пробегала по телу». Таким образом очень нередко священник, за несколько дней приносивший бескровную жертву, бывал высечен сам до крови».

Какое уважение могло быть к подобным пастырям церкви? Грубые нравы отражались во всем, и священник, испытавший на себе всю тяжесть наказания владыки, сделавшись начальником, поступал точно так же, если еще не строже, с своими подчиненными и с духовными детьми. Не владея крепостными, он не мог производить, подобно помещикам, наездов на имения

соседей, зато производил экспедиции на раскольников с целью поживиться на их счет. Таков, например, был судящий поп Иван Андреев Сокольский в Юрьевец-Повольском уезде. Собрав церковников с разных церквей и вооружив их ружьями и дрекольями, поп отправился в Рыбновскую волость отыскивать раскольников. Он хватал первого попавшегося, заставлял его указывать, где живут раскольники, и если тот отказывался, то «бил плетьми смертельно и весьма необычайно». Так он бил крестьянина Лаврентия Леонтьева и 70-летнюю женщину Марфу Васильеву. Затем «лютый поп приказал истопить баню», обмыть кровь Васильевой и парить ее «крестьянскую женку, приставя в караул двух церковников». В другой раз Сокольский отправился в Коряковскую волость, отобрал у крестьян 63 иконы и увез их с собой. На просьбу возвратить их поп отвечал, что отдаст иконы только тогда, когда будет дано ему 5 руб.

Притесняя и преследуя раскольников, православное духовенство с еще большей жестокостью поступало относительно инородцев-магометан. Здесь оно сделало все, чтобы восстановить их против правительства, и было причиной кровавых столкновений. Мы видели, к чему привела миссионерская деятельность русского духовенства среди башкирцев. Положение дела среди прочих магометан было не лучше. В 1743 и 1744 годах предпринято было повсеместное истребление мордовских кладбищ и татарских мечетей в губерниях Нижегородской и Казанской; в последней было уничтожено 418 мечетей. В 1745 году мордва жаловалась императрице, что Дмитрий Сеченов заставляет их креститься силой, а отказывающихся бьет и заковывает в кандалы или связанными окупает в купель и надевает кресты. Чуваши жаловались на точно такое же насильственное обращение с ними игумена

Неофита, а сибирские татары и бухарцы – на тамошнего митрополита Сильвестра.

Если подобные жестокости и насилия над иноверцами еще можно объяснить какими бы то ни было политическими видами, то нет никаких оправданий для духовенства в жестоком обращении с крестьянами духовных имений. Все справедливые жалобы крестьян на притеснения их управителями оставлялись Синодом без всякого исполнения, и нередко просители возвращались к тем же властям, на которых жаловались, для наказания за принесенную жалобу.

«Уже с давнего времени, – писал император Петр III[524], – к нашему неудовольствию, а к общему соблазну примечено, что приходящие в Синод на своих властей или епархиальных архиереев челобитчики по долговременной сперва здесь волоките, наконец обыкновенно без всякого решения к тем же архиереем отсылаются на рассмотрение, на которых была жалоба, и потому в Синоде или не исполняется существительная оного должность, или же и того хуже – делается одна токмо повадка епархиальным начальникам, так что в сем пункте Синод походит больше на опекуна знатного духовенства, нежели на строгого блюстителя истины и защитника бедных и невинных... Кажется, что равный равного себе судить опасается, и потому все вообще весьма худое подают о себе мнение. Сего ради повелеваем Синоду чрез сие стараться крайним наблюдением правосудия соблазны истребить...»

При вступлении князя Шаховского в должность обер-прокурора он не нашел многих дел и инструкций, данных прежним обер-прокурором. Духовный регламент был в полном пренебрежении, и отчетность в Синоде почти совсем исчезла. В 1744 году Коллегия экономии была уничтожена, а управление вотчинами и сбор доходов были отданы в ведение Синода. Мера эта отозвалась самым дурным образом на внутреннем

спокойствии империи. Притесняемые духовенством, налагавшим чрезмерные поборы и подвергавшим жестоким наказаниям, крестьяне постоянно волновались и успокоились только тогда, когда, в 1764 году, монастырские имения были отобраны от духовенства.

Отобрание это возбудило всеобщее неудовольствие и протесты со стороны высшей духовной иерархии; оно отозвалось и на низшем слое духовенства, потому что одновременно с этим было уменьшено число монастырей и приходов. Оставшиеся за штатом церковнослужители тунеядствовали и предавались всякого рода безобразиям. «Воровство, – говорили депутаты в комиссии уложения[525], – происходит по большей части от множества безместных церковников, которые числятся при отцах; но сами отцы, но крайней мере многие, церковной земли имеют очень мало, а детей человека по два, по три и больше, а приходу на них никакого нет, *к работе же, как известно, этот род ленив*; так не повелено ли будет безместных церковников определять в солдаты, а негодных в подушный оклад».

Предложение это было впоследствии осуществлено, и в 1767 году императрица Екатерина II повелела Сенату собрать подробные сведения о числе церковнослужителей, остающихся праздными. Сенат поручил собрание этих сведений Синоду и в октябре 1767 года представил императрице, что, за исключением двух сибирских епархий, состоит в наличности 17 518 церквей, при которых должно быть по штату 78 651 церковнослужителей, а состоит 66 025 человек, следовательно, 12 626 человек недостает. Для пополнения недостающего числа могли поступить дети церковнослужителей, которых считалось: от 20 лет и выше – 5916; от 15 до 20 лет – 6501; от 15 лет и ниже – 57 870 человек, всего 70 287 человек. Сверх того, было не допущенных по разным причинам к служению протопопов, попов, протодиаконов и дьяконов 1872

человека, дьячков, пономарей и сторонней – 1565, престарелых и увечных – 902, отрешенных от служения, подозрительных и под судом состоящих – 40 человек, положенных в подушный оклад, но состоящих в духовном чину, по увольнительным от владельцев письмам – 498 человек. У всех этих лиц считалось до 15 078 человек детей, и таким образом общее число детей церковнослужителей доходило до 85 365 человек. Все это были люди по большей части или вовсе безграмотные, или малограмотные, люди безземельные, не имевшие никакого определенного рода занятий. Сенат находил, что таких людей, «за их праздностью, при нынешних военных обстоятельствах, без отягощения народного, в пользу отечества употребить справедливо бы было», тем более что они, «не имея ни земель, ни другого какого к пропитанию служащего способа, не только другим, но и самим себе в тягость обратились, и, шатаясь без места и службы, никакой отечеству должной пользы не приносят, но паче многие из них в воровствах и других тому подобных беспутствах являются».

Имея в виду, что еще и прежде указами Петра I, императриц Анны и Елизаветы повелено всех таковых писать в подушный оклад или брать в солдаты, Сенат испрашивал повеления взять в солдаты: 1) четвертую часть из числа детей церковнослужителей, имеющих от 15 до 40 лет; 2) всех – из недействительно служащих и безместных дьячков, пономарей и сторожей; также впавших в преступления и наказанных, но в домах праздно живущих и 3) половину детей от 15– до 40-летнего возраста из числа тех, которые или вовсе не знают грамоты, или малограмотны, и из тех, которые находятся под запрещением, следствием или подозрением[526]. Императрица согласилась с мнением Сената и повелела исполнить.

Мера эта вызвала большое неудовольствие со стороны белого духовенства и поставила его в некоторое оппозиционное положение к правительству.

Белое духовенство было недовольно тем, что их самих и детей их брали в солдаты; высшее духовенство считало себя оскорбленным отнятием имений, писало в Синод резкие протесты, закончившиеся судом и ссылкой известного митрополита Арсения Мацеевича. Крестьяне бунтовали против помещиков, бежали от их насилия, жестокостей и истязаний. Они были чутки ко всякого рода слухам, сулившим им лучшую будущность. С отобранием церковных имений Петром III помещичьи крестьяне видели в нем человека, желающего облегчить участь подвластных людей, и не сомневались в том, что государь освободит и их от власти помещиков. Слухи и рассказы об этом ходили повсеместно еще при жизни Петра III, а вскоре после его кончины стали поговаривать, что император жив, но, преследуемый боярами, принужден до времени скрываться. Мы уже видели, что в 1763 году, в селе Спас-Чесноковке, получено было известие, что Петр III жив и что священник и дьячок отслужили молебен за чудесное спасение государя. В сентябре того же года подобный слух распространился и в крепости Святой Елизаветы[527].

– Был у меня вчера, – говорил подполковник Ездемирович зашедшему к нему прапорщику Войновичу, – Мельгунова камердинер и сказывал, что у Мельгунова был в гостях майор гвардии Рославлев и говорил, что бывший император жив и послан в Шлюшин (Шлиссельбург), и для того его послали, что Орлов хочет на государыне венчаться.

В 1765 году беглый солдат Кремнев объявил себя императором Петром III. Он встретил повсюду сочувствие среди крестьянского населения, разъезжал по Воронежской губернии и приводил к присяге

однодворцев. Вслед за тем были пойманы и сосланы в Нерчинск армянин Асланбеков и беглый солдат Чернышев, называвшие себя императором Петром III. Чернышев показал, что принял на себя столь высокое имя потому, что «в разные времена, будучи в кабаках и шинках», слыхал, что император еще жив.

В 1769 году беглый солдат Мамыкин по дороге в Астрахань разглашал, что Петр III жив, вступит опять на престол и окажет многие милости крестьянам.

В 1772 году объявивший себя императором Петром III самозванец Богомолов взволновал Волгское войско, часть Донского и встретил большое сочувствие в гарнизоне гор. Царицына.

Часто повторяемые явления самозванцев все более и более утверждали население в той мысли, что бывший император жив, и оно с нетерпением ожидало его появления. С не меньшим нетерпением ожидали того же и все инородцы-магометане, составлявшие большую часть населения Казанской и Оренбургской губерний. Ходили слухи, что император Петр III долго не появляется потому, что его преследуют «бояре». Народ волновался, и озлобление против привилегированного класса с каждым днем усиливалось. Администрация и чиновничество своими действиями только подливали масло в загоравшееся уже пламя. Взяточничество и всякого рода поборы с народа не уменьшались, а, напротив, усиливались. Императрица сама заявила Сенату, что государственные крестьяне, живущие в Казанской губернии, терпят такое притеснение, что без дозволения местных смотрителей не смеют завести ни одного поросенка потому будто бы, что животные эти едят дубовые желуди, а между тем Екатерине II было известно, что ни одного дуба в той местности посажено не было[528].

Чиновничество брало при всяком удобном случае, было порочно и малодушно, жило роскошно и выше

средств. Ожидать от него содействия видам правительства было невозможно, точно так же, как и от дворянства, утонувшего в лени, разврате и взаимных ссорах. Право сильного, захват чужой собственности, помещичьи наезды поселили такую рознь и вражду друг к другу, что «во всех собраниях дворянства, – говорит Винский[529], – кроме нелепостей, споров о пустяках и ссор, никогда ни одно дельное дело не было предлагаемо».

При такой розни дворянства, порочности и слабости администрации Пугачеву, лаская народ и обнадеживая его свободой, нетрудно было увеличивать свои силы и поднять знамя восстания.

Глава 18

Движение Пугачева к Яицкому городку. – Аудиенция с посланным от киргизского Нуралы-хана. – Письмо Пугачева к хану. – Первая жертва. – Появление мятежников у Яицкого городка. – Воззвание яицким казакам. – Движение Пугачева вверх по реке Янку. – Занятие Илецкого городка, Рассыпной и Нижнеозерной крепостей.

Переночевав на реке Кушума и собрав вокруг себя человек двести вооруженных, в том числе и татар, которые были приведены Идоркой, Пугачев, на рассвете 18 сентября, двинулся через Кош-Яицкий (Кошевский тож) на Наганский форпост. Пройдя первый, самозванец был встречен опередившим его писарем Забиром, поднесшим ему подарки, присланные Нуралы-ханом.

– Киргиз-кайсацкий хан, – говорил Забир через переводчика Идорку, – приказал вам кланяться и прислал вам подарки.

– Что ты за человек и зачем прислан? – спросил Пугачев.

– Я мулла и прислан поклониться и вас посмотреть, потому что я бывал в Москве и Петербурге и государя видел.

– Узнаешь ли меня?

– Как не узнать; я узнал, что ты государь. Нуралы-хан приказал ваше величество просить, чтобы вы написали к нему письмо.

Отдав Забира под присмотр, Пугачев поручил Идоркину сыну, яицкому казаку Болтаю, написать хану ответ[530].

«Я ваш всемилостивейший государь, – писал Болтай от имени Пугачева[531], – купно и всех моих подданных и

проч. проч. Петр Федорович. Сие мое именное повеление киргиз-кайсацкому Нуралы-хану, для отнятия о состоянии моем сомнения. Сегодня пришлите ко мне одного вашего сына солтана со ста человеками в доказательство верности вашей, с посланными с сим от нашего величества к вашему степенству, ближними нашими У разом Амановым с товарищи. *Император Петр Федорович*».

Подозвав к себе Аманова, приехавшего вместе с Забиром, Пугачев передал ему письмо, с приказанием требовать от Нуралы-хана сто человек вооруженных киргизов, которых и привести к Песчаным хуторам.

Не успел Аманов отъехать трех верст от стана самозванца, как был задержан казачьим разъездом из отряда старшины Окутина, высланного полковником Симоновым в подкрепление сержанту Долгополову.

– Куда ты едешь? – спросили казаки.

– Я послан, – отвечал Аманов, – от государя Петра Федоровича к киргизскому хану с письмом.

Казаки остановили посланного и представили его старшине Окутину.

– Где стоит самозванец? – спрашивал Окутин. – Сколько при нем людей и кто они?

– Государь находится, – отвечал Аманов, – между Кош-Яицким и Наганским форпостами, и при нем яицких казаков человек триста; они хотят идти прямо в городок.

Получив такое сведение, Окутин тотчас же собрал с постов казаков и, поспешно отступив в городок, донес коменданту полковнику Симонову. Последний имел в своем распоряжении части 6-й и 7-й легких полевых команд, в которых вместе с нестроевыми считалось 923 человека и 112 человек оренбургских казаков с их старшинами [532]. При полевых командах находилось несколько орудий, но с весьма ограниченным запасом зарядов, а прислуга, «кроме капрала да и того из непрактикованных», состояла вся из рекрут[533].

Зная, что большинство населения Яицкого городка сочувствует самозванцу и готово при первом удобном случае передаться на сторону Пугачева, полковник Симонов не решился оставить Яицкий городок без гарнизона и выйти со всей своей командой навстречу приближавшейся толпе мятежников. Он составил отряд из трех некомплектных рот пехоты и приказал всем выезжать для разгона толпы Пугачева. Удаляя таким распоряжением сомнительный элемент из городка, Симонов решился защищаться с оставшейся командой и готовился к встрече Пугачева.

Между тем, собираясь в поход, казаки Яков Почиталин, Андрей Овчинников, Фофанов и другие согласились передаться на сторону самозванца, который после полудня 18 сентября появился в виду Яицкого городка [534].

Двигаясь по направлению к городку, Пугачев забирал с собою как с форпостов, так и из зимовий всех находившихся там казаков, вооруженных и безоружных. Хотя все они шли к нему охотно, «но самозванец всем приставившим к нему приказывал, чтобы никто не отставал, и стращал смертью, если кто отстанет или уйдет»[535].

На пути толпа захватила посланного полковником Симоновым сержанта Дмитрия Николаева и представила его Пугачеву.

– Ты откуда? – спросил Пугачев.

– Из Яицкого городка, – отвечал Николаев, – послан от коменданта до Астрахани курьером.

– Есть у тебя бумаги?

– Бумаг нет, а еду я по форпостам сказать караульным, чтобы стояли осторожно, потому что орда (Киргиз-Кайсацкая) пришла к Яику.

– Если за этим послан, то поезжай, – отвечал Пугачев.

Николаев тронулся было в дальнейший путь, но подводчик, подозвав к себе из толпы казака Давилина, заявил, что Николаев солгал.

– Этот сержант государя-то обманул, – говорил подводчик, – он везет указы во все места, чтобы государя ловить. В указах называют его не государем, а донским казаком Пугачевым.

Давилин задержал Николаева и привел его опять к самозванцу, которому и передал отобранные у Николаева пакеты. Пугачев передал бумаги своему секретарю Ивану Почиталину, приказал их распечатать и прочитать. Показания подводчика оказались справедливыми, и в бумагах заключалось приказание форпостным начальникам ловить донского казака Емельяна Пугачева, принявшего на себя титул императора Петра III.

– Зачем Пугачева ловить, – говорил спокойно самозванец, приказывая изодрать и бросить бумаги, – Пугачев сам идет в городок, и если я Пугачев, как они меня называют, так пусть возьмут и свяжут, а если я государь, так с честью примут в город. Для чего ты обманул меня и не сказал правды? – спрашивал с гневом Пугачев сержанта Николаева. – Приготовьте-ка виселицу.

– Виноват пред вашим величеством, – говорил Николаев, кланяясь самозванцу в ноги, – я вину свою заслужу вам.

– Что на него смотреть! Прикажи повесить! – кричали казаки.

Пугачев, однако же, не согласился, главным образом потому, что нашел в Николаеве человека грамотного, ему крайне необходимого.

– Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, – говорил самозванец, – пусть вам и мне служить станет, и отдам его под команду Ивана Почиталина.

Подходя к Сластиным хуторам, принадлежавшим братьям Мясниковым, толпа захватила в свои руки старшинской руки казака Скворкина и привела его к Пугачеву.

– Этот казак послан из городка шпионом, – говорили поймавшие, – разведать о вашем величестве.

– Зачем ты здесь по хуторам позади моего войска ездишь, – спрашивал самозванец, – и откуда ты послан?

– Я послан от старшины Мартемьяна Бородина из городка, проведать о вас, где идете, сколько у вас силы, чего ради стороной мимо вашей команды и пробирался с тем известием, что вы идете в городок.

– Ты человек молодой, – говорил Пугачев наставительным тоном, – тебе бы надо мне служить, а ты поехал против меня шпионить.

– Надежа-государь, прикажи его, злодея, повесить, – просили казаки Давилин и Дубов, – отец его делал нам великие обиды, да и он даром что молод, но так же, как и отец, нас смертельно обижал.

– Подлинно он, батюшка, плут, – кричали казаки, – прикажи его повесить!

– Если он такой худой человек, – отвечал Пугачев, – так повесьте его.

Скворкин был тотчас же повешен, и эта казнь была первою из бесчисленных впоследствии жертв кровавой деятельности Пугачева и его сообщников.

У Сластиных хуторов явился к Пугачеву один из первых его сообщников, Тимофей Мясников, несколько дней скрывавшийся в кустах от преследования.

– Что делается в городе? – спросил его самозванец.

– Я, батюшка, сам едва-едва уплелся, – отвечал Мясников, – и не знаю, что теперь там делается.

– Однако же пойдем к городку, – сказал Пугачев с решимостью.

Заметив издали, что впереди городка, перейдя через Наганский мост, стоит команда казаков и небольшой

отряд пехоты с пушками, под начальством секунд-майора Наумова, самозванец остановился. Тогда Наумов, с целью осмотреть силы мятежников, отправил вперед старшину Окутина с казаками, но старшина отошел на очень небольшое расстояние от пехоты. Оба противника довольно долгое время не предпринимали ничего друг против друга. В стане Пугачева был возбужден вопрос: как действовать? Одни полагали, что следует напасть на город силой, а другие советовали вступить в переговоры с высланными Симоновым казаками. Пугачев склонился на сторону последнего предложения и желал, чтоб его «впустили в город без драки».

– Я пошлю к войску указ, – говорил он, – и когда нас примут, то прямо ведем, а когда будут противиться, то поедем мимо, за Строгонов сад, и там ночуем.

Предложение было принято, и по приказанию самозванца Иван Почиталин написал:

«Войска яицкого коменданту, казакам, всем служивым и всякого звания людям мое именное повеление.

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и мне послужите, великому государю, и за то будете жалованы крестом и бородою, реками и морями, денежным жалованьем и всякой вольностью. Повеление мое исполняйте и со усердием меня, великого государя, встречайте, а если будете противиться, то восчувствуете как от Бога, так и от меня гнев. *Великий государь Петр III Всероссийский*».

Отправляя нарочного с указом, Пугачев приказал передать его старшине Окутину и стараться убедить его и бывших при нем казаков, чтоб они приняли его с честью.

– Если же они во мне сомневаются и за точного государя не признают, – говорил Пугачев, – то приняли бы меня с тем, чтоб отвезти в Петербург и спасти мою жизнь.

Держа над головою воззвание самозванца, посланный[536] поскакал к Чаганскому мосту.

– Вот вам указ от государя, – сказал он, передавая пакет Окутину, – прочтите его всем.

– У нас есть государыня, – отвечал Окутин, – а государя Петра Федоровича нет давно на свете.

Посланный, не ожидая ответа, ускакал обратно, а Окутин, не читая присланной ему бумаги, передал ее капитану Крылову [537].

Казаки потребовали, чтоб указ был прочтен, но Окутин не исполнил требования, и тогда, по заранее условленному плану, казаки Яков Почиталин, Андрей Овчинников, Дмитрий Лысов, Фофанов и другие подняли шум и затем, в числе пятидесяти человек, ускакали в толпу мятежников. Многие из них пали пред самозванцем на колени, а Яков Почиталин подошел и поцеловал руку.

– Ты что за человек? – спросил его Пугачев.

– Я, батюшка, отец Иванушки-писаря, который при вашем величестве.

– Иван, это твой отец?

– Точно так.

– Ну, старик, коли хочешь мне служить верою и правдой, то садись на лошадь и ступай со мной.

Обратившись к Андрею Овчинникову и Дмитрию Лысову, самозванец спросил их, что думают о нем остальные казаки.

– Почти все желают служить тебе, – отвечали они, – но манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили.

Желая склонить на свою сторону остальных казаков и вместе с тем убедить при нем бывших в том, что он истинный государь, Пугачев отправил вторично своего посланного с требованием, чтобы прислали к нему Окутина для переговоров.

– Я его прежде жаловал, – говорил самозванец, – так надеюсь, что он меня узнает и уверит вас, что я истинный государь.

Окутин, конечно, не поехал к самозванцу, и лишь только увидел, что толпа мятежников двинулась к городу, он, не надеясь на свою команду, стал отступать на пехоту.

– Пропало теперь все Яицкое войско, – заметил Крылов оставшимся казакам.

Между тем прибежавшие казаки объявили Пугачеву, что на Наганском мосту приготовлены пушки и что им приказано открыть огонь.

– С голыми руками не сунешься на пушки, а у нас их нет, – отвечал на это самозванец. – Чем терять напрасно людей, пойдем теперь вверх, авось либо завтра одумаются и, когда подъедем, примут.

Повернув вверх по реке Наган, толпа намерена была перейти брод на противоположный берег, но Наумов для воспрепятствования переправы послал, под начальством старшины Витошнова, партию казаков во 100 человек, в числе коих был и Максим Шигаев, отправленный для увещания казаков, принявших сторону самозванца. Подпустив команду Витошнова к себе на довольно близкое расстояние, Пугачев сразу охватил ее со всех сторон. Бывшие в команде казаки войсковой стороны тотчас же безо всякого сопротивления присоединились к самозванцу, а незначительное число казаков старшинской руки было связано и приведено к Пугачеву, причем Овчинников, Давилин, Лысов и другие жаловались на приведенных и просили наказать их немедленно.

– Держите их до завтра под караулом, – отвечал Пугачев, – а завтра будет резолюция.

Мятежники переправились через реку и расположились на ночлег[538].

Появление их в тылу высланного отряда, два случая передачи казаков на сторону Пугачева, невозможность поручиться за остальных и, наконец, опасение быть отрезанным от городка заставили секунд-майора Наумова отступить, причем он приказал уничтожить мост через реку Чаган. В Яицком городке партия войсковых казаков волновалась и настолько ясно выражала свое сочувствие, что Симонов принужден был объявить, что в случае малейшего замешательства он прикажет поджечь городок со всех сторон и поступит с ними, их женами и детьми, как с сущими злодеями. Казаки присмирели, но поодиночке пробирались в стан самозванца, силы которого быстро возрастали и, по показанию сообщников, достигли 700 человек[539]. Цифра эта, конечно, увеличена вдвое, но она свидетельствует, что толпа мятежников возрастала настолько быстро, что главным сообщникам самозванца она казалась уже весьма значительной. По мере возрастания толпы увеличивалась и самоуверенность Пугачева, который, узнав, что в числе захваченных казаков послушной стороны находится старшина Витошнов[540], бывавший несколько раз в Петербурге и видевший покойного императора Петра III, решился употребить тот же способ для убеждения толпы, какой он думал применить, вызывая к себе Окутина. Пугачев потребовал, чтобы привели к нему Витошнова.

– Знаешь ли ты меня? – спросил его самозванец.

Вопрос этот был равносилен тому: хочешь быть повешенным? и если нет, то признавай во мне государя.

– Видал еще маленьким, – отвечал Витошнов уклончиво.

Пугачев был доволен таким ответом.

– Вот спросите, он меня знает, – сказал самозванец, обращаясь к окружающим.

Ночь прошла спокойно, так как Симонов не мог выйти из городка, справедливо опасаясь, что

непослушные казаки воспользуются случаем и не впустят его обратно.

Движение же с пехотным отрядом, не обеспеченным ни продовольствием, ни боевыми припасами, было бесцельно против конной толпы мятежников, положивших проводить «где день, где ночь, там и сутки прочь», и всегда имевших способы уклониться от боя. Совсем иное дело было бы, если бы Симонов мог опереться на казаков и употребить их для преследования Пугачева, но с пехотой нельзя было уничтожить шайки Пугачева, а можно было только отогнать от городка, т. е. сделать то, что самозванец сделал сам безо всякого боя. Наутро ближайшие сообщники Пугачева явились к самозванцу и возбудили вопрос о пленных казаках.

– Что, ваше величество, прикажете с ними делать?

– Надобно их уверить и привесть к присяге, – отвечал Пугачев.

– Мы им не верим, – говорили сподвижники самозванца и просили его избавить их от одиннадцати человек, взятых в плен.

– Мы знаем, – говорили Овчинников и Лысов, – кого можно простить и кого повесить; тут есть великие злодеи.

«Видя столь сильную их жалобу, – показывал Пугачев[541], – и хотя [желая] их тем удовольствовать, чтоб они были усерднее, а другим, кои ему не хотят быть верными, подать страх», самозванец приказал повесить всех одиннадцать человек. Приказание было мгновенно исполнено, и «просители после тех повешенных разделили по себе бывшую на них одежду». Старшина Витошнов и племянник бывшего атамана, Григорий Бородин, были прощены.

После казни Пугачев поручил сержанту Николаеву написать указ в войско Яицкое, чтоб оно одумалось и встретило его «яко великого государя». Указ был

написан, и самозванец, приказав подписать Ивану Почиталину, отправил его с казаком Барановым, который не возвратился, а как только толпа стала подходить к городку, то по приказанию Симонова было сделано несколько выстрелов.

– Что, други мои, вас терять напрасно, – сказал тогда Пугачев, – видно, они мне не рады, так пойдем мимо туда, где нас примут.

– Пойдем, ваше величество, по линии[542] до Илецкой станицы, – говорили казаки.

– А есть ли там форпосты и на них пушки? – спросил самозванец.

– Есть, – отвечало несколько голосов.

– Ну, так пойдем.

Яицкие форпосты состояли по большей части из шалашей, сделанных из плетня. Они занимались обыкновенно 20–25 человеками казаков. Там, где был недостаток леса, форпосты укреплялись плетнем и земляным валом; в местах лесистых устраивались бревенчатые стены или срубы. Каждый форпост имел одну или две пушки, каланчу или вышку для наблюдения и маяки[543]. Предназначенные для защиты границы от диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии, форпосты удовлетворяли своему назначению, так как киргизы были вооружены копьями и стрелами и вторгались небольшими партиями. Но для такой шайки, какая была у Пугачева, они не могли оказать сопротивления.

Обогнув город, толпа двинулась вверх по реке Яик к Гниловскому форпосту, где Пугачев присоединил к себе всех форпостных казаков и захватил одну пушку, «коя стояла в телеге»[544]. Не доходя до поста Рубежного и видя, что силы его растут, самозванец решился дать своему ополчению некоторое устройство и назначить начальствующих лиц.

– Надобно подкреплять вас чинами, – говорил самозванец Григорию Бородину, – чтобы вы от меня не бегали.

Он приказал собрать казачий круг, желая тем показать яицким казакам, что уважает их древние обычаи, так недавно уничтоженные учреждением комендантского управления. Собравшись в круг, казаки выбрали Андрея Овчинникова атаманом, Дмитрия Лысова (он же Сергеев) – полковником, Андрея Витошнова – есаулом, Алексея Кочурова и еще нескольких лиц – хорунжими. Выбранные отправились к самозванцу и целовали его руку.

– Умеешь ли ты написать присягу? – спросил Пугачев, обратившись к сержанту Дмитрию Николаеву.

– Умею.

– Так поди же напиши.

Когда присяга была составлена, то Пугачев, передав ее Ивану Почиталину, приказал прочитать вслух.

Почиталин читал:

«Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым его Евангелием, в том, что хощу и должен всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору Петру Федоровичу служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, в чем да поможет мне Господь Бог всемогущий»[545].

– Готовы тебе, надежа-государь, – кричали казаки по окончании чтения, – служить верою и правдой.

– Куда же мы отсюда пойдем? – спросил Пугачев.

– Пойдем мы отсюда, – говорил Овчинников, – через все форпосты нашего Яицкого войска, кои все нам согласны, и заберем их с собою, а не доходя до Илецкого городка, я поеду туда один и наведаюсь, примут ли вас илецкие казаки…

– Как не принять! – перебил его Лысов, и толпа двинулась далее по берегу реки Яик.

Проходя через форпосты Генварцовский, Кирсановский и Иртекский, мятежники забирали с собою всех казаков и успели приобрести три пушки с боевыми зарядами. Остановившись на ночлег, верст за пятьдесят от хутора бывшего войскового атамана Андрея Бородина, самозванец отправил к нему казака Дмитрия Дубова с приказанием, чтобы Бородин встретил государя с почестью. Бородин обещался исполнить требование, но когда Дубов уехал, то Бородин сел в коляску и поскакал в Оренбург. Заехав в Илецкий городок, он предупредил атамана Лазаря Портнова, что к нему идет толпа мятежников[546].

Илецкий казачий городок находится на левом высоком берегу реки Яик (Урал), при впадении в него в версте ниже реки Илек. Городок был укреплен четырехугольной бревенчатою стеной с батареями для 12 пушек и имел более 300 казачьих домов. Обязанные выставлять от 350–400 человек служивых, илецкие казаки были причислены к яицким, но права на рыбную ловлю не имели, а занимались хлебопашеством и скотоводством. Во главе казаков стоял атаман, подчиненный Яицкой комендантской канцелярии[547].

Человек, преданный правительству, атаман Портнов за два дня до прихода самозванца получил ордер Симонова, в котором тот, сообщая о принятии Пугачевым имени Петра III, просил принять все меры осторожности и к защите городка. Портнов собрал круг, прочитал полученное предписание Симонова, и все казаки согласились поступать по присяге. Так как Илецкий городок находился не на прямом пути к Оренбургу, а на степной стороне реки Яик, то для лучшего обеспечения от нападения мятежников Портнов приказал разобрать мост.

Атаман спокойно ожидал появления самозванца, но не спокойно относились к этому казаки. В тот же самый

день, когда было прочтено в кругу предписание Симонова, казак Потап Дмитриев говорил окружающим:

– Что вы это слушаете, какой он Пугачев; он, сказывают, точный государь. Он скоро сюда будет с яицкими казаками, как тут станешь противиться!

На другой день илецкий казак Афанасий Новиковский, ездивший в Яицкий городок, своими рассказами произвел еще большее волнение между казаками.

– Нам, братцы, открывается свет, – говорил Новиковский, – сказывали, что государь Петр Федорович умер, а он жив и идет к нам на Илек. Я сам его видел, и он пожаловал мне лошадь.

Новиковский уговаривал товарищей не противиться и встретить государя с честью[548]. Казаки были в нерешимости, но на третий день явился в Илецком городке Андрей Овчинников, с указом на имя Портнова, следующего содержания:

«От великого государя императора Петра Федоровича Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Сим моим именным указом Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинам и казакам повелеваю: как вы служили мне и предкам моим до сего времени, так и ныне, верные мои рабы, мне послужите верно и неизменно, и докажите мне свою верноподданническую ревность тем, что, во-первых, ожидайте меня, великого государя, к себе с истинной верноподданнической радостью и из городка навстречу мне с оружием своим выдьте и в доказательство своей мне верноподданнической верности положите оружие свое перед знаменами моими. Почему и приму я вас с великой честью и удостою службы мне, которую ежели так будете продолжать, как присяжный долг требует, и так, как мне приятно может быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны. И чего вы ни

пожелаете, во всех выгодах и жалованьях отказано вам не будет, и слава ваша не истечет до веку, и как вы, так и потомки ваши, первые при мне, великом государе, учинитесь, а жалованья, провианта, пороху и свинцу всегда достаточно от меня давано будет. Кто же сверх чаяния моего преслушает и не исполнит сего моего великого повеления, тот вскоре почувствует, сколь жестоки приготовлены муки изменникам моим, а когда атаман или старшины вам, рядовым казакам, попрепятствуют, то и самих их неволею пред меня привести, за что награжден тот, кто приведет их, будет. *Я великий государь Петр III император Всероссийский*»[549].

Воззвание это было передано Овчинникову в двух экземплярах, с тем что если его примут в городе, то один он отдал бы Портнову, а другой – казакам, чтоб они могли прочесть сами, в том случае, когда атаман откажется читать. Лишь только в городке узнали о прибытии Овчинникова с несколькими мятежниками, составлявшими его свиту[550], илецкие казаки толпами спешили к приезжим.

– Государь с великой силой идет к Млеку, – говорил Овчинников собравшимся, – и, остановившись всего в семи верстах отсюда, послал меня к вам сказать, чтобы вы встретили его с хлебом и солью. Это истинный государь, и смотрите, атаманы-молодцы, не дурачьтесь, а встретьте его с подобающею честью. Если же вы хотя мало воспротивитесь, то государь приказал вам сказать, что вас он станет вешать, а ваш город выжжет и вырубит.

Казаки собрали круг и долго не могли условиться, как поступить.

– Если его не встретить, – говорили они, – то он нас перевешает, а буде встретим, то чтобы потом не было хлопот каких.

После довольно долгих и оживленных споров большинство решило, однако же, встретить самозванца с честью, о чем и сообщили Овчинникову. Последний отправился в стан самозванца, оставив казакам для передачи Портнову манифест Пугачева. Исполняя поручение Овчинникова, казаки требовали, чтобы манифест был прочитан, но Портнов отказался и положил его в карман. Предвидя недоброе, он хотел уехать из городка, но не мог этого сделать, так как казаки стали наблюдать за ним.

Наутро 21 сентября илецкие жители исправили мост и, предшествуемые духовенством с крестами и образами, вышли с хлебом-солью и с знаменами встречать самозванца. Пугачев со своей толпой, имея в авангарде Овчинникова, двинулся к городку, причем Овчинников прошел прямо в городок и арестовал там атамана Портнова. Пугачев же остановился пред духовенством, слез с лошади и приложился ко кресту. Казаки преклонили знамена, а духовенство целовало государеву руку.

– Я подлинный государь, – сказал он, – служите мне верою и правдой; за верную службу я буду награждать, а за неверную казнить смертью.

Приняв хлеб-соль и обласкав жителей, самозванец пешком, в сопровождении духовенства и при звоне колоколов, отправился в церковь, приказал служить молебен и на ектениях упоминать имя государя Петра Федоровича, а государыню исключить.

– Когда Бог донесет меня в Петербург, – говорил Пугачев окружающим, – то зашлю ее в монастырь и пускай за грехи свои Богу молится. А у бояр села и деревни отберу и буду жаловать их деньгами; а которыми я лишен престола, тех безо всякой пощады перевешаю. Сын мой человек молодой, так он меня и не знает. Дай Бог, чтоб я мог дойти до Петербурга и сына своего увидеть здоровым!

По окончании молебна началась присяга. Первым присягнул поп, который затем, по приказанию Пугачева, стал приводить к присяге и всех илецких казаков.

Выйдя из церкви, самозванец приказал отворить питейный дом, обещал народу избавить его от «утеснения и бедностей», и затем, при пушечных и ружейных выстрелах, производимых казаками в честь государя, Пугачев отправился в приготовленный ему Овчинниковым дом казака Ивана Творогова, один из лучших в городке.

– А где здешний атаман Лазарь Портнов? – спросил самозванец, обращаясь к Овчинникову.

– Я его арестовал.

– За что?

– Ваше величество приказали, чтобы посланный от вас манифест он прочел казакам, а он читать его не стал и положил в карман. Он же приказал разломать чрез Яик мост и вырубить два звена, чтобы вам с войском перейти было нельзя, а напоследок хотел бежать.

Едва Овчинников окончил свою обвинительную речь, как несколько буйных голов пожаловались Пугачеву, что Портнов их постоянно обижал и вконец разорил.

– Коли он такой обидчик, – сказал Пугачев Овчинникову, – то прикажи его повесить.

Приказание было немедленно исполнено. Портнов был повешен яицким казаком Иваном Бурновым, исполнявшим должность палача, и имение несчастного атамана разграблено мятежниками, причем более всех поживился Зарубин (Пика). Пугачеву же были доставлены после казни Портнова взятые в его доме 300 рублей денег, жалованный ковш, два бешмета, кафтан, канаватная лисья шуба и кушак.

Два дня оставался Пугачев в Илецком городке в доме Творогова, пользуясь радушием хозяина и его желанием угодить государю. Первое время Творогов был искренно убежден, что Пугачев истинный Петр III, и

потому, показывал он, «был угощаем от меня, по возможности с оказанием всякого почтения». Пугачев наградил услуги Творогова должным образом.

– Будь же ты у меня, – сказал ему самозванец, – полковником и командиром над илецкими казаками.

Довольный тем, что Илецкий городок, один из главных населенных пунктов той местности, признал над собою его власть, как законного государя Петра III, Пугачев ободрился и стал помышлять о дальнейших действиях. Объезжая крепость, он приказал снять с нее пушки и, выбрав из них несколько годных, сделать к ним лафеты, которых не было. Назначив начальником артиллерии яицкого казака Федора Чумакова, самозванец приказал ему забрать из крепости весь порох, свинец, снаряды и, присоединив к себе до 300 человек илецких казаков, двинулся далее к Рассыпной крепости[551], расположенной по скату горы правого берега реки Яик.

Рассыпная крепость была построена на том месте, где обыкновенно киргиз-кайсаки переправлялись вброд чрез Яик, для вторжения и грабежа в наших пределах. Она была укреплена только одним палисадом, населена 50 человеками оренбургских казаков и имела одну гарнизонную роту, под начальством коменданта майора Веловского, в помощь которому из Нижнеозерной крепости (она же и Столбовая) была отправлена команда под начальством капитана Сурина из одной роты пехоты и сотни казаков. Команда эта была еще далеко от Рассыпной, когда в крепости явился посланный с возмутительным листом Пугачева следующего содержания[552]:

«От самодержавного императора Петра Федоровича всероссийского и проч. и проч.

Сим моим именным указом в Рассыпной крепости всякого звания людям повелеваю: как вы, верные мои рабы, служили и покорны были напредь сего мне и

предкам моим, так и ныне в самом деле будьте верны и послушны, стремитесь с истинной верноподданнической радостью и детской ко мне, государю вашему и отцу, любовию; потом старайтесь служить верно и неизменно, за что жаловать буду всех сих вечной вольностью, реками, морями, всеми выгодами, жалованьем, провиантом, порохом, свинцом, чинами и честью, а вольность навеки получат. Кто же сего моего указа не послушает, тот сам узнает праведный гнев противникам моим».

Веловский не принял возмутительного листа и при приближении мятежников открыл огонь из ружей, но по малочисленности гарнизона не мог долго сопротивляться. Толпа Пугачева, разбив ворота, ворвалась в крепость. Майор Веловский с семейством, со всеми бывшими в крепости офицерами и несколькими нижними чинами заперся в комендантском доме и поражал мятежников из окон. Казаки хотели зажечь дом, но Пугачев, опасаясь, чтобы не сгорела вся крепость и не пострадали напрасно те, кого он намерен был склонить на свою сторону, запретил поджигать дом, «а приказал оного коменданта достать так». После довольно долгих усилий мятежники выломали дверь комендантского дома и, захватив защитников, привели к самозванцу, который приказал повесить майора Веловского с женой, поручика Толбаева и священника. Поверстав всех солдат в казаки, забрав три чугунные пушки, пять бочонков пороху, несколько снарядов, Пугачев двинулся на следующий день к Нижнеозерной крепости[553] и на пути уничтожил отряд капитана Сурина и самого его повесил[554].

Нижнеозерная крепость (иначе Столбовая) находилась на берегу Яика, на утесистом мысу, и была обнесена бревенчатою стеной. Гарнизон ее состоял из нескольких драгун, престарелых гарнизонных солдат и до 50 человек поселенных оренбургских казаков[555].

Комендант крепости, майор Харлов, как только узнал о приближении Пугачева, приготовился к защите. Он отправил в Татищеву крепость свою молодую жену, дочь тамошнего коменданта Елагина, и распределил по стенам крепости свой малочисленный гарнизон. С наступлением ночи бывшие в крепости казаки бежали в стан самозванца, расположившегося вблизи на ночлеге, а майор Харлов для ободрения оставшихся гарнизонных солдат всю ночь стрелял из пушек. Мера эта не помогла делу, и комендант, видя, что гарнизон со страхом и робостью ожидает прибытия мятежников, приказал затопить часть пороха, бывшего в крепости. Когда утром 26 сентября Пугачев со своей толпой стал подходить к Нижнеозерной крепости, то майор Харлов, видя своих подчиненных окончательно оробевшими, сам с фитилем в руках бегал от одного орудия к другому и производил выстрелы, хоть и безвредные для неприятеля. Но словам Пугачева, стрельба из пушек продолжалась часа два, но наконец мятежники отбили ворота и ворвались в крепость, причем майор Харлов был изрублен казаком Давилиным, и с ним погибло несколько офицеров и человек десять нижних чинов[556].

Забрав с собою, по обыкновению, весь уцелевший гарнизон, годные пушки и снаряды, Пугачев двинулся далее к Татищевой крепости, где в первый раз встретился с регулярными войсками, высланными из Оренбурга по распоряжению губернатора Рейнсдорпа.

Глава 19

Положение Оренбурга. – Переписка губернатора с киргизским ханом. – Отправление отряда бригадира барона Билова навстречу Пугачеву. – Занятие самозванцем Татищевой и Чернореченской крепостей. – Меры к защите Оренбурга. – Воззвание Рейнсдорпа к жителям. – Отправление в стан самозванца ссыльнокаторжного Хлопуши. – Занятие Пугачевым Каргалы и Сакмарского городка. – Свидание Пугачева с Хлопушей. – Приближение толпы мятежников к Оренбургу. – Воззвание Пугачева, обращенное к губернатору и жителям. – Ответ Рейнсдорпа.

До 21 сентября в Оренбурге не только ничего не подозревали о действиях Пугачева, но и не знали даже, что он более месяца находится в пределах губернии. В этот день прискакал в Оренбург илецкий казак[557] с известием, что городок занят самозванцем и что население встретило его с хлебом-солью. Известие это было сочтено губернатором Рейнсдорпом «невероятным, потому что прибывший не привез письменного рапорта». Рейнсдорп не принял никаких мер, чтобы проверить, насколько достоверно полученное известие, и вечером 22 сентября совершенно спокойно устроил у себя бал по случаю коронации императрицы. Бал был в полном разгаре; общество веселилось, не подозревая об угрожающей ему близкой опасности и предстоящих лишениях. Среди бала был получен рапорт коменданта Татищевой крепости и начальника нижеяицкой дистанции, полковника Елагина, доносившего о занятии Пугачевым Илецкого городка. Не придавая и на этот раз серьезного значения успехам самозванца, Рейнсдорп

скрыл полученное донесение от гостей и сам до 24-го числа не делал никаких распоряжений. В этот промежуток времени был получен рапорт от полковника Симонова и явился в Оренбург посланный от Нуралы-хана киргиз-кайсацкого.

По отбытии Пугачева от Яицкого городка полковник Симонов и старшина послушных казаков Мартемьян Бородин опасались, чтобы Пугачев не склонил на свою сторону Нуралы-хана и тем не увеличил бы своих сил. При малейшем сочувствии Нуралы-хана самозванцу киргизы легко могли переправиться через реку Яик, ворваться в Астраханскую губернию и опустошить ее. Считая необходимым убедиться в видах и намерениях хана, полковник Симонов и Мартемьян Бородин отправили в степь гонца и просили хана прибыть для совета к мосту, что у Яицкого городка. Зная от Забира, что Пугачев личность подозрительная и сомнительно, чтоб он был истинный государь, Нуралы откликнулся на призыв и тотчас же приехал на свидание. Заявив, что искренно предан императрице, хан предлагал свои услуги.

– Если вы сами со своей командой управиться можете, – говорил Нуралы, – то поймайте разбойников, а если сил ваших к тому доставать не будет, то повелите мне, чтоб я с моим народом, учиня поиск, тех разбойников поймал, только без позволения оренбургского губернатора за реку Яик переехать я не в состоянии (не имею права).

– Мы и со своими силами справимся, не заимствуя вашей, – отвечали Симонов и Бородин. – Мы и тем довольны, что вы приехали сюда на совет.

Не довольствуясь таким ответом, Нуралы-хан по возвращении в свой стан отправил посланного в Оренбург с письмом к Рейнсдорпу, в котором писал, что «мы, на степи находящиеся люди, не знаем: сей ездящий вор ли или реченный государь сам? А для того, что он

называется государем, послан был от меня под одним претекстом нарочный, который, возвратясь, объявил мне, что какой он человек не знает и не опознал, токмо борода у него русая. Однако из-за сего думал я каким ни есть случаем поймать его, только без вашего известия на то не поступил»[558].

Пользуясь, конечно, случаем, Нуралы просил губернатора возвратить его аманатов, отогнанный скот и бежавших из орды рабов. Как чистый азиат, привыкший главнейшую часть переговоров вести на словах, чтобы в случае нужды можно было отказаться от заявленного, Нуралы поручил своему посланному сказать Рейнсдорпу, что он готов собрать до пяти тысяч человек киргизов, идти с ними по следам самозванца и разбить его. Губернатор отвечал, также на словах, что в помощи хана нет надобности, что для разбития «злодея» довольно и одних русских войск[559]. В ответе же своем Рейнсдорп писал хану[560]: «Бывший император Петр III, как всему свету известно, в Санкт-Петербурге скончался, и тело, в засвидетельствование кончины его, нарочно дней с семь на парадном месте лежало, которое я сам видел и руку его целовать удостоился. А тот, который в войске яицком проявился, плут и злодей, беглый донской казак именем Емельян Пугачев, коего указом ее императорского величества сыскивать и поймать велено.

И так, уверяя вас, высокопочтенного хана, прошу, ежели сей злодей, с приобщившимися к нему при поиске здешних команд, паче чаяния на вашу сторону перебежит и будет искать вашего покровительства, то подчиненным вашим киргиз-кайсакам велеть их разбить и переловить, а особливо оного плута самозванца, и выдать в здешнюю сторону, за что вы, высокопочтенный хан, не только высочайшего ее императорского величества благоволения, но и награждения удостоены быть можете.

Хотя я с вами, высокопочтенным ханом, и весьма свидеться бы желал, но когда обстоятельства не допустили, то остаюсь с сожалением. Однако прошение ваше по справедливости удовольствовать не премину...»

Нуралы-хан остался недоволен ответом Рейнсдорпа и откочевал со своими улусами в глубь степи, а оставшиеся без хана киргизы, переправляясь через Яик, производили грабежи в пограничных селениях.

Отклонив содействие киргизского хана и считая достаточным для уничтожения Пугачева тех сил, которые были в его распоряжении, Рейнсдорп отправил навстречу самозванцу бригадира барона Билова с отрядом, состоявшим всего из 410 человек с шестью полевыми пушками[561] и с открытым ордером, в подкрепление своего отряда, брать в лежащих на пути укреплениях и форпостах столько людей, сколько он признает нужным. Билову предписано было идти с отрядом к Илецкому городку, нагнать «злодейскую толпу», разбить и мятежников переловить, «а особливо упомянутого Пугачева, обещая в награждение ежели кто живого поймав представит, дачею из казны пятисот, а буде мертвого, то двухсот пятидесяти рублев»[562].

Для содействия барону Билову было приказано полковнику Симонову составить сборный отряд из частей 6-й и 7-й легких полевых команд и, поручив его майору Наумову, отправить к Илецкому городку. Сверх того, 500 человек калмыков из Ставрополя должны были идти прямо на соединение с Биловым и Наумовым, а для подкрепления Оренбурга вытребованы из ближайших селений 500 человек башкирцев и 300 человек сеитовских татар[563].

Делая все эти распоряжения, Рейнсдорп и не подозревал, что, в сущности, он хлопочет для Пугачева и что большая часть калмыков, башкирцев и татар, отправляемых на театр действий, перейдут на сторону самозванца и увеличат его силы.

Барон Билов выступил из Оренбурга 24 сентября; он не особенно торопился своим движением и только к ночи 25 сентября пришел в Татищеву крепость, находившуюся от Оренбурга в 64 верстах. Утром 26-го числа он двинулся к Нижнеозерной крепости и, пройдя 18 верст, получил рапорт от майора Харлова, которым тот доносил, что отправленная им в Рассыпную крепость команда, под начальством капитана Сурина, разбита мятежниками и он остался в крепости «безлюден». Харлов просил помощи, но барон Билов, узнав о приближении Пугачева к Нижнеозерной крепости и определяя, по слухам, силы самозванца в 8 тысяч человек, советовал ему спасать себя как знает[564], а сам остановился в поле и не знал, на что решиться. Вслед за тем прибежали два казака, заявившие, что Пугачев уже взял Нижнеозерную крепость. Барон Билов приказал тогда сотнику Падурову «сделать из обоза осаду», опасаясь, чтобы самозванец не атаковал его врасплох. «И так, приняв все предосторожности, простояли до полуночи, люди без сна, а лошади без корма». Видя изнеможение людей, Билов спрашивал офицеров: что делать? И все единогласно решили возвратиться в Татищеву крепость и там ожидать прибытия мятежников[565].

Расположенная на горном увале, при речке Камыш-Самаре, за полверсты от ее впадения в реку Яик (Урал), Татищева крепость была построена неправильным четырехугольником, обнесена бревенчатою стеной, рогатками и имела по углам деревянные батареи. В крепости насчитывалось до 200 обывательских домов и находился комендант, бывший вместе с тем и начальником части Яицкой линии.

Находясь на сообщении Оренбурга с Самарской линией и Ликом, Татищева крепость считалась главным опорным пунктом Яицкой линии, и потому в ней находились склады амуниции, денежная казна,

артиллерия и другие запасы. Гарнизон крепости был значительно более всех остальных укрепленных пунктов, и с начала весны и до глубокой осени для службы в Татищевой крепости призывались крещеные калмыки и башкирцы, сменяемые погодно[566]. Одним словом, с возвращением Билова в Татищеву крепость гарнизон ее состоял не менее как из тысячи человек и 13 орудий.

В ожидании приближения Пугачева ставропольские калмыки, находившиеся в отряде бригадира Билова, все, за исключением двух человек, ушли из крепости, а наутро, 27 сентября, в Татищевой увидели, что версты за три на горах показалась толпа мятежников. Комендант крепости, полковник Елагин, как человек храбрый, предлагал Билову выйти из крепости и встретить мятежников в поле, но Билов не согласился, и тогда полковник Елагин выслал из крепости для разведывания о неприятеле и определения сил мятежников одного офицера и с ним человек 30 пехоты и 20 казаков при одном орудии. Едва только команда эта отошла на незначительное расстояние от Татищевой, как была атакована и почти уничтожена: офицер был убит, нижние чины захвачены в плен, и только солдат 4-го оренбургского батальона Степан Колесников с тремя товарищами успели спастись и увезти в крепость пушку. Вслед за ними подъехали человек шесть или семь яицких казаков и требовали, чтобы к ним было выслано из крепости столько же человек для переговоров. Бригадир Билов приказал сотнику Падурову выслать человек десять оренбургских казаков. Переговоры продолжались недолго.

– С нами едет государь Петр Федорович, – говорили депутаты Пугачева, – так смотрите же, ребята, сдайтесь ему без сопротивления. Если вы не сдадитесь, то мы принуждены будем сделать вам кровопролитие.

– Какой там у вас Петр Федорович? – отвечали оренбургские казаки. – Всем известно, что он давно скончался.

– Нет, это неправда; он точно жив, и если у вас есть такой человек, который его знавал прежде, так пошлите его с нами; государь ничего дурного с ним не сделает, а еще будет рад.

Оренбургские казаки отказались исполнить последнее требование и, возвратившись в крепость, передали барону Билову содержание переговоров. Последний выслал казака сказать депутатам Пугачева, что все это «враки».

– Государя Петра III нет больше на свете, – говорил посланный со слов Билова, – а это самозванец и бродяга, беглый донской казак Емельян Пугачев. Мы точно это знаем, а потому и не может никогда статься, чтобы мы почли бродягу за государя.

– Когда вы так упорствуете, – отвечали мятежники, – то после на нас не пеняйте.

Переговоры были прерваны, и в крепости заметили, что часть толпы направляется к вершинам реки Камыш-Самары. Бригадир Билов приказал тогда сотнику Падурову со всеми оренбургскими казаками выехать в поле и рассыпаться по степи, надеясь тем устрашить мятежников. Как только казаки показались из крепости, толпа Пугачева открыла по ним огонь, и бригадир Билов послал Падурову приказание возвратиться обратно, но тот вместе с казаками передался на сторону самозванца. На выстрелы мятежников отвечали огнем из крепостных орудий, но ядра не вредили их толпе, а переносились через головы. Пугачев разделил свои силы на две части: одна, под начальством Андрея Витошнова, двинулась в атаку снизу Яика, а другая, под предводительством самого самозванца, направилась с верховой стороны. Бригадир Билов успел отбить эту атаку, и тогда Пугачев, заметив близ крепостной стены стоги с сеном, приказал

зажечь их, и как в то время ветер был на крепость, то за стогами скоро загорелись сараи, а потом бревенчатая ограда крепости и дома обывателей. Большинство защитников бросилось тушить пожар и спасать свои семейства и имущество, а мятежники, воспользовавшись этим, стали перебираться через палисад и рогатки в крепость. Бригадир Билов и комендант полковник Елагин с женой были убиты. Дочь Елагина, бывшая в замужестве за погибшим Харловым, была захвачена в плен, а гарнизон не оказал почти никакого сопротивления; солдаты бросали ружья и были выведены из крепости в поле. Там в одной общей и нестройной куче собралось их человек триста, по которым, для страху, мятежники сделали три выстрела и убили нескольких человек[567].

Объехав Татищеву крепость, Пугачев приказал тушить пожар, снять годные пушки, забрать весь наличный порох, снаряды и затем отправился к толпе пленных. Впереди самозванца бежали яицкие казаки, чтобы предупредить солдат о скором его прибытии.

– Становитесь на колени, – кричали они, – государь едет!

Толпа пала на колени и скоро увидела пред собою Пугачева, одетого в красный казачий кафтан, обшитый галунами.

– Что вы наделали? – спрашивал он грозно. – Разве вы меня не знаете? Ведь я ваш император Петр III. Станете ли вы мне служить верою и правдой?

– Станем, ваше величество! – отвечали солдаты.

– Если так, то Бог вас простит, и я, великий государь, вас прощаю; ступайте за мной.

Отъехав с полверсты от крепости, Пугачев остановился на лугу и послал за священником, для приведения к присяге пленных. Он потребовал к себе составителя присяги сержанта Дмитрия Николаева, но оказалось, что его утопили яицкие казаки за то только,

что он был из дворян и стал близким человеком к самозванцу. Тогда Пугачев призвал к себе Ивана Почиталина и по прибытии священника Симеона со крестом и Евангелием приказал ему читать присягу, по окончании которой всем пленным были острижены волосы и приказано именоваться *государевыми казаками*[568].

В Татищевой Пугачев успел захватить значительную сумму денег, большой склад амуниции, провианта, соли, вина и несколько орудий, лучших изо всех, находившихся на Яицкой линии.

Падение Татищевой крепости имело весьма важное влияние на последующие действия. Овладев довольно сильным и важным по своему положению пунктом, Пугачев являлся уже не простым разбойником, а грозным врагом, пред которым не могла устоять ни одна из лежавших на пути крепостей и городков.

«Что касается мелких городов, – доносил императрице капитан-поручик Савва Маврин[569], – которые злодей разорил до основания, то брать ему их столь легко можно было, как грибы. А хотя в них в каждом и были воинские команды, но только одно название, а душа, коя должна быть в том звании, давно на небесах, следственно не близко, а вселить оную надобно. В доказательство тому довольно и сего: когда в губерниях служивые люди большей частью хлебопашцы, как же в Сорочинской, Татищевой, в Сакмаре и прочих крепостях не быть промышленникам, да они в том и невиновны, для того, что все командиры в оных местах имеют свои хутора и живут помещиками, а они их данники. Крепости же только одно название имеют, а чем были ограждены, давно сгнило и в развалинах. Но кто сему неприсмотру виновен, о том, должен кто ни есть быть сведом и дать вам, всемилостивейшая государыня, отчет. А потому и должно быть разделение, ибо великая разница жить в

службе для себя и служить отечеству с пользою, а чрез то сделать угодность вашему величеству».

Положение Татищевой давало возможность Пугачеву двинуться или к Оренбургу, или к Казани, и конечно, если бы он обладал достаточным соображением, то, видя к себе столь большое сочувствие, он двинулся бы не на окраину России, под Оренбург, а в центр, к Казани, и тогда, при отсутствии там войск, мог произвести такое замешательство, результат которого трудно и предвидеть. Насколько опасно было бы последнее движение Пугачева, мы увидим из общего очерка хода действий, а теперь должны сказать, что Пугачевым в дальнейших действиях не руководили никакие соображения: он шел куда вели его яицкие казаки, в понятиях которых овладение Оренбургом, как главным пунктом края, было первою и самою главной целью. К Оренбургу они шли еще и потому, что в случае неудачи имели путь отступления и могли бежать в Золотую Мечеть, Персию или Турцию, куда и звал их Пугачев…

После трехдневного пиршества, пьянства и неистовств в Татищевой Пугачев двинулся к Чернореченской крепости. На половине пути мятежники остановились на хуторе статского советника Рычкова, где всю скотину и домашних птиц перерезали, людей и лошадей забрали с собой, а строение выжгли. Престарелый комендант Черноречья, премьер-майор Краузе, отдав в отряд Билова большую часть гарнизона, остался с людьми больными и к службе неспособными. Еще задолго до приближения Пугачева он донес о том губернатору и получил от Рейнсдорпа приказание со всеми оставшимися людьми перейти в Оренбург. Краузе оставил Чернореченскую крепость, по большая часть живших там казаков не согласилась идти с ним, и когда пришел самозванец, то встретили его с хлебом и солью.

В Чернореченской крепости явилась к Пугачеву дворовая девка капитана Нечаева, взятого в плен в

Татищевой крепости[570], и жаловалась самозванцу на жестокое обращение с нею господина. Пугачев приказал повесить Нечаева, а девку оставил при себе, «которая и была всегда при нем в стряпухах»[571].

Быстрые успехи самозванца произвели огромное впечатление на разнохарактерное население Оренбургской губернии, и пример Падурова под Татищевой подействовал на многих: командированные в числе 500 человек башкирцы не пришли по назначению и предались самозванцу, а 300 человек сеитовских татар, посланные к Билову, возвратились в Оренбург, жители которого с ужасом узнали о падении Татищевой, разбитии отряда Билова и о занятии Пугачевым Чернореченской крепости. Всего 28 верст отделяли теперь самозванца от Оренбурга, и на этом пространстве не было ни одного пункта, способного оказать сопротивление мятежникам: город прямо подпадал под их удары, а между тем и он находился почти в беззащитном состоянии. За выводом большей части полков в действующие армии, вся Оренбургская губерния охранялась тремя легкими полевыми командами[572], несколькими гарнизонными батальонами и местным казачьим населением. Все это было разбросано на огромном протяжении пограничной линии, охранявшей наши пределы от хищничества степных народов, и, следовательно, не могло быть скоро сосредоточено. Поэтому на первый случай генерал Рейнсдорп предписал: 1) коменданту Верхнеозерной дистанции, бригадиру Корфу, командировать в Оренбург с пяти крепостей его дистанции по 20 человек, и 2) оренбургскому обер-коменданту, генерал-майору Валленштерну, собрать немедленно в город всех солдат из ближних отлучек и указать каждому батальону, куда собираться по тревоге.

Сообщив 24 сентября о появлении Пугачева и об угрожающей опасности губернаторам сибирскому,

казанскому, астраханскому и в подведомственные ему провинциальные канцелярии[573], генерал Рейнсдорп, на другой день после падения Татищевой крепости, и именно 28 сентября, собрал совет, в состав которого были приглашены: обер-комендант, генерал-майор Валленштерн, подполковник и легких войск войсковой атаман Могутов, действительный статский советник Старов-Милюков, коллежские советники Мясоедов и Тимашев и директор пограничной таможни Обухов. Совещавшиеся положили: 1) у находящихся в Оренбурге конфедератов отобрать оружие и отправить их тотчас же по линии в безопасные места, «даже до Троицкой крепости», где велеть содержать их под строгим смотрением; 2) все мосты чрез Сакмару разломать и «комяги» сжечь или, разломав, пустить вниз по реке, дабы неприятель употребит их для себя не мог; 3) сеитовских татар, живших в особой слободе, известной под именем Каргалы, взять всех в город и «велеть им по партиям переезжать», причем тех, которые имеют оружие, подчинить коллежскому советнику Тимашеву, а безоружных употреблять для тушения пожаров; 4) привести в исправное состояние артиллерию, снабдить ее всем необходимым и поручить в полное распоряжение действительного статского советника Старова-Милюкова, бывшего прежде полковником артиллерии; 5) разночинцам, имеющим ружья, назначить места для обороны крепости, а безоружных определить для тушения могущего случиться внезапно пожара. Первых подчинить обер-коменданту, в помощь которому назначен коллежский советник Мясоедов, а безоружных подчинить директору таможен Обухову; 6) «вследствие того, г. обер-коменданту дать строжайшие приказы, чтобы никто от тех мест, где кто назначен, хотя бы где и пожар увидели, отнюдь не отлучались, а буде кто отлучится, того, в страх другим, застрелить, и 7) все слабые места города, которые требуют

укрепления, велеть вышереченному статскому действительному советнику Старову-Милюкову тотчас осмотреть, и если бы к перелазу способные усмотрены были, оное к предостережению надлежащим образом учредить»[574].

Последнее было особенно необходимо, потому что укрепления Оренбурга были в весьма плохом состоянии. Правда, что в Петербурге считали Оренбург крепостью, построенной по всем правилам инженерного искусства и вооруженной 70 орудиями разных калибров. Укрепления Оренбурга состояли из десяти земляных бастионов и двух полубастионов, примыкавших к крутому, правому берегу реки Яик. Между бастионами было устроено четыре выхода из города: северный, или главный, на казанскую или новомосковскую дорогу; восточный – на Егорьевскую слободу, находившуюся тотчас за городским рвом, и два западных выхода: один за Меновой двор за рекой Яик, а другой по дороге на Чернореченскую крепость. Таков был план крепости, для постройки которой одиннадцать лет жили в Оренбурге инженерные генерал-майоры: сначала Этингер, а потом Дирисен, успевшие одеть камнем только три бастиона, а остальные не были даже окончательно насыпаны. Забота их о скорейшем приведении работ к окончанию была так мала, что ров, окружающий город, был настолько завален песком, глиной и землей, что в некоторых местах туземцы переезжали его на телегах, в других – верхами, и только там нельзя было пробраться в город, где ко рву прилегала каменная стена. Ров не был обнесен ни рогатками, ни палисадом, а в крепостных воротах не было затворов[575].

В таком виде крепость не могла оставаться в ожидании прибытия мятежников, и потому тотчас же приступлено к очищению рва, к устройству в разных местах рогаток и решено городские ворота завалить навозом. С этою целью «у каждых ворот нарочно навоз

был заготовлен»; но вскоре распоряжение это было отменено, как ненужное и затруднительное.

Тогда же приведена была в известность численность защитников, между которыми и распределены пункты обороны города. При этом оказалось, что со всевозможными натяжками для защиты Оренбурга можно было собрать 2906 человек[576], из которых собственно регулярных солдат было только 174 человека[577], гарнизонных – 1314 человек, рекрут – 105, казаков – 467, татар – 350 и отставных солдат вместе с обывателями 496 человек. Из этого числа гарнизонные солдаты были по преимуществу люди престарелые и плохо вооруженные, рекруты только что собраны и не обучены, татары ненадежны, отставные солдаты калеки, а обыватели вовсе не вооружены. Что же касается большей части офицеров, говорит современник, «то о том лучше я умолчу»[578].

С таким гарнизоном, состоявшим из стариков, людей неподвижных или не бывавших на войне, Рейнсдорпу трудно было выйти в поле и без обоза, с плохим вооружением действовать против конного неприятеля, не имеющего точно определенной цели и быстро возраставшего в численности своих сил.

Почти ежедневно в Оренбурге получались известия, что соседние селения инородцев принимают сторону мятежников, а 30 сентября было получено донесение коменданта Верхнеозерной дистанции бригадира Корфа о замешательстве между находящимися на службе калмыками, которые, по его словам, самовольно уходят с форпостов. Генерал Рейнсдорп предложил Корфу собрать с форпостов всех людей и орудия в Верхнеозерную крепость, гарнизон Пречистенской крепости с орудиями отправить в Оренбург, а находящимся в его дистанции конфедератам «толковать, если они против неприятеля с ревностью поступать будут и усердие свое в верности докажут, то

об отпуске их в отечество к ее императорскому величеству представлено будет»[579].

При таких условиях оренбургский губернатор совершенно основательно оценил значение Оренбурга и важность удержания его за собою; но, решившись защищать город, Рейнсдорп сделал большую ошибку, что не обеспечил жителей провиантом, который, по словам Рычкова, оставался в брошенной Чернореченской крепости и, сверх того, мог быть закуплен у окрестных обывателей, в течение нескольких дней свободно приезжавших в город «с хлебом и со всяким харчем»[580].

Если затем оренбургский губернатор, вопреки мнению некоторых исследователей этой эпохи, и не подлежит упреку относительно военных мер, им принятых, то политические его действия ниже всякой критики: это ряд ошибок, послуживших к усилению Пугачева.

Скрывая весьма долгое время от жителей истинное положение дел, Рейнсдорп лишил их возможности запастись продовольствием и дал пищу различного рода толкам, особенно усилившимся с появлением в городе агента самозванца.

После овладения Чернореченской крепостью Пугачев отправил в Оренбург захваченного в Черноречье отставного сержанта Ивана Костицына и находившегося в Рассыпной крепости ссыльного Семена Демидова. Он поручил им подговорить жителей, чтобы сдались без сопротивления, и если представится случай, то убить губернатора. Подъехав к Оренбургу, Демидов из боязни вернулся обратно в стан самозванца и «сказал ложно, что в городе был и уговаривал жителей, но они на то не соглашаются»[581], а сержант Костицын пробрался в город и, пока его схватили, успел поработать в пользу мятежников.

По городу стали ходить слухи, что Пугачев не простой казак, а «другого состояния», и что Петр III

действительно жив и успел скрыться из Петербурга. Для рассеяния этих толков Рейнсдорп приказал Оренбургской губернской канцелярии написать воззвание к жителям, которое в воскресенье, 30 сентября, и было прочитано во всех церквах по окончании службы.

Воззвание это было следующего содержания[582]:

«По указу ее императорского величества, из Оренбургской губернской канцелярии публикация.

Известью учинилось, что о злодействующем с яицкой стороны в здешних обывателях, по легкомыслию некоторых разгласителей, носится слух, якобы он другого состояния нежели как есть; но он злодействующий в самом деле беглый донской казак Емельян Пугачев, который за его злодейства *наказан кнутом, с поставлением на лице его знаков; но чтоб он в том познан не был, для того перед предводительствуемыми им никогда шапки не снимает*, почему некоторые из здешних, бывших у него в руках, самовидцы, из которых один, солдат Демид Куликов, вчера выбежавший, точно засвидетельствовать может. А как он Пугачев с изменнической его толпой, по учинении некоторым крепостям вреда, сюда идет, то по причине того ложного разглашения всем здешним обывателям объявляется, что всяк сам из поступков может понять, что он Пугачев злодей и как изверженный от честного общества, старается верноподданных ее императорского величества честных рабов поколебать и ввергнуть в бездну погибели, а притом имением их обогатиться, как то он в разоренных местах и делает. В предварение чего всякий увещевается; во время наступления его с изменнической толпой стараться, для сохранения общества, дому и имения своего, стоят против толпы его до последней капли крови своей, так, как верноподданным ее императорского величества рабам надлежит и присяжная каждого должность

обязывает, и отнюдь никаким ложным разглашениям не верить».

Одновременно с чтением этой публикации в церквах губернатор поручил обер-коменданту объявить ее и войскам, с подтверждением, чтобы каждый добросовестно исполнял «присяжную свою должность» и с назначенного ему места до последней капли крови не отступал. Все войска были расставлены вдоль оборонительной линии укреплений, разделенной на семь участков, причем к каждому из 70 орудий было назначено по пяти человек прислуги[583].

Публикация губернской канцелярии не успокоила населения, а, напротив того, разъяснила ему всю угрожающую опасность, для устранения которой войск было недостаточно, и жители призывались к самозащите. С другой стороны, «публикация» послужила в пользу Пугачева, не имевшего на лице наложенных знаков, скрываемых под шапкой. Оренбургские жители, показывал впоследствии Пугачев[584], «твердили часто, что я Пугачев и беглый казак, однако же мои не верили и говорили противное. Тут же говорено было, да и письменно знать дано, что будто я бит кнутом и рваны ноздри, а как оного никогда не было, то сие не только в толпе моей разврату не причинило, но еще уверение вселяло, ибо у меня ноздри целы и потому еще больше верили, что я государь».

Таким образом, Рейнсдорп сделал важную ошибку, допустив ложь в столь серьезном деле; но ошибка эта была не единственная, и вслед за чтением публикации была сделана вторая. Но совету коллежских советников Мясоедова и Тимашева губернатор поручил последнему потребовать ссыльнокаторжного Хлопушу к себе в дом, куда и сам вскоре приехал[585]. Хлопуша был человек, лет двадцать воровавший и разбойничавший в пределах Оренбургской губернии, человек с вырванными ноздрями, с поставленными на лице знаками, два раза

бегавший из Сибири, четыре раза битый кнутом и, наконец, содержавшийся скованным по рукам и ногам в Оренбургском остроге[586].

– Я посылаю тебя, Хлопуша, на службу, – говорил Рейнсдорп, – возьми ты четыре указа и поезжай в толпу Пугачева: один отдай яицким казакам, другой илецким, третий оренбургским, а четвертый самому Пугачеву; рассказывай всем, что он не государь, и если подберешь партию, то постарайся увезти Пугачева в Оренбург.

Хлопуша, конечно, охотно согласился снять с себя кандалы и получить свободу. Ему были переданы не указы, а увещевательные письма, подписанные наличными генералами и штаб-офицерами. В этих письмах Рейнсдорп и все подписавшие их уговаривали казаков, не вдавая себя в обман и «не ввергаясь в вящую свою погибель», отстать от самозванца. Чтобы не смешать писем и знать, какое кому адресовано, Хлопуша разложил их по разным карманам и ночью отправился к Пугачеву, который не воспользовался, по-видимому, выгодами своего близкого положения к Оренбургу и на несколько дней отдалился от города.

От Черноречья до Оренбурга было всего 28 верст, и если бы Пугачев шел не останавливаясь, то легко мог овладеть городом; но заявление Демидова, что жители Оренбурга не соглашаются его принять, заставило Пугачева подумать об увеличении своих сил, и потому он охотно принял приглашение татар Саудовской слободы побывать у них, а затем, с тою же целью увеличения своей толпы, он решил соединиться с яицкими казаками, жившими в Сакмарском городке. Повернув в левую сторону, самозванец двинулся степью на Сеитовскую слободу, известную также под именем Каргалинской, и тем дал возможность жителям Оренбурга и его гарнизону приготовиться к защите.

По дороге к Каргалу Пугачев разграбил многие хутора, в том числе и губернаторский, только за год

пред тем построенный, богато отделанный и состоявший из 12 прекрасных комнат. При хуторе была «с хорошим украшением» церковь, в которую яицкие казаки и татары въезжали верхом на лошадях и разграбили богатую ризницу со всей утварью. Впоследствии у пойманных мятежников находили образа, писанные на холсте, вместо потников под седлами, «а у распятия Господня, которое над царскими дверьми стояло, усмотрен гвоздь в уста пробитый».

Поместившись на несколько часов в губернаторском доме и устроив здесь попойку, Пугачев приказал перебить все стекла в окнах и зеркала, изрубить стулья, столы, канапе и кровати. Шелковые занавески и сукно, которым были устланы полы, мятежники взяли с собою[587].

– Вот, господа, – говорил самозванец, смотря на разрушение прекрасного дома, – как славно живут мои губернаторы, а на что им такие покои, когда я сам, как видите, живу просто.

В полдень 1 октября Пугачев со своей толпой приехал в деревню Каргалу, где жители давно приготовились к встрече: на площади разостлали ковер и поставили парадный стул. Как только Пугачев подъехал и стал слезать с лошади, двое татар подхватили его под руки, а все остальные, сняв шапки, пали на землю и лежали до тех нор, пока самозванец не сел на приготовленный ему стул.

– Вставайте, детушки, – говорил Пугачев, ободряя жителей, – где у вас люди хорошие (т. е. почтенные представители)?

– В Оренбург все забраны, – отвечали татары и стали подходить к самозванцу и целовать протянутую им руку.

Приглашение татар зайти в их Каргалинскую слободу навело самозванца и его ближайших советников на мысль, что и прочие инородцы также добровольно и охотно покорятся их власти. «По настоянию

Овчинникова, – говорил Пугачев[588], – и одним словом всех яицких казаков и каргалинских татар», он решился отправить указ башкирцам, и 1 октября каргалинский татарин скакал в Башкирию с указом самозванца следующего содержания[589]:

«Я во свете всему войску и народам учрежденный великий государь, явившийся из тайного места, прощающий народ и животных в винах, делатель благодеяний, сладкоязычный, милостивый, мягкосердечный российский царь император Петр Федорович во всем свете вольный, в усердии чист и разного звания народов содержатель и проч., и проч., и проч.

На сем свете живущему в городах и крепостях мне подданному, благодетельному и продерзательному народу с домашними, т. е. с детьми и женами, объявляется сей мой указ во всех сторонах, как-то: на всех дорогах, местах, деревнях, на перекрестках и улицах публикуется.

За нужное нашел я желающим меня показать и для отворения на сих днях пространно милостивой моей двери, послать нарочного к башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и большим; тем как гостинец посылаю мои поздравления. Заблудившие и изнуренные, в печали находящиеся, но мне скучавшие услыша мое имя, ко мне идти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие, безо всякого сумнения идите и как прежде сего ваши отцы и деды моим отцам и дедам же служа выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, безсумненно к моему светлому лицу и сладкоязычному вашему государю, для похода без измены и применения сердцов и без криводушие в подданство и в мои повелении идите. А особливо первая надежда на Бога на сем свете, мне, вольному вашему

государю, служа, душ ваших не пожалейте, против моего неприятеля проливать кровь, когда прикажется быть готовым, то изготовьтесь. А что верно я, то для уверения вас своей рукой во все стороны, как то и к вам указы посылал.

Слушайте! когда на сию мою службу пойдете, так и я вас помилую, а что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте. Ныне я вас, во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебом, пашнями, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, пожаловал по жизнь вашу и пребывайте так, как степные звери в благодеяниях и продерзостях, всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно.

Повеления мои послушайте и исполните. А что точно ваш государь сам идет, то с усердием вашим, для смотрения моего светлого лица встречу выезжайте. А я уповаю на Бога и вам подтверждаю: от таких продерзостей размышляя, на себя сумнения не возлагайте. Когда же кто на приказания боярские в скором времени положась изменит и повстречается моему гневу, то таковые от меня благодеяния уже не ожидайте и милости не просите и к гневу моему прямо не идите. Сие действительно Божиим именем под присягою я сказываю, после истинно не прощу.

Доброжелатель *великий император государь Петр Федорович и царь сам третий* руку приложил.

Сей мой указ писан и скреплен по исходе сентября месяца во вторник, то есть в Покров»[590].

Отправив этот указ и приказав всем каргалинским татарам приготовиться к походу, Пугачев 2 октября направился к Сакмарскому городку.

За несколько дней до его прихода была прислана в городок из Оренбурга небольшая команда Алексеевского полка при двух офицерах, которым

атаман Донской сдал бывшие в городке четыре пушки, порох и боевые заряды, а сам уехал в Оренбург. Недостаток войск в Оренбурге заставил Рейнсдорпа вытребовать эту команду обратно, приказать всем престарелым и малолетним казакам с семействами переселиться в Красногорскую крепость, а атаману Донскому со служащими казаками, оставив только в городке 20 человек для почтовой гоньбы, идти в Оренбург. Так как атамана Донского не было в городке, то оставшийся после него старшим есаулом Яков Крушин собрал к себе престарелых казаков и приказал им приготовиться к переселению с семействами в Красногорскую крепость.

– Зачем нам туда идти? – говорили казаки. – Пойдем лучше в Оренбург.

Казаки просили Крушина съездить в Оренбург и испросить на то позволение губернатора. Возвратившись в тот же день обратно, Крушин объявил, что ему приказано забрать из города порох, все снаряды и идти в Оренбург только со служащими казаками.

– А вы как хотите, – говорил он старикам, – буде желаете, то идите в Красногорскую крепость, а если не желаете, то оставайтесь дома.

Положив орудия и припасы на подводы и взяв всех служащих казаков, Крушин отправился в Оренбург, а для почтовой гоньбы и управления престарелыми и малолетками оставил станичного писаря Ивана Бородина.

В ночь с 1 на 2 октября приехали в Сакмарский городок несколько человек яицких казаков, в том числе Максим Шигаев и Петр Митрясов, шурин Донского. Остановившись в доме атамана, они поручили Дмитрию Донскому, отцу атамана, собрать к себе народ. Увидев в числе собравшихся священника Ивана Михайлова, Шигаев и Митрясов обратились прежде всего к нему.

– Здравствуй, батюшка, – говорили они, – мы приехали к вам с указом от государя.

– Государь скончался, – заметил священник.

– Врешь, батька, он жив, а вместо него погребен другой; вот и указ его, читай.

– Я плохо вижу, – отвечал священник.

Тогда прибывшие предложили прочитать указ писарю Бородину. Под предлогом глазной болезни Бородин также отказался от чтения, и бумага эта была передана жившему в Сакмарском городке отставному солдату Степану Подхилимову. По прочтении манифеста, в котором требовалось, чтобы все были покорны и служили императору Петру III, яицкие казаки уехали, предупредив народ, что завтра будет в городок сам государь.

Наутро 2 октября приехало в Сакмарск человек 30 казаков и, объявив собравшемуся у станичной избы народу, что государь Петр Федорович с армией следует в городок, требовали, чтобы население встретило его с хлебом-солью. Сакмарцы повиновались. Поп Иван Михайлов взял крест, дьячок Максим Федоров – образ, а старики-казаки хлеб-соль и в сопровождении толпы пошли за город до околицы, где на избранном месте разостлали кошму (войлок), поставили на ней стол, положили на нем хлеб-соль, а для самозванца поставили стул. Как только показался Пугачев, ехавший верхом, население сняло шапки, а когда стал сходить с лошади, то все пали на землю. Самозванец приложился ко кресту, поцеловал хлеб-соль и сел на стул.

– Вставайте, детушки, – произнес Пугачев и протянул свою руку, которую сакмарцы, подходя поочередно, с почтением целовали.

– Где ваши казаки? – спросил самозванец.

– Одни на службе, а другие забраны в Оренбург, – отвечали ему, – а для почтовой гоньбы оставлено двадцать человек, да и тех здесь нет.

– Чтобы были, – сказал строго Пугачев, обращаясь к священнику, – для того тебе приказываю, что ты священник и атаман, а если не сыщете, то только и жить будете.

По окончании целования руки Пугачев сел опять на лошадь и при колокольном звоне отправился в городок, и прямо в церковь, где священник Михайлов служил молебен и упоминал имя императора Петра III. После молебна самозванец отправился в дом атамана, а большая часть его толпы, переправившись чрез реку Сакмару по мосту, расположилась лагерем недалеко от городка.

Старик Дмитрий Донской, отец атамана, приготовил обед для Пугачева и его приближенных.

– Если бы сын твой, – говорил ему самозванец, – был здесь и при своей команде, то обед ваш был бы высок и честен, но хлеб-соль твоя помрачилась. Сын твой какой атаман, если свое место покинул?

Сытно пообедав и пьяный, конечно, Пугачев хотел было достойным образом отблагодарить хозяина. Он приказал взять Дмитрия Донского и повесить за измену сына, но приближенные испросили помилование, и старик отделался тем, что был закован и посажен в станичную избу; дом же атамана был разграблен. Самозванец отправился в лагерь, где и ночевал. На другой день толпа задержала в разных местах трех человек, высланных из Оренбурга для разузнания о мятежниках. Пугачев приказал их повесить, а вслед за тем ему доложили о прибытии из Сакмарска казаков, оставленных для почтовой гоньбы. Самозванец обошелся с ними ласково и приказал им присоединиться к своей толпе[591].

– Сколько изволите приказать взять с собою провианта? – спрашивали казаки.

– Возьмите с собою краюшку хлеба, – отвечал Пугачев, – вы проводите меня только до Оренбурга.

Отпустив казаков обратно в городок для приготовления к походу, Пугачев остался с Шигаевым и среди разговора заметил, что к ним приближается человек с вырванными ноздрями и поставленными на лице знаками. То был Хлопуша.

Выйдя ночью из Оренбурга и зная, где искать самозванца, Хлопуша направился в свою родную слободу Берду и на дороге встретился со знакомым ему кузнецом Сидором.

– Не знаешь ли, где стоит Пугачев? – спросил он кузнеца.

– Он стоит на Старице реки Сакмары, на самом берегу, – отвечал Сидор, – а чтобы тебе приметно было, то увидишь повешенных трех человек.

Хлопуша отправился по указанию и, подойдя к Пугачеву и Шигаеву, поклонился.

– Ты что за человек и откуда? – спросил самозванец.

– Это, ваше величество, Хлопуша, самый бедный человек, – сказал Шигаев, – сидевший с каторжником в одном остроге в Оренбурге, когда судились яицкие казаки.

Хлопуша подал Пугачеву все четыре пакета, данные ему Рейнсдорпом. Самозванец приказал положить их к себе на стол и накормить Хлопушу, а сам отправился с молодыми казаками в степь, на скачку и джигитовку. Возвратившись в свою кибитку, Пугачев потребовал к себе Хлопушу.

– Кто ты и откуда? – повторил самозванец свой вопрос.

– Я оренбургский ссыльный и прислан к тебе от оренбургского губернатора, с тем чтобы в толпе вашей людям отдать указ, коим повелено, чтоб от тебя народ отстал и пришел к ее величеству с повинной, да и тебя бы изловили. Мне приказано также, чтоб у тебя сжечь порох и заклепать пушки, но я этого ничего делать не хочу, а желаю послужить вам верою и правдой.

– Разве лучше тебя, – говорил шутя Пугачев, – некого было губернатору послать?

– Я, ваше величество, этого не знаю, – отвечал Хлопуша.

– Знать, у губернатора только и дело, что людей бить кнутом да ноздри рвать.

Самозванец приказал своему секретарю Почиталину подать ему пакеты, принесенные Хлопушей, распечатал их и, показывая вид, будто читает, повертел пред глазами, а затем приказал разорвать и бросить в огонь.

– Что же ты, Хлопуша, – спросил Пугачев, – в Оренбург хочешь ехать обратно или у меня служить?

– Зачем мне, батюшка, в Оренбург ехать, я желаю вашему величеству служить.

– Полно, ты подослан к нам, – говорил Овчинников, – и, подметя все, уйдешь отсюда. Лучше скажи правду, а то повесим.

– Я всю правду сказал, – отвечал Хлопуша.

– Есть ли же у тебя деньги? – спросил самозванец.

– Четыре алтына только.

Пугачев вынул из кармана семь рублей, отдал их Хлопуше, чтоб он купил себе платье.

– Как издержишься, – сказал он, – приходи опять ко мне; также скажи, когда не будет у тебя хлеба.

Хлопуша поблагодарил и вышел, а Овчинников советовал Пугачеву не доверять словам присланного.

– Воля твоя, – говорил он, – прикажи его повесить; он плут, уйдет и все, что здесь увидит, там перескажет, а притом и людей наших станет подговаривать.

– Пусть его бежит и скажет, в этом худого нет; без одного человека армия пуста не будет.

Пугачев приказал только первое время следить за всеми действиями Хлопуши, и как доноса не было, то он скоро был освобожден от всякого надзора[592].

Двигаясь сначала на Каргалинскую слободу, а потом на Сакмарский городок, Пугачев, как человек вовсе

незнакомый с географическим положением этих пунктов, имел в виду одну цель: увеличить свою толпу. Каргалинская слобода «имеющимся в ней дворовым числом» равнялась Оренбургу[593], и, следовательно не воспользоваться приглашением столь значительного населения значило отказаться от увеличения своих сил по крайней мере пятьюстами человек. Близ Каргалинской слободы находился Сакмарский городок, населенный 250–300 яицких казаков, от содействия которых отказаться также было невозможно, потому что все это были люди наиболее надежные, лучший контингент толпы мятежников[594].

Все это привело Пугачева в Сакмарский городок, но когда он занял его, то все-таки не заметил, что, кроме комплектования толпы, приобретались весьма важные выгоды. Мятежники овладели обоими берегами реки Сакмары и тем отрезали Оренбург от России, лишили его возможности снабдить себя продовольствием и тогда уже поставили город почти в блокадное положение. Из Сакмарска можно было следить за подкреплениями, идущими к Оренбургу, как с Самарской линии и московской дороги, так с Верхнеяицкой линии и из Сибири. Если бы Пугачев и его сообщники поняли важное стратегическое положение Сакмарского городка, то для обеспечения своего тыла оставили бы в нем часть своих сил и под прикрытием этого отряда могли свободно действовать под Оренбургом. Но двигатели мятежа поступили иначе: они забрали с собою из Каргалы и Сакмарска все население, способное носить оружие, и оставили в этих пунктах одних престарелых и детей[595].

Собираясь идти к Оренбургу и желая подготовить себе некоторый успех, Пугачев отправил в город два указа, из коих один был на имя губернатора, а другой на имя оренбургского атамана, подполковника Могутова. Самозванец обнадеживал атамана, что за верность и

службу награжден будет кафтаном, реками, озерами, бородой, крестом и пр. Воззвание же к губернатору было следующего содержания:

«Сей мой именной указ Оренбургской губернской канцелярии и господину губернатору Рейнсдорпу и рядовым казакам и всякого звания людям мое именное повеление.

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови, а как я к Оренбургу к городу прибуду, так все с усердием могли соответствовать достойно лицу моему. Второе, когда вы исполните мое именное повеление и за то будете жалования чинами и напредки ваши рекой, и землею, и травами, и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом, и вечной вольностью и повеление мое исполните со усердностью меня государя встречайте, то совершенно меня за оное приобрести можете к себе мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то вскорости восчувствуете на себе праведный гнев мой и власти Всевышнего создателя нашего и гнева моего избегнуть не может.

Никто тебя [губернатора] от сильные нашей руки защитить не может»[596].

В ответ на это из Оренбурга был отправлен 2 октября подписанный многими лицами указ следующего содержания[597]:

«Указ ее императорского величества самодержицы Всероссийской.

Находящимся при самозванце яицким и илецким казакам.

К крайнему всякого прискорбию, оказались вы в таком состоянии, что, забыв страх Божий и учиненную в верности ее императорскому величеству присягу, поверя лестному и совсем на лжи основанному представлению

самозванца, отважились на такое злое и богомерзкое дело, о коем всяк, разум имеющий, без внутреннего содрогания пребыть не может, что вы, пристав к нему, как ослепленные погружаете себя у Бога и у целого света во глубину погибели. Но как таковым должно напоследок прийти во свет разума и самого себя познание, то вас все здешнее общество прилежно увещевает от всех производимых вами злых дел совершенно отстать и быть на свете человеками. А как вы очень важное преступление уже учинили, то вот вам к утолению высочайшего ее императорского величества гнева средство: реченного самозванца постараться поймать и представить, через что можете удостоить себя в том вашем злодеянии здешнего у ее императорского величества предстательства, которое, конечно, учинить не оставлено будет. А ежели сердце ваше так ожесточилось, что сие увещевание не проникнет, то остается непременно погибать вам, как в сем веке, так и в будущем. Причем дается вам знать, что упомянутый самозванец беглый из Казани донской казак, именем Емельян Пугачев, который пред сим в равномерном злодеянии в Астраханской губернии пойман и жестоко наказан был, следовательно, такому человеку, который честного общества извержен, мерзить и удаляться должно».

Конечно, переписка эта осталась без всяких последствий, и 3 октября передовые толпы мятежников показались в виду Оренбурга почти в то самое время, когда отряд майора Наумова втягивался в город.

Будучи отправлен полковником Симоновым в погоню за Пугачевым и имея в своем отряде 246 человек пехоты и 378 казаков[598], Наумов двинулся вверх по Яику. Не догнав мятежников и получив по дороге известие о значительном увеличении толпы самозванца, Наумов предпочел переправиться на противоположный берег реки Яика и прямо степью направился к Оренбургу.

Прибытие Наумова было встречено жителями с большим восторгом и, по словам Рейнсдорпа, «Оренбургская крепость, в случае атаки, в состояние пришла» [599].

Глава 20

Появление Пугачева под Оренбургом. – Состояние Казанской губернии и меры к ее защите. – Петербург в конце 1773 года. – Известие в столице о появлении самозванца и его успехах. – Меры правительства к подавлению восстания. – Назначение генерал-майора Кара. – Инструкции, ему данные. – Первый манифест о Пугачеве. – Распоряжения Военной коллегии и сибирского губернатора по отправлению войск к Оренбургу.

При первых известиях о появлении Пугачева оренбургский губернатор, генерал Рейнсдорп, писал казанскому, фон Брандту, что намерения самозванца, по всей вероятности, заключаются в том, чтоб идти в Казанскую губернию «помещичьими жительствами, преклоняя на свою сторону крестьян и обольщая их дачею вольности».

Трудно сказать, на чем Рейнсдорп основывал свои предположения о дальнейших действиях самозванца; тем не менее сообщение это озадачило Брандта и вызвало с его стороны усиленную деятельность.

Казанская губерния была почти беззащитна: из трех гарнизонных баталионов, находившихся в Казани, большая часть была командирована для набора рекрут и для конвоирования арестантов, отправляемых в Сибирь огромными партиями. Оставшихся налицо нижних чинов так мало, доносил Брандт[600], «что не только поиску и истребления реченной сильной, злодейской шайке, но и обороны против их воровского нападения делать некем». На местное население в защите границ губернии полагаться было невозможно, потому что «земледельцы разных родов, а особливо помещичьи

крестьяне, по их легкомыслию, в сем случае весьма опасны, и нет надежды, чтобы помещики крестьян своих с пользой могли употребить себе и обществу в оборону».

Всю надежду генерал Брандт возлагал на поселения оставных солдат, которые хотя не имели оружия и, «забыв военные обряды, совсем сделались мужиками», но на этот раз могли считаться единственными защитниками границ Казанской губернии. На этом основании наведывавшему поселениями отставных нижних чинов, генерал-майору Миллеру, было приказано собрать на первый раз от 200 до 500 человек и расположить их по реке Черемшан, протекавшей по границе губернии. Казанскому архиепископу Вениамину предложено, при помощи подчиненного ему духовенства, употребить все меры к отклонению населения от содействия самозванцу. Вениамин назначил 5 октября торжественное богослужение в соборе. Он выехал из монастыря в большом экипаже («берлине»), отделанном золотом, на шестерке лошадей в шорах. Кучер был одет в немецкий кафтан, с огромными обшлагами и в треугольной шляпе, а впереди ехали двое верховых в зеленых епанчах, один держал на руке архиерейскую мантию, а другой – посох. На паперти собора высокопреосвященный Вениамин надел мантию, взял в руки посох и вошел в церковь, а после литургии вышел к народу, публично проклял Пугачева и предал его анафеме[601]. Вслед за тем казанский архиепископ приказал отобрать от всех священников подписки в том, что они постараются своих прихожан «от помянутого противного и опасного всему обществу случая отвратить». Духовным правлениям и консисториям вменено в обязанность отправить священников по возможности в каждое село и поручить им убеждать население, что принявший на себя имя императора Петра III есть самозванец, беглый донской

казак Емельян Пугачев, и что все, кто примут его сторону, будут преданы вечному проклятью[602].

Между тем генерал-майор Миллер успел собрать 730 отставных солдат, из коих 170 человек было конных, на собственных лошадях, и 560 человек пеших. Разделенные на два отряда, поселенцы были расположены: в Кичуевском фельдшанце и Черемшанской крепости, на половине пути от Кичуя до Ставрополя. На подкрепление их было прислано потом еще 224 человека, и 60 человек отправлено для защиты пригородов Тиинска и Ерыклинска. Сверх того, собрано было до 700 поселенных солдат, на обязанность коих возложено охранение своих жилищ, а для защиты устья Черемшана приказано спуститься на лодках по Волге команде в 30 человек, назначенных для сыску и преследования воров[603].

Получив известие о волнении в Башкирии, генерал Брандт отправил туда секунд-майора Тевкелева, который донес, что башкирцы изъявили ему усердное желание служить императрице и что он ничего сомнительного в них не видит. Успокоенный с этой стороны, казанский губернатор пригласил дворян вооружить своих людей сколько кто может и содействовать ему в охранении границ губернии. Дворяне откликнулись на призыв, вооружили дворовых людей и под предводительством Федота Михайловича Веригина отправились за реку Каму прикрывать границы Казанской губернии. «Хотели было, – писал Платон Любарский[604], – созвать охотников из конфедератов, но, известись, что они в Оренбурге неверность оказали, оставили их в покое». Взамен того приказано было уничтожить некоторые не особенно важные посты и возвратить нижних чинов, отправленных для приема и препровождения рекрут, причем находившиеся в Кунгуре и Хлынове должны были следовать в Казань, а из Пензы – в Симбирск[605].

Все эти меры лишь в слабой степени обеспечивали границы Казанской губернии, в особенности потому, что, но получавшимся ежедневно сведениям, сельское население в большинстве сочувствовало самозванцу.

«Удивления достойно, – писал Брандт[606], – что сей злодей такую на себя, как говорят, важность принял, что куда в крепость ни придет, всегда к несмысленной черни оказывает свое сожаление, якобы и подлинно государь о своих подданных, что он ничего доныне не знал, в каком они утеснении и бедности находятся. Теми своими льстивыми словами и обнадеживаниями и уловляет глупых сих людей. Почему, по легкомыслию подлого народа, если он скоро не истребится и ворвется в Казанскую губернию, не безопасно есть. И хотя он угрожает, что пойдет к Казани[607], однако ж, мнится, что он не оставит степи, и, конечно, будет, защищаясь с одной только стороны, стараться перейти через Волгу около Самары и пробраться к Дону в рассуждении том, что когда еще он, по поимке в Малыковке, содержался здесь под караулом, то допросом показывал, что недоброхотствующим яицким казакам говорил: если они согласятся идти на Дон, то для них приготовлены там и деньги[608]. Посему я теперь все силы напрягаю рассеянные батальоны и разные команды, елико можно, собрать, *также дворян, с их людьми вооружи, приготовить: казанских у Камы, а симбирских у Волги*, дабы не перепустить чрез них и наблюдать, в которую сторону кинется, и туды все силы обратить. Весьма предосудительно, что такой великий город, какой есть Казань, *да и почти в самой Азии*, где всегда должно быть в осторожности и другим прилежащим частям, в случае каких злодейских предприятий, вспоможение делать, а не имеет не только довольно военных людей, по самого нужного оружия и артиллерии, ибо когда потребовал ее, то в здешнем цейхгаузе нашел не больше двух единорогов, да и те посылаю к Миллеру, а

еще осталось четыре пушки, но почти к употреблению негодные, которые также велел приготовить».

Что касается ручного огнестрельного оружия, то во всей Казани нашлись годных 143 ружья и 100 пар пистолетов, да и те принадлежали Московскому легиону. Отправив это оружие также в распоряжение генерала Миллера, казанский губернатор собрал все негодное оружие, хранившееся в складах, призвал к себе городских слесарей и приказал им исправить что было можно. По мере исправления ружья и пистолеты отправлялись партиями в Кичуй, но их было слишком мало, и потому генерал фон Брандт просил главнокомандующего в Москве князя М.Н. Волконского прислать ему оружие и войска, так как бывших в его распоряжении считал недостаточными для усмирения края и захвата самозванца.

Получив эту просьбу в шестом часу пополудни 8 октября, князь Волконский оценил вполне положение дел и, опасаясь, чтобы «пламя не вышло», на другой же день отправил в Казань 300 человек Томского полка с одним орудием[609]. Приказав им следовать на ямских подводах, Волконский сообщил об этом президенту Военной коллегии, графу З.Г. Чернышеву, и высказал мнение о необходимости потушить волнение как можно скорее[610].

Письмо московского главнокомандующего было получено в Петербурге в ночь на 14 октября, а вслед за тем были получены рапорты оренбургского и казанского губернаторов и тотчас же представлены императрице[611]. Известие о появлении самозванца и его успехах было совершенно неожиданно для столицы и значительно усиливало затруднительность положения, в котором находились правительство и сама императрица.

1773 год был не из блестящих годов в истории России и начался при самых неблагоприятных условиях.

Еще с конца предшедшего и в течение всего этого года в Петербурге происходила борьба партий династических и политических, среди которых положение императрицы было крайне щекотливо. Недавний раздел Польши возбудил зависть держав, не принимавших участия в этом разделе, и вызвал интриги в особенности со стороны Франции.

Работая усердно в Константинополе и стараясь отклонить Порту от согласия на уступки, требуемые Россией, Франция в то же время обещала снабдить средствами короля шведского, дабы он явился опасным соседом России. Отношения наши к Швеции были до того натянуты, что в Петербурге принимались меры, необходимые на случай наступательных действий с нашей стороны в Финляндии. Галеры и все корабли в Кронштадте и Ревеле поспешно вооружались, все свободные полки сосредоточивались или в окрестностях Петербурга, или на границе, и даже вызвано было несколько полков из первой армии графа П.А. Румянцева, несмотря на то что подобный вызов значительно ослаблял армию, действовавшую на Дунае. «Мы, когда возвышаем наши требования [у турок], – писал граф П.А. Румянцев Обрезкову, – тогда не ищем тех способов, которые в таких случаях сущим суть подкреплением, то есть чтоб умножать свои силы против неприятеля, но паче их ослабляем в виду, так сказать, врагов, на то взирающих». По настоянию графа Румянцева хотя и приказано было возвратить взятые полки, но время, когда они могли быть полезны на Дунае, было упущено.

Пятый год уже тянулась война наша с турками. Почти ежегодно для комплектования армий, которые теряли людей, не столько в сражениях, сколько в госпиталях от убийственного климата, производились рекрутские наборы, обременявшие население и возбуждавшие ропот и неудовольствие. Блестящие

победы русских войск не давали видимых результатов, и турки не соглашались ни на какие уступки. Причиной тому были интриги Франции, хорошо видевшей, что блюстители наших интересов в Константинополе, представители союзных России держав Пруссии и Австрии, не выказывали особенной деятельности. Прусский министр Зегелин, по выражению графа Румянцева, имел «волчий рот и лисий хвост». Словом, наши союзники поведение свое в Константинополе соразмеряли с собственной своей пользой и выгодой. «Не видали мы еще от них, – писал Румянцев Обрезкову, – добрых услуг или убедительных сильных представлений, которые могли бы склонить трактующих с нами к соглашению».

Ввиду натянутых отношений наших к Швеции Государственный совет считал продолжение войны с Турцией весьма неудобным и полагал необходимым согласиться на некоторые уступки в наших требованиях. Императрица отвечала, что страх пред шведами обличает в членах Совета сомнение в собственных силах и что она не согласится на отмену требований свободного плавания по Черному морю, пока Совет не представит ей более уважительных причин. Требования были повторены, но Порта не уступала России ни одной гавани на Черном море.

– Уступить Керчь и Еникале, – говорил рейс-эфенди, – все равно что подчиниться России, которая в короткое время построит там страшный флот и будет предписывать нам законы.

Переговоры были прерваны, и граф Румянцев получил приказание действовать наступательно за Дунаем. Поход этот был неудачен, и русские войска принуждены были возвратиться на левый берег. Екатерина была крайне недовольна ходом событий, главнейше потому, что не могла надеяться блеском побед и выгодным миром обратить на себя внимание,

возбудить всеобщий энтузиазм и славою своего царствования заглушить интригу партии, работавшей в пользу державных прав наследника.

Императрица знала, что вступлением на престол она обязана была Орловым и что, напротив того, граф Никита Панин желал, чтобы переворот совершился в пользу великого князя Павла Петровича. Таким образом, с первого дня царствования Екатерине было известно о существовании партии, желавшей видеть на престоле не мать, а сына. Открывавшиеся впоследствии заговоры отдельных лиц, с целью возведения на престол Павла Петровича заставляли императрицу не оставаться равнодушной к этому вопросу, быть всегда настороже и зорко следить за общественным мнением и противной ей партией.

Намерение императрицы вступить в 1763 году в брак с графом Григорием Орловым и противодействие этому преимущественно графа Никиты Панина вызвало вражду между этими фамилиями. Если Орловы были сильны расположением к ним Екатерины, то граф Панин был силен в общественном мнении, и борьба с ним была нелегка для Орловых. «Все думали, – писала впоследствии Екатерина, – что, если Павел Петрович не на руках у Панина, так он пропал».

Это опасение заставляло императрицу не давать особенного предпочтения ни той ни другой партии, и вражда двух фамилий продолжалась с переменным успехом. Победа зависела от случая, которым не замедлил воспользоваться граф Панин. Видя, что императрица стала тяготиться деспотическим влиянием Григория Орлова и его братьев, граф Панин устроил посылку его в Москву, для принятия мер против чумы в 1771 году, а затем в следующем году на конгресс в Фокшаны, для заключения мирных условий с Портой. В отсутствие Орлова Екатерина почувствовала себя более самостоятельной, и участь фаворита была решена;

окончательное его удаление было только вопросом времени. Появился новый любимец, камер-юнкер Васильчиков.

Узнав о возвышении Васильчикова, граф Григорий Орлов понял, в чем дело, и, предпочитая личные интересы, прервал переговоры и поскакал в Петербург, но в столицу не попал, а был остановлен в Гатчине. По-видимому, падение его было решено окончательно, но сложившиеся обстоятельства поставили его опять у дел. 20 сентября 1772 года Павлу Петровичу минуло восемнадцать лет, и все ожидали, что с совершеннолетием великого князя ему будут предоставлены некоторые права или, по крайней мере, известная доля самостоятельности и независимости. День был трудный для Екатерины, трудный потому, что она не разделяла ожиданий большинства и не желала придавать никакого значения совершеннолетию сына.

Решившись на такую меру и считая братьев Орловых единственными людьми, на которых могла вполне положиться, императрица вызвала Григория Орлова из Гатчины, осыпала его наградами и пожаловала княжеским титулом. Орлов снова приобрел силу и нашел себе сторонников. В Петербурге образовались две партии, причем партия Орлова была в то время сильнейшей[612]. Значение Панина падало, и положение его было весьма неприятно. «Все интриги и все струны настроены, – писал фон Визин сестре[613], – чтобы графа отделить от великого князя, даже до того, что, под претекстом перестраивать покои во дворце, велено ему опорожнить те, где он жил. Князь Орлов с Чернышевым злодействуют ужасно графу Никите Ивановичу, который мне открыл свое намерение, то есть буде его отлучат от великого князя, то он в ту же минуту пойдет в отставку. Развращенность здешнюю описывать излишне. Ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего Двора всеминутно происходят, и все

вертится над бедным моим графом, которого терпению, кажется, конца не будет. Брата своего [графа Петра Ивановича] он сюда привезти боится, чтоб еще скорее ему шеи не сломили, а здесь ни одной души не имеет, кто б ему был истинный друг. Ужасное состояние».

Прежние друзья или старались скрыть свои отношения к графу Панину, или переходили на сторону противной ему партии. В числе их был и Сальдерн, бывший посланник в Варшаве, искусившийся во всякого рода интригах. Граф Панин не одобрял грубого поведения Сальдерна в Польше, и в октябре 1772 года он был отозван в Петербург. Недовольный Паниным и будучи человеком продажным, получавшим субсидии от Дании, Сальдерн стал убеждать Екатерину в необходимости уступить этой державе Голштинию. Предлогом тому он избрал натянутые отношения матери к сыну и вопрос о верховной власти. Сальдерн говорил Екатерине, что ей, как обладательнице столь обширной империи, какова Россия, неприлично, владея маленькой Голштинией, быть в некоторой зависимости от Германской империи. Сальдерн дал понять императрице, что великий князь Павел Петрович сделался уже совершеннолетним и потому необходимо лишить его Голштинского владения, ибо можно опасаться, что наследник, в звании германского имперского князя, может держать себя в некоторой независимости от русской императрицы и, увлекшись, вступить в союз, вредный интересам Екатерины.

Доводы эти были признаны настолько основательными, что трактатом 21 мая 1778 года Шлезвиг и Голштиния были уступлены Дании. Великий князь Павел Петрович приобрел взамен того графства Ольденбург и Дельменгорст и чрез два месяца (14 июля 1778 года) принужден был уступить их коадъютору Любскому, Фридриху-Августу, представителю младшей линии Голштинского дома. Комбинации эти воздвигли

еще большую преграду между матерью и сыном, и в конце июля 1778 года положение дел было такое, что каждый находившийся в милости императрицы обязан был быть противником наследника престола. Нерасположения последнего к матери, но словам английского посланника Гуннинга[614], «достигли размеров, могущих иметь важные последствия в случае, если б он был окружен людьми предприимчивыми и энергическими».

«Здесь, – прибавлял Гуннинг, – не может быть разделения власти. Когда великий князь достигнет власти, он должен получить ее всецело. Если императрица будет действовать осторожно, но в то же время энергично, то время это весьма удалено: в противном случае она находится в критическом положении».

Сознавая свое положение, Екатерина скоро узнала, что тот же Сальдерн, который, по-видимому, был ее приверженцем, получив значительную субсидию от Дании, стал интриговать в пользу Павла Петровича, надеясь, что, быть может, и тут перепадет что-нибудь на его долю. Соединясь с представителем Франции, столь усиленно интриговавшей в Константинополе, Сальдерн и его товарищ стали убеждать всех, кого было можно, что интересы и польза России требуют возведения на престол наследника, достигшего совершеннолетия. Учение это нашло себе последователей, и Сальдерн составил план о призвании Павла Петровича к соучастию в управлении государством. План этот, к удивлению Сальдерна, был отвергнут Паниным и послужил в пользу последнего. Значение воспитателя наследника стало быстро возрастать, и императрица, желая положить предел всем интригам, решилась парализовать действия партии, работавшей в пользу ее сына, и отвлечь хотя на время общественное внимание от жгучего вопроса.

Бракосочетание великого князя Павла Петровича было весьма удобным для того средством.

«Сего месяца 15 числа, – писала Екатерина князю Волконскому[615], – в церкви Зимнего дворца принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская приняла наш закон, и наречено ей имя Наталия Алексеевна. На другой день было в Летнем дворце в церкви обручение сына моего с великой княжной Наталиею Алексеевной. Вчерашний день я о сем подписала в Сенате указ, о чем вас чрез сие уведомить за благо рассудила».

Пользуясь тем, что с бракосочетанием Павла Петровича деятельность графа Н.И. Панина, как воспитателя, прекращалась, императрица в день годовщины своей коронации осыпала наградами как его, так и противника его, графа З.Г. Чернышева.

22 сентября 1773 года высочайше повелено «действительного тайного советника графа Никиту Панина с сего числа считать в первом классе в ранге фельдмаршала, с жалованьем и столовыми деньгами против бывших канцлеров»[616]. Ему пожалована по смерть ежегодная пенсия по 25 тысяч рублей[617], до 9 тысяч душ крестьян[618], на заведение дома 50 тысяч рублей, провизия и погреб на год, экипажи и ливреи дворцовые. Вице-президент Военной коллегии граф Захар Чернышев в тот же день утвержден президентом и награжден пожалованием нескольких тысяч душ крестьян[619].

«Совокупленные ваши труды, – писала вместе с тем Екатерина графу Панину, – в воспитании сына моего и притом в отправлении дел обширного Иностранного Департамента, которые вы несли и отправляли с равным успехом толико лет сряду, часто во внутренности сердца моего возбуждали чувства, разделяющие с вами все бремя различных сих, силу человеку данную неисчерпаемых упражнений. Но польза империи моей,

по горячему моему всегдашнему попечению о благом устройстве всего мне от власти Всевышнего врученного, воспрещала мыслить прежде времени облегчить вас в тягостных упражнениях, доверенностью моею вам порученных. Ныне же, когда приспела зрелость лет любезнейшего сына моего, и мы, на двадцатом его году от рождения, с вами дожили до благополучного дня брака его, то, почитая по справедливости и по всесветному обыкновению воспитание великого князя само собою тем оконченным, за долг ставлю вам при сем случае изъявить мое признание и благодарность за все приложенные вами труды и попечения о здравии и украшении телесных и душевных его природных дарований, о коих *по нежности матерней любви и пристрастью не мне пригоже судить*; но желаю и надеюсь, что будущие времена в том оправданием служить имеют, о чем Всевышнего ежедневно молю усердно.

Окончив с толиким успехом, соединенным с моим удовольствием, важную таковую должность и пользуясь утешением, от нее вам справедливо происходящим, обратите ныне с бодрым духом все силы ума вашего к части дел империи, вам от меня вверенной и на сих днях вновь вам подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданам вашим желаемый мной и всеми твердый мир и тишину, дабы дни старости вашей увенчаны были благословением Божиим благополучия всеобщего, после бесчисленных трудов и попечений».

29 сентября 1773 года состоялось торжественное бракосочетание Павла Петровича, и затем начался целый ряд празднеств, тянувшихся до 11 октября. Все внимание великого князя было поглощено новою обстановкой семейной жизни, партии парализованы, граф Панин возвышен до звания канцлера, первого лица в государстве, и ему поручено заняться преследованием исключительно мирных целей. По-видимому, все шло

благополучно, и, чтобы покончить с вопросом о правах наследника, императрице оставалось приобрести любовь народа славою своего царствования и преданностью благу отечества. Но слава царствования помрачилась неудачным походом графа Румянцева за Дунай и возвращением на левый берег реки, а полученные известия о происшествии под Оренбургом не служили доказательством всеобщего благоденствия.

Опасаясь, чтобы волнения внутри империи не имели значительного влияния на внешние дела и чтобы созидаемое в течение нескольких лет не было разрушено разом, правительство признало необходимым полученное известие хранить в тайне, не трогать целых полков, расположенных на границах, и тем не давать повода к предположению, что смута имеет серьезное значение. Между тем свободных войск под руками не было, и приходилось собирать их по клочкам, небольшими разрозненными командами, и отправлять на театр действий без всякой связи и единства.

С 14 октября в столице кипела усиленная работа по принятию мер к восстановлению спокойствия. Князю М.Н. Волконскому приказано было немедленно отправить из Калуги в Казань генерал-майора Фреймана и следом за ним послать на почтовых три остальные пушки Томского полка с их прислугой и зарядными ящиками. Командиру Вятского пехотного полка, полковнику Миллеру, предписано отправить на ямских и обывательских подводах гренадерскую роту (около 182 человек) с двумя орудиями, из Новгорода в Москву и далее в Казань[620]. Комендантам: царицынскому, полковнику Циплетеву, и крепости Святого Димитрия, генерал-майору Потапову, поручено: первому препятствовать переправе Пугачева через реку Волгу для следования на Кубань, а второму не пропускать самозванца на Дон. В случае нужды Циплетев должен был требовать помощи от астраханского коменданта, а

Потапов – от главнокомандующего второю армией, князя В.М. Долгорукого, главная квартира которого находилась в Полтаве[621]. «Для учения же *сильного* (?) поиска над упомянутыми злодеями, писал граф З. Чернышев князю Волконскому, и прекращения всех его злоумышлений, посылается *ныне же наскоро* генерал-майор Кар», бывший командир Санкт-Петербургского легиона.

Василий Алексеевич Кар родился в 1730 году и десятилетним ребенком был зачислен на службу в 1740 году [622]. Спустя два года, 4 января 1742 года, он был зачислен в пажи и в 1748 году выпущен в полевые полки поручиком. В Семилетнюю войну Кар находился волонтером: в 1757 году в цесарской, а в 1758 году во французской армиях. В 1760 и 1761 годах он был в Пруссии при русской армии и участвовал во многих сражениях. В августе 1766 года граф Н. Панин сообщил графу З. Чернышеву[623], что императрица повелела отправить в Польшу по политическим ее величества делам полковников Василия Кара и Оттона барона Игельстрома. Назначенный состоять при князе Радзивиле, полковник Кар имел случай выказать твердость характера и свои дипломатические способности. В марте 1768 года Кар был уволен, а в мае 1769 года назначен командиром Иностранного легиона, переименованного потом в Санкт-Петербургский.

Приобретенный боевой опыт в Семилетней войне и затем участие в войне с конфедератами доставили Кару репутацию прекрасного офицера, и он, не имея еще сорока лет от роду, 1 января 1770 года был произведен в генерал-майоры. Расстроенное здоровье заставило В.А. Кара искать отдыха и обратиться к серьезному лечению. Пользовавший его лейб-хирург Реслеин нашел болезнь его хронической и трудно излечимою. Он советовал Кару ехать к теплым водам, «что одно излечить его может». В декабре 1771 года Кар просил уволить его на год за

границу, «дабы, получа там совершенную от его болезни свободу, мог по-прежнему продолжать службу. Буде ж настоящей войны обстоятельства в том воспрепятствуют, то за долговременную и беспорочную его службу, как законы повелевают, от воинской и статской службы уволить вовсе»[624]. Императрица, ценя заслуги В.А. Кара, разрешила ему ехать за границу, и по возвращении из отпуска он в октябре 1773 года, в звании бригадного командира, был в числе очень немногих генералов, находившихся в Петербурге, и руководил набором рекрут. Естественно, что на него пал жребий командовать войсками, отправленными против Пугачева.

Указом Военной коллегии от 14 октября генерал-майору Кару приказано было «как наискорее отсюда отправясь следовать в Казань, а оттуда, усматривая надобность, и в Оренбург, из коих в то или другое место, куда нужно, следующим из Москвы и Новгорода командам идти предпишите, а между тем советами своими и общим принятием с губернаторами мер имеете возложенное на вас высочайшим указом в действие производить».

Императрица поручала генерал-майору Кару принять под свое начальство войска, собранные казанским губернатором, те, которые отправлены из Новгорода и Москвы, призвать к оружию башкирцев, поселенных солдат, и со сформированным таким образом отрядом «учинить над оным злодеем поиск и стараться как самого его, так и злодейскую *его шайку переловить* и тем все злоумышления прекратить».

Требуя от казанского и оренбургского губернаторов полного содействия Кару[625], императрица уполномочивала последнего действовать ее именем. «Башкирцам и поселенным [солдатам] объявить, – писала Екатерина II[626], – что ревностным исполнением по вашим распоряжениям помянутого поиска окажут они

нам новый опыт своего усердия и приобретут себе особливое монаршее благоволение. Вслед же за вами мы немедленно отправим увещательный манифест, который вы сами или же обще с губернаторами имеете там на месте по усмотрению публиковать».

Для составления этого манифеста 15 октября был собран Государственный совет. На вопрос императрицы, достаточны ли принятые на первый случай меры для усмирения волнений, члены Совета признали их вполне достаточными. Большинство присутствовавших не придавало особого значения смуте и полагало, что она может только на некоторое время расстроить рекрутский набор. Граф Чернышев заявил, что возникший мятеж есть только искра волнений, происходивших в прошлом году на Дону, но что теперь казаки образумились и живут спокойно.

– Если б атаман Ефремов, – прибавил к этому граф Панин, – в пору схвачен не был, то мы имели бы всю Кубань на плечах, что видно по переписке моей с татарами.

Генерал-прокурор предложил сообщить архиереям, чтобы духовенство в церквах увещевало народ не присоединяться к самозванцу, но императрица находила, что прежде всего необходимо обнародовать манифест, составление коего и возложила на Совет.

Желая, однако же, сохранить в тайне от большинства населения империи происходившее под Оренбургом, Екатерина поручила князю Вяземскому напечатать манифест в Сенатской типографии, и не более как в 200 экземплярах[627]. Утром 16 октября был напечатан и представлен императрице манифест следующего содержания:

«Объявляем всем, до кого сие принадлежит.

Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожалением мы усмотрели, что беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев бежал в

Польшу в раскольнические скиты и, возвратясь из оной под именем выходца, был в Казани, а оттуда ушел вторично, собрал шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостях по реке Яику, к стороне Оренбурга, и сим названием маломысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы, о таковых матерински сожалея, чрез сие их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем от сего безумия отстать, ибо мы таковую продерзость по сие время не самим в простоте и в неведении живущим нижнего состояния людям приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению. Но ежели кто за сим нашим милостивым увещанием и императорским повелением отважится остаться в его шайке и тотчас не придет в настоящее раскаяние и рабское свое повиновение, тот сам уже от нас за бунтовщика и возмутителя против воли нашей императорской признан будет и никаким образом, яко сущий нарушитель своей присяги и общего спокойства, законного нашего гнева и тягчайшего по оному наказания не избежит. Мы для восстановления порядка и тишины в тех пределах отправили нарочно нашего генерал-майора Кара, которому и сей манифест публиковать повелели, повелевая и надеясь, что каждый впадший в сие заблуждение сам узнает тягость своего преступления, возвратится к законному повиновению и обще со всеми нашими верноподданными стараться и споспешествовать будет по мере сил своих и по своему званию, так как каждый присягою верности обязан, к прекращению сего безбожного между народом смятения и к доставлению скорейшего способа тому нашему генерал-майору к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца».

Как ни торопились напечатать этот манифест, но, когда он был готов, генерал-майора Кара не было уже в Петербурге, и манифест пришлось посылать за ним вдогонку. Через несколько дней были получены в Петербурге два донесения Рейнсдорпа, от 7 и 9 октября[628]; он доносил о взятии Пугачевым нескольких крепостей и о нерешительности оренбургского гарнизона. Известия эти произвели большой переполох в столице и вызвали лихорадочную деятельность.

Императрица просила архиепископа казанского, преосвященного Вениамина[629], чтоб он отправил от себя «священникам наставление, кое бы они своим прихожанам с увещанием читать и тем удерживать их могли от присоединения к самозванцу, толкуя им, сколь страшно преступление пред Богом и пред светом нарушение учиненной государю своему присяги и что таковых преступников святая наша Церковь предавала и предает всегда вечному проклятью».

«Впрочем, я уповаю, – прибавляла Екатерина, – что ваше преосвященство не оставите предать им все то учение, какое потребно для утверждения в сердцах их клятвенной нам присяги и верности. Если же не вся Оренбургская епархия состоит в вашем ведении, то прошу сие мое письмо сообщить и тем архиереям, под ведомством коих те места состоят, дабы они по сему исполнение учинили»[630].

На другой день по отправлении этого письма были разосланы курьеры с указами Военной коллегии, в коих повелевалось: князю Волконскому отправить из Москвы в Казань на ямских подводах гренадерскую роту Томского полка[631]; генерал-аншефу князю В.М. Долгорукову отправить в Царицын из Бахмута или из находящихся вблизи оного два гусарских эскадрона[632]; губернаторам Псковской губернии генерал-майору Кречетникову и Могилевской генерал-поручику

Каховскому отправить в Саратов – первому 23-ю и 25-ю, а второму 22-ю и 24-ю легкие полевые команды, на ямских и обывательских породах, и, объявив командирам команд о цели, с какой они посылаются, обязать их хранить ее «в наивысшем секрете»[633]. Генерал-фельдцейхмейстеру князю Г.Г. Орлову приказано отправить в Казань на ямских подводах 2 тысячи ружей и в Москву два двенадцатифунтовых орудия с принадлежащими к ним снарядами и полным комплектом прислуги, при офицере[634]. Наконец, тем 700 башкирцам, которые пришли из Польши в Смоленск, приказано следовать прямо и как можно скорее в Оренбург[635].

Опасаясь, чтобы Пугачев, спустившись по Волге, не привлек на свою сторону многочисленных инородцев, населявших Астраханскую губернию, императрица приказала вновь назначенному туда губернатору П.Н. Кречетникову иметь свое пребывание в Саратове до усмирения волнений[636].

Сообщая об этих распоряжениях генерал-майору Кару и предоставляя ему дальнейшее руководство войсками, Военная коллегия вместе с тем писала генералу Рейнсдорпу: «Изыскивая все способы и возможности, постарайтесь вы, губернатор, *накопившуюся, невежами мятежническую толпу* атаковать, разбить и рассеять, а заводчика всему злу, самозванца Пугачева, и ближних его помощников как возможно захватить, тем больше, что число регулярных в таком у вас состоит количестве, что всякая подобная вышеписанной шатающаяся шайка отнюдь противостоять им не может, когда только споспешествует руководству свойственная войскам ее императорского величества храбрость и мужество»[637].

Этих-то последних свойств в Оренбургском гарнизоне не было не потому, чтобы русский человек

трусил и не был храбр, а потому, что обещанные самозванцем льготы и милости были слишком соблазнительны и сулили в будущем улучшение материального и нравственного быта. Догадываясь, хотя и смутно, где главнейший источник силы Пугачева, Военная коллегия поручила командующему войсками на Сибирской линии, генерал-поручику Деколонгу, чтоб он обратил особенное внимание «касательно до отвращения замыслов помянутого бездельника на государевы в Сибири состоящие рудокопные заводы, которым, в случае требования к вам от находящихся на тех заводах командиров, имеете всю совершенную безопасность доставить»[638].

Предписание это не застало Деколонга на Сибирской линии, так как он при первом известии о появлении Пугачева выступил с отрядом к Оренбургу.

Вечером 11 октября было получено в Тобольске первое известие о появлении Пугачева, и через двенадцать часов по приезде курьера сибирский губернатор Чичерин отправил уже на подставных лошадях, под начальством премьер-майора Заева, 2-ю тобольскую губернскую роту. Через два дня выступили из Тобольска и две резервные роты тобольских гарнизонных батальонов с двумя орудиями, всего 356 человек пехоты с 23 артиллерийскими служителями.

Приняв общее начальство над этими войсками, майор Заев должен был следовать на Оренбургскую линию, войти там в сношение с соседними воеводами и действовать смотря по обстоятельствам. В тот же день Чичерин разослал приказания о повсеместном сборе выписных казаков[639], отставных солдат и даже татар[640]. Комендант Троицкой крепости, бригадир де Фейервар, приказал из пяти батальонов, стоявших на линии от Звериноголовской до Озерной крепостей, выслать в Верхнеяицкую крепость от каждого батальона по 250 человек с офицерами, а с каждой из пяти

дистанций этой линии по 500 человек линейных казаков и башкирцев. Вслед за тем Фейервар отправил в Верхнеяицкую крепость две полевые пушки и приказал следовать туда же находившейся в Троицкой крепости 8-й легкой полевой команде (за исключением одной роты) с ее артиллерией.

Предполагая собрать отряд до 6 тысяч человек и отправить его к Оренбургу, Фейервар считал необходимым назначить особого генерала для командования войсками и единства в действиях.

«Возмущение бесчеловечного злодея, – писал Фейервар графу Чернышеву[641], – в здешнем краю так опасно, что я не мог преминуть ваше сиятельство об оном уведомить. Видно, что злодей нечаянно своей хитростью и силою Ивану Андреевичу Рейнсдорпу к распоряжению все способы отнял, потому что по линии ни один командир от его превосходительства о сем нечаянном случае предложения не получал и всякий по получаемым нечаянным известиям уведомлялся, и доколе по линии стали справляться, оный злодей весьма усилился. Всех казаков и башкирцев приводит к колебанию, киргизы опасны, и настоящего предводителя [у нас] нет. Мы подобны здесь стадам без пастыря: всякий старается, да ничего не успевает, а неприятель между тем усиливается. Одним словом, велика есть здесь опасность и требует скорой помощи. Покорно прошу ваше сиятельство отправить в самоскорейшем времени *надежного генерала, который бы мог своим авторитетом и распоряжением здесь порядок завести и общественного злодея истребить».*

Скорейшая и сильнейшая помощь Оренбургу, по мнению Фейервара, была весьма нужна, «ибо если сей общественный злодей, – доносил он[642], – вскорости истреблен не будет, то может так усилиться, *что после принуждено будет большою силой его искоренять, а*

между тем много тысяч невинных людей, крепостей и жительств разорить не преминет».

Сосредоточивая войска в Троицкой крепости и сознавая, что Уйская и Верхнеяицкая линии остаются без защиты, Фейервар просил генерал-поручика Деколонга оказать ему помощь и занять эти линии сибирскими войсками[643]. Не ожидая приказания сибирского губернатора Чичерина, Деколонг тотчас же двинул 14-ю легкую полевую команду из Петропавловской (Святого Петра) крепости, 10-ю легкую полевую команду из Омска и 11-ю легкую полевую команду из Ямышевской крепости.

Отправляясь сам в Троицкую крепость, Деколонг сообщил Рейнсдорпу о движении полевых команд и спрашивал, не прикажет ли он бригадиру Корфу не выступать из Озерной крепости к Оренбургу, чтобы, дождавшись прибытия полевых команд, действовать совокупными силами против мятежников. При энергическом наступлении сил этих было, конечно, достаточно для того, чтобы разогнать сборище Пугачева и восстановить спокойствие. Но, не ограничиваясь этим и желая еще более обеспечить успех, Деколонг приказал выступить к Оренбургу 12-й легкой полевой команде из Усть-Каменогорска и 13-й полевой команде из Кузнецка.

Прибыв в Троицкую крепость, Деколонг получил уведомление от Рейнсдорпа, *что он вовсе не имеет нужды в его полевых командах,* что в самом непродолжительном времени, «уповая на милость Божию», как скоро соберутся оренбургские войска, он, губернатор, «над злодеями атаку учинит», и, следовательно, командированные из Сибири войска ко времени этой атаки «поспеть уже не могут». Рейнсдорп предписал Деколонгу расположить его войска в Орской и Троицкой крепостях и охранять эти пункты. Бригадиру же Фейервару за то, что он требовал присылки войск из

Сибири, оренбургский губернатор сделал строгий выговор и писал, что все его требования *почитает за излишние*[644].

Такое распоряжение Рейнсдорпа удивило Деколонга. Он видел, что содействие его неприятно оренбургскому губернатору и что Рейнсдорп желает за собою одним сохранить славу разбития мятежников и усмирения волнений. Исполняя распоряжение губернатора, Деколонг приказал отряду генерал-майора Станиславского[645] занять Орскую, а отряду секунд-майора Зейферта[646]Верхнеяицкую крепость, в окрестностях которой башкирцы производили грабежи. Несмотря на то что отряды эти шли все время форсированными маршами и в двадцать дней сделали более 800 верст, они пришли в полном порядке и готовые двинуться далее.

В ожидании прибытия остальных команд Деколонг оставался в Троицкой крепости и, видя по общему ходу дел, что волнения в крае не могут быть скоро подавлены, принял меры к заготовлению продовольствия, запасов коего вовсе не было[647].

В таком положении и безо всякой деятельности сибирские войска оставались довольно долгое время. Сначала Рейнсдорп не желал воспользоваться их прибытием, а потом, когда признал необходимым их содействие, то не мог уже дать знать о своем затруднительном положении, так как был окружен со всех сторон мятежниками, и все сообщения с Оренбургом были прерваны.

Глава 21

Приближение Пугачева к Оренбургу. – Воззвание его к гарнизону. – Неудачные вылазки из города. – Прибытие подкреплений к самозванцу. – Расширение района волнений. – Происшествие в Верхнеозерной крепости. – Грабежи киргиз-кайсаков. – Помещики покидают свои имения. – Отправление Хлопуши на заводы для возмущения рабочих. – Бомбардирование Оренбурга. – Письмо Падурова. – Указ Пугачева Оренбургской губернской канцелярии.

В пятницу, 4 октября, Пугачев оставил Сакмарский городок и, двинувшись вниз по реке Сакмаре, ночевал вблизи Оренбурга, при Камышевой озере. Здесь, с присоединением к нему жителей Бердинской слободы, в которой считалось до 200 дворов, силы самозванца простирались до 2360 человек с 20 орудиями, при которых было несколько зарядов и до 10 бочек пороха[648].

Считая невозможным со столь незначительными силами овладеть городом, Пугачев 5 октября, в одиннадцатом часу утра, перешел к реке Яик на так называемые казачьи луга, находившиеся от города в пяти верстах. Отсюда самозванец направился к Оренбургу и, желая устрашить защитников и показать им свои силы более значительными, чем они были на самом деле, Пугачев растянул свою толпу в одну шеренгу. «И так устроясь, – показывал он впоследствии[649], – пошел к городу и остановился на горе в тех мыслях[650], чтобы городским меня, а мне их видно было».

В Оренбурге ударили тревогу: гарнизон стал по местам, а остальное население с ужасом ожидало появления самозванца; «все жители представили себе смерть, – пишет очевидец[651], – и был великий плач и неутешное рыдание». Но скоро население стало успокаиваться: самозванец не двигался вперед, и лишь смельчаки из его толпы появились в форштадте не более как в 15 саженях от городского вала. Рейнсдорп приказал сделать несколько выстрелов из орудий и зажечь предместье города, «ибо, – доносил он, – тот форштадт великую опасность предъявлял, что доказать может построенная на краю того форштадта каменная церковь во имя Св. Георгия, которая с поруганием употреблена ими была вместо пушечной батареи».

В тот же день казак Иван Солодовников подъехал к городу и, ущемив в колышек бумагу, воткнул его в землю, а сам ускакал. Бумага эта содержала в себе воззвание самозванца, обращенное к гарнизону.

«Сим моим именным указом, – писал Пугачев[652], – регулярной команде повелеваю: как вы мои верные рабы, регулярные солдаты, рядовые и чиновные напредь сего служили мне и предкам моим, великим государям императорам Всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Федоровичу, до последней капли крови, и *оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей*, придите ко мне с послушанием и, положа оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность, за что награждены и пожалованы мной будете денежным и хлебным жалованьем и чинами. Как вы, так и потомки ваши первые выгоды иметь в государстве моем будете и славную службу при лице моем служить определитесь. Ежели же кто, позабыв свою должность к природному своему государю

Петру Федоровичу, дерзнет сего именного моего повеления не исполнить и силою моего оружия в руки моего верного войска получен будет, тот увидит на себе праведный мой гнев и казнь жестокую».

Не получив никакого ответа на это воззвание, Пугачев на следующее утро, 6 октября, начал жечь возле города сено, заготовленное жителями на зиму. Желая спасти запасы, генерал Рейнсдорп выслал из крепости майора Наумова с отрядом в 1500 человек регулярных и иррегулярных войск, при двух-трех орудиях, и приказал ему атаковать мятежников. Человек нерешительный, не особенно храбрый и наслышавшийся на пути к Оренбургу о жестокостях Пугачева, майор Наумов вышел из города и, остановись вдали от неприятеля, приказал открыть огонь из орудий. Мятежники отвечали тем же, а сами рассыпались по степи небольшими кучками и тем лишили Наумова возможности наносить им вред своими выстрелами. После двухчасовой перестрелки, расстреляв все свои заряды, майор Наумов счел более удобным возвратиться в крепость, тем более что, по словам его, он заметил в своих подчиненных «робость и страх»[653]. Выходцы из толпы самозванца говорили после, что если бы Наумов продвинулся вперед, а не оставался на месте, то толпа мятежников побросала бы свои пушки и убежала бы в лагерь, так как зарядов у них почти не оставалось[654]. Но Наумов поторопился отступить, и обе стороны, сохранив свое относительное положение, в течение двух дней не предпринимали ничего друг против друга.

8 октября, для защиты от разграбления менового двора и оставшихся в нем купеческих товаров, оренбургский губернатор выслал 300 человек драгун и яицких казаков, которые не только прогнали мятежников, но и захватили в плен 116 человек. Ободренный этим успехом, Рейнсдорп решился на следующий день произвести новую вылазку из крепости,

но, к сожалению, назначил начальником отряда того же премьер-майора Наумова.

«Как по единогласному взятых сегодня пленников объявлению известно, – писал Рейнсдорп Наумову[655], – что в толпе самозванца набраны люди большей частью из разных народов, яко то: солдат, казаков и башкирцев, и в таком количестве состоят, что вверенный вашему высокоблагородию корпус не только количеством, но и качеством военных служителей гораздо превосходит, то рассудил я, не допуская сих злодеев до дальнего верноподданных ее императорского величества разорения, призвав Бога в помощь, завтрашнего числа его атаковать».

Утром 9 октября все командиры назначенных в состав отряда частей заявили коменданту, генерал-майору Валленштерну, что среди подчиненных им чинов слышится «роптание, изъявляющее великую робость и страх», и что потому они отказываются идти против толпы мятежников[656].

Валленштерн был человек хотя и пожилых уже лет, но чрезвычайно деятельный и храбрый, каким и показал себя в последующих действиях. Он с удивлением выслушал заявление начальников, но как человек совершенно новый, только недели за две приехавший из Сибири и не успевший осмотреться[657], принужден был сказать о том Рейнсдорпу. Вылазка была отменена, и оренбургский губернатор просил Военную коллегию прислать ему на помощь войска и хороших командиров.

«Состояние Оренбургской губернии, – писал Рейнсдорп графу Чернышеву[658], – весьма жалкое и более опасное, чем я могу вам описать. Регулярная армия силой в 10 тысяч человек не испугала бы меня, но один изменник с тремя тысячами бунтовщиков заставляет дрожать весь Оренбург. Священное имя монарха, которым этот злодей злоупотребляет, и его неслыханная жестокость отняли у подчиненных мне

офицеров почти все мужество, и, к несчастью, между ними нет и двух испытанных на практике. Мой гарнизон, состоящий всего из 1700 человек, есть единственная команда, на которую я полагаюсь. По милости Всевышнего мы поймали 12 шпионов, подосланных этим злодеям: двое назначены были умертвить меня, а остальные чтобы зажечь город».

Не полагаясь ни на одного казака, оренбургский губернатор принужден был принять оборонительный образ действий, предоставить инициативу самозванцу и смотреть безучастно на расширение его власти в крае. Такое положение было оскорбительно для оренбургского губернатора, и генерал Рейнсдорп, обходя по нескольку раз в день укрепления и ободряя гарнизон[659], достиг того, что те же самые командиры, которые отказались идти на вылазку, «по довольном увещании одумались и к той атаке готовыми себя представили».

12 октября майор Наумов со своим отрядом опять вышел из города и двинулся против мятежников. «Регулярные войска, – доносил Рейнсдорп[660], – столь крепко наступали, что ежели бы нерегулярные им соответствовали и по предписанию моему учинили, то бы желаемого успеха весьма достигнуть было можно, а то последние по робости их против рассеянного неприятеля почти ничего не действовали, а стояли под защитой пушек».

Мятежники врассыпную окружили со всех сторон отряд, и Наумов, после четырехчасовой канонады, принужден был построить каре и, скрыв в нем орудия, отступить к городу. Он потерял притом 22 человека убитыми, 31 человека ранеными, 6 человек захваченными в плен, а 64 человека передались на сторону самозванца.

Эта новая неудача заставила Рейнсдорпа отказаться от наступательных действий до прибытия

подкреплений, и в течение нескольких последующих недель военные действия под Оренбургом не сопровождались никакими особенностями, которые могли бы изменить взаимное положение сторон. Почти ежедневно небольшие кучки мятежников подходили к крепости, кричали, чтобы гарнизон сдался государю, по ним производилось несколько выстрелов, и тем дело кончалось.

Рейнсдорп предписал начальнику Верхнеозерной дистанции, бригадиру Корфу, собрать команды с постов и идти к нему на помощь; просил о том же киргизского Айчувак-султана, а Пугачев разослал повсюду воззвания и приглашал в свою толпу киргизов, ногайцев, заводских и помещичьих крестьян. Он приказывал выпустить всех содержащихся в тюрьмах и «у хозяев имеющихся в невольности людей», и всем, кто получит его указ, идти на соединение с его толпой.

«Приказание от меня такое, – писал самозванец[661], – если будут оказываться противники, таковым головы рубить и кровь проливать, чтобы детям их было в предосторожность. И как ваши предки, отцы и деды служили деду моему *блаженному богатырю*, государю Петру Алексеевичу, и как вы от него жалованье [получали], так и я ныне и впредь вас жаловать буду и пожаловал землею, водою, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем, за что должны вы служить до последней погибели, и буду вам за то отец и жалователь; и не будет от меня лжи много, будет милость, в чем я дал мою пред Богом заповедь. Буде кто против меня будет противник и невероятен, таковым не будет от меня милости: голова будет рублена, а пажити ограблены».

Как это, так и другие воззвания самозванца были приняты населением с большим сочувствием: они обещали каждому свободу религии, освобождение от крепостной зависимости и наделение землей.

Прежде всего присоединились к Пугачеву те 400 человек башкирцев, которые были вытребованы для подкрепления гарнизона Оренбурга, а затем был получен в Башкирии указ самозванца, отправленный из Каргалинской слободы. Указ этот поднял большую часть населения, так что когда через несколько дней приехал в башкирские селения сержант Белов, посланный из Таналыкской крепости собрать башкирцев для защиты линии, то он увидел, что почти все уже были вооружены[662]. Белов передал старшинам приказание бригадира Корфа, чтоб они собрали свои силы и шли на помощь Верхнеозерной крепости, но башкирцы отвечали, что идут к государю. Разделясь на две партии, они отправились в стан самозванца: сначала прибыл старшина Еман-Серай с 500 человеками, а чрез несколько дней пришел и старшина Кинзя, также с 500 человеками[663]. Пугачев щедро наградил старшин и из взятых в разных крепостях денег приказал выдать по рублю каждому пришедшему башкирцу[664].

Не ограничиваясь этим первым успехом, самозванец разослал свои указы по крепостям и форпостам, требуя покорности как от гарнизонов, так и от комендантов. Один из таких указов дошел до бригадира Корфа и поставил его в странное положение. Пугачев требовал, чтобы бригадир поступил к нему в подданство, *«а как гатил в оном [указе] явствует на склад крестьянский,* – писал Корф[665], – *следовательно, потому и надобно думать сие несправедливо*». Одумавшись, Корф приказал собрать со всей вверенной ему дистанции регулярные команды в Верхнеозерную крепость и намерен был здесь защищаться. При этом сборе оказалось, что на всем протяжении, от Нежинского редута до Губерлинской крепости, находилось на службе 1156 человек иррегулярного войска и только 340 регулярных. При требовании команд в Верхнеозерную крепость многие казаки, калмыки и башкиры бежали, а

из Нежинского и Вязовского редутов, с их форпостами и заставами, команды вовсе не прибыли. Точно так же отказались идти в Озерную и красногорские казаки, получившие уже указ Пугачева, адресованный на имя капитана Уланова, который по своей «безрассудности» прочел его публично при собрании казаков. Хотя Уланов и был за это арестован, но казаки все-таки не пошли в Озерную, где собрались команды лишь некоторых крепостей и были расположены лагерем.

Вскоре бригадир Корф узнал, что среди прибывших команд находятся явные сторонники Пугачева и что один из таковых, казак пригорода Табынска Тимофей Красильников, успел съездить в стан самозванца и привезти оттуда указ на имя атамана Немирова.

Утром 8 октября вся иррегулярная команда отправилась из лагеря в Верхнеозерную крепость, причем Красильников впереди всех вез указ Пугачева и показывал его народу[666].

Корф вышел из своего дома и потребовал указ; но Красильников не отдал его бригадиру, а просил собрать сначала всех казачьих старшин и призвать атамана Немирова, чтоб он прочел его всенародно. Хотя старшины «на тот случай, к отвращению и увещеванию от худых мыслей» и собраны были в доме Корфа, но он не признал нужным их вызывать и взял силой указ от Красильникова. Пришедшая толпа бросилась тогда бежать из крепости в лагерь с криком: «Ступай на конь и бери ружья!» Корф двинул вслед за бежавшими регулярную команду и приказал атаковать возмутившихся. При этой атаке были убиты два табынские казака, а прочие, сев на коней, «рассеялись грудами по разным местам, из коих те самые, по которым стреляли, больше сорока человек, совсем бежали, а калмыки и некоторые казаки возвращены уже ласкательством». Возвращенные были приведены к присяге, но побеги не прекратились. Посланный на

другой день урядник Белоглазов с одиннадцатью казаками для разведывания о мятежниках не возвратился и ушел в толпу самозванца вместе со всей командой. Тогда Корф перевел всю иррегулярную команду из лагеря в крепость и, перемешав ее с солдатами, расставил по укреплениям. Казаки и калмыки потребовали фуража для лошадей. Бригадир приказал выдать им деньги из экстраординарной суммы; но сознавал, что положение его среди подобного гарнизона незавидно. Оно усложнялось еще и тем, что в Верхнеозерной крепости находилось до 200 конфедератов, легко могших перейти на сторону мятежников, а в окрестностях начались грабежи киргиз-кайсаков.

Собравшись довольно значительными партиями, киргизы отгоняли скот из-под самых крепостей, покушались на то же самое и в Верхнеозерной, но были прогнаны. 11 октября они пытались овладеть Губерлинской крепостью, а оставшийся командиром в Ильинской крепости сержант Мартышек в тот же день доносил, что близ самой крепости, за рекой Яик, разъезжают киргизы значительными толпами. Для защиты этих пунктов Корф отправил по 20 человек команды в каждую крепость, но в этот день (13 октября) получил приказание Рейнсдорпа идти со своим отрядом в город Оренбург для усиления гарнизона. Корф не решился тотчас же выступить из крепости и требовал себе помощи с крепостей и постов Верхнеяицкой линии[667]. Он писал комендантам[668], что хотя ему и следовало бы идти как можно скорее к Оренбургу, чтобы напасть там на мятежников совокупными силами, но «в рассуждении колеблемости в нерегулярных, дабы они, при сражении с неприятелем, не изменили и тем не подвергли регулярных большой опасности, а оставшиеся крепости в малолюдстве бедствию с одними регулярными, которых не более набраться может 400

человек, выступить я удержался до присылки требуемых мной с верхних крепостей команд».

Расчеты Корфа на прибытие скорой помощи не оправдались. Слух о появлении «государя» проник уже далеко от Оренбурга, и почти все население Оренбургской губернии пришло в движение. Еще 5 октября комендант Зелаирской крепости, поручик Долгоносов, просил помощи у начальника Верхнеяицкой дистанции, полковника Ступишина, и писал ему, что в составе гарнизона Зелаирской крепости находится всего одна рота Озерного гарнизонного батальона и в ней более половины польских конфедератов, «на коих надежды верной, к сохранению верноподданных, уповать не можно, ибо они, как я разведал, не хотят за Россию стоять»[669]. Ступишин отказал в помощи Долгоносову, так как в окрестностях Верхнеяицкой крепости поднималось уже все заводское население, среди которого появились эмиссары Пугачева.

По мере того как регулярные войска оставляли заставы, форпосты, укрепления и собирались в центральных пунктах дистанций, оставшееся население принимало сторону самозванца, и покинутые укрепления занимались мятежниками. Таким путем были заняты Пречистенская и Красногорская крепости, Нежинский и Вязовский редуты и другие пункты. Утверждаясь в укрепленных пунктах, приверженцы Пугачева, без его ведома и указании, сами все шире и шире распространяли свою деятельность в крае и встречали повсюду сочувствие. Приняв на себя самовольно звание полковников и атаманов, предводители шаек действовали именем Петра III и распоряжались по своему усмотрению. Если предводителем партии был яицкий казак, то он считал долгом заявить населению, что царь приказал ломать нынешние церкви и строить семиглавые, а креститься не трехперстным, а двуперстным сложением. Предводитель башкирец

говорил, чтобы крестьяне своих помещиков не слушали и что от государя приказано: «Ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованья 100 рублей, а кто десять дворянских домов разорит, тому тысяча рублей и чин генеральский»[670]. Население предавалось разгулу и пьянству, а помещики бежали, кто куда мог, оставляя свое имущество на разграбление мятежникам. Уже в начале октября почти все имения, раскинутые на сто и более верст вокруг Оренбурга, были брошены их владельцами. Помещик селения Ляховки, находившегося в 250 верстах от Оренбурга, отставной капитан Петр Ляхов, и его соседи: отставной майор Александр Кудрявцев, капитан Михайло Карамзин и прапорщик Данило Куроедов, при первом известии о появлении Пугачева, под Оренбургом оставили свои имения. Едва успели они уехать, как в имение Карамзина, село Михайловку, прибыли одиннадцать человек яицких казаков.

– Дома помещик? – был первый вопрос прибывших.

– Нет дома, – отвечали работавшие у церкви крестьяне.

Казаки приказали всем идти на господский двор, где и объявили волю.

– Мы посланы, – говорили они, – из армии государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу. Смотрите же, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите; а если мы вперед застанем вас на помещичьей работе, то всех переколем.

Ограбив помещичий дом, казаки уехали, приглашая желающих отправиться в стан государя и посмотреть его[671].

Другая такая же партия, в ночь на 12 октября, прошла через Бугульчанскую пристань и направилась на Воскресенский Твердышева медеплавильный завод. Управляющий заводом был убит, дом его сожжен и

деньги забраны. Поверстав большую часть заводских крестьян в казаки, мятежники взяли с собою все пушки, порох, снаряды и отправились к Оренбургу в стан самозванца.

18 октября толпа инсургентов, состоявшая из пяти яицких казаков и пятидесяти калмыков, появилась в виду Сорочинской крепости, находившейся в 170 верстах от Оренбурга. Как только получено было об этом сведение, казак Тимофей Чернов побывал в толпе и объявил жителям, что сам государь идет в крепость. Сговорясь с присланным в Сорочинск за порохом из Тоцкой крепости, атаманом Никифором Чулошниковым, они решили встретить мятежников с почетом. Разъезжая по городу на лошади и махая копьем, Чернов требовал, чтобы население вышло за город со звоном колоколов и святыми иконами.

– Кто встречать не пойдет, – кричал Чернов, – тех велено мне колоть.

Живший в крепости отставной сержант Измайловского полка Петр Бабаев уверял, что был в стане Пугачева, сам его видел и что по лицу и росту он точно бывший император. Уверение его смутило и начальника гарнизона, капитана Брейтигама, который приготовился было к обороне, а потом, узнав, что самозванец многих командиров за ослушание повесил, приказал снять пушки с крепости и отвезти в склад.

Утром 20 октября толпа, предшествуемая белым знаменем, стала подходить к Сорочинску. В церкви ударили в колокол, и все население с хоругвями и иконами двинулось за город. Впереди всех шел капитан Брейтигам с хлебом и солью. Самозваный полковник слез с лошади, приложился ко кресту и приказал всем идти в церковь, где отслужен был молебен за здравие императора Петра III. После молебна было произведено несколько салютационных выстрелов и началась присяга, причем священник Кирилла Васильев присягнул

первый, а за ним и все остальные. После разбития кабаков и усиленной попойки мятежники удалились из Сорочинской крепости, захватив с собою две пушки, тридцать пять бочек пороху, два ящика ядер и всю денежную казну[672].

Ободренный столь неожиданным успехом и усилением своей толпы, Пугачев, по совету главнейшим образом Зарубина (Чики) и других яицких казаков, почти ежедневно рассылал свои указы в разные стороны и спустя несколько дней по прибытии под Оренбург отправил Яицкого казака Дмитрия Лысова к калмыкам, а ссыльнокаторжного Хлопушу – на заводы. Лучшего выбора, конечно, Пугачев сделать не мог: Хлопуша знал Оренбургскую губернию вдоль и поперек, жил и работал сам на нескольких заводах, и, бегая три раза из Сибири, знал все заводы наперечет.

– Снаряжайся-ка в дорогу, – сказал однажды Шигаев, отыскав Хлопушу.

– У меня хлеба нет, – отвечал хитрый каторжник.

– О хлебе не пекись, а пойдем-ка к государю.

Хлопуша и Шигаев пришли в кибитку самозванца.

– Возьми ты двух казаков, – говорил Пугачев Хлопуше, – да провожатого с Авзяно-Петровского завода[673], крестьянина Дмитрия Иванова, поезжай туда и объяви заводским крестьянам указ, и если будут согласны мне служить, то посмотри, есть ли мастера лить мортиры, и если есть, то прикажи лить.

Снабженный деньгами на дорогу, Хлопуша отправился по назначению, а следом за ним выехал, 14 октября, и Шигаев с указом, в котором самозванец писал: «Никогда и никого не бойтесь, и моего неприятеля, яко сущего злодея, не слушайте; кто меня не послушает, тому за то учинена будет казнь»[674]. Имея поручение собирать казаков по верхним яицким форпостам, Шигаев успел привести до 100 человек в стан самозванца. Несколько дней спустя прибыло еще

100 человек казаков, бежавших из Яицкого городка, под начальством казака Серебрецова. Они привезли с собою связанного старшину Копеечкина, которого Пугачев, по просьбе казаков, приказал четвертовать[675]. За казаками пришли высланные Хлопушей 83 человека заводских крестьян Преображенского (Зелаирского) Твердышева завода[676] и привезли много денег, пять пушек и весь порох, какой был в заводе[677].

Спустя несколько дней в стан самозванца явились: черемисский старшина Мендей с 500 человеками, башкирский старшина Альвей с 600 человеками и старшина ставропольских калмыков Дербетев с 300 человеками[678].

По мере того как увеличивались силы мятежников, Пугачев принимал меры к теснейшей блокаде Оренбурга и, не надеясь взять крепость приступом, намерен был голодом принудить жителей сдаться и просить пощады.

Изредка самозванец подвозил свои орудия и бомбардировал город в течение нескольких дней, устраивал даже подобие осадных батарей, но, видя весьма малый успех в действиях своей артиллерии, приказал жечь сено и уничтожать запасы. Оренбургу грозила опасность в самом непродолжительном времени остаться без фуража. Поэтому генерал-поручик Рейнсдорп признал необходимым выслать из города всех лошадей, принадлежавших частным лицам и негодных казенных[679], а рогатый и мелкий скот советовал жителям употреблять в пищу или же самим озаботиться приобретением фуража, доставать который было очень трудно и почти невозможно, ввиду наступившего холодного времени и совершенного бездорожья.

14 октября выпал первый снег, наступили морозы, и на реке Яик появились ледяные закраины; к утру 16-го числа снегу выпало столько, что начали ездить на санях. В такую погоду гарнизону тяжело становилось

постоянно находиться на валу крепости, и необходимо было устроить закрытия для защитников. Рейнсдорп выслал 15 октября особые команды за лесом и лубками, для устройства землянок, и несколько сот подвод за сеном. Вылазка эта увенчалась полным успехом, и мятежники не оказали никакого препятствия, так как им самим приходилось плохо и они много терпели от стужи и непогоды. Мнимый государь их жил в калмыцкой кибитке, а все его сообщники валялись по степи ничем не прикрытые или прятались по кустам, спасаясь от холода. Опасаясь ропота и побегов, Пугачев 18 октября перешел от реки Яик к реке Сакмаре и, остановившись в пяти верстах от Оренбурга, между Бердинской слободой и Маячной горой, расположил часть своей толпы по домам и сараям, а для остальных начал строить землянки. Если бы Рейнсдорп в это время выслал из крепости отряд под предводительством энергичного начальника, он, конечно, мог бы разогнать толпу плохо вооруженную и не имевшую пристанища; но предыдущие неудачи заставили оренбургского губернатора быть осторожным и придавать силам самозванца гораздо большее значение, чем было на самом деле.

Рейнсдорп решился поджидать прибытия подкреплений, а Пугачев, пользуясь бездействием губернатора, принимал самые деятельные меры к усилению своей толпы.

В конце октября он отправил двух посланных, одного опять к башкирам, а другого к киргизам. При этом Кинзя Арсланов писал башкирскому старшине Аблаю Мурзагулову: «Желаемое нами от Бога дал Бог нам. От земли потерянный царь и великий государь Петр Федорович подлинный сам, клянусь тебе Богом, и сын его Павел Петрович с 72 тысячами донских казаков к нам приближается»[680].

Рассылая свои воззвания, Пугачев не переставал тревожить Оренбург и в этом отношении выказал гораздо большую деятельность, чем губернатор. Начиная с 22 октября и по 4 ноября мятежники находились почти постоянно в виду города и вели перестрелку с гарнизоном. Пользуясь окружающими город местными закрытиями, неуничтоженными зданиями форштадта и даже Георгиевской церковью, Пугачев тайно по ночам подвозил свои орудия и высылал стрелков, которые с наступлением утра открывали огонь. Из крепости им отвечали тем же, и взаимная канонада продолжалась по нескольку часов, с малым, однако же, успехом для обеих сторон. Среди этой канонады одиночные всадники подъезжали к городскому валу и советовали гарнизону сдаться.

– Господа яицкие казаки, – кричал один из таких, – пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу.

Другой из подъехавших звал стоявших на валу защитников к себе в гости и кричал: «У нашего батюшки вина много!»

– Приезжайте-ка вы к нам со своим царем обедать, – кричали с городского вала, – у нас в городе вина больше!

– Погодите, приедем, – отвечали мятежники, и действительно утром 27 октября Пугачев почти со всеми своими силами показался в виду города. По-видимому, он намерен был двинуться на штурм, но, видя, «что крепости он одолеть не мог и в крепость влезть было не можно»[681], самозванец после первого отпора со стороны гарнизона приказал отступить.

– Не стану тратить людей, – говорил он, – а выморю город мором.

С этою целью самозванец ежедневно посылал небольшие партии тревожить жителей, перехватывать курьеров и уничтожать запасы. В ночь на 2 ноября

мятежники построили вокруг города батареи и с рассветом открыли огонь, продолжавшийся целый день. Так как на этот раз батареи были устроены вблизи города, то неприятельские снаряды причинили некоторый вред: человек шесть обывателей было убито, семь ранено; два ядра попали внутрь губернаторских покоев, одно – в двери палатки, где хранилась денежная казна, другое – в стену дома Соляного управления, где была судейская камора, и наконец на двор дома Рычкова. Хотя результаты продолжительного бомбардирования были почти ничтожны, но, во-первых, стоили крепости 1788 снарядов, выпущенных в ответ на выстрелы мятежников, и, во-вторых, произвели сильное нравственное впечатление на жителей. Желая воспользоваться этим впечатлением и считая ядром защиты Оренбурга казаков яицких и оренбургских, Пугачев решил вновь войти с ними в сношение и предложить сдать город.

– Я намерен, – говорил он Падурову, – к городу послать казаков на переговорку, чтобы жители, не доводя себя до конечной погибели, сдались мне. Напиши-ка ты от себя к оренбургскому атаману Василию Могутову да к яицкому старшине Мартемьяну Бородину, чтоб они, если желают получить от меня за противность их прощение, уговаривали бы городских солдат и казаков, а равно губернатора и всех командиров сдать город и покориться мне в подданство. Ты их обнадежь, что я, право, ничего им не сделаю и прощу. Если же они не сдадутся и мне удастся штурмом город взять, то тогда я поступлю с ними безо всякой пощады. Ты уверяй их в тех письмах, что я точно Петр III, да опиши притом и мои приметы, вот какие: верхнего напереди зуба нет, правым глазом прищуриваю[682]. Они меня видели и помнят оные приметы. Да напиши Могутову и то: разве ты, мол, забыл государевы милости, ведь он сына твоего пожаловал в пажи.

Падуров написал эти письма и принес их самозванцу. Пугачев повертел их пред глазами и затем, передавая Ивану Почиталину, приказал прочитать их[683].

– Очень хорошо, – проговорил самозванец по окончании чтения, – ты оставь их у меня, я сам запечатаю и отошлю в город с казаками.

Падуров писал атаману Могутову, что дальнейшее сопротивление приведет жителей в крайнее разорение, потому что государь намерен штурмовать Оренбург, и уже получены с заводов пять бомб такого большего размера, «что они чинятся пороху по два пуда слишком».

«Чем то допустить и всем разориться, – прибавлял Падуров[684], – то не возможно ли, батюшка, уговорить его превосходительство Ивана Андреевича [Рейнсдорпа], чтоб он склонился и, по обычаю, прислал бы к нему письмо с прописанием тем, чтоб он вас простил и ничего бы над вами не чинил.

Сверх того, вам объявляю, батюшка Василий Иванович, что он [Пугачев] упоминает вас всегда, что вы к тому не склонны, и вспоминает то, как вашего сына Ивана Васильевича произвел в пажи. Сверх того, вашему высокоблагородию об нем объявляю, что он роста среднего, лицом смугл, верхнего зуба нет, правым глазом прищуривает».

Падуров уверял Бородина, что Пугачев истинный государь и что все распускаемые о нем слухи ложны.

«Удивляюсь я вам, братец Мартемьян Михайлович, – прибавлял Падуров[685], – что вы в такое глубокое дело вступили и всех в то привлекли. Сам ты знаешь, братец, против кого идешь! Ежели бы не вы с дядею, то б и разорения на народ того не было. Известен ты сам, как наш государь Петр Федорович умре, а ныне вы называете его донским казаком Емельяном Пугачевым и якобы у него ноздри рваны и клейменый. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется».

Требуя, чтобы Бородин и яицкие казаки покорились самозванцу, Падуров просил Могутова сделать то же и не смотреть на Мартемьяна Бородина и дядю его, своими поступками разоривших Яицкий городок и все яицкое войско.

Письма эти были оставлены безо всякого ответа, и тогда Пугачев, видя, что советы Падурова не действуют на атаманов, отправил в Оренбург следующий указ:

«Самодержавного императора Петра Федоровича всероссийского и проч., и проч., и проч.

Имянной мой указ в Оренбургскую губернскую канцелярию губернатору Иреинздорпу [Рейнсдорпу] Ивану Андреивичу и всем господам и всякого звания людям. Выдите вы изграда [из города] вон, вынисите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред Великим Государем. И за то Великий Государь не прогневался што вы учинили великую палбу и в том Великий Государь прощает чиновных и солдат и казаков и всякого звания людей. А когда вы не выдите изграда вон да учините великую противность, то не будет вам от великого государя прощения и власти всевышнего создателя нашего избегнуть ниможете, никто вас отнашее сильные руки защитить не может. 1773 году, ноября 5 дня. *Великий государь Петр третий всероссийский*»[686].

Едва манифест этот был доставлен по назначению, как в лагерь самозванца прибежал мужик и объявил Овчинникову, что к Сакмаре идет генерал с войсками.

– Велика ли у него команда? – спросил Овчинников.

– Не добре-де велика, – отвечал прибежавший, – однако-та-ки и не мала.

Известие это было тотчас же сообщено Пугачеву, и самозванец, понимая всю важность первого столкновения с правительственными войсками, отправил на встречу Кару самых лучших и деятельных своих сподвижников: атамана Овчинникова и казака

Зарубина (он же Чика и впоследствии граф Чернышев). Пугачев приказал Овчинникову не допустить Кара до Оренбурга и для того взять с собою 500 человек казаков с шестью орудиями, присоединить к себе все команды, какие только встретит по дороге, и Хлопушу, шедшего с Авзяно-Петровского завода с набранным им ополчением.

На Авзяно-Петровском заводе Хлопуша встретил большое сочувствие, и манифест Пугачева был принят с восторгом, при всеобщих криках: «Рады ему, государю, служить!»

22 октября заводские рабочие постановили, что так как «не самовольно», а в силу государева указа им велено ехать с завода, то они «повинились и ехать в свое отечество согласны».

«И притом избрали мы от себя, – писали они в постановлении[687], – для препровождения оной нашей партии тебя, Степана Панкина, ехать дорогой до своих жительств и в проезде нашем никаких обид, ни налогов в жительствах ни чинить, в том тебя и утверждаем».

Таких охотников служить «государю» собралось до 500 человек, и они начали свою деятельность с того, что сковали своего приказчика и шесть человек расходчиков, которые и были потом повешены самозванцем.

– Есть ли у вас на заводе пушки? – спрашивал Хлопуша собравшихся в поход рабочих.

Ему было представлено до 40 орудий, из которых только шесть оказались годными. Взяв с собою эти орудия, 120 лошадей с прибором, 7 тысяч рублей денег из конторы, 300 баранов, 77 быков, пуда два серебряной посуды, столовые часы, два пуда пороху и всю господскую одежду, Хлопуша отправился со своим ополчением в путь, приказав оставшимся рабочим вылить шесть однопудовых ядер и прислать их под Оренбург.

По дороге Хлопуша зашел на Воскресенский Твердышева завод, но нашел его уже разграбленным; большая часть рабочих ушли уже к Пугачеву[688]. Отсюда Хлопуша направился к Берду, но на пути был встречен яицким казаком Самодуровым, который взял его с 300 человек и двумя пушками на казанскую дорогу, в отряд Овчинникова, и повел в Биккулову деревню, где собирались силы самозванца для действия против отряда генерал-майора Кара, следовавшего на выручку Оренбурга.

Остановясь в деревне Биккуловой и присоединив к себе еще 1500 человек башкирцев, шедших на службу к «государю», Овчинников отправил Пику (Зарубина) с небольшим отрядом в деревню Юзееву и приказал ему наблюдать за движением правительственных войск. Пика с успехом исполнил возложенное на него поручение и, как увидим ниже, совершенно неожиданно атаковал авангард генерал-майора Кара.

Глава 22

Отъезд Кара из Петербурга. – Боевые средства, коими он мог располагать. – Состояние обороны Казанской губернии. – Прибытие Кара в Кичуевский фельдшанец. – Первоначальный план действий. – Встреча с мятежниками у деревни Юзеевой. – Пленение роты 2-го гренадерского полка. – Прапорщик Шванович. – Отступление Кара. – Печальная судьба, постигшая полковника Чернышева и его отряд. – Неудачная вылазка из Оренбурга 14 ноября.

Осенняя распутица и дурная дорога задержали генерал-майора Кара в пути, и лишь 20 октября он прибыл в Москву. Посланный за ним фельдъегерь нагнал его 18 октября в Вышнем Волочке и передал ему экземпляры увещевательного манифеста императрицы[689]. В И часов утра, 21 октября, Кар выехал из Москвы в Казань, а вслед за ним, 22 октября, прискакал из Калуги генерал-майор Фрейман и в тот же день отправился далее.

Спустя два дня, 24 октября, выступила из Москвы гренадерская рота Вятского полка с двумя орудиями, под начальством секунд-майора Черносвитова[690], а 27 октября двинулась и гренадерская рота Томского полка[691]. Остальные войска, назначенные в распоряжение генерал-майора Кара, выступили в поход лишь в начале ноября и могли прибыть к местам назначения не ранее января 1774 года[692].

Таким образом, для предстоящих действий генерал-майор Кар мог рассчитывать только на те войска, которые были отправлены из Москвы и собраны казанским губернатором.

Последний выехал из Казани на границу губернии, чтобы быть ближе к месту происшествий и наблюдать за движениями и действиями мятежников.

Прибыв 17 октября в Кичуевский фельдшанец и желая оказать помощь оренбургскому губернатору, генерал-поручик фон Брандт советовал ставропольскому коменданту, бригадиру фон Фегезаку, чтоб он, не ожидая приказаний от генерала Рейнсдорпа, собрал сколько можно войск и калмыков и двинулся с ними на выручку Оренбурга. На случай ухода войск, ставропольским жителям объявлено, чтоб они никуда из города не отлучались и имели бы каждый *огненное и холодное оружие,* а у кого такового нет, то сделали бы себе копья. У рогаток и застав города Ставрополя были учреждены постоянные караулы днем и ночью, и находившемуся при полицейских делах сержанту Григорьеву приказано, поочередно с товарищем, ходить рундом по городу и о всем замеченном рапортовать[693].

Для поддержания движения бригадира фон Фегезака казанский губернатор приказал симбирскому коменданту, полковнику Чернышеву, собрать всех строевых людей своего батальона и, присоединив к ним находившихся в городе 150 человек солдат, назначенных для отвода рекрут, двинуться с ними по Самарской линии[694] до Бузулукской крепости. Проходя чрез Ставрополь, Самару и другие крепости, Чернышев должен был забрать с собою все регулярные и иррегулярные войска и 500 человек калмыков, назначенных для отправления в Яицкий городок, но за выжжением степи не попавших туда и вернувшихся обратно на Самарскую линию.

Одновременно с движением Чернышева генерал Брандт двинул из Кичуя, по новомосковской дороге[695], чрез Бугурусланскую слободу, также к Бузулуку премьер-майора фон Варнстедта с 600 человек казанского батальона, двумя единорогами и тремя

трехфунтовым пушками. Для охранения же границ Казанской губернии решено было оставить в Кичуе и по реке Черемшану 400 солдат[696] и всех вооруженных поселенцев.

Не получая долгое время никакого известия от Чернышева и не зная, двинулся ли он по назначению, генерал Брандт приказал Варнстедту остановиться в Бугульме, выслать авангард по новомосковской дороге и небольшой отряд в деревню Усманову[697].

Таким образом, протянув линию постов до Бузулукской крепости, Брандт установил ежедневные разъезды, «дабы жители, видя толикую строгость, не льстились на злодейские разглашения и удобнее бы могли от того остерегаться, а паче бы всего от злодейской толпы или партии не имели способу вбегать в здешние пределы и производить злодейства»[698].

Сделав все эти распоряжения, казанский губернатор хотел как можно скорее уведомить о том Рейнсдорпа, «но и за обещанное денежное вознаграждение, – доносил он[699], – не сыскалось охотников провезти прямо в Оренбург мое сообщение, почему уже и отправил оное в Бузулук, предписав тамошнему коменданту, чтоб он доставил чрез город Яик, киргизской степью».

В таком положении была защита Казанской губернии, когда 30 октября генерал-майор Кар приехал в Кичуевский фельдшанец, находившийся в 432 верстах от Оренбурга. Войска, которые должны были поступить в его распоряжение, состояли из трех незначительных отрядов: 1) секунд-майора Астафьева, находившегося в Кичуевском фельдшанце и на постах по границе Казанской губернии; 2) премьер-майора фон Варнстедта, стоявшего за Бугульмой, по новомосковской дороге, и имевшего авангард в Кутлумбетевой слободе, и 3) симбирского коменданта полковника Чернышева,

стоявшего в Бузулуке и имевшего авангарды в Тоцкой и Сорочинской крепостях.

В отряде майора Астафьева было 794 человека с одним орудием[700], у Варнстедта – 1825 человек с пятью орудиями[701] и у Чернышева – 849 с двумя орудиями[702], – всего 3468 человек. Таким образом, войска эти стояли преимущественно из старых, никуда не годных гарнизонных солдат (1631 человек), плохо вооруженных поселян (121 человек) и лишь незначительного числа полевых войск (606 человек).

Собранное ополчение было в самом печальном положении и не имело никакого понятия о военном деле. В отрядах не было продовольственных и боевых запасов, не было ни обоза, ни достаточного числа артиллерии. В отряде майора Варнстедта было по счету пять орудий, но из них два никуда не годились, а три могли быть употреблены только по нужде. Недостаток в артиллерии был так ощутителен, что генерал-майор Кар признавал невозможным ожидать прибытия орудий из Москвы и просил генерал-поручика Баннера, за отсутствием Брандта, командовавшего войсками в Казани, чтоб он приказал доставить к нему, из Саратова, хотя четыре орудия с полным числом прислуги. Прибывший уже в то время в Саратов астраханский губернатор Кречетников взял эти орудия и отправил их к Кару на обывательских подводах, с полным числом прислуги и под прикрытием 20 человек нижних чинов саратовского гарнизонного батальона[703].

Разослав повсюду увещевательные манифесты и отправив на усиление отряда Варнстедта только что прибывшую команду Томского полка и до 200 человек гарнизонных солдат казанского батальона, генерал-майор Кар намерен был сам немедленно отправиться к передовым войскам. Не имея никаких положительных сведений о степени распространения мятежа и не подозревая, что отряд Деколонга уже прибыл на театр

действий и находится в недальнем расстоянии от Оренбурга, Кар знал только, что Пугачев со своей толпой стоит под Оренбургом, по реке Сакмаре до казачьего городка[704]. При этом он был введен в заблуждение казанским губернатором фон Брандтом, уверявшем, что толпа Пугачева немногочисленна и состоит *из сущей сволочи.*

На основании этих данных Кар решил: прикрывая границу Казанской губернии, между Волгой и Камой, двигаться вперед по двум направлениям: по новомосковской дороге и по Самарской линии, для атаки мятежников одновременно с двух сторон. «Опасаюсь только того, – доносил он императрице[705], – что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились».

Желая воспрепятствовать такому бегству и отрезать главнейшие пути отступления мятежникам, Кар предписал полковнику Чернышеву занять как можно скорее Татищеву крепость и для подкрепления его намерен был отправить генерал-майора Фреймана с 300 человек пехоты и некоторым числом башкирцев, как только они прибудут к отряду. Но присоединение последних было делом весьма гадательным и для самого Кара. Хотя на Богульчанской и Стерлитамакской пристанях собиралось до 2 тысяч башкирцев, но рассчитывать на их содействие было нечего, так как часть их открыто изменила, а остальные заявили, что пойдут к «законному государю».

Местное население было вообще неблагонадежно, и увещательные манифесты императрицы не оказывали никакого действия. Илецкие казаки задержали посланного с манифестом и намерены были отправить его в стан самозванца; у яицких же казаков, доносил Симонов[706], по получении манифеста «оказалось зловредное отрыгновение».

– Хотя и устрашают нас, – говорили казаки, – публикуемыми манифестами, но мы того не боимся.

Противодействие казаков имело весьма важное значение для Кара: оно лишало его кавалерии, а следовательно, и всех средств для получения сведений о неприятеле и преследовании в случае успеха.

«Я бы усердно желал, – писал он[707], – сие злодейское сборище захватить, но нахожу весь здешний край в смятении и потому не надеюсь получить к преследованию довольно легких войск, ибо калмыков собрано было на Самарской линии до пятисот, которые, выступя уже в поход, взбунтовавшись против определенного к ним штаб-офицера и не приемля никаких увещаний, разбежались врознь, а куда – доныне неизвестно. Подобного сему происшествия опасаюсь я, чтобы не последовало и от башкирцев, потому что от бежавшего в толпу, со своими подчиненными, башкирского старосты Кинзи Арсланова, чрез рассеяние во всю Башкирию злодейских возмутительных писем, в великой колеблемости находятся и по сие время приходом к регулярным командам медлят.

Однако ж, будут ли они или нет, с одной пехотой прямо на толпу наступать стану. Только когда, не дождав меня, [неприятель] обратится в бег, то преследовать, по нынешнему уже почти зимнему времени, к тому же и по малоселениям, за неимением провианта и фуража, с одной пехотой весьма трудно будет или и совсем невозможно».

Видя, что до его прибытия казанский губернатор сделал по сбору войск все, что было возможно, и *не находя откуда больше получить людей* для усиления своих боевых средств, генерал-майор Кар отправился в отряд майора Варнстедта [708].

2 ноября он прибыл в Бугульминскую слободу, где узнал, что большая часть окрестных селений перешла на сторону самозванца, что жители покинули свои дома,

что край совершенно разорен и что, следовательно, прежде чем двигаться вперед, необходимо заготовить продовольствие и фураж. Заготовление это производилось весьма медленно, и пришлось прибегать к помощи реквизиции, посылая для того довольно значительные и самостоятельные команды. К тому же плохое состояние артиллерии в отряде дурно действовало на собранные войска, и среди гарнизонных солдат замечалась «некоторая колеблемость, что и принуждает меня, – писал Кар[709], – обождать следуемых сюда армейских команд и артиллерии, дабы тем самым можно было *малодушие их утвердит, а в противном случае и к достойному повиновению принудит.* Однако ж, и при сем состоянии помаленьку со всем корпусом подаюсь».

Наступившие жестокие морозы задерживали движение, а неверно обозначенные на карте расстояния между селениями сбивали все расчеты Кара: вместо одного перехода приходилось делать два или ночевать в степи.

К 6 ноября генерал-майор Кар с отрядом Варнстедта дошел до деревень Мустафиной и Сарманаевой, где и решился ожидать присылки к нему из Казани артиллерии и прибытия гренадерской роты 2-го гренадерского полка.

В это время в отряде Кара находилось налицо: 631 человек армейских солдат, 740 гарнизонных, 96 вооруженных татар, конных поселенных и экономических крестьян, всего 1467 человек с пятью орудиями.

Несмотря на разнохарактерный состав своего ополчения и ограниченность боевых сил[710], генерал-майор Кар признавал, что быстрота действий есть единственное средство для успеха. «Ныне употребить одно средство остается, – писал он графу Чернышеву[711], – ввести волнующуюся чернь в границы

повиновения их должности, предприятием к разбитью злодейской толпы с теми только войсками и расположением, что ваше сиятельство из рапортов моих усмотреть изволите».

Все еще опасаясь, чтобы Пугачев, узнав о приближении войск, не «бросился» по Яицкой линии или, перебравшись за реку, не пошел киргизской степью, генерал-майор Кар вторично отправил 4 ноября приказание полковнику Чернышеву, чтоб он как можно скорее выступил из Сорочинской крепости и занял Татищеву, а затем, со всеми предосторожностями, следовал к Чернореченской крепости.

Обещая подкрепить его людьми, провиантом и фуражом, генерал-майор Кар поручал ему зорко следить за неприятелем и при первом покушении его к бегству преследовать самым настойчивым образом, «ибо если я, – писал он[712], – не успею поспешить, то, по крайней мере, для преследования в тыл вышлется из города Оренбурга за ним корпус». Кар требовал, чтобы Чернышев донес ему, когда дойдет до Татищевой, дабы соображать с этим и свое движение, и ранним появлением с одной стороны «не отогнать сего злодея от теперешнего места, чрез что в преследовании подвержены будут лишним затруднениям».

План Кара и его расчеты были совершенно верны, и казалось, что правительство имело все средства рассеять мятежников. Подходившие к Оренбургу подкрепления окружали толпу самозванца с трех сторон: в деревнях Сарманаевой и Мустафиной находился отряд Кара; на пути из Сорочинской крепости в Татищеву – отряд Чернышева; в Верхнеозерной крепости – отряд бригадира Корфа, а за ним в Орске – весьма значительные силы Деколонга, пришедшие из Сибири. При одновременном и единодушном действии этих отрядов, подкрепленных еще вылазкой из Оренбурга, конечно, толпа мятежников не в состоянии

была бы бороться с регулярными войсками; но, к сожалению, начальники отрядов не выказали единства в действиях по причинам от них не зависевшим. Кар не подозревал о близком присутствии отряда Деколонга и о сосредоточении в Верхнеозерной крепости отряда Корфа. Точно так же Деколонг и Корф не имели никаких известий о поручении, данном Кару, да и сам оренбургский губернатор узнал об этом, когда Пугачев успел уже напасть на отряды по частям, разбил их и праздновал победы.

7 ноября Кар получил известие, что Хлопуша разграбил Авзяно-Петровский завод и поднял все заводское население, что 500 башкирцев передались на сторону самозванца и идут к Оренбургу с захваченными на заводе пушками и мортирами. Кар решился перехватить Хлопушу с его толпой, и так как дорога от Бугульчанской пристани к Оренбургу проходила около деревни Имангуловой, то шедшему впереди нижегородских гарнизонных батальонов секунд-майору Шишкину, с 400 пехотных солдат, 92 всадниками и с двумя орудиями, приказано было занять деревню Юзееву, находившуюся в 32 верстах от Мустафиной.

Подходя к деревне Юзеевой, авангард Шишкина, состоявший из 75 человек пехоты и 92 всадников, был неожиданно атакован Никой (Зарубиным) с толпой в 400 человек с двумя орудиями. Восемнадцать конных татар тотчас же передались на сторону самозванца, и сторонники Пугачева приглашали к тому же остальных всадников, но огонь пехоты ободрил их, и они остались при авангарде. Тогда мятежники, заметив приближение отряда Шишкина, подобрали своих убитых и раненых и, положив их в сани, ускакали. Шишкин занял деревню Юзееву, а в 4 часа утра пришел туда и Кар со своим отрядом. Темнота ночи и недоверие к оставшимся всадникам не позволили ему отправить разъезды для собрания самых необходимых сведений о неприятеле.

Выставив кругом пехотные пикеты, Кар решился ожидать рассвета и тогда уже атаковать неприятеля[713].

Наутро 8 ноября оказалось, что деревня Юзеева и отряд Кара были окружены толпой, состоявшей человек из шестисот с одним орудием. Не нападая на войска, мятежники подсылали одиночных всадников уговаривать солдат, чтоб они не сражались против самозванца. В ответ на это отправлен был увещевательный манифест императрицы, но мятежники, приняв его, отвечали, «что их манифесты правее, и начали стрелять из пушки». Кар приказал открыть огонь из своих орудий, и после нескольких выстрелов толпа разбежалась.

В это время прибыл подпоручик Татищев и донес Кару, что в тот же день должна присоединиться к отряду рота 2-го гренадерского полка, шедшая из Симбирска, в составе 4 офицеров и 176 человек гренадер[714], под начальством поручика Карташева. В ожидании ее прибытия Кар весь день 8 ноября провел в деревне Юзеевой, не имея, впрочем, никаких сведений о неприятеле. Он считал его разбежавшимся в разные стороны, а между тем Овчинников со своей толпой стоял всего в двух верстах в стороне от дороги на мельнице и зорко следил за правительственными войсками. Выставленные им по дороге, в тылу Кара, казачьи посты успели захватить полкового квартирмейстера, который объявил, что едет в деревню Юзееву, а позади его идет рота гренадер. Получив это известие, Овчинников с наступлением ночи предпринял с частью своих сил смелое движение в тыл отряда Кара и навстречу подходившей гренадерской роты. Последняя шла без всяких военных предосторожностей: ружья не были заряжены, и солдаты спали в санях. Выстрелы из орудий Овчинникова разбудили солдат, и, пока они разобрали ружья, мятежники окружили их и «более

уговариванием, – показывал впоследствии Пика[715], – чтоб они не стреляли», преклонили гренадер на свою сторону. Солдаты положили оружие и отказались защищаться[716]. Два офицера и семь нижних чинов были убиты, а остальные взяты в плен и отправлены в Берду. Там Пугачев устроил им народную встречу: вышел на улицу, приказал поставить себе кресла, сел в них и велел представить пленных. В числе их было два офицера: поручик Волжинский и прапорщик Шванович. Так как они оба сдались без боя и изъявили желание служить самозванцу, то и были назначены: Волжинский атаманом, а Шванович есаулом. Всем пленным приказано было присягнуть и затем подойти к руке мнимого государя, который утирал глаза платком, показывая, вид что плачет.

– Вот, детушки, – говорил при этом Пугачев, – Бог привел меня опять над вами царствовать по двенадцатилетнем странствовании.

По окончании обряда целования руки самозванец встал с кресел и, махнув в воздухе рукой, проговорил: «Жалую вас землями, морями и лесами, крестом и бородою и всякой вольностью». Двое солдат объявили, что бывали в Петербурге и его знают. Пугачев остался этим доволен, потому что, по его словам, такое заявление еще более уверило толпу, что он истинный Петр III, ибо «мужики верят более солдатам, чем казакам».

Приказав всем пленным остричь волосы, самозванец ушел в свою квартиру и спустя несколько дней призвал к себе Швановича.

– Откуда ты родом? – спросил Пугачев.

– Я из Петербурга, – отвечал Шванович, – государыня Елизавета Петровна меня крестила.

– Я слышал, – сказал самозванец, – что ты умеешь говорить на иностранных языках?

– Умею, надежа-государь, – отвечал Шванович.

Пугачев подал ему лист бумаги и приказал написать по-шведски, «а как я не знал, – показывал Шванович, – по-шведски, то написал по-немецки».

– Напиши еще на каком ты знаешь языке.

Шванович написал по-французски: «Ваше величество Петр III».

– Мастер, – заметил самозванец, повертев пред собою лист бумаги, и, видя, что на Швановиче кафтан худ, подарил ему шубу и шапку, с объявлением, что он будет у него наведывать иностранной перепиской.

Шванович действительно написал в разное время несколько немецких писем, и в том числе к оренбургскому губернатору[717].

Первая победа над правительственными войсками была отпразднована в стане самозванца усиленным пьянством, а спустя несколько дней получено известие, что и генерал-майор Кар со своим отрядом отступил к Казани.

В полночь с 8 на 9 ноября в деревне Юзеево в тылу отряда были услышаны орудийные выстрелы, поставившие Кара в весьма неприятное положение. Считая себя окруженным со всех сторон и опасаясь быть отрезанным от Казани, он решился немедленно отступить и идти на соединение с поручиком Карташевым и с башкирцами, высланными к нему со Стерлитамакской пристани. Едва утром 9 ноября он вышел из деревни Юзеевой, как был окружен толпой мятежников в две тысячи человек с девятью орудиями значительно больших калибров, чем в отряде Кара. У Овчинникова были двенадцати-, шести– и трехфунтовые пушки и восьмифунтовые единороги, тогда как у Кара был всего только один восьмифунтовой единорог и четыре никуда не годные трехфунтовые пушки. Рассыпавшись по степи и поставив орудия на расстоянии недостижимом для орудий Кара, мятежники открывали огонь и стреляли весьма метко, «не так, как бы от

мужиков ожидать должно было». Единственный единорог, бывший при отряде, был скоро подбит, и удачное действие артиллерии мятежников произвело замешательство среди отступавших; солдаты кричали, что бросят ружья, а экономические крестьяне в числе 31 человека ускакали в толпу самозванца. Все это, по мнению Кара, происходило от того, «что люди собраны из разных команд, и то либо очень стары, или недавно из рекрут, а офицеры по большей части молодые и небывалые в сражениях». При содействии генерал-майора Фреймана и премьер-майора Варнстедта Кару удалось удержать некоторый порядок в отряде, и он, «построясь ко всегдашнему отпору» в колонну, отступал 17 верст и отстреливался восемь часов.

Потеряв в течение трех дней, 7, 8 и 9 ноября, 123 человека, Кар отошел к деревне Сарманаевой, где узнал, что пришедшие сюда накануне с князем У раковым 150 человек башкирцев при первых выстрелах со стороны деревни Юзеевой разбежались. Имея на все орудия только 167 зарядов и одного канонира, лишенный почти всех средств к приобретению продовольствия, Кар решился еще отступить и 11 ноября прибыл в деревню Дюсметеву, где к нему присоединились 57 тарханов и башкирцев и 20 мещеряков, при старшине Юсупе Надырове и сотнике Суюше.

Наступившие сильные морозы увеличили число больных в отряде. Сам Кар заболел лихорадкой; многие нижние чины, не имевшие теплой одежды, перезнобились. Все это заставило начальника отряда, остановившись в деревне Дюсметевой, выждать прибытия из Казани артиллерии и боевых припасов, заготовить продовольствие, купить шубы, онучи и лапти для нижних чинов и затем уже перейти в наступление и атаковать мятежников одновременно с отрядом полковника Чернышева. С этою целью еще 10 ноября

Кар отправил Чернышеву приказание не двигаться далее, а остановиться или в Переволоцкой крепости, или отступить в Сорочинскую и до времени ограничиться прикрытием Самарской линии.

Посланный с этим приказанием курьер в ночь на 13 ноября доехал только до Бузулука[718], а полковник Чернышев в эту же ночь выступил из Чернореченской крепости, с намерением пробраться в Оренбург[719]. Отряд его, состоявший от 600–700 гарнизонных солдат, 500 ставропольских калмыков, 100 крепостных казаков, при 15 орудиях и огромном обозе, в полдень 12 ноября, двигаясь к крепости Чернореченской, остановился на хуторе П.И. Рычкова, в 40 верстах от Оренбурга. Отсюда Чернышев отправил двух казаков к генерал-поручику Рейнсдорпу с просьбой оказать содействие к скорейшему соединению и указать ему, по какой стороне реки Яик двигаться. Так как к вечеру Чернышев располагал быть в Чернореченской крепости, находившейся всего в 18 верстах от Оренбурга, то посланным приказано было непременно в ту же ночь возвратиться с ответом.

Казаки Чернышева прибыли в Оренбург спустя несколько часов после того, как Рейнсдорп получил рапорт бригадира Корфа, доносившего, что он с собранным отрядом находится в пути к Оренбургу и к ночи 12 ноября остановится в редуте в 20 верстах от города. Сформировав отряд из 400 человек пехоты и 450 человек яицких и оренбургских казаков для вылазки из города, генерал-поручик Рейнсдорп к 4 часам пополуночи 13 ноября отправил предписания, чтобы Корф и Чернышев выступили со своих ночлегов в одно время, на рассвете, и следовали бы к Оренбургу в боевом порядке и со всеми военными предосторожностями. Так как Чернышеву приходилось идти мимо лагеря самозванца, то бригадиру Корфу приказано было следовать к нему на соединение, и оба

начальника были предупреждены, что для поддержки их будет произведена вылазка из города.

«Таким образом, – писал современник[720], – ожидая дня, можно было ласкать себя надеждой, что злодеи будут с трех сторон нечаянно атакованы и что совершенное разорение их шайке последовать может; но вместо благополучного успеха постигло несчастие полковника Чернышева».

Прибыв в первом часу ночи на 13 ноября в Чернореченскую крепость, Чернышев расположил свой отряд по квартирам, но затем приказал наскоро собраться и готовиться к дальнейшему движению. Поводом к тому было прибытие сакмарского атамана Углецкого с двумя казаками. Углецкий объявил Чернышеву, что силы Пугачева весьма значительны, что генерал-майор Кар разбит и принужден отступить, что посланная из Симбирска гренадерская рота вся без остатка взята в плен и отправлена в лагерь самозванца, что Чернышев будет непременно атакован и ему остается только пробраться в Оренбург тайно, ночью. Захваченные в Черноречье пять человек казаков из толпы самозванца и солдат Крылов, приведенные к Чернышеву, подтвердили слова атамана Углецкого.

– Если пробудете в Черноречье до утра, – говорили они, – то атакованы непременно будете, и вам со своей командой устоять будет не можно.

Не отпираясь от того, что были в толпе самозванца, приведенные просили помилования и обещали за то провести отряд скрытными путями в Оренбург. Чернышев поверил их словам и приказал собирать отряд без шума и битья в барабаны.

По указанию солдата Крылова отряд двинулся к реке Сакмаре в следующем порядке: впереди шла конница, потом артиллерия, пехота и обоз. Пролегавшая среди мелкого леса дорога была весьма узка, и растянувшийся на весьма большое расстояние отряд шел в беспорядке.

Сам Чернышев, одевшись в старый мужицкий кафтан, ехал в санях за пехотой.

Переправившись через реку Сакмару по льду, отряд следовал далее и на рассвете 13-го числа стал подниматься на так называемую Маячную гору[721], в 4½ верстах от Оренбурга. За этою-то горой и поджидал Пугачев, получивший еще накануне известие о движении Чернышева. Самозванец собрал толпу в 2 тысячи человек с двумя орудиями, и лишь только передовые войска перевалили через гору и стали спускаться вниз, как были встречены выстрелами из орудий. Ставропольские калмыки и казаки тотчас же передались на сторону самозванца, а затем и гарнизонные солдаты, после незначительной перестрелки, продолжавшейся не более четверти часа, также отказались защищаться. Отряд был взят в плен и отправлен в Берду. Чернышев пересел на козлы и взял в руки вожжи. По прибытии в стан самозванца все офицеры (32 человека) были посажены под караул, а у солдат отобраны ружья, шпаги и патронные сумы. Чернышев скромно сидел на козлах своих саней. Проходивший мимо яицкий казак Давилин заметил, что на козлах сидит человек, хотя и в старом армяке, но не похожий на простого мужика, «а паче по рукам признал, что они не рабочие»[722].

– Что ты за человек? – спросил Давилин Чернышева.

– Извозчик, – отвечал спрошенный.

– Скажите, братцы, правду, что это за человек? – говорил Давилин, обращаясь к солдатам.

– Это наш полковник Чернышев, – отвечали они.

Мнимый извозчик был тотчас же снят с козел, посажен под караул, а затем вместе с офицерами представлен самозванцу.

– Как вы осмелились вооружиться против меня? – спрашивал Пугачев. – Ведь вы знаете, что я ваш государь. На солдат пенять нельзя: они простые люди, а

вы офицеры и регулы знаете. Ты еще полковник, – заметил самозванец, обращаясь к Чернышеву, – а нарядился мужиком. Если бы ты шел в порядке, то можно бы было тебе попасть и в Оренбург. Тебя и всех вас велю повесить за то, чтобы вы знали своего государя.

Приговор был произнесен; осужденные стояли молча, и, к удивлению Пугачева, «ни один, чтоб избавить их от смерти, не просил»[723]. Это еще более возмущало самозванца, и он торопился привести в исполнение свое решение.

С осужденных сняли одежду, обувь и повели к виселице, вокруг которой поставили всех взятых в плен солдат. Пугачев присутствовал при церемонии казни. Вешали поодиночке, и самозванец сам махал платком, когда, вслед за повешенным, следовало вести новую жертву. Отвратительное зрелище это продолжалось весьма долго, так как в этот день повешено было 32 офицера, калмыцкий старшина и жена артиллерийского офицера.

После казни всем пленным приказано было стать на колени, поднять кверху два пальца правой руки и повторять присягу на верность императору Петру Федоровичу.

– Бог и я, государь, – говорил Пугачев, – жалую вас крестом, бородою и всякой вольностью.

Всем пленным были острижены волосы по-казачьи, причем яицкие казаки приказывали креститься непременно двуперстным сложением.

– Если кто, – говорили они, – будет иначе креститься, то батюшка (самозванец) прикажет отрубить пальцы.

Пленные были разделены по сотням и помещены в землянках. Трупы повешенных сняты и брошены под гору без погребения, причем у ставропольского гарнизонного батальона майора Семенова и капитана Калмыкова, «как они были собою толсты, вскрыты были

груди злодеями, и вынимали из них сало, сказывая, что оно пригодно для лечения ран»[724].

«Полковника и симбирского коменданта Чернышева судьбина, – писала императрица князю Волконскому[725], – весьма сожаления достойна. Ни уже что неслыханной суровостью своей изверг Пугачев своей шайке самой не опротивится? Ибо и простой народ, видя вдруг 39 человек чиновников (34 человека) невинно повешенных, нельзя, чтоб не чувствовал неистовство такового поступка и омерзение к производителю оного. В несчастий сем можно почесть за счастье, что сии канальи привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли».

Покончив с отрядом Чернышева и «обольстясь тою важной победой», Пугачев, по его словам[726], оплошал. Имея еще с утра сведения о приближении к Оренбургу отряда Корфа из Озерной, самозванец хотя и отправил стеречь его Якова Пономарева с четырьмя казаками, но, предполагая, что Корф подойдет не скоро, разрешил своей толпе обедать. «В Берде была великая радость, – показывал впоследствии Иван Почиталин, – и происходило пьянство; вина же было довольно взято в Татищевой крепости». Среди шумного и пьяного обеда прибежал посланный Пономарева с донесением, что Корф пробирается уже к Оренбургу. «Казаки, на кони!» – крикнул Пугачев, но, пока двухтысячная толпа собиралась, прошло времени много, и ему не удалось настичь Корфа отчасти потому, что последний двигался не по той дороге, по которой предполагал самозванец.

Рано утром 13 ноября прискакал в Оренбург из отряда Чернышева капитан Ружевский с пятью доброконными казаками и, явившись к Рейнсдорпу, донес, что отряд переправляется через реку Сакмару и что полковник просит помощи[727]. По выходе Ружевского из дома губернатора послышались выстрелы, продолжавшиеся не более четверти часа, и

затем все смолкло. Рейнсдорп понял тогда, что в отряде Чернышева неладно: или он отступил, или захвачен толпой мятежников[728]. Опасаясь, чтобы не случилось того же и с отрядом бригадира Корфа, генерал-поручик Рейнсдорп отправил ему навстречу новое приказание: не идти на соединение с Чернышевым, а следовать как можно скорее в Оренбург по противоположному берегу реки Яик. Эта перемена в направлении движения и была причиной того, что посланный Пугачевым отряд был задержан рекой Яик и не успел нагнать Корфа, который, соединясь с казаками, высланными из крепости, безо всякого препятствия и потери вступил в Оренбург. Он привел с собою 2495 человек[729] с 22 орудиями, в числе коих было четыре единорога[730]. Впрочем, большая часть пришедших с Корфом войск были весьма худоконны и на сражение вовсе не годны[731]; они увеличили собою только число ртов, уничтожавших и без того незначительные запасы продовольствия, заготовленные в Оренбурге.

Тем не менее на другой день по прибытии отряда бригадира Корфа, то есть 14 ноября, Рейнсдорп решился предпринять вылазку из города. Сформировав отряд в 2400 человек с 22 орудиями, оренбургский губернатор выслал его из города под начальством обер-коменданта генерал-майора Валленштерна. Недавно прибывший в Оренбург и совершенно незнакомый с местностью, Валленштерн около полудня построил свой отряд пред городом и, имея на флангах кавалерию, двинулся прямо к высоте в пяти верстах от города, на которой стоял передовой наблюдательный отряд самозванца. Лишь только казаки стали огибать гору с флангов, как мятежники, видя пред собой наступающую пехоту, покинули гору и отступили к лагерю, в котором замечена была большая тревога и движение. Пугачев тотчас же выступил со всем своим ополчением навстречу отряда Валленштерна и для увеличения своих

сил приказал следовать за собой и безоружным солдатам отряда Чернышева, взятым в плен накануне. Всего собралось здесь до 10 тысяч человек с 40 орудиями, привезенными частью на лафетах, частью на санях. Завязавшаяся перестрелка, а затем и орудийная пальба продолжались более полутора часов. Мятежники постепенно окружали отряд Валленштерна и тем принудили его построиться в каре и отстреливаться. Двинуться вперед он не мог, потому что между горой и лагерем самозванца пролегал весьма глубокий буерак, который хотя и можно было обойти, приняв версты на две в сторону, но тогда Валленштерн дошел бы до лагеря самозванца только с наступлением ночи. Признавая такое движение бесполезным и опасаясь быть отрезанным от крепости, Валленштерн отступил и, пробиваясь сквозь толпу неприятеля, возвратился в Оренбург без всякого успеха, потеряв убитыми 32 и ранеными 93 человека[732].

Пугачев торжествовал, толпа его праздновала новую победу.

Глава 23

Указ Пугачева генералу Рейнсдорпу. – Отправление отряда под начальством Хлопуши и Андрея Бородина для овладения крепостями Верхнеозерной и Ильинской. – Стойкость гарнизона Верхнеозерной крепости. – Судьба, постигшая отряд майора Заева в Ильинской крепости. – Действия отрядов генерала Деколонга. – Восстание в Башкирии. – Осада города Уфы башкирцами. – Занятие Бузу лука мятежниками. – Грабежи киргиз-кайсаков. – Тяжелое положение Оренбургского гарнизона и жителей.

Три последовательных успеха с короткими промежутками времени настолько ободрили Пугачева и сделали его самонадеянным, что 17 ноября он потребовал от генерал-поручика Рейнсдорпа покорности и сдачи города. Пугачев писал:

«Указ нашему губернатору Ирейнсдорпу

Довольно известно вам (и) нс публикованных манифестов усмотреть можети каким образом мы от завистников общего покоя всероссийского престола бизъзаконно лишены были, а ныне всемогущше Господь неизреченными своими прявидными судьбами паки возъвести нас соизволит наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а зависников общему покой подноги нашы повергает.

Только вы ослепясь неведением или помрачитесь злобою ни приходити в чювство, власти нашее бизмерно чинити зъболыиим кровопролитиям и тщитися пред светящаяся имя наша такимже образом как и прежде паки угасить и наших верноподданных рабов, аки младенцев осиротит. Однако мы по природному нашыму

к верноподданному отеческому великодушию, буде хотя и ныне возъникнув от мрака неведения и пришед в чювство власти нашее усердно покорясь всемилостивейшими прощаем и сверх того всякой волностию отечески вас жалую. А будешь в такомже ожесточении и суровости останитись и данной нам от создателя высокой власти непокоритесь, то уже ниминуемо навлечете на сибя праведный наш гнев»[733].

Прочтя этот указ, оренбургский губернатор был бессилен отвечать с достоинством на дерзкую выходку самозванца. Рейнсдорп пришел к сознанию, что все его попытки разогнать мятежников не увенчались успехом, что, несмотря на значительный численный состав гарнизона[734], он не может бороться с Пугачевым и положение его весьма затруднительно.

Окружив со всех сторон Оренбург, мятежники отрезали все сообщения, и доставка в город продовольствия и фуража оказывалась почти невозможной. Запасы в городе были весьма незначительны: продовольствия могло хватить не более как на месяц, а фуража для лошадей и того меньше. В таком положении Оренбургу оставалось ожидать освобождения извне, и потому в день получения вышеприведенного указа самозванца Рейнсдорп просил Кара поспешить наступлением, спрашивал, где он находится, сколько у него войск, что намерен делать и когда можно ожидать его прибытия, чтобы выслать навстречу отряд[735].

Посланные с этим письмом казаки не могли попасть в отряд Кара, в деревню Дюсметеву, а привезли его в город Яик, к коменданту полковнику Симонову[736]. Не подозревая этого, оренбургский губернатор удивлялся, почему Кар ему не отвечает и не идет на выручку Оренбурга, а Пугачев, считая себя обеспеченным с этой стороны, сожалел только, что и Кара не постигла участь Чернышева.

Когда Овчинников и Зарубин (Чика) приехали в Берду с донесением о своих действиях против Кара, самозванец выразил некоторое неудовольствие, что они не захватили весь отряд живьем.

– Для чего вы его упустили? – спрашивал Пугачев.

– У нас недостало зарядов, – отвечал Овчинников.

Обратясь к Хлопуше, самозванец благодарил его за присылку в Берду людей, провианта, пороха и денег[737].

– Сколько теперь у тебя команды? – спрашивал Пугачев.

– Человек пятьсот и три пушки, – отвечал Хлопуша.

– Где взял людей?

– На Авзяно-Петровском заводе, а иные пришли и из других жительств.

– Порох, провиант, пушки и деньги, кои ко мне прислал, где брал?

– Все это взято на заводах, а провиант возили из разных мест, куда я посылал от себя команды.

– Будь же ты за это полковник и имей у себя в команде заводских мужиков.

– Я грамоты не знаю, – заметил Хлопуша, – а потому и управлять людьми неспособно.

– У нас и дубина служит вместо грамоты, – отвечал Пугачев, – вот если что украдешь, то и за алтын удавлю.

Вслед за тем самозванец призвал к себе яицкого казака Андрея Бородина и приказал ему с казаками, а Хлопуше с заводскими крестьянами идти к Верхнеозерной крепости, где, по сведениям, были большие запасы продовольствия, взять крепость и доставить порох и провиант в лагерь. Для получения же снарядов и орудий еще 8 ноября было отправлено в Уфимский уезд приказание приказчику Воскресенского Твердышева завода, Петру Безпалову, исправлять орудия и лить снаряды. «Исправить тебе, – сказано было в указе Безпалову [738], – великому государю пять гаубиц и 30 бомбов и которая из дела выйдет гаубица,

представить бы тебе в скором поспешении к великому государю и не жалеть бы государевой казны – сколько потребно давай, а я тебя зато, великий государь, буду жаловать». Не ожидая, чтобы Безпалов выказал особую деятельность, Пугачев послал для наблюдения за ним казаков Зарубина (Чику), Илью Ульянова и Якова Антипова[739].

– Надобно бы было, – говорили при этом ближайшие советники самозванца [740], – послать на нижние яицкие форпосты Михаила Толкачева с манифестом, чтоб он до самого Яицкого городка брал въезде казаков, а к Дусали-султану (киргизскому) послать яицкого казака из татар Тангаича также с манифестом, чтоб он дал вам в помощь хотя 200 человек. И когда Толкачев наберет казаков, а Тангаич приведет киргизов, то они и ударят на Яицкий городок.

Яицкий городок был необходим мятежникам как опорный пункт для зимовки на тот случай, если Оренбург не сдастся и у них не хватит средств для продовольствия толпы. Поэтому советники самозванца настаивали, чтобы прежде всего овладеть деньгами, боевыми и продовольственными запасами в крепостях Верхнеозерной и Ильинской[741], а затем атаковать и Яицкий городок.

Пугачеву так понравился этот совет, что он приказал тотчас же написать два манифеста: Ивану Почиталину по-русски, а Болтаю по-татарски, и отправил с ними Толкачева и Тангаича.

Между тем, получив приказание самозванца, Хлопуша и Андрей Бородин выступили из Берды с толпой в 400 илецких казаков и 400 заводских крестьян. Присоединив по пути ногайцев из Желтого редута, находившегося вблизи Озерной крепости, и башкирцев, живших по реке Ику, Хлопуша послал приказание кундровским татарам, чтоб они шли к Верхнеозерной крепости, а сам двинулся к Ильинской, находившейся в

42 верстах выше и не имевшей почти никакого гарнизона.

По выступлении бригадира Корфа с отрядом из Верхнеозерной крепости для защиты последней, как наиболее важной, был прислан из Ильинской полковник Демарин почти со всем гарнизоном, состоявшим, впрочем, «из неспособных к походу польских конфедератов», нескольких казаков, башкирцев, мещеряков и калмыков[742]. В Ильинской крепости оставался лишь комендант поручик Лопатин и десятка полтора инвалидов. При нападении Хлопуши Лопатин был захвачен в плен и потом по дороге изрублен, а солдаты не оказали никакого сопротивления. Забрав с собою деньги, пушки, снаряды и продовольствие, Хлопуша пошел назад и к ночи 22 ноября подошел к Верхнеозерной крепости, считавшейся самою важной и самою сильной в Красногорской дистанции. Она обнесена была небольшим земляным валом с шестью бастионами, имевшими впереди ров и в некоторых местах палисад. В гарнизоне крепости находились: прибывшие из Сибири две роты звериноголовского гарнизонного батальона, 80 гарнизонных солдат, оставленных бригадиром Корфом, и команда конфедератов – всего до 369 человек пехоты, 30 казаков, 100 калмыков и 60 башкиров. Приготовляясь к обороне, Демарин расположил свой гарнизон по фасам крепости и, в видах всегдашней готовности к отражению, устроил в крепостном валу землянки. Казаков, банкиров и калмыков разместили между солдатами, которым было приказано колоть каждого, покусившегося на побег.

Оставив в Желтом редуте, под прикрытием 200 человек, все награбленное в Ильинской крепости имущество и шесть пушек[743], Хлопуша в ночь на 23 ноября подошел к Верхнеозерной и незаметно, скрывая свои силы в оврагах, окружил крепость, но не успел

овладеть ею врасплох. Непривычная к порядку, толпа мятежников не в состоянии была скрыть своего приближения, и раздавшиеся выстрелы одного из нетерпеливых атакующих спасли крепость. Услыхав выстрелы не далее ста шагов от себя, часовой, стоявший на валу, ударил тревогу, и гарнизон, быстро заняв свои места, открыл огонь по наступавшим. Завязалась перестрелка, безвредная для гарнизона, но продолжавшаяся почти целый день. Одиночные смельчаки подъезжали к крепости и кричали, чтобы солдаты не слушали офицеров, перестали стрелять и покорились государю. Дождавшись вечера и видя, что увещания не действуют на гарнизон, Хлопуша двинулся на штурм, но был отбит. В самом начале дела все инородцы и большая часть казаков передались на сторону самозванца, но польские конфедераты защищались храбро и отразили как это, так и следующее нападение. Не имея вовсе ни канониров, ни запаса ружейных пуль, Демарин сформировал из поляков прислугу при орудиях, вместо пуль употреблял «жеребки», нарезанные из железа, и, возвысив вал присыпкой к нему снега, удержал крепость за собою[744].

Хлопуша отступил к Кундровской слободе, находившейся в 12 верстах от крепости. Видя стойкость гарнизона и имея приказание в случае неудачи уведомить самозванца, Андрей Воронин написал письмо Пугачеву, что Верхнеозерную взять не могли. Тогда Пугачев сам выступил из Берды со всеми яицкими казаками. Захватив по дороге высланных из Оренбурга худоконных казаков с их лошадьми и присоединив к себе ногайцев, он утром 26 ноября подошел к Верхнеозерной крепости и приказал открыть огонь из пушек, ружей и сайдаков. В полдень самозванец двинул свои силы на штурм, но был встречен сильным и метким огнем из крепости. Штурмующие замешались, атака не ладилась.

– Грудью, други! – кричал Пугачев.

– Сунься-ко сам! – отвечали ему из толпы. – Разве не видишь, как нам пули в лоб прилетают?!.

Пугачев принужден был отступить и к вечеру отвел свою толпу к Кундровской слободе[745]. Отсюда, после дневки, он двинулся к Ильинской крепости, случайно занятой отрядом майора Заева, шедшего по распоряжению генерал-майора Станиславского на помощь Демарину. Узнав, что мятежники отступили от Верхнеозерной крепости, Заев 27 ноября остановился в Ильинской, имея у себя две гарнизонные роты тобольских батальонов, одну губернскую роту, 91 казака и три пушки, всего до 462 человек[746]. По разорении Хлопушей Ильинская крепость была в самом печальном положении: все вооружение ее состояло из одной негодной пушки, брошенной в воротах; провиантский сарай стоял отворенным, несколько четвертей муки и сухарей было раскидано на дворе[747]. Разместив свой отряд по квартирам небольшими командами, что составляло весьма важную ошибку, Заев приказал запереть ворота и расставить бывшие с ним орудия на укреплениях. В крепости было четыре бастиона, а пушек всего три; поэтому четвертый бастион, обращенный к реке Яик, остался невооруженным. На каждом бастионе были поставлены наблюдательные пикеты, человек по двенадцать солдат при офицерах, за ними стояли небольшие резервы; «отводных бекетов ни конных, ни пеших за крепостью не было, а только ночью, – показывал фурьер Панов, – посылались казаки разъездом кругом крепости не в дальнем от оного расстояния». Солдатам, расставленным по обывательским квартирам, было приказано быть в полной готовности, спать не раздеваясь и в боевой амуниции, а часовым окликать проходящих, и если кто по третьему отзыву не отзовется, то стрелять.

В сумерки, 28 ноября, человек сто мятежников появились в виду Ильинской крепости и учредили вокруг нее свои разъезды. Одиночные всадники подъезжали к укреплениям и кричали часовым, чтоб они не стреляли, а вышли бы из крепости с покорностью, «ибо-де подступил под крепость сам государь», который наградит их жалованьем.

– У нас в России, – отвечали часовые, – есть государыня императрица Екатерина Алексеевна и наследник ее великий князь Павел Петрович; кроме их, никакого у нас государя нет.

Спустя часа два после этих переговоров пугачевцы подвезли свои пушки и открыли огонь по крепости, но, произведя выстрелов десять, прекратили стрельбу и отступили к ближайшей деревне. Некоторые солдаты и конфедераты, бывшие в отряде, просили Заева дать им подъемных и казачьих лошадей и позволить атаковать мятежников [748].

– Разве вы хотите передаться злодею? – спросил Заев. – Оставайтесь здесь и защищайте крепость, а я от генерала выходить на вылазку повеления не имею.

Ночь прошла спокойно, а наутро 29 ноября, часов в десять, Пугачев двинул на штурм все свои силы, более 1500 человек, с двумя орудиями, положенными на сани. Впереди везли возов пять сена, и, скрываясь за ними, шли мятежники, стрелявшие по крепости. Атака была произведена со стороны реки Яик, против бастиона, на котором не было ни одного орудия. Майор Заев приказал привезти две пушки с других бастионов, но они не помогли делу. Пугачевцы успели пробить брешь и, ворвавшись в крепость, кололи и рубили защитников. Майор Заев убит был одним из первых и лежал со вскрытою злодеями грудью. Команда его растерялась и после незначительного сопротивления положила оружие. Бывшие в отряде Заева казаки вовсе не

защищались, и пугачевцы «тех казаков нисколько не били»[749].

– Для чего вы к нам не вышли? – спрашивали их мятежники.

– Если б, – отвечали казаки, – мы из крепости стали выходить, то нас бы солдаты побили.

Всех пленных (число которых доходило до 110) и раненых (до 60) Пугачев приказал отвести в свой стан, в ближайшую татарскую деревню. Там поставили их на колени против заряженного единорога и в таком положении приказали ожидать прибытия самозванца.

– Прощает вас Бог, – сказал Пугачев, подъехав к пленным, – и я, ваш государь Петр Федорович Третий, император.

Пленным приказано было встать; единорог повернули в противоположную сторону, и произведенный выстрел понес ядро в степь. После этой церемонии самозванец призвал к себе капитана Камешкова, прапорщика Воронова и неизвестного по фамилии казачьего сотника.

– Для чего вы против меня, вашего государя, идете и меня не слушаете? – спросил самозванец.

– Ты не государь наш, – отвечали офицеры, – и мы тебя оным не признаем; ты самозванец и бунтовщик.

Пугачев приказал тотчас же их повесить и привести к себе из татар капитана Башарина. Ему грозила та же участь, но человек тридцать солдат губернской роты просили простить его.

– Капитан был до нас добр, – говорили они, – и в наших солдатских нуждах не оставлял нас.

– Ну, когда он был до вас добр, сказал Пугачев, – так я его – прощаю.

Башарину и всем пленным обрезали волосы по-казачьи, а казакам оставили лошадей и оружие. По принятым правилам, со всех убитых (даже и своих) было снято все платье[750], а Ильинская крепость сожжена.

Захватив вблизи крепости караван из 25 верблюдов с 20 бухарцами, Пугачев роздал товары своим сподвижникам, яицким казакам [751], а на верблюдов нагрузил боевые припасы, одежду, снятую с убитых, оружие и прочее имущество, захваченное в крепости. Дождавшись прибытия из Желтого редута оставленных там орудий и прикрытия, Пугачев в тот же день, в сумерки, с песнями выступил обратно в Берду, имея в своей толпе до 2200 человек с 12 орудиями[752]. Он не пытался снова атаковать Верхнеозерную крепость, потому что было получено известие о приближении 14-й легкой полевой команды под начальством генерал-майора Станиславского, шедшего из Орской крепости на помощь отряду майора Заева.

Не доходя 25 верст до крепости Ильинской, генерал Станиславский узнал об участи, постигшей отряд Заева. Он остановился и не пошел далее, опасаясь сам попасть в руки самозванца. Под предлогом того, «чтобы не открыть всей линии злодеям на похищение»[753], Станиславский возвратился в Орскую крепость, а вслед за тем получил приказание генерала-поручика Деколонга отступить к Верхнеяицкой крепости, забирая с собою из лежащих на пути крепостей гарнизоны, денежную казну, артиллерию и жителей, которые изъявят желание следовать за отрядом. Тех жителей, которые пожелают остаться в своих домах, генерал-майору Станиславскому приказано было снабдить продовольствием, а артиллерию, которую почему-либо нельзя было взять с собою, испортить или бросить в воду.

Такое оставление значительной части края без войск Деколонг признавал необходимым по ограниченности своих сил (всего две легкие полевые команды)[754], по недостатку для них продовольствия и по необходимости защитить Исетскую провинцию и екатеринбургские заводы. По мнению Деколонга, опасность, грозившая

Исетской провинции, была так велика, что с наличными своими силами он не находил возможным защитить столь обширный край и просил сибирского губернатора Чичерина прислать ему тысячу выписных казаков и сколь возможно рекрут, обученных экзерциции[755].

«Хотя мое намерение, – писал он вместе с тем графу З. Чернышеву[756], – и состояло в том, чтобы находящимися при мне сибирских линий воинскими командами подать помощь осажденному городу Оренбургу и все неполезные следствия обратить во благо, но злодеи башкирцы генеральным своим взбунтованием до того не допустили и, причиняя почти повсеместно варварские свои злодеяния, заставили пещись о предохранении линейных и внутренних Исецкой провинции российских селений».

Башкирия была в полном восстании, и сообщение с Оренбургом было прервано настолько, что курьеры могли доезжать только до Орской крепости, да и то степной киргизской стороной, а далее к Оренбургу надо было отыскивать охотников, пробиравшихся скрытными путями и по ночам.

Разъезжая конными партиями, башкиры грабили русские селения. 18 ноября они произвели нападение на Стерлитамакскую пристань, на реке Белой, а 24 ноября толпа их, в 500 человек, под начальством самозваных полковника башкирца Кашкина-Сатарова и подполковника уфимского казака Губанова, появилась в виду селения Чесноковки, находившегося в десяти верстах от города Уфы. Жители селения наложили четыре воза печеного хлеба и встретили башкирцев с покорностью. Примеру их последовали все остальные подгородные селения, и мятежники, окружив город, расположились в Чесноковке, Богородском, Ермашевском и Красном Яру[757]. Сообщение Уфы с окрестностями было прервано, и башкирцы распространили свои разъезды столь далеко, что

воевода города Бирска, находившегося в 50 верстах от Уфы, секунд-майор Моисеев бежал и скрылся в деревне Каракулине[758], но потом был захвачен башкирцами. Число мятежников с каждым днем увеличивалось прибывающими ясачными татарами, помещичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами и в короткое время доросло более чем до тысячи человек.

29 ноября к городу Уфе подъехали несколько башкирцев, с желанием вызвать кого-либо из жителей для переговоров, но, не успев в своем намерении, уехали. На следующий день они повторили то же самое, и тогда навстречу им были высланы секунд-майор Пекарский [759] и коллежские регистраторы Черкашенинов и Дуров. Башкирцы требовали сдачи города, выдачи полковника и коменданта Мясоедова и воеводы Борисова. Получив отказ, мятежники 1 декабря подошли уже значительной толпой к городу, со стороны села Богородского, но были разогнаны сотней казаков, к которым присоединились обыватели, имевшие лошадей. Мясоедов установил вокруг города ночные разъезды, «в которые назначались и статские чины, как то: секретари и протоколисты, регистраторы и приказные служители»[760]. Видя, с одной стороны, стойкость гарнизона и жителей, а с другой – что с шайкой, вооруженной преимущественно стрелами, копьями и рогатинами, взять город невозможно, предводители толпы отправили к Пугачеву нарочного с просьбой о помощи.

«Мы, – сказано было в прошении, привезенном нарочным[761], – казанской дороги башкиры и служилые татары, черемисы и дворцовые крестьяне, все согласись милосердому государю Петру Федоровичу склонились; что бы его величество ни приказал, мы свои услуги показать должны, не жалея сил своих до последней капли крови. Для того мы всепокорнейше просим вашего царского милосердия, в нашу сторону прислать войска и

несколько пушек. Когда явятся в нашу сторону какие-нибудь супротивники вашему величеству, то нам сократить их не с чем без пушек. Ныне у нас подкомандующих более тысячи человек, и [приказано] всем окольным жителям изготовлять для нынешней войны с каждого двора по одному казаку со всеми ружьями, затем, что мы нынешнюю пятницу город Уфу разорять ехать намерение имеем».

Добровольное подчинение башкирцев власти мнимого императора было весьма важно для Пугачева, потому что, владея большим числом лошадей, они гнали в стан самозванца целые косяки и дозволили ему посадить на коней большую часть своего ополчения.

Пугачев рад был случаю и возможности отправить в Башкирию одного из своих ближайших сотрудников, чтобы более прочно подчинить население своей власти. Воспользовавшись пребыванием Зарубина (Чики) в Уфимском уезде, на Воскресенском Твердышева заводе, самозванец приказал ему отправиться под город Уфу и принять начальство над всем собравшимся там ополчением[762].

Не успел башкирский посланный уехать из стана самозванца, как в Берде было получено новое радостное известие о занятии мятежниками города Бузулука и почти всей Самарской линии.

Самарская линия была совершенно беззащитна с тех пор, как симбирский комендант, полковник Чернышев, двигаясь к Оренбургу и желая усилить свой отряд, забирал из крепостей, лежавших на пути его следования, всех лучших людей, как регулярных, так и иррегулярных. В Бузулукской крепости, считавшейся наиболее важной и имевшей коменданта, заведовавшего несколькими соседними крепостями[763], Чернышев оставил всего 27 рядовых при шести унтер-офицерах и капралах, но и те были старые и дряхлые. Две годные пушки Чернышев взял с собой, а в Бузулуке оставил те,

которые или были забракованы, или не имели лафетов. При них не осталось ни одного канонира, а снарядов было хотя и много, но другого калибра, так что ни один из них не входил в дуло орудия.

С уходом Чернышева в Бузулуке осталось до 200 отставных драгун, солдат и поселенных казаков, но все это были люди больные, дряхлые, отказывавшиеся защищаться по неимению оружия, «ибо полковник Чернышев не довольно что людей, но и ружья обобрал и оставил одни испорченные»[764].

Тем не менее комендант Бузулукской крепости, подполковник Вульф, зять казанского губернатора фон Брандта, установил между крепостями своей дистанции постоянные разъезды днем и ночью; но распоряжение это исполнялось недолго. В начале ноября находившийся в Тоцкой крепости атаман Чулошников прислал сказать Вульфу, что он со всеми своими подчиненными «преклонился к императору Петру III», дал слово служить государю и советует то же сделать коменданту Бузулукской крепости, так как в непродолжительном времени к нему прибудет от государя полковник с войсками.

Человек нерешительный, слабого характера, не умевший заставить подчиненных повиноваться и исполнять свои приказания, подполковник Вульф струсил и стал помышлять о собственном спасении. 17 ноября он с ужасом узнал от прибежавших из отряда Чернышева об участи, постигшей симбирского коменданта, и в следующую ночь, призвав к себе сержанта Ивана Зверева, объявил ему о своем намерении уехать из крепости.

– Ну, Зверев, – говорил подполковник Вульф, – оставайся ты здесь с сержантом Осипом Куклиным, а я с командою отсюда уеду. Я не хочу здесь, как Чернышев, умереть напрасно, а защищаться мне не с кем.

Зверев просил и их взять с собою.

– Вас взять нельзя, – отвечал Вульф, – потому что вы находитесь при таких должностях, которые остановить никак нельзя[765].

Утром 18 ноября подполковник Вульф, забрав свое семейство, отправился в Самару, под конвоем двух унтер-офицеров, двух капралов и 25 рядовых[766]. Покидая вверенный ему пост, подполковник Вульф написал в приказе, что «имеет он, по некоторому повелению, отбыть из крепости Бузулукской со всей регулярной командой». Два дня спустя толпа яицких казаков приехала в Бузулук, опечатала все провиантские магазины, обобрала всех лучших лошадей и уехала, а почти в полдень 30 ноября, после обедни, ко двору Куклина подъехало до двадцати саней с мятежниками, под предводительством отставного солдата Ивана Жилкина. Он объявил, что отправлен из армии государя для того, чтобы забрать провиант и деньги. Узнав, что комендант оставил крепость и население не намерено оказывать сопротивления, Жилкин стал распоряжаться самовластно: осмотрел провиантский магазин, приказал принести вина для своих сообщников и призвать всех солдат. После всеобщей попойки, в которой принимали участие два священника, солдаты и казаки, Жилкин взял ножницы, обрезал у солдат косы, объявил, что теперь все они казаки, и распустил их по домам.

В тот же день к вечеру, в предположении, что Жилкин встретит сопротивление в Бузулуке, была прислана ему на помощь команда из 50 казаков, под начальством атамана Ильи Арапова, которая пьянствовала всю ночь, а наутро вместе с Жилкиным отправилась грабить помещичьи имения. Забрав у жителей подводы, мятежники нагрузили на них 62 четверти сухарей, 164 куля муки, 12 четвертей круп, пять пудов пороху и 2010 руб. медных денег, большей частью денежками и полушками[767].

Несмотря на столь быстрые успехи самозванца, действия его против Оренбурга были крайне нерешительны и ограничивались обложением. Пугачев не решался сунуться на штурм и уверял своих легковерных сообщников, что «сколько-де он городов ни прошел, сказывая, якобы он бывал в Иерусалиме, в Царьграде и в немецких городах, но столь крепкого города, каков есть Оренбург, не видал». Он говорил, что «более приступов делать к городу не намерен, а хочет осадой до того довести, чтоб у жителей не стало пропитания, а тогда-де и город сдаться ему будет принужден»[768].

В Оренбурге было действительно весьма мало продовольствия, и потому положение его было тяжелое. «Наши обстоятельства, – писал Рычков к Миллеру[769], – такие, каких с начала здешнего города не бывало и я от роду моего не видывал. Долговременное неполучение писем моих дает вам идею, сколь трудно находить способов к отправлению отсюдова писем, а почты ординарной уже с два месяца от нас нет в отправлении. Помощь наша от Господа, сотворившего небо и землю: мы всю надежду имеем на Него». Все попытки гарнизона улучшить свое положение были тщетны. Получив известие об уходе Пугачева под Верхнеозерную и Ильинскую крепости, генерал-поручик Рейнсдорп собрал военный совет, на котором было положено произвести в ночь на 30 ноября вылазку с тем, чтоб атаковать неприятеля до рассвета и нечаянно. Вылазка эта, однако же, не состоялась, так как назначенные под орудия 30 лошадей в ту ночь пали[770]. И генерал-поручику Рейнсдорпу не оставалось ничего более, как просить Военную коллегию, чтоб она учинила *«защитительное попечение»* вверенной ему губернии «при настоящем ее страдании, сопряженном с государственным большим предосуждением». Губернатор писал, что, лишившись от бескормицы почти всей кавалерии, он не в состоянии с

одной пехотой разогнать неприятеля, нахватавшего в разных местах хороших лошадей и не подпускающего к себе не только на ружейный, но и на картечный выстрел[771].

При вылазках из крепости мятежники обыкновенно рассыпались по степи, держались вне выстрелов и поражали наступающих огнем своих орудий, везомых хорошими лошадьми и потому более подвижных, чем те, которыми располагал гарнизон. Несмотря, однако же, на значительное превосходство своего положения, мятежники бывали смелы, лишь не видя перед собою наступающих войск. Тогда они подъезжали почти к самому городу, вели переговоры с гарнизоном и требовали, чтобы он покорился государю Петру Федоровичу. 7 декабря они объявили осажденным, что завтрашний день будет к ним из Москвы великий князь Павел Петрович с 30 тысячами войск и с тремя генералами.

– В понедельник (9 декабря), – говорили они, – мы сделаем такой приступ, что всему уже городу жарко будет.

В Оренбурге не верили этим словам, но, видя, что большинство подъезжавших находятся в полупьяном состоянии, гарцуют и джигитуют по степи, что в лагере самозванца заметно особое оживление и усиленное пьянство, долго не могли понять причины и лишь впоследствии узнали, что Пугачев праздновал прибытие из Петербурга яицкого сотника Афанасия Перфильева, сделавшегося впоследствии ближайшим и наиболее энергическим сообщником самозванца.

Глава 24

Отправление из Петербурга в стан самозванца яицких казаков Афанасия Перфильева и Петра Герасимова. – Прибытие Перфильева в Берду. – Жизнь в Берде. – Организация и администрация пугачевских сил. – Пугачевская Военная коллегия. – Свидание Перфильева с Овчинниковым и Пугачевым.

Недели за две до получения в Петербурге известий о появлении Пугачева под Оренбургом прибыли в столицу депутаты от яицкого войска: сотники Афанасий Перфильев, Иван Герасимов и казак Савелий Плотников, дабы просить императрицу о невзыскании с яицкого войска наложенного на них штрафа[772]. В столице они нашли казака Петра Герасимова, еще 27 декабря 1771 года подававшего прошение императрице и скрывавшегося от преследования и розысков Военной коллегии. Не зная ничего о происходящем в войске, казаки Перфильев, двое Герасимовых и Плотников вновь сочинили прошение на высочайшее имя, в котором писали, «что могли вымыслить к оправданию войсковой стороны, закрывая сколь можно свою вину, дабы через то можно было получить испрашиваемое». Не найдя случая подать прошение лично императрице и считая Орловых покровителями яицкого войска, Перфильев с товарищами передали прошение графу Алексею Григорьевичу Орлову, от которого получили ответ, что просьба их передана ее величеству и что им необходимо подождать резолюции.

Спустя некоторое время яицкие депутаты были потребованы к графу А. Г. Орлову.

– У вас на Яике сделалось несчастие, – сказал граф пришедшим к нему казакам. – Один разбойник, беглый донской казак Пугачев, назвавшись ложно покойным государем Петром III, собрал себе небольшую шайку из приставших к нему ваших же яицких казаков, как то Пики и прочих, укрывавшихся от наказания по бывшему об убийстве Траубенберга следствию, и с набранной шайкой пошел по крепостям к Оренбургу. Съездите туда и постарайтесь уговорить казаков, дабы они от сего разбойника отстали и его поймали. Если вы постараетесь это сделать, то по возвращении в Петербург ваше дело будет решено в пользу казаков.

– Готовы усердно служить всемилостивейшей государыне, – отвечали Перфильев и его товарищи, – и сколько сил будет, исполним повеление в точности[773].

Заручившись таким обещанием и справедливо считая графа Захара Чернышева виновным во многом, что происходило на Яике и под Оренбургом, граф Орлов постарался устранить президента Военной коллегии от всякого вмешательства в дела яицких казаков. Сговорившись с генерал-прокурором князем Вяземским, они испросили согласие императрицы отправить на Яик двух казаков, Афанасия Перфильева и Петра Герасимова, а казаков Ивана Герасимова и Савелия Плотникова оставить в Петербурге, как бы заложниками, но с тем, чтоб они зависели только от одного князя Вяземского.

12 ноября 1773 года генерал-прокурор объявил Тайной экспедиции, что императрица повелела выдать сотнику Перфильеву и казаку Петру Герасимову, для проезда их до Казани и обратно до Петербурга, каждому по паспорту, «назвав в оных обоих их, для известных ему, генерал-прокурору, причин *черкесами*[774]. Другому же сотнику Ивану Герасимову и казаку Савелию Плотникову, для свободного здесь, в Петербурге, жительства, дать из Тайной экспедиции билеты[775], с

таким предписанием, чтобы их ни в какое правительственное место [776], без объявлении ему, генерал-прокурору, не брать и являться им каждую неделю по одному разу в Тайной экспедиции и из Петербурга никуда им не отлучаться»[777].

Получив паспорты, Перфильев и Герасимов выехали из Петербурга, но были в большом раздумье, как поступить им в будущем.

– Каким образом это сделалось, что простой человек мог назваться государем? – спрашивал Перфильев Герасимова. – Кажется, статься сему нельзя. Может быть, называемый Емелькой Пугачевым и прямо государь Петр III.

– Я покойного государя видел много раз, – отвечал спрошенный, – и буде сей называющийся подлинно государь, то его узнаю.

Припоминая молву, ходившую по всей России, что Петр III не умер, что манифесты о его смерти ложны, но что он из-под ареста «выкраден» и освобожден, Перфильев и Герасимов решили, что если по приезде к Пугачеву Герасимов признает в нем истинного государя, то рук на него не поднимать и «никакого злого умысла против него не предпринимать».

– Как можно нам, – говорили казаки между собою, – свои руки поднять на государя: их головы помазанные. Ведь Бог знает, чью сторону держать: государя или государыни; они между собою как хотят, так и делят, а нам нечего в их дела вступаться; неравно его сторона возьмет, так мы в те поры безо всего пропадем, а лучше останемся у него служить.

Условившись таким образом, Перфильев и Герасимов 25 ноября приехали в Казань и явились к генерал-поручику фон Брандту. Отсюда они должны были, под видом курьеров, ехать с печатными манифестами о самозванце и с письмами казанского губернатора к яицкому коменданту, полковнику Симонову. Письма эти

были настолько бессодержательны, что по проезде чрез разъезды, выставленные по границе Казанской губернии, их дозволено было уничтожить, точно так же как и подорожные, в которых им разрешалось проехать по Самарской линии до Бузулукской или другой какой крепости. Генералу Брандту стоило, однако ж, немалых трудов заставить их выехать из Казани. «Насилу, – писал он[778], – уговором их отсюда 28-го числа выжил, ибо по нынешним здешним, от беспутных вестей сумнительным обстоятельствам, не рассудил тем казакам себе дать в карты глядеть, да и по всегдашнем их пьянстве, не уверясь совсем на них, под видом наблюдения моего в народе кредита, имел при них, яко при чужих людях черкесами названных, верного унтер-офицера, как для примечания их разговоров, так и для отвращения при таком случае народного во мне сомнения, ибо слух носился, что известный злодей, по выступлении моем из Казани на границы, разгласил, якобы я к нему добровольно еду».

Прибыв в Самару, Перфильев и Герасимов были узнаны казаком Ергучевым, ехавшим из Яицкого городка с донесениями от полковника Симонова. Ергучев заявил самарским властям, что они не черкесы, а их яицкие казаки, бунтовщики, участвовавшие в убийстве генерала Траубенберга и бежавшие из Яицкого городка. Перфильев и Герасимов были задержаны и отправлены в Симбирскую провинциальную канцелярию и отпущены далее только по наведении надлежащих справок [779].

Из Симбирска они приехали опять в Самару, а затем отправились в Яицкий городок, где и явились к коменданту полковнику Симонову. Последний долго не мог поверить, что казаки посылаются в стан самозванца, но подорожные и письма Брандта заставили его согласиться на дальнейшее отправление, причем уполномоченные графа Орлова разъехались в разные стороны: Петр Герасимов поехал на нижние яицкие

форпосты, а сотник Афанасий Перфильев в Берду, в сопровождении взятых им с собою казаков Ивана Фофанова и Ивана Мирошихина.

– Я послан из Питера, – говорил дорогою Перфильев своим спутникам, – от графа Орлова уговаривать казаков, чтоб изловить называющегося государем.

– Не моги ты об этом и думать, – отвечали они. – Мы тебя заколем, если об этом только подумаешь. Он, мы слышали, точный государь и к нам наслал весьма милостивые указы, что нас станет жаловать всей вольностью. Будучи еще в городке, мы догадались, что вы с Герасимовым недаром из Петербурга приехали, и хотели было по приезде в Берду на тебя донесть, да хорошо, что сам нам признался. Мы тебе еще раз подтверждаем, что не моги ты этого делать.

Сторонник казачьих интересов, один из видных деятелей в бывшей борьбе казаков за старые порядки, Перфильев не мог не сочувствовать общему движению и, прося товарищей, чтоб они на него не доносили, клялся, что будет вместе с ними служить верно и не предпримет ничего противного казачьим интересам.

Около Николина дня Перфильев и его спутники приехали в стан самозванца, где все было для них ново и необычайно.

Остановись в Берде, Пугачев и его ближайшие советники расположились в слободе, причем самозванец занял лучший дом казака Ситникова и назвал его «государевым дворцом». Стены дворца вместо обоев были обиты шумихой, украшены зеркалами, и на видном месте висел портрет цесаревича Павла Петровича, взятый в имении Тимашева и привезенный в Берду атаманом Андреем Овчинниковым[780]. На крыльце «государева дворца» находился постоянный караул в 25 человек, выбранных из наиболее преданных самозванцу яицких казаков, составлявших гвардию Пугачева и его конвой при торжественных въездах.

Гвардия эта пользовалась некоторыми привилегиями и составляла отдельную единицу в общей организации пугачевских войск, подчиненных сначала одному Андрею Овчинникову, носившему звание главного атамана, а потом разделенных на полки различной численности, но по возможности одинакового племенного состава. Так Овчинников командовал полком яицких казаков, полковники: Иван Творогов – полком илецких казаков, Билдин – исетских казаков, Тимофей Падуров – оренбургских и других казаков, взятых в крепостях[781], Дербетев – полком ставропольских калмыков, Мусса Алиев – каргалинских татар, Кинзя Арсланов – полком башкирским, Хлопуша – полком заводских крестьян. Всеми пленными солдатами командовал Шванович, а всей остальной сборной пехотой заведывал Казанского уезда татарин Абдул. Артиллерией управлял, под руководством казака Чумакова, взятый в Татищевой крепости солдат Калмыков, который вместе с тем обязан был исправлять испорченные пушки и мортиры.

Полки делились на роты, человек во сто каждая, и ими командовали сотники, есаулы и хорунжие. Выбор должностных лиц, даже и некоторых полковых командиров, производился почти исключительно яицкими казаками, имевшими значительное влияние на всех остальных. Обыкновенно собирался круг, которому предлагали имена кандидатов на должности, и «если выбираемый был *не по их мысли*, то казаки кричали *негоден*»[782]. Ни полковые командиры, ни их помощники не знали точно, сколько находилось в их ведении людей.

«Списков не было, – показывал впоследствии Шигаев[783], – потому что часто прибывали и убывали, а был счет одним только командирам, коим в руки и жалованье на их команду отдавалось». Сводя показания многих лиц, можно заключить, что в начале декабря 1773 года силы Пугачева простирались до 15 тысяч

человек с 86 орудиями разных калибров[784]. Все это ополчение было весьма плохо вооружено: кто копьем, кто пистолетом, кто офицерской шпагой; ружей сравнительно было мало; башкирцы были вооружены стрелами, а большая часть пехоты имели штыки, воткнутые на палки, часть была вооружена дубинами, а остальные не имели вовсе никакого оружия и ходили под Оренбург с одной плетью[785]. Барабанов и труб не было, а потому утренняя и вечерняя заря обозначались выстрелами из орудий; «буде сделается какая тревога, то собирают народ атаманы, сотники и десятники [хорунжие], а иногда и сам самозванец бегает под окно к яицким казакам и приказывает выходить в поход».[786]

Каждый полк стоял особо в своих землянках и имел свое знамя, приготовленное из шелковой материи желтого или красного цвета. На одних знаменах были нашиты кресты, на других лик Спасителя или Николая Чудотворца[787]. Полки поочередно посылались на сторожевую службу и на единственную заставу (наблюдательный отряд), учрежденную на реке Сакмаре, ниже моста, на этой заставе располагалось обыкновенно до двухсот человек, а в разъезды по степной стороне реки Яик посылались партии по сто и более человек. Сторожевая служба отправлялась, конечно, самым первобытным способом: не было ни паролей, ни лозунгов, а «когда по пикетам, – показывал подпрапорщик Аверкиев, – в ночное время разъезжают дозоры и их окликают, то они-то больше отвечают, что *казак*, а потому и можно безо всякой опасности объезжать их пикеты и верным из войск ее величества».

Продовольствие приобреталось при помощи фуражировок, грабежа и доставки из селений, принявших сторону самозванца. Хлеб и скот доставлялись из занятых крепостей, из Каргалинской слободы и Самарского городка. Все это, по словам Оренбургской следственной комиссии, делалось «почти

без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные им [жителям] льготы и вольность»[788].

Вскоре после перехода в Берду мятежники захватили 300 лошадей, 100 быков и 3 тысячи овец, отправленных киргизом Аблаем для продажи в Оренбург. Пугачев спрашивал киргизов-погонщиков, сколько им заплатить за все взятое.

– Нам денег не надо, – отвечали они, – а дайте нам товаров.

– Товаров теперь нет, – сказал самозванец, – подождите здесь.

Киргизы, до семидесяти человек, остались в Берде и служили при Пугачеве, а пригнанный ими скот употреблен на продовольствие толпы, почти ежедневно увеличивавшейся приходящими *«кучами* из разных селений». Сюда стекались русские крестьяне, дворовые люди, заводские рабочие, приписные крестьяне, «но сколько оных было, говорил Пугачев, то не только он, но думает, что и Овчинников не знал»[789]. Что касается заводских крестьян, то, по словам Оренбургской следственной комиссии, они были всех усерднее к самозванцу, «потому что им от него также вольность обещана и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят, в рассуждении тягости работ и дальних переездов» [790].

По мере того как толпа мятежников увеличивалась и влияние самозванца в крае распространялось, яицкие казаки пытались ввести среди ополчения некоторый порядок и устройство. Сам Пугачев почти не вмешивался в администрацию, и все распоряжения исходили из учрежденной им *Военной коллегии.*

Спустя несколько дней после обложения Оренбурга самозванец призвал к себе яицкого старшину Андрея Витошнова, казаков Ивана Творогова, Максима Шигаева, Данилу Скобочкина, Ивана Почиталина, илецкого казака

Максима Горшкова и объявил им, что для управления краем и войсками он учреждает *Военную коллегию*[791].

– Бог и я, великий государь, – сказал Пугачев, обращаясь к Витошнову, Творогову, Шигаеву и Скобочкину, – жалую вас судьями в Военную коллегию, тебя, Почиталин, дьяком, а тебя, Горшков, секретарем.

Пожалованные в эти должности сначала просили избавить их от такого назначения, отговариваясь: Витошнов старостью, Шигаев тем, что он заведовал раздачей войску хлеба и денег, а Творогов тем, что имел много хлопот, командуя илецким полком. Пугачев запретил им возражать и приказал исполнить его волю беспрекословно, причем объявил, что в помощь им назначает четырех повытчиков. Сперва главным судьей был назначен Творогов, как полковник, но когда он сам просил, чтобы главным сделать Витошнова, как старшего летами, то самозванец согласился, но с тем, чтобы на Творогове лежало все ведение дела.

– Они люди безграмотные, – сказал Пугачев, обращаясь к Творогову и указывая на избранных им судей, – так ты один станешь за них подписывать бумаги. Тебе тут не сколько (не очень) много дела будет – только подписывай, а написать и без тебя есть кому.

Творогов повиновался этому распоряжению, и в заседаниях коллегии Витошнов всегда «сидел выше Творогова, а Шигаев, по словам Горшкова[792], хотя и ниже их сидел, но как он был их замысловатее и любимее самозванцем, то они следовали больше его советам, а равно Почиталин и я слушали больше его».

«Сию коллегию, – показывал впоследствии Иван Творогов [793], – злодей учредил для того, что ему наскучило давать самому указы свои тем, которые, приходя к нему со стороны, изъявляли свое усердие набирать в его службу людей или грабить помещичьи дома и самих убивать, так как [наскучило] и разбирать многие жалобы на башкирцев и казаков, в его толпе

находящихся, в обидах и разорениях, народу причиняемых». Подобных депутатов, присланных от селений, приходило много, и Пугачев принимал их всегда с особою приветливостью[794].

– От меня, – говорил обыкновенно самозванец приходившим, – никогда приказу такого не было, чтобы делать обывателям обиды. Я велю тебе дать указ, чтобы никто не разорял, а кто ограблен и кем именно, прикажу тебе самому исследовать.

Обещанный указ обыкновенно выдавался из Военной коллегии, причем в нем писалось, чтобы по расследовании о грабеже было непременно донесено, и включалось требование, чтобы присланный депутат склонил своих односельцев быть верными государю, набрал желающих в его службу и с ними защищал от нападения войск императрицы не только свое, но и соседние селения. В «коллегии» велся список всем выданным указам, и чрез посредство лиц, получивших указы, администрация самозванца получала все необходимые сведения о движении правительственных войск и средства к продовольствию собственных. Все хозяйственные, стратегические и тактические соображения также лежали на Военной коллегии: она обязана была формировать отдельные отряды, указывать им цель действий, избирать пункты для сторожевых постов и снабжать отдельные команды продовольственными и боевыми припасами. «В сочинениях [бумаг], – показывал Творогов[795], – упражнялись Горшков и повытчики, а Почиталин редко писывал, ибо мы с ним худо знаем грамоте, а только что почти имена свои можем подписывать».

«В сей коллегии, – говорил Горшков[796], – никаких письменных судов не производилось, а разбираемы и решаемы оные были судьями на одних словах. Письменное же в ней производство было только такое, что даваемы были от нее наставления поставленным от

самозванца начальникам, посылаемым от него в разные места для покорения народа, доставления провианта, фуража, разграбления господских пожитков и проч.».

Все распоряжения Военной коллегии приводились в исполнение по большей части без доклада и утверждения Пугачева, считавшего, что в глазах толпы его значение, как государя, будет тем выше, чем меньше он будет вмешиваться в дела и иметь сношений со мнимыми своими подданными. Никто, например, не имел права входить во дворец государя без доклада казака Екима Давилина, любимца самозванца, исполнявшего при нем обязанность дежурного генерал-адъютанта[797]. Он обязан был ежедневно представлять своему безграмотному повелителю записки о важнейших происшествиях. Записки эти составлялись в Военной коллегии и заключали в себе преимущественно сведения о приезжих. «Приезжал за казной, – сказано в одной[798], – яицкого полка есаул Иван Федоров Кузнецов. Еще взял сотник Иван Васильевич Изюмов восемь пушек».

Пугачев принимал эти донесения с важностью государя, о чем, конечно, не имел никакого понятия, а поступал так, как, казалось ему, должны поступать государи. Однажды, во время бомбардирования Оренбурга, находясь со своими сообщниками в церкви Святого Георгия Победоносца, бывшей вблизи города в форштадте, самозванец сел на престол, желая убедить присутствующих, что он истинный государь[799].

– Вот, детушки, – говорил он, – двенадцать лет уже, как я не сиживал на престоле.

Хотя этот поступок и послужил для некоторых доказательством, что Пугачев истинный государь, но были и такие, которые говорили, что «если б и подлинно он был царь, то не пригоже сидеть ему в церкви на престоле». Такие лица должны были сохранить свое мнение в тайне, потому что Пугачев не церемонился со

своими сообщниками и вешал всех, в коих видел сомнение в своей личности. Он не пощадил самого близкого к себе человека, Дмитрия Лысова, бывшего у него полковником, и как только тот в пьяном виде проговорился, что знает, откуда явился государь, то уже на следующее утро был повешен. Отставной солдат Сорочинской крепости был повешен за то, что «в пьянстве говорил с бабой, которая пила вино за благополучный успех взятия Оренбурга, а солдат отвечал, что ныне-де время зимнее, как можно его взять»[800].

Доносы и шпионство друг на друга были развиты в лагере самозванца в высшей степени, и счастлив был тот, на кого доносили не прямо самозванцу, а в Военную коллегию. Пугачев вешал без суда и разбора, а в Военной коллегии судили словесным судом и в случае явных улик вешали, а в случае недостатка в доказательствах обвиняемый освобождался от наказания, если призывал Бога во свидетели своей невинности и соглашался произнести установленную для этой цели клятву.

«Аз, нижепоименованный, – должен был произнести он, – обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым его Евангелием, что клевещет на меня тот [имя обвинителя], что я сделал то-то. Аз же ей-ей и ни-ни, как сие божественное Евангелие учит и заповедает, что я того не делывал. А если я сказал ложно и что мне изглаголано пресвитером клянущихся и неправедно, то буду отлучен от света единого Бога в сем нынешнем и будущем мире и застрянусь, яко Каин, и да приму проказу, геенну, и удавление Иудино, и смерть Ананину и жены его Сапфиры, и буду я с беззаконными еретиками в жилище вечного огня уготованным и не обрящу Славу в день воздаяния, и да казнит мя Вышний Царь, яко преступника и супостата. В заключение же сей

моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Сам Пугачев никаких разбирательств не производил и был строг со своими сообщниками. Никто не смел «никогда подавать ему никаких советов, – показывал Максим Шигаев[801], – а тем меньше выспрашивать о чем-нибудь, ибо самозванец надо всеми, без различия, вел большую строгость и часто выговаривал, что он не любит ни советников, ни указчиков». Просителей и доклады Военной коллегии Пугачев принимал обыкновенно сидя в креслах, взятых в загородном доме оренбургского губернатора, и имея по бокам двух казаков: одного с булавой, а другого с топором, знаками власти. Все приходившие с просьбами обязаны были кланяться в землю, целовать руку и затем излагать дело, величая Пугачева «надежа-государь», «ваше величество», а иногда и просто «батюшко». Всегда одетый в казачье платье, Пугачев в торжественных случаях носил шаровары малинового бархата, бешмет голубого штофа, черную мерлушечью шапку с бархатным малиновым дном и белую рубашку с косым воротом. Вооружение его состояло из сабли и двух пистолетов. Ходил он не иначе как поддерживаемый под обе руки жившими у него девками или татарками, приезжавшими из Каргалинской слободы и бывшими его наложницами. При таком парадном шествии самозванца яицкие казаки пели песню, нарочно ими в честь его сочиненную, а писарь командира исетского полка Билдина, Иван Васильев, должен был играть на скрипке.

«Во время таких веселостей все напивались допьяна, а самозванец от излишнего питья воздерживался и употреблял редко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили к нему разных съестных припасов изобильно»[802]. Каждый старшина или предводитель партии обязан был представлять самозванцу все лучшее из награбленного

имущества, что и присылалось при особых записках или рапортах, вроде следующего:

«Его императорскому величеству и всея России Государю Петру Федоровичу.

От атамана и верного вашего величества раба Ильи Арапова покорнейший рапорт.

При сей случившейся радостной вашего величества оказии, от изверженных и недостойных вашего величества рабов, которые, бесчувственно ослепясь, сами себя отреклись – собрано [захвачено] разных сортов *кусу* (провизии) и других тому подобных вещей, присем с нарочно посыланным от меня хорунжим Василием Жоновым, с приложением при этом обыкновенного реестра[803], в покорности моей посылаются».

Кушанье приготовляли две жившие у Пугачева русские девки, из коих одна была та самая дворовая капитана Нечаева, которая явилась к самозванцу в Черноречье с жалобой на жестокость своего господина. Иногда же, за отсутствием девок, обязанность повара исполнял яицкий казак Козьма Фофанов, живший всегда в доме Пугачева, бывший его дворецким и хранителем награбленных денег и пожитков[804].

В парадных случаях к столу приглашались члены Военной коллегии и некоторые из яицких казаков. Первый тост Пугачев всегда провозглашал за свое здоровье, а затем обращался к висевшему на стене портрету и пил за здоровье цесаревича.

– Здравствуй, всероссийский наследник Павел Петрович, – произносил самозванец, и притом всегда высказывал опасение за будущую судьбу цесаревича. – Жаль мне Павла Петровича, – говорил он, – как бы-де его окаянные злодеи не извели.

Самозванец старался убедить толпу, что князь Григорий Орлов ищет случая похитить Павла Петровича, хочет жениться на государыне и вступить на престол.

Обещая истребить всех Орловых, Пугачев иногда, под пьяную руку, высказывал планы будущих своих действий. Планы и предположения эти были весьма шатки, неопределенны и противоречивы: то он говорил, что царствовать не желает и хлопочет только в пользу Павла Петровича, то высказывал, что сам вступит на престол и «благодетельствует своих подданных»[805].

– Надобно, однако же, прежде всего взять Оренбург, – замечал Пугачев, – а там будет другое дело. Пойду на Казань, оттуда в Москву, приму там царство и буду писать великому князю, чтобы ко мне приехал. Если государыня меня встретит без брани, с честью, то ее тогда прощу и [отпущу] куда похочет в свою ли прежнюю землю ехать или в монастырь Бога молить о своих грехах. Бог судья тетушке Елизавете Петровне, она меня молода женила, и оттого я спознал чужую сторону и был в такой бедности!

Желая польстить яицким казакам, Пугачев говорил, что уничтожит Петербург и сделает Яицкий городок своей столицей, что велит «держать всем старую веру», запретит брить бороды и носить немецкое платье, «и будут, – говорил он, – все ходить в казачьем платье». С приближенными императрицы самозванец обещал поступить очень строго и беспощадно, так как, по его словам, они одни были причиной его скитальческой жизни.

– Я, – говорил Пугачев, – с церквей велел кресты снять те, которые сделаны крыжем, как на кирках бывает, а вместо их поставить настоящие кресты, как божественное писание повелевает, а бояре взвели на меня, будто я церкви обращал в кирки, чего у меня и в мыслях не бывало. Главная причина вот чем я им был не люб: многие молодые люди из бояр и середовичи [средних лет], бывало, еще при тетушке Елизавете Петровне, а потом и при мне, годные бы еще служить, взяв чин, пойдут в отставку, живут себе в деревне и

разоряют бедных крестьян. Я стал таковых принуждать к службе и хотел отнять у них деревни, чтоб они служили на одном жалованье, а судей, которые дела судят неправедно и притесняют народ, наказывал и смерти хотел предавать. Вот за это и стали они копать подо мной яму, и когда я поехал по Неве-реке гулять в шлюпке, то они тут меня и заарестовали, показали на меня небылицу и заставили меня странствовать по свету, и где только я не был и какой нужды не претерпел!.. Да что об этом говорить много, вам самим вестимо; помните, как вы меня обрели: рубашка на мне гроша не стоила. Теперь, утвердясь на царстве, буду стараться, чтобы все было порядочно и народ отягощен не был. От дворян лучше все деревни отнять и определить им жалованье, хотя бы и большое. Вас же, яицких казаков, буду жаловать всякой вольностью и деньгами. Учредив так все порядочно, пойду воевать в другие земли – я ведь служивый человек, мне на одном месте не усидеть. Пойдем мы воевать по всем государствам, и мне во всем будет удача.

Так говорил Пугачев, стараясь возбудить к себе сочувствие, польстить самолюбию присутствующих и убедить их в том, что он истинный государь Петр Федорович. Те яицкие казаки, которые знали истинное происхождение Пугачева, старались помочь самозванцу и установили, чтобы все пленные солдаты при приближении Пугачева сами без приказания становились на колени и через то «многим мужикам делали уверение, что он подлинно царь»[806].

– Вот, други мои, – говорил в таких случаях Пугачев окружающей его толпе, – эти господа служивые несколько раз видели меня, когда я царствовал, а потому и вы, мужики, должны увериться, что я есть подлинный царь, а не самозванец.

Солдатам дарили платье, деньги, лошадей, а толпа верила словам Пугачева, потому что хотелось верить,

потому что будущее казалось лучше прошлого. Когда в начале блокады Оренбурга мятежники захватили шедшую из Петербурга почту и нашли в ней манифест императрицы, то Пугачев приказал прочесть его пред всем народом.

– Смотрите, пожалуй, – сказал он, – как они меня называют – Емельяном Пугачевым! Добро-де, до времени терпеть буду, а потом все узнают, что я истинный государь.

В другой раз, когда из крепости кричали, что он самозванец, Пугачев показывал вид, что на это не сердится.

– Что на них пенять! – говорил он. – Они, бедные, обмануты и почитают меня мертвым.

В Бердинской слободе жили праздно и весело. Это был вертеп разврата, пьянства и буйства всякого рода, Пугачев имел пять наложниц, в числе коих была и жена покойного Харлова, впоследствии повешенная по приказанию самого же Пугачева. Остальные – жены и дочери офицеров, захваченные по крепостям, были отданы на поругание сообщникам самозванца.

Почти ежедневные казни составляли общественное зрелище, и трупами несчастных были завалены все овраги, где мертвые тела валялись полураздетыми, нагими и не зарытыми в землю. Иногда Пугачев сам присутствовал при казнях и тогда выходил или выезжал из своего дворца в сопровождении своей гвардии. От нечего делать в Берде устраивались скачки, стрельба в цель или смотрели на пляску двух медведей, приведенных в подарок самозванцу заводскими мужиками. Будучи хорошим стрелком, Пугачев часто забавлялся стрельбой, пробивал кольчугу, набитую сеном, или на всем скаку попадал в шапку, поднятую на копьях[807]. Присутствуя на скачках, самозванец высматривал лучших скакунов, отбирал их у своих сообщников и отправлял на свою конюшню, чтоб иметь в

запасе на случай бегства. Мысль о возможности бегства не покидала самозванца, и он никогда не выезжал иначе как имея за собой пять или шесть хороших заводных лошадей. Отправляясь под Оренбург, Пугачев всегда переодевался в самое простое платье, чтоб его не узнали, и держался в стороне от выстрелов [808].

Такова была обстановка в лагере самозванца, когда Перфильев и его спутники приехали в Берду. Перфильев тотчас же отправился к атаману Овчинникову.

– Зачем приехал? – спросил хозяин вошедшего гостя.

– Служить государю, – отвечал тот.

– Ты не сам приехал, а прислан, конечно, из Петербурга зачем ни есть, но неспроста.

– Будучи в Петербурге, я услышал про проявившегося здесь государя, бежал оттуда с тем, чтобы поступить к нему на службу.

– А как же ты, – спрашивал вкрадчиво Овчинников, – ушел оттуда, не окончив нашего войскового дела?

– Да нечего уже там поклоны-то терять, – отвечал Перфильев. – Ведь сам знаешь, что не скоро дождешься конца. Прослышав, что здесь государь, я рассудил, что лучше у него милости просить.

Последние слова возбудили в Овчинникове еще большее подозрение относительно приезда Перфильева. Какие милости просить будет, когда милости уже пожалованы государем войску? Кто уполномочивал его быть здесь ходатаем? Это такие вопросы, на которые и сам Перфильев не мог ответить. Он видел, что Овчинников не верит его словам, что его допрашивают, в нем сомневаются, и тогда он решился во всем признаться откровенно.

– Я прислан от графа Орлова, – говорил Перфильев, – вас, казаков, уговаривать, чтобы вы отстали от самозванца и его связали. Если казаки это сделают, то государыня обещает не только прощение, но и милость такую, чтоб остаться нам при старых обрядах.

– Слушай, Афанасий! Коли бы ты не был мне знаком, – говорил на это Овчинников, – и я бы тебя не любил, то тотчас бы сказал государю. Но мне жаль тебя; плюнь ты на все это и служи нашему батюшке верно. Он нам оказал уже милости: пожаловал нас водами и сенокосами, крестом и бородой и обещает нам еще жалованье – чего же больше. Он точный государь Петр III, мы довольно в сем уверены. Вольно же им называть его Пугачевым, пусть называют как хотят. Они скрывают прямое его название от простых людей, а на обещание их смотреть нечего, довольно мы от них потерпели. Теперь мы сами все в своих руках иметь будем; теперь, брат, мы сами резолюции делаем. Полно, перестань и не моги ты никому об этом [о поручении] сказывать; служи верно государю и скажи ему прямо, зачем сюда прислан.

В тот же день Овчинников представил приехавшего самозванцу.

«Коль скоро взглянул на злодея, – показывал впоследствии Перфильев, – то в сердце кольнуло, что не государь он, а какой ни есть простой мужик, однако ж поклонился злодею в ноги».

– Откуда ты? – спросил Пугачев.

– Из Петербурга, – отвечал Перфильев.

– Зачем ты был в Петербурге?

– Я, батюшка, для войсковой просьбы туда ездил, да не дождавшись резолюции, прослыша про ваше величество, что вы здесь, оставя просьбу свою, бежал сюда к вам и хочу служить вашему величеству верою и правдою.

– Полно, так ли, – заметил Пугачев, – не шпионничать ли пришел и не подослали ли тебя меня извести?

– Нет, ваше величество, я, право, отнюдь против вас не имею никакого злого намерения, сохрани меня Господи! А приехал, чтоб усердно вам служить.

– Ну, когда это правда, так служи мне, как и другие ваши казаки служат, и я тебя не оставлю.

По возвращении Перфильева Овчинников спрашивал его: сказал ли он Пугачеву, зачем прислан.

– Нет, не сказал.

– Так поди же скажи, а то как проведает помимо меня, тебе хуже будет.

На другой день Перфильев опять отправился к самозванцу.

– Что скажешь? – спросил Пугачев.

– Виноват я пред вами, – говорил Перфильев, кланяясь в ноги, – что вчера вам правды не сказал и от вас ее утаил.

– Бог простит, коли винишься, но скажи, что от меня утаил?

– Я был в Петербурге, и оттуда государыня послала меня на Яик и велела все яицкое войско уговаривать, чтоб оно от тебя отстало, пришло бы в повиновение ее величеству, а тебя бы связали и привезли в Петербург.

– Ну вот, ведь я угадал вчера, что ты прислан со злым намерением, – сказал самозванец. – Но я не боюсь ничего и думаю, что мне никто дурного не сделает.

– Я с тем и на Яик ездил, – продолжал Перфильев, – и об оном Симонову рассказал. Симонов меня сюда, а товарища моего, который со мной из Петербурга приехал, к Толкачеву послал уговаривать казаков. Но я этого, так и товарищ мой делать не хотим, и сохрани меня Бог! Я никак не думал сие против вас делать, а желаю служить вам верно.

– Поди и служи, – сказал Пугачев, – вот ужо я с теми, которые тебя послали, расправлюсь. А что про меня говорят?

– Да бог знает, батюшка, слыхал в кабаках от черни, да и то не въявь, а тихонько говорят, что явился около Оренбурга император Петр III и берет города и крепости…

– Это правда, – перебил его Пугачев, – ты сам видишь, сколько взято крепостей, а народу у меня как

песку. Дай сроку, будет время, и к ним в Петербург заберемся, моих рук не минуют. Я знаю, что вся чернь меня с радостью везде примет, лишь только услышит. Теперь в Петербурге вам просить уже нечего, мы и без просьбы с ними разделаемся. Что говорят про меня бояре в Петербурге?

– Бояре меж собою шушукаются, и собираются они, да и государыня ехать за море.

Пугачев улыбнулся; он знал, что Перфильев врет.

– Ну, бояре-то таковские, – заметил самозванец, – а государыне-то зачем ехать – я не помню ее грубостей, пусть бы только она пошла в монастырь. Каков Павел Петрович?

– Хорош и велик; он уже обручен.

– На ком?

– На какой-то из немецкой земли принцессе, и зовут ее Наталья Алексеевна.

Пугачев сделал вид, будто крайне обрадован этим известием, напоил Перфильева допьяна, подарил ему кармазинный красный кафтан, тринадцать рублей денег и своего серого коня.

«После сего, – показывал Перфильев[809], – ни одного казака уже не склонял, да и из сердца своего все объявленное от графа Орлова повеление истребил, а только думал и старался о том, чтобы показать злодею услугу, а через то и быть большим человеком».

Воспользовавшись прибытием Перфильева, самозванец и его сообщники стали распускать слух, что в Берду приехал из Петербурга посланный с известием, что цесаревич Павел Петрович идет навстречу к своему отцу с большим войском и тремя генералами. Спустя несколько дней, а именно 9 декабря, Пугачев с толпой тысячи в две подошел к Оренбургу, чтобы показать Перфильева тем яицким казакам, которые знали о посылке его в Петербург, находились в крепости и остались верными правительству.

Выехав вперед, Перфильев намерен был войти в переговоры с казаками, собравшимися на валу.

– Угадываете ли вы, казаки, – кричал он, – кто я?

– Мы видим, что ты казак, – отвечали из крепости, – но кто ты таков – не знаем.

– Я Перфильев, был в Петербурге и прислан оттуда к вам от Павла Петровича с тем, чтобы вы шли и служили его величеству Петру Федоровичу.

– Коли ты подлинно прислан с этим от Павла Петровича, так покажи нам руки его хотя одну строчку, и тогда мы тотчас все пойдем.

– На что вам строчка? – кричал Перфильев. – Я сам все письмо.

Казаки не поверили; в одну из куч было пущено ядро из крепости, и толпа мятежников возвратилась в лагерь без всякого успеха[810], а в Оренбурге в этот день было получено известие, что Кар отступил по новомосковской дороге[811], и, следовательно, рассчитывать на его помощь было нечего.

Рейнсдорп принужден был теперь сознаться, как опрометчиво поступил он, отказавшись от содействия и помощи, предложенных ему Деколонгом. Оренбургский губернатор оправдывался тем, что «скорее им [генерал-майорам Кару и Фрейману] с войсками, нежели сибирскому корпусу прибыть сюда уповал. Только к крайнему моему сожалению, – прибавлял он[812], – реченных генерал-майоров не только поныне сюда дождаться, но по неоднократным моим чрез нарочных предложениям и уведомления от них получить не могу, где они и в каком состоянии находятся. По причине чего, *будучи со мнением вашего превосходительства весьма согласен*, прошу для содействия здешним войскам корпус под предводительством генерал-майора Станиславского или кого другого отправить сюда весь совокупно, ибо отправление раздробленное подвергается крайнему предосуждению».

Сообщая Деколонгу, что город Оренбург крайне нуждается в продовольствии и что запасов может хватить не более как на месяц, Рейнсдорп просил заготовить провиант в Исетской провинции и прислать его с отрядом Станиславского.

Почти поголовное восстание башкирцев, их грабежи и разорение русских селений лишили Деколонга всякой возможности оказать какую-либо помощь Оренбургу. Опасаясь за город Челябинск и екатеринбургские заводы, Деколонг принужден был прикрывать их и принять меры к их охранению. «Сверх того, – писал он[813], – за сожжением башкирцами по линии почти всех редутов и по неимению подвод, по нынешнему зимнему холодному времени маршировать к Оренбургу между крепостями, совсем нежилыми местами, слишком по семидесяти верст должно с великим для солдат изнурением».

Таким образом отказ Деколонга лишал Рейнсдорпа последней надежды на скорую помощь. Защита города предоставлялась собственным средствам гарнизона, и освобождение его от осады откладывалось на неопределенное время.

Глава 25

Положение генерал-майора Кара и его отряда. – Просьба о присылке подкреплений. – Отступление к Бугульме. – Отъезд Кара в Петербург для объяснений с графом Чернышевым. – Состояние Казанской губернии. – Прибытие Кара в Москву. – Толки в Первопрестольной столице. – Смена Кара. – Неудовольствие императрицы.

После неудачи, испытанной в деле под деревней Юзеево, генерал-майор Кар признавал невозможным какое бы то ни было наступательное движение с теми силами, которые были в его распоряжении. Правда, что на подкрепление его прибыли два орудия с прислугой и 500 человек башкирцев и мещеряков, но все это не улучшало положения отряда. Башкирцы и мещеряки хотя и уверяли, что готовы служить, но когда им приказано было расположиться верстах в двадцати от отряда для разведывания о неприятеле, то старшины просили оставить их лучше в той деревне, где стоит пехота и пушки. Такое подкрепление только обременяло отряд, а не усиливало его, и Кар решился просить о присылке к нему хотя по одному полку пехоты, карабинеров и гусар и 12 орудий с полным числом прислуги.

«Без того, – писал он[814], – с успехом поиски к истреблению бездельника Пугачева никакого способа не остается сделать. Собранной ныне разных команд пехотой не только атаковать всю злодейскую толпу, но и отделенные толпой, для грабительства и разорения, с пушками партии прогонять способу нет».

В самом деле, получаемые известия подтверждали, что толпа мятежников с каждым днем возрастает и что

самозванец располагает уже 70 орудиями, с значительными запасами пороха и снарядов. Хотя слухи эти во многом были преувеличены, но, не имея возможности их проверить, Кар не решался двинуться вперед. «Теперь принужден только *маячить*, – писал он графу З.Г. Чернышеву[815], – а к Оренбургу идти, то надобно всю собранную горстку людей, от морозов и злодейской канонады, бесплодно только потерять. В поле вышины занимать не можно, а в деревнях, по редкости их и по состоянию все в ямах, окруженных горами, никак держаться нет средств для того, что по чрезмерной стуже людей тотчас всех перезнобишь, без провианта и без выстрелов останешься».

Поставленный в затруднительное положение, Кар не находил ничего другого, как отступить к Бугульме и, прикрыв границы Казанской губернии, оставаться в таком положении до прибытия подкрепления, так как *«с одной пехотой предпринять ничего не можно, без совершенного ее изнурения и безо всякого успеха»* [816].

Предупреждая, что замедление в присылке войск затруднит в будущем прекращение волнений, и вместе с тем опасаясь, что правительство не оценит вполне положения дел под Оренбургом, генерал-майор Кар решился сам отправиться в Петербург для личных объяснений с графом Чернышевым.

«Пока еще следуемые войска сюда собираются, – писал он[817], – учредив все нужное, по обстоятельствам, в которых мы есть для переговору с вашим сиятельством о многих сего края подробностях, поруча команду генерал-майору Фрейману (который, мне кажется, человек хороший и ничего нужного к исполнению не упустит), намерен я отъехать в Петербург, *ибо то время, которое употреблю на езду свою и с возвратом, здесь безо всяких предприятиев протечет!»*

Заявление Кара не было одобрено в Петербурге, и граф Чернышев в день получения письма отправил

курьера с требованием, чтобы Кар не отлучался от своего отряда.

«Намерение ваше, – писал президент Военной коллегии[818], – чтоб оставя порученную команду ехать сюда, учинили вы неосмотрительно, и буде оное исполните, то поступите точно противу военных регул, и, для того сим предупреждая, рекомендую вам отнюдь команды своей не оставлять и сюда ни под каким видом не отлучаться; а буде уже в пути сюда находитесь, то где бы вы сие письмо ни получили, хотя бы то под самым Петербургом, изволите тотчас с того места, не ездя далее, возвратиться и как наискорее ехать к порученной вам команде, куда всемерно не замедлится доставлена вам быть вся требуемая ныне и впредь по представлениям вашим резолюция».

Генерал-майор Кар не дождался ни резолюции, ни этого письма. Дойдя до селения Шалты и почувствовав «во всех костях нестерпимый лом», доведший до того, «что и последние силы терять начал», он сдал 18 ноября начальство над отрядом генерал-майору Фрейману. Приказав ему остановиться в Бугульме и, расположившись там на зимние квартиры, ожидать подкреплений[819], Кар уехал в Казань, где своим появлением произвел переполох среди населения.

Еще задолго до приезда Кара жители Казани находились в большом страхе, и «вестей у нас, кроме худых, иных нет, – писал Платон Любарский Н.Н. Бантыш-Каменскому[820], – и народ в крайнем смущении, как во тьме находится». По городу ходили самые нелепые и преувеличенные слухи об успехах Пугачева и об опасности, угрожающей населению. 3 ноября преосвященный Вениамин получил вышеприведенное нами письмо императрицы и тотчас поручил Платону Любарскому составить увещание к народу. 4 ноября оно было уже написано и разослано во все места епархии[821].

Напомнив о бедственных для России временах Гришки Отрепьева и Стеньки Разина, преосвященный Вениамин в послании к своей пастве убеждал население, что Пугачев есть самозванец и похититель чужого имени. Находясь в Петербурге[822], будучи очевидцем и участником при погребении императора Петра III, казанский архиепископ писал своей пастве, что тело покойного императора было при нем привезено на утренней заре в Александро-Невский монастырь, стояло в тех самых покоях, где жил преосвященный, и что на его глазах приходили к покойному для отдания христианского долга вельможи и люди всех званий. Преосвященный Вениамин свидетельствовал, что в сопровождении многочисленной толпы народа тело императора Петра III перенесено из его покоев в церковь, там отпето *и самим им запечатлено земной перстью.*

Архиепископ казанский просил своих духовных детей не верить никаким разглашениям. «Твердитесь разумом, – писал он в своем послании, – бодрствуйте в вере, стойте непоколебимо при присяге, яко и смертью запечатлети вам любовь и покорение к высочайшей власти. Мужайтесь против всех ратоборцев, льстецов и нарушителей общие тишины и благоденствия, утверждайтесь и утверждайте в благодушном повиновении, Господа ради, аще ли монархине яко законной преобладающей, аще ли князем, яко от нее посланным…

Препоясаша чресла ваша истиной, примите в защищение правды вся оружия Божия, яко возмощи вам противу кознем дьявольским, противу нарушителей веры и преданий церковных, противу хулителей чести и похитителей власти царской; словом, противу всех безумных свободолюбцев, покой души и жизни вашей, також чин государственный дерзостно возмущающих».

В это время никаких достоверных известий из Оренбурга не было, а слышно только было, что генералы Кар и Фрейман с отрядом стояли во ста верстах от самозванца, который, гуляя свободно между Оренбургом и Сакмарским городком, вовсе не опасался приближения правительственных войск.

«Удивления достойно, – прибавлял Платон Любарский, – что злодей свободно фуражирует, заводы и селения грабит, из заводских крестьян шайку свою приумножает, плевелы в околичностях не без успеха рассевает. С нашей же стороны доселе ни препятствия, ни поиску, ни поимки для получения о состоянии его толпы известия не учинено. Из Ставрополя уведомляют, что отправленные в сикурс нашим калмыки вреда окольным селениям причинили и причиняют много».

Казанский губернатор все еще находился в Кичуевском фельдшанце и распоряжался ничтожным отрядом майора Астафьева, разбросанным по постам небольшими частями. «У прикрытия границ казанских, – писал Платон Любарский[823], – принял команду здешний обер-комендант Лецкий; в его распоряжении состоят закамские дворяне с дворовыми своими людьми, экономические, дворцовые и ясашные крестьяне, чуваши, черемисы и прочая мордва, вооруженные луками, рогатинами, ножами, топорами и проч.».

Это ополчение не внушало к себе особого доверия, а других войск в Казани не было. Город был наполнен конфедератами, возвращаемыми из Сибири; в нем было до 2 тысяч колодников и ожидалось еще 700 человек из Москвы. Прибытие этой партии крайне затрудняло губернское начальство, тем более что по случаю прекращения сообщений в ближайших к Казани селениях было уже размещено до 4 тысяч человек, назначенных для отправления в Сибирь на поселение. Все это были люди, ожидавшие только случая перейти на сторону Пугачева и радовавшиеся каждому успеху

его сообщников. Для присмотра за ними в Казани оставалось лишь несколько дряхлых и раненых солдат, да и те несли караульную службу почти бессменно.

Находясь в таком положении, жители Казани узнали сначала о неудаче, постигшей Кара, а затем, в половине ноября, было получено сведение, что более трехсот яицких казаков и калмыков с двумя орудиями появились на Самарской линии, захватили команду в 60 человек с двумя офицерами и направились к Бузулукской крепости, с целью ворваться в места более населенные и склонить жителей к восстанию [824]. Таким образом, опасность стала угрожать и Казанской губернии. В Казань возвратился генерал-поручик фон Брандт; а почти вслед за ним приехал и генерал-майор Кар. Толки в городе усилились и были не в пользу правительства.

«По привычке многих легкомысленных людей, – доносил Брандт[825], – к ложным и пустым разглашениям, такие, по возвращении моем из Кичуевского фельдшанца, услышал я здесь разносящиеся о касательствах до известной злодейской толпы слухи, что к удержанию сего в народе неистовства и к сохранению желаемой общей тишины необходимо должно здешний город укрепить сколь можно военными командами».

Когда прибудут такие команды, да и прибудут ли еще – никто не знал, и ввиду угрожающей опасности все дворянство Казанского и Симбирского уездов стало переселяться в Москву и в ближайшие к ней уезды. Имения оставлялись без всякого присмотра, а простой народ «без надежного обуздания»[826]. Воспользовавшись свободой, крестьяне грабили дома своих господ, и беспорядки в крае стали распространяться все шире и шире. Прекратить их и восстановить спокойствие было некому. Уполномоченный правительством генерал-майор Кар

отдал генерал-майору Фрейману категорическое приказание не предпринимать ничего до прибытия подкреплений[827], а сам, пробыв в Казани два дня, уехал в Москву.

«По осмотре лекарем, – писал он графу Чернышеву, – открылась, к несчастью моему, еще фистула, которую без операции никак излечить не можно. К тому ж в бытность мою здесь не только облегчения ни малейшего не получил, а время от времени большее умножение той моей болезни следует. По неимению же здесь нужных лекарств и искусных медиков, вышед из терпения и опасаясь большего от застарелости мучения, решился для произведения сей операции ехать в Москву, уповая на милость вашего сиятельства, что вы между тем по посланному от меня в государственную Военную коллегию рапорту, требуемую мной о позволении сем резолюцию прислать соизволите, дабы тем, в случае иногда от моих злодеев в другую сторону толков, отвратить было можно могущий вред»[828].

Прося разрешения Военной коллегии на отъезд в Москву, Кар не думал покидать отряд, а намерен был только воспользоваться тем временем, пока собираются отправленные к нему подкрепления[829].

23 ноября он выехал из Казани, а 29-го числа, в 30 верстах от Москвы, встретился с курьером, везшим ему письмо графа Чернышева, запрещавшее отлучаться от отряда. Копия с этого письма была отправлена и князю Волконскому с просьбой ни в каком случае не пропустить Кара в Петербург и с этою целью «наблюсти на почтовом дворе и где следует, чтобы он, не быв у вашего сиятельства, Москвы проехать не мог»[830].

Больной и в горячке, Кар не исполнил приказания президента Военной коллегии и в тот же день приехал в Первопрестольную столицу.

«Приезд сюда г. Кара, – писал князь М.Н. Волконский графу Чернышеву[831], – худые толкования в публике здесь произвел, как в положении оренбургских дел, так и его персоны, что я сердечно сожалею».

Императрице также был весьма неприятен поступок Кара, дававший повод к разного рода толкам, и в особенности там, где толки эти были наиболее опасны. Тогдашняя Москва еще не оправилась от чумы, и всем памятны были только что усмиренные волнения черни. Интеллигентное население Первопрестольной столицы состояло в большинстве из лиц недовольных правительством, почему-либо удалившихся от двора или вышедших в отставку. Во главе их стоял граф Петр Иванович Панин. Считая себя недостаточно награжденным после штурма Бендер, он просил об увольнении его от службы.

«Командующий нашей армией генерал граф Панин, – сказано в указе Сенату[832], – всеподданнейше нас просил об увольнении от воинской службы и всех дел, по причине умножающихся от понесенных им в нынешнюю кампанию трудов, болезненных припадков, которые так усилились, что привели его в несостояние продолжать оные. Сколь ни велики его усердие и ревность к нам и Отечеству, мы, приемля таковое прошение, всемилостивейше увольняем его по его желанию.

В знак же нашего монаршего к нему благоволения, за долговременную его службу и знаменитые услуги, повелеваем нашему Сенату производить ему по смерть полное по его чину жалованье вместо пенсиона».

Оставив службу, граф Панин поселился в своем подмосковном имении, где и построил подобие Бендерской крепости. Порицая многие распоряжения правительства и будучи сторонником державных прав великого князя Павла Петровича, граф П. Панин обращал на себя внимание императрицы, и она поручила начальнику Москвы зорко следить за его поведением.

«Здесь слух носится, – писала императрица князю Волконскому[833], – что Петр Панин, живучи в деревне, весьма дерзко врет, и для того пошлите туда кого-нибудь надежного выслушать его речей, и если что-нибудь такое иногда услышите, чего бы могло объяснить каких ни есть непозволительных обращений здесь [в Петербурге] или у вас, то дайте мне наискорее узнать, дабы я могла усмирить мне непокорных людей, в чем на вашу мне известную верность весьма полагаюсь.

Для большего объяснения я вам на ушко скажу, что я здесь на примете имею двух негодных молодцов, что выйдет – не знаю. Я за ними примечание имею. Не объясните ли вы сие, ибо болтун всего болтает, а шайка кажется их. Прошу все сие весьма скрыть, чего до времени нужно, чтобы не обидеть людей понапрасну, так как и самим не остаться в расплохе».

«Что касается до дерзкого, вам известного, болтуна, – писала Екатерина в другом письме князю Волконскому [834], – то я здесь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если он не уймется, то я принуждена буду его унимать наконец. Но как богатством я брата его [графа Никиту Ивановича] осыпала выше его заслуг на сих днях, то чаю, что и он его уймет же, а дом мой очистится от каверзы».

Тайное расследование князя Волконского и посылка надежного человека в подмосковное имение графа П.И. Панина показали, «что сей тщеславный самохвал много и дерзко болтает», что всех и все критикует; но с некоторого времени «гораздо утих и в своем болтаньи несколько скромнее стал». Известие о наградах, пожалованных брату, граф П. Панин принял равнодушно, стал более задумчив и собирался ехать в Петербург, но разрешения не получил, так как происшествия под Оренбургом заставили императрицу, в интересах сохранения власти, обратить особенное внимание на недовольных и ни в каком случае не

сосредоточивать их вокруг себя. Всех таких лиц князь Волконский советовал не приближать ко двору, а, напротив того, рассеять по разным местам. «Ежели смею, всемилостивейшая государыня, – писал он[835], – по моей беспредельной верности и искренно-усердной к освященной вашей особе преданности, мое мнение сказать, кажется, лучше б всего как наискорее отлучить от Двора и от обеих резиденций всех суспектных [подозрительных] людей тем или другим образом и шайку сию рассыпать, то все так и кончится. Я ничего иного на сердце не имею, невзирая ни на что, как службу вашего императорского величества. Воля ваша государская – мне закон и высокие повеления ваши – мне предел, его же не преступлю».

Руководимый такими началами, князь Волконский старался разведать, что станут говорить о приезде Кара люди разных партий, и скоро убедился, что москвичи встретили приехавшего весьма неприязненно. Оно иначе и быть не могло. Кар был послан на защиту помещичьих интересов, – был послан усмирить население, искавшее свободы от крепостной зависимости и от заводской работы. Он не исполнил поручения, не усмирил волнений и, следовательно, достоин осуждения. Все порицали Кара, но в чем он виноват – никто не мог дать себе ясного отчета.

– Какой это генерал, – говорили одни, – что не мог с такими бездельниками управиться и сам сюда ушел! Его надобно бы было повесить.

Другие, не столь скорые в своих приговорах, называли Кара только трусом, говорили, что его надобно отдать под суд, и все толковали об оренбургских происшествиях. Приезжие из Казани привозили по большей части известия столь тревожного свойства, что князю Волконскому приходилось уверять москвичей, что дела вовсе не так дурны.

«Я теперь, всемилостивейшая государыня, – писал он[836], – стараюсь публику уверить, что оренбургские дела никакого уважения не заслуживают и никаких худых следствий ожидать не можно, а что только шайка никуды годных людей собралась, которая вскоре истреблена будет, а Кару я чрез обер-полицмейстера велел сказать, чтобы как он сам о тамошних делах ничего ни с кем, а по малой мере предосудительного, не говорил, так бы и людям своим запретил».

В ответе на это императрица просила князя Волконского послать сказать Кару, чтоб он не дерзнул показаться ей на глаза и ехать в Петербург. «А если, – прибавляла императрица[837], – на Москве от его приезда болтанья умножились, то обновите из Сената указы старые о неболтании, каковых много есть и в прежние времена, и при мне уже часто о сем обновлялась память и с успехом».

Находя, что оренбургские дела «худым поведением Кара более испорчены, нежели поправлены», императрица приказала исключить его из службы, «ибо, – писала она князю Волконскому[838], – в нужное время не надобно, чтобы больной и трус занимал место и получал жалованья».

«Рапорты ваши из Казани, – писала Военная коллегия генерал-майору Кару[839], – исправно в коллегии получены и ее императорскому величеству всеподданнейше представлены были. Ее императорское величество высочайше усматривая из оных, что в самое то время, когда предстал подвиг должному вашему к службе усердию и мужеству, когда высочайшей ее доверенности надобно вам было соответствовать ревностью своей к отечеству, и когда не насилие только некоторое здоровью своему сделать обязывали вас долг и присяга, но в случае неизбежности не щадить и живота своего, вы, о болезненном себе сказавши припадке, оставили самим вам *известной важности пост*,

сдали тотчас порученную вам команду и самовольно от оной удалились.

По такой слабости духа, в персоне звания вашего примером для подчиненных своих быть долженствующей, и не находит ее императорское величество прочности в вас к ее службе, высочайше повелевая Военной коллегии из оной вас уволить и дать вам апшид».

Кар был уволен. Чрезвычайные обстоятельства вызвали наказание за поступок, который при других условиях считался делом весьма обычным. Самовольная отлучка начальника от вверенного ему отряда, конечно, должна считаться преступлением с точки зрения военной дисциплины, но не только в те, а и в позднейшие времена подобные отлучки практиковались нередко, никому не казались странными, и ни наказаний, ни даже выговоров не вызывали. Уезжая в Казань и далее, генерал-майор Кар вывел отряд из опасного положения и не слагал с себя ни ответственности, ни возложенной на него обязанности. Очутившись лицом к лицу с неприятелем, он видел истинное положение дел, не имел основания презирать врага, как презирали его в Петербурге и не считал возможным с ничтожными силами ему данными исполнить инструкцию Военной коллегии, требовавшей, чтоб он старался «как самого Пугачева, так и злодейскую его шайку переловить».

Зная из опытов прошедших войн, как трудно самым лучшим войскам, предводимым гениальными полководцами, иметь дело с народной войной, нельзя обвинять Кара в бездеятельности или трусости, но необходимо сказать, что полуторатысячному отряду без кавалерии и самого разнохарактерного состава трудно было не только переловить, но и разогнать толпу, состоявшую из нескольких тысяч человек, преимущественно конных. Кар понимал, что окружен со

всех сторон враждебным населением и в каждом простолюдине должен был видеть пугачевца. Он видел, что в Петербурге высшие правительственные лица были совершенно незнакомы с особенностями Заволжского края и вовсе не понимали тех важных и серьезных последствий, которые могли произойти от распространения волнений. Он просил о скорейшем подкреплении его войсками, но президент Военной коллегии граф Захар Григорьевич Чернышев, ограничившись первыми сделанными распоряжениями, успокоился и не оказывал никакой помощи. Он не послал в помощь Кару ни одного солдата даже и тогда, когда ему указывали на необходимость отправления кавалерии. «По мнению моему, – писал князь Волконский[840], – надо туда конницы побольше, а на тамошних надеяться нельзя и употреблять их не надо; они все к злодею перебегут, будучи заражены». Граф Чернышев отвечал, что он признает это мнение основательным, «в чем теперь, – говорил он, – и упражняюсь». Но упражнения эти были слишком медленны, и Чернышев был более погружен в политические интриги, чем заботился о внутренних делах и о более добросовестном исполнении обязанности президента Военной коллегии. Делая распоряжения, он не имел времени узнать, насколько исполняются отдаваемые им приказания. Так, отправленные из Петербурга два орудия, дойдя только до Москвы, остались без колес и лафетов, которые рассыпались. Чтобы не задерживать дальнейшее их отправление, князь Волконский приказал положить орудия на сани и отправил в таком виде в Казань. Он принужден был снабдить сопровождавшего их офицера прогонными деньгами и порохом, так как ни того ни другого в Петербурге отпущено не было[841].

Видя бездеятельность коллегии, генерал-майор Кар просил помощи у казанского губернатора, а генерал-

поручик фон Брандт, как сам не имевший никаких средств, писал о том же в Москву князю Волконскому. Последний 23 ноября отправил в Казань 200 человек пехоты и сам остался только с таким гарнизоном, который необходим был для содержания самых важных караулов. Князь Волконский опасался, что тех сил, которые были даны Кару, будет недостаточно для подавления восстания. «Я думаю, – писал он императрице[842], – весьма б надобно *нарочитый корпус целыми полками туда отправить*, чтоб скорым разрушением бунтовщиков сие зло до дальнейшего распространения не допустить».

Всякое промедление в отправлении войск обходилось дорого, и каждая минута подрывала правительственную власть в самом ее корне. Восстановление этой власти возможно было только при самых энергических мерах и при силе, превосходящей средства мятежников. Но за Волгой не было других войск, кроме гарнизонных, неподвижных и никуда не годных батальонов, а отправленные подкрепления могли прибыть на место действий лишь в январе 1774 года. Зачем они посылались? Если правительство смотрело на Пугачева как на простого разбойника и поручало Кару переловить его шайку, то подкрепления эти должны были опоздать и не могли принять участия в ловле. Если же восстание в глазах президента Военной коллегии было делом серьезным, то более чем странно дозволение развиваться мятежу до января месяца, то есть до сосредоточения войск в руках начальника, посланного усмирить волнение и уничтожить беспорядки в крае. До сосредоточения своих сил Кару приходилось, по его выражению, *маячить* или, другими словами, оставаться в бездействии и издали смотреть, как мятеж будет распространяться все шире и шире. Такое положение было тяжело и невозможно для человека энергичного, каким был Кар, и понятно, что он

решился ехать в Петербург, чтоб рассеять ложный взгляд на совершающиеся события и сколь возможно скорее усилить свои боевые средства. Мало знакомый с действительным ходом бунта, Пушкин, говоря об отъезде Кара, голословно обвиняет его в трусости, называет Пугачева презренным и, подобно современникам, силы его ничтожными. На самом деле Кара следует упрекнуть не в трусости, а в отсутствии сознания, что при тогдашнем положении внутренних и внешних дел появление его в Петербурге будет крайне неприятно. В столице тщательно скрывали все, что могло, хотя временно, ослабить уверенность в величии и силе России, а следовательно, и то, что происходило под Оренбургом. Приезжающих курьеров приводили прямо в Сенат, где допрашивали, что видели и слышали, а затем обязывали подпиской, что ни слова и никому рассказывать не будут. Понятно, что при таких условиях, лишь только 25 ноября было получено письмо, в котором Кар выражал желание приехать в Петербург, его участь была уже решена. «Кару не суще удачно было, – писала в этот день императрица С.М. Козьмину[843], – он был окружен, людей немалое число потерял; у злодея, сказывают, 70 пушек. Я посылаю Бибикова с тремя полками. Кар, потеряв трамонтан [сбившись с толку], сюда скачет».

Таким образом, Кар сделался жертвой не своих ошибок, а бездеятельности Военной коллегии и президента ее, графа Захара Григорьевича Чернышева. Преемнику Кара пришлось также долго *маячить*, прежде чем он мог двинуться вперед.

Глава 26

Назначение А.И. Бибикова для усмирения волнений. – Посылка новых полков на театр действий. – Второй манифест императрицы. Права и власть, предоставленные новому главнокомандующему. – Меры правительства относительно колодников и конфедератов. – Образование секретной комиссии.

Остановив Кара в Москве, правительство лишило себя возможности узнать истинное положение дел и все-таки не могло скрыть от большинства населения столицы и представителей иностранных дворов то, что происходило под Оренбургом.

«Все известия касательно мятежа в Оренбургской губернии, – писал сэр Роберт Гуннинг[844], – по возможности сохраняются в тайне, но я почти не сомневаюсь в том, что известия эти чрезвычайно неблагоприятны и что город Оренбург находится в большой опасности попасть в руки инсургентов».

По Петербургу ходили самые разнообразные и преувеличенные слухи, в которых даже и такие лица, как английский посланник Гуннинг, не могли отличить правды от неправды. Рассказывали, что во главе восстания находятся искусно переодетые три гвардейских офицера, «изгнанные отсюда в продолжение нынешнего царствования», что мятежники захватили какие-то серебряные рудники, что опасаются, как бы они не овладели всеми остальными и пр.

Правительство не имело средств опровергнуть эти слухи, более потому, что получаемые официальным путем известия были разноречивы, неутешительны и, по

словам того же Гуннинга, возбуждали сильное беспокойство императрицы и ее министров.

«Вчерась, – писала Екатерина князю Волконскому[845], – я от генерал-майора Фреймана видела рапорта, будто они [мятежники] и Уфимского города атаковали, в котором тысяч с пятьдесят денег и пороховой магазин. Бог весть чем сие кончится; может статься, что и сами разбегутся. Я зачинаю походить приключениями моего века на Петра I, но что Бог ни даст, по примеру дедушкину, унывать не станем».

В Петербурге сознали теперь, что несчастие это явилось вследствие небрежности и недостатка распоряжений. «Всего более, – писал Гуннинг, – осуждают графа Захара Чернышева». Императрица была также недовольна его деятельностью и, избрав генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова командующим войсками, назначенными для действия против мятежников, потребовала от президента Военной коллегии самых энергичных действий.

27 ноября курьеры везли уже приказание: Изюмскому гусарскому (из Ораниенбаума), 2-му гренадерскому (из Нарвы) и Владимирскому (из Шлиссельбурга) пехотному полкам выступить как можно скорее в поход и следовать через Москву в Казань. Полки эти признано теперь необходимым передвинуть при помощи ямских и обывательских подвод и потом разрешено каждому пехотному полку брать по 200, а гусарскому по 100 лошадей за прогоны[846]. В тот же день приказано послать из Санкт-Петербурга в Казань на почтовых, ямских и обывательских подводах шесть шестифунтовых пушек, с полным числом прислуги[847], а командующему войсками в Польше генерал-поручику Романиусу отправить Санкт-Петербургский карабинерный и Чугуевский казачий полки в Смоленск, а три эскадрона Венгерского гусарского в Петербург[848].

На другой день, 28 ноября, собрался Государственный совет, в заседании которого присутствовала и императрица. Она выразила опасение, что войска не успеют прибыть вовремя и что Оренбург долго не удержится, по причине недостатка хлеба на содержание жителей. Граф Чернышев уверил, что чрез два месяца войска будут на месте, и поручился, что оренбургский губернатор будет держаться до крайности. Так как последний был заперт в крепости, то императрица возбудила вопрос: следует ли для управления гражданскими делами отправить в Оренбургскую губернию особое лицо, облеченное властью губернатора, или подчинить все тамошние места генерал-аншефу Бибикову. При этом она выразила справедливое опасение, чтобы между двумя начальниками не произошло несогласия. Совет, имея в виду, «что все тамошние места или заражены теперь возмущением, или колеблются, следовательно, и не могут без воинской помощи управляемы быть», признал посылку туда губернатора делом совершенно ненужным.

После решения этих вопросов в заседание совета был приглашен А.И. Бибиков, и при нем прочтен всем известный манифест[849], в первоначальной редакции которого, между прочим, говорилось: «Содрогает дух наш от воспоминания времен *Годуновых и Отрепьевых*, посетивших Россию бедствиями гражданского междоусобия… когда от явления *самозванца Гришки-расстриги и других ему последовавших* обманщиков и предателей, города и села огнем и мечом истребляемы, кровь россиян от россиян же потоками проливаема, все союзы, целость государственную составляющие, собственними же руками россиян вконец разрушаемы были».

При чтении этой части манифеста граф Чернышев и князь Григорий Григорьевич Орлов заявили, что им

кажется слишком преувеличенным уподоблять настоящее возмущение древнему нашему междоусобию, а Пугачева – Гришке-расстриге. «Тогда, – говорили они, – все государство было в смятении, а ныне одна только чернь, да и то в одном месте; такое сравнение может привести на память столь неприятное происшествие и возгордить также мятежников».

Императрица отвечала, что ей пришло на мысль сделать такое уподобление с целью возбудить в народе большее омерзение к возмутителю, но что она снова его просмотрит и если признает нужным, то и изменит. При вторичном просмотре императрица исключила слова «Годуновых и Отрепьевых», а вместо слов «самозванца Гришки-расстриги и других ему последовавших» написала: *многих самозванцев*, и в таком виде манифест был утвержден и передан Бибикову[850].

По прочтении манифеста Государственный совет слушал инструкцию, предоставлявшую Бибикову полную власть в способах укрощения мятежа, открытый указ, коим подчинялись ему все власти, военные, духовные и гражданские, и, наконец, объявление, обещающее награждение тем, кто доставит Пугачева живого или мертвого.

Поводом к составлению такого объявления послужило только что полученное генерал-прокурором письмо астраханского губернатора П. Кречетникова.

«В надежде вашей ко мне милости, – писал он князю Вяземскому[851], – осмеливаюсь мою мысль сказать: я бы думал, не было бы бесполезно, если бы назначить какую знаменитую сумму денег и прощение его сообщникам, кои бы только его, Пугачева, живого выдали или б по крайности и мертвого. Казалось бы, чтоб из тех плутов могли таковые найтиться. Другое: может, бы мог найтиться из отважных людей и таковой, коему позволить к нему предаться, опоруча его домом и семейством, чтобы, войдя к нему [Пугачеву] в услугу, его

убил или бы, подговори других, выдал. Буде бы таковой обещавшийся и солгал, то от одного человека знатные опасности произойти не может. Сие вашему сиятельству донеся, желал бы знать ваше на то повеление, но как отдаленность далека, то сведав, где г. Брандт, о сем с ним списываться буду и требовать его о том мнения. Я признательно вам донести имею, что сей злодей Пугачев столь мне нетерпим, что описать не могу, что такая злобная и неистовая тварь отважилась в отечестве столь нетерпимое зло произвести, то он всеконечно всякого рода искоренения достоин».

Имея в виду, что для уговора казаков выдать Пугачева были уже отправлены Перфильев и Герасимов, императрица находила несообразным с достоинством ее сана назначать награждение за доставление головы Пугачева и тем подавать повод к убийству. Она разрешила обещать награждение только за живого и заявила, «что то объявление об этом генерал Бибиков может сочинить сам». Тем не менее проект был составлен в Сенате, утвержден императрицей и прислан Бибикову[852]. Размер вознаграждения не был определен в объявлении, но впоследствии, как увидим, за голову Пугачева была обещана весьма значительная сумма.

Новый главнокомандующий был человек не случайный, но образованнейший и более других опытный деятель тогдашнего времени. Произведенный 7 июля 1746 года в инженер-прапорщики, А.И. Бибиков служил потом в Московском Сенате, участвовал в работах по Кронштадтской крепости, а затем переведен был в артиллерию и отправлен за границу, сначала в Саксонию, для изучения технической части артиллерии, а затем в Пруссию и Померанию, для собрания сведений о запасах продовольствия и расположения войск.

Будучи в чине подполковника и командуя 3-м мушкетерским полком, он участвовал в Семилетней войне и за личную храбрость в сражении под

Цорндорфом (14 августа 1758 года) произведен в полковники. В следующем году он был назначен комендантом города Франкфурта и, «отличаясь мягкостью характера, распорядительностью и умением обходиться, сделался любимцем жителей».

В 1761 году Бибиков, уже командуя пехотной бригадой, предпринял 1 сентября блестящее ночное нападение на отряд генерала Вернера, вышедшего из крепости Кольберга, разбил и захватил в плен самого начальника, с большей частью его отряда. По окончании войны, в феврале 1762 года, он был произведен в генерал-майоры и назначен шефом Черниговского пехотного полка.

Блестящие дарования молодого генерала обратили на себя внимание Екатерины II, и вскоре по вступлении на престол императрица отправила Бибикова в Холмогоры, для разузнания образа мыслей сосланного туда принца Антона Ульриха Брауншвейгского.

В декабре 1763 года императрица писала графу Захару Чернышеву: «Моя воля есть, чтобы генерал Бибиков здесь еще остался на месяц; мне в нем нужда»[853]. Нужда эта заключалась в том, что Бибиков был послан и с блестящим успехом окончил поручение по усмирению волнений заводских крестьян в Казанской и Симбирской губерниях. В 1767 году он назначен маршалом комиссии для сочинения проекта нового Уложения и во время путешествия императрицы в Казань находился в ее свите на галере «Волга»[854].

В промежуток времени с 1769 по 1771 год Александр Ильич был послан для осмотра Финляндии, потом жил в Санкт-Петербурге без дела и, наконец, был назначен присутствовать в Военной коллегии. За все это время императрица не прерывала сношения с Бибиковым и в отсутствие его из столицы вела с ним переписку.

В 1771 году он отправлен был в Польшу командовать войсками в самое трудное время первого оной раздела и

исполнил данное ему поручение с таким успехом, что получил орден Святого Александра Невского и чин генерал-аншефа.

В первой половине 1773 года положение наших дел с Турцией было не блестящее. Граф Румянцев принужден был, по недостатку войск, перейти обратно через Дунай и просить подкреплений. В это время польские дела были приведены уже к окончанию, и тогда граф З. Чернышев заявил, «что по настоящему положению польских дел можно послать в подкрепление первой армии несколько полков находящегося в Польше корпуса»[855].

Государственный совет согласился с мнением своего сочлена, и высочайшим указом 17 июля 1773 года повелено было Военной коллегии: генерал-аншефа Бибикова, с четырьмя пехотными, двумя карабинерными, одним гусарским полками и с пятьюстами донских казаков, командировать в первую армию под начальство генерал-фельдмаршала графа Румянцева. «При корпусе же войск наших в Польше, – писала императрица, – оставить командиром генерал-поручика Романиуса и отправить туда легион Петербургский да две легкие команды, в добавок к войскам, там находящимся. Башкирскую же тысячную команду возвратить в их жилища»[856].

Имея личные счеты и будучи в неприязненных отношениях с фельдмаршалом, А.И. Бибиков считал это назначение немилостью для себя и просил о дозволении приехать в Петербург, надеясь в столице выхлопотать себе другое назначение. «Если же и в сем мне откажут, – писал он графу Н.И. Панину [857], – то будьте уверены, что я, отслужа нынешнюю войну, не останусь ни на минуту в службе. Желания мои я ограничивать привык: прихоти, роскошь и пышность меня не удержат; возвращусь я к первобытности дворянского состояния и

буду тоже капусту садить, к которой и по окончании всего в жизни течения наши братья возвращаются».

Императрица разрешила Бибикову приехать в столицу на самое короткое время и с тем, писала Военная коллегия, дабы отправляемые в первую армию полки, которые поручите вы старшему из генерал-майоров, следования своего через то не остановляли»[858].

В сентябре Бибиков приехал в Петербург, а 29 ноября был назначен командовать войсками, отправляемыми для действия против Пугачева[859].

«Чем более интересует общее империи благо, – писала императрица[860], – безопасность, да и самую целость оной, скорое и совершенное прекращение сего важного зла до последних сто источников, тем надежнее избираем мы вас к тому, яко истинного патриота, коего усердие к особе нашей, любовь и верность к отечеству, ревность к нераздельной службе оного и нашей, также и отличные качества, способности и дарования испытаны уже нами во многих случаях».

Сосредоточивая в одном лице все средства и способы для усмирения взволнованного края, императрица предоставила Бибикову обширные полномочия. Все местные начальники: духовные, военные и гражданские подчинялись главнокомандующему и обязаны были исполнять его требования, как бы приказания самой императрицы, «дабы инако в делах комиссии его, которые для общего государственного блага и для восстановления драгоценного покоя толико нужны, никакого препятствия и остановки последовать не могло»[861].

В этих последних видах императрица советовала Бибикову, не ожидая сбора войск, отправиться немедленно в Казань, чтоб иметь время ближе познакомиться с положением дел, присмотреться ко всем движениям возмутителей и «познав прямо [точно]

их силы, их связь в земле, их ресурсы в пропитании, их внутреннее между собою управление, словом, физическое и моральное их положение во всех частях оного, после тем с большими выгодами поднять на них оружие и действовать наступательно с тою поверхностью, каковую мужество, просвещением и искусством руководствуемое, долженствует всегда иметь пред толпою черни, движущеюся одним бурным фанатизма духовного или политического вдохновением и помрачением».

По прибытии в Казань Бибиков должен был собрать к себе все дворянство Казанской губернии и, изобразив «тут же живыми красками настоящее бедственное состояние соседственного им края», потребовать его содействия в усмирении волнений. Содействие это могло выразиться вооружением некоторого числа людей и снабжением их всем необходимым. Имея в виду, что дворянство всегда было опорою престола, императрица выражала уверенность, что оно явится на помощь по первому требованию, тем более что в данном случае «интересованы в высшей степени собственная их и семей их личная безопасность, безопасность их имений, да и самая целость дворянского корпуса». Скрывая от большинства своих подданных все, что происходило под Оренбургом, императрица не находила нужным делать это относительно дворянства казанского, «ибо, – писала она, – не может им быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попадшиеся доныне, по несчастью, в руки мятежников, все без изъятия и без малейшей пощады преданы лютейшей и поносной смерти, которого жребия натурально и они все, один по другом, ожидать долженствуют, если б, от чего Боже сохрани, восстание и мятеж черни при самозванце Пугачеве, иногда собственным их нерадением и небрежением, мог переступить пределы Оренбургской губернии и заразить ядом своим Казанскую».

Что касается действий против мятежников, то Бибикову вменялось в обязанность прежде всего разослать печатный манифест, с целью открыть глаза «ослепленной черни и для испытания, не удастся ли сим способом кротости» и обещанием совершенного прощения «обратить на истинный путь если не всех, то по крайней мере некоторую часть сообщников самозванца Пугачева». Так как манифест этот решено было на первый случай публиковать в районе действий мятежников, то для большинства населения той местности он оказался совершенно непонятным и потому не имел никакого успеха. Излагая бедствия, которые испытала Россия от самозванца Лжедимитрия и возникших тогда междоусобий, говоря о том, что отечество наше едва не подпало под власть Польши и тогда греко-кафолическая вера подверглась бы «*римскому стулу*», Государственный совет, где составлялся манифест, упустил из виду, что он должен быть публикован почти исключительно среди раскольников, магометан и язычников. Население Казанской, Оренбургской и Астраханской губерний не имело ничего или весьма мало общего с остальной Россией, и защита православия, конечно, не входила в интересы магометан, была чужда для инородцев. К тому же написанный языком непонятным для простолюдина, манифест не мог произвести впечатления на население, не имевшее никакого понятия о политическом строе, искавшее только воли и материального обеспечения.

«Нескладный слог» воззваний самозванца, по выражению Бибикова, действовал на народ гораздо более, чем внушение о религиозном единстве и политической целости государства. Мы увидим ниже, как манифест был понят населением и какие распоряжения вызвал он со стороны Бибикова, хорошо понимавшего, что возникшие беспорядки надо на первых порах уничтожать силой и что без войск его

деятельность в крае будет бесплодна. Хотя в заседании Государственного совета 28 ноября было заявлено об отправлении нескольких полков, но А.И. Бибиков признал это недостаточным, и по его настоянию Военная коллегия приказала отправить: из Кексгольма в Казань Архангелогородский карабинерный полк, из Дерпта в Новгород Лейб-Кирасирский[862] и из Могилевской губернии в город Вязьму Владимирский драгунский полки[863]. Президент Военной коллегии требовал теперь от полковых командиров «наипоспешнейшего в пути следования» и сколь возможно скорейшего прибытия к месту назначения.

«О причине, по которой вы отправлены с полком, – прибавлял граф Чернышев каждому из полковых командиров[864], – не только не имеете вы нужды скрывать от ваших подчиненных, но, напротив, сказывать им, что сей им причиненный марш происходит от того, что бездельник-самозванец около Оренбурга проявился, который, делая разбои и грабительства, причиняет вред многим, и вы посланы не только сию плутовскую шайку рассеять, разбить и привесть в той стороне, под командою генерала Бибикова, все в совершенную тишину, но доставить верным подданным то спокойствие, которое ее императорское величество оным всегда желает и которое такими разбойниками, каков есть сей самозванец и плут, отъемлется, и что потому всякого такого ненавистника покоя должно военному человеку, во что бы то ни стало, низвергать и обращать в небытие».

Для ускорения всякого рода сношений повелено было по тракту от Москвы до Казани усилить число почтовых лошадей на станциях. «Пришло на ум, – писала императрица князю Вяземскому, – не худо бы, если бы на станции от Москвы до Казани поставили лошадей по сорок до февраля месяца, ибо посылок много быть может: все же и сие самое уже сделает в людях

импрессию о сильных мерах, кои берутся». Высочайшее повеление это князь Вяземский 28 ноября объявил Сенату с прибавлением, что лошади должны быть поставлены с повозками и упряжью[865]. Вместе с тем 30 ноября Сенат сделал распоряжение, чтобы ни колодников, ни назначенных на поселение в Сибирь и Оренбургскую губернию туда не отправлять, а посылать их в Александровскую крепость, в Азов и Таганрог, в Финляндию на крепостные работы и в Ригу на работы по Двине. Тех же колодников и поселенных, которые находились временно в Казанской губернии и число коих было весьма значительно, отправить в Азов и Таганрог, чрез Воронежскую губернию, небольшими партиями, человек по тридцати, и на канатах.

«А о поляках, – писал Сенат[866], – находящихся в Казани и прибываемых из Сибири, для возвращения в отечество, сделать немедленно рассмотрение и распоряжение Военной коллегии». Последняя приказала остановить всех конфедератов и сосредоточить их в двух пунктах: в Тобольске и Казани; но когда Бибиков нашел это неудобным, то приказано было тех, которые находились в Казанской губернии, отправить, через Москву и Смоленск, до границы[867].

Поручая Бибикову умиротворить край во всех отношениях и зная, что в Казани содержится «несколько разглашателей об известном самозванце Пугачеве», императрица поручила их в «полное ведомство генерал-аншефа Бибикова», и с этою целью при нем была составлена особая комиссия, получившая впоследствии название *секретной*[868]. В состав этой комиссии были назначены лейб-гвардии Измайловского полка капитан Лунин, лейб-гвардии Семеновского полка капитан-поручик Савва Маврин, лейб-гвардии Измайловского полка подпоручик Василий Собакин и секретарь Тайной экспедиции в сенате Зряхов. Им приказано было

отправиться в Казань как можно скорее и, не дожидаясь приезда Бибикова, приступить к занятиям.

Независимо от членов секретной комиссии, в распоряжение Бибикова назначены: генерал-майор Мансуров и князь Петр Голицын, «из коих сему последнему, в Москве теперь находящемуся, – писала Военная коллегия А.И. Бибикову[869], – у вас и явиться велено, а Мансуров отправляется в Симбирск к следующим туда чрез Воронеж из Смоленска легким полевым командам». С Бибиковым отправлены: командир Великолуцкого полка полковник Юрий Бибиков[870], один инженерный офицер, один лекарь, один офицер Генерального штаба, и «для большего оказательства» ему разрешено было взять с собою из гвардии нескольких обер– и унтер-офицеров и двенадцать гренадер[871]. В числе выбранных был лейб-гвардии Преображенского полка подпоручик Г.Г. Державин, а лейб-гвардии Конного полка адъютант князь Волконский и поручик Кошелев, и лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик Толстой отправились в Казань волонтерами.

На первый случай Бибиков мог располагать только четырьмя полками[872], в которых было до 2547 пехотинцев и 1562 кавалеристов. В его распоряжение должны были поступить 1718 человек строевых с 16 орудиями, находившиеся в четырех полевых командах, получивших приказание вместо Саратова следовать в Симбирск[873], отряд генерал-майора Фреймана (в котором к 10 декабря было только 1754 человека строевых с 11 орудиями)[874], 280 человек бахмутских гусар и, наконец, отряд Деколонга, находившийся в Троицкой крепости[875].

На усиление войск в Москве отправлены были туда из Новгорода гренадерская рота Вятского пехотного полка и из Ладоги весь Нарвский пехотный полк.

«Кажется, всего сего довольно, – писал граф Чернышев князю Волконскому[876], – но дальность меня беспокоит и печалит то разорение, которое *плутец* [Пугачев] до прихода сего причинит».

Действительно, «плутец» долго еще мог хозяйничать безнаказанно, так как даже и те войска, которые были отправлены из Финляндии и окрестностей Петербурга, могли прибыть в Казань не ранее первых чисел января 1774 года, а остальные и гораздо позже.

Войска эти были большей частью в походе и еще далеко от места действий. Не скоро можно было приступить к фактическому усмирению мятежников, и потому А.И. Бибиков не особенно торопился отъездом из столицы, но признал необходимым отправить вперед членов секретной комиссии. Он приказал им ехать как можно скорее в Казань и открыть заседания, не ожидая его приезда, дабы «укротить хотя мало бунтующие души в городе и во всем околотке, а наказанием на первый случай преступников заставить молчать ядом напоенные сердца».

Глава 27

Народные толки о происходящем под Оренбургом. – Состояние Казани. – Объявление губернатора городским обывателям. – Выселение из города Казани. – Грабежи киргиз-кайсаков. – Волжские казаки и их бездеятельность. – Манифест Пугачева. – Занятие мятежниками всей Самарской линии и города Самары. – Развитие мятежа на границах Казанской губернии. – Занятие инсургентами Заинска. – Состояние города Уфы, Пермской и Исетской провинций. – Меры, принятые местными властями для защиты против мятежников. – Волнения заводских крестьян.

По мере того как члены следственной комиссии удалялись от Петербурга и приближались к Казани, движение в пользу самозванца обозначалось в более резких и определенных формах. На пути от Саратова до Пензы все крестьяне, «как государевы, так и помещичьи», уверяли курьера Полубояринова, что Петр III жив и пожаловал многие милости народу.

– Теперь мы освобождены от податей, – говорили они, – будем вольны и ни от кого не зависимы. Теперешнее положение нам несносно, ибо большие дворяне награждаются деревнями и деньгами, а нам нет льготы. По причине войны мы несем большие тягости: рекрутские наборы и разные подати, кои должно платить и государю, и помещикам; приходится метаться в воду.

«О воинских же командах, – прибавлял Полубояринов[877], – следующих для истребления злодеев, говорят, что-де все это напрасно: все-де

солдаты лишь только придут, то будут ему служить, ведь и им житье не лучше крестьянского».

То же или почти то же рассказывалось на всем пространстве от Самары до Арзамаса, и простой народ, выражая сочувствие к самозванцу, готов был оказать ему содействие и желал полного успеха.

«От Арзамаса до Москвы, – показывал яицкий казак Андрей Мизинов[878], – хотя и есть таковые слухи, но не столь гласны. Дворцовые крестьяне говорят, что их разоряют соседние помещики; помещичьи же оброчные крестьяне не столько об этом говорят, как те, которые ходят на работу [барщину], ибо жалуются, что пять дней в неделю работают на помещиков».

Желая избавиться от этой тяжкой работы, крестьяне готовы были подчиниться тому, кто обещал им свободу, равенство и право собственности.

– Настает наше время, – говорила чернь, – теперь мы возьмем верх, и опасаться нам нечего.

«Торопясь скорее прибыть в Казань, – доносил капитан-поручик Савва Маврин[879], – некогда нам было всем буянам и продерза-телям делать примечания и оных, забирая, отсылать к начальникам, да и невозможно, в самом деле, но причине множества их».

Почти все население деревень, ближайших к местопребыванию мятежников, принимало сторону самозванца и его полковников, а большая часть интеллигенции спешила уехать в Москву и ближайшие к ней города: дело доходило до полного переселения из одной губернии в другую. По дороге из Казани в Москву тянулись длинные вереницы обозов с семействами дворян и с их имуществом.

– Куда вы едете? Что за причина столь спешного и всеобщего выселения? – спрашивал Маврин удалявшихся.

– Если и вы, – отвечали ему переселенцы, – не обязаны делом, то советуем воротиться назад и в Казань

не ездить.

Тогдашняя Казань состояла преимущественно из деревянных маленьких домиков; улицы города были узки и кривы, за исключением Арской, выводившей на Арское поле. Эта последняя улица была шире других, прямее и вся вымощена бревнами. На выезде к Арскому полю стояла большая караульня-изба, где жили выбранные из обывателей на полугодичное время сотники и десятники (с точеными окрашенными дубинами), на обязанности которых было содержать караул. В ночное время Арская улица закладывалась деревянной рогатиной на колесе и одним концом прикрепленной к столбу болтом. По всем остальным улицам были сделаны для проезда большие ворота, по ночам запиравшиеся на замок.

Считая и эти охранительные меры недостаточными, городские власти силились восстановить и реставрировать Казанскую крепость или, лучше сказать, ее развалины. «В крепости и мой монастырь [Спасо-Казанский], – писал П. Любарский[880], – и, по моему мнению, он будет безопаснейшей крепостью: в нем найдется для всех приют и убежище; в нем могут сохраняться казна и спасаться жители. Крепость и мой монастырь, по милости Божией (вероятно), не будут осаждаемы оренбургским вором или оренбургской совой; Бог не допустит их до разрушения. Впрочем, нельзя сказать, чтоб у нас было безопасно при всеобщем страхе и смущении, можно и у нас во всякое время подвергнуться истязаниям и насилиям со стороны черни».

Последнее обстоятельство было причиной, что Казань в короткое время почти опустела, ибо не только дворяне, купцы, граждане и подьячие, но и многие из простолюдинов, в ночь на 29 ноября, выбрались из города, «оставя неизвестному жребию одних только духовных в городских развалинах, да владыку

[преосвященного Вениамина] в Воскресенском монастыре»[881].

Всеобщее бегство заставило казанского губернатора обратиться к обывателям с особым воззванием и просить преосвященного Вениамина прочесть его в церквах.

«По обстоятельствам об известной злодейской толпе, – писал генерал Брандт[882], – по городу Казани, как слышу, такие разносятся ложные разглашения, что будто партии злодейской толпы приближаются уже к Казани, от каковых страхов происходит великое в народе нестроение».

Губернатор уверял население, что все это «действительная ложь и неправда». Он говорил, что имеет официальные известия от генерала Фреймана и оренбургского губернатора, причем первый извещает его, что по Московской дороге «партий известной злодейской толпы нет, кроме разъезжающих воровских шаек ставропольских калмыков и уфимских башкирцев». По словам Брандта, шайки эти были незначительны, не имели никакой связи с самозванцем и, следовательно, «не только Казани, но и никакому городу не делают ни малейшей опасности».

Что же касается толпы, стоявшей под Оренбургом, то, по уверению губернатора, она была вооружена только одними дубинами и «отнюдь не имеет толикого числа людей, как слух о ней носится». Атаки же и поражения «ей не делается в ожидании подкрепления в силах из сибирских пределов, которые вскорости в Оренбург ожидаются».

После литургии, 1 декабря, жители Казани выслушали это объявление, но не поверили губернатору, потому что он сам, прежде других, отправил свое семейство в Козьмодемьянск, как место наиболее безопасное. Примеру губернатора последовали прочие должностные лица, и в Козьмодемьянске образовалась целая колония переселенцев. Оставшийся в Казани

простой народ предался разгулу и пьянству, а должностные лица – унынию и отчаянию.

– Казань погибает, – твердили все в один голос, – и нет ей никакого спасения, ибо злодеи уже в 30–40 верстах, а некоторые и ближе.

По словам Маврина, отчаяние и страх были так велики, что если бы Пугачев прислал человек тридцать своих сообщников, то легко мог бы овладеть городом. «Сказывали мне в Казани понятие человеческое имеющие люди, – прибавлял Маврин, – что было два дня таких, в которые казалось не только пришествие к Казани самозванца близ городских ворот приближалось, но и преставление света настало. Все свое имение с торопливостью забирают, укладывают на воза без порядка, мечутся во все стороны, яко бешеные, и себя спасают, не зная притом, куда бегут и что делают. Что же, всемилостивейшая государыня, делать тем, которым ни бежать, ни увезти нечего? Не остается ли отпирать, в случае нашествия злодея, ворота и встречать, но не по предательскому обыкновению злодея, а по необходимости, яко истинного в том казусе гостя, чернь не презирающего».

В первый же день своего приезда в Казань капитан-поручик Маврин явился к губернатору. Странным казалось ему, что дом был пуст и в нем вовсе не было мебели. Зная, что генерал Брандт живет хорошо и не «по-немецки», Маврин решился выяснить свое недоразумение.

– Не было ли вашему превосходительству какой тревоги, – спросил он, – что в доме ничего не имеете?

– У меня все отпущено в Козьмодемьянск, – отвечал простодушно Брандт, – и сейчас оттуда жена приехала.

– Без сомнения, злодеи близко? – спросил опять Маврин.

– Конечно, и в великих толпах злодействуют.

– Так от этого и в городе никого нет?

– От этого.

Маврин заметил, что, отправив свое семейство в Козьмодемьянск, губернатор показал дурной пример жителям, но Брандт промолчал и не обиделся, быть может, потому, прибавлял Маврин, что слышал это «от дурака или от дерзкого человека».

Как ни странно было приезжим смотреть на объятых паническим страхом казанских жителей, но, познакомившись с истинным положением дел, члены секретной комиссии принуждены были покинуть петербургский взгляд на оренбургские происшествия и сознать, что правительственная власть в крае парализована, что мятеж охватил уже всю Оренбургскую губернию и начал проникать в Казанскую.

– На весь Оренбургский край, – говорил Платон Любарский, – спустился какой-то густой туман, и не видать ниоткуда просвета.

К концу ноября вся северо-западная часть Оренбургской губернии была во власти Пугачева, а южная ее часть подвергалась грабежам киргиз-кайсаков.

Пользуясь тем, что река Яик (Урал) была покрыта льдом, киргизы перекочевали на внутреннюю сторону, и 26 ноября Нуралы-хан подошел к Кулагинской крепости и объявил, что останется здесь на всю зиму. Подвластные ему киргизы хозяйничали на всем пространстве от Кулагинской крепости до Гурьевского редута и, подавшись к реке Волге, появились значительными толпами близ Черного Яра[883]. Они грабили и уводили в плен жителей, отгоняли скот, жгли сено и нападали на форпосты, «так что из оных казакам ни за сеном, ни за дровами почти выпуску не дают»[884]. Комендант Яицкого городка (ныне Уральска) полковник Симонов и астраханский губернатор Кречетников просили Нуралы-хана запретить его подвластным производить грабежи и уведомить, с какой целью он

переправился на земли, принадлежащие казакам[885]. Нуралы отвечал, что, опасаясь шалости подвластных ему киргиз-кайсаков, разбросанных на значительном пространстве, он переправился на внутреннюю сторону реки Яик с тою целью, чтобы не дозволить им грабить живших на Волге калмыков, с которыми киргизы имели непримиримую вражду. Грабежи же под Черным Яром хан объяснял обстоятельствами и особым состоянием края.

– Киргизы теперь меня не слушают, – говорил Нуралы посланному Кречетникова, – а причиной того злодей, именующий себя императором Петром III. Он присылал ко мне посланного с письмом, чтоб я к нему приехал и был в его послушании, и за то обещал по взятии Оренбурга сделать меня начальником как в Оренбурге, так и во всех городах до самой Астрахани. Я отвечал, что данной присяги не переменю и к нему не поеду.

Тогда, по словам хана, Пугачев обратился к киргизам с особым воззванием и, требуя, чтоб они признали его законным государем, предоставил им полную свободу в действиях. Киргизы воспользовались этим, разбойничали на пространстве от Дубовской до Балыклейской и Караваннской станиц и грабили селения волжских казаков. Царицынский комендант, полковник Циплетев, приказал волжским казакам расставить повсюду форпосты, производить ежедневные разъезды и иметь сверх того в Дубовке триста человек казаков, всегда готовых по первому требованию отразить нападение хищников. «За Волгой же, – писал Циплетев казакам[886], – в зимовьях и ни в каких местах ни скота, ни зимующих людей отнюдь не было бы, а все бы убирались в свои жилища».

Распоряжение это не было исполнено, и когда старшина Терский прискакал в Дубовку с известием, что киргизы напали на форпост, стоящий за рекой Волгой,

то по сделанной тревоге могли собрать только шесть казаков. В тот же день с Бодянских хуторов, находившихся в 25 верстах от Дубовки, приехал казак Кротков с объявлением, что и на них напали киргизы, которые отгоняют скот и берут в плен жителей. Струсивший войсковой атаман приказал, чтобы ни один казак не выходил из Дубовки, и сам стал прятать свои пожитки. Поступок атамана навел такой страх на казаков, что все жители Дубовки стали прятать свое имущество и потом дня через три насилу могли его разобрать.

Киргизы в этот день разграбили Бодянские, Широковские и Стрелинские хутора, многие зимовья, форпосты и, захватив 149 человек в плен и множество скота, спокойно удалились в степь. Только на третий день казаки опомнились и послали погоню, но безуспешно, так как киргизы были верст за двести. Атаман донес, будто бы он преследовал киргизов на протяжении шестидесяти верст, но, писал он, киргизы «как птицы улетели, а их [казаков] лошади ослабели».

Слабость волжских казаков, писал Петр Кречетников[887], «столь велика, что они насилу достойны казаками назваться. Киргизы сами были на изнуренных лошадях и едва таскались; они же почти безоружны, и их бы легко было не только разбить, но и совсем забрать, если бы сии проклятые казаки не принимались за святошное пьянство, а были бы в осторожности, как им приказано было.

Верьте, милостивый государь, что сие мне столь чувствительно, что я описать не могу сколь чувствую нерадивость людей и гнусную их трусость. Я бы душою рад был, если бы мне можно было везде самому поспеть, но того сделать нельзя, а кому ни приказывай, то все или медленно, или совсем не делают».

Такое бездействие, конечно, служило в пользу Пугачева, дела которого в это время шли вполне

успешно.

С занятием мятежниками Бузулукской крепости не было уже препятствий к дальнейшему распространению бунта, и Пугачев признал нужным обратиться к населению с новым манифестом, который и поручил написать секретарям Ивану Почиталину и Максиму Горшкову. Полуграмотные секретари долго трудились над составлением воззвания, выбирая отборные слова из попавшейся им переплетенной книги, состоявшей *из разных печатных и письменных публичных указов.* Но как они и по выборке лучших мест «не умели порядочно речей сплести», то и трудились над составлением манифеста более недели. В это время подано было в пугачевскую коллегию заводским крестьянином Иваном Петровым прошение на ограбившего его башкирца. Прошение это показалось секретарям «так разумно написанным», что они тотчас же призвали к себе Петрова и показали ему составленный манифест.

– Нет, господа, не так у вас написано, – заметил Петров и стал исправлять по-своему.

Исправленный манифест был переписан Горшковым набело и одобрен Пугачевым[888]. Он был следующего содержания:

«Божиею милостью, мы, Петр III, император и самодержец всероссийский и проч., проч., проч.

Объявляется во всенародное известие.

Но безызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей, а зависцов общего покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были, а ныне Всемогущий Господь неизреченными своими праведными судьбами, молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов паки возвести нас соизволил и наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а зависцов общему покой и

благотишины под ноги наши повергает. Только и ныне некоторые, ослеплясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветшеся имя наше таким же образом, как и прежде угасить, а наших верноподданных рабов, истинных сынов отечества, аки младенцев осиротить. Однако мы, по природному нашему к верноподданным отеческому неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покорится и во всеподданнические должности быть повинится, всемилостивейше прощаем, сверх того, всякой вольностью отечески вас жалуем. А буде же кто и за сим в таком ожесточении и суровости останется и данной нам от Создателя высокой власти не покорится, то уже неминуемо навлечет на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнения и всенародного истинного познания сим и публикуется. Декабря 2 дня 1773 года[889].

Pitr (Петр)».

Манифест этот был разослан по всем направлениям и вручен атаману Арапову, получившему приказание самозванца двинуться к Самаре и утвердиться на Самарской линии. Собрав себе толпу в Бузулуке, Арапов выступил 22 декабря из города, зашел по дороге в крепости Елшанскую, Борскую, Красно-Самарскую и Мочинскую татарскую слободу. В каждом из этих пунктов Арапов приглашал желающих служить государю и переименовывал их в казаки. Охотников было много, и комплектование шаек производилось из довольно отдаленных мест. Так, когда Арапов находился еще в Бузулуке, к нему явились до тысячи крестьян, принадлежавших графам Орловым, из волостей, сел и деревень, находившихся близ Сызрани. Восстание

охватило весь Ставропольский уезд, где калмыки грабили помещичьи села, и одна из партий появилась в 12 верстах от города.

Ставрополь защищали 249 человек, из коих 59 были вооружены ружьями, а остальные одними копьями, тогда как в уезде считалось до 5 тысяч калмыков, не говоря об остальном населении, приготовлявшем копья и вооружавшемся[890].

С появлением шаек в Ставропольском уезде город Самара и его уезд оказались отрезанными от Казани, и 23 декабря Арапов беспрепятственно занял пригород Алексеевск. Он благодарил население за то, что оно не оказало сопротивления и встретило его с почетом.

– Вы, обыватели, – говорил самозваный атаман, – хорошо сделали, что без сопротивления покорились государю. Надобно бы было послать сказать в Самару, чтоб и там не противились.

Подвернувшийся писарь Алексей Горбунов советовал послать туда посадского Короткого.

– Прикажите, сударь, – говорил Горбунов Арапову, – послать вот этого детину, он вам все исправит.

Передав Короткому манифест самозванца, Арапов приказал ему говорить всем, что у него множество войска и 50 пушек и что сзади идут на подкрепление еще 200 человек. По прибытии в Самару Короткий был призван комендантом, капитаном Балахонцевым, который расспрашивал у приехавшего, сколько у Арапова людей, пушек, и узнав, что силы эти весьма значительны, решился оставить город. Взяв 36 человек нижних чинов при двух офицерах, капитан Балахонцев в следующую же ночь ушел из Самары в Сызрань. За ним ушел и поручик нижегородского батальона Кутузов с командой в 25 человек, присланной для приема рекрут. Хотя за уходом их в Самаре все-таки осталось 40 солдат и более 300 поселенных, но они согласились с жителями не оказывать никакого сопротивления мятежникам.

25 декабря Арапов подошел к Самаре и был встречен населением с крестом и образами. Он проехал прямо к церкви, приказал отслужить молебен, по окончании которого, в знак победы, было произведено несколько выстрелов из пушек.

«При оном городе Самаре, – доносил Арапов своей коллегии, – взято мной артиллерии пушек 6; пороху и денежной казны ничего не отыскалось, ибо оную казну и порох злодей капитан Балахонцев увез с собою».

Поместясь в доме майора Племянникова, Арапов принимал всех, кто приходил к нему на поклон.

– Батюшке нашему будет очень мило, – говорил он, – что вы покорились без сопротивления; он, конечно, не забудет этот город и сделает его губернией.

– Дай-то Господи, чтоб это так было, – отвечали жители Самары.

Арапов приказал выкатить бочки водки, и перепившийся народ кричал: «Здравствуй, наш батюшко, Петр Федорович»[891]. Окрестные к городу селения тотчас же присоединились к мятежникам и присягнули на верность императору Петру III. Арапов разослал в разные стороны своих агентов с манифестами самозванца и с приказанием, чтобы жители готовили продовольствие и доставляли его в Бузулук. Вслед за тем приехал из Берды в Самару есаул Чулошников с указом пугачевской коллегии и поручением набрать ополчение для армии «государя».

«Здешней армии, – писала коллегия[892], – есаулу Чулошникову определяется как по Самарской дистанции, так и в прочих селах и деревнях, набрав сколько отыщется ревнителей к службе его императорского величества и соединясь с атаманом Араповым и прочими при командах командирами, сикурсировать против противнических партий в защите верноподданных жительство.

Причем же рекомендуется вам, ежели где найдется походная легкая к обороне от злодеев артиллерия с материалы и их припасы, то, взяв с собою, учинить по сему его императорского величества указу непременное исполнение».

Посланные разъезжали по селениям и собирали в ополчение по одному человеку с пяти душ. С набранными таким образом шайками эмиссары Арапова и Чулошникова грабили помещичьи имения, умерщвляли не успевших скрыться владельцев, забирали хлеб и скот, а у крестьян брали печеный хлеб, кафтаны и шубы.

Сосредоточившись более или менее значительными толпами и не встречая нигде сопротивления, мятежники захватили в свои руки значительное пространство и впоследствии вошли в связь с башкирцами, опустошавшими северо-западную часть Оренбургской губернии. Толпы мятежников бродили у Бугуруслана и в окрестностях Бугульмы, где стоял отряд Фреймана, совершенно изолированный и, как увидим, для них безопасный. В крепости Бакалах, находившейся всего в 30 верстах от Бугульмы, казаки посадили на цепь своего атамана и намерены были отвезти его к Пугачеву; то же самое хотели сделать и жители Нагайбака со своим воеводой, капитаном Рушинским, за желание его оказать помощь Уфе.

Получив об этом известие, генерал-майор Фрейман в Нагайбакскую крепость отправил небольшую пехотную команду и для прикрытия ее в пути назначил секунд-майора Тевкелева с 400 башкирцев. При возвращении из Нагайбака Тевкелеву приказано было расположиться в 23 верстах от Бугульмы, или в селении Крым-Сарае, или в деревне Акбашевой, где удобнее, с тем чтобы помочь в случае нужды той команде, которая была оставлена в Нагайбаке, и вместе с тем прикрыть отряд самого Фреймана со стороны города Уфы. Тевкелев 5 декабря остановился в деревне Акбашевой, а в полдень 6-го

числа на него напала толпа башкирцев в 600 человек, склонила на свою сторону весь его отряд, сожгла деревню, а Тевкелева, избитого и израненного, захватила в плен.

Лишившись таким образом последней кавалерии, Фрейман был поставлен в крайне затруднительное положение. В селении Акташе, в 12 верстах от Кичуя и по бугурусланской дороге стояли толпы мятежников; прямые дороги из Кунгура и Заинска в Казань были ими отрезаны. Заинек[893] занят старшиной Нагайбаком с толпой башкирцев. При содействии подпрапорщика Буткевича, старшина Нагайбак склонил жителей Заинска не оказывать сопротивления, и начальник инвалидных солдат, капитан Мертвецов, приказал священнику Андрееву прочесть пред народом указ самозванца. Жители встретили Нагайбака с хлебом и солью, а дьячки звонили в колокола. Священник Прокофий Андреев отслужил молебен за здравие императора, за что получил 1 рубль и в церковную сумму столько же. После молебна было произведено несколько выстрелов, и Нагайбак отправился в дом капитана Мертвецова, который ввел его в горницу, посадил за стол и угощал. Жившие в Заинске майор Лопатин и капитан Савинич пришли к Нагайбаку с хлебом и солью и вместе с присутствующими пили за здоровье самозванца, называя его императором[894].

Утвердившись в Заинске, мятежники расширили и здесь район своих действий и появились в селениях, лежащих в окрестностях Бирска, и даже крестьяне Закамской Челинской волости, близ Елабуги, отправляли большими обозами хлеб на продовольствие толпы, стоявшей у Мензелинска.

Окружая со всех сторон отряд Фреймана и грозя зайти ему в тыл, шайки бунтовщиков были хотя и незначительны числом и наполовину без оружия, но опасны потому, что, по словам Фреймана, «крестьяне не

токмо им не противятся, но еще сами помогают грабить помещичьи дворы и разносят слухи, что вся злодейская Пугачева толпа намерена идти на Казань, от чего так вся здешняя окрестность трепещет, что никакого от жителей оной известия о скитаньях злодейских получить не можно».

«И хотя, – доносил Фрейман[895], – для поиску сих злодейских шаек в разные места командирую команды, но как оные состоят по большей части из пехоты, то и остаются без успеха, ибо разбойники всегда на переменных конях и беспрепятственно ездят везде по воли, в чем снег по мелкости своей нимало им не мешает». Фрейман опасался, что мятежники отрежут его сообщение с Казанью и поставят его в безвыходное положение, тем более что в отряде стал замечаться ропот среди нижних чипов, *«что без помощи оставлены в столь отдаленном и открытом месте».*

Прося о присылке надежной кавалерии, Фрейман находил, что без нее наступательные действия совершенно бесполезны. Он отказался двинуться вперед и тогда, когда получил от уфимского коменданта, полковника Мясоедова, просьбу оказать ему помощь в разогнании толпы башкирцев, обложивших город Уфу.

Имея в своем распоряжении, вместе с вооруженными обывателями, до 1650 человек гарнизона, Мясоедов хотя и не опасался за участь города, но с пешим ополчением и без обоза, будучи, так сказать, прикован к одному месту, не мог разогнать конного неприятеля, грабившего окрестности и проникшего на Пермские горные заводы и в Исетскую провинцию.

Исетская провинциальная канцелярия старалась убедить подведомственное ей население, что принявший на себя имя императора Петра III донской казак Емельян Пугачев есть вор и обманщик. Приводя жителям на память публикованный в 1762 году манифест императрицы, канцелярия присовокупляла,

что не менее ста тысяч человек «своими глазами видели, что он, блаженной памяти государь император Петр Федорович, в начале июля месяца помянутого года, от приключившихся ему болезненных припадков отошел от сего временного в вечное блаженство и погребен в Невском монастыре, при множестве помянутых зрителей, в том числе и здешних Исецкой провинции присутствующих, коим в то время случилось быть в Санкт-Петербурге, при должностях своих. Следовательно, сие и не может быть сверх натуры, чтобы до конечного и праведного суда Божия и воскресения мертвых мог кто-либо через 11 лет из мертвых воскреснуть, а потому означенный вор и разбойник казак Пугачев подлинно ложный и самозванец»[896].

Пермское горное начальство сделало то же самое и, согласно предложению генерала фон Брандта, объявило, что тот, кто приведет Пугачева в Казань, получит тысячу рублей[897]. Вместе с тем было постановлено: 1) собрать с партикулярных заводов и приписных крестьян по нескольку человек хорошо вооруженных; 2) учредить пикеты и усилить полицию. Работы на большой части заводов были прекращены, а управители и приказнослужители употреблены для наблюдения за караульными. Для распоряжений по защите заводов от мятежников был определен член канцелярии главного заводов правления Михаил Иванович Башмаков.

Имея в виду, что Юговский казенный медеплавильный завод[898]был обнесен кругом палисадом, рогатками и в нем устроена крепость, Башмаков решился на этом заводе защищаться от мятежников. Он приказал свозить сюда с других заводов пушки, порох, снаряды и прислать заводских вооруженных людей. В половине декабря Башмаков закрыл Аннинский (Бабкинский) завод[899] и приказал

всех рабочих с оружием перевести на Юговский завод. Распоряжение это встретило сопротивление, и большинство заводского населения не только отказалось идти на Юговский завод, но и не пускало тех, которые изъявили на то свое согласие.

– Если бы подлинно он был не государь, – говорили рабочие про Пугачева, – а беглый казак, то, конечно, из Москвы и Петербурга давно бы присланы были ее величества войска. Но когда прошло три месяца и их не прислано, то и признается, что он подлинный государь Петр III, император, которому мы прежде присягали и ныне принять желаем.

Между тем 18 декабря на реке Тулье, впадающей в Каму при городе Осе и в селениях, лежавших не далее 100 верст от Юговского завода, появились значительные шайки мятежников. Они разорили Шермяитский завод Яковлева и, склонив на свою сторону почти всю Осинскую волость, дворцовых крестьян и пахотных солдат, стали угрожать городу Кунгуру, Юговскому и Аннинскому заводам. Тогда Башмаков вторично отправил на последний завод унтер-шихтмейстера Бахмана поторопить рабочих переселением на Юговский завод. На требование Бахмана, чтобы хозяева собрались в заводскую контору, никто не явился, а жены говорили, что не знают, куда уехали их мужья. Бахман повторил свое требование, и тогда пришло в контору человек с десять.

– Мы желаем, – говорили они, – быть верноподданными императрицы, а только из своих домов не поедем, по той причине, что наши семейства и дома будут разорены.

Бахман пытался убедить, что исполнить приказание необходимо, но все его попытки оказались тщетными.

– Если ты здесь заживешься, – сказал ему шепотом рабочий Василий Чупров, – то мы намерены связать тебе руки и ноги и отвезти в партию.

Бахман поторопился уехать, а рабочие как этого завода, так и прочих, видя свое беспомощное состояние, приняли сторону мятежников; по справедливость требует сказать, что на многих заводах рабочие старались сохранить порядок и удержать буйные головы от своеволий. В письменном постановлении 30 декабря 1773 года[900] жители нескольких селений, приписанных к Юговскому заводу, «со всего мирского и общего согласия», выбрали в сотники Гаврилу Ситникова, а в старосты Клементия Зверева и уполномочили их быть ходатаями по всем мирским делам и сберегателями общественного спокойствия. Рабочие поручили Ситникову и Звереву «случившиеся между заводскими жителями всякие ссоры и непорядочество умирять, и кто явится виновным в каком случае, то таковых, смотря по вине, штрафовать, а потом наказывать батожьем, *дабы от неимения надо собою страху*, не могли больших причин и своевольств чинить».

Это постановление не помешало Ситникову в тот же день снарядить несколько человек «в казачье войско» и передать их предводителю явившейся башкирской толпы Батыркаю Иткину[901]. Отказать в подобном требовании население считало невозможным, из опасения за свои семейства и имущество. Башкирцы уничтожали дотла все русское: грабили церкви и дома, умерщвляли духовенство, уводили пленных, жгли хлеб и отгоняли скот. Заводское население искало защиты в Берде, и пугачевская коллегия, опасаясь, что поступки башкирцев могут восстановить против мятежников простой народ, старалась ввести некоторый порядок в крае, «повинившемся императору Петру III». С этою целью в Берде выдавались сначала охранные листы всем тем селениям, которые присоединились к самозванцу, а затем все заводы и селения, находившиеся в окрестностях Уфы, и вся Башкирия были

поручены управлению Зарубина (Чики), наименованного в Берде *графом Чернышевым.*

Глава 28

Прибытие Зарубина (Чики) к городу Уфе, его деятельность, наставление и инструкции. – Занятие Красноуфимска башкирцами. – Появление их у города Кунгура. – Деятельность жителей по обороне города. – Прибытие в Кунгур секунд-майора А.В. Попова с отрядом и его энергическая деятельность. – Инструкция, составленная для жителей. – Поражение башкирцев на реке Ирени и в деревне Кишер-те. – Воззвание Ивана Кузнецова к жителям Кунгура. – Происшествие в Челябинске. – Возмущение городских казаков. – Воззвание атамана Грязнова к жителям Челябинска.

Получив приказание принять начальство над войсками под Уфой, Зарубин (Чика) взял себе в помощники Илью Ульянова, 30 человек рабочих Воскресенского Твердышева завода и отправился с ними по назначению. Встречая повсюду сочувствие, он успел собрать по дороге толпу в 500 человек и в начале декабря прибыл в селение Чесноковку. Поместясь в доме священника Андрея Иванова, Зарубин тотчас же разослал манифест самозванца, приказал его читать в церквах, приводить население к присяге на верность императору Петру III и требовал, чтобы жители собирались в поход с каждого двора по одному человеку с оружием и без всяких отговорок. При этом он выдумал, будто «надлежит явившееся по казанской дороге, из уфимской стороны, войско с двумя пушками истребить».

Население быстро вооружалось, и в короткое время самозваный *граф Чернышев* располагал уже силами до 4 тысяч человек [902].

Спустя несколько дней силы эти почти утроились вследствие перехода на сторону самозванца рабочих со многих заводов, прослышавших, что в Берде выдаются охранные листы, обеспечивающие население от грабежей башкирцев.

Узнав об этом, рабочие Саткинского завода тотчас отправили депутатов в Берду за охранным листом и писали, что хотя они приготовились к обороне, но не «против его величества, а от набегу озорнических и башкирцев воровских партий, которые из заводских жителей, выезжавших за сеном, уже много покололи безвинно, лошадей отогнали, и теперь за сеном и прочими потребностями выехать с завода не дают свободности»[903].

Депутаты были встречены на дороге пугачевской партией в 25 человек под начальством Ивана Кузнецова, который вместе с ними отправился на Саткинский завод, обещал населению покровительство лжеимператора, но ограбил дом заводчика Лугинина, взял 10 тысяч рублей денег, 12 пушек, 250 ружей и 5 пудов пороха. Отсюда он прошел на Златоустовский и Катав-Ивановский заводы, был встречен крестьянами с полной покорностью, взял 40 пушек и 90 пудов пороху.

Таким образом, в течение нескольких дней на сторону самозванца перешло более 8 тысяч человек заводских крестьян. Заботясь о том, чтобы не только их удержать за собою, но и склонить на свою сторону остальное заводское население, пугачевская Военная коллегия предписала своему «графу Чернышеву» принять строгие меры к прекращению грабежей башкирцев и к возвращению награбленного хозяевам. «Да и впредь, – писала коллегия[904], – если такие злодеи, хотя из малого чего окажутся, то, не приемля от них никаких отговорок и не возя сюда [в Берду], чинить смертную казнь, дабы впредь того чинить другие не отважились».

Зарубин (Чернышев) широко воспользовался предоставленным ему правом и впоследствии распоряжался самостоятельно, мало обращая внимания на Военную коллегию и на то, что происходило под Бердой.

Поселясь в Чесноковке, он сделался полным хозяином Башкирии и прилегающих к ней провинций, словом, хозяином всего Закамского края. Это был второй Пугачев, но более умный, самостоятельный и энергичный. В Чесноковке происходило беспрерывное пьянство, разгул и разврат. Вино, деньги, хорошенькие молодые женщины и девушки привозились из окрестностей для удовлетворения сладострастия самозваного графа и его приближенных. Около дома Зарубина были поставлены две виселицы, а под наметом из соломы хранились боевые заряды и орудия, доставленные мятежниками из разных городов и укреплений; тут же в сарае хранились и награбленные вещи. Сначала Зарубин отправлял в Берду каждые два дня донесения с конными башкирцами и ответы коллегии приказывал читать публично на улицах. С течением времени донесения эти посылались все реже и реже, Зарубин стал действовать более самостоятельно и из Чесноковки сделал вторую Берду: окружил себя свитой, назначал атаманов и полковников, действовавших по его указаниям, производил в чины, писал наставления и инструкции, принимал просителей, творил суд и расправу. Постановив правилом, чтобы в каждом селении или заводе был выбран атаман или староста, Зарубин объявил их ответственными пред собою, обязал смотреть за порядком, содержать пикеты и заставы в селениях и на главнейших дорогах. Они должны были останавливать проезжавших и всех подозрительных отправлять в Чесноковку[905].

«Надлежит вам, – писал Зарубин, – выбранным от Рождественского завода атаману Волкову и есаулу

Завьялову[906], свою команду содержать в добром порядке и ни до каких своевольства и грабительства не допускать, а ежели кто окажется его императорскому величеству противником, а вам ослушником, таковых по произволению вашему наказывать на теле, смотря по вине. Напротив того, и вам самих себя к худому состоянию не подвергать и во всегдашнем времени его величества манифесты и указы должны чувствовать и непременное исполнение чинить, за что вы можете получить особливую себе похвалу. Команде своей никаких обид, налогов и разорений не чинить и ко взяткам не касаться, опасаясь за ваш проступок неизбежной смертной казни. Притом старание прилагайте, но насылаемым от меня к вам ордерам и прочим повелительным от меня письмам исполнение чинить в немедленном времени, и где что видеть можете интересу казенному какую трату, о том немедленно меня рапортуйте. Также, где окажутся его величеству злодейские партии, таковых всемерно стараться с командой своей ко всеконечному истреблению приводить и верноподданных сынов отечеству защищать. Когда потребую из команды вашей в службу его величества, то по тому требованию хороших и доброконных и вооруженных ребят в немедленном времени отправлять ко мне. А в службу набирать надлежит таковых, чтобы не были старее 50 и малолетнее 18 лет».

Приказывая производить наборы равномерно между жителями, Зарубин сделал распоряжение, чтобы женам и вообще семействам выступивших в поход был отпускаем провиант из казенных или общественных магазинов. Последние приказано было атаманам и старостам принять в свое ведение, по порох, оружие, снаряды и в особенности деньги отправлять в Чесноковку[907]. Население повиновалось беспрекословно, и скоро в руках Зарубина очутились

весьма значительные суммы, которыми он распоряжался безотчетно, жил широко и весело. «У оного Чернышева, – показывал священник Данило Иванов[908], – пробыл я четыре дня и один раз обедал с ним за одним столом. Стол содержит изобильный, потому что великое множество приходит к нему жителей на поклон, и всякий приносит какой-нибудь подарок: кто гуся, а кто поросенка; да и вина видел я у него бочек с 200, и все пьянствуют, но сам Чернышев простого вина не пьет, а пьет водку».

В числе приходивших на поклон был и воевода пригорода Осы, поручик Ф.Д. Пироговский, привезший в Чесноковку медную пушку, 10 пудов пороху и два воза медных денег. Зарубин принял подарки и в благодарность приказал остричь Пироговскому волосы по-казачьи.

– Будь ты отныне казак, – сказал он, – а не воевода; полно тебе мирскую кровь-то сосать.

Пироговского приказано было поставить на квартиру с простыми казаками, но потом Зарубин отпустил его в Осу к семейству и выдал билет для свободного проживания[909].

Поступая таким образом с представителями правительственной власти, Зарубин (Чика) щадил духовенство, надеясь иметь чрез него влияние на население. Призывая к себе священников, он приказывал им следить в своем приходе за тем, «чтобы не было противников его императорского величества высокой власти, и ежели кто где сыщется, то таких всемерно стараться увещевать, чтобы как можно от того отвратились. А когда чрез такое увещание они не отвратятся, то таких ловя представлять ко мне немедленно, с которыми поступлено будет в силу указов немилостиво»[910].

Отпуская домой явившегося на поклон священника села Березовки Данилу Иванова, Зарубин приказал ему

приводить к присяге и покорности к государю все окрестное население.

Прибыв в Сарапул, Иванов собрал сходку, на которой решено было присягнуть императору. Иванов отправился по окрестным селам, встретил всюду полное сочувствие к своей деятельности, за исключением Ижевского завода, население которого отказалось признать власть самозванца. Тогда по распоряжению Зарубина (Чики) 1 января явилась на завод партия мятежников в 300 человек под начальством Кудашева, овладела конторой, разграбила казенные дома и чего нельзя было увезти с собою, то разбила и уничтожила. Отобрав у солдат ружья, Кудашев взял с собою до ста человек, записанных в казаки, и 9 тысяч рублей, которые и отослал в Чесноковку[911]. «Прочим же мастеровым и работным людям, – доносил коллежский советник Венцель генералу Бибикову[912], – дозволено отлучаться кто куда хочет, и даваны им от тех старшин билеты, с которыми немалое число в жительства свои и разъехались. Бывшие же при заводе в работах крестьяне также тою же злодейской толпой распущены, почему никаких при заводе работ не производится и завод не действует».

Почти одновременно с занятием Ижевского завода значительная толпа башкирцев, под начальством Канзафара Усаева и Салавата Юлаева, подошла к Красноуфимску, находившемуся в 90 верстах от Кунгура. Воевода, поручик Никифор Бахматов, опасаясь быть повешенным, вошел в соглашение с канцеляристом Петром Лутохиным и решил не противиться башкирцам. Они отобрали под разными предлогами у казаков ружья, сняли караулы и стали ожидать прибытия мятежников. Канзафар Усаев и Салават Юлаев беспрепятственно заняли Красноуфимск, забрали казну и отправили ее под Оренбург, а захваченные пушки оставили при себе[913].

Беспрепятственное занятие мятежниками Красноуфимска навело Зарубина на мысль организовать действия более правильным образом и занять два наиболее важных пункта: Кунгур, главный город Пермской провинции, и Челябинск, центральный пункт Исетской провинции[914]. Наименовав табынского казака Ивана Кузнецова *главным российского и азиатского войска предводителем*, Зарубин отправил его из Чесноковки для принятия начальства над всеми толпами башкирцев, группировавшимися вокруг Красноуфимска, а атаману Грязнову поручил соединить под своим начальством заводских крестьян в Исетской провинции и занять город Челябинск.

Прибыв в Красноуфимск, Иван Кузнецов узнал, что Салават Юлаев и Канзафар Усаев отправили две партии под начальством пожалованных полковников: Батыркая[915] к Кунгуру и Белобородова[916] – к Екатеринбургу.

В конце декабря (31-го числа) Батыркай занял селения Тихвинское, Старопосадское и острожек Степановский, находившиеся в 15–20 верстах от Кунгура, покинутого властями. В ночь на 23 декабря воевода Миллер, а в ночь на 27-е число и все члены Пермской провинциальной канцелярии, «миновав учрежденные караулы, обходными дорогами скрылись из города» и бежали в Чусовские городки. В управление городом вступил кунгурский магистрат[917] и при содействии купечества стал принимать меры к обороне, прося в то же время помощи у Башмакова с Юговского завода и у полковника Василия Бибикова из Екатеринбурга[918].

Наличные средства обороны города состояли из восьми орудий, с весьма ограниченным запасом пороха и снарядов. Под руководством двух братьев Хлебниковых, Емельяна и Пантелеймона, сыновей президента кунгурского магистрата, жители приступили к

устройству батарей, на которых были расставлены городские пушки. Для стрельбы из них были собраны отставные канониры, а молодые посадские *«обряжены»* конными гусарами и назначены для содержания разъездов вокруг города[919]. Башмаков, вместо помощи войсками, прислал горного офицера Алексея Солононекова с поручением вывести из Кунгура всех колодников на Кушвинский завод, что и было исполнено. Избавившись, таким образом, от вредного элемента, жители все-таки принуждены были рассчитывать на собственные силы и с большим страхом ожидали появления мятежников.

Между тем Батыркай, после двухдневных грабежей и попойки, призвал к себе священника Афанасия Колесникова и приказал ему отнести в Кунгур сочиненный им же от имени Пугачева манифест и письмо протопопу Благовещенского собора Иоанну Пантелеймонову. Манифест состоял из набора слов без всякого смысла[920], а в письме Батыркай говорил, что, имея приказание «привести в тишину верноподданных как священного сана, так и прочих санов», он желает знать: «с честью ли меня, полководца, изволите встретить или с суровостью противиться будете».

Подойдя ночью 3 января к пикету у Алексеевской башни, Колесников заявил капитану Бутримовичу, что прислан от войск императора Петра Феодоровича спросить граждан, будут ли они сопротивляться или пришлют от себя уполномоченных для заключения договора о сдаче города[921]. Священник Колесников и два сопровождавшие его мужика были арестованы, а принесенные ими манифест и письмо оставлены в тайне, чтобы не взволновать народ и не привести в отчаяние людей робких. Городские караулы были усилены, и обывателям строжайше подтверждено, чтоб они поступали по совести, присяге и, не щадя живота своего, действовали «безо всякой робости и трусости».

На следующий день, 4 января, прибыл из Екатеринбурга присланный полковником Василием Бибиковым подпоручик Посохов с двумя орудиями, пятью пудами пороха и 100 человеками казаков. Жители ободрились, и когда в тот же день, в 3 часа пополудни, Батыркай подошел к Кунгуру, то был встречен выстрелами из орудий и принужден отступить. Подпоручик Посохов преследовал мятежников со своими казаками и небольшим числом городовых казаков, но попал на засаду, был убит, а бывшие с ним казаки стали отступать. Оправившись от погони, башкирцы снова подошли к городу, но выстрелами с передовых пикетов были остановлены и в сумерки скрылись из виду. В 11 часов утра 5 января мятежники повторили нападение, но так же безуспешно, и тогда, окружив город почти со всех сторон, они расположились в ближайших деревнях. Защитники Кунгура просили казанского губернатора прислать им помощь, так как собранным в городе конным казакам и крестьянам «фуража провезти уже не можно»[922].

В это время совершенно неожиданно для жителей прибыл в Кунгур казанского гарнизонного батальона секунд-майор Александр Васильевич Попов со своим отрядом. Находясь еще прежде в Кунгуре для приема рекрут и не предвидя никакой опасности городу, майор Попов в конце декабря выступил с новобранцами в Казань. По прибытии в селение Верхние Муллы он узнал об опасности, угрожающей Кунгуру, и о бегстве из него властей. Поручив капитану Рылееву вести рекрут в Казань, майор Попов оставил при себе 12 человек старых солдат, 386 человек новобранцев и с ними решился возвратиться в Кунгур и организовать там оборону.

«По прибытии команды в с. Верхние Муллы, – писал он вместе с тем к воеводе Миллеру[923], – известно стало чрез верную руку, что вы, воевода, выехав безо всякого

дозволения из Кунгура, находитесь в Чусовских городках, оставив город, канцелярию и казну на явное расхищение злодейской толпы, о коей совсем нет вероятного слуха, в каких силах она, находясь к Кунгуру, приближается, а только рассеяны одни от их единомышленников, для устрашения робких сердец, пустые слухи.

Помянутая команда, благополучно прибыв в Муллы, имеет пробыть для распоряжения о дальних ее движениях, а притом требует, чтобы вы, воевода, или в Кунгур возвратились, или сюда [в Верхние Муллы] прибыли, ради общего совета о недопущении злодеев к пущему нападению на вверенную вам провинцию. В случае отбывательства [отсутствия] вы можете против нарушения присяги ответствовать, а к команде на сие письмо сообщить».

На это Миллер отвечал Попову[924]: «Сообщение ваше от 29 декабря сего 1773 года, о прибытии к вам на Муллы, или чтоб я возвратился в Кунгур и о прочем, 30-го числа декабря мной получено. На которое вам чрез сие ответствую, что я из Кунгура в Чусовские городки отбыл по справедливому известью о неприятельской толпе, которая состояла от г. Кунгура в ближнем расстоянии и имела намерение на 27-е число действительно в Кунгур войти и меня захватить, почему я для некоторой *предосторожности города и казны распоряжения* и отбыл. Откуда по учинении оного обратно и намерен я вскорости ехать в г. Кунгур к своей команде, а не на Муллы. А что же вы пишете, что я якобы оставил город, канцелярию, казну и проч. на расхищение злодеям, то несправедливо, ибо та неприятельская толпа находилась в близости Кунгура в 700 человек и имела намерение в город войти на 27-е число и хотели меня захватить. Да и вы, г. майор, с отбытия вашего из Кунгура с 25 декабря по сие время находитесь с командою на Муллах и для каких законных

обстоятельств, того я понять не могу, а единственно рекомендую, чтобы вы изволили рекрутскую [партию] вести в повеленное место и с крайнею предосторожностью от злодейской толпы и так точно, как в данном вам от Пермской провинциальной канцелярии наставлении предписано».

Не считая себя подчиненным воеводе и признавая поступок его неблаговидным, Понов прямо высказал это в письме и укорил беглеца в трусости. «Когда, – писал он Миллеру[925], – намеревающаяся злодейская толпа на 27-е число хотела в Кунгур зайти и вас, г. воеводу, захватить, то вам для некоторой предосторожности города и казны распоряжения в Чусовские городки совсем в глухую сторону и где к отпору против злодеев сил весьма трудно собрать, и уезжать было не надобно; а лучше бы ехать сюда в Муллы, где человек до 400 господ помещиков, здешних селений людей с оружием единодушно защищать себя в место сие собрались; а и того бы способнее проехать вам к коллежскому асессору Башмакову и с ним посоветовать, который не только не колеблется страхом, но еще сюда вечор прислал сто человек на общее сопротивление злодеям, что вчерашнего числа от них уже и произошло проездом, [разъездом?] состоящим в 50 человеках, кои по моему приговору здешних управителей конницею из здешних жителей встречены, а я сам, взяв батальонных штатных солдат, да и жителей пеших же с ружьями, ходил тех подкреплять. Оные злодеи разбиты и прогнаны, а на месте убит один татарин да русских: один тяжело, а другой легко раненый, взяты сюда и приведены.

Здесь же я нахожусь по сие время вот для чего: по немалому числу рекрут и по малости конвойных, коими должен первых по квартирам расставлять и собирать, подводы доставлять, иметь притом предосторожность и разведывать о злодее. Сделал я от Кунгура до сих мест пять маршей без роздыхов, потому что у рекрут с собою

хлеба нет, по причине неотпуска от вас в натуре провианта; вчерась по закону сделал роздых, а ныне рассмотри, где не так опасен от злодеев путь и меры принять не упущу, потому что злодей находится отсюда в 15 верстах на казанской дороге, по объявлению выше показанных раненых, на коих объявление можно больше положиться, нежели на посторонние слухи. Следовательно, теперь должно мне свою диспозицию иметь, каким образом поступить в сохранении рекрут от злодеев. А чтоб я вел рекрутскую команду в повеленное место так точно, как вы, г. воевода, из канцелярии мне наставление дали – оно не наставление, а сообщение мне было, в коем вы весьма много уверяли о злодейских на Кунгур покушениях и советовали рекрут вывесть, не видя дальней опасности, то и не должно мне считать сие наставлением. Для сих причин: 1) от моей команды [начальства] не предписано, чтобы мне состоять под повелением вашим, а 2) что его высокопревосходительство генерал-аншеф, Казанской губернии губернатор Яков Ларионович фон Брандт, на представление ваше не апробовал мне со всеми рекрутами идти, рассмотри наперед, сколь неудобно такое число людей в марше зимним путем всякими выгодами снабдить, а указал по 300 человек отправлять при ваших офицерах, а о достальных ожидать повеления. Потому-то я теперь его высокопревосходительства повеление к отправлению учиню с капитаном Рылеевым, с штатными и отставными солдатами, а сам здесь с достальными находиться имею. Вы же, г. воевода, благоволите прислать ко мне офицера, дабы я, как скоро из дер. Зинцов конвойные солдаты сюда возвратятся, с оными мог бы отправить других 300 человек, как его высокопревосходительство в учреждении своем предписать изволил».

Отговариваясь тем, что уехал из Кунгура для поощрения крестьян сопротивляться мятежникам и для

собрания вооруженных жителей для защиты города, воевода Миллер счел лучшим отправиться в отряд Попова, а в Кунгур послал из Чусовских городков 300 человек наскоро набранных и вооруженных крестьян.

Таким образом присоединившись к отряду, воевода Миллер 6 января прибыл вместе с ним в Кунгур. Майор Попов тотчас принял самые энергические меры к обороне, разделил город на участки и поручил их за несколько дней перед тем возвратившемуся воеводскому товарищу, прокурору Попову, горного ведомства капитану Попову, президенту от купечества, бургомистрам и ратманам.

«Воеводе же Миллеру, – писал секунд-майор Попов в составленной им инструкции[926], – как градодержателю, не определяя себе нигде поста, раздавать всем вышеписанным особам, чрез капитана Буткевича, приказания. Для чего оным [начальникам дистанций] долженствует ему, воеводе, во всем безропотно повиноваться, *через что узлом сего послушания* все здешние и собранные из селений обыватели к общей всех пользе твердо и надежно будут стоять и проявляться атакующим город злодеям».

Не ограничиваясь этим, Попов приказал прочесть всем жителям города, «не исключая ни одной души и при молебном Господа Бога прошении», обыкновенную присягу, манифест и указ императрицы и увещание, присланное преосвященным Вениамином.

«Что ж до меня принадлежит, – писал он всем городским властям и управлениям, – то всех услужно прошу отпустить мне годных ружей с припасами, сколько за раздачею найдется, коими я снабдя умеющих в команде моей рекрут стрелять, определяю себя к наиважнейшему посту, на который, по положению места, больше чаять надобно неприятельского стремления. Сверх того, стану и прочих рекрут обучать, по скорости времени и частым тревогам, хотя только

заряжать ружье, дабы ежели еще где порожние ружья найдутся, все оными в отпор действовать могли.

Воевода, как хозяин и первое занимает в провинции и городе место, благоволит приказать чрез полицию, чтобы во всем городе была тишина, шум, песни, а особливо по ночам должны быть прекращены и не только по бекетам и вокруг города, но и въезде внутри города по улицам, посылать дозоры, чтоб праздно в ночи никто не шатался, а всего лучше, если заблагорассуждено будет, к общественной пользе и всех целости, питейным домам продажу вина и других напитков запретить.

Как от обошедших почти вкруг города злодеев частые бывают тревоги и из оных иногда по одному только бекету и то малое число единственно для высматривания подъезжают, а во всем городе великое от того происходит смятение и беспокойство, то во избежание таких колебаний, ежели рассудится, поступать таким образом: когда против которого бекета злодеи станут показываться, то командир, изготовясь оружием к принятью, ту же самую минуту дает знать воеводе, который, чтоб одни только вокруг города бекеты изготовились, приказывает ударить в большой колокол несколько раз. Ежели бы на два или больше бекета подъезд показываться начал и от тех бекетов дойдут до него известия, тогда бить в набат на всех колокольнях, почему к приумножению сил на всех постах с крайним поспешением назначенные бегут со своим из домов и квартир оружием. А что касается по ночам, то как за темнотой увидеть не можно, на один ли только бекет стремление происходит, то по полученному с первого бекета известью о приближении злодейском, по мнению моему, должно уже повсюду в набат ударить.

Когда злодеев вокруг города видно не будет, то вышеписанные командиры могут в своих квартирах находиться, осматривая, однако, в день почасту, в

точной ли готовности его подчиненные люди находятся и все ли у них оружие в исправности состоит, *а к ночи, хотя бы и не было тревоги, неотходно быть при своих местах и там ночевать.* А если кто от своего поста при тревоге умышленно отлучится, тот сочтен будет ее императорского величества *изменником и недостойным тем называться, чем он теперь есть*, как и за то, если, ища покоя и страшась смерти, скажется при нынешнем случае больным.

Впрочем, объявив мое мнение, что еще с совета к лучшему признано будет, *я на все труды и опасности усердно себя полагаю*».

Эта энергическая и обстоятельная инструкция сразу подчинила Попову все население города; жители смотрели на него как на своего избавителя и преследователя тех, которые пожелали бы уклониться от общего дела. Обыватели повиновались ему беспрекословно и при первом появлении неприятеля выказали полную энергию.

В первом часу пополудни 9 января мятежники стали подходить к Кунгуру по трем дорогам: из Осы, Казани и по сибирской дороге, со стороны Екатеринбурга. Из толпы, следовавшей по осинской дороге, выехало вперед несколько человек башкирцев, которые кричали по-русски и требовали сдачи города.

– На что вы нас и себя мучите, – кричали они, – мы хотим быть с вами в мире, только вышлите к нашему полковнику вашего воеводу и других начальников, а сами город сдайте. Мы вас ничем не тронем.

В ответ на это последовали выстрелы из орудий. Мятежники подались назад, но остановились почти около города. Тогда майор Попов с 12 человеками солдат казанского батальона, 30 рекрутами, с 60 пешими и 100 человеками конных обывателей и с одним орудием произвел вылазку и смело атаковал неприятеля.

Башкирцы разбежались, и Попов возвратился в город без всякого урона[927].

Через день, 11 января, секунд-майор Попов решился сам перейти в наступление или, по крайней мере, нанести мятежникам серьезное поражение в поле. Не ослабляя обороны города, он собрал сколько можно было солдат, рекрут, обывателей, как пеших, так и конных; взяв с собою два орудия, он вышел в 10 часов утра из Кунгура и, отойдя три версты, остановился близ речки Ирени. Расположив пехоту в одну линию и в три шеренги, причем задняя была вооружена одними длинными пиками, Попов прикрыл фланги с правой стороны небольшим перелеском, а с левой буераком, идущим от реки Ирени. Поставив конницу за флангами пехоты и заманивая башкирцев атаковать себя, он устроил несколько засад: в глубокой лощине, против средины левого фланга положил 12 человек солдат, а за стогом сена, находившимся против правого фланга, поместил до 20 стрелков.

Неприятель не заставил себя долго ждать, и толпа башкирцев, числом до 500 человек, с восемью разноцветными значками и неистовым криком бросилась на малочисленный отряд Попова. Будучи вооружены по преимуществу стрелами и копьями, башкирцы не могли состязаться с регулярным войском. Проскакав засады, они были приняты в два огня, с фронта и с тыла, стрелками. Нескольких выстрелов было достаточно, чтобы произвести замешательство в нестройной толпе, и лишь только Попов перешел в наступление, как неприятель рассыпался в разные стороны[928]. Глубокий снег не допускал продолжительного преследования, тем более бесполезного, что нагнать конного неприятеля было трудно, а пешие башкирцы уходили на лыжах. Неприятель оставил на поле сражения 15 человек убитыми, одно знамя, медный барабан и 30 лошадей. С

этими трофеями секунд-майор Попов возвратился в Кунгур, имея в отряде только трех легко раненных.

Первый успех этот настолько ободрил жителей, что Попов решился предоставить город собственной защите и с небольшим отрядом, состоявшим всего из 92 нижних чинов, нескольких обывателей и двух орудий, двинулся против мятежников, собравшихся в 20 верстах от города в деревнях Кишерте и Усть-Кишерте.

Выступив в 7 часов утра, 15 января, и двигаясь несколько кружным путем, Попов, незамеченный, зашел в тыл инсургентам и утром следующего дня атаковал селение Усть-Кишерт, в котором находилось до 400 башкирцев и около 200 сибирских и других казаков. Застигнутый врасплох, неприятель оказал весьма малое сопротивление и после нескольких выстрелов из орудий рассыпался в разные стороны, потеряв до 40 человек убитыми, много ранеными и 161 человека пленными. Мятежники бросили в селении пять чугунных пушек, много пороха, ядер и гранат. Попов преследовал их по кустарникам лыжниками, а по дороге конницей, но как отряд его состоял из людей неопытных, то преследование и не могло быть особенно энергично.

«Мне одному, – доносил он, – не имев при себе из офицеров помощника, распоряжать и всюду поспевать весьма было неудобно»[929]. Большая часть его команды состояла из рекрут и обывателей, которые не имели «смельства, что всего надобнее, и по непривычке к заряжанию ружья и по неготовности патронов к узкоствольному ружью не могли производить желаемого успеха». Попов, по его словам, принужден был часто оставлять пехоту и пушки назади и следовать с конницей *«стыдить в несмелстве и угрожать с лаской, напоминая присягу*».

Пройдя несколько верст по следам бежавших мятежников и забрав с собою все трофеи и пленных,

Попов повернул к городу Кунгуру, куда и прибыл 17 января.

Энергические действия Попова наставили предводителей башкирских партий во что бы то ни стало захватить в свои руки храброго майора, и они решились ударить совокупными силами на город Кунгур.

К 19 января, в селении Старом Посаде, собрались со своими толпами: Салават Юлаев[930], Канзафар Усаев, красноуфимский канцелярист Петр Лутохин, бывший красноуфимский писарь, а теперь атаман Михаил Мальцев и другие. Они положили отправить в Кунгур увещание, в котором писали[931], будто бы город Уфа уже взят главным предводителем Иваном Никифоровичем Чернышевым (Зарубиным), Красноуфимск добровольно покорился, все заводы, села и деревни, Сибирской губернии крепости *«по приклопепии взяты»* и что теперь со всей артиллерией, найденной в крепостях, и более чем с 15 тысяч человек идут они к Кунгуру.

Салават Юлаев и его товарищи высказывали удивление, что *главный к бунту возмутитель и командир* Попов осмеливается противиться и проливать кровь невинных. Они требовали его выдачи, сдачи города, пушек, оружия, пороха и преклонения знамен.

В 2 часа пополудни, 19 января, красноуфимский казак Иван Дружинин приехал в Кунгур и передал увещание в провинциальную канцелярию. Последняя, поверив словам Салавата, что у него 15 тысяч человек, в тот же день, без ведома Попова, отправила посланного к главнокомандующему с просьбой прислать войска. Канцелярия доносила, что на собранных для защиты крестьян она не надеется, потому что «у многих в той злодейской толпе находятся отцы, братья и другие родственники, да оружия у них только одни пики и дубины, пороху здесь налицо только один пуд, а свинца ничего нет» [932].

В этот же самый день прибыл в селение Старый Посад присланный Зарубиным казак Иван Кузнецов и принял общее начальство. Он составил и на следующий день отправил новое воззвание ко всем «начальствующим и настоятелям города Кунгура»[933]. Кузнецов писал, что он не удивляется тому, что жители не верят воззваниям башкирских предводителей и публикуемым ими манифестам. Он говорил, что и сам прежде не верил в появление императора Петра III, но теперь, когда самым видением лица его величества удостоились довольно видеть и при нем верноподданнически служить, «он не сомневается в его происхождении и уверяет, что то есть истинный царь, *из неизвестности на монарший престол восходящий».*

Скорбя о грабежах и насилиях, причиненных башкирцами жителям, Кузнецов просил припомнить, «что народ этот имеет отменные мысли» против русских, и уверял, что он прислан для введения среди их порядка и устройства. Он говорил, что принял уже меры к восстановлению церквей, разрушенных и разоренных башкирцами, и просил покориться, не оказывая сопротивления.

Не получив никакого ответа, Кузнецов в 7 часов утра, 23 января, с толпой до 2 тысяч человек подошел к Кунгуру и, имея при себе семь пушек, открыл из них огонь. Из города хотя и отвечали на выстрелы, но редко, за неимением пороха. Ободренные башкирцы подвезли свои орудия почти на ружейный выстрел и окружили город со всех сторон. Офицеры ободряли защитников, но с малою надеждой на успех, «потому что подчиненные из обывателей, иные по непривычке, а иные по боязливости прежде времени выходя из послушания, прятались от свиста ядер по заугольюю»[934]. Тем не менее, сознавая слабость своего вооружения, состоящего из пик и стрел, мятежники не решались на штурм, а ограничивались новым требованием связать и

выдать им всех начальников, а населению выйти им навстречу с образами. Требование это не было исполнено, и Кузнецов, прекратив к вечеру огонь, расположил свою толпу вокруг города в 3–4 верстах от него. Здесь он простоял несколько дней без всякой деятельности, пока, как увидим ниже, не был разбит прибывшими в Кунгур правительственными войсками.

Такую же неудачу испытал и другой сподвижник Зарубина, атаман Грязнов, посланный к Челябинску, вокруг которого еще с половины декабря разъезжали башкирские партии от 300 до 150 человек.

Расположенный на реке Миасе, Челябинск, построенный в 1736 году, обнесен был кругом валом с несколькими башнями и деревянным заплотом. Гарнизон его состоял из нескольких десятков солдат, и потому воевода Исетской провинции, статский советник Алексей Петрович Веревкин, еще в начале декабря приказал собрать 1300 человек крестьян, которых, назвавши «временным казачеством», прислать в Челябинск под командою выбранных в слободах отставных солдат. Им приказано было вооружиться чем кто мог и запастись продовольствием на две недели. Замечательно, что открывшиеся уже беспорядки не заставили мелкое начальство поудержаться от всякого рода злоупотреблений. Люди назначались в казачество несправедливо: одиночки, бедные, дряхлые и малолетки. Узнав об этом, Веревкин, по совету секунд-майора Ивана Завороткова, приказал явиться в Челябинск одному из семи человек здоровых и не малолетних. Остальные шесть человек должны были снабдить седьмого пристойной одеждою, лошадью с прибором, фуражом и провиантом и давать 1 руб. 50 коп. в месяц жалованья, т. е. по 25 коп. с человека. В казаки приказано было брать только из семейств «многорабочих, где 5 и 7 душ, а из тех семейств, где от 1 до 5 душ, не брать и не назначать, в видах сохранения

их хозяйств и домашнего быта…»[935]. Казаки собирались туго и приходили с плохим вооружением, преимущественно с кольями. Для усиления защиты Веревкин сформировал роту из рекрут последнего набора. Купечество также вооружило нескольких людей на свой счет, но всего этого было недостаточно ввиду многочисленности мятежников.

«Крайне нужно, – писал Веревкин князю Вяземскому[936], – прислать в провинцию, как наивозможно скорее, из *господ генерал-мойоров, на котором бы необходимо и лента была.* Ваше сиятельство довольно изволите знать здешний народ, в грубости и легкомыслии погруженный, а особливо казаков, которые от их командиров совсем избалованы и вольны и ни в какую службу неспособны, а на всякое зло предприимчивы. При всем том знатных одних генералов, кои имеют на себе орден, чтут и боятся».

Веревкин писал о том же и сибирскому губернатору, просил присылки войск и присовокуплял, что почти вся Исетская провинция перешла на сторону самозванца. Генерал Чичерин, еще ранее получения этого письма, отправил в Челябинск, под начальством подпоручика Федота Пушкарева, роту тобольского батальона и с нею полевую артиллерию, для доставления на Оренбургскую линию. Едва успела эта рота вступить в город, как в воскресенье, 5 января, но окончании заутрени, челябинские казаки, в числе 200 человек, под предводительством хорунжего Наума Невзорова, бросились на орудия, стоявшие против воеводского дома и овладели ими. Расставив своих часовых с зажженными фитилями, Невзоров угрозой открыть по городу огонь намерен был заставить жителей покориться. Но предводимая им толпа слишком увлеклась успехом и, не оставив у пушек никакого прикрытия, ворвалась в дом воеводы Веревкина, захватила как его самого, так и всех у него живших. Связав Веревкину руки и ноги, казаки

били его до полусмерти и, разодрав платье, почти полунагого потащили за ноги и за волосы по улице в свою войсковую избу[937]. Там связали его еще крепче, «так что и кожу с рук и ног содрали», и били прикладами, пинками и кулаками. Полумертвому воеводе, по-видимому, не было спасения, но явившийся на помощь подпоручик Пушкарев избавил Веревкина от мучительной смерти.

Услышав шум и крики, Пушкарев собрал свою роту, отбил у мятежников орудия, оставленные под охраной нескольких человек часовых, а затем проложил себе путь штыками к войсковой избе и освободил Веревкина. Предводитель толпы, хорунжий Невзоров, бежал из города, часть жителей которого была в страхе, а другая в волнении [938].

На другой день были получены известия, что находящиеся вокруг города крепости Чебаркульская и Коельская, слободы Верхнеувельская и Кундравинская заняты мятежниками. Повсюду население встречало бунтовщиков с радушием, имея во главе духовенство. Всякая попытка отдельных лиц убедить население сопротивляться мятежникам кончалась весьма печально для уговаривающих. В слободе Кундравинской поручик Максимов был удавлен за то, что уговаривал не сдаваться подходившей толпе[939]. Ворвавшись в селение, бунтующая толпа прежде всего разбивала кабаки, захватывала деньги, уничтожала конторские бумаги и заставляла население присягать императору Петру III. Все приставшие к мятежникам надевали через правое плечо кусок белого полотна, а желавшие остаться верными правительству покидали свои дома, имущество и бежали в Челябу. «Все находящиеся в Исетской провинции заводские крестьяне, – доносил товарищ воеводы, коллежский асессор Свербеев[940], – уже и последние дворянина Демидова Кыштымского и Каслинского заводов, от злодейского башкирского и

казаков возмущения известному самозванцу отложились».

Таким образом, окруженный почти со всех сторон мятежниками, Челябинск мог полагаться лишь на свою силу. Собранные для защиты крестьяне и казаки почти все разбежались, и в городе осталось купечество, рота рекрут и рота тобольского батальона, состоявшая из 300 недавно обученных рекрут. Командир этой роты, подпоручик Пушкарев, принял меры к защите: расставил вокруг города пикеты и на важнейших пунктах небольшие команды.

Между тем бежавший из Челябинска хорунжий Невзоров собрал в подгородных деревнях 160 человек и в ночь на 7 января подошел с ними к Челябинску. Он требовал, чтобы жители не противясь впустили его в город, и уверял, что государева сила в 40 тысяч человек подходит к Челябинску и все противящиеся будут преданы жестокому мучению. Получив отказ, Невзоров отправился в Кундравинскую слободу ко вступившему уже в командование башкирцами атаману Грязнову и вместе с ним подошел к городу.

Остановясь в деревне Маткиной, в двух верстах от Челябинска, Грязнов 8 января прислал два воззвания: одно на имя товарища воеводы Василия Ивановича Свербеева, а другое жителям и всякого звания людям.

«Я в удивление прихожу, – писал Грязнов Свербееву, – что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не иное что как делают разорение православным христианам и проливают кровь неповинно, а паче называют премилосердощедрого государя и отца отечества великого императора Петра Федоровича бродягою, донским казаком Пугачевым; вы же думаете, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитая за ничто или словом сказать за скоты. Поверь, любезный, ошиблись, да и ошибаются многие, не зная,

конечно, ни силы, ни писания; если бы мы нашего премилосердого отца отечества великого государя были не самовидцы, то б и мы в сомнении были. Верь, душа моя, несомненно, что верно и действительно наш государь-батюшка сам истинно, а не самозванец: что ж за прибыль быть православным христианам в междоусобии и бранях и проливать кровь неповинных, и за что ваш господин воевода с артиллерийской командой взялся вернейших слуг государя приводить в разорение? Пожалуй, сделай себя счастливым, прикажи, чтобы безо всякого кровопролития сделать и крови напрасно не проливать. Если же после сего последнего до вас увещания в склонность не придете, то обещаюсь Богом подвигнуть мои, вверенные от его императорского величества, войска, и уже тогда никакой пощады ждать вам надеяться не предвижу; от мала и до велика прошу, яко брата, уговорить; вас же, если сие сделаете, обещаю вам перед Богом живот, а не смерть; закоснелым же, кто не придет в чувство после сего, благополучия ожидать не остается. Разве мы не сыны церкви Божией? Опомнитесь, други и браты о Бозе! Затем, сократи, оканчиваю сим и остаюсь при армии, посланной от его императорского величества главной армии полковник *Иван Грязнов*».

В другом воззвании, обращенном к населению, Грязнов старался доказать, что со вступлением на престол Петра III Россия избавится от *ига работы.*

«Всему свету известно, – писал он, – сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж – вам самим то небезызвестно: дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе Божием и написано, чтоб они крестьян так же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами; компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работой утрудили, что и в ссылках того никогда не бывает, да и нет, а

напротив того, с женами и детьми малолетными не было ли ко Господу слез?»

Грязнов говорил, что дворянство заставило государя Петра Федоровича 11 лет скитаться за то, что он приказал, чтоб у дворян не было крестьян во владении, что и теперь то же дворянство распустило слух, будто государь самозванец, донской казак Пугачев, наказанный кнутом и имеющий на лбу и щеках клейма. Требуя сдачи города, Грязнов уверял, что каменные стены не спасут его, и удивлялся, что население не желает себе добра и не покоряется. «Орды неверные государю покорились, – говорил он, – а мы противотворничаем».

Посланный с этими воззваниями был задержан в Челябинске, и Грязнов не получил ответа. Подойдя к городу, он приказал своей толпе растянуться в одну линию, чтобы напугать гарнизон значительностью своих сил, и открыл огонь из пяти пушек. Из Челябинска отвечали ему выстрелами из 18 орудий, и мятежники, не видя возможности взять город, после 50 выстрелов отступили опять к деревне Маткиной[941]. В этот день в Челябинск успел пробиться шедший из Сибири небольшой отряд под начальством секунд-майора Фадеева[942]. Воевода Исетской провинции Веревкин 9 января отправил в толпу манифест императрицы от 29 ноября, но Грязнов в тот же день вернул его со своим объяснением.

«Рассмотрение нами чинено, – писал предводитель шайки[943], – и по рассмотрении сия ваша бумажка посылается обратно. Из манифеста же усматривается, якобы государь наш церкви разорял и прочие чинил непорядки, о таковых непорядках написанных мы не ныне уже известны, что написано напрасно и персонально с государем было говорено; вы ж, не видя [его], называете Емельяном Пугачевым, а мы, видя, и свидетельствовали. Как дерзнуть может, да и

печатовать более к увещеванию. *Гришек-расстриг видно не находят*, да и вы не дураки ли: Дмитрий царевич был весьма малолетен, а Гришка назвался уже взрослым! Почему ж можно было опознать его, как наш батюшка всемилостивейший государь уже не малых лет принимать изволил Россию. Следственно, кого б я видал прежде, но и на всех послаться могу, что узнаю через двадцать лет, нежели через одиннадцать. Итак, если отыщутся у вас благоразумные люди, рассудить могут, что и узнать можно. Так вы лихо не подумайте того, что дворяне привыкли всей Россией ворочать, как скотом, но еще и хуже почитают собак, а притом без малых жить не привыкли; а государь все то от них отобрать изволил, так чрез то дворяне умыслили написать хулу, а признали быть за лучшее владеть Россией сами и всеми угодными им угодностями. И для того благоволите город сдать без всякого напрасного православным кровопролития. Если ж вы так отдаться не согласны, дать нам вскоре знать, ныне же через два часа присылкой нарочного не умедлить. Вы думаете и опасаетесь прислать человека? Так не извольте сомневаться, мы не таковых сердец, как вы, нашего [посланного] удерживаете; если же своего жаль выслать – нашего [вышлите], и для того немедленно дайте знать, или знатную от вас персону, хотя для переговорки; право, пустим обратно».

Переговорка эта не состоялась, и 10 января толпа мятежников, усиленная прибытием крестьян с Кыштымского и других заводов и возросшая до 5 тысяч человек, с восемью пушками снова подошла к Челябинску, но была отбита, причем хорунжий Невзоров был захвачен в плен[944]. Грязнов отступил сначала к деревне Шершневой, в шести верстах от города, а потом к Чебаркульской крепости. Под Челябинском он оставил небольшую толпу башкирцев, с приказанием блокировать город и никого не пропускать ни в него, ни из него [945]. Веревкин просил прислать для управления

провинцией достойного человека, «ибо, – доносил он[946], – за учиненным мне от воров бунтовщиков казаков увечьем и чрез то в крайнюю болезнь приведенном, службу ее императорского величества, хотя бы усердно желал, продолжать нахожусь поныне не в состоянии».

В таком положении были дела, когда за несколько дней пред тем главнокомандующий А.И. Бибиков приехал в Казань и не успел еще подробно ознакомиться с ходом событий.

---

notes

Примечания

1

Полное собрание законов (далее – ПСЗ). № 11989.

2

Они изложены весьма подробно В.И. Витевским в его обширном исследовании «Яицкое войско до появления Пугачева» (см.: Русский архив 1879 г.). Мы касаемся истории Яицкого войска настолько, насколько это необходимо для объяснения событий 1773–1774 гг.

3

На эту плавню выезжало обыкновенно тысяч до десяти подвод, и дозволялось ловить только севрюгу и сазанов. Но если попадались осетры или белуги, то их обыкновенно пускали опять в воду, «потому что свежими покупать некому, а в соль неспособны для того, что ржавчина нападает».

4

В это время ловят всякую рыбу, какая попадет: осетров, белуг, севрюг, сазанов и сомов.

5

На эту ловлю собиралось казаков тысяч до трех.

6

Записка капитана Маврина // Памятники новой русской истории, т. II. Подлинник хранится в Гос. архиве, VI, д. № 505.

7

Гос. архив, VI, д. № 505.

8

Всеподданнейний рапорт Военной коллегии от 31 марта 1763 г. // Гос. архив, XX, д. № 50.

9

От 2 мая 1763 г. // Гос. архив, XX, д. № 50.

10

То есть пожалованный указом Военной коллегии.

11

Показание казака Петра Нечаева // Гос. архив, VI, д. № 505.

12

Показания казаков Сидора Кандалинцева и Петра Нечаева // Гос. архив, VI, д. № 505. См. также: Памятники новой русской истории, т. II.

13

Гос. архив, XX, д. № 50.

14

Всеподданнейший рапорт Военной коллегии от 31 марта 1763 г., № 72. У г. Витевского на с. 211 (Русский архив, 1879, кн. III) сделано совершенно неверное примечание. Нам кажется несколько странным, что автор, без всякого основания, отвергает точное указание С.М. Соловьева и основывается на летописи Рычкова, во многих случаях составленной по слухам.

15

Донесение Брахвельда Военной коллегии от 7 января 1763 г.

16

Донесение Брахвельда Военной коллегии от 10 января 1763 г. Гос. архив, XX, д. № 50.

17

Там же.

18

Как: с севрюжьей ловли, с каждой подводы (коих бывает тысяч до десяти) по 1 руб. 80 коп. в осеннюю плавню с рыбачьих связок (коих бывает сот до пяти) по 4 и по 3 руб. в обыкновенное багренье, чрез 7 лет, в каждый год, с каждого казака по 3 руб., по 2 руб. 50 коп. и по 2 руб.; да с севрюг же с каждой сотни, кроме обыкновенного сбора, излишних по 10 коп. и с икры с каждой бочки по 1 руб.

19

В 1758 г. с тысячи человек, бывших на Сибирской пограничной линии, по 3 руб. с каждого ив 1759 г. по 1 руб. с каждого казака, бывшего на Нижне-Яицких форпостах.

20

В определении 11 марта 1763 г. // Гос. архив, XX, д. № 50.

21

В собственноручной записке от 9 мая 1763 г. // Архив канцелярии военного министерства, Высочайшие повеления, кн. № $^{51}/_{55}$.

22

По постановлению Военной коллегии старшину Мостовщикова велено было, не лишая чинов, отставить от службы, а войскового дьяка Суетина написать в есаулы.

23

Домоседною командой назывались те казаки, которые по своим обязанностям не могли ездить на рыбную ловлю.

24

Показание казака Сидора Кандалинцева // Гос. архив, VI, д. № 505.

25

У Витевского (Русский архив, 1879, кн. III, с. 381), Анучина (Современник, 1862, т. 92, с. 577) и в Чтениях общества истории и древностей, 1859, т. III, с. 110, Суетин ошибочно назван Кретиным.

26

Относительно характера Чернышева можно сослаться на следующий указ Сената от 7 февраля 1764 г. «По всеподданнейшему прошению генерала графа Захара Чернышева, – писала императрица, – отставлен он вечно от нашей службы, о чем прошлого 1763 г. в декабре месяце и указ Сенату дан. Но как он, Чернышев, сам увидел ясно, *что тем на скорости одной основанным поступком,* себе и отечеству своему нанес некоторый ущерб, *то пришед в похвальное раскаяние, вновь неоднократными прошениями* утруждал нас о принятии его по-прежнему в нашу воинскую службу. Мы, материнским милосердием на оное снисходя, всемилостивейше *оный горячности его поступок* забвению предаем, а похваляя ревность к службе и видя его способности, повелеваем принять его опять в нашу воинскую службу тем же чином и с тем же старшинством, и присутствовать по-прежнему, как в Военной коллегии вице-президентом, так и во всех коллегиях, в коих он прежде был, командуя притом и бывшею у него до отставки дивизиею».

27

В рескрипте от 19 февраля 1767 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

28

В записке от 24 февраля 1767 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

29

В указе Военной коллегии от 3 июля 1767 г. // Там же.

30

В наставлении Чебышеву от 24 июля Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

31

Секретное наставление Чебышеву от 24 июля // Там же.

32

Герасимов и Бочкарев были отправлены на Яик несколько ранее Чебышева, но с дороги из Симбирска поехали обратно в Москву для подачи нового прошения. Там они были задержаны и отправлены вместе с Чебышевым.

33

Во всеподданнейшем донесении от 25 августа // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

34

Всеподданнейший рапорт Чебышева от 4 сентября // Там же, д. № 2.

35

В указе Чебышеву от 24 сентября 1768 г. // Там же, д. № 43.

36

Во всеподданнейшем прошении от 23 сентября 1767 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 4. Прошение это подписали 508 человек старшин, сотников, десятников и казаков.

37

Предложение Чебышева яицкой войсковой канцелярии 15 октября // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 3.

38

Всеподданнейшее донесение Чебышева от 16 октября // Там же, д. № 43.

39

В письме от 19 декабря 1767 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

40

Всеподданнейший рапорт Чебышева от 8 марта 1768 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 5. Суждения о Чебышеве автора статьи «Яицкое казачество» (Русский вестник, 1864, № 8) по меньшей мере несправедливы.

41

Всеподданнейший рапорт капитана Дурново от августа 1772 г. // Военно-ученый архив, д. № 101 (А).

42

Витевский В.Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив, 1879, кн. III, с. 383.

43

Памятники новой русской истории, т. II, с. 267.

44

Особый вид ружей.

45

Г. Витевский (Русский архив, 1879, кн. III, с. 385) и автор статьи «Яицкое казачество» (Русский вестник, 1864, № 8) приписывают мысль сформирования легионов Потемкину, но это неверно. Известно, что административная деятельность Потемкина по военному ведомству началась с 1774 г., в самый разгар Пугачевской смуты.

46

Легион этот никогда не назывался Потемкинским, как говорит г. Витевский и автор статьи «Яицкое казачество». В состав иностранного легиона должны были войти: один гренадерский и три мушкетерских батальона, каждый в 980 человек; четыре эскадрона карабинеров в 703 коня, два эскадрона гусар в 348 коней и казачья команда в 335 человек (считая в том числе и начальника казаков секунд-майора). Таким образом, полный состав легиона был в 5577 человек.

47

Всеподданнейший доклад Военной коллегии от 21 мая 1769 г. // Архив канцелярии военного министерства. Высочайшее повеление, кн. 60.

48

Во всеподданнейшем докладе от 23 августа 1769 г. за № 41 // Там же.

При этом штатный состав легиона был несколько изменен: в каждом из четырех батальонов полагалось не 980, а 1019 человек; в четырех эскадронах карабинер 745 коней; в двух гусарских эскадронах 349 коней, казаков 335 (с секунд-майором), а всего, считая и нестроевых, 5775 человек.

50

Всеподданнейший доклад Военной коллегии от 19 сентября 1769 г. // Архив канцелярии военнного министерства, кн. 60.

51

Высочайший указ, данный Военной коллегии 7 октября 1769 г. // Там же.

52

У Витевского показаны не те числа, но это, вероятно, опечатка.

53

См. с. 31.

54

Во всеподданнейшем прошении от 22 февраля 1770 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 31, св. 61.

55

Прошение это подписали: атаман Петр Тамбовцев, войсковой старшина, и дьяк Матвей Суетин.

56

В грамоте от 26 марта 1770 г., № 4346.

57

Всеподданнейшее прошение яицких казаков, поданное императрице в июле 1770 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 49.

58

Выписка из экстракта Военной коллегии от 22 июля 1770 г. // Там же.

59

Всеподданнейшее прошение яицких казаков, поданное в июле 1770 г.

60

Ордер Яицкому войску генерал-майора Давыдова, 28 мая 1770 г., № 1016.

61

Рапорт войсковой канцелярии генерал-майору Ивану Кирилловичу Давыдову от 1 июня 1770 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 49.

62

Там же.

63

В состав депутации были избраны сотники Иван Портнов и Семен Подкаряшников; рядовые Федор Найденов, Никита Каргин, Андрей Портнов, Петр Сергеев, Максим Кабаев, Иван Горячкин, Терентий Сенгилевцов, Иван Чалусов, Андрей Легошин, Дмитрий Сергеев, Федор Жирикин, Иван Будигин, Михайло Погадаев, Яким Лепехин, Алексей Ларшин, Федор Свиягин, Степан Толкачев, Емельян Чемев, Петр Герасимов, Петр Заколишин.

64

«Яицкое войско» и пр., г. Витевского (Русский архив, 1879, кн. III, с. 389); Памятники повой русской истории, ч. II, с. 290.

65

В прошении, поданном в июле 1770 г.

66

Архив канцелярии военного министерства, книга высочайших повелений за № 63.

67

У г. Витевского (Русский архив, 1869, кн. III, с. 390) указ этот приведен в измененном виде и цитаты неверны.

68

Памятники новой русской истории, ч. II, с. 291.

69

В указе, данном Военной коллегии 7 декабря 1770 г. // Архив канцелярии военного министерства, кн. № 63.

70

В указе от 31 декабря 1770 г. // Гос. архив, VI, д. № 505. Рассказ об яицких казаках, изложенный в записке полковника Пекарского (Москвитянин, 1841, ч. III, с. 438), настолько неверен, что не может служить источником для исследователя.

71

Краткое извлечение из произведенного следствия, приложенное ко всеподданнейшему рапорту капитана Дурново от августа 1772 г. Военно-ученый архив, д. № 104, л. 21.

72

Записка капитана Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 271.

73

Военно-ученый архив, д. № 104, л. 21.

74

Записка Маврина: Памятники и проч., ч. II, с. 271.

75

Военно-ученый архив, д. № 104, л. 22.

76

Приведен нами выше, с. 53.

77

В числе свиты Кирпичникова были казаки Иван Портнов, Петр Краденов, Иван Герасимов, Иван Овчинников и другие.

78

Чтения в Обществе истории и древностей, 1860, кн. II, с. 36.

79

Показание казака Ивана Ерина // Гос. архив, VII, № 2331.

80

По другим показаниям – Козицкому.

81

Показание Кирпичникова // Московский архив Главного штаба, аудиторская экспедиция, оп. 93, св. 492.

82

В прошении, поданном 27 декабря 1771 г. Прошение это подписали казаки Петр Андреев сын Герасимов и Иван Григорьев сын Ерин // Гос. архив, VII, д. № 2331.

83

Письмо дежурного генерал-адъютанта графа К. Разумовского кн. Вяземскому 28 декабря 1771 г. // Гос. архив, VII, д. № 2331.

84

В письме от 31 декабря 1770 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 163.

85

Показание Кирпичникова.

86

Экстракт, приложенный к рапорту Дурново // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 23.

87

Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 23.

88

Там же, л. 15. Все, что сказано об этом времени в статье «Яицкое казачество» (Русский вестник, 1864, № 8), неверно.

89

Всеподданнейший рапорт Дурново, августа 1772 г. // Военно-ученый архив, д. № 104, л. 15.

90

Рапорт прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу от 22 января 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

91

Там же.

92

Известна была также под именем Толкачевой улицы.

93

Показание Кирпичникова // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. № 492; Описание мятежа, происшедшего в Яицком городке, сделанное старшиной Бородиным // Гос. архив, VI, д. № 505.

94

Показание сотника Ивана Портнова.

95

Описание мятежа, происшедшего в Яицком городке, сделанное старшиной Бородиным // Гос. архив, VI, д. № 505.

96

Записка Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 272.

97

Чтения в Обществе истории и древностей, 1859, кн. III, с. 112; Записка Бородина // Гос. архив, VI, д. № 505.

98

Копняев и Копеечкин принадлежали прежде к войсковой стороне, но потом «прилепились для прокормки к старшинам и наносили на войско разные плевелы».

99

Рапорт прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу от 22 января 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудит, экспед., оп. 93, св. 492.

100

Регулярная команда в Яицком городке состояла из 100 человек Алексеевского пехотного полка и из прислуги при 30 орудиях, принадлежащих войску.

101

Записка Бородина // Гос. архив, VI, д. № 505; Записка Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 274. Всеподданнейший рапорт Дурново // Военно-ученый архив, д. № 104, л. 16.

102

Во всеподданнейшем рапорте – Военно-ученый архив, д. № 104, л. 16.

103

Рапорт Рейнсдорпа Сенату 25 января 1772 г.

104

Показания Анны Глуховой и Маланьи Бирюковой // Гос. архив, VI, д. № 505.

105

Посланный за чудотворным образом Спасителя, церковный староста Сысой Попов показал, что образ был действительно принесен им в Петропавловскую церковь, причем старухи объявляли, «что из глаз Спасителевых еще на дому усмотрены ими текущие слезы, почему и он из любопытства в то же самое время на образ смотрел, но слез текущих не было, а только от глаз видны были маленькие дорожки, наподобие как бы маслом каким намазанные» // Гос. архив, VI, д. № 505.

106

Из рапорта Сакмарской станицы атамана Данилы Донского генералу Рейнсдорпу от 17 февраля 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

107

Показание Кирпичникова // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

108

Чтения, 1860, кн. II, с. 51.

109

Основываясь на приговоре Военной коллегии (Чтения, 1860, кн. II, с. 37), г. В.Н. Витевский говорит, что при последней посылке священник Васильев был уполномочен обявить Дурново, что если просьбы казаков не будут исполнены, то они пойдут с оружием и будут бить до смерти. Угроза эта не подтверждается ни рапортом Дурново, ни показаниями самого священника Васильева, ни, наконец, показаниями казаков, спрошенных по этому поводу оренбургскою следственною комиссией.

110

Рапорт Данилы Донского генералу Рейнсдорпу от 17 февраля 1773 г. // Московский архив Главного штаба; Рапорт Дурново, августа 1772 г. //Военно-ученый архив, д. № 104, л. 17; Записки Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II.

111

Показание сотника Петра Краденова // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

112

Рапорт прапорщика Евтюгина от 22 января 1772 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

113

Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 17.

114

Хотя Дурново в своем рапорте и писал, что обязан жизнью, «как после я о том сведал», казаку Григорию Кабанову, но этого нельзя признать справедливым. По показанию большинства, это был Шигаев, который за этот поступок был освобожден Военною коллегией от наказания и тем навлек на себя нерасположение товарищей. Казаки войсковой стороны считали его с этого дня передавшимся на сторону старшин и впоследствии сторонились от него.

115

Рапорт Данилы Донского Рейнсдорпу от 17 февраля 1772 г.

116

Витевский (см. статью «Яицкое войско до появления Пугачева» // Русский архив, 1879), основываясь на письме Рычкова, относит начало резни к 12-му числу и говорит, что она продолжалась и 13-го числа, что совершенно неверно. Она началась и кончилась 13 января 1772 г.

117

В рапорте от 22 января // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

118

Записка Бородина // Гос. архив, VI, д. № 505.

119

Ордер войска Яицкого форпостным начальникам от 15 января // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

120

Старое русло р. Яик (ныне р. Урал).

121

Записка Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 279.

122

Вот эти документы, составленные самими казаками:

Протопоп Федор показал: «13 сего января, во время войска Яицкого шествия к г. капитану Сергею Дмитриевичу Дурново, для своей просьбы, чтоб он, капитан, исполнил в силе именного ее императорского величества указа, со святыми образами, в которое время по оном войске находящийся здесь в Яицком городке г. генерал-майор фон Траубенберг, из учрежденной на Большой улице противу порохового выхода артиллерии, т. е. пушек, а потом и из ружей не ведано по какой причине начал палить. Оное войско, видя, что он, генерал, начал по них стрелять, то и оное, во оборону свою, противу его, генерала, регулярной команды и бывшим с ним же, генералом, с атаманской стороны старшин и казаков начали стрелять».

Прапорщик Евтюгин: «Войска Яицкого войсковой канцелярии объявил, что при случившейся сего числа (13 января) в Яицком городке штурме стрельба началась сперва из одной, а потом и из прочих пушек с регулярной стороны». Под этою подпиской протопоп Федор собственноручно приписал: «Но и я при том был и видел, что стрельба из пушек началась сперва от регулярной команды, которою войска немалое число до смерти побито».

Сержанты Мензелинцев и Васильев 14 января дали подписку, что «при случившейся вчерашнего числа в Яицком городке штурме, сперва пальба по приказу г. генерал-майора и кавалера фон Траубенберга началась с регулярной стороны из одной подле него бывшей, а потом и из прочих пушек» (Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 4, 5 и 6).

123

В прошении от 15 января 1772 г. Прошение это напечатано в приложении к статье г. Д. Анучина (Современник, 1862, т. 92), а подлинник находится в Военно-ученом архиве, д. № 104 (А), л. 1.

124

Показание это напечатано в «Современнике» (1862, т. 92, с. 605).

125

От И февраля 1772 г. // Гос. архив, XVI, д. № 495.

126

Показание Максима Кожевникова // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492; Показание Максима Шигаева // Гос. архив, VI, д. № 506.

127

Во всеподданнейшем рапорте от августа 1772 г. Военно-ученый архив, д. № 104, л. 18.

128

Витевский В. Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив, 1879, кн. III, с. 443.

129

Записка Бородина // Гос. архив, VI, д. № 505.

130

Рапорт Рейнсдорпа Сенату от 25 января 1772 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

131

В объявлении от 19 января 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

132

Дурново давно сам желал уехать, но не мог этого сделать по слабости здоровья. «Что принадлежит до меня, – писал он Рейнсдорпу 22 января, – то нахожусь в превеличайшей слабости и весь изранен: на голове три раны, правая рука порублена, на спине рана копейная [копьем], а сверх того, бит очень больно, так что и подняться с постели не могу. Да и изволите писать, если дела порученной мне комиссии дозволят, не соглашусь ли отправиться в Оренбург, я бы с превеликою радостию поехал для излечения моей болезни, только ныне время очень холодное, а хотя мало будет потеплее, то отправиться не премину».

133

Рапорт Яицкого войска Рейнсдорпу от 21 января // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492. За Мартьяном Бородиным казаки особенно наблюдали; они посадили его в подземелье и почти не выпускали на свет. Бородин получил свободу только с занятием Яицкого городка отрядом Фреймана.

134

Протоколы совета 6, 11 и 16 февраля 1772 г. // Архив Гос. совета.

135

Указ Дурново от 17 февраля 1772 г. // Московский архив Главного штаба, св. 492.

136

В указе Рейнсдорпу от 26 марта 1772 г. Указ этот напечатан вполне в статье Витевского «Яицкое войско до появления Пугачева» (Русский архив, 1879, кн. III, с. 447).

137

Полковник Углецкий был выбран, как человек надежный и в Яицком войске неоднократно бывавший (Всеподданнейший рапорт Рейнсдорпа от 8 мая // Военно-ученый архив, д. № 104, л. 25).

138

Ордер войску Яицкому от 24 апреля // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

139

Рапорт войска Рейнсдорпу от 30 апреля // Там же.

140

Московский архив Главного штаба, по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

141

У г. Витевского (Русский архив, 1879, кн. III, с. 446) неверно сказано: «рыбного поклона», и на этой фразе основано несколько заключений автора.

142

Сотники Симеон Свешников, Петр Сергеев, Савелий Оминичихин, Алексей Аржанов и Никифор Любин.

143

Указ Военной коллегии Рейнсдорпу от 17 февраля 1775 г.

144

Московский архив Главного штаба. Журнал секретной экспедиции, оп. 47, кн. 52, л. 118.

145

Донесение войска Яицкого от 6 мая 1772 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

146

Объявление Рейнсдорпа войску Яицкому 14 мая 1772 г. // Московский архив Главного штаба по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

147

Предписание Рейнсдорпа генерал-майору Фрейману 10 мая // Там же, оп. 93, св. 492.

148

Записка Фреймана без года, месяца и числа // Гос. архив, VI, д. № 505.

149

Рапорт Галунова войску от 16 мая // Московский архив Главного штаба по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

150

Ордера войска Яицкого вверх по р. Яик по крепостям и форпостам старшинам, есаулам, сотникам и казакам, даже до Иртецкого форпоста от 18 и 28 мая // Там же.

151

Показание сотника Ивана Чеботарева // Там же.

152

Нур-Али уклонился от прямого ответа и впоследствии письмом от 8 июня уведомил Рейнсдорпа, что от Яицкого войска были присланы к нему люди с объявлением, что оренбургские войска идут на них, «а как-де они, яицкие казаки, с киргиз-кайсаками равного в роде своем состояния, то именем войска и просили, чтобы киргизы для помощи к ним сообщились». Нуралы-хан писал, что он по своей верности им отказал // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

153

От 28 мая 1772 г. // Там же.

154

Ордер войска Яицкого сотнику Сетчикову, 28 мая // Там же.

155

Записка Бородина // Гос. архив, VI, д. № 505.

156

Рапорт Трифонова войсковой канцелярии от 31 мая 1772 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

157

Рапорт походного атамана и войскового поверенного Василия Трифонова войсковой канцелярии от 31 мая // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

158

Ордер Трифонова вниз по реке Яик старшинам и казакам до Гниловского форпоста, 1 июня // Там же.

159

Показание Перфильева 12 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, № 425.

160

Показание сотника Кирпичникова и полковника Пономарева // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

161

Записка Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, 282.

162

Показание сотника Ивана Портнова // Московский архив Главного штаба.

163

Показания сотников Кирпичникова и Портнова // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

164

Показания Кирпичникова и Портнова // Там же.

165

Записка Фреймана // Гос. архив, VI, д. № 505; Рапорт Фреймана Рейнсдорпу от 12 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

166

Витевский (Русский архив, 1879, кн. III, с. 452) принял эти цифры за действительные потери обеих сторон, но нет надобности близко знать военное дело, чтобы видеть всю их неверность. В действительности же потери Фреймана в оба дня сражения заключались в одном убитом, 9 раненых, в том числе прапорщик Бочкарев, и 15 пленных (9 оренбургских казаков и 6 калмыков). Что же касается яицких казаков, то, кроме убитых и раненых, они потеряли 4 человека захваченными в плен и два знамени.

167

«По самонужному ныне дошедшему до всего здешнего общества обстоятельству, – писал Сенгилевцев 4 июня Гурьевской сотенной команды походному атаману Андрею Чипову (?), – о котором податель сего может ясно доказать, потребно пороху, ядер и свинцу. А как оного пороху, ядер и свинцу в Гурьеве находится немалое число, почему в войске Яицком рассуждено взять оттоль половинное число, того ради и повелевается вам оного пороха, ядер и свинцу, взяв половинное число для доставления сюда, отдать посланному с сим казаку Кабаеву, и с ним для препровождения оного интереса отправить из команды своей 25 человек совсем вооруженных. Прапорщика же [Филатова], находящегося у вас с командой, дабы он не мог куда в другие места дать о том известия, заковав всех в железо, содержать под крепким караулом».

168

В ордере от войска Яицкого Василию Трифонову 4 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

169

Записка Фреймана // Гос. архив, VI, д. № 505; Рапорт Фреймана Рейнсдорпу 12 июня 1772 г. // Московский архив Главного штаба.

170

Записка Фреймана // Гос. архив, VI, д. № 505; Рапорт Фреймана Рейнсдорпу от 12 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

171

Показания Кирпичникова и Трифонова // Московский архив Главного штаба.

172

В рескрипте от 4 июня 1772 г. // Военно-ученый архив, д. № 104, л. 12.

173

Показание в Тайной экспедиции казаков Василия Плотникова и Максима Шигаева // Гос. архив, VI, д. № 512.

174

Всеподданнейший доклад Военной коллегии от 15 июня 1771 г. // Архив канцелярии военного министерства, высочайшие повеления, кн. № 64.

175

«По дошедшему к нам уведомлению, – писала императрица в указе Военной коллегии от 23 июля о неспособности генерал-майора Баннера к командованию Московским легионом, – повелеваем поручить оный в команду генерал-майора князя Прозоровского, а ему, Баннеру, явиться для определения в Военной коллегии».

176

Московский архив Главного штаба, оп. 110, св. 149, д. № 2.

177

Московский архив Главного штаба, оп. 110, св. 149, д. № 25.

178

Показание Спиридона Иванова. Всеподданнейшее донесение наказного атамана Волгского войска от 25 апреля 1772 г., № 327 // Московский архив Главного штаба, оп. 94, св. 10.

179

Высочайшая грамота на имя войскового атамана и всего Волгского войска от 3 мая 1772 г. // Там же.

180

Рапорт Бекетова Военной коллегии 10 августа 1772 г. // Там же.

181

Показание капрала Егора Васильева.

182

Донские войсковые ведомости, 1860, № 18.

183

Всеподданнейший доклад Военной коллегии 7 марта 1773 г. // Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. № 204.

184

Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. № 204.

185

Труды Донского войскового статистического комитета, изд. 1867 г., вып. I.

186

Савельев А. Трехсотлетие войска Донского, с. 83.

187

Труды Донского войскового статистического комитета, изд. 1874 г., вып. II.

188

Всеподданнейший доклад Военной коллегии 7 марта 1773 г. // Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. № 204.

189

В грамоте от 6 декабря 1772 г. // Архив канцелярии военного министерства, высочайшие повеления, кн. № 65.

190

В грамоте войску Донскому от 25 января 1773 г. // Архив канцелярии военного министерства, высочайшие повеления, кн. № 67.

191

Записка Чернышева Военной коллегии 15 сентября 1773 г. // Там же.

192

Впоследствии Богомолов показывал, что «в бытность у него Певчего наказывал полковнику Денисову с угрозами, чтобы к нему, самозванцу, он побывал, не имея на то надежды, а только надежен был, что в простом народе сие разгласится, а паче желал тому разглашению больше быть на Дону, где казак Семенников обещал подговорить казаков на его сторону».

193

Показания Богомолова и Васильева.

194

Показание Серединцева от 12 июля 1772 г. // *Мордовцев.* Самозванцы и понизовая вольница, т. I, с. 79.

195

Показание канонира Михаила Григорьева.

196

Отношение Бекетова графу З. Чернышеву, 4 июля 1772 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 94, св. 10.

197

Рапорт Циплетева Бекетову 2 июля 1772 г.

198

Отношение Бекетова графу З.Г. Чернышеву 4 июля 1772 г.

199

Показания Серединцова 9 и 12 июля 1772 г. //

200

Об этом самозванце смотри «Воронежскую беседу» на 1861 г.

201

Рапорт Чернозубова войску Донскому 7 июля // Московский архив Главного штаба, оп. 94, св. 10.

202

Инструкция Сарычеву от 12 июля 1772 г.

203

Донесение Донского войска Военной коллегии от 17 июля 1772 г.

204

Собственноручная записка от 25 июля 1772 г.

205

Грамота войску Донскому от 26 июля 1772 г., № 149.

206

Отношение графа Чернышева Бекетову от 26 июля 1772 г., № 151.

207

В ордере от 8 августа 1772 г.

208

Отношение Бекетова казанскому губернатору 9 августа 1772 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 94, св. 10.

209

Письмо императрицы графу П.И. Панину 20 ноября 1774 г. // Чтения, 1858, кн. II.

210

Показание Пугачева, данное Шешковскому 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

211

Показание Пугачева в Яицком городке 16 сентября 1774 г. // Гос. архив, д. № 506.

212

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512 (1).

213

Показание Пугачева от 4 ноября 1774 г.

214

О своем пребывании на Тереке Пугачев рассказал Шешковскому целую басню, которая могла бы ввести в заблуждение, если бы сохранившиеся, к счастию, документы не опровергли всего им показанного. Шешковский записал со слов допрашиваемого следующее: «Поехал он через Дон по льду верхом с тем намерением, чтобы ехать на Терек... Ехал он семь дней и, не доехав до Кумы, занемог, а лошадь пала, почему он лег и лежал, а отдохнув, через великую силу пошел к Куме; дошедши до берега, не мог больше ступать ногами, лег на берегу, лежал трое суток, не видев ни одного человека... Через три дня пришли к нему три человека, русские, и спросили его, что он за человек? Он сказал им о себе, что он донской беглый казак... Оные два человека были на лошадях; сжалившись над ним, посадили его на лошадь, а сами сели на одну двое и поехали с ним по сделанному идущими в то самое время из Кизляра донскими казаками мосту через реку Куму. И, отъехав от реки верст с тридцать, привезли его оные два человека в сделанный шалаш, где он, Емелька, лежал недели с две. Кормили же его оные люди зверями, яблоками и терном... Оные ж люди сказали ему о себе, что они беглые из Сибири с заводов и, наделав там бед, бежали: мы были и в Астрахани, да там публиковано о нас, так мы и оттуда ушли. Когда же ему стало полегче, то увидел он, что оные два человека режут из прутьев жеребенки, то он их спросил: «Что вы, братцы, пульки, что ли, режете и эти прутики свинцовые, что ли?» На что они сказали ему: «Это не свинец, а золото». И он их спросил: «Да где же вы берете?» На что они ему сказали: «Да мы нашли здесь этого сокровища множество, да жаль, что

всемилостивейшая государыня этого не знает; мы бывали на многих государевых заводах, да столько такого сокровища не видали». И он, Емелька, спросил их: «Да как же вы нашли?» И они ему сказали: «А вот как: увидели мы лисицу и погнались за нею, хотели застрелить; мы к ней, а она от нас. И так она отвела нас от шалаша нашего верст двенадцать и вдруг бросилась в нору почти при наших глазах; мы стали ту нору рыть и как порыли аршина два в глубину, то и нашли тут это золото». Емелька спросил их: «Не можно ли мне это место указать». И оные люди сказали: «Пожалуй, покажем». После сего они все трое и пошли и, отведя от шалаша верст двенадцать, взошли как бы на высокий вал и ту нору ему показали и рыли, где он, Емелька, то золото видел, и потом ту нору зарыли и заровняли и пошли по-прежнему в шалаш. После чего, пожив в шалаше дней с пять, стосконулось ему по жене и детям, а к тому ж и на Терек попасть за болезнию его нельзя, то, простясь с теми людьми, не спрося их об именах, ни о чинах, пошел к реке Куме и, перешед по тому же мосту, шел прямо на Дон в свой дом с две недели».

215

Г. Щебальский («Начало и характер Пугачевщины») говорит, что Пугачев вписался в Моздокское войско, но такого войска не существовало.

216

Показание Пугачева в моздокской комендантской канцелярии 9 февраля 1772 г. // Чтения общества истории и древностей, 1848, кн. I.

217

Рапорт моздокского коменданта кизлярскому 20 февраля // Чтения общества истории и древностей, 1848, кн. I.

218

Рапорт плац-майора Повескина моздокскому коменданту Иванову 13 февраля // Там же.

219

Команда, на обязанности которой было ловить воров и разбойников и конвоировать колодников.

220

Показание казака Лукьяна Худякова // Гос. архив, VI, д. № 512. За то, что упустил Пугачева, Худяков, по распоряжению войсковой канцелярии, был высечен плетьми, а старшина за то, что отдал на поруки, посажен на месяц на хлеб и воду.

221

Показание Ивана Коверина 11 декабря 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

222

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.

223

Кабанья слобода находилась тогда в Изюмском полку.

224

Показания Пугачева 4 и 18 ноября. Показание Осипа Коровки 18 ноября.

225

В допросах Пугачеву (Чтения, 1858, кн. II) ошибочно напечатано Вавилы.

226

Раскольничья слобода, находившаяся на острове реки Сожи, в пределах нынешней Могилевской губернии.

227

Указами Петра III и Екатерины II таким возвращающимся обещаны разные льготы и дозволено селиться по желанию.

228

Пугачев не скрывал своего имени и не назывался здесь пензенским купцом, как сказано в Чтениях (1858, кн. II), у Щебальского и других. До сих пор основанием для исследователей служили «Допросы Пугачева» (Чтения, 1858, кн. II) или, вернее, первое показание Пугачева, данное в Яицком городке 16 сентября 1774 г. Показание это напечатано с неверной рукописи и совершенно искажено: в тексте пропущены целые строки, переиначены собственные имена и название местности. Цифры правительственных войск и силы Пугачева также неверны: на с. 25 напечатано 100 т., а следует 10 т. заводских крестьян; напечатано 4 т. башкирцев вместо 400. Не имея возможности перечислять здесь все неточности, должно сказать, что на одном этом показании основываться невозможно. В Тайной экспедиции в Москве Пугачев от многого отказался, сознался, что много выдумал, и был уличаем на очных ставках своими сообщниками. Эти показания могут служить источником только при сличении их с показаниями других лиц. Еще большему искажению подверглись напечатанные в той же книжке Чтений: 1) дополнительное показание Пугачева и 2) допрос, учиненный государственному злодею и самозванцу Пугачеву в присутствии П.С. Потемкина 1774 г. октября со 2-го по 5-е число. Последний следует читать так: «Допрос, учиненный государственному злодею и самозванцу Пугачеву в присутствии генерала графа Панина и генерал-майора Потемкина октября со 2 по 5 число в Симбирске».

229

Показание Пугачева 18 ноября 1774 г. Показание Логачева 13 декабря 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512; Донесение казанского губернатора Брандта Сенату 21 марта 1773 г. // Там же, д. № 414.

230

Вот подлинный паспорт Пугачева, данный ему на Добрянском форпосте:

«По указу ее величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны,

самодержицы Всероссийской и проч., и проч.

Объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собой при Добрянском форпосте, веры раскольнической, Емельян Иванов, сын Пугачев, по желанию его для житья определен в Казанскую губернию, в Симбирскую провинцию к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск, обид, налог и притеснений не чинить и давать квартиры по указам, а по прибытии явиться ему с сим паспортом Казанской губернии в Симбирскую провинциальную канцелярию. Тако ж следуючи и в прочих провинциальных и городовых канцеляриях являться; праздно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной его нужды. Оный же Пугачев при Добрянском форпосте указанный карантин выдержал, в котором находится здоров и от опасной болезни, по свидетельству лекарскому, явился несумнителен. А приметами он: волосы на голове темно-русые и борода черная с сединой, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой соски две ямки, росту 2 аршина 4 вершка с половиной, от роду 40 лет. При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеется. Чего в верность дан сей от главного Добрянского форпостного правления за подписанием руки и с приложением печати моей, в благополучном месте 1772 г. августа 12». На подлинном написано: майор Мельников, пограничный лекарь Андрей Томашевский и каптенармус Никифор Баранов (Гос. архив, VI, д. № 413).

231

Показание Ивана Коверина 11 декабря 1774 г. Показания Коровки 18 ноября 1774 г. Показание Логачева 13 декабря 1774 г. Показание Пугачева 4 и 18 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512.

232

Ныне город Вольск, в Саратовской губернии.

233

Гос. архив, VI, д. № 460.

234

Оставшись без всяких средств к жизни, Логачев нанялся за 90 руб. в солдаты за крестьянина села Терсы, Филиппа Бередникова; служил сначала в Нарвском пехотном полку, а потом был переведен в Симбирский гарнизонный батальон, откуда и взят к допросу.

235

В то время поселения на р. Иргизе состояли из одних только раскольников. По переписи, произведенной сначала в 1762, а потом в 1765 г., было следующее число душ и селений на Иргизе: в селе Красном Яре 95 душ, в Рождественском (Перекопная Лука тож) 269 душ, в Березовом Починке 79 душ, в Овсяном гае, что у мостов по Яицкой дороге, 62 души, в Криволуцкой слободе 258 душ, в Криволучье, что в Медвежьем гаю, называемое Авраамиев скит, 17 душ, в дер. Кармяшке (Криволуцкий остров тож) 42 души, Мечетной слободе 300 душ, в местечке Мечетном, называемом также Пахомиев и Филаретов скиты, 29 душ, в Старицком юру, называемом Исакиев скит, 37 душ – а всего 1188 душ (Гос. архив, VI, д. № 490). Об иргизских монастырях см. Сын Отечества, 1847 г., ч. 181.

236

Ср. Сочинения Державина, Я. Грота, т. VIII, с. 139.

237

Показание Филиппова 3 декабря. Дополнительное показание Пугачева.

238

Сперва он жил в И леке у атамана Василия Тамбовцева, а потом в Яицком городке у сына его, войскового атамана Петра Тамбовцева, который был убит яицкими казаками. За верную службу Оболяева Тамбовцев дал ему возможность арендовать умет.

239

Показание Оболяева 17 ноября 1774 г.

240

Показание Семена Филиппова 3 декабря 1774 г. Показание Григория Закладнова 22 июня 1774 г. Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. Показание Степана Оболяева 17 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

241

Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492, № 517.

242

Показания Максима Шигаева и Дениса Караваева // Гос. архив, VI, д. № 512.

243

До этого времени Пугачеву никогда и в голову не приходило называть себя государем, и он чистосердечно сознался, что все первоначальные показания его ложны. После очных ставок с оговоренными им лицами Пугачев, встав на колени, говорил: «Виноват Богу и всемилостивейшей государыне, я на Коровку, на Кожевникова, Криворотова купца и на Филарета, раскольничьего старца, будто я по признанию солдата Алексея Семенова назвал себя государем Петром III, показывал ложно» (Показание Пугачева 18 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512).

244

Показание Дениса Пьянова // Там же, д. № 506. Дополнительное показание Пугачева // Там же, д. № 512.

245

Замечательно, что в числе лиц, арестовавших Пугачева, был и старец Филарет. В промемории управительских дел от 19 декабря записано: «Означенный вышедший из Польши раскольник, через посланных сыскиван был и от выборного Митрофана Федорова и Филаретова раскольничьего скита от инока Филарета и Мечетной слободы от крестьянина Степана Васильева с товарищи приведен к управительским делам» (Гос. архив, VI, д. № 413).

246

При доношении от 19 декабря 1772 г. за № 284 // Там же.

247

Показания Попова // Там же, № 506 и 512. Показание Попова, напечатанное в «Русской старине» (1876, т. XVI, с. 612–619), было первое, и впоследствии он отказался от многого. Письмо же его к Филарету было написано без ведома Пугачева.

248

Показания Филарета и Седухина // Гос. архив, VI, д. № 460.

249

Показание Щолокова от 15 ноября 1774 г. Показание Пугачева от 4 ноября // Гос. архив, VI, д. № 512.

250

От 12 марта 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 414.

251

Пригород Алат находился от Казани в расстоянии 44 верст.

252

Дружинин был человек лет 48 от роду. В 1772 г., по выбору купечества пригорода Алата, он находился в ясашном селе Сретенском у продажи казенной соли целовальником. По окончании года он должен был сдать эту должность, причем, при поверке проданной и оставшейся соли, на него сделан был начет в 220 руб. Хотя Дружинин и доказывал, что сделанный им прочет произошел от усыпки и утечки соли, тем не менее за такую растрату казенного имущества он был арестован и содержался сначала в Казанском магистрате, потом переведен в Казанскую губернскую канцелярию в «черные тюрьмы», а оттуда вместе с Пугачевым в Казанский острог. Дружинин не был раскольником, как полагают Щебальский («Начало и характер Пугачевщины», с. 40) и другие авторы монографий о Пугачеве, да и вообще раскол не имел никакого влияния на бегство из Казани.

253

Родственниками Домны Степановой были зятья: певчий Благовещенского собора Иван Дугоневский и ямщик Герасим Афанасьев, сын Третьяков.

254

По справке оказалось, что Григорий Алексеев, сын Мищенко, зачислен на службу 5 января 1773 г. в третий казанский батальон и от роду ему 35 лет (Гос. архив, VI, д. № 414).

255

Показание Дружинина 25 марта 1775 г. в «Русской старине» (1876, т. XVI, с. 622), ошибочно напечатан 1776 г. показания.

256

Рапорт капитана Васильева в Казанскую губернскую канцелярию от 1 июня 1773 г.; Рапорт прапорщика Александра Зыкова от 14 октября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 414. В «Русской старине» (1876, т. XVI, с. 624) сказано, что Пугачев и Дружинин в один и тот же день два раза ходили к священнику, но факт этот не подтверждается ни произведенным следствием, ни показаниями прикосновенных лиц.

257

Показание священника Ивана Ефимова // Промемория Казанской духовной консистории от 22 июня 1773 г.; Показание Дружинина 25 марта 1775 г. // Гос. архив, VI, д. № 414; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

258

Показание Рыбакова 3 июня 1773 г. Рапорт Кондратьева Казанской губернской канцелярии, полученный 14 июля 1773 г. // Там же, д. № 414.

259

Рапорт Коршунова в губернскую канцелярию 7 июня 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 114.

260

В ордере Познякову от 5 июня 1773 г., № 3 // Там же, д. № 413.

261

Рапорт Познякова от 18 июня 1773 г. // Там же.

262

В письме князю Вяземскому от 21 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 95, св. 562, д. № 125.

263

Архив кабинета его императорского величества, особое дело о Пугачеве.

264

Гос. архив, VI, д. № 414.

265

В указе Военной коллегии от 14 августа // Московский архив Главного штаба, оп. 95, св. 562, д. № 125.

266

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии от 18 сентября // Московский архив Главного штаба, оп. 95, св. 562, д. № 125.

267

Показания Пугачева 4 ноября и 11 декабря 1774 г.; Показание Дружинина 25 марта 1775 г. // Гос. архив, VI, д. № 414 и 512. О дальнейшей судьбе Дружинина и Мищенко см.: Русская старина, 1876, т. XVI, с. 625.

268

Показание Афанасия Чучкова // Гос. архив, VII, д. № 506.

269

Показание Оболяева 11 июня; Показание Афанасия Чуйкова 6 июня // Гос. архив, VI, д. № 506.

270

Показания Оболяева 11 июня и 17 ноября 1771 г.; Показания Григория Закладнова 23 июня и 17 ноября 1774 г.; Показания Афанасия Чуйкова 6 июня и в ноябре 1774 г.; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

271

Показание Зарубина (Чики) на очной ставке с Ульяновым // Гос. архив, VI, д. № 422; Показания Дениса Караваева и Максима Шигаева в Тайной экспедиции // Там же, д. № 512.

272

Показание Зарубина (Чики) на очной ставке с Ульяновым, без числа и месяца. Гос. архив, Vi, д. № 506.

273

От 8 марта 1773 г. за № 4348. Чтения общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 35–51.

274

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 25 апреля 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

275

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 4 июля 1773 г. // Там же.

276

Показание Козьмы Кочурова // Гос. архив, VI, д. № 506.

277

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 10 июля 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. 492.

278

Московский архив Главного штаба, оп. 47, св. 249.

279

Памятники новой русской истории, т. II, с. 284.

280

Показание казака Якова Почиталина // Гос. архив, VI, д. № 506; Показание Максима Шигаева // Там же, д. № 512; Показание Василия Коновалова // Там же, д. № 505.

281

Показания Григория Закладнова 23 июля и 17 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

282

Оболяев больше не видал Пугачева; посаженный в тюрьму, он провел в заключении все время варварской деятельности Пугачева.

283

Показания Оболяева 16 октября 1773 г., 10 января, 11 июня и 17 ноября 1774 г.; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показания Афанасия Чуйкова 6 июля и 17 ноября 1774 г.; Показание Караваева 17 ноября; Показание Григория Закладнова 17 ноября // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

284

Кожевниковых было три брата: Андрей, Михаил и Степан; все они жили в одном доме; вблизи их жил и двоюродный брат их Сидор.

285

Название Узени, показывал впоследствии Творогов, произошло от двух узких, но глубоких речек, близко одна от другой отстоящих. Хотя полоса земли между ними была очень небольшая, «но местами много есть островов, преглухим камышом произрастаемых, так что сии места почитаются непроходимыми и способнейшими к укрытию беглецам» (Гос. архив, VI, д. № 505).

286

Хутора эти находились на реке Малый Чаган, в 35 верстах от Яицкого городка, верстах в пятнадцати от реки Усихи и в четырех верстах от Наганского форпоста.

287

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показания Мясникова 9 мая и 16 июня, Шигаева 8 мая и 4 июня, Зарубина (Чика), Чуйкова 6 июня и 17 ноября и Караваева 17 ноября // Гос. архив, VI, д. № 422, 506 и 512.

288

Показания казаков Михайлы Кожевникова, Зарубина (Чики), Андрея Кожевникова, Тимофея Мясникова, Максима Шигаева и крестьянина Афанасия Чуйкова // Гос. архив, VI, д. № 467, 505, 506 и 512; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512.

289

Гос. архив, VI, д. № 506.

290

Речка Усиха находилась от хутора Кожевниковых верстах в двадцати, а от Яицкого городка верстах в пятидесяти. Место это было степное, ни лесу, ни жилья тут не было, а на берегу реки стояло одиноко высокое дерево.

291

«Все от меня злодеяние, – показывал Пугачев, – произошло чрез яицких казаков, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казак». Показание Пугачева 5 декабря 1774 г.; Показание Зарубина (Чики); Показание Зарубина и Ульянова на очной ставке друг с другом; Показания Мясникова 9 мая и 16 июня; Показание Михайлы Кожевникова // Гос. архив, VI, д. № 422, 505 и 512.

292

Показание Горшкова 8 мая 1774 г. // Там же, д. № 421.

293

Плавня эта обыкновенно начиналась с 1 октября и продолжалась до конца ноября.

294

Показания Зарубина (Чики), Михайлы Кожевникова, Василия Коновалова и Козьмы Кочурова // Гос. архив, VI, д. № 422, 506 и 512; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512. См. также: Архив Главного штаба, кн. 1; Секретные бумаги и манифесты Пугачева, л. 66–68.

295

Показания казаков Якова Почиталина и Василия Плотникова // Гос. архив, VI, д. № 506.

296

Во время бывшего возмущения казаки захватили из войсковой избы эти знамена, пожалованные атаманам.

297

В числе 10 рублей были: Плотникова – 2, Почиталина – 2, Караваева – 2, Егора Павлихина – 2, да еще человек добренький, говорил Плотников, обещал дать 2 рубля.

298

Зимовья принадлежали Мясникову и были в 10 верстах от городка.

299

Делая круг, казаки показывают тем, что съезжаются не враги, а приятели.

300

Под именем первого обеда называлась первая остановка казаков при выезде из Яицкого городка на плавню. «Обыкновенно, выехав из городка, атаман останавливался на кормном месте и стоял тут дня два для того, что сюда отвсюду съезжались казаки и присоединялись к выехавшим из городка. С этого уже места казаки отправляются на плавню, спускают на воду будары и, по данному от атамана сигналу, пускаются вдруг и, стараясь захватить удобное место, теряют порядок, так что, случается, иногда бывают и покойники».

301

Показания казаков Якова Почиталина, Василия Плотникова, Кузьмы Фофанова, Ивана Почиталина и Тимофея Мясникова; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, д. № 505, 506 и 512.

302

Показание Петра Кочурова // Гос. архив, VI, д. № 506.

303

Донесение Правительствующему сенату московских департаментов из управляющей войском Яицким комендантской канцелярии 12 октября // Там же, д. № 504.

304

Свиту Пугачева составляли Зарубин (Чика), Алексей Кочуров, Козьма Кочуров, Василий Коновалов, Иван Почиталин, Сидор Кожевников, Василий Плотников, Сюзюк Малаев и Идорка.

305

Показания казаков Василия Коновалова и Зарубина (Чики) // Гос. архив, VI, д. № 505 и 512; Показания Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 506 и 512.

306

Показания казаков Зарубина (Чики), Михаила Кожевникова, Степана Кожевникова, Василия Коновалова, Ивана Почиталина, Михаила Ерыклинцова и татарина Уразгилда Аманова // Гос. архив, VI, д. № 467, 505 и 506.

307

Арх. Главы, штаба, книга № 1. «Секретные бумаги и манифест Пугачева».

308

Знамена несли казаки Федор Бурынин, Максим и Иван Морковцевы, Алексей Кочуров и один калмык.

309

В Казанской провинции были города: Уржум, Мензелинск, Лаишев, Старо– и Ново-Шешминск. Безуездные, уничтоженные по указу 11 октября 1766 г.: Билярск, Заинек, Арск, Маинск, Малмыж, Тетюши, Тиинск и Алат.

310

В Свияжской – Чебоксары, Цивильск, Козьмодемьянск, Яранск, Царевококшайск и упраздненные Царевосанчур, Кокшайск и Василь.

311

В Пензенской – Саранск, Петровск и уничтоженный Мокшанск.

312

В Симбирской – Сызрань и Самара.

313

В Вятской – Слободской, Котельничий, Орлов; упраздненные Кайгородок и Шестаков.

314

В Пермской – Соликамск и упраздненный Чердынь.

315

Так, в окрестностях Оренбурга жило 1094 чел. мужского пола оренбургских казаков. По реке Яику (Уралу) жили казаки: берлинские (103 чел. муж. пола), орские (50 чел.), ильинские (24 чел.), верхнеозерные (50 чел.), черноречинские (50 чел.), татищевские (50 чел.), нижнеозерные (89 чел.), рассыпные (50 чел.). По реке Самаре: переволоцкие (50 чел.), новосергиевские (50 чел.), сорочинские (50 чел.), тоцкие (50 чел.), бузулукские (50 чел.), борские (50 чел.), красносамарские (50 чел.), мочинские (100 чел.), алексеевские (100 чел.), самарские (100 чел.) и ставропольские (50 чел.). В Уфимской провинции: уфимские (150 чел.), нагайбакские (600 чел.), табынские (100 чел.), красноуфимские (300 чел.), елдятские (100 чел.). В Исетской провинции: челябинские (403 чел.), миасские (200 чел.), эткульские (350 чел.), уйские (80 чел.), чебаркульские (300 чел.), санарские (50 чел.), коельские (124 чел.), кичигинские (94 чел.), еманжелинские (55 чел.) и чистоозерские (31 чел.). Казаки поселены были со всеми семействами, и здесь приведена только численность казаков, находившихся на службе (См. экстракт казачьему войску, представленный графом Д.И. Паниным Г.А. Потемкину, при письме от 18 июля 1775 г., за № 476 // Московский архив Главного штаба, оп. 194, св. 7).

316

Самарская линия, или дистанция, состояла из крепостей: Красносамарской, Борской, Ольшанской, Бузулукской, Тоцкой, Сорочинской и Новосергиевской.

317

Сакмарская линия – из крепостей: Пречистенской и Воздвиженской.

318

Нижне-Яицкая линия – из крепостей: Чернореченской, Татищевой, Нижне-Озерной и Рассыпной.

319

Красногорская – из крепостей: Красногорской, Озерной, Ильинской и Губерлинской.

320

Орская – из крепостей: Орской, Таналыцкой, Уртазымской, Кизильской и Магнитной.

321

Верхне-Яицкая линия – из крепостей: Карагайской, Петропавловской, Степной и Подгорного редута.

322

Верхне-Уйская – из крепостей: Уклы-Карагайской, Петропавловской и Степной.

323

Нижне-Уйская – из крепостей: Троицкой, Каракульской, Круто-Ярской, Усть-Уйской и Звериноголовской.

324

См. «Оренбургскую топографию» Рычкова и «Экстракт исторический о Башкирском народе» // Рукопись Императорской публичной библиотеки, F. IV, № 44.

325

В том числе 2082 женщины были отправлены внутрь России на поселение и розданы помещикам.

326

«Оренбургская топография» и «Экстракт о Башкирском народе» Рычкова // Рукопись Императорской публичной библиотеки, E. IV, № 44.

327

Гос. архив, VII, д. № 1781

328

Гос. архив, VII, д. № 1781

329

Показание Батырши // Гос. архив, VII, д. № 1781.

330

Гос. архив, VII, д. № 1781.

331

Перевод татарского письма к Батырше от неизвестного лица // Гос. архив, VII, д. № 1781.

332

В рапорте Сенату от 26 августа 1755 г.

333

Рапорт Неплюева Сенату от 17 сентября 1755 г. // Гос. архив, VII, д. № 1781; См. также: *Соловьев С.М.* История России, т. XXIII, с. 295.

334

В своих записках // Отечественные записки, 1825, ч. XXIV, с. 273; Русский архив, 1871, т. I, с. 674.

335

Записки Неплюева // Отечественные записки, 1825, ч. XXIV, с. 286.

336

Манифест от 1 сентября 1755 г. // Гос. архив, VII, д. № 1781.

337

Вскоре после объявления Неплюевым награды за поимку Батырши он получил письмо, в котором его просили поберечь свою голову и знать, что для его поимки посланы особые команды. Батырша с несколькими сообщниками бежал в лес, где и скрывался десять дней; потом перешел в лес черемисский. Проскитавшись таким образом несколько месяцев, он решился выйти и пробраться в Петербург, чтобы донести самой государыне о нуждах, претерпеваемых народом. Пробравшись в Казанский уезд, Батырша всю зиму прожил подаянием и скрывался в яме. С наступлением лета он вышел из леса и в деревне Юзяке, принадлежавшей мещерякскому старшине Сулейману Деваеву, был пойман. Объявив за собою «слово и дело», Батырша просил отправить его в Уфу. Сенат приказал отправить его в Тайную канцелярию. По дороге Батырша заболел и был остановлен в Москве. На все вопросы он отвечал, что, кроме ее величества, никому ничего не скажет. Канцелярия тайных разыскных дел объявила ему, что императрица принять его не может, а чтобы он написал ей обо всех имеющихся секретах. Батырша изъявил согласие, но просил обер-секретаря Хрущова побожиться в том, что запечатанный им конверт никто не распечатает, кроме государыни. По составлении своего показания Батырша был отправлен в Петербург, где и объявил, что желает видеть православного священника и с ним поговорить о христианском законе. Если он усмотрит, что «закон христианский правильнее магометанской веры, которую он совершенно знает, то, оставя магометанскую веру, со всеусердием примет он веру христианскую и желает умереть в православной вере». Такое заявление не спасло его от наказания. К

нему был посылаем несколько раз ключарь Петропавловского собора Стефан Левицкий, но о результатах их бесед нам ничего не известно. Известно только, что в половине 1757 года Батырша был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где и оставался до июля 1762 года. В этот день комендант полковник Бередников донес, что скованный по рукам и ногам Батырша, воспользовавшись тем, что приставленный к нему часовой заснул, пытался ночью освободиться из тюрьмы. «Оный колодник взял принесенный солдатом Хомутовым топор, поодиночке у капрала Никитина тем топором голову разрубил надвое; у солдата Хомутова головы левую сторону разрубил и правый висок проломил; у Лазарева в двух местах брюхо пропорото; у Епифанова, который был на часах, в двух местах голову разрубил же. Оный же колодник Батырша и сам умер без всяких язв и побой(?)». Сенат приказал зарыть Батыршу за крепостью в яму.

338

Гос. архив, VII, д. № 1781.

339

Соловьев С.М. История России, т. XXIV, с. 171.

340

Записки Энгельгардта, изд. 1867 г., с. 3–7.

341

Записки Винского // Русский архив, 1877, т. I, с. 81, 82.

342

Записки Болотова, т. I, с. 67 и 72.

343

Пермский сборник, изд. 1860 г., кн. II.

344

Дневник чиновника // Отечественные записки, 1855, т. 99.

345

Записки Порошина // Русская старина, 1881, № 6, с. 237 и 238.

346

Записки графа Сегюра, с. 60.

347

Древняя и Новая Россия, 1875, т. III, с. 280–281.

348

Записки В.С. Хвостова // Русский архив, 1870, т. I, с. 553.

349

Гос. архив, XVII, д. № 56.

350

В 1749 г. тот же поручик де Серати заключил контракт с князем Черкасским. Контракт этот, написанный почти дословно, как и приведенный выше, имел следующие изменения: годовая плата 250 р., сыскать ему трех учеников и если таких не сыщется, то платить 300 р. Давать постель, матрас и одеяло набойчатое.

351

Щербатов. О повреждении нравов в России // Русская старина, 1870, № 7.

352

Собеседник любителей российского слова, т. II, с. 14.

353

Семнадцатый век, кн. IV, с. 473.

354

Мелочи из запаса моей памяти Дмитриева.

355

Записки Порошина.

356

Быт русского дворянина // Москвитянин, 1855, № 13, 25.

357

Вечера, ч. I, изд. 2-е, с. 10–12.

358

Записки Добрынина, с. 21 и 36.

359

Хроника общественной жизни в Москве // Современник, 1852, т. 32, с. 9.

360

Русский архив, 1865, 474.

361

Записки В.С. Хвостова // Русский архив, 1870, т. I, с. 566.

362

Библиографические записки, 1858, № 17, с. 518.

363

ПСЗ, № 12, 103.

364

Сочинения Державина, т. VI, с. 539.

365

Черты нравов XVIII столетия // Русский вестник, 1857, т. XI.

366

Рассказы, записанные Карабановым // Русская старина, 1872, т. V, с. 771.

367

Записки Добрынина, изд. 1872 г., с. 94–98.

368

Русская старина, 1881, № 1, приложение, с. 18.

369

Подобные разговоры повторялись 5 и 7 октября.

370

Сочинения Державина, изд. Я.К. Грота, т. VI, с. 460.

371

Записки Энгельгардта, с. 26.

372

Записки Жихарева, с. 388–390.

373

Афанасьев. Черты нравов XVIII столетия // Русский вестник, 1857, т. XI, с. 264, 272.

374

Русский архив, 1877, т. I, с. 189.

375

Древняя и Новая Россия, 1875, т. III, с. 281.

376

Жизнь старинного русского дворянина // Русский архив, 1865, № 8, с. 925.

377

Записки Греча // Русский архив, 1873, т. I, с. 330.

378

Записки Храповицкого, изд. 1874 г., с. 151.

379

Победоносцев К.П. Заметки для истории крепостного права // Русский вестник, 1858, т. XVI, с. 545–551.

380

Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II, с. 129.

381

Записки Энгельгардта, с. 48.

382

Записки Порошина // Русская старина, 1881, № 1, с. 49.

383

Сборник исторического общества, т. IV, с. 231, 301, 337, 351, 396; т. VIII, с. 516; т. XIV, с. 360.

384

Н.И. Новиков. Соч. А. Незеленова, изд. 1875 г., с. 50–51.

385

Записки Энгельгардта, с. 10 и 11.

386

Северный архив, ч. XXVII, с. 261; Русский вестник, 1824, кн. IV, с. 12.

387

Русский архив, 1867, с. 674–694.

388

Князь Г.Г. Орлов // Русский архив, 1873, № 2, с. 80.

389

Афанасьев А. Черты нравов XVIII столетия // Русский вестник, 1857, т. XI, с. 277, 278.

390

Записки Порошина.

391

От 25 февраля 1764 года // ПСЗ, № 12 058.

392

Записки Грибовского. Черты нравов в XVIII столетии // Русский вестник, 1857, т. XI, с. 278.

393

Записки Порошина.

394

Русская старина, 1881, № 6, с. 220.

395

Дневник студента, с. 64.

396

Из Москвы от 21 декабря 1776 г.

397

По усмирению Пугачевского бунта.

398

Двадцатилетним он назван потому, что в этот срок уплачивался капитал с процентами.

399

Быт русского дворянина // Москвитянин, 1855, № 13, 25.

400

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 105, 108 и 125.

401

Орловская старина // Орловские ведомости, 1872, № 15.

402

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. № 123, л. 326.

403

По указу 1731 г., кто на сторонней земле учинит бой и драку, таковых бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать в вечную работу; а буде помещики сами или приказчики и старосты, по приказу их то сделают, то с таковыми учинить то же.

404

Записки Добрынина, с. 98 и 102.

405

В письме от 12 ноября 1775 г. // Гос. архив, XI, № 1058.

406

Экстракт, учиненный из рапортов елецкой провинциальной и ефремовской воеводской канцелярий о причиненных полковником Вадковским разных жителям обидах // Там же.

407

Сборник Императорского русского исторического общества, т. IV, с. 95, 101 и ИЗ.

408

Депутат от дворянства Одоевского уезда // См. там же, т. VIII, с. 360 и 361.

409

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. № 123.

410

Записки Энгельгардта, с. 18 и 19.

411

Отрывок из путешествия. Живописец.

412

В предисловии к своей комедии «Мот, любовью исправленный».

413

ПСЗ, № 11877.

414

Из последних дней русской императрицы Елизаветы // Чтения в Московском обществе историй и древностей, 1877, кн. 2, с. 3.

415

Там же, с. 7.

416

Чтения в Московском обществе истории и древностей, 1877, кн. II, с. 8.

417

Указ Сенату 8 мая 1763 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 106.

418

Записки Храповицкого.

419

Соловьев. История России, т. XXV, с. 243.

420

Щербатов. О повреждении нравов в России // Русская старина, 1871, т. III, с. 683.

421

Записки Добрынина, 159; Записки Энгельгардта, с. 143.

422

Щербатов. О повреждении нравов // Русская старина, 1871, т. III, с. 684.

423

Записки Порошина // Там же, 1881, № 5, с. 170.

424

От 7 (18) июня 1867 г. // Сборник императорского исторического общества, т. XXII, с. 65.

425

Русский архив, 1864, изд. I, с. 792.

426

Записки Винского // Там же, 1877, т. I, с. 152.

427

В указе от 7 января 1763 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 105.

428

Всеподданнейшее донесение генерал-майора Маслова 4 февраля 1763 г.

429

Доклад Сената 17 мая 1763 г. // Архив сената, кн. 106.

430

ПСЗ, № 11 616 и 12 234.

431

Сборник исторического общества, т. IV, с. 113; ПСЗ, № 11, с. 656.

432

Русский архив, 1867, с. 190.

433

ПСЗ, № 12 089 и 12 090. Сборник исторического общества, т. VII, с. 322.

434

Указ Сенату 18 июля 1762 г. // Там же, № 11 616.

435

ПСЗ, № И 624.

436

Манифест 15 декабря 1763 г. // ПСЗ, № 11 988.

437

От 17 (28) марта 1763 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XXII, с. 43.

438

Соловьев С.М. История России, т. XXVII, с. 5.

439

Русская старина, 1872, № 1.

440

Сборник исторического общества, т. X, с. 381.

441

Сборник Императорского русского исторического общества, т. VII, с. 351.

442

Указ Сенату 16 сентября 1762 г. // ПСЗ, № 11 665.

443

ПСЗ, № 11 589 и 11 596.

444

Сборник Императорского русского исторического общества, т. VII, с. 324.

445

В указе от 29 октября 1763 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 108.

446

В указе от 28 ноября 1763 г. // Там же.

447

Записка князя Вяземского Сенату, 10 февраля 1764 г. // Там же.

448

В предисловии к «Трутню», изд. 3-е, с. 7.

449

Русская старина, 1881, № 6, с. 290.

450

Записки Лопухина, с. 65.

451

Соч. Державина, изд. Я.К. Грота, т. VI, с. 668.

452

ПСЗ, № 11 845.

453

Русский вестник, 1857, т. X, 627.

454

Русский архив, 1867, с. 190.

455

Орловские ведомости, 1872, № 15.

456

В предисловии к своему «Трутню». См. изд. 3-е, с. 8.

457

Адская почта, с. 48–50.

458

Сборник исторического общества, т. X, с. 381.

459

Соловьев С.М. История России, т. XXVII, с. 126.

460

Записки Энгельгардта, с. 4.

461

Вечера, ч. I, с. 5.

462

Сборник исторического общества, т. IV, с. 71.

463

Там же, с. 81.

Исключение в этом составляли корчемство, лихоимство, повреждение государственного интереса, укрывательство от службы, принятие чужих беглых крестьян и блуд с рабою.

465

Победоносцев К.П. Заметки для истории крепостного права в России // Русский вестник, 1858, т. XVI, с. 566.

466

В примечании на Леклерка, т. II, с. 164.

467

Победоносцев К.П. Заметки для истории крепостного права в России // Русский вестник, 1858, т. XV, с. 480.

468

Там же.

469

Победоносцев К.П. Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии // Русский вестник, 1861, т. 35, с. 226.

470

Пожаловав князя Меншикова владетельным герцогом Ингерманландским, Петр I отдал ему всю Ингерманландию. После измены Мазепы князь Меншиков получил большую часть имений гетмана, и таким образом число крестьян, принадлежавших Меншикову, доходило до 100 000 душ. За взятие Азова пожалованы были имения: Лефорту, Гордону, Шеину, Головину и Зотову. За Полтавскую победу Шереметев награжден большими имениями в Ярославском и Ростовском уездах и в Малороссии местечками и селами из имений Скоропадского. После смерти князя Ромодановского осталось 20 000 душ крестьян, доставшихся в наследство графине Головкиной. Князь Я.Ф. Долгорукий по возвращении из шведского плена, П.А. Толстой после прутского мира, граф Апраксин и князь Кантемир получили в награду по тысяче и более дворов. После смерти царицы Марфы Матвеевны дворцовые ее вотчины были отданы графу Апраксину. После смерти князя А.М. Черкасского осталось 70 000 душ крестьян, а канцлер Бестужев сумел закрепить за собою весь город Вейден. Зоричу было пожаловано 14 000 душ крестьян, куплен Шклов за 450 000 руб., выдано деньгами 450 000 руб. и бриллиантов на 200 000 руб. Ермолову было пожаловано 6000 душ крестьян в Могилевской губернии. Бывшему в случае с июля 1778 по октябрь 1779 г. И.Н. Корсакову было пожаловано в Могилевской губернии 6000 душ крестьян, 200 000 руб. на путешествие в чужие края; бриллиантов и жемчугов было у него на 400 000, а все состояние простиралось до 2 400 000 руб. Князь и графы Орловы получили в разное время 70 000 000 руб. и 45 000 душ; князь Потемкин 37 000 душ и до 9 000 000 руб.; Васильчиков получил 7000

душ, 200 000 руб. и пожизненной пенсии 20 000 руб. Графу Заводовскому пожаловано 20 000 душ, и он имел до 100 000 руб. ежегодного дохода. Граф Безбородко получил в разное время 18 100 душ, 50 000 руб. единовременно и 10 000 руб. пенсии. Он имел сверх того соленые озера в Крыму и рыбные ловли на Каспийском море.

Наиболее богатые владельцы, собственно в Великороссии, имели: граф П.Б. Шереметев 78 159 душ, граф К. Разумовский – 36 000 душ, братья Орловы – до 27 000 душ; граф А.С. Строганов – 19 000 душ; три князя Голицыных, каждый более чем 14 000 душ; два брата Нарышкиных вместе более 22 000 душ. Принцесса Екатерина Петровна фон Гольштейн-Бек (по мужу княгиня Барятинская) имела около 11 000 душ, столько же было и у Б.Г. Шаховского. Более 10 000 душ имели: князь Г.А. Потемкин, граф Г.И. Головкин, грузинский царевич Георгий Вахтангович, князь Д.Ю. Трубецкой, граф А.Д. Ланской, граф Я.А. Брюс, графиня Е.А. Чернышева; более 9000 душ: князь Н.А. Голицын; более 8000 душ: князь П.А. Бутурлин, С.К. Нарышкин, бароны Г.Н. и А.Н. Строгановы, князь Н.В. Репнин и князь С.Д. Кантемир (см. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 31).

471

Ходнев. История вольно-экономического общества, с. 20.

472

Депутатами: крестьянином Чупровым, однодворцем Масловым и пахотным солдатом Жеребцовым.

473

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 51 и 52.

474

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 61.

475

подпоручика Алексея Семичева крестьянин Сынневский просил взять его с тремя братьями в солдаты, чтобы только избавиться от притеснений помещика (Архив Сената, кн. 106, л. 7). 22 июня 1767 г. императрица, присутствуя в Сенате, лично заявила, что во время ее путешествия в Казань было подано более 600 челобитных, «по большой части все, выключая несколько не дельных, от помещичьих крестьян в больших с них сборах от помещиков» (там же, кн. 122, л. 242).

476

Архив сената, высочайшие повеления, кн. № 123, л. 38.

477

Там же, кн. № 122.

478

«Рассердись, – сказано в докладе Сената, – на обретающегося у межевания земель капитана, Николая Тютчева, за сговор о женитьбе его с девицею Панютиною, посылала [Салтыкова] людей своих московский дом ее сжечь и с ними. Но как того не сделали, а Панютина поехала тогда из Москвы в деревню, и он, Тютчев, ее провожал, то приказывала людям своим и крестьянам на дороге убить их до смерти, для чего по калужской дороге, до деревни Теплых Станов, они с дубьем и ездили, но однако же того не учинили». Для погубления Тютчева и его невесты Салтыкова купила 5 фунтов пороху (Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 125).

479

Священник села Троицкого Степан Петров признался, что он «от побоев ее, Салтыковой, умерших тела заведомо погребал». За каждого погребенного Петров получал 20 коп.

480

Гос. архив, VII, № 2078.

481

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 125, л. 416.

482

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 179 и 180.

483

Дубасов И. Тамбовское дворянство в конце XVIII века // Исторический вестник, 1880, № 9, с. 140.

484

Глава VII этого прекрасного исследования вся посвящена рассказу о помещичьих жестокостях. Исследование г. В.И. Семевского послужило нам главнейшим источником при составлении краткого очерка положения и быта крестьян перед Пугачевским бунтом.

485

Отрывок из путешествия. Живописец, с. 179.

486

Указ главному директору над полициями, 26 ноября 1762 г. // ПСЗ, № 11 713.

487

Гос. архив, XVI, д. № 720.

488

Соловьев С.М. История России, т. XXVII, с. 19.

489

Сборник Императорского русского исторического общества, т. IV, с. 117.

490

В предложении Сенату от 22 августа 1767 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 123, л. 162.

491

ПСЗ, № 11 720.

492

ПСЗ, № 11 725.

493

Там же, № 11 815.

494

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 106, л. 121.

495

Постановление Сената 25 апреля 1763 г. // Там же, л. 205.

496

Указ Сенату от 4 августа 1763 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 107.

497

В указе Военной коллегии 21 ноября 1763 г. // Архив канцелярии военного министерства, кн. 49, л. 71.

498

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 346 и 347.

499

Сборник Императорского русского исторического общества, т. X, с. 86.

500

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 375.

501

См.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II.

С подтверждением этим, раздача имений таким лицам не прекратилась безусловно, а допускалась в виде исключений, и нередких. Вот один из таких. В январе 1763 г. частный аптекарь Гаврила Гаврилов Соульс подал прошение, в котором писал, что еще в 1702 г. отец его, из цесарской нации, приехал в Москву и учредил там аптеку. «При оной аптеке, – говорил Соульс, – без работных людей, а наипаче без удобного места для развода разных трав и кореньев обойтиться невозможно. Чего для отец мой имел купленную на свое имя деревню, которую для своих нужд и продал; а ныне, по необходимости тех аптечных потребностей, принужден я купить деревню в семьдесят душ и оную написать и пошлинные деньги заплатить именем вдовствующей баронессы Строгоновой». Опасаясь лишиться деревни в случае смерти Строго-новой, Соульс просил позволения укрепить за собою имение, «и впредь покупку и продажу свободно иметь». Императрица Екатерина 21 марта 1763 г. разрешила Соульсу только укрепить за собою купленную уже им деревню (Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 105, л. 221). Другой подобный же случай с фабрикантом Желвунцевым приведен и г. В. Семевским (*Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 502).

503

Сборник Императорского русского исторического общества, т. VIII, 59.

504

В наказе кн. Щербатову. Там же, т. IV, с. 300.

505

ПСЗ, № 11 790.

506

Сборник Императорского русского исторического общества, т. IV, с. 106 и 107.

507

В 1763 г. явились одновременно в Петербург депутаты с жалобою на заводчиков: Акинфия Демидова, Ивана Демидова, Петра Осокина и графа И.Г. Чернышева. Они писали в своих прошениях, «что налагаются на них, сверх настоящего оклада, от содержателей тех заводов, от приказчиков и их управителей излишние, тягостные и безвременные работы без зачета и чинятся от тех приказчиков и управителей многие обиды и за ослушание побои, отчего пришли они в разорение». Прошения эти были переданы в Сенат, но без всяких последствий (Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 106).

508

См. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, с. 420.

509

Во всеподданнейшем рапорте от 21 мая 1774 г. из Оренбурга.

510

Русская старина, 1879, т. XXVI, с. 30.

511

Записки Добрынина, с. 296.

512

Всеподданнейшие донесение графа П.И. Панина от 10 сентября 1774 г., № 14.

513

Семевский В.И. Сельский священник // Русская старина, 1877, т. XIX, с. 529.

514

В 1767 г. в наставлении, данном депутату в комиссии для составления нового уложения.

515

Записки сельского священника // Русская старина, т. XXVII, с. 57.

516

Русская старина, 1879, т. XXIV, с. 752.

517

См. выше, с. 262.

518

Записки Добрынина // Там же, 1871, т. III, с. 150.

519

Трикириями называются подсвечники, которыми архиереи осеняют в церкви предстоящих.

520

Кафедрой называются кресла, на которые садятся архиереи во время служения, а орлецом – подстилка, на которую становятся архиереи.

521

Дубасов И.И. Из тамбовских летописей // Исторический вестник, 1880, № 9.

522

Русская старина, 1879, т. XXV, с. 31–34; т. XXVI, с. 30–31.

523

Записки Д.И. Ростиславова // Русская старина, 1880, т. XXVII, с. 9.

524

В указе Синоду от 26 марта 1762 г. // Памятники новой русской истории, т. II, отдел II, с. 17.

525

Соловьев С.М. История России, т. XXVII, с. 131.

526

Всеподданнейший доклад Сената 30 декабря 1768 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 125, с. 563.

527

Соловьев С.М. История России, т. XXV, с. 261.

528

Соловьев С.М. История России, т. XXV, с. 170.

529

Записки Винского // Русский архив, 1877, т. I, с. 102.

530

Показание Уразгильда Аманова; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467 и 512.

531

Архив Главного штаба, кн. № 1. Секретные бумаги и манифесты Пугачева.

532

В отряде Симонова находилось налицо: 1 штаб-офицер, 2 адъютанта, 1 лекарь и 2 подлекаря; в 6-й и 7-й легких полевых командах: 13 обер-офицеров, 53 сержанта и унтер-офицера, 670 рядовых, 50 канониров, 137 нестроевых, всего 923 человека, из них 736 человек строевых, и 112 оренбургских казаков. Г.Д. Анучин, на основании показаний казака Синельникова (Архив Главного штаба, кн. II, с. 420), более чем удвоил силы Симонова и на этом построил неправильные заключения (см. Военный сборник, 1869, № 5 и 6). Из этого можно видеть, как исследователь, не имеющий в своих руках точных данных, должен быть осторожен в своих выводах и заключениях.

533

Рапорт Симонова Сенату от 23 ноября.

534

Показание Аманова // Гос. архив, VI, д. № 467.

535

Показания Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г.; Показания Ивана Почиталина, Степана Кожевникова, Кузьмы Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Зарубина (Чики) и других // Там же, VI, д. № 467, 506 и 512.

536

По свидетельству одних, то был казак Петр Боков (показание Чики и Пугачева), а по другим – казак Баранов (показание Ивана Почиталина).

537

По какому случаю Крылов, отец нашего баснописца, находился при старшине Окутине, мы доискаться не могли, но что он был там, это несомненно и подтверждается показаниями почти всех участников.

538

Показания казаков Григория Бородина, Якова Почиталина, Кузьмы Кочурова и Степана Кожевникова // Гос. архив, VI, д. № 467 и 506; Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512.

539

Показание Зарубина (Чики) // Гос. архив, VI, д. № 422. Пугачев сам показывал впоследствии, что в этот день у него было человек 500.

540

В допросах Пугачева (Чтения, 1858, кн. II) и у всех авторов, пользовавшихся этим источником, ошибочно напечатано «Витошков».

541

4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

542

В допросах Пугачева (Чтения, 1858, кн. II) вместо слов «по линии» ошибочно напечатано «полем», что и повторено авторами многих монографий.

543

Путешествие Далласа. Изд. 1809 г., ч. I. Путешествие академика Фалька // См. Собрание ученых путешествий, т. VI, изд. 1824 г.

544

Показания Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показания Якова Почиталина и Степана Кожевникова // Гос. архив, VI, д. № 467, 506 и 512.

545

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показание Зарубина (Чики) // Гос. архив VI, д. № 422, 506, 512. Впоследствии форма присяги была разослана всюду и употреблялась во всех случаях.

546

Показание илецкого казака Максима Горшкова 8 мая 1774 г. // Там же, д. № 506.

547

Путешествия Палласа и Фалька.

548

Гос. архив, VI, д. № 416.

549

Архив Главного штаба, кн. № 1, л. 60.

550

По показаниям одних, с Овчинниковым было 6, а по другим – 20 человек свиты.

551

Показания Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г.; Показания Ивана Творогова в казанской комиссии и Тайной экспедиции в Москве; Показания Зарубина (Чики), Тимофея Мясникова 9 мая и Максима Горшкова 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 422, 505, 506 и 512.

552

Архив Главного штаба, кн. № 1. Секретные бумаги и манифесты Пугачева, л. 8.

553

Показания Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г.; Показание ссыльного Семена Демидова // Гос. архив, VI, д. № 467, 506 и 512.

554

Записка Федора Сукина, изложенная им в форме письма к петербургскому губернатору от 25 ноября 1773 г. // Рукописная книга из собрания рукописей графа А. Уварова № 559. Я обязан А.Ф. Бычкову тем, что имел возможность воспользоваться этим любопытным собранием документов.

555

Путешествие академиков Далласа и Фалька.

556

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512. Пушкин, а затем и другие авторы статей о Пугачевском бунте рисуют страшную картину смерти Харлова, но откуда почерпнуты эти сведения – Пушкин не говорит. Рассказ Пугачева и его сообщников нам кажется более согласным с истиною, а потому мы на нем и остановились.

557

К сожалению, неизвестно, кто был послан с этим известием, но из показания Пугачева видно, что отец его был приведен к самозванцу в то время, когда он подходил к Нижнеозерной крепости, и за то, что послал сына, повешен Твороговым.

558

Секретные бумаги и указы Пугачева // Архив Главного штаба, кн. № 1.

559

О начале яицких неспокойств и ежедневная записка во время Оренбургской осады // Гос. архив, VI, д. № 435.

560

В письме от 25 сентября // Архив Главного штаба, кн. № 1 л. 65.

561

В состав отряда вошли: 110 чел. Алексеевского полка, 90 чел. гарнизонных, 150 оренбургских казаков и 60 ставропольских калмыков.

562

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 25 сентября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

563

Там же.

564

О начале яицких неспокойств и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 435.

565

Показание Падурова 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

566

Путешествие Палласа. Изд. 1809 г., ч. I, с. 339. О начале яицких неспокойств и проч. // Гос. архив, VI, д. № 435.

567

Эти несколько человек убитых дали случай г. Мордовцеву (Русские государственные деятели прошлого века // Отечественные записки, 1868, № 8) написать: «Солдат и башкиров расстрелял картечью». Башкиров тут не было, точно так же неверно и то, что у самозванца была «сильная артиллерия».

568

Показания Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г.; Показание солдата Степана Колесникова, показание сотника Тимофея Падурова 10 мая 1774 г.; Показание Зарубина (Чики) // Гос. архив, VI, д. № 431, 506 и 512; Письмо Федора Сукина от 23 ноября 1773 г. // Рукописная книга № 559 из собрания гр. А. Уварова.

569

От 21 мая 1774 г., Оренбург.

570

Нечаев не был в Чернореченской крепости командиром и не заступал места майора Краузе, как говорит Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта».

571

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показание Падурова 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512. С этою девкой мы встретимся еще при изложении дальнейшего хода событий.

572

В каждой команде было две мушкетерские роты по 146 нижних чинов, 52 егеря, 65 драгун и четыре орудия; всего в трех командах 1227 человек.

573

В этом отношении обвинение г. Д. Анучиным (см. *Анучин Д.* Первые успехи Пугачева // Военый сборник, 1869, № 5) Рейнсдорпа, будто он не сообщил никому о происшествиях на Яике, совершенно несправедливо.

574

Постановление совета, приложенное к рапорту Рейнсдорпа в Военную коллегию, от 28 сентября // Архив Главного штаба, кн. № 1.

575

Рукописная книга № 559 из собрания гр. А. Уварова. Письмо Федора Сукина петербургскому губернатору от 25 ноября 1773 г.

576

К этому числу надо прибавить 82 человека артиллерийских и инженерных служителей, которых было далеко не достаточно для действия из орудий.

577

Алексеевскою пехотного полка 134 человека и 40 человек прибывших с арестантами из Архангельской губернии.

578

Письмо Федора Сукина от 25 ноября 1773 г.

579

Экстракт происшествий в Оренбурге, приложенный к донесению Рейнсдорпа Сенату от 25 ноября 1773 г., особое дело о Пугачеве.

580

Летопись Рычкова, в приложении к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина.

581

Показание ссыльного Семена Демидова // Гос. архив, VI, д. № 467.

582

Летопись Рычкова, в приложении к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина.

583

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии от 25 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 2. Секретные бумаги и манифесты Пугачева.

584

Показание Пугачева 16 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

585

О начале яицких неспокойств, записка Обухова // Рукописная книга из собрания гр. А. Уварова, № 559.

586

Родившись в селе Мошкович, Тверской губернии, Хлопуша был крестьянин вотчины тверского архиерея Митрофана и по паспорту жил в Москве, в извозчиках. Познакомившись с двумя солдатами Коломенского полка, он вместе с ними был пойман в воровстве серебряных вещей. Назвавшись в допросе беглым солдатом Черниговского полка, Хлопуша был отослан в военный кригсрехт и по конфирмации был прогнан сквозь строй шесть раз через тысячу человек. После наказания Хлопуша был отослан в команду к майору Есипову, для содержания с такими же беглыми, откуда через месяц бежал в свой дом, где и жил на свободе года с три. Будучи в Торжке, он выменял краденую лошадь, был оговорен и содержался под караулом. Преосвященный Митрофан по просьбе крестьян заявил Тверской провинциальной канцелярии, что Хлопуша человек весьма дурного поведения и что обыватели не желают принять его к себе в общество. Хлопуша был высечен кнутом и отправлен на жительство в Оренбургскую губернию. Поселившись в Бердинской слободе, близ Оренбурга, Хлопуша женился и ходил на работу к коллежскому советнику Тимашеву, в село Никольское, потом работал на Покровском графа А.И. Шувалова медном заводе. Узнав, что с Ирбитской ярмарки возвращаются четыре татарина на шести лошадях с деньгами и товаром, Хлопуша подговорил двух крестьян и вместе с ними отправился на грабеж. Связав татар, грабители отняли у них 28 руб. денег, 6 бумажных халатов, 12 мерлушек и шесть лошадей, но впоследствии были пойманы, и Хлопуша вторично был наказан кнутом, с вырыванием ноздрей, с поставлением на лице знаков и послан в каторжную работу в Тобольск.

Из Тобольска он бежал с намерением пробраться в Берду, где жила его жена, но в Сакмаре был пойман, третий раз высечен кнутом и отправлен в Омскую крепость. Через месяц он бежал из Омска, был опять пойман в Сакмаре, высечен четвертый раз кнутом, закован в железа и оставлен в оренбургской тюрьме.

587

Сказание о Пугачеве оренбургского священника Ивана Полянского // Гос. архив, VI, д. № 525; Летопись Рычкова, в приложении к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина.

588

В показаниях от 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

589

Там же, д. № 504.

590

На конверте было написано: «Между народом красивый и сладоязычный сей написанный указ, от высоковременного и высокопочтенного, величайшего императора и царя Петра Федоровича следует в Башкирскую область».

591

Показания священника гор. Сакмары Ивана Михайлова, сотника Тимофея Падурова 10 мая 1774 г. и станичного писаря Ивана Бородина 13 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467 и 506; Показание крестьянина села Бо-горуслана Алексея Кирилова 7 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1, л. 49.

592

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показание Хлопуши 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467 и 512.

593

Летопись Рычкова в приложении к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина, § 24.

594

О каргалинских татарах и сакмарских казаках Пугачев свидетельствует, что это были лучшие деятели в его шайке и «во все время его злодеяний безотлучны» (см. показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512).

595

Говоря о занятии Сакмарского городка, мы не можем согласиться со словами Д. Анучина (Военный сборник, 1869, № 5, 31), будто «Пугачев действовал с необыкновенным военным тактом». Можно ли допустить военный такт и соображения у человека, не знающего карты, не имеющего никакого понятия о местности, спрашивающего у своих приближенных, куда идти, что делать и где находится указываемый ему пункт. Если самозванец имел военный такт и сознавал важное значение Сакмарского городка, то почему он не воспользовался его значением, не укрепил его и не оставил в нем надежного гарнизона?

596

Архив Главного штаба, кн. № 1, л. 71.

597

Указ этот подписали Иван Рейнсдорп, Карл Велленстерн, Василий Старов-Милюков, Петр Рычков, Иван Мясоедов, Иван Тимашев, подполковник Василий Могутов, Михайло Ушаков, артиллерии майор Иван Норов, батальонный командир премьер-майор Франц Даллеровский, батальонный командир Федор Шкапский, майор Василий Молостов и батальонный командир секунд-майор Иван Скирмантов.

598

Экстракт из журнала, веденного в Оренбурге и представленного Рейнсдорпом Сенату при рапорте от 25 ноября. Рапорт Симонова Сенату 12 октября 1773 г. *Ц* Гос. архив, VI, д. № 504.

599

Там же.

600

Сенату от 3 октября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 414; Донесение Брандта Военной коллегии от 2 октября 1773 г. № 39.

601

Рапорт преосвященного Вениамина Св. Синоду от 9 октября 1773 г. // Архив Синода, д. № 145.

602

Донесение преосвященного Вениамина Св. Синоду 15 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

603

Донесение Миллера Сенату 27 октября 1773 г. и 14 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 466 и 504. Ср. со статьей Д. Мордовцева «Русские государственные деятели» и проч. (Отечественные записки, 1868, № 8), где автор совершенно произвольно обращается с цифрами и историческими фактами, смотря по тому, какой подбор ему нужен.

604

Архимандрит Спасо-Казанский в письме к Н.Н. Бантыш-Каменскому от 24 октября 1773 г. // Гос. архив, IV, д. № 527.

605

Рапорт Брандта Военной коллегии 3 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

606

В письме князю М.Н. Волконскому от 3 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

607

В то время ни Пугачев, ни ближайшие его советники не находили так далеко и не помышляли о движении на Казань; они ограничивались желанием взять Оренбург.

608

Генерал Брандт не помнил точно показаний Пугачева и реку Дон смешал с рекою Кубанью. Вообще предположения его, куда двинется Пугачев, лишены всякого значения и не имеют за собой ни малейшей вероятности.

609

Большего числа войск князь Волконский отправить не мог, так как за конвоированием партий, отправляемых в Сибирь на поселение, и командированных для приема рекрут у него оставалось столько, что едва можно было занять заставы от чумы и содержать караулы в Москве.

610

Письмо князя Волконского графу Чернышеву 9 октября 1773 г. Архив Главного штаба, кн. № 1.

611

Г.Р. Державин в своих «Записках» написал, будто известие о появлении Пугачева получено было в С.-Петербурге в день свадьбы Павла Петровича 29 сентября. В 1869 г. Д. Анучин (Военный сборник, 1869, № 5) указал то число, когда узнали в Петербурге о появлении самозванца, но и до сих пор исследователи повторяют слова Державина. См., напр.: *Кобеко.* Цесаревич Павел Петрович, с. 111; Век, 1882, № 3, с. 343 и др.

612

К партии Орловых принадлежали граф З.Г. Чернышев, князь А.А. Вяземский, генерал-полицеймейстер, обер-прокурор Зиновьев, граф Брюс, барон Черкасов, князь Белосельский, Бецкий, Нарышкины, сенатор Елагин и большая часть сенаторов. На стороне Панина были вице-канцлер князь Голицын, фельдмаршал князь Голицын, адмирал Мордвинов, генерал Пассек и камер-юнкер Васильчиков. Граф К.Г. Разумовский и А.П. Шувалов были нейтральны.

613

См. Сочинения и письма фон Визина, изд. 1866, с. 403.

614

Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 376.

615

В письме от 18 августа 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 587.

616

Указ Сенату 22 сентября 1773 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 135, л. 424.

617

Указ Сенату 22 сентября 1773 г. // Там же, л. 425; Соч. фон Визина, изд. 1866 г., с. 270.

618

Купленных у статского советника Швебса (4512 душ) в Смоленской губернии, Вяземского уезда, села Левшино и Дугино с деревнями, и в Псковской губернии, Полоцкой провинции, войтовства Нищанское, Лиснянское и Клещинское (там же, л. 426).

619

В Рогачевской провинции, Могилевской губернии, староство Печерское, с принадлежащими к нему угодьями (там же, л. 427 и 428).

620

Письмо Чернышева князю Волконскому и указ Военной коллегии полковнику Миллеру от 14 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

621

Указы Военной коллегии полковнику Циплетеву, генерал-майору Потапову и князю Долгорукову от 15 октября за № 505–507 // Архив Главного штаба, кн. № 1.

622

По показанию самого Кара // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. № 201.

623

От 17 августа 1766 г. // Архив канцелярии Военного министерства, высочайшие повеления, кн. № 56.

624

Всеподданнейший доклад Военной коллегии от 9 декабря 1771 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. № 201.

625

Указы по этому поводу генералам Брандту и Рейнсдорпу напечатаны у А.С. Пушкина (см. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений изд. 1881 г., т. VI, ч. II, с. 178).

626

В указе генерал-майору Кару, от 14 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

627

Предложение князя Вяземского Сенату от 15 октября 1773 г. // Архив Сената. Именные указы, кн. CXIV, л. 139.

628

В статье г. Д. Анучина «Первые успехи Пугачева» и проч. (Военный сборник, 1869, № 5, с. 148) ошибочно сказано, что получены были донесения Рейнсдорпа от 7 и 13 октября (см. Архив Главного штаба, кн. № 1, л. 82; Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. 53).

629

В рескрипте от 22 октября 1773 г.

630

Православие. Собеседник, 1859, т. II, с. 203.

631

Указ Военной коллегии князю Волконскому от 23 октября 1773 г., № 410. // Архив Главного штаба, оп. 47, кн. 53.

632

То же, полковнику Циплетеву за № 408 и кн. Долгорукову за № 409.

633

То же, Кречетникову и Каховскому за № 411, 412, 413 и 414.

634

То же, князю Орлову от 25 октября 1773 г. за № 423 и 4 ноября за № 430.

635

В Польше, в отряде генерал-поручика Бибикова, находилось 2 тысячи башкирцев, и так как в них большой надобности там не было, то еще в августе 1772 г. приказано было оставить в Польше тысячу человек, а остальных возвратить в свои дома, отправляя их партиями по триста человек со старшинами (указ Бибикову от 25 августа 1772 г. // Архив Главного штаба, оп. 47, кн. 52, л. 318).

636

Письмо князя Вяземского к Кречетникову от 22 октября 1773 г. //Архив кабинета е. и. в., особое дело о Пугачеве.

637

Указ Военной коллегии генералу Рейнсдорпу от 23 октября 1773 г., № 406.

638

Указ Военной коллегии Деколонгу 4 ноября 1773 г., № 431.

639

Выписные казаки, сказано в дневной записке Чичерина, «еще с 1746 г. из государственных крестьян учреждены были на нужный случай, а впрочем, они все в равенстве с крестьянами».

640

Дневная запись о распоряжении сибирского губернатора // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

641

От 18 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

642

В рапорте Военной коллегии от 17 октября // Архив Главного штаба, кн. № 1.

643

Рапорт Фейервара Деколонгу 13 октября 1773 г. // Там же.

644

Письмо Деколонга кн. Щербатову от 17 июня 1774 г., № 1,124. Моек. Архив Главного штаба. Оп. 47, кн. X.

645

В отряде Станиславского находились: 14-я легкая полевая команда, одна губернская и две батальонные роты и несколько казаков.

646

У Зейферта были: 10-я легкая полевая команда, одна рота тобольского батальона и несколько казаков.

647

Рапорт Деколонга Военной коллегии 9 ноября 1773 г., № 351 // Архив Главного штаба, кн. № 1.

648

Силы эти распределялись так: яицких казаков – 500, илецких – 300, из Рассыпной крепости – 40, из Нижнеозерной – 100, легкой команды, которая сдалась под Татищево, – 100, оренбургских казаков и калмыков под начальством Падурова – 600, из Татищевой сдавшихся солдат – 300, каргалинских татар – 500 и сакмарских человек – 20 (Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.).

649

Показание Пугачева 16 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

650

А не «в тех местах», как напечатано в Чтениях 1858 г.

651

Дневная записка священника Ивана Осипова // Гос. архив, VI, д. № 430.

652

Архив Главного штаба, кн. № 1. Секретные бумаги и манифесты Пугачева.

653

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии от 9 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

654

Летопись Рычкова в приложении к «Истории Пугачевского бунта» Пушкина.

655

В ордере от 8 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

656

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии от 9 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

657

Письмо Федора Сукина петербургскому губернатору от 25 ноября 1773 г. // Рукописная книга № 559 из собрания графа Уварова.

658

В частном письме от 9 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I,

659

По словам г. Сукина, губернатор весьма часто обходил укрепления, ободрял гарнизон и всегда являлся в самых опасных местах.

660

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 16 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 2.

661

Гос. архив, VI, д. № 415.

662

Предложение подполковника Росса в состоящие вверх по рекам Яику и Ую крепости от 15 октября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

663

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же.

664

Показание Зарубина (Чики) // Там же, д. № 422.

665

Коменданту Верхнеяицкой дистанции Е.А. Ступишину 7 октября 1773 г. // Там же, д. № 504.

666

Г. Анучин говорит, что казаки требовали, «чтобы привезенный ими на ружье указ Пугачева был прочитан всенародно» (Военный сборник, 1869, № 5, с. 38). В подлиннике же сказано: «везя тот запечатанный указ в показание народу наруже», то есть открыто.

667

Рапорт Корфа Рейнсдорпу 14 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

668

Отношение Корфа дистанционным и крепостным комендантам по линии от Орской до Троицкой крепости 14 октября 1773 г. // Там же, кн. № 2.

669

Гос. архив, VI, д. № 504.

670

Показание священника села Ляховки, Петра Степанова // Там же, д. № 433.

671

Показание Сидора Колесникова 18 декабря 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 433.

672

Рапорт симбирского коменданта Чернышева казанскому губернатору 31 октября 1773 г.; Показание Петра Бабаева 17 декабря 1773 г. // Гос. архив, д. № 462; Показание священника Кириллы Васильева 9 декабря 1773 г. // Там же, VI, д. № 433.

673

Авзяно-Петровский железный завод назван по реке Авзяне и построен в 1753 г. Он находился от Оренбурга в 330, от города Уфы в 250 и от Табынска в 100 верстах. Сначала завод принадлежал графу А.П. Шувалову, а потом дворянину Евдокиму Демидову. К заводу было приписано: крестьян из Казанского уезда 3708 душ, из черносошных крестьян – 1002 души да собственных Демидова, переведенных из его вотчин, 274 души; всего на заводе было до 4784 душ.

674

В заголовке указа было написано: «Всем армиям государь, Российскою землею владетель, государь и великая светлость, император Российский, царь Петр Федорович, ото всех государей и государыни отменный», и проч., и проч.

675

Это тот самый Копеечкин, который во время возмущения казаков и убийства генерала Траубенберга был на стороне старшин, а потом посылаем был из Яицкого городка для поимки Пугачева пред его появлением.

676

Преображенский (Зелаирский) медеплавильный завод находился на почтовой Челябинской дороге. Завод этот построен в 1750 г. коллежским асессором Твердышевым и Мясниковым на речке Урман-Тжелаир. От этой реки он получил искаженное название *Зелаирского*, а по церкви, построенной во имя Преображения Господня, назван *Преображенским.* В заводе было 214 домов с населением в 587 душ мужского пола. Завод не имел укреплений, но укреплен был самою природой: отовсюду окружали его высокие каменные утесы (Путешествия академиков Лепехина и Фалька).

677

Рапорт коменданта Зелаирской крепости полковнику Ступишину 21 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1.

678

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

679

Отправленные в Уфимский уезд, Верхне-Яицкую дистанцию и Илецкую защиту, лошади эти впоследствии были захвачены мятежниками.

680

Гос. архив, VI, д. № 416.

681

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512.

682

Приметы, ходившие в народе о покойном Петре III.

683

Показание Падурова 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

684

В письме Могутову от 4 ноября 1773 г.

685

В письме Бородину от 4 ноября 1773 г.

686

Архив Главного штаба, кн. II, л. 172.

687

Постановление это подписали 26 представителей от приписанных к заводу деревень // Гос. архив, VI, д. № 416.

688

Показание Хлопуши 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467 (13).

689

Всеподданнейшее донесение Кара 18 октября 1773 г. *Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Записки Академии наук, т. I, приложение.

690

Рапорт Кара Военной коллегии 21 октября из Москвы. Письмо князя Волконского графу Чернышеву от 24 октября // Архив Главного штаба, кн. I; Рапорт новгородского губернатора Сиверса Сенату 23 октября // Гос. архив, VI, д. № 504.

691

Рапорт князя Волконского Военной коллегии 28 октября 1773 г., № 19.

692

Так, 22-я легкая полевая команда, под начальством подполковника Гринева, выступила 4 ноября из Могилева; 23-я команда, под начальством подполковника Аршеневского, – 4 ноября из Полоцка; 24-я команда, под начальством Муфеля, – 3 ноября из Бобра; 25-я легкая полевая команда, под начальством премьер-майора Повало-Швейковского, – 4 ноября из Витебска, и, наконец, 6 ноября собрались в Луганской станице для следования в Царицын два эскадрона бахмутских гусар под начальством капитана Собова.

693

Постановления Ставропольской канцелярии от 2 и 19 октября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

694

Начинаясь у Самары, линия эта проходила чрез слободу Мочинскую, крепости Борскую, Бузулукскую, Тоцкую, Сорочинскую, Переволоцкую, Татищеву и далее к Оренбургу.

695

Дорога эта проходила чрез Кичуевский фельдшанец, Бугульму, деревню Сарманаеву и Сакмарский городок в Оренбург.

696

Сто оставшихся от гарнизонного батальона и триста армейских, пришедших из Петербурга для приема рекрут.

697

Отряд этот был под начальством поручика Красильникова и состоял из 86 человек (30 пехотных солдат, 24 конных поселян и 32 вооруженных казанских татар). Рапорт Брандта Сенату, 21 октября 1773 г.; Всеподданнейший рапорт Брандта от 27 октября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504; Военноученый архив, д. № 104 (а).

698

Рапорт Брандта Военной коллегии 6 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. № 1, л. 206.

699

Сенату от 21 октября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

700

Из них 84 человека гарнизонных, 652 вооруженных поселян и 58 вооруженных татар, экономических дворцовых крестьян и дворянских людей.

701

В том числе 606 человек армейских, 901 гарнизонных и 318 вооруженных поселян, татар, крестьян и дворянских людей.

702

В том числе 646 человек гарнизонных и 203 казака // Рапорт Кара Военной коллегии 31 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I.

703

Рапорт Кречетникова Сенату 16 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

704

Рапорт Кара Военной коллегии 31 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I.

705

От 31 октября // *Грот Я.К.* Записки Академии наук, т. I, приложение 22.

706

Рапорт Симонова генералу Брандту 10 ноября 1773 г.; Рапорт его же Сенату 21 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

707

В письмах графу З.Г. Чернышеву и князю А.А. Вяземскому от 31 октября 1773 г. Письма эти дословно одного и того же содержания.

708

В рапорте Военной коллегии от 2 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I.

709

Всеподданнейший рапорт Кара от 31 октября 1773 г. // *Грот Я.К.* Записки Академии наук, т. I, приложение 22.

710

В 1862 г. были напечатаны Я.К. Гротом «Материалы для истории Пугачевского бунта» (Записки Академии наук, т. I), из которых видно, какими силами располагал Кар. Тем не менее в 1866 г. Д. Мордовцев писал (Вестник Европы, 1866, т. I, с. 330), что у Кара была уже не одна негодница, не одни срамцы и скареды, но правильно организованное войско. Д. Мордовцев привел также предание о встрече Кара с Пугачевым, тогда как Пугачев никогда с Каром не встречался и был в то время под Оренбургом.

711

В письме от 6 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, с. 212; Военный сборник, 1869, № 5, с. 179.

712

В рапорте Военной коллегии от 6 ноября 1773 г. // *Грот Я.К.* Записки Академии наук, т. I, приложение 24.

713

Рапорт Кара Военной коллегии 11 ноября 1773 г. // *Грот Я.К.* Записки Академии наук, т. I, приложение 27; Письмо генерал-майора Фреймана Кречетникову 22 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

714

В том числе больных и ознобленных было 23 человека. Рунич в своих «Записках» (Русская старина, 1870, т. II, с. 213) ошибается, говоря, что на помощь Кару пришел весь 2-й гренадерский полк. Затем весь рассказ автора «Записок» о действиях Кара не имеет никакой достоверности. То же самое можно сказать и о «Записках» майора Пекарского, помещенных в «Москвитянине» (1841 г., ч. III, с. 448).

715

Гос. архив, VI, д. № 427.

716

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512.

717

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512. Показание Швановича 17 мая 1774 г. // Там же, д. № 506.

718

См. рапорт генерала Брандта Военной коллегии 16 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 297.

719

Впоследствии получено было сведение, что курьер этот был захвачен мятежниками. См. рапорт Кара Военной коллегии от 15 ноября 1773 г. // Там же, л. 311.

720

Федор Сукин в письме петербургскому губернатору от 25 ноября 1773 г. // Рукописная книга из собрания графа А. Уварова, № 559.

721

В допросах Пугачева (Чтения, 1858, кн. II, с. 26) ошибочно напечатано «у Маниной горы».

722

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

723

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

724

Показание подпрапорщика Ставропольского батальона Григория Аверкиева 5 февраля 1774 г. Показание оренбургского войска хорунжего Родиона Чеботарева, показание симбирского батальона солдата Савина Степанова 14 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 432, 436, 504; Архив Главного штаба, кн. I, с. 472. В «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина многие эпизоды написаны по рассказам и преданиям, а потому неверно. Падуров не являлся к Чернышеву и не вел отряда. Капитан Калмыков был действительно повешен (см. соч. Пушкина, т. VI, с. 118, примеч. 45) и никто не делал, как говорит автор «Истории Пугачевского бунта», из калмыцкого старшины капитана Калмыкова.

725

В письме от 1 декабря 1773 года. «Восемнадцатый век» П. Бартенева, кн. I, с. 102. Письмо это напечатано в «Москвитянине» (1845, № 9), но с пропусками и неверно помечено 2 декабря. О роде Чернышевых см.: Исторические замечания // Русский архив, 1865, с. 334.

726

Показания Пугачева 16 сентября 1774 г. Чтения, 1858, кн. II, с. 27.

727

Рапорт капитана Ружевского Рейнсдорпу от 16 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

728

Письмо Рейнсдорпа генерал-майору Кару 13 ноября 1773 г. // Там же.

729

В том числе 1418 солдат и 1077 казаков.

730

Письмо Рейнсдорпа генералу Кару от 13 ноября 1773 г.

731

Письмо Федора Сукина петербургскому губернатору 25 ноября 1773 г. // Рукописная книга из собрания графа А. Уварова, № 559.

732

Показания хорунжего Р. Чеботарева // Гос. архив, VI, д. № 432.

733

Архив Главного штаба, кн. II, л. 175.

734

В Оренбургской крепости находилось годных для действия в поле: регулярного войска 2819 человек и иррегулярного 450 человек. Сверх того, инвалидов, больных, бесконных казаков и татар состояло 1422 человека. Назначая этих последних собственно для защиты крепости, оренбургский губернатор находил необходимым прибавить к ним, по числу семи дистанций обороны, 910 человек и для внутренних караулов в крепости оставить 461 человека. За выделом этих 1371 человека у него оставалось для действий в поле 1448 человек регулярных и 450 иррегулярных, всего 1898 человек. С этим отрядом генерал-поручик Рейнсдорп не признавал возможным перейти в наступление и разогнать толпу Пугачева, более потому, что, не имея обоза, был прикован к крепости.

735

Письмо Рейнсдорпа генералу Кару от 17 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

736

Рапорт Симонова Сенату 23 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, с. 470.

737

Показание Хлопуши 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467 (13).

738

Там же, д. № 505 (2).

739

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показание Хлопуши 10 мая 1774 г.; Показание Зарубина (Чики) // Гос. архив, VI, д. № 422, 467 и 512. Впоследствии Антипов оказал большие услуги самозванцу. 25 декабря 1773 г. он доставил в Берду секретную гаубицу и приступил к отливке нескольких новых. 27 января 1774 г. Антипов прислал мортиру и единорог. В марте 1774 г. ему приказано было, «для необходимой общественной надобности», отлить 1500 ядер обыкновенных и 500 «с ушками чиненых» (Гос. архив, VI, д. Ко 508).

740

Казаки Овчинников, Лысов, Шигаев, Витошнов, татарин Идорка и другие.

741

Показание сотника Белоносова // Архив Главного штаба, кн. II, л. 380.

742

Рапорт Демарина графу П.И. Панину 8 декабря 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 27, кн. 502, л. 58 (см. также: Оренбургские ведомости, 1869, № 26–28).

743

Показание сотника Ивана Белоносова // Архив Главного штаба, кн. II, л. 380.

744

Рапорт Демарина графу П.И. Панину 8 декабря 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 27, кн. 502, л. 58. Рапорт его же генералу Деколонгу 23 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 133; Летопись Рычкова в приложении к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 312.

745

Показание Пугачева и Хлопуши // Гос. архив, VI, д. № 467 и 512.

746

При выступлении из Тобольска в каждой из гарнизонных рот было по 122 человека строевых и по 5 нестроевых, а в губернской – 127 строевых и 5 нестроевых. Рапорт сибирского губернатора Чичерина Военной коллегии 27 октября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 459.

747

Показание капрала Ивана Кайгородова // Архив Главного штаба, кн. II, л. 377.

748

Показание гренадера Ивана Ахлестина (у г. Анучина неверно «Ахлестышева») 2 декабря 1773 г. // Там же, л. 387.

749

Показание фурьера Степана Панова // Архив Главного штаба, кн. II, л. 375.

750

«С побитых людей, – показывал сотник Яков Сутормин, – как со своих, так и с наших, он, злодей Пугачев, одежду всю приказывает снимать и на оных ничего не оставлять, и все мертвые тела валяются в крепости и за оной безо всякого прибору...» // Архив Главного штаба, кн. II, л. 383.

751

Там же, л. 383.

752

Там же, л. 384.

753

Рапорт Станиславского Рейнсдорпу от 4 декабря // Летопись Рычкова, в приложении к «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 318.

754

Третья легкая полевая команда находилась еще в походе. См. рапорт Деколонга от 14 декабря // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 101.

755

Письмо Деколонга Чичерину 12 декабря 1773 г. Московский архив Главного штаба, оп. 47, дело о Пугачеве, кн. III // Рапорт Деколонга Военной коллегии 14 декабря 1773 года // Архив Главного штаба, кн. II, л. 358.

756

В письме, от 14 декабря 1773 г., кн. II, л. 359.

757

Журнал о происшествиях в городе Уфе // Архив Главного штаба, оп. 47, дело о Пугачеве, кн. IV.

758

Архив Главного штаба, кн. II, л. 347.

759

Тот самый Пекарский, записка которого напечатана в «Москвитянине» (1841, ч. III).

760

Журнал о происшествиях в городе Уфе.

761

Гос. архив, VI, д. № 410.

762

Показание Зарубина (Чики) // Гос. архив, VI, д. № 422.

763

В подчинении бузулукского коменданта находились крепости: Сорочинская, Тоцкая, Елшанская, Борская и Красно-Самарская, в коих регулярных войск вовсе не было, а были одни казаки под начальством атаманов.

764

Рапорт подполковника Вульфа Брандту 6 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 433.

765

Зверев заведовал всем письмоводством, а Куклин – провиантом, денежною казной, питейным и соляным сбором.

766

Показание Зверева 31 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 437; Показание подполковника Вульфа 29 января 1775 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 94, св. 17, д. № 23. По определению Военной коллегии 31 марта 1775 г., подполковник Вульф «за презрительную робость», как происходящий из курляндских мещан, был исключен из службы и вместе с женой выслан за границу.

767

Показание сержанта Ивана Зверева 31 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 437.

768

Рычков П.И. Осада Оренбурга. См. Сочинения Пушкина, т. VI, изд. 1881 г., приложение, с. 297.

769

От 25 ноября 1773 г. *Пекарский.* Жизнь Рычкова, с. 136.

770

Рычков П.И. Осада Оренбурга. Соч. Пушкина, т. VI, приложение, с. 308.

771

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 25 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 169.

772

См. т. I, гл. 8.

773

Показание Афанасия Перфильева 12 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 425.

774

Паспорты эти были следующего содержания: «Объявитель сего черкес (Афанасий Перфильев или Петр Герасимов) отправлен из С.-Петербурга в Казань, к генералу-ашнефу и казанскому губернатору фон Брандту, того ради по тракту сему, на заставах и в городах имеющимся начальникам везде пропущать без задержания, а что по прошествии положенного времени явиться ему у меня (князя Вяземского), в том обязан подпискою. В верность сего дан ему сей паспорт за подписанием руки моей и с приложением обыкновенной печати».

775

Билеты были такого содержания: «По высочайшему ее императорского величества соизволению, Правительствующего сената из Тайной экспедиции дан сей билет войска яицкого сотнику Ивану Герасимову (в другом казаку Савелью Плотникову) для того, чтоб жить ему до указу здесь в С.-Петербурге, у кого и где пожелает. Буде же по какому-либо делу, в какое судебное место потребен будет, но однако ж его, когда он сей билет покажет, никуда не брать, а что он потребен в какое присутственное место, о том тотчас объявить генерал-прокурору, откуда и резолюция дана быть имеет. До будущего же о нем определения являться ему в Тайной экспедиции каждую неделю один раз, а потому, где он жительство будет иметь, объявить и без указу из Петербурга никуда не отлучаться и без объявления квартиры своей не переменять».

776

То есть в Военную коллегию, которой подчинены были казаки во всех отношениях.

777

Гос. архив, VI, д. № 414 и 415.

778

В письме князю Вяземскому от 30 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 414 и 415.

779

Письмо генерал-поручика Брандта князю А.А. Вяземскому от 29 декабря 1773 г. // Там же, д. № 414.

780

Впоследствии пропал без вести в сражении под Черным Яром.

781

В состав этого полка входили оренбургские, самарские, красногорские, дубовские и бердинские казаки, всего до 800 человек (Показание Падурова 10 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506).

782

Показание Наума Калмыкова. Там же, д. № 437.

783

Показание Максима Шигаева 8 мая 1774 г. // Там же, д. № 506. А.С. Пушкин ошибается, говоря, что полки имели одинаковый состав в 500 человек каждый и что жалованье получали одни яицкие казаки. Жалованье выдавалось всем, но не аккуратно, а когда были деньги.

784

Сам Пугачев показывал, чтоб это время у него было до 12 тысяч человек. В допросах Пугачева (Чтения, 1858 г., кн. 2, с. 25) все цифры неверны и самый текст напечатан с искаженной рукописи.

785

Показание ссыльного Семена Демидова // Гос. архив, VI, д. № 467 (13).

786

Показание подпрапорщика Ставропольского батальона Григория Аверкиева 5 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 436.

787

Показание Астафия Долгополова // Там же, д. № 435.

788

Всеподданнейший рапорт Оренбургской секретной комиссии 21 мая 1774 г. // Там же, д. № 508 (2).

789

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

790

Всеподданнейший рапорт Оренбургской секретной комиссии 21 мая 1774 г. // Там же, д. № 508 (2).

791

Ни Белобородов, ни Падуров, как говорит Пушкин, не находились в составе Военной коллегии.

792

Показание Горшкова 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

793

В показании от 27 октября 1774 г. // Там же, д. № 505.

794

Показание ясашного крестьянина Богорусланской слободы Гаврилы Давыдова 17 апреля 1774 г. // Там же, д. № 431.

795

Показание Творогова 27 октября 1774 г. // Там же, д. № 505.

796

Показание Горшкова 8 мая 1774 г. // Там же, д. № 506.

797

Показание Максима Шигаева 8 мая 1774 г. // Там же. Этот Давилин впоследствии пропал без вести в сражении под Черным Яром.

798

Там же, д. № 512.

799

Показание прапорщика 2-го гренадерского полка Михаила Шваповича 17 мая 1774 г. // Там же, д. № 506. Ср.: Русская старина, 1870 г., т. II, с. 418. Память изменила рассказчику, и он передал факт неверно.

800

Показание солдата ставропольского батальона Наума Калмыкова // Гос. архив, VI, д. № 437.

801

29 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

802

Показание Горшкова 8 мая 1774 г. // Там же.

803

Реестр, коликое число послано *кусу* к его императорскому величеству, а именно: сахару три головы, винограду бочонков два, рыбы свежей: осетр один, севрюга одна, белорыбица одна, севрюг провесных две, ягод изюмных небольшое число, завернутое в бумажке, Сорочинского пшена небольшое число, водки сладкой, сургуча в завернутой бумажке два пучка, бумаги писчей одна стопа, сотов три гнезда, гусей четыре гнезда, уток четыре гнезда, масла коровьего одна кадка, рюмок хрустальных одна пара, стопа хрустальная одна с покрышкой, маку фунтов с десять // Гос. архив, VI, д. № 512.

804

Показание Козьмы Фофанова 7 декабря 1774 г. // Там же.

805

Показание Зарубина (Чики), Почиталина и других.

806

Показание Хлопуши 10 мая 1774 года; Показание Зарубина (Чики); Показание Максима Горшкова 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 422, 407 (13) и 506.

807

Показание подпрапорщика Аверкиева 5 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 436.

808

Показание Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. // Там же, № 506.

809

Гос. архив, VI, д. № 512 (1).

810

Показание Перфильева от 12 сентября 1774 г.; Показание Пугачева от 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 425 и 512.

811

Летопись Рычкова. См. Сочинения Пушкина, т. VI, изд. 1881 г., приложение, с. 317.

812

В отношении Деколонгу от 10 декабря 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, ч. VI.

813

Генерал-поручику Брандту от 22 декабря 1773 г. // Там же.

814

В письме от 11 ноября 1773 г. // Записки Академии наук, т. I, приложение, с. 31.

815

В письме от 11 ноября 1773 г. // Записки Академии наук, т. I, приложение, с. 31.

816

Рапорт генерал-майора Кара Военной коллегии от 15 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 312.

817

В письме от 11 ноября 1773 г. // Записки Академии наук, т. I, приложение, с. 31.

818

В письме Кару от 25 ноября 1773 г. // *Грот Я.К.* Записки Академии наук, т. I, приложение, с. 32.

819

Рапорт Кара Военной коллегии от 18 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, с. 309.

820

Архимандрит Спасо-Казанский, в письме от 14 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 527.

821

Увещание начинается словами: «Долг пастырского нашего звания» и проч. Оно напечатано сначала в «Казанских губернских ведомостях» (1844, № 37), потом в Чтениях Московского общества истории и древностей (1860, кн. II, с. 83) и, наконец, в «Вятских епархиальных ведомостях» (1863, № 22). В «Казанских ведомостях» и Чтениях неверно обозначено октябрь 1773 г., а в «Вятских ведомостях» ни месяц, ни год не обозначены.

822

В звании архиепископа С.-Петербургского. Подробности об этом см. в статье «Преосвященный Вениамин, митрополит Казанский и Свияжский», свящ. Архангельского (Странник, 1866, № 1).

823

Бантыш-Каменскому в письме от 14 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 527.

824

Рапорт Брандта Военной коллегии от 16 ноября // Архив Главного штаба, кн. I, л. 297.

825

В рапорте Военной коллегии от 21 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 299.

826

Письмо Кречетникова князю Вяземскому от 10 декабря 1773 г. // Архив Кабинета е. и. в. Особое дело о Пугачеве.

827

В это время в отряде Фреймана находилось: штаб– и обер-офицеров – 34; унтер-офицеров – 36, капралов – 58, цирюльников —9, музыкантов – 29, рядовых – 1418 и мастеровых 13, всего 1597 человек. Казаков поселенных и экономических крестьян – 130, башкирцев и мещеряков – 1236 человек. При отряде находилось 8 орудий и 22 зарядных ящика.

828

Письмо Кара графу З.Г. Чернышеву 21 ноября 1773 г. // Записки Академии наук, т. I, приложение 34.

829

Рапорт Кара Военной коллегии 21 ноября // Архив Главного штаба, кн. I, с. 310.

830

Письмо графа Чернышева князю Волконскому 25 ноября 1773 г. // Там же, с. 228.

831

От 30 ноября // Записки Академии наук, т. I, приложение 36. Подпись под этим письмом следует читать не «Бибиков», а «Волконский».

832

От 19 ноября 1770 г. // Архив Сената. Высочайшие повеления, кн. № 130.

833

В письме от 30 августа 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 587.

834

От 25 сентября 1773 г. // Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. I, с. 96.

835

В письме от 9 сентября // Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. I.

836

В письме от 2 декабря 1773 года // Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. I, с. 103.

837

В письме князю Волконскому от 7 декабря // Там же. Письмо это напечатано с пропусками в «Москвитянине» (1845, № 9), и притом неверно означено от 3 декабря.

838

От 1 декабря 1773 года // Там же, с. 102.

839

В указе от 30 декабря 1773 г. // Московский архив Главного штаба. Секретная оп. 47, кн. 53, л. 252.

840

Графу Чернышеву в собственноручной приписке к письму от 20 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 227.

841

Письмо князя Волконского графу Чернышеву 21 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 229.

842

В письме от 23 ноября 1773 г. // Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. I, с. 100.

843

В понедельник, 25 ноября 1773 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 367.

844

Графу Суффольку, от 29 ноября 1773 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 319. В этом письме вместо фамилии Бауэра следует читать: Кар.

845

В письме от 1 декабря 1773 г. // Восемнадцатый век, кн. I, с. 102.

846

Указ Военной коллегии генерал-фельдмаршалу графу Разумовскому 27 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 231.

847

Указ Военной коллегии князю Г.Г. Орлову 27 ноября 1773 г. // Там же, л. 233.

848

Тоже генералу Романиусу 27 ноября // Там же, л. 238.

849

Напечатан в Чтениях Московского общества истории и древностей (1860 г., кн. II, с. 72). У Пушкина (т. VI, с. 186, изд. 1881 г.) и в Приложении к Запискам о жизни и службе Бибикова. В последних двух изданиях манифест ошибочно отнесен к 23 декабря. Он подписан и напечатан 29 ноября 1773 г.

850

При этом генерал-прокурор князь А.А. Вяземский писал главнокомандующему в Москве князю М.Н. Волконскому: «Ее императорское величество Высочайше указать соизволила, чтобы ваше сиятельство приказали, с приложенного при сем печатного манифеста, церковными литерами напечатать в московской синодальной типографии 1205 экземпляров, наблюдая, чтоб оное было секретно, и по напечатании прислать сюда пять экземпляров, а остальные, никуда не употребляя, хранить за печатью до особого об оных повеления» (Письмо князя Вяземского Волконскому от 5 декабря 1773 г. // Архив кабинета его величества).

851

В собственноручном письме от 20 ноября 1773 г., из Саратова.

852

Гос. архив, VI, д. № 485.

853

Собственноручная записка императрицы от 10 декабря // Архив Канцелярии военного министерства, высочайшие повеления, кн. № 51.

854

См.: Славянин, 1828, т. V.

855

Архив Гос. совета, т. I, с. 252.

856

Указ, данный Военной коллегии 17 июля 1773 г. // Архив Канцелярии военного министерства, высочайшие повеления, кн. № $^{33}/_{49}$; Указы коллегии графу Румянцеву, Бибикову и Романиусу от 18 июля, за № 246, 247 и 253. Московский Архив Главного штаба, оп. 47, кн. 53, л. 118. Протоколу Гос. совета 15 июля дана настолько неточная редакция, что из него можно заключить, будто в Польше только и оставалось войск, что один легион и две легкие полевые команды. Такою редакцией протокола введен в заблуждение и Д. Анучин, автор монографии «Действия Бибикова в пугачевщину» (см. Русский вестник, 1872, т. XCIX., с. 461).

857

См. Записки о жизни и службе А.И. Бибикова, изд. 1865, с. 79 приложение.

858

Указ Военной коллегии Бибикову 20 августа 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. 53, л. 147. Эпизод этот у Рунича рассказан неверно (см. Русская старина, 1870, т. II, с. 131).

859

Подробности о назначении А.И. Бибикова, рассказанные Г.Р. Державиным (см. его Сочинения, т. VI, с. 462) и другими авторами (см. *Анучин Д.* Русский вестник, 1872, № 6, с. 462; Записки о жизни и службе А.И. Бибикова, с. 108 и пр.) надо отнести к числу вымыслов.

В среду 13 ноября 1773 г. императрица уехала в Царское Село на охоту, для стреляния тетеревов, и оставалась там до 25 ноября. 17 ноября, в воскресенье, и 24 ноября, в день тезоименитства Екатерины II, А.И. Бибиков был приглашен к высочайшему столу. В этот день, надо полагать, и было ему объявлено новое назначение, потому что на следующий день императрица, в приведенном нами выше письме, сообщала об этом С.М. Козьмину. 30 ноября был действительно бал при дворе, по случаю кавалерского праздника Св. Андрея Первозванного, но из камер-фурьерского журнала видно, что А.И. Бибиков на этом бале не был.

860

Бибикову в рескрипте от 29 ноября 1773 г. // Сборник Императорского исторического общества, т. XIII, с. 367. См. также Приложение к «Запискам академии», т. I, 38.

861

Открытый указ 29 ноября, об оказании Бибикову всеми начальниками и подданными повиновения и содействия // Сборник Императорского исторического общества, т. 13, с. 371.

862

Указы Военной коллегии полковым командирам от 30 ноября 1773 г.

863

Указ Военной коллегии от 7 декабря 1773 г., № 544.

864

Предписания полковым командирам // Архив Главного штаба, кн. I, л. 295.

865

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 135, л. 573. В т. XIII Сборника Императорского русского исторического общества записка императрицы к князю Вяземскому ошибочно отнесена к январю 1774 г.

866

В указе Военной коллегии от 30 ноября 1773 г. // Московский Архив Главного штаба, рекрутская экспедиция, оп. 28, св. 484, № 9575.

867

Постановление Военной коллегии 27 февраля 1774 г. // Там же, св. 484.

868

Высочайший указ казанскому губернатору 30 ноября 1773 г.

869

В указе от 29 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 250.

870

Указ Военной коллегии фельдмаршалу графу Разумовскому 4 декабря 1773 г. // Там же, л. 422.

871

Протокол Гос. совета 28 ноября 1773 г. // Архив Гос. совета, кн. I, с. 444.

872

Вторым гренадерским (1552 строевых) и Владимирским пехотным (955 строевых) полками, Изюмским гусарским (703 строевых) и Архангелогородским карабинерным (859 строевых). В статье Д. Анучина «Действия Бибикова в Пугачевщину» приведены иные цифры численности полков. Разница происходит от того, что он приводит весь списочный состав полков, а здесь приведены только те чины, которые могли выйти в строй.

873

К половине ноября состояло: в 22-й легкой полевой команде 368 человек строевых и 60 драгун; в 23-й – 371 человек строевых и 60 драгун; в 24-й – 366 строевых и 62 драгуна; в 25-й команде – 371 человек строевых и 60 драгун // Архив Главного штаба, кн. I, л. 314, 391, 436 и 513.

874

К 26 ноября в отряде Фреймана было: пехоты 1288 человек строевых, 234 казака и 631 башкирец, а за побегом башкирцев к 10 декабря состояло: пехоты 1293 строевых, 270 казаков и 191 башкирец – всего 1754 человека // Там же, л. 104 и 325.

875

В отряде Деколонга состояли: две легкие полевые команды, одна губернская и три гарнизонные роты тобольских батальонов и 150 казаков. Указы Военной коллегии генералам Фрейману и Деколонгу 30 ноября 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. 53.

876

В письме от 29 ноября 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. I, л. 295.

877

В своем показании.

878

От 9 декабря 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

879

Во всеподданнейшем рапорте от 27 мая 1774 г.

880

В письме Н.Н. Бантыш-Каменскому от 28 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 527.

881

Письмо П. Любарского Н.И. Бантыш-Каменскому от 5 декабря 1773 г. // Там же.

882

От 30 ноября 1773 г. // Рукописная книга из собрания графа Уварова, № 559.

883

Рапорт полковника Симонова Сенату 3 декабря 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504; Рапорт князю Вяземскому от главного смотрителя Ахтубенских шелковых заводов Рычкова от 23 декабря 1773 г. // Архив кабинета его императорского величества.

884

Рапорты Симонова Сенату 20 и 24 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

885

Письмо Симонова Нуралы-хану 24 ноября 1773 года // Там же.

886

Рапорт Циплетева Военной коллегии 14 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

887

В собственноручном письме князю А.А. Вяземскому от 18 января 1774 г.

888

Показание Ивана Почиталина 8 мая 1774 г.; Показание Максима Горшкова 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506. Манифест этот был признан сообщниками самозванца написанным столь удачно, что впоследствии, когда нужно было издать манифест, то его переписывали, проставляли месяц, число и рассылали. Так под этим манифестом были подписаны числа: 2, 7, 13, 17 и 18 декабря 1773 г., 14 апреля и 23 июня 1774 г.

889

Это единственный манифест, под которым нам пришлось видеть иноязычную подпись (см. Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III). Манифест этот напечатан в «Русской старине» (1875, т. XIII, с. 273), но с изменениями.

890

Рапорты Фегезака Военной коллегии от 15 декабря 1773 г. и 13 января 1774 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 254; Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

891

Показание сержанта Ивана Зверева 31 октября 1774 г.; Показание священника Андрея Иванова 13 января 1774 г.; Рапорт Арапова пугачевской коллегии от 27 декабря // Гос. архив, VI, д. № 437, 438 и 512. В статье «Действия Бибикова в Пугачевщину» о капитане Балахонцеве встречается противоречивое изложение (ср. Русский вестник, 1872, № 6, с. 494; № 7, с. 20).

892

В указе от 21 декабря 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 420.

893

Ныне пригород Мензелинского уезда, Уфимской губернии.

894

Показания подпрапорщика Буткевича, капитана Мертвецова и священника Прокофия Андреева // Гос. архив, VI, д. № 434. Московский Архив Главного штаба, оп. 94, св. 17, д. № 15. За эти преступления, по приговору Военной коллегии, майор Лопатин и капитан Мертвецов, по лишении чинов и прав состояния, были сосланы в каторжную работу в Азов, а капитан Савинич умер ранее приговора.

895

В рапорте Военной коллегии от 7 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 16.

896

Объявление Исетской провинциальной канцелярии 3 декабря 1773 г.

897

Пермские Губернские ведомости, 1864, № 22.

898

Построенный на реке Юге, в 57 верстах от города Кунгура.

899

Аннинский или Бабкинский завод построен на реке Бабке, впадающей в Сылву.

900

Гос. архив, VI, д. № 416.

901

Подписка, данная Ситниковым Батыркаю Иткину 30 декабря 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 416.

902

Показание Зарубина (Чики); Показание священника Андрея Иванова 22 июня 1775 г.; Показание Ильи Ульянова в августе 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 416, 465 и 506.

903

Прошение Саткинского завода от 6 декабря 1773 г., подписанное священниками и крестьянами // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

904

В указе Чернышеву (Зарубину) от 20 декабря 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 420 и 512.

905

Повеление Зарубина села Ильинского казаку Андрею Носкову 10 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 422.

906

Там же.

907

Повеление графа Ивана Никифоровича Чернышева, села Ильинского казаку Андрею Носкову 10 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 422.

908

Показание священника Данилы Иванова 19 февраля 1774 г. // Там же, д. № 426.

909

Показание поручика Пироговского; Показание священника Данилы Иванова // Там же, д. № 426 и 440.

910

Наставление Зарубина Сарапульского заказа села Березовки священнику Даниле Иванову от 3 января 1774 г. // Гос. архив. VI, д. № 426.

911

В Государственном архиве сохранилась расписка Зарубина в получении этих денег от надзирателя Ижевского завода Губанова и его помощника Киселева.

912

Рапорт главного командира Гороблогодатских и Камских заводов Венцеля от 16 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

913

Показание казака Дупленкова, представленное Пермскою канцелярией Бибикову 19 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

914

Исетскую провинцию составляли Зауральская Башкирия и дистрикты (уезды): Исетский (Челябинский тож), Шадринский, Окуневский и Курта-мышский.

915

В Пермском сборнике (1860, кн. II, с. 13) Батыркай наименован Ишкиневым, а в допросах он именуется Ишкиным.

916

Иван Наумов Белобородов происходил из крестьян села Медянки, приписанного к медеплавильному заводу Осокина, находившемуся в Кунгурском уезде. В 1759 г. Белобородов был сдан в солдаты, служил сначала в Выборгском артиллерийском гарнизоне, а потом на Охтенском пороховом заводе близ Петербурга. Не желая служить, «начал притворно хромать правою ногой», отправился в лазарет и лежал в нем полгода. Уволенный в 1766 г. в отставку по болезни на собственное пропитание, Белобородов женился и поселился в селе Богородском Кунгурского уезда, где торговал медом и другими товарами.

917

Рапорт кунгурского магистрата Бибикову 14 марта 1774 г., № 208 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

918

Пермский сборник, 1860 г., кн. II, отд. I, с. 10.

919

Рапорт кунгурского магистрата казанскому губернатору // Там же, с. 13.

920

В заголовке его было написано: «Великим Богом моим на сем свете я, великий государь император Петр Феодорович, из потерянных объявился, своими ногами всю землю исходил. Божиею милостию, мы, великий государь Петр Феодорович, самодержец верноподданным рабам всякого звания и чину. Я подлинный император Петр Феодорович государь, своим языком именной указ на всю Россию публикую, кто моего указу не слушает и проч., и проч., и проч.».

921

Рапорт капитана Бутримовича Пермской провинциальной канцелярии 4 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII. В Пермском сборнике (1860, кн. II) сказано, что Батыркай отправил в Кунгур священников Федора Иванова и Ивана Лукина, но откуда взято это сведение – неизвестно.

922

Рапорт Пермской провинциальной канцелярии Брандту от 6 января 1774 г. // Там же, кн. VI.

923

Письмо Попова воеводе Миллеру от 29 декабря 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

924

В сообщении от 30 декабря 1773 г. «Сборник материалов, относящихся к Пугачевскому бунту в пределах Пермской губернии» Василия Шишонко // Рукой. Императорского русского исторического общества.

925

Письмо Попова Миллеру от 31 декабря 1773 г. // Рукопись В. Шишонко.

926

От 6 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

927

Рапорт секунд-майора Попова Военной коллегии от 10 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III; Рапорт Пермской провинциальной канцелярии Брандту от 10 января // Там же, кн. VI.

928

Рапорт майора Попова Военной коллегии, от 12 января 1774 г. // Там же, кн. III. Журнал прокурора Филиппа Попова: «Каким образом сего 1774 года злодейская башкирская и прочих народов толпа делала на город Кунгур нападение» (Архив кабинета е. и. в.).

929

Рапорт секунд-майора Попова казанскому обер-коменданту Лецкому 18 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

930

Некоторые сведения о деятельности Салавата Юлаева, впрочем не вполне достоверные, можно найти в «Оренбургских ведомостях» (1874, № 4).

931

Увещание от 19 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

932

Рапорт Пермской провинциальной канцелярии А.И. Бибикову от 19 января 1774 г. // Там же.

933

Увещание Кузнецова от 20 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

934

Журнал Пермской провинциальной канцелярии, представленный А.И. Бибикову 26 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

935

Пермский сборник, 1859, кн. I, с. 48.

936

От 28 декабря 1773 г., из Челябинска.

937

Такой же участи подверглись регистратор Колесников и жившая у Веревкина сестра бывшего челябинского прокурора, Анна Алексеевна Благово. Вдова прокурора Гуляева была избита, но оставлена в доме Веревкина.

938

Рапорт Веревкина Чичерину 5 января; Рапорт Чичерина Военной коллегии 9 января; Показание посадского Петра Чебыкина 6 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III и VI.

939

Чтения в Обществе истории, 1859, кн. I, смесь, с. 22.

940

Сибирскому губернатору Чичерину от 7 января // Там же, ч. VI.

941

Ср.: Пермский сборник, 1859, кн. I, с. 50.

942

Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

943

Гос. архив, VI, д. № 485; Русская старина, 1875, т. XIII, с. 276.

944

Экстракт происшествий в Челябинске, представленный Веревкиным Бибикову и Сенату // Гос. архив, VI, д. № 485 и 504. Невзоров был тотчас же подвергнут допросу с пристрастием и чрез 15 часов от плетей и полученных ран умер. В статье «Действия Бибикова в Пугачевщину» (Русский вестник, 1872, № 7, с. 43) рассказ о Невзорове неточен.

945

Показание крестьян Семена Никушкина и Матвея Чулкова 13 января 1774 г. // Архив Синода, д. № 30.

946

В рапорте от 18 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.